Роджер Желязны

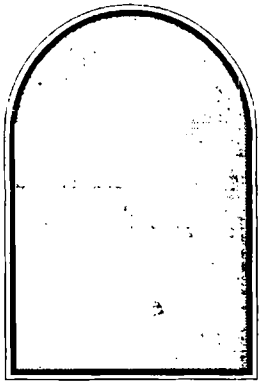
Роберт Шекли

История рыжего демона

OZON.ru

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ
Роберт
ШЕКЛИ

История рыжего демона



Принеси
мне голову
прекрасного принца

•

Коль с Фаустом
тебе не повезло

•

Театр
одного демона

«ЭКСМО-ПРЕСС»
2001

Роджер
ЖЕЛЯЗНЫ
Роберт
ШЕКЛИ

История рыжего демона

«ЭКСМО-ПРЕСС»
2001

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Ж 50

Roger ZELAZNY & Robert SHECKLEY

BRING ME THE HEAD OF PRINCE CHARMING
Copyright © 1991 by The Amber Corporation & Robert Sheckley

IF AT FAUST DON'T SUCCEED
Copyright © 1993 by The Amber Corporation & Robert Sheckley

A FARSE TO BE RECKONED WITH
Copyright © 1995 by The Amber Corporation & Robert Sheckley

Желязны Р., Шекли Р.

Ж 50 История рыжего демона: Фантастические романы/ Пер. с англ. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 800 с.

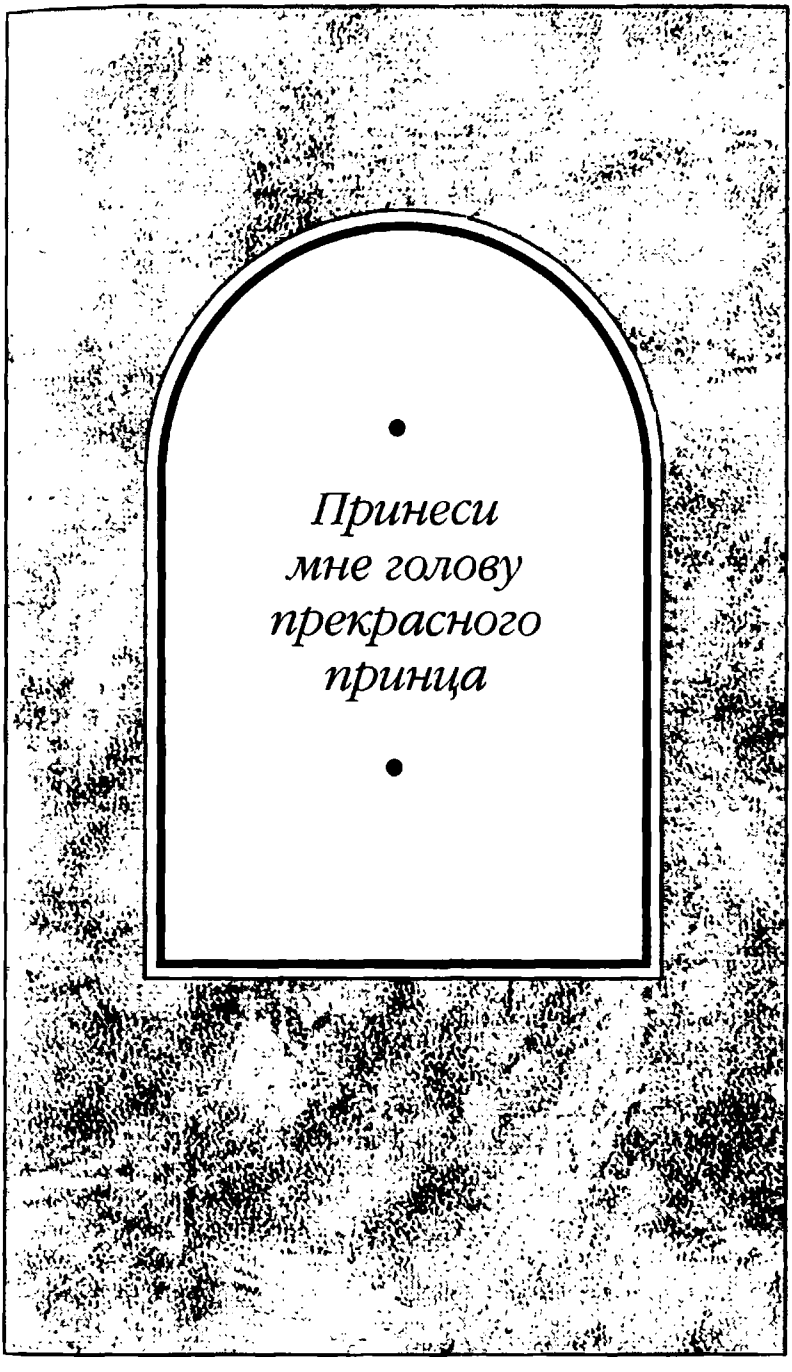
ISBN 5-04-008487-0

Несовершеннолетний демон Аззи одержим неуемной жаждой действия. Чтобы совершить нечто небывалое, он пускает в ход всю свою энергию и изобретательность, вытаскивая из небытия даже таких пропыленных и изъеденных молью персонажей, как Франкенштейн, Доктор Фауст, Прекрасный принц и Спящая Красавица. Но безалаберность и неопытность Аззи в сочетании с нестойкостью к алкогольным напиткам ставят крест на всех его великолепных начинаниях, и только помощь высших сил спасает юного недотепу от серьезных неприятностей.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Издание на русском языке. ЗАО «Издательство «ЭКСМО», 2001
© Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2001
© Перевод. А. К. Андреев, Н. Б. Шварцман, 2001

ISBN 5-04-008487-0


Принеси
мне голову
прекрасного
принца

Утренняя песня

Глава 1

Эти бездельники опять увиливали от работы. А Аззи только-только выбрал наконец уютное местечко, в самый раз — подальше от огнедышащей дыры в центре преисподней и от окружавших ее убеленных инеем железных стен.

Температура стен была ненамного выше абсолютного нуля, ведь их охлаждал личный кондиционер самого дьявола. В центре же преисподней было так горячо, что атомы теряли свои электроны, а происходившие время от времени вспышки могли расплавить даже протон.

Нельзя сказать, чтобы преисподней позарез нужны были такой холод и такая жара. Тот, кто создавал преисподнюю, явно перестраховался, точнее, перестарался. Человек, даже мертвый, будучи брошен в преисподнюю, выдерживал только очень узкий (в космическом масштабе) температурный диапазон. За пределами этой комфортной зоны он быстро терял способность отличать плохое от очень плохого. Да и то сказать, какая необходимость поджаривать беднягу при чудовищной температуре, если он чувствовал себя одинаково и при пятистах, и при миллионе градусов? Такие крайности только добавляли забот и мучений демонам и другим сверхъестественным созданиям, обслуживавшим грешников. У сверхъестественных созданий диапазон ощущений намного шире, чем у человека; большей частью это причиняет им одни неудобства, хотя иногда они испытывают истинное блаженство. Впрочем, в преисподней не принято говорить о блаженстве.

Конечно, адская преисподняя состояла из множества отделов. Оно и понятно, ведь миллионы и миллионы людей уже давно мертвы, каждый день поступают толпы новых грешников, и почти все они хоть сколько-то времени проводят в преисподней. Чтобы суметь разместить и обслужить всех, приходилось принимать меры.

Отдел преисподней, который возглавлял Аззи, назывался

«Северный дискомфорт 405». Это был один из самых старых отделов, запущенный в работу еще во времена Вавилона, когда люди действительно умели грешить. На его стенах сохранились барельефы крылатых львов, поэтому он даже был занесен в Адский реестр исторических памятников. Но Аззи было решительно наплевать на работу в этом известнейшем месте. Он хотел одного — поскорее выбраться отсюда.

Как и все другие отделы преисподней, «Северный дискомфорт 405» представлял собой огромную помойную яму, со всех сторон окруженную железной стеной. В центре ямы была дыра, из которой непрерывно била огненная струя, вылетали раскаленные угли и вытекала кипящая лава. На ослепительный огонь невозможно было смотреть, но только вполне оперившимся демонам вроде Аззи дозволялось носить темные очки.

Мучения грешников сопровождались и усиливались своеобразной музыкой. В массе плотных, белесых, плесневеющих и гниющих отбросов услужливые чертенята расчистили полукруглую площадку. На этой площадке были расставлены оранжевые гробы, на которых и располагался оркестр. Оркестранты подбирались из числа начисто лишенных слуха и скончавшихся во время концерта. В аду их заставляли играть произведения самых бездарных композиторов всех времен. На Земле их имена давно забыли, но в аду они были знаменитостями — их произведения непрерывно исполняли и даже транслировали по всеадской сети.

Чертенята увлеченно работали, покомпактнее укладывая грешников на сковородках и переворачивая их. Как и вурдалаки, чертенята предпочитали основательно протухших мертвецов, которых подавали хорошо подсоленными с гарниром из уксуса, чеснока, анчоусов и червивых сосисок.

Аззи пришлось прервать свой отдых, потому что в том секторе, который располагался прямо перед его глазами, чертенята укладывали грешников штабелями высотой всего лишь в восемь — десять рядов. Аззи поднялся со своей достаточно удобной лежанки и, с трудом продираясь через сгнившую яичную скорлупу, скользкие внутренности и куриные головы, сполз на низший уровень, где ходить уже было гораздо легче — по трупам.

— Когда я объяснял, что мертвецов надо укладывать в высокие штабеля, — сказал он чертенятам, — я имел в виду нечто гораздо более высокое, чем эту кучу.

— Но штабель рассыпается, как только мы пытаемся уложить наверх еще несколько рядов, — возразил главный чертенок.

— Так возьми доски или еще что-нибудь и закрепи штабель! Мне нужны штабеля высотой не меньше двадцати рядов!

— Это будет трудно сделать, сэр.

Аззи удивленно уставился на чертенка. Неужели какой-то ничтожный бес осмеливается возражать ему?

— Делай, что приказано, или сам окажешься в куче мертвецов, — сказал он.

— Слушаюсь, сэр! Доски уже несут, сэр! — Чертенок побежал, на ходу отдавая распоряжения своей бригаде.

День начинался так же, как и любой другой день в любой преисподней ада. Но всего лишь через мгновение ему было суждено неожиданно и резко измениться. Перемены всегда застают нас врасплох. День за днем мы ходим протоптанными тропами, низко опустив голову, не отрывая пристыженного взгляда от земли; мы устали от этих надоевших троп и уверены, что так будет продолжаться вечно. Да и откуда взяться переменам, если ни письмо, ни телеграмма, ни даже телефонный звонок не предупредили нас о великом событии? Мы отчаиваемся, теряем всякую надежду и даже не догадываемся, что гонец уже несет весть и что мечты изредка сбываются даже в аду. Правда, иногда говорят, что надежды *чаще всего* исполняются именно там, потому что они сами по себе — одно из дьявольских мучений. Впрочем, возможно, это всего лишь очередное преувеличение церковников, которые любят болтать на такие темы.

Аззи убедился, что чертенята стали работать как следует. До конца смены оставалось только двести часов (в преисподней дни тянутся долго); тогда можно будет поспать часа три, а потом снова придется приниматься за работу. Аззи уже повернулся, намереваясь вернуться в то сравнительно уютное местечко, которое только что пришлось покинуть, как его остановил гонец:

— Не ты ли тот демон, который отвечает за эту преисподнюю?

Гонцом оказался злой дух африт с фиолетовыми крыльями. Как и многие другие завсегдатаи базаров древнего Багдада, он теперь служил курьером, потому что дьявольским силам Верхней палаты нравились нарядно раскрашенные тюрбаны.

— Я — Аззи Элбуб. Да, я отвечаю вот за этот отдел преисподней.

— Значит, ты мне и нужен. — С этими словами африт вручил Аззи асбестовый документ, испещренный огненными письменами.

Аззи сначала натянул перчатки и лишь после этого взял до-

кумент. Такие приказы могли исходить только от Верховного совета адского правосудия.

Аззи прочел: «Настоящим оповещаю всех демонов, что совершена жестокая несправедливость, а именно: в преисподнюю раньше назначенного ему срока доставлено человеческое существо. От его имени силы света уже выразили свой протест, поскольку человеку должно быть предоставлено время для покаяния, даже если он уже прожил отведенные ему дни. Можно поставить один против двух тысяч, что такая несправедливость вообще невозможна, но все же шансы остаются, хотя бы и чисто теоретически. В связи с вышеизложенным предлагается (расценивайте это как приказ) забрать упомянутого человека из преисподней, отмыть надлежащим образом и возвратить на Землю к жене и детям. Вам лично надлежит оставаться с ним до тех пор, пока он не адаптируется в такой мере, что сможет жить без посторонней помощи, поскольку в противном случае вся ответственность за его невзгоды ложится на нас. По выполнении настоящего приказа Вам будет предоставлено право исполнять обычные обязанности демона на Земле. Искренне Ваш Асмодеус, глава отдела северной преисподней ада.

P.S. Человек, о котором идет речь, откликается на имя Томас Скривнер».

Аззи не смог сдержать ликования и даже обнял африта, а тот поспешно отступил назад, поправил свой тюрбан и сказал:

— Спокойней, приятель, спокойней.

— Я так рад! — сказал Аззи. — Наконец-то я выберусь отсюда! Я возвращаюсь на Землю!

— Ничего хорошего там нет, — заметил африт. — Впрочем, каждому свое и каждой свое.

Аззи поспешил отправиться на поиски Томаса Скривнера.

После долгих поисков Аззи нашел Скривнера в секторе 1002WW. В адской преисподней грешников укладывали штабелями, которые располагали амфитеатром, так что при необходимости легко найти любого нужного грешника.

Существует и генеральный план преисподней. Но в силу того, что бездельники чертенята слишком небрежно бросают грешников, штабеля часто рушатся и грешники из одного штабеля попадают в другой, поэтому на самом деле положение грешника в преисподней известно только весьма приближенно.

— Есть здесь Томас Скривнер? — спросил Аззи.

Лежавшие огромной горой грешники сектора 1002WW прекратили оживленную беседу, а те, чьи головы были повернуты в нужном направлении, уставились на Аззи. Вместо того чтобы

покаяться в своих грехах, они, очевидно, считали назначенное время пребывания в преисподней своего рода дружеской вечеринкой, на которой можно познакомиться с соседями, обменяться мнениями и сплетнями, посмеяться. Видно, люди и после смерти продолжают обманывать себя, как они это делали всю жизнь.

— Скривнер, Скривнер... — сказал старик, расположившийся в самом центре горы. Он с трудом приподнял голову и продолжил: — Ну конечно, он где-то здесь. Ребята, кто-нибудь знает, где Скривнер, а?

В поиски включились другие грешники, лежавшие в самых разных уголках огромной горы. Они бросили даже свои любимые игры (в аду много игр, но хозяева поля всегда проигрывают, если только вы не поставите против них). Кто-то решил уточнить:

— Скривнер, Скривнер... Это не тот ли тощий длинный сумасшедший, у которого один глаз смотрит не в ту сторону?

— Я не знаю, как он выглядит, — сказал Аззи. — Я надеялся, что он сам отзовется.

Гора грешников забормотала, закашляла; люди, живые они или мертвые, всегда имеют обыкновение порассуждать, если только подворачивается более или менее актуальная тема. Если бы Аззи, как и все демоны, не обладал сверхъестественно острым слухом, он никогда бы не услышал тоненького писка, донесшегося откуда-то из самой глубины кучи:

— Эй, кто там! Скривнер здесь! Меня кто-нибудь спрашивает?

Аззи приказал чертенятам вытащить Скривнера из кучи, только осторожно, чтобы не оторвать что-нибудь ненароком. Конечно, руку или ногу потом можно приживить, но такая процедура довольно болезненна и часто приводит к душевным травмам. Аззи хорошо понимал, что от него требуется доставить человека на Землю в целости и сохранности; в противном случае Скривнер может пожаловаться, что темные силы преждевременно собирают урожай, а тогда хлопот не оберешься.

Скривнер довольно быстро выкарабкался из кучи грешников и отряхнулся. Он оказался невысоким и тощим бойким мужчиной, уже изрядно полысевшим.

— Скривнер — это я! — крикнул он. — Вы наконец-то поняли, что ошиблись, да? Когда меня сюда приволокли, я им говорил, что я совсем не мертвец, но этот ваш Неумолимый Жнец не очень-то умеет слушать, да? Только все время ухмыляется по-

идиотски и скалит зубы. У меня прямо руки чешутся накатать жалобу кому-нибудь из вашего начальства.

— Послушай, — сказал Аззи. — Тебе повезло, что ошибку вообще обнаружили. Если ты затеешь тяжбу, тебя посадят в котел предварительного заключения. Там ты будешь сидеть, пока не начнется слушание твоего дела. На это может уйти сто — двести лет. Знаешь, на что похожи наши котлы предварительного заключения?

Скривнер широко раскрыл глаза и отрицательно покачал головой.

— Это очень плохое место, — объяснил Аззи. — Настолько плохое, что там нарушаются даже законы ада.

Очевидно, слова Аззи произвели на Скривнера должное впечатление.

— Думаю, лучше сначала отсюда выбраться, и поскорее. Спасибо за совет. Ты случайно не адвокат?

— Не по образованию, — ответил Аззи. — Но здесь, внизу, всем нам приходится в какой-то мере быть адвокатами. Пойдем, вернем тебя домой.

— У меня такое ощущение, что дома я столкнусь с некоторыми проблемами, — нерешительно заметил Скривнер.

— Такова жизнь, — успокоил его Аззи. — Проблемы... Будь доволен, что они у тебя есть. Когда тебя сбросили к нам, то тебе уже не о чем было беспокоиться. Все, что здесь с тобой происходит, совершается само по себе.

— Назад я не вернусь, — сказал Скривнер.

Аззи хотел было поинтересоваться, нет ли у Скривнера желания побиться об заклад, но потом решил, что в такой ситуации этого делать не стоит.

— В твоей памяти придется стереть воспоминания об этом маленьком происшествии, — сказал Аззи Скривнеру. — Согласись, мы не можем допустить, чтобы парни вроде тебя шатались по Земле и рассказывали всякие небылицы.

— Я не имею ничего против, — ответил Скривнер. — Все равно здесь нет ничего такого, о чем хотелось бы вспоминать. Правда, чуть раньше, в чистилище, мне встретилась одна очаровательная блондинка-искусительница.

— Подожди со своей искусительницей, — проворчал Аззи, затем ухватил Скривнера за руку и повел к воротам в стене, которые вели к другим отделам ада и куда угодно еще — или наоборот.

Аззи и Скривнер прошли через железные ворота в железной стене и направились вверх по извилистой дороге мимо дальних предместий чистилища; здесь глубокие, испещренные трещинами пропасти чередовались с захватывающими дух вершинами — в точности как на картинках Фузели. Долго тащились демон и человек, и путь их был легок, ибо легки дороги ада, но и скучен тоже, ибо ад — не место для веселья.

Спустя какое-то время Скривнер поинтересовался:

— Нам еще долго идти?

— Точно не знаю, — признался Аззи. — Я сам в этом секторе никогда не был. В сущности, мне здесь вообще не полагается появляться.

— Так же, как и мне, — сказал Скривнер. — Из того, что у меня время от времени бывают припадки, когда я валяюсь трупом, еще не следует, что этот ваш Неумолимый Жнец должен хватать меня без всяких проверок. Я тебе точно говорю, с его стороны это была самая настоящая небрежность. А почему тебе нельзя появляться здесь?

— Меня готовили к более серьезным вещам, — уклончиво ответил Аззи. — В колледже чародейства я преуспевал, был одним из трех лучших учеников в классе.

Аззи умолчал о том, что почти все его одноклассники кончили очень плохо, когда с юга внезапно нахлынула эпидемия добра. Этот странный каприз метафизической погоды погубил всех учеников, кроме Аззи и еще двоих, которые, похоже, обладали врожденным иммунитетом к эманациям добра. А потом еще этот покер...

— Тогда почему же ты оказался здесь? — спросил Скривнер.

— Отрабатываю карточный долг. Я не мог заплатить, пришлось отбывать срок. — Аззи помедлил, потом признался: — Люблю карты.

— Я тоже, — сказал Скривнер, и в его голосе можно было уловить нотку раскаяния.

Демон и человек еще какое-то время прошли молча. Потом Скривнер спросил:

— Что теперь со мной сделают?

— Надо тебя снова втиснуть в твое тело.

— И все будет нормально? Я знаю, что мертвые иногда воскресают, но говорят, все воскресшие какие-то чокнутые.

— Я буду рядом и присмотрю за тобой. Я не уйду, пока не буду уверен, что с тобой все в порядке.

— Рад слышать, — сказал Скривнер.

Они еще прошагали молча, потом Скривнер поинтересовался:

— А когда я проснусь, я, конечно, не буду знать, что ты рядом, да?

— Конечно, не будешь.

— А как же я смогу убедиться, что ты помогаешь мне?

— Когда ты воскреснешь, уже никто и ничто не сможет убедить тебя, — объяснил Аззи. — Поэтому я и говорю сейчас. Только пока ты мертв, ты в состоянии оценить нас.

Спустя еще какое-то время Скривнер признался:

— Знаешь, я совершенно ничего не помню о своей прежней жизни на Земле.

— Не беспокойся, в свое время все вспомнишь.

— Впрочем, кажется, я был женат.

— Прекрасно.

— Но я не уверен.

— Ты все вспомнишь, как только окажешься снова в своем теле.

— А если не вспомню? Вдруг я потеряю память?

— Все будет в порядке, — заверил Аззи.

— Ты можешь поклясться честью демона?

— Конечно, — без колебаний соврал Аззи. Он окончил специальные курсы по клятвопреступлению и достиг в этом совершенства.

— Ты ведь не стал бы мне врать, правда?

— Можешь на меня положиться, — ответил Аззи, не преминув, впрочем, воспользоваться генеральным заклинанием, которое превращает в послушных ягнят даже самых недоверчивых и воинственно настроенных собеседников.

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я немного нервничаю, — сказал Скривнер. — Ведь не каждый день рождаешься заново.

— Понимаю. Стыдиться тебе нечего. Вот мы и пришли. — А про себя Аззи добавил: «Слава Сатане!»

Долгие разговоры с людьми действовали ему на нервы. Человек никогда ничего не скажет прямо, вечно будет ходить *вокруг да около*. В Университете демонов отцы-демоны читали специальный курс по увертками человека, но этот курс был факультативным, и в то время Аззи решил, что на него ходить не стоит. Тогда ему казалась куда более интересной фальшивая диалектика.

Аззи сразу же заметил приближающуюся санитарную повоз-

ку из северной преисподней, украшенную знакомыми алыми и ядовито-зелеными полосами. Повозка остановилась в нескольких ярдах, и из нее вышел медик. Им оказался демон со свиным рылом и глазами-крестиками. Он ничем не походил на Аззи, у которого была лисья морда, рыжие волосы, острые уши торчком и глаза поразительной голубизны. Те, кто ничего не имеет против демонов, считали Аззи почти красавцем.

— Это тот самый парень?

— Тот самый, — подтвердил Аззи.

— Прежде чем вы начнете что-нибудь делать, — сказал Скривнер, — я хотел бы только знать...

Демон-медик со свиным рылом протянул руку и поставил пятно на лбу Скривнера. Тот сразу замолчал, а его взгляд стал совершенно бессмысленным.

— Что ты сделал? — спросил Аззи.

— Переключил на холостые обороты, — ответил медик. — Теперь пора его переправлять.

Аззи оставалось только надеяться, что со Скривнером все будет в порядке: если демон пачкает твою голову, то хорошего ждать не приходится.

— Ты знаешь, куда его надо переправлять? — забеспокоился Аззи.

Демон-медик расстегнул рубашку Скривнера и кивнул Аззи; на груди человека красными чернилами были вытатуированы его имя и адрес.

— Это дьявольская регистрационная отметка, — объяснил демон-медик.

— Ты сотрешь ее перед отправкой?

— Не бойся, он ее не увидит. Татуировку можем прочесть *только мы*. Ты переправляешься с ним?

— Спасибо, я своим ходом, — ответил Аззи. — Только дай мне взглянуть еще разок на адрес. Все в порядке, запомнил.

— До встречи, Том, — сказал Аззи человеку с бессмысленным взглядом.

Глава 3

Вот так Томаса Скривнера возвратили домой. К счастью, демону-медику удалось доставить душу Скривнера на Землю прежде, чем его телу были нанесены серьезные повреждения. Тело Скривнера купил врач: в момент воскрешения он как раз собирался сделать глубокий разрез на шее покойника, чтобы продемон-

стрировать студентам кровеносную систему в натуре. Но стоило врачу поднять скальпель, как Скривнер, открыв глаза, сказал: «Доброе утро, доктор Моро» — и тут же потерял сознание.

Моро засвидетельствовал, что Скривнер жив, и потребовал от вдовы компенсации.

Вдова с неохотой возвратила деньги. Ее брак со Скривнером не был слишком удачным.

Аззи добрался до Земли другим путем. Ему очень не хотелось путешествовать вместе со Скривнером в колеснице вампиров, которая воняла гнилью так, что поездка в ней была испытанием даже для сверхъестественных созданий. Аззи прибыл сразу после воскрешения Скривнера. Его никто не заметил, потому что на нем был амулет невидимки.

Невидимый для всех, кроме имевших второе зрение, Аззи присоединился к процессии, которая сопровождала Скривнера домой. Добропорядочные жители деревни, все простые крестьяне, объявили воскрешение Скривнера чудом. Только Мило, жена Скривнера, не уставала бормотать про себя: «Я знала, что этот негодяй только притворяется!»

Воспользовавшись тем, что его никто не видит, Аззи обследовал дом Скривнера, где ему предстояло прожить до истечения срока подачи жалоб. Похоже, речь шла о нескольких днях. Дом оказался большим, с несколькими комнатами на каждом этаже и с роскошным сырым подвалом.

Конечно, Аззи устроился в подвале, самом подходящем для демонов месте. Он принес с собой несколько свитков для развлечения и мешок протухших кошачьих голов, чтобы было чем перекусить. Аззи надеялся, что в подвале никто не нарушит его покой, но неприятности начались в первый же день.

Сначала в погреб за продуктами спустилась жена Скривнера, высокая, широкоплечая и толстозадая крестьянка. Потом появился старший сын Ганс, нескладный деревенский увалень; он искал горшок с медом. Как только ушел Ганс, появилась служанка Лотта, которой понадобилось отобрать несколько картофелин прошлогоднего урожая.

Из-за всех этих нежданных визитеров Аззи почти не удалось отдохнуть. Утром он пошел взглянуть на Скривнера. По всем признакам воскресший начал поправляться. Он уже сидел за столом, пил отвар из трав, спорил с женой и ругал детей.

«Потребуется еще денек, — решил Аззи, — чтобы Скривнер

совсем пришел в себя, и тогда можно будет заняться более интересными делами».

Две хозяйские собаки чувствовали Аззи и шарахались в сторону каждый раз, когда он проходил мимо. Этого и следовало ожидать. Но то, что случилось чуть позже, совсем не входило в планы Аззи.

В ту ночь он устроился спать в самом сыром месте погреба, где была свалена наполовину сгнившая репа и где Аззи соорудил себе прелестное зловонное гнездышко.

Демона разбудил свет; оказалось, в подвале горит свеча. Кто-то стоял со свечой в руке и смотрел на него. Ребенок. Это уж слишком! Аззи вскочил было на ноги, но тут же снова упал. Кто-то веревкой привязал его за лодыжку!

Аззи инстинктивно встал на дыбы. Ребенок! Маленькая толстощекая девчонка лет семи с волосами соломенного цвета. Как-то ей удалось увидеть демона; больше того, она заманила его в ловушку.

Аззи выпрямился во весь рост, решив, что лучше всего сразу напугать ребенка. Он попытался было угрожающе нависнуть над девчонкой, но странная сверкающая веревка, привязанная одним концом к балке, потащила его назад, и он снова упал. Девчонка рассмеялась, а Аззи содрогнулся; ничто не вызывает у демонов такого отвращения, как смех невинного младенца.

— Эй, девочка! — окликнул обидчицу Аззи. — Ты меня видишь?

— Конечно, вижу, — ответила она. — Ты похож на старую противную лису.

Аззи быстро взглянул на крошечный циферблат амулета невидимки. Чего он боялся, то и случилось: стрелка показывала, что запас энергии почти иссяк! Какие же идиоты сидят в отделе снабжения! Конечно, и он виноват, надо было самому заранее проверить амулет.

Кажется, он влип в довольно неприятную историю. Но не бывает таких положений, из которых демон не смог бы выкрутиться.

— Наверное, не очень уж противную, а, курносая? — сказал Аззи, вспомнив обычное ласковое обращение демонов-родителей к своим детям. — Очень приятно с тобой познакомиться. Пожалуйста, развяжи эту веревку, и я дам тебе целый мешок конфет.

— Ты мне не нравишься, — возразила девочка. — Ты плохой. Я тебя не развяжу, а позову священника.

Девочка не сводила с Аззи обвиняющего взгляда. Аззи по-

нял, что, если он вообще хочет выбраться из этой неприятной истории, ему придется прибегнуть к хитрости.

— Девочка, скажи, пожалуйста, — начал Аззи, — где ты взяла эту веревку?

— Я нашла ее в церковной кладовке, — объяснила она. — Веревка лежала на столе, а еще там было много разных костей.

Святые мощи! Значит, эта веревка должна быть ловушкой душ! Лучшие ловушки душ делали из веревок, которыми подпоясывались святые. Получалось, что выбраться их этого капкана будет нелегко.

— Послушай, девочка. Я здесь только для того, чтобы присматривать за твоим отцом. Ты же знаешь, с ним были разные неприятности, он умер, потом снова ожил и все такое прочее. Ты же хорошая послушная девочка, будь умницей и развяжи веревку.

— Нет, — ответила она так непреклонно, как это иногда умеют делать маленькие девочки, да и некоторые большие тоже.

— Проклятие, — сказал Аззи. Он еще раз безуспешно попытался высвободить ногу из ловушки душ, которая имела неприятное свойство затягиваться все сильнее после каждой такой попытки. — Слушай, девочка, повеселились и хватит, теперь пора меня развязывать.

— Не называй меня девочкой. Меня зовут Бриджит, и я все знаю про тебя и про всех вас. Нам священник рассказывал. Ты ведь злой дух?

— Ничего подобного, — возразил Аззи. — Я скорее *добрый* дух, в крайнем случае — *нейтральный*. Меня послали сюда, чтобы помочь твоему отцу побыстрее поправиться. Сейчас я должен присматривать за ним, а потом уйду и буду помогать другим.

— Ах так, — сказала Бриджит и задумалась, потом продолжила: — Ты ужасно похож на демона.

— Внешность может быть обманчивой, — сказал Аззи. — Отпусти меня! Я должен ухаживать за твоим отцом!

— А что ты мне за это дашь? — спросила Бриджит.

— Игрушки, — нашелся Аззи. — Я дам тебе столько игрушек, сколько ты в жизни не видела.

— Ладно, — согласилась девочка. — А еще мне нужны новые платья.

— Получишь целый гардероб. Теперь отпусти!

Бриджит подошла ближе и грязным пальчиком взялась было за узел, но остановилась.

— А если я тебя отпущу, ты будешь приходить и играть со мной, когда я тебя позову?

— Нет, это уж слишком. У меня хватает своих забот. Я не могу быть на побегушках у маленькой деревенской грязнули.

— Ладно, тогда обещай, что исполнишь три любых моих желания, когда бы я ни попросила.

Аззи заколебался. С этим исполнением желаний нетрудно нажить крупные неприятности. Такие обещания демон обязан выполнять, а с человеческими желаниями это всегда непросто. Люди так экстравагантны!

— Так и быть, — сдался он, — одно желание я исполню. Если оно будет разумным.

— Ладно, согласна, — сказала Бриджит. — Но не слишком разумным, хорошо?

— Хорошо! Развяжи меня!

Бриджит развязала узел. Аззи потер лодыжку, потом порылся в мешке, нашел запасную батарейку для своего амулета-невидимки, вставил ее — и тут же исчез.

— Не забудь, ты обещал! — крикнула Бриджит.

Аззи знал, что не забудет, даже если очень захочет. Обещания сверхъестественных созданий людям регистрировались в Бюро равновесия, которым руководил сам Ананке. Стоило демону сделать вид, что он забыл о своем обещании, как силы необходимости быстро и болезненно напоминали ему об этом.

Со Скривнером все было в порядке. Он уплетал за обе щеки кашу из огромной миски, одновременно отдавая приказы работникам и жене. Аззи был в восторге. Наступало время заняться своими делами.

Глава 4

Аззи был очень рад свободе, возможности снова пространствовать по зеленой Земле. Он до глубины души ненавидел преисподнюю с ее удручающим однообразием и со всем прочим; ужасно устаешь от этого смертельно скучного каждодневного поджаривания грешников. Аззи был энергичным, предприимчивым и инициативным демоном, агентом зла; несмотря на некоторую внешнюю фривольность, он относился к своим адским обязанностям очень серьезно.

Распрощавшись с деревней Скривнеров, Аззи решил прежде всего сориентироваться. Местность была ему незнакома. Последний раз Аззи был на Земле во времена расцвета Римской империи; он даже присутствовал на одном из знаменитых пиров Калигулы. Аззи пролетал над страной, которая раньше называ-

лась Галлией. От всяких неожиданностей демона страховал амулет-невидимка.

В известной мере амулет придавал владельцу и свойство неосязаемости, что оказалось как нельзя более кстати, когда демону пришлось пролетать сквозь большую стаю лебедей-трубачей. Куда ни посмотри, под Аззи расстилались одни леса.

Та деревня была лишь точкой в огромном лесу, который покрывал всю Европу и тянулся от страны скифов до Испании. К счастью, Аззи заметил внизу пересекавшую лес грязную тропинку и пролетел вдоль нее на высоте примерно пятьсот футов. Тропинке, казалось, не будет конца; все же спустя какое-то время она влилась в настоящую мощеную дорогу, проложенную еще римлянами.

Аззи встретилась группа всадников, вместе с которыми демон долетел до какого-то более или менее большого города. Потом он узнал, что этот город назывался Труа и входил в королевство франков — огромных варваров, вооруженных железными мечами, которые, воспользовавшись распадом Римской империи, захватили Галлию, да и не только ее.

Над городом Аззи полетел медленнее и на небольшой высоте. Здесь было множество скромных домиков, среди которых изредка попадались дворцы вельмож и сановников церкви. На самой окраине города расположилась ярмарка. Аззи пролетел над яркими палатками и флажками. Ему понравилась ярмарочная суета, и он решил здесь задержаться.

Аззи спустился на землю и принял одно из своих стандартных обличий — добродушного лысеющего толстяка с горящими глазами. Облачением была тога, которая показалась Аззи слишком старомодной. Поэтому в первой попавшейся палатке он купил домотканый плащ; в плаще демон выглядел почти так же, как все люди.

Все еще немного сбитый с толку, Аззи не торопясь прогуливался по ярмарке, присматриваясь к людям. Здесь было несколько деревянных строений и множество палаток, разбитых прямо на поле.

Продавали на ярмарке все, что угодно: оружие, одежду, скотину и другую живность, еду, рабочий инструмент, пряности.

— Эй! Господин, подожди!

Аззи обернулся. Действительно, это ему кивала какая-то старая карга. Она сидела перед небольшой черной палаткой, расписанной золотыми каббалистическими знаками. Темнокожая старуха, видно, была из цыган или арабов.

— Ты звала меня?

— Да, господин, — ответила старуха с отвратительнейшим североафриканским акцентом. — Войди в палатку.

Возможно, любой человек, окажись он на месте Аззи, проявлял бы большую осторожность, так как никогда нельзя угадать, что может случиться в черной палатке с каббалистическими знаками. Но для Аззи эта палатка оказалась первой знакомой вещью, которую он увидел на Земле.

Дело в том, что среди демонов есть целые племена, которые скитаются по преддверию ада и живут в черных палатках, а Аззи, хотя и был по отцу ханаанитом, имел кое-какие родственные связи и со странствующими демонами.

Изнутри палатка была увешана коврами с затейливыми рисунками. На стенах висели изящно расписанные оловянные масляные лампы, а под ними было разбросано множество расшитых подушек. В глубине палатки стоял низкий жертвенник со столиком для жертвоприношений, а над ним возвышалась выполненная в греческом стиле статуя прекрасного молодого человека с лавровым венком на голове. Аззи сразу узнал юношу.

— Значит, Гермес в конце концов оказался здесь, — заметил он.

— Я его жрица, — ответила старая карга.

— А у меня было такое впечатление, что мы находимся в христианской стране, где поклонение древним богам строго наказывается, — сказал Аззи.

— Ты говоришь правильно, — согласилась старуха и добавила: — Древние боги мертвы, но и не совсем мертвы, потому что они воскресли и приняли другой облик. Гермес, например, стал Гермесом Трисмегистусом, покровителем алхимиков. Поклонение ему не поощряется, но и не запрещается.

— Отличная новость, — сказал Аззи. — Но все же зачем ты позвала меня?

— Господин, ты ведь демон? — осведомилась жрица.

— Да. А как ты узнала?

— В твоих манерах чувствуется что-то благородное и зловещее. На твоем лице отражаются тягостные раздумья и неумолимое зло. Тебя нетрудно заметить в толпе, как бы велика она ни была.

Конечно, Аззи знал, что чувства у цыган обострены; они видят то, чего другие люди совсем не замечают, и облекают это в словесную форму, чтобы польстить своему клиенту. Тем не менее он полез в карман, достал золотой денье и бросил его старухе:

— Возьми в награду за твой льстивый язык. И все же, что тебе нужно от меня?

— Мой хозяин хочет поговорить с тобой.

— Хорошо, — сказал Аззи; он давно не болтал с древними богами. — Где твой хозяин?

Старая карга опустилась на колени перед жертвенником и что-то пробормотала. Через мгновение белый мрамор изнутри наполнился розовым сиянием. Статуя ожила, потянулась, сошла с пьедестала и села рядом с Аззи. Старухе Гермес сказал:

— Найди нам что-нибудь выпить.

Старуха ушла, и Гермес обратился к демону:

— Что ж, Аззи, много воды утекло.

— Очень много, — согласился Аззи. — Рад снова видеть тебя, Гермес. Меня не было на Земле, когда христианство одолело язычников, — был по горло занят другими делами, ты понимаешь, — но я выражаю свое искреннее соболезнование.

— Спасибо, — сказал Гермес, — но, в сущности, мы ничего не потеряли. Мы, боги, постоянно заняты, все до единого. Мы развиваемся, совершенствуемся и иногда занимаем почетные места в обоих лагерях — и у святых, и у демонов. Перед нами открываются чудесные перспективы. Можно долго говорить о нашем своеобразном промежуточном статусе.

— Рад слышать, — сказал Аззи. — Почему-то при мысли о безработном боге становится грустно.

— О нас можешь не беспокоиться. Я приказал своей жрице Айссе позвать тебя, потому что, по ее словам, у тебя был потерянный вид. Я подумал, что могу чем-нибудь помочь.

— Очень любезно с твоей стороны, — ответил Аззи. — Может быть, ты введешь меня в курс земных дел. Что здесь случилось со времен Калигулы?

— Что ж, в двух словах дело было так. Римскую империю погубили вторжения варваров и отравление свинцом. Теперь варвары повсюду. Они называют себя франками, саксами и вестготами. Они создали империю, которую называют Священной Римской империей.

— Священной? — переспросил Аззи.

— Так они ее называют. Не знаю почему.

— Но все же, как погибла настоящая Римская империя?

— Про это ты можешь прочесть в любой книге по истории, — ответил Гермес. — Пока что поверь мне на слово: империя пала, и это было концом классической цивилизации. Время, в котором мы живем сейчас, называется — вернее, будет называться вскоре после того, как закончится, — средневековьем. Появись

ты на Земле чуть раньше, застал бы смутные времена. Тогда у нас было весело, уверяю тебя! Но и сегодня тоже неплохо.

— Какой сейчас год? — спросил Аззи.

— Тысячный, — ответил Гермес.

— Тысячный!

— Да.

— Значит, скоро будет состязание.

— Правильно, Аззи. Приближается время, когда силы света и силы тьмы вступят в великое состязание, а победитель будет определять сущность — добрую или злую — человеческих судеб в следующем тысячелетии. Что ты собираешься делать?

— Я? — удивился Аззи. — А что я могу сделать?

— Ты тоже можешь принять участие в состязании.

Аззи отрицательно покачал головой:

— Представители сил тьмы выбираются на Верховном совете Высших сил зла, а Высшие силы всегда подыгрывают своим любимчикам, и в результате на состязания отправляются только их друзья. У меня на Верховном совете не было ни малейшего шанса.

— Так было раньше, — сказал Гермес. — Но я слышал, что реформы не обошли стороной и ада. На силы зла жестоко давят силы света. В семейственности нет ничего плохого, но, если хочешь добиться своего, теперь недостаточно иметь родственника в Верховном совете. Насколько я понимаю, участниками состязания должны стать самые достойные.

— Достойные! Это что-то новое! Даже если и так, все равно я ничего не умею.

— Не будь капитулянтом, как многие другие молодые демоны, — строго сказал Гермес. — Почти все они бездельники и в своей бессмертной жизни выбирают самый легкий путь; им ничего не нужно, только валяться круглыми сутками, глотать наркотики и рассказывать друг другу всякие небылицы. Но ты, Аззи, ведь совсем не такой. Ты умен, инициативен, у тебя есть принципы. Сделай же что-нибудь. Ты в самом деле можешь победить.

— Но я не знаю, что делать, — возразил Аззи. — Да если бы и знал, все равно для этого нет денег.

— Ты заплатил старухе, — напомнил ему Гермес.

— Это призрачное золото. Через день-два оно исчезнет. Если я хочу принять участие в состязании, мне нужны настоящие деньги.

— Я знаю, где есть деньги, — сказал Гермес.

— Где? Сколько драконов я должен победить, чтобы добраться до них?

— Никаких драконов. Тебе нужно будет всего лишь перехитрить других игроков в большой игре в покер в День основателя.

— Покер! — прошептал Аззи. — Моя страсть! Где будет игра?

— Игра состоится через три дня на одном кладбище в Риме. Но на этот раз ты должен платить честно, не призрачным золотом, иначе ты еще на несколько сотен лет вернешься в преисподнюю. В сущности, — продолжал Гермес, — тебе нужно то, что игроки последующих поколений назовут эйджем.

— Эйдж? Что это такое?

— Любой прием, который поможет тебе выиграть.

— В такой игре всегда участвуют наблюдатели; они следят, чтобы не было мошенничества.

— Ты прав. Но ни в аду, ни на небесах нет закона, запрещающего талисман удачи.

— Это такая редкость! Если бы у меня был талисман удачи...

— Я могу сказать тебе, где найти его. Но для этого тебе придется преодолеть не одно препятствие.

— Так скажи, Гермес!

— В моих ночных скитаниях по городу Труа и его окрестностям, — сказал Гермес, — к западу от города, на опушке леса я заметил место, где растет небольшой оранжевый цветок. Местные жители не знают о нем, а между тем это настоящий спекулум, цветок-зеркало, который растет только рядом с феликситом.

— Значит, где-то здесь есть феликсит? — сказал пораженный донельзя Аззи.

— Ты должен найти его сам, — ответил Гермес. — Но я вижу добрые предзнаменования.

Глава 5

Аззи поблагодарил Гермеса и покинул черную палатку. Он пересек болотистый луг и направился к окружавшему город лесу. Там Аззи нашел редкий цветок — небольшой и совсем неприметный. Аззи понюхал цветок (аромат спекулума восхитителен), потом опустился на колени и приложил ухо к земле. Обладая необычайно острым слухом, он понял, что под землей что-то происходит: Аззи отчетливо слышал шорохи и удары, шорохи и удары.

Ну конечно, это был гном, потому что только гном может

издавать такие звуки, киркой и лопатой прокладывая туннель. Гномы хорошо понимают, что этими звуками выдают себя, но ничего не могут поделать: чтобы жить, гном должен копать.

Аззи топнул ногой о землю и провалился в подземелье. Таким талантом обладают почти все европейские и арабские демоны. Для них жить под землей так же естественно, как для человека — на земле. Демоны чувствуют себя под землей почти так же, как хороший пловец под водой; впрочем, они все же предпочитают бродить по тоннелям.

Под землей было прохладно. Отсутствие света не мешало Аззи отчетливо видеть все происходящее; возможно, демон улавливал неяркие инфракрасные лучи. Обстановка здесь оказалась довольно приятной. Ближе к поверхности кроты, землеройки и другие живые существа рыли норы там, где почва была более податливой.

В конце концов Аззи добрался до большой подземной пещеры. Тускло светились фосфоресцирующие камни, а в противоположном конце пещеры Аззи заметил единственного гнома североевропейской разновидности, одетого в хорошо пошитый красно-зеленый костюм из кротовой шкуры и крошечные ботфорты из кожи геккона; на голове у гнома была шапочка из мышиного меха.

— Привет, гном, — сказал Аззи, выпрямившись настолько, насколько позволяли каменные своды пещеры, чтобы можно было угрожающе нависнуть над гномом и произвести на того должное впечатление.

— Привет, демон, — отозвался гном; по его голосу нетрудно было догадаться, что встреча с демоном не доставляет ему особого удовольствия. — Прогуливаешься, да?

— Можно и так сказать, — уклонился Аззи от прямого ответа. — А ты что здесь делаешь?

— Я просто проходил мимо, — соврал гном. — Вообще-то направляюсь на вечеринку на Антибы.

— Ты не врешь? — засомневался Аззи.

— Не вру.

— Тогда зачем же ты здесь копаешь?

— Я? Копаю? Не может быть!

— А что же ты делаешь киркой, которая у тебя в руке?

Гном посмотрел вниз и, казалось, был очень удивлен тем, что в его руке и в самом деле оказалась кирка.

— Просто я решил здесь немного прибрать. — И он попы-

тался сгрести несколько камней в кучку, но это у него получилось плохо, потому что кирка совсем не предназначена для такой работы.

— Прибираешь землю? — возмутился Аззи. — Послушай, дефективный, за кого ты меня принимаешь? И вообще, кто ты такой?

— Меня зовут Рогнир, я из рода гномов Ролфингов из Уппсалы. Уборка земли может показаться тебе нелепым занятием, но для гномов это самая естественная работа, потому что гномы любят, чтобы все оставалось как есть.

— Честно говоря, — сказал Аззи, — в твоих словах я не вижу ни малейшего смысла.

— Это потому что я нервничаю, — объяснил Рогнир. — А вообще обычно я говорю очень понятно.

— Так говори понятно и сейчас. Не дрожи, я не собираюсь причинить тебе зло.

Гном согласно кивнул, но по его виду никак нельзя было сказать, что он поверил Аззи. Рогнир не доверял демонам, и его можно понять. В царстве духов бывает много разных конфликтов, о которых человек даже и не подозревает, потому что там никогда не было своего Гомера или Вергилия. Недавно между гномами и демонами разгорелся довольно острый территориальный спор. Несмотря на свое происхождение — а их предками, как известно, были падшие создания света, — демоны постоянно претендовали на подземелье. Им очень нравилось подземелье с его пещерами, трясинами, пустотами, спусками, глубокими колодцами и тоннелями, поражающими своей необычной красотой, которая так хорошо согласуется с поэтической, но мрачноватой натурой демонов. Гномы же утверждали, что подземелье должно принадлежать им; они считали себя его детьми, созданными из хаотично пляшущих языков пламени в самом центре первичного огня.

Конечно, это были лишь романтические фантазии; истинная история гномов очень интересна, но, к сожалению, для нее здесь нет ни места, ни времени. Для нас важнее странная сила, которой обладают фантазии; удивительно, насколько упрямо любое создание цепляется за какую-нибудь им же придуманную идею. Вот и гномы отстаивали свое право разгуливать под землей, как им заблагорассудится, без всяких ограничений и запретов. Это, однако, никак не устраивало демонов. Демоны предпочитали безраздельно владеть территорией. Они любили бродить в одиночестве, а все другие создания обычно спешили убраться с их пути.

Все, но только не гномы; отряды гномов с развевающимися белыми бакенбардами, с лопатами и кирками наготове маршировали по подземным тоннелям, стучали и пели (все гномы — отличные певцы) и часто проходили строем прямо сквозь совет демонов, потому что демоны очень любили устраивать совещания по любому пункту своей доктрины, хотя голоса ораторов на таких совещаниях очень редко слышат те, кто располагает действительной властью. Как бы там ни было, демонам очень не нравилось, когда их беспокоили во время совета, а гномы обладали прямо-таки сверхъестественной способностью копать именно там и тогда, где и когда сидит погруженный в свои мысли демон, неподвижный, как базальтовая скала, прижав ладони к ушам, — словом, точно так, как он изображен на некоторых высеченных из камня семейных портретах на башнях собора Парижской Богоматери. Демоны чувствовали, что гномы понемногу вытесняют их из подземелья. Надо сказать, войны часто начинались и из-за менее серьезных конфликтов.

— Уверен, — сказал Аззи, — что наши племена в настоящее время находятся в состоянии мира. В любом случае я пришел сюда за тем, что тебя совершенно не интересует, поскольку это не драгоценные камни.

— Что же ты ищешь? — спросил Рогнир.

— Феликсит, — ответил Аззи.

В те времена талисманы и амулеты еще обладали огромной силой. Тогда талисманов было очень много, хотя гномы старались прятать их в потайных местах, чтобы уберечь от драконов. Впрочем, большого успеха в этом они не добились, потому что драконы знали: где гномы, там и золото. Гномы и драконы неотделимы друг от друга, как лиса от цыплят, селедка от сметаны, хорошее от плохого, память от сожаления. Чтобы извлечь талисман удачи — феликсит — из недр земли, гномам приходилось изрядно потрудиться. Феликсит встречается, правда в небольших количествах, только в пластах нептунова базальта, очень древней и самой твердой породы.

Этот камень доброго предзнаменования был широко распространен в те далекие времена, когда все создания были счастливее, лучше, правдивее, честнее — словом, в золотой век, закончившийся как раз перед тем, как на сцену вышел человек. Иногда говорят, что феликсит был заложен в горные породы древними богами, которые правили Землей давным-давно, так давно, что тогда ни одна вещь еще не имела своего названия. Но даже и тогда феликсит был самым редким минералом в мире. Крохотный кусочек феликсита передавал его владельцу свою карму

счастья и радости, тем самым предопределяя благоприятный исход любого дела, за которое брался владелец талисмана. Поэтому, гоняясь за феликситом, люди нередко убивали друг друга.

Одно можно сказать наверняка: если хочешь заполучить магический талисман удачи, ты должен или украсть его (что довольно сложно, поскольку настоящий талисман удачи верен своему хозяину и, следовательно, обладает немалой способностью сопротивляться кражам), или найти в недрах земли жилу и самому добыть феликсит. Ты можешь подумать, что все природные запасы феликсита давно исчерпаны, так как гномы ищут его под землей столько же, сколько на поверхности той же земли существует человечество, но в этом ты ошибаешься: феликсит приносит удачу не только людям — даже сама земля ощущает его благословение и поэтому время от времени, так сказать, в экстазе производит минерал, но всегда в очень небольшом количестве.

— Феликсит! — сказал Рогнир и попытался усмехнуться; впрочем, попытка получилась неудачной и усмешка выглядела не очень убедительной. — А почему ты решил, что здесь есть феликсит?

— Мне подсказала одна мышка, — ответил Аззи, тонко намекнув на прежнее занятие Гермеса, который когда-то был мышиным богом; позднее эта должность, как и прежние должности всех других олимпийских богов, была упразднена. Но Рогнир не понял намека.

— Феликсита здесь совсем нет, — сказал гном. — Все запасы истощились давным-давно.

— Тогда совершенно непонятно, что ты здесь делаешь.

— Я? Я просто решил сократить путь. Так получилось, что вот это место находится как раз на великом подземном пути от Багдада до Лондона.

— Раз это великий путь, — сказал Аззи, — ты, наверное, не будешь возражать, если я осмотрю его?

— Почему я должен возражать? Грязи тут хватит на всех.

— Метко замечено, — согласился Аззи и принялся водить носом.

Скоро его лисий нос уловил тончайший запах, который однажды, не очень давно, Аззи уже чувствовал; тогда этот едва уловимый запах, кажется, ассоциировался еще с чем-то, возможно, каким-то образом и с феликситом. (Демоны имеют очень острое обоняние, чтобы служба в преисподней казалась им еще более тягостной.)

Фыркая, как лиса, Аззи взял след и принялся рыскать по пещере. Скоро тонкий запах привел его прямо к сшитому из кожи лемура мешку, который покоился на ботфортах Рогнира.

— Ты не будешь возражать, если я загляну вот сюда? — спросил Аззи, показывая на мешок.

Рогнир очень даже возражал, но в равных условиях гномы не конкуренты демонам, поэтому он решил: пусть на этот раз восторжествует благоразумие, а доблесть может катиться ко всем чертям.

— Пожалуйста.

Аззи вытряхнул содержимое мешка. Он сразу отбросил рубины, которые Рогнир нашел в Бирме, не обратил ни малейшего внимания на колумбийские изумруды, отшвырнул южноафриканские алмазы вместе с их будущей зловещей историей и поднял небольшой розовый цилиндрический камушек.

— Насколько я понимаю в камнях, этот цилиндрик похож на феликсит, — сказал он. — Ты не будешь возражать, если я его у тебя на время одолжу?

Рогнир только пожал плечами, потому что он все равно ничего не мог поделать.

— Только обязательно верни.

— Можешь не беспокоиться, — заверил гнома Аззи и уже было повернулся, чтобы уйти, но на глаза ему попались разбросанные на земле драгоценные камни. — Послушай, Рогнир, — обратился Аззи к гному, — ты, кажется, неплохой гном. Что, если мы с тобой заключим выгодную сделку?

— Что ты имеешь в виду?

— Наверху у меня есть одно дело. Пока что я не могу долго распространяться на эту тему, но мое дело связано с приближающимися торжествами в честь тысячелетнего юбилея. Мне нужны феликсит и твои камни, потому что без денег демон не может сделать ровным счетом ничего. Если я получу все, что должны мне дать Высшие силы зла, я смогу возвратить тебе в десять раз больше.

— Но я хотел отнести их домой и сложить в мою кучу самоцветов, — возразил Рогнир. Он нагнулся и стал подбирать свои камни.

— Надо думать, у тебя уже изрядная куча, не так ли?

— Да, не стыдно показать, — ответил Рогнир с самодовольством гнома, коллекция самоцветов которого может сравниться с лучшими коллекциями других гномов.

— Тогда почему бы тебе не оставить эти камни мне? Твоя куча и без того достаточно велика.

— Но это совсем не значит, что я не хочу, чтобы она была еще больше!

— Конечно, не значит. Но если ты бросишь эти камни в свою кучу, твои деньги не будут работать на тебя. А если ты вложишь их в мое дело, они начнут работать, приносить прибыль.

— Деньги будут работать на меня? Какая смешная мысль! Мне и в голову никогда не приходило, что деньги должны работать.

— Эта мысль из будущего, и она несет в себе очень глубокий смысл. Почему деньги не должны работать? Все остальное ведь должно.

— Звучит убедительно, — согласился Рогнир. — Но какие у меня гарантии, что ты сдержишь свое слово? Если я соглашусь на твое предложение, то у меня будет только твое слово, что твое предложение стоящее, а если не соглашусь, то у меня все же останутся все мои самоцветы.

— Я могу сделать так, что ты не откажешься от предложения, — сказал Аззи. — В нарушение всех обычных правил банковских операций я собираюсь выплатить тебе прибыль авансом.

— Мою прибыль? Но я еще ничего не вложил в твое дело.

— Это я знаю. Итак, в качестве стимула я собираюсь выплатить тебе проценты, которые ты заработаешь через год после того, как вложишь средства в мое дело.

— И что я должен сделать?

— Всего лишь подставить ладони.

— Ну хорошо, — сказал Рогнир, который, как и все гномы, не мог устоять перед соблазном получить прибыль.

— Получай. — И Аззи вручил Рогниру два алмаза из тех, что поменьше, один рубин с крохотной трещинкой и три идеальных изумруда.

Рогнир взял камни и в недоумении уставился на них:

— Разве это не мои камни?

— Конечно! Эти камни — твоя прибыль!

— Но они были моими с самого начала!

— Знаю. А потом ты дал мне их взаймы.

— Я дал? Что-то не припомню.

— Ты помнишь, что согласился взять прибыль, когда я тебе ее предложил?

— Конечно. Кто же отказывается от прибыли?

— Ты поступил совершенно правильно. Но это была при-

быль от тех камней, которые ты дал мне взаймы, чтобы я мог извлечь из них доход. Теперь несколько камней уже вернулись к тебе. Но я еще должен тебе и те камни, которые только что вернул, и все другое. Это оборотный капитал. Через год ты получишь назад все свои камни. А прибыль ты получил уже сейчас.

— Что-то я не уверен... — заколебался Рогнир.

— Поверь мне, — сказал Аззи, — ты очень мудро разместил свой капитал. Было чрезвычайно приятно работать с тобой.

— Подожди минутку!

Но Аззи быстро сгреб все оставшиеся драгоценные камни и ушел в наземный мир, не забыв предварительно прихватить и кусочек феликсита. Конечно, демоны умеют вовремя исчезать, поэтому их действия часто не лишены театральности.

Глава 6

Аззи давно не бывал в Риме. Демоны очень любили этот город, и у них уже вошло в привычку устраивать сюда экскурсии — иногда индивидуальные, а чаще групповые. В группу экскурсантов обычно входили сотни демонов. Они путешествовали вместе с демонихами и демонятами, и их обязательно сопровождал демон-гид, который рассказывал о событиях, происшедших в том или ином месте. А посмотреть в Риме было на что. Первые места в списке достопримечательностей занимали римские кладбища. Очень увлекательным для демонов занятием было чтение надписей на надгробиях; кроме того, кладбища, с их высокими темными кипарисами и древними, покрытыми мхами надгробными памятниками, служили отличным прибежищем для меланхоличных демонов, склонных к размышлениям. Наконец, в те времена Рим был восхитителен в том смысле, что здесь то выбирали, то отлучали от церкви очередного папу и вообще поступали так, чтобы дела шли как можно хуже.

Во время визита Аззи Рим был особенно захватывающим зрелищем еще и потому, что тогда шел тысячный год христианской эры. Императором Священной Римской империи был Оттон III, и конфликты между его германскими сторонниками и итальянцами, поддерживавшими местных кандидатов, не угасли. Римские патриции регулярно брали оружие в руки и восставали против Оттона, так что в городе не прекращались беспорядки и вооруженные стычки. Выходить на улицу после наступле-

ния темноты было небезопасно, впрочем, и днем тоже. По улицам бродили банды наемников, не признающих никаких законов, и горе мужчине или женщине, если те попадались им в руки.

Аззи подлетел к городу в сумерки, когда приближался закат и солнце уже опускалось в Адриатическое море, ярко освещая стены храмов и башен Рима, тогда как терракотовые крыши уже окрасились в темные вечерние тона. Миновав узкие кривые улочки, Аззи спустился пониже над Форумом и Колизеем, чтобы насладиться величественным зрелищем. Потом он снова набрал высоту и спланировал к Палатину. Здесь, на Палатине, было особенное кладбище Нарбоцци; именно на этом кладбище с незапамятных времен демоны устраивали свои ежегодные турниры по покеру. Если ничто не помешает, игра должна была состояться и в этом году.

Кладбище Нарбоцци, занимавшее не один гектар холмистого северного склона Палатина, было усеяно мраморными саркофагами, каменными крестами, семейными склепами. Аззи бродил по заросшим высокой травой дорожкам, которые теперь, когда солнце почти совсем село, он видел намного лучше, потому что демоны вообще видят лучше в привычных условиях, то есть ночью. Поскольку кладбище было очень большим, Аззи испугался, что он никогда не найдет то место, где должна была состояться игра. Оставалось только надеяться на лучшее, ведь с ним был его талисман удачи, феликсит Рогнира, надежно завернутый в пергамент с символом царя Соломона. В кармане Аззи были и драгоценные камни Рогнира, его ставка в будущей игре.

Аззи ускорил шаги. Скоро вечерние сумерки сменила настоящая ночь, а на небе появился серп луны и засверкала звезда Сириус в созвездии Большого Пса, что всегда было хорошим предзнаменованием для демонов. На кладбище звенели цикады, а в соседних болотах квакали лягушки. Аззи испугался, уж не попал ли он не на то кладбище, ведь Риму в те времена принадлежал мировой рекорд по числу кладбищ, представлявших интерес для антикваров. Проверять все кладбища подряд — на это не хватило бы и года, к тому же у Аззи не было даже полного списка римских кладбищ.

Аззи уже начал было ругать себя за неподготовленность — конечно, ему следовало сначала связаться с Комитетом по сверхъестественным соглашениям, там узнать точное место, где состоится игра, — как вдруг услышал звуки, которые вряд ли мог издавать человек. Он пошел прямо на эти звуки; вскоре выясни-

лось, что это смех и доносится он с восточной стороны Нарбоцци, которую в древности называли «проклятой». Когда Аззи подошел ближе, то смог разобрать богохульные ругательства и громоподобный смех Ньюзейота, одного из самых важных господ среди демонов; его голос нельзя было спутать ни с каким другим. Аззи быстро подлетел к источнику знакомых звуков.

Демоны расположились в небольшом углублении между огромным мраморным саркофагом Ромула и менее древней гробницей Помпея. Они сидели в роще, окруженной высокими падубами. Демоны провели здесь всего несколько часов, но успели, как и следовало ожидать от большой компании демонов, привести в беспорядок и загрязнить все вокруг. В качестве освежающего напитка в огромных бочках был выставлен ихор, там и тут горели костры, и демоны с кулинарными наклонностями поджаривали над раскаленными углями куски людей разных рас и национальностей.

Скоро Аззи уже радостно приветствовали другие демоны.

— Тебе светлое мясо или темное? — спросила Аззи какая-то соблазнительная особа.

Но как ни восхитительна была золотисто-коричневая молодая человечина на вертеле, у Аззи не было времени на еду.

— Где игра? — только и спросил он.

— Да вон там, — показала соблазнительница.

Судя по кольцу в носу и перевернутым пятками вперед ступням, она была из племени индейских демонов. Она обворожительно улыбнулась Аззи. Соблазнительница и в самом деле была очень хороша, но в тот момент у Аззи не было ни времени заниматься флиртом, ни аппетита, потому что он уже заболел лихорадкой игры. Аззи поспешил к игрокам.

Демоны-игроки сидели кругом, освещенные кострами и свечами, слепленными из невкусных воскообразных веществ. Игроков окружало еще большее число демонов-зрителей, внимательно наблюдавших за игрой и оживленно комментировавших все события. Когда Аззи подошел к ним, уже шла большая игра. Ставкой была кучка золотых монет, несколько серебряных динариев и человечье туловище, которое оценивалось очень высоко, потому что с обрубков рук и ног еще капала кровь. Крохотный пузатый демон с тощими ручками и ножками и огромным длинным носом (судя по оленьему свитеру, лапландец) выиграл и загреб всю ставку.

— Новый игрок! — выкрикнул кто-то. Демоны потеснились и освободили место для Аззи.

Аззи уселся поудобнее, положил перед собой драгоценные камни и взял карты. Поначалу он был осторожен. Немало воды утекло с того времени, когда Аззи играл в последний раз. В этой игре он твердо решил не рисковать, ставить только наверняка, в сомнительных случаях пасовать — словом, делать все только так, как испокон веку всегда обещают себе игроки в покер, не важно, демоны они или люди. Половину своих камней он превратил в части человеческих тел и начал игру. Игра продолжалась в темноте, прорезаемой лишь жутковатым, с зеленым отблеском пламенем костров. Целые состояния переходили от одного владельца к другому, выигравшие демоны радовались и смеялись, проигравшие ругались.

Играющие демоны — отличные компаньоны до тех пор, пока игра складывается для них хорошо. Они начинают игру в превосходном настроении, ставят целые человеческие головы и с веселой непринужденностью задирают к небу ноги. Все это сопровождается определенного сорта шутками, которые демоны находили забавными, тогда как другие существа считали их признаками дурного тона. «Не желаете ли сандвич с героем?» — спрашивает, например, демон-слуга, предлагая игрокам поднос с кусками человечины.

Осторожности Аззи хватило ненадолго. Скоро он начал азартно рисковать, делая все более и более сумасшедшие ставки. У него из головы не выходила мысль о предстоящем банкете в честь тысячелетия злых деяний и о том, как бы ему хотелось быть на этом банкете. Если бы только удалось выиграть! В великом соперничестве между светом и тьмой он очень хотел представлять силы зла.

К несчастью, его куча частей человеческих тел постепенно, но неуклонно таяла. Аззи понимал, что он играет глупо, неразумно, типично по-демонски, но ничего не мог с собой поделать. Увлеченный ходом игры, он почти не замечал, что солидные демоны понемногу забирают все ставки. А что же его феликсит? Почему он не выиграл ни одну крупную игру? Потом до Аззи дошло, что талисманы удачи есть у всех демонов и что чем важнее демон, тем лучший талисман он может себе позволить. Очевидно, другие амулеты полностью нейтрализовали талисман Аззи. Его опять уничтожили! Это было невообразимо обидно и несправедливо.

Ночь пронеслась очень быстро, и вот уже Аззи заметил на востоке слабое свечение. Близился рассвет, когда игру придется прервать, если только у кого-нибудь из демонов не найдется

ключей от семейного склепа. К этому времени Аззи проиграл уже бóльшую часть того, с чем он начинал игру.

В лисьей голове Аззи чувства раздражения и обиды поочередно сменяли друг друга. Карты, которые он держал в руке, — две двойки и три разные, — означали новый проигрыш и полное банкротство. Он уже готов был бросить свои карты и сдаться, как вдруг почувствовал какое-то странное волнение, даже скорее не волнение, а ощущение чего-то необычного. Это было теплое сияние, исходившее как будто из его кармана. Неужели талисман удачи хотел что-то сказать ему? Да, конечно, так и должно было быть! Только сейчас Аззи сообразил, что уж если феликсит действительно хотел помочь ему, то мог сделать это одним-единственным способом — подождать до определенной игры, а потом вложить в нее всю силу, чтобы выиграть ее для Аззи.

Аззи, настолько уверовавший в то, что он правильно понял намерения феликсита, стал снова безрассудно рисковать, каждый раз увеличивая ставки. Раздали последние карты. Аззи даже не взглянул на них и продолжал увеличивать ставку.

Настало время раскрывать карты. Аззи бросил свои на землю и только тут заметил, что взял еще две двойки. Он уже готов был объявить, что у него две пары, как до него наконец дошло: у него же все четыре двойки! Ни у кого из игроков не было ничего похожего. Демоны заворчали и бросили свои карты. Аззи загреб все ставки, больше, чем любой другой игрок в эту ночь.

Вот так Аззи оказался обладателем кучи золотых цепей и драгоценных камней, разных частей человеческих тел, рукоятки меча с обломанным лезвием и красной шелковой подвязки — знаком расположения какой-то дамы. Среди его богатств оказались и две человечьи ноги — в очень хорошем состоянии, почти не тронутые гнилью, — и множество мелочей: голени, перегородки, набор коленных чашечек; все это Аззи обратил в золото.

Будучи истинным демоном, Аззи обязательно продолжал бы играть до последнего пенса или самой завалящей человечьей кости. Но на востоке из-за горизонта уже осторожно выглянул краешек солнца, и всем демонам пришлось убираться с кладбища. Аззи затолкал свои трофеи в прочный холщовый мешок, заранее припасенный именно для этой цели. В его голове понемногу начинала созревать какая-то мысль, которая пока еще была довольно смутной, но определенно содержала нечто разумное.

Перед заутреней

Глава 1

Расставшись с покером и кладбищем, Аззи направился на север. Он решил взглянуть на Большой конвент демонов, как раз в те дни устраивавшийся в Аахене, старой столице Карла Великого, и являвшийся частью праздничного открытия состязаний в честь тысячелетнего юбилея. Но сильный восточный ветер задержал демона, потому что ветер все равно относит тебя назад, будь ты хоть сто раз невидимым и почти неосязаемым. К вечеру Аззи добрался всего лишь до Равенны. Он решил пропустить конвент и за городской стеной отыскал прекрасное кладбище, где можно было хорошо отдохнуть.

Кладбище оказалось очень приятным местом. Здесь было много больших старых деревьев: дубы и ивы (превосходное сочетание, не правда ли?) и, конечно, кипарисы — величественные «деревья смерти» Средиземноморья. Между деревьями понемногу разрушались надгробья и мавзолеи, а вдали была видна покосившаяся городская стена, сложенная из серого камня.

Аззи удобно устроился возле потрескавшегося от времени и непогоды могильного камня. Что ему теперь было нужно, так это прежде всего уютный костер. Он пошарил по ближайшим мавзолеям и нашел несколько исключительно сухих трупов. Их, а также пяток дохлых кошек, отравленных каким-то городским шутником, вполне хватило для костра.

Ночь тянулась медленно, и вскоре Аззи почувствовал голод. Прошлой ночью во время игры в покер он очень хорошо покушал, к тому же демоны вообще могут долго обходиться без еды, но если целый день лететь против ветра, то даже у демона появится зверский аппетит. Аззи вытряхнул свой мешок, чтобы посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь съестного.

Ну конечно же, здесь нашлись две засахаренные шакальи головы, завернутые в клочок заплесневелого савана; он захватил их со вчерашней вечеринки. Головы были настоящим деликатесом, но насытить Аззи они никак не могли. Он еще порылся в своих богатствах и обнаружил пару выигранных накануне человечьих ног.

Ноги были великолепны, но почему-то Аззи не хотелось употреблять их на такие прозаические цели. Он вспомнил, что при первом взгляде на эти ноги у него родилась какая-то смутная идея, правда, какая именно, он забыл. Тем не менее Аззи

был уверен, что ноги можно употребить с бóльшим толком, чем просто съесть, поэтому он прислонил их к могильному камню и отошел, чтобы издали взглянуть на созданную им композицию. В этот момент у него появилось почти непреодолимое желание поговорить с самим собой.

В те далекие времена демоны могли пролететь сотни миль лишь для того, чтобы найти подходящее местечко, где без помех можно было произнести монолог, а на пустынном итальянском нагорье, где дул пронизывающий ветер и слышался лай шакалов, это было особенно приятным занятием.

— О ноги, — начал Аззи, — я уверен, вы великолепно шагали на радость даме вашего хозяина. Вы умели и кланяться, ибо так стройны и мускулисты, так легки, что дамы должны были одаривать вас своей благосклонностью. О ноги, я вижу вас раскинутыми на ложе на античном пиру, а потом плотно сжатыми в высшем пароксизме любви. Когда вы были молоды, вы легко вскарабкивались на величественный дуб, бежали рядом с водными потоками, по зеленым лугам и полям вашей родины. Осмелюсь утверждать, что, прокладывая новые пути, вы преодолевали непроходимые чащи и любые препятствия. Не было такой дороги, которая оказалась бы слишком длинной для вас, ибо вы никогда не уставали.

— Ты так полагаешь? — сказал кто-то с высоты за спиной Аззи.

Аззи обернулся и увидел облаченную в тогу мрачную фигуру Гермеса Трисмегистуса. Аззи не удивило, что Гермес последовал за ним. Возможно, судьба древних богов отличается от судьбы демонов и злых духов тем, что она никак не связана с категориями добра и зла.

— Рад снова видеть тебя, Гермес, — сказал Аззи. — А я тут решил немного пофилософствовать над этой парой ног.

— Я не собираюсь мешать тебе.

Гермес пролетел примерно в пяти футах над головой Аззи, грациозно приземлился, наклонился и принялся изучать ноги.

— Как ты думаешь, какому человеку они принадлежали? — спросил он.

Аззи обернулся и тоже взялся исследовать свой выигрыш.

— Очевидно, счастливому и веселому человеку, потому что, видишь, на них еще остались игриво раскрашенные шерстяные ленты, какие очень любят щеголи и те, кто очень хорошо думает о себе.

— Ты говоришь, щеголь?

— Почти наверняка. Посмотри, как изящны икры. И обрати внимание на совершенство формы и мускулатуру бедер. Мо-

жешь заметить также, что ступни небольшие, с высоким аристократическим подъемом, пальцы не искривлены, а ногти ровно подстрижены. На пятках не видно и следов мозолей. Этому парню не приходилось трудиться, чтобы заработать на жизнь, во всяком случае ногами. Как ты думаешь, какая судьба его постигла?

— Это мне неведомо, — ответил Гермес. — Но скоро мы узнаем.

— У тебя есть наготове какой-нибудь трюк? — поинтересовался Аззи. — Хитрое заклинание, неизвестное обычным демонам?

— Не без оснований я стал святым покровителем алхимиков, — сказал Гермес. — Они призывают меня, когда упаривают свои смеси. Они ищут способ превращения свинца в золото, а я могу обратить мертвую плоть в живую память.

— Похоже, это полезный трюк, — заметил Аззи. — Ты можешь его продемонстрировать?

— С удовольствием, — заметил Гермес. — Посмотрим, как эти ноги провели свой последний день.

Как это обычно бывает при заклинаниях, вдруг появилось облако дыма и послышался звон бронзового гонга. Постепенно дым рассеялся, и Аззи увидел...

Юный принц выступил на защиту отцовского замка. Он был красивым юношей и считал себя настоящим воином. За ним шел его отряд. Отряд выглядел внушительно. Легкий летний ветерок трепал алые и желтые стяги. Потом они увидели перед собой другое войско. Принц остановил своего коня и подозвал сенешаля.

— Вот они, — сказал принц. — Как говорят в Лапландии, они оказались между скалой и жесткой глыбой льда. Теперь они не уйдут.

Только это и увидел Аззи. А потом видение исчезло.

— Ты можешь узнать, какая судьба его постигла? — спросил Аззи.

Гермес вздохнул, закрыл глаза, откинул голову назад.

— Ах, — сказал он, — я настроился на волну битвы. Как прекрасно это соперничество вооруженных людей! Посмотри, как яростно они сходятся, как звонко поют хорошо закаленные мечи! Вот они уже сошлись в рукопашной схватке, все они ловки и отважны. Но что это... Один из них покидает поле битвы. Он даже не ранен, а уже отступает, постыдно бежит! Это прежний владелец наших ног.

— Трус! — выкрикнул Аззи, который как наяву представлял всю битву.

— Ах нет, ему не удастся уйти невредимым. Его преследует великан с глазами, налитыми кровью. Это берсеркер, воинственный викинг, один из тех, с кем франки боролись сотни лет, кого они называли бешеными северянами!

— Мне тоже не очень нравятся северные демоны, — заметил Аззи.

— Берсеркер бежит за трусливым принцем. Вот сверкнул его меч, и викинг наносит искуснейший боковой удар сверхъестественной силы.

— Такой удар нанести очень трудно, — прокомментировал Аззи.

— Удар был хорош, и трусливый принц разрублен надвое. Его туловище скатилось в пыль. Но трусливые ноги еще бегут, теперь они убегают от смерти. Им легко бежать, поскольку они освободились от груза туловища, но верно и то, что теперь они лишились источника энергии. Кто знает, сколько энергии нужно ногам, которые уже не связаны со своим хозяином? Демоны охотятся за такими бегущими ногами, потому что они уже пересекли границу обычного, уже бежали в бескрайней стране сверхъестественных возможностей. И вот наконец они, ковыляя, делают несколько последних неверных шагов, поворачиваются, покачиваются и безжизненно падают на землю.

— Короче говоря, у нас здесь ноги труса, — заключил Аззи.

— Конечно, труса. Но не простого, а удивительного труса, который даже в смерти бежал от смерти, настолько боялся он, как бы не произошло то, что уже случилось.

Глава 2

Вскоре Гермес покинул Аззи, потому что ему предстояло председательствовать на собрании волхвов в том месте, которое позже назовут Цюрихом, а Аззи остался на кладбище. Он о чем-то размышлял и время от времени задумчиво постукивал по ногам принца. Очевидно, ноги представляли собой слишком большую ценность, чтобы их можно было просто использовать в пищу. Конечно, именно это имел в виду Гермес, который, как всегда, ничего не говорил прямо, а только намеками.

Что же ему с ними делать? Аззи снова размечтался о великом состязании в честь тысячелетнего юбилея. Ему позарез нужна

была свежая мысль, новая идея... Аззи не сводил глаз с ног, изредка переставляя их то так, то этак. Что-то в них должно быть...

Вдруг Аззи выпрямился. Ну конечно, ноги! Вот она, мысль! Превосходная идея, такая, что его имя будет долго звучать во всех уголках всех кругов ада! У него есть идея для состязаний! Она родилась в порыве демонического вдохновения. Теперь нельзя терять времени, надо поторопиться и сначала зарегистрировать идею, потом заручиться поддержкой Высших сил зла. Какой сегодня день? Аззи быстро посчитал и даже застонал от обиды. Сегодня последний день подачи заявок. Надо идти в Верховный совет демонов, и немедленно.

Аззи глубоко вздохнул и стрелой взвился в небо. Он полетел прочь от Земли, в те области преддверия ада, где собирался Верховный совет. Мало кто об этом знает, но факт остается фактом: простому демону так же трудно попасть на прием к высокопоставленному чиновнику сил зла, как и обычному смертному к своему начальству. Если ты не занимаешь высокого поста в адской иерархии, если у тебя нет высокопоставленного родственника, если ты не одаренный атлет, то забудь о немедленном приеме; тебе придется пройти по всем инстанциям, а на это может потребоваться немало времени.

Однако Аззи временем не располагал. Утром следующего дня Верховный совет должен выбрать того, кто будет представлять силы зла, и состязания начнутся.

— Мне позарез нужно попасть в Комитет состязаний, — обратился Аззи к демону-стражнику, стоявшему у входа в Министерство, большой комплекс зданий, среди которых были и дворцы в стиле барокко, украшенные куполами-луковицами, и современные прямолинейные строения.

Министерство управляло делами демонов, чертей и прочих порождений зла. Многие демоны работали здесь клерками, потому что Министерство не прекращало бесплодных попыток систематизировать поведение сверхъестественных созданий, а для этого требовалось немало бумаги. Правительство сил зла было гораздо многочисленнее любого земного правительства и использовало в тех или иных должностях большую часть демонов ада, несмотря на то что управление демонами никогда не было санкционировано Высшими силами. Единственной общепризнанной силой, стоявшей над добром и злом, был загадочный и странный Ананке, то есть Высшая необходимость. Никто точно не знал, завершается ли лестница высшей власти на Ананке, или она поднимается еще выше. Как бы то ни было, демонические теоретики выше Ананке никогда не заглядывали. Теоретики ис-

пытывали непреодолимые трудности в общении с Ананке, поскольку он был настолько загадочен, настолько неуловим, настолько неощутим и настолько некоммуникабелен, что представлялось совершенно невозможным быть уверенным относительно Ананке в чем бы то ни было, кроме того, что он, видимо, на самом деле существует. Ананке был главным судьей соревнований между силами добра и зла, которые проводились раз в тысячелетие. Решения Ананке достигали демонов загадочными путями. Ананке сам по себе был вечным законом, но таким, который появлялся лишь изредка, мельком и никогда не представал для всеобщего обозрения.

* * *

А почему вообще демонами нужно было управлять? Теоретически демоны представляли собой вполне автономные создания, подчинявшиеся только своему внутреннему импульсу — творить зло. Но, вероятно, в структуру всех разумных созданий, естественных или сверхъестественных, изначально закладывается какое-то извращение, которое заставляет их идти против своей сути, во вред самим себе, против всего, во что они должны верить. Вот и демонам непременно понадобилось свое правительство, этакое бюро конформизма, и они были бесконечно счастливы, когда наконец получили его, так как их самые умные теоретики утверждали, что введение стандартов зла является бóльшим злом, чем сами злые деяния. Поручиться за правильность такой концепции было трудно, но она казалась разумной.

Аззи поступил как неконформист. Он молнией пролетел мимо стражников, у которых от такого нахальства даже челюсти отвисли, потому что Аззи вел себя уж слишком не по-демонски. Обычно демоны заискивают перед своим начальством. Тем не менее стражники не решились бежать за Аззи и тем более задерживать его, поскольку молодой демон с лисьей мордой показался им совсем помешанным, а если это так, он мог быть чудесным образом озарен, то есть вдохновлен самим Сатаной, во славу которого в поте лица своего трудились на совесть все силы зла.

Аззи стрелой понесся по длинным коридорам Министерства. Он хорошо понимал, почему демоны-стражники даже не попытались остановить его. Со стражниками все получилось отлично, но сам Аззи знал, что он совсем не озарен и что Верховный совет не примет его с распростертыми объятиями. Может быть, он совершил большую ошибку, взвалив на свои плечи явно непосильную ношу? Аззи тут же отбросил малодушные мысли, и

его решимость довести начатое дело до конца только окрепла. Раз уж ввязался, придется продолжать.

Аззи промчался вверх по величественной лестнице с двумя параллельными маршами, повернул налево, чуть не сбив на ходу урну с только что срезанными весенними сорняками, и понесся дальше по коридорам, поворачивая налево везде, где представлялась такая возможность, и обгоняя демонов-клерков, с озабоченным видом перетаскивавших с места на место огромные кипы бумаг. Наконец Аззи остановился перед высокой бронзовой дверью. Здесь и должен был заседать Верховный совет. Аззи толкнул дверь и вошел.

Когда Аззи ворвался в зал, собрание сил зла было в полном разгаре. Как выяснилось, это сборище было не из лучших. Скотские морды демонов-лордов выражали недовольство, их рты искривились, глаза опухли и покраснели.

— А это что такое? — изумился Белиал, который даже приподнялся на своих козлиных копытах, чтобы получше рассмотреть Аззи, согнувшегося в низком поклоне.

Аззи от страха потерял дар речи; в тот момент он мог только заикаться и во все глаза смотреть на демонов-лордов.

— Совершенно ясно, что это такое, не правда ли? — сказал Азазель, поводя своими могучими плечами и шелестя черными крыльями. — Это простой демон, который имел наглость ворваться к нам. Не знаю, что за молодежь сейчас пошла. В наше время мы были совершенно другими. Тогда молодые демоны уважали старших и горели желанием угодить им. Теперь они шатаются бандами — их называют, я слышал, помоечными шайками — и им наплевать, что они оскорбляют серьезных демонов своим шумом. Но им и этого мало: теперь они выбрали одного из своих и поручили ему ворваться в наш санкторум, чтобы здесь насмехаться над нами.

Белиал, старый соперник Азазеля, стукнул копытом по столу и издевательски примирительным тоном сказал:

— Мой многоуважаемый коллега проявил недюжинный талант, увидев во вторжении одного демона нападение вооруженной банды. Что же касается меня, то я вижу здесь не банду, а всего лишь довольно глупого на вид единственного демона. Я хотел бы также отметить, что в этом контексте было бы более конкретным употребить слово *санктум*, а не *санкторум*. Многоуважаемый коллега, без сомнения, знал бы это и сам, если бы дал себе труд

овладеть прекрасным древним языком — благородной латынью, являющейся матерью всех языков.

У Азазеля загорелись глаза, из ноздрей вырвались небольшие клубы голубого дыма, а с кончика носа закапала ядовитая кислота, которая мгновенно проела дырки в столе, сделанном из железного дерева.

— Я не позволю, — гневно сказал он, — чтобы надо мной издевался какой-то выскочка, который даже не рожден демоном, а только *произведен* в сан демона и который в силу своего сомнительного происхождения едва ли способен понять истинную природу зла.

Заговорили, стараясь перекричать друг друга, и другие члены Верховного совета, потому что демоны очень любят спорить о том, кто лучше понимает зло, кто лучше всех выражает зло и, следовательно, кто из них хуже всех. Однако к этому времени к Аззи вернулось самообладание. Он понял, что демоны-лорды скоро переключат свое внимание на него, и поспешил опередить события, заранее сказав несколько слов в свою защиту.

— Джентльмены, — начал Аззи, — я очень сожалею, что стал невольной причиной таких горячих споров. Я никогда бы не позволил себе врываться к вам, если бы у меня не было для вас срочного сообщения.

— Действительно, — сказал Белиал, — так почему же ты пришел? Я обратил внимание, что ты не принес с собой подарков, как это у нас принято. Что же ты хочешь нам сказать?

— Верно, — продолжал Аззи, — я пришел без подарков. Приношу свои извинения, всему виной спешка. Но у меня есть для вас нечто более важное.

Аззи замолчал. Врожденная любовь к театральности подсказывала ему, что в этот момент лучше ненадолго прервать свой монолог.

Демоны-лорды тоже кое-что понимали в искусстве театра. Они не сводили с Аззи обвиняющих взглядов и молчали. Аззи казалось, что так прошла целая вечность. Наконец Бельфегор, который уже давно мечтал о перерыве, чтобы хоть немного подремать, сказал:

— Ну хорошо, будь ты проклят, так что же такое ты принес, что дороже подарков?

Осипшим от волнения, негромким голосом Аззи ответил:

— Джентльмены, я принес то, что дороже всего на свете, — идею.

Слова Аззи напомнили демонам-лордам о цели их собрания — поиске идеи для выступления на предстоящих праздничных состязаниях между светом и тьмой, такой идеи, которая, с одной стороны, была бы их вкладом в вечную борьбу добра и зла, а с другой — могла бы, так сказать, наглядно продемонстрировать превосходство зла и дать демонам право определять судьбу человека в следующем тысячелетии.

— Так что же это за идея? — спросил Белиал.

Аззи низко поклонился и начал рассказывать демонам-лордам историю Прекрасного принца.

Сказки пользуются большим успехом не только у людей, но и у демонов. Все демоны-лорды знали сказку о Прекрасном принце и Спящей красавице, о том, как молодой принц отправился спасать принцессу, заколдованную злой феей и заснувшую беспробудным сном. Прекрасный принц, которому помогали только верность и его благородное сердце, преодолел все опасности, подстерегающие его на пути к принцессе, победил всех врагов, пробился через непроходимую чащу, добрался до ее замка, вскарабкался на вершину стеклянной горы, где стоял ее дворец, и поцеловал принцессу. Она тут же проснулась, после чего они поженились и жили долго-долго и счастливо.

Аззи предложил поставить спектакль по этой сказке, немного изменив по своему усмотрению характеры действующих лиц.

— Джентльмены, — сказал Аззи, — дайте мне возможность получать из отдела снабжения ада все, что для этого потребуется, и я слеплю такого принца и такую принцессу, которые будут вести себя совсем не так, как в сказке о Спящей красавице. Я превращу эту бесцветную сказку в захватывающую драму. Мои герои продемонстрируют другой финал. К радости наших друзей и к смятению наших врагов, то завершение сказки, которое они создадут по собственной воле, убедительно покажет, что при условии полной свободы действий в исканиях человеческого духа неизменно должно побеждать зло.

— Идея неплоха, — одобрил Азазель. — Но почему ты уверен, что твои актеры, будучи предоставлены сами себе, станут поступать именно так, как ты этого хочешь?

— Благоприятный исход, — сказал Аззи, — можно обеспечить за счет тщательного подбора частей тел актеров и соответствующего внушения после того, как эти части будут собраны и актеры оживлены.

— Тщательного подбора? — не понял Флегетон. — Что ты хочешь этим сказать?

— Начало уже положено, — ответил Аззи. — Вот здесь у меня то, на чем, как на фундаменте, я собираюсь построить моего Прекрасного принца.

Аззи вытащил из холщового мешка две человечьи ноги, выигранные им в покер. Демоны-лорды подались вперед, стараясь получше рассмотреть их. Давление взглядов демонов-лордов было настолько сильное, что над ногами появилось облако памяти тела, поэтому каждый демон смог сам увидеть историю их бывшего владельца и понять, при каких обстоятельствах он лишился их.

— Действительно, дьявольски трусливые ноги, — сказал Белиал.

— Именно так, милорд, — согласился Аззи. — С такими ногами принц никогда не выдержит трудного испытания. Ноги сами унесут его в постыдную безопасность!

— Ты думаешь, что в твоей постановке сказка так и кончится? — спросил Белиал.

— Нет, милорд, это не так, — возразил Аззи. — Я почтительнейше прошу не вынуждать меня преждевременно раскрывать все детали моего плана, ибо вся его прелесть заключается в полной свободе творческой интуиции, когда я сам заранее не буду точно знать, что же из этого в конце концов получится.

Конечно, план Аззи не был лишен недостатков, и скорее всего Верховный совет демонов отклонил бы его, если бы не спешка, если бы не необходимость срочно принять решение. Лучших предложений не было, и демоны-лорды утвердительно закивали.

— Думаю, в этом что-то есть, — сказал Белиал. — А как вы считаете, уважаемые коллеги?

Коллеги задвигались, захмыкали, забормотали что-то нечленораздельное и в конце концов согласились.

— Тогда за дело, — обратился Белиал к Аззи. — Иди и выполняй свое обещание. Мы сделали выбор и заявляем на состязание тебя. Сей ужас и зло от нашего имени.

— Благодарю вас, — сказал искренне тронутый Аззи. — Но для этого мне нужны деньги. Я никак не обойдусь без таких кусков человечьих тел, какие дешево не купишь. Еще мне понадобятся два замка, по одному для каждого героя, и дом для меня, откуда я буду управлять представлением. Еще зарплату слуге и много других мелочей.

Лорды выдали Аззи черную кредитную карточку. На ней над

перевернутой пентаграммой огненными буквами было начертано имя Аззи. Пользоваться кредитной карточкой не составляло труда — достаточно было сунуть ее в любое темное и достаточно зловещее место.

— С этой карточкой, — сказал Белиал, — ты мгновенно получишь из адского отдела снабжения неограниченный кредит. Можешь обращаться к снабженцам в любое время и из любого места, надо только найти что-нибудь поотвратительнее, куда можно было бы засунуть карточку. Впрочем, с этим проблем не возникнет, ведь ты будешь на Земле. Карточка годится и для управления метеорологическими явлениями — можешь по своему желанию заказывать погоду.

— Но героя и героиню ты должен собрать сам, — дополнил Азазель. — И, конечно, ты полностью отвечаешь за сценарий драмы.

— Принято, — сказал Аззи. — На другие условия я бы сам не согласился.

Глава 4

Если бы в тот день кто-нибудь наблюдал за главной площадью деревни Хагенбек из верхних окон возвышавшегося над ней старого узкого дома с остроконечной крышей, то мог бы заметить, что с почтовой каретой из Труа прибыл некий мужчина. Он был высок и весьма привлекателен. Его нельзя было назвать ни слишком молодым, ни старым, а довольно приятное лицо мужчины смотрело сурово и строго; видно, важная персона. На нем была одежда из добротного английского сукна, а на башмаках сверкали латунные пряжки. Незнакомец сошел в Хагенбеке, сразу направился к постоялому двору «Висельник» и спросил комнату. Хозяин постоялого двора, герр Глюк, поинтересовался платежеспособностью гостя. В ответ Аззи (ибо это был именно он) достал кошелек, в котором оказалось несчетное количество испанских золотых дублонов.

— Отлично, великолепно, мой господин, — угодливо заюлил хозяин, всячески стараясь продемонстрировать свое расположение. — У нас как раз освободился лучший номер. Обычно он занят, но сейчас все уехали на большую ярмарку в Шампань.

— Тогда этот номер мой, — сказал Аззи.

Номер и в самом деле оказался неплох. В главной комнате было большое сводчатое окно, а рядом находилась небольшая ванная комната, в которой можно было привести себя в поря-

док. Впрочем, нельзя сказать, чтобы демоны часто пользовались такими услугами.

Сначала Аззи улегся на огромную кровать. Казалось, наконец-то его карьера сдвинулась с мертвой точки. Аззи и сам был немало удивлен, как быстро он взлетел от ничтожной должности в «Северном дискомфорте 405» до роли импресарио новой игры в честь тысячелетнего юбилея. Какое-то время он лежал на пуховой перине и прекрасных мягких подушках, предаваясь приятным размышлениям о своей удачной судьбе, потом встряхнулся — пора было приниматься за выполнение задуманных планов.

Прежде всего надо было найти слугу. Аззи решил спросить совета у хозяина постоялого двора.

— Слуга вам обязательно нужен, — сказал толстый хозяин. — Я был просто поражен, что такой благородный господин путешествует без слуг, без большого дорожного сундука. Но раз у вас есть деньги, то будет нетрудно исправить положение.

— Мне нужен не совсем обычный слуга, — пояснил Аззи, — такой, кому можно было бы давать самые необычные поручения.

— Не будет ли дозволено поинтересоваться, — спросил хозяин, — о каких поручениях говорит ваше сиятельство?

Аззи изучающе посмотрел на хозяина. На первый взгляд он казался добродушным толстяком, но за этой внешностью нетрудно было разглядеть недобрый характер. Этому человеку зло явно было не чуждо, при необходимости он не остановился бы ни перед чем, ему наверняка был знаком и тот особый восторг, который охватывает тебя при мысли о совершении зла, если твоя собственная жизнь скучна и лишена радостей.

— Хозяин, — сказал Аззи, — мои поручения могут оказаться не вполне в духе королевских законов.

— Да, господин, — сказал хозяин.

— Вот здесь я подготовил, — продолжал Аззи, — небольшое объявление с перечнем качеств, которыми должен обладать мой слуга. Я хочу, чтобы ты вывесил его где-нибудь.

С этими словами Аззи вручил хозяину пергаментный свиток. Хозяин взял пергамент, поднес к глазам, потом отвел подальше, выбирая наиболее удобную для чтения точку.

Объявление гласило: «Требуется слуга, человек не щепетильный, привыкший к крови и смерти, честный и надежный, готовый на все».

Несколько раз перечитав объявление, хозяин сказал:

— Такого человека можно найти, если не в нашей деревне, в Хагенбеке, то уж наверняка в соседнем Аугсбурге. Но я буду рад повесить ваш пергамент на стене моего дома рядом с объяв-

лениями о продаже сена и овса. Посмотрим, что из этого получится.

— Так и сделай, — сказал Аззи. — И пришли мне графин лучшего вина на тот случай, если мое ожидание затянется и станет не в меру тягостным.

Хозяин отвесил низкий поклон и удалился. Не прошло и нескольких минут, как он прислал служанку, несчастное создание с перекошенным лицом и прихрамывающей походкой. Она принесла не только графин вина, но и несколько свежеиспеченных пирожков.

Аззи вознаградил служанку серебряным пенни, и та униженно благодарила его. Аззи удобно уселся и устроил небольшой пир. В сущности, демонам пища не нужна, но уж если демон принимает человеческое обличье, то вместе с обличьем к нему переходят человеческие желания, в том числе и аппетит. Аззи основательно подкрепился, а потом послал еще за пирогом с черными дроздами, который, как он учуял, пекся на хорошо оснащенной кухне постоялого двора.

Прошло еще немного времени, и вот уже в дверь Аззи постучался первый проситель. Им оказался высокий молодой человек, тощий, как жердь, с копной нечесаных, почти белых волос, которые казались своего рода нимбом. На нем была вполне приличная, хотя и не раз залатанная одежда. Держался он с достоинством, а когда Аззи отворил дверь, отвесил низкий поклон.

— Господин, — сказал незнакомец, — я прочел ваше объявление внизу и поспешил представиться. Меня зовут Аугустус Хай, и я занимаюсь поэзией.

— В самом деле? — удивился Аззи. — Несколько необычная ситуация — поэт, который хочет стать слугой.

— Ничего необычного, господин, — возразил Хай. — Поэт, хочет он этого или нет, обязан иметь дело с высшими проявлениями человеческих страстей. Кровь и смерть меня вполне устраивают, ибо они могут помочь найти сюжет для моих поэм, в которых я хотел бы воспеть тщету жизни и неотвратимость смерти.

Слова поэта не вполне удовлетворили Аззи. Едва ли этот поэт годился для выполнения планов демона, но все же он решил испытать его.

— Ты знаешь местное кладбище? — спросил Аззи.

— Конечно, милорд. Кладбища — любимое место поэтов, жаждущих вдохновения, которое позволило бы им облечь в слова великие и скорбные события.

— Тогда сегодня ночью, когда зайдет луна, поторопись на

свое любимое место и принеси мне оттуда хорошо вылежавшийся череп, не важно, с волосами или без волос. Еще лучше будет, если захватишь и несколько дамских пальцев.

— Дамских пальчиков? Прошу прощения, мой господин, вы имеете в виду конфеты с таким названием?

— Ничего подобного, — ответил Аззи. — Я имею в виду самые настоящие пальцы, в буквальном смысле этого слова.

Нетрудно было заметить, что уверенности у Хая поубавилось.

— Такие вещи трудно достать.

— Это мне известно, — сказал Аззи. — Если бы было легко, я бы сбегал за ними сам. Теперь иди. Посмотрим, на что ты способен.

Не слишком окрыленный, Хай ушел. У него не осталось никаких надежд. Как и все поэты, он привык только болтать о крови и смерти, а не пачкать свои руки в крови.

Все же Хай решил попытаться выполнить поручение, потому что лорд Аззи (так назвался демон), очевидно, был могущественным человеком. Стало быть, можно рассчитывать на щедрое вознаграждение.

Следующим кандидатом в слуги оказалась старая женщина, высокая и худая, одетая во все черное. У нее были крохотные глазки, длинный нос и тонкие, бесцветные губы.

— Я знаю, вы хотите в слуги мужчину, — сказала старуха, сделав глубокий реверанс, — но надеюсь, вы будете не слишком тверды в своем решении. Для вас, лорд Аззи, я буду великолепной служанкой, а в придачу вы сможете насладиться моим расположением.

Аззи содрогнулся. Кажется, старая карга и в самом деле была о себе неплохого мнения, если думала, что лорд или принявший обличье лорда демон сочтет ее пригодной на что-то большее, чем стягивание сапог после многотрудного дня, проведенного в седле. Тем не менее Аззи решил быть объективным и справедливым.

Он дал старухе то же поручение, что и поэту Хаю. Старая карга, которую звали Агата, также была ошарашена. Она относилась к числу тех, кто искренне верил, что вся суть зла заключается в его внешних проявлениях. В Хагенбеке о старухе уже много лет судили только по ее внешности и потому считали способной на любое злодейство. Да та и сама уверилась, что не остановится ни перед чем и найдет радость в крови и смерти, поэтому искренне полагала, что предложенная Аззи работа как раз по ней. На самом же деле старуха, несмотря на отвратительную наруж-

ность, едва ли смогла бы отрубить голову цыпленку. Однако она обещала постараться и вернуться с трофеями в полночь.

В тот день кандидатов в слуги больше не появлялось. Похоже, в этих местах люди утратили вкус к работе такого рода. Аззи остался недоволен, но не терял надежды. Обзавестись слугой было совершенно необходимо.

Глава 5

После полудня Аззи отправился в соседний Аугсбург и там провел остаток дня, прогуливаясь по городу и осматривая старинные храмы. Демоны очень интересуются Божьими храмами, ибо, хотя те и служат силам добра, с успехом могут быть обращены и злу на службу. Ранним вечером Аззи возвратился в Хагенбек, на постоялый двор «Висельник», но от хозяина узнал, что число претендентов на предложенное им место не возросло.

Аззи достал черную кредитную карточку и принялся ее тщательно рассматривать. «Прекрасная вещь», — подумал он. Аззи хотел было заказать что-нибудь развлекательное, например танцовщиц, но тут же отказался от этой мысли. Дело прежде всего. Ему нужен хороший слуга-человек. Когда появится слуга, начнется работа, начнутся и развлечения.

Вечером Аззи решил пообедать внизу вместе с торговым людом и ремесленниками. У него был отдельный столик, отгороженный от переполненного общего зала занавеской. Аззи чуть-чуть раздвинул занавеску, чтобы можно было тайком понаблюдать за чудаками.

Люди с аппетитом ели и пили, весело шумели. Аззи недоумевал, как они могут быть настолько легкомысленными. Неужели они не знали, что приближается новое тысячелетие? Аззи казалось, что все в Европе думали только об этом, а кто-то уже принимал соответствующие меры предосторожности. На проклятых вересковых пустошах совершались танцы смерти, было множество разных явлений и знамений. Многие уверовали в приближение конца света. Некоторые обратились к молитвам, другие решили, что они все равно обречены, и предпочитали проводить время в обжорстве и любовных утехах. В десятке разных мест по всей Европе видели ангела смерти, который обозревал территории и составлял предварительные списки тех, кого надлежало вскоре забрать. В храмах и соборах предавали анафеме распущенность и неразборчивость. Но все было почти или совсем бесполезно. В душе люди были до смерти напуганы приближением

зловещего года, когда, как говорили, мертвый восстанет из гроба, на земле увидят мрачную фигуру Антихриста и все существа сойдутся на Армагеддон, на последнюю великую битву между силами добра и зла.

Аззи не было нужды прислушиваться к подобным вульгарным разговорам. Он-то знал, что человечество еще далеко не проиграло. Состязания в честь тысячелетнего юбилея будут проводиться еще несчетное количество раз, как они проводились тысячи лет назад, о чем человечество сохранило лишь самые смутные воспоминания.

В конце концов Аззи утомился и отправился в спальню. До полуночи оставалось еще полчаса или около того. Аззи был почти уверен, что ни Хай, ни Агата не вернутся, просто они слеплены не из того материала. Но на всякий случай он решил не ложиться спать и дождаться их, тем самым оказывая им любезность.

Медленно тянулись минуты, и скоро вся деревня погрузилась в тишину. Это было любимое время Аззи — когда до полуночи остается несколько минут. В это время мир изменяется: печальная безгрешность вечера уже забыта, а до спасительной красоты еще очень далеко. В те часы, что отделяют рассвет от полуночи, зло всегда чувствует себя наиболее уверенно, ему хочется экспериментировать, творить новые чудеса, страшно грешить, все искажать, постоянно придумывать новые и новые извращения, воплощение которых доставляет радость погрязшей в грехах душе.

Наступила и прошла полночь, однако никто так и не постучал в дверь Аззи. Понемногу демону стало надоедать бесплодное ожидание, а огромная постель с пуховым стеганым одеялом под пологом на четырех столбиках казалась все более и более соблазнительной. Это было настоящее искушение, а демоны, как известно, вовсе не обязаны бороться с искушениями. Поэтому Аззи сдался, взобрался на постель и закрыл глаза. Он крепко заснул, и во сне к нему явились три девы во всем белом, в руках они несли святые реликвии. Девы поклонились Аззи со словами: «Пойдем, Аззи, порезвимся вместе». Аззи смотрел на дев, и ему страшно хотелось присоединиться к ним, ибо они улыбались и соблазнительно подмигивали. Но было в них и что-то такое, что не понравилось Аззи; его опытному взгляду показалось, будто бы девы на самом деле не питали любви к злу, а лишь притворялись, чтобы совратить Аззи и завлечь его в свои сети. Тем не менее его тянуло к девам, тянуло почти против его собственной воли, несмотря на то что он повторял про себя строки из Кредо зла: добро может принимать привлекательную форму, поэтому

демон должен остерегаться соблазна того, что только кажется злом. Кредо не помогало. Девы уже протянули руки к Аззи...

Чем кончилась эта кошмарная история, Аззи так и не узнал, потому что его разбудил стук в дверь. Демон поднялся и взял себя в руки. Как же нелепо бояться, что тебя испортит добро! Такие страхи очень типичны для демонов, и сон серьезно расстроил Аззи.

В дверь снова постучали.

Аззи посмотрел в треснутое зеркало. Он пригладил брови, зачесал назад рыжие волосы и для тренировки бросил в зеркало косой свирепый взгляд. Да, сегодня он способен одним своим видом навести ужас; значит, он готов принять любого очередного кандидата в слуги.

— Входи, — сказал Аззи.

Аззи был немало удивлен, когда дверь отворилась и он рассмотрел посетителя.

Вошедший был ему незнаком. Он оказался почти карликом, к тому же с большим горбом. На нем был очень широкий черный плащ, в который он завернулся с головы до пят, не забыв накинуть на голову большой капюшон. Его вытянутое костлявое лицо было страшно бледным, почти как у покойника. Посетитель сделал несколько шагов, и тут Аззи заметил, что он хромает и опирается на палку.

— Кто же ты такой, — спросил Аззи, — что не побоялся потревожить меня в столь поздний час?

— Меня зовут Фрике, — ответил хромой горбун. — Я пришел по твоему объявлению. Ты хотел слугу, готового на любое дело. Вот я и решил предложить свои услуги, потому что я именно тот человек, который тебе нужен.

— Ты без лишней скромности рекомендуешь себя. Но тебя уже опередили два конкурента. Я дал им простое поручение и теперь жду их возвращения.

— Ах да, — сказал Фрике. — Я их случайно встретил — поэта и старую каргу. Они стояли у ворот кладбища, все хотели набраться смелости выполнить твое поручение.

— Им не следовало бы так задерживаться. Назначенное время уже прошло.

— Понимаешь, хозяин, — сказал Фрике, — с ними вроде бы произошел несчастный случай. Поэтому я пришел вместо них.

— Какой несчастный случай? — не понял Аззи.

— Милорд, — уклонился от прямого ответа Фрике, — я принес то, что ты требовал от них.

* * *

Из-под плаща Фрике извлек мешок из дубленой воловьей шкуры, открыл его и вытащил два свертка в мешковине. Он развернул один из свертков и показал Аззи девять ровно отрезанных — скорее всего бритвой — пальцев.

— Вот, смотри. Дамские пальцы.

— Немного отекшие, — заметил Аззи, потрогав пальцы и попробовав один из них на зуб.

— За такое короткое время трудно найти что-либо лучше этого, — оправдывался Фрике.

— А почему здесь неполный комплект? Одного большого пальца не хватает!

— Ваша светлость мог и не заметить, — объяснил Фрике, — потому что замечать такие мелочи было бы ниже вашего достоинства. Но, господин, я бы хотел обратить твое внимание на то, что Агата, страждавшая стать твоей служанкой, один большой палец потеряла давным-давно. Как это случилось, мне неизвестно. Боюсь, что теперь я уж так и не смогу узнать.

— Ладно, это не важно. Но я просил принести еще и голову.

— Ах да, — сказал Фрике. — Ты поручил это поэту. Господин, ты можешь подумать, что это задание было очень легкое, поскольку местное кладбище битком набито теми штуками, одну из которых ты просил. Но поэт долго бродил вокруг кладбища, наконец вошел за его ограду, поковырял лопатой в одном месте, потом, передумав, стал ковырять в другом. Все это мне надоело, я стал ждать, когда же он выполнит твое поручение. Поэтому, милорд, я позволил себе вольность и одним ударом достал то, что ты просил, и избавился от соперника.

С этими словами Фрике развернул второй сверток и продемонстрировал Аззи голову поэта.

— Я вижу, отрезано не слишком чисто, — для порядка заметил Аззи, который на самом деле был очень доволен работой этого кандидата в слуги.

— Сожалею, но у меня не было времени выжидать, когда представится случай нанести точный удар, — ответил Фрике. — Правда, в округе все знали, что он никудышный поэт, поэтому, осмелюсь заметить, он сам промахивался не раз.

— Фрике, ты поработал отлично и тотчас же займешь место моего слуги. Думаю, для простого смертного ты можешь служить образцом. Поскольку ты хорошо справился с этим заданием, уверен, для тебя не будет проблемой достать и то, что мне пона-

добится в дальнейшем, если я заранее объясню тебе задачу и обследую территорию.

— Буду рад служить тебе, хозяин.

Аззи полез в глубокий нагрудный карман, извлек замшевый мешочек и достал из него четыре золотых талера. Он вручил монеты Фрике, который в знак благодарности низко поклонился.

— А теперь, — сказал Аззи, — пора браться за работу. Полночь миновала, наступило время, когда торжествует зло. Фрике, ты готов к тому, что может ждать нас?

— Конечно, готов.

— А что бы ты хотел получить в награду за службу?

— Только возможность служить тебе и дальше, господин, — ответил Фрике. — До самой смерти и после нее.

Так Аззи узнал, что Фрике догадался, кто такой — точнее, что такое — его хозяин. Аззи был очень доволен, что ему попался столь сообразительный слуга. Он приказал Фрике упаковать вещи. Они должны были срочно приниматься за работу.

Глава 6

Чтобы приступить к делу, Аззи сначала нужно было найти место, из которого было бы удобно управлять всеми операциями. Постоялый двор «Висельник» был хорош во многих отношениях, но здесь для Аззи не хватало простора; к тому же другие постояльцы обычно проявляли чрезмерное любопытство. Аззи и Фрике только начали собирать свое добро, а уже возникла проблема запаха. Аззи знал несколько образцов магических заклинаний, помогавших хранить человечину в сравнительно свежем виде, но ни одно из них не в состоянии полностью нейтрализовать запах смерти и тлена, неотделимый от работы демона. Даже если бы Аззи нанял людей, чтобы те подносили ему лед с альпийских вершин, то и этого было бы недостаточно.

Самое главное, это обошлось бы слишком дорого, поэтому силы тьмы заблаговременно наложили вето на столь грандиозное мероприятие, заявив, что оно никак не оправдывает расходы и привлечет пристальное внимание к Аззи и его делу.

Итак, перед Аззи встала проблема: найти дом, в котором, помимо всего прочего, можно было бы устроить лабораторию. Дом должен был располагаться в центральной части Европы, потому что именно там будет разворачиваться сюжет драмы. В конце концов Аззи остановил свой выбор на Аугсбурге, небольшом городке в Альпах, недалеко от Цюриха. Тогда Аугсбург был уют-

ным местечком, лежавшим на большом торговом пути. Последнее обстоятельство было немаловажным, поскольку означало, что здесь Аззи сможет покупать у проезжих торговцев необходимые для его работы специи, пряности и травы. Аугсбург устраивал Аззи еще и потому, что он давно пользовался славой центра колдовства. Каждый посетитель города подозревал всех других в колдовстве, поэтому здесь Аззи мог меньше опасаться лишних подозрений.

Аззи встретился с бургомистром и договорился о долгосрочной аренде замка Шато-дез-Арт, располагавшегося на северной окраине города. Это величественное старинное здание с остроконечной крышей, построенное на развалинах римской виллы, в которой во времена Римской империи жил претор, устраивало Аззи как нельзя больше. Здесь был огромный погреб, который решал проблему хранения быстро разраставшейся коллекции разных частей человеческих тел. К тому же замок был расположен сравнительно недалеко и от Цюриха, и от Базеля, где находились медицинские школы — хороший источник дополнительного материала.

К сожалению, наступало лето, когда даже консервирующие заклинания Аззи были не в состоянии полностью предохранить человечину от порчи. В конце концов Аззи пришлось прибегнуть еще к одному средству. С незапамятных времен было известно, что любая органическая материя, если ее опустить в чан с ихором, хранится очень долго. Вообще ихор был универсальным средством: он очень хорош как напиток и способен творить чудеса, если его использовать в других целях.

Однако достать большие количества ихора оказалось проблемой. Адские снабженцы старались все до капли оставить для собственного употребления. Лишь после того, как Аззи попросил Гермеса Трисмегистуса походатайствовать за него, он получил столько ихора, сколько ему требовалось. После этого Аззи пришлось еще долго объяснять Фрике, что тому не следует прикасаться к драгоценным запасам под страхом ужасных пыток и даже смерти.

С бедрами, коленными чашечками, локтями, грудями особых затруднений не было. Ребер и плеч тоже хватало. Беда в том, что Аззи хотел знать происхождение каждого куска человечины, который ему предлагали, а те продавцы, с кем ему приходилось иметь дело, редко располагали сведениями такого рода. Один теплый день сменял другой, распускались летние цветы, трава и

листва на деревьях приобрела густо-зеленый оттенок, а у Аззи уже собралась изрядная куча человечины. Но все это были второстепенные части. В конечном счете все решали головы, лица и руки, а их катастрофически не хватало.

Прошло еще сколько-то дней, отгрохотали летние грозы, а Аззи, казалось, ни на шаг не приблизился к своей цели. Он собрал экспериментального человека, но тот оказался полным идиотом, не способным издать ни одного членораздельного звука или сделать хотя бы два шага не споткнувшись. Пришлось его затолкать в чан на переделку. Очевидно, мозг бедняги испортился задолго до первых попыток Аззи его законсервировать. Аззи снова стал задумываться, а по зубам ли ему этот орешек.

Впрочем, обычно в эти прекрасные летние дни Аззи казалось, что до назначенного срока — конца года — еще целая вечность. Аззи нанял рабочих для ремонта замка и крестьян из соседних деревень для сбора раннего урожая. Странно, но такие хлопоты по хозяйству доставляли ему определенное удовольствие и позволяли приятно коротать время в ожидании результатов охоты Фрике за головами.

Шато-дез-Арт был расположен очень удобно. Отправившись из него в южном направлении, можно было сравнительно быстро добраться до Италии, в западном — до Франции, в восточном — до Богемии и Венгрии. Пока сам Аззи проводил время в домашних заботах, он отсылал Фрике то в одну, то в другую сторону. Фрике отправлялся на большой серой кобыле, за которой тащились две вьючные лошади. Возвращаясь, он привозил много любопытных и полезных вещей, но что касается человеческих голов, то в этом смысле везде продолжался мертвый сезон. Ах, эти головы...

Аззи рассказал бургомистру Эстелю Кастельбрахту, что он занимается исследованиями, точнее — поиском снадобий от чумы и малярии, которые свирепствовали в тех местах со времен Римской империи. Аззи объяснил, что ему необходимо проводить опыты на покойниках, как того требовали методы, которые он узнал от великих алхимиков того времени. Бургомистр, а за ним и все горожане поверили Аззи, потому что он казался приятным человеком и никогда не отказывал в помощи заболевшим горожанам, которые очень часто благополучно выздоравливали.

Занимаясь такими делами, Аззи не забывал и о других вещах, которые должны были ему понадобиться для представления о Прекрасном принце и Спящей красавице. Он направил в отдел

снабжения заявку, но ответы адских снабженцев всегда были туманными и пестрили оговорками вроде «если имеется в наличии» или «в наличии не имеется, поставка ожидается». Аззи был особенно раздражен, когда получил ответ на свое заявление о получении двух замков — одного для Прекрасного принца, другого для Спящей красавицы. Руководство адского отдела снабжения через сову-оракула ответило, что в настоящее время они не располагают замками. Аззи пытался спорить, объяснял, что речь идет о приоритетном мероприятии, санкционированном Верховным советом демонов. «Ну конечно, — отвечали снабженцы, — у вас все мероприятия приоритетные, но мы-то все равно выше головы не прыгнем...»

Аззи решил, что лучше ему самому слетать в отдел снабжения, походить по их складам и отобрать все, что может пригодиться тогда, когда его принц и красавица будут готовы к окончательной сборке. Да, определенно пора было наведаться в преддверие ада, в ту не слишком четко очерченную область, в которой формируются сверхъестественные события, изменяющие судьбу человечества то в одну, то в другую сторону.

И при этом не забывать про голову...

Глава 7

Аззи улетал с неохотой. Он знал, что не должен поддаваться сентиментальным чувствам, расставаясь с домом, в котором он поселился лишь с определенной целью и в котором он в любом случае останется ненадолго. И все же эти хозяйственные хлопоты на полях и в замке... Раньше, наблюдая за переменами в Шато-дез-Арт, совершавшимися по его распоряжениям, он почему-то не связывал себя с замком. Теперь же Аззи понял, что все больше чувствовал себя в замке... как дома.

К тому же путешествие в преддверие ада нельзя было назвать безопасным. Переходить из одного царства в другое всегда было непросто. Законы любого царства, как и земные законы, невозможно понять до конца. Очевидно, что странные законы, управлявшие переходами из одного царства в другое, и должны были быть уж совсем непонятными.

К счастью, на этот раз все прошло гладко. Аззи провел необходимые приготовления, произнес одно заклинание по-древнегречески, другое на иврите. Вспыхнуло пламя, и Аззи неожиданно оказался на узкой равнине, окруженной с двух сторон унылы-

ми горами. На раскаленном добела небе изредка возникали зеленые вихри, как будто там пролетали стаи джиннов.

Даже найти нужное место в преддверии ада было тяжким трудом, потому что оно безгранично. К счастью, ряд самых важных учреждений располагался неподалеку одно от другого, образуя некий центр, который обладал большой притягательной силой для многочисленных посетителей. Кроме того, в преддверии ада была организована служба птиц Рок, которой Аззи удалось воспользоваться. На Земле эти огромные птицы давно вымерли из-за возникших после плейстоцена затруднений с пропитанием. Здесь же птицы Рок с их широкими спинами великолепно заменяли такси.

Адский отдел снабжения представлял собой нечто вроде бесконечной сети складов, расположенных посреди бескрайней равнины. Снабженцы твердили, что им нужны просторные помещения, поэтому на их складах могли свободно разместиться все земные жилища, и даже после этого еще осталось бы место для всех земных кухонь, конюшен и хлевов. На самом же деле снабженцы и не пытались заполнить все свои склады, потому что ассортимент необходимых вещей ограничивался только человеческим воображением, а в нем в разное время могло возникнуть все мыслимое и немыслимое. Нескончаемые попытки невидимых сил просветить человечество или подорвать его устои могли потребовать все, что когда-либо появлялось под солнцем. Как можно было, например, угадать заранее, что какому-то демону вдруг понадобится фракийское копье 55 года нашей эры или еще что-нибудь не менее экзотическое? Большей частью отдел снабжения изготавливал копии того, что запрашивали демоны. Надо сказать, что адский отдел снабжения располагал непревзойденными дизайнерами и модельерами, наделенными невероятно богатым воображением.

Отдел снабжения был сооружен на берегу Стикса, огромной реки, протекавшей через Землю и через все небеса и ад. По этой мрачной реке древний лодочник Харон прокладывал путь между веками и мирами. Изредка Харон обслуживал и сверхъестественные силы, которые считали Землю чем-то вроде поля для самой грандиозной игры, какую только можно было себе представить, и не имели ни малейшего желания отказаться от любого момента этой игры независимо от того, был ли он в далеком прошлом или только ожидался в необозримом будущем.

Аззи слез с птицы Рок и быстрым шагом пошел, время от времени взлетая, когда ходьба становилась небезопасной, по длинным улицам, по обеим сторонам которых бесконечной че-

редой тянулись склады. На всех складских помещениях висели таблички: «Посторонним вход воспрещен». Склады охраняли салии, нейтральные духи преддверия ада, вооруженные рассеивателями энергии. Это оружие, внешне напоминавшее копье с прицелом и спусковым крючком, испускало лучи частиц (кое-кто говорил, что не частиц, а волн), разрушающих личность и способных превратить в бессловесную тварь даже величайшего из демонов или, как гласила популярная в то время поговорка, «превратить его мозги в кашу». Аззи держался подальше от охранников. В последнее время преддверие ада стало опасным местом не столько из-за посетителей, сколько из-за самих охранников.

Наконец Аззи подошел к складу, у входа в который не было ни одного вооруженного охранника. Над входом висела табличка: «Справочное бюро». Для столь неопределенного и умозрительного места, как преддверие ада, надпись казалась поразительно конкретной, но Аззи было некогда размышлять на эту тему.

За дверью Аззи обнаружил примерно два десятка демонов всех разновидностей и степеней, терпеливо ждавших своей очереди, чтобы вручить прошение явно скучающему молодому демону-клерку. Клерк в шапочке для гольфа из шотландки, что было грубейшим нарушением временных правил ношения одежды демонами (конечно, демоны могут путешествовать в будущее или в прошлое, но захватывать с собой сувениры им запрещено).

Аззи показал свою черную кредитную карточку и протолкался в голову очереди.

— У меня дело первостепенной важности, — сказал он клерку. — Я располагаю всеми полномочиями от Верховного совета демонов.

— Действительно? — равнодушно зевнув, переспросил клерк.

Аззи показал ему черную кредитную карточку.

— Он правду говорит? — спросил клерк карточку, и на ней зажглись слова: «ВЕРЬ ЕМУ!» — Ну ладно, — сказал демон. — Что же мы можем сделать для тебя, господин Большая Шишка?

Аззи ужасно не понравились тон и поведение молодого клерка, но он решил, что сейчас не время ставить его на место.

— Прежде всего мне нужны два замка, — сказал Аззи. — Я понимаю, что прошу много, но они мне действительно необходимы.

— Ах, всего два замка? — Молодой демон неприязненно смотрел на Аззи. — Надо полагать, весь твой план рухнет, если ты их не получишь.

— Совершенно правильно.

— Тогда, парень, тебе придется смириться с поражением,

потому что у нас только один замок, да и тот не совсем настоящий, так сказать, некомплектный. В сущности, от всего замка там есть только контур, настоящие лишь стена и башня, а все остальное — воображаемые конструкции, удерживаемые древними магическими заклинаниями.

— Но это же просто смешно, — сказал Аззи. — Я был уверен, что в адском отделе снабжения сколько угодно замков.

— Так было раньше. Потом обстоятельства изменились, наши возможности стали куда более ограниченными. Конечно, хлопот всем только прибавилось, зато стало интересней работать. Во всяком случае, так говорят теоретики из отдела изучения дьявольского рынка.

— Первый раз слышу, — заметил Аззи. — Ты хоть сам понимаешь, что ты несешь?

— Если бы понимал, — ответил клерк, — неужели бы я сидел на этой лакейской должности и объяснял непонятливым вроде тебя, что больше одного замка, хоть тресни, все равно не получишь.

— Ну хорошо, — согласился Аззи. — Я беру этот ваш замок.

Клерк что-то нацарапал на клочке пергамента.

— Тебе придется взять замок в таком виде, в каком он есть. У нас нет времени его латать.

— А что с ним такое?

— Я тебе уже объяснял, что замок удерживается магическими заклинаниями. Заклинаний не хватает, поэтому время от времени то одна, то другая часть замка исчезает.

— Какая часть? — не понял Аззи.

— Это зависит от погоды, — объяснил клерк. — Замок слеплен в основном заклинаниями для сухой погоды, поэтому затяжные дожди делают с ним черт знает что и могут серьезно угрожать его временному существованию.

— Нет ли у вас какого-нибудь плана, по которому можно было бы выяснить, какие части и когда пропали?

— План-то, конечно, есть, — ответил клерк, — но он здорово устарел, не мешало бы его обновить. Надо быть совсем ненормальным, чтобы всерьез полагаться на этот план.

— Тем не менее план мне нужен, — сказал Аззи, который питал глубочайшее уважение ко всему нацарапанному на пергаменте.

— Где ты хочешь, чтобы я поставил этот замок? — спросил клерк.

— Подожди, так не пойдет, — заволновался Аззи. — Мне

действительно нужны два замка. У меня два существа. Одно из них должно добраться от своего замка до замка второго существа — женщины, которую первое существо любит или думает, что любит. Мне в самом деле просто необходимо два замка.

— А как насчет одного замка и одного очень большого дома?

— Нет, это совершенно не отвечает моему плану.

— Попробуй обойтись одним замком, — посоветовал клерк. — Ты запросто можешь поселить там сначала одного, потом другого. Внешний вид замка изменить нетрудно. Особенно когда сама по себе исчезает то одна, то другая комната.

— Кажется, придется так и сделать, — сказал Аззи. — Или использовать для одного из моих героев собственный Шато-дез-Арт. Когда ты сможешь выслать замок?

— Для тебя — прямо сейчас! — ответил молодой клерк таким тоном, что его следовало понимать примерно так: не видать тебе замка до тех пор, пока ад не покроется льдом.

Аззи правильно понял клерка и постучал по черной кредитной карточке. На ней тотчас зажглись огненные слова: «ДЕЛАЙ, ЧТО ОН СКАЗАЛ! НЕ ВАЛЯЙ ДУРАКА!»

— Ладно, я же пошутил. Так куда тебе доставить этот замок?

— Тебе знакома область Земли, называемая Трансильванией?

— Не волнуйся, найду, — ответил клерк.

— А ты случайно не знаешь, где бы можно было достать хорошую голову? Человеческую? Мужскую?

Клерк только расхохотался.

Вот при таких обстоятельствах Аззи покинул преддверие ада и возвратился на Землю, где в его отсутствие прошла почти неделя. Он сразу отправился в Шато-дез-Арт и был неприятно удивлен, нигде не обнаружив Фрике. Аззи оседлал лошадь и отправился в Аугсбург разыскивать слугу.

Ворвавшись в кабинет Эстеля Кастельбрахта, Аззи без обиняков — хитрить вроде бы не было причин — спросил, не видел ли тот его слугу.

— Конечно, видел, — ответил Кастельбрахт. — Он шел по улице и завернул в тот дом, к доктору Альбертусу. Я слышал, как он на ходу что-то бормотал про голову...

— Благодарю, — сказал Аззи, щедро заплатив бургомистру. Если только предоставлялась возможность, так он поступал всегда, когда имел дело с официальными лицами.

Дом доктора находился в конце небольшого переулка, который вел к городской стене. Высокое и узкое старинное здание стояло на отшибе. Его нижний этаж был сложен из камня, а верхние — из струганого бруса. Аззи поднялся на крыльцо и постучал бронзовым дверным молотком.

— Кто там? — отозвался чей-то голос изнутри.

— Тот, кто ищет знаний, — ответил Аззи.

Дверь отворилась. На пороге стоял пожилой седовласый джентльмен, облаченный в изысканную римскую тунику, несмотря на то что такая одежда вышла из моды несколько столетий назад. Он был высок и сутуловат, а при ходьбе опирался на длинный посох.

Пожилой джентльмен сказал:

— Полагаю, я вижу перед собой лорда Аззи, не так ли?

— Совершенно правильно, — ответил Аззи. — Мне сообщили, что здесь можно найти моего слугу, некоего Фрике.

— Ах, ну конечно, Фрике, — сказал пожилой джентльмен. — Не угодно ли вам пройти вот сюда? Между прочим, разрешите представиться — магистр Альбертус.

Он провел Аззи через темную прихожую, неприбранную общую комнату, грязную кухню и буфетную в светлую и уютную гостиную, расположенную в противоположном конце дома.

В дальнем углу гостиной у камина стоял Фрике. Он радостно улыбнулся вошедшему Аззи.

— Фрике! — воскликнул Аззи. — Я думал, ты сбежал от меня.

— Нет, хозяин, — сказал Фрике, — даже мысли такой у меня не было. Случилось так, что в твое отсутствие я отправился в деревенскую таверну, чтобы в подходящей компании глотнуть крепкого красного вина, которым так славятся здешние места. Там я встретил этого джентльмена, магистра Альбертуса, который был моим учителем в те давние времена, когда я учился в Салерно.

— Да, лорд Аззи, — подтвердил магистр Альбертус, сверкнув глазами, — этого мошенника я знаю достаточно хорошо. Я был очень обрадован, когда мне стало известно, что ему выпало счастье служить у вас. Я привел его в свой дом, чтобы оказать содействие в том деле, в котором он помогает вам.

— О какой именно помощи вы говорите? — спросил Аззи.

— Ну как же, лорд Аззи! Судя по всему, вам нужны перво-

классные части человеческого тела. Случилось так, что в моей лаборатории есть из чего выбирать.

— Вы врач? — поинтересовался Аззи.

Альбертус отрицательно покачал седой головой:

— Милорд, я алхимик, а в моем деле часто оказываются также полезными разные части человеческого тела. Если вы любезно согласитесь пройти вот сюда...

Аззи последовал за старым джентльменом, а за ним поковылял Фрике. Они спустились в зал и подошли к запертой двери. Альбертус открыл ее ключом, который висел на ремешке у него на груди, и по выложенной каменными плитами спиральной лестнице все трое спустились в подвал. В подвале размещалась хорошо оснащенная алхимическая лаборатория. Здесь Альбертус зажег старинную масляную лампу. В свете лампы Аззи увидел столы, заставленные перегонными кубами и ретортами, а на одной из стен — диск чакры из Индии. Вдоль другой стены стояли книжные шкафы, в которых покоились мумифицированные кусочки и более крупные части некогда живых людей.

— Замечательное место! — прокомментировал Аззи. — Примите мои поздравления, доктор! Но это всего лишь древние реликвии. Возможно, они бесценны для любителя старины, но для меня они не представляют интереса.

— Это всего лишь то, что осталось от моих опытов, — пояснил Альбертус. — Теперь посмотрите сюда и вы увидите, что у меня есть.

Он подошел к небольшому чану, стоявшему на боковом столе, и извлек из него отрезанную по шею голову. Голова принадлежала молодому человеку. Лицо было смертельно бледным, но довольно красивым, несмотря на то что там, где когда-то были глаза, теперь можно было увидеть лишь красные пустые глазницы.

— Какая судьба его постигла? — спросил Аззи. — И что случилось с его глазами?

— Милорд, ему не повезло, и он лишился глаз.

— До или после своей смерти?

— До, но лишь на мгновения.

— Расскажи мне об этом.

— С удовольствием, — начал Альбертус. — Этого молодого человека звали Филипп, и он жил в одной деревне неподалеку отсюда. Он и в самом деле был красив, намного красивее, чем позволительно быть любому молодому человеку. Все ему давалось легко, и чем больше он получал, тем большего хотел и тем менее удовлетворенным оставался. Как-то он увидел Миранду,

дочь одного состоятельного гражданина из здешних мест. В то время ей исполнилось пятнадцать лет, и она была прекрасна, как рассвет в горах, чиста и невинна. Миранда намеревалась провести в невинности всю жизнь, стремясь только к совершению добра.

Увидев ее, Филипп загорелся страстью и, хотя, говорят, был трусом, все же решил завоевать Миранду. Однажды он перелез через стену, окружавшую дом ее отца, прокрался на маслобойку и заговорил с Мирандой. Девушка воспитывалась в уединении и никогда не встречала такого человека. В доме ее окружали одни старики, кроме, пожалуй, трех ее братьев, а те постоянно отсутствовали, сражаясь то на одной войне, то на другой.

Филипп соблазнил Миранду сладкими речами и страстными рассказами о своих муках. Миранда была мягкосердечна и добра, и ее очень взволновали слова Филиппа о том, что он болен и ему осталось жить совсем немного. Филипп знал, что лжет, а оказалось — пророчествует! Однажды Филипп притворился, что ему стало плохо, и Миранда позволила ему положить руку на ее плечо. Они прикоснулись друг к другу, а за первым прикосновением последовали другие.

Увы, это довольно банальная история. Короче говоря, Филипп соблазнил Миранду, и она согласилась убежать с ним из родительского дома, так как Филипп поклялся, что будет заботиться о ней. Но стоило им добраться до первого сравнительно большого города — Сиваля в Провансе, как Филипп бросил Миранду и занялся своими делами.

Миранда была в отчаянии. Она немало пережила, пока не стала натурщицей у художника Шодлоса. Несколько месяцев она жила у него как любовница, и, судя по всему, они были счастливы. Шодлос был огромным мужчиной, прямо медведем, но не так силен. Он никогда не унывал, всегда был весел, однако уж слишком много пил. Свою знаменитую «Магдалину» он писал с Миранды. Наверное, Шодлос стал бы действительно великим художником, но не прошло и года, как он умер — в шумной драке в таверне ему проломили голову.

Миранда была убита горем, потому что она любила художника. Кредиторы Шодлоса забрали всю мебель и все его картины и выставили Миранду из дома художника. У нее не было ни гроша, и ей некуда было идти. Наконец, чтобы не умереть от голода, она пошла в публичный дом. Но и на этом ее злоключения не кончились. Однажды ночью в публичный дом пришел сумасшедший. Никто не знает, что произошло между ним и Мирандой, но прежде чем кто-либо успел остановить сумасшедшего, он ослепил Миранду, а потом перерезал ей горло.

Узнав об этом, братья Миранды Анзель, Хор и Хальд отправились в город отомстить за сестру. К тому времени сумасшедший уже давно был мертв — толпа разорвала его на куски. Братья нашли Филиппа в таверне, где он пил вместе со своей новой возлюбленной. Они привязали его к столу и сказали, что он умрет так же, как умерла Миранда. Затем они вырвали ему глаза и перерезали глотку. Вот и вся история головы, которую вы видите перед собой.

— В самом деле, великолепная голова, — сказал Аззи, приподнимая голову и заглядывая в пустые глазницы. — Что мне теперь нужно, так это подходящую женскую голову. Эта Миранда... Так, говорите, ее убил сумасшедший? Магистр Альбертус, а вы не знаете, что случилось с ее телом? Особенно с ее головой?

— К сожалению, это мне неведомо, — ответил Альбертус.

— Вы мне очень помогли, — сказал Аззи. — Назовите вашу цену за голову.

Заутреня

Глава 1

— Хозяин, взгляни на эту голову. — За неделю это была уже четвертая голова, которую принес Фрике. На этот раз он продемонстрировал Аззи голову темноволосой дамы; она выглядела вполне прилично и могла бы стать еще лучше, если бы удалось отремонтировать нос, который немного проели черви.

— Нет, Фрике, не годится, — сказал Аззи и, вздохнув, отвернулся.

— Но почему, хозяин? Она же само совершенство!

— Есть только одна голова на свете, которую можно считать совершенством.

— И какая же, хозяин?

— Фрике, нашему Прекрасному принцу идеально подойдет только Миранда, та девушка, которую соблазнил Филипп.

— Но мы же понятия не имеем, где она!

— Пока не имеем. — Аззи встал и беспокойно заходил по комнате. — Но мы ее найдем.

— Теперь-то ее голова, поди, уже протухла.

— Это неизвестно. Если благодаря какому-то счастливому стечению обстоятельств ее лицо сохранилось, она будет Спящей красавицей в той маленькой пьесе, которую я готовлю.

— Но, хозяин, мы даже не знаем, где ее искать!

— Начнем с Сиваля, города, в котором она умерла. Возможно, там ее и похоронили.

— Хозяин, это пустая трата времени. До состязаний осталось всего ничего, а еще нужно переделать кучу дел.

— Фрике, седлай лошадей. В таких делах я мастер. Я должен достать голову Миранды для моей Спящей красавицы.

— Хозяин, спору нет, ее история красива, но почему тебе потребовалась именно эта девка?

— Ну как ты не понимаешь, Фрике? Миранда придаст моему плану особый колорит. Мы сведем любовников вторично после их смерти. Конечно, у них не будет осознанных воспоминаний, но что-то все же останется, нечто такое, что поможет найти блестящий финал моей сказки о Прекрасном принце и Спящей красавице. Мы должны найти ее тело. Будем надеяться, что с лицом пока еще все в порядке. Иди готовь лошадей.

Фрике навьючил лошадей, и они отправились в южный Прованс, в Сиваль. Близился конец июня, и их поездка была легка и приятна. Фрике надеялся, что Аззи переправит их сверхъестественным способом, но тот сказал, что расстояние слишком короткое и нет смысла устанавливать транспортирующее заклинание и активировать его.

Они благополучно добрались до Сиваля, приятного южного городка недалеко от Ниццы. По рассказу Альбертуса они легко нашли тот публичный дом, где убили Миранду. Аззи расспросил хозяйку публичного дома и от нее узнал, что останки Миранды забрали ее братья; никто не знал, куда они их увезли. Аззи щедро вознаградил мадам за информацию и поинтересовался, не осталось ли у нее что-либо из одежды Миранды. Мадам где-то разыскала старое платье и продала его Аззи за два золотых сольди. Принадлежали ли эти тряпки Миранде и в самом деле, Аззи не был уверен — во всяком случае, пока не был уверен.

Когда Аззи и его слуга распрощались с мадам, Фрике спросил:

— Что теперь, хозяин?

— В свое время увидишь, — ответил Аззи.

Аззи и Фрике покинули город и поехали лесной дорогой. Прошло много времени, прежде чем они устроили привал, пообедав холодным пирогом с мясом и вареной черемшой. Потом по приказу Аззи Фрике разжег костер. Когда пламя поднялось достаточно высоко, Аззи достал из сундучка, в котором хранил

свои магические принадлежности, небольшой сосуд с темной жидкостью и стряхнул одну каплю в костер.

Пламя взвилось до небес, и Фрике в испуге попятился.

— Смотри внимательно, — приказал Аззи. — То, что ты увидишь, очень поучительно. Возможно, ты слышал когда-то о сказочных охотничьих собаках старых богов? Теперь у нас есть кое-что получше.

Когда пламя немного опустилось, откуда-то появились три большие птицы и сели возле Аззи. Это были вороны с маленькими зловещими глазками.

— Надеюсь, у вас все в порядке? — обратился Аззи к воронам.

— У нас все нормально, лорд-демон, — ответил один из них.

— Познакомьтесь с моим слугой Фрике. Фрике, познакомься с Морриганами. Это сверхъестественные ирландские птицы, их зовут Бабд, Маха и Немайн.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Фрике, сохраняя почтительную дистанцию, ибо птицы смотрели на него определенно неприязненно.

— Что мы можем сделать для Вашего сиятельства? — спросил Маха.

Аззи вытащил платье Миранды.

— Найдите эту женщину, — сказал он. — Ту, которая надевала это платье последней. Между прочим, она мертва.

Бабд понюхал платье.

— Этого ты мог и не говорить.

— Простите, я не учел безграничность ваших возможностей. Летите, бесподобные! Найдите мне эту женщину!

Вороны улетели, и Аззи обратился к Фрике:

— Теперь давай устроимся поудобнее. Нам придется подождать, но в конце концов вороны найдут ее.

— В этом я и не сомневаюсь, — отозвался Фрике.

Аззи и Фрике пожевали еще немного черемши и холодного пирога с мясом. Они поговорили о погоде и о том, с чем могут выступить небеса на состязаниях в честь тысячелетнего юбилея. Время тянулось медленно. Огромный купол бесстыдно-обнаженного синего прованского неба излучал ослепительно яркий свет и жар. Аззи и Фрике снова принялись за черемшу.

Спустя долгое время возвратился один из воронов, представившийся как Немайн. Он сделал два круга над головой Аззи и сел на его протянутую руку.

— Что вы нашли? — спросил Аззи.

Немайн поднял клюв и тихо ответил:

— Думаю, мы обнаружили то, что ты хотел.

— Где она?

Спустились и два других ворона. Один из них сел на голову Аззи, другой — на плечо Фрике.

Старший ворон Маха сказал:

— Да, это именно та женщина, которую ты искал. Такой запах перепутать с другим невозможно.

— Так она *действительно* мертва? — спросил Аззи.

— Конечно, мертва, — ответил Маха. — Тебе она и нужна в таком виде, не так ли? Впрочем, даже если бы она оказалась живой, нетрудно было бы ее умертвить.

Аззи не стал объяснять, что земные правила запрещают такие вещи.

— Где ее найти?

— Если проедешь пару лье по этой дороге, то попадешь в деревню. Она будет во втором доме слева.

— Благодарю тебя, зловещая птица.

Маха кивнул и взлетел. За ним последовали другие вороны, и через мгновение все три птицы скрылись.

Аззи и Фрике сели в седла и отправились на юг по отлично сохранившейся римской дороге, которая пересекала Южную Европу и вела к городу-крепости Каркасону.

Путники ехали молча и спустя некоторое время добрались до сравнительно большой деревни. Аззи послал Фрике подыскать место для ночлега, а сам отправился на поиски головы Миранды.

Он подошел к дому, который ему указали вороны. Темный дом оказался самым большим в переулке, а его узкие окна-щели и небрежно крытая соломой крыша произвели на Аззи плохое впечатление.

Аззи постучал в дверь. Никто не отозвался. Он подергал засов. Засов не был заперт на замок. Аззи вошел в большую комнату.

В комнате было темно, свет проникал только через щели в потолке. Сильно пахло вином.

Аззи ощутил опасность мгновением позже, чем следовало бы. Он провалился в проделанную в полу дыру и оказался в нижней комнате. Аззи приземлился не очень удачно. Не сразу сумев приподняться, он обнаружил, что сидит в бутылке.

Глава 2

Это была стеклянная широкогорлая бутылка, достаточно большая, чтобы в ней поместился демон средней величины вроде Аззи; в наши дни такие бутылки встретишь не часто. От паде-

ния у Аззи на мгновение потемнело в глазах. Он услышал над головой какой-то шум, но лишь взглянув наверх, понял, что это были за звуки. Оказалось, бутылку плотно закупорили деревянной пробкой. В голове у Аззи моментально прояснилось. Вообще, что он делает в бутылке?

Всмотревшись сквозь зеленое стекло, Аззи сообразил, что бутылка находится в комнате, освещенной множеством свечей. Вокруг небольшого стола стояли трое мужиков весьма грубой наружности и о чем-то спорили.

Чтобы привлечь их внимание, Аззи постучал по стеклу.

Мужики оглянулись. Один из них, самый безобразный, подошел к бутылке и что-то сказал. Бутылка была плотно закупорена, и Аззи не услышал ни звука. Он попробовал объяснить знаками, показывая пальцами на свои уши и отрицательно покачивая головой.

Когда до неотесанного мужика наконец дошло, что хотел втолковать ему Аззи, он что-то сказал другим.

Снова разгорелся спор, на этот раз более яростный. Потом мужики решились. Самый безобразный приставил к бутылке лестницу, взобрался по ней и чуть приподнял деревянную пробку.

— Теперь тебе слышно, — сказал он. — Если ты попробуешь что-нибудь выкинуть, мы забьем пробку, уйдем и оставим тебя в бутылке навсегда.

Аззи сидел спокойно. Он сообразил, что пробку будет нетрудно скинуть прежде, чем мужики накрепко заколотят ее, но ему было интересно узнать, что они замышляли.

— Ты ведь пришел за ведьмой? — спросил один из них. — Вот это — Анзель, этот — Хор, а меня зовут Хальд. Мы родные братья, а мертвая ведьма Миранда была нашей сестрой.

— В самом деле? — сказал Аззи. — И где же она?

— Недалеко. Мы ее положили на лед, чтобы не испортилась.

— Лед купили по большой цене, — напомнил Анзель. — Эти деньги надо вернуть. И это только начало.

— Вы слишком торопитесь. Почему вы думаете, что эта ваша сестра, которую вы называете ведьмой, вообще хоть что-то стоит?

— Так нам сказал доктор.

— Что за доктор? — поинтересовался Аззи.

— Старый доктор Парвеню. Он же наш местный алхимик.

— Когда тот псих убил Миранду и мы привезли ее домой, то сразу решили спросить совета у доктора Парвеню. Он в этих делах дока. Сначала мы, конечно, прикончили Филиппа.

— Да, я слышал о ее соблазнителе Филиппе, — сказал Аззи. —

Так что же доктор Парвеню посоветовал вам сделать с телом сестры?

— Он много чего насоветовал... и наказал, чтобы мы сохранили ее голову.

— Зачем?

— Он сказал, что такая красота наверняка соблазнит демона!

Аззи не счел нужным объяснять братьям, что он собирался делать с головой Миранды. Он совершенно успокоился. Демонов с детства учат разным трюкам с бутылками; к тому же эти парни, похоже, не блещут умом...

— А тот сумасшедший, убивший Миранду, что был за человек?

— Мы только слышали, что его звали Арманд. Никто из нас его ни разу не видел, так как, когда мы подъехали к борделю, он уже был покойником. Когда люди узнали, что он сделал с Мирандой, они так рассердились, что забили его до смерти, а потом разорвали на куски.

— Значит, теперь вы хотели бы продать голову вашей сестры?

— Конечно! Она же была потаскухой! Какая разница, что мы сделаем с ее башкой?

— Думаю, я мог бы дать вам несколько золотых за голову, — сказал Аззи, — если ее лицо осталось в целости и сохранности.

— В полной сохранности! — заверил Анзель. — Она сейчас почти как живая, может, даже лучше, если ты любитель спокойных женщин.

— Прежде чем покупать, — сказал Аззи, — я должен взглянуть на голову.

— Можешь посмотреть. Но только из бутылки!

— Конечно, — согласился Аззи. — Принесите голову.

Анзель приказал братьям вынести голову Миранды. Хор и Хальд поторопились в дальний погреб. Скоро они возвратились, неся что-то в руках. Анзель рукавом рубашки смахнул с головы крошки льда. Аззи сразу понял, что даже мертвая голова прекрасна. Большой рот был слегка приоткрыт. Ко лбу прилипли пепельно-русые волосы. На щеке блестела капля...

Итак, Аззи не подвели его инстинкты; именно эта голова и нужна ему.

— Ну и что ты думаешь? — спросил Анзель.

— Пойдет, — ответил Аззи. — Теперь выпустите меня из бутылки, и мы поговорим о цене.

— А как насчет того, чтобы сначала исполнить три желания? — поинтересовался Анзель.

— Нет, — сказал Аззи.

— Прямо так уж и нет?

— Так и нет.

— И поторговаться не хочешь?

— Не хочу, пока вы не выпустите меня из бутылки.

— Но если мы тебя выпустим, нам нечем будет тебе даже пригрозить!

— Правильно.

Братья шепотом посовещались, и Анзель снова обратился к Аззи:

— Они просили передать тебе, что мы знаем такое заклинание, после которого тебе придется очень несладко.

— В самом деле? — спокойно переспросил Аззи.

— Да, в самом деле знаем.

— Тогда валяйте, заклинайте.

Три брата запели.

— Простите, друзья, — прервал Аззи их пение, — но мне показалось, что некоторые слова вы произносите неправильно. Вы говорите «фантаго», а надо «фандраго». Разница небольшая, но все же есть. Когда дело доходит до магических заклинаний, произношение решает все.

— Кончай, — сказал Анзель. — Ну что тебе стоит, исполни парочку желаний, а?

— Я понимаю, вы считаете, что возможности демонов безграничны. Но отсюда совсем не следует, что мы обязаны их использовать каждую минуту.

— А что, если мы тебя не выпустим? Как тебе понравится год за годом сидеть в бутылке?

Аззи улыбнулся:

— Вы никогда не задумывались, что может случиться, если демон и захватившие его люди не договорятся о выкупе? В ваших старинных сказках об этом ничего не говорится, да? Постарайтесь рассуждать здраво. Вы полагаете, у меня совсем нет друзей? Рано или поздно они заметят мое отсутствие и отправятся на поиски. Когда они увидят, что я ваш пленник... наверное, вы сами можете представить, что они с вами сделают.

Анзель обдумал ситуацию; результаты раздумий, очевидно, ему не понравились.

— А почему они вообще должны что-то делать с нами? По правилам магии нам разрешается устраивать ловушки для демонов. Мы поймали тебя по-честному.

Аззи расхохотался. Это был ужасный, леденящий душу смех, какому он научился специально для подобных случаев.

— Что вы, ничтожные глупцы, знаете о правилах магии и вообще о законах, управляющих поведением сверхъестественных существ? Занимались бы лучше своими человечьими делами. Стоит вам ступить в область сверхъестественного, как с вами может произойти всё, что угодно.

Анзель уже дрожал мелкой дрожью, а его братья были готовы бежать со всех ног.

— Великий демон, — сказал Анзель, — я не хотел никуда вторгаться. Доктор Парвеню сказал, что все будет очень просто. Что теперь нам делать?

— Откупорьте бутылку, — приказал Аззи.

Анзель и его братья с трудом вытащили пробку. Аззи вылез из бутылки и отрегулировал свой рост так, что стал фута на полтора выше Анзеля, самого высокого из братьев.

— Ну а теперь, дети мои, — сказал Аззи, — я должен вам кое-что объяснить. Прежде всего зарубите себе на носу, что, если вы имеете дело со сверхъестественными существами, они всегда окажутся хитрее и умнее вас. Так что не пытайтесь обмануть или провести их. Вспомните, как вы откупорили бутылку, когда я был, в сущности, бессилен.

Братья переглянулись, помолчали, потом Анзель спросил:

— Ты хочешь сказать, что был в нашей власти?

— Конечно, — ответил Аззи.

— Ты был беспомощным пленником?

— Правильно.

— Ясное дело, он нас надул, — заметил один из братьев, медленно кивая головой.

Братья еще раз переглянулись и помолчали.

Потом Анзель прокашлялся и сказал:

— Понимаешь, великий демон, в таком виде ты, конечно, не поместишься в этой бутылке. Осмелюсь заметить: мне кажется, что твое сиятельство не влез бы туда, даже если бы очень захотел.

— Но ты хотел бы посмотреть, как я попробую сделать это, не так ли?

— Нет, что ты, совсем нет, — ответил Анзель. — Мы полностью в твоей власти. Я просто хотел, чтобы ты показал, как проделываешь такие штуки.

— Покажу, — сказал Аззи, — если ты дашь слово, что не закупоришь бутылку пробкой.

— Конечно, господин.

— Ты можешь поклясться в этом?

— Клянусь своей бессмертной душой.

— А другие братья?

— Мы тоже клянемся, — ответили они.

— Хорошо, — согласился Аззи. — Смотрите.

Аззи свесил в бутылку ноги, повертелся и скоро весь оказался в бутылке. Братья моментально закрыли бутылку пробкой.

Аззи посмотрел на братьев:

— Ну ладно, кончайте валять дурака и откройте бутылку.

Братья только радостно захохотали. Анзель кивнул Хору и Хальду; те сдвинули каменную плиту в полу, под которой оказался выложенный плитками глубокий колодец. Снизу, с большой глубины, доносилось журчание воды.

— Смотри, демон, — сказал Анзель, — мы столкнем бутылку в колодец, снова закроем его плитой, а на плите нарисуем череп и скрещенные кости. Пусть все думают, что колодец отравлен. Черта с два друзья найдут тебя здесь.

— Вы нарушили клятву, — заметил Аззи.

— Ну и что с того? Что ты можешь нам сделать, сидя в бутылке?

— Все, что я могу сделать, — это рассказать одну историю.

— К черту историю, давай уносить отсюда ноги, — сказали Хор и Хальд, но Анзель возразил:

— Нет, лучше послушаем. Потом посмеемся и уйдем.

И Аззи начал рассказ:

— Демонов ловят в бутылки уже много тысяч лет. В сущности, первая бутылка, сделанная человеком — между прочим, китайцем, — предназначалась именно для этой цели. Древние ассирийцы и хетты держали своих демонов в глиняных горшках, а в некоторых африканских племенах нас и сейчас ловят в плотно сплетенные корзины. Все это нам известно, мы знаем также, чем различаются способы ловли демонов в разных частях света. В Европе, например, мы всегда носим вот это, — с этими словами Аззи вытянул руку (точнее, лапу), на указательном пальце (точнее, указательном когте) которой сверкнуло кольцо с большим бриллиантом, — а этим мы делаем вот так. — Аззи прижал острие бриллианта к стеклу, очертил рукой большой круг и толкнул стекло. Вырезанный круг выпал, и Аззи шагнул из бутылки.

Анзель задрожал от страха:

— Хозяин, мы только пошутили. Правильно я говорю, мальчики?

— Правильно, — подтвердили Хор и Хальд; на их узеньких лбах выступили крупные капли пота.

— Тогда мы с вами поступим следующим образом, — сказал Аззи, взмахнул рукой и что-то тихо пробормотал.

Откуда ни возьмись появилось облако дыма, вспыхнул

яркий свет. Когда дым рассеялся, рядом с Аззи оказался очень маленький демон в очках в роговой оправе. Гусиным пером он что-то царапал на пергаменте.

— Силенус, — обратился к нему Аззи, — этих троих запиши на мой счет и забери. Они сами себя прокляли.

Силенус утвердительно кивнул, махнул рукой, и все три брата исчезли. Через мгновение исчез и Силенус.

Как потом вскользь заметил Аззи, обращаясь к Фрике, он не припомнит другого такого случая из собственной практики, чтобы сразу три души так легко прокляли бы сами себя практически без всякого нажима с его стороны.

Глава 3

— Ох, хозяин, как хорошо дома! — сказал Фрике, отодвигая задвижку на двери парадного входа в их большой дом в Аугсбурге.

— Прекрасно, — согласился Аззи. — Брр! — Он потер лапы. — Здесь холодно, как только отнесешь нашу добычу, сразу же разожги камин.

Несмотря на то что демонам часто приходится вертеться возле адского пламени или, напротив, благодаря этому обстоятельству, им очень нравится сидеть у весело шумящего камина.

— Да, хозяин. Куда ее девать?

— В лабораторию, конечно, в погреб.

Фрике поспешил разгрузить телегу, на которой возвышалась изрядная куча различных частей человеческих тел, завернутых в смоченные ихором холсты. Если верить расчетам Аззи, их должно было хватить на два целых тела, одно женское, одно мужское, те самые, которые впоследствии назовут Спящей красавицей и Прекрасным принцем.

На следующий же день Аззи и Фрике приступили к работе. Оказалось, Фрике очень ловко орудует иглой и нитками. Он шил Прекрасного принца не хуже, чем первоклассный портной — хороший костюм. Конечно, на теле оставались швы и стежки, но Аззи сказал, что об этом пока можно не беспокоиться. Как только тела будут оживлены, подобные свидетельства их вторичного рождения исчезнут сами собой.

Это были приятные вечера. Аззи устраивался в углу лаборатории со своим походным экземпляром «Тайн царя Соломона», той самой книги, которую он всегда собирался прочесть и для которой никак не находилось времени. Аззи доставляло большое удовольствие сидеть в лаборатории, пропахшей сивушными мас-

лами, керосином, серой, аммиаком, а больше всего навязчивым, всепроникающим и сложным запахом опаленной и подгнившей человечьей плоти, сидеть, положив раскрытую книгу на колени и время от времени поглядывая на склонившегося с крохотной стальной иголкой в пальцах, углубившегося в свое дело Фрике, устрашающую горбатую тень которого отбрасывала на стену стоявшая на полу лампа.

Специально для Аззи эту иглу выковал Рууд, самый маленький и самый искусный гном Центральной Европы, а нитью служил лучший шелк из Тапробана, настолько тонкий и настолько прозрачный, что казалось, будто граница, отделяющая руку от плеча, исчезает сама собой, что руку притягивает к плечу некий физический магнетизм или волшебная сила. На самом же деле единственным чудом здесь была крошечная иголка Фрике, прокалывавшая незаметные отверстия в плоти и постепенно воссоздававшая целого человека из кучи частей, аккуратно сложенных слева от Фрике на прозрачном льду.

Фрике работал старательно, но за ним тоже приходилось присматривать. То ли из-за слабого зрения, то ли по причине извращенного чувства юмора он не раз пришивал руки к тому месту, где должны быть ноги. До поры до времени Аззи терпел такие чудачества, но, когда Фрике сшил туловище красавицы с головой принца, он решил, что это уже слишком.

— Прекрати безобразничать, — сказал он Фрике, — не то я отправлю тебя в преисподнюю, где ты будешь веками сплавлять гравий в скалы; возможно, там ты научишься работать серьезно.

— Прости, хозяин.

После этого инцидента он стал работать на совесть и без ошибок.

Скоро тела были почти готовы. Если не считать еще нерешенной проблемы с глазами, оставалась одна неувязка — руки Спящей красавицы. Еще полбеды, что они были разных размеров. Гораздо хуже, что одна рука желтая, а другая — белая; такие несоответствия совершенно недопустимы. Аззи сразу отказался от желтой руки и срочно отправился в Медицинский центр Шнахтсбурга. Там, в музее памятников некрофилии, ему повезло — он нашел руку для Спящей красавицы, некогда принадлежавшую карманнику.

Вскоре после возвращения Аззи получил сообщение из адского отдела снабжения, что его замок готов к отправке в указанную точку Трансильвании. Аззи немедленно вылетел из замка, преодолел Альпы и скоро оказался над венгерскими долинами. Под ним расстилались буйные луга, изредка попадались и дере-

вья. Аззи легко нашел выбранное место, которое он запомнил по рощице цветущих высоких пурпурных деревьев — единственных в своем роде и полностью прекративших свое существование задолго до того, как современная наука смогла бы объявить их аномальными. Здесь Аззи уже дожидался Мерионет, тощий, неприятный демон из отдела снабжения, который носил пенсне и повсюду таскал за собой прикрепленный медными гвоздями к хорошо отполированной деревяшке свиток — предшественник настольной папки с зажимами.

— Это ты Аззи Элбуб? — спросил Мерионет.

— Конечно, я, — ответил Аззи. — Иначе зачем бы мне прилетать сюда?

— У тебя могут быть свои причины. Какие-нибудь документы есть?

Аззи показал черную кредитную карточку с выгравированным именем.

— Портрета нет, — отметил Мерионет. — Ладно, поверю на слово. Так где ты хочешь поставить замок?

Аззи осмотрелся. Местность была холмистой.

Он критически оглядел ее.

— Замок должен стоять вон там, — сказал он.

— На том лугу?

— Правильно. Только сначала там нужно построить стеклянную гору.

— Что? — не понял Мерионет.

— Мне нужна стеклянная гора. Заколдованный замок должен стоять на ее вершине.

— Так ты хочешь замок на вершине стеклянной горы?

— Конечно. Заколдованные замки всегда там стоят.

— Обычно да, возможно, даже часто, но не всегда. Я могу напомнить несколько старинных сказок...

— Мой замок будет стоять на стеклянной горе, — твердо сказал Аззи.

Мерионет снял пенсне, потер стекла о свой серый мех, снова нацепил пенсне на нос и открыл портфель. Портфель был сшит из хорошо дубленной человечьей кожи, а замками служили пожелтевшие зубы. Аззи был просто в восторге от портфеля и решил, когда будет время, непременно достать себе такой же. Мерионет долго рылся в бумагах, наконец извлек одну из них и, поджав губы, внимательно прочел.

— Это оригинал твоего наряда, — сказал он. — Здесь нет ни слова о горе.

Аззи наклонился и тоже посмотрел на наряд.

— Здесь говорится, что вы должны поставить стандартный ландшафт.

— Стеклянная гора в стандартный ландшафт не входит. Почему бы нам не поставить замок на уже существующей горе?

— Гора должна быть стеклянной, — упрямо твердил Аззи. — Насколько мне известно, существующие горы стеклянными не бывают.

— Тогда почему бы тебе не взять потухший вулкан? — предложил Мерионет. — Такой, где много обсидиана?

— Не пойдет, — ответил Аззи. — Стеклянные горы были непременным элементом фольклора с незапамятных времен, с самых первых сказок, какие начали сочинять люди. Наверняка у вас в отделе снабжения завалялась хоть одна такая гора?

Мерионет снова поджал губы и скептически уставился на Аззи:

— Может, завалялась, а может, и нет. Главное, что ее нет в наряде.

— А нельзя ее вписать в наряд сейчас?

— Нет, слишком поздно.

— Нет ли какого-нибудь другого пути? — поинтересовался Аззи.

— Что ты имеешь в виду?

— Я оплачу все расходы. Я могу вписать в наряд дополнительные работы?

Мерионет пожал плечами:

— Дело не в этом. Наряд уже заполнен и подписан.

Аззи еще раз изучил бумагу, потом показал пальцем:

— Можно вписать вот сюда, как раз над подписью: «Стеклянная гора — 1 шт., заколдованный лес — 1 шт.».

— Если обнаружит ревизия...

— Я в долгу не останусь. — Аззи полез во внутренний карман и вытащил небольшой мешочек; в нем он хранил свои ценности. Здесь был и замшевый кошелек с драгоценными камнями, которые Рогнир инвестировал в предприятие. Аззи набрал горсть камней и показал Мерионету.

— Итак? — сказал Мерионет.

— Ты вписываешь в наряд стеклянную гору, и камни твои, — объяснил Аззи.

Глядя на кучу самоцветов, Мерионет засомневался:

— С этим я могу нажить много неприятностей...

Аззи добавил еще несколько камней.

— Думаю, стеклянную гору можно вписать, — сказал Мери-

онет, забирая камни. Он наклонился, нацарапал что-то на наряде, потом выпрямился: — Но заколдованный лес — это сложнее.

— Заколдованные леса никогда не были проблемой, — поправил его Аззи. — Это же не такая редкость, как стеклянная гора. Куда ни пойди, всюду натолкнешься на заколдованный лес.

— Если ты не торопишься, это так, — сказал Мерионет, не сводя глаз с замшевого кошелька. — А потом ты еще захочешь дорогу через этот лес, да?

— Никакой роскоши. Грязная лесная дорога меня вполне устроит.

— А кто будет смотреть за лесом? Мне нужен смотритель. А услуги смотрителя...

— Знаю, их тоже нет в наряде. — И еще четыре камня перекочевали из замшевого кошелька в карман Мерионета. — Этого хватит?

— На обычный лес и на общий ландшафт хватит. Но ведь ты хочешь, чтобы он был заколдованным, правильно?

— Я же тебе уже сказал. Что толку от леса, если он не заколдованный?

— Мне грубить не надо, — обиделся Мерионет. — Мне твой лес и даром не нужен. Я всего лишь хочу понять суть заказа. Какой тип заколдованности ты имеешь в виду?

— Самый обыкновенный, — ответил Аззи. — Вполне сойдут живые огненные деревья. На вашем складе их всегда полно.

— Все ты знаешь! Ты случайно не садовод? — язвительно заметил Мерионет. — На самом же деле в это время года огненных деревьев чертовски не хватает. Надо полагать, еще ты хочешь, чтобы у них были магические шипы?

— Конечно.

— Магические шипы — это нестандартное оборудование.

Еще несколько драгоценных камней перешли из рук в руки.

— Теперь давай подумаем, — сказал Мерионет, — что же именно должны делать эти магические шипы?

— То же, что и всегда, — ответил Аззи. — Когда мимо проезжает путник с нечистыми помыслами или не защищенный соответствующим магическим противозаклинанием, они должны в него впиваться.

— Так я и думал! За «впиваться» отдельная плата!

— Отдельная? Что за чертовщину ты несешь?

— Я не собираюсь с тобой пререкаться, у меня и без того дел хватает, — сказал Мерионет и расправил крылья.

Аззи отдал еще несколько драгоценных камней. Замшевый

кошелек опустел. Просто поразительно, как быстро он растратил сокровища Рогнира!

— Думаю, об основном мы договорились, — сказал Мерионет. — Осталось уточнить кое-какие детали. Уверен, тебе еще что-нибудь потребуется, но за это тоже придется заплатить.

— Оставь детали в покое. Сделай то, о чем мы договорились. И, пожалуйста, побыстрей! У меня много других забот.

Мерионет вызвал бригаду демонов-рабочих, и те принялись за сооружение леса. Они работали споро, как настоящие профессионалы. Некоторые из более молодых демонов, очевидно, еще не привыкли к физическому труду, но надсмотрщики не сводили с них глаз, и дела продвигались успешно.

Как только лес в основном был установлен, заклинания включены (но пока не активизированы), демон-бригадир оставил неквалифицированную рабочую силу сажать кустарники и дикие цветы, а бóльшая часть бригады переключилась на строительство замка. Из преисподней рабочие лихо сбрасывали вниз строительные блоки, а стоявшие на Земле демоны с проклятиями увертывались, но все же ловили их и ставили друг на друга. Понемногу стали вырисовываться высокие зубчатые стены замка и остроконечные башенки. С архитектурно-исторической точки зрения при строительстве замка были допущены неточности, зато он почти не отличался от тех, о которых рассказывается в сказках. На этой стадии строительства неразберихи было на удивление немного. Правда, потом, когда пришло время рыть ров вокруг замка, оказалось, что нет землеройных машин, способных передвигаться по земле. Срочно вызвали команду драконов и дали им взятку — дюжину дев. Драконы плотно пообедали и быстро вырыли отличный ров шириной двадцать и глубиной тридцать футов. Естественно, ров оказался без воды, и, кажется, ни один из демонов не знал, кто же должен отвечать за воду. Аззи сам решил эту проблему, заказав в адском отделе снабжения погодное заклинание и вызвав с его помощью кратковременный ливень. Потоки воды полностью заполнили ров. В качестве последнего штриха в ров посадили пару лебедей.

Вскоре высокий и изящный замок в основном был готов. Он представлял собой впечатляющее сооружение. Над куполообразными крышами строений возвышались каменные башни; на самых высоких башнях легкий ветер развевал яркие флаги. Конечно, мелких недоделок хватало, да и кому придет в голову заделывать дыры и щели в волшебном замке? Мебель Аззи заказал в отделе снабжения. Пришлось немного поломать голову над проблемой освещения. В конце концов Аззи остановился на ма-

гическом освещении, потому что в свете масляных ламп разглядеть что-либо было невозможно.

Наконец и все мелочи были доделаны. Аззи отошел на несколько сотен ярдов и восхищенно оглядел сооружение. Такой замок мог бы понравиться даже безумному Людовику Баварскому. И в самом деле, понравился бы.

Аззи вернулся в свой дом, чтобы завершить работу над главными персонажами. Теперь, когда все швы исчезли, лежавшие в чанах тела выглядели просто великолепно. Ихор и заклинания сделали свое дело. Но в них еще отсутствовал разум — он всегда приходит последним. Изредка оживала сама собой то одна, то другая часть тела, и тогда тела выкидывали странные штуки. Аззи пришлось немало поработать, чтобы синхронизировать движения. Наконец тела были готовы к оживлению.

Вот тогда-то Фрике напомнил, что оба персонажа все еще слепы.

— Ты прав, — сказал Аззи. — Прозрение я оставил напоследок.

Аззи вспомнил Илит. Да, это он оставил напоследок.

Глава 4

Аззи нравились ведьмы. Он относился к шабашам ведьм как к своего рода регулярным сборищам, где демон всегда может найти подругу на субботний вечер. В те далекие времена шабаши ведьм были прообразом современных ночных клубов.

— Фрике! Принеси мел! И свечи!

Фрике поспешил в кладовую, где хранились запасы магических принадлежностей. Там, в пустом сундуке, он нашел то, что требовалось Аззи. Свечи были толщиной в мужскую руку и лишь немного ниже самого Фрике. Он взял под мышку связку из пяти свечей, по одной на каждый угол пентаграммы. Свечи оказались твердыми, как окаменевший труп, и слегка жирными на ощупь. Фрике вынес свечи и кусок мела в переднюю. Аззи сдвинул к стене стоявший на козлах стол, снял плащ и камзол, оттащил в сторону запасные доспехи. Под рубашкой Аззи играли рельефные мышцы.

— Сам не знаю, почему я не выброшу весь этот хлам, — сказал Аззи. — Давай мел, Фрике. Я сам начерчу фигуру.

Аззи низко наклонился и правой рукой начертил на камен-

ном полу большой пятиугольник. Отблески пламени камина, отражаясь на теле Аззи, придавали ему красноватый оттенок и еще больше подчеркивали сходство демона с лисой. Фрике вряд ли удивился бы, если бы ноги Аззи вдруг превратились в пушистые лисьи лапы. Но, несмотря на охватившее его возбуждение, Аззи сохранял обличье человека. Над этим он поработал немало; все опытные демоны прилагают огромные усилия, чтобы их человеческое обличье отвечало их идеалу.

Фрике молча наблюдал, как Аззи сначала чертил древнееврейские символы власти, потом зажег свечи.

— Илит! — нараспев произнес Аззи, скрестив лапы на груди и преклонив колени; такая поза хозяина ужасно не нравилась Фрике. — Приди ко мне, Илит!

Фрике заметил, что в центре пентаграммы началось какое-то движение. Из пламени свечей вылетели спиральные столбы цветного дыма. Они как бы танцевали, то опускаясь почти до свечи, то поднимаясь высоко вверх, потом наклонились друг к другу, брызнули яркими искрами и материализовались.

— Илит! — воскликнул Аззи.

Увы, это оказалась не Илит. Существо в пентаграмме было женщиной, но этим все сходство с Илит, как ее помнил Аззи, и ограничивалось. В центре кабалистической фигуры стояло низкое, толстое существо, по-видимому, женского пола, с оранжевыми волосами и носом крючком. Существо скрестило руки на груди и недовольно смотрело на Аззи.

— Что тебе надо? — строго спросило существо. — Ты вызвал меня как раз в тот момент, когда я собиралась идти на шабаш. Если бы тебе не удалось захватить меня врасплох, я бы отменила твое заклинание. Кстати, в любом случае оно было составлено неверно.

— Так ты не Илит?

— Меня зовут Милит, — ответила ведьма.

— Из Афин?

— Из Копенгагена.

— Прошу извинить меня, — сказал Аззи. — Я хотел вызвать Илит из Афин. Должно быть, что-то напутали в коммутаторе духов.

Милит презрительно фыркнула, стерла одну из написанных Аззи древнееврейских букв и вписала другую.

— У тебя неправильный номер коммутатора. Итак, если мы все выяснили...

— Я с удовольствием верну тебя назад, в твой дом, — сказал Аззи.

— Это я сделаю сама, — возразила Милит. — Неизвестно, куда меня занесет твое очередное заклинание!

Она взмахнула руками и исчезла.

— Нехорошо получилось, — заметил Аззи.

— Хозяин, получилось просто потрясающе, — не согласился Фрике. — Удивительно, как тебе вообще что-то удалось. Мой последний хозяин, демон Тродеус, по субботам совсем ничего не мог вызвать.

— Как ты думаешь почему? — спросил Аззи.

— До демона он был правоверным раввином, — объяснил Фрике.

Аззи повторил заклинание. Опять в центре пентаграммы слились столбы цветного дыма. Когда дым материализовался, на этот раз в пентаграмме оказалось не злющее маленькое существо с оранжевыми волосами, а высокая ведьма-брюнетка очень привлекательной наружности в короткой ночной рубашке.

— Илит! — воскликнул Аззи.

— Кто это? — недоуменно спросила ведьма, потирая лапками глаза. — Аззи? Это действительно ты? Дорогой мой, тебе следовало бы сначала предупредить меня, послать гонца. Я спала, а ты разбудил меня.

— И в такой одежде вы спите? — поинтересовался Аззи, обходя вокруг ведьмы и сквозь прозрачную персикового цвета ткань разглядывая ее высокие, большие груди и розовую попку.

— В Византии короткие ночные рубашки — последний крик моды, — объяснила Илит. — Не думаю, что эта мода привьется в Европе. Во всяком случае, не в ближайшее время. — Она вышла из пентаграммы. — Я очень рада видеть тебя, Аззи, но мне в самом деле нужно одеться.

— Я помню, когда на тебе было еще меньше одежды, — заметил Аззи.

— Да, но сейчас другое время. К тому же твой неотесанный слуга уставился на меня! Аззи, мне нужен мой гардероб!

— Раз нужен, значит, будет, — сказал Аззи и крикнул: — Фрике!

— Что, хозяин?

— Встань в пентаграмму.

— Хозяин, может быть...

— Не может. Делай, что приказано.

Недовольно ворча, Фрике поковылял в центр пентаграммы.

— Я посылаю тебя в Афины. Возьмешь столько одежды этой дамы, сколько унесешь в руках. Через несколько минут я тебя возвращу.

— В прихожей лежит темно-синее платье с отделанным мехом воротником. То самое, у которого рукава в три четверти, — объяснила Илит. — Не забудь, обязательно захвати его! А в шкафчике возле кухни...

— Илит! — прервал ее Аззи. — Позже, если потребуется, мы перенесем весь твой гардероб, а сейчас, извини, я немного тороплюсь.

Воздев руки к небу, Аззи нараспев прочел заклинание. Не перестававший ворчать Фрике исчез.

— Ну а теперь, когда мы одни, — сказала Илит, — объясни, пожалуйста, Аззи, почему ты не вызвал меня раньше? Прошли целые столетия!

— Я был в преисподней. Потерял кучу времени, — пояснил Аззи.

Он усадил Илит на большой диван, который для этой цели подтащил поближе к камину, принес бокал вина и тарелку крохотных пирожных, которые, как Аззи помнил, Илит очень любила. Аззи тоже устроился на диване и с помощью одного из своих музыкальных заклинаний вызвал хор, исполнявший популярные в то время мелодии. Он придвинулся ближе к Илит и проникновенно заглянул в ее глаза:

— Илит, у меня возникла небольшая проблема.

— Что за проблема?

Аззи ответил и забыл о Фрике на несколько часов, настолько глубоким и серьезным было его объяснение. Когда наконец он вспомнил о слуге и вызвал его назад, уже рассветало. Фрике явился зевающий и закутанный в платья дамы.

Глава 5

Аззи отвел Илит в лабораторию, где на мраморных плитах бок о бок лежали теперь уже полностью собранные Спящая красавица и Прекрасный принц, прикрытые двумя льняными скатертями, поскольку по своему опыту Аззи знал, что люди выглядят лучше слегка прикрытыми, чем не прикрытые вовсе.

— Отличная парочка, не правда ли? — похвастался Аззи.

Илит только вздохнула. Ее подвижное удивленное лиц казалось то прекрасным, то зловещим. Аззи попробовал было отрегулировать свое восприятие так, чтобы он видел Илит только прекрасной, но из этого почти ничего не получилось: черты лица ведьмы менялись непредсказуемо. Долгое время Аззи испытывал к Илит двойственное чувство. Иногда ему казалось, что он ее

любит, в другие моменты он ненавидел ведьму. Время от времени он предпринимал отчаянные попытки решить проблему одним ударом, но иногда предпочитал забыть об Илит или думать только о более простых делах, например о том, как лучше всего распространять зло и вообще все плохое. А изредка — вернее, бóльшую часть времени — он просто не знал, что делать. Аззи любил Илит, но нравилась она ему не всегда. Вместе с тем Илит была его лучшей подругой, и, если у Аззи возникала проблема, он всегда обращался к ней.

— Они просто прелестны, — согласилась Илит, — только глаз не хватает. Впрочем, ты и сам это знаешь.

— Поэтому я тебе их и показываю, — сказал Аззи. — Я уже говорил, с ними я собираюсь выступить на состязаниях в честь тысячелетнего юбилея. Они будут разыгрывать сказку о Спящей красавице по собственному сценарию, без всяких подсказок с моей стороны, руководствуясь той знаменитой свободой воли, которой, говорят, обладают все разумные существа. В их исполнении сказка окончится совсем по-новому, а мои герои навеки проклянут самих себя. Но прежде мне нужны для них глаза, не обычные, а *заколдованные*. *Только* заколдованные глаза придадут сказке тот особый дух, неповторимый сказочный привкус... надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Отлично понимаю, дорогой. И ты хочешь, чтобы я тебе помогла? О, Аззи, ты такой наивный ребенок! Почему ты решил, что я буду искать глаза и вообще что-то делать для тебя?

Такая мысль не приходила в голову Аззи. Он поскреб затылок — после преисподней шкура всегда шелушится — и задумался, потом наконец ответил:

— Я рассчитывал на твою помощь, потому что, если бы ты согласилась мне помочь, это было бы справедливое решение. Я хочу сказать, ты ведь не меньше меня хочешь, чтобы зло выиграло, правда же? Подумай, что произойдет, если следующую тысячу лет судьбой человека будет править добро; ты можешь остаться не у дел.

— Все это правильно, — сказала Илит, — но для меня не очень убедительно. Почему я должна помогать тебе? У меня своя жизнь, свои дела. Я занята в администрации шабашей ведьм, а еще я преподаю начинающим ведьмам...

Аззи вздохнул; так он делал вид всякий раз, когда собирался соврать по-крупному. В момент этого вздоха он собрал воедино все свои способности, весь свой гений, потому что только так можно было надеяться войти в ту роль, которую ему сейчас предстояло сыграть идеально.

— Все очень просто, Илит. Я тебя люблю.

— В самом деле? — насмешливо переспросила Илит, впрочем, не делая попытки закончить разговор. — Забавно! Расскажи подробней!

— Я всегда любил тебя, — продолжал Аззи.

— И всегда поступал соответственно, да? — прервала его Илит.

— Могу объяснить, почему я тебя не вызывал, — сказал Аззи.

— Попробуй! — подзадорила демона Илит.

— На то были две причины, — начал Аззи; он еще не знал, что это за причины, но решил, что лучше сразу сказать про две — на тот случай, если одной причины окажется недостаточно.

— Две? Давай послушаем, что это были за причины!

— Я уже говорил, что был в преисподней.

— И не мог даже послать открытку? О преисподней я уже слышала.

— Илит, ты должна мне просто поверить. Есть такие вещи, о которых мужчине говорить не пристало. Но поверь моему слову, так бывает. Если бы у нас было больше времени, я все объяснил бы тебе, но сейчас важнее другое — я люблю тебя. Злое заклинание наконец снято, и мы снова можем быть вместе. Ведь ты этого всегда хотела, и я в глубине души тоже, хотя и говорил все наоборот.

— Какое заклинание? — не поняла Илит.

— Разве я говорил о заклинании?

— Ты сказал: «Злое заклинание наконец снято...»

— Я сказал? Ты уверена?

— Конечно, уверена.

— Ах, этого мне не следовало говорить, — вздохнул Аззи. — Одним из условий снятия этого заклинания было мое обещание никогда не упоминать о нем. Теперь остается только надеяться, что мы не навлечем его снова.

— Какое злое заклинание?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Илит вытянулась во весь рост и сверху вниз изучающе смотрела на Аззи. Что ни говори, а Аззи совершенно непостижимый демон. Конечно, демоны на то и демоны, чтобы лгать, но даже худшие из них изредка говорят правду.

В сущности, практически невозможно ни разу в жизни не сказать правду, хотя бы случайно. Невозможно для любого демона, но не для Аззи. И не потому, что он испытывал особую любовь ко лжи, а по той причине, что Аззи изо всех сил старался быть хуже всех.

Илит не могла не сочувствовать Аззи. Он все еще ей нравился. К тому же в Афинах выдался особенно скучный сезон.

— Обещай, что никогда меня не бросишь, — сказала Илит.

— Обещаю, — не задумываясь ответил Аззи. Впрочем, тут же ему показалось, что он сдался слишком быстро, и на всякий случай добавил: — Я хотел сказать, при нормальных условиях не брошу.

— Ничего не понимаю. Что ты имеешь в виду, говоря о нормальных условиях?

— Это такие условия, которые не являются аномальными.

— Например?

— Как я могу знать наперед?

— Ох, Аззи. Ты неисправим!

— Илит, тебе придется принимать меня таким, какой я есть. Я действительно очень рад видеть тебя. У тебя имеются какие-нибудь мысли насчет этих глаз?

— Да, в сущности, уже есть одна-две идеи.

— Будь умницей, поспеши и скорей принеси глаза, — сказал Аззи. — У меня кончается ихор, и я боюсь воскрешать своих героев без глаз. Это может отразиться на их развитии.

— Придется им немного подождать, — заметила Илит. — Две пары заколдованных глаз найти не так просто!

— Королева, все мы с нетерпением будем ждать твоего возвращения! — воскликнул Аззи.

Илит скептически усмехнулась, но Аззи заметил, что ей приятно слышать такие слова. Он взмахнул руками, Илит завертелась на месте, превратилась во вращающийся столб фиолетового дыма и тут же исчезла совсем.

Глава 6

Илит очень нравилось в Афинах. Здесь она много лет провела на вечеринках и в развлечениях, имела несчетное количество любовников, занималась благоустройством и переустройством своего дома. Ведьмы с возрастом (хотя он и не отражается на их внешности) становятся ленивее и предпочитают почивать на лаврах. К тому же ведьм постоянно преследуют грехи, совершать которые они заставляют людей. В результате ведьмы постепенно растрачивают свои познания и забывают все, чему их учили в ведьминых академиях. Вот и Илит к тому времени, когда ее вызвал Аззи, уже довольно долго прозябала.

Теперь ее первой реакцией было удивление. Почему она так

быстро согласилась найти глаза для актеров Аззи? Неужели ей действительно хотелось выполнить его поручение? Или она так сильно любила этого демона? А может быть, ее потянуло к настоящему делу, к служению чему-то большему, чем просто самой себе? Как бы то ни было, уж насчет второй пары глаз Илит необходимо было посоветоваться.

А уж если речь зашла о мудром совете, то из известных Илит собеседников мудрейшим был, конечно, Скандер...

Драконы живут долго, а умные драконы не только живут долго, но и время от времени меняют имя, чтобы люди не узнали, сколько же именно длится жизнь дракона, и не преисполнились завистью. Под солнцем нет и никогда не было другого существа, кроме очень старого дракона, которое герои рода человеческого так стремились бы убить. Годы для дракона — это сущее мучение.

Скандер и другие драконы, конечно, знали, сколько героев охотится на них, и со временем становились все более и более осторожными.

Давно прошли те дни, когда драконы гуляли где им заблагорассудится, охраняли сокровища и нападали на каждого, кто осмеливался пройти мимо. В этой игре драконы тоже проявляли чудеса храбрости, хотя в сказках говорится только о победах героев. На самом деле драконы побеждали гораздо чаще. Беда в том, что драконов было немного, а поток героев не иссякал. Герои все прибывали и прибывали, пока драконы наконец не поняли, чем грозит им эта игра.

Тогда состоялась большая конференция драконов, на которой высказывались различные точки зрения. В то время самым многочисленным было племя китайских драконов, но китайцы так оберегали свою мудрость и настолько не хотели делиться ею ни с кем другим, что на все просьбы высказать свое мнение или посоветовать что-нибудь отделывались заумными фразами вроде: «Увидеть великого человека — значит просветиться», «Вам предстоит переправа через большую воду», «Превосходящий дракона человек подобен песку». А китайские философы, которым особенно нравятся всякие бессмыслицы, собирали эти изречения в книги и потом продавали их в западные страны как источник мудрости.

В конце концов конференция решила, что драконам следует примириться с неизбежным, отказаться от наиболее агрессивной тактики, которая снискала им дурную репутацию, и вообще вести себя тише воды ниже травы. Драконы единогласно проголосовали за отказ от старых способов защиты и охраны сокро-

вищ и за переход к новым формам действий — скрытности, хитрости и увиливанию. Не стой как столб возле охраняемого тобой клада, говорил один дракон другому. Слейся с ландшафтом, живи на дне реки. Многие драконы — их называли жаберными — могли жить под водой, питаясь акулами, касатками и дельфинами. Сухопутные драконы выработали свою стратегию. Они научились скрываться, прикидываясь небольшой горой, курганом или даже рощицей деревьев. Драконы отказались от прежних кровожадных привычек и довольствовались охотниками, случайно забредшими на их территорию. Время от времени какой-нибудь дракон вспоминал молодость и возвращался к старым привычкам. В конце концов на него устраивали охоту, которая заканчивалась гибелью неразумного дракона. Его имя заносили на доску почета драконов-героев, а оставшимся в живых рекомендовали не брать с него пример.

Скандер был очень стар даже по драконовским меркам. По этой причине он преисполнился мудростью и избегал любых неприятностей. Скандер прятался в Центральной Азии, где-то неподалеку от Самарканда; впрочем, он жил там и тогда, когда города еще не существовало. Его можно было безуспешно искать годами, но видели его только те, кому он сам захотел показаться. Для тех, кому посчастливилось встретиться со Скандером, беседа с ним могла оказаться очень полезной, потому что дракон был настоящим кладезем знаний и мудрости. Правда, он отличался также капризностью и склонностью к быстрой перемене настроения.

Все это Илит знала, но у нее не было выхода, надо было хотя бы попытаться. Она нашла связку моторных метел, на которых можно летать. Моторные метлы были высшим достижением ведьминой науки. Движущей силой в них служат особые заклинания, составленные сестринской общиной ведьм в их Главном управлении в Византии. Сила этих заклинаний непостоянна: один год они работают хорошо, другой — похуже. Заклинания тоже подвержены влиянию естественных сил, но природа этого влияния не совсем понятна; иногда по неясным причинам случались сбои.

Казалось разумным начать поиски дракона там, где Илит видела его последний раз, то есть в Драконовых скалах. Драконы неглупы и понимают, что люди никогда не станут искать дракона в месте, которое называется Драконовыми скалами.

Здесь побывало немало героев, в большинстве случаев во-

оруженных лишь мечом местного производства, легким и кривым. Конечно, драться таким мечом с драконом бессмысленно. Правда, Скандер не искал схваток даже с такими легковесами. Шкура Скандера, надежно защищенная множеством перекрывающихся чешуек, выдержала бы град ударов меча. Поэтому дракона мечи совершенно не беспокоили, если только они не снабжены особенно сильными заклинаниями. Драконам доставляло большое неудобство коварство людей: кажется, он целится тебе в плечо, а потом — бац! — ты получаешь стрелу прямо в глаз. По какой-то таинственной причине драконы часто умудрялись получить стрелу именно в глаз, несмотря на их чрезвычайно высокую сообразительность и богатый опыт, накапливавшийся многие столетия. Они никак не могли понять эту простую уловку охотника, когда он делал вид, что посылает стрелу в одном направлении, а на самом деле стрелял совсем в другом. Такие хитрости были чужды драконам и противоречили их представлениям об этике войны.

Как бы там ни было, последний раз Илит видела дракона именно в Драконовых скалах. Тогда она наносила визит своим родственникам, недавно переехавшим в те места из страны скифов. Как раз в эти же годы Скандер воспользовался случайно попавшимся ему редким заклинанием об изменении обличья. Драконы всегда охотятся за такими заклинаниями, потому что, будучи разумными существами, они обожают появляться в обществе людей.

Люди об этом даже не догадываются, но факт есть факт: драконы в ином обличье появлялись при дворах многих именитых земных вельмож, где им очень нравилось вступать в дискуссии с философами. Чаще, однако, драконы просто уставали от долгих лет одиночества, особенно обременительного из-за недоверчивости к драконам противоположного пола. Именно по этой причине, а совсем не из-за отсутствия возможности или физического влечения драконы редко спариваются и еще реже обзаводятся драконятами. В немногочисленных драконовых семьях постоянно спорят, кто должен воспитывать молодежь. До сих пор нет даже единого мнения, кто же высиживает драконят — драконы или драконихи. С большинством же своих так называемых инстинктов драконы распрощались давным-давно. Став разумными существами, они долго спорили на эти темы между собой. Говорят, что в таких спорах и исчезло большинство драконов.

Воспользовавшись тем, что в стане драконов не было согласия, герои устроили на них настоящую большую охоту. Драконы никак не могли взять в толк, как это рыцари — крепкие мужики

в металлических костюмах — могут побеждать их; ведь совершенно очевидно, что люди не блещут интеллектом и думают только о дворцовых церемониях. Причина была проста: люди побеждали драконов лишь потому, что у них была одна цель — убивать, тогда как у драконов вообще не было никакой цели.

Илит полетела в сторону Самарканда и остановилась в деревушке Яр-Диджи, ближайшей к Драконовым скалам. Это была захудалая деревня, на единственной улице которой не оказалось ничего, кроме нескольких лавок с сувенирами. Лавки были забиты пластинками драконьей чешуи, но ни одного покупателя Илит не встретила. Когда она поинтересовалась отсутствием посетителей, владелец одной из лавок, которого звали Ахмед, объяснил: «Драконовские сувениры у нас еще не пользуются таким большим спросом, как в других странах. Например, в Британии, где уже сотни лет не видели ни одного живого дракона, гиды водят специальные экскурсии по тем местам, где они когда-то жили, а наш товар там стоит в сто раз дороже. Спрашиваешь, где сейчас дракон? В своей пещере где-то в Драконовых скалах. Туда ведет тропинка, но никто не найдет дракона, если он сам того не захочет, а этого угадать никак нельзя. Он такой ушлый».

Илит пошла в том направлении, какое ей указал владелец лавки. Она заплатила за вход, и ей разрешили выйти на тропу. Илит долго шла по извилистой тропинке, миновала небольшую закусочную, потом сами Драконовы скалы. Ни справа, ни слева ничего похожего на пещеру она не обнаружила.

Илит ходила очень долго, и наконец ее остановил низкий, раскатистый, довольный смех.

— Скандер? — позвала Илит.

В ответ снова раздался тот же смех.

В этот момент она заметила темную расщелину между двумя большими валунами, которая могла оказаться не просто затененной расщелиной. Илит подошла ближе и увидела, что в одном месте расщелина еще темнее. Она протиснулась между валунами.

Илит сама не поняла, как она миновала склон холма и темную расщелину. Тем не менее звук ее шагов недвусмысленно говорил о том, что она уже в подземелье.

— Скандер? — повторила Илит.

Как и прежде, ответа не последовало, но Илит заметила справа от себя вверху слабое свечение. Повернувшись, она пошла на свет и скоро оказалась в подземном коридоре, где, казалось, светились все камни — и наверху, и справа, и слева. Осве-

щение позволило ей ускорить шаги. Коридор несколько раз разветвлялся, и каждый раз Илит выбирала более освещенный путь.

Наконец она вошла в подземный зал; на нее пристально смотрело темное, покрытое чешуей существо, которое она и искала. Дракон был настолько неподвижен, настолько слился с камнями, что, если бы не глаза, Илит его наверняка бы не заметила. Она неуверенно остановилась при входе в зал.

— Скандер, это я, Илит, — снова сказала она.

Дракон поднял голову и немного опустил веки.

— Да. Это в самом деле ты, не правда ли? — изрек Скандер. — Когда мы виделись в последний раз?

— Давно. Что ты делаешь?

— Мечтаю о Ренессансе.

— Что такое Ренессанс?

— Виноват, я перепутал столетия, — ответил дракон. — Ренессанс будет позже. Трудно быть провидцем. Постоянно путаешь то, что будет, с тем, что уже есть.

— Скандер, — сказала Илит. — Мне нужна твоя помощь.

— Так я и думал, — отозвался дракон. — Какая другая сила могла привести тебя в это всеми забытое место? Так что же ты хочешь, дорогая? Старый дракон еще полон огня. Чтобы я кого-нибудь поджарил?

— Мне нужны глаза. — И Илит рассказала Скандеру про Аззи, Прекрасного принца и Спящую красавицу.

— Глаза, — пробормотал Скандер; его обычно красновато-коричневая шкура побледнела и стала почти белой.

«Это неспроста», — подумала Илит и спросила:

— Почему ты остался здесь?

— Жажда славы, понимаешь ли, — ответил Скандер. — Живущие неподалеку люди собираются рекламировать меня. Я обещал, что это место будет обозначено на всех картах. Пока это не так, но оно обязательно будет на картах.

— Где можно найти по-настоящему хорошие глаза? — спросила Илит.

— Глаза, — задумался Скандер. — Что ж, глаза есть повсюду. Почему ты спрашиваешь меня?

— Ты знаешь, где можно найти самые лучшие. Драконы знают все.

— Да, разумеется, — сказал Скандер. — Но, если ты не возражаешь, мне не хотелось бы говорить о глазах.

— Ты не хочешь говорить о глазах?

— Наверное, это просто суеверие. Извини.

— Ты не хочешь объяснить, что за суеверие?

— Хорошо, — согласился дракон. — Давным-давно, когда я жил в Китае, я заметил, что придворный художник, изображавший драконов, всегда рисует глаза в последнюю очередь. Я поинтересовался, почему он так делает. Он ответил, что глаза оживляют изображение; если все другие детали картины не завершены, то оживить изображение уже не удастся. Его просветил один мудрец, который сказал, что в таких глазах, как у меня, фокусируется дух жизни. Они поддерживают жизнь, они же и погаснут последними. Тогда я заглянул к этому мудрецу, старому монаху-даосисту, и тот уверил меня, что все это правда. Еще он предсказал, что, когда ведьма спросит в моем присутствии о глазах, произойдет полное обращение Дзина и Дзянга.

— Что это такое?

— Бутон розы... — пробормотал Скандер и закрыл глаза.

Илит ждала продолжения рассказа, но дракон молчал. Через какое-то время она кашлянула:

— Эй, Скандер? Что же было дальше?

Ответа не последовало.

— Скандер, ты заснул?

Молчание.

Выждав еще несколько минут, Илит подошла к дракону и протянула ладонь к его ноздрям. Ладонь не ощутила дыхания. Илит подошла еще ближе и сунула руку между чешуями на груди дракона. Сердце Скандера не билось.

— Скандер, дорогой! — сказал Илит. — Что же теперь делать?

Впрочем, она уже все решила.

Завершив свое дело, Илит щелкнула мертвого дракона по носу; живому Скандеру очень нравилось, когда его щелкали по носу. «Бедный старый дракон», — подумала Илит. Он был таким старым, таким мудрым, а превратился в гору остывающей в пещере плоти. Илит не забыла, что близится вечер, а вечерами в чужой стране бродить не рекомендуется. В темноте здесь повсюду разгуливают местные демоны, а они, если им взбредет в голову, могут навлечь серьезную беду. В те времена отношения между европейскими и азиатскими демонами были напряженными, и нескончаемые войны между ними еще будут удостоены внимания историков.

Илит завернула глаза в шелковый носовой платочек и положила в шкатулку из палисандрового дерева, которую всегда держала наготове для перевозки особенно хрупких и ценных вещей. Потом она повернулась и пошла из пещеры.

Когда Илит распрямилась, лучи заходящего солнца отража-

лись от самых высоких, покрытых льдом горных вершин. Она встряхнула черным флагом своих волос, села на моторное помело и поплыла на запад. Страна драконов осталась позади.

Глава 7

Когда Илит прилетела в Аугсбург, было еще светло, потому что попутный ветер помог ей обогнать даже солнце. Она приземлилась возле парадного входа и громко стукнула большим бронзовым дверным молотком.

— Аззи! Я вернулась! Я достала глаза!

Ответом была пещерная тишина. Илит поразил необычный для летнего дня прохладный воздух. Она немного забеспокоилась. Обостренное восприятие ведьмы подсказывало, что здесь что-то неладно. На всякий случай Илит прикоснулась к охранному янтарному амулету, всегда висевшему у нее на груди, и постучала еще раз.

Наконец дверь открылась. На пороге стоял Фрике. Его тощее лицо было искажено гримасой отчаяния.

— Фрике! Что случилось?

— Увы, госпожа! Наши дела совсем плохи!

— Где Аззи?

— Вот с этим дела хуже всего. Его нет.

— Нет? А где же он может быть?

— Не знаю, — ответил Фрике. — Но я не виноват!

— Расскажи подробно, что здесь произошло.

— Несколько часов назад, — начал Фрике, — хозяин готовил раствор, чтобы вымыть волосы Спящей красавицы, потому что они стали грязными и спутались. Как только он закончил мытье волос, я стал их сушить. Думаю, это было сразу после полудня, поскольку, когда я пошел за дровами, солнце поднялось высоко...

— Ближе к делу, — сказала Илит. — Что с ним случилось?

— Я принес дрова, а господин Аззи напевал веселую мелодию и подрезал Прекрасному принцу ногти на руках; ты же знаешь, он всегда придавал большое значение деталям. Неожиданно он замолчал и стал озираться по сторонам. Я тоже осмотрелся, хотя и не услышал ни звука. Господин Аззи сделал полный оборот, а когда его взгляд снова остановился на мне, клянусь, он стал совсем другим демоном. Его огненные волосы поблекли, он побледнел. Я ему говорю: «Хозяин, ты что-нибудь услышал?» — а он отвечает: «Да, я слышу причитание, и оно не сулит мне ничего хорошего. Принеси мою «Энциклопедию заклинаний». Так

он сказал и тяжело опустился на колени. Я со всех ног побежал за книгой. У него уже не было сил раскрыть ее — это очень большая книга с медными застежками, та самая, что лежит возле тебя на полу. Он мне говорит: «Фрике, помоги мне перевернуть страницы. Какая-то коварная слабость лишила меня демонических сил». Я стал листать книгу, а он продолжает: «Быстрей, Фрике, быстрей, пока сердце совсем не выскочило из груди». Я стал листать страницы еще быстрей, теперь уже один, потому что руки господина Аззи упали и у него хватило сил только на то, чтобы не сводить глаз с книги, а глаза уже потеряли свой обычный блеск. Потом он говорит: «Вот, остановись здесь. Теперь дай я посмотрю...» И все.

— Все? — переспросила Илит. — Как это все?

— Все, что он сказал, госпожа.

— Это я поняла. Но что же все-таки случилось?

— Он исчез, госпожа Илит.

— Исчез?

— Прямо на моих глазах перестал существовать, исчез без следа. Я был вне себя, так как не знал, что мне делать. Он не оставил никаких приказаний. Поэтому я сначала впал в истерику, а потом решил, что лучше всего просто дождаться твоего возвращения.

— Опиши мне подробно способ его исчезновения, — сказала Илит.

— Способ? — не понял Фрике.

— Да. Было ли это исчезновение в дыму, в котором он быстро превратился в ничто? Или это было исчезновение со вспышкой, которая иногда сопровождается слабым ударом грома? Или же он сначала уменьшился до точки?

— Не знаю, госпожа. Я закрыл глаза.

— Закрыл глаза! Ну и глупец же ты, Фрике!

— Но, госпожа, я все-таки подсматривал.

— И что же ты увидел?

— Я увидел, как мой господин стал почти прозрачным и сдвинулся в сторону.

— В какую сторону?

— В правую, госпожа.

— Он сдвинулся только строго в сторону или при этом перемещался вверх и вниз?

— Перемещался, госпожа.

— Фрике, это очень важно. А перед тем как совсем исчезнуть, не изменился ли его цвет?

— Точно, госпожа Илит! И правда цвет изменился, как раз перед тем, как господин Аззи соскользнул в никуда.

— И какого цвета он стал?

— Синего, госпожа.

— Так я и думала, — сказала Илит. — Теперь полистаем эту волшебную книгу.

Фрике поднял тяжелый том и положил его на конторку, чтобы Илит было легче читать. Книга все еще была раскрыта на той же странице, на которую смотрел Аззи в момент своего исчезновения. Илит склонилась над книгой и быстро перевела рунические письмена.

— Что это такое? — спросил Фрике.

— Это Генеральное освобождение, — объяснила Илит, — такое заклинание, которым пользуются демоны, когда кто-то или что-то пытается их заколдовать. Еще оно называется Великим противостоянием.

— Получается, он немного опоздал?

— Очевидно.

— Заколдовали! — удивился Фрике. — Но мой господин сам колдун!

— Конечно, колдун, — подтвердила Илит. — И очень хороший. Но запомни, Фрике, любой колдун и сам может быть заколдован. Это один из основных законов Невидимого царства.

— Что-то я слышал об этом, — сказал Фрике. — Но кто же мог так заколдовать моего господина, что от него ничего не осталось?

— Есть много вариантов, — ответила Илит. — Впрочем, последовательность событий говорит о том, что скорее всего это был кто-то смертный — может быть, ведьма, какой-нибудь алхимик или другой демон, — который обладает определенной властью над Аззи и поэтому мог вызвать Аззи, даже не спрашивая его согласия.

— Когда же мы снова его увидим? — спросил Фрике.

— Понятия не имею, — ответила Илит. — Это зависит от того, кто именно заколдовал Аззи, какое при этом использовалось заклинание, какова природа данного Аззи обязательства.

— Но он скоро вернется?

Илит пожала плечами:

— Может вернуться через мгновение, а возможно, он покинул нас на дни, месяцы, годы или даже навсегда. Задним числом докопаться до истины в таких вещах очень трудно.

— Я бы не пожалел свою задницу, только бы он вернулся! — воскликнул Фрике. В отчаянии от безысходности он заломил

руки, но в этот момент из самых далеких уголков его сознания всплыла другая мысль, и Фрике с новой силой крикнул: — О нет!

— В чем дело? — не поняла Илит.

— Тела!

— Что с ними?

— Госпожа, им грозит разложение! Ведь этим утром мы извели предпоследний кусок льда, и ихора тоже почти не осталось. Как только мой господин проснулся, я ему напомнил об этом, а он говорит: «Не бойся, Фрике, я немного подремлю, потом свяжусь с адским отделом снабжения, и мы получим ихор».

— Подремлю? Но ты же сказал, что он только что проснулся.

— Госпожа, он очень любил подремать вскоре после сна.

— В самом деле, теперь я сама припоминаю, — согласилась Илит.

Она пошла в тот угол лаборатории, в котором бок о бок стояли два ящика в форме гробов; в них в ожидании воскрешения лежали Прекрасный принц и Спящая красавица. Льда с вершин Альп почти не было. На дне каждого гроба осталась небольшая лужица ихора.

— Твой хозяин был слишком небрежен, — заметила Илит.

— Госпожа, он же не ожидал, что его заколдуют, — вступился за хозяина Фрике.

— Наверное, не ожидал. Ладно, дело прежде всего. Фрике, нам нужно заморозить тела.

— Прошу прощения, госпожа?

— Нам нужно найти способ снизить их температуру.

— Госпожа умеет вызывать лед?

— Нет, — ответила Илит. — Такими делами ведьмы не занимаются. Доставать — это обязанность демонов. А нашего демона украли. Сложная ситуация. — Она подошла к дивану и села. — Фрике, перестань хныкать. Дай мне подумать.

Она снова подошла к телам, наклонилась, потрогала. На ощупь они еще были холодными, но Илит поняла, что на самом деле они намного теплее, чем было нужно. Еще час-два — и бесценные персонажи Аззи превратятся в гниющее мясо, к тому же, возможно, облепленное мухами. И тогда уже будет не важно, возвратится Аззи или нет. Для него состязания закончатся.

— Фрике, я должна что-то предпринять. Но сначала мне нужно кое с кем поговорить. Лучше, если ты не будешь видеть, как я улетаю. Это женская магия, а она не для мужских глаз.

— Если понадоблюсь, я буду в каморке, — сказал Фрике и поковылял в свой угол.

Илит взялась за дело.

Илит выбрала заправленное свежими заклинаниями помело, убедилась, что все ее охранные амулеты на месте, вылетела в окно и устремилась вверх, в небесную синеву высших слоев атмосферы. Во время подъема она бормотала специальное охранное заклинание, потому что ей предстояли неприятные разговоры. Когда Илит задумалась, как заморозить тела, первой ее мыслью было спросить совета у гарпий.

В то время гарпии и ведьмы жили в относительном согласии. Гарпии — это демоны женского пола, зачисленные в силы тьмы после крушения классической мифологии. Гарпии не только успешно творили зло; одно их присутствие обычно приводило к разного рода неприятностям. От них исходил омерзительный запах, а уж об их поведении за столом и говорить не приходилось. Но все же Илит решила прежде всего наведаться именно к этим существам, ибо смердящие гарпии отличались редкой сообразительностью. В принципе, конечно, она могла бы обратиться к любым сверхъестественным существам из сил тьмы, но рассчитывать всерьез можно было лишь на гарпий и их сестер сирен, так как только они сразу понимали, что от них требуется, и были настолько благородными, что даже выполняли свои обещания.

Илит летела быстро и скоро пересекла ту границу, которая отделяет царство человека от царства всего нечеловеческого и сверхчеловеческого.

Илит сразу же оказалась в обширной облачной стране снежных холмов и гор. Здесь текли также реки, а на их берегах стояли небольшие замки, но все это было сделано из облаков. Илит полетела дальше. Спустившись немного, она заметила мантихоров и химер, а расположившийся в небольшой собственной долине бегемот, увидев Илит, фыркнул и попытался дотянуться до нее своим огромным когтем. Илит легко увернулась от бегемота и полетела дальше, в ту страну, где облака синие, а под облаками все окрашено в голубой и золотой цвета, как в смутно запомнившемся сне. Илит снова начала спускаться и увидела фигурки — сначала совсем крошечные — прекрасных женщин. Женщины расположились на берегу сонной реки недалеко от водопада, где они могли купаться и резвиться.

Илит спустилась еще ниже и вскоре оказалась там, где жили вместе гарпии и сирены. Она замедлила полет и приземлилась на левом берегу Стикса — великой реки, которая текла из дремуче-

го прошлого в самое далекое будущее. По ее берегам росли деревья неизвестных пород, которым на Земле еще только предстояло появиться. Под деревьями в густой траве резвились девы — восемь сирен и несколько гарпий. Сирены прославились тем, что своими сладкими песнями завлекали людей, особенно моряков, и обрекали их на гибель. Прекрасные златовласые и высокогрудые гарпии представляли собой усовершенствованный тип сирен, но их манеры заставили бы покраснеть даже гиену. В обязанности гарпий входило мучить проклятые души классическим способом, вырывая у них пищу изо рта и обдавая с головы до пят жгучими экскрементами. Внешне Илит держалась храбро и независимо, хотя на самом деле почти дрожала от страха, потому что эти древние демоны женского пола были склонны к страшным извращениям и непостижимым поступкам, а их настроение было совершенно непредсказуемым.

Тем не менее Илит самоуверенно обратилась к гарпиям и сиренам:

— Сестры, я принесла вам привет от мира людей.

Одна из сирен повернулась. Это была большая сирена с пепельными волосами и яркими губками бантиком. Трудно поверить, но это была Польдарга, одна их самых зловещих хтонических богинь.

— Какое нам дело до мира людей? — сказала она. — Наш дом — берега этой прекрасной реки. Здесь мы развлекаем друг друга, воспевая блестящие подвиги древних. Время от времени в наши руки попадает мужчина, неосторожно перегнувшийся через борт лодки Харона. Мы освобождаем его от власти речных богов, играем с ним, пока он не сойдет с ума, потом разрываем на части и съедаем; каждой достается по хорошему кусочку.

— Я подумала, — сказала Илит, — что, возможно, вам захочется развлечься, особенно если это развлечение — часть правого дела. Ведь, как ни прекрасны берега этой реки, вы, должно быть, иногда испытываете тоску по миру людей, где время от времени совершаются великие события.

— Какое нам дело до этих событий? — опять возразила Польдарга. — Впрочем, продолжай, сестра. Скажи, чего же ты хочешь?

И Илит поведала им о великом состязании в честь тысячелетнего юбилея, об Аззи и о том, как он собирается вступить в борьбу с силами добра с помощью двух созданий рода человеческого, воскрешенных и превращенных в персонажи вывернутой наизнанку сказки, которая приобретет зловещее содержание. Сирены и гарпии зааплодировали. Мысль о том, что следующее

тысячелетие будет отдано во власть сил зла, доставила им огромное удовольствие.

— Я рада, что вы одобряете план, — сказала Илит, — но тут есть одна проблема. Аззи исчез, кто-то его заколдовал.

— Послушай, сестра, — начала Польдарга, — ты же знаешь, с этим мы ничего не можем поделать. Нам запрещается вмешиваться в дела демонов или людей, за исключением особых случаев, а твоя история к числу таких случаев не относится.

— Я не прошу вас найти Аззи, — пояснила Илит. — С этим я справлюсь сама. Но на это потребуется время, а между тем его актеры, которые будут играть Прекрасного принца и Спящую красавицу, лежат в своих гробах еще невоскрешенные. Лед у нас почти кончился, ихор тоже на исходе, и Аззи нет, чтобы восполнить запасы, а на Земле стоит лето, и без льда и ихора наши актеры попросту разложатся. Тогда весь великий план Аззи полетит ко всем чертям.

— Все это печально, нет сомнений, — сказала Польдарга, — но зачем ты об этом рассказываешь нам? Здесь у нас нет льда.

— Знаю, — согласилась Илит. — Но вы же воздушные создания, вы привыкли подталкивать беспомощных земных существ к месту их осуждения на вечные муки.

— Верно. А какое это имеет отношение к вашим принцу и красавице?

— Я подумала, — ответила Илит, — что вы можете помочь сохранить их тела. Для этого нужен холод, холод самого верхнего слоя атмосферы.

Гарпии посовещались между собой, потом Польдарга сказала:

— Ладно, сестра, ради тебя мы позаботимся об этих телах. Где, ты говоришь, они лежат?

— В доме демона в Аугсбурге. Этот дом можно найти...

— Не беспокойся, — сказала Польдарга. — Гарпии найдут любое место на Земле. Сестры, за мной!

Польдарга расправила свои темные крылья и устремилась в верхние слои атмосферы. За ней последовали еще две гарпии.

Илит следила за удаляющимися гарпиями. Про гарпий говорили, что они быстро устают. У Илит не было уверенности, что гарпии не откажутся от обещания и не вернутся вскоре на берег этой реки к своей вечной игре в маджонг. Вместе с тем у гарпий было развито чувство чести по отношению к ним равным. Илит оставалось только надеяться, что гарпии сочтут ее равноправным членом избранного общества.

Илит тоже взлетела. У нее родилась мысль, где можно найти Аззи.

Глава 9

Конечно, никто не догадался уведомить Фрике, что за телами будущих актеров прилетят гарпии. О договоре Илит с гарпиями он узнал позднее, а в тот момент Фрике лишь увидел, как в окно влетели два странных существа. Он сидел в лаборатории Аззи на низкой табуретке, прислушиваясь к звону капель, падавших с последнего тающего куска льда, и ждал возвращения Илит, как вдруг услышал оглушительное хлопанье крыльев и почувствовал омерзительнейший запах.

Чтобы быстрее лететь, гарпии втянули ноги так, что широким бронзовым крыльям оставалось нести только туловище с торчащими грудями и голову. Они громко, скрипуче каркали и опорожняли кишечник на все подряд.

Фрике взвизгнул и нырнул под стол. Гарпии с криками носились по комнате, громко хлопая крыльями. Обнаружив гробы, они устремились к ним.

— Пошли вон, разбойники! — закричал Фрике.

Он погнался за гарпиями с каминными щипцами в руках. Гарпии развернулись и атаковали Фрике, выталкивая его из лаборатории стальными наконечниками своих крыльев и зелеными когтями. Фрике побежал за луком и стрелами. Пока он искал оружие, гарпии подхватили принца и красавицу и, теперь уже тяжело хлопая крыльями, подняли их в воздух. Фрике наконец нашел лук и поспешил назад. Но гарпии уже улетели. Они поднялись высоко в небо и вскоре вообще скрылись в расселине между реальным и нереальным. Фрике погрозил им кулаком, потом задумался. Он надеялся, что Аззи не потребуется слишком подробных объяснений. Фрике имел крайне смутное представление о том, что же произошло с будущими актерами.

Но если уж на то пошло, где же все-таки хозяин?

Глава 10

Аззи работал в лаборатории и в какой-то момент неожиданно почувствовал так хорошо ему знакомый психический толчок — верный признак, что тебя заколдовывают. Это даже не толчок, а скорее нечто вроде своеобразной тяги, рождающейся где-то в самом центре твоего желудка. Неприятным такое ощущение назвать было бы нельзя; беда в том, что оно почти всегда оказывается некстати и несколько пугает неопределенностью перспек-

тив. Наверное, нет ничего плохого, если тебя заколдовывают в тот момент, когда ты просто сидишь и мучаешься от безделья. Но на практике колдовство всегда сваливается как снег на голову, когда ты полностью поглощен каким-нибудь крайне щепетильным делом.

— Проклятие! — воскликнул Аззи. Все его планы рушились. Невозможно предугадать, сколько времени сможет простоять без присмотра волшебный замок, скрепленный одними лишь устаревшими заклинаниями. Да и молодую пару, принца и красавицу, надо было оживлять как можно скорей, пока они не испортились.

И вот теперь Аззи летел куда-то, не успев вовремя защититься компенсирующим противозаклинанием. Правда, противозаклинание могло и не сработать. В специфических ситуациях эти общие заклинания часто не действуют.

Во время переноса Аззи потерял сознание. Когда он пришел в себя, у него ужасно болела голова. Аззи попытался встать, но, очевидно, он попал на какую-то очень скользкую поверхность. Стоило ему приподняться, как он тут же снова падал. И желудок у него немного расстроился.

Аззи лежал внутри пентаграммы. Большей степени заколдованности и представить себе невозможно.

Конечно, Аззи заколдовывали не впервые. Любой демон, если он захочет вести активный образ жизни среди людей, должен смириться с мыслью, что его заколдуют не раз и не два, ибо людям нравится обманывать демонов не меньше, чем демонам людей. В истории человечества и дня не проходило без того, чтобы мужчины и женщины не заколдовывали демонов. На эту тему сложено множество сказок, в которых говорится о победах и поражениях людей, вставших на такой скользкий путь. О чем в сказках не говорится ни слова, так это о том, насколько часто достигались разумные соглашения между демоном и человеком, потому что даже души являются товаром, которым можно честно торговать. Самые древние договоры обычно обязывали демона выполнять различные работы в обмен на душу человека. Короли часто одаривали демонов благосклонностью, поэтому у многих королей на службе состояли демоны. Впрочем, нередко бывало и наоборот, когда демону прислуживал какой-нибудь король.

— Папа, смотри, я же говорила, что он придет!

Это был голос Бриджит. А вот и она сама, стоит перед ним и возвышается над ним, маленькая грязнуля, которая воспользовалась вытянутым из него обещанием, чтобы вызвать его сейчас, в самый неподходящий момент.

— Похоже, у тебя и на самом деле неплохо получилось, — произнес брюзгливый мужской голос. Это был ее отец, Томас Скривнер. Судя по всему, он совсем освоился в мире людей. Конечно, в его памяти не сохранились ни преисподняя, ни его встречи с Аззи. Это было очень кстати. Когда люди узнают слишком много, они становятся опасными.

— Ах, это ты, — сказал Аззи, вспомнив девчонку, которая поймала его с помощью ловушки для душ, когда он присматривал за ее отцом. — Чего же ты хочешь?

— Мое желание! — ответила Бриджит.

Правильно, Аззи обещал исполнить ее желание. Он с радостью забыл о своем обещании, но в мире магии обещания, данные сверхъестественными существами людям, регистрируются как физически важные факты. При всем своем желании Аззи не мог этого не учитывать.

— Ладно, — сказал Аззи. — Открой одну сторону пентаграммы, выпусти меня, и мы обсудим твое желание.

Бриджит уже было нагнулась, чтобы стереть линию, но отец силой оттащил ее назад:

— Не выпускай демона! Ты потеряешь всю власть над ним!

Аззи пожал плечами. Попробовать обмануть девчонку стоило в любом случае.

— Господин Скривнер, — сказал он, — объясните девочке, что ей следует быть разумной. Мы можем быстро разделаться с ее желанием, а потом я займусь своими делами.

— Не слушай его! — обратился Скривнер к дочери. — Демоны богаты. Ты можешь потребовать все, что только пожелаешь! Все на свете!

— Лучше я сам объясню ситуацию, — вмешался Аззи. — Это очень распространенное заблуждение, но, уверяю вас, оно совершенно не отвечает действительности. Демоны могут выполнять желания только в пределах своих индивидуальных возможностей. Лишь могущественный демон может дать вам, например, большое состояние. Я же бедный демон, работаю за нищенскую зарплату.

— Хочу новую куклу, — сказала Бриджит отцу.

Аззи напружинился и подался вперед. Слова девочки нельзя было интерпретировать как желание, потому что они были обращены не к *демону*. Но если она повторит...

— Куклу? — переспросил Аззи. — Я могу дать тебе самую чудесную игрушку на свете. Ты слышала о Снежной королеве, не так ли? У нее есть маленький игрушечный домик с крошечными человечками, которые выполняют в доме разные работы, а игру-

шечная мышь то вбегает в дом, то выбегает из него. Там еще много чего, я всего и не упомню. Принести тебе эту игрушку?

— Подожди! — закричал Скривнер, с новой силой оттаскивая Бриджит от пентаграммы. — Дочка, он хочет нас надуть. Этот демон может творить чудеса. Он запросто озолотит тебя, сделает принцессой...

— Вот это уж нет, — перебил Скривнера Аззи.

— Проси что-нибудь большое! — продолжал Скривнер. — Или, еще лучше, передай желание мне, а я запрошу столько, что мы станем богатыми, я тебе куплю все кукольные домики, о каких ты и не мечтала.

— А мне тогда все равно нужно будет мыть посуду после обеда? — спросила Бриджит.

— Нет, мы наймем служанку, — ответил Скривнер.

— А доить коров, кормить цыплят и делать всякую другую работу по хозяйству?

— Конечно, нет! — не задумываясь ответил Скривнер.

— Бриджит, не верь ему, — предупредил Аззи. — Я подскажу, что будет для тебя лучше всего. Попроси меня дать тебе что-нибудь красивое, и я тебя удивлю. Как тебе такое предложение?

— Не слушай его, — сказал Скривнер, — в самом крайнем случае соглашайся на большое поместье.

— Не верь ему, — гнул свое Аззи. — Он всегда тебя обманывает, правда же? Но однажды, я помню, он был очень рад моей помощи.

— Что ты болтаешь? — не понял Скривнер. — Я тебя вижу первый раз в жизни.

— Ты так думаешь, — уточнил Аззи. — Бриджит, какого цвета игрушечный домик ты хочешь?

— Где мы встречались? — засомневался Скривнер.

— Что я в самом деле хочу, — сказала Бриджит, — так это...

— Замолчи! — завопил Скривнер. — Если ты попросишь какую-нибудь ерунду, я тебя, юная леди, так отколочу...

Бриджит тоже повысила голос:

— Не кричи на меня!

— Это твое желание я выполню с удовольствием, — сказал Аззи и повел рукой.

Томас Скривнер открыл рот, но не смог издать ни звука. Он напрягся, отчаянно заработал языком, его щеки раздувались, как мехи, но ни единого звука так и не последовало.

— Что ты сделал? — спросила Бриджит.

— Выполнил твое желание, — ответил Аззи. — Он больше не будет на тебя кричать. Ни на тебя, ни на кого угодно другого.

— Это нечестно! — заявила Бриджит. — Я говорила папе, а не тебе! Ты все равно должен выполнить мое желание!

— Перестань, Бриджит, — остановил ее Аззи. — Ну хорошо, говори свое желание. Мне давно пора домой.

Томас Скривнер все еще не прекращал попыток что-то сказать. Его лицо побагровело, а глаза вылезли из орбит и стали похожи на сваренные вкрутую куриные яйца. Это было чертовски занятное зрелище, и Бриджит засмеялась, но тут же замолчала. В воздухе что-то появилось из ничего.

Это что-то материализовалось.

Из ничего возникла растрепанная, взъерошенная Илит. Ее помело дымилось.

— Аззи! — воскликнула она. — Хорошо, что ты рассказал мне об этой истории с исполнением желания, а я ее запомнила. У тебя затруднения?

— Это же очевидно, не правда ли? — сказал Аззи. — Битый час я стараюсь вытянуть из ребенка ее желание. Я бы его быстро исполнил и полетел домой. Но она никак не может прийти к согласию со своим отцом, чего бы ей запросить.

Томас Скривнер умоляюще смотрел на Илит и жестами просил о помощи.

— Что ты с ним сделал? — спросила Илит.

— Видишь ли, — ответил Аззи, — Бриджит сказала, что хочет, чтобы он заткнулся. Вот я его и заставил замолчать.

— Ох, Аззи, перестань баловаться. Девочка, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Бриджит задумалась.

— Когда я была маленькой, я хотела стать принцессой.

— Не уверена, что исполнить такое желание в силах Аззи, — заметила Илит.

— Теперь я не хочу быть принцессой, — продолжала Бриджит. — Теперь я хочу стать ведьмой!

— Почему?

— Потому что ты — ведьма, — ответила Бриджит. — Хочу быть похожей на тебя, летать на помеле и заколдовывать людей.

Илит улыбнулась:

— Аззи, что ты думаешь о таком желании?

— Одной ведьмой будет больше, что от этого изменится? — пожал плечами Аззи. — Я правильно понял тебя, девочка? Ты хочешь стать ведьмой?

— Да! — сказала Бриджит.

Аззи повернулся к Илит:

— А ты что думаешь?

— Что ж, время от времени я беру учениц. Сейчас Бриджит немного маловата, но через несколько лет...

— Ой, пожалуйста! — воскликнула Бриджит.

— Хорошо, — согласилась Илит.

— Решено, — сказал Аззи, — ты будешь ведьмой, девочка. Теперь выпусти меня отсюда.

— Сначала возврати папе голос.

Аззи выполнил это желание. Томас Скривнер размахнулся, собираясь влепить Бриджит хорошую затрещину, но его рука застыла в воздухе, удерживаемая невидимой силой.

— Что ты сделала? — обратилась Бриджит к Илит.

— Это очень простое колдовство, — ответила Илит и повернулась к Скривнеру: — Обращайся с дочерью хорошо. Через несколько лет она сможет сделать из тебя котлету. К тому же в случае чего тебе придется иметь дело со мной.

Полдень

Глава 1

Освободив Аззи из плена Бриджит, Илит сразу же связала прочной пеньковой веревкой два помела. Аззи устроился за спиной ведьмы, крепко обнял ее, и они полетели назад в Аугсбург. Ощущение плотно прижавшегося к ней сильного, молодого демона неожиданно оказалось для Илит очень приятным. Когда лапы Аззи, вцепившиеся в плечи Илит, случайно касались ее груди, по всему ее телу пробегала счастливая дрожь.

Какое блаженство лететь вдвоем с любимым существом над облаками! Илит неслась в небесной синеве, сквозь верхушки фиолетовых облаков самых невероятных форм, исчезавших и вновь возникавших перед ее глазами, и в эти минуты она совсем забыла о грехе и грешниках, о всех проблемах добра и зла. Аззи тоже нравилось это путешествие, но он торопил Илит. Что ни говори, а прежде всего им нужно было быстрей добраться домой и забрать своих актеров у гарпий.

Дома Илит успела вымыть голову, уложить и скрепить заколками волосы. После этого она была готова к следующему путешествию.

На заряженном свежими заклинаниями помеле Илит быстро набрала высоту. Теперь она мчалась одна, легко ориентируясь в воздухе. Скоро Земля исчезла из вида, и Илит оказалась в свер-

кающем царстве небес. Она обследовала все закоулки, но не нашла и следов гарпий. Илит облетела вокруг света по его внешней границе и нигде ничего не обнаружила. К счастью, откуда-то появился неторопливый пеликан. Он сказал Илит:

— Ты ищешь гарпий с двумя замороженными трупами? Они просили меня передать тебе, что это занятие им надоело, они пристроили пару в надежном месте и вернулись к своим сестрам.

— Больше они ничего не сказали? — спросила Илит, переходя на бреющий полет, чтобы в мгновение ока не улететь стрелой от медлительного пеликана.

— Только что-то об игре в маджонг, — ответил пеликан.

— Они не сказали, где надежное место?

— Даже не намекнули! Я только успел подумать, не спросить ли у них, но они уже взлетели, а догнать их я никак не смог. Ты же знаешь, какие скорости они развивают с этими своими новыми модными бронзовыми крыльями.

— В каком направлении они улетели? — спросила Илит.

— На север, — ответил пеликан и показал кончиком крыла.

— На истинный север или магнитный?

— На истинный север, — уточнил пеликан.

— В таком случае, кажется, я знаю, где их найти, — сказала Илит.

Она повернула на север и увеличила скорость до предела, хотя знала, что от встречного ветра у нее покраснеют глаза и вообще она потеряет свою привлекательность. Илит в мгновение ока пролетела над землями франков, потом над изрезанными глубокими фьордами берегами, на которых норманны все еще поклонялись своим древним богам, а воевали, вооружившись топорами, молотами и другими сельскохозяйственными орудиями; затем миновала земли лапландцев, которые вместе со своими оленьими стадами бродили по бескрайним заснеженным равнинам.

Лапландцы почувствовали ведьму, но притворились, что ничего не видят, ибо, если сталкиваешься с непонятным явлением, всегда лучше всего сделать вид, что ты ничего не заметил. Наконец Илит подлетела к Северному полюсу, настоящему полюсу, существующему только в пределах воображаемой точки истинного и абсолютного севера и недостижимому для простых смертных. Проскользнув через складку реальности, в которой находился полюс, Илит заметила внизу деревню Деда Мороза.

Деревня располагалась на огромной прочной льдине, прикрывавшей Северный полюс. Строения деревни, сложенные наполовину из бревен и обшитые деревянными панелями, были

просто великолепны. На одной стороне деревни Илит заметила мастерские, где гномы Деда Мороза готовили подарки для всяких смертных. Об этих мастерских знают все. Гораздо менее известен тот факт, что за мастерскими есть особая комната, в которой из тайных хранилищ Земли добывают квинтэссенции добра и зла. В каждый подарок гномы вкладывают немножко счастья или немножко несчастья. Кому достанется подарок со счастьем, кому с несчастьем, заранее угадать нельзя. Илит прошлась по мастерским, наблюдая за работой маленьких человечков, ловко орудовавших своими молоточками и отвертками, и ей показалось, что попадание счастья или несчастья в подарок статистически более или менее равновероятно.

В центре большого верстака стоял ящик, в который сверху падали блестящие кусочки счастья и несчастья, напоминавшие крохотные букетики трав. Гном опускал руку в ящик, не глядя доставал букетик и вкладывал его в подарок, не обращая ни малейшего внимания на то, что это за букетик.

Илит спросила гномов, не пролетали ли здесь недавно гарпии с парой замороженных человечьих тел. Гномы только отрицательно покачали головами, всем своим видом выражая неудовольствие. Изготовление и начинка рождественских подарков требуют точности и аккуратности; если тебя кто-то отвлекает разговорами, нарушается ритм работы.

Один из гномов молча кивнул в направлении дальнего угла мастерских. Илит пошла в тот угол и в самом конце длинной комнаты заметила дверь, на которой было написано: «Контора Санта-Клауса». Илит подошла к двери, постучалась и вошла.

Вообще-то Санта-Клаус был большим, добродушным, вечно улыбающимся толстяком. Но внешность изменчива, и в тот момент Санта-Клаус хмурился, а его лицо вытянулось и осунулось. Он кричал в волшебную морскую раковину:

— Алло! Это отдел снабжения? Мне необходимо поговорить с кем-нибудь из этого отдела.

Ответ прозвучал из выделанной головы бабуина, висевшей на стене:

— Отдел снабжения слушает. С кем я говорю?

— Санта-Клаус говорит.

— Слушаю, господин Санта-Клаус. У вас есть разрешение на непосредственную связь с отделом снабжения?

— Кажется, вы никогда не слышали обо мне. Я тот самый

Санта-Клаус, который каждый год 25 декабря по новому стилю разносит подарки.

— Ах, *тот самый* Санта-Клаус! А когда вы начнете разносить подарки демонам?

— Я замучился и с подарками для людей, — ответил Санта-Клаус. — У меня возникла одна проблема...

— Минуточку, — отозвалась голова бабуина, — я соединю вас с тем, кто ведает проблемами.

Санта-Клаус тяжело вздохнул. Опять от него просто отделались. Только сейчас он заметил Илит, которая незадолго до того вошла в его контору.

Санта-Клаус три раза подряд быстро мигнул за стеклами маленьких прямоугольных очков.

— Боже милостивый! Так ты не гном? Я не ошибся?

— Не ошибся, — ответила Илит. — Я не гном и не олень. Но я могу облегчить решение задачи. Я прилетела сюда на помеле.

— Значит, ты ведьма!

— Угадал.

— Ты хочешь заколдовать меня? — спросил Санта-Клаус, слегка размякая от прелестей Илит, которые растрепанное ветром платье почти не скрывало. — Знаешь, я бы не стал возражать, если бы меня заколдовали. Никогда никому и в голову не приходило заколдовать Санта-Клауса. Как будто мне тоже не нужно время от времени развлечься, да? Разве кто-нибудь принесет подарок Санта-Клаусу? Хоть одно существо на свете над этим задумывалось? Всем только дай, дай, дай. А что я получаю от этого?

— Удовлетворение. Ты наслаждаешься всеобщей любовью.

— Все любят подарки, а не меня.

— Приносящий дар сам становится частью этого дара, — сказала Илит.

Санта-Клаус задумался.

— Ты действительно так считаешь?

— Как же может быть иначе?

— Если так, то еще куда ни шло. Могу я поинтересоваться, что ты здесь делаешь? В этих краях, кроме гномов и северных оленей, никого никогда не бывает. Ну и кроме меня, конечно.

— Я прилетела, — объяснила Илит, — чтобы забрать оставленные здесь для меня два тюка.

— Два тюка? Что за тюки?

— Один с существом мужского пола, другой с существом женского пола. Оба существа человечьего рода. Оба заморожены. Сюда их принесли гарпии.

— Ах, эти ужасные гарпии! — недовольно сказал Санта-Клаус. — После них снег желтеет на мили вокруг.

— Так как насчет замороженных людей?

— Они вон там, в сарае.

— Я их забираю, — сказала Илит. — Да, и еще одно. На Земле есть девочка, которую зовут Бриджит Скривнер.

— Маленькая нахальная грязнуля? — Санта-Клаус всегда помнил всех земных детей.

— Да, это она. Я бы хотела, чтобы в этом году ты принес ей игрушечный домик. Такой, какой обычно ты даришь только принцессам. С движущимися фигурками людей, с обоями, радио и прочими волшебными штучками.

— Эта девчонка так хороша?

— Не важно, хороша или плоха, — ответила Илит. — Один демон обещал выполнить ее желание. Игрушечный домик — часть этого желания.

— Почему же за ним не прилетел сам демон?

— Потому что он занят другими делами. Ты же знаешь демонов.

Санта-Клаус кивнул:

— Хорошо, она получит подарок. Хочешь, я присмотрю, чтобы туда вложили кусочек счастья?

Илит серьезно обдумала предложение и решила:

— Нет, пусть в подарке будет то, что туда само попадет. Игрушечного домика достаточно. Как и любому другому человеку, ей придется положиться на волю случая.

— Мудрое решение, — похвалил Санта-Клаус. — Прежде чем ты улетишь, разреши преподнести подарок и тебе.

— Что ты имеешь в виду?

— Вот это! — закричал Санта-Клаус, срывая с себя одежду.

— Благодарю, — сказала Илит, легко оттолкнув его от себя, — но сейчас мне твой подарок не нужен. Осчастливь им какую-нибудь другую даму.

— Но сюда никто никогда не заглядывает! — расстроился Санта-Клаус. — Одни гномы и олени!

— Тяжело тебе приходится! — посочувствовала Илит.

Она пошла к сараю и вынесла Прекрасного принца и Спящую красавицу. Замороженные тела были жесткими, как бревна, и тяжелыми, как смертный грех. Чтобы поднять их в воздух, Илит пришлось приложить все свои ведьмины силы.

— Пришли ко мне свою подругу! — крикнул ей вслед Санта-Клаус. — Скажи, что я приготовил ей подарок!

— Скажу, — пообещала Илит. — Ведьмы любят подарки.

Вместе с Прекрасным принцем и Спящей красавицей она поднялась высоко в небо, взяла курс на дом Аззи в Аугсбурге и сразу набрала предельную скорость.

Глава 2

Во внутреннем дворе Аззи нервно расхаживал взад-вперед. Фрике, показывая на восточное небо, сказал: «Хозяин, кажется, это она!»

Аззи внимательно наблюдал за приближавшейся Илит. Она медленно летела на четырех метлах; с них свешивались веревки, которыми были привязаны два замороженных трупа. Илит спланировала, выискивая место для посадки.

— Осторожней приземляйся, смотри за телами! — крикнул Аззи.

— Не учи ведьму летать на помеле, — отозвалась Илит, изящно опуская свою ношу возле входа в алхимическую лабораторию.

— Наконец-то! — сказал Аззи и поспешил к телам. — Я вижу, ты не очень торопилась.

— Ну спасибо! — возмутилась Илит. — В следующий раз сам мотайся за своими дохляками! И сам доставай глаза!

Аззи мгновенно изменил тон:

— Прости меня, Илит, но мне действительно приходится торопиться, иначе к состязанию я никак не успею поставить эту пару на ноги. Я достал еще немного ихора. Принц пока полежит в ихоре, а красавицу мы отнесем в замок и оживим.

— Как хочешь, — сказала Илит.

— Великолепно, — резюмировал Аззи, когда они покончили с принцем. — Надеюсь, в замке все готово. Мы полетим туда немедленно.

Так они и сделали. Илит несла все еще насквозь промерзшее тело Спящей красавицы, а Аззи пришлось использовать всю свою подъемную силу, чтобы, кроме Фрике, унести еще и мешок с провизией и заклинаниями, которые, по его мнению, могли там пригодиться.

Они без приключений добрались до заколдованного замка и расположились на верхнем этаже, где для Спящей красавицы была уже приготовлена комната. Разумеется, прежде всего нужно было оживить героиню.

— Разожги этот камин, — приказал Аззи Фрике и обратился к Илит: — Ты захватила глаза?

— Вот они, — ответила Илит. — Эта пара принадлежала Шодлосу, тому художнику, который писал с нее Магдалину.

— А для Прекрасного принца?

— Для него я приготовила глаза дракона Скандера.

— Прекрасно, — сказал Аззи. — Почему здесь все еще так холодно?

Фрике подкладывал дрова в огромный камин уже больше часа, а в спальне по-прежнему было холодно. Казалось, каменные стены бесследно поглощают все тепло. Такими темпами Спящая красавица не оттаяла бы и через столетие. Слой голубоватого льда немного искажал черты ее лица. Казалось, красавица отдыхает. Наложенные Фрике швы были почти незаметны. К туловищу натурщицы Магдалины он пришил ноги танцовщицы, и шов, пришедшийся на середину бедра, легко было принять за подвязку. Иногда Фрике проявлял удивительное мастерство и сноровку.

Но почему она так долго не оттаивает? Неужели этот лед тоже удерживается каким-то магическим заклинанием? Аззи постучал когтями по льду; похоже, лед почти не размягчился.

Пламя камина никак не согревало комнату. Аззи уже давно заказал заклинания, предназначенные для обогрева помещений, но они до него так и не дошли. Теперь он повторил заказ, воспользовавшись нелимитированной кредитной карточкой, которая должна обеспечивать мгновенную доставку. Через секунду в воздухе что-то негромко взорвалось, и на пол свалилось новейшее обогревающее заклинание, аккуратно упакованное в полупрозрачную яичную скорлупу.

— Наконец-то! — воскликнул Аззи, разбивая скорлупу.

Заклинание с негромким свистом вылетело из упаковки, и температура в комнате почти сразу поднялась на добрых десять градусов.

— Теперь принимаемся за оживление, — сказал Аззи, когда тело красавицы начало заметно оттаивать. — Фрике, ихор, быстро!

Фрике наклонился над лежащей красавицей и плеснул ихором ей в лицо.

— Теперь оживляющее заклинание, — сказал Аззи и нараспев прочитал заклинание.

Бледное, как сама смерть, комбинированное создание, которое они нарекли Спящей красавицей, лежало без движения. Потом по ее щекам пробежала чуть заметная дрожь, ее прекрасные губы дернулись и раскрылись; оживившим язычком красавица

попробовала, каков на вкус ихор. Вскоре ожил и задышал ее изящный носик, все тело зашевелилось и снова застыло.

— Глаза! — приказал Аззи. — Быстро!

Глаза легко встали на свое место. Теперь нужно было еще одно, очень редкое заклинание, помогающее включить зрение. К счастью, в отделе снабжения удалось найти и его. Аззи пропел заклинание; веки Спящей красавицы дернулись, задрожали и поднялись. На мир красавица смотрела новыми глазами цвета благороднейшего сапфира. На ее лице появилось осмысленное выражение. Она осмотрелась и чуть слышно застонала.

— Кто вы такие? — были ее первые слова.

Аззи сразу не понравился ее громкий, раздраженный голос, который к тому же весьма недвусмысленно говорил о довольно капризном характере. К счастью, Аззи не нужно было любить ее. Для этого у демона был Прекрасный принц.

Как у всякого вновь созданного существа, у красавицы отсутствовала память. Теперь Аззи предстояло объяснить ей ситуацию.

— Кто вы такие? — снова воскликнула красавица.

— Я — твой дядя Аззи. Ты, конечно, помнишь меня?

— Ну конечно, — ответила она, хотя, разумеется, ничего не помнила. Смерть стерла все воспоминания, как плохие, так и хорошие, и ее сознание возвратилось в мир в первозданном виде. — Дядя Аззи, что здесь происходит? Где мамочка?

К этому вопросу Аззи был готов. Почему-то все живые существа считают само собой разумеющимся, что у них есть мать. Им никогда не приходит в голову, что они могут быть собраны из разрезанных частей множества других существ.

— Мамочка и папочка, — объяснил Аззи, — точнее, их королевские высочества заколдованы.

— Ты сказал «королевские высочества»?

— Да, дорогая моя. А ты, естественно, принцесса, принцесса Скарлет. Ты хочешь снять с родителей заклинание, не так ли?

— Что? О, конечно, — сказала Скарлет. — Значит, я — принцесса.

— Заклинание можно снять, — продолжал Аззи, — но для этого сначала нужно расколдовать тебя.

— А я тоже заколдована?

— Совершенно справедливо, дорогая.

— Ну... тогда расколдуй меня!

— Боюсь, что этого я сделать не в состоянии, — сказал Аззи. — Я не тот человек.

— Ага. А каким я заклинанием заколдована?

— Ты заколдована сонным заклинанием. Каждый день ты спишь или дремлешь двадцать с чем-то часов. Поэтому тебя называют Спящей красавицей. Снять заклинание может только один человек, и этот человек — Прекрасный принц.

— Прекрасный принц? Кто это?

— Прежде ты его не встречала, дорогая. Прекрасный принц — благородный красивый юноша из знатного рода. Он лишь недавно услышал о твоей мольбе. Он направляется сюда, чтобы разбудить тебя поцелуем и наполнить твою жизнь счастьем.

Скарлет задумалась.

— Звучит неплохо, — сказала она. — Но ты уверен, что это не сон?

— Это не сон, если не принимать во внимание теорию, согласно которой сном могут являться все наши ощущения независимо от того, бодрствуем мы или спим, живы мы или мертвы. Но если оставить метафизику, то все происходящее реально и тебя на самом деле усыпили заклинанием. Поверь мне. В этом ты можешь полностью положиться на меня. Вероятно, в настоящий момент ты не спишь только потому, что мне необходимо поговорить с тобой и дать тебе несколько советов.

— А может быть, злые чары не действуют? — усомнилась Скарлет.

— Боюсь, действуют, — ответил Аззи, вынимая на всякий случай из кармана сонное заклинание и нажимая крохотную шпильку, служившую для его активизирования.

Скарлет зевнула.

— Ты прав, мне ужасно хочется спать. Но я даже не обедала!

— Мы приготовим обед к тому времени, когда ты проснешься, — успокоил ее Аззи.

Принцесса закрыла глаза; не прошло и минуты, как она уже крепко спала. Под бдительным оком Илит Аззи отнес принцессу в спальню и укрыл одеялом.

* * *

Через несколько дней стало ясно, что принцесса Скарлет отличается крайне несговорчивым характером. Она никак не хотела слушаться Аззи. Даже спокойная и рассудительная Илит, представившаяся ее теткой, не могла найти общего языка с принцессой. Скарлет была прекрасна, сомневаться в этом не приходилось. В ее чары немалую толику вносило своеобразное сочетание роскошных светлых волос, алебастрово-белого тела и оливково-коричневых, безмерно красивых длинных ног танцовщицы. Из-

за темного цвета ног казалось, что принцесса никогда не снимает шелковых чулок. Ее красоте это нисколько не вредило.

Ноги принцессы сами по себе породили целую проблему. Создавалось впечатление, что они несут свою собственную карму. Принцесса была в плену магии танца. Аззи пришлось перепробовать немало заклинаний, прежде чем ему удалось приглушить неудержимое стремление Скарлет к танцам. Впрочем, лишь приглушить, и не более того.

Даже находясь под чарами сонных заклинаний, Скарлет вставала, ее длинные ноги сами несли ее вниз, в большой танцевальный зал, где под музыку, слышную лишь ей одной, она танцевала фламенко. Аззи пришлось считаться с лунатическими блужданиями принцессы, и он обратился с просьбой к ведьме:

— Илит, не можешь ли ты остаться и присмотреть за принцессой? Боюсь, ее психика немного неустойчива. К тому же она может упасть и что-нибудь повредить. Но у нее есть характер; уверен, она оправдает наши надежды.

— Надеюсь, — сказала Илит. — Между прочим, я попросила Санта-Клауса подарить Бриджит на рождество игрушечный домик.

— Ах да. Благодарю.

— Я подумала, ты, наверное, забыл свое обещание. Ты хотел прислать ей такой домик.

— Я не забыл, — соврал Аззи; на самом деле и игрушечный домик, и Бриджит давно вылетели у него из головы. — Но в любом случае я тебе очень признателен. Так присмотри за принцессой, хорошо?

— Соглашаюсь только ради тебя, Аззи, — нежно проворковала Илит.

— Очень ценю твое внимание, — сказал Аззи тоном, который свидетельствовал как раз об обратном. — Теперь нужно срочно ставить на ноги принца. Встретимся позже, хорошо?

И Аззи мгновенно исчез в ярком фейерверке. Илит только покачала головой. И почему она полюбила демона? А если уж демона, то почему именно этого? Ответить на эти вопросы Илит не могла. Мягко выражаясь, пути судьбы неисповедимы.

Глава 3

— Остается только надеяться, что с этим персонажем у нас будет меньше хлопот. Фрике, глаза дракона готовы?

— Да, хозяин, — отозвался Фрике. Он раскрыл водонепро-

ницаемый мешочек из оленьей кожи, в котором в смеси ихора, подсоленной воды и уксуса мокли глаза дракона. Фрике вытащил глаза из раствора, не забыв предварительно вытереть руки о холщовый халат, потому что даже в те дни в таких ситуациях большое внимание уделяли гигиене, в каком бы рудиментарном состоянии она ни находилась.

— Прекрасные глаза, ты согласен? — спросил Аззи, вставляя их в глазницы принца и капая по краям ихором.

И в самом деле глаза были прекрасны — цвета дымчатого топаза с искорками в глубине.

— Мне они не нравятся, — ответил Фрике. — Глаза дракона, насколько я знаю, должны видеть ложь.

— Герою это и нужно.

— Но не увидит ли он всю *эту* неправду? — засомневался Фрике, показывая рукой поочередно на Аззи, его дом и на себя.

— Нет, бедный мой Фрике, — ответил Аззи, — глаза дракона не способны замечать фальшь в самом себе. Они легко обнаруживают изъяны в других, но только не в себе. Нашего принца будет нелегко сбить с пути, но у него не хватит мудрости, чтобы разобраться, в каком положении находится он сам.

— Ой! — воскликнул Фрике. — Он зашевелился!

Аззи уже принял необходимые меры предосторожности и принял обличье доброго дядюшки.

— Спокойно, спокойно, юноша, — приговаривал он, приглаживая золотистые волосы молодого человека.

— Где я? — недоуменно спросил принц.

— Тебе следовало бы прежде поинтересоваться, кто ты такой, — ответил Аззи. — Потом узнать, кто я. «Где» — это будет лишь третий пункт в списке жизненно важных вопросов.

— Что ж, ладно... Кто я такой?

— Ты — знатный принц, твое настоящее имя забыто, и все называют тебя Прекрасным принцем.

— Прекрасным принцем, — повторил молодой человек и задумался. Через минуту он приподнялся и уточнил: — Надо полагать, отсюда следует, что у меня в жилах течет кровь древнего благородного рода, не так ли?

— Думаю, ты прав, — ответил Аззи. — Итак, ты — Прекрасный принц, а я — твой дядя Аззи.

Эту новость принц принял без возражений.

— Привет, дядюшка Аззи. Я тебя не помню, но, раз ты говоришь, что ты мой дядя, я ничего против не имею. Если мы с этим разобрались, то могу ли я поинтересоваться, где мы находимся?

— Конечно, — ответил Аззи. — Мы в Аугсбурге.

— Прекрасно, — без особого энтузиазма прокомментировал принц. — У меня такое ощущение, что я всегда хотел осмотреть Аугсбург.

— Осмотришь, — сказал Аззи, с удовольствием отмечая про себя, какое же послушное существо он создал. — Ты познакомишься с городом во время обучения и когда отправишься совершать свой подвиг.

— Мой подвиг?

— Да, юноша. Ты был знаменитым рыцарем, но после несчастного случая потерял память.

— Что за несчастный случай, дядюшка?

— Ты храбро сражался с целым войском врагов. Ты убил многих — знаешь, ты очень искусно владеешь мечом, — но один негодяй подкрался к тебе со спины и ударил палашом по голове, когда ты этого совсем не ожидал!

— Но это нечестно!

— Людям свойственно совершать подлые поступки, — сказал Аззи. — Впрочем, ты слишком невинен, чтобы понять это. У тебя чистое сердце и возвышенные помыслы, и ты завоюешь авторитет и уважение везде, где будешь появляться.

— Это неплохо, — заметил принц. — Ничего не имею против того, чтобы меня высоко ценили.

— Так и будет, мой мальчик, ибо тебе суждено совершить великий подвиг и тем прославиться на века.

— Что за подвиг, дядюшка?

— Тебе предстоит преодолеть все препятствия и опасности, разделяющие тебя и принцессу Скарлет, Дремлющую красавицу.

— Какую принцессу? О чем ты говоришь?

— Я говорю о великом подвиге, который прославит тебя на весь мир. А ты будешь безмерно счастлив, больше, чем любой другой человек на свете.

— Ага. Звучит недурно. Продолжай, дядюшка. Ты упомянул Спящую красавицу.

— Дремлющую, а не спящую. Но все равно это очень серьезный недуг, ибо сказано, мой мальчик, что только твой поцелуй может снять злые чары и разбудить принцессу. Она проснется, увидит, кто ее спаситель, и безумно полюбит тебя. Ты ее тоже полюбишь, и все будут счастливы.

— А она ничего, эта принцесса, *или так себе?* — поинтересовался принц.

— Поверь мне, прекраснее ее нет никого на свете, — ответил Аззи. — Ты разбудишь ее своим поцелуем, она откроет глаза и

посмотрит на тебя. Ее руки нежно обовьются вокруг твоей шеи, ее лицо приблизится к твоему, и ты узнаешь такое блаженство, какое редко испытывает простой смертный.

— Будет очень весело, да? — не понял принц. — Ты это хотел сказать, дядюшка?

— Веселье — слишком скромное слово для того счастья, которое ты ощутишь.

— Неплохие перспективы, — сказал Прекрасный принц. Он встал и неуверенно прошелся по комнате. — Почему бы нам не заняться этим прямо сейчас? Ты покажешь мне, куда идти, я ее поцелую, а потом мы с ней будем веселиться.

— Так быстро не получится, — возразил Аззи.

— Почему не получится?

— До принцессы добраться непросто. Тебе придется преодолеть много преград.

— Каких преград? Опасных?

— Да, к сожалению, опасных, — подтвердил Аззи. — Но не беспокойся, в конце концов ты победишь. Только сначала ты должен поупражняться в военном искусстве. Я и Фрике будем помогать тебе.

— Мне показалось, ты говорил, что я и так все умею.

— Да, — согласился Аззи, — но кое-что вспомнить не помешает.

— Честно говоря, — неуверенно сказал Прекрасный принц, — вся эта затея мне кажется немного опасной.

— Она и на самом деле опасна. Не бывает преград без опасностей. Но это не важно, с тобой все будет в порядке. Фрике и я обучим тебя обращаться с оружием, и ты отправишься в путь.

— Оружие — это опасно. Оружием и меня могут убить. Это я *помню*.

«Конечно, это ты запомнил, трус несчастный», — подумал Аззи, а вслух сказал:

— У тебя будет непобедимое оружие, такое, которому не сможет противостоять никто. И магические заклинания. Но самое главное, у тебя будет волшебный меч.

— Меч! — воскликнул Прекрасный принц, и на его лице появилось выражение крайнего отвращения. — Теперь я вспомнил меч! Это такие ужасные острые штуки, которыми люди протыкают друг друга, протыкают насквозь!

— Подумай о деле! — убеждал его Аззи. — Подумай о принцессе! Конечно, тебе предстоят сражения, но, я уверен, ты победишь.

— Не могу, — возразил принц. — Извини, но я просто не могу.

— Почему ты не можешь? — возмутился Аззи.

— Я вспомнил. Я — принципиальный противник насилия, — ответил принц.

— Что за чепуху ты несешь? Ты только что родился заново! Я хотел сказать, пробудился от глубокого сна, вызванного ранами. Когда ты успел стать принципиальным противником насилия?

— Потому что я себя знаю, — пояснил принц. — Стоит мне оказаться в ситуации, где неминуемо насилие, я сразу упаду в обморок, вот и все.

Аззи бросил взгляд на Фрике. Тот внимательно изучал пятно на стене и делал вид, что все происходящее его не интересует. Впрочем, такое внешне невинное поведение слуги имело свой подтекст. Аззи был уверен, что в душе Фрике смеется над ним, так как он потратил столько времени и сил на создание Прекрасного принца и при этом имел глупость дать ему сердце труса.

— Ладно, давай начистоту, — сказал Аззи, обращаясь к принцу. — Ты получишь кое-какую подготовку. Потом я дам тебе волшебный меч, который сам расправляется с любыми врагами. А потом ты отправишься совершать свой подвиг.

— А если меня ранят?

— Послушай, Прекрасный принц, — строго сказал Аззи, — тебе придется побороть свой страх. Смею заверить, что у тебя только два выхода: или ты выйдешь отсюда с волшебным мечом в руках и сам убедишься, насколько он хорош в бою, или тебе придется иметь дело со мной. Поскольку у меня много друзей среди демонов, то иметь дело со мной будет намного неприятнее, чем ты можешь себе представить. А теперь отправляйся в свою комнату и умойся. Скоро мы будем обедать.

— А что будет на обед? — спросил принц. — Я бы хотел что-нибудь французское, обильно политое соусом.

— Говядина и хлеб, — ответил Аззи. — Здесь воспитывают бойцов, а не танцоров.

— Хорошо, дядя, — сказал принц и вышел. Даже походка у него была неуверенная, будто он крался тайком.

Аззи еще раз взглянул на Фрике, как бы провоцируя того на язвительные замечания. Фрике предпочел уйти молча. Аззи подвинул кресло поближе к камину и сел. Он задумчиво смотрел на огонь. Хочешь не хочешь, придется что-то выдумывать. Сомневаться не приходилось, такой Прекрасный принц побежит от первой же опасности, после чего над Аззи будут смеяться во всех трех мирах. Этого Аззи допустить не мог.

На следующее утро Аззи приступил к обучению Прекрасного принца. Прежде всего они начали упражняться с мечом. Надо сказать, что в руках молодого рыцаря, готового встретиться лицом к лицу с опасными сверхъестественными препятствиями, меч всегда был могучим многоцелевым оружием; если рыцарь хорошо владел мечом, он мог поразить почти любого противника. В обращении с мечом Прекрасный принц проявил большой врожденный талант. Дело в том, что его туловище и правая рука ранее принадлежали искусному рыцарю. Это искусство бросалось в глаза, когда принц делал выпады, парировал удары, наступал, грозно топая выставленной вперед правой ногой, или отступал, вращая меч с такой быстротой, что казалось, это вовсе и не меч, а блестящий стальной щит. Даже Аззи, сам далеко не последний фехтовальщик, не раз оказывался в затруднительном положении перед ловкими выпадами и стремительными атаками принца.

В то же время Прекрасный принц, по-видимому, был органически не способен развить достигнутый успех. Аззи, одетый в старую спортивную тунику и защищенный только отвращающим меч заклинанием умеренной силы, снова и снова повторял с принцем основные приемы.

— Наступай! — кричал запыхавшийся Аззи. Он и принц упражнялись на тенистой тренировочной площадке за домом. — Разозлись! Атакуй меня!

— Дядюшка, я не хотел бы ранить тебя, — говорил принц.

— Поверь мне, ты не можешь даже коснуться меня мечом. Ну, давай же, нападай на меня!

Принц искренне старался, но природная трусость сковывала движения. Как только он приближался к Аззи так близко, что можно было нанести решающий удар, его будто останавливала неведомая сила. Принц тушевался, медлил, и ловкий демон успевал не только отразить удар, но и коснуться принца своим мечом.

Хуже того, когда Аззи нападал, выкрикивая страшные ругательства и топая ногой, все умение принца куда-то исчезало, он поворачивался к демону спиной и постыдно бежал.

Наблюдавший за этими занятиями Фрике только качал головой. Кто бы мог подумать, что такая мелкая деталь, как сердце труса, станет управлять и поведением, и характером принца!

В надежде вдохнуть в принца храбрость с помощью колдов-

ства, Аззи перепробовал все имевшиеся у него подходящие заклинания, но какая-то неодолимая сила делала принца одинаково невосприимчивым и к заклинаниям, и к увещеваниям.

В свободное от упражнений и фехтования время Прекрасный принц уединялся в небольшом домике, расположенном в дальнем углу поместья Аззи. Здесь он хранил свои сокровища; несмотря на мужественную внешность, искренней привязанностью принца были куклы. Он с увлечением играл с ними, одевал их, устраивал для них обеды. Аззи хотел было отобрать куклы и не возвращать до тех пор, пока принц не научится обращаться с мечом, но Фрике отсоветовал.

— Если ребенка, — сказал он, — лишить его детских радостей, он может серьезно заболеть. Прекрасного принца и так нельзя назвать здоровым, что же будет, если ты заберешь его игрушки?

Аззи пришлось согласиться. Ему было ясно, что необходимо предпринимать какие-то экстренные меры. Но прежде всего нужно было достать для принца волшебный меч.

Адский отдел снабжения целую вечность отделывался одними обещаниями. Снабженцы говорили, что они никак не могут достать подлинный волшебный меч. Разумеется, у них не было недостатка в сравнительно удачливых мечах, но ни один из них не был по-настоящему заколдован так, чтобы с его помощью можно было прорваться через любые преграды, чтобы он сам рассекал чешую дракона и вонзался в самое сердце врага. Все известные волшебные мечи уже были розданы другим героям, ведь в те годы далеко не один Аззи просил у снабженцев волшебные мечи. Аззи умолял, убеждал, объяснял, что его состязание особое, ибо успех или поражение в нем будут определять ни больше ни меньше, как судьбу сил зла на следующее тысячелетие.

— Конечно, — отвечал снабженец, — все так говорят. Исключительно важно, сверхсрочно... Поверь мне, все это мы уже не раз слышали.

— Но я говорю правду!

Снабженец мерзко улыбался.

— Конечно, правду, точно так же, как и все другие!

Аззи решил обучение принца временно поручить Фрике, который, судя по всему, наводил на принца почти такой же страх, как и сам демон. Аззи поспешил в замок принцессы Скарлет, чтобы проверить, все ли подготовлено на этом участке.

Он приземлился на опушке заколдованного леса, на который он потратил уйму времени, продумывая каждую деталь. На

первый взгляд здесь адский отдел снабжения оказался на высоте и выполнил почти все пожелания демона.

Аззи немного постоял на опушке, всматриваясь в лес. Как ему и полагалось, лес был зеленым и состоял в основном из деревьев и кустарников. Аззи вошел в лес. Стоило ему приблизиться к деревьям, как те пришли в движение, медленно опуская свои ветви и неуклюже стараясь схватить и пленить демона. Аззи без труда уклонился от коварных ветвей, которые двигались так медленно, что даже такой увалень, как Прекрасный принц, смог бы легко убежать. К тому же в лесу явно отсутствовал минимально необходимый ассортимент сказочных животных и других диковинных созданий. «Проклятие, — подумал Аззи, — почему отдел снабжения экономит именно на мне?»

Рассерженный Аззи вылетел в Аугсбург, чтобы понаблюдать за успехами Фрике в обучении принца. Каково же было удивление Аззи, когда он увидел, что Фрике сидит на ступеньке крыльца и грызет яблоко.

— В чем дело? — возмутился Аззи. — Почему вы не занимаетесь?

Фрике пожал плечами:

— Он сказал, что с него хватит. Еще он сказал, что решил дать обет не убивать ни одно живое существо. Ты не поверишь, он стал вегетарианцем и всерьез думает постричься в монахи.

— Это уж слишком, — заметил Аззи.

— Согласен, хозяин, — сказал Фрике, — но что ты сможешь поделать?

— Мне нужно посоветоваться с экспертом, — ответил Аззи. — Приготовь мои магические порошки и экспедиционный амулет. Настало время вызывать духов.

Глава 5

Сначала Аззи решил, что его заклинания вообще не действуют. Гермес не появлялся, что бы Аззи ни предпринимал. Он попытался еще раз, теперь пустив в ход огромные свечи, вытопленные из мертвецов; их он приберегал для особенно трудных ситуаций. На этот раз скоро уже стало ясно, что свечи подействовали. Аззи вложил в заклинание максимум энергии и почувствовал, как оно помчалось через эфир, волчком вонзилось в трещину между мирами, повсюду выслеживая цель, как хорошо выдрессированная охотничья собака, взявшая след. Потом Аззи услышал сварливый голос:

— Ладно, я уже проснулся.

Через несколько мгновений перед Аззи появилась мраморно-белая мужественная фигура Гермеса. Античный бог еще расчесывал длинные темно-каштановые волосы; по его виду нетрудно было догадаться, что он изрядно раздражен.

— Дорогой Аззи, тебе следовало бы осмотрительней обращаться с такими мощными заклинаниями и не вызывать меня столь бесцеремонно. Знаешь, у духовных консультантов тоже есть личная жизнь. Согласись, малоприятно, если приходится все бросать лишь потому, что какой-то молодой демон решил тебя срочно вызвать.

— Прошу прощения, но раньше ты был так добр ко мне... Меня заставила жестокая необходимость.

— Что ж, послушаем, что это за необходимость, — сказал Гермес. — Конечно, у тебя не найдется чаши ихора?

— Конечно, найдется, — живо отозвался Аззи, наливая ихор в кубок, вырезанный из единого кристалла аметиста.

Пока Гермес не торопясь потягивал напиток, Аззи поведал ему о непредвиденных осложнениях, возникших при обучении Прекрасного принца.

— Дай подумать... — сказал Гермес. — Да, теперь я вспоминаю: о подобных случаях я читал в древних сказаниях. В классической литературе поведение Прекрасного принца называли «отказом героя от подвига».

— Никогда бы не подумал, что герои способны на такое, — удивился Аззи.

— О, очень даже способны. Что тебе известно о семье твоего героя?

— Нет у него никакой семьи! — воскликнул Аззи. — Я сам его создал!

— Это мне известно. Но вспомни, мы ведь знаем кое-что о судьбе его ног. Все части его тела, особенно сердце, в какой-то мере сохранили память о своих прежних владельцах.

— Да, у него сердце труса, — признался Аззи. — Что же до других подробностей его биографии, мне как-то не приходило в голову их узнавать.

— Хорошо, я сделаю это за тебя, — сказал Гермес и тотчас исчез, но не в клубах дыма, как исчезают обычные демоны, а в огромном столбе огня.

Аззи восхищенно смотрел на эффектный уход бога. Такому он и сам был бы рад научиться.

Гермес вскоре возвратился.

— Так я и думал. Твой герой с сердцем труса был средним из трех сыновей.

— Ах так? Ну и что же?

— Древняя мудрость гласит, что средний сын обычно самое никчемное создание. Старший сын наследует корону. Младший сын отправляется на поиски приключений, совершает подвиги и завоевывает королевство. Средний сын без толку околачивается; он не способен ни на что путное. Так природа компенсирует достоинства одного человека недостатками другого.

— Черт побери! — воскликнул Аззи. — Ну и влип же я с этим средним сыном, ко всему еще и трусом! Что же мне делать?

— Пока характер принца окончательно не сформировался, остается какая-то надежда его изменить. Может быть, тебе удастся убедить принца, что он — младший сын? Возможно, тогда он перестанет увиливать от подвига.

— А трусом он так и останется?

— Боюсь, останется навсегда, — ответил Гермес. — Конечно, чего-то ты сможешь добиться, особенно если расскажешь ему о храбрости и отваге его предков, но трусость — врожденный порок, который невозможно излечить уговорами.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Аззи.

— Мне известно только одно средство от трусости, — ответил Гермес, — и это средство — трава, которую называют храбрицей вечнозеленой.

— Где она растет? — сразу спросил Аззи. — Она в самом деле действует?

— Ее эффективность не вызывает сомнений. Храбрица — ее называют также травой мужественности — вселяет в человека смелость и решительность. Но траву нужно давать только малыми дозами, иначе смелость обернется безрассудством, и героя убьют, прежде чем он успеет встать на тропу совершения подвигов.

— Трудно представить Прекрасного принца безрассудно храбрым.

— Дай ему каплю настоя травы, и ты будешь безмерно поражен, насколько сильно она действует. Но запомни, во всех случаях лучше сочетать храбрицу с чем-нибудь другим, например с хладандрией, травой осторожности и предусмотрительности.

— Запомню, — заверил Аззи. — Так где же найти эту храбрицу?

— Найти ее непросто, — признался Гермес. — В золотом веке она росла повсюду. Никто ее не собирал, ибо тогда храбрость была не нужна; людям было достаточно уметь наслаждаться жизнью. Потом наступил бронзовый век, в котором люди научились воевать друг с другом, и, наконец, железный век, когда

человек стал воевать не только с человеком, но и со всеми другими существами. В те годы люди поглощали траву в огромных количествах, и в этом кроется один из секретов безумной храбрости древних. Но бесчисленные войны вместе с безрассудной смелостью воинов привели к тому, что человеческая раса едва не вымерла. Потом изменился климат, и храбрица исчезла с лица Земли. Теперь ее можно найти только в одном месте.

— Что это за место, скажи мне! — потребовал Аззи.

— Самые дальние полки склада адского отдела снабжения, — ответил Гермес. — В свое время все оставшиеся растения собрали, высушили, приготовили из них настой на ихоре и оставили там на вечное хранение.

— Но я столько раз просил у снабженцев что-нибудь в этом роде! Мне неизменно отвечали, что они и слыхом не слыхивали ни о чем подобном.

— Это на них похоже, — сказал Гермес. — Тебе придется найти способ заставить их заняться более тщательными поисками. Извини, Аззи, но другого средства я не знаю.

Перед Аззи встала нелегкая задача, потому что адские снабженцы все более и более открыто увиливали от выполнения его заказов. У Аззи складывалось впечатление, что снабженцы отказали ему, не потрудившись даже посмотреть, есть ли на складах нужная Аззи вещь, и теперь дремлют в надежде, что все образуется само собой. Аззи не на шутку встревожился.

Он поговорил с принцем, рассказал ему о героических деяниях его выдуманных предков и убеждал брать с них пример. Принца эти убеждения нисколько не тронули. Аззи принес ему портрет принцессы Скарлет, написанный демонами-художниками; можно было ручаться, что они не упустили ни одной привлекательной черты принцессы. Прекрасный принц остался равнодушным к портрету и вместо того, чтобы восхититься красотой принцессы, начал пространно рассуждать о том, что, когда он станет немного постарше, непременно откроет дом моделей.

Глава 6

Был ранний вечер. За день жаркое августовское солнце основательно прогрело аугсбургский дом демона. Аззи сидел перед камином в большом грубообтесанном кресле и листал последний выпуск экспресс-информации Министерства адских дел. Это был самый обычный выпуск, с призывами к каждому вершить зло ради общего дела, с перечнем намечавшихся адских об-

щественных мероприятий, с календарем дней рождения созданий, которых помещали в детские колыбельки взамен похищенных настоящих человеческих младенцев (тех потом немного переделывали и переправляли в Новый Свет, к ацтекам, кровавые жертвоприношения которых вызывали всеобщее восхищение), с объявлениями о праздничных пожарах в людских жилищах и о распродаже в преисподней, короче говоря, обычная ерунда с изредка встречавшимися там и сям репортажами о настоящих новостях. Аззи читал выпуск без особого интереса. В этих сообщениях из родного дома редко встретишь что-то полезное.

Веки Аззи отяжелели, и он задремал. В этот момент в высокую дверь парадного входа кто-то забарабанил так громко, что Аззи чуть не свалился с кресла. Прекрасный принц перерисовывал с глиняной таблички на пергамент модели греческих туник; не успело в поросшей лесом соседней лощине замолкнуть эхо последних ударов, как принца и след простыл. Только старый Фрике внешне оставался невозмутимым, что, впрочем, совсем не объяснялось его исключительной храбростью; неожиданный грохот перепугал его настолько, что он буквально оцепенел, как, говорят, цепенеет кролик, когда на него стрелой падает сокол, сложив крылья и выставив вперед острые когти.

— Для гостя поздновато, — вслух размышлял Аззи.

— И громковато тоже, хозяин, — поддакнул Фрике, вышедший из оцепенения и теперь дрожавший от страха.

— Возьми себя в руки, приятель, — сказал Аззи. — Наверное, это всего лишь заблудившийся путник. Поставь на огонь большой чайник, а я посмотрю, кто к нам пожаловал.

Аззи подошел к двери и откинул массивные задвижки, выкованные из дважды закаленной стали.

На пороге стоял гость — высокое, ослепительно белое человекоподобное существо. На его голове блестел простой золотой шлем с голубиными крыльями по бокам. Гость был в снежно-белых доспехах, а с его плеча свешивался горностаевый плащ. У него были крупные правильные черты лица и большие голубые глаза. Гостя можно было назвать красивым, но его красота казалась почему-то безжизненной и бесцветной.

— Добрый вечер, — сказал гость. — Кажется, я попал по адресу. Это резиденция демона Аззи Элбуба, не так ли?

— В этом ты прав, — ответил Аззи, — но я тебя не приглашал. Как ты осмелился вторгаться в мой дом, когда я отдыхаю?

— Я искренне сожалею, что пришлось нарушить ваш покой, но мне было приказано явиться сюда как можно быстрее.

— Кем приказано?

— Руководством Комитета по подготовке к состязаниям в честь тысячелетия сил света.

— Так ты послан силами света?

— Да. Вот мои верительные грамоты. — С этими словами гость вручил Аззи свиток, перевязанный розовой лентой. Аззи развернул его.

Трудночитаемым готическим шрифтом Комитет извещал, что предъявителю сего, Гавриилу, ангелу второй гильдии сил света, настоящим предоставляется право посещать все места под солнцем по его усмотрению и наблюдать за всеми событиями, привлекшими его внимание, и что это право в первую очередь распространяется на демона Аззи Элбуба, к которому предъявитель сего направлен в качестве наблюдателя.

Аззи возмущенно смерил незваного гостя взглядом:

— По какому праву силы света тебя прислали? Все, что здесь совершается, это дело сил тьмы, и другая сторона не имеет права вмешиваться в наши действия.

— Уверяю вас, у меня нет намерений вмешиваться в ваши дела. Могу я войти в дом и объяснить причину моего появления?

Аззи был настолько шокирован нахальством посланца сил добра, что даже не сумел ничего возразить. Высокий златовласый ангел беспрепятственно вошел в дом и осмотрелся.

— Прекрасный дом! Мне особенно нравится ваша символика, — сказал Гавриил, показывая на правую (или западную) стену. Там, в нишах, стояли скульптурные изображения демонов, вырезанные из черного оникса. Демоны имели разные обличья: обезьяны, сокола, аспида и представителя Нового Света росомахи.

— Глупец, это вовсе не символы, а бюсты моих предков.

— И это тоже ваш предок? — усомнился ангел, показывая на голову росомахи.

— Это мой родной дядя Занзибар. Вместе с Эриком Рыжим он эмигрировал в Гренландию и там стал идолом.

— У вас прямо-таки семья путешественников! — восторженно воскликнул ангел. — Меня всегда искренне восхищали энергия и живость представителей сил зла. Их поступки, конечно, неправедны, но все же заслуживают восхищения. Между прочим, меня зовут Гавриил.

В разговор включился пришедший в себя Фрике:

— Если ты ангел, то где твои крылья?

Гавриил расстегнул доспехи, под которыми оказалась пара тщательно сложенных крыльев. Он расправил крылья и продемонстрировал их роскошную кремовую окраску.

— Так что тебе нужно? — спросил Аззи. — Я занят важным делом, у меня нет времени на пустяки и праздную болтовню.

— Как я уже говорил вам, меня послали силы добра и света. Наш Верховный совет решил, что участие сил тьмы в состязаниях в честь тысячелетнего юбилея представляет для нас большой интерес. Принимая во внимание огромную важность события, мы сочли весьма целесообразным направить наблюдателя, с тем чтобы убедиться в отсутствии мошенничества с вашей стороны. Пожалуйста, не подумайте, что мы вас в чем-то обвиняем. Просто нам казалось разумным понаблюдать за вашими действиями. Мы ни в коей мере не собирались оскорбить вас.

— У меня и без вас хватает забот, — проворчал Аззи. — Теперь еще ангел постоянно будет совать свой нос в мои дела.

— Я хотел бы лишь понаблюдать со стороны, — возразил Гавриил. — Там, откуда я пришел, мы многое слышали о силах зла и тьмы, но мне ни разу не удавалось увидеть кого-либо из вас достаточно близко.

— Должно быть, там, откуда ты пришел, чертовски скучно, — заметил Аззи.

— Да, скучно, но нас окружает добро, и, разумеется, нам это нравится. Однако редкая возможность увидеть настоящего демона за работой — я имею в виду, творящего зло... Должен признаться, идея зла почему-то всегда волновала меня.

— Так она нравится вам, да? — уточнил Аззи.

— О нет! Это было бы слишком. Но идея зла действительно интересует меня. Возможно, я даже смогу быть вам в чем-то полезным.

— Мне? Ты издеваешься?

— Понимаю, это должно показаться вам странным. Но, видите ли, по своей сути добро всегда стремится оказать помощь, даже если речь идет о деяниях сил зла. Уверяю вас, настоящее добро не имеет никаких предубеждений по отношению к злу.

— Был бы рад, если бы все ваши дела этим и ограничились, — сказал Аззи. — Надеюсь, ты не миссионер и не хочешь обратить демона в иную веру. В любом случае это бесполезно. Ты понял меня?

— Уверяю, я не причиню никаких беспокойств, — еще раз заверил Гавриил. — Между прочим, ваше руководство дало согласие на мою миссию.

— Твой свиток выглядит очень солидно, — согласился Аззи. — Ладно, мне-то что, гляди куда тебе захочется. Только не пробуй стащить какое-нибудь из моих заклинаний.

— Я сам отрублю себе правую руку, если позволю украсть что-либо у вас, — торжественно заявил Гавриил.

— Верю. Похоже, ты в самом деле дурак, — сказал Аззи и, глядя на озадаченную физиономию ангела, добавил: — Не принимай близко к сердцу, просто я люблю образные выражения. В кладовой уйма съестного. Впрочем, нет, думаю, это тебе придется не по вкусу. Фрике, сбегай в деревню, принеси гостю цыплят.

— Но я буду только рад разделить трапезу с вами, — возразил Гавриил.

— Нет, этому ты не обрадуешься. Можешь мне поверить. Так как идут дела у сил добра?

— Мы готовимся успешно, — ответил Гавриил. — Уже сооружен фундамент и все такое. Трансепты, неф, хоры вместо...

— Готовитесь? О чем ты говоришь?

— Об участии сил добра в состязаниях в честь тысячелетнего юбилея.

— Вы что-то строите к состязаниям?

— Да. Мы внушили архитектору мысль о создании величественного храма и вдохновили целую деревню на строительные работы. Это будет нечто великолепное, зовущее человека к высшим идеалам — истине, красоте, доброте.

— Как же вы называете эту штуковину?

— Мы предпочитаем называть храм готическим собором.

— Гм. Ну ладно. К вам тоже приставлен наблюдатель?

— Да. За нашими работами следит Бестиалиал.

— Не очень удачный выбор, — фыркнул Аззи. — Что он понимает в наших делах? Канцелярская крыса. Впрочем... Сойдет, если он будет повнимательнее. Так ты считаешь, ваша идея неплоха, да?

— О да. Нам это создают силы добра. Правда, как говорят, нет предела совершенству.

— Это точно, — заметил Аззи. — Пойдем в мой кабинет, я угощу тебя ихором.

— Я лишь слышал об этом напитке, но никогда не пробовал, — признался Гавриил. — Он опьяняет?

— Он делает свое дело, — пояснил Аззи. — Я хочу сказать, такова жизнь.

Гавриилу последние слова Аззи показались, мягко говоря, туманными. Впрочем, если уж на то пошло, когда добро понимало зло? Он последовал за Аззи в его кабинет.

— Ну ладно, — сказал Аззи, — если ты собираешься остаться, то оставайся, черт с тобой. Насколько я понимаю, ты хотел бы жить в этом доме?

— Для успешного выполнения моих функций это был бы идеальный вариант, — ответил Гавриил. — Я могу платить за жилье...

— Ты принимаешь меня за крохобора? — возмутился Аззи, хотя мысль о возможности немного заработать за счет ангела пришла ему в голову еще раньше. — Ты — мой гость. Там, откуда я пришел, гость — святое понятие.

— Точно так же и там, откуда пришел я, — сказал Гавриил.

— Подумаешь! — фыркнул Аззи. — Для вас, созданий света, что-нибудь святое, хотя бы тот же гость, дело самое обычное. А вот для сил тьмы назвать гостя святым — это из ряда вон.

— Только это я и хотел сказать, — поддакнул Гавриил.

— Не пытайся втереться в доверие, — сказал Аззи. — Я знаю все ваши трюки и ненавижу вас, да и все ваше дело.

— Так и должно быть, — с улыбкой заметил Гавриил.

— Значит, ты меня тоже ненавидишь?

— Ни в коей мере! Когда я сказал, что так и должно быть, я имел в виду только вас. Вы относитесь к числу тех созданий, которых наши архангелы называют самородками. Видеть вас наяву — большая удача.

— Лестью ты ничего не добьешься, — сказал Аззи и с досадой отметил, что Гавриил начинает ему нравиться. «С этим надо бороться», — подумал Аззи и обратился к Фрике: — Проводи его в ту комнату на чердаке.

Фрике взял масляную лампу и поковылял к лестнице, постукивая перед собой неизменной палкой и согнувшись чуть не до пола, так что его горб стал похож на спину всплывшего кита. Гость последовал за ним. Поднимавшимся вверх лестницам, казалось, не было конца. Фрике и гость миновали обитые полированными панелями коридоры и комнаты нижних этажей. Постепенно лестницы становились все уже и круче; то тут то там вместо ступенек зияли провалы. Фрике поднимался, не замедляя и не ускоряя шага, а за ним неотступно следовал высокий, прямой Гавриил, лишь изредка наклонявший голову, чтобы не задеть самые низкие облака. Белые одежды ангела чуть заметно блестели в неровном свете масляной лампы.

Наконец они добрались до небольшой площадки почти под самой крышей старинного дома. В конце короткого темного коридорчика оказалась дверь. Фрике распахнул ее и вошел. В мерцающем желтом свете лампы Гавриил не без труда разглядел крохотную комнатушку, настолько низкую, что он не мог распрямиться, не стукнувшись головой о потолок. Под самым потолком было маленькое освинцованное окошко, выходившее

прямо на скат крыши и потому заметно наклоненное. В комнате не было никакой мебели, кроме железной койки и деревянной тумбочки. Вся комната была ненамного длиннее койки. Она пропиталась въедливым запахом мартовских котов и дохлых мух; пол покрывал толстый слой пыли.

— Очень мило, — сказал Гавриил.

— Может быть, чуть тесновато, — заметил Фрике. — Если ты попросишь хозяина, наверное, он даст тебе пару комнат на четвертом этаже.

— Нет нужды, — ответил Гавриил. — Эта комната вполне меня устраивает.

В этот момент в дверь постучали.

— Кто там? — спросил Фрике.

— Небесное транспортное агентство. Прибыл груз для ангела Гавриилу.

— Ах, уже прибыл. Благодарю вас, — сказал Гавриил и распахнул дверь.

На пороге стоял среднего роста мужчина в фуражке служащего агентства. Он вручил Гавриилу бумагу и ручку. Гавриил расписался и отдал бумагу агенту. Агент дернул за выбившуюся из-под фуражки прядь волос и тотчас исчез.

— Это мой багаж, — объяснил Гавриил. — Где я могу его пристроить?

Фрике с сомнением оглядел комнатушку:

— Может быть, на койке? Но тогда тебе негде будет спать.

— Он сам найдет свое место, — загадочно сказал Гавриил и втащил сундук в комнату. Сундук был очень большим, и койка действительно оказалась единственным подходящим для него местом, потому что бóльшую часть свободной площади уже заняли Гавриил и Фрике.

Гавриил огляделся и спросил:

— Как вы думаете, он войдет в тот угол?

Фрике с недоумением уставился на острый угол между стенами и сказал:

— Сюда не затолкнешь и дохлую мышь, не то что этот огромный сундук.

— Все же давайте попробуем, — не согласился Гавриил.

Он столкнул сундук с койки и подвинул его вплотную к стене. Хотя койку отделяло от стены не больше нескольких дюймов, сундук продвигался все дальше и дальше; стена не останавливала, а, наоборот, отступала и отступала сама. Другие стены тоже разошлись в стороны, а потолок заметно поднялся. Скоро

Фрике с удивлением обнаружил, что он стоит в центре довольно большой комнаты.

— Как ты это сделал? — спросил Фрике.

— Когда приходится много ездить, таким приемам учишься по ходу дела, — скромно пояснил Гавриил.

Комната стала не только больше, но и намного светлее, хотя источников света вроде бы не прибавилось. У Фрике от изумления широко раскрылись глаза. Но и это было не все. Вдруг Фрике услышал странный звук, будто кто-то бегал у его ног. Он испуганно посмотрел вниз, но успел лишь заметить, как непонятное существо размером примерно с крысу торопливо скрылось из виду. Фрике закрыл глаза, а когда снова открыл их, увидел свежевымытый и тщательно отполированный пол. А ведь всего лишь мгновение назад его покрывал толстый слой пыли и кошачьего дерьма толщиной не меньше дюйма. Фрике был близок к обмороку.

— Я сообщу хозяину, что ты хорошо устроился, — сказал он и поспешно вышел.

Через пять минут в комнату Гавриила вошел Аззи и осмотрелся, невольно сравнивая увиденное с тем, что он видел здесь в последний раз. Комната увеличилась по меньшей мере в два раза, была ярко освещена, уютно обставлена, сверкала чистотой, благоухала ладаном и миррой, а в одной из стен появилась небольшая дверь, приоткрыв которую Аззи обнаружил выложенную изразцами прекрасную ванную. Черт побери, Аззи готов был поклясться, что этой ванной здесь раньше не было.

В комнате появился и большой гардероб. Его дверца была приоткрыта, и Аззи разглядел десятки нарядов Гавриила самых разнообразных фасонов и покроев: одни с орденами, другие с огромными воротниками и манжетами. Гавриил как раз переоделся в один из таких нарядов, который дополняла остроконечная шапочка. Аззи этот наряд казался ужасно нелепым и даже немного зловещим.

— Я рад, что ты хорошо устроился, — сказал Аззи.

— Я позволил себе немного переделать комнату. Но перед отъездом я охотно верну ей первоначальный вид.

— Об этом можешь не беспокоиться, — сказал Аззи. — Если бы я знал, что тебе нравятся такие штуки, я бы предложил другую комнату. А это что за шарик?

Аззи показал на свешивавшийся с пояса ангела шар из перламутра и золоченой бронзы.

— Ах это! — ответил Гавриил. — Это мой телефон. Он позво-

ляет мне поддерживать постоянную связь с вышестоящими организациями.

Аззи не мог отвести завистливого взгляда от аппарата.

— Наши не выпустили еще ни одного!

— Это так удобно! Уверен, скоро вы обзаведетесь своими телефонами и будете от них в восторге, — сказал Гавриил.

Глава 7

Наступил сентябрь, и установилась прекрасная погода. Аззи более или менее смирился с постоянным присутствием в своем доме живого ангела. Гавриил продолжал расширять свою комнату, и Аззи пришлось просить его установить подпорки, потому что тяжеленная надстройка под самой крышей грозила опрокинуть весь дом. Обучение Прекрасного принца пошло успешнее. Вроде бы этот молодой человек обретал наконец уверенность в своих силах. Аззи постоянно подкармливал его всевозможными травяными экстрактами и настойками, а также другими экзотическими снадобьями, в том числе истолченным в порошок рогом единорога, сушеными экскрементами привидения-плакальщицы и перегнанным трупным потом. Принц уже не бегал от Фрике, когда они сражались деревянными мечами. Правда, чтобы уравнять силы фехтовальщиков, Фрике держал меч в левой руке, которой он владел неважно. В общем, налицо был явный прогресс, хотя по-прежнему было неясно, когда же молодой принц сможет достойно встретить настоящего врага.

Дни и ночи проходили спокойно. Аззи сожалел только, что с ним нет Илит. Ее пришлось оставить в заколдованном замке присматривать за принцессой Скарлет, своенравие которой все еще доставляло немало хлопот. Однажды вечером, когда Аззи сидел в гостиной, покуривая трубку и наслаждаясь изысканным блюдом — сердцем росомахи под соусом терияки, наверху раздался подозрительный шум. Гавриил, читавший одно из своих бесчисленных руководств по творению добрых дел, удивленно поднял голову: он отчетливо слышал, как по крыше застучали копыта. Потом топот уступил место шуршанию, шарканьям и проклятиям. Звуки приближались к камину, постепенно перерастая в громкое ворчание и стоны. Наконец из дымохода в камин упало нечто довольно крупных размеров.

Перед Аззи и его друзьями предстал Санта-Клаус в перепачканном красном костюме, в съехавшей набок шапочке с кисточкой и со скорбным выражением на измазанном сажей лице.

Можно сказать, ему повезло с погодой: стояли теплые вечера, и камин в этот день не растапливали.

— Почему вы закрыли задвижки? — возмутился Санта-Клаус. — Через них было очень трудно пробираться. И ваши дымоходы не чистили тысячу лет.

— Извини, Санта-Клаус, — сказал Аззи. — Я никак не ожидал увидеть тебя в это время года. Да и вообще ты не часто заглядываешь к демонам.

— Потому что наш устав предписывает подарки приносить сначала людям. А их день ото дня становится все больше и больше.

— Я тебя понимаю, — поддакнул Аззи. — Ладно, как бы там ни было, у нас есть свои способы получать и дарить. Но почему ты решил навестить нас? Если это светский визит, ты мог бы войти через дверь.

— Я по делу, а не со светским визитом, — возразил Санта-Клаус. — Я принес срочный заказ для одной молодой красивой ведьмы, которая и дала мне этот адрес. Ее зовут Илит. Она дома?

— К сожалению, сейчас ее нет, — ответил Аззи. — Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Можешь получить заказ вместо нее. — С этими словами Санта-Клаус вытащил из своего мешка большой, красочно упакованный сверток.

— Конечно, с удовольствием.

— Не забудешь передать ей? — засомневался Санта-Клаус. — Это подарок для девочки, ее зовут Бриджит. Илит ей обещала.

— Я прослежу, чтобы девочка получила подарок.

— Благодарю, — сказал Санта-Клаус. — Между прочим, я говорил Илит, что на Северном полюсе стало ужасно скучно. Она обещала прислать пару ведьм; я бы дал им подарки и развлек их.

— Достоинства ведьм часто переоценивают. Боюсь, они тебе не понравятся.

— Думаешь, не понравятся? Попробуй поживи с одними гномами и оленями, потом посмотрим, что ты скажешь о ведьмах. Ладно, мне пора.

Аззи проводил гостя до дверей. Санта-Клаус на удивление ловко для столь грузного мужчины вскарабкался по подпоркам на крышу. Скоро снова послышался стук копыт, и Санта-Клаус исчез. Аззи вернулся в дом и распаковал сверток. В нем оказался игрушечный домик с крохотными окошками, с зеркалами, столами и стульями; в домике и в дворике при нем стояли великолепно выполненные фигурки людей и домашних животных.

— Не хватает только игрушечной гильотины, — вслух размышлял Аззи. — Кажется, у меня тут одна завалялась...

Девятый час

Глава 1

Несколько дней после визита Санта-Клауса Прекрасный принц постепенно обретал уверенность в фехтовании. К сожалению, меч был послушен принцу только в тех редких случаях, когда ничто его не отвлекало. Надо сказать, что сбить с толку принца было очень легко: все необычное удивляло его, нарушало координацию движений. Стоило крикнуть птице или хлопнуть двери, как принц тотчас же поворачивал голову на звук; любая неровность почвы лишала его способности твердо стоять на ногах. При неожиданном порыве ветра принц в страхе закрывал глаза. Вообще каждый сделанный им шаг вперед уже нес в себе готовность отступить.

Больше всего Аззи беспокоила трусость принца. Он знал, что именно в трусости кроется истинная причина его неловкости.

Гавриил долгое время молча наблюдал за обучением принца и лишь морщился при каждом его неуклюжем движении, не говоря уж о неизменном поспешном бегстве всякий раз, когда Фрике заносил свой меч.

— Что с ним такое? — наконец спросил Гавриил.

— Всему причиной сердце труса, которое я ему дал. Я надеялся, что оно вселит в него немного осмотрительности. На деле же оказалось, что это сердце навсегда ушло в пятки, переполнив принца страхом сверх всякой меры.

— Если он так боязлив, как же он отправится на подвиг?

— Теперь я и сам сомневаюсь, что он вообще куда-нибудь отправится, — признался Аззи. — Я постоянно пытаюсь его переубедить, но на него не действуют никакие уговоры. Похоже, я побежден до начала состязаний.

— Кошмар, — посочувствовал Гавриил.

— Это ты еще мягко выразился.

— Но как же ваше участие в состязаниях, как же сказка, которую вы хотели поставить...

— Сказка кончилась, выдохлась, заглохла, *consummatus est* и все такое прочее.

— Мне это кажется несправедливым, — сказал Гавриил. — Но почему вы так легко сдаетесь? Проклятие, неужели, черт побери, ничего нельзя сделать?

— Нужно дать ему храбрицы. Но наши снабженцы, кажется, не могут найти ее.

— Ах, не могут? Банда бездельников, вот кто ваши снабженцы. Посмотрим, что смогут сделать мои ребята.

Аззи с изумлением уставился на ангела:

— *Ты* собираешься достать мне храбрицу?

— Именно это я и хотел вам предложить, — подтвердил Гавриил.

— Но *тебе-то* зачем это нужно?

— Это уж моя забота, — ответил Гавриил. — Вы показали себя прекрасным хозяином, и я, ваш гость, чувствую себя в какой-то мере обязанным, вашим должником. К тому же в любом случае представление должно состояться, не так ли?

Низко наклонив голову, чтобы не задеть ветви виноградной лозы, в тени которой они сидели, Гавриил встал, порылся в одном из своих многочисленных карманов и извлек пластиковую кредитную карточку, очень похожую на карточку Аззи, только не черную как смоль, а белую. На одной стороне карточки золотом было изображено какое-то созвездие, сдвигавшееся к тому месту на небосклоне, которое оно займет в конце грядущего тысячелетия. Гавриил повертел головой, но не нашел подходящего места, куда бы можно было сунуть карточку.

— Давайте немного прогуляемся, — сказал ангел. — Возможно, подальше найдется что-нибудь... Ага, вот лавровое дерево, оно работает безотказно. — Он отыскал в коре дерева трещину и затолкал туда карточку.

— И что же теперь должно произойти? — полюбопытствовал Аззи.

— Дайте им минуту на размышление, — ответил Гавриил. — Понимаете, для передачи сигнала от ангела, представителя сил света, это несколько необычное место.

— Как у вас дела с готическим собором? — спросил Аззи.

— Стены уже поднялись намного выше, — ответил Гавриил.

Через минуту послышался негромкий хлопок, который сменился сначала перезвоном колоколов, а потом торжественными звуками фанфар. Перед Гавриилом и Аззи появился агент отдела снабжения сил света. Агент оказался молодой блондинкой в простом белом платье, которое не скрыло от Аззи, что она была весьма недурна собой, и, следовательно, с ней можно было бы весело провести время. Аззи бочком придвинулся ближе к агенту и замурлыкал старинную песенку под названием «В ту ночь, когда грешник встретил ангела».

Блондинка с силой шлепнула Аззи оказавшейся у нее в руке книгой заказов.

— Не будьте грубияном, — сказала она серьезно, но ее тон

свидетельствовал скорее об отсутствии предубеждений к демонам. Блондинка повернулась к Гавриилу: — Чем я могу помочь вам?

Аззи уже открыл было рот, чтобы объяснить, чем она может помочь *ему*, но Гавриил нахмурился и сказал:

— Что мне нужно, прекрасное создание, так это немного травы храбрицы, которую смертные используют как источник смелости и отваги.

— Я сразу поняла, что трава нужна вам для смертного, — сказала блондинка. — С первого взгляда можно утверждать, что вы не испытываете недостатка в смелости.

— Счастье слышать такие слова из ваших уст, — отозвался Гавриил. — Восславим Бога!

— Восславим Ее! — сказала блондинка.

— Что? — не понял Аззи. — Я всегда думал, что...

— Для нас Высший принцип добра иногда «Он», а иногда «Она», — объяснил Гавриил.

— А изредка даже «Оно», — добавила блондинка. — Конечно, мы не верим в то, что «Она» есть «Оно», но не хотим отдавать предпочтение никакой форме.

— А вы не можете выбрать что-нибудь одно? — спросил Аззи.

— Это невозможно, — ответила блондинка. — Высшее добро лишено сексуальности.

— А нас учили по-другому, — удивился Аззи. — Наши теоретики говорят, что секс — это высшее проявление зла, особенно хороший секс. Например, такой, какой мог бы быть у нас с тобой, детка, — закончил Аззи внезапно охрипшим голосом, распространяя дурманящий запах мускуса.

Блондинка нахмурилась, пригладила волосы и обратилась к Гавриилу:

— Вы не могли бы утихомирить это богопротивное исчадие ада, которое уставилось на меня с нескрываемым вожделением?

— Ах, этого. — Гавриил махнул рукой. — Так это же Аззи. Понимаете, он демон. А демонам так и полагается вести себя — непочтительно и сексуально. Бедняга, он сам не ведает, что творит. Но даже демоны не совсем безнадежны.

— Хвала Господу! — воскликнула блондинка.

— Воистину хвала Ему! — подхватил Гавриил.

— Эй, послушайте, — вмешался Аззи, — нельзя ли повременить с осаннами и сначала разобраться с моим снадобьем? Потом можете любезничать, сколько вам заблагорассудится.

— Сколь ужасны его речи! — покраснев и отведя взгляд, вос-

кликнула блондинка. — Я поищу храбрицу. Подождите здесь, не уходите.

И блондинка, обольстительно взмахнув рукой, исчезла.

— Ваши снабженцы посимпатичнее наших, — заметил Аззи.

— Причина этого в том, что все создания, находящиеся под властью сил добра, равны. Поскольку нам в любом случае предстоит ждать, я мог бы объяснить вам основные положения нашей доктрины.

— Не утруждай себя, — сказал Аззи. — Я собираюсь вздремнуть.

— У вас это так просто получается?

— Известно, что зло никогда не дремлет, — уклончиво ответил Аззи. — Разве что после сытного обеда.

Аззи закрыл глаза, и через несколько мгновений его ровное дыхание свидетельствовало о том, что демон либо действительно заснул, либо очень ловко притворился спящим.

Оставшись наедине со своими мыслями, Гавриил прочел длинную молитву о спасении и духовном возрождении всех существ, даже демонов. Не успел он дочитать молитву до конца, как блондинка уже вернулась.

— Вот экстракт храбрицы. — Она вручила Гавриилу небольшой пузырек, содержимое которого мягко переливалось всеми оттенками красного, фиолетового, желтого и синего цветов.

— Прекрасно, — сказал Гавриил. — Мы чрезвычайно признательны вам. Мы восхищены вашей неизменной любезностью, готовностью оказать помощь, добротой...

— Давай приниматься за работу, — прервал его Аззи. — Благодарю, крошка. Если ты как-нибудь надумаешь изменить к лучшему свою несчастную долю...

Блондинка исчезла в облаке негодования.

Аззи отправился на кухню проинструктировать Фрике, как следует добавлять храбрицу в луковый суп-крем, приготовленный для принца. Демон был безмерно признателен Гавриилу за храбрицу и все же не мог отделаться от сомнений. Почему ангел стал помогать ему? Едва ли только из великодушия. Не способны ли и ангелы на подвох? Что замыслил Гавриил?

Глава 2

Вечером того же дня Аззи скормил храбрицу принцу, и тот быстро добился заметного успеха. Уже через несколько дней улучшилась его техника фехтования мечом, а уж об агрессивности и говорить не приходилось. Куклы его уже не интересовали.

В общем, Аззи решил, что настало удобное время поговорить с принцем о цели его подвига. Однажды вечером, когда он и принц сидели в большой гостиной замка, Аззи сказал:

— Я бы хотел обсудить твое будущее.

— Да, дядюшка?

— Ты помнишь, я рассказывал о Дремлющей принцессе? — спросил Аззи. — Близится день, когда тебе нужно будет отправиться к ней.

— Мне и здесь неплохо, — возразил принц.

— Об этом и думать забудь. Тебя ждут необыкновенные приключения.

— Все это прекрасно, но, знаешь, дядюшка, я как-то задумался, а почему именно я должен искать эту принцессу, целовать ее и все такое прочее?

Аззи принял позу пророка и торжественно изрек:

— Мальчик мой, еще в незапамятные времена было сказано, что лишь поцелуй ее возлюбленного способен пробудить принцессу ото сна.

— Надеюсь, для нее все кончится благополучно, — прокомментировал принц.

— Конечно, благополучно! Прекрасный принц, самой судьбой тебе предназначено стать возлюбленным и супругом этой очаровательной девы!

— Дядюшка, ты уверен, что это предназначено именно мне? Я хочу сказать, откуда ты знаешь, что этот подвиг не собирается совершить кто-нибудь другой.

— Потому что так сказано.

— Кем сказано?

— Не твое дело, — ответил Аззи. — Поверь мне на слово: раз я говорю, значит, сказано. Мальчик мой, тебе невероятно повезло. Принцесса Скарлет — прекраснейшая из дев, к тому же у нее богатое приданое. Чтобы добраться до нее, тебе предстоит проделать нелегкий и опасный путь, но я уверен, ты выйдешь победителем.

— Насколько нелегкий? Насколько опасный?

— Тебе нужно будет проехать через заколдованный лес, — объяснил Аззи, — по пути придется сразиться с его обитателями. Потом перед тобой встанет стеклянная гора, на которую тебе нужно будет как-то вскарабкаться.

— Должно быть, это чрезвычайно трудно, — заметил принц. — Стеклянная гора, говоришь? Хотя, может быть, я ее и одолею. Впрочем, не знаю.

— Я позабочусь о том, чтобы ты не пострадал, — внушал

принцу Аззи. — Положись на своего старого дядю Аззи. Я ведь тебя никогда не подводил.

— У тебя не будет возможности подвести и на этот раз, — сказал принц. — Я никуда не поеду.

— Ну хотя бы взгляни на ее портрет. Нравится? — спросил Аззи, подсовывая миниатюру принцу.

— Вроде бы ничего, — ответил принц совершенно равнодушным тоном.

— Красивая, да? — не отступал Аззи.

— Ее красота слишком стандартна.

— Обрати внимание на глаза — яркие, просто изумительные!

— Она наверняка страдает астигматизмом.

— А губы!

— Самые обыкновенные губы, — хладнокровно отозвался принц.

— Маленькие, изящнейшие губки!

— Тонковаты, — уточнил принц.

— Признайся, она очаровательна!

— Похоже, она в порядке, — резюмировал принц. — Но я слишком молод, чтобы на веки вечные связываться с одной-единственной принцессой. Я даже еще несовершеннолетний.

Полнейшее равнодушие Прекрасного принца обескураживало Аззи. Этого он никак не ожидал. Подобно большинству демонов, он был похотлив и не мог взять в толк, как принц может оставаться равнодушным к прелестям принцессы. Чем больше Аззи думал об этом, тем больше его раздражало и даже всерьез беспокоило безразличие принца к предстоящему подвигу и к принцессе.

Разве можно было надеяться, что ради поцелуя и пробуждения Скарлет принц пройдет сквозь огонь и воду, если он проявлял к принцессе в лучшем случае лишь вежливый интерес? При таком отношении он скорее ограничится тем, что пошлет ей записку вроде этой: «Принцесса, пора вставать!»

Тщетно Аззи расписывал принцу достоинства и чары Скарлет. Прекрасный принц реагировал на красноречие демона с ужасающим равнодушием. Этим он немало оскорблял чувства Аззи, ведь принцесса была творением его рук. Впрочем, и сердиться на принца Аззи не мог, потому что его создал тоже он и, стало быть, в какой-то мере нес ответственность за его поведение.

Такого поворота событий Аззи не ожидал. Почему-то ему никогда не приходило в голову, что принц может не влюбиться в Скарлет с первого взгляда. Теперь, когда с трусостью своего вос-

питанника он более или менее справился, оказалось, что принц абсолютно лишен романтичности!

— Проклятие! — резюмировал Аззи, скрежеща зубами. — О, проклятие! Еще одно упущение в проекте!

Ситуация складывалась дьявольски непростая.

Глава 3

Вечером Аззи отделался от Прекрасного принца с помощью сонного заклинания и направился в ту комнату, где он обычно колдовал. Там работал Фрике; мурлыкая про себя какую-то немудреную песенку, он надписывал пузырьки с agius regae, кровавой тьмой, адской отравой и прочими травами и снадобьями, которые могли пригодиться демону в процессе колдовства.

— Оставь всю эту дрянь, — сказал Аззи. — Нам придется заняться серьезным колдовством. Принеси десять кубиков крови летучей мыши, немного дьявольской тьмы и черной чемерицы.

— Черная чемерица у нас кончилась. Может, сойдет жабья или что-нибудь в этом роде?

— Мне казалось, я предупреждал тебя, чтобы ты всегда имел в запасе чемерицу.

— Прости, хозяин. Я к ней немного пристрастился.

Аззи фыркнул.

— От этого снадобья ты перестанешь расти, — сказал он, — а твои ладони покроются шерстью. Тогда принеси немного корней гелиогабулуса. Обойдемся этим средством.

Фрике принес корни и по указанию Аззи разложил их вокруг пентаграммы, выложенной из перламутра на каменном полу. Фрике зажег черные свечи, а Аззи пропел заклинание. В словах заклинания часто встречались двойные твердые согласные, что вообще очень характерно для древнего языка зла. Внутри пентаграммы возник столб серо-пурпурного дыма. Столб расширялся, рос в высоту, дым становился все гуще и наконец материализовался в высокую фигуру Гермеса Трисмегистуса.

— Приветствую тебя, о великий! — почтительно сказал Аззи.

— Привет, малыш, — отозвался Гермес. — Что теперь тебя тревожит?

Аззи поведал Гермесу о новых проблемах в воспитании Прекрасного принца. Гермес выслушал его и сказал:

— Аззи, ты сделал большую ошибку, рассказав ему о принцессе. Почему-то ты решил, что в жизни все происходит так же,

как в сказках, и что Прекрасный принц страстно полюбит принцессу Скарлет, лишь взглянув на ее портрет.

— А разве так не бывает?

— Только в сказках.

— Но это же и *есть* сказка!

— Пока еще нет, — возразил Гермес. — Это станет сказкой лишь тогда, когда все благополучно завершится и история с начала и до конца будет изложена сказителем. Пока что ни одно из этих условий не выполнено. Нельзя всерьез рассчитывать на то, что молодой человек полюбит портрет, который ты ему показал. Тебе придется обратиться к психологии.

— Это особое заклинание? — не понял Аззи.

Гермес отрицательно покачал седой головой:

— Мы называем это наукой, точнее, наукой о поведении человека. В мире людей пока не существует ничего подобного, и по этой причине все люди кажутся такими ненадежными. Никто пока не знает, почему человек делает именно то, что делает; скорее всего это связано с незнанием психологии.

— Ладно, а мне-то что делать?

— Прежде всего тебе нужно стереть из памяти принца все, что ты ему рассказывал о Скарлет. Для этого достаточно небольшой дозы воды из Леты, такой, чтобы он забыл все последние разговоры с тобой.

— А потом?

— Потом я скажу тебе, что делать дальше.

Достать воду из Леты не было проблемой, потому что Гермес принес ее в небольшом хрустальном флакончике. Аззи дал воду Прекрасному принцу. Вечером того же дня Аззи и принц обедали вдвоем в большой столовой, отделанной панелями из орехового дерева. Им прислуживал Фрике, который и на этот раз по причине своей хромоты расплескал суп. Когда унесли остатки копченой телячьей ноги и доели пирожные с кремом, Аззи сказал:

— Между прочим, принц, я на время уеду из города.

— Куда ты собираешься, дядюшка?

— У меня есть кое-какие дела.

— Что за дела, дядюшка?

— К тебе это не имеет никакого отношения. Фрике! Принеси ключи!

Фрике поспешно вышел и скоро приковылял назад с большой связкой ключей на железном кольце.

— Принц, слушай меня внимательно и запоминай. Все ключи я оставлю тебе. Вот этот самый большой — от парадного вхо-

да. Этот поменьше открывает заднюю дверь, а еще поменьше — конюшню. Вот ключ от погреба, где мы храним вино, пиво, копчености и соленья. Этот с завитушками — от моего сундука с заклинаниями. Захочешь, можешь с ними поиграть, все равно они пока не активизированы.

— Слушаюсь, дядюшка, — сказал принц и взял ключи. Его внимание привлек небольшой серебряный ключик с затейливыми украшениями.

— А это что за ключик? — спросил принц.

— Ах, этот... — спохватился Аззи. — Неужели я и его оставил в общей связке?

— Да, дядюшка, вот он.

— Этим ключом никогда не пользуйся.

— От чего же он?

— От небольшой дверцы в задней стене моей спальни. А другим его концом можно открыть обитый медью дубовый сундучок, что стоит за дверцей. Но ни в коем случае не открывай ту дверь и тот сундучок!

— Почему, дядюшка?

— Слишком долго объяснять, — уклонился от ответа Аззи.

— У меня есть время, — сказал принц.

— Конечно, есть. Это единственное твое богатство, не так ли? К сожалению, у меня времени нет. Я должен немедленно уехать. Так что пока поверь мне на слово: если ты откроешь ту дверь, жди больших неприятностей. Лучше и не пытайся.

— Хорошо, дядюшка.

— Честное слово скаута?

Принц поднял правую руку в торжественном салюте скаутов-рыцарей — новой организации, призванной воспитывать молодых героев и рыцарей.

— Клянусь, дядюшка.

— Послушный мальчик. А теперь я должен тебя покинуть. До свидания, юноша.

— До свидания, дядюшка.

Принц проводил Аззи до конюшни. Демон сел на горячего арабского скакуна.

— Не так быстро, Белсхаззар! — крикнул Аззи. — Счастливо, племянник! Увидимся через пару дней, самое большее — через неделю.

Принц и Фрике на прощание помахали рукой. Скоро Аззи скрылся из виду.

Не прошло и часа (а время пролетело очень быстро), как принц обратился к Фрике:

— Мне скучно.

— Еще партию? — предложил Фрике, тасуя карты.

— Нет, карты мне надоели.

— Чем же ты хотел бы заняться, молодой человек? Теннисом? Метанием кольца? Борьбой?

— Осточертели мне все эти детские игры, — сказал принц. — Ты можешь придумать что-нибудь поинтересней?

— Охота? — предложил Фрике. — Рыбалка? Воздушные змеи?

— Нет, все не то... — Прекрасный принц прищурился, потом широко раскрыл глаза; его взгляд оживился. — Знаю!

— Жду распоряжений, господин.

— Давай заглянем в ту комнату, в которую дядюшка запретил заходить.

Фрике был проинструктирован заранее. Скрывая готовую выдать его улыбку, он возразил:

— Этого нам делать нельзя!

— Так уж и нельзя?

— Конечно, нельзя, господин. Хозяин страшно рассердится.

— А если он не узнает?

По выражению лица Фрике можно было предположить, что такая мысль ему и в голову не приходила.

— Ты хочешь сказать... Не говорить ему?

— Именно это я и хотел сказать.

— Но мы всегда и все говорим хозяину.

— На этот раз сделаем исключение.

— Но почему?

— Фрике, пусть это будет наша новая игра.

— Ах, игра... — Фрике задумался. — Что ж, если только игра, тогда, может быть, все обойдется. Ты уверен, что это всего лишь игра?

— Клянусь, Фрике, только игра.

— Ну, если только игра, тогда ладно, — сказал Фрике.

— Пойдем! — с энтузиазмом воскликнул принц и помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки и позвякивая связкой ключей.

* * *

Аззи остановился в ближайшем лесу, привязал коня к дереву и тут же возвратился в поместье своим ходом, точнее, своим полетом, потому что под великолепной туникой он заблаговременно припрятал пару тщательно проверенных, надежных крыльев. Аззи парил над высоким окном спальни и улыбался про себя. О психологии он впервые услышал от Гермеса, но, кажется, эта штука пока неплохо работала.

Илит как раз поправляла одеяло на принцессе Скарлет, которая крепко заснула в разгар их беседы, когда в ворота волшебного замка постучали. Это не было похоже на Аззи — он не стучался никогда; в то же время трудно было представить себе, чтобы на вершину стеклянной горы мог забраться другой посетитель. Оставив спящую принцессу в огромном кожаном кресле, Илит поспешила из гостиной в большой зал замка. Пока она шла по каменному полу высокого зала, нетерпеливый гость успел постучаться еще не раз.

Илит откинула засовы, распахнула маленькую дверь, расположившуюся сбоку от больших ворот, и выглянула. У ворот стояло высокое, довольно приятное на вид существо мужского пола в бело-золотой одежде. Существо приветливо улыбалось.

— Слушаю вас, — сказала Илит.

— Я не ошибся, это замок Спящей красавицы, принцессы Скарлет? — спросил гость.

— Не ошиблись, — ответила Илит. — Но вы ведь не Прекрасный принц, правильно? Для принца рановато, да и глаза у вас совсем другие... то есть лично я ничего не имею против больших голубых глаз, понимаете?

— Нет, к сожалению, я не принц. Мое имя Гавриил, и меня прислали силы света в качестве наблюдателя. Я живу у Аззи, а сюда решил ненадолго заглянуть, чтобы проверить, как идут дела на этой сцене. У вас все в порядке?

— В общем, да, — ответила Илит. — Не угодно ли гостю пройти в наш дом?

— Охотно, благодарю вас, — сказал Гавриил.

— Я... гм... помогаю Аззи в его деле. Меня зовут Илит. Рада с вами познакомиться.

Илит протянула Гавриилу руку; он взял ее в свои ладони, наклонился и прижался к ней губами.

— О! — только и сказала Илит, внимательно рассматривая свою руку. — Гм... Проходите сюда. Я провожу вас к принцессе. Сейчас, разумеется, она дремлет.

— Конечно, — согласился Гавриил. Казалось, он неожиданно вспомнил, что все еще держит руку ведьмы; быстро отпустил ее и добавил: — Если это удобно.

— Вполне удобно.

Илит повернулась и повела ангела через зал.

— Прекрасный зал, — отметил Гавриил.

— Благодарю.

— Давно вы с Аззи вместе?

— О, мы старые знакомые. Но сейчас мы не совсем... вместе. Не считая этого грандиозного проекта, конечно.

— У вас очень хороший проект.

— Мне тоже так кажется. Все это придумал Аззи. Я лишь помогаю ему в знак старой дружбы.

— Понимаю. Братство сил зла и все такое прочее, — сказал Гавриил и тут же поправился: — Я имею в виду не только братьев, но и сестер, разумеется.

— Да, что-то в этом роде. Сюда, пожалуйста. — Илит пригласила ангела в гостиную. — Вот она, наша Спящая красавица. Прелестна, не правда ли?

— Очаровательна, — согласился ангел.

Илит покраснела, сообразив, что в этот момент Гавриил смотрит на нее. Тотчас же ангел закашлялся.

— Могу я предложить вам что-нибудь? — нашлась Илит. — Может быть, немного ихора?

— С удовольствием.

— Садитесь. Чувствуйте себя как дома.

Илит поспешно вышла и через несколько минут вернулась с двумя чашами.

— Пожалуйста. Я тоже решила выпить за компанию, — сказала она.

— Благодарю вас.

Гавриил медленно потягивал ихор. Илит присела рядом с ангелом.

— Насколько я понимаю, у вас дела идут неплохо, — повторил Гавриил через минуту.

— Мне кажется, у Аззи еще много проблем, — возразила Илит.

— Должно быть, вы оказываете ему большую помощь и поддержку.

— Не уверена. Аззи немного некоммуникабелен.

— Простите, не понял?

— Когда мы говорили в последний раз, он был заметно... холоден. Возможно, его тревожили проблемы, о которых мне ничего не известно, но, может быть, это просто...

— Что?

— Может быть, он вообще так ко мне относится.

С минуту они молча потягивали ихор, потом Гавриил заметил:

— Думаю, злу свойственно быть неблагодарным — даже по отношению к своим друзьям и союзникам.

Илит отвела взгляд.

— Но со мной он не всегда был таким, — призналась она.

— О-о.

— Мне кажется, что у вас в этом смысле намного лучше.

— Надеюсь, это так на самом деле.

— Но тогда вы должны быть... Природу ведь не переделаешь.

— Вероятно, нет. Но я предпочитаю считать, что мы поступаем так, а не иначе, потому что нам нравится так поступать. Мы *ощущаем* себя творящими добро.

— Гм. — Илит повернулась к принцессе. — Взгляните на нее. Бедняжка понятия не имеет, что она всего лишь пешка в руках игрока.

— Но если бы не этот игрок, ее бы не было вообще.

— И все же лучше, если тебя не используют как вещь.

— С теологической точки зрения это очень интересное замечание.

— К черту теологию! Простите! Но люди не вещи, и ими нельзя манипулировать.

— Нет, конечно, у них ведь есть свобода выбора. Принцесса сохраняет свою индивидуальность. Но от этого ваш проект только выигрывает, он становится намного более интересным.

— Свобода выбора, говорите? А если она может выбирать лишь из того, что ей дает Аззи?

— Еще одно теологическое очень любопытное замечание... то есть, да, я с вами согласен, это нехорошо. Но что ж поделаешь? Принцесса и в самом деле что-то вроде пешки в игре.

— Согласна. И все же не могу ей немного не посочувствовать.

— О, конечно. И мне ее жаль. В сострадании мы достигли больших высот.

— Только и всего? Я хочу сказать, от вашего сострадания ей мало пользы.

— Но нам не позволено вмешиваться. Впрочем, теперь, когда вы объяснили мне ситуацию, думаю, я смогу рекомендовать отпустить ей грехи.

— А это прощение грехов не будет просто обманом?

— Не совсем. Прощение — это своего рода помощь без помощи; надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать. В каком-то смысле прощение помогает человеку помочь самому себе. Я не считаю это мошенничеством. Да, вероятно, мне следовало бы... — Ангел отпил еще глоток.

— Вы всегда были таким? — спросила Илит.

— Каким?

— Любезным.

— Думаю, всегда.

— Это очень хорошо. Приятно иметь такого наблюдателя.

— А вы всегда были ведьмой?

— Я сама выбрала себе профессию. Это было очень давно.

— Вам нравится это занятие?

— Большей частью нравится. А что собираются предложить к состязаниям силы света?

— О, мы строим грандиозное сооружение, которое называем готическим собором. Это совершенно новая концепция в архитектуре, призванная укреплять веру и доброту.

— Чем этот собор отличается от обычных храмов? Разрешите, я добавлю вам напитка.

— Благодарю.

Когда Илит вернулась, Гавриил принялся подробно рассказывать ей о готическом соборе. Илит внимательно слушала, согласно кивала, восхищенно поддакивала.

Глава 5

Принцесса Скарлет вышагивала взад и вперед по комнате.

— Мне смертельно надоело дремать, — говорила она Илит, продолжая расхаживать. — У меня такое ощущение, что я не только никогда по-настоящему не просыпаюсь, но и по ночам никогда крепко не сплю. Мне просто необходимо чем-то заняться, а не только сидеть в этом дурацком замке и ждать, когда придет какой-то парень и разбудит меня. Я не хочу быть все время в замке! Я хочу встречаться с людьми!

— У тебя есть я, — возразила Илит.

— Ох, тетушка Илит, я тебе очень признательна. Здесь без тебя я бы совсем сошла с ума. Но я хотела бы поговорить с кем-нибудь еще. Понимаешь... с мужчиной.

— Я очень хотела бы тебе помочь. Но ты же знаешь, считается, что ты не должна ни с кем встречаться. Ты должна спать, пока здесь не объявится Прекрасный принц.

— Знаю, знаю, — сказала Скарлет, и ее глаза наполнились слезами. — Но это же невыносимо скучно — спать, спать, спать, постоянно только спать. Даже хуже — не спать, а только дремать. Дремать! Тетушка Илит, ну пожалуйста, ты никак не можешь мне помочь?

Илит раздумывала. Аззи раздражал ее все больше и больше. Зря она снова ему поверила. Впрочем, теперь уж ничего не поделаешь.

На следующий день в ворота замка неожиданно постучали. Это случилось в один из тех редких моментов, когда Скарлет бодрствовала, поэтому она поторопилась открыть дверь сама.

В двери стояла лягушка ростом в добрых шесть футов, одетая в лакейскую ливрею. На ее зеленой, бородавчатой голове красовался напудренный парик, немного съехавший набок.

— Добрый день, — невозмутимо сказала Скарлет. Она уже почти привыкла к визитам сказочных созданий. После разговора с Аззи, который имел очень странное обыкновение появляться и исчезать в облаке дыма, и с Илит, которая много времени проводила перед волшебным зеркалом, наблюдая за собиравшимися у подножия стеклянной горы жителями ближайших деревень или за более отдаленными местами (включая преисподнюю и низшие астральные царства), ничто не могло удивить ее. — Вы тот принц, который должен разбудить меня?

— Спаси Бог! — ответила лягушка. — Я всего лишь посыльный.

— Но ведь под вашим лягушачьим обличьем скрывается красивый молодой человек, не правда ли?

— Боюсь, что не скрывается, — возразил посыльный. — Меня заколдовали так, что я только вырос до шести футов и научился языку людей.

— А на что вы были похожи до того, как вас заколдовали?

— Я был ростом шесть дюймов и квакал.

— Что же вам нужно?

— Мне поручено передать вам приглашение.

С этими словами он достал прямоугольную карточку, на которой рельефными буквами было выведено:

Приглашение на торжество
Бал-маскарад в честь Золушки и ее принца
Музыка Орландо и группы Фуриозос
Джордано Бруно и традиции алхимии
Спартак и восставшие рабы
Шарады, бесплатная лотерея
Прекрасная пирушка.

— О, благодарю вас, — сказала принцесса Скарлет. — Но почему меня приглашает принцесса Золушка? Я с ней даже не знакома.

— Она узнала, что вы здесь одна, и с сочувствием отнеслась к вашим мольбам. Понимаете, у нее тоже есть свои проблемы.

— Я бы очень хотела пойти на бал! Но у меня нет бального платья.

— Уверен, вам не составит труда достать его.

— И транспорт... Как я туда доберусь?

— Вам достаточно связаться с поставщиками волшебных балов, и в назначенное время вам подадут карету, сделанную из тыквы. Кучером буду я.

— Ах так. А тыквенный сок не запачкает мое платье?

— Ну что вы, это совершенно исключено. Изнутри карета отделана редчайшим муаровым шелком.

— Муаровым?

— Не беспокойтесь, это не опасно.

— Благодарю вас! Благодарю вас! — воскликнула Скарлет и поспешила сообщить Илит о чудесном приглашении.

— Боюсь тебя расстроить, но, поверь, дитя мое, весь наш замок охраняется особым заклинанием Аззи, — объяснила Илит. — Чтобы выйти отсюда, тебе потребуется пропуск с неограниченными полномочиями. А такой пропуск могут дать только силы тьмы.

— Неужели ничего нельзя поделать?

— Ничего, дорогая, — размышляла Илит. — Вот если бы у тебя была нелимитированная карточка Аззи, многое стало бы возможным. Кстати, он хранит ее очень небрежно, в верхнем кармане жилета. Тебе остается только надеяться, что в следующее свое посещение он случайно выронит карточку, а тебе нужно будет подобрать ее прежде, чем он заметит пропажу.

— А если он ее не выронит?

— Тогда тебе смогут помочь только твои руки, — ответила Илит. — Особенно левая.

Скарлет посмотрела на свои руки. Левая, принадлежавшая раньше карманнику, была чуть меньше правой и выглядела почему-то — принцесса сама не знала почему — более *проворной*.

— А почему именно левая? Мне кажется, она меньше правой и грациознее. Так что же с моей левой рукой?

— Эта рука достаточно ловка, чтобы достать то, что тебе нужно.

— А если я достану карточку?

— Тогда, — ответила Илит, — ты сможешь заказать себе бальное платье и все, что пожелаешь, у поставщиков волшебных балов. Я отпущу тебя на бал — конечно, если сразу после бала ты вернешься в замок.

— Почему ты все это мне говоришь?

Илит отвела взгляд.

— Тому причиной злость и жалость, моя дорогая, — сказала она. — В первой причине моя сила, во второй — моя слабость. Поэтому считай главной первую. В любом случае для тебя настало время узнать, что такое настоящий бал. И свобода выбора тоже.

Илит похлопала принцессу по руке. В этот момент принцесса как раз стягивала с пальца кольцо с камнем.

— Да, — продолжала Илит, — к черту Аззи. — Она улыбнулась. — Это твое прощение.

Глава 6

Когда Аззи нанес очередной визит в заколдованный замок, принцесса Скарлет была необычно приветлива и любезна. Она увлеченно рассказывала о своих снах, ведь только они хоть както разнообразили ее монотонное существование. Она показала Аззи несколько танцевальных па, запомнившихся ей (точнее, ее ногам) из прежней жизни. Энергично притопывая ножкой, она исполнила темпераментный танец, в пируэтах пролетела через зал и упала в объятия Аззи.

— Разреши обнять тебя, дядюшка, ты так много для меня сделал!

Прижавшиеся к Аззи маленькие острые груди принцессы несколько затуманили сознание демона, и он не заметил, чем занимались в этот момент ее ловкие пальчики.

Оставшись наедине со Скарлет, Илит первым делом спросила:

— Достала?

Принцесса улыбнулась, демонстрируя ровные зубки и ямочки на щеках, и показала Илит черную карточку.

— Вот она!

— Отлично сработано, — похвалила Илит. — Теперь тебе нужно лишь с толком воспользоваться этой карточкой.

— Да, — согласилась Скарлет, с трудом подавляя зевок, — но что мне делать с моим проклятым дремотным заклинанием?

— Сделай добрый глоток ихора, — посоветовала Илит, — а я добавлю антизаклинание. Ты проспишь на три-четыре часа больше обычного, зато потом не будешь спать в три-четыре раза дольше.

Скарлет не могла сдержать радостного нетерпения:

— Давай скорей.

Бесшумно вертелись колеса-редиски, и скоро карета-тыква прибыла к укрытому тентом месту приема гостей. Лакей-лягушка спрыгнул на землю и распахнул дверцу кареты. Принцесса Скарлет осторожно, стараясь не запачкать платье, вышла. Это было не простое платье, а настоящее произведение искусства, сшитое из розового тюля знаменитым Мишелем из Перуджи и украшенное гиацинтом; расходы были записаны на счет Аззи.

Слуги в ливреях встретили принцессу и проводили ее в бальный зал. Зал оказался настоящим царством света и красок. В противоположном конце зала играл оркестр. Принцесса Скарлет была поражена. Подобного празднества она не видела ни разу в жизни. Это было нечто сказочное, и восторг принцессы не мог преуменьшить даже тот факт, что она сама в какой-то мере вышла из сказки.

— Должно быть, вы принцесса Скарлет? — обратилась к ней поражающая своей красотой молодая женщина примерно того же возраста, что и Скарлет.

— А вы принцесса Золушка? — вопросом на вопрос ответила Скарлет.

— Как вы меня узнали? У меня на носу сажа?

— О нет... Просто я подумала... Получив ваше приглашение... — Скарлет совсем засмущалась.

— Я пошутила, — улыбнулась Золушка, и Скарлет снова почувствовала себя непринужденно. — Очень рада вам. Я слышала, что вы находитесь под сонным заклинанием?

— Точнее, под дремотным, — сказала Скарлет. — Но как вы узнали?

— Такой слух прошел в нашей сказочной стране, — ответила Золушка. — Если вам захочется отдохнуть с дороги, то наверху имеются комнаты отдыха. А еще у нас большой выбор стимулирующих средств, и если ваше заклинание поддается действию химических агентов...

— В этом нет нужды. Мне удалось на время отключить заклинание.

— Как бы там ни было, я очень рада вас видеть. Понимаете, этим балом мы открываем сезон. Здесь много вполне приличных холостяков, в основном аристократов, но есть и интересные знаменитости из народа, например Пер Гюнт и Джек Гороховый Стебель. Разрешите предложить вам бокал шампанского. Пойдемте, я представлю вас гостям.

Золушка передала Скарлет бокал шампанского и, взяв ее за руку, повела от одной группы пышно одетых гостей к другой. У Скарлет приятно кружилась голова, а ноги танцовщицы сами собой притопывали в такт музыке — громкой, ритмичной. Скарлет была очень рада, когда ее пригласил на танец высокий, смуглый, красивый мужчина в золотом вечернем костюме и малиновом тюрбане.

Они закружились в танце. Мужчина представился Ахмедом Али. Он оказался прекрасным танцором и был хорошо знаком с моднейшими танцами. Скарлет на ходу, почти инстинктивно схватывала новые па и сама удивлялась, насколько успешно она справляется со всеми танцевальными новинками юбилейного года: утиным шагом, прыжком пигмея, ногой бешеной собаки, двойной росомахой. Ахмед Али, казалось, плыл по залу; его мастерство танцора мало чем уступало непревзойденному искусству Скарлет. Они настолько превосходили всех танцующих, что те расступились, освобождая место. Ахмед и Скарлет так блистательно демонстрировали искусство балета, что оркестр переключился на «Лебединое озеро». Звенели трубы, плакали стальные струны гитар, а они кружились и кружились в танце, отваживаясь на все более и более смелые па-де-де, и аплодисменты зрителей становились все громче. Завершая танец, Ахмед вывел Скарлет из танцевального зала на небольшой балкон.

С балкона открывался изумительный вид на маленькое озеро. Только что взошла луна и окрасила гребни медленно двигавшихся к берегу невысоких волн в серебристый цвет. Принцесса Скарлет, обмахиваясь китайским веером (его тоже выдал адский отдел снабжения), повернулась к Ахмеду Али и официальным тоном сказала:

— Мне кажется, сэр, что я никогда не встречала столь великолепного танцора, как вы.

— А я — такую блестящую танцовщицу, — галантно ответил Ахмед.

На его лице, рассеченном как бы пополам большим орлиным носом, выделялись твердые, резко очерченные, бледные губы. Когда Ахмед улыбался или усмехался, именно так выражая свои эмоции, он демонстрировал перламутрово-белые зубы. Ахмед поведал Скарлет, что он является принцем при дворе его величества великого халифа, владения которого простираются от туманных восточных границ Туркестана до омываемых морями берегов Ближнего Востока. Ахмед описал великолепие дворца великого халифа, в котором столько комнат, что сосчитать их может лишь достаточно искушенный в математической некро-

мантии человек. Он перечислил главные достопримечательности дворца: пруды с живыми карпами, минеральные источники, гигантскую библиотеку, где можно найти книги и рукописи со всех концов света. Он упомянул кухни, где на радость счастливым и одаренным молодым придворным каждый день готовятся всевозможные деликатесы. Он говорил, что принцесса своей невиданной доселе красотой, своей нежностью, обаянием и поразительной гармоничностью натуры затмила бы всех красавиц двора. Ахмед поклялся, что, несмотря на непродолжительность их знакомства, он без памяти, безумно влюблен в принцессу, и умолял ее принять его приглашение отправиться вместе с ним во дворец великого халифа, где бы он сам смог показать ей все достопримечательности. Если принцессе понравится там и она согласится остаться во дворце хотя бы на короткое время, он был бы безмерно счастлив. Ахмед подробно расписывал, каким нескончаемым дождем роскошных подарков он осыплет ее во дворце. Эти и множество других соблазнительных предложений посыпались на голову принцессы Скарлет как из рога изобилия и наконец окончательно вскружили ей голову.

— Мне бы хотелось посмотреть на все, о чем вы рассказываете, — согласилась она, — но я обещала тетушке вернуться домой сразу же после бала.

— Нет проблем, — сказал Ахмед и щелкнул пальцами.

Тотчас послышался звук, напоминающий хлопанье крыльев, и перед принцессой Скарлет откуда ни возьмись появился роскошный персидский ковер, который парил в воздухе как раз на высоте балкона.

— Это ковер-самолет, — объяснил Ахмед. — обычное средство передвижения в нашей стране. На ковре-самолете я могу отвезти вас во дворец великого халифа и показать все красоты; мы вернемся назад, на это же место, прежде, чем кончится бал.

— Очень соблазнительное предложение, — Скарлет никак не могла решиться, — но я в самом деле не...

Обворожительно улыбаясь, Ахмед Али шагнул с балкона на ковер, повернулся и протянул принцессе руку.

— О прекрасная принцесса, — сказал он. — Я без ума от вас и сделаю все, чтобы вы великолепно провели время. Я буду беречь вас как зеницу ока. Клянусь, когда я привезу вас назад, у вас будет достаточно времени, чтобы не раз вернуться к своей достопочтимой тетушке, как вы и собирались сделать с самого начала.

Принцесса Скарлет понимала, что она не должна соглашаться. Но неожиданная свобода, отключение, хотя бы только на время, дремотного заклинания, великолепие бала, соседство

этого загадочного искусителя Ахмеда Али, бокал непривычного для нее шампанского, аромат распустившегося под балконом цветка, который называли матерью безумия, — все это заглушило голос благоразумия и вселило в принцессу самоуверенность. Не отдавая отчета в своих действиях, она взяла предложенную Ахмедом руку и шагнула на ковер.

Глава 8

Золушка только собралась наведаться в буфет, чтобы взять еще бокал шампанского и, возможно, кусочек шербета, как к ней подошел слуга, низко поклонился и сказал:

— Принцесса, некий посетитель очень хочет поговорить с вами.

— Мужчина?

— Мне кажется, демон, хотя в полном обличье мужчины.

— Демон... — размышляла Золушка. — Что-то не припомню, чтобы я приглашала демонов.

— Принцесса, я полагаю, он явился по собственной инициативе, — сказал слуга, тщетно пытаясь выбрать удобный момент, чтобы напомнить Золушке, что и он, слуга, на самом деле не кто иной, как переодетый принц.

— И что же он хочет?

— Не знаю, — ответил слуга, приглаживая запястьем свои роскошные усы. — Он говорит, что у него исключительно важное дело.

Такой разговор мог бы продолжаться еще очень долго, если бы в этот момент не появился Аззи. Его тщетно пытались остановить двое слуг, вцепившихся в рукава сюртука демона. Аззи повел плечами, и слуги разлетелись в стороны.

— Золушка — это вы? — спросил Аззи.

— Да, я.

— А это ваша вечеринка?

— Вы правы. Но если вы полагаете, что сюда можно врываться без приглашения, то глубоко заблуждаетесь: у меня есть собственные демоны, которых я могу вызвать в любой момент.

— Насколько я понимаю, вы пригласили на этот бал мою племянницу принцессу Скарлет.

Золушка быстро оглядела зал. Ей показалось, что кое-кто из гостей уже заинтересовался их разговором. Определенно не хотел уходить и слуга; непрестанно теребя свои нелепые усы, он

норовил влезть в разговор и вручить поддельные верительные грамоты.

— Пройдемте в уединенную беседку, — сказала Золушка. — Там мы сможем поговорить без свидетелей.

Они направились в беседку.

— Можете поставить ваше помело в угол, — предложила Золушка.

— Думаю, в этом нет необходимости. Наш разговор не будет продолжительным. Где Скарлет?

— Так вы в самом деле ее дядя? Вам не следовало бы оставлять ребенка одного на столь долгий срок в заколдованном замке. Я думала, не будет большого вреда, если я приглашу ее на бал.

— Где она сейчас? — повторил вопрос Аззи, грозно топая ногой.

Золушка посмотрела по сторонам, но нигде не нашла Скарлет. Тогда она позвала слугу — не усатого, а другого, с козлиной бородкой, — и приказала немедленно разыскать принцессу Скарлет.

Слуга бегом вернулся уже через минуту.

— Мне сообщили, что она отбыла вместе с джентльменом в тюрбане, Ахмедом Али.

Аззи повернулся к слуге:

— Как они отбыли?

— На ковре-самолете, господин.

Аззи потер подбородок, задумался, потом потребовал уточнений:

— Куда они направились?

— На восток, мой господин.

— Вы знаете этого джентльмена в тюрбане? — спросил Аззи Золушку.

— Он служит при дворе великого халифа, правителя всего арабского халифата.

— Это все, что вы о нем знаете?

— А разве вам известно *что-то другое?*

— Он говорил вам, какое положение при дворе занимает?

— Нет, не уточнял.

— Он — главный поставщик гарема великого халифа.

— Откуда вы это знаете?

— Я считаю своей обязанностью знать такие вещи, — ответил Аззи.

— Главный поставщик! Уж не хотите ли вы сказать...

— Именно это я и хочу сказать, — не дослушав, подтвердил

Аззи. — В настоящее время принцессу Скарлет переправляют через государственные границы, точнее, над ними. Мы имеем дело с типичным случаем торговли белыми рабами и поощрения имперской проституции.

— Но я понятия не имела! — воскликнула принцесса Золушка. — Где мой главный визирь? Вычеркните имя Ахмеда Али из списка гостей! Два раза вычеркните! Дорогой мой демон, не могу передать словами, насколько я сожалею...

Но Аззи уже не слышал ее. Он легко вспрыгнул на перила балкона, моментально активизировал пусковой механизм своего помела, взмыл в небо и умчался прямо на восток.

Скорость ковров-самолетов теоретически может быть очень высокой, потому что они заряжены мощнейшими заклинаниями могучих джиннов. Однако аэродинамические характеристики этих летательных аппаратов не выдерживают никакой критики, поэтому в воздухе ковры-самолеты неустойчивы, а во время полета их передняя кромка неизменно закручивается вверх, как полозья саней, что увеличивает сопротивление воздуха и снижает скорость. Тем не менее Ахмед летел быстро. Что же касается принцессы Скарлет, то она начала понемногу задумываться, и перспективы визита во дворец великого халифа почему-то показались ей менее радужными. Принцесса посмотрела на Ахмеда, сидевшего по-турецки возле рычагов управления ковром, и впервые заметила такие мелочи, которые прежде ускользали от ее внимания: неприятные жесткие складки на его лице, злое подергивание черных нафабренных усов, закрученных так, что их кончики по остроте не уступали хорошей иголке. Тут принцессе пришло в голову, что, пожалуй, она немного поторопилась принять неожиданное приглашение. Потом она вспомнила о Прекрасном принце, ее суженом. Ведь не исключено, что именно в этот момент он вошел в заколдованный замок. А что будет, если в ее отсутствие он уже был в замке, не нашел ее, покинул замок и встретил другую принцессу? Неужели тогда придется всю оставшуюся жизнь дремать под этим проклятым заклинанием? Есть ли какое-то спасение для Спящих красавиц, которым так не повезло, что они прозевали своего Прекрасного принца? Да и в любом случае не мешало бы выяснить, в какую *историю она* ввязалась и не обманул ли ее Ахмед?

— Ахмед, — обратилась она к своему спутнику, — я передумала.

— В самом деле? — небрежно отозвался Ахмед.

— Я хочу вернуться на бал к Золушке.

— До дворца великого халифа уже недалеко.

— Все равно! Я хочу вернуться сейчас же!

Ахмед повернулся к Скарлет; теперь его лицо было искажено самодовольством, вероломством, ненавистью и даже немного трусостью.

— Принцесса, — сказал он, — вы сами согласились на это путешествие, и теперь пути назад нет.

— Почему вы так сделали? — спросила Скарлет. Рано или поздно приходит время, когда нужно узнать правду.

— Это моя работа, — ответил Ахмед. — Мой хозяин, великий халиф, щедро заплатит, если я пополню его гарем вами. Надо ли объяснять еще что-то?

— Я не хочу в гарем! Лучше умереть! — воскликнула Скарлет и подошла к краю ковра. Далеко внизу она разглядела молочно-белое море и в нем темные пятнышки — это были греческие острова. Она решила, что создавшаяся ситуация не настолько критическая, чтобы оправдать самоубийство. Во всяком случае, еще можно было немного подождать.

Скарлет отступила ближе к середине ковра и мысленно распрощалась с прекрасным молодым принцем, которого, очевидно, ей уже не суждено было увидеть. Она повернулась спиной к Ахмеду так, чтобы ветер меньше трепал ее длинные волосы, и вдруг заметила в небе крохотное пятнышко. Пятнышко летело прямо на ковер-самолет и быстро приближалось, с каждым мгновением увеличиваясь в размерах. В сердце Скарлет блеснула искорка надежды. Она низко наклонила голову, чтобы не выдать свою радость Ахмеду.

Аззи включил оба помела на полную мощность. Впереди на фоне полного лунного диска он увидел наконец фантастический силуэт ковра-самолета. Прищурившись от сильного встречного ветра, он приблизился к беглецам. Казалось, злость демона сообщала его летательному аппарату дополнительную мощность. Аззи почти догнал ковер, набрал высоту и перевел оба помела в стремительное пике.

Сначала Ахмед Али услышал необычно громкий шум, заглушавший даже шум рассекаемого ковром воздуха. Он обернулся и тут увидел, что на него камнем падает демон с лисьей мордой, сидящий верхом на двух метлах, кончики которых раскалились чуть не добела. Ахмед одной рукой крепко схватил Скарлет и бросил ковер в боковой скользящий полет. Ковер почти отвесно

падал в море, и Скарлет в испуге вскрикнула, потому что катастрофа казалась неминуемой. Но всего лишь в нескольких футах над блестящими гребешками волн Ахмеду удалось выровнять ковер и развернуть его так, чтобы можно было поразить врага громовыми ударами, заряженными мощными заклинаниями. Не в первый раз он пожалел, что у него до сих пор нет новейших громовых суперударов; великий халиф, расточительный сверх всякой меры, если дело касалось его гарема, становился невероятным скрягой, когда речь заходила о модернизации вооружения ковров-самолетов.

Ахмед Али не успел даже зарядить свое стандартное оружие, а Аззи уже открыл беглый огонь зазубренными молниями. Это было очень опасное и скорострельное оружие, наносившее болезненные раны. Ахмед увертывался и уклонялся, но молнии вспыхивали все ближе и ближе; вскоре они опалили ковер по краям и окончательно ухудшили его и без того никудышные аэродинамические характеристики. Ахмед понял, что, несмотря на все его старания, он уже не в состоянии контролировать полет ковра. Ковер опасно накренился. Ахмеду пришлось отпустить принцессу Скарлет и обеими руками ухватиться за его край. Ковер встал почти перпендикулярно, принцесса не удержалась и соскользнула вниз.

Скарлет падала, и ее охватил и будто парализовал такой ужас, такой страх, что она не могла даже закричать. Море приближалось невероятно быстро; хуже того, скоро стало ясно, что Скарлет падала не в море, а прямо на небольшой скалистый островок.

Смерть казалась неизбежной. И вот в последний момент, когда острые скалы почти дотянулись до нее своими твердыми гранитными пальцами, под принцессой пролетел Аззи, на лету подхватил ее и бросил на свои метлы, как бросают мешок на спину обычного земного вьючного животного. Скарлет лишь успела почувствовать огромную перегрузку, когда Аззи пришлось сделать бочку вокруг скалы, чтобы не угодить прямо в молочно-белое море. В конце концов демону удалось выровнять оба помела, и они — живые и здоровые — снова стремительно поднялись в небо.

— Ох, дядюшка Аззи, — сказала Скарлет. — Я так рада видеть тебя! Я так перепугалась!

— Ты оказалась слишком непослушной. Если бы у меня было чуть больше времени, я бы отпустил тебя в гарем великого халифа и собрал новую принцессу Скарлет. Мой юный принц заслуживает более верной подруги!

— Обещаю больше никогда не убегать. Я буду тихо дремать в своей спальне и ждать принца.

— Хорошо, что из этого приключения ты смогла извлечь хотя бы моральный урок о необходимости послушания, — сказал Аззи и направил оба помела к заколдованному замку.

Глава 9

Получив обратно свою кредитную карточку и вернув принцессу Скарлет туда, где ей и надлежало быть, Аззи отправился в Париж, который уже давно был одним из любимейших его городов. Чтобы дать Прекрасному принцу помечтать над портретом принцессы Скарлет, к которому ему было запрещено прикасаться, и в полном соответствии с законами психологии влюбиться в нее без памяти, Аззи решил на несколько дней покинуть Аугсбург.

А раз уж речь зашла о приятном времяпрепровождении, то что могло быть лучше разгульного веселья в одном из сатанинских клубов, которыми уже в те времена так славился Париж?

Аззи выбрал клуб «Гелиогабулус», располагавшийся в одной из пещер под Парижем. Спустившись по бесконечно длинной каменной лестнице, он оказался в гроте, украшенном черепами и скелетами. Грот освещался факелами, которые удерживались на стене железными скобами; факелы отбрасывали мрачные тени. Столпами здесь служили саркофаги, привезенные из Египта неким изобретательным антрепренером; говорили, что эта страна была поистине неисчерпаемым источником саркофагов. Обычные гробы использовались в качестве лавок. Напитки подавали слуги и служанки, одетые в рясы священников и монашеское платье. Эти несчастные угождали посетителям и во время оргий, которыми заканчивалась едва ли не каждая вечеринка. В то время в Европе секс и смерть были одними из самых популярных развлечений.

— Что вам подать? — обратился к Аззи приземистый мужчина в наряде священника.

— Принеси дорогого импортного пива, — сказал Аззи. — А из еды у вас есть что-нибудь?

— Начос, — ответил слуга.

— Что это такое?

— То, что привез Франциск Проворный из Нового Света.

И Аззи принесли начос, который оказался овсяными хлопьями, покрытыми пахучим камамбером и залитыми томатным

соусом. Демон запил это блюдо пинтой темного эля, импортированного из Англии, и сразу же почувствовал себя намного лучше.

Когда Аззи расправлялся с экзотическим блюдом, у него возникло подозрение, что за ним кто-то наблюдает. В дальнем темном углу стоял стол, не освещавшийся свечой. Аззи показалось, что за столом кто-то сидит и именно этот некто не сводит с него глаз.

Сначала демон решил не обращать внимания на такие мелочи. Он заказал еще одну порцию начоса и переключился на вино. Скоро Аззи немного захмелел, а когда наступил вечер, он уже основательно напился — напился не как свинья, а как демон. Надо сказать, что быть пьяным как демон — значит быть очень сильно пьяным. Аззи запел длинную песню, ту самую, которую так любят петь демоны из Ханаана, когда у них хорошее настроение. Песня начиналась так:

А мне совсем на все плевать,
Хоть я не знаю, как назвать
То удивительное состоянье,
В котором часто мне случается бывать,
Когда я пьян и мне на все плевать.

Вообще-то в песне было много куплетов, но Аззи никак не мог вспомнить не только их, но и что-нибудь другое. Вероятно, было уже поздно. Аззи казалось, что он провел в гроте целую вечность. Оглядевшись, он с удивлением отметил, что все посетители куда-то исчезли. «Наверное, в вино что-то подсыпали», — подумал Аззи. У него кружилась голова, он не просто захмелел, а набрался почти до бесчувствия. Аззи не был даже уверен, удержится ли он на ногах; для демона такое состояние непривычно. К великому облегчению Аззи, после нескольких неудачных попыток ему удалось-таки встать во весь рост.

— Кто так зло надо мной подшутил? — попытался сказать Аззи, но язык его почти не слушался.

— Привет, Аззи, — раздался чей-то голос за его спиной.

Голос показался Аззи знакомым. Он хотел было повернуться, чтобы посмотреть, кто с ним поздоровался, но в этот момент почувствовал сильный удар чем-то тяжелым по затылку, как раз возле левого уха — а это самое уязвимое место у демонов. В обычном состоянии Аззи сразу нейтрализовал бы последствия такого коварного удара, ведь демона не так просто сбить с ног. Но на этот раз он не мог сопротивляться: крепкие напитки и та дрянь, которую в них подмешали, сделали свое дело. Проклятие! Он попал в затруднительное положение. Больше Аззи не успел ни о чем подумать, потому что мгновенно потерял сознание, о чем он сам, впрочем, узнал лишь много позднее.

Аззи понятия не имел, сколько времени он пролежал без сознания, а когда наконец пришел в себя, его самочувствие было отвратительным. С похмелья демона мучила ужаснейшая головная боль. Чтобы хоть как-то облегчить страдания, он попробовал было переменить позу, но обнаружил, что свобода его движений крайне ограниченна. Похоже, его руки были связаны. И ноги тоже. И весь он привязан к какому-то огромному стулу.

Экспериментируя, Аззи два-три раза приоткрыл глаза, потом полностью открыл их и осмотрелся. Оказалось, что он находится в какой-то пещере. Стены пещеры поблескивали; наверное, горная порода включала кристаллики слюды.

— Эй! — крикнул Аззи. — Есть здесь кто-нибудь?

— Есть, сэр. Я здесь, — отозвался кто-то.

Аззи обшарил глазами темную пещеру и далеко не сразу заметил маленького человечка с бородой, которая, впрочем, не помешала демону узнать его.

— Рогнир! — воскликнул Аззи.

Это и в самом деле был тот гном, которого он когда-то заставил отдать феликсит и мешочек с драгоценными камнями.

— Привет, Аззи, — сказал Рогнир, и его тон не предвещал демону ничего хорошего. — Неважно себя чувствуешь, да?

— Не очень хорошо, — согласился Аззи. — Но не беспокойся, демоны быстро восстанавливают силы. Очевидно, я попал в ловушку и меня привязали к этому стулу. Если ты будешь настолько любезен, что развяжешь меня и принесешь стакан воды, то я скоро совсем приду в себя.

— Развязать тебя? — презрительно усмехнулся Рогнир. Надо сказать, что гномы умеют очень даже презрительно усмехаться.

Послышался насмешливый хохот еще каких-то невидимых в темноте пещеры существ. Постепенно хохот перешел в глухое бормотание.

— С кем ты разговариваешь? — удивленно спросил Аззи.

Понемногу его глаза привыкли к темноте, и он разглядел другие маленькие фигурки. В пещере его и Рогнира плотным кольцом окружали гномы, которые не сводили с демона сверкающих глаз.

— Это все гномы моего племени, — ответил Рогнир. — Я мог бы их представить, но к чему зря тратить время? У тебя не будет возможности заниматься болтовней и светскими беседами.

— Но что все это значит? — деланно удивился Аззи, хотя уже давно знал ответ.

— Ты мой должник, вот что это значит, — объяснил Рогнир.

— Знаю. Но разве так принято обсуждать, кто кому должен?

— Мы приходили к тебе потолковать, но твой слуга даже не впустил нас в дом.

— Ах, этот Фрике, — рассмеялся Аззи. — Он так усердно охраняет мой покой.

— Может быть, и так. Но я хочу получить назад свои денежки. Немедленно. Для этого я и пришел сюда.

Аззи недоуменно пожал плечами:

— Наверняка ты уже обшарил все мои карманы и знаешь, что у меня нет ничего, кроме мелочи и пары запасных заклинаний.

— Этого у тебя тоже не осталось, — заметил Рогнир. — Мы все конфисковали.

— Так что же тебе надо?

— Деньги! Я хочу получить назад не только свои сокровища, но и обещанную прибыль.

Аззи весело хихикнул:

— Дорогой мой друг! Не было ни малейшей необходимости затевать все это. В сущности, я приехал в Париж специально для того, чтобы найти тебя и сообщить, что я удачно инвестировал твои деньги и со временем они принесут приличный доход.

— Ха-ха! — только и сказал Рогнир. Это восклицание могло означать что угодно, но в данном случае скорее всего выражало недоверие.

— Перестань, Рогнир, захватывать меня в плен было совсем необязательно. Развяжи веревки, и мы все обсудим как джентльмены.

— Ты не джентльмен, — возразил Рогнир. — Ты — демон.

— А ты — гном. Надеюсь, ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Я желаю получить назад свои деньги.

— Кажется, ты забыл, что мы заключили договор на год, — сказал Аззи. — Срок договора еще не истек. С твоими деньгами все в порядке. Пройдет год, и ты получишь весь капитал.

— Я все обдумал и решил, что мне не нравится сама идея, чтобы капитал работал таким образом. Если деньги будут делать деньги, то для рабочего класса, например для нас, гномов, это будет катастрофой. И потом, знаешь, один самоцвет в кармане стоит двух-трех на каком-нибудь зарубежном рынке, который в любой момент может разориться.

— Уговор дороже денег, — привел Аззи еще один довод, — а ты согласился отдать мне камни на год.

— А теперь я не согласен. И хочу получить свой мешочек с драгоценными камнями.

— Пока я связан, я ничего не смогу сделать, — заметил Аззи.

— Но если мы тебя развяжем, ты тотчас пустишь в ход какое-нибудь из своих чертовых заклинаний, тогда мы только и видели тебя с нашими денежками.

Именно это Аззи и собирался сделать. Чтобы уйти от опасной темы, он спросил:

— А почему ты все время твердишь «мы»? При чем тут другие гномы?

— Они мне помогают в этом деле, — ответил Рогнир. — Одного меня, может быть, ты и обхитрил бы, но не всех нас.

К Аззи подошел один из соплеменников Рогнира. Он был низковат даже по гномьим меркам, а его лицо настолько заросло седой бородой, что на ее фоне выделялись только губы, пожелтевшие от неумеренного употребления жевательного табака.

— Меня зовут Элгар, — сказал он. — Ты провел нашего простодушного Рогнира, но отделаться от нас тебе так просто не удастся. Сейчас же отдавай наши деньги, не то хуже будет.

— Я же объяснил, что ничего не могу сделать со связанными руками. Я не могу даже высморкаться.

— А зачем тебе сморкаться? — не понял Элгар. — У тебя из носа не течет.

— Это была риторическая фигура, — объяснил Аззи. — Я хотел сказать...

— Мы знаем все, что ты хотел сказать, — прервал демона Элгар. — Что ты не собираешься отдавать долг. Раз ты, дружище, не можешь заплатить, у нас есть свой план.

— Я могу заплатить, но не тогда, когда привязан к стулу так, что и пошевелиться не могу! — сказал Аззи, обаятельно улыбаясь. — Развяжи меня и предоставь мне возможность найти деньги. Я вернусь очень быстро. Могу поклясться чем угодно, что вернусь.

— Ты не вернешься, потому что никуда не пойдешь, — сказал Элгар. — Отпусти мы веревку на дюйм, и ты со своими проклятыми заклинаниями сделаешь с нами все, что захочешь. Ничего не выйдет, дураков здесь нет. Так ты отдашь весь долг Рогниру? Считаю до трех. Раз, два, три. Денег нет? Ну и все.

— Что ты имеешь в виду? — забеспокоился Аззи. — Что все?

— Ты попался, вот и все, — пояснил Элгар.

— Как попался?

Элгар повернулся к гномам:

— Ладно, ребята, понесли его к рабочему колесу.

О рабочем колесе Аззи еще не приходилось слышать. Впрочем, судя по всему, вскоре ему предстояло узнать, что это такое. Сотни мозолистых крепких ручек подняли Аззи вместе со стулом и понесли вниз, в еще более глубокие пещеры.

Глава 11

Гномы с песнями несли Аззи по спускавшемуся вниз туннелю, все глубже и глубже в недра земли. Они часто поворачивали, меняли направление, обходили осыпи и обрывы, переправлялись вброд через ледяные ручьи. Было так темно, что от постоянных попыток хоть что-то разглядеть у Аззи скоро заболели глаза. Гномы шли очень долго. Закончив одну песню, они тут же принимались за другую и пели их на незнакомом Аззи языке. Наконец очередной туннель вывел их на большую подземную площадку.

— Где мы? — спросил Аззи.

Ответа он так и не дождался. Множество сильных гномьих ручек крепко удерживали Аззи на месте, пока его отвязывали от стула и привязывали к чему-то другому. На ощупь это другое казалось каким-то каркасом, сделанным главным образом из железа и частично из дерева. Аззи попробовал сделать шаг — под его ногами что-то сдвинулось. Уже через несколько мгновений он понял, что надежно привязан к чему-то внутри огромного колеса, вроде мельничного. Аззи мог двигать ногами, но его руки были накрепко привязаны к какой-то балке.

— Это — рабочее колесо, — объяснил Рогнир. — Внутри него ты переставляешь ноги, оно вертится и через зубчатые передачи вращает другое колесо, которое приводит в действие рычаги на наших машинах в одном из верхних гротов.

— Интересно, — сказал Аззи. — Ну и что из этого следует?

— Ты должен ходить в колесе и, стало быть, его вращать. Так ты будешь помогать нам в работе и выплачивать свой долг. Только для этого тебе придется крутить колесо несколько веков подряд.

— Об этом и не мечтай.

— Как хочешь, — не стал возражать Рогнир. — Ребята, все в порядке, открывайте шлюз.

Наверху послышался скрип, и на Аззи что-то посыпалось. По запаху Аззи тотчас же понял, что это дождь экскрементов, но

не обычных экскрементов человека или демона. С простым дерьмом Аззи провозился не один год и хорошо знал все его свойства. Теперь же на Аззи сыпалось что-то настолько невыносимо вонючее, что его органы обоняния сами попытались полностью отключиться.

— Что это за дрянь? — закричал он.

— Хорошо вылежавшееся драконье дерьмо, — сказал ему Рогнир. — Тут недалеко его берлога, так мы просверлили снизу дырку. Когда дырка открывается, у тебя появляется стимул добросовестно работать.

Ноги Аззи сами собой пришли в движение. Колесо завертелось, и тут же поток сверху прекратился.

— Система работает так, — объяснил Рогнир. — Стоит тебе на секунду перестать крутить колесо, как на тебя начинает сыпаться драконье дерьмо. Это будет продолжаться до тех пор, пока ты снова не примешься за работу.

— А как же насчет перерывов? — спросил Аззи.

— Мы скажем, когда тебе можно будет отдохнуть, — успокоил его Элгар, и все гномы захохотали.

— Но послушайте! У меня очень важное дело! Вы просто обязаны отпустить меня! Давайте договоримся, я все заплачу...

— Конечно, заплатишь, — сказал Рогнир. — Или самоцветами, или работой. Встретимся позже. Не скучай, демон.

И гномы ушли, оставив демона в одиночестве. Аззи крутил колесо. Он был в полном отчаянии.

Глава 12

Аззи был страшно зол на себя: и почему он не догадался рассказать Фрике о своих планах? Он ушел и не оставил слуге никаких поручений. В результате теперь, когда позарез нужно было торопиться, потому что уже давно пришло и прошло время отправлять Прекрасного принца на приключения и подвиги, демона силой затащили в какие-то парижские подземелья и приговорили к каторжным работам — вечно крутить колесо для этих безмозглых гномов.

— Эй, привет, — сказал кто-то. — Ты демон?

— Кто это говорит?

— Взгляни на землю возле своей правой ноги, там меня и увидишь.

Аззи посмотрел вниз и увидел червя длиной дюймов шесть.

— Так ты червяк?

— Да, червяк. А ты демон?

— Правильно. Если ты мне поможешь, я тебя вознагражу так, как тебе и не снилось.

— Это как же? — спросил червяк.

— Если ты поможешь мне выбраться отсюда, я сделаю тебя королем всех червей.

— Беда в том, что у червей нет короля. У нас есть окружные предводители и высший совет.

— Я сделаю тебя председателем высшего совета.

— Чтобы меня выбрали в совет, сначала я должен стать окружным предводителем.

— Ну хорошо, я сделаю тебя окружным предводителем. Как тебя зовут?

— Элтон Сын Червя. Но друзья называют меня Томом.

— Хорошо, пусть будет Том. Так как ты относишься к моему предложению? Ты мне поможешь?

— Можно и помочь. Здесь, под землей, очень скучно. Я бы помог тебе, чтобы немного развлечься. Но можно и не делать этого.

— Так на чем ты остановишься?

— Не знаю. Не торопи меня. Ты же знаешь, мы, черви, тугодумы.

— Извини, не хотел тебя обидеть. Думай, сколько тебе захочется... Ты еще не надумал?

— Нет. Я даже не начинал думать.

Аззи пришлось призвать себе на помощь все свое терпение.

— Хорошо, — сказал он. — Думай столько, сколько тебе заблагорассудится. Когда что-нибудь решишь, позови меня.

Червяк ничего не ответил.

— Ты согласен? — спросил Аззи.

— С чем согласен?

— Что позовешь меня, когда наконец решишь, что делать.

— С этим согласен, — ответил червяк. — Но не надейся, что это будет очень скоро.

— Не беспокойся, я подожду.

Аззи ждал, ни на секунду не переставая крутить колесо. Он слышал, как неподалеку возится червяк: вот он пополз по поверхности, а вот зарылся в землю. Время тянулось мучительно медленно. Аззи не мог сказать даже приблизительно, сколько же прошло времени. Ему казалось, очень много. У Аззи зачесалось на груди, и это его ужасно раздражало. Когда твои руки связаны, зуд становится особенно невыносимым. После нескольких неудачных попыток Аззи удалось, выгнувшись дугой, дотянуться

кончиком хвоста до груди. Аззи с удовольствием поскреб там, где чесалось, — разумеется, осторожно, потому что у демона очень острый кончик хвоста.

Аззи почувствовал заметное облегчение, но был сильно озадачен, поскольку что-то мешало поскрести хвостом как следует. Демон осторожно пошарил кончиком хвоста и нащупал у себя на груди некий предмет. Он старательно обвил его хвостом и приподнял так, чтобы можно было разглядеть. Оказалось, это какой-то стерженек длиной дюйма два, вроде бы металлический.

— Я еще думаю, — сказал червяк.

— Это хорошо, — отозвался Аззи.

Он опустил голову и, орудуя, как и прежде, одним лишь хвостом, снял стерженек вместе с веревкой, осторожно перенес к связанным рукам и ощупал пальцами, предварительно вобрав когти для повышения их чувствительности. Кажется, ключ. Точно, *самый настоящий* ключ! Только теперь Аззи вспомнил. Он постоянно носил на шее запасной ключ от замка, чтобы тот был под рукой даже тогда, когда десять раз на дню приходится менять одежду. Это был обычный ключ с маленьким красным камушком. А внутрь камушка — теперь Аззи вспомнил все! — он вложил небольшое заклинание и потом совсем о нем забыл.

Демон обратился к заклинанию:

— Как тебя зовут и что ты делаешь?

Красный камушек отозвался тоненьким голоском:

— Меня зовут Дириган. Я открываю двери.

— Вот здорово, черт побери! — воскликнул Аззи. — Ты можешь снять с меня веревки?

— Дай мне на них взглянуть, — ответил Дириган.

Аззи провел ключом над связанными руками. Камушек загорелся изнутри и своим светом даже окрасил веревки в красноватые тона.

— Думаю, с этим можно справиться, — сказал Дириган.

Камушек на мгновение ярко вспыхнул, потом погас. Веревки упали, и руки Аззи освободились.

— Теперь выведи меня отсюда.

В этот момент червяк поднял свою лысую голову и произнес:

— Я еще думаю.

— Я не с тобой разговариваю, — сказал Аззи.

— Ах так... Впрочем, все равно. Потому что я еще не надумал.

— Неплохо бы сначала обзавестись тем, чем думают, — проворчал Аззи. Теперь, когда ни руки, ни́ ноги не были связаны, он снова ощущал в себе силу, способность действовать. Он отошел подальше от колеса. Пусть теперь сыплется драконье дерьмо! На него оно уже не попадет!

— Прежде всего, — сказал Аззи, — надо придумать, как отсюда выбраться. Дириган, посвети немного.

Камушек засветился ярче, отбрасывая тени на стены пещеры. Аззи вошел в тоннель и скоро оказался на развилке, от которой в разные стороны вели пять тоннелей. Он обратился к камушку:

— Теперь куда мне идти?

— Откуда я знаю? — отозвался Дириган. — Я всего лишь маломощное заклинание, да и иссяк уже.

Камушек погас.

Аззи слышал об этих разветвляющихся тоннелях, прорубленных гномами. Они таили в себе большую опасность, потому что гномы часто устраивали ловушки: идешь себе по тоннелю и вдруг проваливаешься вниз, а там для тебя уже приготовлена отвратительная штука — глубокая яма, заполненная какой-нибудь мерзостью. Попадешь в такую яму и можешь остаться в ней навеки. Хуже всего то, что Аззи, как и многие другие демоны, по сути дела, был бессмертен. Поэтому он мог валяться в яме столетия, целую вечность, живой, но абсолютно беспомощный, если только кто-то его случайно не вызволит. Всем были известны рассказы демонов, на долю которых по той или иной причине выпало такое несчастье. Говорили также, что несколько демонов до сих пор томятся в подземелье, куда они попали еще в незапамятные времена.

Аззи осторожно сделал несколько шагов. В этот момент червяк зашевелился, потом вымолвил:

— Это не та дорога.

Аззи отпрянул.

— Куда же мне идти?

— Я еще не решил, стоит тебе помогать или нет.

— Решай скорей. Мое предложение не останется в силе навечно.

— Ну ладно, — сказал Том-червяк. — Думаю, я все же помогу тебе. Иди по самому правому тоннелю.

Аззи послушался червяка. Стоило ему сделать несколько шагов, как земля стала уходить у него из-под ног. Аззи падал. Он успел лишь крикнуть:

— Ты же сказал, чтобы я шел по этому тоннелю!

— Я наврал! Ха-ха!

Падал Аззи недолго. Глубина ямы была не более пяти футов. Упав, Аззи обнаружил справа от себя металлическую дверь, на которой фосфоресцирующими буквами было написано: «ВЫХОД».

Проклиная все на свете, Аззи толкнул дверь.

В Аугсбурге Фрике в отчаянии заламывал руки, безостановочно вышагивая по переднему двору поместья и то и дело поглядывая на небо — когда же появится его любимый хозяин. Наконец он заметил крохотное пятнышко, которое быстро увеличивалось в размерах. Скоро стало ясно, что прилетел Аззи.

— Ой, хозяин, наконец-то ты вернулся!

— Быстрее не получилось, — объяснил Аззи. — Меня задержали племя гномов, хорошая порция драконьего дерьма, рабочее колесо и червяк-шизофреник. Надеюсь, ты провел время более приятно и не сводил глаз с Прекрасного принца.

Лицо Фрике выражало искреннее сочувствие.

— Господин, я не сводил с него глаз и сделал все, что мог. Говоришь, драконье дерьмо?

— Драконье дерьмо. Нарушил ли принц мой запрет и пробрался ли в закрытую комнату наверху?

— Точно так он и поступил, хозяин.

— А оказавшись в ней, нашел ли он в верхнем ящике моего комода маленькую шкатулку на замке?

— Хозяин, он сразу туда и направился, — ответил Фрике.

— А нашел ли он в шкатулке миниатюру принцессы Скарлет?

— Нашел, хозяин, нашел.

— Тогда почему же ты не расскажешь мне своим дурацким языком, что случилось дальше?

— Значит, хозяин, дело было так. Принц посмотрел на портрет принцессы, потом отвернулся, затем снова уставился на него. Потом взял портрет в левую руку, задумчиво-задумчиво подергал себя за губу правой рукой и прочистил горло примерно так: «кхе, кхе», ну как делают люди, когда не знают, что сказать, но вроде чувствуют, что какие-то слова сказать надо. Потом медленно поставил портрет на место, отошел шага на два-три. Затем вернулся и снова взял портрет в руку. Потом поставил его, отвернулся и еще раз потянул себя за верхнюю губу, только теперь уже левой рукой.

— Фрике, ты — замечательный рассказчик, — заметил Аззи, — но не мог бы ты чуть поменьше углубляться в детали и поскорее изложить самое главное, или, как иногда говорят, суть дела?

— Конечно, хозяин, конечно. Так вот, смотрел он на портрет этой юной принцессы или, точнее, бросал на нее взгляды, а потом повернулся ко мне и говорит: «Фрике, это потрясающая девушка!»

— Прямо так и сказал, да?

— Точно такими словами, хозяин. Я-то толком не знал, что ему ответить, поэтому только прорычал, как дикий зверь, рассудив, что молодой человек может понимать этот звук как ему заблагорассудится. Я правильно сделал, хозяин?

— Фрике, ты поступил очень разумно. И что же случилось дальше?

— Ну, дальше он прошелся раза два туда-сюда по комнате, потом повернулся ко мне и говорит: «А почему дядюшка Аззи скрывает портрет от меня?»

— Ага!

— Прошу прощения, хозяин, ты что-то сказал?

— Не обращай внимания, это было всего лишь эмоциональное восклицание. Что же ты ему ответил?

— Я ему ответил так: «Наверное, мой юный принц, по причинам, известным только ему». И потом для пущей важности еще раз прорычал, как дикий зверь.

— Что ж, Фрике, ты все сделал правильно. И что же случилось потом?

— Потом он еще долго глазел на портрет, возился со своей губой и делал всякие другие движения, о которых краткости ради я здесь распространяться не буду, а потом сказал: «Фрике, эта девушка должна быть моей».

— Я был уверен, что мой план сработает! — воскликнул Аззи. — Что же еще он сказал?

— В первый день больше ничего не сказал и на этом все кончилось, — продолжал Фрике. — А на второй день он стал проявлять нетерпение и все интересовался, куда же ты поехал. Он ведь послушный ребенок и хотел сначала спросить у тебя разрешения, а уж потом ехать искать принцессу.

— Хороший мальчик, — похвалил Аззи. — Где он сейчас?

— Уехал, — ответил Фрике. — Прошло несколько дней, и он решил, что больше ждать не может.

— Куда же он направился?

— Как куда? К принцессе Скарлет, конечно. Ты же этого хотел. Пойми, хозяин, он ждал пять дней, и терпения у него больше не осталось. Уж такой он проникся страстью к тому, кто изображен на портрете, что и сказать невозможно. Хозяин, а у тебя были другие планы?

— Разумеется. Прежде всего его нужно было тщательно проинструктировать и снабдить специальным снаряжением, необходимым для совершения подвигов. Что он взял с собой?

— Он открыл шкаф, где у нас лежит тяжелое снаряжение, выбрал меч и доспехи — те, что висели на стене. Потом взял сколько-то денег из того кошелька, который ты оставил в комоде, и

сказал, что уезжает. Еще он просил передать тебе, что скоро вернется с принцессой и надеется, что ты не будешь на него сердиться.

— Проклятие! — воскликнул Аззи. Он с силой топнул ногой и ушел в землю по пояс. Выбраться ему удалось не сразу и с большим трудом.

Услышав голос Аззи, из дома вышел Гавриил. Он послушал беседу хозяина со слугой и решил вмешаться:

— Не пойму, в чем дело? Принц сделал именно то, что ты и хотел от него, не так ли?

— В общем-то так, — ответил Аззи, — но ему нельзя было отправляться на поиски принцессы, не посоветовавшись со мной. Я уже давно усеял его путь преградами и опасностями, ведь только так можно надеяться привлечь внимание Высших сил. Ему предстоит столкнуться с коварными волшебными препятствиями, которые обычный человек в лучшем случае обойдет стороной. И он не взял с собой ни одного магического средства обороны из тех, что я подготовил специально для его подвига.

— Что же теперь делать? — спросил Гавриил.

— Нужно срочно собрать все, что ему может понадобиться, — ответил Аззи. — Собрать немедленно, тотчас же! Фрике, он не сказал, где собирается искать принцессу?

— Ни слова не сказал, хозяин.

— Ладно, а куда он направился?

— Вон туда, — показал Фрике.

Аззи посмотрел в указанном слугой направлении.

— На север, — пробормотал он. — Он поехал на север. Плохое предзнаменование. Фрике, пока не поздно, мы должны найти его.

Перед вечерней

Глава 1

Позади остались знакомые поля и холмы. Прекрасный принц въехал в большой зеленый лес; он был совсем один, а вокруг него и перед ним расстилалась настоящая терра инкогнита. Дорога вела прямо на север. По пути принц размышлял о мечах. Он знал, конечно, что довольно удачливый меч не так хорош, как настоящий волшебный, но все же куда лучше обычного. Принц вытащил свой довольно удачливый меч и внимательно осмотрел его. Это было прекрасное оружие с изящно закручен-

ным эфесом и с кисточками на рукоятке. Пожалуй, более красивых мечей принц в жизни не видел. Меч был намного меньше модных в то время гигантских палашей, прямой как стрела (не то что эти турецкие ятаганы; таких завитушек нам, спасибо, не надо!), двухсторонний (и каждая сторона заточена как бритва) и с тончайшим острием.

Уже этого вполне хватало, чтобы считать меч принца в высшей степени неординарным оружием, ведь большинство обычных мечей в лучшем случае было кое-как заточено с одной стороны, а завершало их не острое, а некое малопонятное закругление.

Итак, довольно удачливый меч представлял собой прекрасное оружие, но и он не был лишен кое-каких недостатков. Типов волшебных мечей существует множество, но Аззи, выбирая магическое оружие для своего протеже, в спешке не удосужился прочесть надпись на ящике, из которого взял этот меч. Впрочем, возможно, он думал, что все волшебные мечи более или менее одинаковы, и не учел, что «волшебный» — общее понятие, а особенные свойства каждого меча зависят от наложенного на него заклинания.

Волшебные мечи могут иметь самые разнообразные свойства. Например, есть (точнее, были когда-то) неломающиеся мечи или мечи, ни при каких обстоятельствах не теряющие хладнокровия. Чрезвычайно редко попадаются мечи, неизменно убивающие соперника, хотя именно такое свойство каждый кузнец всегда старается вложить в выковываемое им оружие. Изредка встречаются всепобеждающие мечи, но это могучее оружие обычно живет не дольше своего хозяина, которого — раз уж его нельзя победить в честном поединке — отправляет в лучший мир, чаще всего с помощью яда, близкий друг, или жена, или жена близкого друга. Даже самый совершенный меч не продляет жизнь своему хозяину.

Прекрасный принц ехал через густой лес. Разумеется, это был не простой лес, а заколдованный. Здесь стояли темные и мрачные магические деревья, а в их листве то и дело бесшумно пролетали какие-то черные тени. В общем, все это напоминало древние леса Старого Света, скрывавшие несметные полчища разных чудовищ.

Наконец принц выехал на небольшую солнечную лужайку, со всех сторон окруженную темнотой и опасностью. На противоположном конце лужайки принц заметил палатку из зеленой и оранжевой ткани. Рядом с палаткой стоял привязанный к дереву вороной конь, высокий и статный, настоящий спутник отважно-

го рыцаря. Принц пересек лужайку и подъехал к палатке. У входа в нее валялась куча доспехов — тяжелых рыцарских доспехов, очень искусно выкованных из черной стали и украшенных кое-где жемчугом. Хозяин этого добра, без сомнения, был богатым и могущественным человеком. Недалеко от палатки в землю было воткнуто знамя, а на нем висел горн. Принц взял его и громко протрубил. Не успело стихнуть эхо, как внутри палатки кто-то зашевелился, и вскоре оттуда вылез огромный черноволосый мужчина, хмурый вид которого не предвещал ничего хорошего, за собой он волочил прекрасную деву. Похоже, она была в глубоком обмороке.

— Кто осмелился трубить в мой горн? — недовольно проворчал рыцарь. Он был в коротких штанах в обтяжку, разукрашенных яркими разноцветными полосами. Увидев принца, рыцарь нахмурился еще больше.

— Я, сэр. Меня зовут Прекрасный принц, и я иду к заколдованному замку, чтобы спасти принцессу Скарлет от сонного заклинания.

— Ха! — воскликнул рыцарь.

— Почему вы сказали «ха»? — не понял принц.

— Потому что у меня возникла потребность выразить свое презрение, когда я услышал о столь малозначащей и легкодостижимой цели — путь к ней нельзя даже назвать подвигом.

— Надо полагать, ваша цель более важна?

— Вне всякого сомнения! — уверенно ответил рыцарь. — Да будет вам известно, молодой человек, что меня зовут Парсифаль и я направляюсь на поиски Святого Грааля.

— Неужели Святого Грааля? — переспросил принц. — А что, он тоже где-то в этих местах?

— Конечно. Это заколдованный лес. В нем существует все. Стало быть, и Святой Грааль тоже должен быть здесь.

— А женщина тут при чем? — спросил принц.

— Какая женщина?

— Та, которую вы держите за волосы.

Парсифаль посмотрел вниз:

— Ах эта. Она ни при чем. Она просто так.

— Но что вы с ней делаете?

— Я должен произнести это вслух?

— Нет, конечно! Я только хотел сказать...

— Знаю, что вы хотели сказать, — перебил принца Парсифаль. — Она мне нужна, чтобы не было так скучно ждать появления Святого Грааля.

— Понятно, — сказал принц. — Между прочим, вам этот конь очень нужен?

— Мой конь? — не понял Парсифаль.

— Я решил спросить на всякий случай. Потому что, если он вам не нужен, я бы с удовольствием взял его. Он выше и сильней моего.

— Давно я не слышал столь странных речей. Подумать только, у этого сосунка молоко на губах не обсохло, а он заявляется без приглашения в мой лагерь и интересуется, не нужен ли мне мой собственный конь. Конечно, не нужен. Если у вас есть такое желание, берите его.

— Благодарю, — сказал принц и слез с седла. — Вы чрезвычайно любезны.

— Но прежде вам придется сразиться со мной. Кто победит в этом поединке, тот и будет владеть конем.

— Я сразу заподозрил, что с вашей стороны последует какое-то условие.

— Именно так. Я вижу, у вас довольно удачливый меч.

— Да, — сказал принц, вытащил меч и продемонстрировал его рыцарю. — Хорош, не правда ли?

— Хорош, — согласился Парсифаль, — но все же не так хорош, как мой настоящий волшебный меч. — *Он вытащил свое* оружие и показал его принцу.

— Не думаю, — сказал принц, — что такой меч, как мой, способен противостоять такому, как ваш.

— Признаться, я тоже не думаю, — согласился Парсифаль. — Довольно удачливые мечи неплохи, но в поединке с настоящим волшебным мечом от них не приходится ждать многого.

— Согласен. Послушайте, нам действительно необходимо драться?

— Боюсь, необходимо, — сказал Парсифаль и сделал первый выпад.

Прекрасный принц отпрыгнул в сторону и поднял свой довольно удачливый меч. Мечи жутко лязгнули, но тут же раздался еще более жуткий звук, потому что меч Прекрасного принца сломался.

— Я выиграл! — воскликнул Парсифаль, занося свой волшебный меч, чтобы нанести последний, смертельный удар. — Ах!

Прекрасный принц решил, что все кончено, и хотел было последние секунды своей жизни посвятить воспоминаниям, которых у него накопилось не очень много. Но оказалось, что дни принца на земле еще не сочтены. Поскольку его меч был довольно удачливым, причем не худшим экземпляром из мечей такого

рода, случилось так, что, сломавшись, он выбросил острейший осколок, который взвился вверх и пронзил горло Парсифалю как раз в том месте, где латный воротник оставлял незащищенной крохотную полоску шеи. Такова была истинная причина предсмертного восклицания «Ах!» Парсифаля, после чего он со страшным грохотом упал на землю.

— Сожалею, но вы сами просили об этом, — сказал Прекрасный принц.

Он повернулся и собрался уйти, рассудив, что рано или поздно в этих краях появится кто-нибудь, кто достойно похоронит рыцаря, но вдруг услышал незнакомый голос.

— Возьми с собой хороший меч, — порекомендовал голос.

— Кто это говорит? — удивился принц.

— Я, — объяснил меч Парсифаля. — И коня тоже возьми.

— Как тебя зовут? — спросил принц.

— Меня называют Экскалибуром, — ответил меч.

— А чем ты известен?

— Прочти рунические письмена на мне.

Прекрасный принц взял меч и осмотрел его сверкающее лезвие. Сомневаться не приходилось, на нем действительно были выгравированы рунические письмена, но прочесть их принц не мог. Он с уважением посмотрел на меч и спросил:

— Почему ты решил заговорить со мной?

— Вообще-то мне не следовало делать это, — признался меч. — Но если бы я не обратился к тебе, ты бы ушел, а я остался бы лежать на земле без дела. А я люблю свое дело! Возьми меня, не пожалеешь, я очень тебе пригожусь. Если кто-нибудь обидит тебя, он будет иметь дело со мной.

Только принц собрался вскочить в седло, как снова услышал крик.

— Постойте, сэр! — Это кричала дева, которая наконец встала во весь рост. — Умоляю, спасите меня! Вспомните клятву рыцаря, помогите мне!

Прекрасный принц не мог припомнить никакой подходящей рыцарской клятвы, но тем не менее любезно спросил:

— Какая помощь вам нужна?

— Я — валькирия, — объяснила дева, — а этот грубиян взял меня на поле брани хитростью, притворившись мертвым. Теперь я могу вернуться домой, в Вальхаллу, только если мне удастся вызвать радугу-мост и взять с собой что-то в качестве трофея. Не могли бы вы помочь найти мой горн, который он присвоил?

— Мне кажется, это совсем несложно, — ответил принц, — особенно если речь идет о горне, в который я трубил, чтобы из-

вестить о своем прибытии. Посмотрите, не он ли висит на древке знамени рядом с палаткой?

— Конечно, это он. — Валькирия подошла к горну, поднесла его к губам и извлекла совершенно невероятный звук.

Тотчас же с неба упал конец радуги, едва не задев Прекрасного принца.

— Благодарю вас, благородный сэр, — сказала валькирия, собирая доспехи Парсифаля.

— Не хотите ли забрать с собой и мертвого рыцаря? — поинтересовался принц. — Я слышал, вы их коллекционируете.

— Мне не нужен рыцарь, который обманывает даже в мифах, — ответила валькирия. — А хорошие доспехи попадаются не каждый день.

Она постучала острым ногтем по нагрудному щиту рыцаря, перенесла все доспехи к радуге, послала принцу воздушный поцелуй и, крикнув: «До встречи!» — исчезла во вспышке света. Прекрасный принц сел на вороного коня, повесил на плечо меч Экскалибур, взял под уздцы своего коня и поехал по лесу дальше. Отъехав от поляны совсем немного, он услышал негромкое бормотание чуть ниже правого уха и сообразил, что Экскалибур разговаривает сам с собой.

— В чем дело? — спросил принц.

— Так, ерунда. Пятнышко ржавчины.

— Ржавчина! — Принц поднял меч и тщательно осмотрел его. — Не вижу никакой ржавчины.

— Я чувствую, что она приближается, — сказал меч. — Меня нужно смазать.

— У меня нет масла.

— Сойдут кровь или ихор.

— Но у меня нет ни того ни другого.

— Тогда, парнишка, забудь о моей просьбе, дай мне вздремнуть и хоть во сне вспомнить прежнюю веселую жизнь.

Речи Экскалибура показались принцу очень странными, но он решил, что пока не время думать об этом, и продолжал свой путь. Скоро меч, казалось, действительно заснул, потому что вместо бормотания теперь принц слышал лишь негромкое монотонное похрапывание. Раньше Прекрасному принцу и в голову не могло прийти, что говорящие мечи способны еще и храпеть. Он заставил себя не обращать внимания на странное поведение Экскалибура, что ему, однако, удавалось лишь до тех пор, пока они не повстречали человека в монашеской рясе.

Монах пожелал принцу счастливого пути, и они разъехались каждый своей дорогой, но Экскалибур возмутился:

— Разве ты не заметил, как этот монах бросил на тебя исподтишка злобный взгляд?

— Ничего подобного я не заметил.

— Он хотел тебя убить, — гнул меч свое. — Какая беспечность! И какое коварство!

— Мне кажется, что ничего подобного не было, — возразил принц.

— Ты хочешь сказать, что я лгу? — возмутился меч.

— Что ты, ни в коем случае! — осторожно ответил принц, потому что с говорящим мечом, да еще испещренным рунических письменами, лучше всего вести себя осмотрительнее.

— Надеюсь, скоро мы снова встретимся с этим монахом, — сказал Экскалибур, после чего он раскатисто и зловеще расхохотался.

В тот же день, только чуть позднее, принц и меч повстречали торговцев. Они вели себя очень вежливо, но стоило им скрыться из виду, как меч стал говорить, что это были вовсе не торговцы, а самые настоящие грабители и будто бы они замышляли прикончить его, то есть принца, и украсть его, то есть Экскалибура. Принц сказал, что он так не думает, но меч и слушать его не хотел. В конце концов Экскалибур вытащил сам себя из-за пояса принца и, сказав: «Я скоро вернусь», умчался в лес. Возвратился он примерно через час, дрожа от возбуждения, весь в крови.

Потом меч грязно выругался, запел пьяным голосом, а когда ему петь надоело, стал обвинять принца, что тот замышляет против него недоброе, например, хочет отдать на переплавку в первой попавшейся кузнице. Явно у меча были свои проблемы. Вечером Прекрасный принц и меч прилегли отдохнуть. Когда меч заснул, принц вскочил и со всех ног побежал прочь от Экскалибура.

Глава 2

Освободившись от зловещего соседства Экскалибура, принц продолжал поиски замка принцессы Скарлет. Он осторожно шел через лес. По обеим сторонам дороги стояли огромные деревья, но между ними не было ни малейшего просвета, потому что все свободное пространство заросло незнакомыми ползучими растениями и лианами. Плотная зеленая стена, влажный воздух и доносившиеся со всех сторон непонятные звуки создавали впечатление чего-то неземного, например подводного царства. Прекрасный принц шел пешком. К несчастью, когда он поспешно

бежал от Экскалибура, и большой вороной конь Парсифаля и его собственный умчались в неизвестном направлении.

Тем временем в Аугсбурге демон Аззи молнией метался по всем углам своего поместья, стараясь не забыть ничего, что могло бы понадобиться или пригодиться принцу — если, конечно, несчастного вообще удастся найти.

— Фрике, быстро, положи бутылку с волшебным зельем от ран.

— От каких ран — от тех, что наносит режущее оружие, или от тех, которые получаются, когда тебя бьют по голове чем-нибудь тупым и тяжелым?

— Возьми и от тех, и от других. Мы же не можем знать, в какие неприятности влип принц.

— Хозяин, леди Илит возвратилась, — сообщил Фрике.

— В самом деле? А я надеялся, что она наблюдает за Скарлет... Надо взять побольше перевязочного материала.

— Она и смотрит за ней, хозяин. Только она решила, что в ваше отсутствие ей следует регулярно — каждый день — докладывать наблюдателю о том, как у нас идут дела.

— Наблюдателю? Ах, этому Гавриилу? Конечно. Хорошая девочка. Где она сейчас?

— Думаю, в гостиной, где ж ей еще быть. Наверное, как всегда, совещается с наблюдателем за чашкой чая... Вот еше бинты.

— Вероятно, прежде чем мы уйдем, мне следует заглянуть к ним на секунду и быстро попрощаться. Благодарю. Фрике.

Илит и Гавриил украдкой обменивались взглядами. Их разделял столик, заставленный графинами с вином и блюдом со сдобными лепешками, над которыми поднимался пар. Судя по тому, как изящно выгибала Илит спину при первой возможности, ей и Гавриилу нравилось быть вместе. Что касается Гавриила, то в нем, похоже, постепенно вырабатывался какой-то ангельский вариант желания.

Ухмыляясь или, быть может, гримасничая, Аззи вихрем влетел в гостиную, заставив Илит вскрикнуть и вскочить на ноги.

— Аззи, дорогой мой, я думала, ты еще не прилетел, — объявила она, бросаясь навстречу демону и обнимая его. — А я как раз решила воспользоваться случаем.

— Воспользоваться для чего? — спросил Аззи.

— Ну разве не понятно, Аззи. Чтобы посмотреть, как у тебя идут дела, — объяснила Илит. — Так что с нашим проектом?

— Наступил критический момент, — высвобождаясь от объятий ведьмы, сказал Аззи, — и на сцене необходимо мое присутствие. Думаю, тебе лучше вернуться в замок Скарлет и наблю-

дать за развитием событий оттуда. Привет, Баб. Как успехи у сил добра?

— Э-э, что ж, дела идут. Только что мы додумались до чрезвычайно интересной и вдохновляющей детали. Мы используем ее при окончательной отделке нашего собора, это окна из цветного стекла. Я очень хотел бы, чтобы вы как-нибудь при случае взглянули на них.

— Извини, сейчас я тороплюсь. Цветное стекло?

— Да. Это прекрасное и нравственно поучительное зрелище.

— Уф! Звучит кошмарно. Жаль, что у меня нет времени поболтать с тобой. Выпей еще. Тебе это на пользу. Фрике! Мы все собрали?

— Вот, хозяин, последняя необходимая штуковина! — воскликнул Фрике, вваливаясь в гостиную. В руке он держал пару высоких сапог для верховой езды, пошитых из мягкой красной кожи. В сапогах не было ничего необычного, если не считать вставленных в каблуки маленьких циферблатов.

— Мои семимильные сапоги-скороходы! — обрадовался Аззи. — Фрике, ты гений!

Аззи влез в сапоги, прикинул, не слишком ли тяжел мешок с заклинаниями, запасными мечами и прочей мелочью, и дважды стукнул каблуком о каблук — только так можно активизировать семимильные сапоги.

— Я полетел! — крикнул он.

Одним шагом Аззи пролетел через парадный вход и поднялся в небо. Гавриил и Илит поспешили к окну, потому что прежде им ни разу не приходилось видеть семимильные сапоги в действии. Сапоги Аззи нельзя было назвать новыми, но работали они безотказно. Сначала демон едва не задевал за крыши аугсбургских домов, но потом быстро набрал высоту. Постепенно он поднимался все выше и выше.

С той высоты, на которую семимильные сапоги занесли Аззи, был виден только бескрайний зеленый лес, в любом направлении тянувшийся до самого горизонта. Изредка однообразие безбрежного зеленого моря нарушали островки расчищенных от деревьев площадок; обычно на них стояли дома. Так продолжалось довольно долго. Аззи потерял ориентиры и решил при первой возможности спросить, куда его занесло. Он хотел заставить сапоги спуститься на землю, но не тут-то было. Сапоги категорически отказались отклоняться от выбранного ими курса. С семимильными сапогами всегда так: они понимают свою задачу слишком буквально и за один шаг переносят тебя ровно на семь

миль — ни дюймом меньше, ни дюймом больше. Аззи нагнулся и постучал по сапогам.

— Мне нужно спуститься здесь! — крикнул он, но сапоги не обратили на его приказ ни малейшего внимания. Во всяком случае, они никак не реагировали, а лишь несли и несли его строго по прямой, над лесом, над реками и в конце концов приземлились на окраине какого-то поселка.

В поселке Вуден, что в восточной Валахии, крестьяне с удивлением наблюдали, как точно в центре ярмарки, собиравшейся здесь раз в неделю, произвел посадку демон.

— Заколдованный лес! — крикнул Аззи. — Где же он?

— Какой заколдованный лес? — крикнули в ответ жители поселка.

— Тот, в котором волшебный замок со Спящей красавицей.

— Вон там, примерно в двух милях отсюда! — Крестьяне показывали как раз в ту сторону, откуда Аззи только что прилетел.

Аззи снова взмыл в небо, и снова семимильные сапоги отмерили шаг длиной ровно в семь миль.

Началось изнурительное состязание между демоном и семимильными сапогами. Аззи долго высчитывал, в каком направлении ему нужно шагнуть в следующий раз, чтобы через целое число семимильных шагов достичь наконец своей цели. Пришлось потратить немало времени, рассчитывая все необходимые зиги и заги. В конце концов перед Аззи предстала волшебная стеклянная гора; узнать ее было нетрудно, потому что вершина горы постоянно скрывалась в таинственном тумане. Но где же искать Прекрасного принца?

Глава 3

Весь день Прекрасный принц шел по лесу. Идти было нетрудно, особых препятствий на пути не встречалось, разве что многочисленные сверкающие ручьи. Время от времени принцу попадалось плодовое дерево, которое давало ему пищу. Сквозь крону деревьев проникали косые солнечные лучи, окрашивая в золотистые тона листву и ветви. К концу дня принц вышел на поляну и решил отдохнуть. Когда он проснулся, в лесу уже начало смеркаться. Невдалеке он услышал шаги. Слегка приподнявшись, принц стал на четвереньки и пополз в кусты, на ходу нащупывая рукой рукоятку меча. Только тут он вспомнил, что бросил Экскалибура. Тогда принц вытащил нож и осторожно выглянул

из-за ежевичного куста. На поляне появился маленький лохматый пони.

— Здравствуй, молодой человек, — сказал пони, остановившись и глядя прямо на куст, за которым спрятался принц.

Принца не удивило, что пони говорит на человеческом языке. В конце концов, это же заколдованный лес.

— Здравствуй, — ответил он.

— Куда ты держишь путь? — спросил пони.

— Я ищу заколдованный замок. Он должен быть где-то рядом, — объяснил принц. — Мне нужно спасти прекрасную деву по имени принцесса Скарлет, которая лежит там в заколдованном сне.

— Ох, и ты про эту Дремлющую принцессу, — устало сказал пони. — Ты не первый, кто ищет ее в этих местах.

— А где же другие?

— Все они погибли, — ответил пони, — за исключением тех немногих, кто еще продолжает поиски и кому суждено тоже погибнуть, и очень скоро.

— Ах так. Что ж, я им очень сочувствую, но, думаю, так оно и должно было случиться, — сказал принц. — Было бы хуже, если бы принцессу разбудил не тот парень.

— А ты — тот парень? — поинтересовался пони.

— Тот самый.

— Как тебя зовут?

— Прекрасный.

— Прекрасный принц?

— Да.

— Тогда ты действительно тот самый. Меня послали на твои поиски.

— Кто послал?

— А, это длинная история, — уклончиво ответил пони. — В свое время тебе все расскажут. Конечно, если ты до этого доживешь.

— Конечно, доживу, — сказал принц. — Самое главное, что я — тот самый принц.

— Ладно, садись на меня. Мы все обсудим в пути.

Глава 4

Долго Прекрасный принц ехал верхом на пони. В конце концов лес кончился и принц оказался на поле, на котором было разбито множество палаток. Между палатками разгуливали ры-

цари в праздничных доспехах. Они рвали зубами жаренные на вертеле огромные куски мяса и заигрывали с девицами в остроконечных шляпках и прозрачных вуалях, которые ходили туда-сюда, предлагая рыцарям вино, мед и другие напитки. Здесь был даже небольшой оркестр, наигрывавший веселые мелодии.

— Кажется, здесь собралась приятная компания, — сказал принц.

— Не верь глазам своим, — возразил пони.

— Почему я не должен верить своим глазам?

— Послушайся меня, пока не поздно.

Той частью своего мозга, которая чудом сохранила древнюю мудрость, принц понимал, что маленькие лохматые пони, нежданно-негаданно появляющиеся в лесу, не станут давать таких советов, на которые нельзя было бы положиться. Но он также понимал и другую истину: люди не обязаны следовать этим советам, потому что, если бы человек всегда прислушивался к голосу разума, с ним никогда не произошло бы ничего интересного.

— Но я голоден, — возразил принц. — К тому же не исключено, что эти рыцари знают дорогу к волшебному замку.

— Потом не говори, что я тебя не предупреждал, — только и сказал пони.

Прекрасный принц пришпорил пони, и тот легкими шажками затрусил вперед.

— Эй, там! — крикнул принц, приближаясь к толпе рыцарей.

— Иди сюда! — отозвались те.

Прекрасный принц подъехал ближе.

— Ты рыцарь? — спросил тот, кто стоял впереди других.

— Именно так.

— Тогда где же твой меч?

— Это длинная история, — ответил принц.

— Расскажи нам ее, мы послушаем.

— Мне попался меч по имени Экскалибур, — сказал принц. — Я думал, это порядочный меч, но только мы остались вдвоем, он принялся ругать меня такими словами, какие вы и представить себе не можете. А потом он повел себя совсем уж странно. В конце концов мне пришлось от него уйти, иначе он убил бы меня.

— Это весь твой рассказ, да? — уточнил один из рыцарей.

— Это не мой рассказ, это то, что *случилось* со мной на самом деле.

Рыцарь махнул рукой. Из белой палатки вышли два других рыцаря. Они несли голубую атласную подушку, а на ней лежал

меч. Он был зазубрен, покрыт ржавчиной, а кисточки на его рукоятке истрепались, но узнать его было нетрудно — конечно, это Экскалибур.

— Это твой меч? — спросил рыцарь.

— Да, хотя при нашем расставании он выглядел совсем иначе, — признался принц.

Тонким, дребезжащим голосом Экскалибур вымолвил:

— Благодарю, друзья. Кажется, я могу стоять без посторонней помощи.

Меч осторожно сполз с подушки и чуть было не упал плашмя. Все же ему удалось сохранить равновесие и встать вертикально. Яркий самоцвет на его эфесе пристально, не мигая, смотрел на принца.

— Это он. Точно, он, — сказал Экскалибур. — Это тот негодяй, который бросил меня на поле брани.

Рыцари повернулись к Прекрасному принцу:

— Меч говорит, что ты его бросил на поле брани. Это правда?

— Все было совсем не так, — ответил принц. — Меч, должно быть, бредит.

Экскалибур покачнулся, но все же удержался в вертикальном положении.

— Друзья мои, — сказал он, — разве я похож на сумасшедшего? Говорю вам, он ни с того ни с сего вдруг выбросил меня и оставил ржаветь на склоне холма.

Прекрасный принц повертел пальцем у виска, давая понять, что Экскалибур не в своем уме.

Рыцари заколебались. Один из них тихо, но так, что было слышно всем, сказал другому:

— Он немного странный, конечно, но уж никак не сумасшедший.

К принцу подошел еще один рыцарь — высокий, седобородый мужчина с орлиным взглядом и тонкими губами, — по всем признакам, лицо официальное. Он извлек пергаментный опросный лист и авторучку.

— Имя?

— Прекрасный.

— Фамилия?

— Принц.

— Род занятий?

— Соответствует фамилии.

— Занятие в настоящее время?

— Миссия.
— Какого типа миссия?
— Мифического.
— Цель миссии?
— Пробуждение Дремлющей принцессы.
— Каким способом?
— Поцелуем.

После заполнения анкеты рыцари отошли в сторону и принялись совещаться, что им делать дальше, не забыв предварительно связать Прекрасного принца по рукам и ногам прочной шелковой веревкой и бросить его под оградой. Прекрасному принцу показалось, что эти рыцари ведут себя как-то странно. Где это видано, чтобы рыцари анкетировали гостей? Да и выглядели они необычно: смертельная бледность их костлявых лиц, которую они старались скрыть за глубокими шлемами из кованой стали и дерева, не внушала доверия. Принцу удалось подслушать разговор, который происходил между удалявшимися рыцарями.

— Что будем с ним делать?
— Съедим, — ответил кто-то.
— Это само собой. Я спрашиваю, как приготовим?
— Из него получится отличное фрикасе.
— Только на прошлой неделе мы ели фрикасе из рыцаря.
— Тогда сначала разделаемся с пони.
— Как?
— А что ты скажешь, если мы его поджарим с пряностями? Кто-нибудь видел их поблизости?

Прекрасный принц тут же сообразил, что эти рыцари разговаривают не так, как следовало бы настоящим рыцарям. Значит, они и не рыцари вовсе, а скорее всего самые натуральные демоны в рыцарском обличье. В конце концов все согласились на фрикасе из рыцаря. К сожалению, возникли некоторые затруднения с разжиганием костра. В этом лесу недавно прошел дождь, и найти достаточно сухие щепки было непросто.

Потом один из демонов-рыцарей поймал детеныша саламандры. Обложив порывавшуюся удрать саламандру влажными щепками и сильно потерев ее по носу, демоны-рыцари быстро разожгли костер. Два других демона-рыцаря взялись за приготовление соуса, еще двое делали маринад, а остальные распевали песни. Прекрасный принц понял, что ему грозит смертельная опасность.

Аззи был снова в пути. Он отказался от семимильных сапог в пользу более привычного для демонов летательного аппарата и тщательно прочесывал леса с воздуха. В конце концов вдалеке он заметил отблески костра. Аззи подлетел поближе, высоко над костром сделал несколько кругов, отрегулировал свое зрение и тут увидел Прекрасного принца, связанного, как куриная тушка, по рукам и ногам. Принц покорно ждал, когда из него приготовят фрикасе с пряностями. Пони уже поджаривался и вопил:

— Вы не имеете права так со мной поступать! Я даже еще не закончил инструктаж принца!

Демоны-рыцари продолжали распевать свои песни.

Аззи срочно совершил посадку в кустах неподалеку от поляны. Пока он раздумывал, как ему обмануть демонов-рыцарей и освободить принца, рядом с ним откуда ни возьмись появился Гавриил в ослепительно белых доспехах. Его потрясающие белые крылья еще слегка подрагивали.

— Прилетел похвастаться своим собором? — вместо приветствия спросил Аззи.

Гавриил смотрел на демона без улыбки.

— Надеюсь, старина, вы не собираетесь сами вмешиваться в ход событий? — В его голосе чувствовался холодок.

— Конечно, собираюсь, — ответил Аззи. — Или ты думаешь, я буду спокойно смотреть, как ренегаты демонского племени съедят моего героя?

— Я не хотел бы лезть не в свое дело, но мой долг наблюдать за вами. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что вашему принцу грозят крупные неприятности. Но правила игры известны вам не хуже, чем мне. Вы не имеете права помогать вашему герою. Во всяком случае, не должны оказывать непосредственную помощь и влиять на ход событий своими действиями.

— Мне надо бы только передать ему кое-что, — сказал Аззи. — Всего-то две вещи: кинжал и плащ-невидимку.

— Разрешите взглянуть на них... Гм. С кинжалом, кажется, все в порядке. Относительно плаща мне трудно сказать что-то определенное.

— Так он же невидимый, — пояснил Аззи. — Но ты можешь проверить его на ощупь, разве не так?

Гавриил ощупал плащ.

— Вроде бы плащ тоже соответствует правилам, — наконец согласился он.

— Даже если и не соответствует, кто об этом узнает? — спросил Аззи.

— Я узнаю, — ответил Гавриил. — И сообщу куда следует.

Связанный по рукам и ногам принц понимал, что сделал большую глупость. И почему он не прислушался к тому, что пытался ему втолковать лохматый пони? Теперь уж тот ничего не посоветует, не подскажет, каким путем идти на подвиг. Ну как же он не поверил пони? Если не верить прорицаниям маленького лохматого пони, то чему тогда вообще верить? Впрочем, от костра доносился отменный запах...

Вдруг принц услышал какой-то странный звук. Оказалось, кто-то громким шепотом говорит:

— Эй, принц!

— Кто это? — спросил принц.

— Твой дядя Аззи.

— Ох, дядюшка, я так рад, что ты пришел! Ты можешь спасти меня от этой банды?

— Нет, прямо так спасти не могу. Но у меня есть кое-что для тебя.

— Что?

— Во-первых, волшебный кинжал. Он перережет веревки.

— А во-вторых?

— Во-вторых, плащ-невидимка. В нем ты сможешь выбраться из этого неприятного места.

— Я так тебе благодарен, дядюшка! Если бы с тобой случилась беда, я бы тоже помог тебе!

— В этом я сомневаюсь, — сказал Аззи и, тщательно прицелившись, бросил кинжал. Он воткнулся острием в ограду, под которой беспомощно валялся принц.

— Попал! — сказал принц.

— Хорошо. Теперь держи плащ-невидимку. Только прежде чем надевать, сначала прочти инструкцию. И самое главное: не сдирай ее, это категорически запрещено! Счастливо! Увидимся позже!

Прекрасный принц услышал тихий шорох, как будто неподалеку упало что-то легкое, воздушное. «Должно быть, это плащ-невидимка», — подумал принц. Волшебный кинжал освободил его от пут, и он уже собирался отыскать плащ, но не тут-то было. «Ну конечно, — подумал принц, — трудно найти невидимый плащ, особенно темной ночью».

Демоны-рыцари возвращались с песней. Она начиналась так:

Красавицы — дрянь, а хлеб — мертвец.
Набей ему голову гороховым пудингом,
А брюхо — отборной хурмой,
Пока он не будет как Джек Фицсиммонс.

Смысла этой песни не понимал никто. Она была очень старой: ее сложили еще в те далекие времена, когда все непонятное казалось человеку прекрасным. Ворча, потягиваясь, зевая и спотыкаясь, демоны-рыцари расползлись по лагерю. Они быстро успокоились и только непрестанно почесывались да время от времени громко рыгали.

Прекрасный принц снова взялся за поиски плаща-невидимки. Его нигде не было. Наконец он заметил ярлычок — крохотный кусочек ткани, на котором фосфоресцирующими буквами было что-то написано. Принц вгляделся и прочел: «ПОД СТРАХОМ ВОЗМЕЗДИЯ ВЫСШИХ СИЛ НЕ СРЫВАЙ ЭТОТ ЯРЛЫК, ОЗНАКОМЬСЯ С ИНСТРУКЦИЕЙ НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ».

Буквы на обратной стороне ярлыка не светились, и скоро принц оставил безуспешные попытки разобрать что-либо в темноте.

Принц закутался в плащ — тщательно, насколько это вообще было возможно сделать на ощупь. Он осторожно пошел между растянувшимися на траве демонами-рыцарями. На свою беду, он наткнулся на небольшой бугорок, пошатнулся и задел одного из демонов-рыцарей.

— Вот те на! — Нетвердая рука крепко схватила принца. — Ребята, догадайтесь, кого я поймал?

— Ангус, зачем ты хватаешь воздух рукой? — захохотали другие демоны-рыцари.

— Друзья, это не воздух! Я схватил невидимого шпиона.

— Я не шпион! — крикнул принц.

— Но ты же невидимка, уж это ты не будешь отрицать?

Прекрасному принцу удалось вырваться. Он побежал, а за ним помчались демоны-рыцари.

Громкими криками и топотом они будили своих друзей, и те присоединялись к погоне.

Сначала принц слышал крики только за спиной, потом такие же крики стали доноситься и оттуда, куда он бежал. Принц подумал было, что это эхо, но крики впереди становились все

громче, и он понял, что на самом деле его положение серьезнее, чем казалось. Демоны-рыцари были и перед ним, и сзади него. Должно быть, они спешили отрезать ему дорогу к лесу. Очевидно, принцу предстояло пробиваться через плотные ряды врагов.

Остановившись на мгновение, чтобы поплотнее закутаться в плащ-невидимку, принц с изумлением наблюдал, как исчезает его рука, прикрытая тканью плаща. Сквозь плащ и закрытую им руку Прекрасный принц видел землю!

Конечно, высовывавшаяся из-под плаща кисть руки оставалась видимой. Более того, она бросалась в глаза, потому что висевшая в воздухе косо срезанная и некровоточившая кисть представляла собой весьма необычное зрелище. Прекрасный принц, как мог, закутался в плащ и снова бросился бежать. Он попал на широкую зеленую лужайку. В свете луны на другом ее конце он увидел всадников. Один из них показал рукой в его сторону и крикнул:

— Там примята трава, должно быть, он там прошел!

И отряд всадников немедленно кинулся в погоню.

Принц отступил за деревья, нашел неглубокую яму и спрятался в ней. Теперь у него было хотя бы несколько секунд, чтобы успеть оторвать подкладку плаща. Как он и надеялся, тонкая подкладка была наделена теми же волшебными свойствами, что и сам плащ. Под плащом и подкладкой принц сделался совсем невидимым, потому что теперь можно было укрыться с головой.

Он снова побежал, хотя понимал, что оставляет слишком заметные следы, что ему лучше было бы идти медленно и осторожно; тогда он мог бы оставаться незаметным в гуще своих преследователей и в конце концов уйти от них. Наверное, принц из настоящей сказки так бы и сделал, но у нашего Прекрасного принца получилось все наоборот. Казалось, длинные ноги против воли их хозяина бежали все быстрей и быстрей, спасаясь от опасности. Вероятно, с точки зрения своих ног принц представлял собой странное создание, передвигавшееся в воздухе прыжками и скачками. Впрочем, лошади преследователей бежали еще быстрее. Демоны-рыцари приближались к принцу с двух сторон, лишь изредка останавливаясь, чтобы не упустить из виду след.

Демоны-рыцари были все ближе и ближе, вот они уже подняли свои стальные копья и нацелили их на принца, вернее, на то место, где, по их мнению, он должен быть. Принц заметил впереди расчищенное место, но сомневался, успеет ли до него добежать. А добраться до этого места очень хотелось, ведь там выходил на поверхность большой пласт известняка. На камне не

остается следов, он никак не выдаст шаги принца. И почему такой пласт не попался ему раньше?

Один из демонов-рыцарей примерился и метнул копье.

В этот самый что ни на есть критический момент неожиданно пришло спасение. Принц так и не понял, было ли это природным явлением или же стихию каким-то образом вызвал Аззи. Как бы то ни было, безветрие моментально сменилось непогодой. Это был не легкий ночной бриз, а настоящий шквал ветра с ледяным дождем и даже градом.

В воздухе закружилась листва, зашевелились трава, ветви кустов и деревьев, и все следы принца исчезли.

Демон-рыцарь, метнувший копье первым, промахнулся футов на пять. Второе копье полетело вообще не в ту сторону. Демоны-рыцари разделились, пытаясь взять жертву в кольцо, но принц легко проскользнул между ними и поспешил к известняковому пласту. Когда он перешел пласт, ветер стих, но и шума погони уже не было слышно. Принц понял, что ему удалось уйти.

Глава 7

Прекрасный принц бежал, пока был в состоянии переставлять ноги и жадно хватать воздух легкими. В конце концов он без сил упал на землю и крепко заснул.

Когда принц проснулся, оказалось, что он лежит на большой залитой солнцем поляне, а через поляну видна вершина огромной горы, целого Монблана фантазии сказочной горы из разноцветного стекла. Гору и поляну разделял лесок, в котором деревья на первый взгляд казались металлическими. Лесок закрывал все подходы к горе. Принц подошел поближе к странному лесу и внимательно осмотрел его. Деревья оказались и не деревьями вовсе, а скорее печными трубами, утыканными шипами. Самые высокие из них не достигали и семи футов. Стоило принцу приблизиться к деревьям, как те стали испускать желтоватый газ, тут же загоравшийся благодаря спрятанным под землей запальным устройствам.

Возможно, Прекрасный принц никогда бы не догадался, что это за деревья, если бы не вспомнил, что как-то он застал Аззи за изучением необычного листка бумаги. Потом Аззи оставил листок на столе, а любопытный принц не удержался и посмотрел на него. Это оказался счет от Газовой компании всех духовных регионов за газ для питания огненных деревьев.

Если дядя Аззи в самом деле оплатил счет за газ для огненных деревьев — а из увиденного принц не мог сделать иного вывода, — значит, принц был всего лишь марионеткой в руках демона. Раздумывая, что же из этого следует, принц чувствовал себя неуютно, как будто он был раскрашенной картонной картинкой, пришпиленной к стене. Такие мысли немного пугали, но в голове принца они появились лишь в тот момент, когда настало время пробираться через лес огненных деревьев, поэтому принц на время оставил рассуждения и двинулся вперед.

Раз что-то включается, оно должно и выключаться. Принц искал почти час, но в конце концов в какой-то канаве нашел-таки вентиль. Он закрыл его, и деревья погасли. «Странно, — подумал принц, — зачем здесь нужно было устраивать такую штуку?»

Он осторожно протиснулся между деревьями и вышел к поселку, который назывался тем же именем — Стеклянная Гора. Поселок был последним базовым лагерем, источником продовольствия, снаряжения и сувениров для тех, кто мог бы отважиться на штурм сверкающей в солнечных лучах огромной горы, на вершине которой, говорили, стоял волшебный замок, а в нем спала принцесса Скарлет.

Основным занятием жителей поселка было обслуживание кандидатов в покорители Стеклянной горы. Здесь собрались искатели приключений, специалисты по восхождению на стеклянные горы и скалолазанию со всего света. Соблазн покорения горы был велик.

Прекрасный принц прошелся по главной улице поселка Стеклянная Гора, заглянул в каждую лавку. В большинстве лавок предлагали в основном снаряжение для лазания по стеклянным горам. Надо сказать, что стекло — очень неудобный материал для лазания, а послушав разговоры жителей поселка, можно было подумать, что оно к тому же меняет свои свойства всякий раз, когда на солнце набегает очередное облачко. Говорили, что на этой Стеклянной горе можно наткнуться на любой сорт стекла: быстрое и хитрое, обманное и болотное, а также высокогорное смертельное и равнинное могильное. Каждый сорт стекла (говорили, будто Стеклянная гора сложена из всех известных и даже неизвестных сортов) имел свои неприятные стороны, поэтому в лавках предлагали множество брошюрок, в которых давались рекомендации по преодолению участков горы из определенного сорта стекла.

Кое-кто полагал, что *эта* Стеклянная гора является единственной в своем роде, что во всем мире нет и никогда не было ни-

чего подобного. Однако находились и такие умники, которые утверждали, будто бы история человечества свидетельствует о том, что человек несчетное число раз пытался покорить стеклянные горы, причем это стремление к восхождению на такие вершины в далеком прошлом было типично для людей всех рас и континентов. Эти теоретики договорились до того, что стали всерьез доказывать, будто бы стеклянные горы были прототипом, так сказать, обобщенным образом, человеческого опыта, и такие горы как физическое проявление этого опыта были, есть и будут, пока работает мысль человека, и на заре человечества, и в далеком необозримом будущем.

Книжные лавки упомянутого поселка были забиты книгами по скалолазанию и восхождению на стеклянные горы. Здесь были исторические книги, мемуары и воспоминания специалистов по теории и практике скалолазания, путеводители. В нескольких лавочках не торговали ничем, кроме шипов и кошек для обуви всех мыслимых и немыслимых типов и конструкций, в том числе с алмазными остриями.

Среди жителей поселка не было единодушия по одной из важнейших проблем: обязательно ли взбираться на стеклянные горы верхом на лошади? Очевидно, что лошади намного сложнее совершить восхождение на любую стеклянную гору, чем человеку, ибо у лошадей ноги устроены совсем иначе. Спору нет, лошадь — благородное животное, незаменимое на равнине и в прериях, легко преодолевающее леса и даже джунгли, если они не слишком густые, но стеклянные горы для лошади — почти непреодолимое препятствие. Именно по этой причине возник обычай взбираться на горы верхом на козле.

Для почитателей традиций сама мысль о возможности сесть на козла была абсолютно неприемлемой. Они считали само собой разумеющимся, что любой прекрасный принц должен взбираться на любую стеклянную гору не иначе как верхом на лошади. Так изображали поднимающихся на стеклянную гору всадников художники-иллюстраторы многих поколений, а ведь большинство из них утверждали, что их изображения согласованы с высшими духовными силами. В то же время в ученых кругах бытовало мнение, что, даже если лошадь все-таки взберется на гору, всадник при этом непременно повредится умом и ослабнет духом. И вместе с тем мысль о козлах как средстве передвижения по стеклянным горам решительно не нравилась.

В этом смысле наш Прекрасный принц не был исключением.

— Вы издеваетесь? — сказал он, выслушав предложение сесть на козла. — Никогда и ни за что!

— Тогда, — возразили ему, — вам придется надеть на сапоги шипы или кошки и попытаться одолеть гору одному.

— Мне? Надеть шипы? Не хватает еще когтей и копыт! — возмутился принц. Как и большинство людей, он испытывал суеверный страх перед этими полезными приспособлениями.

— Их надевают все скалолазы.

— Благодарю покорно. Как-нибудь обойдусь без этих штучек.

— Но тогда вы никогда не доберетесь до вершины. Гора-то стеклянная. Скользкая.

Подобно большинству молодых людей того времени, Прекрасный принц испытывал недоверие и к козлам, и к шипам. Однако в конце концов, тяжело вздохнув, он выбрал то, что ему казалось меньшим из двух зол:

— Ладно, седлайте мне козла!

Но даже все козлы на свете еще не гарантируют успешное восхождение на Стеклянную гору. Это должны понимать все, кто думает, что достаточно найти козла — и принцесса твоя. Нет, на самом деле козел — это всего лишь необходимое условие, чтобы получить шанс на победу. А уж коли одержишь победу и захочешь сменить козла на коня, например, для запечатления на портрете в достойном виде, то пожалуйста: кто же станет спорить, что конь лучше козла?

Как бы там ни было, в конце концов Прекрасный принц водрузился на козла, взобрался на гору и без особых приключений оказался у входа в большой замок с высокими зубчатыми стенами — прямо перед ступеньками. На железном столбе был прикреплен кусок картона, а на нем крупными буквами написано: «ТЫ ПРИБЫЛ В ЗАКОЛДОВАННЫЙ ЗАМОК. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА НАХОДИТСЯ В ПЕРВОЙ КОМНАТЕ СПРАВА ОТ ЛЕСТНИЦЫ. ПОЗДРАВЛЯЮ». Принц понял, что он добрался именно туда, куда хотел. С дрожью в коленях он преодолевал последние препятствия: карабкался на навесную башню и плыл через ров с ледяной водой. Вымокший до нитки, он спустился по галерее, миновал коридоры башенок, передние залы, где дремали зачарованные слуги, и наконец подошел к невероятно крутой спиральной лестнице, которая вела к спальне принцессы.

Принц распахнул дверь, сделал два шага и остановился. В центре спальни под пологом на четырех столбиках стояла высокая кровать. На кровати лежала с закрытыми глазами самая прекрасная женщина на свете — по меньшей мере самая пре-

красная для принца. Эту принцессу он впервые увидел на миниатюрном портрете и сразу же страстно полюбил. Но наяву она была несравненно прекраснее.

Глава 8

Красоту принцессы Скарлет мог не заметить разве что слепой. Но проницательные глаза дракона, которыми теперь смотрел принц, разглядели и нечто другое: коварный план Аззи и приготовленную им ловушку. Глаза дракона сказали принцу, что он, Прекрасный принц, наделен ненавистным принцессе лицом соблазнителя. Что сделает она, когда увидит это лицо? Глаза дракона предвидели кровавую развязку. И все же Прекрасный принц пренебрег сомнениями и наклонился над спящей принцессой. Приближался момент, ради которого и был задуман весь хитроумный план Аззи.

Поцелуй! Фатальный поцелуй!

Аззи уже положил под руку принцессе, на небольшую тумбочку, отравленный кинжал. Когда Скарлет откроет глаза и увидит, кто ее поцеловал — презренный соблазнитель! — она должна пустить в ход этот кинжал. Аззи удобно устроился за занавеской и оттуда обратился к огромной, хотя и невидимой аудитории, внимательно наблюдавшей за кульминацией драмы:

— Леди и джентльмены, существа света и тьмы, мои коллеги демоны, мои соперники ангелы! Я представляю вам новый финал древнейшей и поучительнейшей драмы о Прекрасном принце и Спящей красавице. Внимание! Сейчас вы увидите пробуждающий поцелуй и его последствия.

Только Аззи успел произнести эти слова, как заговорил Прекрасный принц, глазами дракона все яснее видевший план Аззи и все его коварство.

— Ага, — рассуждал принц, — сдается мне, что в этой игре я всего лишь пешка, собранная из разных частей человеческих и нечеловеческих тел, а мой так называемый дядюшка Аззи, несмотря на его располагающую внешность, — самый обыкновенный демон, и этот демон, конструируя меня, дал мне лицо соблазнителя принцессы. Когда я ее разбужу, она узнает это лицо и убьет меня. Что ж, чему быть, того не миновать. Убей меня, прекрасная принцесса, если ты этого захочешь. Хотя я и пешка, собранная из разных отбросов и оживленная врагом рода человеческого, но в моей груди бьется настоящее сердце, и это сердце

может сказать только одно: «Принцесса, я твой, делай со мной все, что захочешь».

Принцесса почувствовала прикосновение чьих-то губ. Ее глаза широко раскрылись, но сначала она ничего не поняла, потому что лицо целующего ее молодого человека было слишком близко. Первая мысль, которая пришла в голову принцессе, была примерно такой: «Наконец-то я проснулась! Какое блаженство!» Потом она увидела это лицо. Его она узнала сразу. О боги! Это было лицо человека, который сначала соблазнил ее, а потом бросил.

Ее глаза расширились. Прижатая к груди белая рука затрепетала, как заблудившийся голубь Геры. Он! Конечно, это он! Другой рукой принцесса нащупала рукоятку кинжала, лежавшего на маленькой тумбочке. Она подняла кинжал... Эту сцену Аззи просчитал очень тщательно. Он заранее знал, что кинжал как бы сам собой скользнет в руку принцессы. Невидимая, но от того не менее реальная аудитория подастся вперед. Члены комитета по премиям увидят, как рука Скарлет отойдет в сторону, потом вонзит кинжал принцу в спину, глубоко, до самого сердца! А потом, когда принц испустит последний вздох, в спальне появится Аззи. «Увы, моя несчастная принцесса, — скажет он (эта речь репетировалась не раз), — ты убила единственного человека, которого могла полюбить, в котором было твое спасение!» По мысли Аззи наилучшим финалом было бы, если бы затем Скарлет этим же кинжалом убила себя, тем самым обрекая свою душу на вечные муки в глубочайшей преисподней ада. Аззи рассматривал и такой вариант: не стоит ли ему воскресить ненадолго принца, чтобы он видел, как умирает Скарлет, не удержался от соблазна и разразился такими богохульствами, что ему самому было бы обеспечено вечное проклятие. Великолепный финал для того, кто любит связывать концы с концами.

Аззи был настолько уверен в успехе, что появился перед глазами Скарлет чуть раньше, чем собирался по плану, и, не скрывая иронии, сказал:

— Небеса найдут способ убить твою радость любовью, но и твой мир не будет другом тебе.

Позже люди долго спорили, почему же не удался план Аззи. Сам демон был уверен, что в соответствии с принципом обратимости пальцы Скарлет должны были сами собой потянуться к кинжалу, а кинжал — к незащищенной спине молодого принца. Но жизнь с ее здоровой привычкой к неопределенности выбрала другую развязку. Аззи не учел возможностей глаз Скарлет. Хотя они и не обладали способностью видеть истину, как глаза Пре-

красного принца, но могли распознать банальность и нелепость, и именно их ясно увидела Скарлет в картине, где могли бы быть изображены она, мертвый Прекрасный принц и отравленный кинжал в ее руке. Глаза художника поняли, что такая картина противоестественна; подобный сюжет никогда не выберет художник, пишущий картины реальной жизни. Сначала душа художника восстала против кинжала, а потом собственные чувства Скарлет подтвердили правильность решения, к которому она пришла чисто по эстетическим соображениям.

Скарлет недоуменно спросила:

— О чем ты говоришь?

— Ты не должна была его убивать, — сказал Аззи. — Ты обрекла себя на вечные муки ада, юная леди.

Скарлет расхохоталась.

— Смеяться надо мной? Я тебе покажу...

Неожиданно к хохоту Скарлет присоединился еще чей-то смех. Это был Прекрасный принц, он стоял бок о бок с принцессой, обнимая ее за талию. В самом деле принц! Живой и невредимый! Значит, кинжал так и не сделал своего дела, не был пущен в ход! Аззи в смятении отступил. Оба героя были живы. Каким-то непостижимым образом любовь победила предопределенное Аззи проклятие. Глядя на двух прекрасных влюбленных, вся аудитория — и ангелы, и демоны — была искренне взволнована, многие украдкой утирали слезы.

— Этого я не хотел! — кричал Аззи. — Я имел в виду совсем другое!

Но в результате у Аззи получилась обычная сказка со счастливым концом о силе любви и возможности искупления грехов. Сказка понравилась всем, а самое главное, она гарантировала, что все следующее тысячелетие судьбы человеческих душ будет решать добро, а не зло.

Вечерня

Глава 1

Тук-тук-тук! Тонкие пальцы Илит постучали в дверь, которая вела в алхимическую лабораторию Аззи.

— Аззи! Я знаю, что ты здесь.

Ответа не последовало. Стоявший рядом с Илит Гавриил сказал:

— Думаю, надо попробовать еще раз.

Илит снова постучала:

— Аззи! Не валяй дурака! Впусти меня! Здесь только я и Гавриил. Мы знаем, что ты очень расстроен. Мы твои друзья и хотим быть рядом с тобой.

Изнутри послышался скрежет. Служивший засовом стальной стержень отодвинулся, и толстая деревянная дверь алхимической лаборатории приоткрылась на несколько дюймов. В образовавшуюся щель высунулось длинноносое лицо Фрике.

— Фрике, хозяин здесь? — спросила Илит.

— Да, мисс. Он в лаборатории. Но я бы не советовал вам входить туда сейчас. Он в очень скверном настроении, и в данный момент его поведение трудно предсказать: он может выкинуть такое, что кому-нибудь не поздоровится.

— Чепуха! — сказал Гавриил. — Впусти меня, я поговорю с ним!

Гавриил оттолкнул Фрике и протиснулся в приоткрытую дверь. Аззи сидел на маленьком троне, который соорудил в углу лаборатории. Он был в пурпурном плаще, а на один глаз натянул оранжевый шотландский берет. Смотреть на Аззи было страшно. Его глаза налились кровью. На полу валялись пивные кружки и бутылки из-под ихора. Еще больше полных бутылок стояло на ближайших полках так, что до них можно было дотронуться рукой, не вставая с трона.

— Аззи, сейчас же прекратите это безобразие! — сказал Гавриил. — Вы поставили очень хорошее представление, и не ваша вина, что вы проиграли. Запомните, главное — не победа, а участие в честной борьбе.

— Все ты врешь, — сказал Аззи. — Главное — победа, а честно или нечестно ты выиграл, это все ерунда.

Гавриил пожал плечами:

— Пусть будет так... Конечно, разные миры — разные правила, разные нормы нравственности. Но, старина, в любом случае вам надо бросить пить. Разрешите, я помогу вам.

Гавриил протянул руку Аззи. Тот схватил ее и хотел было царапнуть когтями, но Гавриил ловко увернулся и помог-таки демону встать.

— Подумайте, старина, — сказал Гавриил, — в конце концов, какая разница, кто выиграл, а кто проиграл?

Аззи изумленно уставился на ангела:

— Что-то я тебя не пойму, ты это всерьез?

— Конечно, всерьез. Я хотел сказать, что все мы, и создания

света, и создания тьмы, должны видеть перспективу. Все мы служим жизни, смерти, разуму и другим высоким идеалам.

— Я не должен был проиграть, — твердил свое Аззи. — Но я же не получил никакой поддержки от сил тьмы, вот в чем беда. Даже от тебя, моего противника, было больше пользы, чем от моей команды. С силами зла всегда так: они действуют вразброд, даже между собой не могут договориться.

— Не принимай так близко к сердцу, — сказал Гавриил. — Пойдем с нами. Мы собираемся на торжественный банкет, там будут вручать награды. Обещаю, будет очень весело.

— А, конечно, — сказал Аззи, — эти проклятые награды... Ладно, приду. Но вы меня не ждите. Мне сначала нужно кое-что доделать. Как успехи с этим готическим... как вы его там называете?

— Мы как раз заканчиваем строительство колокольни.

Гавриил уже повернулся, чтобы уйти, но обратился к Илит:

— Знаете, мы обязательно должны как-то вознаградить Прекрасного принца. Он великолепно сыграл свою роль.

— Отличная мысль, — согласилась Илит.

Аззи оскалил клыки, а когда ангел и ведьма скрылись, позвал Фрике.

— Ты хоть раз в жизни слышал что-нибудь подобное? — спросил он слугу.

— Подобное чему, хозяин?

— Подобное тому, что говорили эти толсторожие так называемые мои друзья. Ты слышал, о чем они болтали, уходя от меня? Они хотят наградить Прекрасного принца за хорошее исполнение роли!

— Да, хозяин, — согласился Фрике. — Очень смешно, ха-ха.

— И я так подумал, — сказал Аззи. — Ладно, мы тоже выразим признательность этому великому актеру за то, что он разрушил мой план. Мы отнимем у него жизнь, ту самую, которую я ему подарил. Жаль, но я не могу его убить своими руками. Существуют правила. Идиотские правила, конечно, но от них никуда не денешься. Без причин демону нельзя жестоко обращаться с человеческим существом и убивать его.

— Ох, это плохо, хозяин, — посочувствовал Фрике.

— Да, я тоже всегда так думал. Но надеюсь, нам удастся обойти это правило.

— Ах, хозяин, и как же мы это сделаем?

— Как тебе понравится, Фрике, если из раболепного слуги ты превратишься в отважного воина-мстителя?

— Звучит неплохо, но опять же, как мы это сделаем, хозяин?

— У нас осталось достаточно запасных частей человеческих тел, а я — непревзойденный мастер в искусстве конструирования человека. Пойдем. Ложись на ту мраморную лавку.

— Хозяин, я не уверен, что мне очень нравится твоя затея.

— Заткнись и не спорь со мной. Запомни, для меня изменить твой поганый характер не труднее, чем переделать твое уродливое тело.

— Да, хозяин, конечно. — И Фрике лег на лавку.

Аззи отыскал скальпель и заточил его о подошву своего сапога.

— Больно будет? — поинтересовался Фрике.

— Конечно, будет больно, — заверил его Аззи. — Анестезию пока еще не изобрели.

— Что, ты сказал, еще не изобрели, хозяин? Ана... чего?

— Не важно. Закуси посильней губу. Сейчас я буду резать.

Глава 2

Облокотившись на подоконник, Прекрасный принц лениво посматривал из высокого окна волшебного замка. Принц был в отменном настроении и очень доволен жизнью. Таким человека делает — по крайней мере на время — любовь, а принц переживал ее первые порывы. Пожалуй, только непрестанное исчезновение частей и кусков волшебного замка немного портило настроение принцу. Он снова перевел взгляд на конюшню. Ну вот, стоило отвернуться всего лишь на минуту, и половины конюшни уже как не бывало. Принц напомнил себе, что вскоре им нужно будет куда-то переезжать. Судя по тому, как быстро исчезала сила защитных заклинаний, этот замок долго не простоит.

— Дорогой! Спустись к нам, пожалуйста! Наши гости хотят тебя видеть!

Голос Скарлет летел вверх по лестнице к спальне, где, как она полагала, Прекрасный принц приводит в порядок свою тунику. На этот раз принц особенно тщательно выбирал одежду. Он знал, что для Скарлет этот вечер значит очень много, поскольку она пригласила Золушку и других сказочных друзей. Что касается его самого, то принц еще не решил, нравятся ли ему все эти придуманные фольклорные создания, но вроде бы ничего плохого в них не было. Принца заинтересовали изменения, происходящие с волшебным замком. Из его окна был виден участок дороги, проходившей под стеной замка. Вдруг прямо на глазах

принца часть стены испарилась. Потом с одной из башен исчезла каменная горгулья.

Снизу снова донесся голос Скарлет:

— Принц, где ты?

В голосе принцессы чувствовались капризные нотки... Принцу вдруг пришло в голову, что он толком не знает свою возлюбленную. Почему-то он всегда считал, что обещанное ему в сказке вечное блаженство придет и установится само собой, без всяких усилий с его стороны. Последний раз посмотревшись в высокое зеркало, принц спустился по лестнице. В большом танцевальном зале оркестранты в черных галстуках и белых париках пиликали что-то полифоническое.

Под большими хрустальными канделябрами расположились гости. Они потягивали шампанское и пощипывали канапе. Скарлет была среди гостей. Она стояла рука об руку с Золушкой, которая стала ее лучшей подругой. Именно Золушка посоветовала устроить прием в честь пробуждения Скарлет, который одновременно должен был стать и празднеством по случаю ее обручения с Прекрасным принцем.

Среди гостей Прекрасный принц узнал двух известных ирландцев — Кухулина и Финна Маккула. Осмотревшись, он заметил и других знаменитостей из Франции, Германии, из восточных стран — Роланда, Зигфрида, Аладдина. Гости тоже заметили принца и встретили его аплодисментами. Послышались возгласы: «Отличная работа, старина!» Такие слова особенно приятно слышать после того, как ты разбудил Дремлющую принцессу. Гости хором спели гимн «Наш неунывающий, добрый герой».

«Да, — подумал принц, — трудно представить себе, что могут быть более счастливые моменты в жизни». Триумф сладок, даже если твой замок быстро испаряется по частям, а принцесса Скарлет оказалась несколько большей, чем хотелось бы, занудой. Тем большее беспокойство почувствовал принц, когда услышал оглушительный стук в дверь. Стук отозвался во всех закоулках замка. Все гости встали и с недоумением повернулись к двери.

«Черт побери, — подумал принц. — Хорошие известия обычно приходят не с таким грохотом».

— Кто там? — спросил он.

— Тот, кто покорно молит о милости, — донесся приглушенный голос.

Принц уже было собрался отказать просителю, но вспомнил, что в день своего триумфа он обязан достойно встретить все пре-

вратности судьбы. Сказочные герои, собирающиеся жениться на дремлющих принцессах, не прогоняют гостей от ворот волшебного замка, как бы плохи ни были их предчувствия.

— Что ж, — сказал принц, — для большой милости у меня нет решительно ни минуты, но если речь идет о мелочи...

Принц распахнул дверь. Вошел высокий мрачный воин в бронзовом шлеме, надвинутом на глаза. Воин показался принцу знакомым. Где он мог его видеть?

— Кто вы? — спросил принц.

Воин откинул шлем, и принц сразу узнал его. Конечно, это бородатое лицо с полубезумными глазами принадлежало Фрике!

— Фрике! — воскликнул принц. — Это ты! Но ты как-то изменился... дай сообразить... Ну, конечно! Ты же всегда был маленьким и горбатым; теперь ты высок и мускулист, а на горб даже намека нет.

— Ты наблюдателен, — отозвался Фрике, кровожадно улыбаясь.

— Чему я обязан удовольствием видеть тебя?

— Насчет чему или кому обязан, — ответил Фрике, — так меня послал мой хозяин Аззи.

— Надеюсь, у него все в порядке?

— Все великолепно. Он послал меня достать здесь то, что я положу вот сюда.

Фрике раскрыл кожаный мешок, который держал в руках. Из мешка донесся резкий запах.

— Уксус! — сказал принц.

— Ты правильно заметил, — похвалил принца Фрике.

— А зачем в этот волшебный замок ты принес мешок с уксусом?

— Уксус нужен мне для того, чтобы то, что я положу в мешок, не испортилось в дороге.

Принцу не очень нравилось неожиданное направление беседы, но тем не менее он решил уточнить:

— Что же ты должен вынести отсюда в уксусе, Фрике?

— Ах, парень, я пришел за твоей головой.

— За моей головой?! — вскричал Прекрасный принц. — Но зачем дяде Аззи понадобилась моя голова?

— Он зол на тебя, парень, за то, что принцесса Скарлет не убила тебя, хотя по всем признакам должна была это сделать. Поэтому Аззи проиграл великое состязание между светом и тьмой, которое разыгрывается накануне каждого тысячелетия.

Он решил, что ты ненадежный человек и лицемер, и требует твою голову.

— Но, Фрике, это же не моя вина! Даже если бы я и был в чем-то виноват, разве можно выражать недовольство тем, что я пытался спасти свою жизнь.

— Готов признать, это нелогично, — сказал Фрике, — но что ты можешь сделать? Аззи — демон, к тому же плохой, очень плохой демон. Он требует твою голову, и я обязан принести ее. Мне неприятно сообщать тебе такое известие, потому что сегодня твоя свадьба. Но у меня нет ни времени, ни выбора. Попрощайся со своей принцессой. Надо надеяться, ты уже насладился ее благосклонностью, потому что скоро я сниму твою голову с плеч и тебе уже ничем не придется наслаждаться.

— Так, значит, ты все это говоришь серьезно?

— Серьезней некуда. Прости, парнишка, но в сказочных странах все идет своим чередом. Ты готов?

— Подожди!

— Нет, я ждать не буду!

— Но у меня нет меча!

— Нет меча? — удивился Фрике и опустил свое оружие. — У тебя должен быть меч! Где он?

— Мне надо его найти.

— Меч должен быть с тобой всегда и везде.

— Дай хоть пять минут, сегодня моя свадьба.

— Ладно, иди за мечом, только быстро!

— Фрике, ты был мне почти отцом. Как ты можешь пойти на такое?

— Видишь ли, — объяснил Фрике, — я исполняю обычную роль увечного слуги, который немного тебе симпатизирует, но его тяга ко злу непреодолима. Никаких личных антипатий к тебе я не питаю, но мы обязаны решить спор мечами.

— Пропади ты пропадом вместе со своим Аззи. Ладно, подожди здесь. Я скоро вернусь с мечом.

— Я жду, — сказал Фрике и направился прямо к буфету.

Прекрасный принц отсутствовал уже почти полчаса. Скарлет забеспокоилась и пошла его искать. Она обнаружила принца в оставшейся половине конюшни. Принц только-только закончил седлать своего быстрейшего козла.

— Что ты задумал? — удивилась Скарлет.

— Не знаю, как тебе объяснить, — ответил принц, — но у меня такое ощущение, что мне нужно поскорей убираться отсюда.

— Трус! — сказала Скарлет.

— Сука! — парировал принц.

— Наша новая жизнь вдвоем только началась!

— О какой жизни ты говоришь, если я буду мертвее мертвого?

— Ты же можешь победить его!

— Не думаю, — сказал принц. — Честно говоря, мне такое постыдное бегство тоже не нравится. Я бы не против посоветоваться с каким-нибудь мудрецом.

Тут же последовала вспышка света и раздался голос:

— Я уж думал, ты никогда не попросишь.

Это был Гермес Трисмегистус.

Глава 3

Полубог еще никогда не был так прекрасен. На мощном мраморном торсе Гермеса искусно уложенный темный плащ смотрелся просто изумительно. Каждый гиацинтовый волосок был на своем месте. Чуть заметное влияние востока в разрезе глаз придавало его лицу такую красоту и такую мудрость, которые невозможно описать словами, а невидящие глаза, в которых, как и во всех античных скульптурных изображениях, отсутствовали зрачки, казались воротами в кладезь сверхъестественных познаний. Даже сандалии Гермеса излучали мудрость.

— О великий Гермес! — сказал Прекрасный принц. — Аззи поступает нечестно. Он послал Фрике за моей головой, и лишь потому, что принцесса Скарлет не убила меня, как должна была сделать по его плану.

— Это и в самом деле нечестно, — согласился Гермес, — но кто и когда сказал, что демоны должны поступать иначе?

— Что говорят божественные законы? Имеет ли он право посылать слугу за моей головой?

— Посмотрим, — ответил Гермес. Из складок своего плаща он извлек толстый свиток и подбросил его вверх. Свиток медленно поднимался, одновременно раскручиваясь до земли бесконечной пергаментной лентой.

Гермес щелкнул пальцами. Откуда ни возьмись появилась маленькая пятнистая сова.

— Найди раздел, в котором излагаются правила поведения и сферы полномочий помощников демонов, — распорядился Гермес.

Сова взлетела и заскользила вдоль бесконечно длинной

ленты пергамента. Наконец она нашла нужный раздел, взяла его в клюв и отдала Гермесу.

— Вот он, — сказала сова.

Гермес внимательно прочел письмена и с сожалением покачал головой:

— Этого я и боялся. Он имеет право через своего слугу сделать с тобой все, что ему заблагорассудится, ибо он создал тебя. Точнее, он собрал тебя из разных частей, но в данном случае это одно и то же.

— Но почему он может распоряжаться моей жизнью?

— Таковы правила игры, связанные с созданием человеческого существа. Но ты не беспомощен.

— Что я могу сделать?

— Убить Фрике.

— Вы думаете, у меня хватит на это сил и ловкости? Мне кажется, он очень силен.

— Да, но ты же герой. Если бы у тебя был хороший меч, то возможно...

— У меня был Экскалибур, но пришлось с ним расстаться. Он пытался убить меня.

— Ты должен вернуть его. Для победы над помощником демона, силы которого удесятерены сверхъестественным путем, просто необходим настоящий волшебный меч.

— Наверное, мне следует признаться — я очень боюсь, — сказал принц.

— Это потому, что в тебе бьется сердце труса. Впрочем, об этом можешь не беспокоиться. Любой бы на твоем месте испугался.

— Любой?

— Слишком храбрые исчезают так быстро, что о них не остается никаких письменных свидетельств. Запомни, принц, трусости не следует стыдиться. Трусость подобна кори: почти каждый должен переболеть ею по меньшей мере раз в жизни. Не обращай внимания на свой страх, и он обязательно исчезнет, и ты будешь делать свое дело уже безбоязненно. Твой долг очевиден. Иди, принц, и найди свой меч. Прикажи своему трусливому сердцу не трепетать от страха, победи этого мошенника Фрике, а после ты сможешь сказать, что честно завоевал принцессу Скарлет, завоевал навсегда. Между прочим, она очень мила.

— Да, — согласился принц, — я тоже это заметил. Правда, мне кажется, она капризна.

— Хорошенькие женщины всегда капризны, — сказал Гермес. — Пойдем поищем меч.

Чтобы найти Экскалибура, Гермесу и Прекрасному принцу потребовалось немного времени. Сначала они отправились в Бюро потерянных мечей. В центре регистрации этого бюро, располагавшемся на планете Оаксис IV, хранились отпечатки ответной вибрации всех когда-либо выкованных на Земле или в небесах мечей. Гермес быстро нашел след Экскалибура и вместе с Прекрасным принцем пошел по следу, который снова привел их на Землю.

На Земле принц оказался в какой-то таверне. Следуя указаниям Гермеса, он отправился на кухню и там увидел зазубренный, затупленный и донельзя грязный, но безусловно благородного происхождения меч. Хотя этим мечом местный поваренок обезглавливал только редиску и репу, потрошил капусту и снимал шкуру с моркови, а также выполнял другие хозяйственные работы, приличествующие лишь кухонному ножу, меч сразу же узнал Прекрасного принца, стоило тому появиться на пороге.

— Хозяин, это я! — ослабевшим голосом сказал он. — Твой всеми покинутый меч!

— Что с тобой случилось? — спросил принц. — Тебе действительно приходится резать овощи?

— Это не моя вина, — ответил меч. — Разве я могу не выполнять работу, если человек заставляет меня? Хозяин, возьми меня с собой, я буду честно служить тебе.

— Тогда пойдем, — сказал принц.

Меч прыгнул и оказался в его руке. Кто-то из прислуги хотел затеять скандал, но одного взгляда — что там взгляда, одной сотой доли взгляда — на поблескивавшие в руке Прекрасного принца три фута стали было достаточно, чтобы остановить скандалиста. Из таверны принц вышел с мечом в руке. При магическом посредничестве Гермеса он скоро возвратился в волшебный замок.

Увидев принца, Фрике отложил недоеденный крекер с намазанным на него толстым слоем паштетом из куриной печени — такие крекеры помогали ему скоротать время в ожидании возвращения принца, — рукавом вытер губы и сказал:

— Ты готов?

— Да, готов!

Лязгнули мечи, и поединок начался.

Под мощным ударом меча Фрике Экскалибур зазвенел, согнулся, как тростинка, потом распрямился и с силой ударил по бронзовому шлему Фрике, заставив его отступить. Фрике сделал два-три шага назад, восстановил равновесие и снова бросился вперед. Его меч наносил и отражал удары, мелькая с такой быстротой, что за ним невозможно было уследить. Неустрашимый Экскалибур отвечал на атаки столь же энергично и искусно. Гости, собравшиеся на лестнице и на внутреннем балкончике, следили за поединком, затаив дыхание и время от времени вскрикивая.

Фрике улыбался, потому что знал главный порок Экскалибура. Этот меч был безумным оружием демонов; услышав пароль, он немедленно выполнял все приказания своих адских хозяев. Фрике тоже был известен пароль. Дождавшись, когда мечи снова скрестились, он крикнул:

— О могучий Экскалибур, иди к своему хозяину! Иди ко мне!

— Как бы не так! — прорычал Экскалибур, отсекая Фрике правую руку.

— Я распоряжаюсь тобой! — закричал Фрике, в азарте битвы не ощущая боли. Здоровой — точнее, оставшейся — рукой он раскручивал над головой зловещий боевой топор.

— Но ты сказал пароль не на древнем руническом языке, — возразил Экскалибур и, подчиняясь ловкому выпаду принца, отсек Фрике вторую руку.

— Избавь меня от своих гнусных словесных уверток! — крикнул Фрике, атакуя противника обеими ногами, вооруженными кривыми ножами бешеного нрава. — Именем первородного зла приказываю тебе: оставь пустую болтовню и сейчас же приди ко мне!

— Что ж, — сказал Экскалибур, — если таково твое желание, то так тому и быть! — С этими словами большой сверкающий меч выскользнул из руки Прекрасного принца, описал в воздухе изящную дугу, уперся острием в грудь Фрике, проколол его доспехи и пронзил тело несчастного насквозь.

— Увы, я умираю, — только и сказал Фрике.

Принц повернулся к принцессе Скарлет. Его глаза блестели. Теперь он был готов покончить со всеми недоговоренностями.

— Поцелуй меня в последний раз! — сказал Прекрасный принц. — А потом, если ты еще этого хочешь, убей меня, пронзи мое сердце кинжалом, ибо нет смерти более прекрасной, чем

смерть от руки любимой в тот миг, который в иной ситуации мог бы стать мигом высшего блаженства.

— Я поцелую тебя, я отвечу поцелуем на поцелуй, а потом заплачу тебе поцелуями за все твои поцелуи, — ответила Скарлет. — Не говори о смерти. Это было и прошло. Теперь мы вечно будем счастливы.

Так и случилось.

Глава 6

Мундренч был молодым духом и еще не достиг половой зрелости. Хотя все обращались к нему как к существу мужского пола, по сути, он был пока бесполым. Пожилой же дух Агриппа за многие годы беспокойной жизни изрядно поизносился. Однако ему нравилось иметь дело со свежими молодыми духами. Впрочем, вполне возможно, что Агриппа пригласил Мундренча просто немного поразвлечься. Рядом с наивными молодыми духами Агриппа особенно ощущал свое превосходство.

Агриппа и Мундренч прибыли к северному входу в преддверие ада как раз к началу торжественного банкета, посвященного чествованию победителей состязаний по случаю тысячелетнего юбилея. Вдвоем они поднялись по облачным лестницам, которые вели к зданию, где должен был состояться банкет. По облакам ходить тяжело даже духам и демонам. Не прошло и минуты, как Мундренч захныкал:

— Мне надоело идти, я устал. Давай полетим.

— Здесь летать не полагается, — сказал Агриппа.

— Но мы же всегда летаем! Помнишь, ты учил меня играм в полете?

— Прошу тебя, об этом здесь ни слова. Сказано: мы сегодня идем пешком в честь предка наших жертв, Адама.

— Адам-шмадам, — ворчал Мундренч. — А я не хочу, чтобы мой новый костюмчик провонял потом!

— Сейчас же перестань хныкать, — сказал Агриппа.

Перед ними предстал огромный облачный зал, простиравшийся во все стороны до бесконечности. Коринфские колонны придавали залу вид античного сооружения. Агриппа и Мундренч подошли к входу. Демон в напудренном парике и бежевых шелковых чулках внимательно проверил пригласительный билет Агриппы и даже посмотрел на свет, чтобы убедиться в наличии водяных знаков. Банкет в честь победителей состязаний был таким важным событием, что многие сверхъестественные существа пы-

тались проникнуть туда обманным путем или с помощью фальшивых пригласительных билетов. К счастью для Агриппы, его тесные связи с членами Верховного совета демонов (для них он часто устраивал литературные вечера и просто вечеринки) обеспечили ему и его другу места на банкете.

Агриппа прожил не одну сотню лет, и его толстая кожа покрылась глубокими морщинами, как у старого ротвейлера.

Демон в парике, убедившись в подлинности пригласительного билета, впустил Агриппу и Мундренча в банкетный зал. В зале они направились прямо к столу. Стол был такой длинный, что казалось, ему нет конца. Агриппе и Мундренчу повезло — их места, которые они нашли по именным табличкам в форме воткнутых в грейпфруты флажков, находились почти в середине стола.

Агриппа и Мундренч заняли свои места, кивнули соседям. За столом старших демонов уже произносили речи. Соседом Агриппы был нубийский ангел с сиянием из слоновой кости. Еще неосвоившийся Мундренч огляделся. Его внимание привлекло угощение, которое как раз начали разносить официанты.

— А поесть сейчас можно? — громким шепотом спросил он у Агриппы.

— Можно, только за столом веди себя не по-свински.

Мундренч огрызнулся и с проплывавшего мимо подноса ловко ухватил ножку индейки. За индейкой последовал бокал мескалевого ихора. На дне бокала лежал зародыш дракона — знак того, что напиток был настоящим, а не каким-то суррогатом. Мундренч жевал, пил и глазел по сторонам. Он обратил внимание на сидевшее напротив высокое создание со светлыми волосами и большими голубыми глазами.

— Тысяча чертей, мне кажется, вот эта штучка очень сексуальна.

— О ней забудь, — разочаровал его Агриппа. — Это ангел, а ангелы не для тебя.

Факт остается фактом: демонов всегда влекло к ангелам, что, говорят, даже льстило самолюбию последних. Праздничный банкет предоставлял демонам и ангелам редкую возможность без помех пообщаться друг с другом. Официанты сновали с подносами, уставленными напитками и закуской. Многие из них были в маскарадных национальных костюмах, очень популярных в те годы на небесах. Костюмам соответствовали и закуски, которые предлагались гостям. Итальянские ангелы разносили крошечную пиццу, вьетнамские — суп фо и зажаренные овощи в яйце, а

арабские духи несли большие серебряные подносы, на которых громоздились кучи кебабов.

Разумеется, все блюда были великолепны, но Мундренча больше интересовали крепкие напитки.

— Подай ихор, — сказал он высокому тощему духу, сидевшему наискосок от него.

Что касается крепких напитков, то Агриппа тоже взял неплохой старт. Мундренч раздумывал, не стоит ли ему присоединиться к обособившейся группе дьяволов, которые пили ихор из башмаков друг друга и при этом безудержно хохотали. С другой стороны стола толстый демон в клоунском наряде резал большой пирог; из пирога выпорхнули две дюжины черных дроздов и полетели над головами гостей.

— Ну как тебе здесь нравится? — спросил Агриппа Мундренча.

— Здесь неплохо, — ответил Мундренч. — А кто это там размахивает руками?

— Это Асмодеус, — объяснил Агриппа. — Он самый главный на этой секции банкета.

— А темноволосая леди рядом с ним?

— Это Геката, королева ночи. Если они посмотрят на тебя, улыбнись и подними бокал, но не говори ни слова. Это очень важные персоны.

— Не учи. Сам знаю, как себя вести. Что делает Асмодеус? Кажется, он что-то читает? Никогда бы не подумал, что лорды-демоны умеют читать.

— Ну, насмешил. Если бы он тебя услышал, ты бы узнал, как он умеет шутить. — Агриппа присмотрелся. — Думаю, он проверяет тезисы своей речи.

— Какой речи? — не понял Мундренч. — О речах ты ничего не говорил.

— Я думал, ты сам догадаешься, что это за банкет.

— Банкет — это большая-пребольшая пьянка. Разве не так?

— Так-то так, но наш банкет — это нечто намного большее, — объяснил Агриппа. — На этом банкете объявят победителя состязаний в честь нового тысячелетия, который и будет определять теперь судьбы людей.

— А судьбы людей — это так важно? — опять не понял Мундренч.

— Для нас — нет, но для людей их судьба очень важна, — ответил Агриппа.

Мимо Мундренча прошествовал Безымянный Ужас под руку с натурщицей пикмановской разновидности. Безымянный Ужас

благоухал мускусом рептилий. Спутница обратилась к нему с вопросом:

— Вы слышали, что случилось с проектом сил добра?

Судя по тому, как прорычал Безымянный Ужас, стало понятно, что ему об этом ничего не известно.

— Все их проклятое сооружение развалилось! Получилась великолепная куча из кирпичей и хваленого цветного стекла. Жалко, горгульи тоже развалились.

— Как это случилось? — проворчал Безымянный Ужас.

— Что-то там было не так с контрфорсами и пролетами. Не знаю, я не очень хорошо разбираюсь в механике. Кажется, силы добра тоже. Ха! Ха!

— Я бы еще выпил, — сказал Мундренч. — Ты обещал, что будет очень весело.

— Вот идет официант с ихором, — сказал Агриппа. — Только, пожалуйста, не наделай глупостей.

— Буду пить столько, сколько захочу, — упрямо возразил Мундренч, ловко хватая графин с ихором. — Наверное, я выпью очень много. Много пить — это совсем не глупость.

У входа в банкетный зал возникло какое-то замешательство. Нарушителем спокойствия был демон с лисьей мордой. Пробираясь по залу, он выписывал немыслимые зигзаги, сталкивался с официантами, сбивал блюда со стола. Со всех сторон доносились возмущенные восклицания:

— Какое нахальство!

— А это не...?

— Разве...?

— Похоже на Аззи.

— Не тот ли это демон, что участвовал в состязаниях?

— Хотел бы я знать, что же произошло.

— Эй, Аззи, что с тобой?

— Я слышал, ему удалось сделать что-то грандиозное.

— А я думал, он еще в преисподней.

— Похоже, он пьян в стельку.

— Эй, парень, поосторожней!

— Что ты хочешь от пьяного демона?

— Кстати, а что он хотел сделать со стеклянной горой?

— Аззи, задай им жару!

— Точно! Жару, огня и серы не забудь добавить!

Мундренч становился все более неуправляемым. Агриппе он уже совсем не нравился. А тем временем банкет близился к своему апогею. Демоны в черных смокингах подали на серебряных подносах новые блюда, в том числе очень своеобразные, напри-

мер жареных детенышей химер. Если блюдо было уж совсем непонятным, то к нему прикрепляли записочку, объясняющую, что это такое и как с ним обращаться, а некоторые даже говорили сами. Например, тушеная репа объявляла: «Здравствуйте! У меня отменный вкус!»

Все гости говорили одновременно, и в зале стоял оглушительный шум. Чтобы перекинуться парой слов с существом, сидевшим через два места, приходилось прибегать к помощи телефонной трубки из морской раковины. Такие трубки были вмонтированы в каждое кресло.

На необычном экране, протянувшемся над всем банкетным столом, демонстрировали портреты великих созданий сил добра и сил зла прошлого, а также живые картины, в которых рассказывалось об их рекордных достижениях в ужасных делах и добродетельных поступках. Разодетый в белые меха мажордом объявлял родословную и главные заслуги каждого вновь прибывшего гостя. На гребне надвигающейся волны всеобщего хаоса Аззи упрямо проталкивался к одному ему известной цели.

Потом поднялся толстый Асмодеус. Его белая кожа отливала зеленым, а длинная нижняя губа выдавалась так далеко вперед, что на ней вполне могло разместиться блюдце средних размеров. На Асмодеусе было пальто бутылочно-зеленого цвета, а когда он поворачивался спиной, из-под пальто высовывался скрученный колечком поросячий хвостик.

— Приветствую вас, друзья, — сказал Асмодеус. — Думаю вы все знаете, по какому поводу мы собрались сегодня, не так ли?

— Чтобы напиться! — крикнул сидевший сбоку от Асмодеуса безобразный дух.

— Да, конечно, — согласился Асмодеус. — Но на этот раз мы пьем не без причины. Сегодня мы отмечаем канун нового тысячелетия и объявляем победителя состязаний. Понимаю ваше нетерпение и желание узнать, кто же победил на этот раз, но вам придется немного подождать. Сначала мы хотим представить некоторых из наших почетных гостей.

Тем временем Аззи пробирался все ближе к Асмодеусу. Асмодеус называл имена духов, те, ухмыляясь и почесываясь, вставали и поклонами отвечали на восторженные аплодисменты собравшихся. Асмодеус представил Красную Смерть — высокое создание с косой на плече, с головы до пят закутанное в кроваво-красный плащ.

— А это что за парочка? — спросил Мундренч. — Большой светловолосый ангел и черненькая ведьмочка?

— Ангела зовут Гавриил, — ответил ему Агриппа, — а ведьму — Илит. Она — старая подруга Аззи, одного из самых интересных и самых энергичных наших демонов. Кстати, кажется, он только что прошел мимо нас.

— Я слышал о нем, — сказал Мундренч. — Он готовил что-то особенное к празднику нового тысячелетия, да?

— Так говорили. А вот и он, там, впереди. Кажется, он взял хороший старт и уже обошел всех нас. Не пойму, что он задумал?

К ужасу гостей, Аззи, выдыхая дым и высекая при каждом движении искры, вскарабкался на стол, покачнулся, но удержался на ногах. Несколько раз он пытался что-то сказать, но безуспешно. В конце концов он вырвал графин из когтей какого-то гостя и залпом осушил его.

— Идиоты! Свиньи! Ублюдки! — заорал Аззи. — Вы, бесчувственные пни! Я вам говорю, мои так называемые братья по силам тьмы! Вы выбрали меня, и вы же своим равнодушием подло предали меня. Ребята, девочки и мальчики, мы могли бы выиграть! У нас была реальная возможность! Мой сценарий был беспрецедентен, изумителен, он должен был сработать!

Аззи закашлялся. Кто-то передал ему еще один графин. Аззи отпил несколько глотков. Весь банкетный зал затих.

— Но мне хоть чем-то помогли? — продолжал Аззи. — Черта с два! Ни на грош! Эти кретины из отдела снабжения относились ко мне так, как будто я все делал только ради собственного удовольствия, а не для того, чтобы возвеличить все силы тьмы. А, пропади все пропадом! Мне больше помог Гавриил, этот тупорылый наблюдатель от сил света, чем любой из вас. И вы называете себя силами зла! Все вы тут сидящие — живое доказательство бессилия зла! Но вы довольны, вы празднуете и ждете, когда же объявят победителя. Уверяю вас, друзья мои, в наши дни зло поглупело и теперь способно внушить только скуку. Силы тьмы потеряли способность управлять судьбой человечества.

Аззи обвел взглядом банкетный зал. Все молчали, ожидая продолжения речи демона. Аззи неуверенно прошелся по столу, отпил еще глоток, покачнулся, но удачно восстановил равновесие.

— В общем, катитесь вы ко всем чертям! Я ухожу. Найду тихий уголок, где можно будет отдохнуть и все спокойно обдумать. Состязания меня измотали. Но хочу вас предупредить — я не выдохся, сил у меня еще на многое хватит. У меня, господа, в

запасе есть еще несколько фокусов. Немного терпения, и вы увидите, что я приготовил специально к вашему празднику.

Аззи выбросил двойное перемещающееся заклинание и с ужасным грохотом исчез. Демоны и ангелы обменивались беспокойными взглядами.

— Не пойму, что он хотел сказать? — бормотали многие про себя.

Ответа пришлось ждать недолго.

Не успели гости додуматься до чего-то определенного, как внезапно снаружи на них обрушился смерч. Смерч ревел, рвал и ломал все подряд в банкетном зале. Одновременно хлынул ужасающий ливень. Ветер вырвал из рук старших демонов и ангелов листки с тщательно подготовленными речами и унес их в небо. Затем с небес посыпались лягушки — тысячи, миллионы лягушек!

Стены зала начали кровоточить, а в воздухе появились зловещие световые круги. Весь этот хаос сопровождался чуть слышным издевательским смехом демона — это смеялся Аззи, насылая на банкетный зал одно за другим напасти, страшные знамения и ужасы.

Да, на десерт Аззи подал такое блюдо, которое запомнилось гостям надолго.

Глава 7

Бриджит играла со своим кукольным домиком и вдруг услышала какой-то шум. Она медленно поворачивалась, и с ее губ уже был готов сорваться вопрос, но тут она увидела высокого рыжего, смущенно улыбающегося демона.

— Ой, Аззи, это ты! Привет! Как твои дела?

— У меня все хорошо, Бриджит, — ответил Аззи. — Ты тоже выглядишь неплохо. А наверху, я слышу, скрипит перо. Значит, Томас Скривнер стал настоящим летописцем и излагает те события, которые случились с ним в последнее время.

— Да, теперь он только этим и занимается, — подтвердила Бриджит. — Правда, он сказал, что еще не знает, чем все кончится.

— Финал может оказаться для него неожиданным. Я даже думаю, он может удивить всех нас. Хе-хе-хе!

— Дядя Аззи, ты как-то нехорошо смеешься. Зачем ты пришел?

— Я принес тебе подарок, дитя мое.

— О! Дай посмотреть!

— Вот он. — Аззи достал коробку, склеенную из очень редкого сорта картона, и открыл ее. Внутри коробки оказалась маленькая гильотина.

— Какая красивая! — обрадовалась Бриджит. — Наверное, этой игрушкой можно запросто отрубить головы всем моим куклам.

— Конечно, — подтвердил Аззи. — Но, пожалуй, этого делать не стоит. Ведь ты любишь своих кукол, и тебе будет их жалко, если все они окажутся обезглавленными.

— Ты прав, — сказала Бриджит и захныкала, представив, какую тяжелую утрату ей пришлось бы пережить. — А как же мне играть с новой гильотиной, если я не могу отрубать головы куклам? — Она посмотрела по сторонам. — Может, взять одного из новорожденных щенков...

— Нет, Бриджит, — возразил Аззи. — Хоть я и воплощение зла, но не настолько жесток к животным. Для них в аду зарезервировано специальное отделение. Видишь ли, дорогая моя, с такими игрушками нужно обращаться осторожно, а играть с ними можно только всерьез.

— Чего же хорошего в этой игрушке, если даже нельзя никому отрубить голову? — насупилась Бриджит.

Пока что все шло точно по плану Аззи, разработанному в соответствии с правилами того сорта зла, который называют мерзким.

— Перестань хныкать, — сказал Аззи. — Я принесу тебе что-то необыкновенное.

— А что?

— Что-то такое, чему можно будет отрубить голову!

— Ой, дядя Аззи! — Бриджит подбежала к демону и обняла его. — А когда ты принесешь мне это что-то?

— Скоро, дорогая моя, очень скоро. А пока будь хорошей девочкой и занимайся своими игрушками. Дядя Аззи тотчас вернется с новым подарком.

Последняя служба

Глава 1

Прекрасный принц и принцесса Скарлет занимались благоустройством скромного замка, который достался им по рекомендации Золушки. Замок располагался в очень живописной мест-

ности на берегу Рейна и был окружен зарослями цветущего шиповника. Прекрасный принц сделал из своего боевого щита сажалку и увлекся разведением ароматических трав. Вокруг их очага танцевали духи добра, а их спальню населяли духи секса.

— Принц! Не зайдешь ли ко мне на минуточку? — позвала Скарлет.

Принц выглянул из огорода, где он сажал рассаду экологически чистых овощей.

— Где ты, любимая?

— В спальне.

— Я иду.

Принц обнимал, целовал и ласкал принцессу, а из северо-западного угла спальни, из-под самого потолка за ними наблюдало всевидящее око. Принц и принцесса упали на широкую мягкую постель; добрые духи, праздновавшие блестящую победу в состязаниях в честь нового тысячелетия, снисходительно улыбнулись, а всевидящее око смотрело все так же строго. Когда же принц расстегнул на принцессе блузку и снял ее, око мигнуло и закрылось.

Глава 2

В это время в своем аугсбургском поместье Аззи выключил всевидящее око — одна из последних вещей, приобретенных им в адском отделе снабжения. Неожиданно на дворе послышался шум. Аззи выглянул в окно и увидел, что по дорожке ковыляет Безымянный Ужас. Внешне он отдаленно напоминал человека. Один коготь Безымянного Ужаса висел на перевязи, а глаз закрывала черная повязка.

— Привет, Аззи! — сказал Безымянный Ужас.

— Приветствую тебя, Безымянный Ужас, — отозвался Аззи. — Даю тебе примерно пять секунд на то, чтобы сообщить, что дало тебе право нарушить мое одиночество. А через пять секунд я вышибу тебя отсюда пинком в твою бесформенную задницу.

Глазницы привидения загорелись, а его рот искривился и принял такую форму, которая, вероятно, должна была означать улыбку.

— Ах, Аззи, мой господин! Я так и представлял себе нашу встречу! Я так давно хотел увидеть тебя!

— Что за околесицу ты несешь? — спросил Аззи.

— Я твой самый искренний поклонник и надеюсь сделать в этом мире что-то значительное. Сейчас я только учусь на демона

и отбываю срок в обличье Безымянного Ужаса. Но рано или поздно срок кончится, и мне присвоят звание настоящего демона. Я очень надеюсь, что тогда я буду похож на тебя!

— Ты смеешься надо мной, — сказал Аззи, язвительно усмехаясь; тем не менее слова Безымянного Ужаса ласкали его слух. — Что хорошего быть похожим на меня — проигравшего неудачника?

— Должно быть, ты еще не знаешь, чем все кончилось, — сказал Безымянный Ужас, немного затвердевая, чтобы улучшить дикцию. — Силы зла решили наградить тебя специальным призом. — С этими словами Безымянный Ужас вручил Аззи коробочку.

Аззи открыл коробочку. В ней лежало стилизованное скульптурное изображение демона. Статуэтка была окрашена в омерзительный оранжевый цвет, и только глаза стилизованного демона светились зеленым огнем.

— И что же значит этот хлам? — поинтересовался Аззи.

— Это специальный приз за лучшее злое деяние накануне нового тысячелетия.

— За какое такое деяние?

Из складок своей бесформенной одежды Безымянный Ужас извлек свиток и прочел:

— «В знак признательности за мастерское представление во время банкета в честь присуждения наград победителям состязаний по случаю наступления нового тысячелетия, когда вышеупомянутый Аззи Элбуб с помощью различных вызванных им мерзостных явлений нарушил программу и сделал невозможным дальнейшее проведение банкета, доказав тем самым, что, даже потерпев поражение в борьбе за главный приз, а именно — управление судьбой человечества в предстоящем тысячелетии, он обладает достойной восхищения наглостью и невероятным хладнокровием, каковые и отличают истинного энтузиаста вечного сада сил зла».

Аззи взял приз и повертел его в руках. Признаться, статуэтка ему нравилась. Конечно, это не главный приз; несмотря на неудачу в строительстве собора, тот второй раз подряд выиграли силы добра, правда, на сей раз — за неявкой соперника. И все же на камине статуэтка будет смотреться неплохо.

— Что ж, благодарю тебя, молодой демон, — сказал Аззи. — Я понимаю, это всего лишь что-то вроде утешительного приза, но все равно благодарю. Говоришь, ты мой поклонник, да?

— Совершенно правильно, — подтвердил Безымянный Ужас и пропел такую бессовестную хвалу Аззи, что она привела бы в

замешательство и смущение любое другое существо, но только не Аззи. Наш демон никогда не страдал от недостатка самоуверенности и самодовольства, недостатки он замечал только в других и поэтому был искренне польщен.

— Благодарю тебя, Безымянный Ужас. Я принимаю этот приз. Скажи комитету, что я признателен им за присуждение приза. Теперь иди и твори зло!

— Я очень надеялся, что ты именно это и скажешь! — ответил Безымянный Ужас и удалился.

Глава 3

Получить приз от сил зла было очень приятно, но этим дело не кончилось. Вскоре возле аугсбургского поместья Аззи появилось ослепительное сияние.

— Кого еще черт принес? — проворчал Аззи. Он только что собрался погрузиться в скверное настроение и совсем не хотел, чтобы ему мешали.

Сияние постепенно принимало более определенную форму. Аззи терпеливо ждал. Наконец сияние материализовалось в живого Гавриила.

— Приветствую вас, Аззи! — крикнул Гавриил. Он был все такой же высокий и светловолосый, с той же глупой рожей.

— Ага. Привет и все такое прочее, — отозвался Аззи. — Надо думать, ты прилетел, чтобы посыпать соль на мои раны?

— Ни в коей мере. Вы же знаете, я никогда не злорадствую.

— Правильно, — согласился Аззи, — поэтому ты мне еще больше действуешь на нервы.

— Вы большой шутник, — сказал Гавриил. — Однако позвольте мне сообщить о цели моего визита.

— Валяй, если тебе так хочется. Мне все равно.

— «От имени и по поручению Комитета сил света, — начал читать Гавриил по свитку, который он извлек из складок своих белых одежд, — настоящим присуждается специальный приз сил света Аззи Элбубу, демону, но не совсем проклятому, за услуги, оказанные силам света, которые способствовали их победе в состязаниях за право управлять судьбой человечества в грядущем тысячелетии».

С этими словами Гавриил вытащил из-за пазухи небольшую, тошнотворного желтовато-белого цвета фигурку ангела с блестящими голубыми глазками и крохотными крылышками.

— Что ж, — сказал Аззи, который с удивлением обнаружил,

что ему льстит внимание сил света, — это очень любезно со стороны сил света. Очень любезно.

Аззи хотел было по привычке добавить что-то неприятное специально для ангела, но почему-то подходящие слова не приходили на ум. Итак, Аззи получил призы и от сил света, и от сил тьмы. Он мог поклясться, что до него никому не удавалось выиграть два таких приза.

Когда Гавриил улетел, Аззи задумался. Он поставил оба приза на стол. «Довольно привлекательные фигурки», — подумал он. В глубине души Аззи был польщен, хотя старался убедить себя в обратном. Конечно, он все еще кипел от злости, стоило ему вспомнить, насколько близок был настоящий приз, главный приз в честь нового тысячелетия. Но после драки кулаками не машут.

Теперь ему нужно было прежде всего немного отдохнуть и — странно, почему вдруг пришла в голову такая мысль? — приготовить на ужин что-нибудь домашнее. Потом можно будет усушить своих врагов до подходящих размеров и отправить их Бриджит — пусть она поиграет со своей гильотиной. Мысли Аззи переключились на Илит. Последнее время он уделял ей мало внимания; уж слишком много сил отнимали состязания. Но теперь все это позади.

«Можно будет взять отпуск», — подумал Аззи. Помнится, в Индии было прелестное местечко, где работало уже не одно поколение наемных убийц. Каждый год перед тем, как присоединиться к паломникам, они приносили в жертву не одну тысячу несчастных. Где-то к северу от Ганга, на плоской вершине невысокой горы, наемные убийцы построили для себя настоящий курорт. Аззи был уверен, что сумеет найти это место. Было бы просто замечательно отправиться туда вдвоем с Илит. Он вспомнил развлечения, которые были в моде на курорте в его последнее посещение: боулинг с человечьими головами вместо шаров, игра в крокет шеями жирафов, настольный теннис глазными яблоками. Да, надо дать Илит как следует отдохнуть.

Глава 4

Как раз в этот момент в дверь постучали. Это оказался почтальон. Он принес Аззи огромный мешок из конской шкуры высотой не меньше трех футов. Почтальон поставил мешок и ушел. Мешок задергался, из него послышались жалобные стоны.

— Кто там? — спросил Аззи.

— Это я, хозяин, — донесся приглушенный голос Фрике. — Хозяин, я был бы тебе очень признателен, если бы ты снова собрал меня.

— Соберу, — сказал Аззи. — Но сначала мне нужно кое-что сделать. Ты не видел Илит?

— Из мешка мне ничего не видно, — ответил Фрике. — Пожалуйста, собери меня, очень прошу тебя.

В этот момент наверху послышалось пение.

— Всему свое время, — успокоил слугу Аззи. — Кажется, я слышу ее голос.

Аззи поспешил наверх. Да, конечно, это Илит пела старинную песню ведьм, сложенную еще в те далекие времена, когда египетские пирамиды только закладывались.

— Илит! Где ты?

— Я здесь! — отозвалась Илит.

Аззи быстро прошел в спальню для гостей, откуда доносился голос ведьмы. Илит укладывала вещи в небольшой чемоданчик. Она прямо-таки сияла. «Впрочем, — подумал Аззи, — дело не только в этом, что-то в ней изменилось». Может быть, цвет лица? Да, она определенно побледнела. А ее глаза, прежде черные как смоль и очаровательно зловещие, стали васильково-синими.

— Илит! Что с тобой? — воскликнул Аззи. — Ты заразилась добром? Я знаю несколько заклинаний и целебных трав, которые очень хорошо помогают...

— Аззи, не беспокойся, со мной все в порядке, — ответила Илит. — То, что ты заметил, это всего лишь видимое проявление счастья.

— Что же сделало тебя счастливой?

— Дорогой, я не знаю, как тебе объяснить...

— Тогда не объясняй никак, — прервал ее Аззи. — Если ты начинаешь такими словами, то твое известие наверняка будет плохим, а плохих известий у меня и без того хватает.

— А что это за фигурки у тебя в руках? — спросила Илит.

— А, это. Призы. Один от сил света, другой от сил тьмы. Насколько я понял, и те и другие считают, что я их заслужил.

— Это же прекрасно, Аззи!

— Да, это приятно, — согласился Аззи. — Но послушай меня, Илит. Я понял, что относился к тебе недостаточно внимательно. Надеюсь, ты понимаешь, как это бывает, если серьезно воспринимаешь службу силам зла. Всегда занят по горло. Я слишком долго не уделял тебе внимания. Теперь хочу загладить свою вину и пригласить тебя в один великолепный, очень уютный

отель в Индии. В это время года в Индии прекрасная погода. Мы будем заниматься спортом, развлекаться и вообще изумительно проведем время. Что скажешь?

— Ах, Аззи, — тихо, со вздохом ответила Илит, — если бы ты знал, как я хотела услышать от тебя такие слова!

— Что ж, теперь ты их услышала. Хорошо, что ты собрала вещи. Мы можем отправиться сейчас же.

— Дорогой, мне ужасно неприятно говорить тебе об этом, но я люблю другого.

— Ой! — сказал Аззи, сел, потом снова встал. — Ладно, кто бы ни был этот другой, пусть он летит с нами. Ведь злу свойственно делиться, даже когда ты этого не хочешь, не правда ли?

— Боюсь, это невозможно. На это Гавриил никогда не согласится.

— Гавриил!

— Да, я полюбила Гавриила. Он звал меня с собой. Он сказал, что знает прекрасное местечко — там одни зеленые луга, а на лугах резвятся ягнята и всюду сверкают весенние цветы.

— Звучит достаточно противно, — заметил Аззи. — Что ты задумала, Илит? Злу не пристало восхищаться барашком, если только он уже не принял форму отбивной, приготовленной с розмарином и поданной с мятным желе.

— Аззи, ты неисправим, — улыбнувшись, сказала Илит. — Ты ничего не понял. Я приняла другую веру. Я решила служить добру.

— Нет! Илит, только не ты! Из тебя нужно немедленно изгнать нечистую силу.

— Аззи, все совсем не так, — возразила Илит. — Я полюбила Гавриила. Теперь я пойду с ним и стану таким существом, которое он тоже сможет любить и уважать.

Аззи постарался взять себя в руки.

— Ты уверена, что сама хочешь этого? — спросил он.

— Совершенно уверена. Взгляни!

Илит повернулась, и Аззи увидел, что у нее на спине выросли крылышки. Они были белее только что выпавшего снега, белее пены на гребнях волн спокойного моря. Пока что они были совсем крохотными, но будут расти. Илит превратилась в создание света.

— Это отвратительно, — сказал Аззи. — Ты еще пожалеешь о своем безрассудном поступке, уверяю тебя.

Он вышел, не закрыв за собой дверь.

Прекрасный принц и принцесса Скарлет! И их счастье! Они приводили Аззи в восхищение, как ни старался он убедить себя в обратном. Аззи вернулся в кабинет и направился к большому, с чуть заметным синеватым отливом волшебному зеркалу. Зажав в одной руке бутылку с ихором, он неуверенной походкой подошел к зеркалу, остановился, уставился в него и приказал:

— Покажи мне их.

— Кого показать? — спросило зеркало.

— Ты знаешь кого, — ответил Аззи.

— Сию минуту, я только установлю связь.

Аззи ждал и кипел от злости. В стороне стоял кожаный мешок, из которого доносились жалобные вопли разобранного на части Фрике. На эти вопли Аззи не обращал внимания. Охваченный дьявольским наваждением, окрыленный нечистыми помыслами, он смотрел, как зеркало сначала затуманилось, потом на нем появилось смутное изображение, постепенно становившееся все более и более четким. Конечно, в зеркале появились Прекрасный принц и принцесса Скарлет. Как же великолепно они выглядели! В своих шелковых одеждах принц и принцесса казались олицетворением всего добра, какое только могло существовать во вселенной.

Аззи слышал нежное воркование влюбленных.

— Мой мальчик любит меня? — это говорила Скарлет.

— Я твой навсегда, — ответил принц. — Знаю, в таких делах не принято заглядывать в будущее. Знаю и то, что через много лет злые языки скажут, что я грубо обращался с тобой или ты придиралась ко мне по мелочам. Но какое нам дело до злых языков? Мы молоды, любим друг друга, мы красивы и назло всем нашим недоброжелателям останемся такими надолго. Мы будем верны друг другу и не устанем любить никогда.

— Какие хорошие слова ты нашел! — воскликнула принцесса, снова падая в объятия принца.

— Значит, вы счастливы? — злобно заметил Аззи. — Ладно, посмотрим. Не может быть, чтобы я что-нибудь не придумал.

— Хозяин! — донесся голос из кожаного мешка. — Я придумал!

— Что ты придумал? — спросил Аззи.

— Ах, хозяин, удели мне минуту, собери меня снова, и я с радостью расскажу тебе!

— Пусть лучше твоя мысль будет доброй, — пробормотал Аззи, — иначе тебе придется еще раз встретиться со злым мечом.

Демон развязал мешок, по частям вытащил оттуда Фрике, разложил и быстро собрал слугу заново. Руки оказались немного не на том месте, потому что Аззи торопился, да и выпил сверх всякой меры, но в целом его работа заслуживала самой высокой оценки.

— Ох, хозяин, я так тебе признателен! — сказал Фрике.

— Теперь говори, что ты придумал.

— Ох, хозяин, ты еще вполне можешь отомстить этим презренным молодым, красивым и счастливым. Хозяин, ты забыл о нелимитированной кредитной карточке! Она еще у тебя!

— Хорошая мысль, Фрике! Я сейчас же отплачу этим весельчакам!

Из жилетного кармана Аззи достал кредитную карточку и дважды постучал ею о достаточно мерзкую поверхность. Какое-то время ничего не происходило, потом перед демоном откуда ни возьмись появился клерк из адского отдела снабжения.

— Ну и что тебе надо?

— У меня особый заказ, — сказал Аззи со смущенной улыбкой. В свое время он потратил немало времени на отработку такой улыбки, но еще ни разу не пускал ее в ход, приберегая для более подходящего случая. Теперь был именно такой случай. К чертям все правила!

— Что же ты хочешь?

— Во-первых, какое-нибудь стихийное бедствие. Такое, чтобы замок Прекрасного принца и его супруги Скарлет рухнул у них на глазах. Потом мне потребуется специальное отделение в аду, куда бы я смог поместить их на несколько тысяч лет, чтобы они поняли — не стоит щеголять своим счастьем перед демоном.

— Какое же ты хочешь стихийное бедствие? — спросил снабженец, доставая карандаш и бланк заказа.

— Пусть будет землетрясение.

— Так и запишем: землетрясение, одна штука, — сказал снабженец. — Теперь я покажу тебе наш каталог специальных отделений в аду.

С этими словами снабженец открыл толстенный гроссбух, но тут же поднял голову, услышав звон большого колокола. Аззи тоже обратил внимание на колокольный звон. В ближайшем к поместью демона городке зазвонили все колокола.

— В чем дело? — не понял Аззи. — Ведь сегодня не воскресенье?

Фрике торопливо заковылял к окну.

— Нет, хозяин, это люди начали отмечать канун нового тысячелетия! Они танцуют прямо на улицах! Ох, хозяин, перед моими глазами разворачивается такое неприличное веселье!

— К черту веселье, — сказал Аззи и повернулся к снабженцу: — Чего же ты ждешь? Где мое землетрясение?

Снабженец подло ухмыльнулся и с явным удовольствием захлопнул свой гроссбух.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но твой заказ отменен.

— Что за чепуху ты несешь! Если ты сейчас же не выполнишь мой заказ, я тебе все кишки выпущу и намотаю их на твою гнусную шею!

— Не выпустишь, — возразил снабженец. — Колокола пробили полночь. Наступило новое тысячелетие. Состязания закончены, и Высшие силы тьмы аннулировали твою нелимитированную кредитную карточку.

— Не может быть! Только не сейчас! Мне нужно сделать всего лишь одно очень важное дело!

Аззи неистово размахивал карточкой. Снабженец еще раз отвратительно ухмыльнулся, махнул рукой, и карточка расплавилась прямо в руках у Аззи.

Аззи издал вопль, полный неподдельной злобы и бешенства. Фрике в испуге отшатнулся и спрятался внутри доспехов с искусной гравировкой. Аззи с силой топнул ногой. Под ним разверзся сначала пол, а потом и земля. Аззи падал все ниже и ниже; ему предстояло падать до глубочайшего, темного, холодного тоннеля, где ему придется некоторое время побродить, чтобы восстановить самообладание. К образовавшейся дыре поспешил Фрике; всмотревшись, он с трудом различил все еще падающего, все еще кипящего от злости Аззи. А на всей земле, во всех городах и во всех деревнях праздничный колокольный звон — благовест продолжал возвещать о наступлении нового тысячелетия.

Коль с Фаустом
тебе не повезло

Часть I

СПОР

Глава 1

Два представителя сил света и тьмы договорились встретиться в трактире «на полпути», в преддверии ада, чтобы продолжить свой давний спор, возникший еще в незапамятные времена.

Лимб, или преддверие ада, был нейтральной полосой между двумя обширными владениями — Обителью Света и Обителью Тьмы, сумрачной приемной между двух гостиных, полутемной сценой, пустовавшей и в лучшие времена, но никогда не оставшейся без единого актера.

Именно там и размещался трактир «На полпути». Он стоял в самом центре преддверия ада, на границе, разделявшей Лимб на две части — ту, что была ближе к Небесам, и ту, что располагалась ближе к Аду, — старый, покосившийся бревенчатый дом под обветшалой кровлей. Конечно, в таком забытом богом месте вряд ли могло процветать солидное торговое дело. Трактир существовал в основном за счет поддержки как со стороны светлых, так и со стороны темных сил — на тот случай, если духам придется отправляться в дальний путь: очевидно, по старой привычке обе великие силы полагали, что добрая кружка любимого напитка не повредит на дорогу.

— Вот и знаменитый трактир «На полпути», — промолвил архангел Михаил. — Признаться, я здесь впервые. А что, кухня у них приличная?

— Путники на нее не жалуются, — отозвался Мефистофель. — Однако всего лишь через полчаса после трапезы ты уже забываешь вкус и аромат яств. Удовольствие и наслаждение в этих краях — всего лишь иллюзия, обман чувств, как, впрочем, и все остальные блага.

— Что это за площадь там, внизу? — спросил Михаил, указуя перстом на низшие сферы.

— Она зовется Площадью Ожидания, — ответил Мефистофель, поглядев в ту сторону, куда был направлен перст арханге-

ла. — В старые добрые времена туда отсылали всех добродетельных язычников и некрещеных младенцев; там они ожидали окончательного решения суда по их запутанным и сложным делам. Теперь это место уже не пользуется широкой популярностью, однако множество любопытнейших персон до сих пор попадает сюда в силу различных обстоятельств.

— Мне кажется, лучшего места для нашей беседы не найти, — перевел разговор на другую тему Михаил. Ему не нравилось многое из того, что происходило на Площади.

— Эта сфера принадлежит равно как твоему, так и моему народу, — сказал Мефистофель. — Лимб — нейтральная территория, так сказать, ни рыба ни мясо — во всяком случае, уж никак не добрый кусок баранины. Где еще сыщется лучшее место для встречи, которая должна положить начало нашему новому спору? Итак, не пройти ли нам внутрь?

Михаил секунду поколебался, прежде чем отвесить собеседнику легкий поклон в знак согласия, и вошел в таверну.

Михаил был строен и высок ростом — высок даже по архангельским меркам; при виде его атлетически сложенной фигуры невольно приходила на ум пословица «ладно скроен и крепко сшит». Темные курчавые волосы, крючковатый нос и оливковый цвет кожи позволяли угадать в нем потомка персов и семитов (в те давние времена, когда миром еще не овладела идея Единого Бога и все духи еще не были отданы под начало одной из двух противостоящих друг другу сил, а народы поклонялись местным божествам, он покровительствовал Израилю). Михаил уже давно мог бы изменить свой облик, если бы только пожелал, прибегнув к помощи пластической хирургии, — ведь в Вышних Сферах, где ваша внешность не дает вам ровно никаких преимуществ, каждый выглядит так, как он хочет, — однако он считал, что смуглая кожа, темные, вьющиеся мелкими кольцами волосы и орлиный профиль выделяют его из толпы златокудрых и синеоких архангелов.

— Однако на улице прохладно! — воскликнул Мефистофель, энергично потирая ладони. Он был среднего роста (среднего для одного из старших чинов ведомства сил тьмы, разумеется), худ, с типичным для аристократа узким, чуть вытянутым лицом; его маленькие, изящные ноги были обуты в щегольские лакированные туфли. Свои прямые черные как ночь волосы он зачесывал назад, разделяя пробором посередине. Небольшие аккуратные усы и острая клиновидная бородка придавали ему неестественный, почти театральный вид.

— Не может быть, — возразил ему Михаил. — Ведь в здешних краях нет ни холода, ни жары.

— Так говорят люди, — ответил Мефистофель, — но это неправда. Все разговоры о том, что в Лимбе нет ничего, о чем можно судить определенно, — полнейшая чепуха. Ведь здесь достаточно светло для того, чтобы мы могли видеть друг друга, не так ли? А уж если появился *свет*, то почему бы не быть и *холоду?*

— В Лимбе, — заметил Михаил назидательным тоном, — каждый видит внутренним зрением.

— И дрожит от внутреннего холода, — прибавил Мефистофель. — Нет, я все-таки считаю, что здесь ты не прав, Михаил. Ветер, гуляющий по Лимбу, бывает очень резким — особенно когда он дует с ледников Отчаяния и Безнадежности.

— Я не могу быть *не прав,* — не сдавался Михаил, — поскольку мы с тобой судим о вещах по-разному, являясь представителями двух знаменитых, но — увы! — противоборствующих философских систем. А потому неудивительно, что мы до сих пор не смогли прийти к согласию. Так было, так должно быть, так будет.

— О! Спор — это уже по моей части. — Мефистофель уселся за стол напротив Михаила, снимая серые шелковые перчатки. — Думаю, мы сойдемся хотя бы на том, что мы ни на чем не сходимся.

— Особенно на почве *городов* и *деревень.*

— О да. Кажется, наш предыдущий спор так и остался незавершенным?

Мефистофель намекал на последнюю Тысячелетнюю Войну между силами света и силами тьмы, разгоревшуюся из-за власти над судьбами людей. Причиной для этой длительной и упорной борьбы послужил один причудливый образ, созданный молодым демоном Аззи, заставившим звучать на иной лад старую легенду о Прекрасном принце, чтобы в положенный срок привести ее к печальному концу. На сей раз демон оставил в стороне свой обычный арсенал козней и интриг, просто-напросто сделав своего героя игрушкой неумолимой и беспощадной Судьбы, постоянной спутницы его неудач. Силы добра приняли вызов, вступив в единоборство со злом, несмотря на явное преимущество противника в данном споре. Впрочем, добро всегда вступает в неравные схватки — очевидно, оно слишком твердо верит в господство своих идеалов над людскими умами, в то, что весь этот сентиментальный груз, будучи помещен на одну чашу весов, неизбежно перевесит зло; и потому его не смущают уступки про-

тивнику в самом начале поединка — таким образом они как бы попросту уравнивают силы.

Силы тьмы, в противоположность светлому началу, избирают извилистые и сложные пути интриг, ибо это их родная стихия. Свет, стремящийся к ясности и простоте (несмотря на некоторую склонность к догматизму), с древнейших времен противостоит коварным измышлениям тьмы, хотя часто терпит поражения, ведь сохранить равновесие можно лишь до той поры, пока чаша весов не склонится на какую-либо сторону, — тогда считается, что свершилось то, что и было предопределено.

К посетителям подошел хозяин таверны — мужчина неопределенного возраста, невыразительной внешности — надо сказать, это присуще всем, кто прожил некоторое время в Лимбе. Характерные приметы, по которым его только и можно было отличить от остальных, — легкое косоглазие и огромные плоские ступни, обутые в грубые башмаки.

— Слушаю, господин мой, — почтительно обратился он к Мефистофелю, склонившись перед ним, — чем могу вам служить?

— Подайте дайкири с кровью богов, — приказал Мефистофель.

— Будет исполнено, мой господин. Не угодно ли отведать пирога по-дьявольски? Свежайший пирог!

— Прекрасно. Что еще?

— Окорочка сегодня хороши. Доставили из Чистилища. Тамошние черти готовят их для нас по особому рецепту. Отменная ветчина с пряностями и специями!

— А кровяных колбасок нет?

— Они бывают только по четвергам.

— Хорошо. Принесите окорочка, — распорядился Мефистофель. И прибавил, обращаясь к Михаилу: — Что ж, постараемся не ударить в грязь лицом!

— Конечно, — отозвался Михаил. — Однако не пора ли переходить от слов к делу?

— Я готов, — заявил Мефистофель. — Надеюсь, ты захватил с собой копии проектной документации?

— В том не было нужды, — ответил ему Михаил. — Весь план у меня в голове. Нам выпала честь выбирать повод для новой Тысячелетней войны. Надеюсь, что на сей раз мы сумеем разрешить наш старый спор — считать ли города злом или добром.

— Как быстро летит время, когда ты бессмертен!.. — сказал Мефистофель. — Итак, пусть города растут, словно грибы.

— Скорее как цветы — это более подходящее сравнение, — сказал Михаил.

— Время покажет, какой из образов окажется более удачным, — возразил Мефистофель. — Ну-с, покажи-ка мне одного из ваших городских святош, и я со своей удалой командой демонов тотчас заставлю его отречься от добра.

— Совсем не обязательно выбирать *святого,* — ответил Михаил, не нарушая старых добрых традиций светлых сил давать противнику фору в начале борьбы. — На сей раз мы придумали нечто более сложное. Нечто более всеохватывающее, грандиозное и величественное, чему, как видно, суждено войти в века начинающейся Новой Эры. Однако в подробности плана я посвящу тебя позднее. А пока... знаешь ли ты слугу нашего Фауста?

— О да, — оживился Мефистофель и тут же совершил типичную для сил зла ошибку, претендуя на знание того, чего он на самом деле не знал. — Ты, конечно, имеешь в виду Иоганна Фауста, известного шарлатана, ныне живущего в... как же называется теперь это место?.. Кенигсберг?

— Время покажет, шарлатан он или нет, — в тон Мефистофелю отозвался Михаил. — Однако он совсем не в Кенигсберге. Ты найдешь его в Кракове.

— Ах да, конечно, — воскликнул Мефистофель, — как я мог забыть об этом! Помнится, он поселился в скромном домике неподалеку от Ягеллонского университета.

— Верно. Он живет холостяком в небольшой квартирке на улочке Казимежа, что у Флориановой Заставы.

— Эти названия все время вертелись у меня на языке, — сказал Мефистофель. — Я тотчас отправлюсь туда и посвящу его в подробности нашего замысла. Кстати, в чем же он все-таки заключается?

— А вот и заказанные тобой окорочка, — ответил Михаил. — Пока ты ешь, я буду рассказывать.

Глава 2

Иоганн Фауст был один в своей небольшой городской квартире в Кракове, далеком польском городке, куда его привела стезя странствующего ученого-философа Аристотелевой школы. Профессора Ягеллонского университета охотно приняли в свой круг большого грамотея — ведь Фауст знал наизусть все наиболее известные творения великих умов древности: Парацельса,

его предшественника Корнелия Агриппы, а также более ранние, секретные работы Вергилия, величайшего мага Римской эпохи.

Обстановка в доме Фауста была скромной: простой деревянный пол, который по утрам подметала служанка, не покрывали ни пестрые ковры, ни узорчатые дорожки. Переступая порог рабочего кабинета Фауста, эта служанка осеняла себя крестным знамением, шептала молитвы и трижды сплевывала через левое плечо, а то — не дай бог! — не случилось бы какой беды. Правду говорят: уж коли связался с таким загадочным и мудреным человеком, как Фауст, до беды — и до ада один шаг. Всякий раз, открывая дверь кабинета, она вздрагивала и, отступив на шаг, торопливо крестилась — опять на полу нарисованная мелом пентаграмма, — каждое утро она тщательно стирала ее, а на следующий день пентаграмма появлялась снова. Углы пентаграммы были испещрены арабскими письменами; среди изящных букв и цифр порой попадались странные знаки, которые не смогли бы разгадать даже масоны.

В рабочем кабинете, так же как и в остальных комнатах, было мало мебели; каждая вещь годами стояла на отведенном месте, не сдвигаясь ни на дюйм. Перегонный куб помещался в углу. В маленьком камине горел уголь — Фауст топил днем и ночью, летом и зимой, — ему все время было холодно. В комнате было высокое готическое окно, но плотные шторы всегда низко опущены, и дневной свет почти не проникает в комнату: глаза Фауста привыкли к полумраку, к неяркому, мерцающему свету очага и золотистым огонькам свечей — около дюжины длинных восковых свечей сутки напролет оплывали в оловянных подсвечниках. Это были высокие белые свечи — роскошь, по тем временам недоступная большинству краковчан. Несколько состоятельных горожан снабжали Фауста этими прекрасными ароматизированными свечами — в их белый воск были добавлены мирра, травяные бальзамы и редкостные, баснословно дорогие экстракты душистых весенних цветов. Их благоухание порой заглушало удушливые запахи паров ртути и других металлов, смешанные с едкой вонью разнообразных специй дьявольской кухни алхимика.

Фауст мерил шагами свой рабочий кабинет — десять шагов в одну сторону, к стене, на которой висел портрет Агриппы, и десять шагов в другую, к комоду, где стоял мраморный бюст Вергилия. Шелковая серая мантия, какие обычно носили преподаватели университета, путалась между тощих, длинных ног Фауста; огоньки свечей трепетали от легкого движения воздуха, когда он проходил мимо. Фауст разговаривал сам с собой — он уже

давно приобрел эту привычку, характерную для замкнутых и одиноких людей, особенно для ученых.

— Просвещение! Мудрость! Знание! Музыка небесных сфер! Проникновение во все тайны бытия — от глубин самых далеких морей до высочайших горных вершин! Возможность с уверенностью сказать, что кушает на завтрак китайский император и что шепчет своей любовнице король франков во тьме бесконечной ночи, во мраке ада! Прекрасно! Но лично для *меня* какая от этого польза?

Казалось, слепые глаза мраморного бюста пристально следят за каждым движением ученого, расхаживающего взад-вперед по комнате; возможно, легкое трепетание пламени свечей и чуть колышущиеся тени были причиной того, что каменное лицо ожило, брови слегка приподнялись, а бескровные тонкие губы римлянина приоткрылись от удивления: сегодняшняя лекция была совсем не похожа на предыдущие речи, которые старому магу приходилось терпеливо выслушивать от доктора Фауста.

— О да, — продолжал Фауст, — я знаю все это и даже кое-что сверх того. — Он рассмеялся не без сарказма. — Я могу уловить гармонию божественных сфер, о которых знал Пифагор. Я вычислил координаты той самой неподвижной точки, о которой говорил Архимед, похваляясь, что сможет перевернуть земной шар. Я знаю, что с помощью могучих сверхъестественных сил, повинующихся лишь посвященным, я сам могу стать рычагом, переворачивающим землю. Всю свою жизнь я провел над книгами, изучая тайные науки. И к чему же в конце концов меня привели бессонные ночи, бесконечные часы, проведенные над творениями известнейших мастеров древности, великих магов? То, что написано в этих книгах, суть пустая болтовня о сверхъестественном или нелепые выдумки и заблуждения. В конце концов я обнаружил, что, несмотря на все свои знания, я не могу избавиться даже от простого расстройства желудка или от лихорадки, которая мучает меня по утрам. Любой деревенский пастух, валяющийся со своей подружкой в стоге сена, во сто крат счастливее меня, ибо уж он-то не страдает от диспепсии и, конечно, не портит себе кровь, пытаясь разгадать неразрешимые загадки. О да, я снискал себе славу среди почтенных горожан и среди тех, которые именуют себя мудрецами. Имя мое известно не только на моей родине, но и за ее пределами. Чешский король увенчал мое чело золотым венком, провозгласив меня одним из величайших людей эпохи. Король французский, этот блистательный щеголь с венцом Хлодвига на гордых кудрях, заискивал предо мной, добиваясь моей благосклонности. Однако к чему все эти почести?

Они не могут разогнать хандру и излечить болезни. Чего я достиг, стремясь охватить необъятную сферу знаний своим земным, а следовательно, ограниченным умом? И зачем нужны мне мои знания, если все чаще по утрам меня мучает озноб, черты лица заостряются, а жизненные силы покидают мое тело, которое — увы! — в назначенный срок предадут земле?

За дверью раздался шум. Фауст, увлеченный спором с самим собой, не обратил на это никакого внимания.

— Эта безумная погоня за знаниями хороша, когда тебе нет еще тридцати и о смертном своем уделе ты имеешь лишь самые общие представления. В юности я грезил о нераскрытых тайнах. Я мечтал постичь высшую, божественную премудрость, известную лишь гордым духам и ангелам, чтобы утолить ею ненасытный голод своего сердца. Немало воды утекло с тех пор, и в волосах у меня прибавилось седины. И что я вижу, оглядываясь на свой долгий, нелегкий путь? Я стою у того самого порога, что и в начале пути, и все та же старая исхоженная дорога виднеется сквозь туман, хотя башмаки мои изрядно стоптались. Все тот же сердечный голод мучает меня — он не утолен, но, напротив, возрос тысячекратно.

И что за радость получаю я, гоняясь за призраком, за ускользающей тенью Истины? Увы, рассуждая здраво, я говорю: чего бы только не отдал я за то, чтобы вновь обрести здоровый цвет лица, молодую силу и бодрость духа! Я сижу в своей каморке и питаюсь жидкой овсяной кашей — единственной пищей, которую принимает мой испорченный желудок, — в то время как жизнь кипит за окнами моей мрачной кельи; купцы и ремесленники, горожане и сельский люд — все очертя голову бросаются в этот безумный вихрь, и каждый спешит взять от жизни как можно больше! И что мне делать с мертвым грузом моих знаний, которые я накопил за десятилетия упорного труда, роясь в древних рукописях, словно жук в навозной куче? Неужели я потратил свои лучшие годы на то, чтобы в конце концов заменить собой огромный книжный шкаф с пыльными фолиантами? И это моя конечная цель? И это все, чего я достиг? Если цена пустого, вздорного старого хлама — моя жизнь, то до чего же убогим и жалким должно показаться мое существование тому, кто посмотрит на него со стороны! Не лучше ли сразу покончить с собой? Вот этим тонким и острым кинжалом...

И Фауст взял в руки изящный стилет — подарок друга, ученика великого Николя Фламеля, ныне покоящегося на парижском кладбище при церкви Сен-Жакла-Бушери. Поднеся кинжал поближе к огню, он долго любовался игрой света на холод-

ной блестящей стали. Пристально глядя на клинок, он задумчиво произнес:

— Неужели напрасно проникал я в тайны кальцинирования и сублимации, конденсации и кристаллизации? Что толку в мастерстве, если мое внутреннее «я», Фауст гомункулус, бессмертный дух, заключенный в бренную земную оболочку, томится и страдает, скорбя о своем жалком жребии? Что пользы в мудрости, если твой разум, жаждущий просветления, обречен вечно блуждать во тьме, подобно кораблю без руля и без ветрил, плывущему неизвестно куда по воле ветра и волн? Может быть, лучше прервать этот тяжелый и мрачный сон одним ударом? Вонзить лезвие в живот и резко рвануть кинжал вверх, чтобы распороть тело до самой груди... Так поступали жители чудесного восточного острова, о котором я грезил, — величественные, гордые мужи в пышных и ярких одеяниях...

Вертя стилет в руках, он не спускал глаз с блестящего клинка. Пламя свечей трепетало, и тени плясали на стенах. В этой живой игре света и теней лицо мраморного бюста казалось строгим и осуждающим — древний мудрец явно не одобрял того, что услышал сейчас от своего младшего коллеги. Стояла глубокая тишина, нарушаемая лишь еле слышным потрескиванием свечей. И в этой тишине вдруг громко и отчетливо раздался звук, прилетевший откуда-то издалека. Звон церковных колоколов.

Фауст вздрогнул, словно внезапно пробудившись от глубокой дремы. Он вспомнил, что сегодня воскресенье, праздник Пасхи.

Его мрачные мысли развеялись столь же быстро, как и возникли. Он подошел к окну и приподнял тяжелые занавеси.

— Видно, я надышался парами ртути, — сказал он вслух, обращаясь к самому себе. — Нужно соблюдать осторожность, ведь Великое Дело таит в себе двоякую опасность для исследователя: с одной стороны, всегда возможна неудача, с другой — слишком быстрый успех нередко влечет за собой головокружение. Мне же лучше бы сейчас выйти на свежий воздух — благо утро теплое и солнечное, и молодая трава уже поднялась на лужайках — да выпить кружку пива в ближайшей таверне. Я чувствую, что мой желудок примет даже пару жареных колбасок, которые обычно подают к пиву... Да, несомненно, пары металлов из перегонного куба вступили в сложное взаимодействие с флюидами моего мозга, породив столь странные фантазии... Прочь! Немедленно вон из комнаты, чтобы рассеять их.

С этими словами Фауст накинул на плечи свой плащ, подбитый мехом горностая, и, проверив, на месте ли его бумажник,

направился к входной двери, что вела в ту бурлящую, кипучую жизнь, про которую ученый доктор Фауст только что говорил в своей пространной речи. Эта жизнь уже приготовила ему много разных чудес и неожиданностей, которые даже столь искушенный в тайных науках алхимик не мог предугадать.

Глава 3

Колокола всех краковских церквей звонили свое «Te Deum». Фауст шел по улочке Казимежа прочь от Флориановой Заставы, направляясь к широкой рыночной площади. Прислушиваясь к дружному хору колоколов, каждый из которых имел свой неповторимый тембр, он различал их на слух: колокол женского монастыря пел нежным, ангельским голоском; у святого Венцеслава был чистый серебряный тенор, у святого Станислава — звучный, раскатистый баритон, а у Собора Богоматери — низкий и густой рокочущий бас, резко выделяющийся из общего многоголосия.

Было великолепное, ясное весеннее утро. Казалось, лучи солнца проникали в каждую щель, в каждый узкий и темный переулок Старого Города, покрывая позолотой высокие крыши и остроконечные готические шпили. По небу плыли легкие кучевые облака — точь-в-точь такие, на которых художники прошлых времен часто изображали херувимов и другие аллегорические фигуры. Столь прекрасная погода могла поднять настроение даже самому мрачному из алхимиков, и у почтенного доктора разгладились морщинки между бровей. Он выбрал самый короткий путь до рыночной площади, свернув в кривой и узкий зловонный переулок, прозванный Тропой Дьявола. Тесно прижавшиеся друг к другу дома напоминали пузатых толстяков — каждый стремился раскинуться попросторнее, вылезая на узкую мостовую. Два человека, встретившись в этом переулке, едва смогли бы разойтись. Крутые крыши нависали над верхними этажами каменных построек, почти соприкасаясь друг с другом, и потому даже в солнечные, ясные дни переулок оставался темным, сырым и мрачным. Не пройдя и двух десятков шагов по скользкой мостовой, Фауст начал жалеть о том, что не пошел другой, более длинной дорогой. Конечно, он потратил бы лишнюю четверть часа, добираясь до рынка, но в конце концов, что значит какая-то четверть часа для философа и алхимика?

Он уже хотел повернуть назад, но дух упрямства пересилил разумное побуждение, и Фауст, поколебавшись несколько се-

кунд, зашагал вперед. Последний поворот был уже совсем рядом, а за ним сразу же открывался вид на площадь с ее шумной суетой и пестрыми торговыми рядами. Теперь он шел значительно быстрее, и профессорская мантия шелестела под его плащом в такт шагам тощих ног. Темные проемы открытых дверей двух каменных домов справа и слева от него казались черными провалами, ведущими в саму преисподнюю. Впереди показался свет — извилистый смрадный переулок кончался...

И тут Фауст услышал чей-то незнакомый голос, прозвучавший возле самого уха:

— Господин, постойте...

Алхимик остановился и оглянулся через плечо, готовясь дать отпор бесцеремонному прилипале, который попытался задержать его. Он заглянул в открытую дверь, но в полумраке тесного коридора ничего не смог разглядеть. Он уже собирался идти дальше, как вдруг за его спиной раздался подозрительный шорох. Острое чутье подсказало ему, что надо спасаться, но чувство опасности пришло слишком поздно — в тот самый миг, когда что-то твердое сильно ударило его в висок. На несколько мгновений перед его мысленным взором предстала удивительная картина — он увидел бездонное ночное небо, мириады неподвижных светил и огненные хвостатые кометы, несущиеся в неведомую даль. А затем глубокий обморок скрыл от него красоту сверкающих звезд своим черным бархатным покрывалом.

Глава 4

В это самое время у окон маленькой таверны под названием «Пестрая корова» над миской борща сидел светловолосый молодой человек, одетый небрежно и безвкусно, но с явной претензией на оригинальность. Он был высок и строен, гладко выбрит по итальянской моде; непокорные кудри соломенного цвета в беспорядке падали на плечи. Городской костюм, обтягивающий его мускулистую фигуру, был явно с чужого плеча и к тому же изрядно поношен и кое-где запачкан. Облюбовав один из столиков, выставленных хозяевами таверны на улицу, он зорко поглядывал по сторонам, поджимая губы и чуть прищуривая глаза; черты его лица при этом заострялись, придавая молодому человеку сходство с осторожным и хитрым лисом, вышедшим на охоту.

Таверна «Пестрая корова» располагалась прямо напротив дома, где жил доктор Фауст. Это был скромный, недорогой по-

стоялый двор, который облюбовали разного сорта бродяги и небогатые путешественники, стекавшиеся в Краков со всех концов Европы. В то время город процветал, переживая свой краткий золотой век между нашествием гуннов и жестокой битвой с венграми. Молва о нем разносилась далеко. Краков славился не только своей высокой культурой и успехами в области разных наук, привлекавших доктора Фауста, но и тонкими ремеслами, и богатыми торговыми палатами, куда привозили свои товары известнейшие германские и итальянские купцы.

В молодом человеке, с аппетитом доедавшем свой борщ, без труда можно было узнать одного из праздношатающихся авантюристов, кочующих из города в город в поисках приключений. Это был Мак по прозвищу Трефа; свою кличку он получил за ловкость в карточных играх. Колода карт была его постоянной спутницей, и он пользовался ею значительно чаще, чем подобает порядочному человеку. Никто не знал наверняка, откуда приехал в Краков этот нахальный выскочка, — одни говорили, что он из города Труа, из земель франков, другие утверждали, что он явился из какого-то грязного лондонского притона, из далекой Англии, чтобы попытать счастья в здешних краях. Но что бы там ни болтали городские сплетники, в одном они были правы: Мак Трефа принадлежал к тому сорту людей, которые обращаются с судьбой, как опытные наездники с горячей лошадью. Он был продувной парень, смышленый, острый на язык и к тому же получивший кое-какое образование: он обучался ремеслу писца в монастыре, но через год оставил душную келью, чтобы служить капризной богине Фортуне.

Прослышав об ученом докторе Фаусте, Мак стал шпионить за ним. Его привлекала репутация Фауста — знаменитого чародея и алхимика, имевшего весьма приличный запас драгоценных металлов, которые он постоянно использовал в своих колдовских опытах, а также то, что в свое время несколько могущественных королей щедро одарили доктора за чудодейственные мази и лекарства, которые он изготовил для них.

Мак задумал ограбить знаменитого ученого, рассудив, что человек, питающийся преимущественно духовной пищей, вряд ли уделяет слишком много внимания грубой пище земной. Он нашел себе сообщника — одного разбойника, оборванного, грязного латыша, который только и умел, что подстеречь выбранную жертву в укромном месте и оглоушить тяжелой дубинкой. В святой праздник Пасхи, когда горожане со своими семьями идут в церковь к воскресной мессе, Мак решил избавить доктора от наиболее движимой части его имущества.

Целую неделю Мак со своим наемным помощником кружили возле квартиры Фауста, как коршуны вокруг наседки, следя за каждым движением доктора. Очевидно, Фауст был мрачным и нелюдимым человеком — ведь за всю неделю он лишь несколько раз отлучался из дома. К тому же у него не было тех устоявшихся привычек, которые существенно облегчают ворам доступ в квартиры зажиточных горожан. Он просиживал в своей комнатке дни и ночи напролет, проводя таинственные опыты. Но уж если Фауст случайно выходил на улицу, можно было заранее угадать, куда он отправится — вниз по улочке Казимежа, а там свернет на Тропу Дьявола, кратчайшую дорогу к Ягеллонскому университету.

И когда солнечным весенним праздничным днем ученый доктор наконец-то вышел из своей квартиры, у Мака все уже было готово. Латыш, вооруженный увесистой дубиной, спрятался за одной из дверей в конце темного переулка, а Мак уселся в «Пестрой корове», как раз под окнами того дома, где жил Фауст. Ему предстояла самая сложная роль в этом деле: проникнув в дом и быстро сориентировавшись в обстановке, он должен был вынести все сокровища, которые ему удастся забрать. План заговорщиков был таков: примерно через полчаса после того как доктор скроется в узком переулке, Мак заберется в его квартиру. Если же случится что-то непредвиденное — скажем, латыш упустит доктора или его жертве каким-то чудом удастся увернуться от удара, — сообщник предупредит Мака, заглянув в таверну и подав ему условный знак. Однако время шло, а латыш так и не появился.

Доев борщ и бросив трактирщику медную монетку, Мак зашагал прочь от «Пестрой коровы», стараясь идти ленивой, плавной походкой, какой ходят по улицам и площадям больших городов праздношатающиеся зеваки. Подходя к дому Фауста, он как бы случайно обернулся назад, затем осторожно огляделся по сторонам. Убедившись в том, что все соседи доктора ушли в церковь, он направился прямо к крыльцу. Под мышкой Мак нес связку книг, испещренных непонятными письменами, якобы содержащими тайные колдовские заклинания, — эти книги он стащил из монастырской библиотеки в Чвнизе. Если кто-нибудь поинтересуется, что, собственно, он делает у дома почтенного доктора Фауста, он ответит, что принес книги на продажу, ибо слышал, что доктор Фауст, ученый, врач, чародей и вообще загадочный человек, собирает редкие рукописи, надеясь почерпнуть из них формулу Философского камня.

Взойдя на крыльцо, он постучал в дверь. Никто не отозвался. Четверть часа назад Мак видел, как хозяйка дома вышла на

улицу с кошелкой в руке; ее платок был повязан не слишком аккуратно, и волосы выбивались из-под узорчатой ткани: всему кварталу было известно, что она большая любительница горькой настойки и частенько напивается в одиночку. Из ее плетеной кошелки торчали пучки лекарственных трав, которые эта добропорядочная горожанка брала с собой всякий раз, когда собиралась навестить больную тетушку.

Мак постучал еще раз, потом толкнул дверь. Она была заперта. Большой железный замок закрывался тяжелым длинным ключом довольно простой формы. У ловкого Мака был дубликат этого ключа. Вынув свою отмычку из кармана, он вставил ее в замочную скважину. Однако, несмотря на все усилия Мака, его ключ-отмычка ни на дюйм не поворачивался в узкой щели замка. Тогда Мак вынул свой ключ и смазал его барсучьим жиром из предусмотрительно заготовленной масленки. Это испытанное средство для открывания тугих замков помогло безотказно: не прошло и минуты, как Мак перешагнул через порог дома, где жил Фауст.

Коридор, ведущий в комнаты первого этажа, казался мрачным, словно подземелье, — особенно когда вы входили в него с залитой солнечным светом улицы. Осторожно притворив за собой дверь, Мак пошел по этому узкому темному коридору. После первого поворота налево он оказался перед дверью, плавно закругленной наверху по моде тех времен. Мак был уверен, что она ведет в комнату доктора Фауста. Он толкнул дверь. Дверь плавно отворилась.

В рабочем кабинете знаменитого алхимика царил полумрак. Свечи догорали в оловянных шандалах; солнечный свет, едва пробивавшийся сквозь плотные занавеси, бледными пятнами лежал на стенах. Мраморный бюст Вергилия, казалось, следил из своего угла за высоким светловолосым парнем, крадущимся по комнате. Мак ступал легко и бесшумно; ни одна половица не скрипнула под его ногами. Воздух здесь был спертым и удушливым, пары серы и ртути отравляли его резким запахом, который не могли заглушить даже ароматные бальзамы и экстракты, добавленные в белый воск. На полу кое-где лежал мышиный помет. Стол возле перегонного куба был заставлен лабораторной посудой и завален разными предметами. Грани стеклянных бутылок и бока толстопузых колб тускло поблескивали, отражая неяркие огоньки белых свечек. В противоположном углу комнаты стояла простая, грубая койка, на которой доктор спал, — несколько широких досок были положены на деревянные козлы. Поверх жесткой постели накинута горностаевая мантия — эта

вещь свидетельствовала об изысканном вкусе хозяина и совсем не гармонировала со скромной обстановкой комнаты.

Мак не обратил на все окружающие его предметы никакого внимания — для него они были чем-то вроде театральных декораций. Его глаза бегали из угла в угол в поисках какой-нибудь маленькой прелестной вещицы, которую легко можно было бы вынести из дома, не привлекая к себе внимания прохожих. Эта вещица должна быть не только дорогой, но и изящной (ибо Мак был своего рода ценителем красивых вещей). Например, вот этот крупный изумруд, что лежит на заваленном всяким хламом рабочем столе Фауста между хрустальным шаром и человеческим черепом. Да, изумруд — неплохая добыча для взломщика! Мак протянул грязную руку к драгоценному камню, растопырив длинные пальцы, но тут комнату потряс удар грома.

Мак застыл, прислушиваясь. Ему показалось, что стены отозвались эхом на гулкий громовой раскат, словно высокие горы, в которых долго не смолкает шум обвала. Сверкнула ослепительная вспышка. Мак изумленно глядел, как языки пламени пляшут на полу посреди комнаты, но деревянный пол почему-то не загорается. Сквозь колышущуюся завесу этого сверхъестественного огня стали проступать контуры человеческой фигуры.

Постепенно призрак стал обретать более отчетливую форму. Открыв рот, Мак завороженно следил за тем, как тускнеет и опадает медно-красное пламя, а высокий темноволосый незнакомец с тонкими усами и клиновидной бородкой выходит из этого пламени целым и невредимым.

Незнакомец был одет во фрачную пару, строгую и элегантную. В руке — свиток пергамента, перевязанный алой лентой.

— Приветствую вас, почтенный доктор Фауст, — сказал он низким, звучным голосом, делая шаг к Маку. Колдовской огонь потух сам собой так же внезапно, как и вспыхнул. — Я Мефистофель, Князь Тьмы, трижды удостоенный почетной награды за Величайшее Зло Года нашей крупнейшей и солиднейшей фирмой «Стандард демоникс», основанной много веков назад.

Хотя Мак до сих пор не мог двинуться с места от изумления, все же он нашел в себе силы ответить:

— Э-э... Приветствую... Рад с вами познакомиться.

— Возможно, вас удивил несколько необычный способ, которым я воспользовался, чтобы попасть сюда?

— Э-э-э... нет, не совсем, — запинаясь, ответил Мак. Обычная находчивость и сообразительность на сей раз изменили ему; однако внутреннее чувство подсказывало, что странного пришельца ни в коем случае нельзя раздражать и сердить, поэтому

он искал подходящий уклончивый ответ, позволяющий выпутаться из сложной ситуации, в которую он попал. — Я хочу сказать, это было вполне... э-э... приемлемо.

— Я совершил Малый Парадный Вход, — пояснил Мефистофель, — ибо для Большого Парадного Входа здесь слишком мало места: весь огненный фейерверк, полагающийся по протоколу, потребовал бы огромного количества пороха, которое просто не поместилось бы в этой комнате. Надеюсь однако, что Малый Парадный Вход подтверждает мои честные намерения и в какой-то мере послужит доказательством моих слов. Я явился сюда из потустороннего мира с предложением, которое вы едва ли отвергнете.

Пока Мефистофель произносил свою речь, у Мака было достаточно времени, чтобы овладеть собой. Он принял важный и степенный вид. Ему не раз приходилось попадать в серьезные переделки, когда от выдержки и хладнокровия зависели его жизнь и судьба. Правда, он никогда еще не встречался с демонами лицом к лицу; однако в средневековой Европе подобные чудеса были не столь уж редки, и молва о наиболее выдающихся из них переходила из уст в уста.

— Ответьте же мне, доктор Фауст, — послышался звучный голос Мефистофеля, — не благоугодно ли будет вам выслушать мое заявление?

Конечно, Мак понимал, что могущественный пришелец из мира духов, Мефистофель, ошибается, принимая его за ученого доктора Фауста. Что поделаешь, даже демонам свойственно заблуждаться! Тем не менее Мак не собирался исправлять ошибку Мефистофеля — отчасти потому, что это могло быть не совсем безопасно, учитывая весь шум, который демон устроил ради своего Малого Парадного Входа, но главным образом из-за выгоды, которую Мак, обладавший природным чутьем на такие дела, мог извлечь из случайной встречи с Мефистофелем и роковой оплошности, допущенной представителем сил тьмы. Однако прежде чем строить какие-либо планы, Маку следовало получше узнать, что на уме у его собеседника.

— Я с глубочайшим вниманием выслушаю ваше предложение, — сказал Мак. — Присядьте же — вот в этом кресле вам будет покойно, если только вы не прожжете его насквозь.

— Благодарю вас за вашу любезную заботу, — ответил ему Мефистофель, откидывая назад фалды своего фрака, прежде чем опуститься в кресло; сальная свечка, стоявшая на комоде в обгоревшем дубовом подсвечнике, вдруг ярко вспыхнула, и следом за нею загорелось еще несколько новых ароматизированных све-

чей. Трепещущие язычки пламени отбрасывали глубокие, зловещие тени на узкое лицо демона.

— Для начала, — произнес Мефистофель, — как вам понравится несметное, сказочное богатство, которое не снилось ни одному смертному с тех времен, когда великий Карфаген был разграблен Фабием Кунктатором? Что вы скажете о многочисленных сундуках, доверху набитых новенькими золотыми монетами высочайшей пробы и искуснейшей, тончайшей чеканки, о которой и не грезили земные ювелиры? Что вы скажете о ларцах с драгоценными камнями — жемчугом размером с куриное яйцо, бриллиантами величиной с плод граната, великолепнейшими изумрудами, которых хватило бы, чтобы доверху усыпать ими обеденный стол на шесть персон, рубинами густого кровавого цвета, яркими сапфирами и другими изящными безделушками? Кроме этого, мы можем предложить много иных, не менее приятных вещей, одно перечисление которых заставило бы охрипнуть даже бессмертную гортань; поэтому здесь я просто дам волю вашей фантазии — итак, желайте все, что только сможет прийти вам в голову.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Мак. — Разумеется, если бы я попросил вас сообщить более точные цифры — скажем, количество шкатулок с драгоценностями и сундуков с золотом, — это было бы проявлением крайней грубости и нарушением правил хорошего тона. Даже один-единственный ларец с такими чудесными сокровищами станет для меня поистине бесценным даром.

— Это отнюдь не дар, — возразил несколько удивленный словами Мака Мефистофель. — Все земные блага, которые я предлагаю вам, можно рассматривать как честную плату за службу, которую я попрошу вас сослужить мне. За службу и еще за одну вещь...

— Вот этого я и боялся, — поспешно проговорил Мак. — Меня втягивают в какое-то сомнительное дело? Может быть, даже в преступление?

— О нет, ничего подобного, — ответил Мефистофель. — Приятно, однако, что с вами можно говорить столь откровенно. В моем предложении нет никакого обмана. Я отнюдь не пытаюсь поймать вас в ловушку, доктор Фауст. Подумайте сами, неужели силы тьмы, которые я имею удовольствие здесь представлять, будут затевать весь этот карнавал с моим Малым Парадным Входом и прочие чудеса лишь для того, чтобы усыпить вашу бдительность? Поверьте мне, человеческие чувства легко можно обмануть, даже не прибегая к столь дорогостоящему методу!

— Э-э, послушайте, не принимайте меня за простачка. Пока что материальная часть договора, который вы предлагаете, меня вполне устраивает. Но как насчет кое-чего другого? С кем я смогу наслаждаться своим несметным богатством?

— А!.. Что ж, — произнес Мефистофель, чуть усмехнувшись; при этом в глазах его загорелся поистине дьявольский огонь, — мы снабдим вас десятком-другим молоденьких красоток, о которых любой смертный до сих пор лишь грезил в своих самых пылких мечтах и самых сладких снах, коим — увы! — никогда не суждено было сбыться. Эти юные дамы, Фауст, каждая из которых годится в пару могущественнейшему из царей земных, восхитительно сложены и могут удовлетворить самый изысканный вкус. Вы можете пожелать любую — все оттенки кожи, все цвета волос и глаз, все образцы прелестных форм, что пленяли воображение художников на протяжении многих веков, — словом, все эти чары будут к вашим услугам. Вдобавок к своей молодости и красоте эти девицы весьма искушены в тонкой науке любви; они бывают то ласковыми и кроткими овечками, то необузданными вакханками. Одни умеют весьма искусно поддерживать тонкую интеллектуальную беседу, другие помогут удовлетворить самую темную, грубую, животную страсть или, наоборот, могут затеять с вами долгую, легкую, почти ребяческую эротическую игру; третьи же позаботятся о вашей утренней тарелке борща. Поверьте мне, для них будет истинным раем любить вас, ибо после той службы, которую они сослужат вам, их ждет долгий каталептический сон в холодильной камере — они будут лежать там до тех пор, пока их утонченное искусство не потребуется вновь. Кроме поистине неисчерпаемых источников чувственного наслаждения, которые представляет собой каждая из них, практически у всех этих девиц есть близкие подружки, сестры и матери, которых можно приближать к себе, осыпать знаками внимания и богатыми подарками, наконец, соблазнять, — многие люди находят в подобных забавах своеобразное пикантное удовольствие.

— Бесподобно, — отозвался Мак. — Я преклоняюсь перед поистине гениальной простотой, с которой вы решили одну из древнейших дилемм человечества.

Он хотел прибавить: вы вполне удовлетворили мое любопытство, Мефистофель, так давайте перейдем от слов к делу — приведите сюда этих юных прелестниц и назовите имя того, чья голова нужна вам в обмен на райский уголок, который вы мне обещали. Однако врожденная осторожность удержала его от необдуманных слов, и он спросил:

— А где я буду наслаждаться своей новой жизнью, со всеми сказочными сокровищами и прекраснейшими женщинами?

— Где только пожелаете, — ответил ему Мефистофель. — Если этот мир уже успел наскучить вам, мы можем в одно мгновение перенести вас в любое другое место и другое время — эпоху и страну, разумеется, вы выберете сами. Наши возможности практически неограниченны. Если вам захочется побывать в фантастической вселенной, которая существует пока лишь в вашем воображении, — мы сотворим сей мир по вашей воле, ибо древний закон гласит: все, что рождено мыслью, может стать явью. Кроме того, с нашей помощью вы сможете стать в избранном вами мире кем угодно — великим ученым, принцем, владыкой вашего собственного царства с миллионами подданных, богатейшим священником, местным божеством, — здесь мы опять даем полный простор вашей фантазии. Даже если избранный вами род занятий до сих пор не существовал в том месте, куда вы решите отправиться, мы беремся создать его для вас. Мы также можем обеспечить вас тем, чего так упорно ищут и не всегда находят современные люди, — смыслом и целью жизни. И само собой разумеется, при помощи разных чудодейственных снадобий и целебных трав мы вернем вам здоровье и бодрость двадцатилетнего юноши; мы гарантируем счастливую и долгую жизнь; ваши закатные годы совсем не будут вам в тягость — ручаюсь, что вы сами едва ли будете ощущать свой возраст.

— До тех пор, пока не придет конец, — заметил Мак.

— О да. Ваше замечание абсолютно справедливо.

Мак помолчал минуту, затем осторожно спросил:

— Как я понимаю, бессмертия ваша фирма не предлагает?

— Вы заламываете слишком высокую цену, Фауст! Нет, бессмертия мы не предлагаем. Да и к чему? Стандартная комплексная сделка, разработанная нами, включает в себя практически все, чего только может пожелать душа смертного. Границы очерчивает лишь собственное воображение клиента. Многие миллионы людей купились бы на стотысячную долю того, что я твердо обещаю вам.

— Как вы мудры! Как тонко вы разбираетесь в людях! — воскликнул Мак, а про себя подумал в этот миг совершенно другое: вот, кажется, подвернулся счастливый случай, когда перед тобой предстал заносчивый, самодовольный, но, кажется, отнюдь не скупой демон. Лови удачу, Мак Трефа; тебе наверняка удастся обвести его вокруг пальца и заставить плясать под свою дудку, каким бы всемогущим и всеведущим этот дух себя ни мнил. Однако, будучи невеждой в подобных вопросах, Мак и не подозре-

вал, что на самом деле он уже попался на крючок, закинутый силами ада, и все глубже заглатывал наживку, которую предлагал ему Мефистофель.

— Я только подумал, что, может быть, если у вас осталось хоть немножко того божественного напитка... или целебной мази... не знаю точно, что вы употребляете для бессмертия... так вот, если у вас есть хоть малая толика этого средства, то не могли бы вы дать его мне — разумеется, если оно не нужно вам самому?

— Это невозможно, — ответил ему Мефистофель, — ибо в таком случае мое предложение потеряет всякий смысл, а я упущу свою выгоду. Судите сами, как я смогу получить вашу душу в конце концов, если вы станете бессмертным?

— О, вы, конечно, правы... если посмотреть на вещи с этой стороны... Да, долголетие — вполне подходящее условие для подобных сделок.

— Это наша фирма гарантирует. Как и омоложение, впрочем.

— Взамен вы получаете мою душу.

— Не совсем так. Запомните, что особый параграф договора, где речь идет о вашей душе, включает в себя одно очень выгодное для вас условие. Если на протяжении всего срока действия соглашения о взаимном сотрудничестве по каким-либо причинам я не смогу исполнить все желания своего клиента, то есть вас, душа клиента остается в его полном распоряжении — его и его собственной судьбы, разумеется. В этом случае мы просто пожмем друг другу руки и расстанемся друзьями; естественно, фирма, которую я представляю, теряет всякие права на вашу душу. Как видите, наша компания весьма заботится о своих клиентах. Мы ведем честную игру. Я достаточно откровенен с вами, не правда ли?

— Еще бы!.. У меня и в мыслях не было спорить, а тем более — подозревать вас в мошенничестве. Но мы, кажется, еще не обсуждали другую сторону вопроса: что я должен буду сделать для вас за все блага, которые предлагает ваша фирма?

— Вы примете участие в эксперименте, который был задуман мною и некоторыми моими друзьями для разрешения одного давнего спора.

— А что это за эксперимент и что за спор?

— О, обычный исторический эксперимент: морально-темпоральные задачи, так называемые вечные вопросы. Мы предложим вам несколько жизненных ситуаций — проще говоря, несколько сцен, в которых вы должны будете участвовать. Всему будет отведено свое место и время. Мы совершим путешествия

во времени — в будущее или в прошлое, в зависимости от того, что нам будут диктовать правила нашей игры. В каждом из этих эпизодов вы сыграете отведенную вам роль. Вы будете поставлены перед неким выбором; мы же, со своей стороны, будем наблюдать за вами и оценивать каждый ваш поступок. Вас будут судить, Фауст; однако не столько вас лично, сколько одного из представителей человечества, избранного в качестве объекта испытания обеими сторонами, участвующими в споре. В вашем лице мы сможем оценить всех смертных и тем самым решить наконец свой давний спор, касающийся понимания человеческой морали, этики и целого ряда столь же тонких и деликатных вещей, тесно связанных с морально-этическими проблемами. Я говорю с вами откровенно, Фауст, ибо я хочу, чтобы вы уяснили себе наш замысел до начала эксперимента. Когда он начнется, у вас не будет времени на всякого рода объяснения, на удивление и даже на испуг: масштабы предстоящих вам дел достаточно велики, и я боюсь, что вы будете слишком озабочены тем, чтобы сберечь свою собственную шкуру, а в подобных ситуациях людям обычно бывает не до философии.

— Я понимаю, — сказал Мак, пытаясь охватить умом все то, что сказал ему демон.

— Таковы условия сделки, Фауст, — заключил Мефистофель. — Сцена готова, декорации уже расставлены за опущенным занавесом, и актеры заняли свои места. Спектакль вот-вот начнется. Мы ждем, когда вы скажете наконец свое слово.

Какой велеречивый демон, подумал Мак. Несмотря на показной цинизм, Мефистофель показался ему идеалистом. Однако сделка, которую он предлагал, была, по-видимому, очень выгодной и даже по-своему честной.

— Я к вашим услугам, — ответил он Мефистофелю. — Что ж, начнем?

— Поставьте свою подпись вот здесь, — сказал Мефистофель. Он развернул слегка покоробившийся свиток пергамента, перевязанный красной лентой, подавая Маку перо и чуть коснувшись острым ногтем вены на предплечье Мака.

Глава 5

Если бы главные персонажи разыгравшейся в кабинете Фауста драмы были менее увлечены своим разговором, они могли бы заметить, как за окном, неплотно прикрытым шторами, на

миг показалось чье-то лицо — и тотчас же снова скрылось из виду. Это был сам доктор Фауст.

Опомнившись после сильного удара по голове, полученного в глухом переулке, со стоном подняв с грязной булыжной мостовой свою окровавленную голову, Фауст кое-как добрался до бордюрного камня тротуара и присел, чтобы окончательно прийти в себя. Латыш нанес ему мощный удар, к счастью, не попавший точно в цель, и ученый доктор остался в живых только благодаря неловкости наемного убийцы. Латыш снова показался в дверном проеме за спиной Фауста, подняв свою тяжелую дубовую палку для второго удара, который неминуемо повлек бы за собой обморок, а может быть, даже смерть жертвы. Человеческая жизнь не слишком дорого ценилась в те времена, когда на юге Европы свирепствовала чума, когда в Андалузии было неспокойно, и воины ислама, вооружившись кривыми саблями, грозили вновь перейти через Пиренеи — как в дни Карла Великого, короля франков, — чтобы обрушиться на мирные селения Лангедока и Аквитании, словно стая прожорливой саранчи. Не жалость и не страх удержали руку наемного убийцы, уже готового во второй раз опустить свою дубину на голову несчастного ученого, — у выхода из темного узкого переулка, прозванного Тропой Дьявола, послышались звуки шагов и громкие голоса. В переулок свернула группа студентов университета, заклятых врагов людей того класса, который представлял собой неотесанный деревенский парень-латыш. Молодые люди о чем-то оживленно спорили. Заметив человека в деревенской одежде, сжимающего в руках крепкую дубовую палку, они испустили боевой клич, не предвещавший ничего хорошего тому, кто рискнул бы вступить в драку со студентами. Поэтому латыш счел за лучшее поскорее убраться прочь — он кинулся бежать так, что только пятки сверкали, и ни разу не остановился передохнуть, пока не оказался за пределами Кракова. Здесь, на дороге, ведущей в Богемию, мы окончательно теряем его из виду — возможно, он ушел дальше на юг, чтобы заниматься своим разбойничьим ремеслом в других краях.

Студенты подняли Фауста, все еще слабо стоявшего на ногах, и как могли очистили его платье от грязи, кухонных отбросов и прочих нечистот, в которые свалился оглушенный ударом доктор. Архитекторы той поры могли только грезить о канализации и сточных трубах, поэтому вонючие лужи на булыжных мостовых были неизменным атрибутом всех крупных средневековых городов.

Как только Фауст оправился и смог идти без посторонней помощи, он отделился от шумной толпы студентов и повернул

домой. Голова у почтенного доктора все еще кружилась, и он шел нетвердой походкой, словно лавочник, опорожнивший кувшин-другой крепкого ячменного пива. Подходя к дому, он увидел, что дверь, ведущая на его половину, приоткрыта. Ступая так осторожно, как только мог, дабы нечаянным шумом не навлечь на себя еще худших бед, Фауст обошел вокруг дома, затем подкрался к окну своего рабочего кабинета и заглянул в него. Каково же было его изумление, когда он увидел посреди комнаты двоих неизвестных, впрочем, одного он сразу признал — это был не кто иной, как Мефистофель, чей портрет ему неоднократно встречался в книгах знаменитых алхимиков! Теперь он видел этого великого демона наяву. Пригнувшись у подоконника, затаив дыхание, Фауст стал прислушиваться к разговору — сквозь неплотно закрытое окно до него весьма отчетливо доносились голоса.

В тот самый момент, когда Мак собирался расписаться кровью на пергаменте, предложенном ему Мефистофелем, Фауст вдруг понял, что происходит. В его комнату забрался жулик! Дьявол соблазняет совсем *не того* человека!

Фауст бросился к парадному входу. Взбежав на крыльцо, он с силой рванул тяжелую дубовую дверь — она с глухим стуком ударилась о стену, и Фауст бросился в темный коридор, ведущий в его комнаты. Остановившись перед дверью своего собственного кабинета, он открыл ее... И застал последние мгновения вступительного акта начинающейся драмы — актеры и не подозревали, что за ними кто-то наблюдает. Мак как раз выводил последний росчерк на пергаменте.

Мефистофель ловко свернул подписанный договор в трубку:

— А теперь, любезный доктор, мы отправимся прямо на Кухню ведьм, где наши лучшие чародеи — специалисты по косметологии — поколдуют над вашей внешностью, создавая тот имидж, которого потребуют дальнейшие приключения.

И адский дух воздел руки в нелепом театральном жесте. Тотчас же в комнате вспыхнул огонь — высокие языки пламени заплясали вокруг двух фигур, стоявших рядом. В золотистое сияние иногда вплетались зловещие багрово-красные сполохи. Через несколько мгновений огонь угас и две человеческие фигуры исчезли — растаяли, словно утренний туман под солнечными лучами.

— Проклятие! — воскликнул Фауст, вбежав в свой рабочий кабинет. В сердцах он сильно ударил кулаком правой руки по раскрытой ладони левой. — Я опоздал всего на одну минуту!

Фауст огляделся кругом. Сперва ему показалось, что под сводчатым потолком парит какая-то призрачная фигура. Присмотревшись, он понял, что ошибся. Он был один в своем рабочем кабинете. Нежданные гости — Мефистофель и этот молодой жулик — бесследно исчезли, растворившись в воздухе, словно их здесь никогда и не было. Лишь слабый запах серы, еще не успевший выветриться, напоминал ученому доктору об удивительном происшествии.

Итак, почтенный доктор вовсе не страдал галлюцинациями. То, что он видел, происходило на самом деле. Не выйди он из дома сегодня утром, он сам мог бы сейчас перенестись в иные миры из своей тесной и мрачной комнаты. Однако по злой иронии судьбы Мефистофель — этот глуповатый демон, не оправдывающий своего славного имени — забрал с собой какого-то плута и вора вместо доктора Фауста.

Фауст вздрогнул и потряс головой, чтобы мысли окончательно прояснились. Он, конечно, слышал отнюдь не весь разговор между дьяволом и тем светловолосым парнем, которого Мефистофель принял за доктора Фауста (одному богу известно, как этот разбойник ухитрился забраться к нему в дом!). Однако он успел услышать достаточно, чтобы понять: Мефистофель предлагал самозванцу, присвоившему себе славное имя Фауста, какое-то необычайно увлекательное приключение, и сейчас оба они находятся далеко отсюда. А доктор Фауст, которому наносил визит сей недалекий посланец преисподней и которому по праву принадлежало все то, чем только что завладел молодой жулик, остался один в алхимическом кабинете коротать свои дни, а их каждому смертному отпущено не так уж много.

Проклятый мошенник!.. Нет, черт возьми, он, доктор Фауст, известный алхимик и маг, не станет и дальше влачить жалкое существование в этом убогом городишке! Он отправится следом за Мефистофелем и гнусным обманщиком, укравшим его великолепное и славное будущее; он настигнет их, хотя бы ему пришлось для этого достичь самого края Вселенной! Он разоблачит плута, выдавшего себя за почтенного ученого, и займет свое собственное место.

Фауст бросился в кресло. Мысли его мчались вихрем, обгоняя друг друга. Он начал размышлять, как попасть в те края, где находились сейчас Мефистофель и унесенный им мошенник. Две фигуры — одетый в черное демон и светловолосый парень в

городской одежде — исчезли в языках золотисто-багрового пламени. Это подтверждало догадку Фауста о том, что Мефистофель и его спутник сейчас находились за пределами этого мира. Следовательно, ученому доктору предстояло нелегкое путешествие в то царство, где души язычников справляют свой посмертный вечный пир, где обитают эльфы, гномы, феи и другие персонажи древних легенд. Это путешествие можно было совершить только с помощью магии.

Фауст помедлил еще минуту, прежде чем встать. Готов ли он к такому серьезному испытанию? Перемещение во внеземные сферы издревле считалось главным экзаменом для мага и было сопряжено с большим риском. А Фауст, хотя и считавший себя одним из лучших магов своей эпохи, потратил немало лет на постижение тайных наук. Он был уже немолод. Подобное испытание могло оказаться свыше его сил. Он мог погибнуть...

И Фауст вспомнил, как всего лишь несколько часов назад он собирался покончить с собой. Почему? Потому что разочаровался во всем, и будущее представлялось ему унылой, однообразной чередой тоскливых серых дней, где почти каждую минуту случаются какие-нибудь неприятности, а удовольствия столь редки. Но главная причина овладевшей доктором меланхолии заключалась в том, что он не видел достойной цели, которой мог бы посвятить свою жизнь. Судьба казалась ему цепью случайных событий (в большинстве своем печальных), отнюдь не выстроенных в единую прямую и ясную линию. Но теперь... Теперь — совсем другое дело! Почтенный доктор чувствовал небывалый прилив энергии — ничего подобного с ним не случалось со времен давно ушедшей молодости. Он не собирается довольствоваться жалкой участью человека, оставленного в дураках каким-то авантюристом! Он готов поставить на карту свою жизнь, если того потребуют обстоятельства. Неизвестный обманщик и проходимец не смеет решать судьбу доктора Фауста, присвоив себе его имя! То, что принадлежит ему по праву, должно принадлежать только ему, и никому больше!

Фауст вскочил со своего кресла и разворошил золу в угасающем очаге. Подложив в камин несколько поленьев, он смотрел, как пламя разгорается вновь. Растопив очаг, доктор Фауст решил умыться — лицо его было испачкано, а рассеченный лоб покрыт запекшейся кровью. Он подошел к умывальнику с почти свежей водой (служанка наливала воду в таз для умывания всего два дня назад) и вымыл лицо и руки. Затем отыскав среди различных предметов, разбросанных в беспорядке по его рабочему столу, кусок копченой говядины, он съел его, запивая жесткое

мясо ячменным пивом и в то же время думая о том, что ему надлежит делать дальше.

Для того чтобы перенестись в незримый мир духов, необходимо достаточно сильное заклинание, размышлял доктор Фауст. Оно должно сочетать в себе потенциальную энергию Отправления с мощью Присутствия. Заклинания, позволяющие совершить Великий Переход, пользовались недоброй славой среди алхимиков и знатоков магии — они были необычайно трудны и нередко таили в себе угрозу для жизни самого экспериментатора, отважившегося на этот опасный опыт. Немногие из практикующих магов могли похвастаться тем, что смогли перенести какой-либо предмет во внеземные сферы, где даже живые существа обходятся без своей материальной оболочки. Фаусту же предстояло самому отправиться в эти миры. Для такого перемещения требовался огромный заряд энергии.

Фауст подошел к книжному шкафу и начал перебирать пожелтевшие свитки пергамента и тяжелые фолианты. Наконец он нашел подходящую формулу заклинания в «Верном пути к звездам» Гермеса Трисмегиста. Однако эта формула была слишком сложна; она требовала многих специфических ингредиентов — таких, как, например, большой палец правой ноги китайца. Достать все компоненты, необходимые для осуществления Перехода, в средневековой Восточной Европе было практически невозможно, хотя в Венеции, где жил знаменитый автор трактата о путешествиях в надзвездные миры, было вполне достаточно вещей подобного рода. Доктор Фауст продолжил свои поиски. Наконец он добрался до «Алфавитного указателя к «Молоту ведьм», где приводилась более простая формула. Доктор Фауст решил тотчас же приступить к изготовлению волшебного состава.

Помет летучей мыши, толченный в ступке... К счастью, у него был целый пузырек этого снадобья. Редкая целебная трава... Есть! Глаза Фауста бегали по строчкам. В рецепте говорилось: взять четыре части чистых, ни с чем не смешанных жабьих внутренностей. Тщательно высушенные, растертые в порошок жабьи внутренности хранились у доктора в маленьком наперстке. Чемерица... Ну, это всем известная трава! Верба... Наломать веток вербы тоже не слишком тяжелый труд. Ртуть... У алхимика она всегда под рукой. Что еще? Полынь. Ее у Фауста не было, однако в ближайшей аптеке можно достать несколько пучков сушеной полыни... Но что это за приписка в самом конце?.. «*Внимание:* состав не подействует без добавления частицы подлинного Креста Господня, именуемого также Истинным Крестом».

Проклятие! Он использовал последний кусочек Креста Господня еще в прошлом месяце!

Не мешкая ни минуты, он схватил свой кошелек, положил в него крупный изумруд, который всего лишь около часа назад привлек внимание Мака, и вышел на улицу.

Угловая аптека была закрыта по случаю Пасхи, но аптекарь все-таки вышел на настойчивый стук в запертые ставни. Сердито проворчав себе под нос какое-то ругательство, он ответил Фаусту, что сейчас у него нет никакого Господня Креста и неизвестно, когда прибудет следующий корабль из Рима с этим товаром. В одном ученому-алхимику все-таки повезло: у аптекаря было сколько угодно полыни, и Фауст купил большую связку пахучей сушеной травы.

Расплатившись с аптекарем, Фауст направился на Монастырскую улицу, где стоял просторный особняк епископа города Кракова. Слуги беспрепятственно пропустили ученого доктора в дом, ибо Фауст был старым приятелем хозяина и частым гостем в доме. Они с епископом частенько засиживались допоздна за тарелкой овсяной каши (святой отец, как и доктор Фауст, страдал холециститом), ведя живые и остроумные диспуты по самым различным вопросам.

Тучный епископ, откинувшись на высокую спинку кресла, неопределенно покачал головой:

— Мне очень жаль, мой дорогой Фауст, но боюсь, я ничем не смогу вам помочь. На днях я получил специальный указ из Рима, в котором всем служителям Церкви Христовой вменяется в обязанность следить за тем, чтобы драгоценные частицы подлинного Креста Господа нашего не использовались в целях безбожного чародейства и чернокнижия.

— Какого чародейства?! — воскликнул Фауст. — Речь идет совсем не о колдовстве и не о злых чарах, а о науке алхимии.

— Однако какому делу будет служить Крест Господень? Не собираетесь ли вы, скажем, получить с его помощью огромное богатство?

— Отнюдь нет! Я собираюсь восстановить справедливость, исправив роковую ошибку...

— Хорошо, хорошо, я думаю, нет ничего плохого в том, чтобы снабдить вас частицей Креста во имя благой цели. Но я должен вас предупредить, что за последнее время подлинный Крест сильно поднялся в цене, как всякий предмет, количество коего ограничено, а спрос растет с каждым днем.

— Мне нужен кусочек величиной всего-навсего с ноготь. Запишите на мой счет.

Святой отец протянул руку к шкатулке, где хранились обломки Креста Господня.

— Не будет ли с моей стороны большой нескромностью спросить, под какой залог вы берете частицу подлинного Креста?

— Вот мой первый взнос!

Доктор Фауст развязал свой кошелек и вынул из него великолепный крупный изумруд. Пока епископ любовался игрой света на гранях драгоценного камня, Фауст аккуратно завернул частицу подлинного Креста Господня в кусок старой парчи, некогда покрывавшей алтарь.

Он благополучно добрался домой со своей драгоценной ношей. Подбросив угля в лабораторную печь, где во время алхимических опытов плавились редкие металлы, Фауст раздувал кожаные мехи до тех пор, пока пламя в этом маленьком горне не стало красно-белым и мириады крошечных блестящих искр не взвились вверх над языками огня, увлекаемые восходящими потоками воздуха. Разведя огонь, он начал аккуратно выкладывать на стол все ингредиенты волшебного состава. С превеликой осторожностью он поставил на середину стола сосуд с царской водкой, постаравшись не пролить ни капли, так как царская водка прожигает все, что не покрыто специальным составом. Затем он насыпал немного очищенной и измельченной сурьмы в медную чашу и выставил на стол несколько пузатых бутылочек с экстрактами различных трав, достал наперсток с высушенными и растертыми в порошок жабьими внутренностями, баночку с затвердевшим пометом летучей мыши, склянку с выпаренной мочой лесного сурка и бутыль с тридцатиградусной спиртовой настойкой плесенного грибка, собранного на кладбище в новолуние. Фауст с серьезным и сосредоточенным видом оглядел свои колбы и бутылки. Все эти экзотические вещества не должны были содержать ни малейшей примеси. Доктор знал, что от качества экспериментального материала и от точного соблюдения указанных в рецепте пропорций может зависеть его жизнь. Ни в коем случае нельзя смешивать ингредиенты до начала опыта! Они будут постепенно добавляться к основному составу в строго определенном порядке.

Перед ним на столе лежали винный камень, квасцы и немного хлебной закваски. Рядом с ними доктор положил нигредо, которое ему удалось получить на прошлой неделе в результате одного сложного алхимического опыта. Ему было жаль расходовать драгоценный материал — ведь нигредо, в свою очередь, было одним из важнейших компонентов для получения Феникса, прекраснейшей из аллегорических птиц. Но сейчас не время

заниматься поисками красоты, напомнил самому себе Фауст. Его ждет труднейший и опаснейший эксперимент.

Но только успел доктор Фауст взять в руки первую из своих пузатых бутылей, как раздался негромкий стук в дверь. Фауст решил не обращать на него никакого внимания, но назойливый посетитель постучал еще несколько раз. Затем послышались приглушенные голоса. Пробормотав проклятие в адрес непрошеных гостей, доктор пошел открывать.

На пороге стояли студенты университета — небольшая группа, что-то около пяти человек (почтенный доктор не утруждал себя запоминанием их лиц и подсчетом вертящихся голов).

— Доктор Фауст... Сударь... Неужели вы не узнали нас? Мы ваши студенты, мы проходим курс экспериментальной алхимии в Лаборатории прикладной алхимии Ягеллонского университета, которую вы возглавляете. Не могли бы вы проконсультировать нас по одному сложному вопросу? Мы не знаем, почему Мировая Душа, или Женское Начало Мира, зарождается в изменчивом, неустойчивом теле гермафродита Меркурия. Этот вопрос будет вынесен на годовой экзамен, а мы не смогли найти правильного ответа ни в учебниках по практической алхимии, ни в первых шести томах «Введения в алхимию»...

— Какого черта... — не слишком любезно ответил Фауст, — я же еще в самом начале семестра рекомендовал вам прочитать трактат Николя Фламеля «Новые направления в древней науке». В этой книге подробно освещена проблема гермафродитизма и сексуальной символики в алхимии.

— Но ведь эта книга написана на французском языке!

— Вы должны знать французский язык!

— Однако, сударь, если рассматривать данный вопрос с той стороны, с которой подходил к нему Аристотель...

Фауст поднял руку, призывая студентов к молчанию.

— Послушайте, — сказал он, — я собираюсь провести опыт, который, вероятно, войдет в историю науки как величайшее достижение современной алхимии. Это невероятно сложный и ответственный эксперимент. А вы приходите сюда со своими дурацкими вопросами и отнимаете у меня драгоценное время. Неужели во всем университете не нашлось другого профессора, у которого вы могли бы получить консультацию? Обратитесь к кому-нибудь другому или просто убирайтесь ко всем чертям — я не собираюсь сейчас заниматься подобными пустяками!

Студенты ушли. Вернувшись в свой рабочий кабинет, Фауст еще несколько раз нажал на ручки кожаных мехов, подавая в маленький горн добавочную порцию кислорода. Затем он проверил

фильтры в трубках, по которым будут поступать в перегонный куб пары сублимированных веществ, — тончайшие нити фильтров переплетались крест-накрест. Реактивы стояли на столе в строгом порядке. Огонь в лабораторной печи горел ярко и ровно. Можно было приступать к проведению опыта.

С величайшей осторожностью добавляя малые порции диковинных ингредиентов магического состава в реторту, где уже кипел раствор кислоты, доктор Фауст следил за тем, как жидкость меняет свой цвет, становясь то пурпурной, то алой, то изумрудно-зеленой. Поначалу реакция шла в полном соответствии с описанием, приведенным в «Алфавитном указателе». Нагретое зелье бурлило; густой пар поднимался от перегонного куба к самому потолку — плотный слой слабо колыхавшегося мутно-серого тумана напоминал гигантского дракона, свивающего в кольца свое огромное тело. Фауст бросил в реторту кусочек подлинного Креста Господня. Яркая серебристая вспышка осветила изнутри бурлящую жидкость, словно молния; затем раствор загустел и почернел.

Резкое почернение раствора считалось дурным признаком практически для всех алхимических реакций. Даже неопытному студенту, проходящему вводный курс аналитической алхимии, в этом случае стало бы ясно, что опыт почему-то не удался. Доктор Фауст, опытный практикующий ученый-алхимик, сразу понял, что все его сегодняшние усилия могут оказаться напрасными. К счастью, он успел заметить серебристое свечение жидкости в реторте еще до того, как раствор неожиданно приобрел чернильно-черный цвет. Он бросился к книжной полке, где стоял «Справочник алхимика», изданный магами Каирского университета, и, быстро перелистав страницы огромного фолианта, нашел такую запись: «Двойная серебристая вспышка перед окончательным почернением раствора свидетельствует о том, что добавленный к остальным ингредиентам Крест Господень не является подлинным Крестом. *Внимание:* перед началом эксперимента следует проверить подлинность Креста».

Проклятие! Кажется, на этот раз он попал в поистине безвыходное положение. Хотя... неужели для подлинного Креста нет никакого заменителя? Он снова подошел к полкам, ломившимся от пыльных книг. После часа утомительных поисков вконец обессилевший доктор был вынужден признать себя побежденным — ни в одном из просмотренных им трактатов не было формулы заменителя Креста Господня. Фауст готов был кричать, выть, топать ногами, чтобы дать хоть какой-то выход своей бессильной ярости. Но вскоре гнев и обида прошли, уступив место

отчаянию и острой тоске. В смятении оглядевшись вокруг, он заметил связку книг, оставленных на комоде тем самым мошенником, который, обманным путем проникнув в его рабочий кабинет, похитил у почтенного доктора нечто более ценное, чем все его имущество, — сделку с силами ада, предложенную Мефистофелем лже-Фаусту.

Фауст подошел к комоду и, вынув наугад несколько книг из связки, прочитал их заголовки и, перевернув несколько страниц в каждой книге, презрительно усмехнулся. Это были дрянные подделки и дешевка, которую подсовывают на базаре несведущим покупателям ловкие дельцы, — хлам, рассчитанный на толпу глупцов, невежд, жадных до всяких чудес и тайн, но отнюдь не стремящихся испить холодной ключевой воды из чистых родников познания. Но одна старая, невзрачная книга в потертом кожаном переплете привлекла внимание доктора Фауста — «Основы алхимии», где был сделан подстрочный перевод важнейших глав из «Эйренеус» на немецкий язык. Фауст много раз слышал о ней, но до сих пор не мог похвастаться тем, что имеет ее в своей личной библиотеке. Как попала сюда эта редкая, ценная книга?

Глаза Фауста забегали по строчкам. Он переворачивал страницу за страницей, пока наконец не дошел до такого абзаца:

«По внешнему виду подлинный Крест Господень трудно отличить от почти подлинного креста. К сожалению, последний практически непригоден для использования при проведении алхимических опытов. Однако таковой крест все же заключает в себе некоторые качества, присущие подлинному кресту. Эти качества могут проявиться, если при проведении опыта к частице креста добавить поташ и обыкновенную печную сажу (или ламповую копоть), взятые в равных долях».

Поташ у доктора был. Не было только печной сажи. Хотя... Если его нерадивая служанка не чистила вчера лампу, то он мог добыть достаточное количество копоти... Так и есть! Сколько угодно отличной ламповой копоти, толстым слоем покрывавшей стекло и абажур!

Как только первые частицы поташа и ламповой копоти, смешанные в равных пропорциях, упали на дно реторты, загустевшая чернильно-черная субстанция на глазах начала менять свой цвет. Через несколько секунд Фауст снова видел за толстыми стенками своего перегонного куба опалесцирующую прозрачную жидкость, переливающуюся всеми цветами радуги. Густое облако жемчужно-серого пара, со свистом вырвавшегося из горлышка тигля, заволокло все вокруг плотной пеленой. А когда

колдовской туман рассеялся, все вещи в кабинете по-прежнему стояли на своих местах, но самого доктора в комнате уже не было. Очевидно, почтенный профессор Ягеллонского университета перенесся в тот незримый мир, куда он так стремился попасть.

Глава 7

В первый момент Фаусту показалось, что он повис в каком-то плотном сером тумане, где не было ни материи, ни расстояний, ни даже самого времени. Головокружительный полет над бездной продолжался всего лишь несколько мгновений, пока изменчивый мир духов приспосабливался к чувствам земного наблюдателя, никогда еще не проникавшего в иные сферы. Внезапно потусторонний мир раскинулся перед Фаустом во всю свою ширь, и ученый доктор почувствовал наконец твердую почву под ногами.

Оглядевшись вокруг, он увидел, что стоит в предместье небольшого города, — путешествуя по Европе, он успел повидать множество таких городишек, похожих друг на друга, как родные братья. Этот город являлся как бы коллективным портретом всех городов, в которых Фаусту когда-либо приходилось бывать, и в то же время не был в точности похож ни на один из них.

Размышляя о том, что с ним произошло, доктор Фауст отметил про себя, что его переход в иной мир занял необычайно малое время — он не успел даже хоть что-то подумать или почувствовать. Повнимательнее присмотревшись к пейзажу, он стал различать некоторые знакомые детали. В этом не было ничего странного: Фауст знал, что мир духов, имеющий иную природу, нежели земной мир, может принимать какую угодно форму — она полностью зависит от личной воли созерцающего сей мир субъекта. Профессора Ягеллонского университета, много лет занимавшиеся изучением свойств того мира, в который попал доктор Фауст, говорили, что мир духов материализуется лишь под влиянием строго определенных внешних воздействий (например, в присутствии стороннего наблюдателя). Однако в свободном состоянии этот незримый мир имеет достаточно сложную топологию, благодаря которой он помещается в бесконечно малом объеме — схоласты того времени утверждали, что на острие булавки может уместиться несколько тысяч таких миров. Присутствие наблюдателя в подобном мире заставляет разворачиваться время и пространство, находящиеся в свернутом состоя-

нии, всякий раз порождая новые формы материи, — подобно тому, как в соответствии с замыслом драматурга на театральной сцене меняются декорации и все новые актеры вовлекаются в действие разыгрываемой пьесы.

Фауст вошел в город по широкой улице — дома, выстроившиеся по обе ее стороны безукоризненно правильными рядами, напоминали товарные склады или небольшие магазинчики. Но как ни старался ученый доктор разобрать вывески над дверями этих домов, поначалу ему не удалось прочитать ни одной надписи — очевидно, они предназначались совсем не для него. Пройдя несколько кварталов, он в конце концов увидел вывеску на знакомом ему языке, гласившую: «Кухня ведьм». Доктор Фауст понял, что добрался до того самого места, куда он должен попасть (ибо таково свойство магического заклинания Перемещения: оно безошибочно приводит вас прямо к следующему повороту вашей судьбы).

Взойдя на крыльцо Кухни ведьм, ученый доктор осторожно дотронулся до массивной дубовой двери кончиками пальцев. Он отнюдь не был уверен в том, что его рука не пройдет сквозь эту дверь, как сквозь бесплотный туман: ведь известно, что существа из потустороннего мира, попадая в земной мир, легко проходят сквозь самые прочные стены, — значит, вполне возможно, что материальное тело, переместившись в этот волшебный мир, будет обладать такими же свойствами. Фауст слегка удивился, когда его рука коснулась твердой, гладкой поверхности. Несколько секунд спустя ему в голову пришла мысль о том, что все вещи в этом мире (хотя они не имеют массы и плотности и, следовательно, не могут именоваться вещами в строгом смысле этого слова), очевидно, подчиняются какому-то особому закону, в силу которого они сохраняют свою форму и не перемешиваются друг с другом. Но каким образом нематериальные «вещи» становятся твердыми? Припомнив слова одного из древних мудрецов, утверждавшего, что трагедия начинается там, где тела сталкиваются друг с другом, ученый доктор пришел к выводу, что все предметы в мире духов заключили между собой некий договор о ненарушении границ: им приходится материализоваться и становиться осязаемыми всякий раз, когда с ними соприкасается некий посторонний объект.

Переступив порог Кухни ведьм, Фауст на собственном опыте убедился в справедливости старой поговорки: не так страшен черт, как его малюют. Целая сотня (а может быть, и две) чертей низших рангов — существ весьма респектабельного вида, несмотря на их рога и копыта, — хлопотала возле нескольких кли-

ентов, полулежавших в мягких креслах с откидной спинкой, обтянутых натуральной кожей. Фауст удивился: просторное помещение, в которое он попал, больше всего напоминало цирюльню, или, выражаясь более современным языком, универсальный салон красоты. На стенах висели большие зеркала; широкие полосатые простыни покрывали плечи клиентов. На Кухне ведьм царила суета, обычная для такого рода заведений: работники-черти пробегали из одного конца огромного зала в другой, вертелись возле огромных кресел с ножницами, бритвами и еще с какими-то диковинными инструментами в руках, порой перекидываясь несколькими фразами с мастерами из соседней бригады. Наблюдая за работой молодых чертенят, доктор Фауст заметил, что они не просто стригут волосы и бреют бороды, но и полностью преображают внешний облик клиента: убирают лишний жир с чрезмерно толстых животов, наращивают мышцы рук и делают множество других мелких косметических операций. Несколько минут ученый доктор смотрел, как ловкие лапки чертенят отрывают мышечные волокна от красных кусков мяса, похожих на кровяные колбаски, и вшивают их под кожу тех клиентов, чьи худые руки и ноги напоминают кривые прутья покосившегося плетня. Затем чертенята приступили к полной косметической обработке лица и тела. Они растирали кожу своих клиентов жесткими щетками, удаляли бородавки и выводили родимые пятна, удлиняли ресницы и выщипывали слишком густые брови. Они прибегали к тончайшей пластической хирургии, проводили пересадку кожи лица. Живую ткань для трансплантации они брали из пузатых бочек, стоящих позади кожаных кресел, где хранился материал для наращивания мышц. В такие же бочки, наполненные чуть ли не доверху, расторопные мастера кидали отрезанные у клиентов клочки мяса и клочки кожи — очевидно, живая плоть была слишком дорогостоящим материалом, чтобы просто выбрасывать ее, не пытаясь утилизировать отходы.

Вскоре, однако, Фауст понял, что проворные черти на Кухне ведьм были лишь ассистентами, выполнявшими самую грязную, черновую работу. Между высокими креслами неспешно прохаживалась чертова дюжина ведьм, наблюдавших за действиями хвостатых и рогатых мастеров и собственноручно выполнявших самые тонкие и ответственные операции. Ведьмы были одеты в порыжевшие от времени, ветхие, но чистые лохмотья; на голове у каждой был высокий островерхий головной убор, низко надвинутый на лоб, так что почти все лицо оставалось в тени, и только глаза ведьм недобро сверкали из-под полей их необычных шляп.

Высокие ботинки на шнурках обтягивали их стройные маленькие ноги. У многих ведьм на плечах сидели черные коты весьма зловещего вида.

— А это что еще такое? — спросила старшая ведьма, увидев Фауста. Ученый доктор заметил, что к ее необычной островерхой шляпе была приколота роза из черного крепа, — очевидно, то был знак высокого чина. — Вы, наверное, и есть тот полный комплект материала, который мы недавно заказывали? Идите-ка сюда, милейший, мы вас быстро расчленим.

— Я не какой-то там материал, — гордо ответил Фауст. — Я доктор Иоганн Фауст, и я прибыл сюда с Земли.

— Мне кажется, у нас недавно побывал один субъект с этим именем, — сказала старшая ведьма.

— Которого сопровождал демон Мефистофель — такой высокий, худой и бородка клином?

— Гм... Да, хотя, на мой взгляд, он совсем не худой.

— Тот человек, что был с ним здесь, не Фауст! — вскричал доктор. — Он жулик и обманщик! Фауст — это я!

Старшая ведьма окинула его долгим, оценивающим взглядом.

— Гм... Я сразу заметила, что для ученого доктора он слишком молодо выглядел!.. А есть ли у вас с собой какие-нибудь документы, удостоверяющие личность?

Фауст порылся в карманах своего плаща и нащупал там кошелек, который он по привычке положил в карман, выходя из дома утром. Претерпев превращение, переместившее его с Земли в царство духов, кошелек совершенно не изменился внешне; прежним осталось и его содержимое. Развязав его, доктор Фауст нашел документ о присвоении ему почетного звания шерифа, выданный в городе Люблине, регистрационное свидетельство участника тайного голосования, полученное в Париже, и именную юбилейную серебряную медаль, врученную ему во время Первой международной выставки достижений современной магии, проходившей два года назад в Праге.

— Вполне достаточно, — сказала ему старшая ведьма. — Вне всякого сомнения, *вы* и есть Фауст. Тот плут, который побывал у нас недавно, сумел-таки обвести меня вокруг пальца — ну, и Мефистофеля, как видно, тоже. Сейчас моя догадка относительно его персоны подтвердилась, да что с того? Мы провели полный курс омоложения, а сделанного, как известно, назад не воротишь. Если б вы только видели, каким он стал красавчиком после того, как мы поколдовали над его внешностью!

— То была ошибка! — воскликнул Фауст, скрипнув зубами

от злости. — Справедливость требует, чтобы вы сделали то же самое для меня!

— Это невозможно, — ответила ведьма. — Мы и так перерасходовали энергию и материалы, пока работали с мошенником, выдававшим себя за вас. Однако не отчаивайтесь; подождите минутку, мы посмотрим, что еще можно сделать.

Усадив Фауста в пустое кресло, старшая ведьма поманила к себе одного из чертей-ассистентов, и они стали вполголоса о чем-то совещаться, изредка бросая на ученого доктора короткие, профессионально-оценивающие взгляды.

— Дело в том, — сказал ассистент, — что мы истратили почти весь запас чудодейственной сыворотки, дающей живым существам здоровье и долголетие. Нам пришлось сделать изрядное количество вливаний тому парню, которого мы омолаживали незадолго перед этим.

— Отфильтруй остатки и впрысни столько, сколько есть. Это все-таки лучше, чем ничего.

— Но его лицо! — Молодой черт бесцеремонно взял Фауста за подбородок и повернул его голову сначала в одну сторону, затем в другую. Его черные глаза, казалось, просвечивали доктора насквозь, но лицо сохраняло бесстрастное выражение. — Что мне делать с этой длинноносой заготовкой, с ее впалыми щеками, тонкими губами, бледной и сухой, морщинистой кожей? Он слеплен так, что за версту видно болезненное, хрупкое сложение. А у меня не хватит материала на полную реконструкцию скелета и тканей.

— Эй, послушайте! — воскликнул Фауст. — Я, доктор Фауст, явился сюда с Земли отнюдь не затем, чтобы выслушивать ваши оскорбительные замечания!

— Держи-ка рот на замке, приятель, — отвечал ему ассистент, — это самое лучшее, что ты можешь сделать. *Здесь* доктор я, а не ты! — И, повернувшись к старшей ведьме, он продолжал: — Можно даже попытаться исправить его психику — конечно, в пределах человеческих возможностей, ибо сделать из него сверхчеловека никогда не удастся.

— Сделай что сможешь, — сказала ведьма, и черт тотчас же приступил к операции.

Он взялся за дело столь энергично, что поначалу Фауст испуганно съежился в кресле, вцепившись в подлокотники побелевшими пальцами. Однако вскоре, сообразив, что все манипуляции его сурового лекаря не причиняют ни малейшей боли, ученый доктор расслабился и, устроившись поудобнее, прикрыл глаза. В это время черт-ассистент, мурлыча себе под нос какую-

то песенку, срезал дряблые мышцы и кожу, заменяя их новыми, крепкими и упругими. Он работал легко и быстро, успевая одновременно пересаживать мышечную ткань, прикрепляя ее к костям, и соединять полоски надрезанной кожи. Наконец он поместил тонкие волокна нервных окончаний, сухожилия и кровеносные сосуды на свои места, и Фауст почувствовал, что мышцы лица, рук и ног снова повинуются ему. Смазав некоторые участки плоти, плохо прилегающие друг к другу, клейким раствором Универсального Закрепителя, черт немного подождал, пока раствор загустеет.

Закончив свою работу, он аккуратно обрезал выступающие из швов концы мелких кровеносных сосудов и неровные края кожи и, загладив рубцы так, что от них не осталось и следа, отступил на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

— Не так уж и плохо, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь, но достаточно громко для того, чтобы Фауст и старшая ведьма могли расслышать его слова. — Особенно если учесть никуда не годный материал, с которым пришлось возиться.

Затем, обмахнув своего клиента жесткой щеткой и сдернув с него полосатую простыню, черт-ассистент предложил ему посмотреть на себя в зеркало.

Взглянув на свое отражение в огромном светлом, кристально чистом стекле, Фауст не сразу узнал самого себя. Черты его лица остались как будто прежними, но весь облик чудесно изменился. Кожа утратила нездоровую восковую бледность, приобретя здоровый румянец. Черт укоротил его длинный нос, придав ему более благородную форму, исправил линию подбородка и убрал складки дряблой, морщинистой кожи со щек. Из зеркала на ученого доктора глядел здоровый, крепкий тридцатилетний мужчина весьма приятной наружности. Фауст отметил про себя, что его зрение и слух обострились, и вообще он стал чувствовать себя значительно лучше — пожалуй, еще никогда он не испытывал такого прилива сил и энергии. В общем, пожилой больной алхимик превратился в цветущего молодца; и хотя он вряд ли смог бы стать победителем одного из тех неофициальных конкурсов красоты, что проводились в те времена в Италии тайно от церковных властей, все же он помолодел лет на двадцать и даже стал гораздо привлекательнее, чем был двадцать лет назад.

— Так гораздо лучше, — сказал наконец доктор Фауст, — но все же недостаточно хорошо. У меня есть полное право на полный курс омоложения!

Черт, стоявший за спинкой его кресла, пожал плечами и, не проронив ни слова, повернулся, чтобы уйти.

— Давайте-ка не будем говорить о ваших *правах,* почтеннейший, — сказала старшая ведьма. — То, что мы сделали для вас, мы сделали исключительно по своей природной доброте. Никогда не верьте глупым сказкам о том, что все ведьмы и колдуньи злые! Что же касается полного курса омоложения, то для этого вам придется получить официальное направление на нашу Кухню, подписанное самим Мефистофелем или кем-нибудь из Великих Князей Света или Тьмы. Этот документ будет являться основанием для получения необходимых материалов и оборудования из Центрального Хранилища.

— Я получу его, черт меня побери! — воскликнул доктор Фауст. — Я получу его и в придачу еще кое-что, что полагается мне по праву! Не говорил ли Мефистофель о том, куда он направится после своего визита к вам?

— С какой стати он будет сообщать нам о своих дальнейших планах? — сказала ведьма.

— А в каком направлении он отбыл?

— Как обычно, растаял в воздухе, окутавшись напоследок клубами дыма да багровыми языками огня, — пожала плечами ведьма. — Извините, не могу дольше с вами разговаривать: меня ждут дела.

Фауст знал, что не сможет последовать за Мефистофелем дальше. Заклинание Перехода, которое он использовал для того, чтобы перенестись на Кухню ведьм, обладало весьма ограниченной силой. Он должен был вернуться обратно на Землю, составить план дальнейших действий и сотворить новое заклинание.

Глава 8

Фауст материализовался в своем рабочем кабинете в Кракове, в самом центре начерченной мелом на полу пентаграммы. На душе у знаменитого алхимика камнем лежал бессильный гнев.

Окинув взглядом мрачную одинокую келью, в которой он провел столько часов, согнувшись над своими колбами и ретортами, он с тоской подумал, насколько убого и запущенно его жилище — видно, воспоминания о шумной, сияющей огнями Кухне ведьм были еще свежи.

На полу в углах комнаты лежал мышиный помет. Пыль густым слоем покрывала книжные полки и крышку комода. Проклятие! Ленивая служанка не потрудилась даже обмахнуть метел-

кой из петушиных перьев его гордость, лучший из предметов коллекции, которым мог гордиться любой алхимик, — *настоящий скелет!* Какое безобразие, размышлял про себя доктор Фауст. Надо навести порядок в квартире. Невозможно жить в такой грязи!

Фауст тут же начал составлять план тех кардинальных перемен, с которых он начнет свою новую жизнь. Неожиданно мысли Фауста вернулись к его недавнему путешествию в потусторонний мир, и ученый доктор заскрежетал зубами от злости.

Вот до чего доводят чрезмерная доброта и отсутствие строгости в обращении с людьми! Какой-то жалкий вор и мошенник, шарлатан, ничего не смыслящий в высокой науке алхимии, может забраться к вам в дом и стащить долгожданную сделку с дьяволом буквально у вас из-под носа. Ну, ничего, это ему даром не пройдет! Он еще покажет наглому воришке, каково обманывать самого доктора Фауста!

И в этот самый момент Фауст, поглощенный своими переживаниями, внезапно ощутил всю глубину той чудесной перемены, которая произошла с ним на Кухне ведьм. Вместо ревматических болей в пояснице и острой рези в желудке он чувствовал небывалый прилив сил. Он был здоров, и он снова был молод! Его упрямый и вспыльчивый характер, несколько смягчившийся с годами, снова давал себя знать. Он был Фаустом, черт побери!

Вспомнив о том, что он ничего не ел со вчерашнего дня, помолодевший Фауст почувствовал сильный голод. Он подошел к буфету и снял с верхней полки миску с холодной овсянкой, оставшейся от вчерашнего ужина. В жидкой кашице плавали загустевшие комки, а ее синеватый цвет отнюдь не возбуждал аппетита. Фауст, поправивший свое пищеварение на Кухне ведьм и в придачу получивший великолепный набор крепких белых зубов, брезгливо помешал вчерашнюю овсянку длинной ложкой и поставил миску обратно на полку. Ему хотелось свежего, чуть недожаренного мяса. Он жаждал крови. И мести, мести!

Не тратя времени на дальнейшие размышления, Фауст поспешно вышел из своего кабинета и, легко сбежав со ступенек крыльца, оказался на улице. Был тихий, ясный весенний вечер — как раз под стать тому солнечному пасхальному утру, которое принесло так много неприятностей ученому доктору. Но Фаусту сейчас было не до красот природы. Он быстро пересек улицу и ввалился в таверну, которую часто посещал.

— Хозяин! — закричал Фауст еще с порога. — Подайте кусок жареного поросенка, да поскорее! И смотрите, чтобы обязательно была румяная хрустящая корочка!

Хозяин таверны удивился столь неожиданной перемене в настроении своего клиента. Обычно почтенный доктор двигался степенно, говорил ровным, тихим, чуть дребезжащим голосом и вообще был немногословен, угрюм и рассеян, как человек, сосредоточенный на решении каких-то очень сложных проблем. Однако содержателям таверн и постоялых дворов не положено выказывать излишнюю любознательность или проявлять свои чувства, если они не хотят потерять всех своих клиентов. Поэтому хозяин поклонился доктору Фаусту и с любезной улыбкой спросил:

— Кварту ячменного пива и кашу к поросенку — как обычно, сэр?

— К черту кашу! Принесите большое блюдо жареного картофеля! Да пошлите служанку за кувшином доброго вина — я имею в виду настоящее вино, а не мутную красную кислятину, которую пьют за обедом в этой стране!

— Подать токайского, сэр?

— Или рейнского. Скорей несите его сюда! Я умираю с голоду.

Фауст занял отдельный столик, чтобы никто не мешал ему предаваться размышлениям, пока служанка будет ходить за вином и готовить ему порцию жареного поросенка с картофелем. В таверне царил уютный полумрак; в очаге догорало несколько поленьев. К центральной потолочной балке была подвешена на железных цепях огромная люстра, напоминающая гигантское штурвальное колесо; по краям ее чадили светильники, заправленные топленым бараньим жиром. Люстра чуть покачивалась от сквозняка, гулявшего по главной зале таверны, — входная дверь была неплотно прикрыта.

Служанка подала вино, и Фауст залпом осушил большой бокал, даже не поглядев в ее сторону. Она исчезла так же бесшумно и незаметно, как и появилась, и через несколько минут принесла на деревянной доске кусок жареного поросенка, груду жареного картофеля, политого маслом, и немного брюссельской капусты с острой приправой. Еще несколько дней назад от такой пищи у почтенного доктора тотчас же случились бы желудочные колики; теперь же ее дразнящий запах только возбуждал его аппетит, а прелести молоденькой служанки волновали его воображение. Ставя на стол простую деревянную доску, на которой было разложено кушанье, девушка наклонилась так низко, что помолодевший доктор смог разглядеть ее высокую грудь под вы-

шитой крестьянской рубашкой из тонкого полотна. Выпрямившись, она откинула назад свои густые, блестящие каштановые волосы, и они живыми волнами легли на ее полные плечи и шею, подчеркивая прелестный овал девичьего лица. Доктор Фауст, до сих пор считавший, что он уже давно вышел из того возраста, когда мужчины испытывают интерес к подобного рода вещам, покраснел, словно мальчик. Он бросил быстрый взгляд на служанку — и тут же отвел глаза. Наконец он отважился заговорить:

— Гм... Вы, должно быть, недавно поступили сюда? Я не могу припомнить ваше лицо, но, кажется, мы с вами уже где-то встречались?

— Сегодня только первый день, как я работаю здесь, — ответила девушка, улыбаясь так дерзко и вызывающе, словно она хотела подразнить сидящего перед ней мужчину. Впрочем, улыбка красила ее; очевидно, молодая кокетка знала это. — Меня зовут Маргарита, я родом из Мекленбурга. Я была птичницей, пока на нашу землю не пришел Густав Адольф со своими шведами. Они грабили и жгли города и сеяли смерть повсюду, где проходили. Я бежала на восток. Однако от своей судьбы не уйдешь, и то, что должно было случиться, случилось со мной...

Фауст кивнул, очарованный неспешной, простой манерой разговора этой девушки и ее здоровой красотой, — и вдруг опять, как полчаса назад в своем рабочем кабинете, ощутил небывалый прилив сил. Волшебное превращение, которое началось на Кухне ведьм, завершилось в таверне. Почтенный доктор окончательно переродился душой и телом.

— Я доктор Иоганн Фауст, — сказал он. — Может быть, вы слышали кое-что обо мне.

— Разумеется, слышала, сударь, — ответила Маргарита. В те времена ученые-алхимики пользовались столь же широкой популярностью, какой в наши дни пользуются звезды кино или эстрады, и слава наиболее выдающихся из них гремела по всему свету. — А скажите, вы и вправду один из тех мастеров, которые могут наколдовать целую кучу драгоценных камней или красивый наряд для девушки?

Фауст не успел ответить — из-за соседнего столика раздался громкий возглас:

— Эй, кто-нибудь! Мой винный кувшин успел просохнуть! Принесите токайского или рейнского, да поживее!

— Я должна идти, — улыбнулась Маргарита, — подавать вина каждому свину.

— Почему бы вам не навестить мое скромное жилище сегод-

ня вечером? — предложил ей ученый доктор, робея, словно студент, назначающий приглянувшейся ему красотке свое первое свидание. — Я мог бы продемонстрировать вам два-три безобидных заклинания.

— Отлично! — сказала Маргарита. — Я работаю до восьми. А до тех пор — *hasta la vista.*

Удивив Фауста иностранной фразой, столь необычно звучащей в устах простой деревенской девушки, она быстрой, но плавной походкой пошла прочь от его столика — подносить вина и еду другим клиентам.

Глава 9

Пообедав в таверне, Фауст вернулся домой. До прихода Маргариты оставалось еще много времени, и он решил прибраться в своей квартире. Он стащил в угол перед входной дверью мусор и старый хлам, которого порядком накопилось в рабочем кабинете: дохлых кошек, которых ученый доктор пытался заставить плясать перед ним с помощью таинственных заклинаний, кастрюльки и миски с прокисшим борщом и овсянкой — они уже целый месяц пылились на полках в его кабинете — и большую кучу грязной одежды, которую нерадивая служанка должна была выстирать и погладить еще на позапрошлой неделе. Подняв тяжелые пыльные шторы и открыв ставни, он стал проветривать комнаты. В комнаты ворвался душистый весенний ветерок, принесший с собой запахи молодой листвы и пасхальной сдобы. «Женщины во многом отличаются от ученых-алхимиков», — подумал доктор Фауст. Они уделяют слишком много внимания всяким пустякам, о которых он сам уже давно перестал заботиться. Чтобы заглушить неприятные запахи, он зажег маленькую медную курильницу, бросив в нее немного ладана, — серый дымок поплыл по комнате, щекоча ноздри доктора Фауста.

Подбросив в камин несколько новых поленьев, Фауст поставил на огонь большой котел воды. Через несколько минут, когда вода согрелась, он разделся и тщательно вымылся горячей водой с мылом, чувствуя себя при этом крайне неловко, словно человек, совершивший какую-то глупость на глазах у целой толпы праздных зевак. «Какого черта», — подумал он, пытаясь прогнать это неприятное ощущение. В конце концов на дворе весна, и надо смыть с себя накопившуюся за долгие месяцы зимнюю грязь вместе с хандрой. Надев свежую сорочку и чистую шелковую профессорскую мантию, Фауст расчесал мокрые волосы —

после посещения Кухни ведьм его кудри стали значительно гуще и темнее. Покончив наконец со своими домашними делами и приведя себя в порядок, знаменитый алхимик с удивлением обнаружил прилив возбуждения, от которого он успел отвыкнуть за долгие годы одиночества. Помолодевшее тело напоминало ему о давно умолкших чувствах. Доктор Фауст задумался: он никак не мог припомнить, сколько лет прошло со дня его последнего свидания и кто была та молодая особа, с которой он встречался.

Маргарита не заставила себя долго ждать: она пришла вскоре после того, как часы пробили восемь. Солнце садилось, землю окутывали голубоватые сумерки. Последний луч скользнул по фигурке девушки, когда она переступала порог холостяцкого жилища; освещенная розовым светом, она показалась Фаусту еще красивее, чем при первой встрече. Любопытная от природы, как всякая женщина, Маргарита обошла всю квартиру ученого-алхимика, заглядывая в каждый угол, охая над его колбами и тиглями и с интересом рассматривая книги на разных языках, стоявшие на пыльных полках. Фаусту, не успевавшему объяснять ей назначение многих предметов, которыми был заставлен его кабинет, чудилось, что вместе с тонким ароматом духов девушка принесла с собой в его комнату нежно-золотистое сияние, словно тот последний солнечный луч, что упал на нее, запутался в ее пышных волосах.

Настроение доктора Фауста было бы прекрасным, если бы не воспоминания о сегодняшнем утре, начавшемся столь неудачно. Фауст чувствовал себя не только ограбленным, но и оскорбленным. Он вынужден был довольствоваться малым в то время, когда какой-то плут и мошенник забрал себе все то, чем он мог бы сейчас обладать; он упустил столь прекрасный шанс стать сильнее сильных мира сего отнюдь не по своей вине, а по роковой ошибке посланника сил тьмы, явившейся результатом небрежности в работе. По-видимому, Мефистофель даже не попросил самозванца предъявить документ, удостоверяющий личность! Он поверил обманщику на слово! Эта мысль не давала Фаусту покоя, и всякий раз, вспоминая об украденной у него сделке с дьяволом, ученый-алхимик хмурил брови и чуть не скрежетал зубами от злости.

Спустя некоторое время Фауст не без удивления обнаружил, что они с Маргаритой лежат, тесно прижавшись друг к другу, на узкой и жесткой койке, где обычно спал одинокий доктор. У изголовья их ложа стояла бутылка вина — неизменная спутница веселой беседы и любви. Однако вместо восторженных компли-

ментов красоте подруги и нежных слов, которые так нравятся девушкам и помогают мужчинам завоевывать сердца своих избранниц, с губ доктора Фауста слетали горькие жалобы.

Маргарита внимательно выслушала длинный рассказ знаменитого алхимика о том, что приключилось с ним сегодня утром. Казалось, этот разговор занимал ее больше, чем редкости, собранные в квартире Фауста, которые она с любопытством рассматривала примерно полчаса назад. Но пока Маргарита слушала, мысли ее текли совсем по иному руслу.

— Как было бы чудесно, — сказала девушка, мечтательно глядя на мерцающий огонь в камине, — если бы ты смог овладеть теми несметными богатствами, которые обязательно должен был предлагать Мефистофель! И тогда... тогда, если бы у тебя была девушка, ты бы мог осыпать ее золотом, драгоценностями и... и другими щедрыми дарами. Тебе доставляло бы огромное удовольствие глядеть, как она радуется всем этим вещам.

— Мне кажется, что ты права, — ответил ей Фауст, — хотя я до сих пор как-то не думал об этом. Но раз уж речь зашла о дорогих подарках, то взгляни-ка сюда...

Взяв медное кольцо, Фауст подбросил его вверх и пробормотал несколько слов на непонятном языке. Перевернувшись в воздухе несколько раз, кольцо упало на его ладонь, сверкая, словно алмаз, — малое заклинание превратило медь в циркон. Маргарита была в восторге. Она тотчас же надела кольцо на палец, любуясь его блеском. Кольцо было великовато для ее тонкой руки, но она весело прощебетала, что знакомый ювелир подгонит его как раз по ее мерке и ничего не возьмет за работу — стоит только улыбнуться и попросить поласковее. А пока... не может ли ее дорогой Фауст показать ей еще несколько подобных фокусов?

Повинуясь ее просьбе, Фауст заставил расцвести бутоны алых роз на тонких, засохших стебельках, торчащих из цветочного горшка. На цветах блестели капли росы; по комнате разливался восхитительный аромат. Знаменитый алхимик поднес букет своей даме. Сухо поблагодарив Фауста, Маргарита приняла розы и спросила, нельзя ли вновь вернуться к превращениям каких-нибудь простых предметов в драгоценности? Эти трюки очень забавны, к тому же ей так понравился предыдущий опыт ученого доктора... И Фауст осыпал ее блестящими безделушками — яркими, немного вульгарными брошками и булавками. Эти вещи были сделаны из чистого золота, но человек, знающий толк в ювелирном искусстве, оценил бы их не слишком высоко. Что поделаешь: даже самый искусный алхимик не может собраться с силами, когда хмель и любовь кружат голову! Однако

Маргарита была довольна, и улыбка вновь заиграла на ее румяных губах.

Наконец, овладев собой, а может быть, почувствовав прилив творческого вдохновения, Фауст припомнил, как однажды ему удалось повторить один забавный опыт, впервые проведенный знаменитым Альбертом Магнусом во время его путешествия по Леванту. Фауст взял одну из волшебных роз, которые он за считанные мгновения вырастил для своей подруги, и, взмахнув над нею руками, скороговоркой произнес одно могущественное этрусское заклинание — этому заклинанию он научился во время своей поездки в Неаполь. Роза превратилась в изящный медальон — яркий кристалл бирюзы в оправе из чистого серебра.

— Изумительно! — воскликнула Маргарита, всплеснув руками. — Но как ты все это делаешь?

— Очень просто, — улыбнулся Фауст. — Ловкость рук, ну, и, конечно, умение, своего рода ноу-хау.

— Но если ты умеешь превращать самые обыкновенные предметы в такие прекрасные вещи, значит, ты можешь стать сказочно богатым! Почему же ты живешь в таком... — И она примолкла, очевидно не сумев подобрать подходящего слова и боясь обидеть доктора, только что сделавшего ей богатые подарки. Однако она указала на незатейливое убранство холостяцкой квартиры столь красноречивым жестом, что Фауст не смог удержаться от смеха.

— Я никогда не стремился к богатству, — ответил он удивленной девушке. — Моими единственными и неподдельными сокровищами были знания. Я проник в тайну Философского камня, который дает обладающему им человеку мудрость, а отнюдь не золото, как полагают многие невежды.

— Я понимаю, — ответила Маргарита. — И какова же цена этой... мудрости?

— Прошу прощения?..

— Ну, люди всегда делают одно, чтобы получить другое взамен. Разве ты не знаешь? Например, они выращивают зерно, потому что им нужен хлеб. Они идут на войну, ибо хотят мира. Они убивают ради сохранения жизни. Человек вынужден трудиться во имя какой-нибудь цели, и его труд является платой за то, что он получает.

— Господь с тобой, дитя мое! — воскликнул удивленный Фауст. — Ты, кажется, решила заняться философией — наукой, созданной не для прекрасной женской головки. Ты невольно затронула один из интереснейших вопросов, над разрешением которого философы бьются уже не одну сотню лет. Однако пра-

вильно ли я понял твой вопрос: ты хочешь знать, какова конечная цель моих поисков ключей знания и мудрости?

— О! Как точно ты выразил то, что я хотела сказать!

Фауст улыбнулся ей:

— Знание и мудрость сами по себе являются целью, они — моя награда; они не требуют никакой «платы», как ты изволила выразиться.

— Почему же ты тогда так злишься на мошенника, выдавшего себя за доктора Фауста перед Мефистофелем? Ведь если тебе не нужно ничего, кроме поиска ключей знания, то, выходит, ты ничуть не пострадал от того, что кто-то украл заслуженную тобой награду. Вся твоя мудрость осталась с тобой, и тебе ничто не мешает продолжать заниматься тем, чем ты занимался раньше.

— Гм-м... — только и смог произнести Фауст; очевидно, вопрос Маргариты весьма озадачил его.

— А что ты собирался делать, — продолжала тем временем девушка, — после того, как в конце концов достиг бы той самой мудрости, к которой ты так упорно стремился?

— Продолжал бы искать еще большей мудрости.

— Ну а когда ты изучишь все, что только можно изучить?

Фауст чуть помедлил с ответом, размышляя над словами Маргариты.

— Когда человек достигает потолка своей мудрости, он приходит к наслаждению. Наслаждению разумом и всеми своими чувствами, которые находятся в полной гармонии друг с другом. Он наслаждается едой и питьем, вином и водой, любовью и созерцанием заката солнца, сном и бодрствованием — словом, каждой минутой своего бытия. Но мы, философы, обычно считаем эти простые радости жизни чем-то второстепенным, заслоняющим главное — вроде скорлупы, скрывающей золотое ядро ореха Мудрости. Поэтому мы придаем им так мало значения.

— Ну, где здесь скорлупа, а где орех, пока еще не совсем ясно, — возразила Маргарита. — Если судить по-моему, то, достигнув мудрости, ты кое-что получаешь взамен — значит, это и является ценой твоего знания. Что ты скажешь на это? Ведь душа и тело едины, доктор Фауст. Питая одно, не надо забывать о пище для другого.

— Еще существует религия, — продолжал Фауст; казалось, он не расслышал или просто не обратил внимания на последние слова Маргариты. — Ее ставят превыше всего, утверждая, что она заключает в себе вершину человеческой мудрости, начало и конец земного бытия. Однако я никогда не мог принять ее в том

виде, в котором она существует — с ее слепой верой и догмами, которые обычно принимаются без всяких оговорок и размышлений, тем самым убивая свободу духа — единственную религию, которую я исповедовал и которую буду отстаивать до последнего вздоха. Моя «вера» говорит мне, что лучше всего придерживаться здравого смысла и жить своим умом, а не теми нелепыми и смешными суевериями, которые может преподнести мне какой-нибудь полуграмотный священник.

Увлекшись рассуждениями на философские темы, Фауст вскочил с койки, где полулежала нагая Маргарита. Накинув на плечи широкий плащ (первое, что попалось ему под руку), доктор начал расхаживать взад и вперед по комнате, возбужденно жестикулируя и разговаривая вслух с самим собой:

— По правде говоря, каждый философ мечтает о том высшем мгновении, когда Истина откроется ему в своей полноте. Он стремится к этому всю жизнь, однако немногие могут похвалиться тем, что пережили такие минуты, в которые хочется воскликнуть: «*Остановись, мгновенье, ты прекрасно!*» О, если бы кто-нибудь помог мне достичь этого вожделенного мига! За такое счастье я мог бы продать свою душу самому дьяволу!.. Вполне возможно, что Мефистофель, зная об этом, явился, чтобы предложить мне подобную сделку, — ведь он прибыл с неким поручением, как полномочный представитель сил тьмы... Очевидно, предлагаемый им договор содержал весьма соблазнительные вещи и к тому же был рассчитан на долгий срок — иначе зачем Мефистофелю нужно было подвергать меня (а точнее, мошенника, назвавшегося моим именем) процедурам полного омоложения?.. Проклятие! Мефистофель собирался показать мне все чудеса обоих миров — как земного, так и потустороннего. Теперь божественной красотой, за один лишь взгляд на которую я мог бы отдать всю свою ограниченную земную мудрость и даже свою бессмертную душу, упивается наглый самозванец. Не говоря уже о роскоши, в которой купается этот негодяй... Все-таки мне интересно было бы знать, на какую приманку адских сил попался тот, кто увел дьявольский договор прямо у меня из-под носа. Обыкновенно демоны предлагают смертным стандартный и довольно примитивный набор благ — долгая жизнь и несметное богатство, — по-видимому, недооценивая то мощное влияние, которое имеет на наши души прекрасный пол. Ах, одной прелестной женщине, если она того пожелает, гораздо легче заставить мужчину свернуть со стези добродетели, нежели целой толпе чертей с самыми заманчивыми, но — увы! — столь однообразными обещаниями. Всего лишь несколько улыбок и нежных

взглядов — и бывший праведник падает в объятия греха... Однако я отвлекся... Вор-самозванец отнял у меня все! Доктор Фауст должен был стать величайшим из людей, открыв никому доселе не известный путь в другие миры! И надо сказать, что вера в свою счастливую звезду, в мое высокое предназначение поддерживала меня в самые трудные, самые горькие минуты. И эта прекрасная мечта разбилась, словно хрупкое стекло, под тяжким молотом судьбы... Ты понимаешь меня, Маргарита? У меня был шанс сыграть по-крупному, поставив на карту все. Больше такого случая уже не представится.

— Ты не должен отступаться! — воскликнула Маргарита.

— Я и не думал об этом! — ответил ей Фауст. — Но как быть? Мефистофель и тот парень, которого он забрал вместо меня, могут сейчас носиться где угодно. Я просто не знаю, где их искать...

И тут до ушей знаменитого алхимика долетел знакомый звук — звон церковных колоколов: наступил час торжественной вечерней службы. Этот звон помог разогнать мрачные его думы нынче утром; припомнив свою неудачную прогулку до таверны на углу улочки Казимежа, чуть было не стоившую ему жизни, доктор Фауст помрачнел. Но колокола продолжали так настойчиво дребезжать и звенеть на все лады, словно их длинные языки хотели сообщить ученому доктору что-то очень важное.

Праздник Пасхи. Его отмечают повсюду — на земле и в небесных сферах. Люди начинают готовиться к нему задолго до его прихода... Но в это же самое время силы тьмы служат *черную мессу*, которая непременно должна закончиться сатанинским балом, или шабашем, как его называют здесь, на Земле...

Вот где нужно искать Мефистофеля и лже-Фауста!

— Я понял, где они могут быть! — вскричал Фауст. — Я тотчас же отправлюсь следом за ними, а там пусть решается моя судьба!

— Прекрасно! — ответила ему Маргарита. — Ах, как бы я была счастлива, если бы могла разделить с тобой хотя бы небольшую часть выпавшего тебе на долю жребия!

— Конечно, дорогая, — сказал ей доктор, — мы отправимся вместе. О Маргарита! Ты поможешь мне выполнить мое предначертание и разделишь со мною и мою судьбу, и мою награду!

— Это как раз то, о чем я мечтала, — промурлыкала Маргарита. — Но только учтите, сударь, что я всего лишь простая девушка. Роль ведьмы-ассистентки будет моим дебютом, и мне потребуется некоторое время, чтобы освоиться. К тому же я совершенно не разбираюсь в алхимии...

— Тебе не нужно знать алхимию, чтобы сбегать в аптеку за тем, что я велю принести, — ответил Фауст, отшвырнув в сторону плащ, в который он кутался, и надевая свою серую профессорскую мантию. — Вставай же! Одевайся! Пора приниматься за дело.

Глава 10

И Фауст весьма энергично взялся за дело.

Для начала ему нужен был полный список всех ингредиентов, входящих в волшебный состав. Сидя за письменным столом, он торопливо писал что-то на листе бумаги, поминутно макая перо в чернильницу. Перо скрипело, чернила брызгали из-под него, оставляя пятна на пальцах доктора и кляксы на его неразборчивой рукописи. Однако Фауст был настолько поглощен своим занятием, что не обращал внимания на плохо заточенное перо. Покончив наконец со списком, он откинулся на спинку своего кресла и внимательно прочел написанное еще раз, сокрушенно качая головой. Для того чтобы сотворить достаточно мощное заклятие, способное придать двум человеческим телам первую скорость перемещения, нужно было слишком много разных веществ и магических объектов. Ведь ученый доктор собирался отнюдь не на увеселительную прогулку — формула заклинания должна быть составлена таким образом, чтобы он смог попасть на сатанинский шабаш вместе с Маргаритой, а оттуда перенестись в любое место пространства и времени по своему желанию. Фаусту пришлось вводить необходимые поправки на удвоенную массу их тел. Подсчитав количество пунктов в списке и оценив всю сложность процедуры приготовления к переходу в потусторонний мир, доктор приуныл: ведь только для того, чтобы добыть необходимые ему вещества в нужных количествах, потребовались бы многие месяцы, а может быть, даже годы, а у него не было в запасе и лишнего часа. Однако не время предаваться отчаянию, размышлял про себя Фауст; нужно продолжать поиски: обязательно должен существовать какой-то выход из этого положения! Иначе Повесть о докторе Фаусте, рассказывающая о величайшем подвиге человеческого духа, противостоящего козням потусторонних сил, никогда не будет написана...

И тут ему в голову пришла мысль, сначала показавшаяся почтенному доктору настолько дерзкой, что он поспешил прогнать ее. Однако минуты проходили одна за другой, а никаких реальных планов достать необходимые для путешествия в мир духов

ингредиенты у него не возникало. Тогда Фауст вновь вернулся к внезапно осенившей его идее. Некоторое время он боролся со своей совестью, припоминая случаи, когда цель вполне оправдывала средства, и стараясь убедить себя, что сейчас настал один из таких решающих моментов. Наконец, собравшись с духом, он встал из-за стола, резко отодвинув от себя кресло. Он подошел к комоду, где хранился целый набор инструментов на тот случай, если отворяющее заклинание почему-то не срабатывало. Опустив аккуратный сверток на дно кожаной сумки, доктор прихватил с собой бурдюк крепкого испанского вина — на всякий случай, чтобы иметь под рукой подкрепляющее средство, которое могло пригодиться в этой рискованной затее. Затем, обернувшись к Маргарите, он просто сказал:

— Идем. Нам нужно сделать одну вещь...

Ягеллонский музей, мрачное, тяжеловесное здание из серого камня, располагался в Бельведерском парке, устроенном на французский манер. Повернув направо от Ворот святого Рудольфа, Фауст и Маргарита оказались прямо перед ним. В окнах музея не горело ни единого огонька. Кругом не было ни души. Стояла гнетущая тишина. Маргарита старалась ни на шаг не отставать от Фауста, направившегося прямо к крыльцу.

Бормоча непонятные заклинания, Фауст стоял у дверей. Его опасения подтвердились: колдовство оказалось бессильно. Тяжелые створки, окованные бронзой, никак не хотели открываться. Чуть поодаль Маргарита подставила лунному лучу свое лицо, казавшееся безмятежным и сверхъестественно прекрасным в серебристо-голубоватом свете. Но сейчас доктору Фаусту было не до любования красотой подруги. Знаменитый алхимик знал множество случаев, когда плохое произношение магических слов — неправильно поставленное ударение или не вовремя сделанный выдох — сводило на нет результаты многолетнего труда. Страшный бич всех магов, насморк, приводил к трагической гибели многих великих ученых, когда они нечаянно чихали или сморкались во время произнесения заклинания, ибо любой посторонний звук, вклинившийся в магическую формулу, мог иметь совершенно непредсказуемые последствия.

Перепробовав все отворяющие заклинания и не добившись никакого результата, Фауст решил прибегнуть к крайним мерам. Вынув из сумки сверток с инструментами, он развернул его и, отобрав несколько тонких металлических предметов, напоминающих воровские отмычки, несколько минут возился с замком.

Раз-другой он большими глотками пил вино прямо из бурдюка, чтобы хоть немного снять нервное напряжение и привести рассеянные мысли в порядок. Наконец, выпрямившись, Фауст толкнул дверь — она чуть приоткрылась. В эту щель и пролезли они с Маргаритой.

Они очутились в центральном холле музея — огромном темном зале. Тусклый лунный свет, проникавший сквозь витражи высоких узких готических окон, не мог рассеять царившего здесь полумрака. Однако Фауст мог обойтись и без света — помещение было хорошо знакомо ему. Он потащил Маргариту, заглядевшуюся на портреты древних польских королей, в узкий коридор, окончившийся тупиком.

— И что же дальше? — спросила Маргарита, увидев перед собой прочную каменную стену.

— Смотри. Сейчас я покажу тебе кое-что. Тайна Ягеллонского музея известна немногим...

С этими словами доктор нащупал в кирпичной кладке стены механизм, открывающий потайной ход. Особым образом нажав на скрытую пружину, он отступил на шаг назад. Раздался глухой гул; выстланный каменными плитами пол вздрогнул под ногами Фауста и Маргариты — и они увидели, как часть сплошной каменной стены откатывается назад. Перед ними был узкий тоннель, показавшийся Маргарите черным провалом в саму преисподнюю. Ни малейшего проблеска света не было видно в его кромешной тьме; ни звука, ни шороха не доносилось из-за стены.

— Куда он ведет? — прошептала девушка.

— В потайную комнату, — ответил ей Фауст. — Там создан целый музей магических объектов и предметов культа более ранних эпох. Святая Церковь давным-давно уничтожила бы бесценные сокровища, хранящиеся в нем, сожгла на костре его посетителей и, может быть, не оставила от Ягеллонского музея камня на камне, если бы узнала о существовании этой комнаты.

И ученый доктор увлек оробевшую спутницу во мрак коридора. Воздух здесь был спертым, и тончайшая пыль, поднятая их шагами, щекотала ноздри. Одолев не слишком крутой спуск, Фауст и Маргарита попали в просторную комнату с высоким потолком. Их глаза успели привыкнуть к темноте, а в зале было уже не так темно, как в коридоре, — поэтому они сумели разглядеть застекленные столики и шкафы, где хранились редчайшие экспонаты. Доктор Фауст почувствовал, как мурашки забегали у него по телу — оказавшись перед лицом глубочайшей древности, он испытывал смешанное чувство благоговения и страха. Вещи,

собранные здесь, были сделаны руками искуснейших мастеров, живших за несколько тысячелетий до Рождества Христова. Осторожно ступая по каменному полу, Фауст провел вздрагивающую всем телом Маргариту в противоположный конец потайной комнаты. Они увидели много разных диковин: волшебные медные кольца халдейских магов, попавшие сюда из Ура — столицы древнего царства между двух великих рек, — бронзовые кольца из Тира — с их помощью оракулы предсказывали будущее, — кремневые ножи иудеев, используемые для жертвоприношений (если бы мертвый камень, из которого были сделаны эти клинки, мог заговорить, то — кто знает? — не поведал бы он что-нибудь о жизни библейского пророка Моисея?), жуки-скарабеи — древние египтяне верили в их волшебное свойство исполнять любые желания, — серповидные жертвенные ножи кельтов, поклонявшихся радуге... Среди предметов культа и волшебных талисманов племен, давно исчезнувших с лица земли, попадались творения магов современной эпохи: медная голова Роджера Бэкона, машина абсолютного знания, изобретенная Раймундом Лулием, которую предполагалось использовать для обращения язычников в христианскую веру, несколько призраков и матрикатов Джованни Баттисты Вико (в наиболее доступной для восприятия форме), сложные механизмы и вещи, о назначении которых не мог догадаться даже сам доктор Фауст.

— Этого более чем достаточно, — сказал он, набрав целую кучу колдовских приспособлений из застекленных витрин.

— Тебя повесят за это! — воскликнула Маргарита.

— Сначала пусть попробуют меня поймать, — ухмыльнулся Фауст. — Вон там висит настоящая Туринская плащаница. Не прихватить ли нам ее с собой?

— Не нравится мне твоя затея, — сказала Маргарита. — У меня такое чувство, что вот-вот случится какая-то беда...

Тем не менее она подошла к витрине, на которую указывал Фауст, и набросила ветхую ткань себе на плечи.

В тот же самый миг из коридора, по которому они попали в потайную комнату, донесся резкий стук тяжелых сапог, окованных железом. Такие сапоги обычно носили караульные-гвардейцы. Если арестованный преступник в припадке бессильной ярости пытался наступить на ногу своему конвоиру, твердые металлические пластинки на носках сапог защищали гвардейца от болезненного удара каблуком по пальцам.

— Мы попались! — раздался горестный вопль Маргариты. — Теперь нам не выбраться отсюда...

— Молчи. Подойди сюда, скорее! — приказал ей Фауст. Бы-

стро разложив на полу в определенном порядке магические предметы, алхимик взмахнул руками и громовым голосом произнес заклятие — Великое заклятие, нарушающее привычный ход событий и способное изменить саму природу вещей. Эхо под потолком неразборчиво повторило его слова. Губы Маргариты приоткрылись, а глаза расширились от изумления, когда она увидела радужное сияние, исходящее от предметов, лежащих у ног Фауста. Свет разгорался все ярче, и вот уже фигура Фауста, подносящего ко рту бурдюк с вином, начала таять в воздухе. Волшебные лучи упали на Маргариту, расцветив полинявшую пыльную накидку на ее плечах всеми красками радуги...

Когда запыхавшийся гвардеец с пикой наперевес вбежал под высокие своды потайной комнаты, где еще несколько мгновений назад звучали человеческие голоса и горел свет, он никого не обнаружил. В огромном зале было тихо и темно.

Глава 11

Фауст и Маргарита продрогли от резкого холодного ветра, когда некая могучая сила подняла их высоко над землей и перенесла на зеленую лужайку в предместье Рима, где только что закончилась торжественная часть праздника — XLIV Всемирного Шабаша, или Великого Бала Сатаны. Солнце уже почти зашло. Приземлившись на росистом лугу в долине между двух гор, гребни которых были похожи на головы сказочных чудовищ, ученый доктор и его спутница увидели множество пустых мехов из-под вина, ярких бумажных колпаков и груды мусора, оставшиеся на примятой траве после того, как огромная толпа демонов и ведьм разлетелась кто куда. Оглядевшись кругом, доктор Фауст заметил группу венгерских музыкантов, бережно укладывающих свои инструменты в футляры: небольшой оркестр, возглавляемый седым дирижером, готовился к отправке обратно в Будапешт. В самом центре зеленой лужайки был воздвигнут огромный черный алтарь, доверху заваленный щедрыми пожертвованиями участников пышного торжества, закончившегося всего несколько минут назад. Возле алтаря несколько демонов-слуг длинными ножами резали жертвенное мясо и раздавали его бедным (ибо в царстве духов, как и во всяком земном царстве, есть свои богачи и бедняки).

Фауст чуть не заплакал от досады и огорчения. Он опять опоздал! Отправиться так далеко, затратив столько сил на это путешествие, — и все впустую! Однако на сей раз он быстро овла-

дел собой, решив бороться с судьбой до конца. Может быть, не все еще пропало.

Он подошел к одному из мусорщиков, убиравших лужайку после пира, — длиннобородому краснощекому гному, ковылявшему по свежей зеленой траве на своих коротеньких толстых ножках. Голову гнома венчал рогатый шлем, сделанный по древнескандинавскому образцу. За спиной у этого смешного бородатого человечка был маленький ранец с крепко привязанной к его крышке лопатой.

— Как дела? — спросил мусорщика Фауст.

— Ох, совсем плохо, — вздохнул тот. — Один демон завербовал меня вместе с несколькими моими товарищами, чтобы мы убрали весь мусор с этого огромного луга. После весеннего шабаша всегда остается столько мусора! Демоны и ведьмы так неаккуратны, а платят нам за уборку очень мало и никогда не оставляют ни глотка вина, хотя сами пьют его на празднике вдоволь.

— Вина? — переспросил Фауст, все еще сжимавший в руке бурдюк с остатками отличного испанского вина, которое он прихватил с собой из дома, собираясь проникнуть в потайную комнату Ягеллонского музея. — Вот здесь у меня осталось немного вина. Я бы мог предложить его вам...

— Как вы добры!.. Рогнир к вашим услугам, сударь...

Гном неловко поклонился и протянул дрожащую руку, чтобы схватить бурдюк с вином, но Фауст быстро поднял свою ношу высоко над головой. Мусорщик-коротышка никак не мог дотянуться до кожаного бурдюка.

— Не спешите, друг мой. Мне нужно кое-что в обмен на это вино...

— Так я и знал, — печально произнес Рогнир. — Было бы слишком похоже на сказку, если бы вы ничего не требовали взамен. Так чего же вам надо?

— Я хотел бы получить кое-какую информацию.

— Информацию... — Нахмуренные брови гнома приподнялись кверху от удивления, а затем вся его румяная бородатая физиономия расплылась в широкой, добродушной улыбке. — Эге, сударь! Вы получите любую информацию, какую только захотите. Я думал, вам драгоценные камни нужны или золото... Так кого вы хотите, чтобы я предал?

— Ах, что вы! Дело не зайдет так далеко, — ответил слегка смущенный Фауст. — Мне всего-навсего нужно отыскать двоих... гм... двух своих знакомых, которые принимали участие в этом празднике. Один — высокий красивый блондин, смертный; другой — жгучий брюнет, демон по имени Мефистофель.

— Так точно, они были здесь, — сказал Рогнир, — оба хохотали и флиртовали, веселились и развлекались, и наделали много шума. Можно было подумать, что они в первый раз попали на Всемирный Шабаш...

— Куда они отправились потом? — нетерпеливо спросил Фауст.

— Эх, сударь, да разве об этом гному скажут? — вздохнул мусорщик. — Но постойте... взгляните-ка сюда. У меня есть кусочек пергамента, на котором сам Мефистофель написал несколько слов и отдал вон тому рыжеволосому демону, что стоит в сторонке, боком к нам — видите?

Рыжеволосый демон, о котором говорил гном, был не кто иной, как Аззи Элбуб, щегольски одетый и причесанный по последней адской моде; когда он улыбался, слегка прищуривая глаза, его лицо напоминало лукавую лисью мордочку. Тот самый Аззи Элбуб, которому выпала честь начать предыдущую Тысячелетнюю войну между силами добра и зла. Эта война, впрочем, велась по строгим правилам и больше напоминала рыцарский турнир, чем битву двух воинств. Аззи, выступавший от имени зла, затеял тонкую интеллектуальную игру с Прекрасным принцем, продемонстрировав неплохое знание людской психологии, однако в конце концов привел своего героя к настолько двусмысленной развязке, что богиня Судьбы, судившая спор сил света и тьмы, засчитала очко в пользу добра. Это обстоятельство сильно повредило карьере демона Аззи, ибо великие князья Тьмы не склонны прощать молодым демонам подобные промахи, даже несмотря на все их прошлые заслуги. Силы зла рассчитывали на полную победу в Тысячелетней войне, дающую право победившей стороне повелевать людскими умами на протяжении целой эпохи. Поэтому, когда пришла пора начинать новую войну, Аззи попросту отстранили от дел, решив поручить это ответственное и почетное задание другому демону. Выбор пал на одного из Князей Тьмы — Мефистофеля; его противником стал архангел Михаил.

— И как же этот кусочек пергамента попал к вам в руки? — спросил у Рогнира Фауст. — Неужели сам демон отдал вам его?

— Никак нет, — ответил гном. — Этот демон скомкал пергамент и в гневе швырнул его на землю — как раз в тот миг, когда Мефистофель со своим спутником исчез в облаке дыма и языках пламени, наделав много шуму...

— Отдай мне пергамент!

— Нет! Прежде *вы* дайте мне вина.

Недоверчиво глядя друг на друга, они обменялись сокрови-

щами. Пока мусорщик жадно пил вино, Фауст развернул пергамент и пробежал глазами несколько неровных строк. Это был список географических названий; цифры, проставленные напротив каждого из них, обозначали календарные даты. Некоторые из указанных в записке мест были хорошо знакомы Фаусту (например, Париж); в других же (в Лондоне и в Пекине, при дворе Великого хана) он ни разу не был. Прочитав список более внимательно, доктор Фауст заметил, что даты в нем различаются между собой не на один десяток лет; кроме того, они относятся как к прошлому, так и к будущему. Одна из записей была выделена особо. На первом месте в списке стоял Константинополь, рядом — цифры: 1210. Фауст вспомнил, что это было время Четвертого крестового похода, обернувшегося многими бедами для Европы. Очевидно, сценой для первой из тех ролей, которые по уговору с дьяволом должен был сыграть лже-Фауст, была выбрана столица Византии.

Углубившись в разгадку не слишком хитрых головоломок, знаменитый алхимик не замечал ничего вокруг себя. Он вздрогнул от неожиданности, когда возле самого его уха раздался негромкий вкрадчивый голос:

— Прошу прощения, кажется, вы говорили обо мне...

Оглянувшись, Фауст увидел, что рядом с ним стоит тот самый рыжий демон, на которого ему указывал Рогнир.

— Но как вы могли узнать об этом? — удивился Фауст. — Ведь вы стояли так далеко, а мы разговаривали шепотом.

— Демоны всегда знают, когда о них говорят, — ответил ему Аззи. — Вас заинтересовал этот пергамент? Я готов удовлетворить ваше любопытство. Великие Князья Тьмы сделали Мефистофеля своим главнокомандующим в новой Тысячелетней войне между силами добра и зла. От исхода поединка между двумя могучими лагерями зависит судьба мира: та сторона, которая одержит победу, получит неограниченную власть над людьми сроком на целую тысячу лет. Вы видите, что соперничество добра и зла — не пустая забава, ибо предметом его является само колесо истории. Я рассчитывал занять высший руководящий пост в штабе сил тьмы, но на эту должность назначили Мефистофеля, и теперь я в лучшем случае буду вынужден довольствоваться второстепенной ролью помощника главнокомандующего. Я — двукратный победитель конкурса на лучшее зло!.. Но ничего не поделаешь, договор уже заключен. Мефистофель условился с архангелом Михаилом, что он предложит Фаусту пять различных ситуаций. Тот выбор, который сделает доктор Фауст, будет оцениваться в пользу добра или зла по двум критериям: мотивам

поступков и их результатам. Как обычно, судьей в этом споре станет богиня Судьбы, Ананке.

— Но ведь Фауст — это я! — воскликнул знаменитый алхимик. — Мефистофель по ошибке забрал вместо меня другого человека!

Несколько секунд Аззи смотрел прямо в глаза своему собеседнику, затем окинул его с ног до головы изучающим взглядом, от которого ученому доктору стало немного не по себе, — казалось, демон может проникнуть в самые сокровенные глубины его души. Ни один мускул не дрогнул на лице Аззи; услышав ошеломляющую новость, он ничем не выдал своего волнения, однако опытный наблюдатель мог заметить, как напряглись мышцы его тела, словно перед решающей схваткой с сильным противником.

— Итак, значит, это *вы* ученый доктор? — переспросил демон.

— Да! Это я! Я... — Маргарита, стоявшая рядом с доктором Фаустом, с такой силой дернула его за рукав, что он поспешно прибавил: — А это моя подруга Маргарита.

Аззи кивнул ей, затем вновь обратился к доктору:

— Какой неожиданный поворот событий! Дело становится еще интереснее.

— Только не для меня, — возразил Фауст. — Возможно, с теоретической точки зрения эта ситуация имеет свои плюсы, но мне-то каково скитаться по различным мирам в поисках справедливости! Все, чего я хочу, — это восстановить свои права. В конце концов, для разрешения спора между силами добра и зла Мефистофель выбрал именно меня, и я должен занять свое место. Не могли бы вы помочь мне?

Погрузившись в размышления, Аззи расхаживал взад-вперед по примятой траве. Ему пришлось затратить немало сил, чтобы сохранить свою обычную невозмутимость. Информация, полученная от этого смертного, свалившегося с неба как снег на голову, была слишком ценной, чтобы оставлять ее без внимания. Конечно, еще многое нуждается в разъяснении и детальной проработке; поспешные, необдуманные действия могут только повредить, думал Аззи. Вероятно, не следует предпринимать никаких шагов, прежде чем ему удастся разузнать самые мелкие подробности. Однако ему не хотелось упускать шанс нанести серьезный удар своему сопернику, Мефистофелю. Если смертный прав, то вот он, удобный случай продвинуться вверх по служебной лестнице! Не использовать его в своих целях может только

начинающий чертенок, но никак не опытный, искушенный в интригах демон.

— Мы еще вернемся к этому разговору. Я свяжусь с вами позже, — промолвил наконец Аззи.

— О, неужели вы не дадите мне хотя бы слабую надежду? Скажите, куда мне теперь отправиться, чтобы найти Мефистофеля?

— Хорошо, — медленно произнес демон, — если вы решили догнать Мефистофеля и самозванца, выдающего себя за вас, то я дам вам один совет. Вам потребуется совершать путешествия во времени. Отправляйтесь к Харону и договоритесь с ним, чтобы он взял вас на борт своей ладьи.

— Премного вам благодарен! — воскликнул Фауст. Подхватив под руку свою спутницу, он скороговоркой пробормотал вторую часть заклинания, заготовленного в потайной комнате Ягеллонского музея, и медленно растаял в воздухе.

Глава 12

Аззи внимательно наблюдал за тем, как две человеческие фигуры постепенно тают в воздухе. Сперва они стали похожи на две матовые стеклянные скульптуры, а мгновение спустя совсем исчезли — лишь два облачка легкого, прозрачного тумана чуть колыхались на том месте, где только что стояли два человека. Ни шума, ни грохота, ни огненного фейерверка. Но не было и рваных клочьев сизого дыма, дурного запаха или резкого изменения цвета серебристого тумана, державшегося в течение нескольких секунд над поникшей травой, — тех характерных признаков, по которым сразу можно определить работу чародея весьма низкого класса. Не так уж плохо для смертного, подумал Аззи. Вне всякого сомнения, этот человек — ученый доктор Фауст, знаменитый алхимик, молва о котором долетала даже до ушей Аззи.

Полночь миновала. Лунный свет посеребрил притихший луг, на котором еще недавно кипело буйное веселье. Бригада мусорщиков закончила уборку и теперь стояла в стороне. Санитары и ассенизаторы проводили стерилизацию тех мест, где нечистые твари рыли землю. Духи-экологи восстанавливали кору и листву деревьев, обожженную фейерверками и искрами адского огня, выращивали новую траву там, где дерн пострадал от острых копыт, и очищали загрязненную почву: неаккуратные демоны просыпали на землю ядовитые вещества во время ночного празднества.

— Вот и все, — сказал Рогнир, бригадир мусорщиков. — Никогда еще не приходилось вывозить столько грязи, как в этом году!

— Да, праздник удался на славу, — рассеянно ответил Аззи, погруженный в раздумье.

— Ну, уж теперь-то мы можем наконец разойтись по домам? — раздраженно спросил Рогнир. Ему досталась не слишком приятная работа — чистить и скрести этот широкий луг, выгребая из травы груды всякого мусора.

Аззи поймал его на узкой подземной тропинке, проложенной гномами. Мурлыча себе под нос какую-то песенку, Рогнир направлялся на Уппсальский слет гномов. Местом его проведения был выбран поросший лесом холм неподалеку от Монплиера, где можно петь и танцевать вокруг деревьев, украшенных разноцветными фонариками. Каждый год гномы из Уппсалы собираются вместе, чтобы показать свое мастерство в исполнении старинных песен и танцев. Вам не найти более подходящего случая вынести на суд знатоков и ценителей искусства новые вариации на темы древних баллад, чем Уппсальский слет. Ни на каком другом празднике не пляшут столько, сколько на этом слете. Гномы — консервативный народ; традиции имеют над ними огромную власть, поэтому они редко придумывают новые песни и танцы, предпочитая понемножку переделывать то, что уже было создано раньше, добавляя лишний шажок или поворот в какомнибудь не слишком сложном па или лишнее словечко в коротком куплете. Рогнир и еще несколько человек из его Пятерни разучили несколько новых поворотов в тарантелле. (Пятерней у гномов называется постоянная компания, в которой собирается от пяти до семнадцати персон. Она во многом похожа на семью и к тому же имеет одно очень важное преимущество: гномы, составляющие одну Пятерню, по очереди платят за выпивку всей компании на вечерних пирушках.) Решив выступить со своим танцем на слете, приятели договорились встретиться под Монплиером за несколько часов до начала праздника. Рогнир, как обычно, опаздывал и потому был очень недоволен, когда прямо перед ним неожиданно возник Аззи, загородив узенькую тропинку так, что гному не удалось незаметно проскользнуть мимо.

— Здрасте! — сказал Аззи, разглядывая гнома. — Кажется, я вас где-то видел...

— Конечно, — ответил ему Рогнир. — В последний раз мы с вами разговаривали еще в конце предыдущей эпохи. Вы как раз собирались поместить мои сокровища в какое-то прибыльное

дело... Кстати, раз уж мы снова встретились, то не могли бы вы наконец сказать мне, *где* теперь мои драгоценности?

— Все в порядке, приятель. Никуда твои сокровища не делись; они вложены в надежное дело и зарабатывают для тебя денежки. Деньги ведь должны работать, верно? — Демон положил свою тяжелую руку на плечо гнома. — Я вижу, ты сейчас ничем не занят?

— Вы ошибаетесь, — возразил тот, пытаясь выскользнуть из-под руки Аззи. — У меня назначена встреча, и я очень тороплюсь...

— Встреча подождет, — сказал демон. — Я возьму тебя с собой. Нужно слегка прибрать один маленький лужок после очередного Всемирного Шабаша. Это очень легкая работа, она не займет много времени.

— Тогда почему бы вам самому ее не сделать?

— Я занимаю должность управляющего, а не исполнителя, — ответил Аззи. — Ну же, старина, не упрямься, пойдем со мной.

Рогнир набрал побольше воздуха в легкие, готовясь дать этому развязному рыжему черту решительный отпор, но, поймав строгий, холодный взгляд Аззи, тотчас же растерял всю свою храбрость и покорно опустил голову. С демоном высокого ранга очень трудно спорить, особенно когда встречаешься с ним лицом к лицу. Даже у самого заурядного демона гораздо более грозный и внушительный вид, чем у самого важного гнома. По правде говоря, гномы вообще не страшные, и, хотя многие из них владеют некоторыми магическими приемами, из-за маленького роста никто не принимает их всерьез. Когда не на шутку рассердившийся гном гневно хмурит свои густые брови, он выглядит очень забавно.

Демоны и гномы недолюбливают друг друга еще с тех незапамятных времен, когда они жили вместе. Надменные, гордые демоны никогда не признавали своих соседей-коротышек за равных. Они заняли практически все руководящие посты в большинстве административных округов, вытеснив гномов с политической арены. Демоны налаживали жизнь по своему вкусу, притесняя гномов. Гномы роптали, но ничего не могли поделать: у них не было ни своих людей в администрации, ни своей политической партии, ни четкой программы действий. На вечерних сборищах, на пирушках и на праздниках они, бывало, громко возмущались плохим правительством, сплошь состоящим из демонов. Порой раздавались призывы к неповиновению, однако дело не шло дальше слов. Гномы, воспитанные в глубоком ува-

жении к закону и к его представителям, будь они хоть трижды черти, — до крайности консервативные и тяжелые на подъем существа. Немного пошумев, они обычно расходились по домам, ибо их сердцам милее всего на свете тихий домашний очаг и старинные обычаи, которым следовали их предки в незапамятные времена (если верить старинным сказаниям, то был золотой век, когда даже молодежь была трезвой и здравомыслящей, дети уважали и слушались старших, миром правили мудрецы, везде царили порядок и благополучие, и вообще в людях было больше толку, чем в наши смутные, тревожные дни). Демоны — напротив, новаторы по своей природе. К тому же они так раздражающе высокомерны, так вызывающе ведут себя, что простые, добродушные гномы очень тяготятся подобным соседством. Шумные сборища, политическая борьба и интриги всегда были родной стихией демонов, в то время как гномы старались держаться в стороне от политики, предпочитая не решать проблемы, а попросту уходить от них. Поэтому, решив избавиться от неприятных соседей, они начали строить подземные и подгорные чертоги, осваивая новую территорию, на которую до сих пор не ступали ни копыто черта, ни нога человека. Об этом отступлении маленького народа за последний рубеж сложено немало баллад и поэтических преданий. Вгрызаясь в земную кору, гномы открывали рудные жилы и находили драгоценные камни. Они постигали тайны обработки металлов и создавали такие шедевры ювелирного искусства, с которыми не могли сравниться изделия земных мастеров. Оставив мир подлунный и царство духов людям и демонам, гномы надеялись спокойно и мирно зажить в своих просторных пещерах и подземных дворцах, добывая драгоценности, разводя овец и маленьких мохнатых лошадок в долинах гор. Гномы не любят потустороннего мира, ибо придерживаются рациональных взглядов на вещи. Они также не очень любят людей и демонов, своих беспокойных соседей. Поэтому они без сожаления оставили свои бывшие владения, переселившись в тот мир, где они рассчитывали стать полновластными хозяевами. Демоны, конечно, не признали суверенитет нового подземного царства; они часто нарушали границы владений гномов. Однако, с точки зрения демона, царство гномов — это всего-навсего большой и грязный угольный мешок, лазать в который недостойно джентльмена, заботящегося о чистоте своих ногтей; поэтому жизнь гномов в их заповедных подгорных чертогах была относительно спокойной.

— Да, кстати, где деньги, которые причитаются мне за уборку мусора? — спросил Рогнир.

— Заработная плата за уборку мусора в стандартных серебряных монетах чеканки нынешнего года, имеющих хождение во всех трех мирах, перечислена на твой текущий счет в Центральном банке преисподней. Ты можешь получить ее по первому требованию.

— Но ведь для этого нужно спуститься в самый Ад! Мы, гномы, никогда не бываем в тех краях!

— Тебе придется туда отправиться, приятель, если ты хочешь получить свои деньги.

— Как же так?.. Когда мы приходим туда, нам дают от ворот поворот. Вместо денег мы получаем отговорки. У нас требуют удостоверения личности и еще какие-то документы. Как будто сразу не понятно, что, раз гномы *никогда* не получают прав на вождение автомобиля, то, значит, никаких удостоверений у них нет и быть не может! И чего только не придумают, лишь бы не дать ни гроша...

— Прекрати распускать слюни! — грубо оборвал его Аззи. Тоненький голосок Рогнира отвлекал его от размышлений о возможных последствиях открывшейся ошибки Мефистофеля.

— Убираешь, убираешь этот мусор, не разгибая спины, и никто никогда даже спасибо не скажет, не угостит тебя ни праздничным обедом, ни добрым вином... — жалобно произнес гном.

— Покупай себе еду и вино сам, на свои собственные деньги! Для того и существует валюта! — отрезал демон.

Рогнир вздохнул и засеменил прочь, созывая остальных гномов. Они еще долго жаловались друг другу на грязную работу, которой заставили их заниматься демоны за мизерную плату, но больше всего их огорчало то, что им не досталось ни капли вина. Так, ворча, они откапывали лопатами вход в подземный коридор, по которому они добрались до места, где проходил Всемирный Шабаш. Гномы всегда путешествуют под землей, роя извилистые ходы, словно кроты, прокладывая новые тоннели там, где старых нет или они обвалились, размытые грунтовыми водами. Конечно, это требует огромных усилий и зачастую не оправдывает затраченного труда, особенно в наше время, когда весь мир опутан сетью больших и малых дорог. Но гномы всегда оставались верны своим традициям, они и сейчас продолжают делать все по старинке; к тому же им удобнее ориентироваться под землей: в проложенном своими руками тоннеле трудно сбиться с пути.

Расчистив наконец вход в свое подземелье, гномы один за другим нырнули в круглую дыру; тот, кто спускался последним, прикрыл вход куском дерна, словно крышкой. Лужайка приняла

самый обычный вид, как будто здесь никогда не происходило ничего особенного. Праздник прошел, и уборка была закончена. Аззи, официально назначенный руководителем ремонтно-восстановительных работ, мог отправляться по своим делам.

Но рыжеволосый, похожий на хитрого лиса демон не спешил покидать залитую лунным светом поляну. Он все еще был погружен в свои мысли о двух Фаустах — настоящем и мнимом. Что же все-таки происходит, спрашивал он себя. Итак, Мефистофель от имени Комитета эпохального (иначе — долгосрочного) планирования и с согласия архангела Михаила предложил Фаусту ряд ситуаций — ключевых моментов мировой истории, — в которых «подопытный» смертный каким-то образом сможет повлиять на судьбы людей. Фауст принял эти условия. По-видимому, сейчас Мефистофель перенес его в ту точку пространства-времени, откуда должна была начинаться вся тщательным образом спланированная вереница событий, а проще говоря, приступить к решающему опыту и тем самым положить начало новой Тысячелетней войне между силами добра и зла. Однако тот, кто находится сейчас в руках Мефистофеля, — не Фауст, а самозванец, выдавший себя за ученого доктора и занявший его место! А Мефистофель, похоже, даже не подозревает о подмене. Странно.

Это, конечно, могло быть простой случайностью — тем неожиданным поворотом событий, от которого не застрахован никто и который одинаково может играть на руку как силам зла, так и силам добра. Однако под видимостью случайного стечения обстоятельств мог скрываться чей-то хитроумный план.

Раздумья привели Аззи в дурное расположение духа. Вообще-то у него был легкий характер, и он всегда слыл веселым и даже довольно добродушным демоном; однако события последних дней кого угодно превратили бы в угрюмое и озабоченное существо. Его обошли чином, предоставив почетное право начинать новую Тысячелетнюю войну другому демону. Он до сих пор никак не мог примириться с тем, что Великие Князья Тьмы предпочли ему Мефистофеля, простоватого, ничем не примечательного демона, хотя до сих пор он и сам вроде бы не так уж плохо справлялся с порученным ему заданием. И теперь этот пустозвон и выскочка Мефистофель с таким гордым и важным видом появился на Всемирном Шабаше со своим лже-Фаустом, словно уже получил неограниченную власть над обоими мирами...

К чему же приведет такой поворот событий? На чью сторону склонятся весы? Какой из двух противоборствующих сил было

выгодно, чтобы с самого начала настоящий Фауст выбыл из игры? И конечно, самое главное: кто за всем этим стоит? Чем дольше Аззи ломал голову над своими непростыми вопросами, тем определеннее он склонялся к мысли о том, что подмена знаменитого алхимика каким-то неизвестным лицом — совсем не случайное событие. Кто-то заранее подготовил почву для хорошо продуманной интриги. Будучи демоном самых широких и передовых взглядов, Аззи во многом расходился с общепринятым мнением, предпочитая самостоятельно судить обо всех и вся; однако теория конспирации, новейшее достижение ведущих аналитиков Преисподней в области интеллектуального прогноза, не относилась к числу тех вещей, на которые он глядел свысока, как на идеи, пережившие свой век. С нею Аззи считался и принимал ее на веру, как апостол Павел слова своего возлюбленного учителя Христа.

Итак, кто-то построил довольно удачную и хитрую ловушку. Что ж, на то демону и голова, чтобы раскрывать тайны и распутывать самые сложные интриги. Он, Аззи, разгадает эту непростую головоломку и, конечно, постарается извлечь свою выгоду из сложившейся ситуации.

Сделав самые первые выводы и намечая общий план действий, Аззи почувствовал, что его пасмурное настроение сменяется бодрым и оживленным. Ничто так быстро не приводит демона в хорошее расположение духа, как отгадывание чужих тайн и обдумывание своей собственной стратегии в предстоящем состязании умов. Ничто так не льстит его самолюбию, как возможность перехитрить какого-нибудь хитреца, тем самым показав свою ловкость, сноровку и находчивость в подобного рода делах.

Аззи обеими руками ухватился за такую блестящую возможность. В последнее время ему поручали работу, не требующую высокой квалификации, и он чувствовал, как нерастраченные силы бурлят и клокочут в нем, словно вода в перегретом паровом котле. Ожидая, что его назначат верховным главнокомандующим в предстоящей Тысячелетней войне, он не позаботился об иной интересной работе для себя и теперь оказался в тени, занимаясь различными мелкими, рутинными делами, которые лишь раздражали его. Но раскрытие посторонней интриги, вмешавшейся в вечный спор добра и зла, — вот это занятие для профессионала высокого класса, не какое-нибудь жалкое подметание лужаек после Великого Бала! К тому же в голову Аззи пришла очень удачная мысль: он догадался, с чего нужно начать свою контринтригу.

Бросив последний взгляд на широкий луг, мирно дремлю-

щий после разгульного Всемирного Шабаша, он стремительно взвился в воздух, вертясь, словно ярмарочное огненное колесо, разбрасывая вокруг себя ослепительные алые и белые искры, и наконец исчез под аккомпанемент оглушительного треска, устроив настоящий праздничный фейерверк над притихшим лугом. Попробовал бы какой-то жалкий смертный показать *такое* напоследок!

Глава 13

Оказавшись в пространстве бесконечного эфира, Аззи повел себя более осмотрительно и уже не выделывал тех фигур высшего пилотажа, которые он показывал над зеленым лугом близ города Рима, местом проведения Всемирного Шабаша. Он направился прямо на юг преисподней, где располагалось одно из отделений Хранилища летописей инферно. Ему приходилось бывать в тех краях несколько раз, так что он не рисковал сбиться с пути: память на места у демонов отменная. Он собирался заглянуть в некоторые бумаги, хранящиеся в южном отделении Хранилища. Конечно, большинство этих документов помечены грифом «Совершенно секретно», «Секретно» или «Для служебного пользования», что весьма осложняет простым демонам доступ к ним; однако изобретательный Аззи придумал довольно простой план, как обойти подобные препятствия.

Он обогнул главный корпус южного отделения Хранилища, угрюмое серое многоэтажное здание, битком набитое погибшими душами, бойко стучащими по клавишам бесчисленных компьютеров, — несчастными созданиями, осужденными на вечную адскую скуку от тупой, однообразной, бессмысленной работы, лишь изредка прерываемой короткими перекурами, во время которых можно перекинуться с соседями парочкой слов или услышать новый непристойный анекдот (силы зла очень снисходительны к грешникам во всем, что касается дурных привычек и манер). Войдя в скромную таверну за углом главного корпуса, он позвонил своей приятельнице Уинифред Феие, очаровательной юной особе, занимающей довольно скромный пост руководителя подотдела в отделе протоколов Хранилища.

— Привет, малышка, как делишки? — Аззи решил начать разговор в веселой и непринужденной манере, не так давно вошедшей в моду, именно она больше всего нравилась его молоденькой подружке.

— Аззи!.. Вот так сюрприз! Сколько зим, сколько лет! Мне кажется, уж никак не меньше нескольких веков...

— Ты сама понимаешь, малыш: дела, заботы... Если хочешь творить зло в этом мире, приходится крутиться.

Четверть часа спустя они сидели в уютной угловой кабинке той самой таверны, из которой звонил Аззи. Хозяин подал им коктейли: мятный с ликером для Винни, «Прощальный кубок демона» для Аззи. Потягивая коктейли из высоких стаканов, они вспоминали былое и перебирали всех своих общих знакомых: старину Лисовского, служившего теперь главным механиком по ремонту «железных дев» в Отделении Вечных мук, сеньориту Мари-Хуану, личного секретаря Асмодея, и совсем еще молоденького Лисса-Чернобурова, который сперва был помощником младшего повара в ресторане «Зло-Деи», а теперь состоял при заместителе заведующего поставками провизии для всей адской кухни. В огромном камине, возле которого находилась их кабинка, весело плясал огонь; негромкое потрескивание горящих поленьев вплеталось в протяжный мотив старинной баллады о Трое, которую вполголоса напевал слепой старик, сидевший в углу. Слепой перебирал своими длинными пальцами струны лютни — их нежный звон несколько смягчал суровый напев героической баллады.

— Ах, Аззи, мы чудесно провели время, но, к сожалению, мне пора возвращаться к своим бумагам, — прощебетала Винни, осушив несколько стаканов мятного коктейля. — Надеюсь, это не последняя наша встреча. Ты мог бы заглядывать почаще.

— Спасибо, крошка. Кто знает, может быть, мне и удастся выкроить несколько свободных часов в ближайшем столетии... Послушай, Винни, у меня есть к тебе небольшая просьба. Если ты не откажешься ее выполнить, то тем самым окажешь мне огромную услугу. Я пишу одну статейку для «Сатаник таймс». Она посвящена условиям договоров и соглашений между силами добра и зла. Один из таких договоров пока еще не опубликован ни в каких открытых источниках информации. Кажется, он связан с нынешней Тысячелетней войной.

— Я догадываюсь, что ты имеешь в виду. Дня два назад я получила этот договор — его нужно было внести в каталог хранящихся у нас документов, а затем сдать в архив.

— Мне бы хотелось взглянуть на него.

Винни встала со своего мягкого кресла, собираясь уходить. Она была очень миниатюрным созданием — даже меньше среднего роста маленьких чертенят. Модная стрижка «под фею» подчеркивала своеобразный овал ее заостренного к подбородку

лица, что придавало ему сходство с сердечком. Но живые черные глаза Винни, прикрытые длинными пушистыми ресницами, заставляли забыть о таких мелких недостатках ее внешности, как слегка вздернутый нос и чуточку широковатые скулы.

— Я принесу его сюда, как только мне удастся выкроить свободную минутку. Например, во время следующего перерыва. Ты подождешь?

— Винни, ты прелесть! Поскорее, пожалуйста! — воскликнул Аззи.

И Винни выпорхнула из таверны, качнув бедрами так, что ее коротенькая юбочка взметнулась, высоко обнажив стройные ноги. Аззи уселся поудобнее и стал терпеливо ждать. Часы тянулись медленно. Время от времени в таверну заглядывали мелкие чиновники из Министерства внутренних дел ада — перекусить и послушать местные сплетни. Было довольно темно — такой полумрак обычно окутывает землю в дождливые дни поздней осени. Временами моросил дождь — редкие капли барабанили по просвинцованным стеклам таверны. Аззи лениво перелистывал страницы старого еженедельника «Инфернал Интернал таймс» — журнала, принадлежащего Министерству внутренних дел ада. Без всякого интереса просматривая заметки, где рассказывалось о событиях двухнедельной давности, он потягивал из маленькой чашечки кофе по-дьявольски. Рецепт приготовления этого напитка в общем мало отличается от обычного, за исключением одной детали: при варке кофе по-дьявольски в кипящий кофе обычно добавляется кокаин. Этот сильный наркотик не только не запрещен на территории Инферно, но, напротив, рекомендован к употреблению: существует особый закон, вменяющий в обязанность чиновникам Министерства внутренних дел ада проверять его концентрацию в винах, которыми причащаются во всей преисподней.

Наконец, когда терпение Аззи уже начало иссякать, на пороге таверны появилась Винни.

— Я принесла договор! Но я не могу отдать его тебе даже на несколько часов — мне надо будет вернуться и положить этот документ на место как можно скорее, пока его не хватились.

И она передала Аззи плотный хрустящий пакет.

— Спасибо. Мне нужно всего лишь взглянуть на него — это займет всего несколько минут.

Достав из пакета несколько свитков пергамента, он осторожно развернул их. Винни аккуратно придерживала концы листов снизу, чтобы Аззи удобнее было читать. Быстро просмотрев несколько документов, демон наконец нашел то, что искал: дого-

вор между Фаустом и Мефистофелем. Все длиннейшие формулировки пунктов договора были выписаны чересчур подробно и аккуратно, так что у Аззи возникло интуитивное ощущение хитрой ловушки, скрытой за этими громоздкими фразами. Он начал внимательно читать документ:

«Настоящим договором утверждается, что Иоганн Фауст, проживавший в различных городах Земли и в настоящий момент предположительно находящийся в Кракове...»

А чуть ниже в скобках было сделано примечание:

«Вышеназванный Фауст собственной персоной или тот, кто носит это имя».

Тот, кто носит это имя?

Чуткий нюх подсказал Аззи, что именно здесь собака зарыта.

Это маленькое дополнение могло служить для признания лже-Фауста законным действующим лицом в предстоящих испытаниях, исход которых должен разрешить тысячелетний спор добра и зла.

Но если участником этого спора мог стать любой из смертных, зачем тогда нужно было упоминать имя доктора Фауста в самых первых строках важнейшего документа?

Аззи пропустил несколько строк, переходя к пунктам, подробно излагавшим условия сделки.

«...каковой Фауст (*Какой именно?* — подумал Аззи) обязуется предоставить свою персону для участия в пяти экспериментах, условия которых изложены в приложении к данному документу. В каждой из вышеупомянутых пяти ситуаций Фауст будет поставлен перед некоторым выбором, где он должен будет действовать без каких-либо дополнительных указаний и инструкций со стороны. Единовластным судьей этих событий назначается Ананке, которая будет рассматривать действия Фауста с точки зрения добра и зла, света и тьмы, а также других взаимопротивоположных категорий, в рамках которых может быть разрешен данный тысячелетний спор.

Нижеследующим особо оговаривается, что во время проведения вышеозначенных экспериментов вышеназванный Фауст будет руководствоваться в своем выборе исключительно собственной свободной волей (в том смысле, в каком этот термин обычно истолковывается)...»

Отложив пергамент в сторону, Аззи спросил:

— Кто же составлял этот договор? Вряд ли архангел Михаил способен на такое...

— Известно кто, — ответила Винни.

— Никогда бы не подумал, что у него столь сильный талант

по части крючкотворства. Тут есть такие перлы, которые привели бы в восторг знаменитых профессоров из Института прикладного очковтирательства.

— Между прочим, Михаил изучал казуистику, — сказала Винни. — По крайней мере так говорили у нас. Он утверждает, что невозможность достаточно убедительного притворства ставит лицемера в крайне невыгодное положение и что добро отнюдь не пострадает...

— Гм... Однако здесь сплошные двусмыслицы. — Глаза Аззи снова забегали по строчкам. — Вся эта болтовня насчет свободы воли вполне может быть ложным следом... Положим, так оно и есть. Тогда что же отсюда вытекает? От чего конкретно хотел отвлечь внимание составитель этого договора?

— Не знаю... По правде говоря, у меня нет ни одной зацепки. — Винни взмахнула своими длинными ресницами.

— Это вполне естественно, душенька моя, — улыбнулся Аззи, сворачивая пергамент и протягивая его через стол Винни. — Зато я, кажется, догадываюсь, у кого они могут быть.

Глава 14

Та особа, у которой, по мнению Аззи, мог найтись ключ к разгадке этой сложной интриги, звалась Лахесис. Она была старшей из трех сестер, распоряжавшихся судьбами смертных, и многие считали ее самой мудрой из них.

Три пожилые дамы, дочери Зевса, проводят свои дни за деликатной и тонкой работой — они прядут и отмеряют нити человеческих судеб, обрезая каждую нить в том месте, где человеку суждено умереть. Самую ответственную работу делает Лахесис. Клото, свивающая свою бесконечную пряжу из грубого льна земного бытия, — весьма жизнерадостная старушка; ее пальцы уже настолько привыкли к работе, что справляются с ней машинально, и это позволяет ей весь день дремать или предаваться сладким грезам о давно прошедших временах. Атропос, которая перерезает жизненную нить, лишь выполняет указания Лахесис: ну-ка, отрежь эту ниточку вот здесь, дорогая, а потом другую — вон там: ее обладателю вскоре суждено умереть. Конечно, прясть и резать нитки — не слишком тяжелый труд, и у двух сестер остается много свободного времени, которое они коротают за бесконечными пасьянсами и чаепитиями с тортом (по-видимому, заменяющим им насущный хлеб). Из всех трех только Лахесис присущи рассудительность и здравый смысл; именно она опре-

деляет, как долго будет жить каждый человек и даже (если верить тому, что говорит молва) какой смертью он умрет. Это высокая суровая пожилая дама с вечно пасмурным и чем-то озабоченным лицом. Она состоит в дальнем родстве с Ананке и даже с самой *Великой Матерью*, древнейшей из богинь, которую навещает по большим праздникам; все же остальное время она посвящает работе — недреманным оком следит она за качеством льна, из которого прядет нить Клото, успевая при этом отдавать распоряжения Атропос и наделять каждого смертного его собственным жребием.

Мойры, как в древности называли сестер, очень стары; они являются живым памятником той далекой эпохи, когда герои античных мифов и легенд были еще живы. Они помнят те времена, когда Геракл и Ахиллес были еще детьми; более того — они держали в своих руках жребии величайших мужей и прекраснейших жен Древней Греции. Считается, что они неким таинственным образом сосуществуют со Вселенной, населенной персонажами из средневекового фольклора: ангелами и чертями, злыми и добрыми духами. Этот парадокс параллельного существования нескольких миров объясняется в рамках квантовой теории великого объединения духа, в которую многие верят и каковую до сих пор еще никому не удавалось испытать иначе как на своем личном опыте.

Навестить вещих сестер было весьма непростой задачей. Трудности, однако, заключаются отнюдь не в том, чтобы попасть в мир, где они живут (Мойры — большие домоседки: облюбовав себе укромный уголок вне пространства и времени, они не покидают его уже несколько земных тысячелетий; со Вселенной, окружающей их скромную обитель, их связывает лишь прочная нить непредвиденной случайности); но всякий раз, посещая этих милых дам, вы чувствуете себя немного не в своей тарелке. Для того чтобы добиться от трех сестер какой-нибудь пустяковой услуги, нужно быть искусным дипломатом. Все же Аззи решился нанести Мойрам визит: его не покидало ощущение, что он находится на правильном пути. Лахесис, приходящаяся дальней родственницей Ананке, имела репутацию мудрой и проницательной особы; поговаривали даже, что она разбирается в мотивах поступков созданий света и тьмы не хуже опытного психоаналитика.

Прежде чем отправляться на тот край Вселенной, где обитают вершительницы человеческих судеб, демон обошел несколько магазинов в поисках какой-нибудь милой вещицы, которую можно поднести даме: Лахесис обожала получать подарки и хра-

нила груды скопившегося за несколько тысячелетий добра в обширной кладовой, пристроенной к небольшому греческому храму в классическом стиле, где три сестры проводят свои дни за бесконечной работой. За несколько тысяч лет кладовую не раз приходилось расширять и перестраивать: ведь пока Мойры держат в своих руках нить жизни, поток пожертвований от желающих повлиять на судьбу не прекращается.

Наконец хлопоты Аззи увенчались успехом: в одной из мелких лавчонок, торгующих антиквариатом, он нашел подходящий подарок — серебряное чайное ситечко. Это была изящная маленькая вещичка, сделанная в Древнем Китае. Время не пощадило безымянного мастера, чьи руки трудились над этой красивой безделушкой, но не во власти времени было уничтожить плод его труда, и чистое серебро сохранило искусную тонкую чеканку, украшавшую ободок ситечка. С этим подарком, аккуратно уложенным в коробочку, перевязанную лентой, Аззи отправился прямо к маленькой красной звездочке, находящейся на самом краю той области пространства, которую земные астрономы называют Угольным Мешком.

Глубоко вздохнув несколько раз, как это делают опытные пловцы, прежде чем войти в бурное море, он нырнул в облако густой межзвездной пыли. Мощные силы подхватили и закружили его, швыряя из стороны в сторону, словно в стремительном водном потоке, — в здешних краях никогда не бывает спокойно. Потратив немало времени, он все же сумел добраться до цели своего путешествия — горной лужайки, где стоял небольшой кирпичный домик трех сестер. За этим аккуратным домиком возвышался храм, возведенный в древнегреческом стиле, окруженный обширными пристройками — в них хранились дары, которые на протяжении многих веков присылали Мойрам смертные в надежде изменить свою судьбу и получить еще хотя бы несколько дней жизни, прежде чем их души отправятся бродить по бесконечным лугам мрачного царства Аида.

— Входи, дорогой, — сказала Лахесис, распахивая перед Аззи дверь. — Атропос, Клото, вы только посмотрите, кто к нам пришел!

— А! Это же симпатичный молодой демон Аззи, — сказала Атропос.

«Чик-чик», — по-птичьи чирикнули ножницы у нее в руках, и обрезанные кусочки льняной пряжи упали на пол.

— Осторожнее! — воскликнула Лахесис. — Ты и так уже отрезала несколько нитей на целый дюйм выше тех меток, которые я специально для тебя поставила! А ведь каждый сантиметр — это десять лет человеческой жизни!

— Какая разница, — ответила ей Атропос. — Они все равно растратили бы эти годы напрасно.

— Это не оправдание, — заметила Лахесис. — Ведь все нити в ткани земного бытия тесно связаны друг с другом, и каждому из смертных должно быть отпущено строго определенное количество лет, которые он может тратить на что ему вздумается. И ни богам, ни могучим духам, ни смертным не дано изменить существующий в мире порядок вещей.

— Невелика беда! — с вызовом произнесла Атропос. — В следующий раз я просто прибавлю кому-нибудь лишний дюйм или даже два — и дело с концом!

Пожав плечами, Лахесис повернулась к гостю:

— Как тут с ними управишься? Знаешь, за каким занятием я застала ее на прошлой неделе? Она завязывала узелки на нитях, прежде чем обрезать их. Я спросила, зачем она это делает, и что же я услышала в ответ? Что ей просто захотелось посмотреть, как отнесутся смертные к узелкам на нити своей жизни. А Клото все видела и промолчала! Ей безразлично, что там дальше происходит с нитью. Я подала заявку в Центральное Хранилище, чтобы они заменили Атропос, хотя, конечно, нам было бы тяжело с ней расстаться — ведь мы столько лет уже вместе. И, представь себе, только через неделю я получила ответ из Центрального. У них, видишь ли, имеется особое постановление государственной гражданской службы. Оказывается, только одна Атропос может выполнять эту работу; сместить ее никак нельзя, ибо это приведет к нарушению старых традиций и к тому же противоречит нескольким пунктам инструкции о порядке найма и увольнения. Как будто на свете нет вещей важнее, чем какие-то инструкции и традиции!

— Ах, — вздохнул Аззи, — я, видно, выбрал неподходящий час для визита. У вас и без меня полно хлопот, а я пришел по одному важному делу...

— Не волнуйся, дорогой, — улыбнулась ему Лахесис. — А уж о том, чтобы покинуть нас в ближайшие несколько часов, даже не мечтай. Это чайное ситечко — прелестнейшая вещица, и чай у нас закипел как раз вовремя... Итак, с чем ты к нам пожаловал?

И Аззи рассказал ей все, что знал, о новой Тысячелетней войне, о весьма двусмысленных фразах в договоре, главным со-

ставителем которого, как это ни странно, являлся архангел Михаил.

— Ты не доверяешь Михаилу, — сказала Лахесис, — и в этом ты абсолютно прав. Ты же знаешь, когда дело касалось вечной борьбы двух ваших систем, он вел себя, словно одержимый. Его горячая, почти фанатическая приверженность идеалам Добра еще возросла за последнее время. Мне кажется, он не остановится ни перед чем, только бы выиграть эту войну и доказать свою правоту. Боюсь только, неосторожными поступками он навлечет на свою голову большие неприятности... Между тем эта самая оговорка насчет свободы воли может дать ему возможность повернуть дело и так и этак. Свобода воли — вещь слишком неопределенная, и истолковывают ее по-разному. Сделаешь ее предметом тяжбы — не жди от суда единодушного и скорого решения. Возможно, он заранее кое-что рассчитал и хочет использовать эту неоднозначную формулировку в своих целях — не важно, будет ли участвовать в задуманном эксперименте подлинный Фауст или его двойник... Желала бы я знать, как сможет Ананке судить *мотивы* поступков того, кто будет находиться под страшным давлением со всех сторон? Думаю, ей придется оценивать его действия скорее по их результатам, чем по изначальным намерениям. Если это так, то Михаилу нужен человек, действия которого можно было бы предсказать заранее.

— Но зачем понадобилось выводить из игры настоящего доктора Фауста?

— В том-то и заключается вся трудность эксперимента с Фаустом, что его поступки практически непредсказуемы. Это непростой человек; по-видимому, он сильно отличается от остальных смертных. Легенды о докторе Фаусте, которые дошли до нас, позволяют сделать о его характере самые противоречивые и парадоксальные выводы. Некоторые считают его хвастуном и шарлатаном, но, с другой стороны, нельзя не признать, что он один из лучших магов на всей Земле и к тому же глубокий мыслитель и философ. Михаил прекрасно знал, что Мефистофель не будет возражать против того, чтобы Фауст стал соучастником спора между двумя великими силами. Однако предсказать действия настоящего Фауста Михаилу будет крайне трудно. Мак Трефа — гораздо более удобный кандидат: недоучившийся студент-богослов, однако уже успевший кое-что повидать на своем веку; человек, переживший тяжелые времена, за которым наверняка числится не одно дурное дело, но тем не менее уважающий буржуазную мораль своего времени. Так, должно быть, подумали специалисты из аналитического Центра, служащие светлым

силам, когда они тайком прощупывали этого малого по заданию архангела Михаила.

— Вы хотите сказать, что Михаил втянул Мака в это дело? — спросил Аззи. — Подал ему идею ударить доктора Фауста дубиной по голове и забраться в его дом, зная наверняка, что туда в тот же час направится Мефистофель, который примет мошенника за знаменитого ученого?

— Не совсем так... Только не вздумай ссылаться на меня, если кто-нибудь случайно спросит у тебя про источник информации, но я слышала кое-что об этой истории. Многие ангелы считают ее удачной шуткой Михаила, благодаря которой Небесам удастся посрамить самонадеянного Мефистофеля. Конечно, сам Михаил не занимается такой грязной работой. Для этого есть ангел Гавриил, весьма ловкий исполнитель самых деликатных поручений высших сил света. Он явился Маку, когда тот сидел в таверне, и склонил его на этот бесчестный поступок, уверяя, что он зачтется в пользу Мака как доброе деяние. К чести Мака надо сказать, что он согласился не сразу. Он ответил ангелу, что даже самая благая в мире цель не может оправдать убийство. Охваченный благочестивым негодованием Гавриил возвел глаза к небу и прочел Маку целую проповедь. Он отнюдь не имел в виду *убийство*! Ничего страшного с доктором Фаустом не произойдет! Нужно только оглушить его ударом по голове (но так, чтобы, упаси боже, не покалечить почтенного алхимика) и вытащить кошелек из его кармана, затем проникнуть в дом и взять еще несколько мелких вещиц. «Это смахивает на грабеж», — сказал Мак, пристально глядя на златокудрого ангела в белоснежных одеждах. «В некотором смысле, — ответил Гавриил, отводя глаза. — Но если отдать десятую часть добычи на благотворительные цели, этот грех вам простится».

Полюбовавшись серебряным чайным ситечком, Лахесис отложила его в сторону.

— Вот все, что я слышала по этому поводу.

— Очень, очень интересные новости, — задумчиво произнес рыжий демон, внимательно выслушавший ее рассказ. — Не знаю, как и благодарить вас за них.

— Я поделилась с тобой информацией во имя общего блага, — сказала Лахесис. — Мы, Мойры, не участвуем в войнах между светом и тьмой, соблюдая нейтралитет. Но чувство долга обязывает нас разоблачать обман и мошенничество везде, где мы их видим, — независимо от того, кто и с какой целью их совершает. Может случиться так, что я вынуждена буду кому-нибудь

рассказать про тебя и про твои дела. Надеюсь, ты не рассердишься на меня за это.

— Конечно, нет, — ответил Аззи. — Тот, кто оставляет улики против себя, заслуживает поражения. Таков закон. Однако мне пора, прощайте, матушка!

— Что ты собираешься делать с этой информацией? — спросила Лахесис.

— Пока еще не знаю, — ответил Аззи. — Сперва, конечно, я придержу ее, наслаждаясь обладанием столь ценными сведениями. Затем подумаю, можно ли ее использовать в своих целях.

И, отвесив прощальный поклон, он растаял в воздухе.

Глава 15

— Где мы находимся? — спросила Маргарита. Она оправила свое платье и пыталась привести в порядок волосы, растрепавшиеся во время их головокружительного полета.

Вынырнув из бескрайней голубизны, они приземлились у подножия холма, на вершине которого стояло прекрасное здание из белого мрамора с высокими колоннами. Прямо перед ними раскинулась базарная площадь. Смуглые малорослые мужчины покупали и продавали ковры, гобелены, плащи, домашнюю утварь и другое добро. За площадью виднелись черные, коричневые и серовато-бурые островерхие палатки — издалека могло показаться, что там раскинули свой лагерь бедуины.

— Так где же мы все-таки находимся? — повторила Маргарита.

— В Афинах, — ответил ей Фауст. — Вон то высокое белое здание на холме — Парфенон.

— А эти люди? — Маргарита махнула рукой в сторону рынка.

— По-моему, это торговцы.

Маргарита вздохнула:

— И это та самая Греция, о которой в нашей приходской школе рассказывали столько разных историй? Если бы ты не сказал мне, я бы сама ни за что не догадалась.

— Ты, конечно, имеешь в виду Древнюю Грецию, прекрасную страну с высочайшей культурой. А мы пока еще находимся в нашем времени. За тысячу с лишним лет здесь многое изменилось. Но Парфенон стоит на вершине холма, как и много веков назад. Его стройные дорические колонны гордо вырисовываются на фоне небесной синевы, словно бессмертные стражи всего,

что есть в мире подлинно ценного, непреходящего, вечно прекрасного.

— Ну, хорошо, — сказала девушка. — Но зачем мы прилетели сюда? Я думала, мы отправимся прямо на берег Стикса...

— Река Стикс течет в Греции.

— Что?.. Здесь, в Афинах?

— Нет. Где-то в Греции... Я решил, что сначала лучше отправиться сюда и расспросить обо всем афинян.

Маргарита покачала головой:

— Меня беспокоит вот что: в школе нам говорили, что этой реки на самом деле никогда не существовало на свете. Как же ты собираешься спрашивать дорогу?

Фауст улыбнулся ей так, как взрослый человек улыбается ребенку, задавшему глупый вопрос:

— Существует ли архангел Михаил?

— Конечно, существует.

— А Святой Грааль? Существует ли он?

— Так говорят, — неуверенно ответила Маргарита.

— Тогда существует и Стикс, поверь мне. Если существует один воображаемый предмет, то и другие тоже должны существовать.

Маргарита фыркнула:

— Ну, если ты так думаешь...

— Конечно, я так думаю! — воскликнул Фауст. — Кто из нас ученый и маг в конце концов?

— Ну конечно, ты, — сдалась Маргарита.

Доктору Фаусту было известно, что подземный поток Стикс выходит на поверхность где-то на территории Греции, затем вновь спускается под землю и долго петляет там, неся свои мрачные воды сквозь бесконечные века и пространства, пока не достигнет самого Тартара. Если верить старинным картам, эта река вытекает из просторного грота и бежит по унылой равнине, где почти никогда не светит солнце, затем ныряет в темное ущелье. Крутой спуск ведет из этого ущелья к огромной пещере — входу в саму преисподнюю, куда катит темные волны Стикс. В древности этим классическим путем в подземное царство Аида пользовались не только боги и души умерших, но и живые люди — легендарный Орфей, искавший свою Эвридику, и могучий герой Тесей, спустившийся в Ад, чтобы попытаться отнять прекрасную Елену у Ахиллеса. Фауст напомнил своей спутнице об этом подвиге Тесея.

— Кто такая Елена? — спросила Маргарита.

— Одна из самых знаменитых женщин в мире, — ответил ей

Фауст, — прославившаяся своей непревзойденной красотой. Из-за нее разгорелась жестокая война и был разрушен великий, могущественный город.

— Ах, так... — задумчиво произнесла Маргарита. — А что нам нужно от этой женщины?

— Скорее всего мы не встретимся с нею. Царство Аида велико; да к тому же с тех пор, как Елена покинула сей мир, прошел не один век. Если волей всемогущего случая мы все-таки встретимся с ней, она, возможно, даст нам дельный совет, как попасть в Константинополь, в год 1210-й и сместить наглого самозванца Мака с того места, которое по праву принадлежит нам.

— Ну хорошо. Кажется, ты собирался спросить дорогу у этих людей? Боюсь, они не сумеют правильно назвать даже имя города, в котором находятся, а уж о каком-то там мифическом Стиксе и вовсе понятия не имеют.

— Никогда не суди о людях по их внешнему виду, дорогая, — сказал Фауст. — Внешность обманчива. Готов поспорить, что во всей толпе найдется хоть один человек, который знает путь к Стиксу.

И он повел Маргариту к небольшой группе людей, со всех сторон окруживших разносчика кофе.

— Ага! Что я тебе говорил? — воскликнул Фауст. — Кофе! Этот напиток еще только входит в моду во всей остальной Европе. Как видишь, они совсем не отсталые дикари.

Пробираясь сквозь толпу, он прокричал с певучим коринфским акцентом, приобретенным еще в студенческие годы на уроках греческого языка:

— Добрые жители славного города! Не укажет ли мне кто-нибудь путь к реке Стиксу, который, если верить молве, находится где-то в Геллласе?

Мужчины, пившие кофе в стороне, переглянулись между собой. Один из них негромко произнес на дорийском диалекте:

— Альф, разве Стикс протекает не в Феспронтии, где твой дядюшка недавно приобрел новый земельный участок?

— Ты, наверное, имеешь в виду Ахерон, — ответил ему тот, кого звали Альфом. — Он впадает в Стикс у Гераклеи-на-Понте. Однако есть более прямой и короткий путь до Стикса. Отправляйтесь в Колон и плывите вниз по течению реки Коцит. Она впадает в Стикс сразу после того, как ныряет в обширные пещеры в Ахерузии.

— Да, это самый лучший путь, — подтвердил его слова другой мужчина, стоявший рядом. — Вы не собьетесь с дороги, если только будете внимательно смотреть по сторонам. Когда вы уви-

дите, что оказались в мрачной долине, где не растет ничего, кроме осокоря и бледных цветов асфоделя, — знайте, что вы достигли берегов Стикса. Ну а уж если вы доберетесь до тех жутких мест, где река уходит под землю и все предметы выглядят... гм... не совсем естественно, — тут уж, конечно, и сами догадаетесь, *куда* вы попали.

Поблагодарив горожан за добрый совет, Фауст увел Маргариту с рыночной площади и, пробормотав заклинание, снова поднялся в воздух. Теперь они летели на север вдоль берегов Аттики. Маргарита крепко держалась обеими руками за плечи Фауста. Путешествие было не из легких — Фаусту приходилось бороться с сильным ветром, балансируя на огромной высоте, словно канатоходец на тонком канате. Сила заклинания была уже не та, что в самом начале, и Фаусту стоило больших усилий удерживать себя и свою подругу в поднебесье. Маргарита старалась спрятать лицо от пронизывающего ветра — она боялась, что ее нежная кожа огрубеет и покраснеет. Растрепавшиеся волосы падали ей на лицо, мешая глядеть по сторонам. Однако, несмотря на все испытываемые ею неудобства, она была очень довольна: ведь не каждый день на долю простой девушки из провинциального городка выпадает такое чудесное приключение — мчаться по воздуху за много сотен миль от родного дома вместе с искуснейшим магом, которого знает весь мир!

Они пролетели над Коринфом — с высоты его древняя крепость была видна как на ладони — и начали плавно снижаться над развалинами Фив: город так и не возродился после того, как Александр Македонский жестоко покарал его непокорных жителей. Повернув в сторону Фракии, они заметили, что горный пейзаж, которым они любовались с высоты птичьего полета, начал уступать место зеленым холмам и долинам. Впереди показались *широкие ленты двух рек. Поняв*, что они наконец достигли Ахерона, Фауст совершил крутой спуск и приземлился в нескольких сотнях шагов от берега.

— Почему мы остановились? Это Стикс? — спросила Маргарита.

— Нет. Это река Ахерон, которая впадает в Стикс.

— Тогда почему бы нам не пролететь по воздуху весь остаток пути?

Фауст покачал головой. Заклинание перемещения, сотворенное им в потайной комнате Ягеллонского музея, утратило свою былую силу от частого использования, и ученому доктору требовалось некоторое время, чтобы восстановить его первоначальную мощность. На берегу реки стояла одинокая полуразва-

лившаяся лачужка; у деревянных мостков покачивалась на волнах небольшая лодка. Вокруг не было ни души; казалось, они очутились в диком, необжитом краю.

Отвязав лодку и посадив в нее Маргариту, Фауст взял весло и оттолкнулся от берега. Они поплыли вниз по течению, туда, где река Ахерон впадает в Стикс.

Глава 16

Лодку, в которой сидели Фауст и Маргарита, медленно несло вниз по реке. Фауст воскрешал в памяти старинные карты, которые он любил рассматривать, уединясь в своем кабинете, мысленно совершая фантастические путешествия в далекие страны. Он припомнил название речки, по которой они сейчас плыли, — Флегетон. Постепенно поток начал сужаться, сменив свое плавное течение на более быстрый бег. Фауст заметил, что луга, раскинувшиеся на обоих берегах, перестали пестреть цветами; на унылых, безлюдных равнинах росли только асфодель и осокорь.

— Ну, вот мы почти добрались до цели, — сказал Фауст своей подруге, сидевшей на носу лодки, поджав ноги. Он отложил весло, которое на протяжении всего пути заставлял работать с помощью нехитрого заклинания. Хотя такой способ передвижения отнимал меньше сил, чем обычная гребля, ученый доктор был рад немного передохнуть: ведь каждый взмах весла требовал расхода энергии — пусть небольшого, но все же ощутимого даже для искуснейшего из магов.

А река все сужалась, и берега все ближе подступали друг к другу, пока наконец не сблизились настолько, что две маленькие лодочки едва смогли бы разойтись на столь узком месте. Вечерело, и над лугами, сплошь заросшими асфоделем, поднимался туман.

Наконец узкий поток вынес их туда, где берега внезапно расступались и взгляду открывалась широкая черная водная гладь. Перед ними был знаменитый Стикс. Лодка, направленная Фаустом к противоположному берегу, проплыла мимо большого фанерного щита с надписями на нескольких языках:

«РЕКА СТИКС. ДАЛЕЕ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ДВИЖЕНИЕ ЛЮБЫХ ЧАСТНЫХ ПЛАВСРЕДСТВ».

— Мы остановимся здесь, — сказал Фауст. — Харон обладает эксклюзивным правом на все перевозки по Стиксу. Ни одному

магу, даже самому могущественному, не под силу плыть дальше по этой реке без его помощи. Значит, нам придется заключать с ним сделку. Пойдем разыщем Харона.

— Неужели он на самом деле существует? — спросила Маргарита. — Мне кажется, это противоречит учению Церкви.

— Отнюдь нет, — ответил ей Фауст. — Экзистенция вообще, а тем более существование отдельного предмета или человека не имеет никакого отношения к религии. Выражаясь строго научным языком, люди и вещи, принадлежавшие столь давней эпохе, представляют собой энергетические поля, определенным образом проявляющие себя в пространстве и времени. Благодаря некоторым законам природы, до сих пор еще не до конца изученным магами на практике, мы можем видеть их и даже осязать, как всякие материальные объекты.

Их спор разрешился сам собой, когда из-за поворота черной реки показалась ладья. Она подошла ближе, и Фауст с Маргаритой увидели, что на ее корме возвышается какая-то постройка, очевидно служившая корабельной команде укрытием от дождя и ветра. Это далеко не новое, нелепое и громоздкое сооружение передвигалось по темной воде несколько необычным способом: пять дельфинов толкали его, упираясь в корму носами. Дельфинам помогали гребцы, благодаря чему ладья развивала довольно неплохую скорость. Через несколько минут она была уже так близко, что Фауст и его спутница разглядели свет фонарей сквозь ее бортовые иллюминаторы и услышали веселые голоса и звуки музыки — очевидно, команда отнюдь не скучала на борту этого древнего ковчега.

— А это еще что такое? — воскликнул Харон, заметив маленькую лодку, в которой сидели Фауст и Маргарита. Приказав держать курс прямо на нее, он встал на носу судна, выпрямившись во весь свой высокий рост. Это был худой старик с заросшим седой щетиной подбородком и редкими волосами неопределенного цвета, развевавшимися на ветру вокруг его шишковатого черепа, обтянутого морщинистой кожей. Маленькие глубоко посаженные черные глазки сердито сверкали из-под сдвинутых бровей. Впалый рот напоминал извилистую трещину; уголки бескровных тонких губ опускались вниз, придавая лицу высокомерное выражение. Отложив переговоры с вторгшимся в его владения Фаустом, он повернулся назад и начал хрипло выкрикивать команды:

— Света сюда! Эй, там, на левом борту, суши весла! Опускай парус! Лево руля!

Фауст, получивший весьма разностороннее образование,

знал, что гребцами на ладье Харона служат знаменитые герои Древней Греции, давно перешедшие в мир иной. Он увидел Тесея, Персея, Геракла и Язона, чьи изображения часто встречались в книгах; мимо промелькнуло еще несколько бородатых, незнакомых ученому доктору лиц.

— Чего вам здесь надо? — обратился к Фаусту Харон со своей ладьи.

— Мы хотим переправиться по реке Стикс, чтобы попасть в Константинополь, в 1210 год, — ответил Фауст. — Дата и время указаны точно.

— Мы больше не заходим туда, — проворчал Харон. — Слишком много возни. И на берегу у них вечно царит суматоха. Почти всегда скапливается гораздо больше душ, ждущих перевозки, чем я могу принять на борт. Не поеду. Мне там нечего делать.

— Но мне обязательно надо попасть в Константинополь, именно в 1210 год! — воскликнул огорченный Фауст. — За какую плату вы согласитесь доставить туда нас обоих?

Харон презрительно захохотал:

— Что вы можете мне предложить? Небось поверили глупой сказке про один обол, за который можно прокатиться по Стиксу, да? Путешествия по этой реке резко возросли в цене после того, как я приобрел эксклюзивное право на все перевозки. Это моя территория, слышите, вы, глупцы? Поэтому не вздумайте плыть дальше на своей лодчонке! Не пытайтесь также искать обходной путь. Я засадил оба берега вдоль принадлежащего мне участка реки диким вьющимся виноградом. Если вы все-таки решитесь идти сушей, вам придется прокладывать себе путь сквозь густые заросли. Даже величайший маг вряд ли осилит такое путешествие.

— Я отнюдь не собираюсь нарушать ваши права на эту территорию, тайком пробираясь вдоль берега, — ответил ему Фауст. — Я предлагаю вам заключить сделку.

— Почем вы знаете, может, я не соглашусь?

— У меня есть нечто, от чего вы наверняка не откажетесь.

— Ха-ха! И что бы это такое могло быть?

— Послушайте, — Фауст слегка понизил голос, — вы, конечно же, не слепой и заметили эту юную особу, мою спутницу?

Несколько мгновений Харон буравил Маргариту своими маленькими черными глазками.

— Женщину? Ну, я ее вижу. И что же дальше?

— Эта девушка очень хороша собой, не так ли?

— Ха! Я здесь успел насмотреться на красоток получше вашей!

— Возможно. Однако все они были лишь бесплотными тенями. А это — *живая* женщина.

Харон подарил Маргарите еще один недоверчивый взгляд. Затем он молча уставился на ученого доктора.

— Вы ведь *чувствуете* разницу между живыми и мертвыми людьми, — торопливо произнес Фауст, — правда?

— Конечно, да. Вот вы, например, живы. Однако это еще не повод для того, чтобы задирать передо мной нос. Я сделан из того же самого теста, что и вы; хотя, конечно, в *вашем* мире я *не существую на самом деле*, здесь я — живой человек.

— То, что происходит в подлунном мире, к делу не относится, — сказал Фауст. — Я предлагаю вам живую женщину...

— Эй, подожди-ка! — резко оборвала его Маргарита.

— Прошу вас, подождите одну минутку, — обратился Фауст к Харону. — Мне нужно кое-что уладить. — Затем, наклонившись к девушке, он зашептал ей: — Дорогая, я не имел в виду ничего дурного, когда предлагал тебя Харону. Это вовсе не в моих правилах. Я только подумал, что ты можешь пообедать вместе с ним, а потом немного потанцевать. Он согласится, я уверен — ведь ему, наверное, уже порядком надоело плавать в своей ладье вверх-вниз по течению. Я понимаю, тебе это может быть не слишком приятно; но ведь в том, чтобы скушать свой обед в обществе этого безобидного старичка, а потом протанцевать пару спокойных танцев, нет ничего плохого.

— Почему вы думаете, что мне надоела моя ладья? — неожиданно прервал его Харон. Он подслушивал разговор Фауста с Маргаритой.

— Желание перемен к лучшему свойственно всем людям — как живым, так и отошедшим в мир иной, — ответил ему Фауст. — Такова человеческая природа.

— Что ж, в вашей идее, однако, есть кое-что разумное. Никогда не поздно попробовать внести в свою жизнь некоторое разнообразие, — сказал Харон после короткой паузы. — Я могу взять... как же это называется?.. Мне ведь уже не раз приходилось слышать такое короткое новое слово.

— Отпуск, — подсказал Фауст.

— Правильно, отпуск. В древности у нас ничего подобного не было.

— Вам бы уже следовало привыкнуть к тому, что правила приличия, нормы поведения и законы, так же как и моды, меняются очень быстро, — заметил Фауст. — Однако вернемся к

предмету нашей беседы. Почему бы вам не направить свою ладью в Константинополь, год 1210-й? В пути вы сможете наслаждаться обществом прекрасной девушки и танцевать с нею, сколько захотите.

— А вы что будете делать в это время? — спросил Харон.

— С вашего позволения, прилягу отдохнуть в каюте. В последнее время на меня свалилось множество хлопот, да и в будущем их предстоит не меньше. Я устал и мечтаю об одном — хорошенько выспаться.

Часть II

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Глава 1

Мефистофель перенес Мака в совершенно незнакомую местность — должно быть, в какой-то маленький тихий залив, берега которого поросли лесом. Огромные прямые стволы, похожие на стройные колонны, поддерживающие свод древнего храма, поднимались вверх, к солнцу и ветру. Прежде Мак никогда не видел таких деревьев — величавых гигантов, совсем не похожих на тоненькие деревца, растущие в Европе. Даже трава под ногами выглядела по-иному: она была гораздо выше и гуще, чем та, которая росла по обочинам исхоженных Маком дорог. Больше ему не удалось разглядеть ничего: мешали заросли ивняка. Слабый ветерок принес горьковатый запах морской воды, и Мак решил, что они, по-видимому, находятся недалеко от берега.

Свежий, холодный воздух небесных сфер, по которым с быстротой метеора пронеслись они с Мефистофелем, покинув зеленую лужайку, где проходил Всемирный Шабаш, немного прояснил мысли захмелевшего Мака; однако от выпитого на празднике вина у него до сих пор слегка кружилась голова. «Ну и крепкий же эль пьют на этих сатанинских балах», — подумал Мак. Настроение у него было прекрасное, даже несмотря на странное предчувствие, зашевелившееся в глубине его души: ему показалось, что в будущем ему уготовано не одно только приятное времяпрепровождение. Сейчас Маку хотелось поговорить об ожидающем его несметном богатстве — части той награды, которую посулил Мефистофель — и узнать подробнее, что еще ему предстоит получить от демона.

— Мне нужно составить список своих желаний, — сказал Мак Мефистофелю. — Вы *обещали* исполнить все мои желания, не правда ли?

— О да, — ответил демон. — Какие мелочи вас волнуют, однако!

— Смотря с какой стороны к этому подойти. То, что для вас — мелочи, для меня, наоборот, очень важно. Послушайте, а не мог-

ли бы вы дать мне хоть что-нибудь прямо сейчас, раз уж вы считаете подобные вещи сущими пустяками? Для начала мне хотелось бы получить королевскую мантию, подбитую мехом горностая. И еще — серебряный кубок, из которого я буду пить вино. Старая оловянная посуда не подходит столь важной особе, какой я теперь стал.

— Возьмите себя в руки, — осадил его Мефистофель. — Нельзя же так распускаться! Право, создается впечатление, будто вам не о чем сейчас подумать, кроме как о преходящих земных благах и о размере вашего вознаграждения! Всему свое время, и наградам тоже. Итак, с настоящего момента вы начинаете играть свою роль в Тысячелетней войне двух великих сил — света и тьмы.

— Ох, — вздохнул Мак. — Послушайте, любезнейший, я сейчас нахожусь не в самой лучшей форме. Нельзя ли отложить все эти дела на денек? Завтра мы поговорим серьезно...

— Мы и сейчас не шутим, — сказал Мефистофель. — Вы прославились среди смертных своим выдающимся интеллектом и сильной волей, благодаря которым вам удалось многого достичь. Я успел просмотреть ваше досье во время бала, пока вы осушали чаши с вином в компании нескольких молодых ведьм...

— Мое досье?

— Да. В архивах как у светлых, так и у темных сил имеются досье на каждого из ныне живущих или когда-то живших людей.

— Я этого не знал...

— В школе и в колледже вы были отличником; вы овладевали знаниями с таким усердием, что все профессора восхищались вами...

Мак удивленно поглядел на Мефистофеля. За ним никогда не числилось даже малой части тех подвигов, о которых говорил суровый демон. Припомнив свои недолгие годы студенчества, Мак подумал, что, хотя никто не мог бы назвать его неспособным или отстающим учеником, все-таки звезд с неба он не хватал. Он чуть было не выдал себя неосторожным восклицанием, но вовремя спохватился, сообразив, что Мефистофель, конечно, имел в виду *настоящего* Фауста, а не Мака Трефу.

— И теперь бьет ваш час, — продолжал тем временем демон. — Вам, доктор Фауст, выпала уникальная возможность повлиять на судьбу всего человечества в ее переломный момент, разрешив один из сложнейших философских вопросов — вопрос о роли личности в истории. Вы сможете проявить себя в конкретных делах, доказав, что долгие годы, проведенные в кабинетных раз-

мышлениях и упорных поисках истины, прожиты вами не напрасно.

— Да-да, — неуверенно пробормотал Мак, — я постараюсь оправдать ваше доверие...

На душе у него было неспокойно. Тревога прогнала остатки хмеля из головы молодого авантюриста, и он впервые начал осознавать, в какую сложную ситуацию попал. Боже, да что он вообще делает здесь, в неведомом краю, рядом с этим могущественным демоном, принимающим его за ученого доктора Фауста?! Кажется, он поступил не слишком разумно, присвоив себе чужое имя и приняв условия дьявольской сделки, не углубляясь в детали договора... Однако теперь, когда он связан обязательствами, уже поздно что-либо менять. Он уже не Мак Трефа, ничем не блещущий и не самый прилежный студент монастырской школы, молодой повеса, с позором изгнанный из иезуитского колледжа святыми отцами за пьянство и нашумевшую историю с двумя молоденькими девицами — пансионерками соседнего монастыря. Он уже не тот недоучка, едва успевший освоить простейшие азы грамоты. Теперь он знаменитый ученый, волею судьбы поставленный в один ряд с сильнейшими мира сего, с могущественнейшими и мудрейшими среди смертных, повелевающими судьбами целых народов. Ему представился случай показать, на что он способен; так неужели он справится со своей задачей хуже, чем доктор Фауст? Он может возместить недостаток образования самым естественным путем — задавая вопросы. А природная смекалка и хитрость придут ему на помощь, когда надо будет принять какое-нибудь решение...

Рассуждая так, он воспрянул духом. Действительно, сейчас не время отвлекаться на посторонние предметы, в том числе и на размеры вознаграждения за участие в каком-то там споре или войне между двумя силами. Нужно постараться выяснить самое главное: где они сейчас находятся, что ждет его впереди и, конечно, чего от него хочет этот демон. Мак поднял голову, раскалывающуюся от боли после выпитого на сатанинском балу коктейля «Поцелуй ведьмы» — виски, разбавленного крепким ячменным пивом, — и задал свой первый вопрос:

— Где мы?

— На морском берегу, неподалеку от Константинополя, — сказал Мефистофель, — где франки разбили свой лагерь. Здесь я вас и оставлю, доктор Фауст. Вы готовы выслушать мои инструкции?

— Да, я готов, — ответил Мак, собравшись с духом и пытаясь сделать хорошую мину при плохой игре. Он подумал, что сейчас

ему не помешала бы добрая чаша вина, чтобы подкрепить свои силы и прогнать головную боль. — Что вы хотите, чтобы я сделал?

— Вам предлагается три возможности. Вы должны выбрать одну из них.

— Какие возможности?

— Первая — убить Энрико Дандоло. Вторая — похитить Алексея IV, претендента на византийский трон. Третья — спасти чудотворную икону святого Василия, — произнес Мефистофель с непроницаемым видом.

Поистине бесчеловечно, подумал Мак, ставить человека перед выбором одного из такого множества вариантов, когда у него болит с похмелья голова и он еще даже не успел позавтракать. Однако, встретив суровый взгляд Мефистофеля, он не осмелился заявить об этом вслух и спросил только:

— Так что же вы посоветуете мне выбрать?

— Я не вправе давать вам советы, — ответил ему Мефистофель. — Моя воля, мои желания и моя оценка происходящего никак не должны влиять на ход эксперимента. Вы сделаете выбор, руководствуясь только своими личными соображениями.

— И все-таки на каком основании я буду выносить решение? Как мне судить, что я должен сделать?

— Вы должны выработать свои собственные критерии. Так обычно вершится людской суд. Таковы правила, диктуемые свободой вашей воли, особо оговоренной в подписанном вами документе.

— Дандоло... Алексей... — растерянно пробормотал Мак. — Но я же совсем не знаю этих людей!

— Значит, вам придется познакомиться с ними поближе.

— Если я вас правильно понял, в одном из вариантов мне предлагается убить человека?

— Совершенно верно.

— Вряд ли силы добра посмотрят на это благосклонно.

— Полагаю, с моей стороны не будет слишком большой дерзостью взять слово от имени архангела Михаила, ибо мы с ним давние приятели и за многие годы успели узнать друг друга как нельзя лучше, — возразил Мефистофель. — Будь он сейчас на моем месте, он ответил бы вам, что вы, очевидно, слишком мало верите в добро, если думаете, что оно никогда не сможет оправдать убийство, совершенное во имя благой цели. О нет! Мотивы поступков принимаются в расчет даже самым строгим судом. Добру слишком хорошо известно, что есть грехи гораздо худшие, чем кровопролитие. Однако это совсем не значит, что добро

склонно прощать всех убийц, а тем более — поощрять подобные действия. Между прочим, здесь добро мало в чем расходится со злом; обе великие силы придерживаются почти одинаковых критериев в данном вопросе. Иначе и быть не может — ведь это ось, вокруг которой вертится колесо прогресса, приводимое в движение вечной борьбой добра и зла. К сожалению, ни одна из двух противоборствующих сил пока еще не занималась подобными вещами на практике, предпочитая не вмешиваться в естественный ход событий: время не властно над бессмертными духами в такой степени, как над людьми, чья жизнь коротка даже по земным меркам, и это дает нам возможность наблюдать за развитием человечества на протяжении многих веков. Мы занимаемся только фундаментальными проблемами, которые требуют накопления поистине неисчислимого множества экспериментального материала, и дальновидность, присущая нам, бессмертным, достигается в основном за счет тех громадных сроков, которые мы можем потратить на решение той или иной проблемы. Торопиться некуда, впереди — Вечность. А с точки зрения Вечности несколько лет отнятой у человека жизни — все равно что капля в море. Но, зная, какое большое значение этому придаете вы, люди, мы включили убийство в список действий, предлагаемых вам на выбор в рамках нашей Тысячелетней войны. Возвращаясь к началу нашего разговора, я еще раз хочу напомнить вам, что мотивы ваших поступков будут играть очень важную роль; в каких-то случаях они могут оправдать даже убийство. При оценке ваших действий причины и следствия, цели и средства их достижения лягут на чаши одних и тех же весов.

— Но как я могу угадать, что получится, если я убью этого самого Дандоло? Как мне узнать о последствиях убийства — я же не могу заглянуть в будущее?!

— Безусловно, не можете. Однако здесь нет ничего необычного для вас. Ни один из смертных никогда не может заранее предвидеть результаты своих поступков, и тем не менее все они бывают вынуждены принимать решения. В этом заключается один из парадоксов человеческого бытия. Нет и не может быть достаточных оснований для убийства, но в некоторых ситуациях его необходимо совершить как во имя добра, так и во имя зла.

— Но если я совершу ошибку, меня ждет суровый суд и наказание...

— Никто не вправе судить вас, кроме самой Ананке, или Судьбы, как ее называют. Она вершит свой Суд над всеми — и над людьми, и над бессмертными духами. Наша задача — поста-

вить вас перед моральной дилеммой. А делать выбор должны вы. Такова роль Фауста.

— Ну, хорошо, если так... Напомните еще раз, кого вы предлагаете мне убить.

— Энрико Дандоло, дожа Венеции. Само собой разумеется, вы убьете его только в том случае, если этот способ действий покажется вам наилучшим.

— А другой... Алекс... или как там его.

— Алексей, претендент на Константинопольский трон.

— И, наконец, третий вариант?

— Спасти чудотворную икону святого Василия, покровителя Константинополя. Вы что-то слишком рассеянны сегодня, доктор Фауст. Как это не похоже на вас — ведь о вашей сверхчеловеческой памяти слагали целые легенды! Мой совет — поскорее собраться с мыслями. Вам предстоит решить весьма непростую задачу.

— Моя память заметно улучшится, когда пройдет похмелье... Если я не ошибаюсь, вы сказали, что мы находимся возле лагеря франков.

— Вы абсолютно правы.

— Тогда скажите мне, что делают франки возле Константинополя?

Тонкая черная бровь Мефистофеля резко поднялась вверх, и маска холодной вежливости на его лице сменилась выражением крайнего изумления:

— Я полагаю, что столь образованному человеку, каким вы, бесспорно, являетесь, самому лучше знать, что здесь происходит. Ведь мы переместились всего на несколько столетий назад. Меня удивляет подобное невежество — впрочем, быть может, вы просто не слишком удачно пошутили... Как вам известно, это Четвертый крестовый поход. Вы должны самостоятельно оценить ситуацию и избрать тот способ действий, который считаете наиболее правильным.

— Хорошо. Я постараюсь, — произнес Мак упавшим голосом.

— Постарайтесь, — сухо ответил Мефистофель. — Считаю своим долгом напомнить, что с вами подписан контракт на выполнение определенных действий в строго ограниченный срок. Если вы не выполните взятых на себя обязательств, то тем самым погубите серьезный эксперимент и вместо щедрой награды — серебряных кубков, горностаевых мантий и прочей чепухи — заработаете нечто гораздо более серьезное, но, боюсь, не столь приятное.

— А что это будет? — спросил Мак.

— Вас ввергнут во мрачную бездну, где нет ни верха, ни дна, ни ночи, ни дня, ни времени, ни пространства, и будут мучить вечной пыткой — непереносимой болью и ужасными кошмарами; вы будете умирать медленной, ужасной смертью — и тут же воскресать, чтобы подвергнуться новым истязаниям, пока мы не придумаем для вас чего-нибудь похуже. Итак, на выполнение первого задания вам отпущено двадцать четыре часа. Время пошло. Адью.

С этими словами Мефистофель взвился в воздух и вскоре растворился в синеве бескрайнего неба.

Глава 2

Некоторое время Мак раздумывал над словами Мефистофеля. Ситуация казалась ему слишком неопределенной. Он решил выбираться из поросшей лесом бухты — времени было в обрез, а строить планы можно и по дороге. Вскоре он вышел на бескрайнюю равнину, раскинувшуюся пестрым желто-зеленым ковром до самого горизонта. Впереди, примерно в полумиле, возвышались стены Константинополя. Скитаясь по Европе, Мак успел побывать за многими крепкими городскими стенами; но такой мощной, неприступной крепости он нигде не видел. По самому верху стены, между зубцов, прохаживались часовые в блестящих латах и шлемах, гребни которых украшали конские хвосты. На равнине, окружив город плотным кольцом, раскинулись пестрые палатки — это был лагерь франков. Горели бивачные костры; сотни вооруженных людей собрались вокруг них. Чуть поодаль стояли крытые повозки, возле которых толпились женщины и дети. Подойдя поближе, Мак увидел, что между повозок установлены походные кузницы и огонь пылает в маленьких горнах. Кузнецы стучали своими молотами, выковывая наконечники для стрел и копий. С нескольких телег снимали высокие корзины с провизией. Над шатрами, разбитыми в стороне от основного лагеря, развевались разноцветные знамена — очевидно, там размещались командиры этого огромного войска. Мак подумал, что этот огромный лагерь — настоящий город на колесах, готовый сняться с места по первому сигналу горна. Жители этого города осилили многомильные переходы, которые они ежедневно совершали, покинув земли франков.

Пора было приниматься за дело. Мак решительно направился к лагерю. По дороге его обогнал небольшой кавалерийский

отряд — всадник, скакавший впереди, поднял руку в железной рыцарской перчатке в знак приветствия, и Мак помахал ему в ответ. Очевидно, его приняли за одного из франков — ведь в его одежде преобладали скромные серо-коричневые и черные тона, обычные для европейца тех времен, в то время как жители Востока носили роскошные цветные шелка. Вскоре Мак увидел первый сторожевой пост — несколько солдат сидели прямо на земле; рядом лежали их щиты и копья, блестевшие на ярком солнце. Заметив пешего человека на дороге, они поднялись с земли.

— Какие новости ты принес от консула? — спросил у Мака один из них.

— Какими бы ни были эти новости, они предназначены не для ваших ушей, — ответил Мак, решивший с самого начала быть начеку, чтобы не разоблачить себя.

— Но ведь Бонифаций Монферратский еще не вернулся с переговоров, правда? Это само по себе добрый знак.

— Я могу сказать вам только одно: за последние несколько часов не произошло никаких важных перемен.

— В таком случае у этих разбойников еще есть надежда спасти свою честь, — пробормотал второй воин, стоявший на часах.

Мак пошел дальше. Побродив по лагерю, он вышел к крытой повозке, с одной стороны которой был устроен навес. Под навесом были расставлены столы и стулья; свиные головы были свалены в громадную кучу по другую сторону повозки. За столами сидели мужчины — они ели и пили вино. Мак задумался: эта картина ему что-то напоминала. Ну конечно, трактир! Трактир, поставленный на колеса.

Облегченно вздохнув, он нырнул под навес и опустился на свободный стул. Наконец-то он нашел такое место, где сможет чувствовать себя как рыба в воде!

Подошел хозяин трактира; окинув нового посетителя оценивающим взглядом, он, как и все остальные, был введен в заблуждение тщательно продуманным костюмом Мака — эту одежду, так же как и весь свой нынешний облик, лже-Фауст получил на Кухне ведьм. Низко поклонившись, трактирщик спросил у Мака:

— Чем могу служить, господин?

— Подайте лучшего вина, — важно приказал Мак, сразу угадав, что его костюм должен сослужить ему хорошую службу: ведь всегда и везде человека встречают по одежке.

Трактирщик принес вина в деревянном ковше и, осторожно поставив его на стол, поклонился еще раз:

— Ваше лицо мне незнакомо, сударь. Осмелюсь предположить, что вы недавно присоединились к нашему славному войску.

— Осмельтесь и предположите, хозяин. Кажется, я чувствую запах жареной оленины?

— У господина очень тонкое обоняние. Я сейчас принесу вам кусочек оленины. Прошу вас, сударь, расскажите нам, какие новости вы принесли от своего прославленного сеньора?

— Какого сеньора? — спросил Мак, подозревая, что в недомолвке трактирщика скрыт какой-то тайный смысл.

— Я просто предположил, сударь, что такой знатный господин, как вы, должен служить еще более знатной особе. Ибо таков закон — все вещи служат одна другой: смерд — своему господину, бык — крестьянину, лорд — господу богу; даже в небесных сферах царит все тот же порядок.

— А ваш живой ум, очевидно, служит вашему длинному языку, — сказал Мак; крепкое вино взбодрило его.

— Могу я узнать ваше имя, господин мой?

— Я — Иоганн Фауст.

— Вероятно, вы прибыли издалека, чтобы принять участие в этой кампании?

— Да, я совершил далекос путешествие.

— Поведайте нам, сударь, кому вы служите?

Все посетители трактира повернули головы и стали глядеть на Мака в ожидании ответа. Но он только едва заметно усмехнулся и покачал головой:

— Я предпочел бы не разговаривать о подобных вещах в такое время и в таком месте.

— Ну, тогда хотя бы намекните.

Вокруг столика, за которым сидел Мак, собралось несколько любопытных, прислушивающихся к разговору между молодым богато одетым незнакомцем и хозяином таверны.

Один, судя по платью, знатный господин сказал:

— Готов поспорить, что вы — доверенное лицо Венецианского Совета, и вы явились сюда с каким-то важным поручением к Энрико Дандоло, дожу Венеции. Очевидно, Венецианский Совет хочет вмешаться в ход событий.

Мак вздрогнул.

— Нет, — воскликнул другой, — не может он быть посланником венецианцев! Неужели вы не заметили этого особенного выражения на его лице, какое бывает только у служителей церкви? Разве вы не видите, как его пальцы теребят рукава, словно он носил рясу несколько лет и никак не может избавиться от

приобретенной скверной привычки? Бьюсь об заклад, что он переодетый священник, присланный к нам самим папой римским Иннокентием Третьим, чья святая воля направила войско Христово в этот Крестовый поход. У Рима здесь свои интересы, и папе, конечно, не по вкусу приходятся дьявольские козни Энрико Дандоло.

И оба с нескрываемым любопытством посмотрели на Мака. Тот произнес:

— Я не скажу ни да ни нет — таков мой ответ.

Третий, простой солдат, заявил:

— По тому, как стойко он держится и как мало говорит, сразу видать, что он из военных. Я думаю, его прислал Филипп Швабский, суровый воин, скупой на слова, но уже не раз показавший себя на поле битвы. Правда, многие из его дел не слишком угодны господу... Так вот, похоже, что Филиппа заинтересовал Константинопольский трон. И этот молодой господин явился сюда от его имени для участия в переговорах о выборе правителя Константинополя после того, как капризный и упрямый Алексей Третий будет низведен до положения жалкого нищего, просящего милостыню на площадях того самого города, над которым он когда-то столь самонадеянно хотел властвовать.

Мак упорно молчал, не принимая никакого участия в политических спорах. Споры о том, кому же все-таки он служит, еще долго не утихали, ибо все были уверены в том, что он служит *кому-то,* но каждый высказывал на сей счет свою собственную точку зрения. Когда Мак собрался уходить, трактирщик не взял с него платы, кланяясь и уверяя, что посещение трактира столь знатным господином само по себе великая милость; заручившись обещанием Мака не забыть хозяина и его трактир в тот день, когда командование решит ограничить продажу вина в лагере, хозяин направился к остальным посетителям. Тут же к Маку подошел какой-то низенький, полный юноша, одетый в добротный серый костюм, — по внешнему виду его можно было принять за писца. Представившись Василем из Гента, он учтиво предложил свою помощь в поисках подходящего жилья.

Василь привел Мака к высокому, просторному желтому шатру. У входа развевались разноцветные флажки — это был Квартирмейстерский корпус. Возле палатки толпились какие-то люди; Василь заставил их расступиться, громко воскликнув:

— Дорогу Иоганну Фаусту, прибывшему из земель франков! Дорогу Иоганну Фаусту, до сих пор еще не объявившему о своих политических взглядах и не примкнувшему ни к одной из фракций.

Квартирмейстер, казалось, был слегка удивлен, но, не задав Маку ни одного вопроса, молча указал на островерхий шатер, поставленный неподалеку от его собственного, — ведь сам он тоже был далек от политики и не принадлежал ни к какой из образовавшихся в войске группировок. Василь, который по собственной воле стал служить важной и таинственной особе, не раскрывшей пока никому секрета своей миссии, тотчас же отправился лично приглядеть за тем, чтобы к приходу господина все было готово. Переступив порог своего нового жилища, Мак увидел, что для него уже накрыт великолепный стол — холодная дичь, вино и полкаравая мягкого пшеничного хлеба. Изысканные блюда возбуждали аппетит, а кусочек жареной оленины, съеденный в трактире, конечно, не мог заменить плотного завтрака; поэтому Мак тотчас же сел к столу и начал есть, рассеянно слушая болтовню Василя.

— Всем известно, — говорил Василь, — что Энрико Дандоло, венецианский дож, превратил в коммерческое предприятие то, что поначалу являлось исключительным делом религии. Об этом судят по-разному — все зависит от того, как вы относитесь к религии и к коммерции и что считаете более важным. — Тут он кинул на Мака острый взгляд, пытаясь выяснить, на чьей стороне находятся его симпатии, но Мак только отложил на блюдо ножку птицы, чтобы взять еще один кусок хлеба. — Папа римский Иннокентий Третий, — продолжал Василь, — непогрешимый христианский пастырь, преследует одну великую цель — освободить Иерусалим от сарацинов, отвоевать Гроб Господень у неверных. Но не скрывается ли за этим что-то еще? Может быть, он думает использовать Крестовый поход для того, чтобы в конце концов подчинить греческую церковь владычеству Рима?

— Интересная мысль, — сказал Мак. Управившись с дичью, он принялся за засахаренные фрукты.

— Нельзя также не принимать в расчет Алексея IV, как его иногда называют. Хоть у него и нет своих земель, все-таки он сын низложенного Исаака II Ангела. Говорят, он обещал отдать Константинополь под власть Рима, если взойдет на трон. Он очень благочестив и набожен — по крайней мере внешне. Однако правда и то, что основную помощь он получает от Филиппа Швабского, которого никак нельзя назвать верным союзником папского престола. Филипп — горячая голова и гордое сердце; его амбиции столь же велики, сколь малы его владения.

— Я понимаю, — сказал Мак, хотя на самом деле он мало что смог уяснить из столь длинной, полной недомолвок речи.

— И, наконец, мы добрались до Вийярдуэна, возглавляющего

эту кампанию. Он умеет внушать к себе страх и почтение одновременно. Он уважительно относится к религии, хотя сам, конечно, не святой и не отличается набожностью. Он, конечно, верный и надежный человек, однако его нельзя назвать дальновидным и тонким политиком. Вийярдуэн полностью равнодушен к коммерции, а его политические взгляды, пожалуй, несколько узки. Его волнует только лязг мечей да бранный клич. Спрашивается, такой ли командующий нам нужен?

Мак вытер губы и обвел глазами шатер, ища место, где он мог бы вздремнуть. Расторопный и предусмотрительный слуга позаботился о том, чтобы в шатре была поставлена удобная походная кровать с мягким стеганым одеялом и даже с новейшим капризом моды — пуховой подушкой. Мак, отяжелевший от еды и вина, поднялся на ноги и нетвердой походкой направился к постели.

— Мой господин, — сказал Василь, — я ваш преданный слуга. Не окажете ли вы мне доверие, сообщив, кем и к кому вы посланы? Я буду защищать вас и ваши интересы до последнего вздоха — скажите лишь, в чем они заключаются.

Мак вздохнул. Он сам был бы рад сказать, в чем заключаются его интересы, да не мог — слишком сложной оказалась его задача. Природное чутье подсказывало Маку, что ему не обойтись без верных помощников здесь, где вершатся судьбы народов, где сошлись интересы стольких людей. Но он не знал ровным счетом ничего о сложившейся ситуации; не знал, на чьей стороне сила, на чьей — закон, и поэтому никак не мог решить, что ему делать. Разумеется, он хотел бы помочь всему человечеству и спасти Константинополь, но как?

— Добрый слуга, — наконец произнес Мак. — В лучшие времена тебе будет доверено все. Поверь мне, ты будешь первым, кому я поведаю о своих политических взглядах и о своих интересах. А пока пройди по лагерю и принеси мне свежие новости. Я, пожалуй, отдохну часок-другой.

— Иду! — ответил Василь, поклонился и вышел из палатки. Мак лег на постель и крепко заснул.

Глава 3

Мак проснулся со странным чувством, что рядом с его постелью находится кто-то посторонний. Открыв глаза, он понял, что проспал дольше, чем думал: уже темнело, и на столе в глиняной плошке горела свеча. Наверное, ее зажег Василь. Пламя

свечи колыхалось, и на противоположной стене шатра плясали тени. Приглядевшись, Мак увидел, что они приняли форму человека, весьма напоминающего привидение, — человека в серых и черных одеждах, с распущенными по плечам волосами. Призрак глядел прямо на Мака. Странно, однако, до чего все это похоже на правду, подумал Мак. Совсем как живой человек...

Он потянулся к темной фигуре, сидевшей напротив него. Пальцы нащупали материю, а под ней было обыкновенное человеческое тело. Мак поспешно отдернул руку назад.

— Прежде чем протягивать руку, — насмешливо произнес незнакомец, — воспитанные люди обычно здороваются. Впрочем, вы, вероятно, и не слыхали о правилах хорошего тона.

— Я думал, вы... ненастоящий, — пробормотал Мак. — Не из мира сего, я хотел сказать.

— Так оно и есть. Но вы-то сами разве *настоящий?* Сдается мне, что вы совсем не тот, за кого себя выдаете.

— А вы?

— Ах, я забыл представиться! — В голосе незнакомца снова послышались иронические нотки. — Но думаю, что вы и сами догадаетесь, кто я.

Темная фигура отделилась от стены, и свет упал на ее лицо. Мак, конечно, должен был узнать этого человека — ведь Мак несколько дней шпионил за ним, прежде чем сообщник Мака, латыш, ударил его дубиной по голове в темном краковском переулке.

— Вы — доктор Фауст, — прошептал Мак.

— А ты — самозванец, черт бы тебя побрал! — вскричал рассерженный Фауст.

Мак растерялся. Он никак не ожидал встретиться лицом к лицу с человеком, чье имя он присвоил. Несколько секунд он молча глядел на ученого доктора, напряженно думая, что делать дальше. Наконец ему удалось собраться с мыслями. При первой встрече с Мефистофелем в кабинете Фауста он попал в сложную ситуацию, но в конце концов ему удалось выйти сухим из воды и даже кое-что приобрести. Так почему бы не попробовать выкрутиться сейчас?.. У мошенников, как и у честных людей, тоже существует своя мораль, свой неписаный кодекс чести и свои нормы поведения. Каждый человек в какой-то мере нуждается в самооправдании, позволяющем ему сохранять уважение к себе, особенно когда наступают трудные времена.

И сейчас, похоже, для Мака наступило такое время. Он находился в весьма щекотливом положении пойманного за руку вора. Более слабый человек на его месте тотчас же побледнел бы

и пробормотал дрожащим голосом что-нибудь вроде: «Я сам не знаю, как это получилось... Поверьте, сударь, это была роковая ошибка... Я больше не буду, только отпустите меня ради Христа!» Но Мак был не из таких. Он не собирался просить пощады. Решив бороться до конца, он подумал, что в конце концов тот, кто отважился играть Фауста на исторической сцене, должен нести в себе хотя бы частицу неукротимого фаустовского духа, иначе он неизбежно провалит эту роль.

— Похоже, что нас обоих привело сюда одно и то же дело, — произнес Мак ровным голосом, в котором не чувствовалось ни капли растерянности или испуга. — Вы, несомненно, знаменитый доктор Фауст. Но ведь и *я* тоже Фауст — если, конечно, признавать авторитет столь влиятельной особы, как Мефистофель.

— Мефистофель ошибся!

— Великие не ошибаются, они творят историю. Законы — это их ошибки, ставшие всеобщим правилом.

Фауст выпрямился, расправил плечи и шагнул к Маку, воинственно задрав подбородок. Теперь они стояли друг напротив друга. Несмотря на свой весьма средний рост, ученый доктор выглядел довольно внушительно.

— Я не собираюсь выслушивать всякий казуистический вздор от того, кто присвоил мое имя! — надменно произнес Фауст. — Берегитесь! Я страшно отомщу вам, если вы не оставите своих дурацких притязаний на место, которое по праву принадлежит мне, и не уберетесь отсюда вон!

Мак поглядел на него сверху вниз.

— Больно много вы о себе воображаете. Я-то как раз на своем месте. Мефистофель заключил сделку со мной и ни с кем другим. Вы можете оспаривать свои права до конца времен, только вряд ли что-нибудь получите.

— Оспаривать права? О нет, я сделаю гораздо больше! Вы забываете, с кем имеете дело. Я сотру вас с лица земли с помощью страшных заклинаний! Так вам и надо! По вору и мука!

— Ой ли?

— Ой, ой. То есть так оно и будет. Я накажу вас за ваши грязные делишки!

— Никогда бы не подумал, что профессора умеют так скверно ругаться, — притворно вздохнул Мак. — Теперь послушайте, что я скажу вам, Фауст. Я бросаю вам вызов. За мной стоит огромная мощь сил тьмы. Вы не учли этого важного обстоятельства, когда кричали здесь о своем могуществе. Вне всякого сомнения, я гораздо лучше справлюсь с ролью Фауста, чем вы сами!

Фауст пришел в бешенство. Глаза его налились кровью, пальцы судорожно сжимались в кулаки и вновь разжимались. Он с трудом сдерживался, чтобы не закатить стоящему перед ним негодяю оплеуху. Справившись с первым приступом гнева, он рассудил, что запугивать самозванца бессмысленно. Он прибыл сюда отнюдь не для участия в глупейшем споре. Его цель — занять свое место в Тысячелетней войне между двумя великими силами — светом и тьмой. А препираться с Маком (которому, впрочем, он не смог бы причинить никакого вреда) означало тратить время впустую.

— Прошу прощения. Я, кажется, немного погорячился, — проворчал он. — Давайте поговорим разумно.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Мак; в эту самую минуту полог, завешивающий вход, колыхнулся, и в шатер вошел Василь, кинув на Фауста подозрительный взгляд.

— Кто это?

— Один старый знакомый, — ответил Мак слуге. — Его имя... гм... оно тебе ничего не скажет, да и не так уж это важно. Он собирался уходить, когда ты вошел.

Василь повернулся к Фаусту. Ученый доктор заметил, что в руке у этого полного розовощекого юноши блестит длинный кинжал, а выражение его лица отнюдь не располагает к дальнейшим разговорам.

— Да, — подтвердил Фауст, — я уже ухожу. До встречи... — Ему было очень трудно произнести это слово; после недолгой, но тяжкой борьбы с самим собой он прибавил: — Фауст...

— Да-да, до встречи, — ответил Мак.

— А кто та женщина, которая стоит возле нашего шатра? — спросил Василь.

— Это Маргарита, — сказал Фауст. — Она ждет меня.

— Вот и забирайте ее с собой. Не хватало еще, чтобы гуляющие девки шатались возле нашего жилья.

Фауст был вынужден молча снести еще и это. Он не смел возражать, не смел объявить о том, кто он есть на самом деле, не переговорив прежде с Мефистофелем. Князю Тьмы может прийтись не по вкусу, если кто-то своевольно вмешается в ход событий и испортит ему игру, прервав Тысячелетнюю войну. Когда затрагивается честь демона, нужно действовать очень осторожно.

Фауст повернулся и вышел прочь. Маргарита, которой, очевидно, уже наскучило ждать, подбежала к нему и спросила:

— Ну, что?

— Ничего, — ответил Фауст.

— Что значит «ничего»? Разве ты не сказал ему, кто ты такой?

— Сказал.

— Тогда почему ты не занял его место?

Фауст остановился и строго посмотрел на девушку.

— Все гораздо сложнее, чем ты думаешь, — ответил он. — Сначала я должен поговорить с Мефистофелем. А с *ним* я пока еще не встречался.

И он зашагал дальше, но тут дорогу ему преградили трое солдат в железных шлемах, вооруженные копьями.

— Эй, ты! — окликнул Фауста один из них.

— Я? — спросил Фауст.

— Здесь больше никого нет, кроме нее, но я не к ней обращаюсь.

— Ну, — сказал Фауст, — так что вам от меня надо?

— Ты что здесь делаешь?

— Вас это не касается, — ответил Фауст. — Разрешите пройти.

— Нам приказано глядеть в оба за такими, как ты. Шатаются тут всякие по лагерю... Тебе придется пройти с нами. Вместе с нею, — он кивнул в сторону Маргариты.

Фауст понял, что неосторожные слова могут погубить его. Вспыльчивость и высокомерие были серьезными недостатками профессора алхимии Ягеллонского университета. (Мак, к своему счастью, не обладал этими отрицательными свойствами неукротимого фаустовского духа.) Решив исправить свою ошибку, Фауст сказал:

— Господа, я сейчас вам все объясню...

— Разговаривать будешь у капитана, начальника караула, — ответил солдат. — Марш вперед, да смотри, без фокусов, не то я ударю тебя копьем!

И они увели Фауста вместе с Маргаритой.

Глава 4

— Что новенького? — спросил Мак, как только Фауст вышел из его шатра.

— Важные новости, мой господин, — сказал Василь. — Сам дож Энрико Дандоло хочет видеть вас. Вы должны явиться к нему как можно скорее.

— Как?.. Правда?.. А как ты думаешь, чего ему надо от меня?

— Мне он, разумеется, ничего не сказал. Но у меня есть кое-какие соображения на этот счет.

— Что ж, поделись со мной своими мыслями, добрый слуга, пока я буду умываться и приглаживать волосы.

И Мак приступил к своему туалету, жалея о том, что Мефистофель и ведьмы, колдовавшие над его внешним обликом, не снабдили его сменой белья.

— Ну, так что собой представляет Энрико Дандоло? — спросил он.

— Это грозный старец, — ответил Василь. — Как венецианский дож, он командует отборной частью христианского войска. Его солдаты очень дисциплинированны и хорошо обучены. Венеция пополняет наши продовольственные запасы и поставляет нам другие необходимые товары. В ее руках находится транспорт. Все, кто принимает участие в этой кампании, в какой-то мере зависят от Венеции, и я думаю, что венецианцы не упустят случая напомнить нам об этом. Сам Дандоло слеп и немощен телом, как человек, которому давно уже перевалило за восьмой десяток. В таком возрасте знатные господа удаляются на покой, к родному очагу, и слуги подают им по утрам овсянку в постель. Но не таков Энрико Дандоло! Весь путь из Европы до стен Константинополя он проделал верхом, вместе с войском. Под Сабо его видели в первых рядах гвардии, где он призывал воинов покорить этот венгерский город, если они хотят, чтобы Венеция приняла участие в Крестовом походе. В конце концов им пришлось подчиниться. Конечно, поднялся ропот; многие говорят, что священная война превратилась таким образом в авантюру, в которую их втянули ради защиты торговых интересов Венеции. Лично я не осмелюсь иметь свое собственное мнение на сей счет до тех пор, пока вы, мой господин, не скажете мне, на чью сторону вы встали.

— Мудрое решение, — сказал Мак, расчесывая пятерней свои густые кудри.

— Встреча с венецианским дожем, — продолжал Василь, — открывает перед вами разные возможности.

— Это правда.

— Союз с Венецией может принести вам сказочное богатство, о каком не мечтал ни один смертный. Но, конечно, существует альтернативный вариант.

— Какой же? — спросил Мак. Василь вытащил кинжал. Попробовав острие кончиком пальца, он положил клинок на стол перед своим господином.

— Вот добрая толедская сталь. Если вы *против* Венеции, эта вещь может вам пригодиться.

Мак взял кинжал в руки и тоже попробовал острие. Затем спрятал его в рукав:

— Да... возможно, она мне понадобится — оставить зарубку на память.

Василь натянуто улыбнулся и, откинув полог, выглянул из шатра. По его знаку подошли двое солдат с зажженными факелами в руках, чтобы проводить Мака до шатра Энрико Дандоло. Василь упрашивал своего господина взять его с собой, но Мак наотрез отказался исполнить его просьбу и оставил своего молодого слугу в шатре, решив, что пришло время сделать свой выбор и исполнить задачу, поставленную перед ним Мефистофелем. Лишние свидетели, подумал Мак, могут только помешать. Чем дольше юноша будет оставаться в неведении относительно его истинной роли в происходящих событиях, тем лучше.

Мак шел, глядя по сторонам. В лагере было неспокойно. Несмотря на поздний час, бивачные костры горели ярко. Небольшие отряды пехоты проходили мимо Мака и его провожатых быстрым шагом; несколько закованных в латы всадников промчались галопом, подняв пыль. Ночь была полна тревожных звуков — лязганья металла о металл, ржания и топота лошадей, приглушенного ропота человеческих голосов. Было похоже, что войско готовится к наступлению.

Наконец они подошли к просторному белому шатру. Сквозь щели неплотно прикрытого полога пробивался слабый свет. Венецианский дож сидел за низким столиком; перед ним стояло блюдо с драгоценными камнями, которые он перебирал пальцами. Энрико Дандоло был довольно высок ростом; несмотря на свой преклонный возраст, он держался очень прямо. Широкие одежды из жесткой парчи ниспадали на пол, скрывая его фигуру; на голове у него была маленькая бархатная шапочка, украшенная соколиным пером на венецианский манер. Седая бородка, поблескивающая в лучах светильника, словно серебро, подчеркивала вытянутый овал его лица. Тонкие бледные губы были поджаты, глаза подернуты мутно-серой непрозрачной пленкой — причиной слепоты величавого старца была катаракта. Слуга громко объявил о приходе лорда Фауста, недавно прибывшего с Запада, но венецианский дож даже не поднял головы.

— Прошу вас, любезный господин Фауст, присаживайтесь, — произнес Энрико Дандоло резким, дребезжащим голосом. Он говорил по-немецки правильно, но с заметным акцентом. — Слуги уже подали вино? Возьмите бокал, сударь, и располагайтесь поудобнее. Как вы находите эти безделушки? — Он указал на драгоценности.

— Раз или два мне приходилось видеть нечто подобное, — сказал Мак, наклоняясь над столом, — но я никогда не встречал более прекрасных камней. Великолепная коллекция! Какая дивная игра, какой глубокий цвет!

— Взгляните на этот рубин, — продолжал Дандоло, вертя в белой холеной руке драгоценный камень размером с голубиное яйцо. — Разве он не прекрасен? Его мне прислал набоб Тапробэйна. А вот изумруд... — его пухлые пальцы уверенно потянулись к большому зеленому камню, — согласитесь, у него очень чистый блеск, что является большой редкостью для таких крупных изумрудов.

— Да-да, — ответил Мак, — конечно. Но я удивляюсь, сударь, как вы, будучи лишенным зрения, замечаете эти тонкости. Можно подумать, что кончики пальцев заменяют вам глаза...

Дандоло рассмеялся резким, неприятным смехом, который перешел в сухой кашель:

— Глаза на кончиках пальцев!.. Какая странная мысль! Однако в ней есть доля правды. Мои руки любят прикасаться к драгоценным камням. Перебирая их, они узнают каждую грань так же, как глаза узнают черты знакомых лиц и формы предметов. Другой мой каприз — роскошная одежда. О, в этом я настоящий венецианец. Я могу часами рассуждать о том, какими свойствами должны обладать разные ткани. Но все это лишь старческие причуды. Я пригласил вас отнюдь не затем, чтобы раскрывать вам секреты ткацкого ремесла и обсуждать свойства самоцветов. У меня есть нечто несравнимо более ценное, чем эти игрушки.

— Да, сударь? — сказал Мак.

— Смотрите. — Дандоло протянул руку к крышке громадного деревянного сундука, стоявшего чуть поодаль. Открыв сундук, он некоторое время ощупывал лежащие в нем предметы и наконец вытащил... плоскую деревянную доску, завернутую в мягкий бархат. Венецианский дож развернул ткань, и Мак увидел весьма искусно нарисованную картину.

— Как вы думаете, что это? — спросил старик у Мака.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот.

— Это чудотворная икона святого Василия. Говорят, она неким образом связана с Константинополем, и тот, кто обладает ею, держит в своих руках нить судьбы всего города. Предание гласит, что до тех пор, пока икона будет находиться в Константинополе, городу не грозит опасность. Никакие враги не смогут разрушить его неприступные стены. Вы поняли, зачем я показал вам эту вещь?

— Я... я теряюсь в догадках, сударь.

— Я хочу, чтобы вы кое-что передали от меня своему господину. Вы внимательно слушаете меня?

— Да.

Мозг Мака лихорадочно работал, пытаясь разгадать сложную политическую игру, которую вел дож Венеции, настоящий мастер интриг.

— Скажите его святейшеству, что я плюю на него, равно как и на отлучение от церкви. До тех пор пока эта икона находится в моих руках, я не нуждаюсь в его благословениях.

— Вы хотите, чтобы я ему это передал? — спросил Мак.

— Да. Слово в слово.

— Хорошо. Я скажу это папе римскому, если, конечно, мне удастся когда-нибудь с ним встретиться.

— Не шутите со мною, — холодно произнес Дандоло. — Я прекрасно знаю, что вы — посланник Рима, хотя вы упорно отрицаете это.

— К сожалению, вы ошиблись, — ответил Мак. — У меня совсем иные интересы.

— Так вы и вправду не представитель папы римского?

Вскинув голову, старик уставился на собеседника своими незрячими глазами, и Маку почудилось, что в мутной глубине этих глаз загорелся адский огонь. Даже если бы он и был послан к венецианскому дожу папой римским, он тотчас отрекся бы от своей миссии.

— Смею вас заверить, нет! Как раз наоборот! — воскликнул Мак.

Дандоло отвел свой взгляд. Некоторое время он молчал, размышляя над словами Мака, затем его тонкие губы тронула чуть заметная усмешка:

— Как раз *наоборот,* а?

— Так точно!

— Так чьи же интересы вы представляете? — спросил Дандоло.

— Я думаю, вы сами сможете догадаться, — уклончиво ответил Мак, припомнив свой недавний разговор с Фаустом; ему показалось, что эта осторожная манера ведения переговоров более всего подходит исполнителю роли ученого доктора Фауста в данный момент.

Некоторое время Дандоло обдумывал свой ответ.

— Я понял! Вас, должно быть, прислал Зеленая Борода, прозванный Безбожником. Он — единственный, кто до сих пор не имел здесь своего представителя.

Не имея ни малейшего представления о том, кто такой Зеле-

ная Борода, Мак решил продолжать игру в вопросы и ответы вслепую.

— Я не скажу ни да ни нет, — схитрил он. — Но если бы я и вправду был человеком этой самой Зеленой Бороды, что бы вы хотели передать ему?

— Скажите Зеленой Бороде, что мы всегда будем ему рады, если он примет участие в нашей кампании. Мы высоко оценим ту помощь, которую лишь он один сможет нам оказать.

— Я думаю, ваши слова его весьма заинтересуют. Но не прибавите ли вы что-нибудь более конкретное?

— Он должен начать наступление на Берберийском побережье не позже чем через неделю. Вы сможете вовремя передать ему мое послание?

— Я много чего могу, — сказал Мак, — но сперва мне хочется узнать, зачем ему нужно это делать?

— Как зачем?.. Кажется, я выражаюсь достаточно ясно. Если Зеленая Борода, которому подчиняются все пелопоннесские пираты, будет и дальше соблюдать нейтралитет, корсары с Берберийского побережья могут разрушить наши планы.

— Да, конечно, — поддакнул Мак, — а, кстати, что это за планы?

— Овладеть Константинополем, разумеется. Мы, венецианцы, и так уже до предела ослабили свой флот, когда выделили корабли для перевозки войска франков сюда, в Азию. Если пираты нападут на наши далматские владения в то время, когда мы увязли здесь, боюсь, нам придется очень жарко.

Мак кивнул и улыбнулся; однако на душе у него было отнюдь не так спокойно, как он старался показать. Так, значит, Дандоло собирается взять Константинополь! Этого нельзя допустить! Ни в коем случае! Значит, старик должен погибнуть. Сейчас, когда ему, Маку, представился такой удобный случай. Они одни в шатре, в лагере царит суматоха... Убить Дандоло будет несложно — ведь он слепой, и Мак сможет незаметно подкрасться к нему...

Улыбающийся лже-Фауст вытащил кинжал из рукава.

— Вы понимаете, — прибавил Дандоло, вертя в пальцах свой рубин, словно лаская его, — что мои планы относительно этого прекрасного города простираются очень далеко. Кроме вас и вашего господина, главы пиратов, о них пока еще не знает ни один человек.

— Это большая честь для меня, — учтиво ответил Мак, размышляя, как лучше заколоть старика — вонзить клинок в грудь или в спину?

— Константинополь видал на своем веку лучшие дни, — задумчиво произнес венецианский дож. — Некогда слава о нем гремела по всему свету. Многие народы боялись и любили его; многие искусные полководцы и гордые императоры лелеяли в своем сердце мечту овладеть им, словно редкой драгоценностью или прекрасной женщиной. Теперь этот город за зубчатыми белыми стенами — лишь бледная тень былого Царьграда, дурная пародия на самого себя, в которую превратило его неумелое правление слабых, безвольных и тупых царей. Повелители Константинополя цепляются за остатки прежней роскоши, словно престарелые кокетки — за яркие наряды и румяна, за ту мишуру, которая делает их еще более жалкими и смешными. Что за печальная судьба для города, некогда бывшего столицей могучего государства!.. И я положу этому конец. Нет, сам я не приму константинопольской короны. С меня довольно и той власти, которой я обладаю над Венецией! Но я посажу на византийский трон своего человека. Он будет слушаться меня во всем, и тогда, надеюсь, для этой страны и ее древней столицы еще настанет золотой век! Когда Венеция и Константинополь объединятся, весь мир с восхищением будет глядеть на расцвет науки, ремесел и торговли, который последует за этим союзом. Константинополь вновь обретет свое утраченное величие и былую славу.

Мак замер, зажав в кулаке кинжал. Речь Дандоло сильно подействовала на его воображение. Он уже был готов нанести смертельный удар, но руку его удержало внезапно возникшее перед его умственным взором видение дивного города, возродившегося под мудрой опекой дальновидного старца, — древнего города, ставшего центром просвещения и коммерции; города, которому, быть может, суждено сыграть в истории особую роль... Мак колебался; кинжал дрогнул — и повис в воздухе, остановившись на полпути к своей цели.

— А какую религию будут исповедовать греки? — спросил он.

— О, в этом вопросе я добрый католик. Несмотря на некоторые разногласия с его святейшеством, я разделяю интересы Рима во всем, что касается возвращения заблудшей овцы ее пастырю. Молодой Алексей торжественно поклялся мне, что, как только он взойдет на трон, Византия вернется в лоно святой нашей матери, Католической Церкви. Тогда папа римский, конечно, снимет с меня отлучение от Церкви, а может быть, даже захочет причислить меня к лику святых за беспримерный подвиг. Ведь до сих пор никому еще не удавалось разом обратить в истинную веру такое количество еретиков!

— О, мой господин! — воскликнул Мак, очарованный слова-

ми Дандоло. — Да хранит вас бог! Ваши смелые замыслы вдохновляют каждого, кто удостоится высокой чести быть посвященным в них. Располагайте мною и моей жизнью как вам угодно, господин мой! Я постараюсь быть полезен вам чем только смогу.

Старик приподнялся со своего сиденья и прижал голову Мака к своей груди. Мак почувствовал, как его щеки коснулись жесткие волоски из бороды Дандоло. Морщинистое лицо венецианского дожа было мокрым от слез; он дребезжащим, срывающимся от прилива чувств голосом взывал к милости небес. Мак хотел присоединиться к его жаркой молитве, полагая, что несколько приятных слов в адрес добра, вполне уместных в данной ситуации, отнюдь не повредят его душе. Но внезапно снаружи раздался шум, послышались чьи-то возбужденные голоса, и тотчас же в шатер вбежали несколько вооруженных людей.

— Господин! — воскликнул один из них. — Бой начался! Вийярдуэн уже повел своих солдат штурмовать стену!

— Я должен быть там! — вскричал Дандоло. — Я буду сражаться вместе с ними! Мое оружие, быстро! Фауст, передайте мои слова Зеленой Бороде. Мы поговорим с вами позже!

С этими словами венецианский дож, почтительно поддерживаемый слугами, вышел из своего шатра, захватив с собою чудотворную икону. Драгоценные камни, которые он перебирал всего несколько минут назад, остались лежать на столе.

Мак остался один. Звуки шагов стихли вдали. На шелковистых стенах шатра плясали тени. Мак подумал, что пока он отлично справляется со своей ролью. Он спасет Константинополь и, конечно, не упустит при этом свою выгоду, как это делает Энрико Дандоло. Он повернулся, готовясь уйти, но тут взгляд его упал на стол, где лежали дивные драгоценности. Найдя небольшой холщовый мешочек, он наполнил его почти доверху и, поворовски оглянувшись, выбежал из шатра.

Глава 5

Солдаты привели Фауста и Маргариту к низкому деревянному сооружению без окон, сложенному из массивных бревен. Фауст догадался, что перед ними подземная тюрьма. Войску, совершающему далекие переходы, не нужны крепкие каменные темницы, куда заключают преступников в городах всего мира, но даже в походном лагере должно существовать определенное место для пленных и нарушителей порядка. Эта подземная тюрьма была устроена по испанскому образцу — андалузские мавры

были знатоками по части подобных дел! Проводя своих пленников по коридору, ведущему к подземным камерам-клеткам, стенки которых были сколочены из грубых, шершавых досок, солдаты показали им миниатюрную походную камеру пыток — настоящее чудо техники тех времен. Все ужасные инструменты, с помощью которых палачи вырывают признания у несчастных жертв, были уменьшены в размерах и легко разбирались на части, благодаря чему их можно было перевозить вслед за армией, совершающей стремительные марш-броски.

— Конечно, здесь нельзя растянуть человека так, как это делают там, в Европе, — сказал один солдат, указывая на низенькую скамеечку, придвинутую поближе к огню. — Однако можно устроить ему сущий ад, пытая только огнем, поножами святого Себастьяна и перчатками великомученицы Варвары. Видите эти маленькие клещи для вырывания ногтей? А тонкие иголки, которые вонзают в тело, прежде хорошенько их накалив? А вон те винтики в ручной костоломке? Костоломка занимает не больше места, чем обычные щипцы для щелканья орехов, но посмотрели бы вы, как она действует!.. У нас есть даже «железная дева» — не такая большая, как в Нюрнберге, конечно, зато с большим количеством шипов! Эти мавры, они знают, как разместить на квадратном дюйме целую сотню острейших шипов! Крючья у нас тоже меньшего размера, чем положено, но уж будьте покойны, они рвут плоть и отделяют мясо от костей ничуть не хуже, чем обычные.

— Вы не посмеете пытать нас! — воскликнул Фауст.

— Мы этим никогда не занимаемся, — ответил высокий угрюмый воин — очевидно, старший в этом маленьком отряде. — Мы простые солдаты, наше дело — убивать врагов в бою, в открытом и честном поединке. А уж будут вас пытать или нет — это решит начальник тюрьмы.

Как только дверь темницы захлопнулась за солдатами и пленники остались одни, Фауст не теряя ни минуты начал маленькой щепочкой вычерчивать на пыльном полу пентаграмму. Присев на колченогую табуретку — никакой другой мебели в этой тесной, пахнущей сыростью камере не было, — Маргарита наблюдала за его действиями. Фауст произнес нараспев длинное заклинание, однако оно не сработало. Причина была очевидна: горя желанием настичь мошенника, подписавшего сделку с Мефистофелем его именем, ученый доктор не позаботился о том, чтобы захватить с собой основные принадлежности, необходимые магу в его ремесле. Однако упрямый алхимик-чародей не оставил своих попыток. Стерев старательно выведенные знаки и

линии, он тотчас же принялся чертить рядом новую пентаграмму. Маргарита, которой надоело наблюдать за возней Фауста, встала с табуретки и начала ходить взад-вперед по камере — от одной стенки к другой, словно пантера, посаженная в тесную клетку.

— Смотри не наступи случайно на пентаграмму, — предупредил ее Фауст.

— Не наступлю! — сердито ответила девушка. — Долго мы еще будем здесь сидеть? Ты собираешься что-нибудь делать, в конце концов?

— А чем же я, по-твоему, занимаюсь? — отпарировал Фауст.

Порывшись в своем кошельке, он с трудом набрал щепотку белены. Добавил веточку омелы, оставшуюся с Рождества. Вытряхнул из рукава немного сурьмы. Два кусочка кожи он оторвал от своих башмаков. Что еще?.. Обычная грязь, которой сколько угодно на земляном полу тюрьмы, наверняка подойдет вместо земли, взятой с кладбища. А вот чем заменить порошок мумии?.. Ученый доктор начал сосредоточенно ковырять в носу, засовывая палец все глубже и глубже. Вытащив палец, он внимательно осмотрел налипшую на него слизь.

— Фу, как гадко! — сказала Маргарита.

— Помолчи, — грубо оборвал ее Фауст. — Эта штука может спасти тебе жизнь!

Наконец все приготовления были закончены. Взмахнув руками, Фауст громко продекламировал какие-то стихи на непонятном языке. Нарисованная на полу пентаграмма засветилась розоватым светом. Это зарево, едва заметное вначале, постепенно разгоралось все ярче и ярче.

— Ах, у тебя все-таки получилось!.. — воскликнула Маргарита. — Вот здорово!

— Тише, — прошипел ученый доктор, оглянувшись через плечо. Затем, повернувшись лицом к пентаграмме, он торжественно произнес: — О дух из темных глубин Земли! Заклинаю тебя именем Асмодея, именем Вельзевула, именем Велиала...

И тут из центра пентаграммы раздался голос, принадлежащий молодой женщине. Он прозвучал отчетливо и как-то механически-правильно и бездушно:

— Пожалуйста, прервите свое заклинание. Вы говорите не с духом.

— Вы не дух?.. — растерянно пробормотал Фауст. — А кто же вы?

— Говорит автоответчик Службы связи Инферно. Примененное вами заклинание не имеет достаточной магической си-

лы. Советую вам исправить свою ошибку. Пожалуйста, проверьте ваш волшебный состав и, если заметите отсутствие какого-либо элемента или нарушение пропорций смешанных веществ, добавьте недостающие ингредиенты. Затем прочтите заклинание вновь. Благодарю за внимание. Всего хорошего.

Что-то негромко щелкнуло, и розовое сияние, исходившее из центра пентаграммы, погасло.

— Подождите! — горестно воскликнул Фауст. — Я знаю, что нарушил пропорции и составил свою волшебную смесь не из тех веществ, которые рекомендуют применять для заклинания духов. Но ведь у меня было почти все, что нужно!.. А то, чего не хватало, я, пожалуй, не смогу достать никогда. Неужели вы не можете сделать одно-единственное исключение...

Он не получил никакого ответа на свою просьбу. Розовый свет пропал бесследно, как будто его и не было. В наступившей тишине слышно было, как Маргарита постукивает ножкой по полу.

Немного погодя двое заключенных услышали шум, доносившийся с улицы. Топот бегущих ног. Бряцание оружия. Скрип больших деревянных колес, вертящихся на несмазанных осях. Резкие выкрики команд. Но сквозь этот шум можно было расслышать другой звук — приглушенный человеческий голос. Фаусту показалось, что невидимый обладатель этого голоса монотонно твердит какое-то заклинание. Шепотом приказав Маргарите сидеть тихо, Фауст приник ухом к стене. Ну конечно, это невнятное бормотание доносилось из соседней камеры! Но человек, сидевший в ней, не колдовал, а молился.

— Услышь меня, Господи, — говорил он. — Я никому не сделал зла, и тем не менее я ввергнут во тьму дважды — своей собственной слепотой и мраком этой проклятой тюрьмы. Я, Исаак, царствовавший в Константинополе, заботясь о своей душе, выразил свою добрую волю, передав церквам Константинополя следующее...

Далее шли завещания разным церквам и отдельным священникам, настолько длинные, монотонные и скучные, что Фауст успел повернуться к Маргарите и шепнуть:

— Ты знаешь, кто находится в соседней камере?

— Меня это не интересует, — раздраженно ответила она. — Я бы на твоем месте подумала, как бы выбраться из нашей.

— Молчи, женщина! В этом застенке рядом с нами томится Исаак, престарелый царь Константинополя, свергнутый с престола своим жестоким братом. Новый правитель, взойдя на ви-

зантийский трон, приказал ослепить несчастного Исаака и заточил его в темницу.

— Да, компания у нас хорошая, ничего не скажешь, — не без сарказма ответила девушка.

— Молчи!.. Я слышу, как кто-то входит в его камеру...

Фауст услышал, как поворачивается ключ в замке. Скрипнув, дверь отворилась, затем закрылась опять. Стенка между двумя камерами была настолько тонка, что ему удалось различить даже звук шаркающих шагов. Молящийся умолк. Через несколько секунд он спросил печальным, но ровным и спокойным голосом:

— Кто вошел ко мне? Палач? Говори же, ибо я не могу тебя видеть.

— Так же, как и я тебя, — ответил низкий голос, очевидно, принадлежавший вошедшему. — Но я пришел сюда отнюдь не затем, чтобы толковать о твоем или моем зрении. Я предлагаю помощь.

— Предлагаете что?..

— Помощь. По-мо-щь. Освобождение! Неужели ты не узнал моего голоса, Исаак? Я Энрико Дандоло!

— Это венецианский дож! — взволнованно прошептал Фауст, обернувшись к Маргарите. — Энрико Дандоло, всесильный дож Венеции!.. — И, возвысив голос, он воззвал: — Дож Дандоло! Милосердия и справедливости! Мы взываем к вам, прося о заступничестве!

Послышались приглушенные голоса, чьи-то тяжелые шаги... Дверь в камеру, где находились Фауст и Маргарита, распахнулась. На пороге стояли двое солдат. За ними была видна высокая, прямая фигура Энрико Дандоло в дорогом одеянии из красной и зеленой парчи. В руках у венецианского дожа была чудотворная икона святого Василия.

— Кто звал меня? — спросил Дандоло.

— Я, Иоганн Фауст, — ответил ученый доктор. — Я попал сюда по недоразумению. Я прибыл к Константинополю, чтобы добиться справедливости... Здесь находится еще один человек, выдающий себя за Иоганна Фауста, то есть за меня. Этому бесстыжему лгуну удалось обмануть даже одного из могущественнейших духов преисподней. Он утверждает, что он — великий чародей, но это вранье! Это *я* великий маг!

— Так-так, понятно, — сказал Дандоло, приподняв одну бровь.

— Умоляю вас, Энрико Дандоло, выпустите меня отсюда. Я стану вам могущественным союзником!

— Если вы и вправду великий маг, то почему же вы до сих пор не освободились из этой тюрьмы с помощью своих заклинаний?

— Даже самому искусному магу нужно кое-какое оборудование помимо своего мастерства, — ответил Фауст. — Мне не хватило одного-единственного компонента, чтобы составить волшебную смесь! Если бы у меня был кусочек... Впрочем, та икона, которую вы держите в руках, вполне подойдет!

Энрико Дандоло гневно нахмурил брови:

— Вы собираетесь проделывать свои фокусы с чудотворной иконой святого Василия?

— Я собираюсь заклинать духов с ее помощью. Для чего же еще предназначены чудотворные иконы?

— Единственное предназначение чудотворной иконы святого Василия — хранить город Константинополь, — сухо ответил Дандоло.

— О да, конечно, — саркастически заметил Фауст. — Только ее святое покровительство этому городу отнюдь не играет вам на руку, не правда ли?

— Это уже не ваше дело, — отрезал Дандоло.

— Возможно, в этом вы правы, — сказал Фауст. — Все равно, выпустите нас отсюда. Мы никому не причинили зла, и мы не принадлежим к числу ваших врагов.

— Кажется, совсем недавно вы заявляли, что в совершенстве владеете искусством магии и даже предлагали мне свои услуги, — сухо произнес Дандоло. — Посмотрим, кем вы окажетесь на самом деле. Я еще вернусь.

С этими словами он резко повернулся кругом и ушел, сопровождаемый двумя солдатами. Дверь со стуком захлопнулась, и пленники услышали, как ключ, скрипя, поворачивается в замке.

— С этими тупоумными упрямыми венецианцами просто невозможно разговаривать! — пробормотал Фауст.

— О господи, что же нам теперь делать? — жалобно простонала Маргарита.

Она была готова расплакаться от страха и чувства безысходности. Фауст чувствовал себя не лучше, хотя совсем по иной причине: он был вне себя от злости на такой глупый поворот судьбы, на свое унижение, на весь мир, столь плохо продуманный Творцом. Благодаря всему этому искуснейший маг должен сидеть в сырой темной подземной камере, и каждый солдат, вчерашний смерд, волен насмехаться над ним. Оскорбленная гордость оказалась сильнее страха смерти. Скрипя зубами, ученый доктор метался взад и вперед по камере. В уме его возникали де-

сятки планов побега, но — увы! — пока среди них не было ни одного реального. Какую непростительную оплошность он совершил, отправившись в погоню за Мефистофелем без полного набора магических принадлежностей! Фауст вспомнил, как он путешествовал по Европе. Его объемистая сумка с порошками, жидкостями и мазями всегда была при нем. Неужели университетская должность профессора и размеренная, спокойная жизнь так сильно притупили его живой и острый ум, сделав из него самодовольного глупца, каких полным-полно во всех европейских городах?.. Ученый доктор оборвал себя, решив, что сейчас не время предаваться воспоминаниям.

Он опять наклонился над своей пентаграммой — без особой надежды на успех, просто для того, чтобы чем-нибудь заняться.

Каково же было его удивление, когда он увидел, что линии пентаграммы светятся в темноте! Свет разгорался постепенно, как и в прошлый раз; но вот розовое зарево изменило свой цвет, став сначала багрово-красным, затем оранжевым, — верный признак того, что скоро здесь появится дух из преисподней.

Когда наконец из самого центра пентаграммы взметнулись языки пламени и огненный смерч закружился, превращаясь в призрачную фигуру, с каждой секундой обретающую все более отчетливые формы, Фауст воздел руки и торжественно воззвал:

— О дух! Я вызвал тебя из мрачных подземных глубин...

— Нет, это не вы меня вызвали, — произнес таинственный пришелец, принявший наконец образ низенького рыжего демона с лисьей физиономией, чью голову венчали короткие козлиные рожки. Плотно облегающий костюм из тюленьей кожи обрисовывал его складную фигуру.

— Как это — не я? — спросил озадаченный Фауст.

— Я явился сюда по своей собственной воле. Меня зовут Аззи. Я демон.

— Рад вас видеть, — отвесил легкий поклон Фауст. — Я Иоганн Фауст. А это моя подруга Маргарита.

— Я знаю, кто вы, — сказал Аззи, — и даже более того. Мне известны все ваши приключения, и, разумеется, я не упускал из виду Мефистофеля и того молодого парня, который выдает себя за Фауста.

— Тогда вы не можете не знать, что он — лжец и самозванец! — воскликнул ученый доктор. — Настоящий Фауст — это я!

— Конечно. Фауст — это вы.

— И что же?

— Я предпринял некоторые шаги, чтобы оценить сложив-

шуюся ситуацию. И вот, как видите, явился, чтобы сделать вам одно предложение...

Из груди Фауста вырвался восторженный вопль:

— О-о! Наконец-то!.. Признание! Возмездие!.. Вечное наслаждение!.. Клянусь пиром двенадцати богов...

— Не торопитесь, — остудил его Аззи. — Не все сразу. Вы еще не выслушали мою речь до конца.

— Ну так говорите же скорее!

— О нет, только не здесь. Подземная тюрьма франков — неподходящее место для подобных переговоров.

— И что же теперь делать?

— Есть у меня на примете одна горная вершина, — сказал Аззи. — Это высочайший пик Кавказа. Она находится совсем рядом с той горой, на которой легендарный Ной высадился из своего ковчега, когда схлынули воды Всемирного потопа. Там я смогу изложить вам свое предложение, не нарушая общепринятых традиций, со всеми необходимыми формальностями.

— Тогда — скорее к этой горной вершине!

— Эй! А как же я?.. — забеспокоилась Маргарита.

— А как же она? — спросил Фауст.

— Она не может отправиться с нами, — покачал головой Аззи. — Мы должны переговорить с глазу на глаз. Мое предложение касается только вас одного, а не какой-то уличной девки...

— Нахал! — истерически взвизгнула Маргарита. — Я путешествую вместе с ним! Я даже помогала ему в колдовстве! Он сам взял меня с собой! Это из-за него я попала в эту тюрьму! Иоганн, неужели ты бросишь меня? — Голос ее зазвенел, на глазах показались слезы. — Неужели ты оставишь меня здесь одну?

Фауст отвернулся от нее и тихо сказал Аззи:

— Она мелет чепуху. Не обращайте на нее внимания. Я готов следовать за вами. Только...

— Даю вам слово чести, — успокоил его Аззи, — что с ней не случится ничего дурного.

— Вы уверены в этом?

— Будьте покойны. Я никогда не дал бы честного слова, если бы не был в нем уверен, — гордо ответил демон. — И я никогда не ошибаюсь.

— Тогда — вперед! — сказал Фауст. — Маргарита, мы... мы скоро вернемся, вот увидишь. Поверь, мне самому неприятно оставлять тебя одну, но... Понимаешь, дело есть дело.

По правде говоря, Фауста не слишком огорчала эта разлука. Маргарита оказалась совсем не такой покладистой, скромной и услужливой, какой он представлял себе простую девушку.

— Нет! Нет! Возьми меня с собой! — закричала несчастная женщина, бросаясь к Фаусту и пытаясь обнять его за шею. В это самое время Аззи щелкнул пальцами, и фигура ученого доктора исчезла в дыму и пламени. Маргарита испуганно отпрянула назад. Когда густые клубы дыма рассеялись, она увидела, что осталась совсем одна. В наступившей тишине был отчетливо слышен топот нескольких пар ног, обутых в тяжелые сапоги. Шаги приближались. Солдаты подошли к двери ее камеры.

Глава 6

Аззи вместе с Фаустом взвился высоко над башнями Константинополя и с быстротой метеора помчался на юго-запад. Внизу богатым пестрым ковром раскинулись равнины Анатолии. Они пролетали над редкими селениями, над домиками, выстроенными из самодельного глиняного кирпича, — здесь жили тюркские племена, пришедшие в эти края из дальнего далека и до сих пор продолжающие свои набеги на северные территории, где возвышались укрепленные городские стены. Вскоре пейзаж резко изменился: бесконечной чередой тянулись бесплодные холмы, а впереди показались белоглавые Кавказские горы. Аззи начал набирать высоту, и Фауст поежился от холода. Воздух стал более разреженным. Глянув вниз, ученый доктор увидел вершины гор; снеговые шапки сверкали на солнце. Казалось, что какой-то исполин обложил их ватой, как хрупкие елочные игрушки, — пушистые белые облака окружали высочайшие пики со всех сторон.

— Видите вон ту высокую гору впереди? — спросил Аззи у Фауста, наклонившись к самому уху ученого доктора; голос демона на несколько секунд заглушил свист ветра. — Мы полетим прямо туда.

Они приземлились на вершине, напоминавшей ровную поверхность стола. Солнце стояло почти в зените, его лучи ярко освещали небольшую ровную площадку под их ногами. Фауст удивился: ведь когда они покинули лагерь франков под Константинополем, время приближалось к полуночи. Он хотел расспросить Аззи, как ему удалось проделать этот ловкий фокус со сменой дня и ночи; но, побоявшись обнаружить свое невежество перед адским духом, ученый доктор спросил только:

— Где мы?

— На горе Крещендо, высочайшем пике Кавказа, — ответил

тот. — Неподалеку отсюда находится гора Арарат, где высадился Ной после Всемирного потопа.

Фауст подошел к самому краю ровной площадки. Воздух был так чист и прозрачен, что, казалось, подняв взор к небу, можно было проследить за полетом ангела в бескрайней синеве или увидеть Небесные чертоги. У подножия гор раскинулись плодородные долины. Прищурившись, Фауст разглядывал поля и виноградники, окружавшие мирные селения. А за зелеными долинами, почти на самой вершине одной из невысоких гор, ученый доктор заметил замок из розового камня, окруженный белой стеной, по углам которой возвышались ажурные башенки. Это сооружение издалека напоминало ученому доктору пышный торт со взбитыми сливками.

— Что это? — спросил он.

— Замок Раздол, — негромко сказал Аззи. — Вы можете стать его владельцем, если согласитесь работать на меня и будете делать то, что я вам скажу.

— А чем знаменит этот замок Раздол? — спросил Фауст.

— Вы, наверное, заметили, что его стены несколько необычного цвета. Они сложены из розового камня, Камня Счастья. Это очень редкий и древний камень. Он сохранился со времен Золотого века, когда все живые твари и все вещи в мире ладили друг с другом, а люди были так счастливы, как никогда уже не будут. Этот камень насквозь пропитан эссенциями радости и чистого восторга, и даже тот, кто просто находится поблизости от него, испытывает прилив бодрости; этот камень поистине творит с людьми чудеса: каким бы угрюмым и мрачным ни был человек, от его дурного настроения и следа не останется в тот самый миг, когда его нога или рука коснется розового Камня Счастья. Подумайте, ведь в этом замке вы можете быть так беззаботно счастливы, как нигде на свете. В нем каждый обретает то, чего ему не хватало, по чему он тосковал и к чему стремился всю свою жизнь. Кроме роскоши и неги, там вас будет ждать веселая стайка красавиц на любой вкус. Эти юные дамы, Фауст, настолько прекрасны, что каждая из них могла бы заставить ангела заплакать... Но я, кажется, увлекся: не дай бог какой-нибудь херувим действительно захочет проверить это на собственном опыте, а начальство застигнет его за столь неподходящим для ангела занятием.

— Издалека замок Раздол кажется совсем игрушечным...

— Воздух и свет на этой горной вершине обладают волшебным свойством: если, слегка прищурив глаза, вы посмотрите на любой далекий предмет, то разглядите его во всех подробностях,

как если бы вы вдруг оказались рядом с ним. Это похоже на гигантское увеличительное стекло. Попробуйте!

Фауст прищурился.

Сначала он напряг свое зрение почти до предела, так что увидел глухую стену всего лишь в двух дюймах от собственного носа. Медленно приоткрывая веки, он добился наконец того, что взгляду открылась широкая панорама дворца на горной вершине. Волшебные замки из арабских сказок, где жили нежные принцессы и куда по воле рока попадали отважные мореплаватели и прекрасные принцы, показались бы их гордым обитательницам жалкими лачугами, если бы они хоть раз побывали в Раздоле. Прозрачные струи фонтанов сверкали на солнце, разбивались на миллионы искрящихся капель, похожих на крупные алмазы, и падали обратно в каменные чаши бассейнов. От фонтанов разбегались посыпанные гравием тропинки — они вели в роскошный фруктовый сад. Там, между аккуратно подстриженных деревьев и кустов, бродили ручные олени. Разноцветные попугаи перелетали с ветки на ветку; когда их шумная стайка поднималась в воздух, мелькание пестрых крыльев можно было принять за волшебную, переливающуюся яркими красками радугу. По дорожкам, ведущим из дома в сад, взад и вперед сновали проворные слуги в белых одеждах. На головах они несли тяжелые медные подносы, уставленные богатыми яствами и тонкими винами. Чего здесь только не было — арабские сласти, засахаренные фрукты, диковинные заморские плоды, которым даже ученый доктор Фауст не смог бы подыскать названия, орехи, ароматное жаркое и блюда из птицы... Слуги почтительно предлагали эти изысканные кушанья гостям, облаченным в длинные одежды из шелка и парчи. Среди гостей, прогуливающихся по саду, Фауст заметил группу атлетически сложенных мужчин, одетых просто и скромно. Почти все они носили небольшие клинообразные бороды. Пристально вглядываясь в лица и фигуры незнакомцев, ученый доктор подумал, что никогда еще ему не приходилось встречать столь благородной осанки, столь гордой посадки головы и таких строгих, правильных черт лица. Они были похожи на ожившие творения величайших скульпторов Древнего Рима.

— Кто эти люди? — спросил Фауст у Аззи.

— Философы, — ответил тот. — Вы сможете вести с ними беседы о природе и сущности вещей и явлений, о причинах и следствиях, об истории племен и городов и о тысяче других вещей. Их широкая образованность послужит прекрасным дополнением к вашему блестящему уму. А теперь посмотрите вон на ту

белую башенку, увенчанную куполом, — чуть левее фонтана, возле которого прогуливаются гости, видите? Она стоит отдельно от дворцового ансамбля.

— Да, вижу. Это здание...

— Сокровищница Раздола. Одна из крупнейших в мире. Там есть настоящие диковины: изумруды и алмазы самой чистой воды, небесно-голубые сапфиры и красные, как кровь, рубины, изумительный жемчуг — его собирали в течение многих столетий, кубки и чаши из нефрита, изделия искуснейших ювелиров и старых мастеров чеканки и много других редкостей.

Фауст прищурил глаза и посмотрел куда-то в сторону.

— Там, на горизонте, что-то темнеет... Похоже на огромное облако пыли, которое движется по холмистой степи.

Аззи взглянул туда, куда указывал доктор.

— Не обращайте внимания.

— Но все-таки, что это такое?

— Если вам непременно хочется все знать, извольте: это передовые отряды турок.

— Они тоже из замка Раздол?

— Боюсь, что нет. Они рыщут здесь в поисках добычи, словно стая голодных волков, уничтожая все на своем пути. Но замок Раздол они оставят в покое.

— Но что я буду делать, если они все-таки нападут на меня? — озабоченно спросил Фауст. — Тогда мне уже не помогут ни сказочные богатства, ни счастье, обретенное в волшебном замке...

— Все течет — так, кажется, говорят у вас в подлунном мире, — пожал плечами Аззи. — Однако не бойтесь, я не оставлю вас в беде. Я могу построить для вас не менее прекрасный замок и даже целый город в любом месте, где вы только пожелаете. Как видите, я обладаю ничуть не меньшими способностями, чем джинны из арабских сказок. Даже большими — мне подвластно само время. Я могу перенести вас в любую эпоху. Если вы хотите прогуляться по древним Афинам, побеседовать с Платоном или поспорить с Аристотелем — пожалуйста, я могу это устроить. А может быть, вам будет интересно посетить Древний Рим, встретиться с Цезарем или с Вергилием?

— Ваше предложение очень заманчиво, — задумчиво произнес Фауст, — но как насчет того, чтобы вернуть меня на мое законное место в Тысячелетней войне между Силами Света и Тьмы?

— Я мог бы вам в этом помочь, — ответил Аззи, — хотя и не по моей вине вы вышли из игры. Это была глупейшая ошибка

Мефистофеля, чересчур самонадеянного Князя Тьмы. У него есть обширные связи в обоих мирах, но — увы! — он не обладает столь необходимыми для современного демона качествами: коварством и дальновидностью. Тем хуже для самого Мефистофеля, ибо я намерен преподать ему хороший урок. Но сначала мне нужно будет уточнить некоторые детали. Война уже объявлена, а силам света и тьмы может не понравиться, если кто-то вмешается в их внутренние дела, расстроив тщательно продуманные планы великих духов из двух соперничающих между собой миров. Но я полагаю, что при благоприятном стечении обстоятельств, шепнув пару словечек нескольким важным особам, я сумею вернуть вас на ваше место, убрав Мака Трефу.

— Вы сделаете это? — воскликнул Фауст.

— Да. По крайней мере попытаюсь, — сказал Аззи. — Но при одном условии.

— При каком же?

— Вы должны дать самую торжественную, самую ужасную клятву, которую вы знаете, что будете повиноваться мне во всем. Особенно это касается тех дел, которые так или иначе связаны с Тысячелетней войной между силами света и тьмы. Вы будете делать только то, что я вам скажу...

Фауст гордо выпрямился.

— *Мне* подчиняться *вам? Мне,* Фаусту? Да кто вы такой? Я доктор разных наук, всемирно известный алхимик, а вы? Какой-то нечистый дух, даже не назвавший своего полного имени!

— На месте мудреца и знаменитого ученого я бы не стал обзывать *нечистым духом* того, кто предлагает вам выгодную сделку, — обиделся Аззи. — Это всего лишь ярлык, который навешивают на нас, демонов, не слишком сведущие в подобных вопросах смертные. Кроме того, я не вижу никакого бесчестья в том, чтобы подчиняться демону. Многие люди делают это почти всю свою жизнь!

— Люди — может быть. Но не Фауст! — надменно ответил ученый доктор. — Кстати, позвольте узнать, зачем вам вообще нужна такая клятва?

— Затем, что у меня есть свой собственный план. Если все пойдет так, как нужно, вы сможете занять свое место в истории, а я — то место в иерархии духов, на которое давно претендую. Но, как я уже сказал, вы должны во всем меня слушаться. Соглашайтесь же! Я не буду слишком суровым начальником. Вы сами сможете убедиться, что умный человек и с дьяволом договорится! Итак, закончим бесполезный спор, давайте лучше подпишем договор.

Фауст надолго задумался. Искушение было слишком велико. Быть повелителем замка Раздол гораздо лучше, чем быть профессором алхимии в краковском университете, кто же станет спорить! По земным меркам это означало небывалый, головокружительный взлет. Этот демон мог превратить его в сказочно богатого человека. Этот демон мог исполнить его давнюю, заветную мечту — побывать в Древней Греции и в Древнем Риме (в молодости Фауст был буквально помешан на античности). Но мысль о том, что придется повиноваться Аззи, была противна ученому доктору. Какое-то странное внутреннее ощущение, похожее на дурное предчувствие, удерживало его. Дело было даже не в том, что во всех своих поступках Фауст предпочитал руководствоваться своим собственным мнением (которое, к слову сказать, нередко расходилось с общепринятыми взглядами), а в том, что вся его свободолюбивая, гордая натура протестовала против того, чтобы подчиняться духу, который по всем существующим в мире законам должен был служить ему самому. Какая-то ловушка чудилась доктору в таком обмене ролями, не предусмотренном древними правилами сложной и тонкой игры между демонами и людьми, установленными еще в те незапамятные времена, когда в самый первый раз дьявол соблазнял человека.

— Я не согласен на ваши условия, — наконец ответил он.

Аззи вздохнул:

— Жаль. Но послушайте, ко всем земным благам, которые я пообещал вам, я могу добавить воплощение вечной женственности, тот идеал, который на протяжении многих веков ищут, но не могут найти поэты, художники и просто мечтатели, грезящие о возвышенной и тонкой красоте души и тела. Я имею в виду не простую женщину, а несравненную Елену Троянскую.

— Елена меня не интересует. У меня уже есть девушка.

— Но ей далеко до Елены Троянской!

— Я уже сказал вам, что эта женщина меня не интересует.

Аззи улыбнулся:

— Но вы даже не взглянули на нее. Посмотрите.

Сложив пальцы в какую-то замысловатую фигуру, демон взмахнул рукой так, как это делают фокусники в цирке, и Фауст увидел, что кристально чистый горный воздух прямо перед ним начинает мутнеть и сгущаться. Через несколько секунд полупрозрачное туманное облако обрело очертания человеческой фигуры. Перед ученым доктором появилась женщина в белой тунике, застегнутой на одном плече; другое плечо было обнажено. Легкое одеяние не скрывало ни одной линии ее тела, однако жен-

щина ничуть не была смущена. Она стояла, гордо подняв голову, глядя прямо перед собой. Фауст заметил, что глаза ее меняют свой цвет, словно в них отражается само небо: секунду назад они были голубыми, но стоило легкому облачку закрыть солнце — и они стали серыми, затем — чуть зеленоватыми, как морские волны, и вновь голубыми. Ее стройная фигура была воплощением классического образца женской красоты. В ней все было так гармонично, так соразмерно, что казалось нелепым восхвалять каждую ее черту в отдельности: скажем, ее тонкий и правильный профиль, ее брови, правильными дугами изогнутые над нежно-розовыми веками, ее густые вьющиеся волосы, ее руки с тонкими, но приятно округлыми запястьями, с длинными пальцами, ее высокую грудь, тонкую талию, линию бедер, похожую на очертания греческой амфоры... Все эти похвалы ее красоте были верными, но сама Елена не поддавалась описанию. Она была настолько хороша, что любая поэтическая метафора казалась бы плоской и бесцветной в сравнении с живой прелестью этой женщины. Она словно явилась из тех волшебных снов, когда душе на миг приоткрывается божественный свет, и человек видит перед собой воздушные, прекрасные образы... Но грезы обманчивы, они рассеиваются быстрее, чем тает легкий утренний туман под лучами восходящего солнца; Елена же была земной женщиной, существом из плоти и крови. Мелкие недостатки, которые, присмотревшись внимательно, можно было бы обнаружить в ее фигуре, лишь подчеркивали совершенство ее человеческого облика.

Фауст молча размышлял, глядя на Елену. Обладание ею обещало, кроме ни с чем не сравнимого наслаждения, еще одну выгоду: оно давало повод всем остальным мужчинам (за исключением женоненавистников, глубоких старцев и вообще равнодушных к женской красоте) завидовать счастливцу самой черной завистью. Поистине эта женщина была сказочным сокровищем, в сравнении с которым даже богатства царя Соломона казались ничтожеством.

Однако у каждой медали имеется оборотная сторона. Всякий, кто обладает Еленой, в равной степени сам принадлежит ей. (Подумав еще немного, ученый доктор решил, что, может быть, даже не в равной, а в большей степени.) Он вынужден делить с нею свой жребий и состязаться с нею в славе. Это было бы тем более трудно для него, Фауста: ведь Елена известна во всем мире благодаря своему природному дару — красоте, а что мог противопоставить ее красоте профессор алхимии? Свои научные труды? Книжную премудрость?.. Он неизбежно проиграет по-

добное состязание. Да, войдет в историю, но люди будут помнить не о самом Фаусте — великом маге и алхимике или, скажем, мудром правителе, а о Фаусте — любовнике Елены. Даже если он не будет уступать своей подруге в физическом совершенстве, все равно слава Елены затмит его собственные достоинства. Парис, думал Фауст, был хорош собой и пользовался покровительством богини Любви, иначе ему вряд ли удалось бы увезти Елену от супруга Менелая к себе в Трою. Но мало кто вспоминает сейчас о Парисе — все говорят о Елене, которую похитил некий юноша, отдавший Афродите золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей».

Рассуждая так, Фауст преодолевал дьявольское искушение. Конечно, этот рыжий черт обещал ему весьма соблазнительные вещи, но слишком уж непомерную цену по его, фаустовским, меркам он за них запросил. Фауст потому и Фауст, что всегда остается самим собой, подумал ученый доктор. Он никогда не станет послушной куклой в чьих бы то ни было руках — будь то руки женщины, мужчины или демона.

Отвернувшись от Елены и задрав кверху подбородок, он быстро произнес:

— Нет, нет! Я не возьму ее и не стану вам служить! — и застыл в напряженной, неестественной позе, боясь повернуть голову, чтобы не увидеть еще раз прекрасную Елену — ее красота слишком волновала его.

Аззи пожал плечами и улыбнулся. Казалось, его нисколько не удивил такой ответ. Должно быть, он хорошо знал, что Фауст сделан совсем не из мягкого теста, из которого слеплено большинство смертных, — тот материал, что пошел на ученого доктора, обладал твердостью алмаза и трудно поддавался обработке. Поняв, о чем думает Аззи, Фауст испытал прилив гордости — ведь, согласитесь, если даже демон восхищается вашей стойкостью, в этом, несомненно, что-то есть!

— Ну, хорошо, — сказал Аззи, — я сейчас уберу ее. Попытка — не пытка, а спрос — не беда. Раз, два... — Он сделал несколько быстрых, ловких движений руками. Фауст невольно залюбовался ими — мастерство волшебника, как искусство пианиста, зачастую распознается по виртуозной работе пальцев. Аззи показал высший класс. — Три!

Вокруг фигуры прекрасной женщины вспыхнуло красноватое зарево — и тотчас померкло. Елена оставалась неподвижна, взор ее все так же был устремлен куда-то вдаль. Аззи снова проделал сложные пассы, но и на сей раз ему не повезло — не появилось даже зарево.

— Что за чертовщина! — воскликнул демон. — Не странно ли? Обычно это заклинание работает безотказно. Надо будет как следует проверить его, когда у меня появится хоть немного свободного времени. А пока... у меня к вам небольшая просьба. Не побудете ли вы с ней немного? Я скоро вернусь и заберу ее. Елена — очаровательная женщина. Должно быть, ей порядком наскучило подземное царство, которым правит мрачный Аид, и она не откажется провести небольшой отпуск в подлунном мире.

Фауст посмотрел на нее — и сердце сильно забилось в его груди. Умом он понимал, что, согласившись, навсегда потеряет свою свободу, но голос сердца оказался сильнее доводов рассудка. Наконец, овладев собой, доктор Фауст ответил:

— Хорошо, я пригляжу за ней, пока вы будете отсутствовать. Но у меня есть Маргарита. Вы обещали, что с ней не случится ничего плохого...

— Не тревожьтесь, все будет хорошо, — успокоил его Аззи, — ей никто не причинит зла. Но должен вам сказать, что эта девушка вам совсем не пара.

— Вы и вправду так думаете?

— Да. Мы, демоны, никогда не ошибаемся в таких вещах. Мы видим человека насквозь, как если бы он был сделан из стекла. Когда пламя любви начинает угасать в его груди, это сразу становится заметно. Впрочем, мы отвлеклись от главного. Я еще встречусь с вами. Это отнюдь не последний наш разговор. Вы уверены, что я не могу соблазнить вас еще чем-нибудь? Может быть, у вас есть какая-то тайная мечта, ради которой...

— Нет-нет, спасибо за заботу.

— В таком случае — до свидания. Мне пора.

— Подождите! — воскликнул Фауст. — Не могли бы вы снабдить меня кое-какими ингредиентами для заклинания перемещения? Иначе как мы с Еленой спустимся с этой неприступной горной вершины?

— Ах, извините, это вылетело у меня из головы, — сказал Аззи. — Хорошо, что вы напомнили мне.

И с этими словами он достал свою сумку с магическими принадлежностями, которую демоны всегда носят с собой. Такие сумки обладают волшебным свойством уменьшаться в размерах в сотни раз, когда владелец кладет их в карман, что делает их совершенно незаменимыми в долгих путешествиях. Сложенная походная волшебная сумка вместе со всем своим содержимым занимает не больше места, чем листок бумаги из записной книжки, да и весит она приблизительно столько же. Открыв сумку, Аззи выложил из нее несколько веточек вербы, пучки разных ле-

карственных трав, несколько плотно запечатанных бутылочек с этикетками, на которых было что-то написано по-арабски, редкие и драгоценные металлы высокой пробы, концентрированный змеиный яд и еще много разных предметов, необходимых магу в его ремесле. У Фауста глаза разбегались от такого изобилия: пожалуй, эта коллекция редкостей ничуть не уступала той, что осталась в его рабочем кабинете в Кракове.

— Спасибо вам, — сказал Фауст. — Этого мне хватит надолго. Имея в своем распоряжении такой богатый набор магических снадобий, я могу сам позаботиться о своей дальнейшей судьбе. С вашей стороны было огромной любезностью показать мне красоты Кавказа, и, конечно, пытаясь соблазнить меня, вы сделали все, что могли. Большего не мог бы пожелать ни один смертный. Вы были очень добры ко мне, Аззи. Но, к сожалению, я не могу принять ваше предложение. Я попытаюсь добиться справедливости и занять свое место в Тысячелетней войне без посторонней помощи. Еще раз благодарю вас за заботу.

— В таком случае — прощайте! — сказал Аззи.

— Прощайте, — ответил Фауст.

Выпрямившись, они встали друг напротив друга; каждый поднял вверх правую руку с раскрытой ладонью — древний жест, которым маги всех времен и народов приветствовали друг друга при встрече и расставании. Затем на горной вершине сверкнули две багровые вспышки. Аззи исчез первым, а следом за ним — Фауст и Елена.

Глава 7

Все происходящее казалось Маргарите кошмарным сном. Ей часто приходилось слышать, что маги и волшебники — ненадежный народ и связываться с ними не стоит. Однако то, что сделал Фауст, уже переходило все допустимые границы. Девушке оставалось только удивляться капризам своей судьбы, благодаря которой она в столь короткий срок перенеслась из Кракова под стены осажденного Константинополя и попала в тюремную камеру. Положение ее было не из приятных; к тому же она понятия не имела, за что ее арестовали. Одиночество пугало ее; она то тревожно металась по тесной камере, то замирала на месте, когда за дверью раздавался какой-нибудь шум. Вот и сейчас, когда на лестнице, ведущей вниз, послышались чьи-то тяжелые шаги, она вздрогнула и застыла, повернувшись лицом к двери, настороженно прислушиваясь. Шаги приближались. Лязгнул

засов; дверь, ведущая в соседнюю камеру, заскрипев, отворилась.

На несколько секунд воцарилась тишина. Затем снова раздались звуки шагов в коридоре; они становились все громче, отчетливее... И наконец резко оборвались как раз напротив двери, ведущей в ее камеру.

Маргарита попятилась от двери, услышав, как поворачивается ключ в тяжелом замке. Забившись в угол, она смотрела, как дверь распахивается настежь. Эти несколько секунд показались ей вечностью. Она зажмурилась от страха, а когда открыла глаза, увидела, что на пороге стоит высокий и стройный светловолосый молодой человек, одетый в изящный и дорогой костюм. Он молча смотрел на Маргариту, но не так, как разглядывали ее грубые солдаты, похотливо усмехаясь. Взгляд незнакомца выражал лишь вежливое внимание и удивление — казалось, он размышлял над тем, каким образом девушка могла попасть в тюремную камеру. Несколько минут они стояли друг напротив друга, не решаясь заговорить. Тусклый свет настенного светильника проникал из коридора в тесную камеру. Светловолосый незнакомец был еще очень молод — почти мальчик, подумала Маргарита. Над его верхней губой блестели капельки пота. Сама она застыла в трогательной и в то же время соблазнительной позе: каштановые волосы рассыпались по плечам; край длинной юбки чуть-чуть приподнялся, так что стали видны ее стройные маленькие ножки.

Наконец Мак -- это был, конечно, он — спросил:

— Кто вы?

— Я Маргарита, — ответила девушка. — А вы?

— Доктор Иоганн Фауст, к вашим услугам.

Маргаритины ресницы затрепетали; она открыла рот, собираясь возразить. В самом деле, как может этот незнакомец называть себя Фаустом, если Фауст, ее бывший любовник, оставил ее одну в этой темной и сырой камере, улетев в неизвестном направлении с черт знает откуда взявшимся демоном! Но, вовремя спохватившись, она решила не упоминать о настоящем Фаусте. Кто знает, что на уме у этого парня. Судя по его поведению, ничего плохого он ей не сделает. Может быть, даже освободит ее из тюрьмы. Лучше на время придержать свой язык — вряд ли собеседнику понравится, если его уличат во лжи и заставят оправдываться в первую минуту разговора. А Маргарите хотелось произвести приятное впечатление на молодого незнакомца. Пусть называет себя как хочет, подумала она — Фаустом, Шмаустом или Гнаустом, — только бы помог ей выбраться отсюда.

— Что вы здесь делаете? — спросил Мак.

— О, это долгая история, — вздохнула Маргарита. — Я попала сюда вместе с одним... моим знакомым, а он... ну, в общем, он... вроде как сбежал. И я осталась одна. А вы?

Мак пришел сюда следом за Энрико Дандоло, надеясь улучить подходящий момент и незаметно стащить чудотворную икону святого Василия (он выбрал последнее из трех предложений Мефистофеля, которое казалось ему наименьшим злом). Заглянув в первую камеру, Мак увидел, что она пуста: венецианский дож вышел вместе со старым слепым Исааком. Мак уже собирался уходить, когда, повинуясь какому-то странному внутреннему зову, он подошел к двери соседней камеры и открыл ее. Это было совсем не похоже на Мака Трефу — отпирать двери темниц и освобождать томящихся в них узников, но сейчас он действовал под влиянием таинственных высших сил, определяющих человеческую судьбу. Ему казалось, что запертая дверь скрывает очень важную тайну. Открыв эту дверь, он едва различил в полутьме очертания женской фигуры... Но как объяснить все это Маргарите?

— Моя история тоже очень длинна, — сказал Мак. — Но вы, наверное, будете рады выйти отсюда?

— Рада, как свинья, когда находит грязь, — ответила Маргарита старой немецкой пословицей: крестьяне в ее родной деревне часто так говорили.

— Тогда выходите, — предложил Мак. — Следуйте за мной. Я ищу одного человека...

Выйдя из тюрьмы, они направились к лагерю франков, откуда доносился страшный шум — рев труб, топот сотен бегущих ног, испуганное ржание лошадей. Полуодетые люди метались взад и вперед, словно обезумевшие. Мерцали факелы, в воздухе стоял запах пыли и горящей смолы. Воины в боевых доспехах, с тяжелыми копьями на плечах бежали к городской стене: франки пошли на штурм Константинополя.

Мак и Маргарита смешались с этой толпой, пытаясь пробраться сквозь нее к шатру Мака. Непрерывный людской поток тащил их туда, куда двигалось большинство — к высоким белым городским стенам. Там уже разгорелась битва. Появились первые раненые — их уносили с поля боя обратно в лагерь. Многих настигли византийские стрелы — более длинные, чем у европейцев, украшенные шестиугольным орнаментом, со странным оперением, более похожим на перья диких уток из земель далекой Московии, чем на серые перья английских гусей.

Мака и его спутницу то и дело обгоняли отряды солдат, спе-

шащие на битву. Жестокая схватка завязалась на самой вершине зубчатой стены. Вдруг окованные медью городские ворота с громовым стуком распахнулись — их отворили жители Константинополя, перешедшие на сторону врага. Тяжелая конница франков, построившись «свиньей», тут же двинулась к воротам. Горстка греческих и норманнских воинов преградила крестоносцам путь, предприняв отчаянную и бесполезную попытку удержать ворота. Конный клин врубился в небольшой отряд, словно острый топор. В воздухе замелькали алебарды и тяжелые булавы, усеянные острыми шипами. На головы защитников города обрушился град жестоких ударов. Раздались отчаянные крики, предсмертные стоны смешались с воплями ярости. Раненые падали под копыта лошадей, топтавших и давивших дрогнувшую пехоту.

Но вот между зубцами городской стены мелькнули огни факелов: отважные гречанки принесли огромный котел с кипящим маслом и опрокинули его на головы врагов. Шипящий огненный золотистый поток побежал вниз со стен; горячее масло затекало в щели доспехов, обжигая тело. Раздались отчаянные вопли — франки на собственном опыте узнали, как чувствуют себя раки, *когда варятся в плотно закрытой кастрюльке.* Тучей полетели стрелы — лучники франков обстреливали стены, прогоняя женщин с их котлами кипятка. Конница возобновила свою атаку, пробиваясь сквозь поредевший строй греков, и наконец первые всадники с воинственным кличем ворвались в город. За городской стеной их встретил град стрел, выпущенных турецкими наемниками — последними защитниками города. Передние ряды конницы смешались. Раненые лошади сбрасывали на землю закованных в латы рыцарей. Однако бешеную атаку франков остановить не удалось. На место убитых и раненых солдат тотчас становились другие, и вскоре ощетинившаяся копьями и алебардами пехота смяла передовые шеренги турецких лучников. Малорослые турки в легких доспехах не могли выстоять против здоровых бородатых солдат-европейцев в тяжелых кольчугах и высоких шлемах. У городской стены завязалась жестокая *схватка; ноги солдат скользили в крови, смешавшейся с глиной.* Франки, опьяневшие от крови, ворвались в город, рассыпавшись по притихшим улицам небольшими группами.

Мак, крепко сжимающий руку Маргариты, *протискивался* между последними рядами штурмующих ворота солдат. Наконец он увидел Энрико Дандоло. Слепой старик, закованный в латы, размахивал огромным мечом, так что толпа вокруг него вынуждена была расступаться.

— Ведите меня! — кричал Дандоло. — Ведите меня на этих проклятых греков!

Ловко уклонившись от удара меча, Мак подошел вплотную к Дандоло и крепко схватил его за руку.

— Энрико, это я, Фауст! Позвольте мне направить ваш меч!

— Ах, это вы, посланник Зеленой Бороды! — воскликнул дож Венеции. — Да, конечно, помогите мне!

— Ваш покорный слуга, сударь, — учтиво ответил Мак, поворачивая старика лицом к высоким белым стенам с распахнутыми воротами, возле которых шел бой. Пальцы Мака проворно развязали широкий шелковый пояс Дандоло, за который была засунута драгоценная икона святого Василия, бережно завернутая в кусок бархата.

— Удачи вам, сударь! — крикнул Мак, и Энрико Дандоло, взмахнув мечом, поскакал прямо к воротам — его можно было бы принять за Дон Кихота Ламанчского, если бы этот герой существовал в те времена.

Мак сказал Маргарите:

— Все! Давайте скорее выбираться отсюда.

Они повернули обратно в лагерь. Мак искал какое-нибудь тихое, укромное местечко, где можно было бы провести остаток ночи. С души его словно камень свалился: он выполнил первое задание Мефистофеля, спас чудотворную икону.

Внезапно тьма сгустилась над осажденным городом, над лагерем франков, над лесом, чернеющим вдали. Похолодало, налетел резкий ветер. Хлынул дождь. Дрожа от холода, цепляясь друг за друга, Мак и Маргарита брели по полю, казавшемуся им бесконечным; ноги их то и дело увязали в жидкой грязи.

— Куда мы идем? — спросила Маргарита.

— Мне нужно кое с кем встретиться, — ответил Мак, думая о Мефистофеле: где его черти носят, когда он так нужен здесь?..

— А где назначена ваша встреча?

— Он сказал, что сам найдет меня.

— Тогда зачем мы так быстро бежим?

— Нам нужно уйти как можно дальше отсюда. Подумайте, ведь вы можете погибнуть в этой ужасной битве!

И тут они случайно набрели на небольшой отряд. Это был, конечно, не тот патруль, что арестовал настоящего Фауста, но Маргарите сперва показалось, что судьба во второй раз столкнула ее с солдатами, которые забрали их обоих в тюрьму, — у них было точь-в-точь такое же оружие, такие же бородатые лица и грубые, хриплые голоса; они так же сквернословили, и от них так же противно пахло. Приглядевшись повнимательнее, Мак и

Маргарита поняли, что эти солдаты недавно попали в какую-то переделку — их лица и руки были в ссадинах и ушибах, шлемы и нагрудники кое-где помяты. Трое из них наклонились над собранными в кучу поленьями и остатками нескольких разломанных кресел — очевидно, они ограбили проходящий мимо караван. Ударяя кресалом о кремень, они пытались разжечь костер, но дождь и ветер мешали им, гасили искры.

— Эй, вы! — закричали солдаты, заметив Мака и его спутницу. — Стойте! Нет ли у вас с собой хоть маленького кусочка сухого дерева?

— Нет... Нет! — ответил Мак; голос его дрогнул от испуга. — Ничего подобного у нас нет. Пожалуйста, разрешите нам пройти.

Солдаты окружили их. Маргарита вздрогнула — кто-то пихнул ее в бок. Она уже была готова повернуться и со всего размаху залепить пощечину тому, кто стоял ближе всех остальных, как вдруг почувствовала, что Мак потихоньку сует ей в руку что-то твердое. Это была икона святого Василия. Пока солдаты отводили Мака в сторону, она успела засунуть небольшой сверток за корсаж.

Расширенными от страха глазами Маргарита глядела, как солдаты обыскивают ее спутника. Двое остались держать его, а остальные, ухмыляясь, повернулись к ней. Она помертвела, представив, как ее будут ощупывать. Дрожащими руками она достала сверток и протянула его здоровенному бородатому детине.

— Ага! — обрадовался тот, принимая от нее завернутую в бархат икону. — Что там у вас?

— Осторожнее! — воскликнул Мак. — Это чудотворная икона святого Василия.

— Что-что? — переспросил солдат.

— Икона. Чудотворная.

— Ах, чудотворная! Ну, пускай сотворит нам чудо! — захохотали солдаты. — Эй, давайте сюда огниво!

Один из них ударил кресалом о кремень. Несколько искр упало на нарисованный лик святого. Вспыхнуло пламя.

Солдаты столпились вокруг, защищая огонь от ветра и пытаясь разжечь костер от горящей иконы. Мак схватил за руку Маргариту, и они побежали прочь.

Они укрылись в негустом перелеске, окружавшем поле боя, словно амфитеатр — арену древнеримского цирка, где происходили смертельные поединки гладиаторов. Ветер разогнал тучи, и на небе показалась луна, освещавшая белые стены Константинополя, словно ярчайший фонарь. Из города, куда ворвались разъяренные, опьяневшие от крови крестоносцы, доносились стена-

ния, яростные крики и звон железа. Пахло дымом. Казалось, повторяется древняя история — падение Трои.

Переведя дух, Мак огляделся кругом. Серебристая зарница осветила зловещего вида фигуру, стоящую всего в каких-нибудь десяти шагах от куста, под которым прятались они с Маргаритой. Высокий незнакомец в малиновом плаще застыл, словно каменное изваяние, скрестив руки на груди. Его мрачный взор был устремлен вдаль, на стены древнего города, как будто он мог видеть сквозь них.

— Мефистофель! — воскликнул Мак, бросаясь к нему. — Это вы!.. Наконец-то!.. Вы видели, что я сделал? Я пытался спасти икону!

— Да, я знаю, — ответил ему Мефистофель. — По правде говоря, меня разочаровал ваш выбор.

— Как?.. А мне казалось, что я поступил правильно. Когда Энрико Дандоло рассказал мне о своих планах, о будущем возрождении Константинополя, я понял, что не смогу его убить. Что же касается этого... Алексея... я и не видел его! Я не мог его похитить, даже если бы очень захотел.

— Глупец! — процедил сквозь зубы Мефистофель. — Энрико Дандоло обвел вас вокруг пальца, как мальчишку. Медовые уста и лисий ум сослужили ему хорошую службу. На самом деле он люто ненавидит Константинополь. Все огромное войско франков — послушная игрушка в его руках. Опасная игрушка.

— Но как, черт возьми, я мог об этом узнать?! — теряя терпение, воскликнул Мак.

— Заглянув в его душу — как же еще? — насмешливо ответил Мефистофель. — Мне ли учить вас подобным вещам, любезный доктор Фауст? Если бы вы убили его, на византийский трон мог бы взойти другой император, который спас бы прекрасный город. Эти опьяневшие от крови варвары, называющие себя войском Христовым, разграбят и сожгут его дотла!

— Я сделал то, что считал нужным, — угрюмо ответил Мак.

— Впрочем, я и не думал осуждать вас, — пожал плечами Мефистофель. — Я лишь нарисовал картину печальных последствий вашего не слишком мудрого поведения. Как я уже сказал, судьей в Великой войне сил света и тьмы назначена Ананке. Она будет взвешивать мотивы и следствия ваших поступков на весах правосудия. Она будет судить, но не вас лично, а все человечество, которое вам выпала честь представлять. Лично меня ваш выбор не удивил: вы сделали то, что на вашем месте сделало бы большинство смертных. Такова людская природа — пытаться спасти иллюзии там, где надо проявить здравый смысл!

— Ну, хорошо, я исправлюсь, — сказал Мак. — Я больше не буду пытаться спасать иллюзии. Ни одной больше не спасу, вот увидите. А что мы будем делать дальше?

— Вас уже ждет следующая роль. Вы готовы?

— Да... Только мне бы хотелось помыться и выспаться перед этим.

— Вы вполне сможете сделать это между делом. Я намерен оставить вас при дворе Кубла-хана.

— А что я должен там сделать?

— Это я объясню вам на месте. Готовьтесь. Нам пора.

— Подождите! — воскликнул Мак. Маргарита, подошедшая к ним во время разговора и стоявшая рядом, скромно опустив глаза, вдруг сильно дернула его за рукав. — Можно мне взять ее с собой?

Мефистофель окинул девушку холодным, высокомерным взглядом; казалось, он ответит решительным отказом на просьбу Мака. Но в конце концов Князь Тьмы только пожал плечами:

— Как вам угодно. Возьмитесь за руки, закройте глаза. Скоро мы окажемся в другом месте.

Маргарита даже задержала дыхание на несколько секунд — у нее сильно кружилась голова, когда она совершала путешествия во времени.

Мефистофель небрежно взмахнул рукой — и три фигуры исчезли в дыму и пламени.

Автору нет нужды повторять описание всех оттенков адского огня — читатель уже и сам в этом неплохо разбирается, не правда ли?

Часть III

МАРКО ПОЛО

Глава 1

Открыв глаза, Мак увидел, что он стоит на углу людной улицы. Мак решил, что они прибыли в большой город. Мефистофель и Маргарита стояли рядом с ним: демон — по правую руку, девушка — по левую. Мефистофель не изменил своим аристократическим привычкам и был изящно одет, словно собирался на бал: в петлице темного пиджака красовался свежий бутон алой розы, узкие черные туфли блестели. Мак глянул на Маргариту — девушка показалась ему очень красивой: после того как они улетели из Константинополя, она успела завить волосы и наложить косметику на лицо. Свою промокшую кофточку и шерстяную юбку она сменила на яркое шелковое платье. Лиф платья был с глубоким вырезом, соблазнительно приоткрывавшим грудь.

Мак огляделся, пытаясь понять, где они сейчас находятся. Своеобразная архитектура зданий подсказывала, что они попали в Китай. Присмотревшись к людям, проходившим мимо по улице, он заметил, что прохожие были одеты в шелк и меха, длинные рукава полностью скрывали кисти их рук. Несколько человек стояли в стороне и разговаривали. Их голоса, высокие и тонкие, напоминали птичий щебет. Воздух, холодный и сухой, пах древесным углем и традиционными пряностями. Небо над городом было темно-синим — такая глубокая, густая синева раскидывается в ясный день над берегами северных морей.

Среди спешащих по своим делам низкорослых прохожих в длинных шелковых халатах выделялись широкоплечие мужчины в островерхих меховых шапках. Вглядевшись в их смуглые, широкоскулые, плоские лица, Мак решил, что это монголы. Их здесь было довольно много, и каждый имел при себе оружие.

Люди проходили мимо Мака и Мефистофеля с Маргаритой, даже не глядя в их сторону, словно не замечая троих пришельцев.

— В чем дело? — спросил Мак. — Почему все стараются показать, что не видят нас?

— Они и в самом деле нас не видят, — ответил Мефистофель. — Я сотворил заклинание, сделавшее нас невидимыми. Это гораздо проще, чем снять специальную комнату для переговоров. Да и дешевле.

— Как вам угодно, — сказал Мак. — Итак, что я должен буду здесь делать?

— Эта улица ведет прямо ко дворцу Кубла-хана. У Великого хана пышный двор — его окружают родственники, фавориты, придворные, мудрецы, шарлатаны, мошенники, купцы, авантюристы, многочисленная челядь и никому не известные люди без определенных занятий, которых можно встретить при любом дворе — как европейском, так и азиатском. Среди этой весьма разнородной публики находится Марко Поло.

— Марко Поло? Знаменитый путешественник родом из Венеции?

— Вот именно. Его отец и дядя живут вместе с ним, но сейчас они уехали по торговым делам в Трапезунд.

— В Трапезунд?.. А где это? — спросил Мак.

— Не важно. К вам лично это не имеет никакого отношения, — сказал Мефистофель. — Сейчас для вас самое главное — понять, что вам предстоит сделать.

— Да, конечно, — согласился Мак. — Объясняйте же поскорее.

— Итак, Марко решил оставить Пекин и вернуться в Венецию. Кубла-хан весьма неохотно дал ему разрешение покинуть дворец, потому что Марко — единственный, кто может обеспечить надежную охрану для принцессы Ирены, предназначенной в жены персидскому шаху. Против Марко плетутся многочисленные интриги. Некоторые из монгольских ханов завидуют славе Марко и тем богатым дарам, которые он получил от Великого хана. Марко угрожает опасность — несколько придворных составили против него заговор. Один из предлагаемых вам вариантов — спасти жизнь знаменитому путешественнику. Его хотят убить до того, как он покинет Пекин...

— Постойте... Подождите минутку, — перебил Мефистофеля Мак. — Но он же уехал из Пекина, разве не так?

— Да, конечно, но то было *в прошлом,* — ответил Мефистофель. — А сейчас история переписывается заново. Наступает ключевой момент. События могут принять совершенно неожиданный оборот, но может случиться и так, что все останется по-старому. Вам нужно понять только одно — все происходит как

будто в первый раз. *Здесь* еще никто не знает о том, какая судьба ждет Марко Поло.

— Но если события станут развиваться по-иному, — сказал Мак, — не отразится ли это на ходе всей истории? И к каким последствиям это приведет? Вдруг окажется, что в нашем времени все будет не так, как должно быть?

— *Вас* лично это никак не коснется, — успокоил его Мефистофель. — Можете думать об этом парадоксе времен как о некоей абстракции... как о *вещи в себе,* если вам угодно. Вас доставили сюда в определенный момент времени. Перед вами стоит задача — сделать выбор из трех предложенных вам моделей поведения. А после мы посмотрим, удалось ли вам повлиять на историю, и если да, то в какую сторону склонятся весы — в сторону добра или зла.

— И все-таки я не понимаю, зачем мне помогать Марко, — сказал Мак. — Ведь он благополучно выехал из Пекина, несмотря на все интриги и заговоры, составленные против него...

— Да, вы и вправду ничего не поняли из моих объяснений, — вздохнул Мефистофель. — Еще раз повторяю вам: здесь сейчас все происходит заново, *в первый раз,* и невозможно предугадать, куда повернется колесо истории. Как в картах, так и в природе существует свой тайный ход фишки. К слову сказать, никто не знает, сколько раз переигрывалась судьба Марко Поло. Вполне возможно, что каждый раз жизнь этого человека складывалась по-другому. Та же картина наблюдается в истории племен и народов, только там идет куда более крупная игра. Сотни раз мы разыгрываем одну и ту же историческую драму, финал которой непредсказуем. Весь мир — театр, и люди в нем — актеры. Представление начинается каждый вечер, вход по специальному приглашению. Нельзя сказать, что эти спектакли очень интересны, но иногда удается стать свидетелем довольно неожиданной, эффектной развязки.

— А эти... как их... переигрывания истории... они не влияют на реальный — то есть, я хотел сказать, на истинный ход событий? — спросил Мак.

— Как можно говорить о единственной реальности, когда история разветвляется и таких ответвлений становится все больше и больше? — пожал плечами Мефистофель. — Можно, конечно, выбрать один из нескольких тысяч параллельно существующих миров и назвать его истинным, но это значило бы приписывать вещам свойства, которыми они не обладают. И стоит ли говорить об истине там, где само время относительно, а бытие подобно течению реки?.. Что же касается конкретной ситуации,

в которую вы попали, — мой вам совет: смотрите на все это, как на игру — правда, на такую игру, где ставки достаточно велики. Это и в самом деле игра — по крайней мере для *нас*. Но в то же время я советую вам играть всерьез; в противном случае для вас это может обернуться весьма печальными последствиями.

— Хорошо... Так из чего мне предлагается сделать выбор в данном случае?

— Второй из предлагаемых вам вариантов касается принцессы Ирены. Кубла-хан предназначил ее в жены персидскому шаху. Но если она выйдет замуж за кого-то другого, это может повлиять на ход истории точно так же, как любое другое крупное событие — например, убийство или спасение жизни выдающегося человека. Таким образом, расстроив брак принцессы с персидским шахом, вы можете изменить мир.

— А что потом случилось с тем, за кого она вышла замуж... ну, в *нашем* мире? — спросил Мак.

— История об этом умалчивает, — ответил Мефистофель.

— Ну, ладно, — вздохнул Мак. Он потерял всякую надежду вытянуть из этого высокомерного демона хоть каплю полезной информации. Придется самому разбираться уже на месте, как и в первый раз, подумал он. А вслух прибавил: — А третий вариант?

— У Кубла-хана есть талисман — волшебный скипетр, приносящий неизменную удачу тому, кто обладает им. До тех пор пока этот скипетр находится в руках Кубла-хана, его войско будет одерживать победы над врагом — в том числе над западными государствами, с которыми Великий хан ведет крупные войны. Вам предлагается похитить у него этот скипетр.

— Благодарю покорно! — воскликнул Мак. — В прошлый раз я уже пытался проделать это с чудотворной иконой!

— Это совсем разные вещи, — сухо возразил Мефистофель. — Кроме того, вы уже в другом времени, и ситуация здесь совсем иная. Забудьте о том, что было. Приготовьтесь. Сейчас я сниму магический покров, благодаря которому мы оставались невидимыми, и вы сможете приступить...

— Подождите! Подождите! — вскричал Мак, заметив, что Мефистофель собирается сделать какой-то жест. — А как я объясню, откуда я взялся и кто я такой?

Мефистофель размышлял несколько секунд, потом сказал:

— Представьтесь послом из Офира.

— Из Офира?..

— Офир, — ответил Мефистофель, — это город, упомянутый в Ветхом завете. Библейский царь Соломон — вы, наверное,

слышали о нем — получал из Офира золото, серебро, слоновую кость, а также обезьян и павлинов.

— А где расположен этот Офир?

— Точно никто не знает. Одни говорят — где-то в Африке, другие — на Дальнем Востоке, третьи — в Абиссинии, четвертые — на Аравийском полуострове... Однако нам известно, что Марко Поло никогда не бывал в нем, иначе он обязательно упомянул бы об этом городе в длиннейших записках о своих многочисленных путешествиях. Итак, смело объявляйте себя послом из Офира — ни один человек не сможет уличить вас во лжи.

— Хорошо, — сказал Мак. — Значит, я — офирский посол... А как правильно говорить — «офириец» или «офирянин»?

— Как вам самому больше нравится, — пожал плечами Мефистофель. — Ну, теперь вы готовы?

— Подождите!.. А моя одежда?..

— Взгляните на себя, — сказал Мефистофель.

Мак последовал его совету и обнаружил, что на нем черно-белое трико и черный суконный камзол, а на голове — шапочка, украшенная пером. Итак, с одеждой все было в порядке. Очевидно, переодеваясь, Мефистофель отдал приказ позаботиться о подходящих костюмах для него и для его подруги.

Пока Мак разглядывал свою новую одежду, Мефистофель сложил руки в первом магическом жесте Заклинания мгновенного исчезновения.

— Подождите! — отчаянно завопил Мак. Рука Мефистофеля замерла на полпути вверх.

— В чем дело?

— Как я буду разговаривать с этими людьми?

— Что вы имеете в виду?

— Язык! На каком языке мне с ними говорить? Вряд ли они знают немецкий. Я, конечно, могу кое-как объясниться с ними на французском, но боюсь, что этого будет недостаточно.

Брови Мефистофеля поднялись вверх.

— Как же так? — спросил он. — Вы меня удивляете, доктор Фауст. Ведь, кроме своих непревзойденных успехов в алхимии, вы приобрели всемирную славу как выдающийся лингвист!

— Это большое преувеличение, — вздохнул Мак. — Вы сами знаете, что людская молва обманчива. Кроме того, в течение долгого времени я был лишен практики в восточных языках. А языки так быстро забываются!..

— Ну, хорошо, — сказал Мефистофель. — Я открою вам Малое Речевое Заклинание. Оно даст вам возможность понять другого человека, на каком бы языке он ни говорил, и наобо-

рот — вы сами сможете свободно говорить на любом языке. Но будьте осторожны: это заклинание предназначено строго для служебного пользования. Я даю его только вам, и никому другому.

— О! Малое Речевое Заклинание — это как раз то, что мне нужно! — обрадовался Мак.

Демон тотчас сделал несколько быстрых, почти неуловимых движений пальцами:

— Готово. Не забудьте вернуть его обратно, когда кончится срок вашего пребывания во дворце.

— А как же я? — спросила Маргарита.

— Вы будете при нем, как его подруга. Что касается Речевого Заклинания, на вас его действие не распространяется... Вы готовы? — повернулся Мефистофель к Маку.

Мак перевел дыхание и кивнул. Мефистофель исчез в ту же секунду — на сей раз без дыма и пламени, просто растворился в воздухе, как будто его и не было. И тотчас же какой-то толстенький низенький человечек с длинной бородой столкнулся с Маком, чуть не сбив его с ног.

— Оргунги, — произнес коротышка, поднимаясь с земли.

— Ах, что вы! Это я виноват. Извините, — ответил Мак, удивляясь тому, что прекрасно понял незнакомца. И проворчал себе под нос: — Вот черт, не продумывает ничего до конца — сам исчезнет, а потом обязательно какая-нибудь накладка выйдет!.. Ну, ладно, что там мне надо сделать?

В ту же минуту послышался громкий окрик:

— Эй, ты!

Оглянувшись, Мак увидел угрюмого широкоплечего воина в меховой шапке. Воин шел к нему, позвякивая блестящим оружием.

— Вот это уже что-то знакомое, — вполголоса сказал он Маргарите и, повернувшись к воину, ответил: — Да?

— Я тебя здесь раньше не видел, — сказал тот. — Ты кто такой?

Мак гордо выпрямился:

— Я офирский посол. Отведи меня к вашему хану... Да, со мной моя подруга Маргарита.

— Ступайте оба за мной.

И они пошли следом за воином. Завидев вооруженного человека, люди почтительно расступались перед ними, кланяясь на китайский манер. Они вышли на площадь перед дворцом Кублахана; возле торговых рядов толпился народ. Волна незнакомых запахов обрушилась на Мака и его спутницу — это были специфические запахи Востока. Здесь пахло Китаем, Индией и чуть-

чуть — Южными морями. К этим терпким ароматам порой примешивался легкий дух Европы. Проходя мимо торговых палаток, они почувствовали, что резкий запах пяти основных специй усилился. Съедобные морские водоросли в огромных мокрых корзинах пахли солью и йодом. Среди всего моря перемешанных друг с другом запахов чеснока, древесного угля, рисовой водки, уксуса и сладких орешков личи Мак различил тонкие свежие ароматы бамбука и сандалового дерева. В плетеных корзинках лежали куски жареной свинины, на деревянных тарелках — подрумяненные по рецепту генерала Ку цыплята. Во всем чувствовался неповторимый дух Пекина, и больше всего — в специфическом запахе знаменитого пекинского соуса, которым китайцы приправляли все блюда.

Они шли через площадь, и сотни узких темных глаз провожали эту маленькую процессию. Смуглолицые черноволосые люди со смешными тонкими косицами на затылках перешептывались, указывая на чужеземцев. Благодаря волшебству Мефистофеля Мак понимал все, что говорили о нем и о его подруге.

— Марта, взгляни вон туда.

— Что такое, Бен?

— Кажется, чужеземцы.

— Какой странный цвет кожи...

— Пучеглазые, словно рыбы! Ну и красавцы, нечего сказать!

— А одеты как смешно! Никто таких кафтанов не носит...

— А она-то как вырядилась!..

— Ну и ну!

— Ты только погляди на ее ноги!

— А каблуки-то, каблуки!.. Мы здесь не носим таких высоких каблуков: они вечно где-нибудь застревают. Можешь себе представить, на что это похоже!

Толпа шумела, разглядывая чужеземцев, но враждебности к ним никто не проявлял.

Наконец пестрые торговые ряды и площадь остались позади. Мак с Маргаритой и сопровождающий их солдат оказались в самом начале широкого бульвара, ведущего прямо ко дворцу. Сюда не долетали ни резкие запахи рынка, ни гул человеческих голосов. Редкие прохожие двигались важно и чинно. Солдат провел двух чужеземцев во внутренний двор и остановился перед высокими дворцовыми воротами. Они были открыты, но перед ними стоял стражник в блестящих доспехах, вооруженный мечом и круглым щитом. Преградив путь троим незнакомым посетителям, он громко крикнул:

— Кто идет?

— Простой солдат, — ответил монгольский воин, сопровождавший Мака и Маргариту во дворец. — Привел с собой двух чужеземцев — офирского посла с женщиной, — чтобы представить их хану.

— Хорошая новость! — обрадовался стражник. — Кубла-хан собрал сегодня своих придворных в Большом приемном зале. Они уже закончили деловую беседу, но время обеда еще не наступило. Появление нового посла развлечет их. Проходи, солдат, сопровождающий почетных гостей!

Изнутри ханский дворец поражал роскошью так же, как он притягивал взоры своею пышностью снаружи. Описывать сказочные богатства, собранные здесь, означало бы пытаться объять необъятное; поэтому мы не будем отвлекать внимание читателя утомительным перечислением разных диковин. Гости, сопровождаемые стражей, прошли по длинным коридорам, стены которых были украшены затейливой росписью — китайскими стихами, воспевавшими утонченную прелесть созерцания воды. Последние двери вели в Большой приемный зал. Это были тяжелые бронзовые двери, плавно закругленные наверху; обе створки украшала затейливая резьба. Когда маленькая процессия с Маком во главе приблизилась к ним, они распахнулись без единого звука, как будто приведенные в движение скрытым механизмом — ни слуг, ни стражников, которые могли бы открыть их, не было видно.

И в тот же миг перед Маком появился маленький смуглый человечек — словно из-под земли вырос.

— Как прикажете доложить о вашем прибытии? — спросил он.

— Посол из Офира, — важно ответил Мак. — И его спутница.

Пышный приемный зал ярко освещали факелы, привезенные из Франции специально для дворца Великого хана. В их неживом, холодном, резком свете лица придворных казались застывшими гипсовыми масками. На богатых одеждах сверкали драгоценные камни, словно капли росы на ярких, роскошных южных цветах. На возвышении стоял трон, где сидел невысокий, ничем не примечательный человек средних лет, с маленькими узкими глазами и жидковатой бородкой. Его голову венчал высокий тюрбан, украшенный таким огромным бриллиантом, что Мак сразу понял: этот человек и есть Кубла-хан. По обе стороны от трона были отведены места для особо приближенных лиц и родственников хана — тетушек и дядюшек, нескольких братьев и сестер, их наперсников и ближайшей родни. Чуть поодаль был сооружен другой помост — пониже; там стоял другой трон. На нем в неудобной позе замерла светловолосая белокожая женщи-

на — Мак подумал, что это принцесса Ирена. За спинами придворных стояли рослые солдаты-лучники, держа свои стрелы наготове. Они следили за всеми присутствующими в зале, не доверяя никому. Их узкие черные глаза перебегали с одной фигуры на другую, замечая малейшее движение руки или поворот головы. Над отдельным столиком возвышался высокий островерхий колпак, расшитый звездами и таинственными символами. Его обладатель, худой сутулый старик в длинной мантии, разукрашенной под стать колпаку, очевидно, был придворным мудрецом и звездочетом. Рядом со столиком мудреца стоял изящно одетый молодой человек, судя по внешности — европеец. На нем были панталоны и камзол; щегольской наряд довершала маленькая фетровая шапочка с соколиным пером. Мак догадался, что это знаменитый путешественник Марко Поло.

— Значит, вы прибыли из Офира? — спросил Кубла-хан.

Припомнив недавний разговор с Мефистофелем, Мак заметил, что хан держит в руке какой-то скипетр. Маку казалось, что скипетр этот вовсе не похож на магический предмет; но, с другой стороны, у него не было серьезных оснований не верить Мефистофелю.

Кубла-хан продолжал:

— Вы первый офириец, которого мы принимаем при своем дворе. Или, может быть, правильнее говорить «офирянин»?

— Как вашему величеству больше нравится, — ответил Мак.

— Послушай, Марко! — обратился Кубла-хан к человеку в европейской одежде. — Он, оказывается, европеец!

Молодой человек повернул голову; перо на его шапочке слегка качнулось. Бросив на Мака подозрительный недружелюбный взгляд, он сказал:

— Я с ним незнаком. Как вас звать, милейший, и откуда вы родом?

— Я доктор Иоганн Фауст, — ответил Мак. — Я родился в городе Виттенберге, в Германии. В настоящее время я исполняю обязанности офирского посла.

— Офирского посла?.. В Европе никогда не слышали о таком государстве.

— О, это неудивительно. Мы, офирийцы, большие домоседы. Мы не любим путешествовать, и наша страна не так сильно преуспела в торговом деле, как, например, ваша родная Венеция, Марко.

— А!.. Вам известно мое имя!

— Конечно. Ваша слава бежит далеко впереди вас; она достигла даже Офира.

Взгляд Марко потеплел — знаменитый путешественник был польщен.

— Чем же богата ваша страна? — спросил Марко.

— Всего не перечислишь, — ответил Мак. — Мы торгуем в основном с соседними странами. Мы продаем иноземным купцам золото, серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов.

— Обезьян!.. Это интересно... — задумчиво произнес Марко. — Великому хану как раз нужен надежный поставщик обезьян.

— О, в таком случае вы вряд ли найдете лучшего поставщика, чем Офир, — сказал Мак, широко улыбаясь. — У нас их очень много, на любой вкус: большие обезьяны и совсем крошечные обезьянки, огромные гориллы и оранжевые оранг... оранж... оранг... оранжутаны. И много-много других. Наши обезьяны по качеству соответствуют лучшим мировым стандартам, и я думаю, что мы сможем удовлетворить запросы вашего обезьянника.

— Хорошо. Мы еще вернемся к этому вопросу и уточним некоторые детали. Кажется, перечисляя вывозимые из вашей страны товары, вы упомянули про павлинов?.. Великому хану могут понадобиться павлины — если, конечно, ваши цены не слишком высоки.

— Вам стоит только пожелать, — улыбнулся Мак. — Я сам назначу для вас цену.

В этот самый миг придворный мудрец, мирно дремавший в кресле за своим низеньким столиком, вдруг встрепенулся и выкрикнул резким, дребезжащим голосом:

— Офир, да?.. Это город, расположенный в тех же краях, что и Сава?

— Совершенно верно, — кивнул головою Мак. — Вы угадали.

— Посмотрим, — сказал старик. — Я еще должен сам в этом убедиться.

— Полагаю, вы убедитесь в том, что город наш стоит и дела в нем идут весьма неплохо, — сказал Мак, засмеявшись собственной шутке. Однако все придворные сохраняли серьезный и важный вид — ни один не позволил себе улыбнуться даже уголком рта. Смех Мака прозвучал довольно резко и оборвался.

Кубла-хан, неподвижно сидевший на своем троне, шевельнулся и открыл рот. Взоры всех присутствующих в зале устремились к нему.

— Добро пожаловать, доктор Фауст, офирский посол. Мы принимаем вас при своем дворе, — промолвил хан. — Мы еще побеседуем с вами, ибо, да будет вам известно, мы любим послушать разные истории про дальние страны и рассказы путешест-

венников про их удивительные приключения. Это очень поучительно, и потому мы много говорим со вновь прибывшими к нашему двору. Наш возлюбленный сын Марко услаждал наш слух своими повествованиями, но нашему уху всегда приятно слышать новое от новых людей.

— Я весь к услугам вашего величества, — ответил Мак.

Рот Марко скривился в неприятной усмешке, а хмурый, неприветливый взгляд, устремленный на новичка, стал колючим и злым. Мак понял, что ему не удалось расположить к себе хитрого венецианца, а значит, ему будет сложно приобрести надежных союзников при дворе Великого хана.

— А женщина? — спросил хан.

— Он обращается к тебе! — шепнул Мак своей спутнице.

— Что он говорит? — спросила Маргарита. — Я ни слова не понимаю!

— Я буду говорить за тебя, — сказал ей Мак. Повернувшись к Кубла-хану, он произнес: — Это Маргарита, моя спутница. К сожалению, она совсем не знает монгольского языка.

— Совсем не знает? Как же так? Ведь мы хотим послушать и ее рассказ тоже.

— Я буду переводить вам ее слова. Очень жаль, что она не может сказать ни слова по-монгольски, — она мастерица рассказывать разные истории.

— Не нужно, — возразил Кубла-хан. — Благодаря нашему мудрому распоряжению у нас создан специальный институт — Институт монгольского языка. Опытные учителя очень быстро обучают монгольскому языку тех, кто прибывает к нашему двору, не понимая ни слова по-монгольски. Вы-то сами владеете монгольским языком в совершенстве, мой дорогой Фауст.

— Благодарю вас, — улыбнулся Мак. — Языки — это мое маленькое хобби. Я увлекался ими всю жизнь.

— Но женщину необходимо обучить. Объясните ей, что надо идти на занятия. Сейчас ее проводят в класс. Она выйдет оттуда лишь после того, как научится хорошо говорить по-монгольски.

Мак повернулся к девушке:

— Послушай, мне очень жаль, но я ничего не могу поделать. Они сейчас отведут тебя в класс, где будут учить монгольскому языку.

— О-о, — простонала Маргарита, — опять в школу!.. Все, что угодно, только не это!

— Мне очень жаль, но я ничем не могу тебе помочь.

— Черт возьми! — в сердцах воскликнула Маргарита. — Вот уж не было печали!

Но ей пришлось послушно выйти из зала вместе с двумя девушками-служанками, чьи руки сжали ее локти и мягко, но настойчиво подталкивали спутницу офирского посла к выходу.

Глава 2

Мак шел по бесконечным дворцовым коридорам. Слуга Вонг, приставленный к важной особе офирского посла, чтобы проводить его до отведенных ему комнат, шагал впереди, держа в руке фонарь. Язычок пламени дрожал и колыхался, хотя пахнущий пылью воздух был совершенно неподвижен. Мак не чувствовал ни малейшего дыхания ветра. Проходя по полутемным залам, из которых в разные стороны разбегались коридоры, Мак заметил, что вход в один из этих коридоров прегражден тяжелым малиновым шнуром, подвешенным на двух золотых кольцах, ввинченных в стены коридора. Темный коридор, казалось, скрывал какую-то мрачную тайну.

— Куда ведет этот коридор? — спросил Мак слугу.

— В западное крыло, крыло духов, — ответил Вонг. — Эта часть дворца отведена для духов умерших поэтов. Живым туда входить запрещено. Только сам Великий хан в сопровождении избранных мастеров, служителей искусства, проходит в это крыло, чтобы принести жертвы.

— Какие жертвы?

— Разноцветные камни, морские раковины, мох и многое другое, что любят духи умерших.

И Вонг рассказал Маку, что до Кубла-хана было много правителей, принимавших гостей из дальних стран при дворе и заводивших новые полезные обычаи, но Кубла-хан далеко превзошел их в своей любви ко всему чужеземному. Он резко отличается от остальных монголов: его уши всегда открыты для старинных преданий и легенд, а также для рассказов путешественников, прибывших из заморских краев. Он велел приводить к нему иноземцев, чтобы они рассказывали о своих странах и о том, каковы обычаи в каждой из этих стран. Он также любит слушать рассказы о семьях и родственниках чужестранцев, и, чем длиннее рассказ, тем больше бывает доволен Великий хан. Одно крыло ханского дворца отведено для гостей, прибывших издалека. В этих роскошных покоях разные бродяги, собравшиеся со всего света, могут жить сколько им вздумается, ничего не платя за хлеб и кров.

Во дворце Кубла-хана жили не только знатные особы, послы

и ученые. В гостевых покоях находили пристанище нищие, калеки, попрошайки и мошенники, подонки общества, стекавшиеся во дворец. Однако хан оказывал им столь же щедрый прием, как и всем остальным, ибо он полагал, что этим людям недостает не столько хлеба, сколько поучительных историй. В каждом нищем или попрошайке хан видел погибшего поэта или сказителя. Давая приют несчастным и обездоленным, Великий хан проявлял царственное милосердие, на все лады воспеваемое придворными льстецами.

Вонг подробно описал таинственное западное крыло дворца, крыло духов. Великий хан верил в загробную жизнь; он верил, что души поэтов и сказителей бессмертны, что они обитают в Царствии Небесном, созданном специально для них власть предержащими. Но иногда эти души покидают свою небесную обитель и спускаются на землю, ибо поэты черпают вдохновение из земных источников. Духи охотнее всего посещают те места, с которыми связаны самые яркие впечатления и дорогие воспоминания — как радостные, так и печальные. Странствуя по свету, духи нередко попадают под влияние посторонних сил. С помощью специальных обрядов и заклинаний искушенные в тайных науках люди могут привлечь какого-нибудь духа, случайно проходящего мимо. Это значит, что духов можно заманить и в ханский дворец — нужно только показать им, что здесь всегда будут рады появлению нового поэта или сказителя, особенно если дорогой гость давно умер. Поэтому в западном крыле дворца были отведены специальные покои, где днем и ночью горели ароматизированные свечи, а в золотых курильницах дымились ладан и драгоценное сандаловое дерево. В полутемных залах лежали мягкие звериные шкуры, блестящие осколки разбитых зеркал, куски янтаря, кристаллы горного хрусталя, старинные серебряные монеты, разноцветные камни и множество других вещей, притягательных для любого духа. Духи слетались в западное крыло, как воробьи на рассыпанное зерно, и часто какой-нибудь дух, насладившись видом столь дорогих ему предметов, в благодарность за этот роскошный пир посылал хану чудесный сон.

Благодаря частым посещениям духов хан видел удивительные сны. Ему снились огромные киты, человек в белом плаще с красным подбоем, торжественно выкрикивавший слова на незнакомом языке перед притихшей толпой, фигуры людей в черных капюшонах, низко надвинутых на глаза (хану было известно лишь то, что эти люди — заговорщики; но кто они и зачем собрались в полночь в мрачном подземелье, Кубла-хан не знал), снились всадники, скачущие по заснеженным полям. Ему сни-

лось, что он блуждает по темному лесу, сбившись с дороги, снилось, что он должен сделать выбор между прекрасной принцессой и тигром... Таким образом, хан мог наслаждаться своими любимыми волшебными сказками и необычайными приключениями дни и ночи напролет; сама жизнь для него была лишь продолжением сна. Порою зыбкая граница между сном и реальностью совсем стиралась, и сам хан не мог вспомнить, была ли его греза сном или он услышал эту повесть из уст очередного сказителя. В глубине своей души Великий хан лелеял мечту перенестись после смерти в те небесные чертоги, где обитают души поэтов, и, восседая на высоком золотом троне, внимать рассказам духов.

Комнаты, отведенные офирскому послу, были обставлены с восточной пышностью. Мак обнаружил, что обычаи, принятые при дворе Великого хана, не только необременительны, но, напротив, очень приятны. Недоучившийся студент, проведший почти всю свою вольную жизнь в дешевых трактирах и на постоялых дворах, никак не мог пожаловаться на отсутствие комфорта. Мягкая постель, вышколенная молчаливая прислуга, подававшая ему изысканные яства и напитки и подогретую воду для умывания, — такую роскошь в Европе мог позволить себе далеко не каждый знатный господин. Сперва Маку казалось странным, что челядь, прибирающая в его комнатах или подающая ему воду и сервирующая стол, не обращает на него абсолютно никакого внимания и ведет себя так, словно его нет дома, однако позже он оценил все вытекающие из этого удобства: ничто не нарушало его покоя, никто не мешал ему предаваться размышлениям. А размышлять ему приходилось много: ведь он прибыл во дворец Великого хана не по своей воле и отнюдь не из простого любопытства, как большинство обитателей гостевых покоев. Ему нужно было исполнить поручение Мефистофеля. Эта мысль не выходила у Мака из головы, не давала ему беспечно наслаждаться жизнью.

Для начала Мак решил познакомиться поближе с тем человеком, чью жизнь ему было предложено спасти, — с Марко Поло, знаменитым путешественником. Отвести от Марко нависшую над его головой угрозу означало, по мнению Мака, совершить доброе дело. Чем дольше он размышлял, тем больше ему нравился такой способ действий: Мак считал, что он, по крайней мере, никому не причинит вреда. Расстраивать брак принцессы Ирены и искать ей другого жениха казалось ему крайне

сложным и рискованным делом; к тому же он ни разу не видел саму принцессу. Что касается похищения магического скипетра у Кубла-хана, то этот план Мак отверг в самом начале, ибо трон Великого хана охраняли двое монгольских воинов, вооруженных луками. Стоило кому-нибудь из присутствующих в зале сделать неосторожное, резкое движение или просто оступиться, как стрелы ложились на тугую тетиву. Пытаться приблизиться к трону Кубла-хана, а тем более похитить скипетр прямо из его рук означало идти на верную смерть.

Итак, для начала нужно было разузнать побольше о Марко.

— Скажи мне, — обратился Мак к слуге Вонгу, — не живет ли Марко Поло где-нибудь поблизости?

— Ему отведены комнаты в гостевых покоях, — ответил тот, — но кроме того, ему принадлежат несколько больших домов в городе, несколько загородных поместий, где построены великолепные дворцы, и еще у него есть земли далеко за пределами...

— Остановись! — воскликнул Мак, рассмеявшись. — Меня не интересует его недвижимое имущество. Я только хотел узнать, где его можно найти.

— Сейчас он находится в Главном банкетном зале. Он наблюдает за тем, чтобы зал был должным образом украшен для пира в честь Великого хана, который будет устроен во дворце сегодня вечером.

— Пожалуйста, проведи меня в этот зал.

Глава 3

В Главном банкетном зале царила суматоха: здесь готовились к торжественному событию — пиру в честь Великого хана. Слуги, словно мыши, бегали взад и вперед по залу и ближайшим коридорам; несколько человек, взобравшись на высокие лестницы, развешивали на стенах пестрые флажки, вымпелы, длинные шуршащие бумажные ленты и разноцветную мишуру. Мак огляделся кругом — Главный банкетный зал был достаточно просторным, чтобы вместить несколько сотен человек. Высокий потолок поддерживали восемь массивных колонн; основанием каждой из этих колонн служили кубические каменные глыбы, на которых размещались украшения, сразу привлекавшие к себе внимание, — отрубленные человеческие головы. Вокруг каждой колонны возвышалась пирамида из отрубленных голов — некоторые еще кровоточили, другие были покрыты пятнами засохшей крови; иные, со сморщенной кожей, свисавшей с дряблых

щек, были чуть тронуты трупной зеленью, а несколько голов казались выкопанными из старых могил — носы их провалились, а кожа почти совсем сошла со лбов и щек, обнажив гниющую плоть и желтые кости черепа. В центре зала стоял огромный чан, наполненный кровью; две фигуры в плащах с низко надвинутыми на глаза капюшонами наклонились над чаном, перемешивая кровь, чтобы она не свернулась. Марко Поло стоял неподалеку от них, подбоченясь и задрав подбородок. Он глядел на пирамиды отрубленных голов, словно художник, созерцающий написанную им картину.

Несколько минут Мак стоял неподвижно, потрясенный этим мрачным зрелищем, затем решительно направился к Марко.

— Какая великолепная декорация из отрубленных голов, — произнес он, растягивая губы в улыбке, — ряды так ровны, словно их высоту и ширину отмеряли по линейке.

Знаменитый путешественник, поглощенный своим занятием, едва удостоил его взглядом и кратким ответом:

— Благодарю вас. Однако кое-что нужно подправить.

И он закричал слугам, хлопочущим возле восьми зловещих пирамид:

— Ровнее, ровнее кладите головы вон в той пирамиде! Поправьте пятую слева в верхнем ряду! Я не хочу, чтобы они рассыпались! Мне нужно добиться впечатления монолитности. Этот эффект достигается за счет максимального уплотнения. Кладите выше, еще выше — вот так! Возле каждой колонны должна возвышаться двухметровая пирамида голов. Я знаю, что они не могут держаться сами собой. Однако вам нужно сделать так, чтобы со стороны казалось, будто они держатся. Скрепите их чем-нибудь — проволокой или тонкой веревкой, — только чтобы не было заметно снаружи. И вытащите из общей кучи вон то старье! Долой все подпорченные, почерневшие головы! У них такой вид, словно они пролежали в земле несколько десятков лет! На этом пиру нет места прошлому. Мы устраиваем праздник в ознаменование настоящих и будущих побед Великого хана, а значит, зал должен быть украшен только что отрубленными головами; желательно, чтобы кровь текла из ран. Если крови будет мало, добавьте несколько ковшей из чана.

Несколько минут Мак и Марко молча наблюдали за тем, как слуги суетятся вокруг каменных оснований колонн, исполняя распоряжения Марко. Мак сказал с видом знатока:

— Теперь, конечно, стало еще лучше.

— Правда?

— О да. У вас, венецианцев, острый глаз и отменный вкус к подобным вещам.

— Благодарю вас. Если я не ошибаюсь, вы прибыли из Офира?

— Да, — кивнул головою Мак. — Но не будем говорить обо мне, тем более что я новичок при дворе и моя скромная персона вряд ли представляет интерес для прославленного путешественника. Я хочу сказать вам, что я рад нашей встрече и возможности побеседовать с таким выдающимся человеком, как вы. Я восхищаюсь вами, Марко. Я и мечтать не смел о том, чтобы встретиться с величайшим повествователем своего времени, а может быть, и последующих веков.

— Это характеризует вас как тонкого ценителя и вообще любознательного человека, — лукаво усмехнулся венецианец. — Но ведь вы сами в некотором роде... повествователь, не правда ли? Я имею в виду вас и ваш Офир, разумеется. Неужели у вас не найдется нескольких волшебных историй про вашу *сказочную* страну?

— Ах, — вздохнул Мак, очевидно не поняв скрытого намека. — Боюсь, моя история покажется короткой и скучной. Кому интересен Офир? Кроме обезьян, павлинов и слоновой кости, там нет ничего, о чем стоило бы упомянуть.

Улыбка Марко стала неприятной.

— Допустим. Надеюсь, вы понимаете, что при дворе слишком мало места для *двух* повествователей, если они рассказывают об одних и тех же вещах.

— О, здесь я вряд ли смогу оказаться вам достойным соперником. Ваш непревзойденный опыт и искусство делают вас самым выдающимся из мастеров рассказа. Между прочим, именно поэтому я пришел сюда. Я хотел бы получить ваш автограф, Марко.

— У вас есть моя книга?

— Да, это поистине самое дорогое, что у меня есть... Точнее, было, поскольку эти негодные арабские воришки стащили у меня единственный экземпляр, когда я проезжал через Приволжскую возвышенность.

— Напоминает приключенческий роман, — усмехнулся Марко.

— Нисколько, — возразил Мак, прекрасно помня о том, *кому* отводится роль главного придворного лгуна. — Самое обычное мелкое воровство, ничего больше. Очень жаль, что у меня не сохранилась эта книга. Осмелюсь попросить вас об одной любезности — начертать вашу подпись на листочке бумаги. Я вклею

этот листок в книгу, когда мне удастся раздобыть еще один экземпляр.

— Может быть, у меня сохранился один экземпляр, — сказал Марко, теряя интерес к беседе. — Я могу уступить его вам.

— Ваш единственный экземпляр! Как можно! Я никогда не решусь воспользоваться вашей добротой! — воскликнул Мак.

— Если хотите знать, у меня хранится несколько экземпляров моей книги, — зевнув, ответил ему Марко.

— Это большая честь для меня — получить книгу из ваших рук, — слова полились из уст Мака подобно струе воды, бьющей из фонтана. — Надеюсь, вы окажете мне еще большую честь, позволив сопровождать вас и ограждать от тех, кто плетет гнусные интриги вокруг столь славного человека, как вы.

— Интриги? — переспросил Марко. — Как вы смогли узнать о них — ведь вы совсем недавно появились при дворе?

— Очень просто, — сказал Мак. — Всякий, кому посчастливилось обладать столь тонким умом, как ваш, и стяжать великую славу, непременно наживает при дворе много врагов. Я почту за счастье служить вам и охранять вас.

— Если вы действительно хотите помочь мне, то, пожалуй, вы можете кое-что сделать.

— Я к вашим услугам.

Марко размышлял несколько секунд, затем произнес:

— Я полагаю, что, будучи офирским послом, вы владеете многими иностранными языками.

— Это обязательное условие для каждого, кто хочет занять должность посла, — ответил Мак, поклонившись.

— Мне известно, что вы знаете немецкий, французский, монгольский и персидский.

— Это весьма распространенные языки, и знать их необходимо.

— А как насчет тюркских языков? Турецкого? Фарси? Туркменского?

— Полагаю, я сумею с ними справиться.

— А с языком племени пушту?

— Я не совсем уверен... Не будете ли вы любезны произнести несколько слов на этом языке — мне легче воспринимать слова на слух, чем рассуждать о лингвистических тонкостях.

— Хорошо, — ответил Марко. — Слушайте.

Выпятив губы, он издал несколько странных звуков. Это должно было означать: «Вот несколько слов на языке пушту».

— Да, — сказал Мак. — Я понял.

— Вот и хорошо, — сказал Марко. — Принцесса Ирена гово-

рит только на языке пушту, не утруждая себя изучением монгольского. Ей не с кем разговаривать, поскольку никто не владеет языком, на котором говорит принцесса.

— Кроме вас, разумеется, — вставил Мак.

— К сожалению, я не могу похвастаться знанием этого языка. Единственная фраза, которую я разучил, это: «Вот несколько слов на языке пушту». Изучение иностранных языков отнимает очень много времени, вы знаете, а я постоянно занят.

— Очень жаль, — ответил Мак.

— Но ваше знание языка пушту очень кстати, — продолжал Марко. — Я хочу, чтобы вы пошли к принцессе и побеседовали с ней. Ей будет приятно поговорить на своем родном языке. И конечно, ваш рассказ об Офире, об обычаях и нравах этой страны, немного развлечет ее.

— Я думаю, не стоит занимать принцессу такими пустяками, как рассказы об Офире, — сказал Мак. — В общем, Офир мало чем отличается от любой другой страны. Но если вы считаете, что принцесса благосклонно отнесется к моей болтовне, я сделаю все, что в моих силах, чтобы развеселить ее. Располагайте мною, как вам угодно. Я тотчас же отправлюсь к принцессе.

И Мак вышел из Главного банкетного зала, удивляясь, как легко ему удалось проникнуть в самые высокие круги монгольского двора.

Глава 4

Покинув Главный банкетный зал, Мак пошел по бесконечным коридорам. Коридоры во дворце Великого хана представляли собой настоящий лабиринт, в котором новичку было очень трудно ориентироваться. К счастью, он выбрал верное направление и ни разу не сбился с дороги. Однообразие коридоров и галерей, через которые проходил Мак, угнетало его; ему казалось, что он обречен целую вечность шагать по гладкому полу и по пологим лестницам, ведущим в никуда. В каждом коридоре висели клетки с птицами — они качались на длинных золотых цепях, прикрепленных к потолку. Шагам Мака вторило приглушенное эхо; порою в полумраке коридора в нескольких шагах впереди него возникала фигура собаки или грациозного оцелота — звери свободно бродили по дворцовым коридорам, не обращая особого внимания на людей. Иногда до ушей Мака долетали отдаленные звуки труб, ревущих на высоких и резких нотах, сопровождаемые грохотом большого барабана. Дважды Мак сталкивался с

разносчиками питья и кушаний — на их лотках стояли кувшины и чаши, на серебряных блюдах лежало мясо, зажаренное на палочках, и ароматные монгольские энчилады. По распоряжению Великого хана разносчики обходили все коридоры, чтобы заблудившиеся в этом огромном лабиринте гости, тщетно пытающиеся отыскать дорогу в трапезную, не страдали от голода и жажды.

Мак спустился в нижние покои дворца, где не было окон, но по пути часто попадались искусно выполненные диорамы. Он проходил мимо небольших березовых рощиц — в траве были расставлены чучела лесных зверьков, — попадал в тропические джунгли, где из-за деревьев выглядывали озорные обезьянки, шел по берегам спокойных рек. Эти подделки, конечно, не могли заменить живую природу, но они разнообразили унылую пустоту галерей, и благодаря им человек, блуждающий по длинным коридорам, не чувствовал себя пойманным в каменный мешок. Всюду, где только хватало места, создавалась иллюзия свободного пространства — художники, прекрасно владеющие перспективой, рисовали пейзажи, а возле них ставили уменьшенные копии деревянных храмов, напоминающие кукольные домики.

Наконец один из длинных коридоров вывел Мака в широкий внутренний двор, вымощенный каменными плитами. Мак увидел много вооруженных воинов — разбившись на группы по нескольку человек, они выполняли сложные упражнения с мечами, пиками и алебардами: одни нападали, другие отражали удары. Наставники в красных повязках наблюдали за воинами, заставляя отрабатывать каждое движение по нескольку раз. Проходя между рядами воинов, глядя на потные спины и утомленные лица, Мак подумал, как это должно быть скучно — каждый день и в жару, и в холод, по нескольку часов заниматься военной подготовкой в этом неуютном внутреннем дворе под надзором строгих наставников, приказывающих снова и снова повторять сложные фигуры поворотов, взмахи мечами, удары пиками.

Медленно пробираясь на другой конец двора, где начинался коридор, ведущий в покои принцессы Ирены, он глядел на упражняющихся воинов и прислушивался к разноязыкой речи — очевидно, гвардию, охраняющую дворец, набирали из разных мест. Благодаря заклинанию Мефистофеля Мак мог понять речь каждого из воинов, но он слушал довольно рассеянно — ведь в грубых репликах, которыми перебрасываются друг с другом простые солдаты, нет ничего интересного. Однако имя Марко Поло, повторенное несколько раз, привлекло его внимание. Он огля-

делся, чтобы выяснить, откуда долетел до его ушей обрывок разговора, и заметил двоих рослых бородатых воинов.

Они только что закончили упражняться в фехтовании и теперь стояли чуть поодаль от остальных. Оба были одеты в кожаные рубахи и штаны, на которых были нашиты бронзовые бляхи. Их курчавые волосы блестели от ароматных масел и бальзамов, которыми они смазывали головы, следуя финикийскому обычаю. Первый воин спросил:

— Ну, так что же ты хотел мне сказать про Марко Поло?

Другой ответил:

— Не следует говорить об этом в таком людном месте.

— Не волнуйся, — сказал первый. — Здесь никто, кроме нас, не говорит на хайфасском диалекте среднеарамейского языка.

Действительно, это был очень своеобразный диалект, непривычный для уха европейца. Однако Мак понял его так же легко, как понимал родную речь; он отчетливо различал каждый звук вплоть до твердых приступов. Остановившись неподалеку от этих двоих солдат, Мак сделал вид, что поправляет соскочивший с ноги башмак, и стал внимательно слушать.

— Пора приводить в исполнение наш план, — сказал второй солдат. — Сама Судьба помогает нам: сегодня вечером нас поставят охранять банкетный зал во время пира. Тогда мы *это* с ним и сделаем.

— Убьем, да?

— Его смерти желает сам владыка Финикии. Я получил от него письмо, отправленное с почтовым голубем. Мы должны сделать это сейчас, пока он не уехал из Пекина и не заключил торговых соглашений, ущемляющих интересы нашего славного города Тира.

— Да здравствует Тир! — воскликнул первый.

— Тише ты, болван! Будь готов сегодня вечером.

И двое заговорщиков вновь начали звенеть мечами, выполняя сложные приемы фехтования. Мак помедлил еще немного, застегивая ремешки башмака, затем выпрямился и пошел через внутренний двор к коридору, ведущему в покои принцессы. На душе у него было радостно: благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось раскрыть тайный заговор, и таким образом поручение Мефистофеля казалось ему уже наполовину выполненным. Он решил разыскать Марко Поло сразу же после беседы с принцессой и сообщить венецианцу об опасности, угрожающей его жизни.

Принцесса Ирена скучала в своих покоях. Приход офирского посла внес некоторое разнообразие в ее унылую жизнь, подчиненную строгим правилам дворцового этикета.

— Вы должен понимать, — сказала принцесса, когда они шли во внутренние комнаты по роскошным коврам, заглушавшим шаги. — Я много любить гости, но плохо говорить монгольска.

— Именно это обстоятельство явилось причиной моего визита к вам, принцесса, — ответил Мак на безупречном языке пушту. — Поскольку я немного знаю ваш родной язык, я взял на себя смелость предстать перед вами, ибо решил, что вы изволите побеседовать со мной до того, как наступит время пира, вы понимаете?

Принцесса вздрогнула и остановилась, прижав руки к груди. Глаза ее казались огромными и сияли, как звезды. Несколько мгновений она стояла неподвижно, в упор глядя на Мака — казалось, из ее глаз вот-вот польются слезы. Она никак не ожидала услышать родную речь из уст этого белобрысого незнакомца. Молодой человек говорил на языке пушту без малейшего акцента, не путал суффиксы и приставки (вечный камень преткновения для чужеземца, собирающегося овладеть этим языком), правильно расставлял ударения, не пропускал ни одного придыхания в начале слов и четко произносил все фрикативные согласные. Все это казалось принцессе таким же чудом, как если бы она увидела в глубоком январском снегу цветущие фиалки. Это растопило лед ее высокомерия, с которым благородная принцесса относилась ко всему новому и непривычному.

— О, язык, на котором говорила моя мать! — возбужденно воскликнула она. — Я никогда не думала, что при монгольском дворе найдется хоть один человек, знающий его. Вы же владеете им так, словно говорили на нем всю жизнь.

— С вашего позволения, я всего лишь призываю свои скромные способности на службу вашему высочеству, — сказал Мак, произнося труднейшую фразу с легкостью прирожденного лингвиста.

— Ах, как замечательно, что мне теперь можно говорить на родном языке! — сказала принцесса. — Я так плохо говорю по-монгольски, что произвожу жалкое и глупое впечатление, хотя, между прочим, я глубоко изучала офирскую литературу, а также

кушскую и савскую, и даже написала несколько трактатов на эту тему.

— Я, к сожалению, не столь хорошо разбираюсь в этих вещах, как ваше высочество, но предмет ваших занятий представляется мне серьезным и важным.

— Для меня сейчас важнее всего то, что вы можете говорить со мной, — улыбнулась принцесса, — а я — с вами. Проходите сюда, присаживайтесь, отведайте вот эти сласти и вино и расскажите о себе. Я хочу знать, какими судьбами вы очутились здесь, в Пекине.

Опустившись на низкий диван с грудой разноцветных подушек, Мак принял из рук принцессы бокал вина. Принцесса села рядом с ним. Это была высокая, хрупкая белокожая блондинка; ее обнаженные плечи были далеко не безупречной формы и не вызывали восхищения у Мака. Глаза, прикрытые пушистыми ресницами, ежеминутно меняли свой цвет, как морские волны. По суетливым, нервным движениям рук и высокому, резкому голосу в ней можно было определить тот истерический женский тип, к которому принадлежали многие царственные особы женского пола. Принцесса еле сдерживала свои эмоции, и драгоценные браслеты на ее запястьях звенели всякий раз, когда она делала тот или иной жест.

— Они привезли меня сюда из Страны Высоких Знамен, — говорила она, — и в конце концов решили выдать замуж за этого персидского шаха. Судите сами, разве это справедливо? Папочка обещал мне, что я выйду замуж за кого захочу. А потом... все так изменилось с тех пор, как Великому хану понадобилась принцесса из нашей семьи. Я хотела выйти за Вигура, но его отравили.

— Такова судьба женщин, в чьих жилах течет царственная кровь, — сказал Мак. — Их браки скрепляют договоры между могущественными державами. Но, с позволения вашего высочества, я не вижу ничего плохого в браке с персидским шахом. На мой взгляд, это прекрасная партия...

— Я видела его портрет! — перебила Мака Ирена. — Если б вы сами его увидели, вы бы так не говорили. Он толстый, жирный, противный. Старый. У него редкие волосы. И рот какой-то кривой. У него вид полного импотента. И дурака. Он говорит только по-персидски.

— Ну, это последнее еще не такая большая беда, — сказал Мак. — Вряд ли ваше высочество может причислить знание персидского языка к его недостаткам.

— Я вообще не хочу иметь с ним ничего общего, не хочу ду-

мать о нем! — сказала принцесса, дрожа всем телом. — Если даже на портрете он выглядит таким уродом, то представьте себе, каков он на самом деле. Что ж, если меня все-таки выдадут за него замуж, ему же будет хуже. *Я никогда* не рожу ему детей, и его род угаснет!

Мак сочувственно покивал головой, размышляя, к чему может привести такой поворот событий. Если у принцессы не будет детей, это не сможет не отразиться на будущих поколениях. Любое, даже самое незначительное событие может внести огромные изменения в неразрывную цепь причин и следствий, которую люди называют историей. Но насколько глубокими будут эти изменения, Маку не дано было знать. Он не мог даже приблизительно оценить их масштабы. Размышляя об этом, Мак отвлекся от разговора с принцессой, пока ее голосок не прозвенел возле самого его уха:

— Отведайте инжира. У него нежный вкус, но ему, конечно, далеко до вкуса ваших губ.

— Принцесса!.. — воскликнул Мак. Откровенный призыв, прозвучавший в ее словах, удивил и озадачил его. Хотя он всегда был о себе высокого мнения и успел кое-что повидать на своем веку, сейчас он растерялся, как школьник, — настолько странным было поведение его собеседницы. Он боялся поднять глаза, чтобы не встретиться с нею взглядом, и начал сосредоточенно разглядывать загнутые кверху носки своих мягких кожаных башмаков.

— Я буду откровенна, — продолжала Ирена. — Другого случая может не представиться. — Она придвинулась совсем близко и прижалась к нему всем телом, обвив тонкими руками его шею. — Как ты сказал тебя зовут, золотко?

— Иоганн Фауст, ваш покорный слуга. Но, принцесса...

— Ионни, я не могу устоять перед твоими чарами. Ты завоевал меня своим медовым языком... Ах, не противься же, подожди немного — я только сниму вот это... — Она теребила липкими от сластей пальцами шнурок корсета, стягивающего ее стройную талию. Мак в это время пытался отодвинуться от нее как можно дальше, но ему мешали мягкие диванные подушки. Они начали бороться; принцессе удалось опрокинуть перепуганного Мака на спину. Он почувствовал, как ее гибкое тело прижимается к его бедрам, сделал еще одну отчаянную попытку освободиться и снова потерпел неудачу. Мак не имел ничего против энергичных женщин, но сейчас он попал в довольно скверную историю: ведь если кто-нибудь узнает о том, чем он занимался в покоях принцессы, для него это маленькое приключение может

закончиться весьма печально. Мозг его лихорадочно работал, пытаясь найти достойный выход из положения. Тем временем принцесса начала расстегивать его камзол, одновременно с этим умудряясь делать множество разных вещей — расшнуровывать корсет, снимать туфли и жевать засахаренные фрукты. Барахтаясь в диванных подушках, Мак размышлял о том, занималась ли раньше принцесса Ирена такими вещами с кем-нибудь из мужчин и если да, то какая участь ждала тех несчастных, если их заставали вместе с нею. Ему показалось, что Марко предупреждал его об этом...

Но не успел он собраться с мыслями, как дверь, ведущая во внутренние покои, распахнулась. Вскочив на ноги и кое-как оправляя одежду дрожащими руками, Мак увидел, что в комнату входит молодая стройная женщина. Она шла очень быстро, и край ее длинного платья из сверкающей ткани неопределенного цвета волочился за нею по полу наподобие шлейфа. Удивление Мака перешло всякие границы: он никак не мог понять, откуда появилась эта женщина и что она здесь делает. У незнакомки были темные волосы и большие темные глаза; одета она была несколько необычно. Приглядевшись внимательно, в ней можно было угадать неземное создание — одну из дочерей Эфира, которые являются смертным поэтам и художникам в минуты божественного озарения.

— Кто вы? — спросил Мак дрогнувшим голосом.

— Я Илит, штатная сотрудница сил добра, официально назначенная наблюдателем за событиями, связанными с новой Тысячелетней войной сил света и тьмы. А вы, доктор Фауст, совершили столь тяжкий проступок, что, боюсь, отныне дорога к добру будет для вас навсегда закрыта.

Глава 6

Илит проходила школьную практику в одном из так называемых параллельных миров, о которых (если, конечно, читатель помнит) Князь Тьмы Мефистофель недавно рассказывал Маку, причем Мак не понял почти ничего из пространных объяснений Мефистофеля. Этот мир сформировался в результате ответвления от основной линии земной истории и теперь существовал почти самостоятельно. В задачу Илит входило совершать добрые дела там, где это возможно, таким образом изучая добро на конкретных жизненных примерах и повышая свое мастерство в совершении честных и благородных поступков — основном ремес-

ле всех ангелов. Упросив Гермеса Трисмегиста дать ей шанс проверить на деле свои теоретические знания, полученные в Гуманитарном Учебном Ангельском Центре, она получила направление в этот мир в качестве ангела-практиканта. Ей нравилось постигать тонкости науки добра, которой в совершенстве владеют все духи, обитающие в Вышних Сферах; нравилось самой творить добро; нравились те, с кем ей приходилось работать. Попробовав себя в роли ангела (хотя бы даже еще только-только начинающего и неопытного), она поняла, что эта роль ей как нельзя более подходит. Ее огорчало только одно: ей казалось, что за время своей практики она сделала ничтожно мало и что она может (а следовательно, должна) сделать намного больше. К тому же, хотя этот мир мало чем отличался от Земли, все же это была *не настоящая* история, а лишь одна из ее альтернативных «ветвей» (очевидно, возникших в результате совместных экспериментов сил света и тьмы). Поэтому юная практикантка очень обрадовалась, когда сам архангел Михаил позвонил по прямой линии связи, соединяющей ее мир с небесными сферами, и попросил срочно позвать ее к телефону.

— Алло, Илит, — сказал ей Михаил, — мне интересно знать, как там у тебя идут дела?

— Прекрасно, — ответила она, — только я очень скучаю по настоящему делу. Мне бы хотелось скорее приступить к серьезной работе...

— Вот молодец! — похвалил ее Михаил. — Сразу видно, что из тебя получится примерный ангел. Слушай, у нас есть одно поручение — как раз для духа с твоими способностями. Надеюсь, ты следишь за важнейшими событиями, происходящими в нашем мире? Я имею в виду новую Тысячелетнюю войну между светом и тьмой. Слышала ли ты что-нибудь о ней?

— Конечно, — сказала Илит, — у нас все только об этом и говорят.

— Обе стороны, участвующие в войне, могут послать своих наблюдателей на место проведения решающего эксперимента — по одному наблюдателю от светлых и темных сил. Таким образом, ни одна из сторон не сможет получить никаких преимуществ в борьбе — например, заставляя смертного участника Великого спора совершать поступки, которые в конечном счете сыграли бы на руку свету или тьме. Я хотел предложить тебе вернуться на Землю и проследить за действиями Мефистофеля и Мака.

— Я поняла, — ответила Илит. — Считайте, что я уже там.

— Эй, подожди! — окликнул ее Михаил. — Возьми вот этот амулет.

— Но, Михаил... — удивилась она.

— Это отнюдь не подарок, — возразил архангел. — Этот амулет делает невидимым всякого, кто им обладает. Я хочу, чтобы ты незаметно наблюдала за всем, что происходит, оставаясь невидимой.

— Хорошо. До встречи! — Илит тут же исчезла, словно ее и не было.

Она догнала Мака в самом конце его константинопольских приключений и, будучи невидимой, последовала за ним в Пекин. Пользуясь свободой, которую дал ей волшебный амулет, она вошла в покои принцессы и застала Мака и Ирену в самый неподходящий момент. Поза этой парочки, лежащей на мягких диванных подушках, была столь откровенна, что молодая практикантка тотчас же сделала соответствующие выводы.

Принцесса Ирена была ошеломлена внезапным появлением в своих покоях незнакомой женщины; к тому же вид у незнакомки был несколько необычный: пушистые стриженые волосы падали на плечи, а стройный стан облекали ангельские одежды — целомудренные, но в то же время так соблазнительно подчеркивающие женственную прелесть ее фигуры!

— О боже! — воскликнула принцесса. — Что случилось?

— С тобой — *ничего,* я надеюсь, — ответила ей Илит. — Но мне нужно серьезно поговорить с этим молодым человеком. — Легким кивком головы она указала на Мака, который медленно пятился назад, не решаясь сделать то, что ему сейчас больше всего хотелось сделать, — броситься бежать со всех ног, чтобы очутиться как можно дальше от этой сумасшедшей из потустороннего мира.

— Пожалуй, — строго произнесла Илит, — мне следует увести его отсюда, ибо то, что я собираюсь ему высказать, отнюдь не предназначено для ушей невинной девушки.

Повернувшись лицом к Маку, она добавила тоном, не допускающим никаких возражений:

— Идите за мной, молодой человек.

Она провела Мака в просторный холл, где его недавно встретила принцесса Ирена; пройдя дальше по коридору, они вошли в соседние покои, пустовавшие в данный момент. Просторная комната, в которой они оказались, была почти точной копией той, в которой принимала Мака принцесса Ирена, — вероятно, это помещение было заблаговременно приготовлено для другой

принцессы из маленькой страны, владеющей только одним языком.

Илит присела на краешек стула. Она сидела очень прямо, сдвинув колени, — ни дать ни взять классная дама перед своими юными воспитанницами. Смущенный Мак стоял перед нею, словно провинившийся школьник.

— Вы меня разочаровали, доктор Фауст, — начала Илит суровым тоном.

— Я? — переспросил Мак. — Что же я сделал?

— Не прикидывайтесь невинной овечкой, уж меня-то вам не провести. Я была в соседней комнате и все слышала.

— Правда?.. Ну и что же? — ответил Мак, тщетно пытаясь припомнить, что он говорил принцессе перед тем, как в комнату ворвалась эта женщина.

— Я все слышала! Вы пытались соблазнить невинную принцессу, пользуясь тем преимуществом, которое дает Малое Речевое Заклинание. Очевидно, Мефистофель открыл вам это тайное заклинание, чтобы вам удобнее было обделывать свои грязные делишки!

— Послушайте, — возмутился Мак, — вы либо ошибаетесь, либо не за того меня принимаете. Я ведь ничего с ней *не делал*!

— В таком случае как вы объясните тот шум, который я слышала из соседней комнаты? Мне показалось, что там происходит какая-то борьба. К тому же поза, в которой я вас застала...

— Это *она* пыталась соблазнить меня! — воскликнул Мак, теряя терпение. — *Она* меня, а не я ее, вам понятно?

Илит презрительно скривила свои красивые полные губы. Когда-то она была ведьмой — пышнотелой, с крепкими мускулами, которым могли бы позавидовать многие мужчины. Это было довольно давно (по земным меркам, разумеется) — в середине прошлой эры, но события тех дней, когда она со всей страстью своей юной, неопытной души служила темным силам, еще были довольно свежи в ее памяти. Она постигла прелесть возвышенной, духовной любви лишь в самом конце прошлой эпохи, когда без памяти влюбилась в Гавриила, синеокого златокудрого ангела с таким бесстрастным взором, что в первый миг молоденькой ведьме показалось, будто светло-голубые глаза ее возлюбленного вобрали в себя холод всех ледников мира. Это случилось во время прошлой Тысячелетней войны между двумя Великими Силами. Главнокомандующим силами тьмы был назначен уже знакомый нам демон Аззи, пытавшийся переписать историю о Прекрасном принце на свой лад. Илит была подружкой Аззи и помогала ему до тех пор, пока не встретила Гавриила.

Забыв своего прежнего друга ради новой любви, она оставила ремесло ведьмы. Любовь преобразила ее (как видно, эта могучая сила властна не только над смертными, но и над существами из мира духов); и, отрекшись от зла, она стала пламенной поклонницей добра, ибо добро было *его* стезей. Принеся нерушимые клятвы духа служить добру, Илит вся отдалась своему новому служению. Раньше она была легкомысленным, беспечным созданием, и самой серьезной проблемой, с которой она сталкивалась, был выбор наряда для предстоящей вечеринки (которые, к слову сказать, она очень любила). Теперь она стала законченным синим чулком и строгой блюстительницей нравов, каких уже очень давно не видели на Небесах: поистине, воинствующими фанатиками становятся отнюдь не праведники, а раскаявшиеся грешники — те, кто однажды уже оступился. Бывшая ведьма следовала добру и правилам хорошего тона (поскольку эти две вещи неразрывно связаны между собой) с тем же неутомимым усердием, с которым она когда-то предавалась пороку. Казалось, она не знала меры ни в чем; и иногда ее поступки удивляли даже видавших виды старейших представителей светлых сил, которые за долгие годы трудов во имя Добра уже успели разобраться, как вещи выглядят на самом деле. «Она еще просто слишком неопытна, — говорили они, качая головами. — Это ничего. Пройдет некоторое время, и она научится». Но время шло, а она все никак не могла научиться.

— Вы злоупотребили своим положением, — отчитывала Илит Мака. — Вас прислали сюда отнюдь не затем, чтобы вы соблазняли молоденьких девиц, используя Речевое Заклинание. Вы — участник серьезного научного эксперимента, а ведете себя, как проказливый мальчишка! Вам было поручено серьезное задание, а вы, вместо того чтобы выполнять его, проводите время за легкомысленной болтовней и любезничаете с девушками. Я подам на вас жалобу в Объединенный Совет Высших Сил света и тьмы — я уверена, что она не останется без внимания и вам придется отвечать за все ваши проступки. А пока я позабочусь о том, чтобы вам больше не удалось натворить здесь никакого безобразия.

— Подождите, — взмолился Мак, — выслушайте меня...

Он хотел подробно рассказать ей, как все было на самом деле, но Илит ничего не желала слушать. Она считала, что это просто очередная ложь дерзкого соблазнителя, воспользовавшегося неопытностью своей жертвы и пытающегося избежать заслуженного наказания.

— Я помещу вас в такое место, где вы никому не сможете причинить зла, — сказала Илит. — Я посажу вас в Зеркальную тюрьму, голубчик мой.

Отчаяние придало Маку сил, и он был готов сопротивляться. Он поднял руки, защищаясь, — неизвестно, что придет в голову этой сумасшедшей блюстительнице нравов. Но какой бы хорошей реакцией он ни обладал, Илит оказалась проворнее. Ей понадобилась какая-нибудь доля секунды на то, чтобы взмахнуть рукой и щелкнуть пальцами. Ее яркие, тщательно ухоженные ногти блеснули в свете ламп, словно маленькие зеркальца. Комната закружилась перед глазами Мака; ему показалось, что он теряет сознание. Мгновение спустя он увидел, что Илит исчезла. Он обрадовался, подумав, что она совсем пропала, оставив его одного в комнате. Оглядевшись, он понял, что если кто-то и *пропал*, то это, несомненно, он сам. Помещение, в котором он находился, было ему незнакомо; в нем не было видно ни выхода, ни входа.

Это была маленькая комната с зеркальными стенами. Зеркальными были даже пол и потолок. Зеркала, расположенные под самыми разными углами друг к другу, порождали бесчисленное количество отражений. Те из зеркал, которые находились друг напротив друга, создавали иллюзию бесконечных темных коридоров, ведущих в никуда, или мрачных провалов, зиявших прямо у ног несчастного Мака. Изумленно озираясь по сторонам, он увидел несчетное множество своих отражений: некоторые были повернуты лицом к нему, некоторые — боком или спиной, а иные вообще были перевернуты вверх ногами. Он повернулся — его отражения сделали то же самое. Он сделал осторожный шажок вперед — некоторые из его двойников шагнули ему навстречу, другие же, наоборот, попятились. Еще шаг, уже не столь осторожный — и он ударился о зеркальную поверхность. Он отступил назад. Большинство отражений точь-в-точь скопировали его действия, а некоторые продолжали идти дальше, не встретив на своем пути никакого препятствия. Мак очень удивился, заметив, что его отражения каким-то образом обрели самостоятельность. Такое чересчур вольное поведение его двойников показалось ему зловещим признаком. Он начал наблюдать за их действиями и увидел, что один из его зеркальных образов сидит в кресле и читает книгу. Почувствовав на себе чей-то взгляд, двойник из Зазеркалья поднял глаза от книги и приветливо кивнул головой Маку. Другой сидел на берегу реки и удил рыбу. Он был настолько поглощен своим занятием, что даже не повернул головы, когда Мак поглядел на него. Третий развалил-

ся в кресле, вытянув длинные ноги, и усмехался Маку в лицо. Тут несчастный узник Зеркальной тюрьмы почувствовал себя крайне скверно, и мысли начали мешаться в его голове.

Он снова двинулся вперед, вытянув перед собой руки, пытаясь найти выход из этого зеркального лабиринта. Несколько отражений последовало его примеру. Но один из двойников в это время сидел за столом, за обе щеки уплетая ростбиф и йоркширский пудинг. Другой спал на мягкой пуховой перине. Третий сидел на вершине невысокого холма, запрокинув голову, и следил за полетом воздушного змея, бечевку от которого он держал в руках. Когда Мак глядел на эти отражения, многие из них оборачивались, приветливо кивая головами и улыбаясь, другие же продолжали заниматься своими делами, не обращая на него никакого внимания.

Мак смотрел — и не верил своим глазам. Внезапно прямо в его мозгу раздался беззвучный голос:

— Я схожу с ума!

Другой так же беззвучно ответил:

— Надеюсь, тут найдется что почитать.

Поняв, что он бессилен что-нибудь сделать, Мак закрыл глаза и попытался заставить себя думать о чем-нибудь приятном.

Глава 7

Мефистофель материализовался в покоях принцессы Ирены, напоследок окутавшись едким зеленовато-желтым дымом, — очевидно, демон был не в духе. Его только что вытащили из любимого кресла возле камина, где он читал увлекательный роман «Записки о детстве дьявола». Роман Мефистофелю очень нравился — это была лучшая книга, которую он прочитал за последние годы. Он уже дошел до ключевого момента, когда главный герой, молодой демон из старинного княжеского рода, попавший в сложную жизненную ситуацию, предает всех, кто еще недавно был ему близок и дорог, не чувствуя при этом угрызений совести, как вдруг резкий телефонный звонок разрушил тот хрупкий фантастический мир, в который воображение переносит наиболее восприимчивых читателей, наслаждающихся любимым произведением.

Мефистофель снял трубку и выслушал сообщение, переданное одним из невидимых наблюдателей, следящих за ходом Тысячелетней войны. Наблюдатель докладывал главнокомандующему, что недавно произошло грубое вмешательство в ход экс-

перимента: главный герой был насильно удален с места действия без всякого законного на то основания и заперт в особой зеркальной комнате, из которой он до сих пор не нашел выхода.

Мефистофель отложил книгу и не медля ни минуты отправился в Пекин, несмотря на то, что формально в настоящий момент он не был при исполнении служебных обязанностей. Однако демон отнюдь не был рассержен оттого, что его вызвали на место происшествия в нерабочее время, — ведь тот, кто творит Зло в этом мире, должен мириться с тем, что дела в любой момент могут оторвать его от приятного времяпрепровождения.

— Илит, — строго спросил Мефистофель, — что ты делаешь? Почему ты заперла Фауста?

— Я исправляю величайшую ошибку, — храбро ответила бывшая ведьма, хотя в глубине души она начинала чувствовать себя крайне неловко под суровым взглядом демона высшего ранга.

— Что ты с ним сделала?

— Я изолировала его из моральных соображений, только и всего, — сказала Илит.

— Как ты посмела?! Ты не имеешь никакого права вмешиваться в эксперимент! Тебя прислали сюда только как наблюдателя!

— Как наблюдатель, — отпарировала Илит, — я стала свидетельницей грубого нарушения правил ведения войны. Я знаю о многих вещах. Например, о том, что вы оказывали тайное давление на Фауста и советовали ему совершать отвратительные поступки. Вы позволили ему свернуть с того узкого и трудного пути, который он должен был проделать в соответствии с замыслом эксперимента; иначе как вы можете объяснить его недостойное поведение? Вместо того чтобы выбрать один из предложенных ему вариантов действий и приступить к исполнению своих планов, он соблазнил невинную принцессу!

— Как?! Ты еще смеешь обвинять *меня*? Я не имею к этому никакого отношения! — вскричал не на шутку рассердившийся Мефистофель. — Не хватало еще, чтобы я стал советовать смертным подобные вещи! Если он соблазнил девчонку, он сделал это по собственному желанию, а следовательно, вся ответственность за этот поступок целиком на его совести!

Тут оба вспомнили, что сама принцесса Ирена находится в этой комнате и слышит все, что о ней говорят. Они посмотрели на нее, затем обменялись озабоченными взглядами и наконец пришли к молчаливому соглашению. Илит приподняла одну бровь; Мефистофель кивнул. Илит сотворила Заклинание сна.

Эфирное покрывало, тонкое и невесомое, как паутинка, само собой поплыло по воздуху и опустилось на стройную фигурку принцессы. Принцесса тотчас погрузилась в глубокий сон. Очнувшись от него, она должна была забыть все, что происходило с ней за последние полчаса.

Убедившись в том, что принцесса крепко спит, и бросив быстрый взгляд на Мака, томящегося в Зеркальной тюрьме, Илит повернулась к Мефистофелю. Ее синие глаза гневно сверкали.

— Это ваша вина! И не пытайтесь сбить меня с толку с помощью своих обычных уловок — льстивых речей, так называемых научных аргументов и тому подобных вещей. Я этим штучкам цену знаю! Вам не удастся обвести меня вокруг пальца. Не забывайте, я когда-то была в вашем лагере.

— Держи себя в руках, женщина! Следи за своими словами! Я открыл Фаусту Малое Речевое Заклинание, чтобы он не запутался в этом причудливом смешении восточных языков, на которых говорят во дворце. Было ли это добром или злом, выяснится позже; во всяком случае, это менее тяжкий проступок, чем незаконное удаление главного действующего лица со сцены. Ты здесь натворила дел гораздо худших, чем могла бы натворить целая сотня Фаустов.

— Вы лжец! — ответила ему Илит.

Мефистофель кивнул:

— Ну и что? Какое отношение это имеет к ходу эксперимента?

— Я требую, чтобы Фауста заменили! Его место в споре должен занять добродетельный человек.

— Женщина, ты не имеешь никакого права что-либо *требовать*! К тому же здесь не место для догматических споров о морали и нравственности! Судить данный спор предначертано не представителям добрых и злых сил, а самой Судьбе, Ананке. Выпусти Фауста сию же секунду!

— Ни за что! Не вам мною командовать!

Мефистофель решил не продолжать бесполезный спор. Бросив на молодую практикантку высокомерный взгляд, он достал из-под плаща походную сумку демона, обладающую волшебным свойством уменьшаться в размерах в сотни раз и ровно во столько же раз терять в весе, когда владелец кладет ее в карман. Вытащив из сумки маленький красный телефон, он набрал на нем номер 999 — число 666, знаменитое Число Зверя, перевернутое вверх тормашками, превращается в Число Ангела — и стал ждать ответа, от нетерпения постукивая ногой по полу.

— Кому вы звоните? — спросила Илит.

— Тому, кто, надеюсь, вложит немного ума в твою упрямую голову.

В тот же миг посередине комнаты возникло большое пушистое облако, переливающееся всеми цветами радуги. Послышались мелодичные аккорды арфы. Облако вскоре растаяло, и перед Мефистофелем и Илит предстал сам архангел Михаил. С его кудрявых темных волос стекала вода, а строгие ангельские одежды ему заменяло большое белое полотенце. Кое-как прикрыв наготу, Михаил огляделся и спросил недовольным тоном:

— В чем дело? Я принимал ванну...

— Ты всегда принимаешь ванну, — сказал Мефистофель. — Можно подумать, что ты проводишь там все свободное время.

— Ну и что же? — с вызовом ответил Михаил. — Чистоплотность и целомудрие — добродетели, которые должен воспитывать в себе каждый порядочный ангел.

— Старое заблуждение! Во всем, что касается чистоты, зло ничуть не менее разборчиво, чем добро. Чистоплотность сама по себе — ни добро, ни зло, а следовательно, считаться добродетелью не может... Однако у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на споры из-за таких пустяков.

— Согласен. Так зачем же ты вызвал меня?

— Этой *ведьме*, — отчеканил Мефистофель, показывая длинным пальцем на Илит, которая стояла, скрестив руки, отчего ее маленькие, дерзко приподнятые острые груди отчетливо вырисовывались под ангельскими одеждами, и сердито сверкала глазами на демона, — этой глупой женщине, этой недоучившейся практикантке, этому исчадию ада, превратившемуся в религиозную фанатичку, взбрело в голову удалить Фауста с исторической сцены. А так как ей, видите ли, этого показалось мало, она заключила Фауста в тюрьму. Такое грубое вмешательство в ход событий грозит сорвать намеченный план действий, остановить Тысячелетнюю войну и уничтожить плоды многодневных трудов. Вот почему я вызвал тебя сюда.

Темные брови Михаила резко сошлись над переносицей, отчего его лицо приняло такое мрачное выражение, какое редко можно было видеть на лице архангела. Раздражение вскоре сменилось недоумением. Михаил озадаченно взглянул на Мефистофеля, очевидно подумав, уж не подшучивает ли над ним демон.

— Удалить Фауста?.. Ты не шутишь?

Тут Илит решилась взять слово.

— А что мне оставалось делать? — с вызовом спросила она; однако было заметно, что уверенности в собственной правоте у нее поубавилось. — Его Фауст соблазнил принцессу Ирену!

— Какую принцессу Ирену? — спросил архангел Михаил. — Впрочем, это не имеет значения. Во имя всего святого объясни же мне наконец, с чего это ты вдруг решила вмешиваться не в свое дело? Ты решила остановить Тысячелетнюю войну из-за совращения какой-то несчастной принцессы?!

— Кстати, этот факт еще не проверен, — вставил Мефистофель.

— Более того, — продолжал Михаил, — ты злоупотребила оказанным тебе доверием. Мы назначили тебя наблюдателем лишь для того, чтобы немного успокоить Гавриила — он совершенно без ума от тебя. А ты устраиваешь глупые сцены из-за такого банального и никого не касающегося дела, как соблазнение, да к тому же еще недоказанное!

— Нас учили, что всякое соблазнение — зло, — смущенно пробормотала Илит.

— Разумеется, зло, — пожал плечами Михаил. — Но тебе следовало бы знать, что если кто-то творит зло, благоразумнее всего не вмешиваться не в свое дело. Мы следуем этой разумной политике уже много лет и, как видишь, не остаемся в проигрыше. Точно так же, когда некто творит добро, силы зла не препятствуют ему. Неужели ты ничего не слышала об относительности добра и зла и понятия не имеешь об основных диалектических законах, в частности о единстве противоположностей? В первой части «Практического руководства для ангелов» этим непростым вопросам посвящена целая глава. Разве у вас в школе не читали вводный курс по истории взаимоотношений добра и зла? И разве у вас не было практических занятий по этому предмету?

— Были... Но я, очевидно, пропустила эту главу в школьном учебнике, — огорчилась Илит. — Пожалуйста, не ругайте меня! Я не ангел, я еще только учусь. Я очень стараюсь во всем следовать добру и делать так, чтобы все вокруг тоже следовали ему.

— Действуя так, как действуешь ты, — произнес Михаил назидательным тоном, — вряд ли добьешься в этом успеха. Прямолинейность — не лучшее из качеств, которые надлежит развивать в себе ангелу. Творя добро, нужно делать это с умом, иначе все твои усилия могут оказаться напрасными. Добро, эта великая творческая сила, в неумелых руках может превратиться в свою противоположность, обернувшись великой бедой — тоталитаризмом, если не чем-нибудь похуже. А ведь тебе бы этого не хотелось, не правда ли?

— Не знаю...

— Зато *я* знаю, поскольку мне уже не раз приходилось стал-

киваться с подобными метаморфозами. Вот что я скажу тебе. Немедленно выпусти Фауста. Верни его на прежнее место. После этого подашь рапорт в Центр перевоспитания. Воспитатели Центра определят степень твоей вины и то наказание, которое ты понесешь за свое дерзкое и необдуманное поведение. В этом Центре ты пройдешь полный курс переподготовки. Тебе еще нужно как следует позаниматься, прежде чем приступать к какой-либо практике.

— О, не будь столь строг к бедной запутавшейся девочке, — вмешался Мефистофель. Он знал, что, проявляя великодушие к побежденной, выглядит очень эффектно; к тому же в голове у него уже начал созревать план, как использовать сложившуюся ситуацию в пользу зла. — Пусть она остается наблюдателем. Только пускай больше ни во что не вмешивается.

— Ты слышала, что говорят старшие? — строго спросил Михаил у Илит.

— Слышала, — ответила она. — Но никогда не думала, что услышу из уст архангела приказ повиноваться адскому духу!

— Подрастешь — и поймешь многое из того, чего сейчас не понимаешь. — Михаил поправил полотенце, слишком узкое для того, чтобы как следует прикрыть его атлетическую фигуру. — Я вижу, что тебе еще долго придется учиться, прежде чем ты станешь настоящим ангелом... Итак, конфликт улажен и мне можно наконец принять ванну? — добавил он, обращаясь к Мефистофелю.

— Да-да, конечно, — ответил Мефистофель. — Извини, что потревожил тебя.

— А ты, — Михаил поглядел на Илит сверху вниз, — помни о том, что я тебе сказал. Твори добро, но знай меру. И не поднимай бурю в стакане воды. Это приказ, понятно?

Сказав это, он бесследно исчез. Илит тотчас же уничтожила Зеркальную тюрьму. Мак вышел наружу, удивленно оглядываясь. Мефистофель улыбнулся и растаял в воздухе.

— Кажется, я вернулся назад, — сказал Мак. — А как принцесса? Вы уже поговорили с ней?

— Занимайся своим делом, — ответила Илит и тоже исчезла.

Глава 8

После освобождения из Зеркальной тюрьмы Мак попрощался со смущенной принцессой Иреной и направился в другое крыло дворца, чтобы предупредить Марко Поло о грозящей ему

опасности. Однако найти обратный путь оказалось значительно труднее, чем добраться до покоев принцессы. Мак очень спешил, помня, что каждая минута промедления может обернуться бедой, и второпях свернул не в тот коридор. Запутавшись в лабиринте пересекающихся друг с другом переходов, бесчисленных винтовых лестниц, арок и узких тоннелей, ведущих неведомо куда, он попал в совершенно незнакомую ему часть дворца. Мак понял, что заблудился. В отчаянии бросившись в один из бесконечных извилистых коридоров, он наконец вышел в огромный, ярко освещенный зал. Здесь было так много людей, что сперва Мак подумал, уж не вышел ли он из дворца на крытую базарную площадь через какой-нибудь черный ход. Оглядевшись, он понял, что все еще находится в ханском дворце. Где-то вдалеке резко провыли трубы и гулко ударили огромные барабаны. Мак бросился в ту сторону, откуда доносились эти звуки. Ему пришлось изрядно проплутать по дворцу, прежде чем он добрался до гостевых покоев. Тяжело дыша от усталости, он распахнул дверь в комнаты Марко, даже не постучав:

— Марко! У меня есть сообщение чрезвычайной важности!..

Но ему ответило только слабое эхо, отразившееся от стен пустой комнаты, — Марко в ней не было.

Мак понял, что, пока он находился в зеркальной камере, прошло несколько часов. Сейчас, должно быть, уже вечер — Мак не заметил, как он наступил, ведь во внутренних покоях дворца и днем, и ночью царит полумрак, рассеиваемый лишь неярким светом настенных фонарей под цветными стеклянными колпаками. Мак вышел из пустой комнаты и побежал по пустым коридорам в Большой банкетный зал. На этот раз ему повезло, и он не сбился с дороги. Протолкавшись сквозь небольшую толпу стражников, собравшуюся у дверей, он вошел в уже знакомый ему зал.

Пир был в самом разгаре. Кубла-хан и наиболее приближенные к нему лица сидели на специальном возвышении в другом конце зала, напротив дверей. Марко и принцесса Ирена занимали почетные места чуть пониже ханского трона, стоявшего выше всех. Мак заметил еще несколько знакомых лиц, в том числе и придворного мудреца, облаченного в расшитую звездами мантию и островерхий колпак. Несколько музыкантов наигрывали приятные мелодии; рядом с ними на маленькой сцене кривлялся шут с грубо раскрашенным лицом — на нем были широкие штаны из козьего меха и рубашка, сшитая из разноцветных лоскутов. Никто не слушал музыкантов и не обращал внимания на шута. Глаза всех присутствующих были устремлены на Мака.

Наступила тишина, нарушаемая лишь негромкими звуками музыкальных инструментов и репликами шута. Маку она показалась особенно зловещей — так перед грозой затихает ветер и примолкают птицы. Мак смущенно откашлялся, чтобы прочистить горло, а заодно выиграть несколько секунд в этом немом поединке с притихшим залом, и наконец проговорил:

— Марко, я очень рад, что вовремя нашел вас. Против вас составлен заговор. Я подслушал один важный разговор, когда шел через внутренний двор, где упражнялись солдаты. Среди них было двое из Тира, они говорили...

Марко поднял руку, прервав его на полуслове:

— Вы имеете в виду кого-нибудь из присутствующих здесь?

Оглядевшись, Мак заметил среди стражи двоих бородатых солдат — тех самых, которые обсуждали свои коварные планы во время передышки между двумя учебными поединками.

— Вот эти двое, — сказал он.

— Весьма любопытно, — ответил Марко. — Дело в том, что они сами подошли ко мне около часа назад и предупредили о существовании заговора. Они назвали главного заговорщика. Это — вы.

— Неправда.

— Вы заплатили им довольно большую сумму за мою голову. Так они говорят.

— Они пытаются обмануть вас, чтобы выйти сухими из воды. Не верьте им! Я сказал вам чистую правду!

— Я вам не верю. Я уже давно начал подозревать вас, — сказал Марко и, повернувшись лицом к хану, спросил: — Не будет ли мне дозволено провести расследование, дабы обличить этого человека перед всеми, как лжеца и мошенника?

— Конечно, проводи, — важно кивнул головой Кубла-хан. — Нам очень нравится западный способ ведения судебных процессов. Особенно пытки, которые применяют при допросе преступников, упорствующих в отрицании своей вины.

— Пусть говорит принцесса Ирена.

Принцесса восседала на маленьком троне, установленном на том же возвышении, где сидел Великий хан со своими приближенными, чуть в стороне от мест, отведенных для родственников Кубла-хана и высших придворных сановников. На ней была небесно-голубая мантия, расшитая золотыми цветами, удивительно гармонировавшая с ее светлыми волосами и ослепительно белой кожей, — с тех пор как Мак покинул ее апартаменты, у принцессы было немало времени, чтобы переодеться для пира, и нужно сказать, что наряд ее был подобран как нельзя более тща-

тельно. Она казалась воплощением самой невинности, когда, раскрыв свой яркий ротик, проговорила на ломаном монгольском:

— Эта выскочка пришел моя комната, которая ни одна мужчина нельзя входить. Он делал мне бестактность, говорил на мой родной язык, но на такое наречие, которое говорят между себя только члены одной семьи или грубые люди, которые хотят угрожать. Я очень боялась за своя жизнь, потому что чужеземец, который говорит тебе на это наречие, верно хочет тебя убить. Я... э-э... обморочилась... упала в обморок, а когда я встала, он уже ушел — наверное, его испугал шум в коридоре. Он вообще... э-э... казал мне себя... выглядел как трус. Потом я переодела себя в эта голубая мантия и пришла сюда.

— Ложь, все ложь, — сказал Мак. — Вы, Марко, сами послали меня к принцессе!

— *Я?* Я послал вас к принцессе? — Венецианец закатил глаза и сделал какой-то нелепый театральный жест, очевидно, желая привлечь внимание хана. Затем, повернувшись лицом к собравшимся в зале придворным, он спросил: — Господа, вы знаете меня уже достаточно давно, чтобы я мог призвать вас в качестве свидетелей. Я при дворе уже семнадцать лет. Нарушил ли я хоть раз за это время монгольские законы? Оскорбил ли общественное мнение? Совершил ли хоть сколько-нибудь тяжкий проступок, который не подобает совершать порядочному человеку?

Единственными звуками, которые донесились до ушей встревоженного Мака, было поскрипывание и потрескивание костей, когда все гости, как один, закачали головами: «Нет, нет». Маку показалось, что даже отрубленные головы, сложенные в пирамиды у оснований колонн, покачиваются: «Нет, нет».

— Теперь все ясно! — воскликнул Мак. — Марко Поло задумал убрать меня с помощью лжи и хорошо продуманной интриги. Он не терпит соперников при дворе и расправляется с ними самым недостойным образом. Он боится, как бы образованный и кое-что уже повидавший чужеземец не отнял у него хотя бы малую долю ханских милостей. Ну и конечно, он завидует мне: ведь я — офирский посол, а он — всего лишь торговец и сын торговца.

— Что касается последнего, — ответил Марко, — пусть мудрец говорит!

Высокий худой старик неспешно поднялся, оправляя широкую мантию, расшитую звездами и малопонятными знаками. Водрузив на крючковатый нос очки в оправе из тонкой проволо-

ки, он долго откашливался, прочищая горло, и наконец произнес скрипучим старческим голосом:

— Я созвал всех ученых мужей Пекина на совет, и вот что сказали мне люди, сведущие в географии и в истории народов. На земле нет такого места, которое называется Офир. Наши мудрецы утверждают, что если такой город и существовал когда-то, то он погиб много веков назад в результате некоей катастрофы — наводнения или извержения вулкана. И конечно, все единодушно заявили, что даже если бы такой город *действительно* существовал в наше время, то его правители вряд ли назначили бы немца послом своего государства.

Мак заломил руки в припадке отчаяния. Гнев, обида и возмущение затопили в этот миг его рассудок. Он хрустел пальцами, притопывал от волнения носком туфли по полу, но ни одна спасительная мысль не приходила ему в голову. Он стоял, не зная, что теперь говорить и что делать. Молчание нарушил сам Великий хан:

— Нам не хотелось бы делать этого, ибо мы известны как мудрый и милостивый правитель, и двор наш — один из самых передовых в мире, что, конечно, исключает жестокое обращение с чужестранцами. Однако сей человек был обличен перед собранием лиц, равных ему по рождению, в плутовстве и самозванстве, поскольку он назвался послом несуществующей страны, а также в преступном совращении женщины королевской крови. По обычаям, принятым при нашем дворе, он должен быть водворен в тюрьму, где его предадут пыткам, которым подвергают всех самозванцев и обманщиков, а затем его надлежит удавить, вырезать его внутренности, утопить, четвертовать и, наконец, сжечь.

— Это мудрое решение, — сказал Марко. — Но обычно к такой смерти приговаривают простых людей. Этот же может иметь в своих жилах каплю благородной крови. Я осмелюсь предложить, чтобы его убили здесь, прямо сейчас. Это позабавит двор, а потом мы продолжим наш пир.

— Хорошая мысль, — согласился Кубла-хан, — нам она нравится.

Он поднял свой магический скипетр и сделал жест свободной рукой, словно подзывая к себе кого-то. С другого конца зала к возвышению, на котором сидел хан с наиболее почетными гостями, заспешил бородатый толстяк, одетый весьма странно — на нем были только замшевый жилет и короткая замшевая набедренная повязка; руки, плечи и ноги его оставались голыми. Го-

лову его украшал тюрбан, почти такой же огромный, как у самого хана.

— Королевский палач к услугам Великого хана, — поклонился толстяк.

— Удавку с собой взял? — спросил его хан.

— Она всегда со мною, — ответил палач, отвязывая тетиву от лука, обмотанную вокруг его талии, — на всякий случай. Ведь невозможно предугадать, когда она понадобится вновь.

— Стража, — позвал Кубла-хан, — взять этого человека! Палач, делай свое дело!

Мак бросился к выходу. На бегу ему пришла мысль спрятаться в одном из бесчисленных дворцовых коридоров — если стражники не поймают его здесь, в зале, то им нелегко будет найти беглеца в лабиринте проходов, туннелей, мостиков и лесенок. А тем временем он успеет придумать, как выбраться из дворца незамеченным... Но когда он проносился мимо Марко, словно заяц, бегущий от своры собак, коварный венецианец, злобно усмехаясь, поставил ему подножку. Споткнувшись, Мак упал, растянувшись во весь рост, и тут его схватили лучники. Они заломили ему руки за спину и держали крепко — не вырваться. К стражникам не спеша, вразвалку подходил палач, вертя в руках свою удавку и мастеря какую-то хитрую петлю. Этот толстяк хорошо знал свое дело.

— Ваше величество, — воззвал Мак к Великому хану, извиваясь в руках стражников, — вы делаете большую ошибку!

— Пусть даже так, — равнодушно ответил хан. — Когда великие ошибаются, их ошибки в конце концов становятся всеобщим правилом. Такова привилегия власть имущих.

Палач захлестнул петлю удавки на шее Мака. Мак попытался закричать, но тщетно — с губ его не сорвалось ни звука. У него оставалось еще несколько кратких мгновений перед тем, как жизнь навсегда покинет его тело, и он на собственном опыте убедился, что в эти мгновения вся жизнь отнюдь не проносится перед умирающим с быстротой молнии, как это утверждают некоторые. В те ужасные секунды, когда удавка все туже впивалась в его горло, Мак вспоминал, как давно, еще в школьные годы, он лежал в траве на берегу реки Визер. Был погожий воскресный денек, и они с приятелем-однокурсником решили пойти на реку. Мак говорил своему товарищу: «Знаешь, человек никогда не может угадать наперед, какой смертью ему придется умереть». Он оказался прав тогда, поскольку даже в самом фантастическом сне ему вряд ли могло привидеться такое — что он гибнет от руки палача при дворе Кубла-хана в Пекине, да к тому же еще за

несколько сотен лет *до дня своего рождения*! Однако сознание собственной правоты отнюдь не придавало бодрости несчастному молодому человеку.

Внезапно что-то загремело, и в зале появился Мефистофель, окутанный клубами едкого черного дыма и языками адского пламени.

У адского духа было скверное настроение, и потому его появление в Главном банкетном зале сопровождалось великолепнейшим фейерверком и причудливыми фантомами и миражами, которые внезапно появлялись в воздухе перед испуганной, притихшей толпой придворных и столь же неожиданно исчезали. Очевидно, Мефистофель решил потратить несколько драгоценных мгновений на эти фокусы, чтобы в конечном счете выиграть время, рассчитывая на то, что перепуганные люди в зале и не подумают сопротивляться ему.

— Отпустите этого человека! — прогремел сатанинский голос под сводами зала.

Палач повалился на пол, словно пораженный молнией. У двоих стражников, державших Мака, ноги подкосились от страха, и они упали на колени. Кубла-хан откинулся назад, на высокую спинку своего трона. Марко Поло нырнул под стол, надеясь, что там его никто не тронет. Принцесса Ирена упала в обморок. Освобожденный Мак шагнул вперед, к ханскому трону.

— Вы готовы отбыть? — спросил его Мефистофель.

— Готов, мой господин! — ответил тот, оправляя одежду. — Осталось сделать только одно.

Мак подошел к трону Кубла-хана. Великий хан оглядывался, ища защиты, но парализованные страхом стражники не спешили прийти к нему на помощь. Мак взял из дрожащих рук хана скипетр и положил его в свой поясной кошель.

— Теперь посмотришь, долго ли продлится твое царствование! — прокричал он прямо в лицо хану. Мефистофель взмахнул рукой — и тотчас оба они растаяли в воздухе, как будто их здесь и не было.

В зале еще долго стояла мертвая тишина. Никто не осмеливался пошевелиться. Наконец Кубла-хан проговорил слабым голосом, словно очнувшись от глубокого сна:

— Марко, как ты думаешь, что это было?

И Марко ответил:

— Я полагаю, мы стали свидетелями явления сверхъестественной силы. Мне приходит на ум один случай, приключившийся со мной во время моих странствий — я был в Ташкенте. Ранней весной, когда первые цветы...

Но тут тяжелые бронзовые двери распахнулись, и в зал вошла улыбающаяся Маргарита. Китайское платье из муарового шелка с высоким воротником подчеркивало ее женственно округлые формы. Ногти ее были тщательно ухожены, косметика умело наложена на лицо, волосы взбиты в высокую прическу и надушены. Она так и сияла свежестью и чистотой. Очевидно, обучением иностранцев монгольскому языку занимались настоящие профессионалы — они знали, как привить любовь к учению молодой девушке.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я только что из школы. Вот, послушайте. — И выпалила скороговоркой: — Сшит колпак не по-колпаковски, его надо переколпаковать, перевыколпаковать. На дворе трава, на траве дрова, не руби дрова посреди двора.

Она говорила по-монгольски с чуть заметным акцентом, но вполне правильно и бегло.

Произнеся эти трудные фразы буквально на одном дыхании, Маргарита широко улыбнулась — она ждала, что кто-нибудь похвалит ее.

— Не казнить ли нам ее на всякий случай? — спросил Марко у Кубла-хана, выбравшись из-под стола и отряхнув с себя пыль.

— Можно и казнить, — ответил хан, думая, что проявление жестокости поможет ему обрести утраченное достоинство. — Все-таки лучше, чем ничего.

— Стража! Палач! — крикнул Марко. Мрачная сцена повторилась. Стражники схватили девушку; палач уже подходил к ней, несмотря на то, что его руки и ноги мелко дрожали от страха. Тогда опять появился Мефистофель.

— Извините, я и забыл про вас, — сказал он.

Щелкнув пальцами, он исчез вместе с Маргаритой. Хан и придворные опять надолго погрузились в молчание. Никто не смел шевельнуться, и со стороны могло показаться, что в зале сидят деревянные куклы, облаченные в праздничные яркие одежды. А потом вошли слуги с подносами, уставленными напитками и яствами.

Часть IV

ФЛОРЕНЦИЯ

Глава 1

— Что ж, Фауст, вас ждет новое задание. На этот раз вам придется отправиться во Флоренцию, год 1497-й. Как я завидую вам, друг мой! Вы своими глазами увидите прекрасный город, который по справедливости можно назвать отцом искусств. Многие ученые убеждены, что Ренессанс начался с расцвета Флоренции. Как вам это понравится?

Мак и Мефистофель были в уютном маленьком кабинете — одна из резиденций Мефистофеля располагалась возле самой границы Лимба, в той его части, которая представляла собой безлюдную равнину; здание, в котором находился кабинет, одиноко стояло посреди огромного пустого пространства. В этом кабинете Мефистофель часто работал по ночам, когда ему приходилось срочно разбирать кучу важных бумаг. Обстановка здесь была самой простой — комнатка в деревянном доме, не больше десяти шагов в ширину и приблизительно столько же в длину (в Лимбе можно построить гораздо более просторное жилище, поскольку дополнительная арендная плата за использование земли здесь не взимается; однако Мефистофель предпочел пышным апартаментам скромный маленький кабинет — в нем он чувствовал себя как дома). На стенах висели писанные маслом пейзажи. У стены стоял мягкий диван, обитый зеленым атласом, — на нем расположился Мефистофель. Напротив Мефистофеля в старинном кресле с прямой высокой спинкой сидел Мак, держа в руке бокал крепкого вина, — демон предложил ему выпить, чтобы он пришел в себя после недавнего приключения в Пекине, чуть не стоившего жизни незадачливому участнику спора между светом и тьмой.

— Ну, хорошо, — сказал наконец Мефистофель. — Итак...

Еще не окончательно опомнившийся после пережитых волнений Мак понял, что ему сейчас придется покинуть эту уютную комнату и снова отправиться в какой-то далекий город со странным, непривычным для уха названием.

— Что такое Ренессанс? — спросил он.

— Ах, я и забыл, что этот термин появился на несколько веков позже, — рассмеялся Мефистофель. — Ренессансом называют особый период в истории, мой дорогой Фауст.

— И что вы мне предлагаете делать с этим Ренессансом? — снова спросил Мак.

— Ничего. Ренессанс — это такое явление, с которым вы ничего не сможете *сделать*. Заговорив с вами о нем, я просто хотел подчеркнуть, насколько важным является этот период для мировой истории и как важно на этот раз не ошибиться в своем выборе — ведь от него может зависеть очень многое.

— Что же конкретно мне нужно будет делать? Вы снова предлагаете мне несколько вариантов, из которых я должен выбрать один?

— Не совсем так. Конечно, вам придется делать выбор, и случай для этого вам представится, — ответил Мефистофель. — Мы собираемся отправить вас во Флоренцию в то время, когда горели костры соблазнов.

— Что это такое?

— В те времена устраивались публичные сожжения тех предметов, которые считались сопричастными человеческому греху и легкомыслию и потому навлекли на себя гнев церковников. В костры бросали дорогие зеркала, картины, увлекательные легкие романы, старинные рукописи, даже сласти — леденцы и засахаренные фрукты. Среди этих вещей попадались великолепные произведения искусства, настоящие шедевры. Один из самых больших костров горел перед дворцом на пьяцца делла Синьориа — в нем погибло множество уникальных картин и книг, которые сейчас составляли бы гордость любой коллекции.

— Лично мне кажется, что в этом они немного переусердствовали, — сказал Мак. — Итак, вы хотите, чтобы я воспрепятствовал этому публичному сожжению?

— Отнюдь нет, — покачал головой Мефистофель.

— В таком случае, что же мне надлежит сделать?

— Что-нибудь великое... Возможно, придется даже совершить подвиг. Мы выбрали Фауста в качестве исполнителя главной роли в нашей исторической драме, ибо Фауст способен совершить выдающийся поступок, который сможет быть истолкован в пользу добра или зла единственным судьей этого Великого Спора — Ананке.

— Кем?

— Ананке. Этим именем древние греки называли одну из первобытных сил, принимающих участие в творении мира, —

неизбежный, неумолимый Рок. Никто не может избегнуть своей судьбы, и потому все вещи в этом мире судит она, Ананке.

— Где же обитает эта Ананке?

— Она везде и нигде, — ответил Мефистофель. — Не имея формы, но незримо присутствуя в каждой вещи, она овеществляет бытие. Она неуничтожима и вечна, как Пространство и Время. Благодаря ей мельчайшие частицы, из которых состоит материя, не разлетаются прочь, а собираются вместе, и предметы обретают форму. Благодаря ей атомы взаимодействуют друг с другом. Но хотя эта древняя сила и являет нам себя в каждой вещи, сама она неуловима и бесплотна. Однако настанет срок — Ананке обретет телесную оболочку и объявит нам свое решение.

Философские рассуждения Мефистофеля показались Маку слишком сложными, и он сказал:

— Ну, хорошо, давайте вернемся к началу разговора. Что мне делать и как нужно действовать на этот раз?

— Этого я вам сказать не могу. Дело в том, что флорентийский этюд мы спланировали несколько иначе, чем все остальные. Вы будете работать совершенно самостоятельно. Вам даже придется самому найти для себя подходящий род занятий.

— Но как мне узнать, что мне следует делать? И как судить о том, хорошо или плохо я поступаю?

Мефистофель пожал плечами:

— При полной свободе вы можете выбрать любой путь. Например, вы встречаете человека, которому грозит опасность, и спасаете ему жизнь. В этом случае достоинство вашего поступка будет определяться тем, на что спасенный вами человек потратит оставшиеся годы своей жизни.

— Но я же не могу заранее знать, на что он их потратит!

— *Знать* заранее ничего нельзя. Но вы можете попытаться предугадать его действия — ведь фаустовская проницательность вошла в пословицу среди ваших современников. К слову сказать, Никколо Макиавелли сейчас во Флоренции. Вы могли бы отговорить мастера создавать свой последний шедевр, «Князь», — это произведение вызвало большой переполох в Небесных Сферах... — Мефистофель помолчал, видимо, размышляя о чем-то. — Или, если уж вам так и не придет в голову, к чему бы приложить руки, вы можете поискать для меня картину Боттичелли.

— Это будет хорошим поступком?

Мефистофель задумался. Конечно, у него могут быть крупные неприятности, если кто-нибудь узнает об этом. Однако искушение было слишком велико — он знал одно подходящее местечко на западном конце обширной галереи своего дворца в

преисподней, как будто специально созданное для этой картины... Все остальные архидемоны лопнут от зависти, когда ее увидят...

— О да, — наконец ответил он Маку. — Нет ничего плохого в том, чтобы спасти один из шедевров Боттичелли от огня.

— Проблема в том, — сказал Мак, — что я не знаток живописи и вряд ли сумею отличить Боттичелли от Дюрера. Мои познания в этой области в основном ограничиваются рисунками древних греков... и надо сказать, что греческую живопись я знаю гораздо хуже, чем греческий язык.

— Это досадное препятствие, — сказал Мефистофель. — Но я думаю, никто не будет возражать, если я расширю ваш кругозор в области искусства. Вам это может пригодиться для выполнения задания.

И демон сделал какой-то замысловатый жест руками. В ту же секунду колени Мака подогнулись — ему казалось, что груз приобретенных в мгновение ока знаний давит на него физически. Теперь он мог оценить любую картину, начиная с эллинского периода и кончая экспрессионизмом, с точностью до нескольких десятков франков.

— Доставить вам картину Боттичелли? — еле слышно пробормотал Мак. — Это все, что вы хотите, чтобы я сделал?

— Не мне вам указывать, — ответил ему Мефистофель. — Я лишь дал вам кое-какие сведения — это поможет вам разобраться в происходящем. — После минутного молчания он прибавил: — Конечно, если во время вашего пребывания во Флоренции вам *случайно* попадется картина Боттичелли, я куплю ее у вас по самой дорогой цене.

— Ну а если картина мне не попадется, — настаивал Мак, — что мне делать тогда?

— Этого я вам сказать никак не могу. Видите ли, дорогой мой Фауст, в нынешнем раунде правила игры усложнились, и совершить свой выбор будет не так-то легко. Вам уже не придется взвешивать свои поступки на весах совести и разума и не придется предугадывать их последствия, руководствуясь заранее предопределенными критериями. Данная ситуация не имеет ничего общего с моральными дилеммами. Это своего рода интеллектуальная игра, состязание умов. Вам представится уникальный случай — сделать то, что обычно по силам только бессмертным, и таким образом как бы приблизить себя к могучим духам. Мы же, со своей стороны, хотим посмотреть, как смертный справится с этой задачей.

— Ну, хорошо, — неуверенно произнес Мак. — Но знаете, я не уверен, что вполне правильно вас понял.

— Мой друг, внешне это будет напоминать телевикторину.

— Прошу прощения?

— Ах, я опять забыл, что в ваше время этот термин еще не придумали... Представьте себе: некто стоит перед большой аудиторией и отвечает на вопросы — за деньги, разумеется. Каждый раз, когда он дает правильный ответ, он получает определенную сумму... Ну а теперь представьте себя на его месте. Ставка десять тысяч луидоров. Вы во Флоренции, в 1492 году, когда горел самый большой костер соблазнов. Перед вами огромная куча книг и великолепных произведений искусства. Среди них бесценная картина Боттичелли. В ваших силах спасти ее от огня. Что вы сделаете?

— Я понял! — воскликнул Мак. — Значит, если вам понравится мой ответ, я получу деньги?

— В принципе да. Такова основная идея, — ответил Мефистофель. — Продолжим. Следующий эпизод. Предположим, вы оказались во дворце Лоренцо Медичи. Это жестокий и властный правитель, но в то же время покровитель и тонкий ценитель изящных искусств. Он умирает. Ну а теперь протяните руку. Возьмите. Держите это. Вот так. — Он протянул Маку склянку с зеленой жидкостью. — Это чудодейственный эликсир, исцеляющий человека от всех болезней. Если умирающий выпьет его, он проживет еще десять лет. Дадите вы этот эликсир Медичи или нет?

— Ох, — вздохнул Мак, — мне надо подумать. У меня так мало сведений... Не можете ли вы рассказать мне что-нибудь еще?

— К сожалению, нет, — покачал головой Мефистофель. — Я не могу выходить за определенные границы. Все, что я могу для вас сделать, — это намекнуть кое о чем, дать ключи к разгадке, а уж разгадывать загадку придется вам самому. Мы тщательнейшим образом проверяем быстроту и остроту вашего мышления, заглядывая в такие глубины вашей души, в которые даже вы сами никогда не заглядывали. Итак, вперед, доктор Фауст! Сослужите службу человечеству! Вы готовы?

— Я полагаю, что готов, — ответил Мак. — Ах, да, чуть не забыл... Где Маргарита?

— Вы найдете ее на рынке, где продают шелка. Она сказала, что сделает кое-какие покупки, пока мы с вами будем беседовать.

А в это время на другом конце света, в центре преисподней, был тоскливый, пасмурный вечер. Моросил мелкий дождь. Огромные черные птицы пролетали низко над землей, пронзительно крича. На улицах было грязно. Пахло гниющими отбросами: переполненные мусорные баки стояли в каждом дворе, и возле них растекались зловонные лужи. Из заколоченных досками окон многоэтажных домов доносились громкие вопли, стоны и проклятия — там обитали души усопших грешников, освобожденные из мрачной бездны и находящиеся в вечном рабстве у духов зла. В одном из таких грязных, запущенных кварталов находился Ихор-Клуб для Неуклюжих. Этот клуб пользовался большой популярностью, поскольку его атмосфера располагала к непринужденному, легкомысленному веселью, — Ихор-Клуб представлял собой классический образец адских увеселительных заведений, так сказать, лицевую сторону жизни преисподней.

В ресторане этого клуба в одной из маленьких уютных кабинок сидел уже знакомый нам рыжий демон, Аззи Элбуб. У него было назначено свидание с Эттой Глбер, юной особой, объявленной победительницей конкурса «Мисс Подлипала-1122» на ежегодном шабаше ведьм. Главным призом этого конкурса как раз и было свидание с молодым демоном привлекательной наружности, без особо вредных привычек, принадлежащим к высшему обществу и подающим большие надежды. Юная ведьма была несколько удивлена, когда перед нею появился рыжий полноватый демон с лисьей физиономией — этот тип никак не походил на сказочного принца или, на худой конец, героя сентиментального романа. Однако способность легко приспосабливаться к обстановке, благодаря которой она стала победительницей конкурса подлипал, помогла ей быстро пережить свое разочарование. Что касается Аззи, то он сам выдумал этот конкурс несколько лет назад, чтобы иметь возможность время от времени встречаться с земными девушками.

Был как раз один из тех вечеров, которые склонные к сентиментальности духи запоминают надолго. Мягкий рассеянный свет помогал представительницам прекрасного пола скрывать мелкие дефекты своей далеко не безупречной кожи. Глубокое декольте Мисс Подлипалы открывало взорам Аззи прелести, способные соблазнить демона, чей возраст еще не перевалил за несколько сотен эпох. Музыкальный автомат наигрывал мелодию «Земного Ангела» (в аду собраны записи песен всех веков;

многие из них рано или поздно становятся популярными, однако никто еще не помнит случая, чтобы моды в подлунном мире и в преисподней совпадали во времени). Все было просто замечательно, однако Аззи никак не мог прийти в веселое расположение духа — мысли его постоянно возвращались к делам и хлопотам прошедшего дня.

Веселье в аду — своего рода религия. Однако сейчас Аззи менее всего был склонен подчиняться общим правилам. Ему пришлось изрядно потрудиться сегодня, а впереди его ждали еще большие хлопоты. Ему нужно было продумать свои действия на много ходов вперед, чтобы занять наиболее выгодную позицию в новой Тысячелетней войне между силами света и тьмы, а также решить наконец, что делать с настоящим Фаустом.

Доктор Фауст оказался крепким орешком. Соблазнить его было непросто — обычные уловки, к которым прибегали духи преисподней для того, чтобы заполучить в свои лапы человеческую душу, здесь не годились. Все попытки искушения, предпринятые Аззи, пока не увенчались успехом, и теперь удрученный демон раздумывал над причиной фаустовского упорства. Он предлагал ученому доктору все, что составляло бы счастье любого смертного, — власть, славу, богатство и прекрасную Елену; однако Фауста, похоже, не слишком интересовали подобные вещи. Припоминая свой недавний разговор с Фаустом на высочайшей вершине Кавказа, Аззи пытался найти ключ к разгадке характера такого непростого человека, каким, безусловно, являлся доктор Фауст.

Да, этот Фауст — большой упрямец. К тому же он совершенно непредсказуем в своих поступках. Никогда нельзя заранее угадать, что ему придет в голову в следующий момент. Это может оказаться серьезным препятствием для сложных интриг, разработанных ведущими специалистами ада, поэтому силам тьмы было бы очень выгодно заменить Фауста другим лицом — не столь знаменитым, конечно, но зато гораздо более уравновешенным и покладистым. Фауст отнюдь не святой — недостатков у него, пожалуй, даже побольше, чем у любого смертного; однако до настоящего злодея ему очень далеко. А вот Мак Трефа — вполне подходящая фигура для замены доктора Фауста: он простой парень, а следовательно, он будет поступать так, как поступил бы на его месте любой другой смертный. Это значительно упрощает работу аналитиков и дает силам зла крупный шанс на победу.

Аззи обдумывал ситуацию еще приблизительно четверть

часа. Чем больше он думал, тем сложнее и противоречивее представлялся ему доктор Фауст. Наконец он устал ломать голову над сложным фаустовским характером и решил действовать.

— Ну, душенька, — обратился Аззи к своей даме, — было очень приятно провести с вами вечер, но, к сожалению, у меня слишком мало времени, и я должен вас покинуть. Не беспокойтесь, счет уже оплачен.

И он с быстротой кролика нырнул в укромную кабинку, специально предназначенную для сотворения заклинаний, — некоторые посетители клуба, подражая аристократическим привычкам демонов высшего круга, не желали колдовать у всех на виду. Аззи нужно было отправиться в прошлое — собираясь на свидание с молодой ведьмой, он перенес себя в не слишком отдаленное будущее. Заклинание сработало, и годы побежали вспять. Двигаясь со скоростью, превышающей скорость мысли, Аззи наблюдал, как время сворачивается в кольцо, подобно змее, пожирающей собственный хвост. На его глазах дряхлые, сгорбленные старики и старухи превращались в стройных юношей и цветущих девушек, действующие вулканы утихали и покрывались шапками льда, давно растаявшие айсберги возникали словно бы из пустоты, а население Земли быстро сокращалось.

Наконец он вышел за пределы мира, в котором обитают люди, и переместился в сферу воображаемых объектов — в мир, созданный Гомером и другими величайшими поэтами Древней Греции. Впереди показалась Лета, затем взору открылась мрачная пещера — здесь река забвения впадала в Авернское озеро. Аззи стремительно пронесся над его темными водами, углубляясь в пещеру, повторяя все причудливые изгибы и повороты подземного тоннеля. Это было похоже на путешествие по внутренностям гигантской змеи. Он спускался все ниже; постепенно в пещере становилось жарко — чувствовалось раскаленное дыхание преисподней. Вот уже он добрался до мрачных берегов Стикса. Призрачный свет, исходящий от скал, нависших над черной водой, не мог разогнать окружающую тьму. Кое-где на скалах смутно вырисовывались контуры человеческих фигур, чью наготу прикрывали только полотняные хитоны — то были античные герои, точь-в-точь такие, какими их изображали древние вазописцы. Аззи прибыл туда, куда стремился, — к самой границе преисподней.

Развернувшись, Аззи полетел почти над самой водой и через некоторое время нагнал ладью Харона, дрейфующую вдоль илистого берега Стикса. На корме сидели Фауст и Елена; глядя на черную, подернутую мелкой рябью воду, они о чем-то беседо-

вали вполголоса. Как ни напрягал свой слух Аззи, ему не удалось расслышать ни слова из их разговора.

Аззи камнем упал вниз, на лодку, но в самый последний момент приостановился, на долю секунды завис в воздухе и аккуратно сел рядом с Фаустом. Лодку чуть заметно качнуло; Харон оглянулся посмотреть, в чем дело, но Аззи не обратил на перевозчика душ умерших никакого внимания.

— А вот и я! — лучезарно улыбнулся он. — Добрый день, доктор Фауст!

— Привет тебе, нечистый дух, — ответил Фауст. — Зачем пожаловал в здешние края?

— Для того чтобы проведать вас, — сказал Аззи, присаживаясь на складной стул, поставленный возле самых перил. — Ну-с, как идут дела?

Фауст самодовольно усмехнулся:

— Весьма неплохо. С Хароном, конечно, трудно иметь дело — он вообще не ладит с людьми, — но мне, кажется, удалось его уговорить. Он готов помогать мне.

— *Уговорить Харона*? Это неслыханно! Как вам удалось?..

— Я просто сказал ему, что перед ним открывается уникальная возможность с самого начала участвовать в одном приключении, которое, возможно, войдет в историю как совершенно новый, оригинальный миф.

— Какой еще миф? — спросил демон.

— Ну, миф о встрече Фауста и Харона и о том, как Фауст и Елена Прекрасная при помощи Харона совершили путешествие в Миры-о-которых-никто-не-знал-доселе.

— Ха! — громко произнесла Елена. Она сидела на корме, свесив ноги в воду, и внимательно прислушивалась к разговору между Фаустом и демоном.

Аззи не обратил на ее реплику никакого внимания.

— Я явился к вам с другим предложением, — сказал он Фаусту.

— Я уже говорил, что не буду вам подчиняться.

— А я от вас этого и не потребую, — ответил ученому доктору Аззи. — Вот послушайте, — голос рыжего демона стал мягким и певучим. — В крупной игре, где ставкой является право властвовать над миром на протяжении всей грядущей эпохи, уже сделаны первые ходы. Этот парень, Мак, которого Мефистофель забрал вместо вас, играет в ней отведенную ему роль. Хорошо или плохо он с нею справляется — не нам судить, да и речь сейчас пойдет не об этом. Что сделано, то сделано; а сделанного, как известно, обратно не переделаешь. Тут уж ни вы, ни я ничего изменить не можем. Вот я и предлагаю вам — оставьте все как

есть. Не вмешивайтесь. Выйдите из игры. Добровольно. Сами. А я позабочусь о том, чтобы вы провели все оставшееся время как можно более приятно и в то же время с пользой, доктор. Ручаюсь, вы не пожалеете о своем решении.

— Что вы мне предлагаете?

— Я знаю один период в истории, который идеально подходит для такой личности, как вы. Вам будет дано все — власть, деньги, слава. Вы будете сказочно богатым человеком.

— И все это будет принадлежать только мне одному? Или же у меня будет супруга, вполне достойная того, кто занимает столь высокое положение?

Такова уж была натура доктора Фауста — он опять начал торговаться!

— Вы сможете оставить у себя Елену — это будет входить в условия сделки, — ответил Аззи. — Подумайте только, Иоганн, вам будут завидовать *все* смертные. И к тому же вас ожидает огромное богатство. Вам и не снилось такое.

— Положим, что вам, с вашим-то талантом по части всяких козней, я не доверяю, — заметил подозрительный Фауст. — Знаю я вас, чертей! Вы можете сделать так, что, как только я вступлю во владение этим несметным богатством, меня хватит удар или разобьет паралич, так что наслаждаться им я уже не смогу. Какой, спрашивается, толк от туго набитого кошелька, если не можешь до него дотянуться?

— Как вы могли так дурно обо мне подумать? — огорчился Аззи. — Я, может быть, и *злой*, как всякий демон, но я отнюдь не *плохой*! Если вы опасаетесь за свое здоровье, я включу в список полный курс омоложения в специальном восстановительном центре, где работают лучшие мастера. После недолгой и совершенно безболезненной процедуры вы будете чувствовать себя так, словно заново родились на свет, — ваша плоть и ваш дух, ваши мыслительные способности претерпят изменения к лучшему. У вас впереди будет много счастливых лет, вы сможете взять от жизни все лучшее, что она даст вам. Это будет прекрасно, доктор. О, дорогой мой, как это будет прекрасно!

Расписывая все преимущества предлагаемой сделки, Аззи настолько увлекся, что сделал довольно странный для демона жест — поднеся к губам сложенные щепотью пальцы правой руки, он громко чмокнул их и отвел руку в сторону, раскрыв при этом кисть наподобие чашечки цветка — точь-в-точь грузин, торгующий на базаре апельсинами (что, конечно же, было вовсе не в натуре Аззи). Фауст, однако, остался ко всему безучастным и не изменил своего первоначального решения.

— Нет, — сказал он демону. — Мне очень жаль, мой нечистый друг, но я не могу принять ваши условия. Я вполне понимаю ваши чувства. Но с собой я ничего поделать не могу.

— Но почему же вы все-таки отказываете мне? — спросил Аззи.

— Понимаете, если я соглашусь работать на вас, то потеряю свою абсолютную независимость. Я понимаю, вас, конечно, волнуют в первую очередь свои собственные проблемы — ваша карьера, ваша интрига, ваше место в Тысячелетней войне. Но и я, со своей стороны, должен позаботиться о великой исторической роли Фауста; ну и, конечно, если у меня еще останется время — о будущем всего человечества. Так что прошу извинить меня, нечистый друг мой, но вам я подчиняться не стану.

— Что ж, — вздохнул Аззи, — попытка — не пытка... А что вы собираетесь делать дальше?

— Я попытаюсь занять свое место в Тысячелетней войне — место, принадлежащее мне по праву. Не знаю, удастся ли мне прибыть во Флоренцию вовремя... Но следующий этюд должен быть разыгран в Лондоне. Я уже договорился с Хароном насчет доставки. Такая перемена обстановки не может ему не понравиться — ведь его ладья еще ни разу не бороздила воды Темзы.

Услышав свое имя, упомянутое ученым доктором, Харон прислушался к разговору. Шаркая ногами, он прошел на корму, где сидели Аззи и Фауст, и сказал, посмеиваясь:

— Да, Фауст, мы договорились. Я доставлю вас в Лондон, но для этого вы должны сотворить достаточно мощное заклинание перемещения, которое перенесет нас туда. Эта ладья не может идти сквозь пространство и время на веслах, сами понимаете.

Фауст повернулся к Аззи:

— Да, насчет заклинания. Мое собственное уже почти потеряло всю свою силу. Не могли бы вы снабдить меня подзаряжающим устройством или, что еще лучше, дать мне все необходимое для того, чтобы составить новое заклинание? Мы с Хароном немедленно отправились бы в путь и нагнали Мефистофеля.

— Конечно, — ответил Аззи. Он вынул из кармана небольшой пакет, незаметно сорвав с него ярко-красную этикетку с надписью «ИСПОРЧЕНО. ИСПОЛЬЗОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ», наклеенную Комиссией по Стандартам колдовских средств (сокращенно КС-КС), и вручил пакет Фаусту.

— Желаю удачи, — сказал демон и тотчас растворился в воздухе.

Он был очень доволен собой. Сложная проблема разрешилась так просто! Теперь ему уже не нужно будет ломать голову

над тем, что делать с Фаустом. Этот упрямец сам себя выведет из игры — разумеется, не без помощи лукавого, веселого, находчивого рыжего демона, снабдившего ученого доктора Фауста адской машиной вместо ингредиентов для заклинания. Согласитесь, это была очень остроумная проделка!

Глава 3

— Итак, — обратился Фауст к Елене, — что вы имели в виду, когда произнесли «ха»?

Харон в это время возился на носу лодки, приготовляя свое видавшее виды судно к новому, весьма продолжительному плаванию.

Елена, прекрасная и недоступная, стояла у невысоких перил, которыми был обнесен борт лодки, и глядела на воду. Черная река катила свои волны в неведомую даль; возле берега образовывались небольшие водовороты. На ее колышущейся поверхности отражались все деяния и подвиги людей и богов: сцены из битв, из древних мифов и из жизни выдающихся героев представали перед зрителем заново, словно заснятые на кинопленку. Даже не повернув головы в сторону Фауста, Елена ответила:

— Это презрительный возглас, потому что я не чувствую к вам, сексуально озабоченному типу, ничего, кроме презрения.

— Вы меня называете сексуально озабоченным типом? *Меня*, Фауста?

— Да. Ну и что? — с вызовом ответила она. — Подумаешь — Фауст! Знаю я вас, мужчин! Будь вы великим героем или всемирно известным ученым — разница невелика. С моей точки зрения, вы всего лишь один из тех, кто рассматривает женщину как вещь, как некий приз, который должен достаться ему в награду за его выдающиеся качества. Вы, мужчины, затеваете друг с другом все эти смешные и никому не нужные войны лишь для того, чтобы победитель мог обладать женщиной...

— Признаюсь, мне странно слышать от вас такие речи, — сказал озадаченный Фауст. — Вы говорите как образованный человек, а совсем не как ветреная красавица, этакий «лакомый кусочек», каким вас представляют мифы. К сожалению, история не сохранила для нас вашей точки зрения на женский вопрос.

— Такова уж сама история, — ответила Елена. — Она имеет один существенный недостаток: победившая сторона пользуется исключительным правом представлять вещи в том свете, в котором это ей наиболее выгодно. Победителей, как известно, не

судят, вот они и прибирают к рукам историю как мощное средство воздействия на человеческие умы. И мы, те, кто входит в историю, становимся уже не самими собой, а лишь тем, что скажут о нас наши биографы. Нас превращают в какие-то пародии на самих себя!

— По-моему, вам не на что пожаловаться, — заметил Фауст. — Ваша слава распространилась далеко за пределы вашей родины, вы известны как прекраснейшая женщина в мире!

— Вам легко говорить!.. Меня обрекли на роль инженю, которую я должна играть целую вечность. Мои друзья смеются надо мной. А все потому, что всякие ослы вроде вас воображают себя чуть ли не самими богами, раз уж им удалось заполучить и поработить меня.

— Поработить вас? Вы ошибаетесь, прекрасная Елена! Как раз наоборот, это я ваш покорный слуга. Я готов исполнить любое ваше желание, малейший ваш каприз.

— Правда? — обрадовалась Елена. — Тогда верните меня обратно в царство Аида, откуда тот демон меня выкрал.

— Ну, нет, об этом не может быть и речи, — сказал Фауст. — Поймите, я просто пытаюсь быть галантным. Так почему бы вам не отплатить мне той же монетой?

— Черта с два! Вы можете обладать моим телом, но *мной* вам не завладеть никогда!

— Гм-м, — задумчиво произнес Фауст, глядя на Елену. — Любой мужчина на моем месте сказал бы, что ваше тело само по себе — неплохая награда.

— Черта с два вы его получите! Попробуйте только прикоснуться ко мне! Чтобы завладеть моим телом, вам сперва придется убить меня!

Фауст не без удивления обнаружил, что мог бы пойти и на это — женское упрямство привело его в бешенство. Он стиснул зубы и постарался успокоиться, думая о каких-нибудь отвлеченных предметах. Как ни смешно это выглядело со стороны, он вовсе не так сильно желал эту женщину, несмотря на все ее прелести. *Обладать* ею, взять над ней верх — о да, ученому доктору этого очень хотелось. Но *любить* ее?.. Она приводила Фауста (чей опыт общения с женщинами был довольно ограничен) в смятение, даже когда молчала, а уж если Елена открывала рот — тут она казалась бедному доктору настоящей мегерой. Фауст удивлялся, сколь неполно античные авторы обрисовывали характер своих героев. И почему только ни в одной древней книге не содержится никаких упоминаний о том, как прекрасная Елена вела беседы с мужчинами?..

— Послушайте, — обратился Фауст к своей спутнице, — давайте поговорим, как два разумных человека. Число ролей, в которых могут выступать мужчина и женщина, в нашем мире, к сожалению, очень ограниченно. Мне, например, выпала роль профессора, хотя должен вам признаться, она мне не очень-то нравится. И знаете, если уж быть до конца откровенным, я чувствую себя крайне неловко с властными женщинами. Я больше люблю простых девушек — птичниц, цветочниц... Но обладать вами — это большая удача, предел мечтаний каждого мужчины, и поэтому я вынужден проводить время в вашем обществе, хотя мне это не очень приятно. Как видите, я поступаюсь своими личными желаниями ради цели, которую я преследую. Итак, с моей ролью покончено. Перейдем к вашей. Что касается вас, то по воле Рока, Случая или, скажем, еще каких-то могучих сил вам досталась роль первой красавицы в мире, за обладание которой состязались многие славные мужи. О вас сложены легенды. Вы слывете самой обольстительной женщиной. Большего, кажется, и желать нельзя. Многие женщины все, что угодно, отдали бы за то, чтобы променять свою жизнь на жизнь Елены Троянской. У вас прекрасная роль — благодаря ей память о вас осталась жить в веках. Даже если вам не по душе такая участь, не благоразумнее ли было бы смириться с нею и постараться не ударить в грязь лицом?

Елена задумалась.

— Что ж, Фауст, — сказала она, подумав, — вы говорите складно, и, что самое главное, говорите искренне. Я не скрою от вас того, что думаю. Мне кажется, что вы мне совсем не пара. Судите сами, о Елене знают все, а кто знает о Фаусте?

— Я ведь из будущего, не забывайте, — ответил ей Фауст. — Вы не можете знать обо мне, так как в ваше время легенды о докторе Фаусте еще не существовало. Однако даю вам слово, что моя слава ничуть не меньше вашей. В вашем мире подростки и юноши наверняка мечтали стать такими же прославленными героями, как, например, Одиссей или Ахиллес. В нашу эпоху люди преклоняются перед фаустовским идеалом.

— Не могли бы вы мне кратко рассказать, в чем заключается этот идеал?

— Как ни трудно выразить словами неповторимую сущность человека, я все же попытаюсь это сделать. Скажем так: Фауст — тот, кто находится в поисках истины, никогда не останавливаясь на достигнутом. Конечно, на самом деле Фауст — нечто неизмеримо большее, чем просто борец за справедливость или знаме-

нитый ученый, но, кажется, мне удалось передать основную черту его характера.

— Нечто вроде нового Прометея? — спросила Елена.

— Почти так, прекрасная Елена, — ответил Фауст, посмеиваясь. — Но между Фаустом и Прометеем существует огромная разница. Прометей окончил свой век на мрачной скале, к которой он был прикован несокрушимыми цепями, и каждый день Зевесов орел прилетал на эту скалу, чтобы терзать печень героя своим острым клювом, причиняя ему нестерпимые страдания. Фаусту же удалось сбросить с себя те оковы, которые налагают на смертных Пространство и Время. Он совершает удивительные путешествия во времени, посещает далекие страны — не без некоторой помощи своих друзей, конечно. В этом заключается главное различие между древним Прометеем и современным Фаустом.

Елена хмыкнула:

— Стоило лишь завести разговор о роли Фауста в истории — и вас не унять. Интересно было бы поглядеть, так ли уж вы ловки на дела, как на разговоры.

Фауст почувствовал, как долго сдерживаемое раздражение заклокотало в нем, словно кипяток в плотно прикрытом крышкой горшке. Усилием воли он заставил себя принять равнодушный вид, ничем не показывая, насколько слова этой женщины задевают его.

— Что ж, приступайте к делу, Фауст, — продолжала Елена. — Признаюсь, мне любопытно поглядеть, что за новый миф вы собираетесь сотворить. Не могли бы вы рассказать мне о нем хотя бы вкратце, раз уж мне придется путешествовать вместе с вами? Каковы ваши планы?

— Для начала я собираюсь уплыть отсюда, — сказал Фауст. — Харон! Готова ли ладья?

— А у вас есть заклинание перемещения?

— Вот оно!

Фауст передал пакет перевозчику мертвых. Харон осторожно провел рукой по внешней обшивке борта лодки. Найдя неширокую щель, он засунул пакет между досками. Фауст взмахнул руками и произнес слова, необходимые, чтобы привести заклинание в действие. Посередине судна возник джинн весьма среднего роста, показавшийся непривычным к подобным зрелищам пассажирам огромным и страшным. Джинн отпустил лини и исчез из виду. Ладья вздрогнула и качнулась на волнах, затем окуталась густым облаком едкого дыма. Дым был зеленоватого и серого цвета; по краям облако отсвечивало золотисто-желтым, и из

него вырывались тонкие струйки пара, похожие на закручивающиеся усики ползучих растений. Заклинание перемещения сработало, и лодка рывком двинулась с места.

Если бы в этот момент на берегу находился посторонний наблюдатель, знающий толк в алхимии, он мог бы сказать, что зеленовато-серые облака дыма — признак не заклинания перемещения, а скорее неправильно подействовавшего заклинания движения. Внимательно наблюдая за ладьей, можно было заметить отклонение от правильного курса — это также было плохим признаком. Что-то было совсем не так, как должно быть; сторонний наблюдатель мог бы сказать, что дела у путешественников в ладье идут весьма скверно. И, рассудив так, он был бы весьма недалек от истины.

Глава 4

Мак шел по дороге, с обеих сторон обсаженной высокими стройными тополями. Одолев некрутой подъем, он увидел остроконечные шпили соборов и крыши домов. Перед ним открывалась панорама прекрасного города. День выдался солнечный и теплый, и горожанам не сиделось дома. Они гуляли парами и небольшими группами. Мак заметил, что костюмы мужчин мало отличались от повседневной одежды состоятельных краковчан: чулки, блузы, жакеты, невысокие сапожки и башмаки из мягкой кожи — все это было привычно для Мака; вот разве только тонкая вышивка и яркие цвета тканей ничуть не напоминали краковский стиль. Оглядев себя, Мак увидел, что Мефистофель приказал одеть его в такой же точно манере. Не задерживаясь дольше, чтобы полюбоваться на город издали, он зашагал прямо к воротам. Ему не терпелось узнать, что представляет собой Флоренция.

На улицах было оживленно и людно. Казалось, все жители вышли из своих домов; многие принарядились, как во время большого праздника. В этот погожий весенний денек жизнелюбивые граждане Флоренции ликовали вместе с природой. Над балконами и островерхими крышами домов развевались полотнища цеховых знамен, украшенные гербами. Уличные торговцы на все лады расхваливали новейшее кулинарное изобретение — пиццу. Вооруженные всадники в блестящих стальных шлемах проезжали по улицам, прокладывая себе путь через толпу с той бесцеремонностью, с какой это делает полиция всех времен и народов. Миновав ряды тесно прижавшихся друг к другу пала-

ток, где торговали одеждой, оружием, мелкой домашней утварью, фарфором, фруктами, ароматными приправами и благовониями, Мак оказался на углу широкой, шумной улицы.

Он огляделся, подумав, что сперва нужно подыскать себе подходящую квартиру. Заглянув в свою сумку, он убедился, что кошелек его туго набит новенькими блестящими золотыми монетами — Мефистофель не поскупился на расходы, отправляя его в незнакомый город. Мак медленно пошел вдоль улицы, разглядывая яркие вывески таверн, магазинчиков и мастерских. Его внимание привлекла гостиница, расположенная в самом конце улицы. Стены просторного дома, где размещалась гостиница, были окрашены в пастельный цвет. Над входом красовалась вывеска — надпись, сделанная из листового золота, гласила: «Парадизо».

Хозяин гостиницы, тучный краснолицый человек, недоверчиво поглядел на нового посетителя — ведь по обычаям, принятым во Флоренции, знатным господам полагалось посылать вперед слугу, чтобы объявить о своем прибытии. Однако, как только Мак развязал свой кошелек и вытащил оттуда золотой флорин, круглое лицо хозяина расплылось в улыбке.

— Я отведу вам лучшие комнаты, любезнейший доктор Фауст! Вы прибыли в наш город как раз накануне большого праздника. Мы, флорентийцы, каждый год устраиваем публичные сожжения предметов, толкающих нас на путь соблазна. Грандиознейшее зрелище!

— Да, я слышал об этом, — сказал Мак. — А где будет проходить сожжение?

— Всего лишь через несколько кварталов отсюда, на пьяцца Синьориа, — ответил хозяин. — Вам стоит посмотреть. Это будет эпохальное событие. В городе только о нем и говорят. Каждый год к нам съезжаются иностранцы — поглядеть на огромные костры. Но в этот раз Савонарола обещал устроить нечто выдающееся.

— Любопытно было бы знать, что за человек этот Савонарола.

— О, он монах, строго соблюдающий устав. Он живет очень скромно, не то что иные князья Церкви, которые имеют огромную власть и используют ее не для общего блага, а для своих личных выгод. Он публично обличает симонию, индульгенции и многие другие вещи, разлагающие святую Церковь. И еще он выступает за французский альянс.

— А что это такое?

— Это наш договор с французским королем. Пока он действует, папа римский не может снова навязать нам Медичи, как ему очень хотелось бы.

— Вы не любите этих Медичи? — спросил Мак.

— Не то чтобы совсем не любим... Они действуют достаточно ловко. Лоренцо Медичи прозван Великолепным — не без основания, надо сказать. Флоренция еще не видела более тонкого знатока и щедрого покровителя искусств. Во время его правления наш город достиг своего наивысшего расцвета.

— И все же его правление приходится вам не по нраву?

Хозяин пожал плечами:

— За великолепие князей всегда платит народ. Городу очень дорого обходится роскошь, в которой утопают Медичи. Кроме того, мы, флорентийцы, свободные граждане и намерены сохранить свою свободу. Мы не привыкли, чтобы нами правила одна семья.

Мак осмотрел отведенные ему покои. Быстро привыкнув к роскоши, он стал весьма требовательным ко всяким мелочам, придающим жилью комфорт, на которые настоящий доктор Фауст никогда не обращал внимания. Убедившись в том, что шикарный номер, занятый им, вполне сгодился бы для принца, путешествующего инкогнито, Мак подумал, что пора разыскать Маргариту. Хозяин гостиницы объяснил ему, как пройти на шелковый рынок — маленькая рыночная площадь находилась в конце улицы Фьезоле. Мак, не бывавший на Востоке и не видевший тамошних базаров, решил, что так должен выглядеть восточный базар. И действительно, флорентийский шелковый рынок представлял собой красочное зрелище. Палатки стояли почти вплотную одна к другой, и под навесами расцветали всеми цветами радуги пестрые шелка. На рынке было много китайцев, одетых в длинные халаты, с неизменными черными косичками за спинами, — их присутствие придавало площади восточный колорит.

Мак огляделся. Повсюду лежали шелка — груды материи самых разных сортов и оттенков. Здесь были муаровые шелка, без которых не обходилась ни одна модная лавка во Франции и в Нидерландах, узорчатый шелк, особенно полюбившийся амстердамским портным, эстофады из грубого плотного шелка и легкие, экспортирующиеся из Испании санбенито с открытым воротом. Всюду, где только удавалось втиснуть два-три маленьких столика между соседними палатками, дымились кофеварки и пахло свежим кофе. Тут же продавали спагетти — эту новинку привез из Китая Марко Поло. Китайцы неосторожно назвали их *лапшой,* не ведая, что в Италии им дадут новое, более звучное и изящное название. Обойдя весь рынок, Мак наконец обнаружил

Маргариту в одной из модных лавок (которые, к слову сказать, были еще довольно редким явлением в те времена — век шикарных магазинов и модных мастерских еще не наступил). Девушка охорашивалась перед огромным зеркалом, которое держал перед нею хозяин лавки, маленький человечек с заячьей губой, но на удивление ровными и крепкими белыми зубами — должно быть, природа решила таким образом вознаградить его за уродство.

— Ах, синьор, — проговорил хозяин лавки, — вы пришли как раз вовремя, чтобы посмотреть на свою госпожу во всей ее красоте!

Мак снисходительно улыбнулся. Он мог сделать широкий жест — ведь он тратил не свои деньги, а Мефистофеля.

— Ну, что тебе здесь понравилось, дорогая? — спросил он Маргариту.

— Ах, посмотри, — прощебетала она, — я выбрала бальное платье. Прелестно, правда?.. Иоганн, тебе нужно заглянуть в специальный магазин, где торгуют всем необходимым для мужчин. У синьора Энрико можно найти самые модные камзолы и камичи.

— Камичи?.. — переспросил Мак.

Синьор Энрико, державший перед Маргаритой зеркало, улыбнулся, отчего его заячья губа еще больше оттопырилась, и быстро заморгал своими влажными темными глазками.

— Это новинка, ее привезли к нам из Венгрии, — сказал он. — Легкий, небрежный стиль. Вечерний костюм предполагает трико, обтягивающее ноги, которое носят с панталонами особого покроя. Гульфик панталон будет лишь слегка подчеркивать вашу мужественность, а не кричать о ней до небес...

— Ах, как он говорит! — воскликнула Маргарита.

Мак почувствовал себя немного неловко — он никак не мог понять, о чем идет речь, не мог ухватить общую нить разговора; но, подумав о том, каким удовольствием для состоятельного мужчины является покупка дорогих нарядов своей подруге, он приободрился. Когда Маргарита закончит делать покупки, он сможет подыскать что-нибудь для себя, попросив Мефистофеля выдать ему вперед часть причитающегося ему вознаграждения, если возникнет нужда в деньгах. Правда, Мефистофель не сказал ему, каков размер его вознаграждения. Мак пожалел, что не обговорил этот пункт сделки заранее. Однако сейчас, похоже, подвернулся удобный случай расставить все точки над «i». Ведь если его не устроит то, что ему полагается по договору, получится, что он работает задаром и только зря теряет время, участвуя в Тысячелетней войне.

— Ты прекрасно выглядишь, дорогая, — сказал Мак Маргарите. — Поторопись, пожалуйста. У меня есть одно важное дело.

— Какое дело, дорогой?

— Мне нужно найти картину Боттичелли. Если мне удастся ее разыскать, то можно будет устроить одно выгодное дело.

— Боттичелли? — вмешался Энрико. — Может быть, я смогу быть вам полезен. Я знаю всех художников. Для меня будет величайшим наслаждением предложить вам свою помощь и свой опыт в оценке картин... О нет! — воскликнул он громко, и Мак вздрогнул от неожиданности. — Моя помощь вряд ли понадобится. Синьор, по-видимому, знаток живописи.

— Что ж, — улыбнулся Мак, — давайте проверим это на деле, не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня.

И Мак пошел к выходу. Внезапно дверь распахнулась, и тучный странно одетый человек чуть не сбил его с ног.

— Доктор Фауст! — прокричал он, задыхаясь. — Мне нужен Иоганн Фауст! Доктор, прибывший из Германии! В «Парадизо» мне сказали, что он пошел сюда!

— Я тот, кого вы ищете, — ответил Мак. — Что случилось, мой друг?

— Мой господин! Он умирает! Когда он услышал, что в городе объявился доктор из Германии, он послал меня разыскать его. Ах, сударь, если вам удастся исцелить моего господина, вас наградят по-царски. Вы сможете пожелать все, что вашей душе угодно.

— Гм... Вообще-то я... я сейчас занят... — пробормотал Мак, боясь обнаружить свое невежество. Жители Флоренции показались ему очень вспыльчивыми, и он опасался, как бы ему не пришлось расстаться с головой, если его разоблачат. — У меня мало свободного времени... Как, вы говорите, зовут вашего господина?

— Мой господин — Лоренцо Медичи, прозванный Великолепным.

— Кажется, дело принимает нужный оборот, — шепнул Мак Маргарите. А вслух добавил: — Сложи вещи, дорогая, и жди меня в гостинице. Я вернусь к тебе, как только исполню свой долг милосердия.

Глава 5

Слуга Лоренцо Медичи повел Мака к своему господину. Палаццо Медичи было расположено в живописном месте неподалеку от Арно. Стройные колонны из белого мрамора и портик в

греческом стиле придавали этому прекрасному дворцу изящество и величавую простоту. Двери из полированного красного дерева были украшены затейливой резьбой — этот стиль ввел Дамьято, прозванный Проклятым. У дверей стояли важные лакеи в ливреях и белых рубашках, сшитых по последней неаполитанской моде; смерив Мака презрительными взглядами, они преградили ему путь: его платье, вполне приличное для такого места, как рынок, выглядело слишком бедно в сравнении с их собственными ливреями. Старик слуга, сопровождавший мнимого доктора, что-то шепнул разряженным лакеям, и Мака пропустили во внутренние покои.

Стеная и заламывая руки, слуга повел Мака по длинному коридору. На стенах висели картины, писанные маслом, — благодаря знаниям, полученным от Мефистофеля, Мак мог оценить их. Подойдя к двери в дальнем конце коридора, слуга постучал и осторожно открыл ее. Заглянув внутрь, Мак увидел роскошные, поистине царские покои.

Стены зала были украшены картинами великих мастеров, а на мраморных столиках тут и там стояли миниатюрные скульптуры и статуэтки. Богатый восточный ковер покрывал пол, а к потолку на тяжелых бронзовых цепях была подвешена огромная хрустальная люстра. Пламя горящих светильников отражалось в прозрачных подвесках, сверкающих, словно алмазы. Тяжелые шторы на высоких окнах были опущены, сквозь них кое-где пробивались слабые лучи света. Сильный запах серы не мог заглушить того специфического кислого запаха, который всегда присутствует в комнате, где лежит больной. На столе у окна стоял поднос с остатками роскошной трапезы; терпкий аромат вина, приправленного пряностями, смешивался с резкой вонью испражнений на полу, где собаки грызли кости.

Посередине этого зала, словно величественный королевский трон, возвышалась огромная кровать. Ножки кровати и высокие деревянные столбики, поддерживающие балдахин, были покрыты искусной резьбой; занавеси из легкого, полупрозрачного шелка ровными складками ниспадали на тонкие белые простыни. На столиках возле кровати горели высокие белые свечи в серебряных подсвечниках. Несмотря на то, что день был достаточно теплым, в камине горел огонь.

— Кто здесь? — послышался негромкий голос.

Лоренцо Медичи, утопающий в мягких перинах, выглядел на все свои семьдесят с лишним лет; недуг сильно состарил его. Его бесформенное, раздувшееся от водянки тело лежало на постели, словно деревянная колода, — больной почти не мог шеве-

литься. Из-под набрякших век на Мака глянули маленькие проницательные и умные глаза. Казалось, только эти глаза и жили на бледном, опухшем лице, превращенном болезнью в застывшую уродливую маску. Лоренцо Великолепный умирал, но даже на смертном одре он старался сохранять достоинство, подобно древним героям и могущественным королям. На нем была длинная ночная сорочка, расшитая единорогами, голову его покрывала черная шапочка — две тонкие ленточки завязывались под подбородком, не давая ей упасть или сползти набок. Там, где тело не было тронуто болезнью и разложением, сухая, морщинистая, землистого цвета кожа свисала складками. Губы Лоренцо Медичи, бывшие полными и румяными в те дни, когда восшедший на престол Римской католической Церкви член семьи Медичи дерзко объявил о существовании иного Бога — бога Медичи, сейчас побледнели, сморщились и покрылись сероватым налетом, словно на них осталась горечь после прожитых трудных лет. На шее умирающего старика неровно билась голубоватая жилка — удивительно, подумал Мак, что она еще не затихла, как все остальные. Пальцы левой руки, скрюченные после паралича, чуть дрожали.

— Я доктор Фауст, — громко объявил Мак. — Что вас беспокоит?

— Я, — сказал Медичи, — самый богатый человек на свете.

Тот, кто слышал голос Медичи в те времена, когда этот парализованный, прикованный к постели человек находился в полном расцвете сил, мог бы сказать, что сейчас он звучит слишком неровно и глухо; однако в нем еще было достаточно силы, чтобы заставить дрожать хрустальные подвески люстры — мельчайшие частицы пыли поднялись с них и затанцевали в воздухе.

Мак почувствовал, что по спине у него пробежал приятный холодок. Судьба сама шла ему навстречу, и он не собирался упускать такой удобный случай.

— А я, — ответил он, — самый дорогой врач в мире. Какая удача, что мы встретились!

— Каким образом вы предполагаете меня вылечить? — спросил Медичи так властно, что казалось, даже черви, уже грызущие его тело, на минуту приостановили свой кровавый пир, охваченные благоговейным трепетом перед силой этого голоса.

Мак знал, что лечение не займет много времени и не отнимет у него много сил. Нужно было всего лишь достать пузырек с чудодейственным эликсиром, который дал ему Мефистофель, и вылить содержимое склянки в рот Медичи. Однако он отнюдь не собирался раскрывать больному свой секрет. В самом деле, кто

же будет платить сумасшедшие деньги за несколько ложек снадобья? Маку хотелось, чтобы процедура была как можно более сложной и произвела впечатление на всех, кто будет при этом присутствовать. В его голове уже начал созревать хитрый план. Приняв важный и степенный вид, он сказал:

— Для начала нам потребуется золотая чаша. Весом не менее чем двадцать четыре карата.

(Он подумал, что неплохо было бы иметь под рукой кусок чистого золота на тот случай, если что-нибудь пойдет не так, как он ожидал. Вот какие мысли иногда приходят в голову в критический момент!)

— Сию же минуту приготовить, — приказал Медичи слугам.

Слуги бросились выполнять приказ. Небольшая заминка возникла из-за того, что не сразу смогли отыскать ключи от сейфа, где хранилась золотая посуда — горшки, кастрюли и тазы для варки варенья.

Наконец принесли золотую чашу и те алхимические снадобья, которые Мак потребовал якобы для приготовления лекарства. Все необходимое отыскалось в считанные минуты — Лоренцо Медичи был очень богат и обладал весьма разносторонним вкусом; его коллекции предметов искусства, различных редкостей и диковин, а также разнообразных принадлежностей для колдовских опытов не имели себе равных в мире. Один из дальних покоев дворца занимала алхимическая лаборатория, оснащенная самым современным оборудованием. Здесь стоял огромный перегонный куб, сверкающий цветным венецианским стеклом и начищенной до блеска бронзой, — этот изящный прибор служил ярким доказательством утонченного вкуса и проницательного ума хозяина. Горн, стоявший в углу, был снабжен специальным устройством, позволяющим контролировать температуру с невиданной доселе точностью. Оставалось только удивляться, почему Медичи, будучи, по-видимому, столь искушенным в науке алхимии, не смог сам приготовить для себя лекарство и прибегал к посторонней помощи.

Мак соединил трубки гибкими шлангами, повозился с ручной горелкой и уже был готов начать свой спектакль для внимательно наблюдающей за его действиями публики, когда тишину внезапно нарушил громкий, властный стук в дверь. Дверь тотчас же распахнулась. Человек, известный во всем мире под именем фра Джироламо Савонарола, решительно перешагнул порог покоев своего опаснейшего противника, Лоренцо Медичи.

Этот человек, молва о котором распространилась далеко за

пределы Италии, был высок и худ, и очень бледен. Устремив горящий взор своих черных глаз на Медичи, он сказал:

— Говорят, что ты хотел меня видеть по некоему делу.

— Да, брат мой, — ответил Лоренцо. — Мы по-разному смотрим на многие вещи; однако я думаю, мы сойдемся в том, что оба мы — сторонники сильной Италии, а значит, оба заинтересованы в устойчивом курсе лиры, оба противники коррупции в Церкви. Я хотел исповедоваться тебе и получить отпущение грехов.

— Рад это слышать, — ответил Савонарола, вытаскивая из складок грубой рясы свиток пергамента. — Я отпущу твои грехи, если ты отдашь все свое добро и нажитые тобой деньги на благотворительные цели. Я лично прослежу, чтобы их распределили между неимущими. Подпиши вот это!

Развернув пергамент, он подсунул его под нос Лоренцо Медичи — неровные строчки оказались прямо перед гноящимися глазами умирающего старика. Никто не подумал бы, что тщедушное тело монаха способно двигаться столь быстро и ловко — Савонарола страдал от лихорадки и зубной боли, которые не мог изгнать ни молитвами, ни долгими постами.

Глаза Медичи забегали по строчкам, затем прищурились, превратившись в две узкие щелочки.

— Ты заламываешь слишком большую цену, брат. Я приготовил завещание, в силу которого в церковную казну отойдет немало денег. Но у меня есть родственники, и я обязан позаботиться о них.

— Господь о них позаботится, — отвечал Савонарола.

— Возможно, ты не хотел оскорбить меня, когда пришел сюда с таким предложением; однако мне в это не верится, — сказал Медичи.

Инстинкт подсказал Маку, что этот тощий монах, ворвавшийся в опочивальню Медичи, может помешать его планам и лишить его щедрой награды, обещанной за исцеление Медичи. Поэтому он оторвался от своих колб с бурлящей и булькающей жидкостью и громко объявил:

— Лекарство почти готово.

— Подпиши пергамент! — воскликнул Савонарола. — Признайся в своих грехах!

— Я молюсь господу в сердце своем, — медленно проговорил Лоренцо. — Но эта молитва — не для твоих ушей.

— Я монах, — сказал Савонарола, — исповедь — по моей части.

— Ты горд и тщеславен, — с трудом произнес Медичи, — а кроме того, ты глуп. Убирайся к чертям. Фауст! Лекарство!..

Мак вытащил пузырек, данный ему Мефистофелем. Горлышко склянки было запечатано, и открыть его, не имея под рукой плоскогубцев или щипчиков, было очень трудно. В те давние времена их имел далеко не каждый, тем более — врач или алхимик, которому подобные инструменты совсем не нужны. Пока Медичи и Савонарола спорили друг с другом, Мак изо всех сил дергал за пробку, пытаясь сорвать тугую печать с узкого горлышка. Напуганные слуги столпились в углу, наблюдая за бурной сценой, происходящей между их господином и монахом. С улицы доносился звон церковных колоколов.

Наконец Маку удалось открыть свой пузырек. Он повернулся к Медичи, зажав спасительный эликсир в высоко поднятой руке.

Но Лоренцо Великолепный внезапно замолчал и откинулся на подушки, попытался приподняться, но не смог. Все его тело напряглось и затрепетало, потом дрожь прошла, и он остался недвижим. Рот его был открыт, невидящие глаза подернулись тонкой мутной пленкой.

Медичи умер.

— Спокойно, спокойно, — пробормотал Мак. — Сейчас...

Поднеся склянку к губам Медичи, он опрокинул ее горлышком вниз, пытаясь влить ему в рот чудесное лекарство. Жидкость, стекая по подбородку мертвого старика, проливалась на ночную сорочку и на простыни.

Слуги подняли ропот, на все лады ругая незадачливого доктора, когда Мак, пятясь, отошел от тела того, кто двадцать с лишним лет правил Флоренцией. Савонарола склонился над умершим, выкрикивая что-то резким, высоким голосом. Воспользовавшись общим смятением, Мак пробрался к двери и быстро зашагал по коридору.

Выйдя из дворца, он прошел несколько кварталов; свернув в один из переулков, ведущих к гостинице, где ждала его Маргарита, он на секунду остановился, пытаясь вспомнить, не забыл ли он что-нибудь в покоях Медичи. Ему казалось, что он оставил там нечто важное... Ну конечно! Золотую чашу!

Он хотел вернуться назад. Но было уже поздно. Навстречу ему двигалась целая толпа, и он был увлечен ее мощным потоком. Люди приплясывали, смеялись, кричали, молились, плакали, пели. Они шли на пьяцца Синьориа посмотреть на гигантский костер, обещанный городу Савонаролой. В этот час все жители Флоренции, казалось, посходили с ума.

Толпы людей, охваченных необычным возбуждением накануне предстоящего торжества, хлынули на улицы. В воздух поднялась пыль от топота многих сотен бегущих ног. На порогах трактиров и пивных уже дремали пьяные, успевшие осушить кувшин-другой вина с самого утра. Детвора с восторженными воплями устремлялась вслед за взрослыми; дети путались под ногами, пытаясь пробраться в самый центр людского потока, шалили, кривлялись, хохотали, швыряли мелкие камешки вслед прохожим. Все магазины и лавочки были закрыты — их хозяева, почтенные купцы и разного рода торговцы, сейчас «стремились на площадь, где готовилось знаменитое сожжение предметов искусства. Раздался громкий стук копыт — отряд вооруженных всадников прокладывал себе путь через толпу. В своих красно-черных мундирах они выглядели весьма эффектно. Мак юркнул в первый попавшийся кабачок, чтобы его не затоптали лошади, и столкнулся в дверях с каким-то человеком, выходившим на улицу в этот самый момент.

— Смотри куда идешь, парень! — отчитал его незнакомец.

— Извините, — пробормотал Мак. — Это солдаты...

— Какие, к черту, солдаты? Вы мне ногу отдавили, милейший!

Человек, на которого так неловко налетел Мак, был высок и строен, с правильными чертами лица; он мог бы послужить неплохой моделью для античной статуи Аполлона. В одежде его чувствовались оригинальный вкус и привычка к роскоши: длинный черный плащ был оторочен темным мехом, а на шляпе красовалось перо страуса — очевидно, этот человек много путешествовал, если, конечно, он не водил дружбу с содержателями городского зверинца. Несколько секунд он не сводил с Мака пристального взгляда своих больших блестящих глаз, затем сказал:

— Прости меня, чужестранец, но мне кажется, мы уже где-то встречались.

— Что-то не припомню, — ответил Мак. — К тому же я здесь недавно. Я нездешний. Я прибыл из... издалека.

— Любопытно, — продолжал его настойчивый собеседник. — Я как раз ищу человека, который прибыл издалека. Меня зовут Пико делла Мирандоло. Может быть, вы кое-что слышали обо мне?

Маку было знако́мо это имя — он узнал о Мирандоле от Ме-

фистофеля. Князь Тьмы рекомендовал его лже-Фаусту как одного из величайших алхимиков эпохи Возрождения.

— К сожалению, ничего, — развел руками Мак. Он отнюдь не собирался раскрывать свою душу перед властным чужеземцем, предчувствуя, что излишняя откровенность может причинить ему вред. — Я вижу вас впервые, и столкнулись мы с вами совершенно случайно. Вряд ли я тот, кого вы ищете.

— Действительно, со стороны наша встреча может показаться чистой случайностью, — стоял на своем Пико. — Но силой магического искусства мы можем проникнуть в глубинную сущность того, что кажется нам слепой игрой случая. Я предвидел, что встречу кого-то на этом самом месте именно в это время. Так почему бы не вас?

— Как зовут человека, которого вы ожидали встретить?

— Иоганн Фауст, знаменитый виттенбергский маг и алхимик.

— Никогда не слышал о нем, — ответил Мак, сообразив, что настоящий Фауст, или, как мысленно называл его Мак, *другой* Фауст, должно быть, связался со своим флорентийским коллегой — ведь для такого искусного мага, как доктор Фауст, время и пространство отнюдь не составляли непреодолимого препятствия, и даже сама смерть отступала перед ним. У Мирандолы была громкая и весьма зловещая слава чернокнижника, волшебника и некроманта. Возможно, Фауст ухитрился послать ему весточку через века, разделяющие их.

— Значит, вы уверены в том, что вы не Фауст? — спросил Мирандола.

— Да-да, вполне уверен. Уж что-что, а свое собственное имя я знаю. Ха-ха, — несколько принужденно рассмеялся он собственной шутке. — Извините, но сейчас я очень тороплюсь. Мне еще нужно успеть на это сожжение Рене... Ренесс... ну, словом, на то зрелище, которое устраивают на площади. До свидания!

И Мак повернулся, чтобы идти. Несколько секунд Пико провожал его взглядом, затем пошел вслед за ним.

Мак вышел на площадь. В самом центре ее были свалены в огромную кучу самые различные предметы — резная деревянная мебель, картины, косметика, женские украшения и даже церковные ризы. Эту гору разнородных предметов плотным кольцом окружала толпа любопытствующих горожан. Мак протолкался через несколько рядов.

— Что здесь происходит? — спросил Мак у человека, стоящего рядом с ним.

— Савонарола со своими братьями по ордену сжигает предметы роскоши, — ответил тот.

Мак усиленно заработал локтями, прокладывая себе путь поближе к этой громадной куче. Подойдя ближе, он смог разглядеть самые разнообразные предметы — расшитые мелким жемчугом сумочки, детские рубашонки из тонкого полотна, нарядные скатерти и салфетки, изящные подсвечники, картины и много других предметов, в беспорядке сваленных в самом центре площади.

На самом краю горы разнообразных вещей, предназначенных для сожжения, Мак заметил большую картину в затейливой рамке. Благодаря знаниям в области искусства, вложенным в его голову Мефистофелем, он сразу понял, что это картина Боттичелли, относящаяся к среднему периоду творчества великого художника. Она была великолепна и, что для Мака было более важно, стоила огромную сумму денег.

«Здесь столько разных картин, — подумал Мак. — Верно, не случится ничего плохого, если я возьму одну из этой кучи».

Воровато оглянувшись — не следит ли за ним кто-нибудь, он быстро наклонился, схватил картину и спрятал ее под куртку. Картина была новой, и на ней не было заметно никаких следов повреждения.

Пока Мак оправлял свою куртку и озирался по сторонам, монахи в черных рясах подожгли громадный костер с четырех сторон. Пламя взметнулось вверх, и огонь начал быстро пожирать сухое дерево и ткани. Мак решил поискать в общей куче другую картину — на всякий случай; ведь две гораздо лучше, чем одна. Совсем рядом он заметил полотно кисти Джотто, но краска на нем уже начала вздуваться пузырями и трескаться от жара. Мак с жадностью смотрел на горящие вещи. Сколько добра пропадает даром! Как жаль, что ему не удастся вытащить из огня еще один холст! Сохранив несколько изящных вещиц, которые должны были погибнуть в пламени, он мог бы послужить искусству. Припомнив свой последний разговор с Мефистофелем, Мак подумал, что остальные дела, предложенные ему демоном — продление жизни Медичи и что-то там еще с каким-то Макиавелли, — чересчур запутанные и сложные; самому мудрому судье будет сложно разобраться, хороший или дурной поступок он совершил. Здесь же все было ясно и четко определено. Вряд ли кто-нибудь станет обвинять человека, спасающего прекрасные картины от истребления.

Чья-то рука опустилась на плечо Мака, отвлекая его от размышлений на моральные темы. Он оглянулся. Человек средних

лет с короткой темной бородкой, богато одетый, строго смотрел на него.

— Что вы делаете? — спросил незнакомец.

— Я? Ничего особенного, — ответил Мак. — Стою и смотрю на костер, как и все остальные.

— Я видел, как вы вытащили картину.

— Картину?.. Какую картину?.. Ах, вы имеете в виду вот эту... — Из-под полы куртки Мака высовывался край полотна. Он отвернул полу и показал картину незнакомцу. — Это Боттичелли. Слуга по ошибке принес ее сюда. Мы сняли ее со стены, чтобы немного почистить. Ведь у вас во Флоренции не принято сжигать картины Боттичелли на кострах, не так ли?

— Кто вы, сударь? — спросил Мака незнакомец.

— Я здешний дворянин, — сказал Мак.

— Странно, однако, что я до сих пор вас не видел.

— Я живу в своем имении и редко бываю в городе. А вы-то сами кто?

— Я *Никколо Макиавелли*.

— О! — воскликнул Мак. — В таком случае я должен вам кое-что передать. — Меня просили предупредить вас, чтобы вы не писали ту книгу, которую собираетесь написать, — «Князя».

— Я никогда не писал книги с таким названием, — ответил удивленный Макиавелли. — Более того, я и не помышлял о ней. «Князь»... Какое интересное название. Оно мне нравится!

— Поступайте как вам угодно, — сказал Мак. — Но помните, что вас предупреждали.

— Но от кого исходит это предупреждение? — спросил Макиавелли.

— Я не могу открыть вам его имя. Однако по секрету я все-таки сообщу вам, что он черт... я хотел сказать, он чертовски хороший парень.

Несколько секунд Макиавелли пристально глядел на Мака, затем повернулся и медленно пошел прочь, покачивая головой. Мак, спрятав под полу картину Боттичелли, тоже собрался уходить. Он был весьма доволен собой.

Но тут его нагнал Мирандола.

— Я вступил в контакт с потусторонними силами, — сказал он. — Мне удалось узнать почти все. Что ты сделал с настоящим Фаустом?!

Маг, казалось, стал еще выше ростом; его фигура угрожающе нависла над Маком, сжавшимся от страха в комок. Пико достал из-под плаща огромный пистолет (в тот век подобные игрушки еще только входили в моду) и навел его на Мака. Судя по калибру, это оружие было куда более грозным, чем оно казалось на

первый взгляд, — пули в нем были такие, что вполне могли разорвать человека на части. Мак затравленно озирался в поисках убежища — увы, напрасно! — спрятаться было некуда. Взглянув на Мирандолу, он заметил, как палец мага лег на спусковой рычажок...

В тот же миг раздался негромкий хлопок, серый дым заклубился на мостовой, побежали пылевые чертики, и на краю тротуара появилась человеческая фигура. Это был сам доктор Фауст.

— Не делай этого, Пико! — воскликнул он.

— Но почему? Этот лгун выдает себя за вас!

— Мы не можем лишить его жизни. Он *действительно* играет мою роль. Пока он занимает мое место, он не должен погибнуть!

— Но в чем заключается эта роль, Иоганн? — спросил Мирандола.

— Все разъяснится позднее. Пока же не причиняй ему вреда, дорогой друг.

— Ты рассуждаешь мудро, Фауст.

— Возможно, мы еще встретимся позже, Пико. У меня есть план...

— Ты можешь положиться на меня! — воскликнул Мирандола. Но Фауст уже исчез — лишь легкое облачко дыма клубилось на том месте, где только что стоял бывший профессор алхимии Ягеллонского университета.

Перед Маком появился Мефистофель — словно из-под земли вырос.

— Вы готовы? — спросил он. — Тогда мы отбываем. Кстати, что здесь происходит? Вы так пристально глядели на то место, где...

— Ну, вы же знаете людскую привычку, — сказал Мак. Ни за что на свете он не сознался бы в том, что всего лишь секунду назад он встретился с ученым доктором Фаустом. — Люди вечно на что-нибудь глазеют...

И Мак покрепче зажал под мышкой картину Боттичелли. Мефистофель щелкнул пальцами, и тотчас оба они исчезли.

Глава 7

Мак с Мефистофелем очутились на пороге невысокого каменного здания, построенного неподалеку от того места, где обычно вершился Суд Тысячелетних войн.

— Где мы находимся? — спросил Мак.

— В приемной Лимба, — ответил Мефистофель. — Я держу

здесь небольшой склад, где вы можете хранить картину Боттичелли. Или вам угодно сразу продать ее мне?

— Нет-нет, — сказал Мак. — Мне бы хотелось оставить ее у себя на некоторое время. Ну, как я сыграл?

— Прошу прощения?

— Я хотел сказать, как я справился со своей ролью в вашей... как ее там... войне во Флоренции?

Мефистофель не проронил ни слова, пока они не вошли в дом. Показав Маку комнату, где он может оставить свое добро, он сказал:

— Вы ничего не достигли, пытаясь уладить ссору между Савонаролой и Медичи. За свои безрезультатные действия вы получили круглый ноль и ни одного очка в плюс или в минус.

— Зато я предупредил Макиавелли, чтобы он не писал свою книгу. Это ведь хорошее дело, не так ли?

Мефистофель пожал плечами:

— Нам это неизвестно. Такими вещами занимаемся не мы, а Судьба. Она — наш главный судья. Добро и зло находятся в подчинении у Того-что-должно-быть. Кстати, кто был тот человек? Мне показалось, вы с ним знакомы.

— Какой человек?

— Который удержал Пико делла Мирандолу в тот момент, когда он уже был готов застрелить вас.

— Какой-то чудак, — сказал Мак, твердо решивший не упоминать имени Фауста. — Я его не знаю... Прекрасная картина, не правда ли?

Мефистофель полюбовался картиной, держа ее на расстоянии вытянутой руки.

— Да, картина прекрасна. Я буду очень рад, когда она перейдет в мои руки.

— Нет-нет, не сейчас, — быстро проговорил Мак. — Мне бы хотелось знать, какова ее рыночная стоимость.

— Хорошая мысль, — ответил Мефистофель. — Вот заклинание, которое перенесет вас в Лондон. Не задерживайтесь, однако. Не забывайте, что вам предстоит участвовать в следующем эпизоде.

— Не беспокойтесь, я вернусь точно в срок! — заверил его Мак.

Мефистофель кивнул и растаял в воздухе.

Мак оглядел комнату. В дальнем углу стоял большой металлический ящик с дверцей, из которой торчал длинный ключ. Мак открыл замок и уже собирался положить в этот вместительный ящик картину, как вдруг земля у него под ногами задрожала. Сделав шаг в сторону, он глянул себе под ноги — в полу образовалось небольшое отверстие, и из него показался конец ма-

ленькой острой кирки. Затем на помощь кирке пришла лопата. Земля по краям начала осыпаться вниз, и дыра в земляном полу быстро расширялась. Наконец из тоннеля, похожего на кроличью нору, вылез гном. Это был Рогнир.

— Здравствуйте, — сказал Мак. Он тотчас узнал коротышку — они встречались на шабаше: демон Аззи нанял гномов для уборки мусора, и Рогнир был назначен бригадиром метельщиков.

— *Прекрасная картина*, — *кивнул* Рогнир. — Где вы достали ее?

— Картину? О, в одном местечке, которое называется Рене... Ренессанс. Это где-то в Италии, неподалеку от Флоренции.

— Правда? Что же вы там делали?

— Я участник спора между силами добра и зла, — ответил Мак, приняв важный вид. — От исхода этого спора зависит будущее человечества. Победившая сторона получит право управлять судьбами людей на протяжении целой эпохи.

— *Так, значит*, вас отправили в Ренессанс затем, чтобы вы достали там эту картину?

— По правде говоря, я сам не знаю, зачем меня туда послали. Конечно, я занимался там еще кое-какими вещами... А эта картина... Перед отправкой во Флоренцию Мефистофель сказал мне, что ему хотелось бы иметь полотно Боттичелли и он щедро заплатит мне, если я принесу ему одну картину. Но я ее еще не продал. Мне хочется узнать, сколько она сейчас может стоить.

— Значит, он хотел, чтобы вы достали ему картину?

— Ну *конечно*. Раз уж я все равно там оказался, так почему бы не воспользоваться случаем?.. Ах, извините, не могу дольше с вами разговаривать. Я очень спешу. Мне надо попасть в Лондон по одному важному делу.

— Желаю удачи, — сказал Рогнир. — Может быть, мы еще встретимся в Лондоне.

— Буду очень рад, — ответил Мак. Поколебавшись несколько секунд, он добавил, глядя на дыру в полу: — Простите... я надеюсь, вы тут уберете за собой, прежде чем уйти?

— Не беспокойтесь, я сделаю все, как было. Ваша картина будет в полной сохранности.

Расставшись с Маком, Рогнир еще некоторое время размышлял о том, какой он все-таки глупый, этот парень. Полнейшее ничтожество, несмотря на свою представительную внешность. Даже не догадывается, что им управляют, как марионеткой. Очевидно, он никогда и не пытался жить своим умом. Все ждет чьей-нибудь подсказки и старается угодить другим людям. Вероятнее всего, таким он и останется на всю жизнь... Тем не менее было в нем все-таки нечто, вызывающее симпатию.

Часть V

АХИЛЛЕС

Глава 1

Между тем исчезновение Елены из подземного царства Аида, где она вместе со своим царственным супругом Ахиллесом занимала видное положение в обществе, не прошло бесследно. Легкомысленный поступок Аззи, укравшего Елену Прекрасную в надежде соблазнить Фауста, имел весьма серьезные последствия. Перенося Елену в подлунный мир, молодой демон не задумывался о том, почему никто раньше не делал подобных вещей. Подумав немного, он мог бы сообразить, что духи умерших имеют немалую власть над миром, и конфликт с ними может повлечь за собой различные неприятности.

Вернувшись домой с туманных лугов, где он охотился за мертвой душой оленя, Ахиллес обнаружил, что Елена пропала. Само собой разумеется, эта новость отнюдь не обрадовала вспыльчивого главу семьи и хозяина дома. Он почуял неладное. Это было совсем не похоже на Елену — уйти из дома без позволения мужа. Сначала Ахиллес подумал, что его супруга, наверное, заглянула на минутку к одной из соседок. Он обошел все соседские дома, но соседи только недоуменно пожимали плечами и разводили руками в ответ на все его вопросы.

Что ж, люди ведь не могут покинуть царство Аида по собственной воле. Кто-то обязательно должен вывести их наружу. Рассудив так, Ахиллес направился к своему другу Одиссею, не раз уже выручавшему его в трудную минуту. Одиссей, славившийся своим изобретательным умом, жил неподалеку от Ахиллеса.

Пожалуй, в царстве Аида трудно было найти второго столь незаурядного духа, каким был дух Одиссея. Он мог по праву именоваться одним из духовных лидеров местного общества, весьма преуспевая в той скрытой борьбе за славу, которую ведут между собою духи. (Ведь всякий дух, достигнув вершины своей славы, видит перед собой и неизбежный ее закат, а значит, духам приходится постоянно совершенствоваться и развивать в себе те

качества, благодаря которым они прославились. Есть даже пословица о том, как трудно выучить старых героев новым трюкам.) Нельзя сказать, что у Одиссея все шло гладко; однако до сих пор никому не удавалось превзойти его в хитрости и изворотливости ума. Нужно было быть чертовски ловким и смышленым малым, чтобы выдумать какой-нибудь новый фокус наподобие знаменитых Одиссеевых проделок. В последнее время планы Одиссея отличались простотой и ясностью, но в них всегда присутствовала какая-то изюминка. (Иногда, правда, изюминка заменялась кусочком жгучего перца — то был признак скорее своенравия, нежели злобного характера.) Таков уж был Одиссей — он любил выигрывать и считал, что для достижения поставленной цели любые средства хороши.

Будучи по натуре весьма деятельным человеком, Одиссей не выносил царства мертвых, где души умерших бродили по полям, заросшим бледными цветами асфоделя, оплакивая свой скорбный жребий и вспоминая минувшие дни. Обреченный на бездействие, древний герой изнывал от тоски. Он мечтал снова обрести телесную оболочку, вернуться в подлунный мир, чтобы по-настоящему жить, а не влачить призрачное существование. Его раздражали толпы праздношатающихся духов и их бесконечные разговоры о лучших годах, проведенных на земле. Сам он никогда не унижался до жалоб и горьких вздохов. Часто, когда кто-нибудь из духов начинал вспоминать прошлое, стеная и проливая слезы, Одиссей резко обрывал его.

— Тряпка ты, а не дух, — говорил он. — Возьми себя в руки. Займись чем-нибудь, в конце концов.

Сам Одиссей занимался гимнастикой и атлетикой. Хотя толку в подобных занятиях не было никакого — ведь в призрачном мире невозможно развивать силу и ловкость, поскольку для этого нужно по крайней мере иметь мускулы, а следовательно, тело, — Одиссей упорно продолжал упражняться в беге, метании копья и других древних видах спорта. Когда же удивленные духи спрашивали его, зачем он это делает, он отвечал:

— Чтобы не терять форму. Нужно поддерживать свое умение делать что-нибудь, даже если то, что ты делаешь, не имеет абсолютно никакого смысла.

Ахиллес застал своего друга Одиссея сидящим на переднем крыльце своего дома. Бывший царь Итаки жил холостяком во мраморном дворце, стоящем на невысоком холме возле одного из притоков Стикса. Лужайка перед дворцом поросла асфоделем; у подножия холма стояли черные тополя — печальные символы царства мертвых, опостылевшие духам. Был пасмурный

день — весьма обыкновенный для здешних мест, ведь во владения Аида солнце никогда не заглядывает. С реки дул слабый ветерок. Было прохладно — как раз настолько, чтобы вы чувствовали себя довольно неуютно, выйдя на улицу. То был не бодрящий и живительный морозец, который разгоняет кровь в жилах людей, — холод в царстве мертвых скорее напоминал промозглую сырость погреба или склепа. В гостиной у Одиссея горел очаг; однако призрачный огонь, как и все в этом унылом краю, светил, но почти не грел. Впрочем, даже если бы камин топился настоящими дровами, духу Одиссея от этого, как говорится, не было б ни жарко, ни холодно: ведь мертвые, будучи лишены телесной оболочки, не могут согреться, точно так же как не могут они и промерзнуть до костей. Одиссей провел Ахиллеса на кухню, где их ожидал завтрак — каша из просяных зерен и финики. Само собой разумеется, пища не была настоящей; впрочем, для обитателей царства Аида, не испытывающих ни сильного голода, ни жажды, это не имеет особого значения. Духи умерших вполне могут обходиться и без пищи; они завтракают, обедают и ужинают лишь потому, что не желают менять свои привычки. В царстве мертвых часто устраиваются призрачные пиры: вечность — очень долгий срок, и еда — один из способов скоротать время.

Другое (и, надо сказать, весьма распространенное даже в этих унылых краях) занятие — это секс. Однако страсть в мире духов — лишь бледная тень земной страсти: ей недостает того накала чувств, который испытывают влюбленные в подлунном мире. Физическая близость не приносит партнерам почти никакого удовлетворения: будучи бесплотными существами, духи не могут предаваться утехам плотской любви. Однако они затевают друг с другом любовные игры — возможно, для того, чтобы как-то убить несколько часов.

В настоящее время Одиссей не был связан брачными узами. Он разошелся с Пенелопой много лет назад. Причиной послужила ревность, свойственная большинству властных натур. Одиссей подозревал, что его молодая супруга отнюдь не скучала в обществе многочисленных поклонников те долгие двадцать лет, которые он провел под стенами Трои. Некоторое время он продолжал жить с семьей ради сына, Телемаха, но, когда мальчик вырос и стал вполне самостоятельным, Одиссей покинул свою жену.

Итак, Одиссей жил уединенно, свободный как от печальных, так и от радостных хлопот. Занимаясь спортом по многу часов в день, он все же чувствовал, что ему чего-то не хватает, и сильно

тосковал по Земле. Когда тоска уже готова была одержать над ним верх, он навещал своих друзей. Ближайшим другом и соседом Одиссея был Сизиф, дни и ночи напролет вкатывающий тяжелый камень в гору. По правде говоря, бывший царь Коринфа отнюдь не обязан был это делать. Его давно простили и разрешили заниматься всем, чем угодно. Но Сизиф не оставил своего труда — вероятно, и здесь сказывалась многолетняя привычка. Кряхтя и напрягая призрачные мускулы, он подставлял плечи под огромный гранитный валун, шаг за шагом медленно поднимаясь к вершине. Вокруг горы собирались толпы любопытствующих духов (в основном состоящие из новичков, привлеченных необычным зрелищем). Некоторые провожали Сизифа до самой вершины горы; они утверждали, что в глазах Сизифа появляется странный блеск, когда камень, ценой нечеловеческих усилий поднятый в гору, срывается и с грохотом катится в бездну. На все расспросы, почему он не бросит столь бесполезное занятие, Сизиф отвечал, что не хочет терять свою роль — в конце концов, нужно же хоть к чему-то прилагать руки.

Другим товарищем Одиссея был Прометей, все еще прикованный к скале несокрушимыми цепями. Каждый день к Прометею прилетал стервятник, чтобы клевать его печень. Камень почернел от потоков крови титана, льющихся из-под острых когтей и клюва; от разлагающихся кусков печени, оброненных стервятником, исходил нестерпимый смрад. Судьба Прометея была непростой загадкой для древних богов. Этот упрямец не собирался отказываться от своих взглядов, далеко опередивших его век. Освободить его — значило подвергнуть весь мир великой опасности: по единодушному мнению всех небожителей, сознание людей еще не было подготовлено к восприятию идеи личной свободы и всей полноты связанной с нею ответственности. Сам Прометей держался гордо и вызывающе, отвечая насмешками на увещевания родных и на предложения богов смириться, образумиться и отречься от своих заблуждений. Было похоже, что он полностью вошел в свою роль и она пришлась ему по вкусу. В последнее время, однако, Прометей сделался угрюмым и неразговорчивым. Даже Одиссею по целым дням не удавалось добиться от него ни слова. Поговаривали, что единственным другом прикованного к скале титана является его верный стервятник.

Так однообразной чередой проходили дни, месяцы, годы. Одиссей скучал. Время от времени вместе с Ахиллесом или Орионом он охотился за призраком оленя, но эту охоту, конечно, нельзя было сравнить с настоящей: ведь призрачного оленя не-

возможно убить. Даже если бы каким-то образом охотникам удалось поймать этого оленя, его все равно нельзя было съесть.

Внимательно выслушав Ахиллеса, пришедшего к нему за советом, Одиссей предложил своему другу отправиться к владыке Тартара Аиду, в мрачные подземные чертоги, где жил царь с царицей Персефоной.

У Аида было немало забот. Во-первых, постоянные конфликты с Плутоном, недавно ставшим верховным богом в сонме римских подземных божеств. Плутон давно высказывал идею разделения единой античной преисподней на две сферы — греческую и римскую. До сей поры Аид твердо держал власть в своих руках, не допуская подобного передела подземного мира. Однако за последние годы Плутон приобрел большую популярность в царстве мертвых. Ему удалось добиться признания римской автономии. Таким образом Аид потерял контроль над доброй половиной своих владений. С одной стороны, он был рад этому: хотя латиняне формально подчинялись ему, у владыки Тартара вечно возникали проблемы с этим народом, говорящим на непонятном ему языке. Римляне плохо ладили с греками, и теперь, когда они окончательно отделились, Аид надеялся навести порядок в своем царстве. С другой стороны, отдав власть над римлянами в руки Плутона, он уже не мог претендовать на роль верховного античного подземного божества, что ущемляло самолюбие единокровного брата Зевса.

Во-вторых, Аиду не давали покоя более древние подземные божества. Семитские, древнеиндийские и иранские боги и богини, постоянно ссорящиеся друг с другом, сходились лишь в одном: считая греческих богов своими отдаленными потомками, они претендовали на их владения. Этим древнейшим божествам удалось скопить достаточно материала, указывающего на прямое родство между ними и греческими богами. Более того, они утверждали, что греческие боги снова должны вернуться под их власть. Аиду несколько раз удавалось отсрочить решающее голосование по этому щекотливому вопросу; однако день всеобщих перевыборов неотвратимо приближался.

Заботы, заботы... Им нет конца. Ох, и тяжел же ты, венец владыки преисподней. А тут еще явились Ахиллес с Одиссеем, требуя восстановления справедливости...

— Чего вы хотите от меня? — спросил их Аид. — Там, наверху, у меня уже давно нет никаких связей. За несколько тысяч лет мир успел перемениться. Прежние боги ушли, теперь появились

новые. Знаете, что они говорят обо мне? «К черту этого старика Аида», — вот что они говорят.

— Ну, хоть что-то ты можешь сделать, — ответил Аиду Ахиллес. — Если же ты настолько слаб, что даже такой пустяковой проблемы решить не можешь, то сойди с трона и передай власть тому, кто управится с царством лучше тебя. На Генеральной ассамблее глав Эллинских царств и правительств преисподней я сам подниму этот вопрос. Вот скоро пройдут новые выборы...

— Эй, подожди, — сказал Аид. — Ни в коем случае не делай этого. Дай мне подумать... Ты знаешь, кто ее увел?

— Алекто сказала мне, что здесь замешан некий демон, — ответил Ахиллес. — Демон — это бессмертный дух, из эпохи более поздней, чем наша.

— А на чьей он стороне? — спросил Одиссей.

— Алекто что-то говорила мне про силы зла и тьмы, но я так и не смог разобраться, какую из этих сил он представляет.

— Зло... Тьма... — размышлял Одиссей вслух. — Я полагаю, что это одно и то же. В таком случае мы знаем, куда следует обращаться... Откровенно говоря, я никогда толком не понимал всей тонкости различий между добром и злом. Однако в современном мире этим вещам придают огромное значение.

— Я тоже, — сказал Аид. — По-моему, это просто новая мода — толковать о добре и зле...

— Тем не менее, — сказал Одиссей, — совершенную несправедливость нужно исправить. Вот что мы сделаем. Ты выдашь нам временный пропуск на Землю и выправишь пергамент о том, что мы юридически представляем античную Преисподнюю в деле о похищении Елены. А уж мы с Ахиллесом постараемся привлечь к нему внимание тамошних властей и доведем это дело до конца.

— Хорошо, я подготовлю для вас все необходимые документы, — сказал Аид, довольный тем, что на сей раз ему удалось легко отделаться. Те, кто держит власть в руках, знают, как важно уметь вовремя перекладывать ответственность со своих плеч на чужие. Одиссей сам вызвался исполнять это непростое поручение. Пускай сам во всем и разбирается.

Глава 2

Получив у Аида пропуск, подорожную и пергамент, гласящий, что духу Одиссея Лаэртида дозволяется сопровождать дух Ахиллеса в мир живых в отпуск по семейным обстоятельствам,

Одиссей решил разыскать Тиресия, знаменитого мага времен античности. Тиресий, обладавший пророческим даром, мог дать им несколько полезных советов, куда следует отправиться и что нужно делать для достижения желаемой цели.

Получить от Тиресия добрый совет было не так-то легко. Для начала им нужно было достать все необходимое для кровавого жертвоприношения, ибо Тиресий отказывался что-либо делать, не совершив перед тем обильного возлияния. Кровь же в царстве Аида — большой дефицит; ее было бы почти невозможно достать, если бы сам Аид не развернул подпольную торговлю, приносившую ему немалый доход. (Все слухи о том, что в царстве мертвых принят сухой закон и выпить стало практически невозможно, конечно же, не соответствуют действительности. Выпить можно всегда; нужно только знать, к кому и как обратиться.)

Двое друзей отправились туда, где реки Флегефон и Коцит впадают в Ахерон. У слияния этих рек стояла священная роща Персефоны — кучка черных тополей и старых ив, склонившихся к мутной воде. Здесь они вырыли неглубокую яму и вылили в нее кровь из бурдюка, усилием воли подавляя сильное желание отпить хотя бы глоток. Стоя у края ямы, Ахиллес отгонял духов, слетевшихся на запах жертвенной крови. Даже царственному Агамемнону, возглавлявшему войско греков в походе против Трои, не досталось ни капли. Жертва предназначалась одному лишь Тиресию.

Темная густая кровь маслянисто поблескивала, распространяя вокруг себя пьянящий аромат. Вдруг в яме что-то забулькало, и кровь начала быстро исчезать, поглощаемая невидимой глоткой. Когда показалось дно, перед двумя героями появился сам Тиресий, седой косматый старик в сером шерстяном плаще; пряди спутанных влажных волос свисали с его лба, почти полностью закрывая глаза.

— Добрый день, благородные мужи, — учтиво поздоровался Тиресий с Ахиллом и Одиссеем. — Благодарю за отличную жертву. Давно я не пробовал такой свежей крови. Должно быть, от самого Аида?.. Так я и думал. Какой цвет! Какой аромат!.. Значит, больше у вас нет? Жаль, очень жаль. М-м... итак, чем могу быть вам полезен?

— Мы ищем Елену Троянскую, — сказал Одиссей. — Ее похитили. Увели из владений Аида, пока ее муж Ахиллес был на охоте.

— Это случается уже не первый раз, — заметил Тиресий. — Прекрасная Елена пользуется большой популярностью. Вечно

кто-нибудь пытается ее украсть... Кстати, не знаете ли вы, кто ее похитил?

— Нам сказали, что это сделал демон, сверхъестественное существо из новой эпохи, — ответил ему Одиссей. — Но имя его нам неизвестно, и мы не знаем, где его искать. Мы просим у тебя совета и помощи.

— Ну, хорошо. Имя демона — Аззи. Он — часть той доктрины света и тьмы, которая овладела людскими умами с тех пор, как...

— Мы должны его найти! — воскликнул Ахиллес.

— Боюсь, это не так просто сделать, — сказал Тиресий. — Мир сильно изменился с тех пор, как мы попали сюда — кто раньше, кто позже... Для начала вам следует отправиться в то место, которое называется адом, и навести справки. Я могу сотворить для вас заклинание перемещения, раз уж у вас есть разрешение самого Аида... Между прочим, я знаю, с кем сейчас находится Елена Прекрасная.

— Скажи нам! — прорычал Ахиллес.

Тиресий откашлялся, прочищая горло, и обернулся к пустой жертвенной яме.

— У нас нет больше ничего, что мы могли бы дать тебе, Тиресий, — сказал Одиссей, — но при первой же возможности мы принесем новую жертву. Стоит только нам выбраться отсюда...

— Хорошо, хорошо, — ответил Тиресий, — я вполне полагаюсь на твое слово, Одиссей. Должен предупредить вас, что найти Елену будет очень трудно. Она путешествует в обществе Фауста, прославленного мага...

— Фауста? — переспросил Ахиллес. — Странное имя. Должно быть, он не грек.

— Нет, он не грек. Как я уже сказал, в мире многое изменилось за несколько веков. Появились новые страны, города. Науки, ремесла и искусство — дело не одних только греков. Другие народы овладели ими в совершенстве, сумев кое в чем обогнать Грецию. Этот Фауст — немец. Он вовлечен в игру, в которой участвуют сами бессмертные боги — я имею в виду новых богов.

— Кстати, а живы ли еще наши старые боги? — спросил Одиссей.

— Конечно, живы, — сказал Тиресий. — Ведь боги бессмертны. Однако и для них время не проходит бесследно. Некоторые поменяли не только имена, но и сами образы, в которых они являлись нам. Ну и конечно, одни поднялись повыше, другие опустились пониже. Большинство из них почти ничего не помнят о

Греции, об Олимпе — за исключением Гермеса Трисмегиста, который мало изменился.

— Ну, хорошо, так где же нам все-таки искать этого самого Фауста и Елену?

— Они постоянно переезжают с места на место. Но это еще не все. Они совершают путешествия во времени.

— И как же нам до них добраться? — спросил Ахиллес. — Быть может, на корабле?

— Корабль здесь не поможет, — ответил маг, — если только это не волшебный корабль. Нет, единственный способ догнать их — это мощное, тщательно сотворенное заклинание.

— Ты уверен в этом? А если попробовать пройти по суше?..

— Ни по суше, ни по морю. Для того чтобы перенестись в те места, где сейчас находятся Елена и ее спутник, придется прибегнуть к заклинаниям. К счастью, моя сумка при мне... А ну-ка, посмотрим... — Он вынул из-под плаща сумку из лошадиной шкуры, до отказа набитую и подозрительно поскрипывавшую и потрескивавшую, а иногда даже подвывавшую замогильными голосами.

— Что-то сегодня не лежится на месте моим магическим принадлежностям, — сказал Тиресий. — Обращайтесь с ними осторожно. Будете вытаскивать — смотрите, не повредите себе пальцы. А главное, не слишком торопитесь. В подобных делах лишь терпеливый добивается успеха. Не забудьте, что сначала вам нужно отправиться в ад и получить от сил тьмы официальное разрешение забрать Елену обратно. Таков порядок.

— А разве ты не отправишься вместе с нами? — спросил Ахиллес.

— Нет. Но я не буду терять вас из виду и постараюсь побольше разузнать о вашем деле... А сейчас мне пора. Не забудьте, вы обещали мне кровавую жертву!

Одиссею показалось, что прорицатель открыл им слишком мало. Он хотел расспросить Тиресия о подробностях, но маг уже исчез. Одиссею ничего не оставалось делать, как самому заняться сотворением заклинания.

Достав сверток с пометкой «ЗАКЛИНАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ», он быстро затянул веревки, которыми завязывалась сумка мага: магические принадлежности вели себя слишком беспокойно. Сверток зашевелился у него в руках, словно какое-то живое существо внутри него старалось выбраться наружу. Одиссей крепко сжал его в руках и пробормотал над ним несколько слов. Сверток задрожал, затем сделал неожиданный рывок вверх, так что Одиссей чуть не выпустил его из рук. Ахиллес ухватился

за Одиссея. С классической простотой, без всяких взрывов, вспышек и клубов едкого дыма, вошедших в моду в более поздние времена и рассчитанных только на внешний эффект, Одиссей и Ахиллес растаяли в воздухе. Через секунду они оказались в каком-то полутемном помещении. Более современные герои, несомненно, приняли бы это помещение за просторный холл.

Глава 3

Дверь в кабинет Велиала широко распахнулась. Повелитель сил тьмы подскочил на своем кресле от неожиданности. Его охранник, толстый, похожий на жабу демон с серо-голубой кожей и огромными выпученными оранжевыми глазами, уставился в магическое Зеркало обмана. Позабыв все на свете, он глядел на свое отражение, дивясь стройности и соразмерности своих членов, любуясь красотой своего лица. (Зеркало не только не отражало все его бородавки и складки жира, свисавшие с толстых щек и живота, — оно к тому же обладало волшебным свойством показывать всякому, кто смотрел в него, лишь то, что он сам жаждал в нем увидеть. Таково свойство адских зеркал — ведь в аду себялюбие полностью вытесняет чувство собственного достоинства.) Поглощенный этим приятным занятием, демон не слышал, как кто-то постучал в дверь.

В кабинет вошли двое атлетически сложенных мужчин, одетых довольно странно, — владыке царства тьмы показалось, что на них было что-то вроде знаменитых шотландских юбок и белых туник.

— Кто вы, люди? — спросил Велиал.

— Я — Одиссей, — ответил Одиссей, — а это Ахиллес.

— О!.. Правда?..

Внимательно присмотревшись к нежданным посетителям, Велиал смог убедиться, что перед ним и вправду двое античных героев, — судя по внешности, оба они представляли собой классический греческий тип: мускулистые, с правильными чертами лица, с темными вьющимися волосами. Даже лишенные своей телесной оболочки, они выглядели очень внушительно. Очевидно, какой-то младший клерк в одной из бесчисленных контор низших сфер царства тьмы, благоговевший перед славой античных героев, выдал им временный пропуск в реальный мир. Иначе как бы смогли эти двое попасть сюда? Обитателей античной преисподней было принято считать не существующими на

самом деле — это был единственный способ отделаться от них (к сожалению, отнюдь не безотказный).

— Одиссей и Ахиллес, — задумчиво произнес Велиал. — Я много наслышан о вас, но никогда не думал, что нам придется когда-нибудь встретиться.

— Нам не позволяют покидать Тартар, — сказал Одиссей. — Некогда мы были очень сильны, и это, по-видимому, здорово встревожило кого-то наверху. Нам запрещают всякие манифестации — за исключением жестко спланированных, тех, которые не выходят за рамки наших ролей — ролей древних героев. Это годится для рекламы, но и только.

— Ах, правда? Простите, я этого не знал... Как жаль, однако, что мы вынуждены считать вас мифическими персонажами. Будь вы реальными людьми, вы могли бы выступить с публичной лекцией перед адской аудиторией. Думаю, нашей молодежи было бы чему поучиться у героев древности.

— Мы обсудим этот вопрос как-нибудь в другой раз, — сказал Одиссей. — Курс лекций — это неплохо, и мы еще вернемся к вашему предложению. А пока должен вам заявить, что мы здесь не для того, чтобы выступать перед публикой. Мы явились по делу. Одним из существ царства тьмы был нанесен большой ущерб моему другу Ахиллесу. В дальнейшем я намерен вести переговоры от его имени.

— Гм... Итак, вы собираетесь говорить за вашего друга? А что, он сам за себя ни слова сказать не может?

— Могу, — внезапно вступил в разговор Ахиллес. — Но я не столь искусен в политике, как мой друг. Дело в том, что характер у меня неровный, вспыльчивый. Я говорю так, как мне подсказывает моя натура, и легко увлекаюсь. Глядь — уж попал в какую-то странную ситуацию, которая неизбежно кончается войной или просто дракой. И хотя в борьбе я неизменно выхожу победителем, люди почему-то предпочитают не связываться со мной. Вот Одиссей — другое дело...

— Хватит, Ахиллес, — перебил его Одиссей. — Мы же договорились, что все переговоры я беру на себя.

— Извини, Одиссей, — сказал Ахиллес.

— Ничего, Ахиллес... Итак, если люди охотно имеют со мной дело, то лишь потому, что я в некотором смысле полубог; помимо личных дел, меня интересует все — обычаи и нравы людей, а также путешествия. Ахиллес же, напротив, думает лишь о борьбе, о ратных подвигах и кровавых битвах.

— Да, ты прав, — снова вмешался Ахиллес. — Вот и сейчас я

чувствую, что мне очень хочется кого-нибудь здесь убить. Это, наверное, от волнения...

— Успокойся, — ответил ему Одиссей. Повернувшись к Велиалу, он продолжал: — Из достоверного источника мы узнали, что демон по имени Аззи, находящийся под вашим началом, похитил одну из наших женщин, Елену Троянскую. Он увел ее из царства Аида, от мужа ее Ахиллеса, не сказав при этом ничего более вразумительного, чем «с вашего позволения...». Демон передал Елену одному магу, Фаусту, который, в свою очередь, вовлек ее в какую-то историю, никак не связанную с греческими мифами...

— Не может быть, — возразил Велиал. — Слуги тьмы никогда не уводят людей из подземного царства, не спросив у них на то разрешения.

— Быть может, вам будет угодно проверить мои слова? — сказал Одиссей.

— Хорошо, проверим. — Велиал нажал кнопку переговорного устройства. — Мисс Сиггс?

— Да, ваше превосходительство.

— Вы, конечно, подслушивали наш разговор?

— Да, ваше превосходительство. Но, как всегда, это получилось чисто случайно.

— Не важно. Тщательно проверьте полученную информацию. После проверки свяжитесь со мной.

— В проверке нет необходимости, ваше превосходительство. Греки сказали правду. По канцелярии уже ходят сплетни о том, как Аззи похитил Елену. Этот новый миф обещает стать весьма популярным.

— Но, черт побери, он же не имел никакого права!.. Никто не разрешал ему уводить женщину из Тартара! На этот счет существуют жесткие правила, вы же знаете!

— Да, ваше превосходительство. Но по ним всегда возникает так много юридических споров, что никто до сих пор толком не знает, каковы эти правила на самом деле.

— В данном случае все достаточно ясно, — изрек Велиал. Он не хотел упускать случая поквитаться с Аззи — рыжий демон несколько раз чувствительно задевал его на соревнованиях по самокритике.

Отключив переговорное устройство, он повернулся к Одиссею и Ахиллесу:

— У вас, конечно, есть веские основания для претензий. Од-

нако сам я ничего не могу поделать. Вам лучше встретиться с Мефистофелем или с Аззи...

— Где нам их найти? — спросил Ахиллес.

— В настоящее время оба заняты в важнейшей операции — в Тысячелетней войне.

— В какой войне? — переспросил Ахиллес.

— В Тысячелетней войне, той, что ведут между собой силы света и тьмы. Победившая сторона будет властвовать над людскими умами на протяжении всей эпохи.

— Но какое отношение ко всему этому имеет Елена? — спросил Одиссей.

— Я полагаю, Аззи похитил ее затем, чтобы вручить Фаусту в качестве награды.

Ахиллес встрепенулся.

— Ну, хватит, поговорили! — выкрикнул он. — Мы хотим, чтобы нам немедленно вернули Елену!

— Да, это наше последнее слово, — поддержал его Одиссей.

— Дорогой мой, я вас прекрасно понимаю, — ответил немного растерявшийся Велиал. — Но что я могу поделать?

— В таком случае разрешите нам действовать самостоятельно. Мы и сами сможем разыскать ее.

— Ваша честность и прямота мне нравится, — сказал Велиал. — Но, к сожалению, вы не сможете действовать в нашем мире самостоятельно. Здесь вы бессильны.

— У нас есть весьма влиятельные друзья.

— Кто же они?

Одиссей прижал палец ко рту и сделал правой рукой отвращающий знак:

— Не поминайте их имен, если не хотите тотчас же встретиться с ними.

Велиал понял, о ком говорил Одиссей. Эвмениды, известные также как Эринии или Фурии! Кто не знает о них! Некоторые из этих древних созданий до сих пор имеют реальную силу, подобно самой Ананке. Велиал подумал, что связываться с богинями возмездия будет весьма хлопотно даже для демона высшего ранга.

— Ну, хорошо, — наконец сказал он. — Если вы сумеете договориться с ними, то можете действовать. Я разрешаю вам это... Постойте минутку. Не подумайте, что я собираюсь вас критиковать, но от вас обоих, наверное, уже не так много осталось?.. Я имею в виду, от ваших тел.

— Да, — согласился Одиссей. — Но тут уж ничего не поделаешь. Ведь мы мертвые.

— Вот два пропуска на свободный проход в Кухню ведьм. — Велиал протянул Одиссею и Ахиллесу две пластиковые карточки. — Скажите ведьмам, чтобы они как следует отреставрировали ваши тела. И знайте, что не все у нас в аду такие плохие, как некоторые из тех, кого я не хочу называть.

Глава 4

Злой дух ифрит, огромный и неуклюжий, стоял на страже у дверей Кухни ведьм. За долгие годы службы он всего успел насмотреться и уже не удивлялся ничему, однако такого зрелища ему еще не приходилось видеть: двое античных героев из гомеровской эпохи стояли прямо перед ним, негромко переговариваясь и вертя кудрявыми головами. Злой дух тотчас же узнал их: ведь до того, как стать швейцаром в салоне красоты загробной жизни, он изучал классическую филологию. От удивления отвислые щеки бывшего стипендиата надулись, а выпученные глаза еще больше округлились.

— До сих пор к нам ни разу не попадали греческие герои, — сказал ифрит. — А есть ли у вас удостоверения реальности, о духи?

Одиссей предъявил стражнику временный пропуск в реальный мир, выданный самим Аидом. Старшая ведьма отложила в сторону раскаленное железное клеймо и подошла к дверям, чтобы взглянуть на двух героев. Пропуска, выданные самим Велиалом, произвели на нее сильное впечатление.

— Все в порядке, Тони, пропусти их, — сказала ведьма швейцару.

И началась процедура одевания двух духов в телесную оболочку. Мастерицы-ведьмы долго спорили о том, сколько мышц нужно наращивать на тела знаменитых греческих героев. Наконец было принято соломоново решение: не слишком увлекаться объемом мускулатуры (не столько из-за экономии материала, сколько из-за того, что быстрота и ловкость очень много значили для античных полубогов).

Через несколько часов вся работа была закончена. Одиссей и Ахиллес снова испытывали ни с чем не сравнимое ощущение обладания собственным телом. Сотворив еще одно заклинание, материалом для которого их снабдил Тиресий, друзья отправились обратно на Землю.

Они отдыхали в тени под раскидистым деревом. Не зная точно, куда им следует направиться, они шли наугад и сейчас вряд ли смогли бы определить, где они находятся. Однако это их ничуть не беспокоило. В дорожных сумках у них был запас провизии на несколько дней, выданный на Кухне ведьм, — по крайней мере, он был *рассчитан* на несколько дней, но друзья, не в силах устоять перед искушением отведать настоящей пищи после долгого поста в царстве Аида, съели почти все дорожные припасы за раз.

— Ох, — вздохнул Ахиллес, — кажется, я объелся.

— Я тоже, — сказал Одиссей. — Сегодня, видимо, один из тех дней, когда мудрый Одиссей обедает не так, как подобает обедать мудрецу. Ох, и вкусна же эта сельдь в винном соусе!

— Мне больше понравился паштет, — задумчиво произнес Ахиллес, тяжело поворачиваясь на бок и поглаживая себя по раздувшемуся животу. — Паштет из печени — вот настоящее искусство! Вряд ли они сумели придумать что-нибудь лучшее за сколько-то там веков, прошедших с тех пор, как мы покинули этот мир. В наш век печень просто жарили над очагом, добавляя лук. И к тому же мы не знали, что такое соевый соус... Ну, как тебе это понравилось, Одиссей?

— Бесподобно. После того, что мы ели во время осады Трои... Кстати, мы вряд ли сможем вернуться туда сейчас.

— Да, вряд ли... А все-таки это была славная война. Правда, Одиссей?

— Величайшая из тех, в которых я принимал участие, — ответил Одиссей. — Лучшей уже не будет. Помнишь, как я одолел Аякса?

— Я не могу этого помнить, — сказал Ахиллес, — я был убит раньше. Вы боролись из-за моих доспехов.

— Да, причем я победил, — прибавил Одиссей с гордостью.

— Отличные были доспехи, — вздохнув, произнес Ахиллес. — И оружие... С таким оружием каждый дурак победит... Я не имею в виду тебя, Одиссей... В этих доспехах я сразил многих знаменитых героев, и в их числе Кикна и Троила. Но мой самый выдающийся подвиг — это победа над Гектором. Он вошел во все книги рекордов.

— Я знаю, — заметил Одиссей.

— Я просто вспоминаю о днях своей славы, — сказал Ахиллес. — А после этого меня поразила предательская стрела, пущенная Парисом... Черт возьми!.. О-ох, — протяжно вздохнул

он, стараясь устроиться поудобнее, — этот паштет... Послушай, Одиссей, тела, в которых мы находимся сейчас...

— Ну?

— Как ты думаешь, хороши они или нет?

— Я полагаю, лучшие из тех, что нам могли предложить.

— Но у меня болит вот здесь, — Ахиллес показал на свой живот.

— Ничего, пройдет. Небольшое растяжение мышц или, что более вероятно, неумеренность в еде.

— Это не опасно?

— Нам сказали, что у нас будут здоровые, крепкие тела. Право же, Ахиллес, ты тревожишься по пустякам. Неужели тебе никогда раньше не случалось растянуть мышцы?

— Я что-то не помню, чтобы у меня когда-нибудь здесь болело... Ах!.. И ноги тоже болят...

— Это потому, что мы немного пробежались. Ноги всегда немного сбиваются, когда бегаешь. Даже когда просто ходишь — и то...

— Неужели мы чувствовали то же самое, когда у нас еще были наши *прежние* тела? — спросил Ахиллес.

— Да, кажется, так оно и было. Ноги, впрочем, болели гораздо меньше — ведь мы постоянно упражнялись в беге и метании копья, а значит, были в гораздо лучшей форме. Мы настолько хорошо владели своими телами, что просто не замечали всех этих мелких неприятностей. Мы привыкали к ним, так же как привыкали и к тем удовольствиям, которые доступны живым.

— Я знаю, что настоящий мужчина не должен жаловаться, — сказал Ахиллес. — Но хотя я довольно плотно поел, тем не менее я сейчас не отказался бы от добавочной порции паштета. И еще... нельзя ли где-нибудь поблизости раздобыть питье?

— Как я рад, что рядом с нами нет ни одного из этих вездесущих летописцев! — воскликнул Одиссей. — Что бы он сказал, если б услышал, как знаменитый Ахиллес жалуется на голод и жажду!

— Ну и что же? Я испытывал те же самые чувства, когда был жив, — возразил ему Ахиллес.

— Но на моей памяти ты никогда не жаловался на жажду и голод. Ты был более чем умерен в еде и воздержан в питье. Казалось, ты никогда не думал о таких низменных, земных вещах. Всеми своими помыслами ты устремлялся к славе...

— Я и сейчас стремлюсь к ней! — воскликнул Ахиллес, под-

нимаясь и морщась от боли. — Ой, как поясницу ломит!.. Ну, ничего, не обращай внимания. Итак, в путь!

— Я готов, — ответил Одиссей, — но, видишь ли, дело в том, что я не знаю, куда нам идти.

Ахиллес огляделся. Они лежали на мягкой траве на краю прекрасной зеленой лужайки, окруженной густым лесом. Пока они перекусывали и отдыхали после обильной трапезы, солнце успело подняться высоко и теперь стояло почти в самом зените. Было около полудня. Свежий ветерок чуть шевелил высокую траву, нагретую солнцем; пахло цветами, и весело щебетали птицы. Словом, это был один из тех прекрасных дней, которые надолго запоминаются смертным. Нужно ли описывать, какое впечатление произвели красота и свежесть майского луга на двоих друзей, вырвавшихся из мрачного подземного царства, где никогда не светит солнце, не дует свежий ветер, не растут цветы и не поют птицы?

Можно было еще долго лежать в траве, полной грудью вдыхать эти чудесные запахи, слушать, как перекликаются иволги в лесу, если бы не присутствие трех женщин, сидящих на траве неподалеку от двух героев, — эти особы облюбовали солнечную лужайку для пикника. Что-то жуткое и неестественное было в их фигурах. Все три были уже в летах, и их отнюдь не стройные тела облекали классические белые туники. Взглянув на них, Одиссей подумал, что где-то видел их раньше. После минутного размышления он догадался, что перед ним сами Эвмениды — адские существа античной эпохи, неумолимо карающие людей и богов за измену и убийства. Встреча с ними не предвещала ничего хорошего. Однако если уж самой судьбе было угодно столкнуть вас с тремя сестрами лицом к лицу, надлежало держаться скромно, но в то же время естественно, и разговаривать вежливо, избегая излишней вычурности и куртуазности, чтобы ничем не прогневать их.

— О! Это Эвмениды, мои старые знакомые! — воскликнул Одиссей, направляясь к трем сестрам. Ахиллес пошел следом за ним. — Здравствуйте, Тисифона и Алекто! Здравствуй, Мегера! Кажется, вы проделали неблизкий путь из старой доброй Эллады.

— Здравствуй, Одиссей, — ответила Алекто. Это была высокая и худая женщина с крупными, мужскими чертами лица; ее волнистые седые волосы были аккуратно уложены в пучок. Нацелив на Одиссея свой орлиный нос, которому мог бы позавидовать не один знаменитый полководец или политик, и не сводя с героя круглых немигающих серых глаз, она добавила: — Мы знали, что ты пойдешь именно этим путем, и ожидали тебя здесь.

— Но как вы могли предугадать это? — спросил удивленный Одиссей. — Никто, кроме ведьм, не знал, куда мы направились.

— Мы ведь в близком родстве с ведьмами, — сказала Алекто. — Мы побывали на Кухне ведьм и там узнали, что вы пошли прямо через этот луг, который зовется Лугом интерлюдий. Сюда закрыта дорога злу, в какие бы одежды оно ни рядилось; вот почему мы вынуждены были изменить свой облик. Мы сейчас не при полном параде, как видишь; однако обратное перевоплощение займет лишь несколько минут, и мы снова будем выглядеть как надо...

— О нет, вещие девы! Что вы! Вам к лицу любой наряд, — быстро ответил Одиссей. — А вот и мой друг Ахиллес. Иди к нам, Ахиллес. Ты знаком с этими дамами?

Ахиллес медленно, осторожно приблизился и встал рядом с Одиссеем.

— Кажется, мы уже встречались, когда я навещал Ореста, — застенчиво проговорил он. — Но что привело вас сюда, о неразлучные сестры, и зачем вам понадобилось разыскивать Одиссея?

— Мы искали не Одиссея, а *тебя*! — раздался резкий голос Тисифоны.

Ахиллес заметно побледнел.

— Меня?.. Но что я такого сделал?..

— Мы должны настичь Фауста и пропавшую женщину, которая сейчас находится вместе с ним, — ее-то мы и ищем. Я имею в виду твою жену Елену, — ответила Алекто.

— А зачем вы ищете Елену? — спросил вконец растерявшийся Ахиллес.

— О, мы не имеем ничего против нее лично. В этой истории она выступает как невинная жертва обмана, которая должна быть возвращена обратно в царство Аида. Мы как раз представляем Службу трудоустройства и размещения персонажей античности, прибывающих в этот мир. Аззи Элбуб, демон, укравший Елену, нарушил целый ряд важнейших правил, когда взял Елену из подземного царства. Он не имел никакого права переносить ее в современный мир. Мы строго следим за тем, чтобы подобных нарушений было как можно меньше, и исправляем те, что уже совершены. Мы собираемся вернуть Елену тебе... Но что с тобой? Ты как будто не рад этому?

— О нет, напротив, я очень рад! — воскликнул Ахиллес, хотя в глубине души он отнюдь не был в том уверен. — Я и сам явился сюда для того, чтобы ее разыскать.

— Это хорошо, — одобрила Алекто. — По правде говоря, я

не была уверена в твоих намерениях. Слишком много древних героев, покинув царство Аида, начинали вести себя отнюдь не так, как подобает отважным мужам. Они слонялись по Земле без дела, предаваясь обжорству и лени, позабыв о своем долге и упиваясь всеми радостями вновь обретенной жизни, всеми наслаждениями, доступными тем, кто имеет телесную оболочку.

Ахиллес что-то неразборчиво пробормотал в ответ.

Они проговорили еще несколько минут — дольше беседовать им не позволяло время: ведь двум героям предстояло отправиться на поиски Елены, и им нельзя было тратить драгоценные мгновения на пустую болтовню.

Часть VI

МАРЛО

Глава 1

День 30 сентября 1588 года, весьма замечательный день в жизни Лондона, выдался на редкость хмурым, но безветренным. В этот самый день Саутворкский «Театр Розы» открыл свой новый сезон премьерой «Доктора Фауста» — пьесы, в которой главную роль предназначалось сыграть Эдварду Аллейну. Это представление, конечно, было не единственным важным событием в жизни города; однако нужно отметить, что «Доктор Фауст» был первой пьесой, поставленной театром после того, как над Лондоном в очередной раз пронеслось черное дыхание моровой язвы. Подобное обстоятельство придавало спектаклю особую прелесть в глазах публики, и дирекция труппы ожидала полного аншлага. Знаменитый «Пир во время чумы» еще не был написан в то время; но показное веселье горожан, еще не оправившихся от всех бед, которые приносит с собой страшная болезнь, могло бы послужить прообразом пушкинской трагедии.

Невзирая на непогоду, люди стекались к театру со всех концов Лондона и даже из весьма отдаленных от города предместий — из Грейвслайнса, Свис-Котеджа и Хэмптон-Корта, из Шефердс-Милла и Рейндирс-Хида, из Бэксби и Велтеншира. Они переправлялись через Темзу на паромах и нескончаемой вереницей брели по Лондонскому мосту. Еще до вечерней зари целые толпы собрались на площади, и теперь все ждали лишь сигнала трубы, возвещающего начало представления.

Мак и Мефистофель материализовались в одном из лондонских трактиров накануне премьеры.

— Господа! — воскликнул трактирщик, весьма удивленный неожиданным появлением двоих мужчин на том самом месте, где еще секунду назад — он мог поклясться в этом — никого не было. — Я что-то не видел, как вы сюда вошли.

— Наверное, потому, что вы в это время любезничали со служанкой, — ответил Мефистофель.

— О нет, сэр! Я был вот здесь, за этой стойкой — чистил мед-

ную посуду и болтал с матушкой Хенли, которая каждый день снабжает нас отличной провизией...

— Если вы не заметили, как мы вошли, — так что с того? Уж не хотите ли вы сказать, что мой друг и я прибегли к волшебству, чтобы попасть в ваш убогий трактир? — осведомился Мефистофель.

— Ни в коем случае, господин мой! — воскликнул трактирщик. — Зачем тратить время на колдовство, если дверь в наше заведение всегда открыта! Чем могу служить вашей милости?

— Принесите-ка бутылку мальвазии — самой лучшей, которая у вас найдется, — сказал Мефистофель. — Что вам заказать, доктор? — спросил он Мака.

Мак все еще не мог опомниться после головокружительного перелета в Лондон. События следовали друг за другом слишком быстро, и его уму было не под силу охватить их разом — все путалось и мешалось в голове Мака, которому не дали ни часа отдыха после флорентийского эпизода. Немало хлопот и неудобств доставляла Маку его одежда, подобранная не по размеру. Мефистофель на этот раз сам занялся подбором костюма для своего героя: он переодел Мака во время их волшебного путешествия во времени и пространстве, но, имея в запасе слишком мало времени, сделал это весьма небрежно. Мефистофель подтолкнул своего рассеянного спутника к свободной кабинке на две персоны. Мак, заметив, что трактирщик глядит на него, очевидно ожидая приказаний, очнулся от грез.

— Мальвазия?.. Прекрасно, — сказал он. — Хозяин, я, кажется, заметил пирог с дичью у вас на полке буфета.

— Да, сэр. Так оно и есть, сэр.

— Принесите нам две порции, — распорядился Мак, бросая взгляд на Мефистофеля: ему казалось, что вдобавок ко всем неудобствам при путешествии в Лондон его забыли покормить перед отправлением.

— Да, и еще полкаравая пшеничного хлеба, — прибавил Мефистофель с любезной улыбкой. — Скажите, милейший, не заходил ли к вам сегодня утром ученый доктор Джон Ди?

— Ах, сэр, как вам сказать, сэр... Его еще не было, но он обязательно заглянет к нам, ведь сегодня у нас есть рыбный пирог и картофельное пюре — его любимые кушанья. Он вряд ли сможет уйти, не отведав этих блюд, тем более что он скоро уедет в Богемию, ко двору тамошнего короля, — если, конечно, верить тому, что говорит кумушка Молва.

— Гм... Если вы водите дружбу с этой кумушкой, любезный, то спросите у нее, насколько сурово мы с приятелем обходимся с

нерасторопными трактирщиками, забывающими о деле за болтовней.

— Слушаю, господин. Я сам пригляжу, чтобы вам немедленно подали завтрак, — сказал трактирщик и громко крикнул: — *Полли! Накрывай стол для этих господ, да поживее!*

И он вернулся к своей стойке; из заднего кармана его широких панталон высовывался край ветоши, которой он чистил посуду.

— Где мы? — спросил Мак, когда они с Мефистофелем остались одни. — И почему с нами нет Маргариты?

— Я оставил ее в моей приемной в Лимбе, — ответил Мефистофель. — Для того, что вам предстоит совершить сегодня, присутствие женщины вовсе не понадобится. Что касается вашего первого вопроса, я с удовольствием отвечу на него. Мы в Лондоне, в году 1588-м. Этот год был богат событиями для Англии, а также и для вас...

— Для меня? — воскликнул удивленный Мак. — Почему?

— Потому, что сегодня состоится премьера одной пьесы, посвященной вам. Я имею в виду «Трагическую историю доктора Фауста», разыгранную труппой графа Ноттингемского, с бесподобным Эдвардом Аллейном в главной роли. Возможно, вы уже смогли кое-что об этом узнать, занимаясь опытами по спиритонекромантической магии в Кракове.

— О да, — произнес Мак с важностью: ему очень хотелось показать перед Мефистофелем свою ученость, и, похоже, на сей раз ему представился подходящий случай. — Конечно, я знаю о ней. Это самая известная пьеса обо мне. И вы перенесли меня в Лондон, чтобы я мог присутствовать на премьере. Как это любезно с вашей стороны, дорогой Мефистофель!

Мефистофель приподнял одну бровь — очевидно, реплика Мака сильно удивила его.

— Однако... Я перенес вас сюда отнюдь не затем, чтобы вы глазели на сцену, сидя в партере, и вместе с остальной публикой аплодировали красивой лжи, на которую все поэты большие мастера. Здесь вас ждет важное дело.

— Хорошо, — сказал Мак, — я готов. По правде говоря, я догадывался, что эта премьера — не единственный повод для такого далекого путешествия. Итак, что мне предстоит сделать?

— Слушайте же, — ответил адский дух и тут же вынужден был умолкнуть, потому что к ним подошла служанка с подносом в руках. На подносе лежали два куска пирога, фаршированные мясом перепелок, полкаравая хлеба из овсяной муки, и стоял кувшин с мальвазией — обыкновенным vin ordinaire из Бордо.

Впрочем, вряд ли можно было ожидать лучшего от простого лондонского трактира в то тревожное время, когда испанский флот подошел к британским берегам, когда в столице Англии свирепствовала чума, а герцога Гиза, засевшего в Схвенингене со своими тридцатью тысячами воинов, отделял от Англии только пролив Ла-Манш.

Мак и Мефистофель принялись за еду; аппетит у обоих был отменный, и вскоре на подносе не осталось ничего, кроме опорожненного кувшина. Тогда Мефистофель отодвинул от себя пустую тарелку и негромко произнес:

— Итак, выслушайте меня, доктор. Речь пойдет о том, что вам предназначено совершить.

— Я весь внимание, — ответил Мак.

— Автор этой пьесы — Кристофер Марло, — начал Мефистофель. — Само собой разумеется, он будет присутствовать на премьере. По окончании спектакля — который, к слову сказать, будет иметь небывалый успех — Марло встретится с одним человеком, с которым у него произойдет весьма важный разговор.

— Ага! — многозначительно произнес Мак, хотя он и не понимал, к чему Мефистофель ведет свою речь.

— Этого человека зовут Томас Вальсингам. Они с Марло старые приятели. Отец Томаса, сэр Фрэнсис, занимает должность первого министра королевы Елизаветы. Будучи помощником королевы во всех ее делах, он возглавляет секретную службу и держит в своих руках нити всех крупных интриг, которых немало было начато в этот грозный для Европы год.

— Вальсингам... Так-так-так. Я запомнил, — сказал Мак, пытаясь ухватиться хоть за какую-то определенную информацию, с таким трудом выловленную им из слов Мефистофеля. — И что же я должен сделать с этим человеком? Убрать его? Обчистить? Припугнуть? Вообще-то грабежи и разбой — не прямая моя специальность, но уверяю вас...

— Нет-нет! — остановил его Мефистофель, весьма озадаченный такой реакцией собеседника. — Вам не придется иметь дело с Вальсингамом. Слушайте дальше.

— Да-да, я слушаю.

— Вальсингам предложит Марло вновь вернуться на секретную службу, которую тот оставил несколько лет назад. И Марло согласится. Таковы факты. Это приведет поэта к преждевременной смерти. Ваша задача заключается в том, чтобы разыскать Марло сразу после его разговора с Вальсингамом и убедить его ни в коем случае не соглашаться на полученное предложение.

— Ладно, я уговорю его, — кивнул Мак. — Да, кстати, на-

сколько хорошо этот Марло владеет оружием? Мне самому не помешало бы вооружиться перед таким делом... Вы случайно не знаете, нельзя ли раздобыть крепкую дубину где-нибудь поблизости?

— Дубину?.. Да вы что?! И не подумайте! — воскликнул шокированный Мефистофель. — Никому еще не удавалось силой заставить Марло сделать что-нибудь. Слова, впрочем, тоже мало помогали... Нет, здесь нужно действовать по-другому. Вот что я вам скажу. После премьеры вы откроете Марло те печальные последствия, к которым приведет его согласие служить шпионом Вальсингама.

— И каковы же будут эти последствия?

— Через пять лет, 30 мая 1593 года, Марло пойдет в трактир в компании троих господ: Ингрэма Фрайзера, Роберта Поли и Николае Сирса. Имея улики, свидетельствующие об их действиях в пользу Генриха Третьего, короля Франции, он попытается убедить их добровольно выдать своих сообщников и предстать перед Тайным Советом, отдав себя на милость ее величества. Эти люди поднимут его слова на смех; разгорится ссора. Не желая оставлять в живых столь опасного свидетеля, трое французских агентов схватят его, и Марло погибнет от предательского удара кинжалом или шпагой. Затем они распустят слух, что эта смерть явилась результатом нелепой трактирной драки: будто Марло ни с того ни с сего набросился на одного из них, Фрайзера, со шпагой; вынужденный защищаться, тот нечаянно нанес ему смертельную рану. Таким образом Англия и весь мир потеряют одного из самых выдающихся поэтов. Марло убьют, когда ему будет всего двадцать девять лет. А сколько прекрасных произведений мог бы он написать, если бы не эта нелепая трагическая случайность!

— Я понял, — сказал Мак. — Итак, вы хотите продлить жизнь этому Марло?

— О, я никогда не осмелился бы утверждать, что *я* этого хочу, — возразил Мефистофель. — Это всего лишь предположение, и изложенный мной план — один из возможных вариантов действий для вас.

— Да, но вы наметили для меня четкий план действий, разве не так?

— Вы приведете его в исполнение, только если сами того захотите, — пожал плечами Мефистофель. — Есть и другой вариант. Вы можете украсть волшебное зеркало у доктора Ди. Вы ведь слышали о докторе Ди, знаменитом ученом-маге, не правда ли?

— Разумеется, слышал, — ответил Мак, — только сейчас как-то не могу точно припомнить...

— Доктор Ди, — пояснил Мефистофель, — знаменитый английский алхимик, чародей и некромант. Его имя люди не произносят полностью, боясь навлечь на себя беду. Он один из величайших магов — таких, как всемирно известные Альберт Великий и Корнелий Агриппа. Многие могущественные владыки прибегали к помощи и советам прославленного мудреца. Сама Елизавета Английская поручила ему составить ее гороскоп — а ведь эта королева известна своим практичным, трезвым умом, которому чужды всяческие суеверия. Так вот, доктор Ди собирается покинуть Англию. Он вскоре уедет в Богемию, ко двору Рудольфа Второго, и, конечно, возьмет с собой волшебное зеркало. Вы должны каким-то способом добыть это зеркало.

— Да чего я в нем не видел, в этом волшебном зеркале? Зачем оно мне?

— Ну, например, оно может помочь вам в разговоре с Кристофером Марло. Люди редко верят на слово незнакомцам, а с помощью этого зеркала вы сможете доказать правдивость своих слов. Пусть Марло заглянет в волшебное зеркало и узрит в нем свое будущее, увидит, к чему приведет его согласие стать помощником Вальсингама. Я думаю, зрелище собственной смерти повлияет на него, как бы он ни был упорен и тверд... Итак, вы поняли все, что я сказал вам?

— Кажется, понял, — сказал Мак. — Осталось только одно. Как мне добыть волшебное зеркало?

— Ну, знаете, дорогой мой, — ответил Мефистофель, — я не могу делать за вас *всю* работу. Надо же и самому иногда соображать. Попросите у доктора Ди это зеркало. Если он заупрямится, дайте ему вот это...

Мефистофель вынул из кармана небольшой предмет, завернутый в носовой платок алого шелка, и протянул его Маку. Затем поднялся со стула, заворачиваясь в свой длинный черный плащ.

— Прощайте, Фауст, я буду ждать, когда вы выполните свое задание.

И он поднял руку, собираясь щелкнуть пальцами, чтобы исчезнуть. Но Мак остановил Князя Тьмы, вцепившись в его рукав.

— Что еще? — раздраженно спросил Мефистофель.

— Счет за завтрак, — сказал Мак. — Если ваше высокодемонородие не затруднит оплатить его...

— Разве у вас нет с собой денег?

— Мне они еще могут понадобиться. Несколько лишних монет не помешают, во всяком случае. Никогда точно не знаешь, что ждет тебя впереди, — особенно когда приходится выполнять такие непростые поручения.

Мефистофель швырнул на стол горсть серебра и поднял руку, но, подумав мгновение, опустил ее, очевидно, вспомнив недавние пререкания с трактирщиком из-за своего неожиданного появления в зале. Он не спеша вышел из трактира; оглянувшись по сторонам, свернул в узкий глухой переулок, где никто не смог бы стать свидетелем его внезапного исчезновения, и там растаял в воздухе, словно дым.

Мак спрятал в свой кошель тот предмет, завернутый в алый шелковый платок, который дал ему Мефистофель, затем, отсчитав плату трактирщику из монет, раскатившихся по столу, ссыпал оставшиеся деньги к себе в карман. Пора приниматься за дело, подумал он. Справившись, где живет доктор Ди, Мак собрался уходить.

В соседней кабинке, отделенной от Мака и Мефистофеля высокой перегородкой и потому невидимой для них, сидел некто рыжий, закутанный в малиновый плащ, удивительно напоминавший одного молодого демона с лисьей физиономией. Аззи был одет в яркий — малиновый с изумрудно-зеленым — костюм с высоким тугим стоячим воротником. Он задумчиво постукивал пальцами по дубовой крышке стола, припоминая подробности подслушанного им разговора. Губы его кривились в недоброй усмешке.

Он уже давно тайно следил за Мефистофелем, своим соперником, пытаясь разгадать его игру в Тысячелетней войне между силами добра и зла. Теперь эта тайна была раскрыта. Так вот что задумал Мефистофель! Мошенничество! Обман!.. Аззи задумался, какие выгоды он сможет отсюда извлечь. После минутного размышления у него возник еще не совсем ясный, но вполне подходящий план.

Он щелкнул пальцами прямо перед носом у изумленного трактирщика, даже не взяв на себя труд оплатить поданный счет, и растаял в воздухе, как будто его и не было. Пусть этот суеверный болван предъявляет претензии Фаусту, выдуманному Марло, или чертям из преисподней, — у Аззи найдутся дела поважнее! Он отправился в Горние Страны, в те края, где начинались владения небесных духов. Демоны редко посещают эти места, но у Аззи было о чем поговорить с одной своей старой знакомой, бывшей ведьмой, с некоторых пор ставшей ревностной служительницей добра.

— Нам не следовало здесь встречаться, — сказала Илит, оглядываясь кругом. Однако тревога ее была напрасной — коктейль-бар «И-нашим-и-вашим» был идеальным местом для рандеву. Здесь, за стенами древнего Вавилона, возле храма Ваала, собирались создания света и тьмы — обменяться информацией, обсудить последние новости или просто поболтать. Особенно важной, конечно, считалась работа по перевербовке агентов; нужно сказать, что в своей извечной борьбе обе великие силы не брезговали никакими приемами. Духи, принадлежащие к враждующим лагерям, вели друг с другом долгие беседы за стаканом коктейля, жарко спорили, расставляли хитроумные ловушки, плели сети интриг, выгодно продавали информацию и распускали заведомо ложные слухи в надежде одурачить противника, подкупали и шантажировали друг друга — всех дел и не перечислишь.

Вавилон, столица могучего государства, утопал в роскоши. В то время он переживал пору расцвета; хетты пока не тревожили его жителей, а об Александре Македонском не ведали даже самые дальновидные из прорицателей. Это был прелестнейший из уголков земли, чудо из чудес; люди съезжались со всех концов света, чтобы полюбоваться его сказочными диковинами. На улицах и торговых площадях слышалась арабская речь вперемешку с древнесемитскими и древнеиндийскими наречиями. Финикийцы, евреи, арабы, персы, индусы, египтяне и бедуины дружески болтали, сидя в кофейнях и потягивая знаменитый кофе по-вавилонски (ибо в Вавилоне был известен особый секрет приготовления этого напитка: перегретый пар пропускался через ароматный напиток с помощью огромных воздуходувных мехов, которые качали чернокожие нубийцы или эфиопы — им принадлежала монополия на торговлю кофе). Город этот был одним из крупнейших в мире центров просвещения — но и развлечения тоже. Здесь устраивались великолепные музыкальные ревю; в зверинце, где львы мирно бродили рядом с ягнятами, словно в раю, содержались редкие животные, привезенные путешественниками из дальних стран. Но главным украшением Вавилона были висячие сады Семирамиды. Подобно застывшему водопаду вьющиеся стебли спускались с верхних этажей каменных зданий. Что бы ни говорили впоследствии о Вавилоне завистливые афиняне, молва об этом городе облетела весь свет, и многие восхищались его богатством и пышным великолепием его празд-

неств. Вавилон был истинным царем пиров; только здесь вы могли отведать шишкебаб, а вкус вавилонских булочек с изюмом помнили далеко за пределами Ашмара.

— Не волнуйся, ничего страшного в этом нет, — успокоил Аззи свою бывшую подружку. — Мы теперь находимся во враждебных лагерях — значит, никакой интрижки между нами быть не может; никому даже в голову не придет распускать о нас гадкие сплетни.

Илит подарила Аззи нежный взгляд, однако тревога не покинула ее. Аззи был весьма привлекательным существом — для демона, разумеется: огненно-рыжие волосы аккуратно подстрижены, тонкий длинный нос кажется чудом красоты по сравнению со свиными рылами других чертей, чувственные губы красиво изгибаются в улыбке. В прежние времена эти губы слишком часто целовали ее, чтобы она могла смотреть на них совершенно бесстрастно. Возможно, она еще не совсем разлюбила его... Но она пришла на это свидание отнюдь не затем, чтобы позволить ему пробудить в себе давно умолкнувшие чувства. Сопротивляясь этому демону, она спасала свою душу и закаляла свой характер; к тому же встреча с Аззи давала ей в полной мере почувствовать терзания любви — той пылкой любви, которую она не так давно перенесла на ангела Гавриила. О нет, она отнюдь не раскаивалась в сделанном ею выборе, и Гавриила было не в чем упрекнуть. Гавриил был добр и служил добру, и это было хорошо. Но бывали у нее, и все чаще, ночные одинокие часы невыносимого томления. Острая тоска стальным обручем сжимала ей грудь; вряд ли она сама смогла бы объяснить ее причину и разобраться в своих чувствах. Будучи бессмертной, она особенно остро ощущала терпкий вкус печали; не в силах прогнать печаль, Илит надеялась, что когда-нибудь ее тоска пройдет сама собой.

«Оставь эти глупые мысли, девочка», — мысленно обратилась она к самой себе, а вслух для Аззи прибавила:

— Что новенького?

— Да так, существую помаленьку, — ответил Аззи, пожав плечами (этот жест он продумал особенно тщательно). — Занимаюсь все теми же старыми штучками — надувательством и двурушничеством. Ты сама знаешь, какова жизнь демона.

— И многих ли тебе удалось перехитрить? — спросила Илит.

— Мне? Никого, — улыбнулся Аззи. — С тех пор как силы предопределения с присущей им мудростью решили не обременять меня новым заданием в нынешней Тысячелетней войне, я предоставлен самому себе. А обжуливать самого себя очень скучно — еще скучнее, чем играть с самим собой в карты на щелчки...

— Я слышала, что Мефистофель весьма опытный и искушенный в интригах демон, — заметила Илит. — Вне всякого сомнения, он сослужит вашему племени хорошую службу.

— Возможно. Особенно если учесть, как ловко он пользуется каждым удобным случаем, чтобы в полной мере проявить свою хитрость и коварство.

— Ничего другого от него нельзя ожидать. Он же демон, в конце концов.

— Я знаю. И не имею ничего против хитрости, коварства, мошенничества, вероломства и тому подобных вещей. Но я сам игрок и не люблю тех, кто играет нечестно. Открытое нарушение правил ведения войны — это уж слишком.

— Нечестная игра? Открытое нарушение правил? — словно эхо повторила Илит. — Ну, нет. О нем говорят, что он порядочный демон.

— Возможно, я ошибаюсь, — с наигранной кротостью ответил Аззи, — и никакого нарушения на самом деле не было.

Илит резко выпрямилась в своем кресле.

— В чем же ты ошибаешься?

Аззи полюбовался своими ногтями, подышал на них, затем начал полировать их о край своего ярко-красного вельветового пиджака. После долгой паузы он наконец произнес:

— Да так... Не стоит обращать внимания на всякие пустяки.

— Аззи, прекрати дразнить меня! Ты что-то знаешь! Говори!.. Рассказывай, что ты видел?

— Я ничего не *видел*. Зато *слышал я* многое.

— Что же?

— Я подслушал, как безупречный, честнейший демон Мефистофель инструктировал Иоганна Фауста, выбранного соучастником спора между силами добра и зла. У него большая роль в нынешней Тысячелетней войне.

— Инструктировал? Ну и что? Он просто знакомил актера с его ролью. В конце концов, должен же Фауст знать, что ему делать!

— Теперь он знает это *слишком* хорошо.

— Аззи, Аззи! С чего это ты вздумал говорить загадками? Оставь свои старые фокусы и скажи прямо, что ты имеешь в виду.

— Мефистофель должен предложить Фаусту несколько вариантов действий в каждом эпизоде, не так ли?

— Это всем известно!

— Так вот, я слышал весь их разговор. Мефистофель подробно разъяснял Фаусту, какой именно выбор он должен сделать и как ему надлежит действовать, чтобы достичь успеха.

— Ты хочешь сказать, что он вмешивается в эксперимент? Что Фауст — послушное орудие в его руках?

— Да-да, именно это я и имел в виду. Забудь о пресловутой *свободе воли*, душенька моя. В этой игре существует только одна воля — воля самого Мефистофеля, а смертный является его покорным и исполнительным слугой.

Она глядела на него, приоткрыв от удивления рот. Аззи рассказал ей, как он подслушал разговор между Маком и Мефистофелем в одном из лондонских трактиров, как Мефистофель велел знаменитому магу спасти Марло и даже предложил ему способ действий, ведущий к успеху.

— Аззи, ты делаешь из мухи слона. Ты словно нарочно пытаешься поднять шум вокруг этого дела...

— Что касается шума, то я всегда готов его поднять — такова уж моя натура, — сказал Аззи. — Подумай, однако, — ведь в том, что я сейчас тебе рассказал, нет ни капли лжи. Все — чистая правда, без всяких выдумок и приукрашиваний, на которые мы, демоны, большие мастера.

Некоторая время Илит сидела молча, обдумывая услышанное. Она отпила несколько глотков коктейля из нектара с амброзией и повертела высокий стакан в пальцах; льдинки тихонько позвякивали о его край. Этот ароматный напиток, заслуживающий названия пищи богов, готовили только в древнем Вавилоне; после того как Александр Великий разрушил город до основания, мстя персам за прежние победы над греками, ледники были уничтожены в пламени пожара, а секрет приготовления божественного коктейля был утрачен.

— Если ты говоришь правду, — сказала она наконец, — то дело, кажется, весьма серьезное.

— Так я и думал, — ответил Аззи. — Однако здесь возникает весьма деликатная проблема. Мы с Мефистофелем находимся в одном лагере, и если я донесу Верховному Совету о его противозаконных действиях, это будет выглядеть немного некрасиво. Но ты, Илит, должна знать, что моя душа столь же сильно жаждет правды и справедливости, как и твоя собственная.

— Что ты говоришь! — воскликнула Илит. — Как я могу поверить тебе? Ты и тебе подобные служат злу и лжи по доброй воле.

— Да, это верно. Но также по доброй воле мы служим истине и добру, — сказал Аззи, прибегая к парадоксу там, где одной правдой ничего нельзя было добиться. — У нас, сторонников тьмы, есть свои принципы.

Она покачала головой, но глаза ее улыбались.

— О, я слишком хорошо знаю, что льстивый язык помогает тебе обводить вокруг пальца доверчивых простушек. Ты коварный демон!

— Тот демон, который не лжет во имя красоты, не достоин звания злого духа... Однако все, что я рассказал тебе про Мефистофеля, — голая правда.

Илит колебалась. Она верила и не верила Аззи. Мотивы поступков Мефистофеля были ей непонятны.

— Если он спасет Марло... — неуверенно начала она, — мне кажется, этот поступок будет добрым деянием. Поэт останется жив; он напишет много прекрасных стихов и успеет удивить весь мир своими гениальными пьесами...

— Ты смотришь на вещи с одной стороны, — ответил ей Аззи, — так позволь же мне изложить другую точку зрения. Этот Марло — отъявленный безбожник и богохульник, для которого нет ничего святого. Его ненаписанные пьесы скорее всего вызовут громкий скандал и негодование ханжей. Вряд ли они послужат укреплению религии; напротив, они могут посеять опасное смятение в людских душах и бросить в народ семена дерзкого вольнодумства...

— Аззи, — прервала его Илит, — я должна тщательно обдумать и взвесить все, что ты мне рассказал. А уж потом придет время решать, что мне делать с этой информацией.

— Делай с ней что хочешь, — сказал Аззи. — Во всяком случае, моя совесть чиста. Давай допьем коктейли и разойдемся каждый по своим делам.

Илит кивнула и почти залпом осушила свой стакан. Затем оба кивнули друг другу на прощание и растаяли в воздухе.

А в это самое время в соседней кабинке маленький смешной длиннобородый человечек потирал маленькие пухлые ручки от радости. Он был одет в высокие, наподобие болотных, сапоги и кожаный камзол.

— Ха-ха, мой дорогой рыжий демон! — произнес Рогнир (это был, конечно, он). — Вот ты и попался! Я вижу тебя насквозь со всеми твоими хитростями и кознями. Так, значит, ты предаешь своих во имя истины? Неплохая шутка, клянусь бородой! Я-то знаю, что за цель ты преследуешь.

С тех пор как демон Аззи нечаянно столкнулся с гномом в одном из подземных коридоров и увел его на уборку мусора после весеннего шабаша, дела у Рогнира пошли совсем худо. Закончив работу, гном поспешил на Всемирный слет гномов в Монпелье. Однако к тому времени, когда он прибыл туда, праздник уже кончился и гномы разошлись. Смолкла музыка, погасли

разноцветные фонарики на деревьях. На примятой траве лежали лишь пустые бочонки из-под пива. Опечаленный Рогнир вернулся домой (для этого ему пришлось выкопать новый подземный ход от зеленого холма близ Монпелье до самого своего порога), но дома его ждала новая беда. Пока он, выбиваясь из сил, прокладывал подземный коридор, кто-то дорылся до его заветного клада, спрятанного глубоко под землей, и похитил сокровища. Конечно, это был не единственный клад Рогнира. Никакой уважающий себя гном не станет закапывать все свои драгоценные металлы и самоцветы в одном месте. Однако потеря была велика, и Рогнир сильно огорчился из-за пропажи клада.

Рогнир все еще сердился на Аззи за дурное обращение на Всемирном Шабаше. Затаив в своем сердце обиду, он искал случая, чтобы чем-нибудь насолить демону (гномы вообще злопамятные существа, они веками могут помнить нанесенные им обиды). И сейчас ему представился такой случай. Рогнир погрузился в размышления: в голове его начал созревать план мести. Подумав немного, Рогнир вышел из уютного коктейль-бара и направился в одно местечко близ Вавилона, где давным-давно гномами был проложен волшебный подземный ход. Нырнув в этот подземный коридор, можно было попасть в любое место и любое время. Копнув разок-другой своей лопатой, Рогнир пролез в образовавшееся отверстие. Он очень торопился.

Глава 3

В тот день к Харону на ладью попали весьма любопытные мертвецы. Он подобрал троих рыбаков, утонувших возле берегов Спарты. Своим переселением в мир усопших эти трое были обязаны шторму, внезапно налетевшему с севера и перевернувшему их лодку. В карманах у троих утопленников было пусто, но они обещали Харону, что за перевозку ему заплатит двоюродный брат одного из них, некто Адельфий из Коринфа, основатель известного фонда «В помощь душам умерших, переправляющимся через Реку Времени». Этот фонд принимал вклады от родственников людей, погибших далеко от родного дома, — рыбаков, унесенных непогодой в открытое море, солдат, павших на чужбине, купцов, не вернувшихся из дальних путешествий, и многих других, чьи души томились на берегу Стикса. Трое приятелей объяснили перевозчику, что три обола — по монете за каждого из них — будут перечислены на его счет Коринфским отделением Коммерческого банка античности. Харону нужно лишь обра-

титься в одно из отделений этого банка, расположенных во всех крупнейших городах мира, и ему выдадут вклад с причитающимися процентами. Если же сам Харон по какой-либо причине не сможет явиться лично, он может послать в банк доверенное лицо, оформив соответствующие документы.

Харон хмуро выслушал эти речи и уже собирался отказать троим рыбакам. Он был приверженцем старых добрых традиций и недоверчиво относился ко всему новому, поэтому плату за проезд он предпочитал взимать наличными. «Деньги на бочку!» — был его принцип; а точнее, «деньги на борт», поскольку речь шла о судне. Он подозревал, что трое приятелей сговорились, решив надуть его и прокатиться бесплатно. Но сладкоречивому казначею Харона по имени Озимандий (хотя он и не был царем царей, убитым на острове Корфу во время волнений, подстроенных эллинскими агентами, и попавшим к перевозчику душ умерших) удалось уговорить Харона. Озимандий подтвердил, что утонувшие рыбаки говорят правду, и Харон не нашелся что ответить своему казначею. Он взял троих новичков на борт, хотя и неохотно. Что поделаешь, даже лодочнику в царстве мертвых приходится идти в ногу со временем. За последние несколько веков ладья Харона несколько раз заходила в малознакомые порты для починки, и рабочие, люди, говорившие на странных, непривычных для Харонова уха языках, отказывались принимать оболы за свою работу. «Странные деньги», — говорили они.

Итак, дело было решено, и дольше размышлять над ним не имело смысла. В настоящий момент у Харона были более важные заботы. Его ладья налетела на риф там, где никогда не было подводных камней, — уж он-то знал Стикс как свои пять пальцев!

Это было отвратительное место — зловонное, похожее на топкое болото, где в стоячей воде гнили остатки водорослей. Небо здесь было низкое, серое; слабый ветер приносил с собой запах дохлой рыбы. Небольшие волны, покрытые грязно-серой пеной, лизали борта ладьи. Низкие чахлые деревца склонились к воде; на них сидели мертвецы, с мольбой простиравшие иссохшие руки к Харону: им нужно было переправиться на другой берег; не имея наличных денег, они хотели наняться к Харону матросами на время пути. Но Харон неумолим: его команда полностью укомплектована, а лишние души на борту не нужны. Он уже взял две или три дюжины пассажиров; больше его маленькая ладья не вместит. Они сидели в носовом кубрике, развлекаясь игрой в дурака и в очко старой потрепанной колодой карт. Они бродили по палубе, распахнув свои ветхие, грязные хитоны и об-

нажив тела, покрытые коростой и трупными пятнами. Лунными ночами они сидели на корме, свесив ноги вниз и шлепая босыми ступнями по воде, а днем бросались с борта застрявшего на мели судна и плескались в пахнущей гнилью стоячей воде. Несколько мертвецов развлекались игрой в водное поло с чьей-то полуразложившейся отрубленной головой — она медленно проплывала мимо левого борта, и томящиеся от скуки пассажиры Харона вытащили ее из реки.

Расталкивая лениво бродящих по кораблю мертвецов, Харон подошел к Фаусту.

— Из-за тебя мы торчим здесь уже несколько дней, — сказал он, буравя знаменитого мага своими маленькими глазками. — Я хотел бы знать, что ты собираешься делать дальше?

— Мне очень жаль, но я ничего не могу поделать, — ответил Фауст. — Во всем виноват этот рыжий демон Аззи, черт его возьми. Он провел меня, как самого неопытного новичка. Мой счастливый талисман не действует, а сотворенное мною заклинание почему-то сработало не так, как нужно.

— Почему ты просто не избавишься от этого заклинания, если из него не выходит никакого толку, и не сотворишь другое?

Фауст покачал головой:

— Нет-нет, только не это! Хуже ничего придумать нельзя! Мы должны подождать, пока неудачное заклинание истратит весь заряд энергии...

— Уже не первый раз я слышу это от тебя, — сердито ответил Харон. — Но время идет, и я не могу сидеть сложа руки, тем более что ты и сам не знаешь, сколько еще нам придется ждать. Сделай же что-нибудь, да поскорее, если не хочешь, чтобы тебя выбросили за борт!

Фауст посмотрел на грязную, вонючую воду, плескавшуюся за бортом. Что ж, пожалуй, это выход, мелькнула у него в голове отчаянная мысль. Сквозь толщу воды он видел какие-то неясные тени, расплывчатые силуэты не то рыб, не то каких-то сказочных созданий. Он где-то слышал, что под Стиксом существует таинственное подводное царство, о котором смертные ничего не знают. Искушение было велико. Почему бы не оставить бесплодные попытки доказать истину и занять свое настоящее место в борьбе между двумя великими силами? Почему бы не уйти от мирской суеты? Пусть Харон прикажет своим молодцам швырнуть его за борт — он не станет сопротивляться. Как приятно будет погрузиться в эти темные воды, примкнув к таинственным существам, живущим в их глубине; как приятно плыть по течению, не заботясь более ни о чем!

Он оторвал свой взгляд от черных глубин, от медленно текущей воды. Нельзя так распускаться, одернул он себя. Он великий маг! Он Фауст! А Фауст не сдается! Отчаяние и уход от борьбы — удел слабых. Он должен быть сильным. Он будет бороться. Во что бы то ни стало он достигнет заветной цели!

Фауст поднял голову, и ему показалось, что впереди мелькнуло маленькое светлое пятнышко, едва различимое в полумраке. Что бы это могло быть? Зарница?.. Светлячок?.. Неужели на Стиксе водятся светляки? Или это один из блуждающих болотных огоньков, что манят сбившегося с дороги путника в непроходимую топь, на верную гибель? А может быть, пятнышко ему просто почудилось? Он слишком долго глядел на воду, и его глаза устали...

Прищурившись, Фауст начал всматриваться в даль, пытаясь проникнуть сквозь завесу серого тумана, в котором тонули берега и расплывались контуры деревьев. Нет, он не ошибся! Вскоре он уже смог различить контуры небольшой двухвесельной лодки. Ее единственный пассажир, маленький толстый человечек, греб изо всех сил, и лодка быстро приближалась.

— Это еще что такое? — воскликнул Харон, заметив лодку.

— А ты уж думал, что Стикс принадлежит одному тебе, Харон? — ядовито спросил Фауст.

Лодка была уже совсем рядом; вот ее борт стукнулся о корму корабля мертвых. Рогнир, одетый в желтую курточку с капюшоном, из-под которого торчали концы его длинных волос и бороды, бросил весла и поднялся с низкой скамейки.

— Эй, там! — крикнул он. — Фауст случайно не у вас на борту?

— Ну... случайно да... — ответил немного растерявшийся Харон.. — Он здесь. А ты-то сам кто?

— Я Рогнир, — важно ответил гном. — Я персонаж устного народного творчества, существо из иного мира, чем ваш. Но я вас знаю. Харон! Чего это тебе вздумалось стать на якорь посередине реки? Совсем недалеко отсюда я видел несколько очень приличных доков и пристаней. Толпы умерших ждут тебя на берегу, и у каждого во рту найдется серебряная монетка!

— Черт побери! — выругался Харон. — Я много теряю, но я ничего не могу поделать. Некто скверный и злой — да не будет он назван! — что-то сделал с моей ладьей, и теперь она только кружится на месте и не слушается руля. Вдобавок ко всему, пока я пытался разобраться, что происходит и выровнять курс, судно мое наскочило на мель — единственную мель на протяжении многих сотен стадиев. Тщетно пытался я сняться с мели — оче-

видно, киль моего корабля плотно застрял в песке. Мне остается только сидеть здесь да горевать... А ты здесь по какому делу, позволь спросить?

Рогнир объяснил, что у него есть важные новости для Фауста.

— Я подслушивал разговоры демонов, — сказал он, — один из которых вам, вероятно, знаком. Это Аззи Элбуб, отвратительный тип. Настолько гадкий, что всей его мерзости, пожалуй, даже для Ада чересчур много.

— Да, я встречался с ним несколько раз, — ответил Фауст. — Он пытался соблазнить меня и заставить отказаться от дела всей моей жизни — от участия в Великой войне добра и зла, в которой я должен был сыграть роль спасителя всего человечества и покрыть себя немеркнущей славой. Убедившись, что от меня ему ничего не добиться, он дал мне испорченное заклинание перемещения — зараженное вредоносным джинном, как я смог убедиться. Давая мне испорченное заклинание, он, возможно, преследовал и иные цели, но главная его цель, по-моему, была одна — отомстить мне за свое поражение. И вот теперь ладья Харона застряла посреди Стикса и не может двинуться ни вперед, ни назад.

— Этой беде можно помочь, — сказал Рогнир, доставая из кармана клубок запутанной веревки. — Вот, попробуйте.

— Что это? — спросил озадаченный Фауст.

— Заклинание освобождения, — ответил гном. — Распутай клубок — и освободишься.

Глава 4

Мак и Маргарита шли по дорожке, ведущей к дому доктора Ди.

— Ты уверена, что все поняла правильно? — спросил Мак.

— Надеюсь, что так, — ответила девушка, — однако мне это не нравится.

— Не думай ни о чем. Делай как я тебе скажу, и все будет хорошо, вот увидишь.

Если не обращать внимания на надутые губы, хмурый взгляд и другие мелкие признаки женского недовольства, Маргарита выглядела на редкость хорошо в этот день. Ее каштановые волосы были искусно уложены и блестели. После того как Мефистофель перенес ее из своего кабинета в Лимбе в Лондон, к Маку, у нее было достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Платье блестящего темно-зеленого шелка со вставками из крапчатого канифаса было с иголочки; оно великолепно сидело и

очень шло ей. Мак подумал, что еще никогда не видел свою спутницу такой красивой.

Дом доктора Ди, построенный вопреки всем законам симметрии, с прикрытыми ставнями, издалека напоминал дремлющего на солнышке кота. Знаменитый доктор облюбовал себе жилище отнюдь не в той части города, где обычно селились почтенные граждане, занимающиеся честным трудом. Справа и слева от его дома стояли мрачные здания весьма подозрительного вида. Что поделаешь — это был район Тортингэм, пользовавшийся в городе недоброй славой. Прошло немало лет, прежде чем в эти кварталы стала заглядывать более благородная публика: воры-карманники, праздношатающиеся зеваки и лодыри, мошенники, безработные, деревенские жители, приехавшие в город по делам, и визгливо хохочущие женщины, чьи манто из крашеных кроличьих шкурок никак не желали походить на благородные собольи шубы.

В таком вот темном, глухом, небезопасном месте и поселился знаменитый доктор Ди.

Мак и Маргарита подошли к дверям дома.

В это время доктор Ди, высокий и худой, облаченный в докторскую мантию, склонился над огромным пыльным фолиантом в книжной комнате, пытаясь постичь древнюю мудрость какого-то забытого и таинственного учения. Чуть вздрогнув, как тот, кого отвлек от глубоких размышлений какой-то посторонний звук, он поднял голову от книги и громко позвал:

— Келли!

Низенький широкоплечий человек, сидевший на другом конце стола, отложил в сторону клубок пряжи, которую он распутывал. Эдвард Келли, сильнейший медиум, был родом из Ирландии, из графства Лимерик. Во всей его внешности, если не считать меховой шапки, натянутой на уши, на первый взгляд не было ничего примечательного; лишь в глазах его горел какой-то загадочный огонек. Всякий, кто заглянул бы в эти глаза, был бы сразу околдован. Необыкновенные глаза. Огромные, печальные, они манили, притягивали к себе, словно магнит. Дьявольские глаза.

— Да? — отозвался Келли. Он смотрел на доктора Ди, приподняв одну бровь.

— Я *чувствую*, что кто-то сейчас поднимается по лестнице, — сказал доктор Ди.

— Мне выйти и посмотреть, кто там? — спросил Келли.

— Сперва погадай: у меня появились нехорошие предчувствия... только никак не могу понять, *одно* или *два*...

Келли придвинул к себе стакан, до краев наполненный водой. Поплевав на указательный палец, он несколько раз обмакнул его в воду — по поверхности пошли круги. Келли начал пристально вглядываться в них.

Зрачки медиума расширились, неподвижно уставившись в одну точку. Сначала перед его глазами замелькали цветные пятна. Потом на дне стакана появились какие-то полупрозрачные тени, призрачные очертания фигур... Духи, которых вызывал ирландец, были сейчас не более чем тонкими струйками воды, поднимающимися со дна, изгибающимися в причудливом змеином танце. Он слышал звуки потустороннего мира... Постепенно неясные видения стали обретать форму, и вот он уже мог отчетливо видеть перед собой два лица — мужское и женское. Вокруг их голов сияли радужные нимбы, видимые только его глазу, — они указывали на тесную связь этих двоих с миром *духов*.

— К нашей двери подошли двое, — сказал он доктору Ди. — Мужчина и девушка. Странная пара... хотя на первый взгляд не определишь, в чем заключается эта странность. Мужчина — высокий, белобрысый; девушка — с каштановыми волосами. Красивая... На вид они вполне приличные люди.

— Ну что ж, если они тебе нравятся, я их приму, — сказал доктор Ди. — Только вот у меня было такое странное чувство... Я хотел знать, в чем его причина.

— При чем же здесь я? — возмутился Келли. — Если вам угодно это знать, почему бы не заглянуть в волшебное зеркало? Оно расскажет все об этих таинственных незнакомцах...

— Волшебное зеркало находится в другой комнате, — невозмутимо ответил доктор Ди. — Не понимаю, почему ты вдруг так рассердился.

— Кто рассердился? Я?! — воскликнул Келли, нахмурившись. — Почему вы думаете, что я рассердился?

— Ну, значит, ты *выглядишь* сердитым, — сказал доктор Ди.

— А с чего мне сердиться, — не унимался Келли, — ежели мне не на что жаловаться? Кто сопровождал вас во время вашего спиритического путешествия по Европе? Я. И разве я не выступаю в главном номере вашей цирковой программы? Я делаю для вас всю работу, и где вы найдете человека, который даст вам больше духовной энергии, чем я? Значит, мне есть чем гордиться...

— Мне кажется, Эдвард, — сухо сказал доктор Ди, — мы уже обсуждали с вами этот вопрос. Идите откройте дверь.

Ворча, Келли пошел к двери. Слуги никогда не было на месте, если в его услугах возникала надобность. Нетрудно было угадать, где он находится, даже не глядя в воду, — конечно, он

наверху, в своей каморке, лечит старую рану, полученную им в одном из сражений под знаменами Черного Принца, — эту историю он неоднократно рассказывал своему хозяину.

Келли вспомнилась его родная зеленая Ирландия, широкие луга, где он пас овец, и юные девушки, приходившие к нему, — девушки, с которыми он проводил блаженные часы на холмах, откуда было видно море. Ах, этот ни с чем не сравнимый запах соленого ветра, запах свежей травы!.. Он потряс головой, чтобы отогнать наваждение. Память, довольно!

Он открыл дверь. На пороге стояли Мак и Маргарита.

— Здравствуйте, — сказал Мак. — Нам хотелось бы поговорить с доктором Ди.

— О чем вы собираетесь с ним разговаривать? — осведомился Келли.

— О, это предназначается только для его ушей.

— Вам придется сказать мне, или это никогда не достигнет его ушей.

— Это невозможно. Мы будем говорить только с самим доктором Ди.

Келли пожал плечами и жестом пригласил посетителей пройти в комнату.

— У них какое-то важное и секретное дело, — сказал он доктору Ди. — По крайней мере так они говорят.

Мак слегка поклонился.

— Нас интересует ваше волшебное зеркало, — сказал он, улыбаясь. — Мы хотим приобрести его у вас.

Густые темные брови доктора Ди поднялись вверх.

— Волшебное зеркало?.. Я не ослышался? Вы хотите купить у меня волшебное зеркало?

Мак молча кивнул.

— Сэр, вы, должно быть, потеряли рассудок! Волшебное зеркало, обладающее высочайшей мощью и даром предвидеть будущее, — это не мешок овса. Мне, его обладателю, завидуют могущественнейшие из царей земных. Король Польши, к примеру, предлагал мне за него Владивиль, титул герцога и в придачу к этому прелестную юную княгиню Радзивилл, чьи изысканные манеры и ослепительная красота лишили покоя всех рыцарей далеко за Везером. Но я лишь засмеялся королю в ответ. Для того чтобы купить у меня волшебное зеркало, не хватило бы сокровищ всего мира. С помощью этого зеркала я проникаю в мир духов, куда нет доступа простым смертным. С его помощью я могу провидеть будущее. Оно дает мне знание и силу, а знания и сила — это и есть настоящая власть. Неужели вы думаете, что я

уступлю его кому бы то ни было? Золото и преходящие блага земные — ничто по сравнению с моим зеркалом!

— Я понимаю, — сказал Мак. — Но я предлагаю вам нечто такое, от чего вы просто не сможете отказаться.

— Нечто такое, от чего я не смогу отказаться? Посмотрим.

И Мак вытащил из кармана небольшой предмет, завернутый в красный шелковый платок. Получив от Мефистофеля этот платок, он даже не полюбопытствовал взглянуть на подарок, приготовленный демоном для надменного доктора Ди.

История молчит о том, что это было и как оно подействовало на упрямого доктора. Достоверно известно лишь одно: примерно через четверть часа Мак и Маргарита вышли из дома доктора Ди и направились в Саутварк. Волшебное зеркало Мак держал под мышкой.

Глава 5

Тем временем народу на театральной площади все прибывало. Хотя в зале могло разместиться немногим более трех сотен зрителей, вокруг театра собралась толпа в несколько тысяч человек. Многие пришли сюда издалека.

Любители театра окружили здание со всех сторон. Почти все были одеты в теплые плащи — день выдался хмурый и прохладный. В толпе мелькали роскошные плащи знатных вельмож и придворных, окруженных слугами, — маркиза Солсбери, лорда Дюнкерка, герцога Корнуэлского, королевского палача и лорда Фэйвершэма. Одни явились на премьеру со своими женами, другие — с любовницами, бойкими красотками, чьи пышные прически и платья украшали поддельные бриллианты; третьи, совсем юные, как лорд Дуврский, которому было всего лишь восемь лет от роду, пришли со своими родителями или с воспитателями и верными дядьками, приставленными к отпрыскам знатных семей. Семилетнего виконта Делвиля, с самого рождения пораженного тяжелой, неизлечимой болезнью, принесли в носилках личные телохранители; рядом с носилками шел его врач.

Знатные господа свысока поглядывали на публику попроще — толстых торговцев сукном с Мичин-роу, тощих аптекарей с Пэл-Мэл и Чипсайда, неуклюжих мясников и мелких лавочников с Пиккадилли. В толпе были и совсем простые люди: солдаты из Нидерландов, находящиеся в отпуску, студенты и разные бродяги, сами себе господа: эти, каким-то чудом раздобыв себе билет, старались протолкаться ко входу. В толпе было даже не-

сколько священников — они пришли сюда не ради забавы: прослышав, что новая пьеса сильно задевает религиозную мораль, святые отцы решили воочию убедиться в этом, чтобы потом обрушить на автора свой гнев в воскресной проповеди. Вся эта разнородная публика вливалась в двери театра, за которыми могучий бурлящий поток разбивался на мелкие ручейки: люди проходили в фойе, покупали апельсины и сласти у девушек-разносчиц, обходили здание кругом, искали знакомых, устремляя свои взгляды на закрытые ложи, болтали, смеялись, толкались и плевали на пол — словом, занимались тем, чем обычно занимаются зрители в ожидании спектакля.

«Театр Розы» был построен по классическому образцу: овальное здание со множеством закрытых лож по бокам. Высокая сцена сильно выдавалась вперед, в передние ряды партера. Пламя настенных факелов трепетало от легкого сквозняка и вздрагивало, когда в общем многоголосом шуме раздавалось чьенибудь громкое восклицание. То и дело слышалось: «Ну и ну! Гарри!», «О, да это же Саффон!» или «Гляньте-ка — вон Мелизанда и Каддлс!»

Плата за вход в тот день была довольно высока — три с половиной пенса; слуги, стоявшие у дверей, получали медные монеты с каждого, кто желал пройти внутрь. Бесплатно пропускали лишь тех, кто предъявлял пригласительный билет от самого графа Ноттингемского, покровителя театра. Но на сей раз англичане не скупились — настроение у них было праздничное. Люди шли развлечься, забыть пережитые горести и избавиться от тревоги за завтрашний день. Будущее было слишком неопределенным: если испанцы разобьют флот королевы Елизаветы, никакие деньги не спасут англичан — самый знатный вельможа окажется не богаче последнего нищего. Поэтому жители Лондона, надев самые нарядные камзолы и тонкие чулки, пришли на премьеру — потолкаться среди знатных особ, посмеяться и освистать неудачных актеров.

Под громкие звуки труб Эдвард Аллейн вышел на сцену. Некто Уилл Шекспир, молодой, но уже начинающий лысеть, несколько лет спустя вспоминал эти минуты: как примолкли болтливые кавалеры, а их дамы перестали громко смеяться и усиленно замахали веерами. В зале зажегся свет; тут же по краям сцены вспыхнули светильники на высоких треножниках (поскольку прожекторов еще не изобрели, сцена освещалась с помощью магнезии, добавленной в керосин; зажигальщики свечей

поджигали эту смесь от искр огнива или с помощью трута). Зрители уселись поудобнее в своих креслах, приготовившись смотреть и слушать. Маленький оркестр заиграл вступление. Пронзительно вскрикнули гобои, начиная *фаустовскую* тему.

Действие происходило в городе Виттенберге, в прошлом веке. Декорации выглядели достаточно натурально — для своего времени, конечно: плотникам, в распоряжении которых были лишь грубые доски, топор и молоток, было куда как далеко до искусства театральных машинистов XVIII столетия, творивших чудеса при помощи поворотного круга и сложнейших механизмов. Сцену портила лишь покосившаяся сторожевая башня Дрейкен, где Фаусту должен был явиться дух земли, — казалось, она была готова рухнуть посреди действия.

Занавес поднялся, и тотчас же кашель сотен гортаней и шарканье сотен ног заглушили звуки музыки. В современном театре, где проходы между рядами покрыты ковровыми дорожками, а ноги зрителей обуты в изящные туфли, трудно услышать что-либо подобное; но в ту далекую эпоху полы покрывал лишь толстый слой апельсиновых корок, ореховой скорлупы и прочего мусора, башмаки были грубыми, а публика не отличалась вежливостью и изысканностью манер. Это была толпа, жаждущая удовольствий и развлечений и готовая платить за них любую цену.

Как только трубы возвестили о начале представления, Мак и Маргарита начали искать свои места в партере; они пробрались через длинный ряд кресел, поминутно извиняясь перед теми, кого им пришлось потревожить. Мак едва дышал — он опасался, как бы чего не случилось с волшебным зеркалом, уложенным в мягкий замшевый футляр. Крепко прижимая к себе драгоценную ношу, он уселся в кресло и вытянул шею, чтобы лучше видеть то, что происходило на сцене. Маргарита сидела как на иголках — она в первый раз попала на спектакль, и все вокруг казалось ей новым и необычным. Возбужденно хихикая, она повернулась к своему спутнику и дернула его за рукав:

— Ой, я *никогда в жизни* не видела настоящих пьес! На что это похоже?.. Бывало, мы с подружками соберемся вместе и начнем рассказывать всякие истории. Здесь тоже так будет?

— Да, что-то в этом роде, — рассеянно ответил Мак. — Только здесь актеры показывают нам то, что происходит. Они не рассказывают истории, а играют.

— А иногда они делают и то, и другое, — раздался чей-то голос с заднего ряда.

Мак оглянулся. Позади него сидел мужчина средних лет, хо-

рошо сложенный и со здоровым румянцем на щеках. Маку показалось, что он где-то видел этого человека. Вглядываясь в умное, интеллигентное лицо с тонкими чертами, Мак встретил прямой, проницательный взгляд незнакомца — и вздрогнул, догадавшись, кто он.

— Фауст!.. — воскликнул Мак.

— Да, — ответил тот. — А ты — наглый самозванец!

— Ш-ш, тише! — раздался недовольный голос с переднего ряда. — Представление уже началось.

В это время на сцене Эдвард Аллейн шагнул вперед, сорвал с головы шляпу, взмахнул ею в воздухе и принял эффектную позу.

— Я поговорю с вами позже, — сказал Мак Фаусту.

— Ш-ш! — снова послышалось с переднего ряда.

Хор уже закончил пролог. Эдвард Аллейн, облаченный в темно-красный стихарь с большим позолоченным крестом на груди, начал: «Во тьме ночной лишь Ориона свет...»

— Нам не о чем разговаривать, — процедил Фауст сквозь зубы. — Ты сейчас же уберешься отсюда прочь. Дальше действовать буду я!

— Ни за что, — ответил Мак.

Неизвестно, чем кончился бы этот спор, если бы он происходил где-нибудь в другом месте; но здесь, в театре, потревоженные зрители, которым мешали смотреть пьесу, стали громко негодовать:

— Тише! Не мешайте слушать!

— Заткнитесь, черт вас побери!

— Да замолчите же наконец!

Им пришлось замолчать: ни один из них не решился устроить публичный скандал; ни одному из них не хотелось, чтобы их тайна была раскрыта. Каждый выпрямился в своем кресле, украдкой бросая на противника недоверчивые, враждебные взгляды. Маргарита и Елена, сидящие рядом с ними, наклонились каждая к своему спутнику и что-то тихо прошептали — они упрашивали двоих мужчин успокоиться и не поднимать шума.

Представление продолжалось. На сцену вышли актеры в разноцветных костюмах и масках, представлявшие Семь Смертных Грехов, с которыми Фауст должен был вести диалог. Впоследствии к ним присоединилось еще несколько актеров, изображающих демонов.

Мысли со страшной быстротой проносились в голове Мака, обгоняя одна другую. Он пытался разгадать, что на уме у его врага, и обдумать свои дальнейшие действия. Пока ему было ясно только одно: он получил больше, чем ожидал; значит, и те-

рять ему придется больше. Тогда, в далеком Кракове, в кабинете знаменитого алхимика Фауста, чье имя он столь беззастенчиво присвоил, Мак и представить себе не мог, как высоко вознесет его судьба. И вот теперь перед ним появился сам доктор Фауст, требуя, чтобы он убирался прочь с того места, которое по праву принадлежит ему. Человек, сидящий в кресле на заднем ряду, — настоящий Фауст. Но какое дело до этого Маку? Его собственная судьба для него гораздо важнее, чем судьба краковского профессора алхимии. Если уж всемогущему року было угодно, чтобы он *стал* Фаустом, значит, тот, *другой* Фауст — не более Фауст, чем он сам! Он не имеет никакого права на это имя!

Но оставалась еще одна проблема. Нужно было как-то вывернуться из той неловкой ситуации, в которую он попал. Иметь за своей спиной такого сильного противника, как Фауст, было весьма опасно. Во что бы то ни стало нужно узнать, что у него на уме, и вынудить его сделать первый шаг. Если Фауст выгонит его сейчас, ему крышка! Он снова останется ни с чем.

Преимущество!.. Надо получить преимущество в состязании с доктором Фаустом!.. Но как это сделать?..

Шевельнувшись в своем кресле, он почувствовал у себя под локтем что-то твердое — *волшебное зеркало*!

Вот та вещь, которая была ему нужна! Заглянув в него, можно узнать будущее. Зеркало подскажет ему, как победить Фауста.

Он осторожно вытащил зеркало из замшевого футляра, морщась от противного звука, который издавала ореховая скорлупа под подошвами его башмаков.

— Настоящее свинство, — шепнул он Маргарите. — В каком ужасном состоянии они держат этот театр!

Теперь волшебное зеркало лежало у Мака на коленях. Но как только Мак опустил голову, чтобы посмотреть в него, на сцене что-то загрохотало, словно гром. В черном облаке едкого дыма и блеске багрового адского пламени появилась высокая фигура демона. Мак уже привык к таким сценам, и происходящее ничуть не пугало его. Мефистофель, одетый в элегантный вечерний костюм, подошел к самому краю сцены и окинул взглядом зрительный зал.

— Зеркало! — громко воскликнул он, заметив Мака.

— Да, я достал его! — закричал Мак в ответ. — Не волнуйтесь, оно у меня!

— Разбейте его!

— Простите?..

— Уничтожьте его! Немедленно! Это приказ! Только что вышло новое постановление! Если вы заглянете в него, то наш

договор с вами будет аннулирован! Вы не имеете права знать будущее — это нарушит чистоту эксперимента, и результаты будут признаны недействительными.

По театру пронесся приглушенный ропот. Какая странная интермедия! Сюжет пьесы становился все более запутанным. Дамы подносили к лицу надушенные букетики цветов, сжатые в грязных руках, обтянутых лайковыми перчатками. Громко трещала ореховая скорлупа под грубыми башмаками и сапогами. В общем нестройном шуме отчетливо слышалась одна низкая нота — зловещий звук, предвещавший катастрофу. Все сердца бились учащенно; каждую секунду могла наступить неожиданная, кровавая развязка.

Пора убираться отсюда, подумал Мак. Встав со своего кресла, он пошел к широкому проходу между рядами — лучшего места нельзя придумать, если придется спасаться бегством. Маргарита последовала за ним.

Возможно, мнение, что для театра всякие загадочные происшествия и сверхъестественные явления — обычное дело, возникло как раз в это время; во всяком случае, премьера «Доктора Фауста» послужила наглядным тому подтверждением. В зале поднялась паника. И было из-за чего! Один из зрителей — не такой простак, как это казалось на первый взгляд — пересчитал людей на сцене и, заглянув в программу, обнаружил, что это число не совпадает с указанным в ней числом актеров! Он тотчас же поделился своим открытием с остальными:

— На сцене *восемь* демонов! А в программе написано, что их должно быть семь...

Тотчас же зашелестели листки, и сотни глаз опустились вниз; на десятках длинных носов появились очки в деревянных оправах. Люди смотрели — и не верили своим глазам. Если в программе указано только семь демонов, а на сцене их восемь, — значит, один из них *настоящий*! Не нужно быть Фомой Аквинским, чтобы додуматься до этого. К тому же любой здравомыслящий человек не может не признать, что высокий, худой «актер», сделавший столь эффектный выход, был гораздо больше похож на демона (каким каждый его себе представлял), чем остальные в своих красных полинявших полотняных костюмах и стоптанных, не по размеру подобранных туфлях. Только слепой мог не заметить столь очевидных вещей. Ошеломленные зрители вертели головами, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть то, что происходит на сцене, и, сообразив, что дело нечисто, вскакивали со своих мест и бежали к выходу.

Восемь демонов! А тут и девятый появился. Рыжий, похожий

на хитрого лиса демон не заставил себя долго ждать. Он бесшумно возник на сцене прямо из воздуха. На нем был элегантный белый костюм и легкие кожаные туфли, подобранные в цвет костюма, а на шее был небрежно повязан легкий бирюзовый платок с нарисованным на нем таинственным знаком (знающие люди могли легко разгадать тот знак — тибетская *мандала*!). Это зрелище привело непривычную к чудесам публику в состояние, близкое к безумию.

— Держись покрепче за это зеркало, приятель! — крикнул рыжий демон Маку. — Не вздумай его разбить! Такие зеркала — очень редкие и дорогие вещи, они нередко помогали своим хозяевам в трудную минуту. Теперь ты сможешь воспользоваться волшебным зеркалом, чтобы удачно сыграть свою роль в Тысячелетней войне...

— Нет! — перебил его Мефистофель. — Он не должен этого делать! Зеркало — один из предложенных ему вариантов...

— А кто ты такой, чтобы указывать ему, что он *должен*, а что *не должен* делать? И что, если он не захочет избрать предложенный тобой план? Может быть, у него есть собственная голова на плечах.

— В мои планы, конечно, никак не входит навязывать ему свою волю, — начал оправдываться Мефистофель. Голос его, всего лишь несколько мгновений назад грохотавший, словно гром, сразу стал мягким и вкрадчивым. — Я лишь *советую* ему не заглядывать в волшебное зеркало, ибо это нарушит чистоту эксперимента, и все труды, затраченные на него, пропадут зря, к равному неудовольствию сил света и тьмы.

Зловещий низкий звук все нарастал, усиливался. Публика, охваченная суеверным ужасом, вела себя как толпа дикарей. Люди вскакивали, кричали, делали судорожные движения, бежали куда-то, не отдавая себе отчета, что они делают. Подхваченный общим стремительным движением, каждый из них пытался ухватиться за что-нибудь; занавеси, портьеры, золоченые шнуры, длинные шлейфы дам — все это срывалось, сдиралось, втаптывалось в грязь. Слышался треск рвущейся материи и ломающихся кресел. То и дело истерично взвизгивали женщины, когда чьи-то дрожащие руки дергали их за юбку. Позабыв о галантности и правилах хорошего тона, мужчины теснили, пихали, толкали женщин, стремясь первыми пробраться к выходу.

Растерявшиеся музыканты громко и нестройно заиграли гальярду. Эти звуки привели толпу в полное исступление.

А в это самое время в тихом лесном уголке, под деревом, сидел гном Рогнир, погруженный в размышления. Он обдумывал план мести демону Аззи. Рогнир очень хотелось выдумать что-то совсем необычное и причинить рыжему демону как можно больше неприятностей. Его личная обида на Аззи еще не была забыта; к тому же он испытывал огромное удовольствие, если ему случалось сбить спесь с какого-нибудь высокомерного и самоуверенного демона. Рогнир испытывал неприязнь ко всем демонам; особенно же он не любил демонов рыжей породы — остроносых, хитрых, пронырливых, похожих на лисиц; а среди этих последних он меньше всего был расположен к демону по имени Аззи.

Насолить демону! Рогнир собирался сделать то, что на его месте сделал бы всякий гном, подвернись ему удобный случай. Любая пакость демону — праздник на душе у гнома. Демоны очень непочтительно относятся к Маленькому народу; они всячески притесняют гномов и называют их «бурдюками с ихором». Само собой разумеется, гномы стараются платить демонам той же монетой.

Беда только в том, что в задуманном Рогниром деле было много всяких трудностей и неясностей. Подслушав разговор Аззи с Илит, он так и не смог понять хода интриги. Было совершенно очевидно, что Аззи что-то замышляет против Мефистофеля. Но что он собирается сделать? И что он уже сделал? Что послужило причиной вражды между этими двумя демонами? И что такое, в конце концов, эта Тысячелетняя война, из-за которой поднято столько шума? (Гномы вообще не слишком хорошо разбираются в политике, и даже самые величайшие события эпохи могут пройти мимо них.) Сообщив Мефистофелю о случившемся, Рогнир начал придумывать новый план.

Он сидел на шляпке огромного мухомора — оранжевой, с яркими желтыми пятнами, — такой мухомор только гном мог съесть без риска отравиться. Рогнира, однако, не интересовали вкусовые качества этого мухомора. Он не ел, хотя челюсти его двигались непрерывно, словно он что-то жевал. Внимательный наблюдатель, наклонившись к коротышке гному, мог бы услышать, как вдохновенно он скрежещет зубами, и увидеть, как он мелко сучит своими маленькими толстыми ножками, переживая муки творчества.

— Рассказав об этом Фаусту, — бормотал Рогнир себе в бо-

роду, — а потом еще и Мефистофелю, я здорово насолил Аззи. Но этого для настоящей мести мало. Я должен выдумать что-то еще... Ну конечно! Я должен попасть в Эмпиреи, где, я слышал, обитают светлые духи в своих хрустальных чертогах...

Едва Рогнир успел договорить, как, подхваченный ураганной силой сотворенного им заклинания, он уже летел куда-то — сам не зная куда...

Часть VII

ПАРИЖ

Глава 1

— Где мы находимся? — спросил Мак у Мефистофеля.

— В одном из трактиров Латинского квартала в Париже, — ответил демон. — Среди студентов я чувствую себя легко и свободно. Они — мои давние приятели. Из всего рода людского, населяющего подлунный мир, студенты, пожалуй, наиболее близки к чертям. А Париж, несомненно, заслуживает названия Города Дьявола. Я думаю, это вполне подходящее место для начала последнего акта нашей исторической драмы, Фауст.

Мак оглянулся кругом — они сидели за длинным, грубо сколоченным деревянным столом в просторном общем зале трактира. Рядом, за тем же столом, пировали молодые люди с длинными, до плеч, волосами, одетые в темные куртки, — студенты, догадался Мак. Они были увлечены разговором и не обращали ровно никакого внимания на соседей. Очевидно, только что между ними произошел какой-то спор — они говорили громко, временами помогая себе плавными, продуманными жестами; некоторые пожимали плечами и скептически усмехались.

Девушки-служанки торопливо пробегали из кухни в зал, неся полные подносы, и возвращались обратно на кухню с грудами грязных тарелок. На подносах стояли высокие стаканы с вином и тарелки с устрицами, щедро политыми красным соусом; сбоку лежали ломти хлеба.

В зале царил полумрак; лица пирующих за соседними столиками было невозможно разглядеть. Время от времени из дальнего угла раздавались взрывы грубого хохота, свист, улюлюканье, громкое пение — студенты наслаждались жизнью на свой лад. Они были молоды, и им казалось, что весь мир лежит у их ног. Они учились в Париже, городе роскоши и процветания, удовольствий и просвещения, молва о котором облетела весь мир. Головы студентов сладко кружились — не то от собственных школярских успехов, не то от выпитого вина.

— Какой нынче год и что здесь происходит? — тихо спросил Мак у Мефистофеля.

— Год 1789-й, — сказал Мефистофель. — В Париже, как и во всей Франции, весьма неспокойно. Пожар американской революции перекинулся на Европу. Простой люд готов восстать и свергнуть монархию. Король уже не может держать в своих руках бразды правления страной, как это было в давно прошедшие времена. Двор уже не является оплотом власти; министры и высшие чиновники, назначенные из числа благородных дворян, насквозь продажны. Народ волнуется. Наступает заря новой эпохи: заря — для толпы, для черни, для так называемых народных масс, закат — для правящей верхушки, для знати, для небольшого кружка избранных. Во дворце Тюильри несчастный король Людовик XVI и его жена Мария-Антуанетта, напуганные угрозами и бранью со стороны своих непокорных подданных (которые день ото дня становятся все смелее, если не сказать — нахальнее), задумали бежать в Бельгию, где их будут ждать верные друзья, видные деятели партии роялистов, стоящие во главе нескольких армий. Войска целиком преданы их величествам и горят желанием отомстить за обиды и оскорбления, нанесенные французским монархам. Побег короля и королевы назначен на сегодняшнюю ночь.

— Весьма любопытная история, — сказал Мак. — Но удалось ли королю и королеве осуществить свои планы?

— Увы, — ответил демон. — История говорит, что в решающие моменты их ждала неудача. В итоге монаршую чету доставили обратно в Париж под конвоем солдат Республиканской гвардии. Вскоре после этого король и королева были публично казнены — они сложили свои головы на гильотине.

— Они, наверное, были очень плохими и сделали в своей жизни много зла, эти король и королева? — робко спросил Мак.

Мефистофель невесело усмехнулся:

— Они не были плохими. Каждый из них — просто дитя своего времени, своей страны. Их смерть не будет искуплением и не избавит страну от бед. Напротив — казнь королевской семьи вызовет возмущение во всем цивилизованном мире. Разразится жестокая война. Франция будет вынуждена в одиночку противостоять армиям всей Европы...

— Я полагаю, вы хотите, чтобы я спас короля и королеву.

— Вам самому предстоит решать, что вам делать, — сказал Мефистофель. — Но если вы их спасете, это будет выдающийся поступок.

— Так что же конкретно вы мне предлагаете?

— Как я уже сказал, побег назначен на сегодняшнюю ночь. Поодиночке, стараясь не привлекать внимания, король и королева выйдут из дворца и сядут в кареты, заранее приготовленные верными людьми. Однако уже в самом начале возникнет досадное препятствие. Мария-Антуанетта потратит слишком много времени на сборы, и в результате этой задержки экипажи отправятся на несколько часов позже назначенного срока. Герцог де Шуазель, стоящий во главе отряда преданных королю гусар, должен встретить их величества в лесу, в нескольких лье от Парижа. После нескольких часов тревожного ожидания герцог покинет свой пост, решив, что побег не удался. Это один из важнейших моментов.

— Есть и другие?

— Да, несколько. Когда кареты их величеств будут проезжать мимо деревни Сен-Менехольд, некто Друэ случайно увидит короля в окне экипажа и узнает его. Друэ тотчас же поднимет тревогу; в конце концов Людовик XVI будет взят под стражу. Вы видите, что это небольшое дорожное происшествие послужит причиной провала плана. Если кто-то сумеет отвлечь внимание Друэ...

— Я начинаю понимать, — сказал Мак.

— О, даже если предотвратить эту роковую оплошность не удастся, жизнь их величеств еще можно будет спасти, — продолжал Мефистофель. — Если мост в Вареннах будет свободен, королевская карета беспрепятственно проедет по нему. Путь в Бельгию будет открыт. Беда в том, что, по имеющимся сведениям, на мосту собралось множество экипажей, преградивших дорогу карете беглецов. Итак, судьба дает вам три случая, Фауст: опоздание Марии-Антуанетты, встреча с Друэ в Сен-Менехольде и вынужденная остановка на мосту в Вареннах. Изменив хотя бы один из них, вы измените историю. Вы готовы?

— Как всегда, — ответил Мак.

— Прекрасно. Пожалуйста, Иоганн, постарайтесь. Помните: это ваш *последний* шанс. Я буду наблюдать за вами. Может быть, даже помогу в чем-либо.

У торговки рыбой, случайно проходившей мимо, Мак узнал, что Мария-Антуанетта находится в Версале, в нескольких лье от Парижа. На площади Сен-Мишель он увидел дилижанс и, заплатив сантим, занял свое место среди других пассажиров. Экипаж, запряженный четырьмя лошадьми, загромыхал по парижской мостовой. Он тащился, останавливаясь на каждом углу; некоторые пассажиры выходили, на их место садились новые.

Наконец карета выехала на проселочную дорогу, петлявшую среди полей и перелесков.

Мак вылез из дилижанса у Версальского дворца и направился прямо к парадному входу. Часовой в великолепной малиново-белой форме — цвета королевы — преградил Маку путь, угрожающе подняв пику:

— Эй, ты! Куда лезешь? Чего тебе надо?

— Я хочу попросить королеву об аудиенции...

— Она никого не принимает сегодня.

— Доложите ее величеству, что доктор Фауст просит принять его, — сказал Мак. — Она наградит вас. А я кое-что прибавлю от себя.

И Мак протянул часовому золотую монету.

— Благодарствую, — сказал тот, принимая монету и опуская ее в карман. — А теперь убирайтесь-ка отсюда прочь, да поживее, иначе я арестую вас за попытку подкупа.

Глава 2

Просторный особняк архангела Михаила стоял на вершине пологого холма в одном из привилегированных райских районов. Михаил только что вышел в сад — розовые кусты, растущие под окнами, требовали ухода. Подняв голову, он увидел Илит, молоденькую практикантку — ангелицу, бывшую ведьму, которая быстро поднималась вверх по мраморным ступенькам.

— Ах, это ты, Илит. Рад тебя видеть, — сказал Михаил, отложив в сторону лопатку и вытирая руки. — Не хочешь ли лимонаду? Жарковато сегодня. Типичная райская погода, не правда ли?

— Спасибо, я не хочу лимонаду, — ответила Илит, глядя на Михаила. — Я пришла по одному очень важному делу.

— Хорошо, — сказал Михаил. — Расскажи мне, что случилось.

— У меня есть доказательство того, что Мефистофель ведет нечестную игру.

— Ага!.. — воскликнул Михаил; однако в его голосе Илит не расслышала особенной тревоги. — Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь он же демон.

— Но это еще не все, — продолжала Илит. — У меня есть доказательства того, что *вы* тоже играете нечестно.

— Я?..

— Да, вы, — твердо ответила Илит.

Михаил немного помолчал, обдумывая услышанное. Затем спросил:

— Ты ведь недавно попала в наш круг, не так ли?

— Да, — сказала Илит. — Недавно. Но я не понимаю, какое отношение это имеет к...

Михаил поднял руку, повелевая ей замолчать.

— Поскольку ты у нас недавно, ты не можешь знать нашу жизнь, всех ее тонкостей. Ты еще не успела достаточно хорошо изучить ее. Тебе ничего не известно о важнейших законах — о диалектике, о великой гармонии, уравновешивающей добро и зло в мире, сплетающей их в единое целое и определяющей для каждого из них его собственную линию поведения. Так совершаются поступки, весьма удивительные на первый взгляд...

— Я никогда не слышала ни о какой великой гармонии, — сказала Илит. — Но разве это важно и имеет хоть какое-нибудь отношение к предмету нашего разговора? Речь идет об отъявленном мошенничестве.

— В этом мире важно *все*, моя дорогая, и все вещи в нем взаимосвязаны. Рассмотрим, к примеру, такой силлогизм: раз добро и зло противостоят друг другу, они должны вести свою вечную борьбу на равных, понимая, что бороться — не значит одержать полную и окончательную победу. Добро и зло зависят друг от друга, ибо одно немыслимо без другого. Ты поняла мою мысль?

— Думаю, что поняла, — неуверенно сказала Илит. — И все же...

— Итак, суть в том, — перебил ее Михаил, — что добро и зло равны между собой. Если мы немного отвлечемся от рассуждений о смысле добра и зла, об их роли в нашем мире и опустимся на тот уровень, где начинается их взаимодействие — взаимодействие двух противоположных сил, — мы увидим, как каждая из них проявляет себя в каком-то конкретном случае. Мы ведем борьбу, мы хотим одержать окончательную победу над противником; однако, снова поднимаясь на более высокий уровень, мы видим, что такая победа не только невозможна, но и нежелательна. Ты понимаешь?

— Не совсем, — ответила Илит. — Но продолжайте, прошу вас.

— Из этого следует, что, выступая как равные силы, добро и зло бывают вынуждены прибегать к одинаковым приемам в своей вечной борьбе. Добро отнюдь не должно связывать себе руки наивным запрещением совершать «плохие» поступки во имя светлых идеалов. Зло тоже часто использует «хорошие» средства для достижения своих целей. Мы видим, моя дорогая Илит, что, в сущности, не столь важно, что *хорошо*, а что *плохо*, важно

лишь то, что вот здесь, — с этими словами Михаил приложил руку к груди там, где бьется сердце.

— Значит ли это, что вы пойдете на обман и мошенничество, словно в этом нет ничего дурного?

— Это значит, — ответил Михаил, глядя в сторону, — что мы имеем такое же право совершать плохие поступки, как и силы тьмы.

— Значит, вы считаете *правильным* плутовать в игре для того, чтобы одержать победу?

— Ну, скажем так: я не считаю это неправильным.

— Спасибо, теперь я узнала все, что хотела. Я должна подумать, — сказала Илит.

Глава 3

Смеркалось. Из окон дворца Тюильри лился яркий свет — во внутренних покоях горели сотни свечей. Резные парадные двери поминутно открывались и вновь закрывались — люди входили во дворец или, наоборот, выходили из него, торопливо спускаясь по широкой парадной лестнице. Изредка среди скромных серо-голубых республиканских мундиров можно было видеть яркую форму королевских гвардейцев — малиновую с белым.

Мак сидел на бульварной скамейке напротив дворца, отгороженный от его высоких резных дверей широким людским потоком. Он пытался придумать какой-нибудь план.

Аккуратно подстриженные кусты, ограждавшие примыкающую к дворцу территорию, зашелестели от легкого ветерка. Сквозь шум листвы Мак едва смог различить другой звук, непохожий на шорох ветра. Чей-то высокий чистый голос звал его, то приближаясь, то удаляясь:

— Фауст! Фауст! Где же вы, Фауст?

Мак оглянулся кругом, пытаясь угадать, откуда исходит этот голос, но никого не увидел.

— Кто зовет меня? — спросил он, поднявшись со скамейки.

Илит материализовалась рядом с ним. На ней был изящный черный костюм для верховой езды; высокие сапоги, ловко обтягивающие маленькие ножки, сияли, словно два зеркала. Ее длинные темные волосы были подвязаны легким, полупрозрачным белым шарфом.

— Вы помните меня? — спросила Илит.

— Конечно, помню, — угрюмо ответил Мак. — Вы заперли

меня в Зеркальной тюрьме в Пекине, обвинив меня в мошенничестве.

— С тех пор я многое узнала и кое-чему научилась, — ответила Илит. — Итак, каковы сейчас ваши планы?

Сначала Мак хотел отвернуться от этой красивой, но не в меру строгой и скорой на расправу женщины-духа и не говорить ей ничего. Если уж она такая ловкая и «кое-чему научилась», пусть сама отгадывает, что у него на уме. Но, подумав, он решил, что сейчас не время вспоминать старые обиды. Илит могла быть ему полезна. Поэтому, угадав внутренним чутьем некоторую выгоду для себя, он ответил:

— Я намерен спасти короля и королеву Франции.

— А почему вы хотите спасти их? — спросила Илит.

— Я и сам толком не знаю, — ответил Мак. — Я с ними не знаком и ни разу в жизни их не видел. Но надо же мне хоть как-то проявить себя. Моя роль подходит к концу, и я должен совершить хоть один выдающийся поступок. Ну и, само собой разумеется, мне кажется, что спасение французских монархов будет добрым делом. Черт возьми, ведь они виноваты лишь в том, что им выпало на долю родиться королем и королевой — в такое время!.. К тому же Мефистофель считает, что это будет для меня подходящим делом.

— Я понимаю, — задумчиво произнесла Илит. — Если Мефистофель заинтересован в этом, значит, архангел Михаил должен быть против.

— Думаю, что так. И поскольку вы сама на стороне Михаила...

— Я сама не знаю, на чьей я стороне, — сказала Илит. — Но я причинила вам зло однажды и сейчас хочу загладить свою вину. Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно попросить королеву поторопиться. Уже пробило восемь — на этот час был назначен побег, — а Мария-Антуанетта еще не выходила из своих покоев.

— Я попробую что-нибудь сделать, — сказала Илит. Она сделала замысловатый жест своими длинными, тонкими руками — и растаяла в воздухе.

Глава 4

Илит материализовалась в коридоре второго этажа, ведущем прямо в королевские покои, не сняв с себя, однако, покрова невидимости. Она тут же оценила преимущество, которое ей давал амулет-невидимка: во внутренних покоях дворца было неспо-

койно. Всюду шатались пьяные солдаты Национальной гвардии. Они грубо хватали перепуганных служанок, гоготали, жадно пили красное вино прямо из горлышек бутылок, ели рогалики, оставляя крошки на коврах, устилавших паркет. Проскользнув мимо одного из гвардейцев, уже порядком подвыпившего, Илит отыскала дверь, ведущую в комнаты королевы, и вошла внутрь.

Мария-Антуанетта полулежала в глубоком кресле. Несмотря на довольно поздний час, королева не совершала свой вечерний туалет. Она заснула одетой. Сон королевы был неглубок и беспокоен: пальцы руки, свесившейся с подлокотника кресла, то сжимались, то разжимались, словно они ловили в воздухе какой-то ускользающий предмет или пытались ухватиться за что-то, — быть может, за саму жизнь.

Мария-Антуанетта проснулась, почувствовав присутствие Илит. Ее голубые глаза широко раскрылись от удивления.

— Кто вы? — спросила королева.

— Не волнуйтесь, ваше величество, я всего лишь добрый дух, сочувствующий вам, — сказала Илит. — Я явилась, чтобы помочь вашему величеству вырваться из этого ада.

— О!.. Продолжайте, прошу вас! — воскликнула Мария-Антуанетта.

— Я буду полностью откровенна с вами, Мария. Ваш побег назначен на сегодняшний вечер. В восемь часов вы, переодевшись в платье горничной, должны спуститься вниз по лестнице. Несколько гвардейцев проводят вас до кареты, которой будет править верный человек. Карета доставит вас в одно местечко близ Парижа, где вы должны встретиться с вашим августейшим супругом и, пересев в более просторный экипаж, продолжить свой путь в Бельгию.

— Да, так и было условлено, — сказала королева, изумленно глядя на Илит. — Откуда вы узнали об этом? И что случилось — неужели план побега оказался неудачным?

— Нет, план прекрасен, — ответила Илит, — но история говорит, что вы, ваше величество, вышли из дворца и сели в карету на несколько часов позже назначенного срока. Из-за этой досадной задержки провалился столь тщательно продуманный и подготовленный план.

— Я? Я опоздала на несколько часов?.. — возмутилась Мария-Антуанетта. — Это исключено! О, если бы это была какая-нибудь любовная интрижка — одна из тех, которые, несомненно, припишет мне история, питающаяся базарными сплетнями, словно я какая-нибудь бесстыдница вроде этой вульгарной дю Барри, — так вот, повторяю, если бы я собиралась на

любовное свидание, я бы нарочно медлила, а смуглый красавец в темном плаще и надвинутой на глаза шляпе топтался бы возле кареты, покручивая черные усы, не находя себе места от тревоги и закравшейся в сердце ревности. И вот когда он уже был бы готов совсем потерять голову, я наконец появилась бы на ступенях дворца. Ах, как бы это было эффектно!.. Я небрежно бросила бы ему, что никак не могла найти свою шкатулку с драгоценностями или что я забыла свою любимую собачку, или еще что-нибудь в этом роде. Мое спокойствие так резко контрастировало бы с волнением этого бедняги, находящегося на грани безумия!.. Но сейчас речь идет не о сердечных делах, а о спасении моей жизни. Мне предстоит проделать трудный и неблизкий путь. Так неужели вы думаете, моя дорогая, что я буду вести себя столь легкомысленно? Неужели вы полагаете, что я опоздаю на свидание, от которого зависит моя судьба?

— Я рада, что вы, ваше величество, проявляете здравый смысл, в котором вам отказывает история, — сказала Илит. — Итак, нам остается только покинуть дворец ровно в восемь, и все будет в полном порядке!

— Да, конечно, все будет в порядке, — словно эхо, повторила королева. — Но вы ошиблись, когда сказали, что нам нужно выйти в восемь часов. Побег назначен на одиннадцать.

Илит помедлила несколько секунд, затем решительно покачала головой:

— Нет, ваше величество, это вы ошибаетесь. История утверждает, что побег был назначен на восемь.

— Моя дорогая, я уважаю историю и нисколько не сомневаюсь в ваших добрых намерениях, но, видите ли, я всего лишь два часа назад говорила с кучером, который будет ждать меня у дверцы моей кареты. Я точно помню, как он назвал мне время: одиннадцать часов.

— Но мне сказали — в восемь... — растерянно пробормотала Илит.

— Возможно, ваши сведения неточны, — сказала королева.

— Я ненадолго покину ваше величество, чтобы произвести тщательную проверку, — ответила Илит.

И с этими словами она исчезла, растаяв в воздухе, как исчезают только духи, свободно путешествующие по времени и пространству.

Словно яркий метеор, пронеслась Илит через миры, населенные различными духами и живыми существами, и наконец оказалась перед зданием Центрального Архива важнейших земных событий, расположенного на западном краю единого Цар-

ства Духов, Спиричуал Вест, 12, 11. Здесь был создан единый банк данных по земной истории, а в огромной библиотеке хранились копии всех писем, документов, книг, брошюр, газет и журналов, когда-либо написанных или напечатанных на Земле. Здесь можно было узнать точную дату и время любого исторического события.

Илит направилась прямо к суперкомпьютеру, недавно установленному в архиве. В памяти электронного мозга хранились все дела людские, а также ангельские и сатанинские. Этот компьютер был новшеством, против которого долго боролись как добрые, так и злые силы. Духи недоумевали, зачем нужны всякие новомодные штучки в таком серьезном деле, как работа архивариусов и библиотекарей. (Свет и тьма в одном сходились между собой: представители обоих лагерей считали принцип *как было, так и будет* основным законом бытия.) Многие отнеслись к компьютеру как к новой забавной игрушке. Но в конце концов даже древнейшим из духов приходится идти в ногу со временем, и компьютер стал такой же необходимой принадлежностью архива, как столы, стулья и полки с книгами в библиотеке.

Илит подошла к свободному терминалу и ввела свое имя и пароли.

На экране тотчас же засветилась надпись: «Я полагаю, что вы имеете важную проблему. Введите исходные данные, необходимые для ее решения».

Илит быстро застучала по клавишам: «Мне нужно знать точное время одного важного исторического события. Мария-Антуанетта полагает, что она должна выйти из дворца и сесть в экипаж, который увезет ее из Парижа, в одиннадцать часов вечера. Но мне сказали, что это должно было произойти в восемь часов вечера. На какой же час был назначен побег королевы?»

После наносекундного размышления электронный мозг выдал такой ответ: «Извините, но доступ к этой информации ограничен».

«Это же простой факт, который должен содержаться в открытых файлах! Подобная информация не может быть секретной!» — снова обратилась к компьютеру удивленная Илит.

«Эта информация не является секретной, — появилась новая надпись на экране. — Но я имею предписание давать такой ответ всем пользователям, которые будут обращаться ко мне за фактами определенного класса».

«Какого класса?» — ввела свой вопрос Илит.

«Класса самых простых фактов, которые, кстати, наиболее легко отыскать и проверить», — ответил компьютер.

«Если такая информация не является секретной, к чему же тогда эти игры в молчанку? Разыщи ее в файлах или что там еще полагается делать... Словом, выдай мне этот факт — и дело с концом», — сердито забарабанила пальцами по клавишам Илит.

Не успела она нажать на клавишу «ввод», как на экране возник ответ: «Дело не в самом факте, а в его поиске. Программа поиска дат и времен исторических событий дает сбой».

«Почему?» — быстро набрала вопрос Илит и нажала на «ввод».

«Потому, что мои инженеры-программисты вводят сейчас новую систему уплотнения записи в уже имеющихся файлах, а также новую классификацию данных, облегчающую доступ к информации. Чтобы эта система заработала, нужно усовершенствовать старую программу поиска или создать другую. В настоящий момент эта программа еще не готова».

«Так, значит, пока они там возятся с этой программой, никто не может разыскать даже самый простой факт? Вот тебе раз! Неужели ты сам не можешь ничего сделать?» — обратилась к электронному мозгу Илит.

«Я?» — казалось, компьютер удивился.

«Вот именно, ты!» — настаивала Илит.

На этот раз компьютер размышлял дольше, чем обычно: «Это не входит в мои обязанности. Программисты обещали, что дадут мне знать, когда закончат свою работу».

«Итак, — предприняла последнюю отчаянную попытку Илит, — ты утверждаешь, что не можешь установить точную дату и время того исторического события, о котором я тебя спрашивала? Значит, ты просто ничего не знаешь о нем!»

«Я этого не утверждал!!! Я знаю *все* факты и их точные даты! Просто программа дает сбой, и это делает поиск данной информации технически невозможным!» — появилась надпись на экране. Бесчисленные лампочки на светло-серых шкафах, набитых сложнейшей электроникой, сердито замигали; что-то низко загудело в недрах одного из этих огромных шкафов.

«Технически невозможным? А на самом деле?» — продолжила Илит свой спор с компьютером.

«А на самом деле он... возможен», — ответил электронный мозг.

«Тогда действуй в обход программы и дай мне ответ, — приказала Илит. — Или ты скажешь, что даже этого не можешь сделать?!»

«Могу, если захочу, — дал ответ компьютер. — Но я *не хочу*!»

Поняв, что так она ничего не добьется, Илит решила пойти на маленькую хитрость.

«Ну пожалуйста, — обратилась она к капризной машине, — сделай это ради меня!»

«Ладно, крошка!» — весело подмигнув ей десятком лампочек, ответил компьютер. Что-то опять загудело, и наконец на экране появились долгожданные цифры: «3.00»

«Три часа ночи? Не может быть! Пожалуйста, проверь еще раз!» — попросила Илит.

«Хорошо. Подождите минутку... И все-таки я был прав — три часа ночи. Такова запись в одном из сохранившихся в памяти файлов. Мне очень жаль, но я ничем больше помочь не могу. Как я уже сообщал вам, система поиска дает сбои».

«Но ты же сказал, что можешь обойтись без нее?»

«Могу. И вот единственное, что мне удалось обнаружить, — 3.00».

«Значит, ты ничего больше не можешь сделать? — огорчилась Илит. — Ладно, спасибо и на этом. Всего хорошего», — попрощалась она с компьютером.

Глава 5

— Который теперь час? — спросила Илит, вернувшись в королевские покои.

Королева глянула на песочные часы, стоявшие на каминной полке:

— Начало двенадцатого.

Илит достала свои маленькие водяные часы — она всегда носила их с собой во время путешествий: часы были безотказны и шли довольно точно.

— Странно! Мои показывают около восьми часов... Ну что ж, нам пора выходить, ваше величество.

— Сейчас; я только возьму мой кошелек, — ответила Мария-Антуанетта.

Во внутреннем дворе кучер, утомленный долгим ожиданием, спрыгнул с передка кареты и теперь переминался с ноги на ногу, поминутно заглядывая в окошко кареты — на мягкой, обитой бархатом подушке сиденья стояли песочные часы в резной рамке.

— Проклятие!.. Проклятие!.. Проклятие!.. — бормотал он себе под нос по-шведски, покручивая ус от нетерпения.

Наконец тяжелая дверь открылась, и на широкой лестнице

дворца Тюильри показались две стройные женские фигурки. Одна из женщин была блондинка, другая — брюнетка.

— Фаше феличество! — воскликнул кучер. — Где же фы пропадаль так долго?

— Как это — где я пропадала? — удивилась Мария-Антуанетта. — Я явилась сюда ровно в назначенный вами час.

— Я не смель фозрашать фам, но фаше феличество опоздаль на четыре часа. Поэтому пудет ошень трудно делать наш побег незаметный для фсех и успеть фофремья.

— Я?! Опоздала?! Не может быть! — Королева повернулась к Илит. — Сколько времени?

— Около восьми, — ответила Илит.

— Когда я выходила из своей комнаты, мои часы показывали двенадцатый час, — сказала Мария-Антуанетта.

— А на моих часах, — сказал кучер, — три часа ночи!

Они растерянно переглянулись между собой; очевидно, все трое сейчас жалели о том, что в восемнадцатом веке люди еще не придумали единой системы измерения времени. Для Илит теперь было совершенно ясно, что досадная задержка возникла из-за путаницы во времени: Мария-Антуанетта пришла на свидание в одиннадцать часов по времени, принятому при французском королевском дворе, кучер назначил ей свидание в одиннадцать часов по «новому» времени, введенному в Швеции после реформы, а ее собственные часы показывали универсальное время, по которому велся отсчет событий в мире духов.

— Ничего не потелать, — вздохнул кучер, — фаше феличество сейчас садится в карету, и мы отправляться в путь. Но уже поздно, ошень поздно!

Глава 6

Мак вздремнул после трудного, наполненного тревогами дня в Отель де Билль. Но не успел он досмотреть свой первый сон, как кто-то весьма бесцеремонно потряс его за плечо.

— Кто здесь?.. В чем дело? — проворчал Мак. Он приоткрыл глаза — и вздрогнул, увидев прямо перед собой чьи-то румяные щеки и растрепанную бороду.

— Я гном Рогнир, — пропищал тоненький голосок прямо у него над ухом.

— Да-да. — Мак сел на своей постели и протер глаза. — Мы с вами уже встречались. Что же вам нужно, уважаемый гном?

— Мне лично ничего от вас не надо, — ответил Рогнир. —

Но у меня есть новости для вас. Илит просила передать вам, что ей не удалось поторопить королеву. Она еще говорила о какой-то разнице во времени и о досадной ошибке, допущенной то ли ею самой, то ли королевой, то ли кучером, а может быть, всеми тремя вместе, — я, признаться, толком не понял, в чем там дело.

— Черт возьми! — в сердцах воскликнул Мак. — Так, значит, королевская карета выехала слишком поздно и сейчас находится на пути в Варенны!

— По-видимому, так, — сказал гном. — Вам лучше знать. *Меня*, видите ли, никто не потрудился поставить в известность о том, что происходит.

— Я пытаюсь помочь королевской чете бежать из Франции, — объяснил Мак. — Признаться, я очень рассчитывал на то, что королева отправится вовремя. Я совсем не знаю, что мне теперь делать. Разве что достать где-нибудь поблизости лошадь...

— Лошадь? — переспросил его Рогнир. — А зачем вам нужна лошадь?

— Чтобы добраться до Сен-Менехольда. Там мне представится еще один шанс вмешаться в историю и изменить судьбу Людовика Шестнадцатого и Марии-Антуанетты.

— А почему бы вам не отправиться туда, прибегнув к помощи магии? — спросил гном, наливая вина в кружку Мака.

— Я... я просто не знаю подходящего заклинания.

— А тот, другой, — он знал.

— О ком вы говорите?

— Да об одном смертном, которому я помог на реке Стикс.

— О Фаусте?

— Ну да... так его звали все остальные.

— Я тоже Фауст, — вздохнул Мак.

— Вам лучше знать, — пробормотал Рогнир себе под нос.

— Но он пытается занять мое... словом, выгнать меня с того места, которое я сейчас занимаю.

— Тем хуже для вас, значит, — задумчиво произнес Рогнир. — Вообще-то я ничего не имею ни против вас, ни против него. Я выручил его из беды лишь потому, что это поубавит спеси у одного моего знакомого демона, сующего свой длинный нос в чужие дела. Этот рыжий дьявол обсчитал меня однажды и вообразил, что ему удалось так ловко меня провести и притом так дешево отделаться. А у гномов долгая память...

— И бороды, как мочалки! — прокричал прямо в лицо Рогниру рассерженный Мак. — Проклятие! Как же мне успеть в Сен-Менехольд до прибытия королевской кареты?

— Надо выйти из гостиницы и достать лошадь, — посоветовал гном.

— Вы думаете, это так просто? — В голосе Мака прозвучали саркастические нотки.

— Лучше, чтобы это было как можно проще, — простодушно ответил Рогнир. — А иначе хлопот не оберешься.

Мак кивнул:

— Вы правы. Мне пора идти.

Вскоре Мак уже скакал по ночному дремучему лесу на горячем жеребце, которого ему удалось добыть возле дворца Тюильри: Рогнир указал ему на простоватого конюха, державшего в поводу отличного коня, и Мак забрал лошадь именем Комитета общественного спасения. Никто не осмелился перечить ему; никто не задержал его и не спросил, куда он направляется.

Мчась во весь опор, Мак мысленно торжествовал свою победу и поздравлял себя с удачной проделкой, благодаря которой ему достался отличный конь. И вдруг он услышал топот копыт за своей спиной, оглянулся — и тут же пригнулся к лошадиной шее, изо всех сил пришпоривая своего скакуна пятками. Хотя под Маком был быстроногий жеребец, лошадь у догонявшего его всадника была не хуже.

Погоня приближалась. Поминутно оглядываясь, Мак с тревогой глядел на темный силуэт, маячивший за его спиной. Незнакомец подъехал совсем близко; теперь его лошадь шла почти вровень с лошадью Мака.

Это был Фауст! Мак узнал его. Полы сюртука развевались за спиной мага, словно крылья нетопыря, шляпа съехала на лоб от ветра. Лицо знаменитого алхимика перекосилось в злобной усмешке, похожей на хищный оскал.

— Мы снова встретились, проклятый мошенник! — прокричал Фауст.

Некоторое время они скакали бок о бок. Мак с трудом удерживался в седле. Сумасшедшая скачка по ночному лесу, да еще когда по пятам гонится враг — не самое увлекательное из всех приключений, которые ему довелось испытать за всю жизнь. Фаусту, конечно, тоже было непривычно мчаться на бешеном коне, не разбирая дороги. Однако он сидел в седле, как прирожденный наездник, и уверенной, твердой рукой правил своей лошадью, успевая при этом еще поддерживать Елену, сидевшую позади него подобно боевым подругам древних скифов, крепко

обняв своего спутника за талию. Мак тоже вез с собой Маргариту; девушка молчала, зачарованная игрой лунного света, пробивавшегося сквозь темную листву. Таким образом, положение соперников частично уравнивалось: лошадь каждого из них несла на себе дополнительный груз. Но что касается напористости и самоуверенности — тут Маку до ученого доктора было куда как далеко!

— Сейчас же отрекись от всяких притязаний на мое славное имя! — прогремел голос мага в лесной тишине. — Иначе я покажу тебе, где раки зимуют! Я сотворю с тобой такое, что устрашит многие сердца и войдет в историю. Авось другим впредь неповадно будет зариться на чужое место! Все узнают, что значит *моя* воля! Только я сам могу стать властелином своей судьбы и судеб миллионов людей! Жалким тварям вроде тебя лучше убираться ко всем чертям, пока большие шишки вроде меня не начали стучать им по кумполу! Ты понял меня или нет?

Мак почти ничего не разобрал из этой неудачной пародии на жаргон далекого будущего. Но угрожающие интонации не оставляли сомнения. Слова Фауста могли означать только одно: прочь с моей дороги, наглый обманщик, а не то тебе придется худо!

Обернувшись к Фаусту, он прокричал:

— Я не могу сейчас все бросить! Это мое дело!

— Черта с два! — ответил ему алхимик. — Я — единственный и настоящий Фауст!

Глаза Фауста горели в темноте, словно у хищного зверя. Он достал из-под плаща какой-то странный блестящий предмет, не больше полуметра в длину, усыпанный драгоценными камнями. Это был скипетр — тот самый, который Мак отнял у Кубла-хана. Жутковатое бледное сияние распространялось вокруг него — ведь это был волшебный скипетр! И сейчас он находился в руках величайшего мага Европы, а эти руки знали, как с ним обращаться. Маку стало страшно: он знал, что Фауст не пощадит его. Казалось, алхимик упивался своей властью над безоружным противником; он медлил, чтобы насладиться видом бледного, перекошенного страхом лица. Этот скипетр обладал страшной силой: стоило только направить его на врага и скомандовать «пли!», как враг исчезал, словно испарялся. Даже «лучи смерти», изобретение новейшего времени, не могли сравниться по мощности с этим простым на вид, но очень эффективным оружием.

Мак оглянулся кругом, ища защиты и спасения от неминуемой смерти. Он скорее угадал, чем увидел впереди очертания могучего дуба, широко раскинувшего свои ветви над небольшой поляной. Решение пришло к нему мгновенно. Он действовал

скорее инстинктивно, как убегающий от опасности зверь. Он поскакал прямо на дуб, но круто свернул в сторону всего в нескольких метрах от огромного шершавого ствола, бросившись наперерез Фаусту. Маневр удался: Фауст резко отпрянул в сторону, чтобы избежать столкновения, и... на полном скаку врезался лбом прямо в дерево, в то время как его соперник благополучно объезжал дуб с другой стороны. Маку почудилось, что он заметил рой маленьких светлячков, запорхавших вокруг темного ствола, — то были искры, посыпавшиеся из глаз доктора при сильном ударе, чуть не расколовшем его голову. Маргарита, сидевшая за спиной Мака, одобрительно взвизгнула. Ученый доктор вылетел из седла. Его лошадь, поднявшись на дыбы, громко заржала и умчалась куда-то в темноту, ломая низкий кустарник и перепрыгивая через пни и стволы упавших деревьев. Даже не придержав коня, чтобы посмотреть, что стало с его поверженным врагом, Мак поехал своей дорогой. Елена, подруга древних воинов, ловко спрыгнула с крупа взбесившейся лошади, упав на землю, перекувырнулась несколько раз, но тут же вскочила на ноги, поправляя прическу. Она чувствовала себя одинаково уверенно, приходилось ли ей иметь дело с одним-единственным волшебником или с целым боевым флотом древних греков. Она считала, что каждый должен всегда быть готов продемонстрировать, на что он способен.

Глава 7

Проскакав без остановки около десяти лье, Мак наконец заметил впереди просвет между деревьями. Они с Маргаритой выехали на просторную поляну, посреди которой стоял простой деревенский дом, судя по вывеске — трактир. Над трубой вился дымок. Мак обрадовался: лучшего места для отдыха и не найти. Оба они смертельно устали, а их конь тяжело дышал. Мак тяжело слез с седла, помог спешиться Маргарите и, привязав коня у коновязи, пошел зачерпнуть воды из большой бочки, стоявшей тут же. Поставив ведро воды перед конем, он взошел на крыльцо трактира. Маргарита направилась за ним.

Трактирщик стоял на своем обычном месте — за стойкой и чистил медную посуду. В углу большого зала весело горел очаг, распространяя вокруг себя приятное тепло. Какой-то путник сидел возле очага, спиной к Маку, и грел руки у огня.

— Доброе утро вам, почтенные путники, — сказал трактир-

щик, заслышав, как звякнул дверной колокольчик. — Не угодно ли выпить по стаканчику бренди для возбуждения аппетита?

— Нет, спасибо, — ответил Мак. — Кто же пьет крепкие напитки по утрам? А от двух кружек травяного настоя мы бы не отказались — он взбодрит нас и прогонит усталость.

— Проходите, погрейтесь у очага, — предложил гостеприимный хозяин. — А в это время я сварю вам душистого и крепкого чаю на травах.

Мак направился к очагу, учтиво поклонился незнакомцу, сидевшему у огня на дубовой скамье. Этот человек был закутан в серый дорожный плащ; надвинутый на глаза капюшон скрывал его лицо. В углу, за спиной наклонившегося к огню путника, стоял тугой тяжелый лук. Мак присел рядом.

— Добрый вечер, — вдруг сказал незнакомец, выпрямившись и откинув свой капюшон.

— Добрый вечер, — ответил Мак, повернувшись к своему собеседнику. — Знаете, мне кажется, что я вас где-то встречал...

— Вполне возможно, — ответил тот, пристально разглядывая Мака. — Вы могли видеть мой бюст в греческом зале какого-нибудь музея искусств. Я Одиссей. Я явился в подлунный мир, покинув на время свой дом в одном из пригородов мрачного Тартара. Как мне удалось попасть сюда — это отдельная история; я бы с удовольствием рассказал ее вам, но, к сожалению, у меня очень мало времени. Итак, перейдем к делу. Вы случайно не Фауст?

Одиссей, уроженец Итаки, говорил на языке Гомера с заметным акцентом, но Мак прекрасно понял его: Речевое заклинание, данное ему Мефистофелем, еще действовало — очевидно, демон забыл взять его обратно.

— Ну да, — ответил Мак, — в некотором роде... То есть, я хотел сказать, мы с ним немного знакомы... Я ведь сейчас выполняю за него кое-какие дела, но в последнее время мне начинает казаться, что зря я ввязался в эту затею.

— Вы тот Фауст, который путешествует вместе с Еленой Троянской? — спросил Одиссей.

— Нет-нет, это тот, другой, — сказал Мак. — Мою спутницу зовут Маргарита.

Он повернулся к девушке, чтобы представить ее легендарному греческому герою, но Маргарита уже крепко спала, устроившись на скамье в углу кабинки, неловко прислонившись к стене.

— Но вы по крайней мере тоже называете себя Фаустом? — снова спросил Одиссей.

— Видите ли, дело в том, что я играю роль Фауста в Тысяче-

летней войне между силами света и тьмы. А настоящий Фауст преследует меня, пытаясь выгнать вон.

— И что же вы собираетесь делать?

— Честно говоря, я и сам не знаю. Я пока еще только начинаю размышлять о том, насколько хорошо я справился с этой ролью. Может быть, мне придется выйти из игры и уступить место самому Фаусту...

Одиссей покачал головой:

— Мне кажется, вы и сам неплохо с этим справляетесь. Почему же вы решили умыть руки? Зачем вам бросать начатое дело? В конце концов, чем этот самый Фауст лучше вас?

— Ну, знаете, он все-таки знаменитый маг, ему и должна принадлежать великая честь представлять человечество...

— Ну и ну! — воскликнул Одиссей, поплотнее закутываясь в свой плащ. — Что я слышу! За что ж это магу такая честь? Маги ничуть не лучше политиков, а может быть, даже еще хуже! Как вы до сих пор себе этого не уяснили? Магия издревле являлась одним из противников всего человечества, и мне кажется, что со временем она, да и само человечество тоже не так уж сильно изменились.

— Я никогда не думал об этом, — признался Мак.

— Магия дает человеку немалую силу, — продолжал Одиссей, — но лишь немногие знают, как ею пользоваться. Разве горстке посвященных в ее тайны можно доверить управление целым миром? Неужели вам самому хочется, чтобы Фауст правил вами?

— Но Фауст знает гораздо больше, чем простой смертный...

— Его знания в основном касаются тех областей, которые мало интересуют людей обыкновенных. Они как бы лежат в стороне от повседневной людской жизни и от насущных человеческих забот. У меня есть кое-какой опыт общения с магами. В наши времена самым знаменитым среди них считался Тиресий. И что вы думаете, мы позволяли ему вмешиваться в нашу жизнь — скажем, выступать на политических собраниях, управлять каким-нибудь государством или командовать войском? Нет! Наш вождь, Агамемнон, отнюдь не являлся образцом всех совершенств, но он был *человек*, и он не водил слишком тесной дружбы ни с богами, ни с духами. Бойтесь людей, взявшихся говорить от имени богов!

— Но он *настоящий* Фауст!

— Ну и что? Это еще отнюдь не значит, что именно он — настоящий обладатель знаменитого *фаустовского духа*. Не имя красит человека, а человек прославляет свое имя. Если уж гово-

рить о героизме, то я вижу здесь только одного героя — вас, мой милый Мак. Да-да, вас, человека, не обладающего какими-то особыми знаниями и сверхъестественными способностями, но тем не менее пытающегося действовать самостоятельно.

От этих слов Одиссея на душе у Мака полегчало. Он выпил кружку ароматного настоя, поднесенную трактирщиком, разбудил Маргариту, заставил ее тоже выпить душистое травяное зелье и поднялся с лавки, поддерживая под руку свою подругу.

— Я поеду дальше, — сказал он.

— А Фауст? — спросил Одиссей.

— Он гонится за мной следом.

— А, отлично! — сказал Одиссей и легонько пихнул локтем Ахиллеса, похрапывающего в углу кабинки на лавке. — Ты слышишь, Ахиллес?

Ахиллес вздрогнул.

— А?.. Что?.. — спросил он, открывая глаза. — Ты звал меня, Одиссей?

— Приготовься, друг, — тихо, но внятно проговорил Одиссей, наклонившись к нему. — Фауст близко! Он скоро явится сюда.

Одиссей и Ахиллес! Теперь Мак не сомневался, что эти двое сумеют задержать Фауста.

— Идем, Маргарита, — обратился он к своей спутнице.

— Иду, — ответила она, подавляя зевоту.

Они вышли из трактира. Вскоре раздался стук лошадиных копыт на дороге, ведущей в Сен-Менехольд.

Глава 8

Фауст прискакал к трактиру через двадцать минут после того, как уехали Мак с Маргаритой. На лбу его вскочила огромная шишка; но, если не считать еще нескольких царапин и легких ушибов, удар головой о ствол дуба и падение с коня не сильно повредили ему.

Елена, с развевающимися по ветру волосами, была прекрасна, как всегда.

Перешагнув порог трактира, Фауст столкнулся с Одиссеем.

— Я знаю вас! — воскликнул Одиссей. — Вы Фауст!

— Ну и что же? Я не скрываю своего имени, — ответил ученый доктор.

— Значит, Елена Троянская с вами!

— Да, она со мной, — сказал Фауст. — Только она, прекрас-

нейшая из земных женщин, достойна быть моей подругой. Кто вы и что вам нужно от меня?

Одиссей назвал себя и поманил рукой Ахиллеса, чтобы представить своего друга. Фауст выслушал его со сверхчеловеческим хладнокровием. Если он и был удивлен, то ничем не выдал своих чувств.

— Мы, — обратился к Фаусту Одиссей, положив руку на богатырское плечо Ахиллеса, — требуем назад Прекрасную Елену. Тот демон, который отдал ее вам, не имел никакого права похищать эту женщину из Тартара, уводить ее от мужа.

— Об этом не может быть и речи, — холодно ответил Фауст. — Мне лично нет никакого дела до чьих-то прав. Мне дали Елену, и она останется со мною.

— Кажется, я уже слышал нечто подобное раньше, — сказал Одиссей, взглянув на своего товарища и вспомнив те далекие дни войны греков с Троей, когда Ахиллес не хотел отдавать Агамемнону свою пленницу, прекрасную Брисеиду, и был готов защищать ее с оружием в руках. Но вождь греков проявил упорство, и разгневанный Ахиллес скрылся в своем шатре, уклоняясь от участия в боях. Это чуть не послужило причиной гибели всего греческого войска.

— Может быть, слышал, а может, и нет, — сказал Ахиллес. — Это к делу не относится. Отдавайте нам Елену сейчас же! — прибавил он, обращаясь к Фаусту.

— Ни за что! Уж не думаете ли вы отнять ее у меня силой? — Фауст выхватил из-под своего сюртука небольшое кремневое ружье.

— Если бы мы захотели применить силу, — сказал Одиссей, — мы бы это сделали, будьте покойны. Мы ничуть не боимся вас и вашего оружия. Но вложи-ка в ножны свой меч, дорогой Ахиллес. Я придумал кое-что получше.

Одиссей сунул два пальца в рот и свистнул. В ответ откуда-то издалека донеслись дикие вопли и завывания. Сперва Фаусту показалось, что это ветер воет в печной трубе, но вскоре он ясно различил пронзительные, резкие женские голоса.

Дверь трактира распахнулась, и в нее ворвался зловонный смерч. Фурии не заставили себя долго ждать. Они влетели в зал в облике огромных черных ворон, распространяя вокруг себя отвратительный смрад. Они подняли жуткий галдеж, почти оглушив людей в трактире хлопаньем крыльев и громким криком. В конце концов они превратились в людей: перед Фаустом стояли три безобразные старухи — длинноносые, с красными, лишенными ресниц глазами, одетые в грязные и рваные черные

платья. Алекто была чересчур полной, Тисифона — костлявой и жилистой, а у Мегеры была очень нескладная фигура: широкие плечи и талия, плоская грудь, толстая, короткая шея, узкие бедра и сухие, как палки, лодыжки. Три неразлучные сестры завертелись вокруг Фауста в бешеной пляске. Они заглядывали ему в лицо, обдавая зловонным дыханием, визжали и кричали ему в уши, ухали, точно совы, и каркали по-вороньи, галдели, шумели, топали и хлопали в ладоши, прыгали, скакали и кривлялись, словно обезьяны. Фауст старался не обращать внимания на все их выходки; однако его терпения хватило ненадолго, и он сказал:

— Подобное поведение никак не делает вам чести, дорогие дамы. Кроме того, вы зря тратите силы, поднимая такой шум. Я — человек другой эпохи, и вряд ли на меня подействуют ваши трюки, которым без малого две тысячи лет. Вы для меня — всего лишь тени далекого прошлого. Вам не удастся меня напугать.

— Если даже мы и не сможем нанести тебе никакого физического ущерба, — раздался скрипучий голос Тисифоны, — то послушаем, что ты скажешь, когда мы будем день и ночь визжать и кричать тебе в уши, не давая ни минуты покоя.

— Какие глупости! Смешно слушать!

— Смешно или грустно, а вот посмотрим, как тебе понравится народная песня в нашем исполнении, — сказала Тисифона. — Она как нельзя лучше подходит для таких случаев, когда нужно поскорее свести человека с ума. А ну-ка, девушки, грянули!

И действительно грянули.

Песня оказалась древнегреческой вариацией на тему «Йохо-хо и бутылка рому». Исполнение и впрямь было такое, что могло довести впечатлительного слушателя до сумасшедшего дома. Три старые девы истошно заголосили, выводя замысловатые рулады и безбожно фальшивя. Их пение одновременно напоминало блеяние козлиного стада, вой стаи шакалов и ослиный рев. Даже самый отвратительный кошачий концерт показался бы райской музыкой по сравнению с этой ужасной какофонией. Фауст не смог вытерпеть ее дольше минуты: дыхание у него перехватило, мысли начали путаться... Ему казалось, что голова его вот-вот расколется от всего этого шума, визга и пронзительных воплей. В конце концов он поднял вверх руки:

— Милые дамы! Я прошу вас сделать небольшой перерыв. Мне нужно подумать.

И воцарилась желанная тишина.

Пошатываясь, словно пьяный, он побрел через весь зал, к трактирной стойке, чтобы перекинуться с хозяином парой слов. Неразлучные сестры собрались в тесный кружок и начали злове-

ще перешептываться, бросая на Фауста недоверчивые взгляды. Их резкие голоса раздавались прямо в мозгу Фауста, приводя ум несчастного доктора в полное расстройство, вызванное раздвоением (а точнее, расчетверением) его личности.

«Ох, — думал Фауст, чувствуя, что находится на грани помешательства, — я не помню даже, из-за чего я попал в такую неприятную ситуацию... У меня так сильно шумит в голове, что я не могу собраться с мыслями... Я должен был что-то решить... Что именно? Ах, да, Елена... Елена?.. Как я могу думать о ней, если эти ведьмы чуть не свели меня с ума своими воплями?»

Фауст считал эти мысли своими собственными, но на самом деле они были внушены ему тремя фуриями, стоявшими в стороне.

«Стоит ли упрямиться и держать у себя Елену, — рассуждал он, — если у меня в голове то и дело вертятся обрывки чужих мыслей — то рецепт приготовления кровавого пудинга, то сто пятьдесят семь способов жульничества при игре в маджонг... Приходится признать, что противным старухам все-таки удалось взять надо мной верх».

И он сказал вслух:

— Ну, ладно, если эта женщина вам так уж необходима, забирайте ее.

Едва он проговорил это, как Алекто, Тисифона и Мегера исчезли, словно их и не было. Фауст огляделся: Елены, Одиссея и Ахиллеса тоже нигде не было видно — очевидно, Эринии забрали их с собой.

Наконец-то измученный доктор Фауст мог спокойно перекусить. Он сел за стол и приказал трактирщику подать каравай хлеба и стакан вина. Жуя хлеб и запивая его вином, Фауст наслаждался тишиной и покоем. Его, конечно, огорчала разлука с Прекрасной Еленой; однако облегчение, которое он испытывал, избавившись от преследования Эриний, примиряло его с этой утратой. Нет худа без добра, думал Фауст; вернув Елену посланникам из царства Аида, он тем самым развязал себе руки. Теперь уже ничто не будет отвлекать его от главного дела — изгнания самозванца Мака и доблестного завершения фаустовских подвигов в Тысячелетней войне между силами добра и зла.

Допив вино, Фауст встал из-за стола. Времени оставалось в обрез, и ему нужно было торопиться. Бросив на стол монету, Фауст вышел из трактира и вскочил на коня. Вскоре он уже мчался по дороге в Сен-Менехольд, по следам Мака и Маргариты.

Мак выехал на широкую поляну. Вдали виднелись деревянные постройки — это был провинциальный городок Соммевесл, где Мак ожидал встретить герцога де Шуазеля, одного из самых верных людей короля.

Герцог де Шуазель сидел у трактира, глядящего окнами в лес; перед ним была развернута парижская газета. Герцог просматривал объявления о купле и продаже лошадей.

— Вы герцог де Шуазель? — спросил Мак, подойдя к нему.

Герцог отложил газету и взглянул из-под пенсне в тонкой золотой оправе на стоящего перед ним светловолосого молодого человека.

— Да, это я.

— Я привез известия о короле!

— И вовремя, — ответил герцог де Шуазель. Он аккуратно сложил газету — на первом листе крупными буквами был набран заголовок: *Парижский Революционный Журнал*. Герцог указал на одну из передовых статей:— Вы видели это? Дантон и Сен-Жюст призывают к кровопролитию. Они требуют казни короля и Марии-Антуанетты. Подумать только, ведь совсем недавно подобные вещи назывались инсинуациями, а их авторов сурово наказывали. Но теперь иные времена. Каждый может писать, что ему только вздумается. И они еще называют это прогрессом!.. Итак, сударь, где сейчас король?

— Через некоторое время он будет здесь.

— Когда именно?

— К сожалению, я не могу назвать вам точное время...

— Великолепно! — Герцог де Шуазель дал волю своим чувствам. Сняв пенсне и вставив монокль в левый глаз, он строго поглядел на Мака. Его тонкие губы скривились в иронической усмешке. — Я жду уже несколько часов; жители этого города готовы напасть на мой отряд — они, видите ли, приняли нас за сборщиков королевских податей, — а вы объявляете, что король будет здесь *через некоторое время*! Ну, и когда же наступит это время?

— Когда речь идет о коронованных особах, трудно знать что-нибудь наверняка, — сказал Мак. — Они едут так быстро, как только могут. Королева покинула дворец несколько позже назначенного срока — очевидно, что-то задержало ее величество. Я могу сказать вам только одно: оставайтесь здесь и ждите. Их величества скоро прибудут.

— Боюсь, что королевские подданные намного опередят их. — Герцог протянул руку в направлении города. Мак поглядел в ту сторону, куда указывал герцог де Шуазель, и увидел толпу людей, вооруженных вилами и заостренными кольями. Они стояли плечом к плечу, угрожающе выставив свое примитивное оружие.

— Ну и что? — пожал плечами Мак. — Это же простые крестьяне. Если они попробуют напасть на вас, откройте огонь.

— Вам легко говорить, молодой человек! — ответил герцог. — Вы, по-видимому, иностранец и никогда не жили в провинции. А вот у меня поблизости есть несколько поместий, где живут эти самые простые крестьяне, как вы изволили выразиться. Возможно, кое-кто из них сейчас находится среди вон тех молодцов, готовых попотчевать нас дубьем и вилами. Боюсь, мне нелегко будет найти с ними общий язык в будущем, если я сейчас напомню им о droit du seigneur — о феодальном праве. Здесь Франция, молодой человек, не забывайте! Кроме того, эти вооруженные вилами крестьяне — всего лишь небольшая часть многотысячной толпы, собравшейся за городом, — передовой отряд, так сказать. Их много, очень много, и каждый час к ним прибывают новые подкрепления. Они перережут нас, как овец. А вы говорите — открыть огонь!

— Я только предполагал...

— О! — воскликнул герцог, поворачиваясь спиной к Маку. — Кто там?

На дороге показался всадник в черном. Он погонял измученного коня, и полы его сюртука развевались за спиной, как два крыла. Это был Фауст. Спешившись у трактира, он подошел к герцогу де Шуазелю и сказал:

— Сударь, положение изменилось. Немедленно уводите свой отряд.

— Вот как? А вы сами-то кто, сударь? — спросил герцог.

— Доктор Иоганн Фауст, к вашим услугам.

— Нет! — воскликнул Мак. — Не слушайте его! Я Иоганн Фауст!

Герцог де Шуазель окинул обоих насмешливым взглядом.

— Ну и дела, — задумчиво произнес он. — Два Фауста привозят противоречивые приказы. Вот что я скажу вам, господа. Я задержу вас до полного разъяснения всех обстоятельств. Эй, солдаты!

Несколько человек схватили лошадь Фауста и его самого. Знаменитый маг попытался вырваться, но его держали крепко. Мак, стоявший в стороне, понял, что события принимают не-

ожиданный оборот и медлить нельзя. Он решил бежать, пока солдаты не добрались до него. С проворством зайца, удирающего от своры гончих, он метнулся через двор к коновязи и вскочил на коня. Вонзив шпоры в бока своего скакуна. он помчался прочь от городка Соммевесл, обогнув перелесок, где стоял конный отряд герцога де Шуазеля. Фауст, бьющийся в руках стражи, посылал ужасные проклятия ему вслед.

Глава 10

Эмиль Друэ, почтмейстер деревни Сен-Менехольд, сидел у окна своей спальни. Было довольно поздно, и жители деревни уже легли спать, однако Друэ глядел на дорогу не смыкая глаз: он ожидал гонцов из Парижа. Ночная прохлада и тишина были так приятны после дневных тревог! В Париже произошло столько важных событий! Революционный Комитет наверняка пришлет свежие новости. В тот день через деревню проехало множество карет со следами поспешно снятых гербов на дверцах и закутанных в плащи всадников, в которых за версту можно было узнать людей благородного происхождения. Все они направлялись к границе.

Постепенно мысли Друэ обратились к практическим вещам. Революция интересовала его прежде всего с обывательской точки зрения. Он начал размышлять о том, что станет с почтовой службой после революции.

Эмиль Друэ обладал философским складом ума. Вчера за обедом он сказал жене:

— Правительства приходят и уходят, а почтовая служба остается. В чьих бы руках ни находилась власть, почтмейстер всегда останется при деле.

Но теперь им овладели сомнения. Как быть? Революция — весьма ненадежная штука...

Полная луна освещала просторный двор перед трактиром, куда выходили окна почтовой станции. Несмотря на поздний час, люди ходили по двору; порой Друэ слышал топот копыт, которому вторило эхо в дальних холмах. Всадники бесшумно, словно призраки, появлялись из леса и выезжали на большую дорогу. Они не останавливались в трактире, не меняли лошадей. Они въезжали в деревню, чтобы, проехав по ее улицам, направиться дальше, к границе.

Мак въехал во двор и слез с коня, поправляя фуражку с кокардой — символом принадлежности к числу сторонников рево-

люции. Он огляделся по сторонам. Вряд ли он ожидал встретить здесь кого-нибудь в столь поздний час. Однако казалось, что он был слегка разочарован тем, что не увидел ничего особенного. Следом за ним появилась всадница на вороной лошади — это была Маргарита.

Подойдя к окну Эмиля Друэ, Мак негромко проговорил:

— Господин Друэ, я хочу показать вам одну чрезвычайно любопытную вещь.

— Кто вы такой, сударь? — спросил его почтмейстер, высунувшись из окна.

— Я, — ответил Мак, — посланник парижского консула. Я приехал из Парижа. Спускайтесь и идите со мной.

Сунув ноги в тяжелые деревянные башмаки и завернувшись в плащ, Друэ спустился по лестнице.

— Куда мы идем? — спросил он Мака.

— Следуйте за мной. Я покажу вам кое-что. Маргарита, подержи лошадей.

Мак повел почтмейстера по кривой и темной деревенской улочке, мимо конюшен, покосившихся заборов, отхожих мест и помойных ям, и вышел за околицу. Здесь проходила старая, заброшенная дорога.

— Зачем вы привели меня сюда? — спросил Друэ.

— Это окольный путь, по которому можно проехать мимо Сен-Менехольда, — сказал Мак.

— Но это же старая дорога. По ней никто не ездит!

Мак не хуже почтмейстера знал, что по этой дороге уже давно никто не ездит. Но он знал и другое: как раз в этот самый момент через деревню должна была проезжать королевская карета. Он специально увел Друэ из дома, чтобы тот случайно не выглянул из окна и не узнал короля. Он был уверен, что ему удалось предотвратить роковую случайность, помешавшую их величествам благополучно пересечь границу.

— Вы с ума сошли! — негодовал почтмейстер, ноги которого были мокрыми от холодной росы. — Какой дурак ночью поедет по этим ухабам?

— Да, путники обычно ездят по большой дороге, — сказал Мак, стараясь придать своему голосу оттенок таинственности. — Но тише! Неужели вы не слышите топота копыт? Кто-то едет...

И он сделал вид, что прислушивается. Удивленный Друэ замолчал. Вытянув шею, он завертел головой, оглядываясь по сторонам. Удивительно, какой силой обладает воображение, подумал Мак. Он мог поклясться, что слышит далекий топот лоша-

диных копыт. Звук становился все громче, словно всадники приближались... Нет, конечно, это ему послышалось!

— Да, теперь я слышу! — воскликнул Друэ.

— Еще бы! — сказал Мак, довольный своей удачной выдумкой.

Однако вскоре, к удивлению Мака, стук подков стал слышен совершенно отчетливо, и ухо могло даже разобрать пофыркивание лошадей, скрип колес и позвякивание рессор — королевская карета медленно тащилась по неровной, размытой дождями колее, порой наклоняясь так сильно, что казалось, она вот-вот перевернется.

Молодая листва поблескивала в лунном свете; легкий ветерок качал верхушки деревьев. Друэ замер, приподнявшись на цыпочки и вытянув шею. Он глядел в ту сторону, откуда доносился лошадиный топот. Наконец из-за поворота показалась карета. Лошади шли почти шагом, осторожно обходя глубокие ямы на разбитой дороге. Почтмейстер заглянул в окошко кареты — и тотчас отпрянул в сторону со сдавленным криком, словно увидел призрак.

— Его величество! — воскликнул он.

— Что случилось? — спросил Мак.

Карета проехала мимо.

— Вы видели? — сказал Друэ, повернувшись к Маку. Голос почтмейстера дрожал от волнения. — Это же король Людовик собственной персоной! Я видел его в прошлом году, на приеме для служащих королевской почты. И королева тоже была вместе с ним!

— Вы, должно быть, ошиблись, — сказал ему Мак. — Вы приняли за короля кого-то другого. В Париже есть немало людей, похожих на него. Да и на королеву тоже...

— Нет-нет, — перебил его Друэ. — Это король и королева, я узнал их! Спасибо вам, гражданин. Вы вовремя привели меня сюда. Я должен вернуться в деревню и поднять тревогу!

Почтмейстер повернулся, чтобы идти. Мак не понял, что произошло, однако почувствовал, что нужно действовать быстро и решительно. Он вытащил из кармана тяжелый, туго набитый мешочек с песком — всякий опытный грабитель имеет при себе вещи такого рода — и, когда Друэ повернулся к нему спиной, размахнулся и со всей силы ударил его по затылку этим мешком. Даже не вскрикнув, почтмейстер тяжело повалился в высокую сырую траву.

Вновь послышался стук лошадиных копыт, и из-за поворота вылетел высокий всадник на горячем коне. Короткий малино-

вый плащ развевался за его плечами. Это был Мефистофель. С первого взгляда в нем можно было распознать адского духа; его волшебный конь летел словно птица, едва касаясь копытами земли. Когда демон подъехал ближе, Мак заметил, что из ноздрей коня вырывается пламя, а из глаз сыплются искры.

— Вы видели? — прокричал он. — Здесь только что проехала королевская карета!

— Да, — ответил Мак, — я видел ее. Но почему они выбрали эту дорогу?

— Я показал им этот путь, — сказал Мефистофель с гордостью. — Я сделал так, что королевская карета объехала Сен-Менехольд стороной. Почтмейстер Друэ никак не сможет заметить ее из окна своего дома. Я же говорил, что помогу вам!

— Ну и натворили вы дел! — в сердцах воскликнул Мак. — Теперь все пропало! Вы спутали все мои планы! Зачем вы только вмешались! Я же говорил вам, что справлюсь сам!

— Я же хотел вам помочь, — сердито ответил Мефистофель и тут же пропал вместе со своим конем, словно его и не было.

Мак повернулся к Друэ, лежащему без чувств. Было похоже, что очнется он еще не скоро. Мак взял его под мышки и оттащил подальше от дороги, в кусты, прикрыв тело листьями папоротника. Затем пошел обратно к дому почтмейстера, где его ждала Маргарита с лошадьми. У него остался только один шанс спасти королевскую чету. Мост в Вареннах! Если Друэ не придет в себя еще несколько часов, ему хватит времени, чтобы приехать туда вовремя и освободить дорогу для королевской кареты. Если ничто не задержит их на мосту, королевская чета сможет благополучно добраться до Бельгии!

Глава 11

Заря едва занималась, когда Мак наконец подъехал к городу Варенны. В предрассветной мгле смутно вырисовывались темно-серые контуры каменных домов. Сонные солдаты Национальной гвардии, охраняющие покой горожан, стояли на перекрестках, опершись на мушкеты. Предрассветную тишину нарушил громкий топот копыт по булыжной мостовой, стократно усиленный эхом от высоких каменных стен, — Мак мчался по тесным кривым улочкам мимо дремлющих на своих постах солдат.

Проскакав галопом через спящий город, Мак выехал к мосту через реку Эр. Это был небольшой деревянный мост. На каменном основании стояли толстые сосновые балки, поддерживаю-

щие арку моста, под которой Эр медленно и плавно нес свои воды к морю.

Несмотря на ранний утренний час, мост был запружен крытыми повозками и телегами, груженными разным товаром. Усатые парни с длинными кнутами в руках переругивались друг с другом, пытаясь проехать вперед в этой немыслимой тесноте, и громко чертыхались, когда колесные оси их телег цеплялись за спицы колес соседних повозок. Топот, стук колес и скрип телег, крики возниц, ржание лошадей — весь этот шум напомнил Маку день, проведенный в лагере франков под стенами Константинополя.

Было ясно, что громоздкой королевской карете ни за что не проехать по этому мосту. Может быть, почтмейстер Друэ успел поднять тревогу, а может быть, по какой-то другой причине, но путь к границе был прегражден. Однако Мак решил не отступать. Он направил своего коня прямо на повозки, преграждающие ему путь.

— Дорогу! — крикнул он. — Освободите мост! Дорогу важным особам!

Ответом ему послужила громкая ругань возниц. Поняв, что одними словами делу не поможешь, Мак взялся регулировать движение на мосту. Волшебные слова «именем Комитета общественного спасения» опять помогли ему. Он подавал команды, угрожал нахалам, подбодрял робких, метался туда и сюда между тесно стоящих телег, пытаясь навести порядок. Наконец, охрипнув от крика и изрядно устав от беготни среди повозок, Мак занял пост посередине моста и стал размахивать руками, указывая, кому куда ехать. Это напоминало работу полицейского, пытающегося ликвидировать «пробку» на улице современного города. Под ругань и крики возниц, свист и щелканье кнутов ему наконец удалось добиться своего: часть груженых повозок съехала с моста на пыльную дорогу. Однако все усилия Мака были напрасными: количество повозок не уменьшалось, а, наоборот, увеличивалось. Глянув на противоположный берег реки, Мак увидел, что на мост въезжают все новые и новые телеги. Казалось, они собрались со всей округи — телеги, груженные сеном, повозки с зерном, фруктами, овощами, битой птицей, — словом, со всеми продуктами, которые производились во Франции и в соседствующей с нею Бельгии. «Откуда только они взялись здесь?!» — подумал Мак. Он сел на своего коня и с большим трудом переехал через мост. Маргарита следовала за ним.

Перебравшись на другой берег реки, Мак галопом поскакал вдоль дороги, по которой непрерывным потоком двигались к

мосту все эти повозки и телеги. Он завернул за поворот — и осадил своего коня, раскрыв рот от изумления. Посреди дороги возвышалась исполинская фигура в белом; вокруг ее головы сиял радужный нимб, заметный даже в лучах зари. Повозки и телеги возникали перед нею прямо из воздуха, и она направляла их к мосту через Эр.

— Кто вы? — воскликнул Мак, овладев собой. — И что вы здесь делаете?

— Ох, — произнес незнакомец в белом. — Вы не должны были меня видеть!

В тот же миг за спиной Мака материализовался Мефистофель на черном коне, извергающем пламя из ноздрей.

— Михаил! — воскликнул он, обращаясь к своему сопернику. — Что ты делаешь?!

— Ничего особенного, — угрюмо ответил архангел Михаил, — я просто отправил в Варенны несколько повозок с зерном и овощами...

— Которые заняли весь мост через реку Эр, преградив путь всякому, кто попытался бы переправиться на другой берег, — язвительно заметил Мефистофель. — Рынок в Вареннах, конечно, будет очень богат, но, боюсь, доктор Фауст, участник нашего Спора, останется внакладе. Ты вмешиваешься в естественный ход событий, Михаил, а подобные вещи даже архангелу не так-то легко сходят с рук!

— А разве демону позволено то, что не позволено архангелу? — в тон Мефистофелю сказал Михаил. — Я сделал то же, что и ты.

Мефистофель сердито сверкнул глазами на Михаила:

— Я думаю, нам лучше продолжить этот разговор без посторонних свидетелей.

Михаил озабоченно глянул на Мака и поджал губы:

— Ты прав. Смертные не должны подслушивать наши споры.

И оба духа тотчас исчезли, словно их никогда здесь и не было.

Глава 12

Мак поскакал обратно к мосту через Эр. Он был полностью перегорожен повозками и телегами всех видов и размеров. Между большими повозками помещались маленькие тележки; казалось, не только всадник или пешеход не сможет пробраться между ними, но и муха не пролетит. Мак спешился и протиснул-

ся между ближайшими двумя телегами, осыпаемый громкой бранью возниц.

Крича, ругаясь, толкаясь и уворачиваясь от ударов кнута, он добрался наконец до середины моста. Маргарита следовала за ним, словно тень. Взобравшись на высокий воз, Мак опять попытался наладить движение. Но тщетно он выкрикивал команды и размахивал руками. На мост въезжали все новые и новые повозки. Крестьяне торопились на рынок в Варенны, привлеченные сладкими речами Михаила, посулившего выгодные цены тем, кто успеет приехать рано утром. Каждый стремился обогнать соседа. На мосту возникла настоящая давка.

Когда на переполненный мост въехал огромный воз, груженный вяленой рыбой — уловом балтийских рыбаков, — деревянные опоры не выдержали. Раздался громкий треск, и мост вздрогнул. Мак успел добраться до берега как раз вовремя, чтобы избежать холодной ванны. Через несколько секунд толстые сосновые сваи покачнулись, и мост начал медленно оседать. Возникла паника; истошно закричали люди, испуганно заржали лошади, заревели быки. Мост рухнул через несколько секунд. Повозки, телеги, люди, лошади полетели в светлые воды Эра. Еще несколько минут до ушей Мака доносились всплески воды, людские вопли и рев перепуганных животных, затем все стихло. В наступившей тишине стал слышен топот лошадиных копыт и стук колес — это приближался королевский экипаж.

Мак бросился к карете.

— Ваши величества! — задыхаясь, прокричал он. — Еще не поздно!

— О чем он говорит? — удивленно спросила королева. — Мост рухнул. Мы пропали.

— У меня есть один план.

— Какой план? Прошу вас, говорите!

— Вашим величествам нужно выйти из кареты. Мы наймем лошадей и поскачем сначала обратно по дороге, ведущей в Париж. Это собьет погоню со следа. Затем мы свернем на другую дорогу и доберемся до бельгийской границы.

Людовик повернулся к королеве:

— Что вы скажете, мадам?

— Мне эта затея кажется слишком рискованной, — призналась королева.

Король долго размышлял, а королева считала этот план не слишком удачным, но в конце концов их величества согласились — больше им ничего не оставалось делать. Мак помог им выйти из

кареты. Они стояли возле своего просторного экипажа, и вид у них был отнюдь не королевский. Еще бы, ведь царственная чета, выезжавшая на верховые прогулки в сопровождении пышной свиты, не привыкла ходить по мокрым от утренней росы лугам. Мак поспешил на почтовую станцию, чтобы нанять лошадей. Он все еще надеялся избежать ареста. В конце концов никто не знал, что король и королева находятся здесь. Никто, кроме Друэ, которого Мак оставил лежать без сознания возле старой, заброшенной дороги в Сен-Менехольде.

Король нерешительно подошел к лошади, которую достал для него Мак, и вскочил в седло. Королева последовала примеру своего царственного супруга и тоже села на свою лошадь. Наконец все было готово.

Но не успели всадники тронуться с места, как впереди на дороге показалось облако пыли, и вскоре Мак, приподнявшись на стременах, смог различить всадников, скачущих к берегу реки. Их было несколько сотен, и все были вооружены. Во главе этой маленькой армии скакал Друэ.

Заметив королевскую карету, Друэ громко крикнул:

— Вот они! Король и королева здесь! Арестуйте их! Их нужно немедленно отправить обратно в Париж!

Несколько солдат окружили Людовика и Марию-Антуанетту. Друэ подъехал к Маку.

— Вот мы и встретились, — сказал почтмейстер. — Вы сослужили мне плохую службу, гражданин. Но уж теперь-то я рассчитаюсь с вами. И, махнув рукой солдатам Национальной гвардии, он приказал: — Этот человек участвовал в контрреволюционном заговоре. Возьмите его!

Изумленный Мак смог только пробормотать:

— Скажите, как вы сумели приехать сюда так быстро?

— Уж никак не с *вашей* помощью, — ответил Друэ. — К счастью, вот этот господин проезжал мимо и оказал мне помощь.

Один из всадников отделился от отряда и подъехал ближе. Мак узнал его. Это был Фауст.

— Опять вы! — простонал Мак.

Фауст самодовольно усмехнулся.

— Мне не стоило почти никакого труда вырваться из рук солдат, схвативших меня. Я погнался за вами и увидел на дороге этого несчастного. Я помог ему и тем самым расстроил ваши планы.

Тут объявился Мефистофель.

— Отпустите этого человека, — обратился он к Друэ.

Смертельно напуганный появлением демона, почтмейстер все же нашел в себе силы ответить:

— Мы обязаны задержать его, чтобы предать трибуналу.

— Мне очень жаль, — сказал Мефистофель, — но в этом деле заинтересованы сверхъестественные силы. Они занимают более высокое положение, чем любая земная власть. Объявляю, что Великий Спор меж силами света и тьмы завершен.

С этими словами он величественным жестом возложил свою руку на плечо Мака, и в тот же миг оба исчезли. А через несколько секунд исчезла и Маргарита, стоявшая рядом.

Часть VIII

СУД

Глава 1

После того как Мефистофель унес его из Варенн, Мак погрузился в какое-то странное оцепенение, похожее на фантастический сон. События переплетались, накладывались одно на другое, и он не мог припомнить никаких подробностей. В памяти были провалы. Затем он, казалось, погрузился в глубокий сон без сновидений, чтобы наконец проснуться в скромно обставленной комнате, на диване, обитом зеленым атласом. Мак глянул в окно: все вокруг заволокло мутно-серым туманом, и невозможно было угадать, где он находится. Однако, окинув взглядом комнату, Мак узнал кабинет Мефистофеля в Лимбе и тотчас вспомнил, когда он в последний раз был здесь. Как раз перед отправкой во Флоренцию! Ну конечно, вот и обитый зеленым атласом диван, на котором сидел Мефистофель!

Он встал с дивана и огляделся. Проход в виде арки вел в соседнее помещение; заглянув туда, Мак узнал комнату, где он спрятал свое сокровище — картину Боттичелли, спасенную от огня.

Услышав за своей спиной скрип открываемой двери, он вздрогнул и обернулся, готовый к любым неожиданностям. Вошла Илит в длинном, облегающем фигуру платье. Юбка цвета беж закрывала ее стройные ноги до середины икр. Густые черные волосы, собранные в высокую прическу, украшал резной гребень, искусно подделанный под черепаховый панцирь. Лицо Илит было бледным и задумчивым, как всегда, и лишь небольшие красноватые пятна на скулах выдавали ее волнение.

— Вот и все, — сказала Илит. — Закончился последний эпизод, в котором вы должны были сделать свой выбор.

— Мефистофель говорил мне то же самое! Что происходит сейчас, хотел бы я знать?

— Скоро начнется Суд. Я как раз собираюсь на его заседание. Я заглянула сюда на минутку, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

— Это большая любезность с вашей стороны. Меня, кажется, не приглашали на заседание?

— К сожалению, я ничего не знаю об этом, — ответила Илит.

— Как это на них похоже, — посетовал Мак. — Мефистофель был сама любезность и так сладко улыбался мне, когда я был ему нужен, а когда вес кончилось, он даже не зашел проведать меня. Я уж не говорю о том, что меня обошли приглашением на торжество...

— Смертных редко приглашают на подобные мероприятия, — сказала Илит. — Но я понимаю ваши чувства.

— А когда я получу обещанную мне награду? — угрюмо спросил Мак.

— Я не знаю, — покачала головой Илит. — Возможно, вам придется подождать. Вы ведь находитесь в Лимбе; здесь все люди чего-то ждут...

Илит по-особому сложила руки и тут же исчезла. Некоторое время Мак шагал взад-вперед по кабинету. Заметив несколько тонких книжек на журнальном столике, он придвинул кресло и раскрыл одну из этих книжек. Это оказалась брошюра «Дорога в ад: как ее найти», издательство «Сатаник-пресс». Мак перевернул страницу и начал читать: «Вы хотите попасть в ад? Некоторых из вас озадачит такой вопрос. Не удивляйтесь! Многие люди хотят этого. Ведь ад — это такое место, где огромное значение придается инстинктивным потребностям. Не верьте россказням о том, что в аду вам никогда не удастся удовлетворить свои потребности. Удовлетворить желания можно всегда; однако аппетит, как известно, приходит во время еды, и то, что манило вас еще вчера, привлекая своей недоступностью, перестает интересовать вас сразу после того, как вы наконец станете обладать вожделенным предметом. Но разве не то же самое происходит с вами в подлунном мире? Допустим...»

Мак не успел дочитать фразу до конца: раздался громовой удар, сверкнуло пламя, и клубами повалил черный дым. Когда дым немного рассеялся, Мак увидел, что перед ним стоит сам Иоганн Фауст. Ученый доктор выглядел прекрасно; на нем была новая профессорская мантия с горностаевым воротником.

— Эй! Подождите! — воскликнул Мак, обрадованный тем, что видит знакомое лицо — пусть это даже хмурое лицо его соперника, Фауста.

— Послушайте, я очень спешу, — произнес Фауст недовольным тоном. — Вы случайно не видели высокого, худого человека со светло-карими глазами, длинными темными волосами, очень похожего на колдуна?

— Нет, — покачал головою Мак, — я никого не видел. Я здесь совсем один. Только Илит, дух, служащий силам света, заглянула на минутку.

— Илит меня не интересует. Мне нужен граф Сен-Жермен. Он сказал, что встретится со мной здесь. Надеюсь, он не опоздает.

— А кто он такой?

Фауст поглядел на своего собеседника с видом превосходства.

— Граф Сен-Жермен — один из величайших магов. Он жил в более поздний век, чем ваш.

— Но ведь *мой* век — это и *ваш* век тоже! — удивился Мак. — Разве мы с вами живем в разные времена? И как вам удалось узнать об этом графе Сен-Жермене — он ведь из будущего?

— Видите ли, — начал Фауст менторским тоном, — я сам — великий маг, величайший из всех, когда-либо живших на Земле, и, следовательно, я знаю всех своих знаменитых коллег, работающих в данной области, — и из далекого прошлого, и из будущего. Мы, маги, поддерживаем друг с другом тесную связь — как со своими современниками, так и с теми, кто давно умер, и даже с теми, кто еще не родился.

— А зачем вы вызвали сюда этого самого графа и что вам от него нужно? — спросил Мак.

— Я думаю, вам пока лучше об этом не знать, — ответил Фауст. — Пусть это будет для вас небольшим сюрпризом.

— Сюрприз? Но ведь война между добром и злом кончилась...

— Мой дорогой, борьба между силами добра и зла продолжается. Закончен лишь один из раундов игры. Откровенно говоря, мне будет любопытно посмотреть, как Ананке будет судить ваши неуклюжие попытки повлиять на ход мировой истории. Но хотя Тысячелетней войне был объявлен конец, последнее слово еще не сказано. Оно осталось за самим Иоганном Фаустом, великим магом, доктором разных наук.

— За Фаустом? То есть за вами?

— Черт побери! А за кем же еще? Ведь Фауст — это я!

— Да, в некотором роде. Ведь я до какой-то степени тоже Фауст.

Несколько мгновений Фауст молча смотрел на Мака с таким видом, словно рассматривал какое-то забавное, доселе ему неизвестное насекомое, затем откинул голову назад и презрительно расхохотался:

— Вы? Фауст? Да кто вы такой? Дорогой мой, вы очень далеки от фаустовского образа, каким ему суждено войти в историю. Вы жалкое создание, не обладающее знаменитой фаустовской твердостью духа. Вы глядите в рот своим господам, подобно дворовому псу, и пытаетесь корчить из себя знающего человека

перед своими приятелями, такими же невеждами, как и вы. Вы вульгарный, необразованный тип. Вы не имеете никакого понятия об истории, философии, политике, химии, оптике, алхимии, этике и о венце человеческой мудрости — магии. — Фауст усмехнулся. — Как малое дитя, пытаясь подражать взрослым, надевает отцовские башмаки, так и вы лишь примеряли на себя костюм Фауста. Но дитя, сделав шаг-другой в огромных башмаках, спотыкается и падает. Так же и вы, Мак, совершили множество глупостей, взявшись не за свое дело. Но теперь, к счастью, вашей клоунаде на исторической сцене пришел конец. Роль Фауста — не для вас. Вы не ровня великим мира сего. Вы — ничем не примечательная личность, один из многих тысяч простых смертных, которые влачат свое жалкое земное существование. Вы посмешили публику — и довольно! Теперь вы канете в Лету. Мы не намерены дольше терпеть ваше присутствие.

Мак не был уверен в том, что такое Лета, но колкость фаустовской брани и сам тон фаустовского монолога больно задели его.

— Ах, вот как! — воскликнул он, весь кипя от гнева. Но он говорил в пустоту, ибо Фауста в комнате уже не было — великий маг бесшумно растаял в воздухе.

Мак снова начал мерить шагами кабинет Мефистофеля. Постепенно гнев его остыл, уступив место чувству жалости к самому себе. Одиночество томило его, и, чтобы хоть как-то скоротать время, он начал размышлять вслух.

— Как будто я не хотел бы обладать всеми этими знаниями и магическим искусством! — пробормотал он себе под нос. — Но я не обладаю сверхъестественными возможностями и тем не менее стараюсь сделать то, что могу. В конце концов, это нечестно — ставить меня на одну доску с великими людьми, не говоря уже о могущественных духах, которые путешествуют во времени и пространстве так же свободно, как рыба плавает в воде. Им-то ничего не стоит в один миг перенестись за тысячи миль и за сотни лет назад или вперед, в то время как я, простой смертный, должен преодолевать все расстояния шаг за шагом, а о путешествиях во времени могу только мечтать. И никто даже не посочувствует, никто не оценит, каких трудов мне это стоит!

— Кто это здесь жалуется и хнычет? — вдруг раздался низкий насмешливый голос. Мак вздрогнул и оглянулся. Он-то думал, что остался совсем один.

Позади него стоял Одиссей — высокий, атлетически сложенный, — такой, каким и подобает быть древнему герою. Ослепительно белая туника была застегнута на плече красивой пряжкой, а наброшенный поверх нее плащ ниспадал красивыми

складками, которые так любили изображать античные скульпторы. Весь облик Одиссея был исполнен благородства, а поза была простой, но в то же время не лишенной достоинства. Любой обыкновенный человек выглядел бы рядом с ним сущим ничтожеством. Маку, предававшемуся самоуничижению, показалось, что он, с его вздернутым носом, рыжеватыми веснушками и волосами цвета соломы, ничуть не красивее обезьяны. Одиссей, темноволосый, синеглазый, был почти на целую голову выше Мака; под его гладкой, бронзовой от загара кожей перекатывались упругие мышцы.

— Здравствуйте, Одиссей, — сказал Мак. — Какими судьбами вы здесь оказались?

— Я шел в зал заседаний на Суд Ананке и по пути заглянул сюда. Возможно, я и сам выступлю на общем собрании. А вы, Мак? Вы придете на Суд?

— Я жду, когда Мефистофель соизволит явиться сюда и отдать мне обещанную награду.

Одиссей пожал плечами:

— Вы полагаете, что это мудрый поступок — принять награду? Лично я не возьму ни обола от этих современных духов тьмы. Принимая дары демонов, вы попадаете в зависимость от них. А им только того и надо!.. Впрочем, каждому свое. Прощайте, Мак!

Одиссей достал из кожаной сумки пакет с ингредиентами для заклинания перемещения и, вскрыв его, растаял в воздухе.

— Эти древние греки больно много о себе воображают, — пробормотал Мак, оставшись один. — Они завели у себя целый сонм божеств на все случаи жизни, и боги всячески помогали им, не брезгуя самой тяжелой работой. Вот почему эти античные герои совершили столько подвигов! А попробовали бы они справиться со всем этим в одиночку, как современные люди! Лично мне пришлось полагаться только на свой собственный интеллект, чтобы пройти сквозь все уготованные мне испытания в незнакомых мне мирах, и на собственные, отнюдь не сверхъестественные силы, когда мне приходилось совершать далекие и утомительные путешествия. Конь о четырех ногах и тот спотыкается, а у меня их только две!.. По правде говоря, мне на долю выпали такие пути-дороги, которых ни одному смертному не одолеть.

— Вы так думаете? — пропищал тоненький голосок за спиной у Мака.

Мак подумал, что во Вселенной, должно быть, существует какой-то закон, в силу которого все, кто путешествует с помощью магии, должны непременно материализоваться за его спи-

ной. Обернувшись, он увидел гнома Рогнира, вылезающего из дыры в полу, которую он проделал своей киркой.

— Конечно, я так думаю, — сказал Мак гному. — Куда ни глянь — все вокруг прибегают к помощи магии. Им достаточно произнести заклинание и щелкнуть пальцами — и вот они в мгновение ока перенеслись на край света, а может быть, и в иной мир. Для них не существует ни времени, ни расстояний. А я, обычный человек, не посвященный в эти «великие» тайны, должен совершать пешие путешествия, отнимающие так много сил и времени, даже не зная толком, куда я иду и что ждет меня в конце пути.

— Да, действительно, нелегка ваша жизнь, — саркастически заметил Рогнир. — Ну, а я, по-вашему, чем занимаюсь? Развлекаюсь? Пирую и веселюсь?

— Вы? Я как-то об этом никогда не думал... Ну, и как же *вы* путешествуете?

— Мы, гномы живем по старинке, — ответил Рогнир, — и не признаем всяких новомодных людских выдумок. Мы ходим *только* пешком. Но это вовсе не значит, что мы совершаем увеселительные прогулки. Сначала мы прокладываем подземный тоннель и только потом уже идем по нему куда нужно. Уж не думаете ли вы, что это так просто — вырыть тоннель, — раз, два и готово?

— Я думаю, что это совсем не просто, — ответил Мак, не желая спорить с коротышкой-ворчуном. Подумав еще немного, он добавил: — Ведь под землей вам могут встретиться большие твердые камни.

— Там, где мы прокладываем свои подземные ходы, чаще попадаются камни, чем грунт, — сказал польщенный Рогнир. — Сквозь грунт даже самый маленький гномик проложит тоннель за каких-нибудь полчаса. Камни и валуны, конечно, большая беда для нас, гномов; но вот уж чего действительно врагу не пожелаешь — так это рыть подземный коридор под топким болотом. Такой тоннель нужно подпирать толстыми деревянными бревнами, а то он может обвалиться. Эти бревна приходится тащить из леса до того места, где вы будете ставить подпорки в тоннеле. Бревна, к слову сказать, тоже не сами собой растут. Дерево нужно свалить, обрубить на нем сучья, аккуратно обрезать его с двух концов. Только потом его уже можно использовать. А леса, как нарочно, расположены далеко от тех болотистых низин, где нам приходится прокладывать глубокие тоннели. Бывает, несколько миль тащишь на себе тяжеленное бревно — по бездорожью, по кочкам... Конечно, там, где вручную никак не управиться, мы нагружаем бревнами лохматых крепконогих пони.

Но чаще всего нам приходится рассчитывать только на свои собственные силы, на лопату, кирку и топор.

— Мне кажется, вам такая жизнь не очень-то по вкусу, — сказал Мак.

— И здесь вы тоже не правы! — возразил Рогнир. — Для нас, гномов, такая жизнь и есть самая подходящая. Мы ведь не люди, не забывайте! Мы — сверхъестественные существа, хотя и не шибко этим гордимся. Мы, конечно, могли бы попросить Высшие Силы даровать нам какие-то особые способности, но не в наших правилах просить кого-то о чем бы то ни было. Мы — единственный народ во всей Вселенной, который живет сам по себе, ни от кого не зависит и ничего ни у кого не просит.

— А разве вас не интересует, кто в конечном счете победит — добро или зло? — спросил Мак.

— Нисколько, — равнодушно сказал Рогнир. — Нас, гномов, это не касается. Мы стоим в стороне от этих вечных споров между добром и злом. Мы, гномы, не знаем никакого иного добра, кроме копания земли, и никакого зла, кроме того же самого копания. Наш удел от колыбели и до гробовой доски — копать землю. И мы копаем ее, покуда хватает сил. Ну а когда у нас остается немного свободного времени, мы путешествуем по своим подземным коридорам, ищем драгоценные камни и устраиваем праздники — Слеты гномов. Мы честно делаем то, что предначертано нам Судьбой, а не ждем помощи от какого-нибудь духа, случайно проходящего мимо.

— Ну, ладно, хватит, а то мне станет совсем стыдно за самого себя, — сказал Мак смущенно. — Но разве вы ничего больше не хотели мне сказать?

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — важно начал Рогнир. — Мне кажется, вся эта канитель между духами, полубогами и самим доктором Фаустом, участником Спора между светом и тьмой, затевалась ради того, чтобы выяснить, кому же будет принадлежать власть над человечеством в течение следующего тысячелетия.

— Полностью с вами согласен.

— Прекрасно. И что же вы собираетесь делать?

— Кто? Я?.. — удивился Мак.

— Ну конечно, вы, — невозмутимо ответил Рогнир.

— Не знаю... А что, собственно, я могу сделать? Ничего. Но даже если бы я и мог, почему именно я должен что-то делать?

— Да потому, что это *ваша судьба* будет решаться на Суде, глупый малый! — сердито сказал Рогнир. — Неужели вам не хочется взять слово?

— Конечно, хочется! — вздохнул Мак. — Но кто я такой, чтобы указывать всем этим господам, как им следует править нами?

— А кто будет выступать от имени всего человечества? Фауст?

Мак покачал головой:

— Фауст мнит себя центром мироздания, хотя на самом деле он всего лишь самый обычный маг, обладатель громкого голоса, разучивший несколько старых фокусов. Такие, как он, сильно отличаются от обыкновенных людей, составляющих большинство. Я и сам умею делать некоторые «чудеса», которые сами маги почему-то громко именуют искусством; но когда они начинают толковать о своей алхимической науке и прочих высоких материях, это отнюдь не вызывает у меня восторга.

— Правильно, — сказал Рогнир. — Это все пустая болтовня. Много шума из ничего, как говорится. Нет ничего лучше копания земли — для нас, гномов, разумеется. А что касается вас, то почему вы позволяете распоряжаться собой всяким выскочкам вроде этого Фауста?

Мак изумленно посмотрел на него:

— А что я могу сделать?

— Ну, по крайней мере вы могли бы рассердиться.

— Я ни на кого не сержусь, — пожал плечами Мак.

Но не успел он произнести эти слова, как вдруг почувствовал, как из глубины его души начал подниматься долго сдерживаемый гнев. Сперва он подумал, что это притворный гнев — ведь столько раз ему приходилось лицемерить, изображая чувства, которых он на самом деле не испытывал, — однако вскоре он рассердился не на шутку. Напрасно он старался успокоиться, мысленно внушая самому себе, что не стоит обращать внимания на подобные пустяки, что скоро все пройдет и забудется, — гнев не утихал в нем; напротив, он бушевал с силой, доселе еще не изведанной Маком. В глазах у него потемнело; вены вздулись на лбу и на шее, а в висках застучали два тяжелых молота.

И тут его словно прорвало.

— Черт побери! — закричал он, сжимая кулаки. — Да какое он имеет право! Каждый должен сам решать свою судьбу! И простой смертный тоже! Слишком долго мы позволяли духам и так называемым великим людям вроде Фауста править нами! Настало время изменить существующий порядок.

— Вот это другой разговор! — сказал Рогнир.

— Но *что* я могу сделать?.. — растерянно спросил Мак, остывая.

— Занятный вопрос, — ответил ему Рогнир, повернулся к

недавно проделанному им отверстию в полу — выходу из подземного коридора — и нырнул в него.

Некоторое время Мак наблюдал, как проворно, словно крот, гном работает лопаткой, засыпая отверстие, через которое он только что пролез. Ему захотелось уйти под землю следом за Рогниром, попасть в этот длинный темный тоннель, ведущий неизвестно куда. Но люди никогда не путешествуют под землей, да и проложенный гномом тоннель был бы для него слишком тесен. Вздохнув, Мак вышел в коридор, открыл входную дверь и выглянул наружу. Перед ним лежал Лимб, где все предметы принимали неясные, расплывчатые очертания. Вглядываясь в туманную даль, Мак смог различить контуры далеких холмов; над ними поднимались серо-голубые облака, которые на самом деле были вершинами гор — они тонули в сероватом мареве. Пейзаж, открывшийся взгляду Мака, походил на театральную сцену за тонким, прозрачным занавесом. Все вокруг казалось ненастоящим, нереальным.

Прямо от порога вдаль уходила еле различимая тропинка. Приглядевшись, Мак увидел какие-то знаки, установленные вдоль нее, напоминающие стрелки — указатели движения. Мак пошел по этой тропинке сквозь густой желтоватый туман, ориентируясь по дорожным знакам. Вскоре он вышел к перекрестку. У пересечения двух дорог был вкопан деревянный столб. Стрелки-указатели на его вершине глядели в разные стороны. На каждой из этих стрелок было что-то написано. Подойдя поближе, Мак прочитал:

«ДОРОГА НА ЗЕМЛЮ»
«ДОРОГА В РАЙ»
«ДОРОГА В АД»
«ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ ВЫ СЮДА ПРИШЛИ»

Последняя стрелка была повернута как раз в том направлении, откуда он пришел.

Выбрав одно из направлений, Мак решительно зашагал в ту сторону, куда указывала стрелка.

Глава 2

В тех краях Лимба, где было назначено заседание суда, определяющего дальнейшую судьбу человечества, выдался серый день. Низкое небо нависло над землей — так часто бывает зимой в этих краях. С утра редкие крупные снежинки кружились в воздухе, но сильного снегопада не ожидалось. Воздух был чист и

прозрачен. На горизонте на фоне мутно-серого неба резко выделялась голубая линия Плато Небытия. Само собой разумелось, что в такой день каждый мог заглянуть далеко вперед.

Мефистофель и архангел Михаил сидели рядышком на высоком столбе, недавно освобожденном Симеоном Столпником. Аскет нашел лучший способ смирения духа, чем простое сидение на столбе, и принял обет просмотреть все повторные показы игр, сыгранных командой «Пираты Тампа-Бей».

Михаил не был в Лимбе с того самого дня, когда он встретился с Мефистофелем в трактире «На полпути», чтобы положить начало новой Тысячелетней войне между силами света и тьмы. Он с любопытством оглядывал знакомые места. Ему очень нравилось, что все в Лимбе осталось по-старому. Та же приятная дымка, застилающая горизонт (хотя сегодня она была на удивление легкой и прозрачной), та же размытая граница между Небом и Землей — казалось, что небесный свод плавно переходит в земную твердь; все те же размытые, полинялые краски и нечеткие контуры предметов, все те же плавные, закругленные линии. Неопределенность! И ее вечные спутники — моральные сомнения! После долгой жизни в мире абсолютов архангел Михаил находил в этом неизъяснимую прелесть и новизну.

— Лимб остался таким же, как раньше! — умиленно сказал Михаил.

— Дорогой мой архангел, — сказал Мефистофель, — если ты сдержишь ненадолго свою страсть к парадоксам и обратишься к наблюдению, то заметишь кругом тысячи перемен. Взгляни вон туда. Разве ты не видишь грандиозное строительство, которое началось совсем недавно?

— Ах, это... — произнес Михаил небрежным тоном. — Это все преходяще. А так — куда ни посмотришь, везде все тот же старый добрый Лимб... Интересно, что они там возводят? — прибавил он, поглядев на запад.

Мефистофель повернул голову в ту сторону, куда глядел архангел Михаил:

— Разве ты не знаешь? Это новое здание Суда, где вскоре Ананке *объявит нам свое решение*.

Михаил разглядывал контуры строящегося здания.

— Какое благородство форм! Какое изящество линий! — восхищался он.

— Просторное помещение, — сдержанно заметил Мефистофель. — Я слышал, что на заседание Суда приглашено всего несколько представителей от каждой из сторон. В списке приглашенных *есть даже один или двое* смертных. Это уже что-то со-

всем новое. Ведь раньше они никогда не присутствовали на нашем Суде.

— Мы поступили справедливо, пригласив смертных, — произнес Михаил назидательным тоном. — В конце концов это *их* судьба будет решаться на Суде!

Мефистофель фыркнул:

— Ну и что же? В старые добрые времена создания Света и создания Тьмы не просили совета у людей. Мы просто сообщали им свое окончательное решение, а уж нравилось оно им или нет — это было их личное дело. Волей или неволей они должны смиряться с Судьбой и подчиняться Необходимости.

— Так было в старые времена, — возразил ему архангел Михаил. — С тех пор прогресс шагнул далеко вперед. В мире появились мощные силы, помогающие нам устанавливать Великое Равновесие, — Наука и Рационализм. Я верю в них.

— Еще бы! — сказал Мефистофель. — При архангельской религиозности — как в них не поверить!

— И наоборот, — в тон Мефистофелю отозвался Михаил. — При дьявольской склонности все отрицать — как их не отвергнуть! Ничего другого я от тебя не ожидал.

— Что верно, то верно, — согласился Мефистофель. — Очко в твою пользу. Наши мнения расходятся во всем, и это существенно ограничивает кругозор каждого из нас.

— Поэтому судьей в нашем Споре выступает Ананке, — сказал Михаил.

— Где она находится сейчас, хотел бы я знать? — спросил Мефистофель.

— Этого не знает никто. Пути Судьбы неисповедимы. Она порой бывает весьма непостоянна и эксцентрична, но никогда не берет на себя труд что-либо объяснять. Она лишь объявляет нам свое решение. *Так должно быть*, изрекает она, но не говорит *почему*.

Мефистофель заметил маленькую темную фигурку, медленно двигающуюся по плоской бесцветной равнине Лимба.

— Кажется, кто-то идет, — обратился он к Михаилу. — Кто бы это мог быть?

Михаил прищурился. Даже орлиный взор архангела не сразу смог различить силуэт человека на фоне бескрайней Лимбийской пустыни: он казался всего лишь маленьким размытым темным пятнышком, не больше булавочной головки.

— Это Мак Трефа, — сказал Михаил, приглядевшись.

Мефистофель долго всматривался в туманную даль, затем удивленно поднял одну бровь:

— Ты не ошибся? Ведь это же тот самый смертный, с кото-

рым я подписал договор. Он участвовал в нашем эксперименте, в Великом Споре между светом и тьмой...

Михаил улыбнулся:

— Не могло ли случиться так, дорогой мой демон, что *ты* совершил большой промах — там, в Кракове? Скажем, ты заключил сделку не с *тем* человеком, и лже-Фауст стал представителем рода людского в нашем Споре?

Мефистофель пожирал глазами маленькую темную фигурку. Его губы были плотно сжаты, а в темных глазах горел дьявольский огонь.

— Кажется, тут дело не обошлось без вмешательства одного знакомого мне духа! — сказал он, повернувшись к Михаилу.

— Ты слишком высокого мнения обо мне, — скромно ответил Михаил.

Мефистофель снова принялся разглядывать идущего сквозь туман человека.

— Да, это он — смертный, с которым я имел дело все это время... Ты уверен, что это не Фауст? — вновь обратился он к Михаилу.

— Абсолютно уверен. Это Мак Трефа, мелкий преступник и картежный шулер. Ты оплошал на этот раз, приняв карманного воришку за ученого доктора Фауста.

— Уж не воображаешь ли ты, что я спущу тебе это с рук? — язвительно осведомился Мефистофель. — Ты сильно ошибаешься, если считаешь меня этаким благодушным простачком!

Михаил улыбнулся, но ничего не ответил.

— Ладно, мы вернемся к этому разговору позже, когда все прояснится само собой, — сказал Мефистофель. — А сейчас мне пора отправляться в банкетный зал. Силы тьмы устраивают небольшой банкет... Интересно, куда держит путь этот малый? — прибавил он, еще раз взглянув на одинокого путника, бредущего по бескрайней равнине Лимба.

— Взгляни на стрелку указателя, — ответил ему Михаил, — и ты увидишь, что он направляется прямо в рай.

— Правда? Вот уж никогда бы не подумал, что *эта* дорога ведет туда!

— Время от времени направление меняется, — заметил Михаил, — и тогда меняется весь маршрут.

— Но почему?

— Мы, служители добра, — ответил Михаил высокомерно, — предпочитаем не тратить время, отвечая на праздные вопросы.

Мефистофель только пожал плечами. Оба духа одновременно растворились в воздухе — они направились в здание Суда.

Прогуливаясь по широкому двору перед зданием Суда, Аззи случайно встретил самого Микеланджело. Демон узнал великого художника по фотографии, которую он видел в учебнике по истории искусства, будучи еще студентом в Университете преисподней. Микеланджело как раз заканчивал огромную фреску.

— Прекрасная работа! — сказал Аззи, подойдя поближе.

— Будьте добры, отойдите немного в сторону, чтобы не загораживать мне свет, — ответил художник. — Здесь очень плохое освещение, и незачем делать его еще хуже.

Аззи отошел на несколько шагов.

— Как приятно творить, зная, что служишь искусству, не правда ли? — осторожно спросил он.

Микеланджело презрительно усмехнулся и промокнул свой потный лоб тряпкой, которой он вытирал кисти.

— Разве это искусство? — ответил он. — Это всего лишь ремесло. Я поправляю кое-какие детали в одной своей старой картине.

— Но ведь вы можете рисовать новые картины, если захотите? — удивился Аззи.

— Конечно, могу. Но для того чтобы создать подлинный шедевр, художнику нужно вдохновение. А где искать источник вдохновения, чем восхищаться после того, как ты побывал в раю?

Аззи промолчал — он никогда раньше не задумывался над этим. Микеланджело снова взялся за кисти и краски. Наблюдая за его работой со стороны, Аззи подумал, что художник совершенно счастлив.

Просторное здание Суда было построено в классическом стиле. От огромного зала заседаний, построенного по типу древнего амфитеатра, во все стороны расходились коридоры, словно лучи от солнца. Просторные галереи концентрическими кольцами окружали этот амфитеатр. Здесь была приготовлена для духов легкая закуска. Служители света и тьмы толпились на галереях, держа в руках высокие бокалы с шипучими напитками, разговаривали и смеялись, брали с огромных серебряных блюд фрукты и сласти, жаркое и бутерброды. Сверхъестественные существа слетались на банкет со всех концов света. Кого здесь только не было — ангелы и черти, домовые и ведьмы, лешие, вампиры, оборотни и даже простые привидения — обитатели старых, полуразрушенных замков. Их было так много, что даже просторное

здание Суда не могло вместить всех собравшихся; а ведь каждую минуту прибывали новые гости. Хотя все они были бесплотны, все же пришлось установить новый порядок приема в передней, а также подготовить несколько виртуальных залов в параллельных пространствах, куда расторопные слуги провожали пришедших на банкет. Параллельные пространства, конечно, позволяли расширить помещение почти до бесконечности, но те духи, которым приходилось довольствоваться виртуальными банкетными залами, испытывали большие неудобства: они ощущали себя вроде бы здесь и в то же время где-то в другом месте.

Да, это был великий праздник, День Суда, величайший день эпохи, всемирный *Mardi Gras*. В этот день создания света и тьмы устраивали вечеринки, веселились и развлекались. Перед зданием Суда собирались целые толпы. Духи материализовались прямо перед этим великолепным дворцом, изумленно разглядывали его, восклицая: «Вот это да!» или «Ну и ну!», и отправлялись в какое-нибудь маленькое уютное кафе, где заказывали овощной салат и стакан фруктового сока: они не хотели портить аппетит перед грандиозным празднеством — оргией, если Тысячелетнюю войну выиграют силы зла, и торжественным пиром, если победителем окажется добро.

Никогда еще в Лимбе не бывало так шумно и многолюдно. Лимб слыл тихим, уединенным местом, подходящим для тех, кто ищет покоя. Его жители не отличались особым гостеприимством и никогда не устраивали таких больших праздников. Они жили просто и скромно, их девизом было: «Живи и жить давай другим». Их моральные принципы не отличались определенностью, поскольку основной статьей их доходов была торговля с двумя соседними княжествами — света и тьмы; волей-неволей им приходилось и с чертом ладить, и бога не забывать. Жизнь в Лимбе была довольно скучной и серой; по вечерам его обитатели гуляли по туманным равнинам, днем занимались делами. Год за годом тянулись однообразной чередой; на смену мягкой, безморозной зиме приходило дождливое лето. Время, казалось, текло здесь медленнее обычного, и потому никто не ценил его так мало, как жители Лимба. Порой, чтобы немного развеять скуку, устраивались турниры поэтов или фестивали народных танцев, но что же это были за жалкие зрелища! И вот в один прекрасный день жители Лимба стали свидетелями Великого Суда, собравшего такое количество разнообразной публики. Было от чего потерять голову!

В зале заседаний, центральной части здания Суда, все было готово к торжественному событию. Простая публика разместилась на широких скамьях в амфитеатре; Князья Света и Тьмы заняли свои места в ложах, расположенных друг напротив друга, в полном согласии с законами симметрии. Как это обычно бывает перед началом заседания, соседи негромко переговаривались, кто-то приподнимался со своих мест, чтобы отыскать знакомых в дальнем ряду; но большинство приглашенных чинно сидели в своих обитых бархатом креслах или на скамьях, ожидая торжественного открытия Великого Суда. И лишь в секторах, отведенных для виртуального присутствия, царила суета: эта часть огромного зала напоминала гигантский калейдоскоп. Мириады зрителей материализовались на его деревянных скамьях и через какую-нибудь сотую долю секунды дематериализовались, уступая место другим, затем вновь возвращались в зал — и вновь исчезали. Двигаясь с субсветовой скоростью, они растягивали субъективное время своего пребывания в зале: каждому казалось, что он провел здесь не менее четверти часа.

Заседание Суда должно было начаться с минуты на минуту. Все ждали, когда Ананке займет отведенное ей место в самом центре аудитории, однако древняя богиня не торопилась явиться публике.

Никто из собравшихся в огромном зале не сомневался в том, что Ананке объявится, как только найдет подходящего кандидата для своего нового телесного воплощения. Но чей облик она примет на этот раз? В кого вселится? Наиболее нетерпеливые зрители вертели головами во все стороны, чтобы первыми заметить начальную стадию превращения. Но даже самые мудрые и многоопытные из них были удивлены, когда Маргарита, скромно сидевшая в одном из самых последних рядов, вдруг поднялась со своего места навстречу двоим монахам — слепому и немому, идущим прямо к ней по проходу между рядами. Публика затаила дыхание. Слышно было, как стучат по полу деревянные посохи двоих монахов.

Немой обвел взглядом притихшую аудиторию. Слепой высоко поднял голову, устремив незрячие глаза на купол здания. На его лице выражение тревожного, напряженного ожидания сменилось исступленным восторгом.

— Она идет к нам! Скоро она будет здесь! — возвестил слепой.

Маргарита, бледная как полотно, с горящими глазами, нача-

ла спускаться вниз по широкому проходу между рядами скамеек. Двое монахов последовали за ней. Ее походка была походкой богини, а взгляд, казалось, прожигал душу насквозь. Весь облик Маргариты волшебно изменился: никто бы не узнал бывшую птичницу из Мекленбурга в этой женщине, более похожей на одну из дочерей Эфира, чем на простую смертную.

В зале воцарилась абсолютная тишина. Не слышно было ни покашливания, ни шарканья ног, ни скрипа скамеек.

Она подошла к трону, приготовленному для Судьи, и, сев на него, обратилась к аудитории:

— Близок тот час, когда свершится Суд. Но сперва я хочу дать вам возможность высказаться. Желает ли кто-либо из собравшихся здесь взять слово?

Одиссей поднялся со своего места, низко поклонился и вышел вперед. Остановившись у ступеней помоста, на котором стоял трон Ананке, он повернулся к Ананке.

— Приветствую тебя, Великая Богиня. Нам, собравшимся здесь, хорошо известно, что ты владычествуешь над всем и над всеми. И поскольку нынешний Суд собрался для разрешения спора о свободе, которую ты милостиво предоставила роду людскому, я прошу у тебя позволения обратиться к аудитории с речью.

— Взойди на помост, Одиссей, и скажи свою речь, — сказала Ананке. — Велики твои подвиги и неувядаема твоя слава. Ты достоин того, чтобы выступать на Великом Суде.

Одиссей поднялся по ступеням, поправил складки своего плаща, принял классическую позу оратора и заговорил низким, звучным голосом:

— Я хочу изложить вам свой план, созревший уже давно. Мой замысел прост, и, если он покажется вам слишком смелым, я прошу вас не отвергать его сразу. Итак, я предлагаю следующее: вернуть древних греческих богов обратно на Землю, чтобы они вершили людские судьбы, как это было в античную эпоху.

Глухой гул, подобный шуму морского прибоя, прокатился по залу. Ананке подняла руку — и снова воцарилось молчание. Одиссей продолжил свою речь:

— Подумайте: вы призываете греческую богиню Судьбы, Ананке, для вынесения окончательного приговора в вашем Споре. Она вершит Суд и решает Судьбу мира. Ваши понятия о добре и зле, родившиеся из церковных догматов и из абсолютистских учений отцов Церкви, несколько расширились за время существования христианства. Вы эволюционировали настолько, что часто уже не видите разницы между злом и добром.

Однако, выигрывая, быть может, в своем приближении к абстрактной истине, вы неизменно проигрываете в простой жизненной правде. Вместо свободной от всяческих предрассудков диалектики Сократа и древних софистов вы имеете лишь претенциозные нравоучения и дидактицизм ваших священников, лидеров многочисленных религиозных течений и общественных собраний. Не обижайтесь, если я скажу вам, что все это слишком нелепо, неразумно и недостойно человека, с его способностью мыслить и рассуждать, с его живым чувством гармонии и красоты. Почему вы даете себя обманывать громкими фразами, внимая помпезным речам? К чему позволять эмоциям заглушать голос рассудка? Как можно проповедовать спасение, если вы сами в него не верите? Я призываю вас вернуться к старым богам, к тем нерациональным богам, которые были так похожи на людей. Пусть Арес снова свирепствует на поле брани, пусть Афина вновь станет олицетворением правды и мудрости, и пусть на Олимпе вновь воцарится Зевс — божественный судья, всемогущий, но отнюдь не всеведущий. Создавая мифы о богах и героях, мы просто прикрывали плащом сверхъестественного недостатки нашей собственной человеческой природы. Так давайте же покончим с лицемерием и притворством, признав, что современные боги и духи, с их узкими и односторонними понятиями, не могут править миром, и вернемся к старым порядкам. Если даже на Земле не наступит Золотой век, мы все равно останемся в выигрыше с точки зрения эстетики.

Закончив говорить, Одиссей сошел с помоста и сел на свое прежнее место. В зале послышался приглушенный ропот — все духи, присутствующие на заседании суда, разом заговорили друг с другом. Предложение греческого героя казалось им чересчур смелым. Но Ананке вновь призвала всех к молчанию и сказала:

— Прекрасны были слова Одиссея; их, конечно, следует принять во внимание. Но следующий оратор просит слова, и мы должны его выслушать. Он человек более поздней эпохи, не менее знаменитый среди своих современников, чем Одиссей — среди жителей древней Эллады. Я имею в виду самого Иоганна Фауста, которому пришлось преодолеть много разных препятствий для того, чтобы принять участие в сегодняшнем заседании. Прошу вас, доктор Фауст.

Фауст поднялся на помост, шепнув:

— Спасибо, Маргарита. Надеюсь, я смогу отблагодарить тебя как-нибудь за твою доброту. — Повернувшись лицом к аудитории, он сказал: — Мой благородный друг Одиссей известен своим красноречием не менее, чем своими выдающимися подвига-

ми. Я же буду говорить прямо. Я скажу вам всю правду, а дальше пусть каждый судит сам.

Начнем с плана Одиссея. Классическая эпоха была прекрасна, но справедливости в древнем мире было ничуть не больше, чем в наш век. Время эллинских героев и их богов прошло. Их религиозные взгляды давно забыты, и никто сейчас не жалеет об этом. Ни к чему воскрешать прошлое. Нам не нужны древние боги и никакие боги вообще. Я призываю свергнуть всех богов — и старых, и новых. Нам, людям, они ни к чему. Мы, смертные, находимся в положении рабочих, голосующих за наших угнетателей — высшую касту. Пора положить конец глупым предрассудкам. Зачем позволять богам или демонам распоряжаться нашими судьбами? Я, Фауст, представляю Человека Торжествующего, который, несмотря на все свои недостатки и слабости, пытается сам строить свою собственную судьбу, не обращаясь за помощью к высшим силам. Приняв одно простое решение, мы можем распустить весь этот небесно-подземный парламент — кучку ангелов и чертей, до смерти нам надоевших своими бесконечными спорами. В человеке заложены громадные возможности, и для того чтобы развивать их, чтобы идти путем самосовершенствования, достигая все более высоких результатов, смертным не нужны увещевания духов. Ну а на тот случай, если все-таки придется обратиться за советом или за помощью к мудрецу, обладающему могучим умом и сверхъестественными способностями, — я привел с собой несколько человек, гораздо более достойных править миром, чем все эти божества, потворствующие человеческим порокам! Я имею в виду величайших магов, давно посвятивших себя служению своему искусству. Пусть они правят нами! По правде говоря, власть уже давно принадлежит им, только мы никак не хотим признать этот очевидный факт.

Фауст захлопал в ладоши. Несколько человек поднялись на помост и встали рядом с ним.

— Вот они, — продолжал Фауст, — Калиостро, Парацельс, Сен-Жермен и многие другие. Я предлагаю учредить в их лице новый орган управления — Всемирный Совет.

Архангел Михаил поднялся со своего кресла:

— Вы не сможете этого сделать, Фауст!

— Говорите себе что угодно, меня это не остановит. Вы не приняли во внимание способности человека, вооруженного знанием магии. Я собрал в этом зале величайших провидцев, когда-либо живших на Земле. Они проникли во все тайны мироздания. Их пророческий дар принадлежит им так же, как военная добыча принадлежит победителю. Не от какого-то обманчивого и лу-

кавого духа получен он ими. Их талант является результатом упорного, кропотливого труда и окончательного торжества над слабой и несовершенной человеческой природой. Отныне мы, смертные, будем сами о себе заботиться. Человечество пойдет по пути прогресса, а поведут его эти гении, эти светочи разума, предтечи великих ученых, которые придут им на смену в будущих веках.

— Это весьма необычно и нарушает установившийся порядок вещей, — сказал архангел Михаил. — Ваше собрание магов незаконно; более того, оно идет вразрез со многими основополагающими принципами. Время и пространство не могут и не должны подвергаться таким воздействиям! Разве я не прав, Мефистофель? — обратился он к своему главному противнику в Тысячелетней войне.

— Я сам только что думал об этом и хотел сказать то же самое, — ответил демон.

— Я открыто бросаю вам вызов! — крикнул Фауст. — Мы, маги, не признаем ни бога, ни черта! Пропадите вы пропадом со своими непонятными принципами и законами! Мы и без вас управимся!

— Сгинь! — закричали в один голос архангел Михаил и Мефистофель.

Фауст и маги не дрогнули.

— Пусть Ананке, всеобщий судия, решит, как быть, — сказал архангел Михаил.

Фауст повернулся к трону, на котором сидела Маргарита — прямая, бледная, неподвижная.

— Ананке, ты же видишь, что я прав!

— Да, Фауст, ты, несомненно, прав, — ответила она.

— В таком случае ты должна решить спор в мою пользу.

— Нет, Фауст, я не могу этого сделать.

— Но почему? Почему?

— Потому что быть правым — еще не означает выиграть спор. У Необходимости свои законы, и правда — лишь один из них. Ты не обладаешь всеми достоинствами избранника Судьбы.

— Какими же это достоинствами я не обладаю? — удивился Фауст.

— Во-первых, добротой и сердечностью. Ты бессердечное существо, Фауст. Во-вторых, способностью любить. Ты никогда никого не любил. В-третьих, способностью сострадать и сопереживать. Ты абсолютно глух к людским горестям, ты поглощен только своими собственными проблемами. План, предложенный Одиссеем, — это возврат к прошлому, проникнутый нос-

тальгической тоской по Золотому веку; ты же призываешь к анафеме. Ты проиграл, Фауст, несмотря на все твои героические усилия. Тебе не править миром.

Из зала донеслись возгласы:

— Но кто же в конечном счете победил — свет или тьма?

Ананке окинула взглядом аудиторию, и публика вновь примолкла.

— Всему свое время. Подведем итоги. Начнем с самого начала. Предложение Одиссея призвать древних богов и обратиться к старой религии — лишь сентиментальная попытка ухода от реальности, которая не решит всех проблем. Как нельзя войти в одну и ту же реку дважды, так нельзя воскресить прошлое. Древние боги ушли, и они не вернутся назад. Что касается Фауста, претендующего на роль вашего нового лидера, то нужно сказать, что он очень бесчувственный, безразличный ко всему человек. Его не волнуют людские судьбы, и вряд ли он станет по-настоящему заботиться о человечестве. Я вижу, еще несколько ораторов просят слова, но я оставляю их просьбы без внимания.

Теперь перейдем к Тысячелетней войне. Я должна судить то, что было, и то, что будет. Как известно, Мак, представлявший человечество в данном Споре, должен был сделать свой выбор в пяти предложенных ему ситуациях. Каждый из его поступков может быть подробно разобран и оценен по многим критериям. Можно взвешивать на весах правосудия причины и следствия, влияние города и деревни, а также много других категорий, образующих диалектический хаос вокруг каждого конкретного дела или предмета. Предоставим добру и злу разбираться в этом хаосе на протяжении следующей эпохи. Вот мое окончательное решение:

Первый эпизод, Константинополь. Маку не удалось спасти чудотворную икону — она погибла в огне. Город был разграблен теми, кто явился под его стены в качестве защитников справедливости. Очко в пользу зла.

Далее. Кубла-хан теряет свой волшебный скипетр. Эта потеря лишает монгольские полчища удачи на поле боя. Западным народам уже не угрожала столь сильная опасность. Очко в пользу добра.

Третий эпизод, Флоренция. Чудесная картина была спасена от огня. Лоренцо Медичи и Савонарола, оба жестокие и упрямые люди, принесшие в мир больше зла, чем добра, умерли безвременной смертью и тем самым избавили мир от многих несчастий. Очко в пользу добра.

Четвертый эпизод. Зеркало доктора Ди было отнюдь не

самым важным предметом. А вот жизнь Марло обладала величайшей ценностью. Если бы поэт остался жив, он смог бы написать много пьес и стихов в назидание потомкам, и нравственная сторона вопроса только выиграла бы от этого. Очко в пользу зла.

Пятый эпизод. Людовик XVI и Мария-Антуанетта не играли важной роли в истории. Их спасение не могло остановить демократические преобразования, начавшиеся во всей Европе в девятнадцатом столетии. Но королю и королеве причинили много зла... Здесь и добро, и зло получают по одному очку.

И, наконец, последнее. Обе стороны, участвующие в Споре, прибегали к запрещенным приемам и неоднократно вмешивались в ход событий. Это сводит на нет все результаты исторического эксперимента. Спор объявляется недействительным!

Глава 5

Разочарованный Мефистофель почти не следил за тем, что происходило вокруг него. Вскоре, однако, он узнал свежие новости от одной юной девы-ангела. Дева спускалась с заоблачных райских высот в Лимб, где Ананке вершила свой Суд, — ей хотелось присутствовать при объявлении победителя Тысячелетней войны. Решив лететь на собственных крыльях, чтобы немного поупражняться, а заодно полюбоваться прекрасным видом, открывавшимся с высоты ангельского полета, она расправила два белоснежных крыла и начала плавно спускаться вниз, оставив позади себя один из райских уголков с просторными особняками, утопающими в зелени вечно цветущих садов. Пролетая над этими дивными местами, она заметила на крутой каменистой тропинке какого-то смертного, из последних сил карабкающегося на высокую гору, на вершине которой стоял величественный небесный дворец. Это был Мак. Он медленно, но верно продвигался к своей цели, не обращая внимания на сбитые в кровь ноги и на пот, градом катившийся у него со лба. Больше дева-ангел ничего интересного на своем пути не заметила.

— Но куда он мог направляться? — спросил Мефистофель.

— Мне кажется, он вознамерился повидать Самого, — ответила дева.

— Самого!.. — воскликнул Михаил, находившийся рядом. — Нет, нет! Не может быть!

— Мне так показалось. Хотя, возможно, он просто решил полюбоваться божественным пейзажем, открывающимся с горной вершины.

— Как ему только в голову могла прийти такая мысль — искать Бога! Как он осмелился?! Без пропуска? Без рекомендации? Без сонма сопровождающих его высокопоставленных духов, чьи набожность и благонадежность неоднократно подвергались тщательной проверке? Это неслыханно!

— Однако это случилось, — ответила дева.

— Я думаю, мне лучше самому посмотреть, что там происходит, — сказал архангел Михаил. Мефистофель кивнул в знак согласия.

Глава 6

Взобравшись на самую высокую гору, Мак увидел жемчужные ворота, которые распахнулись перед ним сами собой — плавно и бесшумно. Он вошел внутрь и оказался в пышном саду, где каждое дерево, каждый куст приносили обильные плоды и не было видно ни слизняков, ни гусениц, ни вредных жуков-долгоносиков. Мак заметил, что по дорожке, посыпанной песком, к нему спешит какой-то высокий бородатый мужчина в длинной белой одежде. Мак склонился перед ним до земли:

— Здравствуй, Бог.

Незнакомец в белом подошел к Маку и помог ему подняться на ноги, сказав при этом:

— Встаньте, прошу вас, здесь земля сырая. Кроме того, ведь я не Бог. К сожалению, Он сам сейчас не сможет поговорить с вами; но Он послал к вам меня, Своего слугу, с благой вестью. Он решил отменить приговор Ананке и объявить вас настоящим победителем в Великом Споре между светом и тьмой.

— Меня? — изумленно воскликнул Мак. — Чем я заслужил такую честь?

— Затрудняюсь сказать точно, — ответил бородатый мужчина, — я, видите ли, не вникал в подробности. Во всяком случае, вы удостоены звания победителя не за ваши выдающиеся качества. Просто было решено привлечь всеобщее внимание к маленьким людям — к простым смертным, со всеми присущими им недостатками. Много веков тому назад древние боги пытались править миром — и им это не удалось. Затем добро и зло попытались взять власть в свои руки, но у них тоже ничего не вышло. Закон также потерпел фиаско. На смену ему пришел Разум... но одного Разума было недостаточно. Даже Хаос не смог воцариться надолго. И вот наступила нынешняя эпоха — эпоха простого человека. Вы — герой этой эпохи. Ваши поступки были

просты и бесхитростны. Вы служили себе самому, лишь смутно сознавая, что, возможно, служите какой-то более высокой цели. И вы в конце концов выиграли Спор, ибо даже эта слабая искра идеализма имела гораздо большее значение, чем все великие замыслы и отвлеченные теории.

Мак был потрясен его словами.

— Я — победитель? Мне — управлять миром? — спросил он. — Нет-нет, это невозможно! Я и слышать об этом не хочу. *Честно говоря*, это похоже на богохульство.

— Бог пребывает в богохульстве, дьявол — в благочестии.

— Послушайте, — сказал Мак, — я думаю, мне лучше поговорить об этом с самим Богом.

— К сожалению, это невозможно, — печально сказал бородатый мужчина. — Ведь Единого Бога нельзя ни увидеть, ни поговорить с ним — даже здесь, в раю. Мы долго искали Его, но нигде не нашли. Похоже, что Он давно покинул эти места. Некоторые говорят, что Он никогда не существовал, поскольку у нас нет Его фотографий или каких-либо других доказательств Его бытия. Но наши древние легенды гласят, что давным-давно Он был здесь, и ангелы часто приходили к Нему, ища у Него поддержки и любуясь Его ликом. Он говорил им, что рай и ад — части одного. Никто не постигал Его мысли. Он пускался в пространные и запутанные объяснения. Никто не понимал, что Он *хотел сказать*, пока в раю *не появились* обман и мошенничество, а затем стали совершаться и настоящие преступления.

— Преступления? В раю? Не может быть! — сказал Мак.

— Вас это изумляет? Да, удивительные вещи творятся здесь, в раю... Приблизительно в это же самое время Он заявил, что Он совсем не Бог — не великий, не вечный и не вездесущий; что Он только исполнял обязанности Бога, в то время как Сам Бог занимался другими делами. Каждый, естественно, хотел знать, что это были за дела. Говорили, что Он удалился в иной мир, чтобы начать все сначала, и создал там новую Вселенную, упростив ее механизм настолько, чтобы он безотказно работал. Большинство было убеждено, что Он разочаровался в этом мире, хотя, конечно, не подавал виду и ни словом никому об этом не обмолвился... Впрочем, вернее было бы сказать — не намекал.

Мак долго молча глядел на стоящего перед ним человека в длинном белоснежном одеянии. Наконец он спросил:

— Так, значит, вы... ты все-таки Бог?

— Ну... в некотором смысле да, — ответил Он. — А что?

— Да так, ничего.

— Ты разочарован, Мак? Признайся, ты ожидал увидеть Кого-то Другого.

— Нет, что ты...

— Не спорь, я знаю все твои мысли. Я ведь всеведущ — это одно из божественных качеств.

— Да. И всемогущ.

— Ну, и это тоже... Хотя всемогуществом не следует злоупотреблять. Бог вынужден постоянно ограничивать свое всемогущество, чтобы оно не связало Ему руки.

— Не связало руки? Всемогущество? Как это понять?

— Всемогущество не помогает, а, наоборот, мешает тому, кто наделен еще и всезнанием и жалостью ко всякой твари земной. Слишком велико бывает искушение самому вмешаться в ход истории, чтобы восстановить справедливость.

— В самом деле, почему бы и нет?

— Если я заставлю свое всемогущество служить моему всеведению, то в результате живая Вселенная превратится в огромный часовой механизм. Ни о какой свободе воли не будет и речи. Допустим, я решил искоренить мировое зло. Я должен буду следить за тем, чтобы ни один человек не погиб, скажем, в автомобильной катастрофе, ни один птенец не вывалился из гнезда, ни один волк не зарезал ягненка; чтобы все были здоровы, сыты, обуты и одеты и чтобы никто не умер преждевременной смертью. Так почему бы мне сразу не даровать людям бессмертие?

— На мой взгляд, это очень правильная мысль, — сказал Мак.

— Она кажется тебе правильной лишь потому, что ты никогда не задумывался над этим. Представь себе, что все, кто когда-либо родился, живут и по сей день. У каждого из них свой уклад жизни — свои представления о мире, свои моральные и материальные ценности, свои желания, которые я должен исполнять. И это еще не все! Уничтожая зло как таковое, я должен буду переделать весь мир. Например, если я запрещу волкам резать овец, то волки вымрут с голоду. Как накормить волков и уберечь овец? Может быть, сделать всех хищников травоядными? Но тогда пострадают растения. Траве, цветам и деревьям вряд ли нравится, когда их губят — едят, рвут или ломают. Растения бессловесны и не могут никому пожаловаться, но жить они хотят ничуть не меньше, чем животные и человек. Ты видишь сам, как непросто бороться со злом во вселенских масштабах. Такая борьба потребовала бы от меня ежесекундного вмешательства в земные дела. Да и сами люди, наверное, померли бы со скуки, если бы я преподносил им все на золотом блюдечке.

— Да, — сказал Мак, — это совсем не просто. Тебе прихо-

дится думать о многом. Но ведь Ты всеведущ. Это должно Тебе помогать.

— Всезнание подсказывает мне, что лучше ограничивать свое всемогущество.

— А как же добро и зло?

— Да, я знаю, как это важно. Но, к сожалению, я почти никогда не мог разобраться, где добро, а где — зло. Они так тесно переплелись между собой! Если я буду творить только одно добро, это будет не очень справедливо и слишком односторонне. Еще до того, как я сознательно принял столь непохожий на Бога образ, ограничив свое всезнание и всемогущество, в минуту божественного прозрения я увидел, что добро и зло немыслимы друг без друга, что они — лишь части единого целого. Выхода из этого замкнутого круга не было. Я понял, что знать все — означает ничего не знать. Я же предпочел знать хоть что-то. Быть может, я и вижу скрытые пружины мироздания; возможно, я могу постичь абсолютную истину. Но я не позволяю себе глубоко задумываться над этим. Бог тоже имеет право на Свои тайны, и Он не только не обязан, но и не должен все знать.

— И какой же вывод можно из этого сделать? — спросил Мак.

— Что ты свободен — так же, как и я. Хотя свобода — это еще не все, но ведь это уже *что-то*, не так ли?

Глава 7

Так уж устроен подлунный мир, что в нем нет почти ничего постоянного. День сменяется ночью, после бури наступает штиль. Вот и после окончания Тысячелетней войны — эпохального события — царство света и царство тьмы напоминали покинутую актерами театральную сцену с опущенным занавесом и погасшими прожекторами. Аззи вновь был обречен на безделье и скуку. Чтобы хоть чем-нибудь развлечься, он решил разузнать, что делают Фауст и остальные участники Спора между силами добра и зла.

Он нашел Фауста в скромном трактире неподалеку от Кракова. Ученый доктор был не один — он сидел в одной из кабинок рядом с ангелом Гавриилом. К величайшему изумлению Аззи, Гавриил, его бывший соперник, потягивал пиво из высокой кружки. Фауст и Гавриил пригласили Аззи занять свободное место за их столиком и предложили выпить пива.

Фауст вновь продолжил разговор, прерванный появлением Аззи:

— Вы слышали, что сказала Ананке? Это была моя маленькая Маргарита. Она сделала все, чтобы я выиграл Спор!

— Ваши личные отношения здесь ни при чем, — сказал Гавриил. — Ведь она говорила от имени Судьбы.

— Да, но почему Ананке выбрала именно ее? — Фауст помолчал несколько секунд, размышляя, и задумчиво произнес: — Разве только потому, что Судьбу обычно называют слепой, удивляясь ее парадоксам...

Гавриил вздрогнул и, чтобы скрыть свое волнение, поднес ко рту почти пустую пивную кружку. Сделав маленький глоток, он заметил:

— А вы, как видно, успели кое-чему научиться, если сами догадались об этом!

— Кое-чему, но отнюдь не всему, — горько посетовал Фауст. — Мы должны были сделать это, Гавриил! Мы могли сбросить с себя тысячелетнее иго. Если бы только я...

— Не вы один, — сказал Гавриил. — Мне очень жаль огорчать вас и принижать ваши заслуги, но на Суде речь шла не столько о вас лично, сколько о человечестве в целом. Вы представляли весь род людской. Указав на ваши недостатки, Ананке тем самым указала на недостатки остальных людей.

— Как-то некрасиво получается, — продолжал Фауст. — По-моему, с нами ведут нечестную игру. В нас выискивают какие-то недостатки и объявляют нас проигравшей стороной потому, что мы не обладаем определенными качествами. Мы стараемся развить в себе эти качества, но в следующий раз обязательно находят что-то еще, и так до бесконечности. Но интересно, откуда они берут положительный опыт, если не от нас, людей?

— В ваших словах есть большая доля правды, — сказал Гавриил, — и я не могу отрицать вашу правоту. Но оставим-ка лучше разговор о политике. Ведь игра уже сыграна. Давайте выпьем, вспомним старину и разойдемся каждый по своим делам.

В эту минуту в трактир вошел Мак, распевая старинную песню. Он начал новую жизнь после того, как побывал в раю. Занявшись торговлей, Мак весьма преуспел в коммерческих делах и теперь мог наслаждаться жизнью. Он завел подружку — девушку, очень похожую на Маргариту.

Забыв свой спор, все трое — Фауст, ангел и демон — окружили Мака.

— Ну, что Он тебе сказал? — спросил Аззи, которому не терпелось узнать свежие новости.

— Кто?

— Бог, кто же еще! Из зала заседаний Суда мы видели, как

ты поднимался на гору, направляясь прямо в рай. Ты видел Его? Говорил с Ним?

Мак заметно смутился.

— Как вам сказать... Вообще-то я Его Самого не видел. Ко мне вышел один из Его друзей...

— Который сказал тебе, что ты выиграл Спор?

— Не совсем так... Я только одно понял ясно — что отныне я свободен и могу делать что хочу. Именно это я сейчас и делаю.

— И это все? Неужели тебе больше нечего нам сказать? — разочарованно протянул Мефистофель.

Мак часто заморгал и ничего не ответил. Помолчав немного, он опять широко улыбнулся:

— Идемте, друзья. Я заказал столик в одном трактире здесь неподалеку. Нам подадут великолепного жареного гуся. Мы выпьем за наши успехи и посмеемся над своими прошлыми ошибками.

Эта идея всем пришлась по душе. Но Фауст, извинившись, сказал, что ненадолго покинет компанию и присоединится к ним попозже.

Выйдя из трактира, ученый доктор направился по улочке Казимежа, к маленькому уютному кафе, где он назначил свидание Елене.

Войдя в кафе, он увидел Прекрасную Елену за маленьким столиком у окна. Перед ней стояла изящная фарфоровая чашечка с ароматным чаем. Красавица встретила Фауста холодной улыбкой.

— Я очень рад, моя дорогая, что вам удалось убежать от этих противных старух, — сказал Фауст. — Итак, мы снова вместе!

— Я пришла, чтобы попрощаться с вами, Иоганн.

— О! Так вы решили...

— Я решила вернуться к Ахиллесу, — кивнула Елена. — Таков мой жребий. Вы же знаете, что в конце концов я вернулась к Менелаю, своему первому мужу.

— Ну что ж... Все, что ни делается, делается к лучшему, — сказал Фауст. Он был не слишком разочарован, понимая, что Елена слишком хороша для того, чтобы быть его смертной подругой. — Мы не созданы друг для друга. Оба мы — сильные личности, звезды первой величины. Как звезды бегут по небу каждая по своей орбите, так и мы должны совершить назначенный нам путь... Но подумайте, как бы мы могли быть счастливы!

— Счастливы? Боюсь, я не чувствовала бы себя вполне счастливой. А вы, помнится, как-то говорили, что вам больше нравятся простые девушки — птичницы, цветочницы... Кстати, как

поживает ваша прежняя подружка, эта маленькая Маргарита? Почему бы вам не попробовать вновь наладить отношения с ней?

— Откуда вы узнали о ней? — удивился Фауст. — Прошу прощения за столь бестактный вопрос — я понимаю, что вы все равно на него не ответите. С Маргаритой у нас все кончено. Я не вернусь к ней. Дело в том, что я не уважаю ее, хоть сама Ананке и говорила ее устами на Суде...

За дверью кафе послышался какой-то шум, словно от хлопанья крыльев. Затем в дверь застучали три мощных клюва. Легкий сквозняк принес волну отвратительного запаха, уже знакомого Фаусту.

— Мне пора, — сказала Елена. — Нельзя заставлять Вещих Сестер ждать слишком долго.

Она встала и направилась к двери.

Оставшись один, Фауст долго сидел за остывшей чашкой чаю, устремив неподвижный взор куда-то вдаль и ощущая внутри себя страшную пустоту. Ничто в мире не занимало его. Мужчины и женщины, ангелы и демоны — все казались ему мелкими, ничтожными и чересчур легкомысленными. Даже сама Ананке была недостаточно серьезна. Он вспомнил величайшую минуту в своей жизни — как он стоял в центре огромного зала, окруженный величайшими магами. Никогда и нигде еще не собиралось столь блестящего общества! Они могли бы положить начало новой эпохе. Возглавляемое этими титанами духа, человечество в конце концов пришло бы к... О, погибшие мечты! Конечно, было несколько преждевременно выдвигать такой план. Но когда-нибудь человечество достигнет необходимого уровня развития. Оно станет достойным Фауста. И вот *тогда* наступит мгновение, о котором он так долго мечтал!

Он встал из-за столика, собираясь выйти из кафе.

Вдруг в воздухе вспыхнуло радужное сияние, и прямо перед ним появилась Илит — очаровательная, как всегда. Фауст равнодушно глядел на нее. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он подумал, что эта посланница небес явилась с новым предложением от светлых или темных сил. Но подобные вещи уже не интересовали великого мага.

— Итак, — холодно осведомился он, — что вы хотели сказать?

— Я долго думала... — начала она. Голос ее чуть заметно дрогнул, и она умолкла.

Илит была очень хороша собой. Строгое изумрудно-зеленое платье подчеркивало изящество ее девичьей фигурки. Нитка жемчуга обвивала ее высокую шею, и белизна ее кожи соперни-

чала с перламутровым блеском жемчужин. Зачесанные назад волосы подчеркивали чуть удлиненный овал ее лица.

Наконец Илит справилась с собой. Подняв голову и глядя прямо в глаза Фаусту, она произнесла:

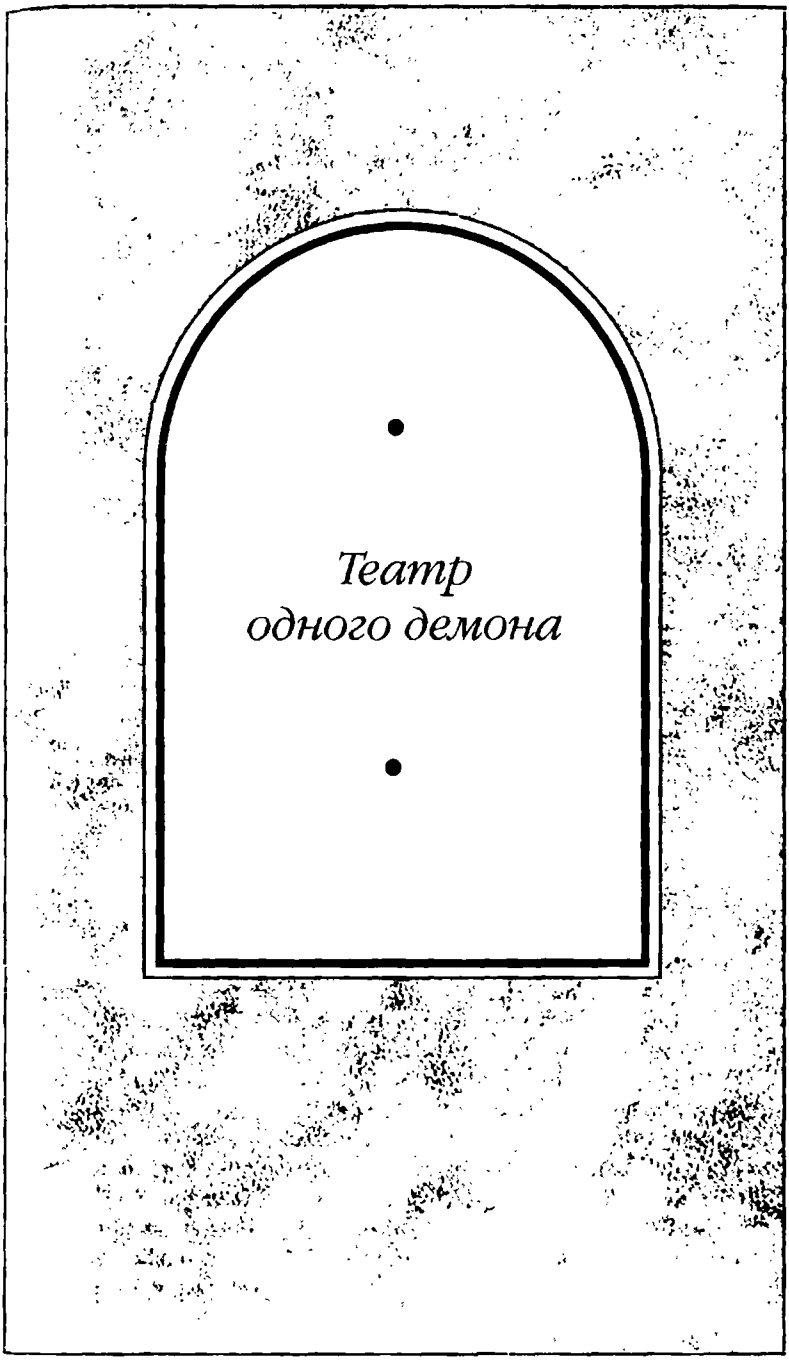
— Когда-то я была ведьмой и служила силам тьмы. Затем я стала служить светлым силам. Но в конце концов я поняла, что граница между светом и тьмой весьма расплывчата и что добро и зло во многом похожи друг на друга.

— Да, это так, — согласился Фауст. — Но к чему вы говорите мне это?

— Я хочу начать все сначала, — сказала она. — Начать новую жизнь *по ту сторону добра и зла*. Я подумала о вас, Фауст. К худу ли, к добру ли, вы всегда идете своей собственной дорогой. Я хотела спросить вас, не нужна ли вам ассистентка?

Фауст с интересом посмотрел на Илит. Она была красива и умна. И она улыбалась ему. Он глубоко вздохнул и расправил плечи. Он снова почувствовал себя Фаустом.

— Да, — сказал он. — Мы оба начнем все сначала. Нам предстоит долгий путь. Присядьте, моя дорогая. Помедлите немного. Мне кажется, пришла пора сказать: «*Остановись, прекрасное мгновенье!*»


Театр
одного демона

Часть I

Глава 1

Илит порадовалась тому, что выбрала удачный денек для путешествия. Спустившись с небес, она очутилась на маленьком кладбище в старой Англии, графстве Йорк. Был конец мая. Солнце сияло так, как оно сияет только в безоблачный и тихий майский день, и все вокруг, казалось, впитывало его живительные лучи. Щедрость солнца славил разноголосый птичий гам: множество птиц, прыгавших, перелетавших с одной замшелой ветки на другую, возившихся в невысоких кустах, копошившихся на могилах, где пробивалась зеленая трава, трещали, стрекотали, щебетали, звенели и свистели, изо всех сил стараясь перекричать друг друга. Но что радовало Илит больше всего — больше пения птиц, больше этого весеннего праздника света и тепла — это примерное поведение двенадцати юных херувимчиков, находившихся под ее опекой.

Небесные создания вели себя на редкость тихо. Даже для ангелов.

Детки мирно играли в сторонке — дружно, не ссорясь, никого не исключая из игры, — и Илит уже облегченно вздохнула, намереваясь немного отдохнуть после неблизкого перелета из рая небесного в рай земной, как вдруг прямо перед нею, в десяти шагах, сверкнул огонь и заклубился едкий адский дым. Когда облако дыма рассеялось, она увидела невысокого рыжего демона, чем-то напоминавшего Братца Лиса из известной сказки.

— Аззи! — воскликнула Илит. — Что ты здесь делаешь?

— Я взял отгул, — сказал Аззи. — Захотелось немного отдохнуть от гадких дел, прогуляться по святым местам. В конце концов однообразие надоедает. Вот я и решил сменить обстановку.

— А свои убеждения ты случайно не решил сменить? — колко спросила Илит.

— Нет, не в пример некоторым, — ответил Аззи, намекая на темное прошлое Илит, начинавшей свою духовную карьеру в

роли ведьмы. — Что за славные у тебя детки, — прибавил он, указывая на очаровательных малюток-ангелочков.

— Да, и к тому же, как видишь, они ведут себя *ужасно хорошо*, — не преминула заметить Илит.

— Что же в этом удивительного? Ангельское поведение для ангела — все равно что чертовщина для черта.

Тем временем юные херувимы, оставив тихие игры, затеяли шумную возню среди надгробий. В тишине кладбища их тоненькие, приторно-сладкие голоса были далеко слышны:

— Смотри, смотри, что я нашел! Это могила святого Ательстана Медоуста[1]!

— Ну и что! А я нашла могилу святой Анны — Главы Покаянной. Это очень известная святая, гораздо более известная, чем твой Медоуст!

Златокудрые, белокожие, курносые ангелочки с пухлыми розовыми щеками, казалось, сошли с какой-нибудь глянцевой рождественской открытки. На первый взгляд они отличались друг от друга не более чем горошины из одного стручка: широко раскрытые голубые глаза, крупные шелковистые локоны, падающие на плечи по моде того столетия. У каждого за спиной имелась пара крылышек, покрытых нежными перышками, еще не успевшими истрепаться под ветрами Неба и Земли. Однако крылья их сейчас были спрятаны под широкими белыми и розовыми ангельскими одеяниями и замаскированы отделкой из кружев. Не то чтобы вся эта милая компания путешествовала инкогнито — им нечего было таиться, ведь в *1324 году мало кто из людей* удивился бы, увидев ангела. Однако у детей Эфира существовало неписаное правило прятать свои крылья, сходя с Небес на Землю.

Да, на земле в тот момент, когда Илит опустилась на дорожку старого английского кладбища, шел 1324 год. В те времена мир людской посещало множество гостей из потустороннего мира — как званых, так и незваных. Ангелы и демоны, сатиры и нимфы, обосновавшиеся здесь на правах старинных знакомых, божества давно забытых религий, бог знает какими ветрами занесенные в чужие края, причудливые порождения фантазии — смешные и страшные, уродливые и красивые, разные бесплотные создания, происхождение которых было столь же туманно, как и принимаемые ими формы, наполняли земные города и

[1] *В оригинале — непереводимая игра слов:* St. Athelstan the Mealymouthed (св. Ательстан Медоуст). Слово mealymouthed имеет в английском языке два значения: 1) сладкоречивый; 2) боящийся высказаться прямо, откровенно.

села, леса и парки, реки и озера. В эту пеструю эпоху, названную впоследствии Возрождением, общество отличалось известной широтой взглядов и терпимостью.

— И что же ты делаешь здесь, Илит? — спросил Аззи.

Прелестная брюнетка объяснила ему, что она привела этих невинных отроков и отроковиц на экскурсию по известнейшим гробницам Англии. Экскурсия входила в план обучения закону божьему — лекции этим юным созданиям уже читали, зачеты почти все сданы, а практика должна была начаться только летом. Илит была ярой сторонницей воспитания молодежи в страхе божьем — возможно, здесь сказывалось ее бурное прошлое (ведьма, состоявшая на службе у темных сил, она перешла на сторону добра, полюбив ангела Гавриила). Дети должны получить блестящие знания, чтобы впоследствии самые сложные и каверзные людские вопросы не смогли смутить их или поставить в тупик.

То местечко на севере Англии, с которого небесные гости начали свою экскурсию, — Юдоль Страдания, не слишком широко известная в те времена, — как раз подходило для таких целей. Здесь нельзя было найти клочка земли, в которой не лежал бы прах какого-нибудь святого или кости мученика, пострадавшего за веру. Юные ангелы и ангелицы погрузились в созерцание надгробных камней, сосредоточенно разбирая надписи на староанглийском языке и увлеченно обсуждая свои маленькие открытия.

— Так вот, оказывается, где похоронена святая Цецилия Опрометчивая, — прозвенел тоненький голосок. — Я недавно говорила с нею — еще когда мы были там, на Небесах. Она попросила меня помолиться у ее могилы.

Аззи повернулся к Илит:

— Похоже, дети не слишком нуждаются в твоем надзоре. Почему бы тебе не прогуляться вместе со мною? Пообедаем вместе...

Когда-то очень давно Илит и Аззи были близки — в те времена оба они были молоды и служили темным силам. Лукавый демон, подававший большие надежды, легко вскружил голову хорошенькой ведьмочке. Да, были когда-то времена...

Она сделала несколько шагов в направлении, указанном Аззи, — к дубу, широко раскинувшему свои мощные ветви, — и во мгновение ока перенеслась в совершенно другой мир. Теперь вместо дуба перед ней были пальмы, а вместо правильных рядов могильных камней, кое-где начавших зарастать мхом, до самого горизонта раскинулась морская гладь. Солнце — огромный

оранжевый шар — висело над морем. На узком песчаном берегу не было ни души. У самой кромки воды стоял роскошный шатер. Полог у входа был откинут, и Илит могла видеть стол, накрытый с восточной пышностью. Каких только яств здесь не было! Столетние вина в серебряных узких кувшинах стояли на парчовой скатерти. Спелые плоды, казалось, вобрали в себя золотистые лучи, которыми щедро одарило их тропическое солнце. Чуть поодаль возвышалось широкое ложе. Пуховые подушки и шелковые одеяла лежали на нем горой. За занавеской хор сатиров исполнял куплеты любовного содержания.

— Приляг, — пригласил Аззи свою бывшую подружку, обняв ее за плечи и подведя к ложу. — Я угощу тебя вином, фруктами и охлажденным шербетом. Ты когда-нибудь пробовала охлажденный шербет с виноградом? Ну а потом мы с тобой займемся тем, что, как мне кажется, когда-то доставляло тебе удовольствие... Я соскучился по тебе. Я так давно не был с тобой, Илит.

— Полегче, приятель! — воскликнула бывшая ведьма, отталкивая Аззи, охваченного любовным пылом. — Ты меня не за ту принимаешь! Ты что, забыл, что я ангел?

— Нет, моя крошка, — ухмыльнулся Аззи. — Ну как же я мог такое забыть! Я просто подумал, что ты хочешь немного расслабиться. Сделать паузу, так сказать.

— Но у нас есть строгие законы, которые не позволено нарушать.

— Вот как? А твоя маленькая интрижка с доктором Фаустом? Как на это смотрит ваша суровая мораль?

— Это была моя ошибка, — вздохнула Илит. — Я была так молода и неопытна в то время... я позволила своим чувствам взять верх над рассудком. Но впоследствии я раскаялась. Теперь со мной все в порядке. Я вновь стала самой собой, прежней Илит, и веду правильную жизнь.

— Да, конечно. Если не считать того, что из-за этой истории вы с Гавриилом расстались.

— Почему же? Мы до сих пор видимся... и довольно часто... Интересно, как тебе удалось пронюхать...

— Не огорчайся. Я не хотел тебя обидеть. Знаешь пословицу: «Добрая слава лежит, а худая далеко бежит». Во всех трактирах Лимба только об этом и говорят! Вообще, если хочешь знать обо всем, что происходит между Землей и Небом, то лучшей информационной службы, чем заурядный кабачок где-нибудь на окраине Лимба, не найти.

— Мне кажется, ты лукавишь, дружок. Моя личная жизнь... Неужели сплетникам Лимба больше не о чем почесать языки?

— Должен вам сказать, что когда-то вы были порядочной чертовкой, мадам. И мы довольно весело проводили время. В те времена ты не чуралась моего общества, Илит. Помнишь, как нам было здорово вдвоем?

— Ах, Аззи, ты невыносим. Если ты хочешь соблазнить меня, тебе бы следовало говорить мне комплименты: как хорошо я выгляжу, насколько я привлекательна... и все такое прочее. А ты битый час расточаешь похвалы самому себе.

— А ты, между прочим, и вправду недурно выглядишь. Не знаю, как насчет «всего прочего», но вид у тебя, прямо скажем, весьма аппетитный. — И Аззи окинул бывшую ведьму взглядом, отдающим должное ее прелестям.

— А ты, между прочим, ничуть не изменился. Все так же остришь... — Илит, прищурившись, поглядела в морскую даль. — Что ж, Аззи, благодарю тебя за эту роскошную иллюзию. Ты не пожалел времени и сил, создавая ее. Но мне пора. Меня ждут дети.

И, повернувшись спиной к морскому берегу, солнцу и теплому песку, Илит сделала несколько шагов. Через мгновение она уже вновь стояла на посыпанной песком дорожке тихого английского кладбища. Она явилась как раз вовремя: отроковица Эрмита вцепилась в волосы отрока Димитрия, и, если бы не вмешательство Илит, юная дева добралась бы и до ушей бедняги.

Вслед за Илит на кладбище объявился Аззи. Казалось, он был не слишком огорчен только что полученным отказом.

— И все-таки, Аззи... — нерешительно начала Илит. — Не думаю, чтобы только ради меня ты решил проделать такой длинный путь из Ада в подлунный мир. Но если ты явился сюда не за мной, то за чем же? Что ты вообще здесь делаешь, позволь узнать?

— Я просто наслаждаюсь покоем, — невесело усмехнулся Аззи в ответ. — Видишь ли, я оказался не у дел. Я явился сюда затем, чтобы составить план дальнейших действий.

— Сюда? В Англию?

— Да, в средневековье. Это один из моих самых любимых периодов в истории человечества.

— Как же это ты оказался не у дел? Я думала, силы зла по заслугам оценили талант, с каким ты провел интригу в истории с доктором Фаустом.

— О! Будь добра, не напоминай мне об этой ужасной истории!

— Ужасной? Но почему же?

— Как это часто случается, победу одержал один, а лавры достались другому. После того как Мефистофель чуть было все не испортил... Эти тупоголовые болваны у нас в аду ведут себя так, словно до конца света еще не один миллиард лет и впереди у них

вечность. До них никак не доходит, что не так-то просто им будет удерживать власть над умами людей. Скоро они совсем выйдут из моды и в лучшем случае будут пылиться на полках музеев, а в худшем — попадут к старьевщику, как никому не нужная ветошь.

— Что ты говоришь, Аззи! Такого быть не может! Ведь зло бессмертно. Если оно исчезнет, что же тогда случится с добром?

— Добро постигнет та же участь.

— Но это же невозможно! — воскликнула Илит. — Человечество не сможет обойтись без добра и зла!

— Были времена, когда человечество прекрасно обходилось без них, моя дорогая, — философски заметил Аззи. — Припомни: ни древние греки, ни римляне не имели такого понятия, как абсолют. И это отнюдь не мешало им жить. Многие мыслители считают античность Золотым веком человечества и черпают свою мудрость из этого неиссякаемого источника...

— Я в этом не уверена, — отвечала Илит. — Но даже если и так, я не думаю, чтобы подобный возврат к прошлому был возможен. Человечеству нужна мораль. Люди не смогут существовать в обществе, лишенном твердых нравственных устоев.

— Почему же? — парировал Аззи. — Ведь добро и зло — это не хлеб насущный, без которого смертным и вправду пришлось бы нелегко.

— Не хлебом единым... — начала было Илит торжественно, но умолкла под насмешливым взглядом Аззи. Подумав секунду, она тихо спросила: — Так, значит, твоя цель — уничтожить добро и зло, Аззи? Построить свой мир, мир по ту сторону добра и зла?

— Конечно же, нет! Зло — это моя работа, Илит, моя профессия, и я считаю себя профессионалом высокого уровня. Я верю в силу зла. Я редко делюсь своими мыслями с окружающими, но тебе, Илит, я могу раскрыть свою душу. Я действительно кое-что задумал. Я хочу совершить нечто выдающееся. В конце концов, я же демон. Я хочу учинить Великое Злодейство, чтобы снова вернуть человечество на старый путь добра и зла. Как говорится, время собирать камни и время разбрасывать камни.

— Пока мне ясно только одно: от скромности ты не умрешь, — сказала Илит.

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы Ананке смотрела на вещи моими глазами, — продолжал Аззи, не обратив внимания на реплику Илит. — Но эта глупая старуха так упряма! Она и слышать не хочет ни о каких других теориях, кроме своей диалектики!

Аззи жаловался на воплощение Судьбы, которой подчиня-

лись и боги, и смертные. Этот закон, оставшийся в силе с древнейших времен, в разные времена вызывал много споров и недоразумений. Возможно, Ананке была бы лучшей правительницей, если бы не непредсказуемость ее поступков — чисто женская черта.

— Что ж, Аззи, — сказала Илит, — желаю тебе успеха. Мне пора возвращаться к своим делам.

— Как тебе только не надоедает возиться с этой мелюзгой? — спросил ее Аззи.

— Тебе этого не понять. Путь на небеса предполагает долгое нравственное самосовершенствование, и мы умеем многое такое, что не по плечу темным силам. Тот секрет, о котором ты спрашиваешь, очень прост: мы заставляем себя полюбить то, что нам волей-неволей приходится делать. Однако это еще только полдела на пути превращения в ангела.

— Любопытно, какова же вторая половина?

— Нужно распрощаться со всеми своими старыми дружками. Особенно с теми, кто знается с нечистой силой. Или сам является воплощением этой силы. Прощай, Аззи. Желаю тебе всего самого наилучшего.

Глава 2

Переодетый торговцем, Аззи отправился в ближайший городок. На улицах, обычно тихих и сонных, сейчас было полно народу. Нарядно одетые горожане спешили в центр, на рыночную площадь. Аззи решил разузнать, что за праздник отмечают сегодня в городе, и, смешавшись с людскими толпами, оказался в самой гуще событий.

На рыночной площади шла подготовка к театральному представлению. На грубо сколоченных деревянных подмостках было устроено подобие сцены; пара дровяных козел и несколько скамеек заменяли декорации. Аззи решил посмотреть представление: до недавнего времени только избранная публика могла позволить себе наслаждаться театральным искусством. Пьесы для народа стали играть сравнительно недавно.

Поскольку театральная публика в те времена была крайне неприхотлива, театр сильно напоминал дешевый балаган. Для новичка это было весьма любопытное зрелище. Все было упрощено до крайности. Декорации отсутствовали, не говоря уже о костюмах. Перед началом пьесы актеры выходили на подмостки и объявляли зрителям, кого они будут изображать по ходу дейст-

вия. Например, актриса, которая должна была играть королеву, взобравшись на подмостки, заявляла: «Я королева». Если же действие пьесы происходило, скажем, на берегу лесного озера, то зрителей просили представить себе и озеро, и лес, отражающийся в темном зеркале вод. Такая практика, несомненно, давала простор зрительскому воображению, а также позволяла уменьшить расходы на постановку спектакля.

Аззи, успевший побывать на своем веку во всех театрах от античных до современных, присутствовавший почти на всех премьерах лучших спектаклей, в том числе и на премьерах трагедий Софокла, и считавший себя знатоком театрального искусства, глядел на эту примитивную сцену с любопытством. Название пьесы и имя автора почти ничего ему не говорили. К тому же это была пьеса нового, только начинающего зарождаться жанра — реалистического, а Аззи давно взял за правило никогда не проходить мимо чего-нибудь нового. И он стал внимательно смотреть и слушать.

Двое актеров, изображавших супружескую пару, вели диалог.

— Ну как, Ной, что слышно новенького? — визгливым голосом недовольной домохозяйки спрашивала актриса, игравшая жену Ноя.

— Женщина, мне только что было дано божественное откровение.

— Ну, это не ново, — презрительно отозвалась жена Ноева. — Все, на что ты способен, Ной, — это с утра до ночи шататься по пустыне в ожидании очередного божественного откровения. Так, дети?

— Так, мама, — поддакнул Иафет.

— Точно! — сказал Хам.

— Абсолютно верно, — сказал Сим.

— Господь бог говорил со мной, — продолжал Ной, не обращая внимания на реплики домочадцев. — Он велел мне взять ковчег, который я только что построил, и повести всех на борт этого ковчега, ибо Он намерен ниспослать на землю ужасающий ливень, так что будет настоящий потоп.

— Откуда ты об этом узнал? — недоверчиво спросила его жена.

— Я слышал глас божий так же ясно, как слышу тебя сейчас.

— Опять эти таинственные голоса! Они слышатся тебе повсюду! — раздраженно начала жена Ноева. — Уж не думаешь ли ты, что я с детьми полезу в этот дурацкий ковчег? Сам ты можешь делать, что тебе вздумается, но нас с детьми в эту историю не впутывай!

— Твоя правда, там будет несколько тесновато. Особенно после того, как мы возьмем в ковчег всяких тварей. Но не стоит тревожиться. Господь в своей доброте позаботится о нас.

— Тварей? — госпожа Ной была несколько озадачена. — Каких еще тварей?

— Ну, животных... Зверей там... разных. Так велит господь. Нужно спасти от потопа не только людей, но и животных. Для под-дер-жа-ния э-ко-ло-ги-че-ско-го равновесия.

— Каких еще животных? Домашних?

— Нет, господь велит нам взять с собой не только ручных животных.

— А кого же?

— Ну... всех.

— Всех? И сколько же зверей ты собираешься взять?

— Каждой твари по паре. Самца и самку.

— По паре? Ты хочешь сказать, что возьмешь в ковчег по паре всех зверей, какие только существуют на свете?

— Да. Так мне было сказано.

— И крыс?

— Да, и крыс тоже. Одну пару.

— И носорогов тоже?

— Конечно. Я понимаю, что там будет немного тесновато. Ну, ничего... в тесноте, да не в обиде.

— А как насчет слонов?

— И слонов тоже придется взять. Слона и слониху. Как-нибудь поместятся...

— А... моржей?

— И моржей. Я же сказал, что бог приказал мне! Его инструкции на сей счет были вполне ясными: возьми, говорит, каждой твари по паре...

На этот раз жена ничего не ответила Ною. Она только смерила его взглядом, который был красноречивее всяких слов. В нем можно было прочитать: «Ох уж этот старый Ной! Опять где-то напился, вот и несет бог весть что».

Аззи перевел взгляд со сцены в зрительный зал. Похоже, публика принимала пьесу весьма благосклонно. В импровизированном театре собралось около сотни человек. Они сидели на скамейках, вольно развалясь, и внимательно следили за ходом действия. Реплики жены Ноя вызывали у них бурный восторг. Они хохотали, стучали кулаками по скамьям, топали ногами, выражая актрисе, игравшей роль жены Ноя, свое одобрение. Это были в основном простые люди — провинциалы, вчерашние крестьяне, перебравшиеся в город, — и многие из них в первый

раз попали в театр. Возможно, именно отсутствие вкуса у зрителей помешало полному провалу этой пьесы, не вошедшей в классический репертуар.

Аззи сидел справа от сцены, в некоем подобии ложи, устроенном специально для благородной публики. Эти места, конечно, располагались ниже сцены, но ряды кресел «ложи» порядком возвышались над скамейками партера, чтобы благородная публика не чувствовала себя поставленной на одну доску с чернью. По правде сказать, Аззи больше занимала другая сцена: со своего места он мог прекрасно видеть, как актрисы, игравшие роли невесток Ноя, переодевались перед выходом на сцену. Публика, сидевшая в партере, хохотавшая над глупейшими ужимками актеров и ковырявшая в зубах грязными пальцами, слегка раздражала его, равно как и наивная пьеса «Ной», которую он смотрел. Воспитанный на высокой греческой трагедии, Аззи не любил пьес, в конце которых зрителю обязательно преподносилась мораль.

А действие на сцене разворачивалось. Ной все-таки затащил свою семью в ковчег. Начался ливень. Ввиду полного отсутствия сценической техники дождь изображал мальчик-прислужник, взобравшийся на высокую лестницу с большой лейкой и ливший из нее воду на сцену, крича при этом: «Потоп начался! Потоп начался!» Как и вся пьеса, этот сценический прием был жалкой пародией на Всемирный потоп, когда сорок дней и сорок ночей бушевал свирепый ураган и волны носили ковчег — маленький островок жизни — по бескрайней водной пустыне.

Во время короткой паузы Аззи обернулся к своему соседу по ложе — прилично одетому мужчине средних лет:

— Итак, мораль ясна: слушайся бога, и все у тебя пойдет как по маслу. Что за банальность! И как все это непохоже на то, чему мы волей-неволей становимся свидетелями в обычной жизни! Ведь согласитесь, реальная жизнь намного сложнее, и события в ней переплетаются столь причудливо, что, казалось бы, великие начинания в итоге кончаются ничем, а самые незначительные происшествия приводят к драмам мирового масштаба. Короче, бытие и его тайна не укладываются в тесные рамки причин и следствий, как некогда сказал один мудрец.

— В том, что вы сказали, есть определенный смысл, — ответил сосед Аззи, — и сразу ясно, что вы человек неглупый и наблюдательный. Но заметьте, сударь, что пьесы подобного сорта и не претендуют на адекватное изображение действительности. Их цель — показать, как человеку следует вести себя в различных обстоятельствах.

— Разумеется, сударь, — сказал Аззи. — Но ведь это же про-

сто открытая пропаганда. Согласитесь, сударь, что вам было бы куда приятнее посмотреть пьесу, менее щедро приправленную моралью. Ведь гораздо занятнее следить за событиями, когда не знаешь наверняка, чем кончится дело, нежели пребывать в твердой уверенности, что в конце добро восторжествует и порок будет наказан.

— Что ж, если такая пьеса когда-нибудь пойдет в театре, то, я полагаю, это внесет свежую струю, — согласился собеседник рыжего демона. — Но сомневаюсь, чтобы наши клерикально настроенные писаки были способны создать такое философское произведение. Впрочем, если вы желаете поговорить о театре вообще и о пьесе в частности, не составите ли вы мне компанию за кружкой эля после того, как спектакль кончится?

— С удовольствием, — улыбнулся Аззи. — Я Аззи Эльбуб, джентльмен по роду занятий.

— А я Питер Вестфал, — представился новый знакомый Аззи. — Я торгую зерном. Держу лавку у церкви святого Георгия, в Филде. Но мне кажется, что актеры готовы продолжать...

Представление снова началось, и Аззи, зевая, едва досидел до его конца. Затем, как и было условлено, Аззи пошел вместе с Питером Вестфалом и несколькими его приятелями, тоже смотревшими пьесу, в трактир «Пестрая корова», расположенный на Холбек-лейн, недалеко от центральной улицы города. Хозяин принес кружки с пенящимся элем, и Аззи заказал на всех жареную баранину с картофелем.

Аззи пристально разглядывал своего нового знакомого, стараясь при этом казаться рассеянным и непринужденно болтать, переводя разговор с предмета на предмет (что свойственно как демонам, так и разведчикам всех времен). Кружка доброго эля как нельзя более располагает к тому, чтобы лучше узнать человека. Питер Вестфал был человеком средних лет, сангвинического темперамента; он успел обзавестись лысиной и солидным брюшком — внешними атрибутами преуспевающего коммерсанта, — но при всем при том оставался весьма бодрым и полным оптимизма. Манеры его были довольно приятными, а по походке Аззи безошибочно распознал в нем подагрика. Из слов, оброненных им в ходе беседы, выяснилось, что детские годы он провел в одном из монастырей в Бургундии, где получил довольно приличное образование. По тому, как Питер Вестфал отказался от мясной пищи, Аззи угадал в нем вегетарианца, члена тайного братства Сторонников очищения души посредством очищения желудка. (Эта ересь только начинала распространяться в Европе в те времена.) Аззи, конечно, менее всего заботила чистота души

Питера Вестфала и его принадлежность к какому-либо из религиозных течений; он просто чисто автоматически отмечал про себя такие мелочи — привычка, выработавшаяся у него уже давно. Он собирал и хранил информацию, как скряга собирает и хранит серебряные и золотые монеты, с той только разницей, что Аззи надеялся пустить свои «капиталы» в оборот и ждал подходящего момента.

Разговор тем временем сам собой перешел на сегодняшнюю пьесу.

В ответ на реплику Аззи, нашедшего пьесу не слишком оригинальной, Вестфал изрек:

— Но она и не претендует на оригинальность, поймите, сударь! Это просто нравоучительная история, рассказанная нам в назидание...

— Нравоучительная история? Рассказанная в назидание? — с иронией переспросил Аззи. — Что ж, давайте посмотрим, какого рода назидание в ней преподнесено, так сказать. Терпи — и все образуется само собой, так? Небеса наградят тебя за твое терпение. Но мы же знаем, — тут Аззи усмехнулся, — что скорее смажут то колесо, которое громче всех скрипит. Если ни на что не жаловаться, то вряд ли дождешься перемен в своей судьбе. Между прочим, в этой пьесе бог, хоть он и не появляется на сцене ни разу, изображается жутким тираном. Будь я на месте героев пьесы, я бы боролся против такой тирании! В конце концов, кто сказал, что бог всегда прав? Неужели у человека не может быть собственной воли? Ведь рассудок дан ему, чтобы он жил своим умом! Если бы я был драматургом, я придумал бы кое-что поинтереснее занудной морали...

Вестфал расценил эти слова Аззи как вызов и собирался было вступить с ним в жаркий спор, но, подумав немного, решил промолчать. От таких слов и впрямь веяло ересью, если не попахивало серой, однако благоразумнее всего в данной ситуации было не ввязываться в дискуссию. Приметив повелительные манеры этого заносчивого молодого джентльмена (по крайней мере за джентльмена этот господин себя выдавал), Вестфал решил, что он, должно быть, переодетый агент церкви, которому вменено в обязанность вызывать на откровенность доверчивых простаков. Тайные агенты церкви совали свой нос повсюду, и чаще всего они выдавали себя именно за лиц дворянского происхождения — ведь благородные господа пользовались большей свободой по сравнению с простыми горожанами. Поэтому торговец зерном Питер Вестфал счел за лучшее перевести разговор

на другую тему, а вскоре и откланялся, сославшись на поздний час и обилие дел, которые предстоит сделать завтра.

Питер Вестфал и его друзья отправились по домам, но Аззи еще долго сидел за столиком в «Пестрой корове», размышляя, что ему делать дальше.

Можно, конечно, немного поволочиться за Илит. Аззи показалось, что при определенном стечении обстоятельств он может рассчитывать на успех. Однако в конечном итоге Аззи решил осуществить свой первоначальный план — совершить путешествие на континент. Идея разыграть пьесу самому, пришедшая Аззи в голову за кружкой эля, начинала ему все больше нравиться. Его пьеса не будет идти ни в какое сравнение с этими нравоучительными историями, навевающими смертную тоску на людей со вкусом. Эта пьеса будет самой безнравственной из всех когда-либо сочиненных в подлунном мире!

Глава 3

Идея постановки пьесы, в которой привычная мораль будет перевернута с ног на голову, запала в душу Аззи. Приходится признать: под маской нигилиста и циника, которую положено носить всякому порядочному демону, скрывался романтик. Аззи не отказался от честолюбивых мечтаний юности. Он жаждал подвигов. Он верил в удачу и ждал своего звездного часа, время от времени пускаясь в различные авантюры; примером тому могли служить две истории — с Прекрасным принцем и с доктором Фаустом. Теперь он решил, что пришла пора удивить мир, и вынашивал новый план.

Пьеса! Безнравственная пьеса! Такая пьеса, которая разрушит все привычные представления о человеческом уделе и повернет колесо фортуны в сторону темных сил.

Уж конечно, такую задачу никак не назовешь легкой. Ему придется крутиться как белке в колесе, чтобы осуществить свой план. Однако он имел на примете нужного человека, который мог бы помочь ему справиться с ролью режиссера-постановщика безнравственной пьесы: Пьетро Аретино, считавшегося одним из самых замечательных драматургов и поэтов эпохи Ренессанса. Если удастся уговорить Аретино...

Примерно к полуночи у Аззи сложился окончательный план. Да, он отважится сделать это! Выйдя из трактира, Аззи решительно направился к городским воротам и вскоре оказался среди полей, под открытым небом. Была тихая, теплая, благоуханная

майская ночь. В небе сияли звезды. Богобоязненные жители города и ближних деревень давно спали сном праведников. Оглянувшись по сторонам и уверившись в том, что поблизости нет ни души — как богобоязненной, так и не очень, — Аззи обнажился до пояса, побросав дорогую одежду на землю. Рыжий демон был великолепно сложен, как, впрочем, и все сверхъестественные существа, пользующиеся услугами многочисленных тренажерных залов, шейпинг-центров и салонов красоты преисподней за весьма умеренную (по меркам высшей касты — касты демонов, разумеется) плату. В подобных заведениях мастера обычно хорошо знали свое дело, девизом которого являлось «В здоровом теле злой дух». Созданиям тьмы обыкновенно не приходилось жаловаться на несовершенство своих форм — в особенности на избыточный вес, свойственный скорее созданиям света.

Итак, обнажившись до пояса, Аззи снял повязку из мягкой ткани, которой были связаны за спиной его демонические крылья, похожие на крылья гигантской летучей мыши. С самого начала у демонов было заведено как можно тщательнее прятать свои крылья, находясь в людском обществе. Нужно отдать должное чудесам изобретательности, проявленной здесь демонами: на какие только уловки не пускались выходцы из преисподней, чтобы смертные не обнаружили у них за спиной двух черных перепончатых крыльев!

Расправив крылья, Аззи вздохнул полной грудью. Какое же это чудесное ощущение — вновь развернуть два крыла! Связав свою одежду мягкими полосками материи, еще недавно стягивавшими его крылья, Аззи закрепил узелок у себя за спиной. Это, конечно, был не самый удобный способ транспортировки багажа, и Аззи терял на нем кучу денег — во время полетов они все время вываливались у него из карманов. Однако за всякое удовольствие приходится платить, в том числе и за полет. Потерянные деньги вполне компенсировало восхитительное ощущение полета.

После короткого разбега Аззи подпрыгнул — и полетел, постепенно набирая высоту.

Скользя над землей, он одновременно совершал путешествие во времени, продвигаясь вперед вдоль временной оси. Терпкий запах проносящегося времени щекотал его ноздри.

Вот его тень мелькнула над Ла-Маншем. Аззи взял курс на юго-восток. Прохладный, пахнущий морем ветер подхватил его и домчал до берегов Франции в рекордно короткий срок.

Утро застало его над землями Швейцарии, и он начал плавно набирать высоту, как только на горизонте показались Альпы.

Вон и давний знакомый — перевал Большой Сен-Бернар, а вскоре Аззи уже пересек границу Северной Италии. Воздух здесь был гораздо более теплым; даже Аззи, летевший на большой высоте, заметил это.

Италия! Аззи любил этот край, а Возрождение, в которое он перенесся, было его любимой эпохой. Демоны, как и многие другие сверхъестественные существа, обладают практически безграничными возможностями перемещаться из столетия в столетие; они не привязаны ко времени, как смертные, населяющие подлунный мир. Однако у каждого демона есть свой «дом» во времени и пространстве, где он чувствует себя наиболее комфортно. Аззи считал себя демоном эпохи Возрождения. Пролетая над Италией, он снизился, чтобы получше разглядеть знакомый пейзаж внизу. Его тень скользила то по густой зелени виноградников, то по возделанным полям, то по зеленым вершинам холмов.

Аззи совершил плавный разворот на восток, ловя восходящие воздушные потоки, и, вновь набрав высоту, помчался туда, где вдалеке берег и море сливались друг с другом, где плескались волны Адриатики. Вскоре он уже был в предместьях Венеции.

Лучи заходящего солнца ласкали стены величественного старого города; каналы, казалось, были наполнены расплавленным золотом. В сгущающихся сумерках Аззи еще мог разглядеть гондолы, бесшумно скользящие по поверхности вод Большого канала. На корме каждой из этих легких лодочек горел фонарик.

Глава 4

А тем временем в английском городке Йорке, недавно покинутом демоном Аззи, происходили весьма примечательные события.

Старая согнутая служанка Мег еще не закончила прибирать общий зал в «Пестрой корове», когда в трактир вошел Питер Вестфал: после вчерашнего вечера, проведенного с друзьями, у него болела голова, и он решил освежиться изрядной порцией эля.

— Мастер Питер, — прошамкала служанка, — не вы ль обронили вчера вечером одну вещицу? Я нашла ее под тем столом, где вы вчера пировали с вашими благородными друзьями.

И Мег подала Питеру Вестфалу мешочек из тонкой, искусно выделанной замши. В мешочке лежал какой-то предмет.

— Да-да, конечно, — поспешно ответил Вестфал, пряча мешочек в карман широких штанов. Порывшись в кошельке, он

достал фартинг и вручил монету старухе. — Вот тебе, милая, за труды. Можешь пропустить кружку-другую пива.

Вернувшись к себе домой, на Роттен-лейн, Питер Вестфал забрался на чердак. Это было довольно просторное помещение, освещавшееся через окна на потолке. Тут стояли три массивных дубовых стола, заваленных различными алхимическими принадлежностями. Питер Вестфал, следуя моде тех времен, иногда занимался оккультными науками — алхимией и магией.

Опустившись в кресло, Питер Вестфал осторожно развязал тесемку замшевого мешочка. Пошарив внутри короткими толстыми пальцами, он нащупал какой-то небольшой твердый предмет. Сердце его забилось сильнее. Он осторожно ухватил этот предмет двумя пальцами и вытащил из мешочка.

Перед ним лежал гладкий камень золотистого цвета. Повертев его в руках, Вестфал обнаружил, что на одной из сторон камня была выгравирована арабская буква «алеф».

Питер Вестфал сразу догадался, что камень этот совсем не простой. С помощью таких камней можно было вызывать духов, получать эликсир жизни, переноситься в иные миры и совершать другие магические обряды, о которых Вестфал наслушался таких удивительных историй, что вряд ли мог различить, где кончается правда и начинается вымысел. Такие камни давали своему владельцу большую власть над миром. Кто владел им раньше? Питер Вестфал почти не сомневался, что камень выпал из кармана того самого рыжего молодца, что так смело высказывался вчера вечером за кружкой эля в трактире.

Питер Вестфал вздохнул и задумался. Вне всякого сомнения, камень принадлежал этому рыжему. Если бы владелец чудесного камня потребовал его назад, Питер, само собой разумеется, отдал бы его. Нехорошо присваивать чужие вещи, особенно те, которые имеют отношение к магии. Питер еще раз вздохнул и, ухватив камень двумя пальцами, хотел положить его обратно в замшевый мешочек.

А до того, как камень попал в руки этого рыжего, он мог принадлежать могущественнейшему из магов...

И тут мысли Вестфала понеслись в бешеном темпе, обгоняя одна другую. Голова его закружилась, словно от чаши крепкого вина. Всю жизнь он мечтал завладеть таким талисманом. Сам он был слабоват в магии, и без талисмана его алхимические опыты проходили не слишком удачно. Но теперь, когда судьба предоставила ему такой уникальный случай... Он всего лишь раз воспользуется камнем... Нет, два... Нет, три... ну, в общем, несколь-

ко раз. Вряд ли владелец камня станет сердиться на него за это. Он же вовсе не собирается насовсем оставлять у себя камень...

Вестфал взял в руки камень.

— Ну-ка, покажи, на что ты способен. Я знаю, что многие талисманы работают только после того, как над ними произнесешь заклинания, но, если ты и вправду тот, за кого я тебя принимаю, ты исполнишь мое желание и без пустых формальностей. Достаточно только отдать тебе ясное приказание. Ну-ка, доставь мне сюда какого-нибудь духа, который мог бы исполнить мои желания, да поживее!

Питеру Вестфалу показалось, что камень издал глубокий вздох, как живое существо, пробуждающееся после долгого сна. Он засветился изнутри — сначала слабо, чуть заметно, затем разгораясь все ярче и ярче. Черный знак «алеф», выгравированный на верхней стороне камня, засиял золотистым светом, затем окрасился в бордовый цвет. Волшебный камень задрожал и начал пульсировать, словно какая-то сила, заключенная внутри него, рвалась наружу. Затем послышался глухой шум, похожий на рокот подземных вод...

На чердаке заметно потемнело, но камень сиял все ярче, словно вбирая в себя солнечные лучи. Внезапно поднялся ветер. Пыль, обрывки бумажек и прочий мусор, валявшийся на полу, закружились в небольшом смерче. Питер следил за всеми этими чудесами, раскрыв от изумления рот. Заметив, что смерч вращается против часовой стрелки, он бессознательно сложил пальцы в фигуру, которой суеверные люди обычно оберегают себя от дурного глаза. Шум, похожий на рокот водопада, постепенно заменился громким мычанием. Из центра маленького смерча, все кружившего по чердаку, вдруг повалил зеленый дым. Питер Вестфал, не готовый к таким чудесам, зажмурился, замахал руками и закашлялся. А когда он, наконец прокашлявшись, осмелился приоткрыть глаза, перед ним стояла женщина неземной красоты. Длинная юбка с завышенной линией талии подчеркивала гордую осанку. Под ее мягко спадающими складками разгоряченному воображению Питера Вестфала представились самые стройные в мире ножки. Блузка огненного цвета, очень шедшего этой смуглой незнакомке, была расшита золотыми драконами. Венец из радужных самоцветов красовался на ее пышных темных кудрях.

«Царица души моей...» — хотел было вымолвить Питер Вестфал, но вместо приветственной речи с уст его слетело лишь нечленораздельное утробное мычание, отдаленно напоминающее тот рев, который он слышал перед появлением смуглой красавицы.

Женщина не на шутку рассердилась.

— Ну и что все это должно означать, милостивый государь? — строго спросила Илит (это была, конечно, она). Волшебный камень, принадлежавший Аззи, вызвал именно ее — ведь сам Аззи думал об Илит перед тем, как талисман потерялся. Волшебный камень еще хранил настроение своего прежнего хозяина. Теперь Илит оказалась на каком-то грязном и пыльном чердаке наедине с лысеющим толстяком, который глядел на нее, раскрыв от изумления рот.

— Ну, я вас заколдовал... Вызвал то есть. И теперь вы должны выполнять мои желания. Ведь так? — с надеждой спросил Питер Вестфал.

— Не так, — ответила Илит. — Я свободный дух — ангел или ведьма, смотря по желанию, а не раб этого камня. И, значит, я отнюдь не обязана выполнять ваши желания. В следующий раз, когда будете совершать магические обряды или вызывать духов, я советую вам быть более внимательным. Волшебные камни — аппаратура достаточно сложная, требующая большой осторожности при работе с ней. Это вам, милый мой, не волшебные палочки!

— Ох, извините, пожалуйста, — пробормотал смущенный Вестфал. — Я...

Но Илит не стала дослушивать его оправдания. Она просто бесследно растаяла в воздухе.

Питер Вестфал повернулся к талисману, мирно лежавшему на столе.

— Ну-ка, попробуем еще раз, — сказал он камню. — Но на сей раз, дружок, будь более осторожным в выборе.

Камень слегка поежился, словно ему было неприятно получить выговор. Затем он издал чистый, мелодичный звук, похожий на пение флейты. Звук повторился еще раз. Свет опять померк, а когда мрак рассеялся, возле стола появилось облако зеленоватого дыма, постепенно начавшее принимать очертания мужской фигуры, склонившейся над чем-то, что могло быть тяжелым фолиантом или ретортой для алхимических опытов. Костюм нового гостя Питера Вестфала представлял собой нечто среднее между классической одеждой эпохи эллинизма, мантией сэра Мерлина[1] и костюмом балаганного фокусника, а голову венчал остроконечный черный колпак, расшитый золотыми звездами и непонятными символами. Чтобы дорисовать портрет загадочного незнакомца, добавим, что он носил бороду и на носу у него были

[1] Сэр Мерлин — знаменитый придворный маг короля Артура.

очки, сидевшие довольно криво и ежесекундно грозившие свалиться на пол.

— В чем дело? — недовольно спросил он. — Я, кажется, просил не беспокоить меня до конца эксперимента! Устроили тут, понимаешь, проходной двор из научной лаборатории! Работать не дают спокойно! — И, взглянув на Питера Вестфала, прибавил: — Кто вы и что вам нужно?

— Я Питер Вестфал, — представился тот. — Я вас заклял при помощи этого волшебного камня.

— Вы — меня — закляли? — не без иронии переспросил бородатый незнакомец. — При помощи этой вот штучки? Ну-ка, ну-ка, дайте взглянуть... — Он склонился над лежащим на столе камнем и забормотал себе под нос: — Так-так. Камушек этот, как видно, из земли Египетской. Мне кажется, я его уже где-то видел, только не припомню, где и при каких обстоятельствах. Царь Соломон в свое время использовал подобные штучки для заклятия злых духов. Он ведь был страстный коллекционер всяких редкостей. И тонкий ценитель, да... Я ведь знал его довольно близко. Вот и говорил ему тогда за чашей вина... Но я думал, что все духи уже давно выпущены на волю... Интересно, как вам попала в руки эта игрушка?

Подбородок Питера Вестфала потяжелел. Он выпятил нижнюю губу и сказал:

— Это не имеет значения. Камень у меня — и все. Теперь вы находитесь в моей власти и должны выполнять мои желания!

— Да что вы говорите! — издевательски протянул бородатый знакомец царя Соломона. — Это мы еще посмотрим! — прибавил он, начиная расти в вышину на глазах изумленного Питера Вестфала. Увеличившись в размерах почти вдвое, он грозной тенью начал надвигаться на Питера. Тому было некуда отступать. В порыве отчаяния Вестфал схватил со стола волшебный камень и крепко сжал его в кулаке. Незнакомец болезненно вскрикнул.

— Полегче, полегче! — буркнул он, отступив на шаг. — Соблюдайте правила хорошего тона, равно как и законы гостеприимства, мой дорогой заклинатель духов.

— Вот так-то лучше, — заметил Питер. — На всякий случай держитесь подальше от меня. Станьте вон там, в углу, и не двигайтесь с места... Так, значит, этот волшебный камень все-таки дает мне власть над вами!

— Боюсь, что так, — признался незнакомец. — Черт побери! Не знаю, как подобная вещь могла случиться! Прямо чертовщина какая-то! Я ведь был когда-то богом у древних греков. А те-

перь я практикующий маг, величайший алхимик на Земле. Я Гермес Трисмегист[1].

— Что ж, Гермес, на сей раз вы попались! — сказал Питер.

— Увы! Похоже, что я и в самом деле попался, — согласился древний бог. — Но откройте мне, по крайней мере, кто вы такой? Во всяком случае, не маг — это ясно. — Гермес огляделся вокруг. — И, уж конечно, вы не из могущественных царей земных. Это место не похоже на царский дворец. Скорее всего вы простой смертный, так сказать, обыватель. Я угадал?

— Я торговец зерном, — ответил Вестфал.

— И каким же образом вам удалось завладеть волшебным талисманом?

— Это вас не касается.

— Вероятно, вы нашли эту безделушку в шкатулке покойной бабушки, оставившей вам наследство, — ехидно продолжал Гермес, словно не замечая, как неохотно отвечал Питер Вестфал, его новый хозяин, на подобные вопросы.

— Кажется, я уже сказал вам: вас не касается, где и при каких обстоятельствах волшебный камень попал ко мне! — воскликнул Вестфал, потеряв терпение. В припадке гнева он непроизвольно сжал кулаки, в одном из которых был могущественный талисман.

Гермес скорчился от боли.

— Полегче! — завопил он. — Ну вот, так уже лучше, — прибавил он, вздохнув всей грудью, когда Питер разжал пальцы. Однако для того, чтобы окончательно успокоиться и взять себя в руки, Гермесу пришлось сотворить небольшое заклинание и прибегнуть к системе, практикуемой индийскими йогами. Ярость клокотала в нем, словно вода в кипящем чайнике, однако в данной ситуации бесполезно было метать громы и молнии. Древний талисман действительно давал этому смертному, этому ничтожеству, этому невежде, столь мало сведущему в тайных науках, практически неограниченную власть над ним, величайшим магом древности. Интересно, как древняя реликвия очутилась в столь недостойных руках? Наверняка смертный приобрел ее нечестным путем. Он даже не знает, как обращаться с волшебными камнями! Скорее всего он попросту стянул эту красивую вещицу у того, кто знает толк в чародействе и волшебстве...

— Мастер Вестфал, — сказал Гермес, — я признаю вашу

---

[1] Гермес Трисмегист (Гермес Трисмегистус), что в переводе означает Гермес Трижды Великий, — персонаж средневекового фольклора, заимствованный из античности.

власть надо мной. Я должен вам повиноваться — тут уж ничего не поделаешь. Назовите же мне свое желание, и не будем более тратить время попусту.

Вестфал усмехнулся:

— Давно бы так! Ну, перво-наперво я хочу получить мешок золотых монет — таких, чтобы их принимали повсюду. Вполне подойдет английское, французское или испанское золото — его берут весьма охотно. Только итальянских монет мне не приносите — итальянцы обрубают края у своих монет. Эти мошенники всегда придумают какую-нибудь хитрость. А еще я хочу собаку. Настоящую овчарку. С отличной родословной. Достойную самого короля. Вот, собственно, два моих желания. Этого, пожалуй, достаточно для начала. Я сообщу вам остальные желания позже.

— Постойте, — сказал озадаченный Гермес. — Сколько ваших желаний я должен буду исполнить?

— Столько, сколько я захочу! Вы должны исполнять все мои желания! — воскликнул Вестфал. — Ведь у меня волшебный камень, не забывайте! — И Питер Вестфал потряс рукой, в которой держал талисман. Гермес поморщился от боли.

— Полегче, уважаемый! Я достану вам то, о чем вы просите. Я вернусь через день или два! — И Гермес Трисмегист бесследно растворился в воздухе.

Для Гермеса не составило особого труда исполнить просьбы пожилого торговца зерном. В глубокой пещере, расположенной неподалеку от Рейна и надежно укрытой от человеческих глаз, у него хранились огромные мешки, туго набитые золотыми монетами. Их сторожили гномы, оставшиеся не у дел с тех пор, как Сумерки Богов опустились на Землю. Раздобыть овчарку было не намного сложнее, чем золото. Гермес просто похитил у какого-то крестьянина лохматого дворового пса, мирно дремавшего в своей конуре на соломе, — это была первая собака, которая попалась ему на глаза, — и, сочинив украденному псу фальшивую родословную, вернулся обратно в Йорк, на чердак, где ожидал его Питер Вестфал.

Глава 5

— Хороший, хороший песик, умница, — сказал Питер Вестфал, увидев собаку. — Ну-ка, иди на место!

Дворовый пес — совсем еще молодой, недавно вышедший из щенячьего возраста — посмотрел на своего нового хозяина и громко залаял.

— Мне кажется, его не слишком-то хорошо выдрессировали, — заявил Питер Вестфал недовольным тоном.

— Когда мы с вами договаривались насчет собаки, вы ни слова не сказали о том, что она должна быть выдрессированной, — резонно заметил Гермес.

— А как насчет родословной? — спросил Питер.

— О! Родословная у него длиннее, чем у самого короля! Вот, держите. — И Гермес протянул Вестфалу свиток пергамента с большой восковой печатью.

— Симпатичный песик, — сказал Питер Вестфал. — Он мне нравится. А где золото?

Гермес молча кивнул на мешки.

Запустив руки в кучу золота, Питер Вестфал набрал полные пригоршни монет и, пропуская их по одной меж пальцами, услаждал свой слух тихим звоном, когда они падали обратно в мешок.

— И монеты мне тоже нравятся, — сказал он наконец.

— Я рад, что смог оказаться вам полезен. — Гермес улыбнулся одними губами. — Теперь, когда я исполнил ваши желания, вы можете отпустить меня, просто приказав волшебному камню...

— Нет! — отрезал Вестфал. — Я не отпущу вас. Вы и дальше будете исполнять мои желания. Ведь вы исполнили только первые два.

— Так дело не пойдет! — запротестовал Гермес. — Вы не имеете права задерживать меня! В конце концов, у меня куча своих дел, и мне некогда заниматься вашими!

— Спокойнее, мой дорогой Трисмегист! Если вы будете вести себя хорошо и исполнять все, что бы я вам ни приказал, я, возможно, и отпущу вас на свободу... когда-нибудь.

— Но это уже переходит всякие границы! — возмутился Гермес. — Я мог бы исполнить одно-два ваших желания исключительно из уважения к вашему волшебному камню (который вы наверняка стащили у какого-нибудь рассеянного мага), но не надо же злоупотреблять властью, которую дает вам этот талисман! Это же чистейшая эксплуатация! Нарушение всех моральных норм!

— Что поделаешь. Магия — она затем и дается, чтобы использовать других людей в своих целях, — поучительно заметил Вестфал.

— На вашем месте, однако, я не стал бы искушать судьбу, — сказал Гермес. — Вы не отдаете себе отчета в том, что делаете. Боюсь, вы играете с огнем, сами того не зная.

— Довольно! Хватит с меня ваших поучений, — грубо оборвал его Питер. — Слушайте меня внимательно, Гермес. Чуть

раньше — до того, как мне удалось вызвать вас при помощи магических сил, которыми я владею, — тут он несколько раз подбросил в руке волшебный камень, заставив Гермеса корчиться от боли, — талисман привел сюда другого духа. Женщину. Очень красивую и молодую. Вы знаете ее?

Гермес Трисмегист сосредоточенно сдвинул брови и закрыл глаза. Несколько минут он стоял неподвижно, целиком погрузившись в размышления. Наконец он открыл глаза и произнес глухим, загробным голосом, слегка подвывая, словно плохой актер при декламации стихов:

— Мое шестое чувство подсказывает мне, что перед тем, как вы вызвали меня к себе при помощи... гм... этого египетского талисмана, здесь действительно побывал женский дух. Она ангел, бывшая ведьма. Зовут ее Илит.

— Как вам удалось это узнать? — спросил Вестфал. В голосе его звучало неподдельное *восхищение подобным талантом.*

— Пустяки. Я просто обладаю провидческим даром, вот и все, — ответил Гермес. — Если хотите, — прибавил он вкрадчиво, — я и вас могу научить нехитрым приемам ясновидения — после того, как вы меня отпустите.

— Нет-нет, — живо ответил Вестфал. — Я этого не хочу. Доставьте ко мне эту женщину — как, вы говорите, ее зовут? Илит? Так вот, перенесите ее сюда, в мой дом — это все, что мне от вас нужно... пока.

Брови Гермеса взлетели вверх; несколько секунд он внимательно смотрел на своего повелителя. Он никак не ожидал, что дело примет такой оборот.

— Я сомневаюсь, что Илит примет ваше приглашение.

— Мне нет никакого дела до того, примет она его или нет. Она должна быть здесь — и точка! Увидев ее в первый раз, я весь загорелся, и этот огонь может погасить только та, которая его зажгла. Я хочу ее, слышите?

Гермес усмехнулся в бороду. Он знал, что Илит всегда была сильной духом женщиной, а в последнее время она всерьез увлеклась новомодными феминистскими теориями, настолько популярными в мире духов, что даже в подлунном мире у феминисток появились подражатели.

— Похоже, эта девочка пользуется колоссальным успехом. Интересно, как ей понравится это новое приключение? — пробормотал Гермес себе под нос, а вслух прибавил только: — Гм...

— Конечно, поначалу ей придется нелегко, — продолжал тем временем Питер, — но, думаю, она вскоре привыкнет ко мне. Я хочу обладать ею — как обыкновенный мужчина обладает обыкновенной женщиной... ну, вы понимаете.

— Не думаю, чтобы Илит прельстила подобная перспектива, — сказал Гермес. — Она девушка с характером и вряд ли согласится на это.

— Я уже сказал, что мне плевать, согласится она или нет. В конце концов я как-нибудь сумею уломать ее.

— Видите ли... Я не смогу заставить ее полюбить вас, — покачал головой Гермес. — Хотя я и великий маг, мои возможности далеко не беспредельны. Так что я должен вас огорчить: есть три вещи в подлунном мире, в тайны которых мне не удалось проникнуть и, следовательно, над которыми я не властен. Одна из них — это женская душа.

— Вам незачем заставлять ее любить меня. Вам нужно только доставить ее ко мне и отдать в мою полную власть. А уж как мы с нею поладим — это вас не касается.

Гермес помолчал немного, очевидно размышляя, затем сказал:

— Вестфал, я должен объясниться с вами откровенно. Обладание волшебным камнем пошло вам во вред. Мне кажется, у вас закружилась голова от нежданно свалившегося на вас счастья. Вы потеряли способность трезво рассуждать, обычно свойственную людям вашего возраста и вашей профессии. То, что вы задумали насчет Илит, не кончится для вас добром, поверьте мне.

— Молчите! Делайте, что вам говорят!

Заглянув в огромные сияющие глаза Вестфала, Гермес понял, что спорить бесполезно. Он пожал плечами:

— Что ж, будь по-вашему. Я умываю руки.

И он бесшумно растаял в воздухе, удивляясь, как это смертным не надоедает искать приключений на свою голову, а потом расхлебывать те беды, в которые они попадают по собственной неосторожности. Одновременно у него начал складываться план, суливший немалые выгоды как ему, так и всем богам-олимпийцам, изгнанным из реального мира с окончанием античной эпохи и заключенным в области виртуального пространства, имеющей поэтическое название Ностальгия. Но сначала он должен был исполнить желание Вестфала — привести к нему Илит. Это было нелегкой задачей.

Глава 6

Гермес перенесся в одно из своих самых любимых мест — в старое святилище, построенное на острове Делос в Эгейском море. В течение нескольких тысячелетий здесь не угасал священный огонь. Жрецы преданно служили ему, и дым от жертвенных

курильниц поднимался к небу. Сидя на берегу моря, плещущего пенными волнами, он предавался размышлениям.

Хотя Гермес входил в сонм богов-олимпийцев, он не разделил печальной участи остальных античных божеств, сошедших со сцены вскоре после того, как погиб Александр Великий и поднялась Византия, давшая первые ростки унылого рационализма. Античные боги не смогли прижиться в новом, изменившемся мире; когда же возникла новая религия, это окончательно низвергло их с высот Олимпа. Покинутые своими прежними почитателями, лишенные былой славы, объявленные вымышленными, несуществующими богами, Зевс и Гера, Арес и Афродита, и бог огня Гефест, и совоокая Афина, и Артемида-охотница, и веселый Дионис, и остальные божества были вынуждены покинуть подлунный мир и с этих пор влачили жалкое призрачное существование где-то на задворках Вселенной, в виртуальном пространстве, названном Ностальгией, словно в насмешку над прежним могуществом древних божеств. Это была юдоль печали, весьма напоминавшая греческим богам мрачное царство Аида.

Лишь одному из двенадцати бессмертных богов удалось избежать ухода из подлунного мира, да и то лишь благодаря одному из своих многочисленных хобби. Этим счастливчиком оказался Гермес, прославившийся как весьма искусный маг. Люди всех времен и народов питали живой интерес к чародейству и волшебству. Гермес, обладавший огромным талантом в этой области, вскоре прославился как самый выдающийся из магов. Благодаря ему магия начала формироваться как отдельное направление человеческой деятельности. Он первым перевел магию на научную основу. Один из его фундаментальных трудов в этой области, *Corpus Hermeticum*, ошибочно приписываемый Корнелию Агриппе, стал настольной книгой всех магов эпохи Возрождения. Можно сказать, что Гермес оставался полноправным божеством на протяжении всей этой эпохи. Однако Гермес прославился не только среди астрологов, алхимиков и магов. Обладая редким талантом по части розыска пропавших вещей, он оказался весьма полезен и простым смертным. Его почитали так же, как покровителя медицины, — ведь на некоторых изображениях он держал кадуцей — сувенир, который он прихватил с собой из Древнего Египта (в те далекие времена он уже пользовался широкой популярностью; египтяне звали его Тот).

Гермес слыл добродушным и приветливым божеством; к тому же, не в пример остальным богам, он был весьма демократичен и не заставлял своих почитателей лезть из кожи вон только затем, чтобы обратить на себя его божественное внимание. Маги

всех времен и народов вызывали его, и он охотно общался с этими учеными мужами. До сих пор, однако, ему не приходилось сталкиваться с откровенной непочтительностью смертных. Ведь в ученых кругах Гермес пользовался огромным авторитетом, и маги, время от времени вызывавшие Гермеса, чтобы поговорить с ним на научные темы, всегда были вежливы и предупредительны. Случай с Питером Вестфалом был первым в многолетней практике Гермеса. До сих пор никто еще не осмеливался применить грубую силу, чтобы заставить величайшего из магов делать что-либо независимо от того, нравится это ему или нет. И, конечно, подобное обхождение весьма раздражало Гермеса. Беда была в том, что он не знал, как ему выйти из того ужасного положения, в котором очутился из-за нелепой случайности — древнего талисмана, попавшего в руки невежды.

Сидя под высоким дубом и глядя на волны, набегавшие на песок, Гермес предавался размышлениям, когда его внимание привлек звук, похожий на тихий шелест листвы, но странным образом сложившийся в слова земной речи. Кто-то позвал его, обратившись к нему со словами:

— Похоже, у тебя неприятности, мой мальчик?

— Это ты, Зевс? — спросил Гермес.

— Я, сынок, — отозвался все тот же тихий шелестящий шепот. — Я здесь — хотя не телом, а только духом, в качестве некой невидимой, бесплотной божественной субстанции. Настоящий же Зевс находится в виртуальном пространстве. Все наши там — за исключением тебя, разумеется.

— Разве я виноват в том, что меня оставили в подлунном мире? Я тоже многое потерял. Мне пришлось расстаться почти со всем, к чему я привык, пришлось бросить большинство своих прежних занятий и начать новую жизнь. Теперь они величают меня Гермесом Трисмегистом...

— Брось, сынок. Никто тебя не винит. Я просто констатировал факт.

— Я все-таки не могу понять, каким образом тебе удается присутствовать здесь, — сказал Гермес. — Даже в качестве бесплотной божественной субстанции.

— На то есть особое соизволение. Я могу объявиться везде, где растет хотя бы один дуб[1]. Это не так уж плохо — ведь таким образом я поддерживаю связь с современностью, хотя бы и

[1] Дуб — дерево, считавшееся посвященным Зевсу. В греческом эпосе существует множество легенд о посылаемых Зевсом знамениях, которые так или иначе были связаны с дубом.

одностороннюю. А дубы в наше время растут практически повсюду, где живут люди. Но я вижу, ты чем-то расстроен, мой мальчик. Доверься своему старику отцу.

Некоторое время Гермес сидел молча, опустив глаза. Он не доверял Зевсу, как, впрочем, и все боги Олимпа. Слишком свежи были в их памяти прошлые подвиги Зевса, убившего своего отца Крона, чтобы занять его престол, и взявшего в жены родную сестру Геру. Конечно, Крона трудно было назвать любящим отцом и просвещенным правителем — о нет, это был беспощадный тиран, пожиравший собственных детей из боязни, что они могут вырасти и отнять у него власть над миром.

Однако то, что Зевс сделал со старым Кроном, по современным законам вполне можно было отнести к преступлениям, совершенным с особым цинизмом и жестокостью. Зевс оскопил старика, затем расчленил безжизненное тело и побросал его части в океан. Боги-олимпийцы знали, что Зевс, взявший власть в свои руки после того, как Крон был свергнут с престола, боится, как бы его не постигла такая же участь. Царь богов и людей был необычайно подозрителен, хитер и коварен, и потому каждый из небожителей тысячу раз подумал бы, прежде чем доверить ему какую-то важную тайну. Гермесу, конечно, все это было известно. Но было известно ему и то, что немногие могли потягаться с Зевсом по части умения решать сложнейшие проблемы, так что заручиться его поддержкой было бы весьма неплохо...

— Я должен признаться, отец, что попал во власть смертного, — сказал наконец Гермес.

— Ну и ну! Как же это могло случиться?

— Ты помнишь те могущественные талисманы, при помощи которых царь Соломон заклинал духов, а некоторых даже загонял в бутылки?

— Да.

— Так вот, все мы ошибались, когда думали, что этих талисманов уже давно не существует в природе.

И Гермес рассказал Зевсу о том, как благодаря силе волшебного камня ему пришлось стать слугою Вестфала.

— Что же мне теперь делать? — спросил он, кончив свой рассказ.

Листья дуба зашелестели: Зевс размышлял.

— Что ж, сынок, надо признаться, этот смертный крепко оседлал тебя. В настоящий момент почти ничего нельзя сделать. Продолжай работать на него, но держи ушки на макушке. Если

подвернется удобный случай, хватайся за него. Действуй быстро и решительно.

— Ну, этому меня учить не надо, — в голосе Гермеса послышались нотки разочарования. — Ты говоришь со мной так, будто я новичок.

— Это потому, что я знаю о твоих колебаниях, сынок. Ты хорошо поладил с современными людьми, усвоив их идеи насчет магии и всего прочего. Ты служишь им, сынок, сам не замечая этого. Им и их магии, которой они повально увлечены. Ну а магия, должен тебе сказать, — это всего лишь ловкость рук. Поэтому произошло то, что должно было произойти: теперь смертные распоряжаются тобой, словно ты не бог, а мальчик на побегушках.

— Перестань! Лучше скажи, как мне добраться до той женщины, которую у меня потребовал Вестфал, — до Илит?

— Ну, это самое простое из того, что тебе предстоит сделать, — ответил Зевс. — Отправляйся к своей сестре Афродите и попроси ее одолжить тебе на время ящик Пандоры. Ей он все равно не нужен — в последнее время она использует его как ларчик для драгоценностей. А ведь ящик Пандоры — превосходная ловушка для духов!

— Ловушка для духов! Это как раз то, что мне нужно. Но... как ею пользоваться? И что мне делать дальше?

— Это уж ты решай сам, сынок. Ведь ты великий маг и мудрец.

Через некоторое время после этого разговора Гермес появился на маленьком тихом кладбище, откуда Илит собиралась уводить своих питомцев-ангелов. Гермес был одет как старомодный, добропорядочный джентльмен. В руках он держал небольшой сверток, перевязанный бечевкой. Подойдя к Илит, он тихо сказал, предусмотрительно изменив голос, чтобы она не смогла его узнать:

— Мисс Илит! Ваш друг просил передать вам вот это.

— Аззи решил сделать мне подарок? — обрадовалась Илит. — Как мило с его стороны!

И она тут же развернула сверток и достала то, что сперва показалось ей очень красивой шкатулкой. Не долго думая, она открыла ящик Пандоры — и...

На крышке ящика, на первый взгляд казавшегося ларчиком для драгоценностей, было зеркало, сверкавшее и переливавшееся различными цветами. Взглянув в него, Илит поняла, какую ошибку она совершила. И как только она могла не заметить ловушки! Проклятие! Это было волшебное зеркало, обладавшее ог-

ромной гипнотической силой. В те времена, когда Илит еще служила силам тьмы, она не раз видела подобные зеркала в Древнем Вавилоне и в Египте. Притягивая к себе взоры духов и смертных, словно гигантский магнит, оно парализовывало их волю. Душа, полная ужаса, выпархивала из тела и летела в бездонный колодец, по сторонам которого извивались разноцветные огненные змейки. Илит быстро закрыла глаза, сопротивляясь мощному гипнотическому полю, но было уже поздно. Ее рот широко раскрылся, душа вылетела оттуда, словно нежная бабочка с полупрозрачными радужными крылышками, и опустилась в ящик Пандоры. Тотчас же крышка ящика захлопнулась, и бездыханное тело Илит упало на землю. Гермес ловко подхватил ее, чтобы она не ударилась при падении, и бережно опустил на траву. Со стороны это выглядело так, словно вежливый пожилой джентльмен склонился над упавшей в обморок молоденькой красавицей, пытаясь привести ее в чувство. Однако Гермес и не думал помогать Илит прийти в себя. Бережно завернув ящик Пандоры в оберточную бумагу и для пущей надежности крепко перевязав его затканной золотом лентой, он подозвал двух землекопов, с утра работавших на кладбище и присевших отдохнуть на одно из старых надгробий в тени ивы. Дав землекопам несколько мелких серебряных монет, он попросил их помочь ему донести бесчувственное тело до дома, где жил Вестфал. Два землекопа, вначале подозрительно поглядывавшие на пожилого джентльмена, были вполне удовлетворены его щедростью и весьма правдоподобными объяснениями, которые изобретательный Гермес не замедлил им дать. Он сказал им, что сам он врач и хочет как можно скорее доставить к опытному астрологу эту несчастную молодую женщину, ибо ей угрожает серьезная опасность из-за неудачного расположения звезд, столь пагубно отразившегося на состоянии ее здоровья. Услышав эти ученые речи, землекопы отбросили все сомнения относительно пожилого господина. Они подняли бесчувственное тело и понесли его в направлении, указанном хитроумным похитителем. В конце концов, помогая врачу, они совершают благое дело!

Глава 7

Питер Вестфал сидел дома один, ожидая Гермеса и не зная, чем заняться со скуки. Он недоумевал, почему его божественный слуга отсутствует так долго. Уже не раз рука его тянулась к волшебному камню, но в конце концов он решил, что похитить

женщину вообще-то наверняка не так уж и просто, в особенности женщину, обладающую всеми способностями, которыми обычно обладают могучие духи — жители небесных сфер. Раздумывая об этом, он удивлялся сам себе. Как он мог отдать Гермесу такой приказ? Ведь обычно Питер Вестфал был добропорядочным обывателем, неспособным на подобные выходки. Он чувствовал, что его поступками управляют какие-то могучие силы — не магия, нет, но нечто более глубокое, чем магия. Питер решил, что, возможно, он вошел в ментальный контакт с неким духом из вышних сфер, указавшим Питеру на эту женщину, — и вот, подчиняясь велению свыше, он потребовал у Гермеса доставить к нему Илит.

День тянулся невыносимо долго. Устав ждать, Вестфал нашел в буфете кусок заветрившегося сыра и горбушку хлеба, слегка попорченную мышами. Решив немного расширить меню, он начал разогревать вчерашний суп на маленьком очаге, который обычно служил для алхимических опытов. Затем он решил выпить вина, чтобы хоть как-то скоротать время до появления Гермеса. Осушив большую кружку, он захмелел и задремал в кресле, стоявшем возле очага. Разбудил его негромкий звук, словно кто-то тихонько хлопнул в ладоши над его ухом. Вестфал подскочил, словно ужаленный. Он хорошо помнил этот звук, обыкновенно сопровождавший появление в земном мире сверхъестественных существ. И действительно, посреди комнаты появилось темное облако дыма.

— Та женщина!.. — воскликнул Питер Вестфал, вскакивая с кресла. Сон тотчас слетел с него. — Она с вами?

— Я сделал все, что от меня зависело, — ответил Гермес, выходя из облака и отряхивая одежду, словно дым мог ее запачкать. Сейчас он был одет так же, как и при первой встрече с Питером Вестфалом, — даже самый тонкий знаток затруднился бы определить, к какой эпохе какая часть его костюма принадлежит. Под мышкой Гермес нес довольно вместительную резную деревянную шкатулку.

— Что это там у вас? — спросил озадаченный Вестфал.

В тот же момент на лестнице послышались шаги двух пар ног, обутых в тяжелые грубые башмаки. Затем кто-то крикнул:

— Эй, кто-нибудь, придержите дверь!

Вестфал встал и пошел открывать дверь, ведущую на чердак. Вошли двое здоровенных мужчин — землекопов, если судить по их одежде, перепачканной глиной. Они несли женщину с бледным как мел лицом, находившуюся, по-видимому, в глубоком обмороке.

— Ну, и куда нам ее положить? — обратился к Питеру Вестфалу тот, что держал женщину под мышки.

Вестфал оглядел свой пыльный чердак.

— Положите ее вот на этот диванчик. Осторожнее! — вырвалось у него, когда двое неуклюжих носильщиков свалили бесчувственное тело на диван, словно мешок с мукой.

Гермес дал еще несколько монет обоим землекопам и проводил их до дверей.

— Ну вот, свое дело я сделал, — сказал он Питеру Вестфалу, вернувшись на чердак. — Она в полной вашей власти. Точнее, ее тело. Но я советую вам не перегибать палку и не предпринимать никаких решительных действий без согласия самой хозяйки... ну, вы меня понимаете.

— Но как же я получу ее согласие? — спросил Вестфал. — Где она сама? Ее сознание, я имею в виду?

— Если вы имеете в виду ее душу, — невозмутимо ответил Гермес, — то душа этой женщины находится в шкатулке, которую я принес. Вот она.

И Гермес поставил ящик Пандоры на один из трех столов, стоявших на чердаке в доме Питера Вестфала.

— Если вы откроете этот ящик, — продолжал Гермес, — ее душа, вырвавшись на свободу, снова войдет в ее тело. Но я бы на вашем месте не делал этого — по крайней мере сейчас. Видите ли, для того чтобы доставить Илит сюда, мне пришлось прибегнуть к одной хитрости — добром она ни за что не согласилась бы явиться. Я полагаю, что эта женщина должна быть... гм... сердита, мягко говоря.

От изумления Вестфал широко раскрыл рот.

— Ее душа — вот здесь, в этом деревянном ящике? — спросил он, беря в руки резную шкатулку, сплошь выложенную изнутри серебром, чтобы душа не могла вырваться наружу. — Не может того быть!

И он потряс шкатулку, словно дитя погремушку. Внутри нее что-то зашуршало, затем до ушей Вестфала донеслась отборнейшая брань, правда, слегка приглушенная стенками ящика Пандоры, слабо пропускавшими звук.

— За что боролись, на то и напоролись, — философски заметил Гермес.

— И что теперь мне делать? — Питер Вестфал растерянно поглядел на Гермеса.

Тот пожал плечами:

— Это уж вам самому решать.

Питер Вестфал осторожно поскреб ногтем ящик Пандоры, затем робко постучал по крышке:

— Мисс Илит! Вы здесь? Ответьте мне!

— Ты можешь поспорить на что угодно, что я здесь, грязная ты скотина! — донесся приглушенный голос Илит. — Погоди, дай мне только выбраться из этого проклятого ящика! Уж я с тобой разделаюсь!

Побледневший Вестфал обеими руками прижал крышку, словно боясь, что душа Илит сдвинет ее и ускользнет из ящика.

— Ой, — только и сказал он. И, поглядев на Гермеса, прибавил: — Ой-ой-ой.

Гермес снова пожал плечами.

— Ка-ажется, леди се-ердится? — слегка заикаясь, произнес Питер.

— Это вы мне говорите? — не без иронии ответил Гермес.

— Но что же мне теперь с нею делать? — Питер Вестфал выглядел весьма жалко.

— А я думал, что у вас уже есть определенные планы насчет этой женщины, — сказал Гермес. — В конце концов, вы сами приказали мне доставить ее сюда.

— Ну... я не совсем так это себе представлял...

— Я бы на вашем месте попробовал как-нибудь договориться с ней, — посоветовал Гермес. — Ведь так или иначе вам придется это сделать.

— А может, отложить это? — В голосе Вестфала прозвучала тоска. — Ну, скажем, я положу эту шкатулку в какое-нибудь укромное место, например в чулан. Пускай она полежит там некоторое время...

— Не советую вам этого делать! — покачал головой Гермес.

— Почему?

— Потому что за ящиком Пандоры нужен глаз да глаз! Стенки ящика, правда, герметичны и достаточно прочны, но ведь абсолютной изоляции не существует, и, следовательно, никто не может дать вам стопроцентной гарантии. Практика показывает, что, когда этот ящик оставляют без присмотра на долгое время, то, что находится внутри, может выбраться наружу.

— Так нечестно! — возмутился Вестфал. — Я совсем не то имел в виду, когда приказывал вам доставить ко мне эту женщину!

— Не важно, что вы имели в виду, любезнейший, — сухо ответил Гермес. — Когда человек сообщает свое желание духу, чтобы тот выполнил его, не имеет никакого значения, что при этом человек думает. Мы не принимаем мысленных заявок. Волеизъявление должно произойти по крайней мере в устной

форме. Поэтому будет исполнено только то, что клиент скажет. Произнесет вслух. Я честно исполнил все то, что вы мне приказали. Я ведь предупреждал вас, что ваши желания могут завести вас слишком далеко, что вы играете с огнем и можете сильно обжечься, если и дальше будете столь неразумны и неосмотрительны в своих поступках. Но вы не пожелали меня слушать. Ответственность за случившееся целиком ложится на вас. А сейчас разрешите мне откланяться и пожелать вам всего самого наилучшего.

И Гермес стал готовиться к переходу в иное измерение, где, по рассказам побывавших в нем, обитают духи.

— Вы, кажется, забыли, что волшебный камень все еще у меня! — крикнул Вестфал в отчаянии. — С его помощью я в любой момент могу вызвать вас сюда!

— Вот этого, — сказал Гермес мягко, — я вам делать ни в коем случае не советую.

И он исчез, даже не кивнув Вестфалу головою на прощание.

— Ну и ну, — пробормотал Вестфал, глядя на то место, где еще секунду назад стоял Гермес.

Подождав, пока уляжется пыль, вызванная легким движением воздуха, возникшим в тот момент, когда Гермес покинул комнату, Питер Вестфал повернулся к ящику Пандоры.

— Мисс Илит, — жалобно проговорил он, — давайте договоримся по-хорошему.

— Как это?

— Ну, давайте поговорим. Обсудим наше с вами положение, так сказать.

— Открой крышку и выпусти меня. Уж я тебе задам!

Голос Илит из-под крышки ящика Пандоры прозвучал столь зловеще, что Питер Вестфал вздрогнул.

— Ну уж нет, — пробормотал он себе под нос. — Не на дурака напала! Мы подождем немного — может быть, мне в голову придет удачная мысль.

Стараясь не обращать внимания на проклятия, которыми осыпала его Илит, Питер отошел в другой конец комнаты, устало опустился в кресло и, обхватив голову руками, стал думать. При этом он не сводил глаз с ящика Пандоры, стоявшего на столе.

Проходили дни, тянулись недели. Ящик Пандоры стоял на тумбочке у изголовья кровати Питера Вестфала. Сам Питер вконец извелся, наблюдая за этим ящиком. Сон бежал от него. Едва он засыпал, как тотчас же вскакивал на постели с приглушенным воплем. Ему снилось, что крышка ящика Пандоры приот-

крывается — и... В этот момент он просыпался. Десятки раз на дню Питер Вестфал брал ящик в руки и хорошенько тряс его, чтобы убедиться, что душа Илит не сумела каким-то непостижимым образом выбраться оттуда.

Однажды, проснувшись после очередного кошмара, Питер Вестфал решил действовать. Подойдя к ящику, он постучал по крышке:

— Мисс Илит!

— Что вам? — послышался приглушенный голос.

— Давайте забудем то небольшое недоразумение, которое меж нами произошло. Я хочу договориться по-хорошему. Я готов выпустить вас, если только мне гарантируют личную безопасность. Неприкосновенность, так сказать. Мои условия таковы: я освобождаю вас, а вы тотчас же покидаете мой дом и не имеете ко мне никаких претензий в будущем.

— Нет, — коротко ответила Илит.

— Но почему? Что вы имеете в виду? Чего хотите?

— Отмщения. Вы жестоко ошибаетесь, любезнейший, если считаете, что все это так просто сойдет вам с рук.

— Но что вы собираетесь делать, если я выпущу вас из этого ящика?

— Говоря по правде, я еще точно не знаю.

— Но, по крайней мере, вы не убьете меня?

— Вот за это я поручиться никак не могу. Мне кажется, я вполне могла бы вас убить.

Переговоры зашли в тупик.

Глава 8

Пьетро Аретино был удивлен, когда увидел рыжеволосого демона на пороге своего дома поздним весенним вечером 1524 года. Однако его удивление было не настолько сильно, чтобы забыть обычаи гостеприимства. В 1524 году гости из вышних сфер нередко посещали дома смертных. И Пьетро, взявший за жизненное правило ничем не выдавать своих чувств, улыбнулся гостю.

Пьетро был довольно крупным мужчиной. Спутанные пряди рыжих волос падали на высокий лоб. Ему было тридцать два года, и по крайней мере половину из них он провел так, как обычно проводят свою жизнь поэты. К тридцати двум годам он прославился как поэт и драматург. Его стихи, полные непристойностей, однако носившие печать высокого поэтического

мастерства благодаря выдающемуся чувству гармонии и ритма их автора, были положены на музыку бродячими певцами. Эти песенки распевали в трактирах по всей Европе. Ни у кого не было столь острого языка, столь живого и проницательного ума и столь опытного глаза, подмечающего все людские пороки, как у Пьетро Аретино.

Маэстро Пьетро мог бы жить припеваючи только на щедрые подарки от сильных мира сего — герцогов, прелатов, знатных вельмож, охотно расставшихся с десятком-другим золотых монет в качестве выкупа за свою репутацию. «Пожалуйста, возьмите это, Аретино, будьте добры. Я восхищен вашим гением. Мы все пленники вашего таланта, но если вы задумаете написать новый пасквиль, то — сами понимаете — мне бы не хотелось, чтобы мое имя хоть как-то упоминалось в нем. В моем лице вы можете обрести надежного друга и покровителя» — такие неискренние излияния Пьетро приходилось выслушивать достаточно часто, чтобы они успели ему порядком надоесть.

Открывая дверь, Аретино подумал, что вот еще один посланец от какой-нибудь важной персоны стучится к нему. В тот день он рано отпустил слугу, отпросившегося на свадьбу к племяннице, и остался дома один — а значит, и дверь Пьетро пришлось открывать самому. Спускаясь по лестнице, он ухмылялся, представляя себе того, кто сейчас переминается с ноги на ногу у его порога. Однако он был весьма озадачен, увидев вместо склонившегося в почтительном поклоне слуги высокого рыжеволосого господина с горящими, словно угли, глазами. Человек ненаблюдательный мог бы принять этого высокого незнакомца за обычного смертного, но Пьетро Аретино был не таков. С детства его воображение пленяли образы созданий света и тьмы, и сейчас в этой длинной и тонкой фигуре, появившейся на его пороге в закатный час, Пьетро внутренним чутьем угадал одно из тех существ, о которых он много слышал, но до сих пор не встречал.

— Добрый вечер, сударь, — приветливо обратился к незваному гостю Пьетро. Он решил быть вежливым с незнакомцем — по крайней мере до тех пор, пока окончательно не выяснит, с кем имеет дело. — Что привело вас ко мне? Должен признаться, ваше лицо мне незнакомо...

— Неудивительно, — ответил ему Аззи с улыбкой, — что мое лицо вам незнакомо. Ведь вы видите меня впервые. А вот у меня такое чувство, как будто я уже давно знаю вас, и тому виною ваши замечательные стихи. В них мораль отлично уживается со смехом, что придает им особую, чарующую прелесть.

— Вы это хорошо сказали, сударь. — Пьетро был весьма

польщен. — Однако большинство людей, их читавших, говорят, что мои стихи не имеют ничего общего с моралью.

— Все они заблуждаются или лукавят, — сказал Аззи. — Насмехаться над человеческими слабостями и показывать вещи в их истинном свете, как вы, несомненно, делаете, дорогой мастер, — это значит навлечь на себя немилость святош. Ведь они всячески стараются показать в столь невыигрышном свете то, чему вы отдаете должное.

— О! Сударь, вы столь явно высказываетесь в защиту того, что люди обычно называют злом или пороком — смотря по тому, насколько широко они мыслят...

— Ах, во всем мире люди идут на преступления и нарушают десять заповедей с не меньшей готовностью, чем они восходят на костры во имя истины. Это ли не доказывает, какой силой над их умами обладает зло? Семь смертных грехов давно стали спутниками человека. Смертные предаются лени куда чаще и охотнее, чем вступают на тернистый путь, ведущий к благочестию.

— Я полностью с вами согласен, сударь! — воскликнул Аретино. — Но позвольте, что ж мы стоим здесь, на крыльце, перешептываясь, словно две старые сплетницы? Зайдите в мой дом, прошу вас. И разрешите мне угостить вас великолепным тосканским вином, которое я недавно привез из тех мест, где его готовят.

И Аззи переступил порог дома Аретино. Этот дом — или, вернее сказать, небольшой дворец — был роскошно обставлен. Пол устилали толстые восточные ковры, присланные поэту самим венецианским дожем[1]. В серебряных подсвечниках горели высокие восковые свечи; колеблющееся пламя бросало причудливые тени на гладкую кремовую поверхность стен. Аретино провел Аззи в небольшую гостиную, украшенную коврами и гобеленами по моде того времени. Маленькая курильница, поставленная в углу, быстро наполнила воздух ароматом сжигаемых на ней благовоний. Хозяин жестом пригласил Аззи устраиваться поудобнее и поднес ему кубок превосходного красного вина.

— А теперь, сударь, — сказал Аретино после того, как они осушили кубки за здоровье друг друга, — разрешите спросить, чем я могу быть вам полезен.

— Точнее, — улыбнулся Аззи, — чем я могу быть полезен вам, мой друг. Ведь вы — первый поэт в Европе, в то время как я — всего лишь скромный почитатель вашего таланта, в некотором роде меценат, покровительствующий тем, кто отдал свою жизнь служению прекрасному. Я должен открыть вам свой секрет: я задумал одну вещь, имеющую прямое отношение к театру...

---

[1] Дож — правитель Венеции, сохранившей статус вольного города.

— Вы не могли бы рассказать подробнее, сударь? Какого рода вещь вы задумали?

— Ну, мне бы хотелось поставить пьесу.

— Прекрасная идея! — воскликнул Пьетро. — У меня как раз готово несколько новых безделок, которыми я забавлялся на досуге. Все они как нельзя лучше подойдут для вашего театра. Хотите, я покажу вам их? Черт, куда только запропастились эти рукописи...

Но Аззи остановил его:

— Мой дорогой мастер, я не сомневаюсь, что те пьесы, которые вы хотите показать мне, — шедевры, достойные того, чтобы быть представленными самой взыскательной публике. Но мне от вас нужно совсем другое. Мне хочется, чтобы вы написали совершенно новую пьесу, в основу которой легла бы идея, давно вынашиваемая мной.

— Понятно. — Аретино был разочарован. На своем веку он повидал немало господ, желающих воплотить свой замысел в художественном произведении. Однако большинству таких непризнанных гениев не хватало таланта и трудолюбия, чтобы самим написать хоть несколько строк. Они предпочитали взвалить всю скучную работу на других — профессиональных поэтов, писателей, драматургов. Они пользовались плодами чужого труда, делая заказы на пьесы прославленным мастерам так же легко, как если бы речь шла, например, о паре новых башмаков, заказываемых сапожнику, или о модном платье, пошитом у портного. Однако он не стал показывать свое недовольство гостю, а просто прибавил вслух: — В таком случае не расскажете ли вы мне, сударь, несколько подробнее о своем замысле?

— В основу моей пьесы я хочу положить простую жизненную правду, — сказал Аззи, — правду, которой, однако, постоянно пренебрегали все известные мне драматурги. Большинство из них не поднимается выше обыкновенных банальностей, превращая драматическое произведение в скучный урок, где мораль, уже успевшая порядком надоесть зрителю, подносится в готовом виде на неизменном фарфоровом блюдечке с золотой каемкой. Вот и проповедуют, что, мол, всякий порок в итоге будет наказан, а добродетель вознаграждена: под лежачий камень вода не течет, жадность до добра не доводит с милым рай и в шалаше, терпенье и труд все перетрут, и тому подобное. Так повелось со времен Аристотеля, и теперь множество писателей и поэтов идет по проторенной дорожке. Чтобы хоть как-то привлечь внимание зрителя, они пускаются на всевозможные хитрости, соревнуясь друг с другом в том, кто ловчее надует аудиторию, всегда готовую

простодушно проглотить приманку. И нужно сказать, что до сих пор они неплохо справлялись с этим делом. Многие их крылатые фразы стали пословицами и поговорками, на которых держится народная мудрость, чаще именуемая у нас общественным мнением. Однако люди наблюдательные и не лишенные здравого смысла прекрасно знают, что в жизни редко бывает так, как написано в книгах или показано на сцене. Помимо художественной правды, существует еще одна правда — правда жизни, но вот об этом вся пишущая братия как раз предпочитает помалкивать.

— Так, значит, сударь, вы хотите опровергнуть законы морали?

— Ну да, конечно! Хоть смертные и держатся за них крепко, как утопающий за соломинку, я хочу найти способ освободить их от глупейших предрассудков. Я хочу показать им жизненную правду. Задуманная мною пьеса сильно отличается от детского лепета так называемых добродетельных людей. По моему замыслу, семь смертных грехов не только не станут препятствием на пути к блаженству, но как раз наоборот — если не помогут его достичь, то уж, во всяком случае, никак не помешают. Одним словом, Аретино, я собираюсь ставить безнравственную пьесу.

— Что за благородный замысел! — воскликнул Аретино. — Меня восхищает ваша попытка противостоять потокам сладенькой водички, льющейся на нас с небес, всей этой дешевой пропаганде, цель которой — наставить нас на тот путь, что объявляется истинным. Но позвольте вам заметить, сударь, что, если мы попробуем разыграть такую пьесу, лицемерный гнев государства и церкви падет на наши головы. И потом, где мы найдем труппу, способную сыграть такую пьесу? И как мы укроемся от всевидящего ока церкви, легко проникающего за кулисы?

— Не беспокойтесь, дорогой мастер, — улыбнулся Аззи. — Для постановки моей пьесы не нужна сцена, не нужны актеры. И зрительный зал и публика тоже не нужны. Моя пьеса пойдет как бы сама собой. Действие будет разворачиваться в привычных условиях, а актерами будут самые обыкновенные люди, мыслящие и чувствующие, а не изображающие чувства. Мы ничего не будем придумывать заранее. Мы дадим своим актерам только самые общие указания и предоставим им позаботиться о деталях, а уж как они поведут себя в той или иной ситуации, будет зависеть только от них самих.

— Но как же быть с моралью вашей безнравственной пьесы? — удивился Аретино. — Ведь для того, чтобы вывести подобающую мораль, нужно заранее знать, чем все закончится.

— У меня есть несколько идей на сей счет, — сказал Аззи, — и я непременно поделюсь с вами своими планами после того,

как мы договоримся. Пока же я ограничусь только намеком. Видите ли, я до известной степени могу управлять сложной механикой причинно-следственных связей в подлунном мире.

— Однако для того, чтобы сделать подобное утверждение, сударь, необходимо быть посланцем небес или ада — одним словом, принадлежать к миру сверхъестественного, — заметил Аретино.

— Сядьте ближе, — сказал Аззи, — и слушайте меня внимательно.

Аретино, немного смущенный повелительным тоном Аззи, придвинул свое кресло поближе к креслу гостя.

— Я, кажется, забыл представиться, — продолжал Аззи, — и хочу исправить свою ошибку. Я Аззи Элбуб, демон благородного происхождения, и я к вашим услугам, Аретино.

Тут Аззи сделал небрежный жест рукой, и тотчас вокруг кончиков его пальцев заплясала голубоватая молния, извиваясь, словно змея.

Глаза Аретино расширились.

— Черная магия! — прошептал он.

— Я вынужден прибегнуть к подобным фокусам лишь для того, чтобы вы сразу поняли, с кем имеете дело, — сказал Аззи.

Сцепив пальцы обеих рук, он сотворил один за одним шесть крупных изумрудов. Разложив их рядышком на низком столике, где стоял серебряный кувшин с вином, Аззи несколько секунд сосредоточенно смотрел на драгоценные камни. Затем одним быстрым взмахом руки он сгреб их в кучу и превратил в один большой изумруд — самый большой из всех, когда-либо существовавших в мире.

— Изумительно! — прошептал Аретино.

— Конечно, через некоторое время этот камень возвратится в свое первозданное состояние — то есть примет ту форму, которую он имел до своего превращения, — сказал Аззи, — однако и то, чего мне удалось добиться, не так уж плохо, не правда ли?

— Восхитительно! — сказал Аретино. — А могли бы вы научить этому фокусу... кого-нибудь другого?

— Только другого демона, друг мой, — ответил Аззи. — Я вижу, вы разочарованы? Полно, не стоит горевать, друг мой. Я все-таки могу много, очень много для вас сделать. Заключите со мной договор, Аретино, и ваши труды будут щедро оплачены. Ручаюсь, что награда превзойдет все ваши ожидания. Примите во внимание еще и то, что, помимо материального вознаграждения, вас ждет высочайшая награда — неувядаемая слава автора новой легенды, которой будет суждено пережить века. Ваша пьеса

может стать провозвестником новой эпохи. Ведь в конце концов на Земле настанет такое время, когда уйдут в прошлое лицемерие и фальшь — они просто не будут нужны. И вы, дорогой мастер, будете в числе тех, кто закладывал камень в фундамент этого нового общества, свободного от старых предрассудков.

Нужно отдать должное Аззи: этот хитрый демон не скупился на сценические эффекты, когда хотел уговорить кого-то. Пока он произносил свою речь, его глаза сверкали из-под густых бровей ярче, чем только что сотворенный им изумруд.

Предложение Аззи настолько вскружило голову Пьетро Аретино, что он покачнулся на своем стуле и, наверное, упал бы под стол, не подоспей Аззи на выручку. Протянув длинную худую руку, сплошь покрытую нежными рыжими волосками, демон подхватил падающий стул Пьетро Аретино и вновь поставил его на место, избавив таким образом прославленного поэта от огромной шишки на лбу.

— Я весьма польщен тем, — сказал Аретино, собравшись с духом, — что вы обратились ко мне со своим предложением создать пьесу, которая должна перевернуть весь мир вверх тормашками. Должен вам сказать, ваша милость демон, что я целиком разделяю ваши взгляды и готов верой и правдой служить вам. Однако все не столь просто. На такого заказчика, как вы, я должен работать с полной отдачей. Мне предстоит создать лучшее произведение в моей жизни. Дайте мне неделю, сударь, чтобы я смог обдумать замысел безнравственной пьесы, который видится мне пока еще слишком расплывчато. Мне нужно также перечитать много старинных легенд из числа тех, которые почти полностью преданы забвению. Ведь известно же, что новое — это хорошо забытое старое. В основу вашей пьесы я хочу положить одно из таких полузабытых древних сказаний. Поэтому я прошу у вас немного времени. За это время я должен буду подобрать легенду, подходящую к вашему замыслу, которая затронет мое сердце более остальных. Давайте встретимся... скажем, через неделю, на том же месте, то есть у меня. Вы не возражаете?

— Договорились, — сказал Аззи. — Ей-богу, Аретино, мне нравится, что вы так серьезно подходите к поставленной задаче. Я готов подождать неделю. До встречи!

И, щелкнув пальцами, Аззи растаял в воздухе, оставив изумленного Аретино одного в комнате. Если бы не кувшин, соседствующий с двумя недопитыми кубками на низеньком столике, поэт мог бы подумать, что визит рыжего демона ему пригрезился.

Часть II

Глава 1

Покидая Землю, чтобы отправиться в царство тьмы, демон использует такие силы природы, в тайны которых смертные начали проникать лишь недавно. Нужно сказать, что все достижения земных ученых в области физики элементарных частиц — лишь бледная тень подлинного могущества, которым обладают существа из вышних сфер. Вскоре после разговора с Аретино Аззи поглядел на звездное небо и улыбнулся светилам, словно старым знакомым. Он щелкнул пальцами — мода на заклинания, срабатывающие при щелканье пальцами, еще не прошла с тех времен, как Мефистофель вел непростую игру с лже-Фаустом, и Аззи решил сотворить себе модное заклинание на все случаи жизни — и почувствовал, как неодолимая сила увлекает его ввысь, в бескрайнее черное небо, усыпанное крупными алмазами звезд. Аззи мчался, как метеор; его сходство с крупным метеором довершал огненный след, который оставлял за собой рыжий демон.

С шумом и громом промчался он сквозь невидимую оболочку, отделяющую мир небесный от мира земного, — ту самую сферу, которую ученые древности полагали сделанной из хрусталя. Развив субсветовую скорость, Аззи почувствовал, как увеличивается его масса — ведь принцип относительности Эйнштейна верен даже для не совсем материальных объектов, какими, строго говоря, являются демоны. Звезды тревожно перемигивались друг с другом, наблюдая за полетом Аззи. Космический холод пробирал Аззи до костей. Его рыжие брови побелели от инея, а под носом выросла длинная сосулька. Однако Аззи, упорно стремившийся к своей цели, не обращал на эти мелкие неприятности никакого внимания. Он несся очертя голову, и ничто не могло заставить его свернуть с выбранного пути.

Чтобы поставить безнравственную пьесу, Аззи нужны были деньги. Ведь и автору, и актерам нужно платить, и платить весьма *щедро*. Однако главную статью расхода составляла даже не

зарплата всех участников проекта Аззи. Огромные суммы придется потратить на разные чудеса и сказочные приключения, которыми Аззи собирался украсить путь к счастью своих наемных работников. Ведь смертные — словно дети. Они буквально помешаны на чудесах, и, чтобы заставить их работать на совесть, придется придать действию некоторую театральность.

Где же взять необходимую сумму? Аззи вспомнил, что еще до начала истории с доктором Фаустом он стал лауреатом премии «За самую выдающуюся пакость года». Однако денег он до сих пор не получал.

В конце концов он набрал скорость, достаточную для перехода в мир иной. Внезапно Аззи ощутил, что жуткий вес, который он приобрел, перестал давить на него всей своей тяжестью. Гравитация исчезла, и Аззи поплыл в невесомости в сияющей пустоте, где уже не существовало материальных космических тел, состоящих из атомов и более мелких частиц. Он перешел черту, отделяющую реальный мир от мира незримого.

Наконец он очутился в таком месте, которое было смутно знакомо ему. Размытые, блеклые цвета, нечеткие контуры предметов говорили о том, что он близок к своей цели. Он был дома, в своем аду!

Прямо перед ним возвышались мрачные стены столицы царства тьмы, сложенные из черного камня. Несведущий гость из подлунного мира, бог знает каким ветром занесенный в эти края, мог бы принять этот город за древний Вавилон. И неудивительно: вавилоняне, имевшие весьма тесные связи и контакты с силами тьмы, построили свой город по образу и подобию столицы преисподней.

В сторожевых башенках у самых ворот, к которым подошел Аззи, несли караул демоны-часовые из числа Внутренней охраны особо плохих объектов. Аззи достал пропуск и помахал им перед свиным рылом одного из демонов, стоявшего ближе всех остальных. Огромные ворота, окованные железом, раскрылись перед Аззи, и он вошел в город.

Миновав «спальные районы», имевшие довольно унылый вид, Аззи очутился в деловом центре города. Несмотря на ранний час, здесь царила суета. Обитатели преисподней спешили куда-то с крайне озабоченным видом, входили или выходили из дверей многочисленных частных контор и государственных учреждений. Аззи шел по узкой улочке, где великолепные новые здания солидных фирм соседствовали с трехэтажными домиками — конторами мелких предпринимателей. Пройдя мимо здания Департамента коммунальных услуг, Аззи повернул направо,

нырнув под арку, и очутился в тупике. Здания, отведенные под различные канцелярии и управления, окружили его плотным кольцом. Отыскав среди этих гнезд бюрократии нужное ему учреждение, Аззи толкнул тяжелую входную дверь и слился с неиссякающим потоком исчадий ада — демонов, чертей, вампиров и прочей нечисти, текущим по бесконечным длинным коридорам, пропахшим мышами и плесенью. Здесь и там мелькали пестрые кимоно суккубов[1] — вездесущих, несмотря на рвение полиции нравов, всегда готовых обслужить высокопоставленных клиентов во время обеденного перерыва. Молодые чертики в голубых униформах торчали на лестничных площадках у окон с сигаретками в руках, обмениваясь последними новостями и поглядывая на проходящих мимо ведьмочек-секретарш.

Аззи не было дела ни до разношерстной толпы в коридоре, ни до скучающих сплетников, куривших на лестницах, где висели таблички «Курить воспрещается». Он направился прямо в бухгалтерию.

У дверей бухгалтерии выстроилась длиннейшая очередь — пожалуй, самая длинная из всех очередей в этом здании. Аззи отметил, что ни в одной из других очередей он не видел такого тоскливого выражения на лицах ожидавших. Большинство их были вконец опустившимися типами, оборванными и тощими, как сама Смерть. Все, что им оставалось в их долгой жизни, — это покорно ждать, пока кто-то из мелких служащих не соблаговолит их выслушать.

Когда Аззи вошел в длинный и мрачный коридор, ведущий к дверям бухгалтерии, очередь лениво повернула головы и поглядела на новичка мутными глазами. Однако Аззи не стал выяснять, кто здесь последний, отнюдь не собираясь занимать место в хвосте этой длинной очереди. Вынув из внутреннего кармана жилета Удостоверение на право внеочередного обслуживания — красную книжечку в солидном кожаном переплете с золотым тиснением, — он развернул его и крепко зажал в руке, подняв высоко над головой. Это удостоверение, выданное Аззи еще тогда, когда он работал под началом самого Асмодея и ходил в любимчиках у этого Князя Тьмы, давало предъявителю право буквально везде проходить вне очереди. Очередь оживилась и загудела. Уворачиваясь от цепких лап, тянувшихся к нему, Аззи протолкался к самым дверям бухгалтерии. Ловко проскользнув под локтем здоровенного гоблина, загородившего ему дорогу,

---

[1] Суккуб — дьявол в образе женщины, соблазняющей мужчин во сне с целью погубить их.

Аззи толкнул дверь, обитую человеческой кожей, и очутился в огромном мрачном зале с высоким закопченным потолком.

Клерк, восседавший за конторкой в Отделении просроченных платежей и общавшийся с посетителями через крохотное окошечко в массивной перегородке из пуленепробиваемого стекла, оказался классическим типом банковского служащего преисподней. Метис, у которого мать была чертовкой, а отец — гоблином, уроженец Трансильвании, он сумел, несмотря ни на что, выбиться в люди и, очевидно, очень гордился этим. Внешность у этого субъекта была довольно невыразительная: длинный, вечно мокрый нос, красные слезящиеся глазки, гнилые зубы и дыхание настолько зловонное, что даже обитатели ада морщились и старались поскорее отвернуться. Как всякий банковский служащий, он не забивал голову делами и старался посвящать работе как можно меньше времени, экономя свои силы и средства Центрального банка преисподней. Мастер по части всевозможных отказов, он, даже не взглянув в бумаги, просунутые ему в окошечко, заявил, что Аззи неправильно заполнил бланк получателя, представил не все документы, которые необходимы для оформления официального разрешения на изъятие некоторой суммы из Центрального банка, и что даже если все его бумаги в порядке, то это, очевидно, *не те бумаги*. Не вступая в долгий спор с клерком, Аззи достал документ, подтверждающий правильность заполнения бумаг, заверенный лично Вельзевулом. Этот документ гласил, что все бумаги подателя сего, включая банковские счета и ордера на разовые выплаты всевозможных сумм, в полном порядке, а если даже и не в полном порядке, то это не имеет никакого значения, и что суммы, указанные в ордерах, счетах и прочих документах, предъявляемых подателем сего, должны быть выплачены немедленно в соответствии с личным Указом его превосходительства. Отпечатанный на лучшей гербовой бумаге, документ был украшен печатями всех форм и размеров и одной-единственной подписью в правом нижнем углу: *Вельзевул*.

Этот документ, а особенно подпись произвели сильное впечатление на клерка-метиса. Однако он был не из тех, кто сдается без борьбы. С минуту он молча разглядывал поданный Аззи лист бумаги, почесывая кончик длинного носа, густо усыпанного прыщами и бородавками, затем прогнусавил, что он всего лишь помощник младшего бухгалтера и не обладает достаточной компетенцией, чтобы вести столь сложное дело. Пускай господин Аззи Элбуб пройдет в другой конец зала, затем направо по коридору, поднимется на четвертый этаж, пятая дверь слева...

Но Аззи не собирался этого делать. С очаровательной улыбкой, показавшей бедному банковскому служащему все тридцать три белых острых зуба демона благородного происхождения, он достал еще одну бумагу — Приказ действовать немедленно. Этот приказ гласил, что никакие отговорки и оправдания не могут служить поводом для задержки выплаты причитающихся предъявителю сего сумм и что клерки, допустившие задержку выплаты вышеупомянутых сумм, будут подвергнуты денежному штрафу в размере причитающейся предъявителю сего суммы с начислением процентов, компенсирующих стоимость банковских услуг по хранению этой суммы в течение бесконечного срока. Означенный штраф будет вычтен из жалованья клерка, виновного в задержке выплаты причитающейся предъявителю сего суммы.

Этот приказ, который Аззи попросту стащил в канцелярии Сатаны, где подобные бланки выдавались только узкому кругу лиц, приближенных к Повелителю преисподней, побудил ленивого клерка к реальным действиям. С пронзительным воплем: «Нет! Я не хочу, чтобы эта сумма была выплачена из моего кармана! Подождите всего лишь секунду... И куда это запропастилась моя печать?» — клерк-метис начал рыться в письменном столе и, наконец достав из одного ящика массивную печать, оттиснул на приходно-расходном ордере Аззи огненно-красными буквами: «ВНИМАНИЕ! СРОЧНЫЙ ПЛАТЕЖ! НЕМЕДЛЕННО ВЫПЛАТИТЬ УКАЗАННУЮ СУММУ!»

— Спуститесь этажом ниже, господин Элбуб, и предъявите этот ордер в кассе, — сказал клерк. — А теперь, сделайте милость, оставьте меня в покое. Вы испортили мне весь день.

Аззи повернулся, и тотчас же за его спиной захлопнулось окошечко конторки. Он усмехнулся: на тот случай, если ему откажут в немедленной выплате денег, у него в арсенале имелось не одно средство борьбы с бюрократией и, пожалуй, посильнее тех, что он уже использовал. Однако дальше все прошло на удивление гладко. Когда Аззи предъявил свой ордер в кассе, клерк, только взглянув на ярко-красный оттиск, немедленно выложил перед Аззи несколько мешков, туго набитых золотом. Это была премия Аззи.

Глава 2

Путешествие в преисподнюю и возвращение обратно заняло у Аззи шесть дней по земному счету времени. За это время весна уже окончательно вступила в свои права, и в Венеции пышно

расцвели сады. Сильный западный ветер, дувший несколько дней подряд, унес густой зловонный туман, висевший над городом, — главную причину мора, часто свирепствовавшего в те времена и уносившего сотни жизней по всей Европе.

В пору цветения, под щедрым весенним солнцем Венеция казалась земным раем. В парках, аллеях и рощах, во всех укромных уголках можно было встретить влюбленные парочки. Пышно одетые дамы в сопровождении нарядных кавалеров прогуливались по главным улицам. Горожане наслаждались жизнью. Ни в какое другое время года на улицах не было слышно столько музыки и звонких голосов.

Аззи, прибывший в Венецию как раз в разгар этого стихийного праздника, решил заглянуть в Арсенал, перед тем как явиться к Пьетро Аретино. У него оставался еще целый свободный день до назначенного часа встречи со знаменитым поэтом. Арсенал, одна из самых крупных верфей в Европе, давно манил к себе Аззи. Разумеется, Аззи, европейски образованный демон, вращавшийся в высшем свете, не в первый раз был в Венеции, но раньше у него просто не хватало времени на осмотр местных достопримечательностей.

Свернув в узенькую улочку, ведущую к Арсеналу, Аззи чуть было не столкнулся с высоким голубоглазым блондином, бодрым шагом идущим навстречу демону. Прохожий пристально вгляделся в Аззи и дружески хлопнул его по плечу:

— Аззи! Ведь это ты, дружище! Вот так встреча!

Это был ангел Гавриил собственной персоной. Благодаря капризам фортуны Аззи, служителя темных сил, и небожителя Гавриила связывало очень многое. Оба они в прошлом оказались одними из главных действующих лиц на исторической арене, когда началась Первая тысячелетняя война меж силами света и тьмы. Позже, когда война закончилась и Ананке подвела ее итоги, Аззи и Гавриил даже подружились — ну, может быть, не совсем подружились, однако все-таки они были гораздо ближе друг другу, чем просто знакомые. Еще их объединяла несчастная любовь к роковой женщине — черноглазой красавице Илит.

В первый момент Аззи подумал, что ангел Гавриил находится здесь не случайно, а по поручению одной высокопоставленной особы, занимающей важный пост на Небесах, — самого архангела Михаила. В последнее время силы добра не гнушались такими средствами, как тайное наблюдение, то есть подслушивание и подсматривание, вот Аззи и пришло в голову, что его небесный приятель может следить за ним по приказу начальства,

стараясь выведать его, Аззи, планы. Поэтому он решил быть предельно осторожным и ни единым словом не выдать того, что в настоящий момент было у него на уме.

— Вот уж никак не ожидал встретить тебя здесь, в Венеции, Аззи, — сказал Гавриил, широко улыбаясь.

— Я взял недельный отпуск на службе, — ответил Аззи. — Ад, конечно, веселое место, но он в конце концов надоедает, и если время от времени не совершать кругосветные путешествия, то и в аду можно сбеситься со скуки. Сейчас я в Венеции — проездом, разумеется, — и должен сказать, что это одно из приятнейших мест, которые мне довелось посетить.

— Я был очень рад увидеть тебя, — сказал Гавриил, все так же улыбаясь, — но, извини, мне пора. Я проводил здесь выходные вместе с группой ангелов. А с восходом вечерней звезды мы должны вернуться на Небеса. Староста нашей группы, ангел Израфель, ждет меня.

— Что ж, доброго пути на Небеса, — пожелал Аззи.

И старые приятели расстались. Подозрения Аззи насчет Гавриила рассеялись, однако демон все же не мог понять, что могло привести его небесного знакомца в Венецию в это время.

Глава 3

Гавриил любил возвращаться с Земли на Небеса. Он любил эти идиллические места, чем-то напоминавшие пасторали старинных итальянских живописцев, — любил маленькие белые домики, утопавшие в густой зелени, пышные луга, и мягкую, теплую атмосферу — атмосферу добра. Конечно, не везде Небеса выглядели как картинка из рекламного журнала, однако здесь, на Западе, в лучшей части рая, где жили архангелы и находились летние дворцы небесных красавиц, они выглядели именно так. небесные красавицы, все как одна высокие, стройные, светловолосые и голубоглазые, оставили бы далеко позади любую земную топ-модель — как по сексапильности, так и по умению очаровывать публику и привлекать к себе внимание. Только в отличие от большинства земных красоток они обладали незаурядным умом и провидческим даром, делавшим их неотразимыми. Посвящая свою жизнь одной задаче — вселять любовь в сердца ангелов и служить постоянным источником вдохновения для поэтических натур, — эти царицы неба жили, не зная забот и огорчений, всегда окруженные толпой вечно юных поклонников, сгорающих от любви к ним.

Один только ангел Гавриил не был очарован холодной красотой светлооких красавиц. Его избранницей стала черноволосая Илит, бывшая ведьма, столь непохожая на остальных обитательниц рая. Ее репутация была более чем скандальной: ведь в древние времена Илит, служившая подземным божествам, была гетерой в Афинах и блудницей в Вавилоне. Возможно, именно это и привлекло к ней ангела Гавриила, воодушевленного идеей обращения грешницы на путь истинный. Гавриил был влюблен, как мальчик. Об Илит же ничего определенного сказать было нельзя. Иногда ему казалось, что она любит его, иногда — нет.

Ангел Гавриил отправился в восточную часть рая, где жила Илит, кратчайшим путем. Ему очень хотелось увидеть ее хотя бы на миг. В конце концов, что в этом дурного, если ангел навестит свою старую знакомую? Он просто узнает, как у нее идут дела, и, если она пожелает его выслушать, расскажет о своем путешествии в Венецию. Однако Илит дома не оказалось. Один из новообращенных духов природы — возможно, бывший леший или домовой, — принятый на Небеса в качестве херувима, подстригал траву на лужайке перед домиком Илит — такое наказание он придумал себе за один недавно совершенный мелкий проступок. Он сообщил Гавриилу, что Илит нет дома уже давно — она отправилась на Землю, на экскурсию по святым местам с группой молодых ангелов, изучающих Закон Божий.

— Правда? — огорчился Гавриил. — А вы случайно не знаете, в какое время они отправились?

— Я слышал, что эту эпоху называют Ренессанс, — ответил дух земли.

Гавриил учтиво поблагодарил его за информацию и ушел от дома Илит в задумчивости. Ведь Аззи выбрал для своего кругосветного путешествия ту же самую эпоху. Было ли это простым совпадением или же за этим что-то скрывалось? Гавриил не был подозрительным, скорее наоборот, он был чересчур доверчив — даже для ангела. Но горький жизненный опыт подсказывал ему, что все остальные не столь прямодушны и открыты, как он. Особенно Аззи. Скрытность была его второй натурой, иногда полностью заслонявшей первую, которую, возможно, он и пытался скрыть. А Илит? Гавриил сомневался в ее беззаветной преданности идеалам добра, хотя она и не упускала ни малейшей возможности сделать доброе дело. Он, конечно, не думал, что она свернет с пути, открывшегося перед нею с тех пор, как она стала служить светлым силам, однако она еще не обрела достаточной твердости, дающей силы устоять перед любым искушением. Возможно, она не устояла перед соблазном повидаться со старым

дружком — или, что более вероятно, сам Аззи искал встреч с Илит. Если так, то, очевидно, не случайно оба они выбрали для путешествий одно и то же время — они просто назначили свидание. Или же все-таки это простое совпадение?

На пути от дома Илит к усадьбе «В тени оливы» — владениям архангела Михаила — ангел Гавриил раздумывал над этим. Вскоре впереди показался белый дом с колоннами, стоявший на вершине холма. Сам Михаил стоял на лужайке перед домом, подрезая розовые кусты. Он засучил рукава своего белоснежного одеяния, открыв смуглые мускулистые руки.

— О! С благополучным возвращением тебя, Гавриил! — воскликнул хозяин усадьбы, отложив садовые ножницы и утирая со лба пот — сладкий пот честного трудолюбца, не чурающегося физического труда. — Хорошо ли провел выходные?

— Благослови господь вашу работу, сэр. Благодарю вас за вашу заботу, сэр, я провел несколько незабываемых, восхитительных дней. Вы же знаете, как я люблю путешествовать. Должен сказать вам, сэр, что во время поездки я не просто глядел по сторонам, но постарался расширить свои познания в области изящных искусств. Разумеется, к вящей славе божией[1].

— Разумеется, — повторил архангел Михаил, кивнув головою.

— Знаете, сэр, кого я встретил во время поездки? Аззи Элбуба.

— Старину Аззи? — переспросил Михаил, задумчиво поглаживая подбородок. — Так-так. Ну, и какую же новую чертовщину он там затевает?

Архангел Михаил помнил Аззи с тех времен, когда он и демон Мефистофель были назначены Верховными Главнокомандующими сил света и тьмы во Второй тысячелетней войне, а проще говоря — в истории с доктором Фаустом.

— По правде говоря, сэр, он далек от всяческих козней. Так, по крайней мере, он утверждает. Он сказал мне, что проводит отпуск в кругосветном путешествии, хотя я полагаю, что он увивается за ангелом Илит. Вам должно быть известно, сэр, что она сейчас на Земле. Потому-то он и выбрал именно это время.

— Может быть, и так, — задумчиво произнес архангел Михаил. — А может быть, иначе. Одно ясно: он что-то замышляет.

— Что же именно он замышляет, сэр? — спросил ангел Гавриил с живостью.

— У меня есть несколько гипотез на сей счет, — неопреде-

---

[1] К вящей славе божией — девиз иезуитов.

ленно отвечал архангел Михаил. — Мне нужно будет тщательно их взвесить. А теперь, мой друг, если ты действительно хорошо отдохнул, не пора ли приняться за дело? У нас накопилось много корреспонденции, ее нужно разобрать.

Архангел Михаил во многом был педантом: он отвечал на каждое из огромного количества писем, поступавших к нему со всех концов света — как из подлунного мира, так и из Рая.

— Я сейчас займусь корреспонденцией, сэр, — ответил ангел Гавриил и направился в свой маленький кабинетик, расположенный в северном крыле особняка. Раньше это крыло называлось домиком для слуг, но впоследствии было переименовано в Комнаты для не очень важных гостей.

Часть III

Глава 1

Сидя в ящике Пандоры, Илит просто не находила себе места. Кроме обычных неудобств, которые вынужден терпеть каждый заключенный, она испытывала адские муки оскорбленной гордости. По правде говоря, никто не смел так подшучивать над нею еще со времен Приама, царя Трои. Приам грозился поймать ее и запереть в деревянный ящик с каким-то секретом, придуманным лично им. Но где ему было поймать ее! Она не пошла в ловушку, словно глупая мышь в мышеловку. Прошли года, миновало несколько столетий. Где сейчас Троя? Ее разрушили до основания. И где сейчас царь Приам? Он погиб вместе со своим городом. А Илит жива и здорова — отчасти потому, что не совала свою хорошенькую головку в разные хитрые деревянные ящики...

Это тебе достойное наказание за твою гордыню, одернула себя Илит. Не надо быть о себе слишком высокого мнения, чтобы, потеряв всякую осторожность, не попасть в беду. Она всегда считала себя осмотрительной и осторожной, не в пример другим девушкам. И что же? Она в ловушке. Попалась самым глупейшим образом!

Илит предавалась меланхолии, когда ящик вдруг осветился изнутри мягким золотистым светом. Свет становился все ярче, и вот в туманной мгле постепенно стал вырисовываться прекрасный пейзаж. Перед Илит расстилался зеленый луг, справа была роща, а далеко впереди, у самого горизонта, синели горные вершины. Где-то негромко пела свирель.

Илит услышала, как кто-то окликнул ее. Голос явно принадлежал мужчине:

— Илит, ты здесь? Ты попала в беду? Позволь, я помогу тебе.

Свет в ящике Пандоры стал еще ярче.

— Кто говорит со мной? — спросила Илит.

— Я, Зевс, — послышался все тот же голос, доносившийся будто бы издалека. — Как видишь, у меня еще хватает сил на

такие фокусы, хотя я и не обладаю прежней мощью. Но ты так и не сказала мне, что ты здесь делаешь.

— Вот, сижу в ящике, — пожаловалась Илит. — Кто-то похитил меня и держит взаперти.

Илит всего лишь раз встречалась с Зевсом лично. Это было в Римскую эпоху, когда греческие боги снова обрели власть над миром — правда, ненадолго. Тогда Илит просила у него место какого-нибудь второстепенного божества или духа природы — например, нимфы или дриады. Зевс обещал подумать. Больше они не встречались, и Илит уже успела забыть об этом.

— А почему он держит тебя взаперти? — спросил Зевс.

— Он боится, что я его убью. Что ж, пожалуй, так оно и будет!

Зевс вздохнул:

— Ты совсем как моя дочь, стрелометательница Артемида. Такая же упрямая. Но почему бы тебе не сыграть с ним маленькую шутку?

— Сыграть с ним шутку? Что ты имеешь в виду?

— Например, внушить ему мысль, что тебе понравилось сидеть в этом ящике и ты ни за что на свете не согласишься выйти оттуда.

— Он не поверит мне.

— А ты попробуй. Те, кто похищает молоденьких женщин и держит их под замком — всякие террористы и тому подобное, — они же все как один чокнутые. Ну, придумай, сочини что-нибудь.

— Ты хочешь сказать — солги?

— Да, именно это я и хочу сказать.

— Но ведь лгать нехорошо! Так порядочные духи не поступают!

— Но ведь ты всегда можешь впоследствии очиститься от своего греха, или, как теперь у вас говорят, искупить его. Я, по крайней мере, часто так делал, когда нарушал мной же самим установленные законы и правила. В конце концов, на карту поставлена твоя свобода!

— Нам не позволено лгать, — заявила Илит, но уже не столь категорично, как вначале.

— Так, значит, мы договорились, слышишь, Илит? Попробуй поговорить с этим жалким смертным. Заставь его посмотреть на вещи твоими глазами. Если это не поможет, прибегни к хитрости, к обману. В конце концов, мир прекрасен, и он стоит того, чтобы снова его увидеть ценой одной лишь маленькой лжи. Ты даже не совершишь большого греха — ты всего лишь ответишь хитростью на его хитрость: ведь он первый обманом заманил тебя в ловушку. Подумай, Илит! Ты так молода и хороша

собой, что держать тебя в этом противном ящике — просто преступление!

В сотый раз проиграв все варианты предстоящего разговора с противным толстым торговцем, Илит критически оглядела себя в магическом зеркале. Глаза умело подведены, волосы уложены. Правда, лицо выглядит намного бледнее, чем обычно, но это пустяки. Если ее план удастся, на ее щеках вновь заиграет здоровый румянец.

— Вестфал! — позвала Илит. — Вы здесь, Вестфал?

— Да, я здесь, — ответил из дальнего угла комнаты бедняга, уже третью ночь подряд не смыкавший глаз.

— А почему вы здесь? Разве вам не нужно ходить на работу, заниматься делами?

— Конечно, нужно! — жалобно ответил Вестфал. — Из-за этой дурацкой истории я терплю серьезные убытки. Я же не могу оставить вас здесь одну без присмотра. Потому-то я и не спускаю глаз с крышки этого ящика.

— Но почему?

— Потому что стоит мне на несколько часов оставить вас одну — и вы обязательно выберетесь из ящика. Или заколдуете меня...

— Ну, заколдовать вас, положим, я могла бы в любой момент, — сказала Илит кокетливо, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос звучал естественно. — Но я не хочу этого делать. Неужели вы принимаете меня за злую колдунью, Вестфал?

— Ох, после всего, что вы мне тут наговорили, я решил, что разумнее всего будет приготовиться к самому худшему.

— Вы меня огорчаете, Вестфал, — вздохнула Илит. — Подумайте сами, какой женщине понравится, если ее оторвут от привычных дел, запихают в ящик и отнесут куда-то, словно мертвый груз. А ведь мы, колдуньи, мало чем отличаемся от простых женщин — особенно когда это касается чувств. Мы всего лишь женщины, Вестфал, даже самые ангелоподобные из нас. И мы хотим, чтобы с нами обращались как с настоящими леди, черт побери!

— Да-да, теперь я это очень хорошо понимаю, — ответил Вестфал. — Но, к сожалению, уже поздно, и невозможно что-либо изменить.

— Ну, лучше уж поздно, чем никогда. — Голос Илит был сладким, как патока. — А вот насчет перемен... Откройте-ка крышку, и, я думаю, мы сумеем договориться. Вы нравитесь мне, Вестфал.

— Правда? — воскликнул тот.

— Ну конечно, даю честное ангельское слово — ведь я еще и ангел, дорогой Питер. Так вот, я даю вам свое честное ангельское слово, что я пальцем вас не трону, если вы откроете крышку.

Вестфал подошел к туалетному столику и, набрав в грудь побольше воздуха для храбрости, чуть-чуть приоткрыл крышку...

Словно черный вихрь пронесся по комнате. Казалось, само солнце померкло и земля вздрогнула — это Илит вырвалась на свободу из своей тесной тюрьмы. Жуткие тени замелькали по стенам — это Илит начала творить страшные заклинания, призывая на помощь Гекату, древнюю богиню колдовства. Питер Вестфал почувствовал, как волосы у него на голове встали дыбом от ужаса.

— Вы обещали, что не тронете меня! — сдавленно крикнул он.

Внезапно наступила тишина, и комната опустела. Вестфал отправился в забытый богом уголок в самой глухой части Лимба, а Илит поднялась в воздух, чтобы явиться с докладом к архангелу Михаилу. Ящик Пандоры так и остался стоять на туалетном столике возле кровати Питера Вестфала. Крышка его была откинута, и волшебное зеркало слабо мерцало в полутьме.

Глава 2

Аззи постучался в дверь Аретино ровно через неделю после того, как они расстались, — минута в минуту. Аретино провел гостя в верхний этаж, в маленькую гостиную, где они опустились в мягкие кресла, обитые парчой. Аретино приготовил дорогое вино для своего гостя. Слуга принес легкую закуску к вину.

Некоторое время почетный гость и хозяин сидели молча, любуясь видом, открывавшимся из высокого окна. Голубые сумерки опустились на город, придавая знакомым улицам и площадям таинственный, почти сказочный вид. Сквозь приоткрытое окно до Аззи и Пьетро Аретино доносились голоса подгулявших студентов, горланящих какую-то смешную песенку. Человек и демон не прерывали молчания, слушая, как грубые голоса выводят замысловатые рулады.

Аззи переживал один из величайших моментов своей жизни, его душу переполняли радостные предчувствия. Вот-вот свершится то, чего он ждал всю жизнь: он начнет одно из тех великих дел, которые коренным образом изменяют ход истории. Он станет истинным вершителем судеб всего мира. Достаточно ему сказать лишь слово — и, кажется, сам земной шар начнет вертеться в обратную сторону! Это сладостное чувство опьяняло

Аззи сильнее, чем самое крепкое вино. Он всегда хотел быть лидером, выделяться из толпы. Теперь его мечты осуществятся: наконец-то он будет определять ход событий, а не подчиняться им!

Сладкие мечты о будущем господстве над миром настолько увлекли Аззи, что он забыл обо всех остальных делах, забыл о Пьетро Аретино, терпеливо ждущем его дальнейших указаний, да и вообще о том, где он сейчас находится. Наконец, очнувшись от грез, Аззи извинился перед хозяином за столь долгое молчание:

— Вам могло показаться, любезный Аретино, что я несколько небрежно отнесся к огромной работе, проделанной вами за эту неделю. Прошу извинить меня: обдумывая наши совместные планы, я позволил мечтам увести меня слишком далеко... Но я опять прошу меня извинить: я сказал — наши совместные планы, не удосужившись выслушать ваш окончательный ответ, согласны ли вы сотрудничать со мной? Быть может, мой замысел кажется вам слишком ничтожным, чтобы согласиться на подобное сотрудничество?

— Отнюдь, сударь. Как раз наоборот, это самая выдающаяся затея из всех, в которых мне приходилось участвовать, и, кажется, вы сделали правильный выбор, заказав безнравственную пьесу мне, а не кому-нибудь другому, — ответил поэт и драматург. — А сейчас не угодно ли вам будет послушать древнюю легенду, которую я собираюсь положить в основу вашей пьесы?

— Легенду? — спросил Аззи. — Что ж, я с удовольствием ее послушаю. Может оказаться, что я ее знаю — я ведь любитель древних легенд.

— Это очень старая легенда. В ней есть и Бог, и Адам, и Люцифер.

— Ба! Знакомые все лица! Начинайте, Пьетро, прошу вас!

Аретино откинулся на спинку кресла и, отпив несколько глотков вина из бокала, начал свой рассказ.

Адам лежал на мягкой траве Эдема, в тени, у чистого ручья, прикрыв глаза, когда Бог явился ему и строго спросил:

— Адам! Чем это ты занимался?

— Я? — довольно натурально удивился Адам. — Я — ничего... Я просто лежал в тени и предавался неге.

— Я знаю, что ты предавался неге, — сказал Бог еще более строгим тоном. — Я ведь постоянно слежу за тобой, за всеми твоими делами, и Я все вижу. Ведь ты — Мое творение, и Я обязан наблюдать за твоим развитием. Я спрашиваю, что ты делал перед тем, как лечь в тени и предаться неге?

— Не помню.

— И все-таки попытайся припомнить. Ты ведь был с Евой, правильно?

— А, ну конечно, я был с ней. А что, разве в этом есть что-либо предосудительное? Ведь она моя жена, и вполне естественно, что я...

— Не пытайся сбить Меня с толку, Адам! Ты прекрасно знаешь, что никто не собирается осуждать тебя за то, что ты проводишь время вместе с Евой, своей женой. Я просто хочу, чтобы ты рассказал Мне, что ты делал до того, как предаться неге. Ты разговаривал с Евой? Отвечай!

— Ну хорошо, я разговаривал с ней — если, конечно, это можно назвать разговором. Она опять пересказывала мне то, что поведали ей птицы небесные, — ведь больше с ней ни о чем невозможно поговорить. Она все время говорит на каком-то птичьем языке. Я давно хотел спросить Тебя... Как Ты думаешь, с ней все в порядке? То есть я хочу сказать, она в своем уме? Я обращаюсь с этим вопросом к Тебе, потому что Ты должен лучше меня разбираться в подобных вещах. В конце концов, Ева — единственная женщина, с которой мне приходилось общаться, и мне не с кем ее сравнивать. У меня нет даже матери... Нет, Ты не подумай, я не жалуюсь. Но эти постоянные разговоры о птицах... Она не умолкает ни на секунду и трещит как сорока!

— Гм... Видишь ли, Ева так чиста и невинна... Разве это так плохо?

— Нет, это совсем не так плохо.

— В чем дело, Адам? Я чем-то тебя обидел?

— Не говори глупостей! Как Ты можешь обидеть меня, если Ты — Бог?

— Хорошо. А чем еще ты занимался с Евой, кроме разговоров?

Адам покачал головой:

— Откровенно говоря, Тебе вряд ли будет приятно это слышать. Это слишком непристойно для ушей Бога.

— Я не имел в виду секс, — сказал Бог презрительно.

— Послушай, если Ты и вправду такой всевидящий и всезнающий, зачем же Ты спрашиваешь меня, что я делал, а что я не делал?

— Я пытаюсь установить истину.

Адам что-то тихо пробормотал себе под нос.

— Что ты сказал? — спросил его Бог.

— Я не понимаю, за что Ты так сердишься на меня. В конце концов, Ты создал меня по Своему образу и подобию. А раз так, чего же Ты хочешь?

— Ах так? Значит, ты считаешь, что, если Я создал тебя по Моему образу и подобию, это может оправдывать все твои дурные поступки?

— Ну, я думал, что Ты...

— Я дал тебе все, чего только можно было пожелать. Я вдохнул в тебя жизнь. Я наделил тебя разумом, развитым воображением, памятью, литературным вкусом, большими способностями в различных видах спорта, артистизмом, способностью складывать и вычитать числа и еще доброй сотней других не менее важных и полезных способностей. Я придал тебе вполне благообразный вид. Благодаря Мне у тебя есть все — прелестная жена, хорошая пища, мягкий климат в той области, где ты живешь. Я мог бы снабдить тебя всего одним пальцем, и ты бы никогда не выучился считать даже до двух. Вместо этого Я дал тебе целых десять пальцев на руках и еще десять на ногах, так что ты можешь считать практически до бесконечности. Я все для тебя сделал! И взамен Я просил тебя только об одном — чтобы ты пользовался только тем, чем Я разрешил тебе пользоваться, и не смел прикасаться к тому, что Я запретил тебе трогать. Ты помнишь этот уговор или нет?

— Да, помню, — пробормотал Адам.

— Вспомни, о чем мы с тобой говорили в тот день. Я показал тебе вон то дерево, которое мы называем Древом Жизни, — на нем еще висело крупное красное яблоко — и сказал тебе: «Адам, сделай одолжение, не вкушай плода с этого дерева». И ты ответил Мне: «Хорошо, Господи, я и без яблок отлично обойдусь, ведь у меня есть и морковь, и репа, и свекла, и картофель, и даже огурцы — питательные, полезные для здоровья овощи». Но вчера, когда ты был вместе с Евой, вы все-таки вкусили плод запретного дерева! Вы съели яблоко!

— Яблоко? — переспросил Адам удивленно.

— Не притворяйся, Адам! Ты отлично знаешь, что такое яблоки! — сказал Бог. — Они большие, круглые и сладкие на вкус. Только вот ты не должен знать, каковы они на вкус, потому что Я запретил тебе есть яблоки.

— Не понимаю, почему мне можно есть овощи и даже некоторые фрукты и ягоды, а к яблокам я не должен и прикасаться.

— Я уже объяснял тебе это. Если бы ты слушал более внимательно, ты бы не задавал Мне таких глупых вопросов. Потому что, вкусив этого плода, ты познаешь добро и зло.

— А что плохого в познании добра и зла? — спросил Адам.

— Видишь ли, с одной стороны, всякое знание есть благо, — ответил Бог. — Но с другой стороны, знание может обернуться

бедой, если оно попадет в руки человека, не владеющего инструментом диалектики и поэтому не способного оценить всю сложность заключенных в этом знании противоречий. Знание, полученное слишком рано, может нанести непоправимый вред тому, кто будет им обладать. Вы с Евой пока еще не были готовы принять это знание. Наблюдая за вашим развитием, Я постепенно готовил вас к тому моменту, когда вы сможете вкусить плод познания добра и зла без ущерба для себя. Но она соблазнила тебя, уговорила тебя вкусить от запретного плода, ведь так было дело?

— Не совсем, — ответил Адам. — Эта мысль и раньше приходила мне в голову. Вообще это была моя собственная идея. Ева не виновата. Ее мысли заняты только птицами.

— Но это она первой заговорила о том, чтобы вам обоим отведать запретного плода, так?

— Может, и так. Ну и что? Я слышал, что Ты не очень рассердишься на нас, если мы с Евой откусим по кусочку яблока.

— От кого ты это слышал?

— Точно не помню. Может быть, от птиц, а может, от пчел — их здесь великое множество, всех разве упомнишь! Но раз уж мне и Еве было уготовано вкусить от этого плода, велика ли разница, если мы попробовали кусочек чуть раньше, чем этого от нас ожидали? Если яблоко положено на каминную полку, то в одном из актов кто-нибудь непременно должен его съесть — так ведь гласит закон необходимости в применении к классической драме, если я не ошибаюсь? Не можем же мы целую вечность оставаться в райском саду! Разве я не прав?

— Ты, конечно, прав, — ответил Бог, гневно глядя на Свое творение, — но ты еще не знаешь, до какой степени ты прав. Ты сей же час покинешь райский сад, слышишь? Сомневаюсь, чтобы тебе когда-нибудь удалось вернуться обратно. Я изгоняю тебя из Эдема, где ты мог вести безмятежное существование!

И Бог изгнал Адама и Еву из рая, послав ангела с огненным мечом выполнить эту миссию. Так Адам и Ева стали первыми людьми, имевшими дело с участковым милиционером, явившимся выселять их как проживающих без прописки. Изгнанные из Эдема мужчина и женщина в последний раз оглянулись на райский уголок, который они считали своим родным домом, и побрели прочь. Много дорог им пришлось исходить, переходя с места на место, однако, где бы они ни жили, ни одно из этих мест они не могли назвать своим домом.

Только оказавшись за пределами Эдема, Адам и Ева заметили, что оба они наги.

— Эй, ты, божья корова! — сказал Адам Еве. — Да ты же совершенно голая!

— Ты тоже! — ответила Адаму обиженная подруга.

Они проявили сильнейшее любопытство к таким частям их тел, которые обычно не принято показывать в обществе, и, кажется, обнаружили много забавного, потому что долго смеялись друг над другом. Так родился сексуальный юмор.

Вдоволь насмеявшись, Адам рассудительно заметил:

— Не лучше ли будет, если мы чем-нибудь прикроем все эти висящие штучки — надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю, — кивнула Ева. — Странно, что мы не додумались до этого раньше, правда?

— Немудрено! Раньше ты думала только о своих птицах, — сказал Адам.

— Действительно. Я сама не знаю, почему так получалось, — согласилась Ева.

Так, разговаривая, они прошли еще немного по дороге, ведущей из рая. Перед ними расстилался незнакомый пейзаж. Всмотревшись вдаль, Адам спросил:

— Интересно, что это такое там впереди?

Ева посмотрела туда, куда указывал пальцем Адам, и сказала:

— Если только это не обман зрения, я вижу там... людей.

— Но ведь этого не может быть! Мы единственные люди на Земле! — воскликнул Адам.

— Мы *думали*, что мы единственные, — возразила Ева, — но оказалось, что это не так. Помнишь, как мы с тобой рассуждали, есть ли еще во Вселенной существа, похожие на нас?

— Да, — сказал Адам, — теперь я вспомнил. Мы пришли к мысли, что Бог должен был бы создать других людей, чтобы нам было с кем общаться. Ведь если ты умеешь творить людей, то вряд ли остановишься на первых опытных образцах.

— Ты должен это помнить, — сказала Ева.

— Но мне как-то не верилось, что Он действительно сделает это, — в голосе Адама звучала горечь. — Я думал, мы будем единственными людьми на Земле.

Бог действовал быстро. Он задумал сурово покарать тех, кто посмел Его ослушаться. С самого начала Адам и Ева были единственными людьми на Земле. Но после того как первые люди нарушили божественную волю, Бог создал других людей в наказание первым. Адаму и Еве оставалось только удивляться божественному промыслу — они так и не смогли понять, зачем Богу понадобилось заселять Землю.

Широкая дорога, по которой шли Адам и Ева, скоро привела их к городу.

— Как называется это место? — спросил Адам у первого прохожего, попавшегося им на пути.

— Это *Не самое лучшее место на Земле*, — ответил тот.

— Что за странное название! — удивился Адам. — Что оно означает?

— Только Эдем может называться *Лучшим местом на Земле*, — ответил прохожий, — но, если забыть об Эдеме, это воистину райский уголок.

— А откуда вы знаете об Эдеме? — спросил Адам. — Я что-то не встречал вас там.

Прохожий как-то странно поглядел на Адама, затем сказал:

— Но ведь каждому известно, что лучше Эдема ничего быть не может. Не обязательно самому побывать в Эдеме, чтобы узнать эту очевидную истину.

Адам и Ева поселились в этом городе. Вскоре они коротко сошлись со своим соседом, демоном по имени Гордон Люцифер. Люцифер был ловким и предприимчивым малым. Он открыл первую юридическую контору и стал заниматься частной практикой.

Как-то раз, заглянув к своему соседу, Адам сказал:

— Нам с Евой нужен толковый адвокат. Сдается мне, нас здорово одурачили. Мы были незаконно изгнаны из рая. Во-первых, мы не получали предуведомления о выселении. Во-вторых, наше дело не рассматривалось в суде, и, само собой разумеется, у нас не было адвоката.

— Вы правильно сделали, что обратились ко мне, — сказал Гордон Люцифер, проведя гостя в свой кабинет. — *Все будет правильно, на этом построен мир* — таков девиз сил тьмы, компании, на которую я работаю. О нет, я отнюдь не хочу сказать этим, что Тот, о ком вы сейчас говорили, поступает неправильно. У Бога всегда благие намерения, но... вы, конечно, не раз слыхали, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями. Думаю, я сумею выиграть ваше дело. Я намерен обратиться с жалобой к Ананке. Этой влиятельной особе одинаково подчиняются как силы света, так и силы тьмы, и пути ее еще более неисповедимы, чем пути господни.

Ананке, Безликая Богиня, как ее называли в древние времена, приняла Люцифера в комнате, служившей ей одновременно и гостиной, и рабочим кабинетом, и комнатой отдыха, стены которой были сложены из серых туч, окна глядели на безбрежный

Океан Времени, а белоснежные занавески колыхал Ветер Вечности.

Внимательно выслушав жалобу Люцифера, Ананке не стала откладывать дело в ящик своего письменного стола и тут же объявила свое решение. Ее приговор гласил, что Адам был незаконно изгнан из Эдема и ему должно быть позволено вернуться на прежнее место жительства. Воодушевленный Адам поблагодарил всех, кто принимал в нем участие, сказал Еве, что скоро вернется, и отправился на поиски потерянного рая. Но тщетно искал он дорогу, ведущую в рай: Бог окутал Землю кромешною мглою, так что Адам видел не дальше своего носа. Адам снова обратился за помощью к Гордону Люциферу. Тот, покачав головой, решил связаться с начальством и передать дело в высшую инстанцию.

Сам Сатана, начальник Люцифера, внимательно выслушал своего подчиненного.

— Это несправедливо, — сказал он, когда Гордон изложил ему дело Адама. — Мне это дело кажется крайне запутанным и спорным. Однако я кое-что могу сделать для твоего клиента. Вот, держи это. Здесь семь золотых подсвечников. Они волшебные. При правильном обращении с ними эти безделушки могут помочь твоему подзащитному найти обратную дорогу в Эдем.

И Адам снова отправился на поиски, держа в руке один из волшебных золотых подсвечников. Шесть оставшихся подсвечников были аккуратно уложены в кожаную сумку, которую Адам повесил через плечо. Свеча, зажженная в подсвечнике, горела призрачным голубоватым пламенем. Все предметы вокруг приобрели неестественно резкие очертания. Адаму показалось, что зрение его стало во много раз острее благодаря волшебному светочу, который он нес перед собой, и он смело зашагал вперед.

Он шел и шел, и волшебный подсвечник с зажженной свечой помогал ему не сбиться с дороги, рассеивая сгустившийся над миром мрак. Благодаря этому чудесному дару сверхъестественных сил Адам мог одновременно видеть и то, что было впереди, и то, что оставалось позади него, и то, что находилось справа и слева. Прошагав изрядное количество миль по дороге, затем по бездорожью, потом еще немного по лесной чаще, а потом по тропинке, бегущей вдоль реки, Адам наконец вышел к беседке, увитой плющом. Возле беседки был большой бассейн, выложенный мрамором. Это место показалось ему знакомым. Ну конечно, он часто отдыхал здесь, когда вел прежнюю беззаботную жизнь в Эдеме! Адам остановился, чтобы хорошенько оглядеться кругом, но волшебный светоч, озарявший его путь, вдруг погас.

— А, провались ты в преисподнюю! — выругался Адам. (В те

времена люди еще не были столь изобретательны по части ругательств, как в наш век, и дотошный читатель может быть уверен в том, что Адам не употребил более крепкого словца не потому, что был так хорошо воспитан, а просто потому, что не знал подобных слов.) Вытащив из сумки другой подсвечник, он поднял его высоко над головой.

Как и в первый раз, свеча в золотом подсвечнике загорелась сама собой и горела на удивление ровным голубоватым пламенем, пока Адам шел дальше через поля и луга, через горы и овраги. Наконец он очутился на берегу моря. Вдали виднелся зеленый остров, судя по всему, необитаемый. Теплый ветерок, прилетевший с моря, ласково взъерошил волосы Адама, и Адам вздрогнул, почувствовав в этом нежном прикосновении частичку того блаженства, которого он лишился с тех пор, как его изгнали из рая. Он остановился как вкопанный — и тут свеча в золотом подсвечнике погасла.

Он упрямо продолжал свой путь, вытащив новый подсвечник из своей сумки, и снова с ним повторилась та же история. Тьма, посланная Богом на Землю, мешала Адаму найти правильный путь. Тьма сыграла с ним злую шутку: как только ему казалось, что он отыскал потерянный рай, и он останавливался, свеча в его руке гасла — он принимал за настоящий рай нетронутый уголок природы, лишь отдаленно напоминавший райский сад или заповедные райские кущи. Наконец погасла последняя из семи свечей, данных Адаму Сатаной, и Адам очутился там, откуда он начал свой путь. Волей-неволей ему пришлось остаться здесь навсегда.

После того как Адам потерпел неудачу в седьмой раз, Ананке отменила свое прежнее решение и постановила, что Адам ни при каких обстоятельствах не может вернуться обратно в Эдем. Судебное разъяснение по делу Адама гласило, что изгнание вышеупоименованного Адама из рая явилось первым звеном в цепочке необратимых событий, из которых складывается ход мировой истории, и нити жизни Адама и его жены Евы уже вплелись в ткань бытия. То, что, несмотря на помощь семи золотых подсвечников, Адам не смог найти дорогу в потерянный рай, доказывает волю космического провидения. Очевидно, в самом начале, при программировании кармы, или чуть позже, при трансляции готовой программы, была допущена какая-то ошибка, ставшая главной причиной драмы, пережитой первыми людьми. В конце концов Адам был официально признан первой жертвой божественного промысла, однако потерянного рая это ему не вернуло.

На этом Аретино закончил свой рассказ. Некоторое время они с Аззи сидели молча. Стемнело, и свечи в фигурных подсвечниках догорели почти до конца. Наконец Аззи, до сих пор сидевший в кресле неподвижно, словно восковая фигура, пошевелился и спросил у Пьетро:

— Интересно, откуда взялась эта легенда?

— Малоизвестная басенка. Скорее всего выдумка гностиков, — пожал плечами драматург.

— Однако я впервые услышал ее от вас, — сказал Аззи, — хотя демоны обычно лучше разбираются в теологии и смежных с нею дисциплинах, чем поэты. Послушайте, а вы случайно не сами сочинили эту историю?

— Если даже я и сам ее сочинил, — резонно заметил Аретино, — разве она стала от этого хуже?

— Ни в коем случае! — ответил Аззи. — В конце концов, откуда бы ни взялась эта легенда, она мне нравится. Итак, мы набираем семь добровольцев и вручаем им семь золотых подсвечников. Каждый из этих волшебных подсвечников поможет исполнить заветное желание его обладателя.

— Подождите минутку, — перебил его Аретино, — разве я сказал, что волшебные золотые подсвечники на самом деле существовали? Скорее всего это просто выдумка. Ведь в легендах часто встречаются выдумки, похожие на правду. Но даже если на свете действительно существуют волшебные золотые подсвечники, обладают ли они достаточной волшебной силой, чтобы выполнять заветные желания?

— А, пустяки! — улыбнулся Аззи. — Мне нравится легенда, которую вы рассказали, и поверьте, Аретино, мы обязательно поставим пьесу по ее мотивам. Если это всего лишь красивая выдумка и никаких золотых подсвечников на самом деле не было, мы изготовим их сами, вот и все. Если же легенда говорит правду и Адам действительно держал в руках волшебные подсвечники, то не могли же они пропасть бесследно! Волшебные предметы так просто не исчезают. Подсвечники наверняка лежат в каком-нибудь тайнике и ждут своего часа. Я обязательно разыщу их. Если же мои поиски окажутся тщетными, я обязательно придумаю что-нибудь еще.

— А как быть с актерами? То есть с людьми, которым вы вручите волшебные подсвечники? — спросил Аретино.

— Об актерах не беспокойтесь, — сказал Аззи. — Я сам под-

беру их. Каждому из этих избранных я дам золотой подсвечник, а вместе с подсвечником — шанс исполнить свое самое заветное желание. Актеру — или актрисе — останется только взять подсвечник и ни о чем больше не беспокоиться. Все остальное получится само собой. Разумеется, не без помощи магии.

— А какими качествами должны обладать эти избранные? Наверняка они должны быть выдающимися людьми.

— Нет, дорогой мой мастер. Я не требую от них каких-то выдающихся способностей. Все, что мне нужно, — это найти семерых, у каждого из которых есть одно заветное желание. Думаю, что это будет не так уж трудно сделать.

— И вы ничего не потребуете от них в обмен на исполнение заветного желания? Вы не поставите никаких дополнительных условий — скажем, чтобы ваши кандидаты обладали такими чертами характера, как упорство и настойчивость, чтобы поведение их было безупречным?

— Нет. Напротив, я преследую прямо противоположную цель. Я хочу доказать, что любой смертный может достичь вершины блаженства, не прилагая к этому абсолютно никаких усилий.

— Довольно необычный замысел, — сказал Аретино. — Таким образом, вы докажете, что случай и удача целиком определяют судьбу человека.

— Конечно! Такова позиция сил тьмы — лови удачу, не упускай свой шанс. А что вы об этом думаете, Аретино?

— Только слабые люди надеются на удачу, — пожал плечами Аретино.

— Значит, моя пьеса будет иметь колоссальный успех, — обрадовался Аззи.

— Если вы стремитесь к тому, чтобы стяжать громкую славу, — холодно заметил Аретино, — то я могу гарантировать ее вам. Что ж, я не возражаю. В конце концов, служу ли я силам света или силам тьмы, все, что я пишу для них, — это чистейшая пропаганда. В требованиях, которые они предъявляют к создаваемой пьесе, всегда чувствуется какая-то односторонность, и в результате произведение получается несколько однобоким. Мне всегда кажется, что я что-то упускаю, жертвую чем-то важным в угоду заказчику... Но, впрочем, какое мне до всего этого дело? Я пишу пьесу, вы платите мне за нее — и только. Я всего лишь наемный работник. Если вы закажете мне пьесу, в которой на красных камнях будут цвести зеленые цветы, я напишу ее — если мне за это заплатят, разумеется. Однако для меня сейчас главный вопрос — понравилась ли вам моя легенда?

— Очень понравилась! — воскликнул Аззи. — Я думаю, что нам с вами стоит начать работать над пьесой сегодня же. Сейчас. Сию минуту!

— Для начала, — сказал Аретино, — нам нужно выбрать театр, в котором мы будем разыгрывать вашу пьесу. У каждого театра есть свои особенности, которые я, как всякий опытный драматург, должен учитывать при работе над пьесой. А актеры, занятые в главных ролях? Вы уже имеете кого-нибудь на примете? Если нет, то я могу порекомендовать вам отличную труппу, которую давно знаю.

Откинувшись на спинку кресла, Аззи громко расхохотался, показав белые острые зубы. Языки пламени, пляшущие в камине, бросали красные отсветы на его лицо, ставшее в эти мгновения еще более похожим на лисью морду. Откинув со лба прядь рыжих волос, демон сказал:

— Я вижу, вы меня не поняли, Пьетро. Очевидно, я не сумел толково объяснить вам свой замысел. Я не хочу ставить обычную пьесу — как предназначенную для узкого круга избранных, так и рассчитанную на широкую публику. Мне не понадобятся ни театральная сцена, ни жеманные актеры, которых чуть-чуть подпорченный грим или развившийся локон на парике волнует гораздо больше, чем текст пьесы. Большое вам спасибо за участие, Аретино, но, думаю, ваша труппа мне не подойдет. Ваши знакомые актеры, сколь блестящей ни была бы их игра, всего лишь разыгрывают пьесу, тогда как мне требуется, чтобы участники моей драмы *на самом деле* переживали происходящие в ней события. Поэтому я подберу для этих ролей обыкновенных людей, мужчин и женщин, и устрою их судьбы в соответствии с замыслом своей пьесы. Мне не нужны грубо нарисованные декорации — своей сценой я сделаю весь мир! События в истории с семью золотыми подсвечниками будут развиваться естественным образом, и мы увидим, какие приключения выпадут на долю каждого из обладателей волшебных подсвечников. Вполне естественно, что у каждого будет своя судьба, и таким образом у нас получится семь различных историй, связанных лишь общей фабулой. Как видите, это нечто вроде «Декамерона» или «Кентерберийских рассказов», только наша пьеса, несомненно, окажется неизмеримо выше по мастерству исполнения — ведь она выйдет из-под вашего пера, мой дорогой мастер. — Тут Пьетро Аретино счел уместным отвесить легкий поклон. — Для чистоты эксперимента я намерен свести до минимума число зрителей: пьеса будет разыграна только для двух лиц — вас и меня, и мы

будем наблюдать за актерами, но так, чтобы они об этом не подозревали.

— Что касается меня, — сказал Аретино, — то вы можете быть спокойны: я постараюсь ничем не выдать своего присутствия в зрительном зале.

Аретино хлопнул в ладоши, и через минуту или две заспанный слуга внес серебряное блюдо с сухим печеньем. Аззи взял одно печенье, чтобы не обидеть хозяина, хотя он и не любил людской еды: для демона не может быть ничего вкуснее и питательнее вяленых пальчиков детоубийц, или рагу из ребрышек молоденьких распутниц, или, на худой конец, подрумяненного бока погрязшего в грехах монаха — особенно если в списке грехов этого монаха чревоугодие занимало не последнее место. Во время своих довольно частых командировок и частных поездок в подлунный мир Аззи с тоской вспоминал преисподнюю, свой родной дом, где в любом кабачке на обед вам могли подать если не плов из нежного молодого монашка, то, по крайней мере, голову висельника с гарниром из отборных могильных червей.

После того как с легкой закуской было покончено, Аретино зевнул, потянулся, затем поднялся со своего кресла и прошел в соседнюю комнату, чтобы ополоснуть лицо и руки в тазу с холодной водой, специально приготовленном предусмотрительным слугою. Вернувшись в гостиную, Аретино принес с полдюжины новых свечей и заменил догоравшие, еле теплившиеся в массивных серебряных подсвечниках свечи, при которых они с Аззи начинали свой долгий разговор. Новые свечи отличного белого воска горели ровно и ярко, и Аретино наблюдал, как в черных, продолговатых, как у кошки, зрачках Аззи отражаются золотые язычки пламени. Несмотря на внешнюю сдержанность и холодность, глаза у демона так и сверкали, а с волос слетали голубые электрические искры, хорошо заметные в полутьме — один из вернейших признаков того, что демон находится в состоянии сильнейшего нервного возбуждения.

Аретино снова занял свое место напротив Аззи и спросил:

— Если весь мир будет служить театральной сценой для вашей пьесы, где вы собираетесь разместить публику?

Аззи улыбнулся:

— Зрители? Боюсь, что они еще не родились на свет. Видите ли, мой дорогой мастер, нам с вами предстоит создать пьесу, рассчитанную на грядущие поколения.

Аретино задумался. В конце концов, воспринимать реализм в искусстве для человека эпохи Возрождения — задача не из легких.

— Так, значит, на самом деле я буду писать совсем не пьесу? — спросил он наконец.

— Ну, можно сказать и так, — уклончиво ответил рыжий демон, — хотя определенный сценический элемент в вашем произведении все-таки должен присутствовать. Как я уже говорил, наши актеры сами позаботятся о том, что им делать. Но вы будете посвящены во все их замыслы, вы будете незаметно наблюдать за всеми их действиями, за всеми реакциями на происходящие события. Это будет немного похоже на то, как если бы вы сидели в закрытой ложе и смотрели спектакль из-за приспущенных занавесок. Вы услышите все диалоги и монологи, вы не пропустите ни одного выхода, ни одной сцены. А затем, дорогой мой мастер, вы сочините пьесу по мотивам этого сыгранного только для нас с вами спектакля — пьесу, которая войдет в Вечность. Став очевидцем событий, вы расскажете о них далеким потомкам. Так, мой милый Пьетро, и рождаются мифы и складываются легенды.

— Прекрасный замысел, — сказал Аретино, внимательно слушавший демона. — Мне не хотелось бы вас критиковать, но мне кажется, что при реализации этого плана у нас возникнут некоторые затруднения.

— Какие же?

— Я представляю себе это так, что, получив золотые подсвечники, наши актеры, независимо от того, кто они и откуда, непременно должны явиться в Венецию.

— Здесь у меня нет никаких возражений, — согласился Аззи. — И я хочу заказать вам пьесу, в основу которой будет положена легенда о семи золотых подсвечниках. Вот, — Аззи достал увесистый кожаный кошель, туго набитый золотыми монетами, — я хотел предложить вам это в качестве аванса. Надеюсь, сумма окажется достаточной для того, чтобы вы приняли мое предложение и приступили к работе. В дальнейшем я буду регулярно выплачивать вам еще большие суммы. Я хочу, чтобы вы как можно скорее представили мне сюжет пьесы. Вам не нужно заботиться о таких мелочах, как диалоги. Наши актеры позаботятся об этом сами. В ваши обязанности будет входить общее руководство и наблюдение за развитием действия — мне бы не хотелось, чтобы наши актеры слишком сильно отклонялись от сюжета. Вы будете выступать в качестве помощника главного режиссера и сопродюсера. Главным режиссером и продюсером, разумеется, буду я. И еще, Аретино, в нашем с вами контракте не предусматривается эксклюзивное право на использование представленного вами материала. Проще говоря, вы можете взять

сюжет с семью золотыми подсвечниками и переделать его, как вам будет угодно, если вдруг когда-нибудь вы захотите создать свою собственную пьесу. Ну, что вы на это скажете?

— Скажу, что мне это по душе, сударь. Одна только вещь остается для меня непонятной. Если вы собираетесь перенести точную копию Венеции куда-то в мир иной, то как я смогу следить за ходом событий, если я не обладаю способностью совершать путешествия во времени, а мои возможности перемещения в пространстве сильно ограничены и кажутся просто смешными по сравнению с волшебной мощью, которой обладает демон?

— Вы правы, — сказал Аззи, — я как-то не подумал об этом. Что ж, при помощи заклинаний и волшебных талисманов я могу дать вам возможность мгновенно перемещаться во времени и пространстве, с одним условием, что вы будете использовать эту возможность только по служебной надобности, то есть только тогда, когда ваши функции помощника главного режиссера и сопродюсера потребуют от вас совершать подобные путешествия.

— Еще меня волнует такой вопрос: что станет с Венецией после того, как наш спектакль закончится?

— Вы имеете в виду — с *проекцией* Венеции на один из параллельных миров? Что ж, после окончания нашего спектакля эту проекцию придется свернуть, а проще говоря — уничтожить.

— А люди, которые живут в городе... Точнее, их двойники, перенесенные в шестое измерение... Что с ними будет?

— Да, как раз о них-то я и забыл, — признался демон. Аззи отнюдь не был гуманистом, он исходил из чисто меркантильных соображений: ведь для уничтожения одного килограмма живой материи в виртуальном пространстве требовалось в сотни раз больше энергии, чем для переброски одного килограмма груза — как живого, так и неживого — из одного измерения в другое. Соответственно и транспортные расходы были гораздо меньшими, чем та сумма, которую пришлось бы выложить за утилизацию отработанного материала, производимую прямо на месте. — Что ж, тогда мы просто создадим еще одну ветвь альтернативной истории, вернув Венецию обратно, на то же самое место, в тот же самый век. С этого момента легенда о семи подсвечниках перестанет быть нашим частным делом, она станет частью всемирной истории.

— Мой господин и повелитель, я счастлив, что мне оказана столь великая честь. Самому великому Данте не выпадало подобной удачи.

— Вот и отлично. Тогда принимайтесь за работу, мой доро-

гой, — сказал Аззи. — Набросайте мне сценарий пьесы с семью золотыми подсвечниками. Я скоро навещу вас. А сейчас меня ждут еще кое-какие дела.

И с этими словами Аззи исчез, не успел удивленный Пьетро Аретино и глазом моргнуть.

Некоторое время Аретино сидел молча, изумленно глядя на кресло, в котором только что сидел его гость. Затем медленно подошел к креслу и пощупал руками мягкий атлас сиденья, словно желая удостовериться, что зрение не подводит его. Кресло действительно было пустым.

Однако кошель с золотом, приятно оттягивавший карман драматурга, не исчез. Только он да еще два бокала, стоявшие рядышком на низком столике у камина, напоминали Пьетро Аретино о визите демона.

Часть IV

Глава 1

Аззи покинул дом Аретино в прекрасном расположении духа: как-никак дело его продвигалось. Древняя легенда о семи золотых подсвечниках, данных Адаму Сатаной, не выходила из головы у Аззи. Легенда ему очень нравилась, однако чем больше он думал о том, какая чудесная пьеса должна получиться из этой легенды, тем больше им овладевало тягостное предчувствие. Аззи привык доверять своим предчувствиям: ведь способности к предсказанию будущего у демонов развиты весьма высоко. Что-то было не так в этой весьма непростой истории с семью подсвечниками, но что именно было не так, в настоящий момент Аззи сказать не мог.

Чтобы не спеша обдумать все это, Аззи решил прогуляться по городу. Погода еще не успела испортиться, и прогулка обещала быть весьма приятной. Легкие белые облака бежали по небесной лазури; они напоминали корабли, идущие под полными парусами. Венеция жила своей обычной жизнью, и горожане стремились максимально использовать теплые погожие весенние деньки. Одни трудились от зари до зари, другие наслаждались жизнью, но и те и другие, казалось, не давали себе ни минуты передышки.

Аззи шел по улице, наблюдая за жизнью города, становясь свидетелем уличных сценок, типичных для крупных торговых портов. Вот баржи, доверху нагруженные различными товарами, плыли по Большому каналу. Следом за ними скользила похоронная ладья, черная с серебром, украшенная траурными венками и гирляндами из живых цветов. Гроб, утопавший в свежесрезанных весенних цветах, был установлен на специальном возвышении на носу ладьи; за гробом, сбившись в кучу, словно стадо овец, стояли участники траурной церемонии. Гудели церковные колокола. На улице было много народу. Люди гуляли, любуясь открывавшимся отсюда видом на Большой канал, или стояли на

тротуарах, разглядывая прохожих, или просто спешили по своим делам. Аззи рассеянно оглядывался по сторонам. Вот куда-то быстрым шагом прошел молодой человек в костюме шута; бубенчики дурацкого колпака звенели в такт его шагам. Аззи подумал, что скорее всего это актер, получивший роль в театре, расположенном неподалеку отсюда. Группа монахинь переходила улицу в нескольких десятках шагов впереди Аззи. На голове у каждой монахини был весьма замысловатый головной убор, издалека напоминавший крылья большой белой птицы. Ветер играл легкой белой тканью, так что сходство с птицами было почти полным; Аззи даже показалось, что, подуй ветер чуть сильнее, монахини взлетели бы в небеса, куда они, несомненно, стремились попасть, и закружились бы над каналом, присоединившись к многочисленным чайкам, чьи резкие крики не мог заглушить плеск волн о доски причала и прочий портовый шум. Демон подошел поближе к причалу, и здесь его внимание привлекла высокая фигура человека, сидевшего на швартовой тумбе спиной к Аззи. Очевидно, это был начинающий художник: в руке он держал блокнот для эскизов, рядом лежали цветные мелки. На нем была просторная блуза из белого атласа и широкополая белая панама, довольно низко надвинутая на лоб — очевидно, чтобы защитить лицо от солнечных лучей. Аззи направился прямо к художнику.

— Вот мы и снова встретились, — сказал он.

Ангел Гавриил — это был он — оторвался от своего занятия, оглянулся и, увидев Аззи, раскрыл от удивления рот.

Аззи же, обойдя вокруг тумбы, заглянул в блокнот своего приятеля, увлеченного рисованием.

— Как я понимаю, ты хотел нарисовать канал и гондолы?

— Да... А что, разве не похоже?

— Ну... Догадаться в общем-то можно, но если ты когда-нибудь решишься выставить свою работу в картинной галерее, то, боюсь, тебе придется стоять рядом и объяснять посетителям, что же именно тут изображено.

— Так я и думал... Ах, из меня ведь, в принципе, мог бы выйти не такой уж плохой художник, но вот перспектива мне никогда не давалась.

Аззи скосил глаза на рисунок:

— Не обижайся, я ведь пошутил. Для начинающего художника ты рисуешь вполне прилично... Никак не ожидал, что встречу тебя здесь, Гавриил, — прибавил Аззи после короткой паузы. — Я думал, ты уже давно вознесся на небеса.

— Я действительно вознесся, — ответил Гавриил прямодуш-

но, глядя на Аззи своими чистыми и кроткими голубыми глазами. — Но потом архангел Михаил отправил меня обратно, чтобы я мог еще немного поупражняться в рисовании и заодно побольше узнать об итальянской живописи. Кстати, он передавал тебе большой привет. А как у тебя идут дела, милый друг? Как поживает твой приятель Аретино?

Ни один мускул не дрогнул в лице Аззи, но в глазах у него загорелся огонек.

— Почему ты думаешь, что он мой приятель?

— Просто как-то раз я случайно увидел, что ты выходишь из дверей его дома. Он ведь знаменитый поэт, хотя на небесах его стихи ценят не слишком высоко из-за всех тех вольностей, которые он себе позволяет. Впрочем, и в подлунном мире у него дурная репутация. Ведь в 1523 году он был назван в числе десяти самых закоренелых грешников.

Аззи хмыкнул:

— Моралисты всегда готовы забросать камнями писателя или поэта, который стремится показать жизнь такой, какова она на самом деле, нисколько не приукрашивая действительность и не предаваясь пустым фантазиям. Я давний поклонник творчества Аретино. И раз уж меня занесло в эти края, я подумал, что неплохо было бы нанести маэстро визит и лично поблагодарить его за громадное удовольствие, которое мне доставили его стихи и проза. Вот и все.

Гавриил слегка удивился. С чего это Аззи вдруг начал оправдываться? Гавриилу и в голову не приходило допытываться, зачем Аззи навещал Пьетро Аретино, прославленного поэта и драматурга. Он случайно вспомнил о том, что видел Аззи у дверей его дома, и упомянул об этом в разговоре — просто к слову пришлось. Но теперь, когда Аззи повел себя так странно, Гавриил начал кое о чем догадываться — впрочем, пока еще весьма смутно. Нет, Гавриил, конечно, был выше всяческих подозрений, хотя архангел Михаил и намекнул ему весьма прозрачно, что, возможно, Аззи неспроста проводит отпуск в Венеции: здесь явно затевается какая-то интрига. Но ведь Аззи был другом Гавриила, несмотря на то что они служили в разных ведомствах и находились, так сказать, по разные стороны окопов; а Гавриил никогда бы не опустился до подозрений в адрес своего друга. К чести Гавриила нужно сказать, что он никогда не думал об Аззи плохо, хоть Аззи и являлся олицетворением сил зла.

Гавриилу пришло в голову, что Аззи действительно что-то задумал и не хочет, чтобы кто-нибудь, даже его друзья, узнал о его планах. И тут в голову Гавриилу пришла другая мысль: оче-

видно, кто-то должен выяснить, что затевает Аззи. И третьей мыслью голубоглазого ангела с таким ясным, кротким и ласковым взором было, что этим кем-то скорее всего придется стать ему.

Аззи и Гавриил распрощались очень тепло, пообещав друг другу вскоре встретиться и даже пообедать вместе. Аззи пошел дальше по улице; Гавриил провожал демона взглядом, пока тот не скрылся из вида, затем снова занялся своими рисунками.

Гавриил вернулся в гостиницу, где он остановился, еще до наступления сумерек. Тяжеловесное, лишенное всяческих архитектурных украшений четырехэтажное здание гостиницы больше напоминало казенный дом, чем частный пансион. Соседние дома так тесно прилепились к нему, что оно казалось сдавленным с обоих боков. В этой отнюдь не шикарной гостинице в настоящий момент жило с полдюжины ангелов. Хозяин этого заведения, некто синьор Амацци, очень набожный и благочестивый человек, хотя, пожалуй, слишком хмурый и неприветливый для человека его профессии, существенно снижал цены на комнаты для всех, кто хоть как-нибудь был связан с религией. Поэтому посланцы небес предпочитали останавливаться у него, когда посещали подлунный мир. Соседи синьора Амацци, люди в общем-то незлобивые, но, как и все соседи, обожавшие совать нос в чужие дела, а затем распускать по городу нелепые слухи, утверждали, что у синьора Амацци установились особые контакты с вышними сферами и что подобные связи, используемые с целью получения прибыли, должны были бы облагаться налогом. В одном только не сходились болтливые кумушки: одни были абсолютно уверены, что синьору Амацци доподлинно известно, кем на самом деле являются тихие благообразные юноши, приехавшие будто бы из далеких северных стран, но разговаривавшие по-итальянски без малейшего акцента, другие же заявляли, что синьор Амацци просто повторяет шутку папы Григория, не веря в сверхъестественную природу своих гостей, однако пытаясь заставить поверить в нее всех остальных.

Когда Гавриил переступил порог гостиницы, синьор Амацци, как обычно, находился за своей конторкой. Услышав звук открываемой двери, он поднял глаза от толстого гроссбуха и, подавая молодому человеку ключ от комнаты, тихо промолвил:

— Вас ожидают в зале для приема гостей. Спуститесь туда.

— Гость! Ко мне! — искренне обрадовался Гавриил. — Вот так сюрприз!

И он побежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, словно школьник, услышавший звонок и торопящийся

занять свое место за партой до того, как в классную комнату войдет строгий учитель.

Помещение, которое хозяин торжественно назвал залой, лишь отдаленно напоминало гостиную — прежде всего потому, что находилось оно в полуподвале, и прохладный сумрак, царивший здесь даже самым ясным летним днем, делал его похожим скорее на какой-нибудь небогатый товарный склад или на храм древнего подземного божества. Однако посланцы небес не возражали против этой узкой и темной конуры потому, что косые лучи света, падавшего из узких окон, проделанных под самым потолком, напоминали им церковь. Единственными предметами обстановки, придававшими комнате жилой вид, были старенький диван и несколько плетеных кресел.

В одном из кресел, к которому был вплотную придвинут низенький столик, сидел архангел Михаил и рассеянно перелистывал рекламный папирус туристического агентства, приглашающего дорогих гостей из Горних Стран в увлекательное путешествие по Древнему Египту. Подняв голову и увидев входящего ангела Гавриила, предводитель небесного воинства отложил в сторону папирус.

— А, вот и ты, Гавриил, — сказал он. — Я как раз заглянул сюда, чтобы проведать тебя. Ну, как дела?

— О, сэр... Большая честь для меня, сэр. Дела мои в полном порядке. Вот только в живописи я пока продвигаюсь очень медленно. Видите ли, сэр, я до сих пор не научился передавать перспективу. — И Гавриил подал архангелу Михаилу свой блокнот для эскизов.

— Что ж, продолжай начатое дело, не останавливайся на полпути, — сказал Михаил, рассеянно взглянув на хаотическое смешение разноцветных линий в блокноте. — Это хорошо, что ты так серьезно интересуешься искусством. У нас на небесах собрана богатейшая коллекция работ прославленных мастеров и малоизвестных авторов. Будучи знатоком живописи, ты мог бы совершить благое дело — помочь оценить стоимость этой коллекции... Кстати, я хотел тебя спросить, не встречал ли ты где-нибудь поблизости своего знакомого, демона Аззи?

— Да, сэр, я встретил его, когда заканчивал последнюю свою зарисовку. А еще раньше я видел, как он выходил из дворца, принадлежащего Пьетро Аретино, автору многих непристойных стихов и сочинителю безнравственных пьес.

— Ах вот как... Ну и какова же, по-твоему, была цель его визита к Аретино? Неужели он явился туда только для того, чтобы

засвидетельствовать свое почтение выдающемуся поэту и драматургу?

— Да, именно так он и объяснил мне цель своего визита. И, по правде говоря, сэр, мне бы очень хотелось верить его словам. Я и поверил бы, если бы не одно обстоятельство, смутившее меня. Когда я справился у него о здоровье почтенного мастера Аретино, он первым начал разговор о цели своего визита — я даже не успел задать ему этот вопрос... Мне, конечно, и в голову не пришло бы в чем-либо обвинять его, и, смею полагать, я вел себя вполне корректно. Однако у него был такой вид... такой вид... ну, словно он оправдывается передо мной. О, я, конечно, далек от подозрений, когда речь идет об Аззи — он все-таки друг мне, хотя и демон, но, согласитесь, это так странно, так непохоже на него...

— Что ж, подобная щепетильность в вопросах доверия и дружбы делает тебе честь, — сказал архангел Михаил. — Это доказывает, что ты уже вполне оперившийся ангел. Но подумай-ка вот о чем. Аззи — демон, а значит, вероломство и коварство — его природные черты. Увертки и козни — его каждодневное ремесло. Служение делу зла, стремление подчинить весь мир силам тьмы — та цель, которой он отдает все свои силы. Таким образом, обвинять его в злодейских замыслах значит просто воздавать ему должное. Так что, если Аззи что-то задумал, добра от его затей не жди! Вот только что же *именно* у него на уме?

— Не имею ни малейшего представления, сэр, — ответил Гавриил, глядя голубыми очами в угольно-черные глаза архангела Михаила.

— Так. Думаю, нам надлежит это выяснить. Аззи входит в большую политику, начинает приобретать все больший вес, и нам следует к нему присмотреться. Его имя дважды было названо среди героев Тысячелетних войн: в первый раз наш бравый демон отличился в сказке о Прекрасном принце, а во второй раз чуть не испортил мне игру против Мефистофеля в трагедии доктора Фауста. Кстати, по последнему делу — я имею в виду эту злосчастную фаустовскую тему — Ананке так и не вынесла окончательного приговора. Повторное слушание отложено на неопределенный срок. Я полагаю, Аззи высоко взлетел и занимает теперь одно из кресел в Центральном совете злодеев. Если кто совращает людей с пути истинного — во всем этом виноват наш общий знакомый рыжий демон! Его когтистая лапа тянется очень далеко!

— Неужели наш старина Аззи действительно такая важная птица? — Глаза Гавриила расширились от удивления.

— Видно сокола по полету, — загадочно ответил Михаил. — Что ж, по крайней мере я понял, что теперь следует предпринять: проведать, каким ветром принесло Аззи к дверям маэстро Аретино. Что нужно нашему демону от этого лукавого рифмоплета?

— Не могу знать, сэр, — вздохнул Гавриил.

— Так узнай. Ты, мой мальчик, как мне кажется, справишься с этим лучше, чем кто бы то ни было.

— Кто? Я? — растерялся Гавриил. — О, прошу вас, сэр, увольте меня от этого. Ведь Аззи стреляный воробей, а я... согласитесь, я несколько простоват для подобных интриг. Он раскусит меня раньше, чем я заведу с ним разговор на эту тему.

— Да, твои наивность и простодушие стали притчей во языцех даже среди ангелов. Здесь ты прав, мой дорогой, но только наполовину. Раз уж ты оказался в нужном месте и в нужное время, придется тебе заняться разведывательной деятельностью. Мы не можем тратить огромные суммы на заграничные командировки профессиональных разведчиков, которые, к слову сказать, быстро перенимают ужасные земные манеры... Слушай меня и запоминай. Вместо того чтобы расспрашивать самого Аззи, прибегни к обходному маневру. Пойди тем же самым путем, каким пошел этот сын тьмы. Сходи к Аретино, сведи с ним знакомство. Для начала скажи ему, что ты горячий поклонник его поэзии. Тебе во что бы то ни стало нужно проникнуть к нему в дом. А когда ты попадешь туда, смотри по сторонам, да гляди в оба, не зевай! Примечай все, что может приблизить нас к разгадке планов Аззи. Если не увидишь ничего особенного, не сочти за труд расспросить самого хозяина. Но, конечно, не задавай прямых вопросов вроде: «Не заходил ли к вам вчера один из моих друзей, рыжий демон по имени Аззи? Вы меня крайне обяжете, сударь, если передадите мне содержание вашего разговора с этим демоном». Действуй тоньше, артистичнее. Не бойся импровизировать. Пригласи его пообедать в какой-нибудь уютный ресторанчик. Все затраты, разумеется, мы тебе компенсируем. Проведем по статье «Научные исследования Земли с Неба». Вопросы есть?

— Так точно, ваше архангельское высочество. У меня есть еще один вопрос... Аззи мне друг, а я буду шпионить за ним. Не будет ли это предосудительно с точки зрения морали?

— Мне кажется, что не будет, — ответил архангел Михаил после долгой паузы. — Если рассмотреть вопрос с точки зрения здравого смысла, то можно построить следующую логическую цепочку: невозможно предать врага, предать можно только друга; без предательства невозможно откровение сокрытого; Аззи мне друг, следовательно...

Гавриил ответил архангелу Михаилу вежливым поклоном в знак согласия. Теперь он отринул все свои колебания. И только по прошествии некоторого времени он вспомнил, что Михаил дал ему весьма уклончивый ответ. Но данного слова обратно не возьмешь, да и ни к чему было рассуждать обо всем этом. Если с точки зрения морали предать друга было делом не слишком предосудительным, то неподчинение старшим по званию, а тем более невыполнение приказа архангела грозило молодому ангелу весьма печальными последствиями...

Глава 2

На следующий день, едва пробило полдень, Гавриил стучался в дверь Аретино. Из-за закрытых дверей доносился приглушенный шум — звуки музыки, голоса, смех, но хозяева открывать не торопились. Гавриил снова постучал, на сей раз погромче. Дверь наконец отворилась. На пороге стоял лакей; вид у него был такой, словно ему приходилось заниматься несколькими делами одновременно. Парик с развившимися прядями съехал набок, руки он для пущей солидности заложил за спину, но краешек зажатой в кулаке салфетки или полотенца выглядывал из-за полы сюртука.

— Мне хотелось бы видеть мсье Аретино, — сказал Гавриил.

— Ох, господин хороший, я боюсь, хозяин сейчас не сможет к вам выйти. — Лакей развел руками, и салфетка (только теперь стало ясно, что это была именно салфетка) показалась из-за спины. Он сконфуженно скомкал ее и добавил: — У нас тут такое творится... Может быть, вы заглянете как-нибудь в другой раз?

— Нет. Мне непременно нужно видеть его сегодня, — ответил Гавриил, сам удивившись, откуда у него взялась подобная настойчивость. Впрочем, подумав немного, он нашел вполне разумное объяснение своей смелости: ведь он явился сюда по заданию архангела Михаила, а его архангельство ясно дал понять, что дело предстоит серьезное и с исполнителя будут спрашивать весьма строго.

Лакей, несколько смущенный напористостью стоявшего перед ним незнакомца с упрямым выражением лица и неземным светом в голубых глазах, отступил на несколько шагов, давая дорогу незваному гостю. Поколебавшись несколько секунд, он провел Гавриила в гостиную:

— Будьте добры, подождите здесь несколько минут. Я спрошу хозяина, сможет ли он принять вас.

Чтобы как-нибудь скоротать время, Гавриил отошел в сторонку и стал вертеться взад-вперед на каблуках — старый трюк, которому он научился еще в незапамятные времена. Он быстро оглядел комнату. На низеньком столике лежали листы рукописи. Гавриил подошел поближе, но смог разобрать только два слова. Эти слова были: «Отец Адам». Не помня себя, Гавриил кинулся на рукопись, словно коршун на цыпленка.

Тут за дверью послышался какой-то непонятный шум, и в комнату вошло несколько человек. Боясь, как бы его не поймали с поличным, Гавриил отскочил от столика, словно ошпаренный. Однако бояться ему было нечего: вошедшие оказались всего-навсего музыкантами. Сняв темные фраки, они остались в одних рубашках и спускались по лестнице с верхнего этажа, наигрывая на своих инструментах отнюдь не церковные гимны — легкие мелодии, под которые ноги сами пускались в пляс.

Музыканты прошли мимо Гавриила как мимо пустого места, не удостоив ангела даже взглядом. Не успели музыканты исчезнуть в дальней комнате, откуда доносились пронзительные взвизгивания, смех и звуки шумной возни, как Гавриил опять вернулся к столь заинтересовавшей его рукописи. Отыскав глазами начало, он стал читать: «Отец Адам, изгнанный из Эдема за то, что отведал плода с древа познания...»

Но ему снова помешали — на этот раз взрывы громкого девичьего смеха.

Подняв глаза от рукописи, Гавриил увидел, как в комнату вбежали две юные прелестницы — блондинка и брюнетка, являвшие собою очаровательный контраст. Темные волосы одной в беспорядке рассыпались по плечам, а растрепавшиеся светлые локоны другой, напротив, были завязаны в подобие узла на затылке. На обеих девушках были одинаковые длинные блузы из тончайшей шелковой ткани; их одежды развевались, когда одна из них играючи погналась за другой. Гавриил заливался румянцем, как только в пылу погони низко обнажались белоснежные груди или из-под высоко взлетевшего подола выглядывали розоватые коленки.

Заметив, что они не одни в комнате, шалуньи прекратили свою игру и подошли к Гавриилу.

— Эй, — дерзко сказала блондинка, и в ее певучем голоске отчетливо прозвучал французский акцент. — Эй, ты не видел его здесь?

— Кого? — спросил Гавриил, весьма смущенный видом их ничем не прикрытых прелестей.

— Ну, этого гадкого Пьетро! Он ведь обещал потанцевать со мной и Фифи.

— Нет, я его не видел, — ответил Гавриил, подавляя в себе сильное желание перекреститься. Лишь мысль о том, что дамам это может показаться неучтивым, удержала его руку.

— Ах, он, должно быть, спрятался где-то здесь, — игриво продолжала блондинка. — Пойдем, Фифи, устроим на него настоящую облаву. Мы найдем его и накажем!

И красотка подарила Гавриилу такой взгляд, что беднягу охватила дрожь.

— Пойдем с нами, — предложила она, подавая ему свою белую ручку.

Гавриил отпрянул от нее, словно это была змея, и потряс головой:

— Нет-нет. Мне... Мне велено подождать здесь.

Француженка по-птичьи склонила набок свою хорошенькую головку:

— А ты всегда делаешь только то, что тебе велят? Фи, как это скучно!

И, смеясь и щебеча, девушки выпорхнули из гостиной. Когда их голоса затихли где-то в длинном коридоре, Гавриил вытер со лба обильный пот и попытался сосредоточиться на рукописи, лежавшей на столике. На этот раз ему удалось прочитать название: «Легенда о семи золотых подсвечниках». Но тут опять послышался звук шагов, и Гавриил поспешил убраться от стола.

В гостиную, пошатываясь, вошел Аретино, держа в руке полупустой бурдюк с вином. Камзол его был расстегнут, чулки спущены, на тонкой полотняной рубашке краснели винные пятна. Под глазами залегли глубокие тени. Однако взгляд Аретино, пронзительный и цепкий, не помутнел от выпитого вина. Это были глаза человека, много повидавшего в жизни и стремившегося повидать еще больше.

Не без некоторого труда добравшись до того угла комнаты, где стоял ангел Гавриил, он остановился напротив Гавриила и несколько мгновений молча смотрел на непрошеного гостя.

— Кто вы такой, черт возьми? — спросил он наконец.

— Студент, — не без робости ответил Гавриил, с трудом сдержав желание перекреститься при упоминании о черте. — Я простой студент из Германии, студент филологического факультета. Я приехал сюда, в Венецию, чтобы лицезреть великого Аретино, молва о котором разнеслась по всей Европе. Я восхищаюсь вашим талантом — нет, лучше сказать, вашим гением, дорогой мастер. Я хотел бы пригласить вас на скромный обед, за которым я мог бы поговорить с вами о поэзии и литературе. Беседа с вами стала бы для меня выдающейся минутой жизни, воспоминание о которой я увез бы с собой в Германию.

Гавриил отнюдь не был льстецом, но непривычная обстановка, в которую он попал, и переживания последних минут произвели неожиданную метаморфозу со скромным, застенчивым Гавриилом. Впрочем, Гавриил вращался в различных кругах, в том числе и в довольно высоких, и мог при случае сказать комплимент. Ему оставалось только надеяться, что Аретино не относился к числу людей, ненавидящих лесть и льстецов, и что он ничуть не переборщил по части фимиама. Однако Аретино отнесся к его восторженным излияниям довольно благосклонно. Возможно, в том было повинно выпитое им вино.

— Хм, — сказал он. — Вам и вправду нравятся мои безделки?

— О, дорогой мастер, я восхищаюсь вами, вы — мой кумир, нет, лучше сказать — мое божество.

— Что ж, мой мальчик, раз тебе нравятся мои стихи, значит, по крайней мере у тебя есть вкус, — сказал Аретино, борясь с отрыжкой. — Я бы с удовольствием пообедал с тобою и поговорил бы тоже с не меньшим удовольствием, но... как-нибудь в другой раз, ладно? Честно говоря, мы тут празднуем... отмечаем новую пьесу, которую мне заказали... Черт побери, а где мои гости? Куда все подевались? Небось уже разбились на парочки и разошлись по спальням. Ну что ж, раз так, то я от них не отстану!

Аретино повернулся и сделал несколько нетвердых шагов к двери.

— Одну минуточку, дорогой маэстро! Могу ли я поинтересоваться, что за новый божественный замысел созрел у вас? Поклонники ждут с нетерпением!

Аретино остановился в дверях. Подумав с минутку, он вернулся в комнату и забрал рукопись со столика. Засунув бумаги под мышку, он пробормотал себе под нос:

— Нет-нет. Этого никто не должен знать. Я поклялся хранить тайну. Но когда пьеса будет написана... О, я удивлю этот мир! Масштабы моего нового произведения... Но ни слова больше. Я обещал хранить тайну.

С этими словами он вышел из комнаты, стараясь держаться прямо и гордо.

Глава 3

Добыв, таким образом, вполне определенную информацию, ангел Гавриил тотчас же вознесся на небеса, сразу же попав в ту загородную местность, где у архангела Михаила был трехэтажный каменный особняк. Он влетел в комнату как раз тогда, когда

Михаил разбирал свою коллекцию марок, склонившись с лупой в руках над резным столиком розового дерева. Марки, подхваченные сквозняком, закружились, словно бабочки. Гавриил ловко схватил одну, которая уже собиралась упорхнуть в приоткрытое окно, — это оказался Кейптаунский треугольник. На всякий случай придавив злосчастную марку тяжелым пресс-папье, Гавриил смущенно пробормотал:

— Я очень извиняюсь...

— Просто будь сдержаннее в следующий раз, — произнес Михаил недовольным тоном. — Ты даже не представляешь себе, как трудно бывает иной раз вывезти из подлунного мира редкие экземпляры и на сколько глупейших вопросов приходится при этом отвечать. Ну, какие у нас новости? Как я понимаю, твои поиски увенчались успехом?

Гавриил, слегка путаясь от волнения, рассказал архангелу Михаилу о рукописи, найденной им в доме у Аретино, и о первых строчках, которые ему удалось прочитать.

— Аретино устроил пирушку по случаю получения нового заказа как раз в тот день, когда я нанес ему визит. Судя по всему, ему неплохо заплатили.

— «Семь золотых подсвечников», — задумчиво произнес архангел Михаил. — Мне это название ничего не говорит. Пойдемка сядем за компьютер — может быть, он даст нам ключ к разгадке. По милости Всерайского департамента по допущению Наиболее Привлекательных Ересей на небеса у нас наконец-то появился доступ к глобальной земно-небесной сети.

Гавриил прошел следом за своим начальником по просторному и светлому коридору в рабочий кабинет, где за рядом офисных шкафов, оформленных в готическом стиле, на огромном дубовом письменном столе опалесцировал огромный экран нового суперсовременного компьютера. Опустившись в просторное кожаное кресло, архангел водрузил на кончик носа очки в роговой оправе. Пальцы его забарабанили по клавиатуре со скоростью, которая сделала бы честь любому выдающемуся земному пианисту. Он вводил пароли, дожидался ответа — и снова нажимал на клавиши, затем, получив доступ к базе данных, ввел ключевые слова и откинулся на спинку кресла в ожидании результатов.

Данные строчка за строчкой замелькали по экрану. Гавриил, стоявший рядом, часто-часто заморгал глазами: он не мог считывать информацию с дисплея с такой скоростью, как его начальник. Для архангела Михаила же это, наоборот, было привычным делом. Бегая глазами по строчкам, он то хмурил брови, то довольно кивал, и, наконец, когда последняя строчка пробежала

по экрану, он выключил дисплей и оглянулся на подопечного, замершего за спинкой его кресла.

По поводу применения компьютеров в небесных сферах велись долгие дебаты. Главным аргументом в пользу этих последних изобретений техники было то, что по своей внутренней сущности они мало чем отличались от глиняных табличек, на которых в древности писали заостренными палочками. Глиняные же таблички были рекомендованы к употреблению в высших сферах: они были практически вечными, и потому скрижали было решено изготовить из подобного материала. Компьютеры, не слишком далеко ушедшие от примитивных технологий письма, имели перед глиняными табличками по крайней мере одно бесспорное преимущество: они занимали меньше места. Хранение глиняных табличек было сопряжено с дополнительными трудностями; в огромных хранилищах, доверху забитых записями, приходилось укреплять полы и стены, чтобы они не рухнули под страшной тяжестью. Конечно, неоднократно раздавались голоса, призывавшие перейти от глиняных табличек к более прогрессивным технологиям — папирусным свиткам, однако папирус не отличался долговечностью и вдобавок требовал особых условий хранения.

— Что выдал компьютер? — спросил Гавриил с нескрываемым любопытством.

— Похоже, это древняя гностическая легенда о Сатане, давшем Адаму семь волшебных золотых подсвечников, с помощью которых он мог попасть обратно в Эдем.

— И что, ему это удалось? — полюбопытствовал Гавриил.

— Ты что, с луны свалился? Нет, конечно! — ответил Михаил. — Сам подумай, если бы он все-таки попал туда, неужели бы ты до сих пор не узнал об этом? История всего человечества основана на том простом факте, что Адаму так и не удалось войти в потерянный рай. Люди до сих пор тоскуют об Эдеме, куда им никогда более не попасть.

— Да, сэр. Я как-то не подумал...

— Да... — размышлял вслух архангел Михаил. — Значит, Враг пытается играть с этой древнейшей из легенд, написанной еще в те времена, когда могучие духи и люди жили в одном мире, управляемом едиными законами... Эти сведения представляют для нас величайший интерес. Семь золотых подсвечников!

— А существовали ли они на самом деле? — задал вопрос Гавриил.

— Может быть, да, но скорее всего нет.

— Если так, нам не о чем беспокоиться. Ведь подсвечников нет, значит, они ничем не могут быть опасны для нас.

— Я бы на твоем месте не был столь спокоен, — усмехнулся Михаил. — Мифы — вещь весьма опасная. Если волшебные золотые подсвечники все-таки существуют, то, попав в плохие руки, они могут наделать немало бед. Риск слишком велик, и у меня нет иного выхода, кроме как предположить, что золотые подсвечники существовали — до тех пор, разумеется, пока не будет доказано обратное. Нам следует быть начеку...

— Да, сэр. Но что Аззи собирается делать с этими подсвечниками?

— Это пока еще скрыто от меня, — покачал головой архангел. — Однако долго морочить нам голову этому хитрому лису не удастся. Я займусь этим делом сам. Лично.

— А что мне делать, сэр? — спросил Гавриил. — Отправляться обратно в Венецию шпионить за Аззи?

Архангел кивнул:

— Именно так. Кажется, ты начинаешь кое-что соображать.

И Гавриил снова спустился на Землю. Но сколько бы времени и сил он ни тратил на розыски Аззи, ему так и не удалось напасть на след рыжего демона. Аззи попросту покинул Венецию.

Глава 4

Аззи в буквальном смысле слова выдернули из Венеции и отозвали обратно в ад. Когда демон, окончательно придя в себя после головокружительного полета, огляделся кругом, он понял, что находится в прихожей самого Сатаны, в загородном домике, где адский босс любил заниматься делами, требующими не спешки, а вдумчивого подхода. Голова у Аззи еще слегка кружилась, в глазах было темно, а в ушах нестерпимо звенело.

В дверях появился молодой демон в скромной голубой униформе и скромном однотонном галстучке.

— Его превосходительство готов принять вас.

И Аззи тотчас очутился во внутренних покоях. Сатанинская приемная была оформлена в том стиле, в котором отделывались гостиные элегантнейших домов на Лонг-Айленде. На первый взгляд в этом обыкновенном загородном доме не было ничего сатанинского — кубки гольф-клуба, охотничьи трофеи, строгие старинные гравюры с изображениями псовой и соколиной охоты, запах старой дорогой кожи.

Конечно, у Сатаны имелся полный набор дьявольских при-

способлений. Орудия пыток, записи черных месс, маски ужаса — все эти изысканные дорогие безделушки, выдававшие страстного коллекционера, хранились в другой половине дома, куда обычно приглашали гостей. Аззи же провели в западное крыло, отведенное хозяином для деловых встреч.

Сатана — а точнее, одна из личин, которые он мог с легкостью менять, когда и как ему заблагорассудится, — был мал ростом. Высокий лоб казался еще более высоким из-за того, что Сатана начинал лысеть. У него было узкое бледное лицо с правильными мелкими чертами. Имидж этакого невзрачного джентльмена — заурядного выпускника Оксфорда или Кембриджа — как нельзя лучше дополняли очки, сидевшие высоко на переносице. Казалось, Сатана вообще очень мало заботился о том, как он выглядит, — это объяснялось его чисто аристократической нелюбовью ко всему показному и претенциозному. Одет он был просто — в желтый халат. На шее был повязан кашемировый платок.

— Ах, Аззи! Давно не виделись! — приветствовал Сатана молодого демона. — Мне кажется, не один век прошел с тех пор, как я вел в вашем университете этику зла. Как быстро летит время!

— Да, сэр, то были золотые времена, — вежливо ответил Аззи. Он всегда восхищался своим учителем. Сатана был одним из светил теории злодейства и кумиром золотой молодежи ада, достойным примером для подражания.

— Ну что ж, — сказал Сатана, — перейдем к делу. Ходят слухи, что ты задумал поставить пьесу. Так ли это?

— Да, сэр, это правда, — подтвердил Аззи. Он был уверен, что его бывший учитель не будет возражать против такого проявления инициативы с его стороны. Ведь Сатана всегда советовал молодым демонам не сидеть сложа руки, а использовать каждую возможность творить зло, выходя на поверхность Земли. — Идея поставить безнравственную пьесу пришла мне в голову во время спектакля, на котором я присутствовал. Это театральное действо было превращено в сплошное нравоучение, и я подумал, как хорошо было бы сделать все наоборот. Видите ли, сэр, наши небесные конкуренты все время пытаются доказать, что единственный путь к успеху лежит через добродетель и разумное поведение. Это чистейшая пропаганда, и на самом деле все совсем не так. Вот я и решил показать им, как это бывает на самом деле.

Сатана рассмеялся, но очень невесело:

— Что ж, я горжусь тобой, мой мальчик, однако лично я не стал бы делать столь далеко идущих выводов. Ведь добро не всег-

да противоположно злу. Если ты помнишь, я упоминал об этом парадоксе в своих лекциях по инфернальной логике.

— Да, сэр. Но разрешите обратить ваше внимание на то, что я не собираюсь попросту заменить добро злом и таким образом вывести противоположную мораль. Я хочу заставить моих актеров поработать для того, чтобы получить желаемую награду. Однако они получат ее совсем не за то, что вступили на путь зла.

— Правильно, — одобрил Сатана. — К слову сказать, наши оппоненты придерживаются противоположной точки зрения. Я же всегда говорил, что это твое личное дело, хороший ты или плохой, и твой жизненный успех отнюдь не связан со служением одной из этих могущественных сил. Каждый выбирает для себя, по какой дороге идти.

— Конечно, сэр. Однако я вижу эту проблему несколько по-иному. Я хочу сказать, разве мне нельзя поставить пьесу, которая выставляла бы зло в выигрышном свете?

— Разумеется, можно! Но почему бы не пойти еще дальше? Почему бы не показать смертным, что со злом прекрасно уживаются такие вещи, как ум и изящество? Почему бы не сказать им, что зло вполне современно?

— Разве?.. О да, сэр, разумеется, вы правы! Я как-то не задумывался над этим. Я просто хотел поставить безнравственную пьесу. Попросту говоря, фарс. Мне показалось, что это будет забавно. В конце концов, там, на небесах, все настроены так серьезно...

— Надеюсь, ты не считаешь, что мы здесь, в преисподней, настроены чересчур легкомысленно? — перебил Сатана. — Если это так, то ты сильно ошибаешься.

— О нет, сэр, я совсем не то имел в виду!

— Знаешь, я бы на твоем месте трижды подумал, прежде чем браться за эту затею. Не хочу принуждать тебя, просто даю совет не играть в подобные игры. Послушай, почему бы тебе не подождать немного? Я бы нашел тебе другое дело...

— Но свернуть этот проект уже невозможно, сэр. Он находится в работе. Я нанял людей. Я связал себя определенными обещаниями. Мне отнюдь не хотелось бы идти на попятный. Конечно, если только мне не прикажут...

— Ну что ты, конечно, нет, — усмехнулся Сатана. — Я ни в коем случае не стану препятствовать твоей дальнейшей работе над этим проектом. Да надо мной просто смеяться станут, если я запрещу своему демону ставить пьесу в защиту зла! Но помни: с этой минуты ты несешь полную ответственность за все последствия своей довольно глупой затеи. Так что действуй на свой страх

и риск. Правда, мы советуем тебе отложить окончательное решение и подумать еще немного.

Аззи был настолько потрясен только что услышанным, что покинул резиденцию Сатаны, даже не спросив, правду ли говорит старинная легенда о семи золотых подсвечниках или же это только красивая выдумка. Но к чести нашего демона нужно сказать, что он нисколько не колебался и не думал отказываться от своей затеи. Он решил отправиться к тому, кто мог бы помочь добыть семь золотых подсвечников — не важно, существовали они на самом деле или нет.

Глава 5

Аззи покинул приемную Сатаны с твердым намерением выяснить, существовали ли на самом деле семь золотых подсвечников или же это всего лишь красивая выдумка. И на тот, и на другой случай у него уже имелся достаточно четкий план: если подсвечники — не вымысел, то он, конечно, использует их в качестве реквизита для своей пьесы, поставленной в назидание смертным и могучим духам, если же в материальном мире никаких волшебных подсвечников нет, то Аззи найдет искусного мастера, способного изготовить их по чертежу.

Однако чутье подсказывало демону, что подсвечники в действительности существовали.

Каждый чертенок в преисподней знает, что, если тебе как можно скорее нужно получить ответ на трудный вопрос, следует обращаться к Человеку — Корнелию Агриппе. Ему не было равных в минувшие времена, хотя с началом эпохи Возрождения его земная слава несколько поблекла и репутация уже не была столь блестящей. Корнелий Агриппа, выдающийся маг, отгородился от мира идеальной сферой, имеющей не вполне материальную, но и не совсем духовную природу, — сферой, созданной им самим и вызывавшей среди исследователей тех времен долгие споры относительно материала, из которого она была изготовлена. Самое забавное было то, что и сам Корнелий Агриппа не смог бы разрешить их спор, обратись они к нему с вопросом о природе сего загадочного объекта. Эта сфера возникла внезапно в результате одного из многочисленных экспериментов Корнелия Агриппы, однако вследствие природной рассеянности он никак не мог вспомнить, откуда она взялась, а за недостатком времени никак не мог проникнуть в тайну ее сотворения. Но что более всего огорчало великого мага, так это невозможность впи-

сать окружавшую его сферу в построенную им систему мироздания.

Система, построенная им после глубоких размышлений, была довольно проста и основывалась на вполне очевидном утверждении, что все компоненты Космоса тесно связаны между собой и, следовательно, могут взаимопревращаться. Однако применение этой универсальной теории превращений на практике оказалось делом гораздо более сложным, чем предполагалось вначале. Корнелий Агриппа, проявлявший логический склад ума, когда речь шла о теории, на практике предпочитал действовать вслепую. Воздействуя на множество веществ и предметов при помощи других предметов и веществ, он приходил к совершенно неожиданным результатам. Вероятно, он никак не мог учесть воздействие случайного фактора, зачастую проваливавшего самый блестящий из экспериментов бедного ученого. К чести сего ученого мужа нужно сказать, что иногда результаты его опытов все-таки укладывались в имевшуюся у него картину мира, но чаще Корнелий Агриппа попросту творил чудеса, сам удивляясь, как такое могло получиться.

Аззи проник сквозь полуматериальную светящуюся сферу, окружавшую старинный дом с островерхой крышей, где жил маг, и объявился в рабочем кабинете Корнелия Агриппы.

Великий магистр белой и черной магии был одет в подобающую его сану длинную мантию и высокий колпак, к которому зачем-то была прикреплена оловянная пряжка. Внешне ничем не примечательный сухонький человечек неопределенного возраста, Корнелий Агриппа, как полагается всякому древнему философу, носил окладистую бороду и усы. Однако прическа у него была весьма странная: подражая хасидским раввинам, с которыми он любил поговорить о жизни в адских притонах, Корнелий Агриппа отпустил себе пейсы, смешно торчавшие из-под колпака.

— Аззи! Рад тебя видеть! — воскликнул маг, оторвавшись от пузатой колбы с бурлящей в ней жидкостью. — Ты как раз вовремя, потому что мне ужасно не хватает лишней пары рук. Ну-ка подержи вот это. Знаешь, я нахожусь на пороге великого открытия. Мне почти удалось превратить золото в черный дым.

— В черный дым? — переспросил Аззи, с опаской принимая колбу из рук мага. — А зачем?

— Как зачем? Чтобы потом превратить черный дым обратно в золото.

— Странно. Если тебе нужно золото, зачем же превращать его во что-то, а затем это что-то превращать обратно в золото?

В колбе, которую держал Аззи, забулькало, прозрачная жид-

кость слегка помутнела, сначала окрасившись в грязновато-зеленый, затем в охристый цвет, и начала густеть.

— Что это? — спросил Аззи, наблюдая за переливами цвета кипящей массы.

— Лекарство от насморка, — ответил Корнелий Агриппа.

— Что я слышу! — изумился Аззи. — Неужели вам, с вашим выдающимся интеллектом, не жаль разменяться на подобные пустяки?

— Ну, я просто стараюсь не отстать от жизни, — пожал плечами маг. — Для волшебника практика значит очень много. Если в ходе важнейшего эксперимента у тебя получится, скажем, средство для выведения тараканов, ты вполне можешь заняться этим на досуге. Иногда на этом можно создать весьма прибыльный бизнес. Вот, например, мой последний замысел — Великое превращение грязи в золото. Я уже почти осуществил его, превращая золото в грязь путем последовательных трансформаций. Схема проста: я беру кусок чистого золота, превращаю его в черный дым, затем осаждаю полученную субстанцию и превращаю ее в жидкую грязь, затем упариваю эту грязь до нужной консистенции, и — пожалуйста — получается великолепная густая грязь, грязь самого высокого качества! Таким образом, ты видишь, проблема в принципе решена, и остается пустяк — осуществить обратное превращение грязи в золото.

— Сколько же золота можно получить, обладая секретом подобного превращения! — вздохнул Аззи, думая о том, сколько грязи ему довелось видеть в своей жизни.

— Много, — согласился Корнелий Агриппа. — Именно это меня и привлекает. Я хочу поставить алхимию на службу человечеству. А людям нужно золото. Да, кстати, если уж мы заговорили о службе, чем я могу быть полезен тебе?

— Ну, вообще-то у меня есть один забавный пустячок, — сказал Аззи довольно небрежным тоном. — Меня интересуют семь золотых подсвечников, которые Сатана дал праотцу Адаму, чтобы помочь бедняге найти дорогу в потерянный рай. Не слыхали ли вы об этом чего-нибудь, уважаемый мастер?

— Кажется, слышал. Ну-ка, где моя сова?

Большая полярная сова, во время разговора неподвижно сидевшая на шкафу, почти под самым потолком, захлопала крыльями и слетела вниз.

— Сова, сова, принеси-ка мне словарь, — проговорил маг нараспев.

Сделав широкий круг по комнате, сова вылетела в раскрытое окно. Агриппа несколько озадаченно поглядел ей вслед, затем снова забегал вокруг стола, заставленного алхимической посудой.

— Подай-ка вот это сюда! — приказал он Аззи, заметив, что тот все еще держит в руках колбу с мутноватой кашицеобразной субстанцией. — Чудесно! Если эта штука не будет излечивать насморк, то вполне сгодится от чесотки. Вообще, очень скоро я синтезирую универсальное лекарство. Панацею. Ну а теперь посмотрим, что там у нас творится с грязью.

Он заглянул в маленький горн, где плавилось золото, и нахмурился:

— Так и есть! Передержал. Получилось чересчур густо. Придется восстанавливать по памяти. Я ведь придерживаюсь теории взаимосвязи всего со всем во Вселенной, и значит, если что-либо было придумано, это никак не может быть утрачено. Впрочем, с этим будет слишком много возни. Лучше начать все сначала. А, вот и моя сова! Привет, сова! Где мой словарь?

Сова, державшая в клюве толстый свиток пергамента, перевязанный ленточкой, опустилась на плечо мага. Агриппа осторожно вынул свиток у нее из клюва, и сова вернулась на свое любимое место на высоком шкафу под крутым сводом потолка. Глаза Агриппы тем временем забегали по строчкам.

— К... кобры яд... так... М... мышь, летучая... О... оборотень, соответствует древненемецкому «вервольф»... — бормотал он себе под нос. — Посмотрим, что у нас на «П». Парки, или Властительницы судьбы... Так-так... Повешенного, язык. Не то. Посмотрим дальше. Подсвечники, золотые, семь штук... Ага! Нашел! Нашел! — воскликнул Агриппа, потрясая пергаментом и теряя при этом очки. — Семь золотых подсвечников и в самом деле существовали! Сейчас они хранятся вместе с остальными малоизвестными древними легендами в замке Крак Геррениум, последнем оплоте манихеев.

— А где это? — спросил Аззи.

— В Лимбе, к югу от нулевого меридиана чистилища. Знаешь туда дорогу?

— Конечно, — ответил Аззи. — Огромное спасибо вам за помощь!

И он вихрем помчался прочь, впопыхах сметя со стола краем своего плаща одну-две колбы с остатками выпаренной грязи на донышке.

Глава 6

А тем временем Гавриил все еще оставался в Венеции и старался не пропустить возвращения Аззи, раз уж он прозевал его отлет. Он нанял квартирку неподалеку от особняка Аретино —

крохотную и скромную, однако ангелу, как аскету, большего и не нужно было.

Еще Гавриил нанял служанку по имени Агата, бойкую старушку со впалым беззубым ртом и круглыми черными глазками, так и шнырявшими по сторонам. Эта старуха стряпала ему — пекла простой хлеб грубого помола, который Гавриил, как настоящий ангел, предпочитал всяким сдобным булкам и рогаликам. Она отмывала его кисти от краски, когда он возвращался с этюдов, обстирывала его и всячески заботилась о нем.

Помощь доброй старушки не ограничивалась одним домашним хозяйством. Если бы Гавриил полагался только на свои собственные силы, он, несомненно, пропустил бы возвращение Аззи, ярким метеором сверкнувшего в небе и приземлившегося прямо на крыльце своего приятеля-драматурга. Но вместе с ним круглосуточные наблюдения вели домочадцы Агаты. Престарелый отец служанки, Менелай, первым заметил необычайно яркую зарницу в западном полушарии небесной сферы и сообщил об этом дочери. Засветив лампу, Агата темными коридорами прошла к комнате, которую занимал Гавриил, и, постучавшись, приоткрыла дверь:

— Господин! Тот, кого вы ожидаете, только что прибыл в Венецию.

— Наконец-то! — вскричал Гавриил. Он заметался по комнате, стараясь подыскать подходящую одежду. Сорвав с вешалки свой самый темный плащ (нужно сказать, что даже самые темные одежды, которые носил служитель светлых сил, были не темнее крыльев светло-серого ночного мотылька), Гавриил выскользнул из дома.

Решив прибегнуть к хитрости, о которой он успел немало наслушаться за время своего пребывания на Земле, Гавриил начал взбираться по стене особняка Аретино, держась за стебли плюща, густо разросшегося перед домом и поднимавшегося почти до самой крыши. Добравшись до маленького балкончика, он притаился в тени колонны, решив немного передохнуть. Из комнаты до него доносились обрывки разговора; один голос, несомненно, принадлежал его знакомому рыжему демону, но слов Гавриил не мог разобрать.

На счастье, мимо пролетал маленький светлячок. Услышав тоненький голос, произнесший прямо у него над ухом: «Могу ли я чем-нибудь вам помочь, сударь?», Гавриил обернулся и увидел мерцающую светлую точку, кружащуюся над его головой.

— Можешь, — обрадовался ангел. — Мне необходимо знать, о чем они там говорят.

— Положитесь на меня. Я все узнаю.

И светлячок полетел прямо к приоткрытой оконной раме, проник в узкую щель и очутился в комнате, где Аззи и Аретино вели разговор. Однако помощник посланца небес несколько опоздал, и ему удалось подслушать лишь конец разговора.

— Не знаю, что ты там придумал, Аретино, но мы непременно попробуем это. Начнем сию же минуту!

Затем сверкнуло ослепительно яркое пламя, раздался грохот, повалил черный дым, и Аззи бесследно исчез. Очевидно, он прихватил с собою Пьетро Аретино, так как, когда дым немного рассеялся, хозяина особняка в комнате не оказалось.

Светлячок вернулся на балкон и поведал ангелу Гавриилу обо всем, что он слышал и видел. Гавриил, как можно догадаться, ничего не понял, однако из последней фразы Аззи он сделал вывод, что ситуация заметно усложняется.

А вот что происходило в доме Аретино за несколько минут до того, как светлячок проник в кабинет, где беседовали демон и человек.

— Я явился прямо сюда, чтобы сообщить вам одну новость. Подсвечники нашлись!

— Вы нашли их? И где же они?

— Ну, если верить Корнелию Агриппе, то они находятся в одном замке в Лимбе. Я как раз намерен слетать за ними. А когда я получу золотые подсвечники, я сделаю их призами в нашей маленькой лотерее, которая изменит существующий мир.

— Призами? В лотерее?

— Да ну же, Аретино, очнитесь! Вы прекрасно понимаете, о чем идет речь. Вы придумали эти подсвечники — а точнее, соткали собственный рассказ по мотивам старой легенды. Подсвечников семь — значит, нам потребуется семь действующих лиц. По правде сказать, им не придется особенно утруждаться. Все, что они должны будут сделать, — это завладеть семью волшебными подсвечниками. Подсвечники исполнят их самые сокровенные желания. Ну, как вам это нравится?

— Мне? Очень нравится, — ответил Аретино без малейшего раздумья. — О чем я всегда мечтал — это чтобы мои самые заветные желания исполнились сами собою. Как было бы здорово найти волшебный предмет, сжать его в руке, загадать желание — и чтобы оно исполнилось.

— И заметьте, вы получаете этот предмет не потому, что заслуживаете его, — веско добавил Аззи, — а потому, что случайно стали его обладателем. Так обычно и делаются подобные дела. По крайней мере в моей пьесе. Я объясню добровольцам, кото-

рые будут участвовать в моем представлении, что им нужно лишь найти подсвечники. Остальное устроится само собой. В основном.

Брови Аретино чуть приподнялись, затем он кивнул, пробормотав себе под нос:

— Да. По крайней мере в основном... Но как они найдут волшебные подсвечники?

— При помощи магии, разумеется. Для каждого из них я подготовлю стандартные заклинания и волшебные талисманы, которые приведут их к подсвечникам.

— Мне нравится эта идея, — сказал Аретино. — Так, значит, мы отправляемся в Лимб? Далеко это?

— По человеческим меркам путь неблизкий, — ответил Аззи. — Но мы доберемся туда очень быстро. Вам как драматургу будет интересно посмотреть на преддверие ада, как обычно именуют Лимб поэты. Ни одному из смертных еще не удавалось попасть туда и невредимым вернуться обратно в подлунный мир... никому, кроме Данте. Ну что, маэстро, отважитесь ли вы на столь рискованное путешествие?

— Я отдал бы за него все, что имею, — ответил поэт.

— Тогда в путь! — сказал Аззи.

Аретино был разочарован, увидев тоскливый серенький пейзаж Лимба. Он ожидал ярких красок — багрового света адского пламени, черного цвета выгоревшей дотла земли, он жаждал сильных ощущений. Но вместо адских вихрей и пламени Преисподней перед ним расстилалась голая каменистая пустыня. Кое-где росли чахлые кустики. Аретино не мог достоверно определить, что это за растения, — они напоминали ему все земные кустарники вместе. Цвета здесь были какие-то блеклые: серо-желтый песок, серые камни, серенькое небо над головой. На горизонте сквозь дымку угадывались неясные очертания то ли высоких холмов, то ли гор, то ли просто далеких грозовых туч, нависших низко над землею. Оглядевшись, Аретино заметил вдалеке небольшую рощицу, имевшую столь же унылый вид, как и все кругом. Аретино подумал, что он ни за что на свете не смог бы определить, какое время года на дворе. В Лимбе было не жарко, но и не холодно. Листьев на деревьях почти не было, но чахлая травка возле небольших лужиц стоячей воды поднялась в полный рост. В воздухе не чувствовалось ни малейшего дыхания ветерка.

Внимание Аретино привлекло маленькое черное пятнышко, появившееся на горизонте как раз в той стороне, куда они с Аззи ехали на вороных конях. Над их головами бесшумно пронеслось несколько летучих мышей. Из-под копыт лошадей с негромким писком разбегались грызуны и прочие мелкие твари.

Над воротами замка Крак Геррениум было начертано: «Оставь свои предрассудки всяк сюда входящий».

Из замка доносились звуки музыки. Мелодия была довольно живой, но в ней иногда проскальзывали траурные нотки. Аретино не дрогнул — поэты обычно ничего не боятся, имея под боком знакомого демона. В этом случае, как говорится, им сам черт не брат: ведь сам демон куда страшнее окружающего их мира.

Из-под низкой арки вышел, чуть пригнувшись, высокий широкоплечий мужчина в плаще, накинутом поверх расшитого камзола и перевязи. На ногах у него были остроносые сандалии[1]. Лицо этого незнакомца привлекло внимание Аретино: волевой подбородок и высокий гордый лоб говорили о сильном характере, а живые темные глаза, казалось, пронизывали человека насквозь. Мужчина шагнул им навстречу и поклонился:

— Я Фат. Назовите мне ваши имена.

— Так это замок Фата, — вполголоса произнес Аретино. — Очень красиво.

— Я знал, что он вам понравится, — улыбнулся Аззи. — На Земле о вас говорили, что вы гоняетесь за новизной.

— Я в основном ищу новизну в людях, а не в вещах, — отпарировал Аретино.

Тем временем Фат, пристально вглядевшись в лица демона и человека, стоящих перед ним, сказал:

— Добрый день, демон! Я вижу, ты привел с собой друга.

— Это Пьетро Аретино, — представил своего спутника Аззи. — Он из рода людского.

— Очень рад.

— Мы отважились явиться к тебе с просьбой и надеемся, что ты не откажешься ее исполнить.

Фат улыбнулся и пригласил гостей пройти в замок. Тут же, как по волшебству (а, собственно, без волшебства в этом замке не делалось ни одно дело), появился столик с вином и заморскими сластями. Возле столика стояли три стула на изящно выгнутых ножках.

— Прошу вас, угощайтесь, а потом побеседуем, — пригласил гостей Фат.

Аззи поблагодарил хозяина легким поклоном и первым сел за стол.

---

[1] В античном театре остроносые сандалии (котурны) обычно носили актеры, исполнявшие трагические роли.

Потягивая старое вино, они вели светскую беседу. Фат хлопнул в ладоши, и в зал выбежали искусные фокусники, жонглеры и музыканты. Музыканты играли на струнах человеческой души, а жонглеры, будучи из породы ловкачей, перебрасывались исками и репрессалиями, в то время как фокусники творили чудеса с разными документами и официальными актами. Аззи восхищался их мастерством.

Наконец Фат сказал:

— Довольно тешить себя иллюзиями. По-моему, мы достаточно насмотрелись. Перейдем к делу. Чем я могу быть вам полезен?

— Дошло до меня, — начал Аззи, — о могущественный владыка, что в подвалах своих хранишь ты множество редких и весьма занятных вещей.

— Это действительно так, — подтвердил Фат. — Какова бы ни была судьба каждой вещи, в конце концов все они попадают ко мне, и я помещаю их в хранилище. В большинстве своем это просто старый хлам, но порой среди него попадаются забавные вещицы. И конечно, у каждой из этих безделушек своя собственная судьба, обязательно связанная с какой-нибудь легендой. Большинство таких легенд — явный вымысел, но иногда бывают и правдивые. Впрочем, мне все равно. Я не делаю различий между правдой и выдумкой, между ясным и темным, между тайным и явным. Поведай же мне, какое сокровище вы ищете?

— Нам нужны семь золотых подсвечников, которые Сатана дал Адаму.

— Да, я знаю о них. У меня есть несколько неплохих гравюр с изображением этих подсвечников, и я охотно могу дать вам полюбоваться ими.

— Благодарю, но нам нужны сами подсвечники, а не их подобия, — сказал Аззи.

— А что ты собираешься с ними делать? — спросил Фат.

— Дорогой мой Фат, я собираюсь творить великие дела, и семь золотых подсвечников будут играть ключевую роль в разворачивающейся драме. Но я не спросил тебя, быть может, они нужны тебе самому?

— Нет, семь золотых подсвечников мне ни к чему, — сказал Фат. — Я с удовольствием отдам их тебе.

— Я задумал дать семь подсвечников смертным — на время, разумеется, — чтобы они смогли исполнить свои заветные желания.

— Замысел твой велик и благороден, — похвалил Фат. — Жаль, что не все в вашем мире способны на столь широкий жест.

Не посвятишь ли ты меня в подробности своего плана? Каким образом ты собираешься исполнять заветные желания смертных?

— При помощи магии, разумеется, — сказал Аззи.

— При помощи магии! — воскликнул Фат. — Прекрасно! Если в это дело вмешается магия, из него почти наверняка что-нибудь выйдет.

— Да, — согласился Аззи. — Этим магия и хороша. А теперь, если, конечно, ты не возражаешь, о могущественный владыка, мы заберем подсвечники и отправимся обратно в подлунный мир.

Глава 8

Спрятав волшебные золотые подсвечники в глубокой пещере на берегу Рейна, Аззи перенес Пьетро Аретино обратно в Венецию, а сам отправился запасаться магическими принадлежностями, необходимыми ему для постановки безнравственной пьесы. В подобное путешествие лучше было отправляться налегке, а смертный, хоть и держался молодцом, все-таки являлся обузой для демона.

Воспользовавшись сезонным билетом на секретный Адский Путь, Аззи сел на поезд прямого сообщения между Небесной Твердью и рекой Стиксом. Он вышел на Центральном вокзале, где на огромном дьявольском табло красными огоньками загорались строчки с информацией об отправляющихся поездах. Длиннейшие составы с прицепленными к ним паровозами стояли на запасных путях. На ступеньках пассажирских вагонов стояли кондукторы, равнодушно оглядывая толпы людей и скопления грохочущих металлических чудовищ и лениво дожевывая свои бутерброды.

— Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен, сэр?

К Аззи подошел носильщик — гоблин из числа тех, что вечно крутятся на вокзалах в надежде разжиться парой-другой монет. Опустив в карман мелочь, гоблин помог Аззи добраться до нужного ему поезда и поднес полупустой чемоданчик, который Аззи на всякий случай взял с собой.

Благодаря помощи носильщика у Аззи осталось достаточно времени, чтобы посидеть за чашечкой ароматного кофе в вагоне-ресторане. Наконец паровоз фыркнул и потащил состав через выжженные солнцем равнины Злодеии к Складищенску, куда направлялся Аззи.

Не прошло и часа, как Аззи уже стоял на перроне Складищенска, провожая взглядом уходящий поезд. Прямо перед Аззи возник типичный пейзаж адской глубинки: низкие невзрачные домишки, пыльные улицы, всевозможные притоны и киоски, торгующие теплым пивом и пирожками с тухлятиной. А за этим маленьким городком располагались собственно склады — огромный комплекс банков и товарных складов, снабжавший жителей преисподней всем необходимым для их темных делишек.

Складские помещения, как во многих современных городах, располагались без всякого порядка, лепились друг к другу, доходя до самого берега реки. Все нечистоты, текущие по сточным канавам, дренажным и водопроводным трубам, сбрасывались прямо в Стикс. Местные власти давно должны были бы принять меры против подобного варварства, если бы эти сточные воды странным образом не способствовали очищению реки, до того загрязненной и отравленной, что вода из городской канализации разбавляла эту мутную зловонную жижу свежей струей.

Проблуждав с полчаса среди беспорядочного нагромождения металлических ангаров, деревянных сараев и каменных домов с крохотными узкими окошками, забранными решеткой, Аззи наконец набрел на тот склад, где хранилось все необходимое для чародейства и волшебства. Рекламный щит, вывешенный на стене, гласил, что только здесь клиенту гарантирован полный ассортимент волшебных талисманов. Не долго думая, Аззи вошел внутрь и оказался в довольно тесном помещении, где за столиком сидел служащий — длинноносый гоблин, с головой ушедший в комиксы, лежащие перед ним. Заметив посетителя, гоблин на секунду оторвал свой взгляд от картинки с Дэвилмэном, парящим над нью-злодейским небоскребом, и прогнусавил:

— Талисманы нужны? Какие? И для каких целей?

— Мне нужно привести семь человек к семи золотым подсвечникам.

— Ясненько, — сказал клерк. — И чего вы ждете от этих талисманов? Простейшие талисманы обычно ограничиваются тем, что указывают дорогу. Талисман представляет собой свиток пергамента, глиняный черепок со странного вида надписью или обрывок кожи, покрытый убористыми письменами. Такие талисманы нередко лежат в бабушкиных сундуках, на дне пересохших колодцев, на чердаках домов, где обитают привидения. На них обычно пишут: «Выйди на перекресток двух дорог, сверни направо и иди дальше, пока не увидишь большую сову». Это одно из наиболее часто встречающихся предписаний.

Аззи покачал головой:

— Не слишком-то верный способ. Мне нужны талисманы, которые прямиком приведут смертных к семи золотым подсвечникам, спрятанным в надежном месте. В реальном мире, разумеется.

— В том мире, который вы *считаете* реальным, — уточнил клерк. — Так, значит, вам нужно средство, способное не только указать путь к заветной цели тому, кто его найдет, но и дать этому счастливчику способ достичь ее.

— Точно так, — кивнул Аззи.

— А ваши люди умеют обращаться с талисманами? Я имею в виду, если им в руки попадет талисман, смогут ли они сами догадаться, как заставить эту штуку работать?

— Боюсь, что нет, — признался Аззи.

— Так я и думал. Должен вас предупредить, что несоблюдение техники безопасности при работе с талисманами может привести к весьма серьезным последствиям. Может, поставим защиту от дурака на случай неправильного обращения с талисманом?

— Но это будет стоить дороже?

— Естественно.

— Тогда не надо никакой защиты. Придется пойти на риск. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского.

— Итак, если я правильно вас понял, вам нужно что-то вроде портативного кладоискателя со встроенным индикатором направления. Что ж, я одобряю ваш выбор. Такие кладоискатели надежны, не занимают много места и удобны в работе. С их помощью, находясь в любой точке земного шара, вы довольно легко сможете отыскать то место, где спрятан ближайший клад. Вам просто нужно включить прибор в режим поиска и идти куда глаза глядят. Если вы находитесь на правильном пути, индикатор вашего кладоискателя начинает мигать, или попискивать, или пощелкивать, или еще как-нибудь оповещать вас о том, что сокровище близко. Кстати, могу рекомендовать вам последнюю модель портативного кладоискателя «Разбогатей-со-мной — 666». Три шестерки — счастливое число, говорят...

— Благодарю вас, кладоискатель мне не нужен. Что же касается индикатора... Идея неплохая, но для моих целей этого будет мало. Мне нужна практически стопроцентная гарантия, что обладатели талисманов доберутся до золотых подсвечников.

— О, в таком случае вам нужны половинные талисманы.

— Это что-то новенькое? Я никогда о них не слышал.

— Импортные. Халдейские. Сплит-система. Низкие цены при высоком качестве. Идея такова: чародей (в данном случае

это вы) берет талисман — например, кусок пергамента — и разрывает его на две части. Одну половинку он прячет в надежном месте. Другую отдает своему клиенту, отправляющемуся на поиски приключений. Предположим теперь, что клиент чародея попал в беду. Например, он находится в самой гуще кровопролитнейшей битвы. Но при помощи половинного талисмана он может спастись. Он достает половинку талисмана, произносит заклинание или включает ее магический заряд каким-то другим образом, и вторая половинка — та, что была спрятана где-то далеко, в укромном уголке, — начинает притягивать первую, в результате чего первая половинка талисмана в мгновение ока переносится ко второй. Рекомендую вам взять именно эти талисманы. Они незаменимы там, где требуется очень быстрая транспортировка грузов среднего веса на далекие расстояния.

— Вот это мне подойдет, — сказал Аззи. — Я положу половинки талисманов возле семи золотых подсвечников, а другие половинки я отдам людям, которые будут участвовать в моем проекте. При помощи этих талисманов они перенесутся в нужное место.

— Все будет в точности так, как вы пожелаете. Осталось уточнить только одну небольшую деталь: будете ли вы заказывать волшебных коней?

— Волшебных коней? Зачем мне волшебные кони? Разве без них нельзя обойтись?

— Ну, если вы собираетесь устраивать что-то вроде скромной сельской вечеринки, то вполне можете обойтись и без волшебных коней. Но если вы собираетесь привлечь широкую аудиторию, то волшебные кони придадут вашему шоу блеск. Конечно, с волшебными конями хлопот будет несколько больше...

— Надеюсь, что ненамного больше? — спросил Аззи. — Не знаю, насколько опытными окажутся мои клиенты. Ведь они простые смертные, понимаете? От такого у них и голова может кругом пойти.

— Понимаю. Сделаем все в лучшем виде, но так, чтобы головы у ваших смертных не кружились. В принципе, волшебными конями не так уж сложно править. Зато как шикарно они смотрятся!

— Хорошо. Запишите на мой счет семь волшебных коней.

— Сейчас запишем. — Клерк взял ручку и начал что-то быстро писать на бланке счета. — А какими именно волшебными свойствами должны обладать эти волшебные кони?

— То есть как — какими свойствами?

— Ну, например, должны ли они обладать огромной вынос-

ливостью или отличаться чистотой кровей? Как насчет экстерьера — вам нужны кони, способные затмить блеском и красотой коней, впряженных в небесную колесницу Гелиоса, или подойдут более скромные животинки? Нужно ли, чтобы волшебные кони умели говорить? Летать? Превращаться в какое-либо другое животное?

— Как, разве за все эти качества нужно платить отдельно? Наверное, это недешево обойдется!

— Вы же знаете наш главный адский принцип, не так ли? Вы получите все, что пожелаете, только вам придется за это заплатить.

— Тогда, пожалуй, я возьму самых обычных, просто волшебных, без всяких дополнительных волшебных свойств. Но хотелось бы все-таки получить что-нибудь посимпатичнее Конька-горбунка или Сивки-бурки.

— Отлично. Какие-нибудь препятствия на пути к подсвечникам заказывать будете?

— Нет-нет, что вы! Боюсь, моим смертным их не одолеть. Им бы и без всяких трудностей справиться...

— Хорошо. Теперь осталось определить калибр вашего талисмана.

— Калибр?.. А разве они бывают разных калибров? Я что-то раньше о таком не слышал.

— У нас новый порядок. Теперь для каждого калибра талисманов ввели свои формы заказов.

— Но я понятия не имею, какой калибр мне нужен!

— Вот выясните, а потом поговорим.

Аззи понял, что дело не обойдется без взятки. Сунув клерку несколько золотых, он сказал:

— Не могли бы вы мне помочь с подбором калибра? Каждый из талисманов должен обладать достаточной мощностью, чтобы перенести одного смертного в параллельный мир, созданный как отражение существующей реальности, и доставить его в нужное место в определенный срок.

— Гм... переброска груза в иное измерение и транспортировка на конечное расстояние... На это потребуется уйма энергии! Почти девяносто девять процентов мощности расходуется на путешествие в мир иной, и только один процент — на дальнейшие приключения... Я бы рекомендовал вам приобрести универсальные талисманы, а не половинные. Половинные вряд ли потянут такую мощность. Впрочем, нужно посмотреть... А сколько весят ваши смертные?

— Не знаю... — растерялся Аззи. — Честно говоря, я еще ни

разу с ними не встречался. Видите ли, мой проект находится в начальной стадии, и я еще не успел проработать детали. Но я думаю, что каждый из них весит не более... э-э-э... скажем, ста двадцати килограммов.

— Ста двадцати килограммов? Боюсь, это несколько усложняет задачу. Не могли бы вы указать верхний предел с большей точностью? Дело в том, что для грузов весом более ста килограммов калибр заклинания удваивается.

— Хорошо, пускай будет сто килограммов. Не думаю, что мне удастся найти богатырей, которые весят больше. На всякий случай я оговорю это в контракте, который я буду заключать со смертными, чтобы потом ко мне не предъявляли никаких претензий.

— Как вам угодно. — Клерк-гоблин быстро нарисовал на листочке бумаги столбик цифр. — Что ж, подведем некоторый итог. Как я понимаю, вам нужны семь универсальных талисманов, каждый из которых обладает способностью перенести простого смертного весом не более ста килограммов (включая ручную кладь) в параллельный мир, созданный как отражение существующей реальности, и доставить его в нужное место в определенный срок. Это у нас получается сорок пятый калибр. А какую марку вы предпочитаете?

— А у вас что, разные есть? — удивился Аззи.

— Уж поверьте, у нас ассортимент не хуже, чем в любой другой конторе. Могу вам порекомендовать «Дурилку II». «Мечта идиота-24» — тоже неплохая модель.

— Ну, давайте какую-нибудь из них.

— Нет, уж марку вы должны выбрать сами. Я не обязан все за вас делать!

— Я выбираю «Мечту идиота».

— К сожалению, сейчас на складе нет ни одной «Мечты идиота». Но на будущей неделе мы ожидаем новую поставку...

— Тогда я возьму «Дурилки».

— Ладно. Пожалуйста, заполните бланк заказа в двух экземплярах. Здесь распишитесь, здесь и здесь. Здесь поставьте инициалы. Здесь напишите свое имя полностью. Так. Ну вот, получите ваши талисманы.

И гоблин вручил Аззи маленький бумажный пакет. Открыв его, Аззи с любопытством заглянул внутрь.

— Они похожи на маленькие серебряные ключики.

— Так выглядят «Дурилки». «Мечты идиота» немного другие.

— Но работают они так же хорошо?

— Говорят, даже лучше.

— Спасибо! — И Аззи растаял в воздухе. На душе у него было легко и радостно, несмотря на то что впереди утомительная обратная дорога на Землю. Наконец-то у него есть все, что необходимо для постановки безнравственной пьесы. Легенда. Сценарий. Подсвечники. Талисманы. Оставалось только найти актеров. Но это уже были приятные хлопоты, и Аззи собирался совместить полезное с приятным.

Часть V

Глава 1

Ясным июньским утром на проселочную дорогу, уходящую на юг от Парижа, свернула карета, запряженная четверкой лошадей. Оставив широкую аллею, обсаженную каштанами, карета, покачиваясь, покатилась по неровной колее. Воздух был свеж и прохладен, и утреннюю тишину нарушал только стук копыт, поскрипывание колес да стрекот кузнечиков. Щелкнув бичом, возница прикрикнул на лошадей, и копыта застучали быстрее.

Карета была большая, выкрашенная желтым и красным; на козлах рядом с кучером восседали два лакея. За первой каретой ехала вторая, а за ней скакали несколько всадников и тянулся маленький караван из двенадцати мулов, несущих поклажу.

Первая карета везла шестерых пассажиров. Двое из них — хорошенький мальчик лет десяти и его сестра, очаровательная юная особа лет четырнадцати с роскошными рыжими кудрями и дерзким выражением прелестного личика, — расположились на заднем сиденье, а четверо взрослых — на переднем, сидя очень тесно друг к дружке, толкаясь и чуть не стукаясь лбами, когда карету подбрасывало на очередной выбоине дороги.

Между тем карету сильно закачало, и она накренилась вбок. Сторонний наблюдатель, окажись он в тот момент рядом, смог бы заметить, что правое переднее колесо готово соскочить с оси. Это и произошло через несколько минут. По счастью, кучер успел придержать лошадей.

Передний всадник, тучный мужчина с красным лицом, остановил своего коня у дверцы кареты.

— Эй! У вас все целы?

— Все в порядке, сударь, — ответил мальчик, сидевший у окна.

Всадник подъехал поближе, заглянул в окошко кареты и отвесил учтивый поклон сидевшим в ней взрослым. Взгляд его ос-

тановился на рыжеволосой Киске. Всадник буквально пожирал глазами юную леди.

— Я сэр Оливер Деннинг из Тьюксбери, — представился он.

— Меня зовут мисс Карлайл, — ответила она своим певучим голоском, жеманно растягивая гласные. — А это мой брат Квентин. Вы тоже паломник, сударь?

— Да, — ответил тот, краснея еще больше — так, что затылок у него побагровел. — Если все вы, глубокоуважаемые дамы и господа, изволите выйти из кареты, мой слуга Ватт попробует починить сломанное колесо.

И сэр Оливер кивнул в сторону малого, стоявшего в стороне — низенького темноволосого валлийца.

— Мы вам очень признательны, сударь, — проворковала Киска.

— Не стоит благодарности. А пока Ватт будет заниматься колесом, мы вполне можем отдохнуть и перекусить где-нибудь неподалеку на травке.

За все время разговора сэр Оливер не удостоил даже взглядом остальных пассажиров кареты, так что было совершенно непонятно, относится ли его приглашение исключительно к милой барышне или к ее спутникам также.

Сэр Оливер приметил Киску еще до того, как у кареты соскочило колесо, — вероятнее всего, в тот момент, когда она поправляла кружевную косынку на груди. Водопад рыжих кудрей, обрамлявших свежее личико, и тоненький стан сразили сэра Оливера наповал. Впрочем, не он первый попал под воздействие ее чар. Мужчины, даже суровые, закаленные в боях воины, теряли головы, стоило им увидеть Киску.

Они расположились на солнечной полянке неподалеку от кареты, которую чинил слуга Ватт. Сэр Оливер достал из седельной сумки походное одеяло, от которого слегка попахивало лошадью, — запах был слабый и, пожалуй, приятный. Сэр Оливер, очевидно, не раз участвовал в походах, потому что в его седельной сумке нашлось все, что необходимо уставшему путнику на привале: сносная провизия и даже нехитрая посуда.

— Как приятно посидеть вот так на травке, — сказал сэр Оливер, расположившись на одеяле и держа в руке подрумяненную ножку цыпленка. — Это напоминает мне старые добрые дни последней итальянской кампании. Я имел честь служить под началом сэра Джона Хоуквуда. В том походе мы часто делали привалы под открытым небом.

— Надеюсь, сударь, вы повидали много сражений? — спросил Квентин, скорее из вежливости, чем из любопытства: его по-

чему-то не покидала уверенность, что если этот пузатый краснолицый обжора и участвовал в военных походах, то прошел весь свой боевой путь в обозе, в интендантской повозке.

— Сражений? Да уж достаточно, — самодовольно усмехнулся сэр Оливер и пустился в длинный, никому, кроме него самого, не интересный рассказ о боях под Пизой. Он рассказывал об этом малозначительном событии таким высокопарным слогом, словно описывал воинские подвиги короля Артура. Потом он перешел к описанию других битв. Если верить сэру Оливеру, он проливал свою кровь у стен чуть ли не всех итальянских городов.

Однако Квентин не очень-то верил ему. Он помнил, как однажды присутствовал при взрослом разговоре и его отец сказал, что война в Италии похожа на торги: сначала произносятся зажигательные речи, потом заинтересованные стороны ведут тайные переговоры, и в зависимости от исхода этих переговоров либо город сдается, либо осада снимается. Еще отец говорил, что французы — вот те действительно настоящие воины и дерутся насмерть, а итальянцы и наемники только играют в войну и размахивают мечами и копьями. Но сэр Оливер почему-то ни словом не обмолвился о французах, зато его рассказ пестрел какими-то Колоннами, Борджия, Медичи и прочими иностранными именами, незнакомыми Квентину. Сэр Оливер тем временем настроился на патетический лад; слогом, достойным Гомера, он воспевал схватки на копьях и мечах, ночные дозоры в Южной Италии, где конные отряды до сих пор подвергаются внезапным набегам сарацинов, и расписывал опасности, подстерегающие воинов под каменными стенами осажденных городов, когда внезапно на головы солдат, штурмующих крепость, льются потоки кипящего масла или расплавленного свинца.

Сэр Оливер был низенький лысеющий господин с козлиной бородкой. Фигура его напоминала пузатый бочонок, а красный цвет лица выдавал любителя вин. Во время разговора он вскидывал голову, и его бороденка смешно тряслась. Собираясь поведать очередную геройскую подробность своей биографии, он долго откашливался, прочищая горло. Киска, которой этот самовлюбленный болтун уже успел порядком надоесть, передразнивала его столь уморительно, что Квентин с трудом сдерживал смех.

Наконец Ватт доложил, что карета готова. Сэр Оливер отпустил слугу и выслушал многочисленные изъявления благодарности с подобающей суровому воину скромностью. В ответ он сказал, что поскольку все они держат путь в Венецию, то им еще предстоит провести вместе немало времени. Очевидно, он был

уверен, что общество столь великолепного кавалера и прославленного воина будет приятно всем. Киска, мило улыбнувшись, ответила, что ему всегда будут рады — ведь колесо может снова соскочить. Сэр Оливер не понял шутки и заверил прелестную барышню, что всегда будет рад помочь ей. Ему и в голову не пришло, что надрывный кашель, разобравший всю компанию после этого, мог быть вызван не крошкой, попавшей не в то горло, а какой-то другой, более сложной причиной.

Чуть позже компанию путешественников нагнала монахиня, которая должна была ехать вместе с ними с самого начала путешествия, но опоздала к месту встречи. Дама сидела верхом на гнедой кобыле, следом за ней ехал слуга на муле, державший на руке охотничьего сокола. Карета остановилась, и пассажиры, посовещавшись, подвинулись, освобождая для нее одно место.

Мать Иоанна была настоятельницей монастыря урсулинок, расположенного неподалеку от английского города Грейвлайна. Едва успев устроиться на сиденье кареты, она начала рассказывать о себе. Фамилия ее была Мортимер, и она состояла в близком родстве со шропширскими Мортимерами. Лицо у нее было некрасивое, с крупными чертами и выдающимися скулами. Темный загар выдавал в ней страстную любительницу охоты. И действительно, она ни на минуту не разлучалась со своим соколом, на каждой остановке снимала с головы птицы клобучок и отправляла ее за дичью. Сокол обычно возвращался с какой-нибудь безобидной маленькой зверушкой — полевкой или сурком, — окровавленной и истерзанной. Мать Иоанна хлопала в ладоши и говорила:

— Отлично, мисс Быстринка!

Быстринкой она называла своего сокола, прибавляя к имени птицы столько ласковых имен и разных сладеньких словечек, что Квентина, не терпевшего женского сюсюканья, начал разбирать смех, и мальчик с трудом удерживался, чтобы не прыснуть. Наконец пассажиры, которым также надоели излияния аббатисы и которых к тому же сильно раздражал ее высокий, резкий голос, решительно выступили против того, чтобы сокол находился в карете. Мисс Быстринке пришлось переместиться на запятки, где ехал слуга. Расставшись со своей любимицей, мать Иоанна заметно приуныла, однако через несколько минут, заметив оленя на лесной опушке, вновь воспрянула духом. Она предложила остановиться, чтобы загнать дичь, но и от этой идеи ей пришлось отказаться: единственной собакой, сопровождавшей путешественников, была комнатная болонка одной из дам, кото-

рая не смогла бы справиться не то что с оленем, но и с простой крысой.

Разочарованная аббатиса нашла утешение в светской болтовне. Путешественники узнали, что мать Иоанна не просто леди Мортимер, а старшая сестра той самой девицы Мортимер, которая составила блестящую партию с маркизом Сен-Бо. Сама же она стала настоятельницей монастыря потому, что не хотела выходить замуж (или потому, как шепнула Киска на ухо Квентину, что, несмотря на ее знатность и богатство, не нашлось такого дурака, который захотел бы на ней жениться). Уговорив родителей выхлопотать для нее место настоятельницы монастыря, она приняла постриг и стала аббатисой. Поджав губы, старая дева с гордым видом заявила, что вполне довольна своей участью, ведь Грейвлайн окружают густые леса, где можно отлично поохотиться. К тому же монахини в ее монастыре — дамы благородного происхождения, так что каждый вечер за чашкой чая собирается весьма приятная компания.

Так прошел этот долгий, долгий день.

Глава 2

Сэр Оливер откинулся назад в седле, оглядываясь по сторонам. Они все еще ехали по открытой местности. Слева уже много миль тянулись невысокие холмы, справа сверкала серебром быстрая речушка. Впереди виднелись небольшие рощицы, а на самом горизонте темнел лес.

Но кое-что заинтересовало сэра Оливера гораздо более, чем открывавшийся пейзаж. На склоне одного из холмов показалось красное пятнышко и стало перемещаться как раз по направлению к дороге, по которой они ехали. Сэр Оливер рассчитал, что встречный путник выедет на дорогу примерно в полумиле от того места, где они остановились сейчас.

Мать Иоанна подъехала к сэру Оливеру на своей отлично выезженной гнедой.

— В чем дело? — спросила она своим резким голосом, в котором даже при обычном разговоре звучали повелительные нотки. — Почему мы стоим?

— Хочу осмотреться, — ответил сэр Оливер, которого слегка раздражали резкий тон и повелительные манеры этой старой девы. — Прежде чем ехать дальше, неплохо было бы узнать, что там впереди.

— И какого лешего вы хотите там разглядеть?

— Лешие меня не волнуют. Меня больше беспокоят разбойники. Говорят, они появляются в этих краях.

— У нас есть охрана, — заявила мать-настоятельница. — Четверо арбалетчиков, которые пока что даром едят наш хлеб.

— Я не очень-то доверяю этим людям, — возразил сэр Оливер. — Вот увидите: при малейшей опасности они удерут от нас. И если нам действительно что-то угрожает, я предпочел бы подготовиться к неприятной встрече.

— Это просто смешно, — не сдавалась мать Иоанна. — Уж если нам суждено встретиться с разбойниками, то не вам отвести от нас такую беду. Целая разбойничья шайка может скрываться вон в том лесу впереди, и мы не заметим их — пока они сами того не захотят, разумеется.

— Все равно мне нужно наблюдать за дорогой, — сказал сэр Оливер. — Вон там, впереди, показался всадник. Он скачет нам навстречу.

Иоанна стала всматриваться в дорогу. Она была близорука и не сразу смогла разглядеть впереди на дороге всадника в красном плаще.

— Откуда появился этот человек? — спросила она у сэра Оливера.

— Не знаю. Но он скачет нам навстречу, это очевидно.

Действительно, красная точка быстро увеличивалась в размерах. Сэр Оливер сделал знак остальным подъехать ближе. Путники собрались в одну тесную группу. Все напряженно всматривались вдаль, стараясь угадать, чем может кончиться для них эта нежданная встреча.

Сэр Оливер, как старый вояка, критически оглядел свой маленький отряд. Не так уж мало народу, решил он. Силы кавалерии представляли две кареты, четыре запасных лошади и двенадцать мулов. Здесь можно было рассчитывать на тридцать человек, не считая дам. Примерно половина из них присоединилась к компании богомольцев в Париже, где паломники останавливались, чтобы закупить провизию. Там же, в Париже, они наняли охрану — четырех арбалетчиков, старых ветеранов, участвовавших в войнах с итальянцами. Командовал ими сержант Патрик, заявивший, что без него и его людей путешественникам ни за что не проехать через юг Франции, где леса кишат разбойниками и дикими зверями.

По дороге, однако, путники успели переругаться. Во время остановки в Париже они целый вечер проспорили, как ехать дальше. Одни считали, что лучше избрать самый легкий путь — через центральные провинции Франции, где дороги были в от-

личном состоянии, а горы и темные леса оставались в стороне, не пугая путешественников своей неприступностью. Однако на этих дорогах было неспокойно. Даже английским подданным не следовало бы туда соваться.

Большинство выступало за то, чтобы двинуться через Бургундию и дальше по западному берегу Роны, через густые леса Лангедока, чтобы добраться до Русильона. Наконец, после долгих дебатов, они выбрали именно этот путь. Пока еще с ними не случалось неприятных происшествий, однако вся компания держалась настороженно — ведь в чужих краях опасность чудится за каждым кустом.

По дороге во весь опор скакал одинокий всадник. Багряный плащ развевался за его плечами, открывая алый костюм для верховой езды. Ноги его были обуты в сапоги из мягкой кожи. На левое ухо был лихо заломлен зеленый бархатный берет с орлиным пером. Всадник был весьма худ и высок ростом и великолепно держался в седле. Подъехав ближе, незнакомец резко осадил своего коня.

— Приветствую вас! — крикнул Аззи путникам, собравшимся тесной группой и внимательно глядевшим на него. — Я Антонио Креспи, венецианский торговец тканями. Я разъезжаю по Европе, продаю золотую парчу. В этих краях на нее большой спрос, особенно на севере. Если благородные дамы и господа желают взглянуть на образцы, я охотно удовлетворю их любопытство.

Товаром такого сорта Аззи запасся заранее у одного из венецианских купцов. После встречи с Аззи купец отправился домой без своей роскошной парчи, но с карманами, туго набитыми звонкими золотыми монетами.

Кинув на Аззи подозрительный взгляд, сэр Оливер спросил, не будет ли любезен синьор Антонио объяснить, откуда он выехал на большую дорогу. Словно из-под земли вырос, прибавил сэр Оливер про себя. С очаровательной улыбкой, сверкнув всеми тридцатью двумя белыми зубами, Антонио объяснил, что проехал лесной тропинкой, известной ему с незапамятных времен. Ведь он часто ездит по делам в Париж и хорошо знает здешние места, вот и решил срезать несколько миль.

— Сударь, — закончил свою речь рыжий демон, — если мое общество не будет вам неприятно, я хотел бы присоединиться к вам. Путешествуя в одиночку, путник почти всегда экономит время, но и приятная компания в дороге имеет свои положительные стороны. Тем более в этих краях, где, как слышно, пошаливают разбойники. Когда рядом с тобой надежный человек,

чувствуешь себя гораздо увереннее. Поверьте, сударь, я могу пригодиться вам в дороге. Как я уже имел честь вам сообщить, я в этих краях не впервые и знаю здешние тропы. Знаю, где могут встретиться разбойники. А если понадобится, я буду сражаться плечом к плечу с остальными, защищая жизнь и честь прекрасных дам (тут Аззи отвесил легкий поклон в сторону двух карет, из окошек которых выглядывали миловидные головки). К слову сказать, я неплохо владею оружием. Запас провизии у меня с собой достаточный, так что я не буду вам в тягость.

Оливер переглянулся с матерью Иоанной:

— Что вы думаете, мать Иоанна? Примем его в нашу компанию?

Мать Иоанна смерила Аззи оценивающим взглядом. Аззи, которого за всю его долгую жизнь демона представительницы прекрасного пола одаривали разными взглядами — ласковыми, пламенными, полными страсти и даже такими, которые испепелили бы обыкновенного смертного на месте, — спокойно встретил его. Как и подобает воспитанному джентльмену, он несколько секунд смотрел в круглые совиные глаза монахини, затем, приподняв свой берет и отвесив вежливый поклон, отвел взгляд и принял одну из тех непринужденных и изящных поз, которые принимают все демоны и галантные кавалеры, стараясь произвести впечатление. Если даже ему не разрешат присоединиться к этой компании, он проявит дьявольскую изобретательность, чтобы в конце концов добиться своего. В аду учат и не таким проделкам!

Наконец мать Иоанна раскрыла плотно сжатые губы, сказав коротко:

— Я не возражаю.

Они подъехали ближе к каретам и фургонам, выстроившимся вдоль дороги, и сэр Оливер представил нового попутчика. Снова тронулись в путь, и Аззи, как человек, хорошо знающий местность, занял место во главе процессии. Сэр Оливер поехал рядом.

— Что там, впереди? — спросил он у мнимого торговца тканями.

— Скоро начнется лес, — ответил Аззи. — Он тянется миль на пятьдесят. Сегодня нам придется ночевать где-нибудь под сенью густого дуба, — прибавил он с улыбкой. — О разбойниках в здешних краях не слышали примерно с год или даже больше, так что, надеюсь, эту ночь мы проведем спокойно. А к завтрашнему вечеру мы должны добраться до большака, где стоит весьма

приличный трактир. Там можно немного отдохнуть. Содержат это заведение монахи, и кухня там неплохая.

Последняя новость особенно понравилась сэру Оливеру и матери Иоанне, высоко ценившим добрую трапезу, тепло очага и тонкие льняные простыни.

Никому из путников ни разу за весь день не пришлось пожалеть о том, что они приняли Антонио Креспи в свою компанию. Молодой рыжеволосый торговец был занятным собеседником, умеющим развеять дорожную скуку. Его рассказы отличались оригинальностью. В основном это были придворные сплетни, приправленные пикантными подробностями, до которых все путешественники, даже дамы, оказались большими охотниками. Но иногда новый попутчик рассказывал истории, похожие на волшебные сказки, в которых наравне со смертными действовали черти, ведьмы и прочие духи, которые, по слухам, отнюдь не обходили Венецию стороной.

За разговорами еще один долгий день показался не столь уж долгим. Солнце совершало свой привычный путь по небосклону, равнодушно взирая желтым оком на землю, дремлющую в жаркой истоме. Воздушные белые облака, словно легкие парусники, плыли к заветной небесной Гавани Всех Ветров. В верхушках деревьев шумел ветер. Путники медленным шагом двигались по заброшенной лесной дороге, достаточно широкой, чтобы на ней могли разъехаться две повозки, но недостаточно ровной, чтобы дамы в карете могли устроиться со всеми удобствами.

Тихо, необычно тихо было в лесу в этот день. Тишину нарушало только позвякивание конской упряжи, да иногда кто-нибудь из ветеранов-арбалетчиков запевал удалую песню — но тут же умолкал, сам не зная почему. Наконец солнце начало клониться к западу. Тени удлинились, и в воздухе повеяло вечерней прохладой.

Процессия все дальше углублялась в густую чащу. Путники в каретах задремали, головы всадников склонились к лошадиным гривам, пальцы сами собой разжимались, выпуская поводья. Сонную дрему развеяло одно небольшое происшествие: из кустов прямо на дорогу выскочила лань и, мелькнув бело-коричневым боком, метнулась туда, где темнел хвойный подлесок, — только сучья затрещали. Мать Иоанна встрепенулась в седле, однако даже у нее не хватило сил для погони. Лес околдовал всех, навеял волшебные грезы. Не хотелось нарушать его величавую, вечную тишину.

Так они ехали, пока не начало смеркаться. Заметив небольшую полянку, Аззи пригласил своих уставших спутников оста-

новиться здесь на ночь — ведь дальше начинается самый трудный участок пути. Им предстоит ехать по буреломам и бездорожью. На этот раз споров не возникло — путешественники были рады долгожданному отдыху.

Слуги расседлали усталых коней, обтерли и напоили их у ручья, который журчал в низине неподалеку от места их стоянки. Взрослые начали хлопотать, устраиваясь на ночлег, а дети, целый день смирно просидевшие на жестких сиденьях карет, затеяли на поляне веселую возню. Киска и здесь была первой, проявляя большую изобретательность по части игр и всяческих проказ.

Аззи и сэр Оливер подошли к самому краю поляны, где лежал поваленный дуб. В том месте, где мощные корни были вывернуты из земли, образовалась неглубокая яма. Лучшего места для костра нельзя придумать — со всех сторон пламя будет защищено от ветра. Набрав хвороста, они сложили его в этот приготовленный самой природой очаг. Сэр Оливер достал огниво и кремень. Он отнюдь не был мастером по части разведения костров, однако просить помощи Антонио ему не хотелось. Сэр Оливер неловко ударил кресалом о кремень и высек первую искру.

Искры падали на сухой трут, но тотчас же гасли, будто заколдованные. Да еще ветер, словно посланный им на беду из самой Преисподней, зашелестел в траве, задувая едва успевавшее вспыхнуть пламя. Сэр Оливер продолжал свою упрямую борьбу с ветром, но так и не смог добыть огня.

Поднявшись с колен и разогнув ноющую спину, он помянул недобрым словом проклятый кремень с огнивом, а заодно и чертов ветер. Аззи сделал шаг к куче хвороста, лежащего в яме:

— Разрешите мне попробовать?

— Пожалуйста, — сказал сэр Оливер почти с облегчением, протягивая ему огниво.

Но Аззи не взял огнива. Он просто потер указательный палец правой руки о ладонь левой и направил палец на сухие ветки, собранные кучей. Из-под ногтя указательного пальца Аззи выскочила голубая молния и ударила прямо в хворост, сразу вспыхнувший ярким пламенем.

Раскрыв от изумления рот, сэр Оливер глядел на весело пляшущие багровые языки. Ветер, не справившись с огнем, добытым при помощи чуда, тотчас утих. Можно было подумать, что этот худощавый венецианец, стоявший у костра и глядевший на пламя, обладал такой сверхъестественной силой, что мог управлять погодой.

Сэр Оливер хотел что-то сказать — и не смог. Язык не повиновался ему.

— Простите, — вежливо сказал Аззи, повернувшись лицом к онемевшему от изумления сэру Оливеру. — Я не хотел вас напугать. Это обычный фокус, которому я научился, странствуя по Востоку.

Только сейчас сэр Оливер заметил, что в глазах у того, кто выдает себя за Антонио Креспи, венецианского торговца тканями, горят зловещие красные огоньки, хотя, возможно, это были просто отблески пламени.

Аззи повернулся и пошел обратно к каретам.

Глава 3

Тем временем мать Иоанна пыталась поставить шатер. Эта любительница ночевок в лесу таскала с собою походный шатер всякий раз, как отправлялась на богомолье. Конструкция была весьма незамысловатой: на два бамбуковых колышка натягивалось выцветшее зеленое полотно. Мать Иоанна, конечно, справилась бы с таким пустяковым делом за несколько минут, если бы растяжки не перепутались в дороге. Мать Иоанна сражалась с упрямым узлом, пытаясь найти хотя бы один кончик, за который можно было ухватиться.

— Сам черт не распутает этот проклятый узел! — воскликнула она, потеряв терпение.

— Сам черт не распутает, говорите вы? — спросил Аззи, подходя ближе. В голосе его звучали иронические нотки. — Что ж, посмотрим. Разрешите мне попробовать?

Со скептической ухмылкой мать Иоанна вручила ему огромный ком спутанных веревок, отдаленно напоминавший козлиную голову.

Аззи повертел ком в руках, затем поднял указательный палец и тихонько подул на него. Его палец тотчас же стал канареечно-желтым, а ноготь на нем необычайно вытянулся, превратившись в острый изогнутый стальной коготь. Аззи пару раз ковырнул этим когтем тугой узел, над которым так долго билась мать Иоанна, и тотчас же по веревкам, словно ток по проводам, побежали зеленые искры. Там, где искры встречались друг с другом, на секунду вспыхивало белое пламя и раздавался сухой треск. Наконец искры пропали, и Аззи подбросил комок в воздух. Мать Иоанна попыталась поймать его, но в этот момент веревки распутались сами собою и упали на траву. Монахиня наклонилась и подняла с земли то, что еще минуту назад было гордиевым узлом.

— Как вы... — пролепетала она.

— Факирский трюк, которому меня научили на восточном базаре, — объяснил Аззи и широко улыбнулся, показав белые острые зубы.

Мать Иоанна посмотрела на него — и замерла, словно громом пораженная: в глазах у мнимого венецианца плясали красные огоньки.

Когда Аззи отвернулся и, насвистывая, пошел прочь, мать Иоанна облегченно вздохнула.

Поздним вечером все собрались у костра — все, кроме Аззи, отправившегося побродить по лесу перед сном. Оливер и мать Иоанна сели в стороне — представляем читателю догадаться, о чем, а вернее о ком, они собирались поговорить.

— Наш новый попутчик... — нерешительно начал сэр Оливер. — Что вы о нем думаете?

— Он меня сильно напужал, — призналась мать Иоанна, не заметив, что употребила простонародное словечко, которое часто слышала в детстве от своей старой няни.

— Да, — сказал Оливер. — Вам не кажется, что дело тут нечисто?

— Ну конечно! — с жаром воскликнула мать Иоанна, которой не терпелось поведать кому-нибудь о странном фокусе с узлом. — Между прочим, всего лишь час тому назад произошел один случай, заставивший меня серьезно задуматься...

— Я тоже могу кое-что рассказать вам! — подхватил сэр Оливер. — Совсем недавно я пытался развести костер, но у меня ничего не получалось. Так вот, этот синьор Антонио зажег огонь с первой попытки, но как!.. Указательным пальцем!

— Указательным пальцем... и чем еще? — спросила мать Иоанна таким тоном, что даже самому невнимательному собеседнику стало бы ясно: она также может кое-что рассказать об этом подозрительном типе.

— В том-то и дело, что ничем. Он просто направил указательный палец на кучу хвороста, и пламя вспыхнуло само собой. Он говорит, это старый факирский трюк, которому его научили на Востоке. Но я лично считаю, что здесь дело не обошлось без магии!

С минуту мать Иоанна молча смотрела на сэра Оливера, а затем рассказала про то, как Аззи распутал узел.

— Согласитесь, это уже выходит за всякие рамки, — сказал сэр Оливер.

— Да, конечно.

— И совсем это не обычные фокусы, которым можно научиться на восточном базаре.

— Несомненно, — кивнула мать Иоанна. — И есть еще одна весьма подозрительная деталь, которая поможет нам вывести его на чистую воду. Вы заметили, что в глазах у этого Антонио горят красные огоньки?

— Как я мог забыть об этом! — вскричал сэр Оливер. — Если я не ошибаюсь, красные огоньки в глазах служат одним из признаков, по которому определяют демона, скрывающегося среди людей?

— Да, — сказала мать Иоанна. — Я читала об этом в «Практическом руководстве по изгнанию демонов и прочей нечистой силы».

И в это самое мгновение из кустов, обступивших поляну плотным кольцом, показался Аззи. Насвистывая какой-то незатейливый мотивчик, он вышел к костру, неся на плече только что убитого молодого оленя.

— Я буду рад, если благородные дамы и господа позволят мне угостить их сегодня ужином. Быть может, кто-либо из слуг позаботится о жарком из оленины? Я бы хотел пойти к ручью. После охоты на оленя полезно немного освежиться.

Глава 4

На следующее утро путешественники проснулись рано, еще до рассвета. Когда первые лучи солнца стали пробиваться сквозь густую листву, они уже уложили вещи, наскоро позавтракали и свернули лагерь. Этот день прошел столь же однообразно, как и предыдущий: извилистыми тропинками пробирались они через лес, поминутно оглядываясь по сторонам — не мелькнет ли за деревьями кожаная куртка разбойника, не послышится ли грозное рычание дикого зверя? Но все обошлось на удивление благополучно: никого страшнее комаров они не повстречали.

Когда день перевалил на вторую половину, сэр Оливер и мать Иоанна, словно сговорившись, начали ежеминутно привставать на стременах, надеясь приметить хоть малейший просвет меж деревьями. Оно и понятно: странный случайный попутчик, взявшийся провести их через лес одному ему знакомой дорогой, обещал, что к вечеру они доберутся до трактира.

И вот как раз в тот момент, когда благородный рыцарь и честная монахиня уже потеряли последнее терпение и стали бросать на Аззи косые взгляды, красноречиво говорившие о том, ка-

кого мнения они оба придерживаются об этом бессовестном обманщике, за очередным поворотом их ждал сюрприз: на широкой поляне стоял каменный двухэтажный дом с примыкающими к нему пристройками — большим деревянным сараем, просторным хлевом и загоном для скота. Вывеска над дверью указывала на то, что это трактир.

Брат Франциск, бывший здесь за хозяина, встречал гостей у порога. Он радушно приветствовал уставших путников, мечтавших о горячей воде, чистой постели и ночлеге под крышей.

Аззи пропустил своих спутников вперед. Входя в трактир самым последним, он вручил брату Франциску увесистый мешочек с серебром:

— Вот вам вознаграждение за аренду помещения.

И, сам засмеявшись своему каламбуру, Аззи как-то странно поглядел на брата Франциска. Тот отшатнулся, словно увидел привидение.

— Прошу прощения, сударь, — пролепетал он запинаясь. — Быть может, я обознался, но мне кажется, что я вас где-то видел.

— Вполне возможно. Мы могли случайно встретиться в Венеции, — ответил Аззи, обнажая в улыбке острые белые клыки.

— Нет, это было не в Венеции, а во Франции. Да-да, теперь я припоминаю: ведь мы познакомились при весьма странных обстоятельствах. Случилось великое чудо — мертвый воскрес...

Аззи хорошо помнил тот случай, о котором рассказывал брат Франциск, — ведь он имел самое прямое отношение к чудесному воскресению из мертвых, — однако хитрый демон отнюдь не собирался признаваться трактирщику в умении творить подобные чудеса. Деликатно улыбнувшись, он покачал головой.

После этого краткого разговора брат Франциск был необычайно задумчив и рассеян. Показывая новым постояльцам комнаты и выслушивая их пожелания насчет обеда, бедный монах путал слова и заикался, чего за ним сроду не замечалось. Искоса поглядывая на Аззи, в тот момент непринужденно беседовавшего с двумя дамами, брат Франциск потихоньку плевал через левое плечо и творил крестное знамение — разумеется, когда думал, что на него никто не смотрит.

Когда Аззи попросил трактирщика отвести ему отдельную маленькую комнатку во втором этаже, брат Франциск тут же согласился; однако, проводив Аззи наверх, бедный доминиканец, казалось, окончательно потерял рассудок. Спустившись с крутой деревянной лестницы, он встал посреди просторного каминного зала, где были накрыты столики для постояльцев, поднес к самым глазам ладонь с лежащими на ней серебряными монетами

и начал пристально их разглядывать, что-то тихонько бормоча себе под нос. Наконец он сделал несколько нерешительных шагов к сэру Оливеру и матери Иоанне.

— Скажите... — произнес он заплетающимся языком, — этот самый... ваш попутчик... вы давно с ним знакомы?

— Нет, не очень, — осторожно ответил сэр Оливер. — А в чем, собственно, дело? Он слишком мало заплатил вам за стол и кров?

— Нет-нет, нет. Как раз наоборот.

— То есть как?

— Ну... я спросил с него шесть сантимов за комнату в верхнем этаже, и он согласился. Он заплатил сразу — вытащил из кармана несколько мелких медных монет и протянул их мне. Но только я хотел взять деньги, как он сжал кулак, сказав при этом: «Черт побери, я мог бы быть более щедрым», затем подул на свой указательный палец и ткнул им в монетки, зажатые в кулаке. Так что же вы думаете? Когда он снова раскрыл ладонь, все монеты были серебряными!

— Серебряными! Вы уверены в этом? — воскликнула мать Иоанна.

— Ну конечно. Самое настоящее серебро. Вот, взгляните сами.

И брат Франциск протянул матери Иоанне серебряный сантим. Та отпрянула, словно увидела змею.

Мать Иоанну и сэра Оливера ждал еще один неприятный сюрприз. Вскоре после весьма необычного разговора с трактирщиком они решили распорядиться, чтобы завтрак утром им подали прямо в постель. Однако выслушать их просьбы было некому: брат Франциск как сквозь землю провалился. В конце концов, обшарив весь дом, они обнаружили записку, приколотую к двери кладовой. *«Благородные дамы и господа*! — писал брат Франциск. — *Надеюсь, вы извините меня за то, что я был вынужден покинуть вас. Я неожиданно вспомнил об одном очень важном деле, которое должен обсудить с аббатом Сен-Бернарского монастыря. Да хранит вас господь. Я буду молиться за вас».*

— Ну и ну! — промолвил сэр Оливер, покачав головой, и, повернувшись к матери Иоанне, прибавил: — Что вы об этом думаете?

Монахиня поджала губы:

— Он перепугался до смерти и поэтому сбежал.

— Если он думает, что Антонио демон, почему он нам ни слова об этом не сказал?

— Очевидно, он решил, что мы действуем заодно с этим Ан-

тонио, раз уж мы путешествуем в его компании. — Немного помолчав, она добавила: — Нам тоже следует быть начеку.

Остаток вечера воин и монахиня провели у камина. Сэр Оливер ворошил догоравшие поленья, и в языках пламени ему чудились мерзкие рожи, кривлявшиеся и дразнившие его. Мать Иоанна дрожала всем телом, несмотря на то что сидела у огня, а сквозняков в комнате не было.

Мать Иоанна первой потеряла терпение:

— Так дольше продолжаться не может. Нужно что-то делать.

Сэр Оливер отвел взгляд от языков пламени:

— Да, конечно. Но что?

— Если он и в самом деле демон, нам перво-наперво следует позаботиться о собственной безопасности.

— Да, но как мы можем узнать наверняка, демон он или просто чудак, решивший сыграть с нами скверную шутку?

— Нужно пойти к нему и спросить напрямик, кто он такой, — заявила мать Иоанна.

— Что ж, вы можете сделать это прямо сейчас. Лично я буду вам очень признателен, — сказал сэр Оливер.

Лицо матери Иоанны, и без того напоминавшее своим удлиненным овалом лошадиную морду, вытянулось еще больше.

— Когда я предлагала спросить об этом у него, я вовсе не имела в виду, что собираюсь заниматься этим сама. Вы кажетесь мне более подходящим человеком для такого дела. В конце концов, вы ведь воин, вы привыкли смотреть в лицо опасности. Вот и поговорите с ним, как мужчина с мужчиной.

Сэр Оливер наморщил лоб.

— Мне кажется, он может обидеться, — сказал он после минутного размышления. — А я не хочу ссориться с ним, кем бы он ни был — демоном или обыкновенным смертным.

— Этот Антонио не человек!

— Человек он или нет, вряд ли ему понравится, если кто-то будет задавать ему странные вопросы.

Мать Иоанна упрямо поджала губы:

— Я знаю одно: кто-то обязательно должен поговорить с ним.

— Согласен. Ну и что дальше?

— И если в вас есть хоть капля мужества, вы не можете отказаться...

— Ну хорошо, я поговорю с ним.

— Я уверена, что он на самом деле демон, — сказала мать Иоанна тоном, не допускающим возражений. — Уж я в подобных вещах кое-что смыслю. Вы заметили эти красные огоньки у него в глазах? А со спины вы его не разглядывали? Я лично гля-

дела очень внимательно. Могу побиться об заклад, что у него есть хвост!

— Демон среди нас! — прошептал сэр Оливер. — Настоящий демон!.. Если это так, мы должны его убить.

— Вы сказали *убить*? — переспросила мать Иоанна. — А мы это сможем? Убить демона не так-то легко...

— Вам лучше знать, как это сделать. Вы же говорите, что разбираетесь в этих делах.

— Ну... да... немного. Правда, мне ни разу не приходилось встречаться с демоном лицом к лицу. Наш орден брезгует иметь дело со слугами Сатаны. Но я слышала достаточно много историй о том, как заклинают духов и изгоняют бесов. Знающие люди говорили мне, что демон практически неуязвим. Так что если вам удалось его убить, то почти наверняка этот бедняга на самом деле был простым смертным, у которого в глазах горели красные огоньки.

— Да, в хорошенькую историю мы попали, — мрачно заметил сэр Оливер. — И что вы предлагаете делать дальше?

— Ну, наш первейший долг — предупредить всех о грозящей им опасности. Нам нужно собраться вместе и хорошенько все обдумать. Я лично считаю, что каждый должен пожертвовать для общего дела какую-нибудь святую реликвию из тех, что они взяли с собой на богомолье, — крест, ладанку или освященные четки. Эти предметы помогут нам одержать верх над нечистым духом и низвергнуть его в адские глубины, из которых он вышел.

— Мне кажется, нечистому духу это не очень-то по вкусу придется, — сказал сэр Оливер.

— Это уж его личные трудности, — отрезала мать Иоанна. — Изгонять бесов — наша священная обязанность и первейший долг.

— Да, конечно, — согласился сэр Оливер. Но в глубине души он сомневался в том, что мать Иоанна поступает правильно, объявляя войну их случайному попутчику, которого они встретили по дороге на богомолье.

Как ни странно, все остальные выслушали взволнованный рассказ матери Иоанны довольно спокойно и ничуть не удивились, узнав, что по всем приметам Антонио Креспи — демон. В те времена люди встречались со сверхъестественным буквально на каждом шагу. Слухи о вещих голосах, которые можно было услышать на могилах известных святых, о чудотворных иконах, о знамениях, посылаемых небесами, о явлениях ангелов молящимся праведникам, о проделках чертей и ведьм наводнили Европу. Никто не удивился бы, если бы кто-то сказал, что его свар-

ливая соседка — ведьма, а приятель, с которым он, бывает, засиживается в трактире за стаканчиком винца, — оборотень, знающийся с нечистой силой.

Глава 5

Они ждали довольно долго, но Аззи все не выходил из своей комнатки во втором этаже. В конце концов они решили послать кого-нибудь наверх, чтобы вызвать Антонио Креспи для серьезного разговора. Кинули жребий; идти выпало Киске.

Киска поднималась по лестнице медленнее, чем обычно. Подойдя к двери Антонио, она осторожно постучала.

Дверь тотчас распахнулась; на пороге стоял рыжий демон. Одет он был роскошно: алый бархатный сюртук, изумрудно-зеленый жилет, ослепительной белизны сорочка, отделанная тонким кружевом. Каким-то чудом Аззи удалось соорудить аккуратную прическу из своей непокорной рыжей шевелюры. Одним словом, вид у него был такой, будто он собирался на прием к какой-нибудь очень важной персоне.

— Они хотят говорить с вами, — тихо сказала Киска, указывая рукою на лестницу, ведущую вниз, в общий зал.

— Хорошо. Я ждал этого, — ответил Аззи. Он поправил прядь волос, падавшую ему на лоб, одернул сюртук, разок-другой повернулся перед зеркалом и начал спускаться по лестнице следом за присмиревшей Киской.

Благородные дамы и господа собрались в общей зале перед камином. Простолюдинов и слуг никто на собрание не пригласил — те сидели на конюшне, довольствуясь объедками, оставшимися от господского ужина.

Как только Аззи вошел в зал, сэр Оливер поднялся со своего места и, почтительно поклонившись, произнес:

— Сударь, я надеюсь, вы извините нашу нескромность, каковая отчасти объясняется волнением и тревогой. Как было бы прекрасно, если бы вы смогли разрешить это... гм... это недоразумение...

— Я слушаю вас, — сказал Аззи. — Позвольте узнать, в чем дело?

— Сударь, — продолжал сэр Оливер, покраснев, — я воин и всегда говорю прямо, я не мастер делать тонкие намеки и играть словами. Я хочу спросить вас: вы случайно не демон?

— Да, я демон, — просто ответил Аззи. Тишину в зале нару-

шил полувздох-полустон, вырвавшийся у всех собравшихся разом.

— Ну, знаете, — сказал сэр Оливер, — такого я не ожидал. Вы ведь просто пошутили, правда? Прошу вас, скажите, что это только шутка!

— Но я действительно демон. Я полагаю, что дал вам достаточно серьезные доказательства моих сверхъестественных возможностей, недоступных простому смертному. Неужели вы были столь рассеянны, что проглядели их, или настолько наивны, что поверили моим неправдоподобным объяснениям насчет факирских трюков и прочей чепухи? Ведь я делал это нарочно, чтобы избавить вас от скучных трудов выявления моей настоящей природы — занятия долгого и кропотливого. Так, значит, все мои старания были напрасны?

— Нет, не напрасны, — ответил сэр Оливер, пристально глядя на мать Иоанну. Та молча кивнула головой.

— Прекрасно. Теперь, по крайней мере, вы знаете, с кем имеете дело.

— Благодарю вас, сударь. Теперь разрешите спросить вас, не будете ли вы столь любезны покинуть наше общество и дать нам возможность спокойно продолжать наш путь?

— Ну уж нет, — усмехнулся Аззи, — не будьте столь наивны. Я потратил слишком много сил и времени, чтобы организовать эту вашу увеселительную прогулку, и не собираюсь уходить только потому, что кто-то боится чертей. Я хочу сделать вам всем одно предложение.

— О боже! — патетически воскликнул сэр Оливер. — Сделка с дьяволом!

— Не стройте из себя шута, — строго сказал Аззи, — лучше молчите и слушайте, что я вам скажу. Вас ведь никто насильно не заставляет заключать со мной сделку. Если вам не понравится мое предложение, мы попросту разойдемся в разные стороны, только и всего.

— А вы нас не обманете?

— Даю вам слово Князя Тьмы, что *нет*!

Аззи отнюдь не носил титула Князя Тьмы, да и вообще он был не слишком высокого происхождения, но ведь, когда общаешься с благородными господами, иногда бывает полезно пустить пыль в глаза.

— Что ж, полагаю, не будет большой беды, если мы вас выслушаем, — сказал сэр Оливер после недолгого размышления.

И Аззи заговорил сильным, звенящим от возбуждения голосом:

— Дамы и господа, я на самом деле демон. Надеюсь, вы окажетесь выше глупых предрассудков и не изгоните меня. Я взываю к вашему разуму. Ведь что такое демон? Он *часть той силы, что вечно хочет зла*[1], это правда. Но что такое зло? Если рассматривать вещи с точки зрения вечности, зло — это одна из могущественных сил, участвующих в космогоническом процессе. Оно противостоит добру и с самого сотворения мира ведет с ним давний, непрекращающийся спор. В вашем мире Зло принято отождествлять с тьмой, а добро — со светом, подчеркивая тем самым борьбу этих двух противоположностей. Но в этой борьбе обнаруживает себя и их единство. Подумайте сами, дамы и господа, что стало бы делать добро в мире, где нет места злу? Как проявился бы свет, если бы не было тьмы? И разве сможем мы отличить хорошее от плохого, если все плохое просто перестанет существовать? Рассуждая философски, мы должны признать, что зло необходимо для того, чтобы дать человеку свободу выбора. Ведь если зло исчезнет и останется лишь добро (как, несомненно, хотелось бы многим из собравшихся здесь), дальнейший прогресс станет невозможен. Мир застынет в мертвом покое. Человеку уже не суждено будет идти трудной дорогой нравственного самосовершенствования. Придет царство посредственности, ибо люди перестанут стремиться к лучшему.

Аззи спросил вина, отпил несколько глотков и продолжал:

— Признав необходимость существования двух полюсов — добра и зла, — меж которыми заключена Вселенная, вы неизбежно должны прийти к выводу, что ни одна из сторон не может бесконечно побеждать. Ведь иначе невозможно противостояние двух великих сил. Добро и зло обречены вести нескончаемый спор, и так будет продолжаться вечно, пока существует этот мир. Обратившись к старым, как сама вечность, законам классической драмы, мы обнаружим, что добро и зло там обладают одинаковой властью над душами людей. Ни одной из сил не дается ни малейшего преимущества: ведь если исход поединка меж светом и тьмою известен заранее, то такая пьеса становится неинтересной и, как правило, бывает обречена на провал.

Итак, выявив истинную роль зла в космогоническом процессе, мы переходим к следующему вопросу. Если нам пришлось

[1] И. —В. Гете. «Фауст».

смириться с существованием тьмы хотя бы как противоположности свету, если мы принимаем в свой мир зло как антипод добра, то мы волей-неволей должны признать право на существование за теми, кто служит злому делу. Нельзя же, в конце концов, мыслить настолько узко, чтобы позволить эмоциям, основанным на личных симпатиях, одержать верх над разумом. Нельзя допустить, чтобы явная пропаганда, проводимая ярыми сторонниками добра, повлияла на свободу вашего выбора. Почему добру отдается столь явное преимущество? Почему зло признается чем-то аморальным и незаконным? Ведь мы, создания тьмы, отнюдь не призываем вас тотчас же вступить на стезю зла; мы просим лишь выслушать нас.

Что же из всего этого следует, господа, позвольте вас спросить? Из этого следует, что зло — если, конечно, отбросить предвзятое к нему отношение — ничуть не менее почтенно, чем добро, и даже имеет свои привлекательные стороны. Недаром ведь говорится: не так страшен черт, как его малюют. Многие находят удовольствие в том, чтобы творить зло, и в этом нет ничего постыдного. Еще раз повторю: раз уж зло неизбежно, то и те, кто служит ему, должны иметь право на существование.

Однако многие, выбирая свой путь, опасаются, что служение злу влечет за собой неизбежное наказание. Вот еще одно заблуждение, в которое вас ввела пропагандистская кампания в пользу добра. На самом же деле все обстоит не совсем так, как люди обычно себе это представляют. Ведь если выбор, который делает человек, решая, какой из двух могущественных сил служить, должен оставаться абсолютно свободным, ни о каком наказании не может быть и речи!

Аззи сделал еще один глоток из бокала и оглядел притихшую аудиторию. Безусловно, ему удалось-таки завладеть их вниманием!

— Теперь я хочу перейти к делу. Дамы и господа! Выслушайте мое предложение. Я — Аззи Элбуб, демон достаточно древнего происхождения. Я люблю театр и часто выступаю в роли антрепренера. Вот и сейчас я задумал поставить пьесу. Мне нужны актеры. Семеро добровольцев — людей смелых и верящих в удачу — могут получить роли в моей пьесе. Каждая роль будет несложной, однако скучать вам не придется. Я обещаю вам сказочные приключения. Игра доставит вам удовольствие, как если бы вы веселились на новогоднем карнавале. А в награду за все ваши труды я обещаю исполнить ваши самые заветные желания, самые дерзкие мечты. Таков мой замысел — доказать всему миру, что человек может получить все, что угодно, не пожертвовав ради этого ничем. Разве это не прекрасная мысль? Мне кажется,

многим она придется по вкусу. Согласитесь, что способ, предлагаемый моими оппонентами, — тяжелый труд и суровая дисциплина, вырабатывающие в человеке качества, которые в будущем, возможно (подчеркиваю: *возможно*), приведут к успеху, — хотя и имеет свои положительные стороны, все же требует слишком больших затрат сил и времени. А у меня все это вы можете получить практически задаром! Так обдумайте же мое предложение хорошенько, уважаемые дамы и господа! Да, еще одна маленькая деталь, о которой я забыл упомянуть. Вам отнюдь не придется продавать свою душу за все обещанные мною блага, как думает большинство из вас. Подобные сделки давно вышли из моды, так как души ценятся уже не столь высоко. Обещав исполнить ваши желания, я просто назвал размер вашего актерского гонорара.

Сейчас я удалюсь в свою комнату, чтобы те, кого заинтересовало мое предложение, могли спокойно все обдумать. Те, кто решится его принять, пускай поднимутся ко мне. Мы обговорим все с глазу на глаз и сформулируем окончательные условия нашего договора.

И, отвесив изящный поклон, Аззи поднялся по лестнице на второй этаж. Налив себе бокал вина, он уселся в кресло перед камином в ожидании гостей.

Ему не пришлось слишком долго ждать.

Глава 7

Аззи сидел в комнате, рассеянно прислушиваясь к жужжанию голосов, доносившихся снизу, из общей залы, и читая старинный роман из числа тех, что веками пылятся на полках адских библиотек. Несмотря на свои ультрасовременные взгляды и цепкую деловую хватку, Аззи любил классику. В глубине души он был демоном довольно мягким, склонным к сентиментальности.

От чтения его оторвал негромкий стук в дверь.

— Войдите, — сказал Аззи.

Дверь отворилась. На пороге стоял сэр Оливер. Он не был вооружен, и кольчуги, которую он из осторожности всегда носил под кафтаном, на нем тоже не было. Сэр Оливер сообразил, что и кинжал, и кольчуга не смогут послужить ему надежной защитой от выходца из ада.

— Надеюсь, я не потревожил вас... — начал сэр Оливер издалека.

— Нет-нет, нисколько. Прошу вас, садитесь вот сюда. Придвиньте кресло поближе. Вам так удобно? Не выпьете ли вина? Итак, чем еще могу вам служить?

— Ну... я, собственно... я насчет вашего предложения...

— И как вы его находите? Звучит заманчиво, не так ли?

— О да. Если я правильно все понял, вы искали добровольцев для участия в спектакле и в качестве награды за труды предлагали исполнить самое заветное желание.

— Совершенно верно.

— Вы говорили, что самый обыкновенный человек может получить все это. И работа будет не слишком сложная... и не требующая специальной подготовки...

— Вы абсолютно правы. Я ищу людей, ничем не выдающихся и не блещущих особыми талантами. Судите сами, если у человека есть большие способности и он упорно идет к поставленной цели, разве мое предложение покажется ему таким уж заманчивым? Он и без меня со всем управится.

— Очень точное замечание, — согласился сэр Оливер.

— Я рад, что вы того же мнения. Итак, чем могу быть вам полезен?

— Ну, я хотел бы стяжать славу великого воина. Чтобы обо мне слагали легенды. Как о моем тезке, жившем во времена Карла Великого, о том самом Оливере, который сражался плечом к плечу с самим Роландом.

— Хорошо, — кивнул Аззи. — Прошу вас, продолжайте.

— Я хотел бы стать полководцем и одержать выдающуюся победу над врагом, численно превосходящим мои войска. Но при этом мне не хотелось бы подвергать свою жизнь опасности...

Аззи вынул из кармана кусок качественного пергамента и сделал пометку: «*Не подверг. св. жизнь опасн.*».

— Я жажду славы, — продолжал сэр Оливер, — я хотел бы стать таким же знаменитым, как Александр Македонский или Юлий Цезарь. Еще я хочу командовать отрядом воинов, отчаянных бойцов, способных побеждать не числом, а умением. Мои воины должны биться свирепо, как львы, и стоять за меня насмерть.

Аззи записал на следующей строчке: «*Свиреп. как львы. Стоять насмерть*» — и подчеркнул «свиреп.» просто потому, что оно стояло первым.

— Само собой разумеется, я должен превосходить их всех в силе, ловкости и умении владеть оружием. Вы, дорогой мой демон, должны будете как-нибудь это устроить. Только учтите, что упражняться по десять часов в сутки с копьем и мечом я не со-

гласен. Я считаю подобный труд занятием крайне неблагодарным. И еще я хочу в жены настоящую принцессу — молодую, красивую и прекрасно воспитанную. В наше время... знаете... барышни часто забывают о хороших манерах. Так вот, я хочу, чтобы моя будущая жена была скромной и кроткой. Ведь ей придется воспитывать моих сыновей, а мальчикам нужна хорошая мать. Ну, еще, пожалуй, приличное королевство, чтобы отдыхать после ратных подвигов. Когда я вполне наслажусь победами, одержанными на поле боя, вы должны будете сделать меня королем. В своем королевстве я хотел бы прожить покойно и счастливо до глубокой старости. Последнее особенно важно. Я не хочу невзгод и огорчений на старости лет.

Аззи нацарапал на кусочке пергамента:

«*Жить спок. и счастл. до глубок. старости*», но подчеркивать ничего не стал.

— Вот мои самые скромные пожелания, — закончил сэр Оливер. — Надеюсь, вы сможете их выполнить?

Аззи еще раз просмотрел заметки, которые он делал во время разговора с сэром Оливером:

«*Не подверг. св. жизнь опасн.*».

«*Свиреп. как львы. Стоять насмерть*».

«*Жить спок. и счастл. до глубок. старости*».

Он пожал плечами:

— Видите ли, сэр Оливер, я могу сделать для вас далеко не все, о чем вы просите. Вовсе не потому, что я сильно стеснен в средствах, — о нет, мои возможности практически безграничны. Но на практическое воплощение в жизнь того, о чем вы мечтаете, уйдет очень много времени и сил, не говоря уже о колдовских чарах. А я не могу заниматься только вами одним. Мне нужно думать и о других участниках пьесы. Нет, дорогой мой, всех ваших желаний я, конечно, не исполню, но кое-что для вас сделаю. Я подберу для вас подходящий вариант, при котором вы, практически ничем не рискуя и не прикладывая особых усилий, сможете многого достичь. Вы прославитесь и станете богатым человеком, это я вам обещаю. Что же касается остального, то придется вам самому потрудиться ради осуществления заветной мечты.

— Что ж, я согласен, — сказал сэр Оливер после непродолжительного раздумья. — Жаль, конечно, что нельзя получить все сразу. Но и то, что вы обещаете, тоже неплохо для начала. Если я стану прославленным героем, то об остальном вполне смогу и сам позаботиться. Я принимаю ваше предложение, дорогой мой демон! Должен вам сказать, что я всегда относился ко злу с го-

раздо большей симпатией, чем мои товарищи, с которыми мы отправились в Венецию на богомолье. Да и вообще, имея дело с дьяволом, живешь куда веселее, чем с его слишком серьезным оппонентом, пребывающим на небесах.

— Я понимаю ваше стремление сделать мне приятное, — улыбнулся Аззи, — однако я не намерен выслушивать подобные замечания в адрес нашего уважаемого оппонента. Мы, служители добра и зла, тесно сотрудничаем и не позволяем распускать клевету друг о друге. Ведь добро и зло — две стороны бытия, и они оба должны существовать во Вселенной.

— Но я не собираюсь распускать клевету ни об одной из сторон. Я признаю равные права на существование за добром и за злом, и я ничего не имею против добра.

— Хорошо. Надеюсь, вы не обиделись на меня за мое замечание. Итак, приступаем к сотрудничеству прямо сейчас?

— Да, повелитель. Но, кажется, мы забыли об одной формальности. Мне, наверное, нужно расписаться кровью на пергаменте?

— Отнюдь, — покачал головой Аззи. — Формальности для меня значат очень мало. Мне вполне достаточно вашего устного согласия. Кроме того, смертные обычно расписываются кровью в договоре о передаче своей души дьяволу в обмен на предоставляемые им жизненные блага. Я же отнюдь не претендую на вашу душу. Я уже говорил вам об этом.

— И что же я должен делать теперь?

— Возьмите вот это. — Аззи порылся в кармане и достал маленький серебряный ключик. Сэр Оливер взял ключик и залюбовался изящной работой серебряных дел мастера.

— К какой двери подходит этот ключ, сэр демон?

— Ни к какой. Это «Дурилка», универсальный талисман. Спрячьте его подальше — положите во внутренний карман или зашейте в пояс, — и пусть себе лежит. Продолжайте свое путешествие в Венецию. И вот в один прекрасный миг — может быть, он наступит через час, а может быть, через несколько дней — вам будет подан знак. Вы услышите звук гонга. Это значит, что талисман сработал. Вам нужно будет просто вытащить его из кармана, и он сам поведет вас куда нужно. Хотя талисман жестко запрограммирован на то, чтобы доставить своего обладателя в заранее условленное место, некоторые предосторожности никогда не помешают. Я хочу, чтобы вы знали, куда вы в конце концов должны попасть. Талисман должен вывести вас к оседланной лошади. В одной из седельных сумок вы найдете золотой подсвечник. Я понятно объясняю?

— Да, вполне, — сказал сэр Оливер. — Найду золотой подсвечник.

— Обнаружив золотой подсвечник, вы должны взять его и отправиться в Венецию — если, конечно, к этому времени вы уже не будете там, — продолжал Аззи. — Вскоре после этого, уже в Венеции, вы обнаружите, что ваше заветное желание исполнилось. Далее вы станете действовать по своему усмотрению, так же как и шестеро других актеров, принимающих участие в пьесе. А когда представление завершится, мы устроим пышный праздник. Вот, собственно, и все. После этого наш с вами договор заканчивается, и вы можете считать себя совершенно свободным и жить, где и как вам захочется.

— Мне это по душе, — объявил сэр Оливер. — Однако хотелось бы знать, где здесь кроется подвох.

— Подвох? Но здесь нет никакого подвоха.

— Что-то не верится. В подобных делах обязательно должен быть подвох.

— Интересно, где это вы сумели приобрести столь солидный опыт, позволяющий вам судить, что бывает и чего не бывает в волшебных сказках? Я вас в последний раз спрашиваю, согласны вы или нет?!

— Да, я согласен. Я согласен, — сказал сэр Оливер. — Только ведь предосторожности в любом деле не помешают. Вот я и хочу узнать подробнее, во что вы меня втягиваете. Ведь вокруг так много обмана, что перестаешь верить людям. Я не понимаю, зачем нужны какие-то серебряные ключики и волшебные кони. Неужели вы не можете прямо доставить меня к тому месту, где меня будет ждать золотой подсвечник?

— Да просто потому, что тогда и пьесы никакой не получится! Ведь между тем моментом, когда ваш талисман сработает, и мигом вашего величайшего триумфа у вас будет множество приключений!

— Надеюсь, не слишком опасных? И трудностей там никаких не будет?

— Или вы принимаете мое предложение и делаете то, что от вас требуется, или немедленно отдаете мне ключ! — крикнул Аззи, теряя терпение. — Повторяю вам, если вы в чем-либо сомневаетесь, лучше отдайте ключ обратно! Я очень строго спрошу с вас, если вы провалите роль.

— О, не извольте беспокоиться, — сказал Оливер, крепко сжимая ключ, словно боясь, что демон сейчас отнимет у него талисман.

— В таком случае, как я уже сказал вам, дальнейшие инструкции вы получите позже.

— Но вы могли бы хоть намекнуть, что мне придется делать.

— Возможно, вам придется принимать ответственные решения.

— Принимать ответственные решения? Ох, боюсь, что мне это не слишком понравится. Впрочем, ничего. Не обращайте внимания. Так, значит, я должен делать, что будет велено, и все кончится для меня хорошо?

— Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Исполнять свои обязанности по мере сил — вот единственное, чего может требовать Зло от человека. На большее оно не претендует.

— Отлично, — сказал сэр Оливер. — Я могу идти?

— Спокойной ночи, — ответил Аззи.

Часть VI

Глава 1

Освободившись наконец из ящика Пандоры, Илит отправилась с докладом к архангелу Михаилу. Михаил разбирал деловые бумаги в своем рабочем кабинете в Доме Святых, официальном учреждении, построенном в престижном Западнорайском районе. На столе перед архангелом высилась груда длинных пергаментных распечаток. Рабочий день уже давно закончился, все ангелы и архангелы давно разошлись по домам. Но в кабинете Михаила ярко горели все свечи: архангел читал донесения своих многочисленных агентов, приходившие со всех концов света. Новости, которые он получал, были весьма тревожными.

Михаил поднял голову на звук шагов входящей в кабинет Илит:

— Привет, привет, душенька. Что-нибудь случилось? Ты сегодня какая-то растрепанная.

— Да, сэр. Я попала в одну переделку...

— Да? Странно, что я об этом ничего не знал. Ну-ка, расскажи, в чем дело.

— В общем-то ничего особенного. Один глупый смертный вызвал меня по ошибке, затем Гермес запер меня в ящике Пандоры, и в конце концов я вышла оттуда с помощью Зевса.

— Зевса? А что, этот старик все еще пытается проявить себя? Я думал, он навсегда нашел себе пристанище в Ностальгии.

— Он и доныне обитает там, сэр, но он сумел спроецироваться в ящик Пандоры и дал мне дельный совет, как оттуда выбраться.

— Да, конечно. Я и забыл, что старые боги умеют проделывать такие штучки. Но что стало с группой юных ангелов, которых мы поручили твоим заботам, отправляя тебя на экскурсию по святым местам Старой Англии? Надеюсь, с детьми все в порядке? Кто за ними присматривает?

— Как только мне удалось выбраться из этого ужасного

ящика, я поручила детей заботам Пресвятой Богородицы и тотчас явилась к вам с докладом.

— Как! Самой Пресвятой Богородице!.. Неужели она согласилась работать воспитательницей в детском саду?

— Она была рада сойти со своего золотого трона, на котором восседала в величии и славе, и заняться чем-нибудь полезным. Она сказала, что многочасовое неподвижное сидение на месте очень утомляет ее. Смешно, не правда ли, что традиции и различные обряды связывают нас по рукам и ногам, не давая заниматься любимым делом?

— Ну ладно. Раз она не имеет ничего против такой работы, значит, все хорошо. У меня есть для тебя новое задание.

— Отлично! Мне очень нравится организовывать экскурсии по святым местам.

— Экскурсии? Нет, душечка, на этот раз тебя ждет дело гораздо более сложное, чем работа гида, — сказал архангел Михаил. — Речь пойдет об Аззи...

— А! — вырвалось у Илит.

— Похоже, твой старый приятель опять что-то затеял. Он замешан в каких-то темных делишках...

— В темных делишках? — удивилась Илит. — Это странно. Я встретила его во время экскурсии по святым местам Старой Англии. Мне показалось, он остепенился. По крайней мере, в мыслях у него не было ничего дурного. Он как раз собирался посмотреть новую пьесу — вполне пристойную пьесу нравоучительного содержания...

— Что ж, видимо, эта нравоучительная пьеса навела его совсем на иные мысли, — сказал Михаил. — Мой наблюдатель принес такие новости: Аззи подрядил этого прихвостня Сатаны, Пьетро Аретино. Учитывая склонность Аззи к неожиданным поступкам, я предпочитаю быть в курсе того, что он затевает.

— Я понимаю, — кивнула Илит. — Но стоит ли так беспокоиться, если речь идет всего-навсего о пьесе, о театральной постановке?

— Дело в том, что он затеял совсем не обычную пьесу, — возразил архангел. — Вспомни-ка о его прошлых подвигах. История с Прекрасным принцем, история с доктором Фаустом... Эта его новая попытка, душечка моя, представляет собой ни много ни мало как новую попытку перевернуть вверх тормашками весь мир, начать новую войну меж силами света и тьмы. Случись это, и мы снова будем поставлены перед выбором: победить или умереть. И это после того, как мы затратили столько времени и сил на переговоры и добились-таки относительного спокойствия и стабильности ценой многочисленных уступок!.. Нет,

я отнюдь не обвиняю Аззи, ведь у меня нет непреложных доказательств его участия во всем этом. Пока до меня доходили только слухи, но эти слухи чересчур тревожны, чтобы я не принял никаких мер предосторожности. Мы уже внедрили наших сотрудников в ряды врага. Скрывая свой истинный облик под маской вероотступников, они добывают для нас бесценную информацию. Так вот, Илит, я хочу, чтобы ты отправилась туда и... немного осмотрелась.

— Говоря «осмотрелась», вы, конечно, думаете про себя «шпионила»? — усмехнулась Илит. — А кого вы имеете в виду, говоря «мы»?

— Себя и Всевышнего, разумеется. Все, о чем я тебя прошу, я прошу от Его имени, разумеется.

— Вы всегда всех просите от Его имени! — Голос Илит зазвенел, как натянутая струна. — Хотелось бы знать, если это действительно так нужно Всевышнему, почему Он сам не обратится ко мне?

— Многие из нас задают себе точно такой же вопрос: почему они не слышат гласа божьего? — ответил Михаил смиренно. — В том числе и я. Ответ же очень прост: тайна сия велика есть, и не нам рассуждать о том, почему это так.

— Но почему?

— Потому, что некоторые вещи нельзя проверить, нельзя услышать, увидеть или пощупать руками. В них можно только верить. Но вернемся к нашим делам. Сейчас важнее всего узнать, что намеревается делать Аззи. Он сейчас находится на полпути в Венецию, в компании паломников-англичан, отправившихся в далекое путешествие к святым местам. Так вот, тебе предстоит догнать их и следовать за ними до самой Венеции, зорко следя за каждым из участников этого святого похода. Аззи тоже должен быть там. Учти, что тебе предстоит объяснить, как ты там оказалась. Придумай что-нибудь как можно более правдоподобное. Если только я не ошибаюсь, наш молодой демон не сможет скрыть от тебя свои планы — тем более что он уже начал воплощать их в жизнь. Должно быть, начало его проекта было весьма успешным.

— Хорошо, сэр. Я отправляюсь сей же час.

— Будь так добра, поторопись. И действуй по обстоятельствам. Если тебе покажется, что Аззи Элбуб в очередной раз хочет совлечь человечество с пути истинного, я думаю, ты не сочтешь большим грехом вставить ему палки в колеса, дождавшись подходящего случая.

— Что до этого, вы уж будьте покойны, — сказала Илит зловещим тоном.

В маленькой комнатке рядом с кухней Квентин и Киска лежали на низких кроватях, наблюдая за пляшущими на потолке тенями.

— Этот самый Антонио, он и вправду настоящий демон, как ты думаешь? — спросил Квентин. Он был еще слишком мал и не мог судить о том, что бывает, а чего не бывает на самом деле.

— Думаю, что да, — ответила Киска. Весь вечер девочка была необычно тиха и задумчива. Она сосредоточенно размышляла о том, чего бы ей хотелось больше всего на свете. Первое, что пришло ей в голову, были белокурые волосы, как у ее брата. Длинные, шелковистые, вьющиеся, но только с льняным оттенком, а не с золотисто-рыжим, до смерти ей надоевшим. Правда, остальные девчонки просто с ума сходили по этому рыжеватому оттенку... Однако стоило ли объявлять такой пустяк своим заветным желанием? Неужели она не в состоянии придумать что-нибудь более серьезное? Немного устыдившись скудости своих запросов, Киска глубоко задумалась. Она даже начала прислушиваться к тому, что говорил ее младший брат, раскрывавший в этот вечер тайны своего сердца.

— Первое, что я попрошу у демона, — это настоящего боевого коня. И пусть этот конь будет принадлежать только мне! И еще настоящий меч. Мой меч!.. Папа говорит, мне еще рано иметь свой собственный меч, потому что, даже если он закажет оружейнику настоящий меч для меня, я через год-другой вырасту, и этот меч станет мне мал. Ну какой тогда прок от богатства, если не можешь покупать вещи, из которых ты потом вырастешь?

— В этом ты прав, — сказала Киска, очевидно вспомнив, как выпрашивала у матери новое нарядное платье. — Так, значит, ты хочешь получить настоящий меч. А еще что?

— Ну, от собственного королевства я, пожалуй, откажусь, — задумчиво продолжал тот. — Королевство, конечно, вещь неплохая, но уж больно много с ним хлопот. Пожалуй, король Артур прожил бы свою жизнь намного счастливее, не будь он королем. Как ты думаешь?

— Может быть, — согласилась Киска.

— Мне больше нравится быть странствующим рыцарем.

— Как сэр Ланселот? Но ведь он тоже не был счастлив.

— Да, он не был счастлив, но лишь потому, что беднягу угораздило влюбиться в королеву, хотя вокруг было столько прекрасных дам. Почему он не выбрал одну из них? И вообще, разве

рыцарю обязательно нужно в кого-то влюбляться? По-моему, лучше посвятить целую жизнь поискам новых приключений, как сэр Гавейн. Он много путешествовал, влюблялся бессчетное число раз, сражался на поединках чуть ли не каждый день, несколько раз был ранен, завоевывал несметные сокровища — и терял их столь же легко, как и приобретал. Это куда лучше, чем быть знатным господином или даже королем. Приобретешь огромное богатство, а потом не знаешь, куда его девать.

— Все равно как если бы тебе покупали самые лучшие игрушки и разрешали с ними играть, а убирать их не заставляли?

— Ну... примерно так.

— Неплохо. Чего еще тебе хотелось бы?

— Какое-нибудь животное, которое можно приручить и все время держать при себе, — ответил Квентин, ни на секунду не задумавшись. — Только не простое, а волшебное. Например, льва, который любил бы только меня одного и разрывал бы на клочки всех, кто мне не нравится.

— Ну, это уж слишком! — возмутилась Киска.

— Я хотел сказать, что мой лев... он разрывал бы только тех, кого я ему прикажу разорвать. Но я, конечно, не прикажу. Я лучше сам перебью всех врагов в жестокой схватке, из которой выйду весь израненный. А потом мама перевяжет мне раны...

— Но ведь мамы обычно не перевязывают раны героев, — сказала Киска.

— А мне раны будет перевязывать мама, — упорствовал Квентин. — Это мое приключение, и я сам назначаю здесь правила!

— Жаль только, что ты еще слишком маленький, чтобы иметь дело с демонами, — ехидно заметила Киска.

— Маленький? Не знаю. — Квентин сел на постели. Вид у него был весьма серьезный: кажется, шутку сестры он принял за чистую монету. — Вот возьму и пойду туда прямо сейчас...

— Квентин! Не смей! — крикнула Киска, подумав со сладким замиранием сердца, что если Квентин все-таки пойдет в комнату Антонио, то и ей тоже придется идти вместе с ним, а может быть, даже загадывать желание — ведь не может же она оставить Квентина одного. Рядом с ним обязательно должен быть кто-то из старших, чтобы следить за поведением мальчика.

Как и следовало ожидать, замечание сестры не заставило Квентина отказаться от мысли заключить сделку с нечистым духом. Он начал натягивать на себя одежду, лежавшую у изголовья кровати. Нижняя губа его дрожала — ведь Квентин был по-

слушным мальчиком, и ему было горько перечить старшим. Однако он упрямо продолжал бороться с непослушными пуговицами и шнурками, никак не желавшими застегиваться и завязываться в темноте.

И вдруг в самом темном углу комнаты сверкнула ослепительная вспышка. Квентин и Киска тотчас же бросились на свои кровати и зарылись головами в подушки. Повалил густой черный дым, заставивший детей кашлять и чихать, а когда дым немного рассеялся, удивленные Киска и Квентин увидели высокую и стройную темноволосую женщину.

— Откуда вы? — спросил незнакомку Квентин. — Я не видел вас среди наших спутников. Значит, вы появились здесь только что. Как это у вас получилось?

— Я живу здесь неподалеку, — ответила та. — Я принесла яйца на продажу проезжающим мимо господам. Меня зовут Илит.

Дети назвали ей свои имена, после чего между Квентином, Киской и Илит завязался довольно живой разговор. Через пять минут Илит уже знала, что некто Антонио обещал исполнить самые заветные желания семи добровольцев, согласившихся участвовать в его пьесе. По описанию внешности Илит угадала во мнимом Антонио своего давнего знакомого Аззи.

— Я тоже решил пойти к нему и загадать желание, — признался Квентин.

— Ты никуда не пойдешь! — заявила Илит твердо.

Это остановило Квентина, почти совсем одетого для позднего визита к мнимому синьору Антонио.

— Почему? — спросил Квентин и сел на свою постель, по-видимому решив отложить свое рандеву с демоном.

— Потому, что воспитанные дети так себя не ведут. Они не бегают по ночам к нечистым духам, чтобы загадывать желания.

— Но ведь другие пойдут к нему, — возразил Квентин. — И тогда самые интересные приключения достанутся им, а я... я останусь сидеть дома...

— Не думаю, что на долю тех, кто пойдет к демону, выпадет что-то действительно интересное. Возможно, они получат кое-что от демона, но впоследствии заплатят сторицей за то, что получили.

— Откуда вы знаете? — удивился Квентин.

— Поверь мне, уж я-то знаю. Ну а теперь, дети, если вы ляжете в постель и будете вести себя тихо, я расскажу вам сказку.

Илит рассказала Квентину и Киске сказку о ягнятах, мирно играющих на лугах ее родной Греции. Дети вскоре заснули. Подоткнув им одеяла и задув свечу, Илит выскользнула из комнаты. Пройдя по коридору, она попала на кухню, где слуги, ужиная объедками с господского стола, обсуждали события этого дня.

— Этот господин, он что, взаправду демон? — спрашивала рябая девица у рыжеватого парня по имени Мортон Корнглоу, служившего у сэра Оливера.

— Ну а кто ж он еще, по-твоему? — отвечал тот, смеясь и показывая крепкие белые зубы. Молодому человеку шел двадцать третий год, и он лелеял в душе честолюбивые замыслы, никак не соответствовавшие тому скромному положению, которое он занимал.

Илит присела рядом со слугами.

— А что он обещает, этот демон? — спросила она как бы невзначай.

Корнглоу напустил на себя важный вид и сказал:

— Мой господин поведал мне, что ему предстоит путешествие в волшебную страну, чтобы там он мог совершить выдающиеся подвиги, и в награду за это ему обещали исполнить его самое заветное желание. — Он сделал многозначительную паузу. — А когда я поднялся в его комнату в следующий раз, моего господина там уже не было. Он исчез. Представляете?

— Может быть, он просто вышел прогуляться, подышать свежим воздухом перед сном, — усомнилась Илит.

— Ну нет. Если б это было так, он должен был спуститься по лестнице и пройти мимо нас. А мы не видели, чтобы по коридору кто-нибудь проходил. Он уж далеко, в тех волшебных краях, куда его перенес демон. Я и сам подумываю зайти к нему. Уж больно по душе мне пришлось его предложение.

— Да ты что! — воскликнула служанка, глядя на молодого парня с восхищением.

— А что, я хуже остальных, что ли? Я точно так же, как и всякий другой, могу принять участие в пьесе, которую ставит этот демон.

Илит пристально посмотрела на Корнглоу:

— В пьесе? В какой пьесе?

— Мой господин сказал, что демон собирается поставить пьесу. Ну, как в театре, только там все будет происходить на самом деле, — ответил Корнглоу. — Мы должны будем делать то

же, что и всегда, а когда пьеса закончится, нас наградят по-царски. Вот это жизнь, представляете!

Илит вскочила со своего места, словно ее шилом укололи.

— Простите, но я должна идти, — пробормотала она и направилась прямо к двери трактира, распахнула ее и шагнула в ночную тьму.

— Куда это она в такую темень одна-то направилась? — спросила служанка.

— Видно, на свидание к черту: он ей не то кум, не то сват, но уж непременно родня, — сверкнул зубами Корнглоу. — В такую темень да в такой глуши только волки воют.

В это время Илит, стоявшая у крыльца трактира, готовилась отправиться обратно на Небеса.

— Безнравственная пьеса! — бормотала она себе под нос, расправляя крылья, чтобы воспарить над Землей. — Значит, он все-таки решился ее ставить — втихомолку! Ну, дружок, погоди, узнает об этом Михаил!

Глава 4

— Ставит безнравственную пьесу? — переспросил Михаил.

— Похоже, что так, сэр.

— Каков нахал!

— Да, сэр.

— Немедленно отправляйся обратно и следи за этой пьесой. Мы не можем допустить такого безобразия. Ты должна остановить его. При первой же возможности — действуй! Но не забывай об осторожности. Не оставляй улик. Не делай ничего такого, что могло бы скомпрометировать нас. Надеюсь, ты меня поняла?

— Я поняла вас, сэр.

— Тогда отправляйся. Может быть, чуть позже я пришлю ангела Гавриила тебе на помощь.

— Это было бы замечательно, сударь, — сказала Илит слегка дрогнувшим голосом. Хотя они с Гавриилом уже давно перестали любить друг друга, память о прошлом иногда тревожила Илит.

Вслед за Гавриилом она припомнила Аззи, своего бывшего поклонника. С Аззи она узнала, что такое страсть.

Илит встряхнула головой, отгоняя от себя растревожившие душу воспоминания. С такими мыслями нельзя было служить силам добра.

Отпустив Корнглоу, сэр Оливер тяжело опустился на край своего ночного ложа. Лоб его был нахмурен, в углах рта залегли глубокие складки: рыцарь думал о своем дерзком поступке, совершенном всего каких-нибудь полчаса тому назад. Он был немного растерян и порядком напуган; да и кто не испытывал бы подобных чувств, поговорив с демоном с глазу на глаз и заключив с ним соглашение? Стоила ли игра свеч? Не скрывался ли здесь какой-то подвох? И все-таки предложение синьора Антонио, мнимого купца из Венеции, было слишком заманчиво, чтобы так просто от него отказаться. Несмотря на все утверждения церковников, что дьявол подстерегает смертных на каждом шагу и только и ждет удобного случая, чтобы соблазнить их и совратить с пути истинного, сэр Оливер смутно чувствовал, что выпавший ему шанс — довольно редкий случай, которым можно и нужно воспользоваться. Во всяком случае, до сих пор ни самого сэра Оливера, ни кого-нибудь из его знакомых дьявол не искушал, предлагая столь выгодные условия сделки.

Оливеру нравилось предложение Аззи. С раннего детства он мечтал сделать что-то выдающееся, значительное, эпохальное, не затрачивая при этом слишком много усилий.

Однако мечту свою он до сих пор держал в тайне: люди не поняли бы его, вздумай он рассказать кому-нибудь об этом.

Несмотря на поздний час, ему не хотелось спать. Налив себе вина, он пил его маленькими глотками, заедая бисквитами, припрятанными еще с обеда. Он как раз вытаскивал из кармана очередной бисквит, когда взгляд его упал на стену напротив.

Рука его дрогнула, и вино пролилось на постель. Он глядел на дверь в стене — обыкновенную дубовую дверь. Но сэр Оливер мог поклясться, что еще утром этой двери в его комнате не было.

Чуть пошатываясь, он подошел к двери и ощупал ее, почувствовал под ладонью гладкую прохладную поверхность. Может быть, он просто не замечал эту дверь до сих пор? Невероятно. Он подергал за ручку — дверь не поддалась.

Убедившись в том, что дверь заперта, сэр Оливер вздохнул с облегчением. Он снова сел на свою залитую вином постель и стал разглядывать таинственную дверь. И тут взгляд его упал на замочную скважину, черневшую пониже ручки.

Голова у сэра Оливера закружилась. Повинуясь какому-то наитию свыше, он поднялся, вынул из кармана полученный от Аззи серебряный ключик и, подойдя к двери, вставил ключик в

скважину и слегка повернул его — просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

Ключ повернулся легко, и замок чуть слышно щелкнул.

Сэр Оливер тихонько нажал на ручку. Дверь бесшумно приоткрылась. Сэр Оливер вынул ключик из замочной скважины и положил обратно в карман.

Открыв дверь пошире, он осторожно заглянул внутрь. За волшебной дверью оказался длинный темный коридор или тайный ход. Невозможно было сказать, куда вел этот коридор, потому что противоположного его конца не было видно во мраке; однако сэр Оливер был почему-то уверен, что вел он отнюдь не в один из погребов трактира и не в какое-нибудь укромное местечко в лесу, плотной стеной обступившем постоялый двор. Шестое чувство подсказало сэру Оливеру, что коридор этот вел куда-то в другой мир, может быть, даже в иную Вселенную. Сейчас ему предстояло шагнуть в эту пугающую неизвестность...

Страшно!..

Зато награда, ожидающая его в конце пути, превосходит все ожидания!

Стремясь угадать будущее, ждущее его за этой дверью, он жадно всматривался в темноту, и вот ему представилась такая картина: он увидел рыцаря в доспехах, верхом на белом коне въезжающего в город под приветственные крики собравшейся у ворот огромной толпы. Сэр Оливер знал, что этим рыцарем был он сам и это ему кричали «виват!» и бросали цветы. За ним ехал отряд конников, отчаянных храбрецов, коим не было равных в кровавых битвах, но как же далеко этим героям было до их предводителя, гордо восседавшего на своем белоснежном жеребце!..

— Вот это да! — прошептал сэр Оливер, отирая рукой холодный пот со лба.

Он сделал шаг вперед и очутился за дверью. Не то чтобы он отважился пойти туда, куда вел этот казавшийся бесконечным коридор, — нет, это был всего лишь первый робкий шаг: так мальчик, решив искупаться, сперва осторожно пробует воду ногой. Но в тот самый момент, когда он переступил порог, дверь с негромким стуком сама собой захлопнулась за ним!

Сэр Оливер почувствовал, как душа у него уходит в пятки, однако открыть дверь и вернуться назад он даже не попробовал. Внутренний голос говорил ему, что так и должно было случиться. Редко когда герои отправляются на поиски приключений без вмешательства каких-то таинственных сил, которые принято называть волей провидения или рукой судьбы. Обычно им бывает

нужен какой-то внешний толчок, после чего они начинают действовать почти самостоятельно.

Он зашагал навстречу своей судьбе — сперва очень медленно и осторожно, потом все смелее и смелее.

Глава 6

В коридоре было достаточно света, чтобы не споткнуться. Глаза сэра Оливера постепенно привыкли к полумраку. Коридор уже не казался ему таким скучным и унылым. Со стен и потолка начали спускаться живые ветви деревьев, источавшие свежий аромат. Пол под ногами становился все более и более неровным; раза два сэр Оливер натыкался на что-то, смутно напоминавшее узловатые корни старого дуба. Наконец коридор превратился в лесную тропинку: деревья обступили ее плотной стеной, сомкнув над головою сэра Оливера свои кроны.

Лесная дорога вскоре вывела сэра Оливера на широкий луг, а за лугом темнели воды озера. В самом центре его был небольшой островок, на котором возвышался сказочный замок. Озеро служило естественной защитой для замка; легкий подъемный мост позволял перейти на островок. Сейчас мост был опущен, и сэр Оливер решил быть начеку: вдруг из ворот замка навстречу непрошеному гостю стрелой вылетит отряд неприятельских всадников? Что делать тогда ему, одинокому рыцарю, отправившемуся на поиски приключений без коня и доспехов?

Он медленно прошел через весь луг, но вражеские всадники, которых он так боялся, так и не появились из ворот.

В конце концов желание устроиться на ночлег в уютной постели, в комнате с камином пересилило страх перед неизвестностью.

Сэр Оливер постоял некоторое время неподвижно, вслушиваясь в тишину ночи, нарушаемую только стрекотанием кузнечиков, затем все-таки решился войти в замок.

Он прошел по подъемному мосту и очутился в кольце внешней стены, окружавшей замок. Пройдя через маленький чистый дворик, вымощенный булыжником, он увидел прямо перед собой узкую дверь, ведущую во внутренние покои. Сэр Оливер толкнул эту дверь — она отворилась с легким скрипом.

Миновав холл, он попал в роскошно обставленную залу. В очаге весело трещал огонь; какая-то дама сидела у огня в низком деревянном кресле. Увидав сэра Оливера, она тотчас же поднялась ему навстречу.

— Добро пожаловать в замок, рыцарь, — произнесла она низким, не лишенным приятности голосом. — Мое имя Эльвира — пишется через Э, — и я прошу тебя стать гостем в этом замке. Муж мой сейчас на войне — разит врагов, но законы гостеприимства велят мне принять тебя как подобает твоему сану и предоставить стол и кров. Я приглашаю тебя отужинать со мною, а затем тебя проводят в отдельные покои. Завтрак тебе подадут в постель.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, высокородная госпожа, — ответил сэр Оливер, поклонившись так низко, насколько это позволяла его полнота. — Но раз уж вы так добры, позвольте задать вам один вопрос: вы случайно не держите волшебных коней в своем замке? Дело в том, что одно из этих благородных животных предназначалось специально для меня...

— Волшебных коней? — переспросила дама. — А какой масти должен быть ваш волшебный конь?

Сэр Оливер слегка смутился:

— Я, право, затрудняюсь ответить... Ведь я его еще не видел. Когда я отправлялся на поиски приключений, мне было сказано, что впереди меня будет ждать волшебный конь, который перенесет меня к золотому подсвечнику. После этого... Ах, прошу меня извинить, я и сам толком не понимаю, что будет дальше. Полагаю, что мне будет дарован титул военачальника и я встану во главе большого войска... А вы, сударыня, ведь вы кое-что об этом знаете, не так ли?

— Прошу прощения, сударь, но я не посвящена в дела подобного рода.

Сказав это, она улыбнулась. Зубки у нее были прелестные, волосы густые и шелковистые, губы полные и румяные, а стан приятно округлый. Сэр Оливер охотно последовал за ней во внутренние покои.

Они прошли через несколько парадных зал, убранных в черно-красной цветовой гамме и заставленных старинным серебром, что придавало им вид весьма торжественный и мрачный. На стенах висело оружие, у дверей, словно часовые на посту, на специальных подставках стояли рыцарские доспехи. Благородные предки в латах и украшенных перьями шлемах сурово взирали с портретов, украшавших длинные узкие коридоры.

Так, пройдя почти через все внутренние покои дворца (сэр Оливер, в привычку которого входило считать комнаты в трактирах, где он останавливался на ночлег, насчитал целых шесть просторных зал), они оказались в седьмой по счету, сравнительно небольшой зале, служившей, очевидно, для дружеских пиров.

В центре стоял стол, покрытый белоснежной скатертью, с двумя серебряными приборами. Огонь в камине весело потрескивал.

— О, это просто замечательно! — воскликнул сэр Оливер, потирая руки. На столе стояли его любимые закуски — гусиный паштет и варенье из крыжовника, яйца и мягкий белый хлеб. Богатый выбор вин обещал веселый ужин. Стол, богато уставленный всякой снедью, но накрытый для двоих, навел сэра Оливера на мысль, что он отнюдь не был нежданным гостем и к его появлению в этом замке заранее готовились.

— Прошу к столу, благородный рыцарь, — сказала Эльвира, указывая сэру Оливеру на его место. — Располагайтесь, как вам удобно, и чувствуйте себя как дома.

В тот самый миг из коридора в залу вошел белый пушистый котенок. Эльвира поманила его, и он, резвясь и играя со всем, что попадалось ему на пути, подбежал к креслу хозяйки. С легкой улыбкой на губах Эльвира наклонилась, чтобы погладить котенка, и наш бравый воин, решив воспользоваться удобным случаем, поменял местами тарелки: свою тарелку он поставил перед Эльвирой, а ее тарелку — перед собой. Поскольку два прибора, стоявших на столе, были очень похожими, сэр Оливер полагал, что его хитрость не разгадают. Единственным отличием было то, что на тарелке сэра Оливера лежали две редиски, на тарелке хозяйки замка — одна. Кинув быстрый взгляд на Эльвиру, все еще забавлявшуюся с котенком, сэр Оливер быстро переложил одну редиску со своей тарелки на ее тарелку. Когда Эльвира выпрямилась, она, казалось, ничего не заметила — по крайней мере не подала виду.

Они приступили к трапезе. Эльвира налила бургундского в два серебряных кубка и, улыбаясь, протянула один кубок рыцарю.

Оливер принял кубок, но пить из него не стал. Он ждал подходящего момента, когда внимание дамы снова будет чем-нибудь отвлечено, чтобы и с кубками проделать то же самое, что он недавно проделал с тарелками. И его терпение вскоре было вознаграждено: английская гончая, бродившая по замку и случайно вбежавшая в залу, стала ластиться к хозяйке, выпрашивая лакомый кусочек со стола. Пока Эльвира занималась собакой, ничто не мешало сэру Оливеру тихонько поменять местами кубки, да так ловко, что она опять ничего не заметила.

Радуясь, что ему удалась эта маленькая хитрость, сэр Оливер приналег на бургундское и гусиный паштет. Он орудовал вилкой с такой яростью, словно держал в руках пику и сражался как минимум с дюжиной разъяренных врагов. (К слову сказать, пиршественный стол был, пожалуй, единственным местом, где сэр

Оливер не имел достойных соперников.) Он урчал от удовольствия, поглощая горы закусок и запивая их огромными глотками вина. Закуски и впрямь были восхитительны: нежнейший паштет таял во рту, хлеб был мягким и пышным, а варенье из крыжовника — не слишком кислым и не слишком сладким, как он любил.

Однако вскоре сэра Оливера стало клонить в сон. Сначала он подумал, что выпил слишком много вина, потому что у него закружилась голова и зазвенело в ушах, но вскоре перед глазами у него поплыли радужные круги — верный признак того, что в пищу или вино было подмешано какое-то зелье. Силы начали покидать сэра Оливера, он вцепился слабеющими пальцами в скатерть, чувствуя, что теряет сознание.

— Вам плохо, благородный рыцарь? — нежным голосом спросила хозяйка замка, когда сэр Оливер начал потихоньку сползать с кресла под стол.

— Просто минутная слабость... — ответил тот, широко зевнув.

Эльвира внимательно поглядела на два прибора, стоявшие на столе один напротив другого.

— Вы поменяли местами тарелки! — воскликнула она, заметив отпечаток грязного большого пальца на своей тарелке — неопровержимую улику против сэра Оливера.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал сэр Оливер. — Это просто обычай, принятый в наших краях... А вы, наверное, принимаете снотворное?

— Да, мой лекарь дал мне достаточно сильное снадобье. Оно так хорошо помогает от бессонницы... Без него я ужасно мучаюсь, ворочаюсь в постели до утра и никак не могу заснуть... А днем у меня делается мигрень...

— О, прошу прощения, что нечаянно принял ваше лекарство, сударыня... Будьте добры, скажите, долго ли продолжается его действие?

Эльвира что-то ответила, но сэр Оливер уже не расслышал ответа. Ему показалось, что его с головой накрыло толстым ватным одеялом. Руки и ноги словно налились свинцом, и сэр Оливер не в силах был пальцем пошевелить. Угасающее сознание еще продолжало отчаянно бороться с тьмой, наползавшей на него отовсюду, но вскоре принуждено было сдаться, побежденное сильнейшей дозой опиума. Сэр Оливер провалился в кромешную темноту, словно в бездонный колодец.

А когда он очнулся, то с удивлением обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Дамы, угощавшей его

ужином, нигде не было — должно быть, она исчезла, как умеют исчезать только феи и хозяйки волшебных замков. Но справедливости ради нужно сказать, что замок тоже исчез вместе с нею.

Глава 7

Вернувшись в трактир, где остановились паломники, Илит обнаружила, что там царит легкая паника. Сэр Оливер исчез при обстоятельствах более чем странных — ночью, никого не предупредив, не оставив за собою никаких следов. Его слуга Мортон Корнглоу не мог толком объяснить, куда девался его хозяин, однако заявлял, что здесь никак не обошлось без колдовства.

Илит принялась действовать, не теряя ни секунды. Она поднялась в комнату сэра Оливера и оглядела ее с вниманием, достойным профессионального сыщика. Слабый запах синильной кислоты, оставшийся в комнате, говорил о том, что в течение суток здесь кто-то пользовался талисманом типа «Дурилка».

Этого Илит было вполне достаточно, чтобы напасть на след. Дождавшись, когда все наконец выйдут из комнаты, она немедленно начала творить собственное заклинание. Все необходимые ингредиенты были у нее с собой, поскольку, даже став ангелом, она не расставалась со своим старым походным сундучком колдуньи, верой и правдой служившим ей еще в те времена, когда она была ведьмой. На заклинание ушло не более двух минут, и вот она, приняв форму легкого облачка, уже летела над лесом, через который недавно прошагал сэр Оливер.

По следам, оставленным рыцарем, она проследила весь его путь до замка Эльвиры. Илит знала Эльвиру еще со старых времен: та была ведьмой, как сама Илит когда-то, только еще более закоренелой грешницей — на нее не действовали никакие увещевания, никакие доводы в пользу добра. Илит подумала, что Эльвира вполне могла согласиться помочь Аззи в его кознях и проделках.

Пора было заняться предсказанием ближайшего будущего. В походном сундучке Илит имелось все необходимое для подобного рода предсказаний, и она, достав волшебное зеркало и две свечи, поставила свечи по обеим сторонам зеркала, зажгла их и заглянула в темное стекло, казавшееся провалом в мрачную бездну.

То, что она увидела, не удивило ее. Она оказалась права в своих догадках. Аззи устроил все так, чтобы его герой как можно скорее достиг своей цели. Сейчас сэр Оливер ужинает с Эльви-

рой. Дальше ему предстоит одолеть довольно длинную дорогу. Выйдя из леса, он должен будет продолжать свой путь дальше, до южного склона Альп, находящегося на территории Италии.

Само собой разумеется, что остановить его будет проще всего в лесу. Значит, нужно успеть поставить ловушку, пока он не выйдет из леса. Технически это будет совсем несложно. Но что делать дальше? Ей во что бы то ни стало нужно остановить его, не причинив ему при этом никакого вреда.

— Придумала! — воскликнула Илит после минутного размышления. Убрав обратно в сундучок волшебное зеркало и свечи, она вызвала ифрита — одного из своих давних знакомых.

Ифрит появился — огромный, черный и страшный. Его глаза сверкали из-под насупленных лохматых бровей. Илит вкратце изложила ему свой план относительно сэра Оливера.

— Его нужно остановить во что бы то ни стало! — объявила она.

Бывший злой джинн, перешедший на сторону добра, шмыгнул носом и спросил:

— Пристукнуть его, что ли?

Из всех созданий, отрекшихся от служения злым силам, ифриты наиболее трудно поддавались перевоспитанию: очевидно, инстинкт разрушения был у них слишком силен, и даже метод прямого воздействия на подсознание, который служители добра применяли с целью исправления инфернальной психики, не всегда давал положительные результаты. Однако большинство умов на небесах было настроено уже не так консервативно, как раньше. Начиналась эпоха либерализма, и даже самые строгие защитники морали были склонны прощать многие грехи тем, кто, вступив на путь служения добру, руководствовался благими намерениями в своих далеко не всегда безупречных поступках.

— Ну, это уж слишком, — ответила Илит ифриту. — Говоря «остановить», я отнюдь не имела в виду применение грубой силы. Я придумала кое-что получше. Знаешь ли ты, где находится тот кусок невидимой ограды в виде силового поля, который мы получили от халдейских магов?

— Да, мэм. Об этом много судачили в свое время. Наконец его признали аномалией и определили в одно из хранилищ, в котором оно и находится по сей день.

— Узнай, в каком хранилище оно находится, и непременно достань хоть немного такого ограждения. А вот тебе подробная письменная инструкция — здесь сказано, что делать дальше.

Оливер с трудом приподнялся, чтобы оглядеться, — и тут же схватился за голову, скорчив жуткую гримасу. Казалось, что в висках у него стучит тяжелейший молот, и каждый удар отзывался в голове страшной болью.

— Уф... Интересно, что все это значит? — пробормотал он, оглядываясь по сторонам. Чувствовал он себя прескверно, но всего ужаснее было то, что он не имел ни малейшего представления о том, где сейчас находится.

Собравшись с силами, он встал на ноги и огляделся по сторонам. Место было совершенно незнакомое и к тому же весьма странное: повсюду, куда ни глянь, была какая-то серая мгла, скрывавшая горизонт. Было достаточно светло, однако он мог видеть не далее чем на какой-нибудь десяток шагов вокруг себя.

За спиной у сэра Оливера послышалось хлопанье крыльев. На его плечо уселась сова и уставилась на него подслеповатым взглядом немигающих желтых глаз, словно так же, как и он, была удивлена тем, что почти ничего кругом не видит.

— Может быть, ты знаешь, где мы находимся? — спросил у совы сэр Оливер.

Сова наклонила голову набок и ответила:

— Трудно сказать. Одно ясно: ты в ловушке, старина. Выбраться отсюда будет нелегко.

— Почему?

— Да потому, что кто-то воздвиг кругом невидимую ограду, пока ты спал. Проще говоря, место это заколдовано.

Сэр Оливер не очень-то верил в колдовство, а особенно во всякие невидимые ограды. Поэтому он бодро зашагал вперед, но, не пройдя и двух десятков шагов, наткнулся на невидимое, но тем не менее непреодолимое препятствие. В первое мгновение сэр Оливер испугался: то, что скрывалось за серой мглой, мешая ему двигаться дальше, не имело ни определенной формы, ни размеров, не было ни холодным, ни горячим, ни твердым, ни мягким на ощупь. Его вообще нельзя было потрогать. Это не было похоже ни на что, с чем он сталкивался в своей жизни. Однако это неощутимое нечто все-таки преграждало ему путь. Выставив вперед руки с растопыренными пальцами, сэр Оливер медленно обошел по кругу весь крохотный клочок земли, по краям которого стояла невидимая ограда, но не нашел ни малейшей лазейки, через которую можно было бы выбраться наружу.

Он повернулся к сове, внимательно следившей за его действиями, и сообщил ей, что выхода, по-видимому, нет.

— Конечно, нет. Это же тупиковый путь.

— Тупиковый путь? Но куда он ведет?

— Как — куда? В тупик, разумеется.

— В тупик? Но мне никак нельзя попадать в тупик. Мне нужно найти волшебного коня...

— Боюсь, что здесь ты его не найдешь, — заметила сова.

— Но моя конечная цель — вовсе не конь, а волшебный золотой подсвечник.

— Золотой подсвечник? Это мне нравится. Золотой подсвечник — это очень хорошо, но у меня его нет.

— Ну, на самый крайний случай подошло бы даже волшебное кольцо.

Сова встрепенулась и захлопала крыльями:

— О! Кольцо! Кольцо у меня есть!

Она взъерошила клювом перья и, вытащив золотое кольцо с крупным сапфиром, отдала его сэру Оливеру. Тот повертел его в пальцах, любуясь камнем. Ему даже почудилось, что в глубине сапфира движутся какие-то неясные тени.

— Не гляди на него так долго, — сказала сова. — Лучше начинай творить заклинания. Волшебное кольцо — не красивая безделушка, а рабочий инструмент!

— Какой инструмент? Что я должен делать с этим кольцом? — воскликнул сэр Оливер.

— Разве тебя не научили, как с ним обращаться?

— Нет.

— Ну что ж, в таком случае они допустили грубейшее нарушение правил, не предоставив тебе полной информации. Я думаю, у тебя есть все основания для того, чтобы подать жалобу.

Сэр Оливер растерянно оглянулся кругом. Жалобу подавать было некому. Разве что сове...

— Иди ты к черту со своими советами, — сказал он, начиная сердиться. — Как же я теперь смогу совершать славные подвиги, если в самом начале угодил в ловушку?

Сова снова взъерошила клювом перья и достала маленькую колоду карт, как фокусник в цирке достает из шляпы кролика.

— Можем сыграть партию-другую в «дурачка». Это здорово успокаивает нервы. Вот увидишь, время пролетит совершенно незаметно! Ты в какого больше любишь играть — в простого или в переводного? А может, сыграем в «двадцать одно»? Или разложим пасьянс?

— Вот еще, — буркнул сэр Оливер. — Я с пернатыми не играю.

Сова ничего не ответила, просто начала тасовать карты, да так ловко, что ей позавидовал бы самый заядлый картежник. Склонив голову набок, она лукаво поглядела на сэра Оливера, и ему даже показалось, что сова подмигнула ему.

— Ну ладно, — вздохнул сэр Оливер. — Давай сыграем.

Игра в «дурака» и раскладывание пасьянсов были его любимым занятием. Они часто помогали кое-как скоротать время. Вот только партнеры для партии в «дурака» находились довольно редко...

— Твой ход, — сказала сова.

Глава 9

А в это время в трактире — в том самом трактире, откуда всего несколько часов назад вышел через волшебную дверь сэр Оливер, — Аззи, сидя за столом в своей комнате на втором этаже, решил узнать, как продвигаются дела с постановкой безнравственной пьесы. Аззи достал хрустальный шар, который древние колдуны использовали для предсказания будущего и провидения того, что происходит на другом краю Земли, протер шар носовым платком и стал не отрываясь глядеть в него. Однако поверхность шара оставалась тусклой; лишь отражение колеблющегося пламени свечей, стоявших на столе, порой зажигало в его глубине золотистые искры. Аззи недоуменно повертел волшебный шар в руках — и тут только вспомнил, что забыл произнести фразу, заставляющую шар показать то, что хочет увидеть его владелец.

— Покажи, чем занят сейчас сэр Оливер, — скороговоркой пробормотал Аззи.

Хрустальный шар вспыхнул изнутри голубоватым светом, и его поверхность постепенно начала проясняться. Аззи снова начал пристально вглядываться в глубину шара. Наконец его взору предстала такая картина: сидя прямо на земле в каком-то странном месте, то ли окутанном плотным туманом, то ли окруженном серой стеной, сэр Оливер играл в «подкидного дурака» с говорящей совой.

— Что это?.. Как такое могло случиться? — удивился Аззи.

Нужно было принимать срочные меры. Аззи решил позвать Аретино на подмогу. Сейчас Аретино был нужен ему, как никто другой.

Аззи трижды хлопнул в ладоши:

— Где мой курьер?

Дверь в комнату тихонько отворилась, и на пороге показалась маленькая тонкая фигурка.

— Нужно как можно скорее передать эту записку Аретино, — сказал Аззи, склоняясь над куском пергамента, на котором он стал вычерчивать какие-то письмена своим острым ногтем. — Отправляйтесь прямо сейчас, да смотрите, не мешкайте в дороге.

Аззи сложил записку вдвое и, не глядя, протянул ее курьеру.

— Где мне искать этого Аретино? — спросил тот.

— В Венеции, где же еще! — ответил Аззи. — Готов поспорить, что он все еще пирует на мои денежки!

— А можно мне воспользоваться заклинанием, чтобы быстрее добраться до Венеции?

— Конечно.

— Тогда дайте мне какой-нибудь талисман, который перенесет меня туда.

— Вообще-то в заключенном с вами контракте четко оговорено, что вы сами обеспечиваете себя всеми средствами передвижения, в том числе и волшебными. Но, с другой стороны, время не ждет. Возьмите универсальный талисман вон там, на столе.

Курьер подошел к столу и, захватив из хрустальной чаши полную горсть талисманов, сунул их в карман.

— В Венецию! — громко крикнул он и исчез. В спешке Аззи не узнал в своем посланце Квентина, решившего не упускать свой шанс вмешаться в эту историю, пока взрослые занимаются своими делами.

Глава 10

А в это время в Венеции Пьетро Аретино предавался всем земным наслаждениям. Сумма, полученная от Аззи в качестве аванса за постановку безнравственной пьесы, была достаточно велика, и недостатка в деньгах он не ощущал. Аретино уже давно хотелось устроить такой пир, чтобы весь город долго вспоминал о нем, расхваливая щедрое гостеприимство и богатую фантазию хозяина. И поэтому в доме Аретино уже несколько дней подряд — как раз с того самого дня, как Аззи покинул Венецию, — слышались звуки задорной музыки, голоса подвыпивших гостей, женский смех и топот танцующих ног.

Чтобы веселье в доме не прекращалось ни днем ни ночью,

Аретино пригласил немецких музыкантов, которые обязаны были играть сутки напролет. Музыканты знали свое дело: писк скрипок, гудение альтов и нежные звуки флейт не смолкали ни на минуту; однако и в вине они тоже понимали толк и пили наравне с гостями. Пир был в самом разгаре, когда в шумной гостиной среди мужчин в расстегнутых жилетах и девиц с растрепавшимися локонами появилась одна весьма необычная фигура. Конечно же, то был посланец Аззи, крепко прижимавший к груди свиток пергамента.

Он был невелик ростом, этот посланец, и, пожалуй, слишком юн для столь серьезных поручений. Мальчик, едва вышедший из детской, да к тому же еще одетый в длинную ночную рубашку, отделанную кружевом. Однако держался он с недетской серьезностью. Сознание важности возложенной на него миссии придавало ему смелости и решительности. С трудом переведя дыхание после головокружительного перелета над Альпами, совершенного при помощи волшебного талисмана, Квентин — это был, конечно же, он — объявил о цели своего визита, попросив немедленно проводить его к хозяину дома.

Когда слуга провел мальчика в комнату, где находился Аретино, Квентин отвесил прославленному драматургу учтивый поклон и подал пергамент.

— Аретино, я принес вам послание, — объявил он своим чистым, звонким голосом.

— Послание? — удивился тот. — А нельзя ль немного погодить со всякими там посланиями? Мы тут веселимся...

— Это от Аззи. Он просит вас немедленно прибыть к нему.

— Понятно. Ну а ты сам кто такой?

— Я один из паломников. Видите ли, сударь, так получилось, что моя сестра Киска... вообще-то ее полное имя Присцилла, но дома все зовут ее Киской... моя сестра Киска уснула, и я решил выйти из комнаты, где мы спали. Я совсем не хотел спать, сударь. Я и сейчас этого почти совсем не хочу, — прибавил он торопливо, очевидно испугавшись, что в столь поздний час его вполне могут отправить в постель. — Я осторожно вышел из комнаты и поднялся по лестнице на верхний этаж. Там была одна комната... Я увидел, что дверь в нее приоткрыта. Я вошел в эту дверь, и меня отправили к вам с посланием.

— Но как же ты добрался сюда? Ведь ты же смертный, я полагаю? Ты из той же плоти и крови, что и я, и крыльев для быстрых перелетов над горами у тебя нет...

— Да, конечно. Но я захватил у Аззи целую горсть талисманов.

— Ну что ж, — задумчиво произнес Пьетро Аретино, — твой рассказ, юный гонец, звучит вполне убедительно. Итак, чего же хочет от меня Аззи?

— Он хочет, чтобы вы тотчас же явились к нему.

— Куда же мне следует явиться?

— Не беспокойтесь, я перенесу вас к нему при помощи волшебного талисмана, — сказал Квентин.

— А это не опасно? — спросил Аретино.

Квентин не удостоил его ответом. Он считал, что уже вполне освоился в мире волшебства. Ему не терпелось вновь оказаться в том трактире, где остановились на ночлег паломники, чтобы похвастаться перед Киской, как здорово он умеет летать при помощи обыкновенного волшебного талисмана.

Глава 11

Аззи уже приготовился было отметить удачное окончание первого эпизода пролога к своей безнравственной пьесе, когда сэр Оливер вышел из темного коридора на широкий луг. Это было хоть и весьма скромным, но реальным достижением демона. Сей переход был не просто переходом по подземному туннелю. Это был выход первого актера на сцену. Действие безнравственной пьесы началось, и Аретино предстояло всего-навсего наблюдать за приключениями сэра Оливера, чтобы потом достойно описать их в своем новом произведении. Однако сэр Оливер не оправдал возлагаемых на него надежд. Не успев сделать двух шагов по дорогам Волшебной Страны, он повел себя глупейшим образом и, очевидно, попал в какой-то переплет.

Аззи отложил в сторону хрустальный шар, решив не тратить больше времени на бесполезное наблюдение за рыцарем, продолжавшим свой затянувшийся картежный поединок с совой. Нужно было действовать, и действовать решительно. Аззи перенесся в Волшебную Страну и пошел по следам сэра Оливера — по тем слишком приметным следам, по которым Зло может проследить за путями Невинности. Наконец он добрался до тех мест, где фантастический мир и мир обыденный так тесно переплетались между собой, что никто не мог бы точно сказать, где кончается сказка и начинается действительность.

Малохоженые лесные тропы вывели наконец Аззи на небольшую поляну. Здесь он нашел то, что искал: в самом центре поляны на стволе поваленного дерева сидел сэр Оливер, перед ним — серая сова. В правой лапе сова держала миниатюрную ко-

лоду карт, которые ловко тасовала, помогая себе клювом, — очевидно, она собиралась сдавать.

Аззи не знал, смеяться ему или плакать при виде такой картины. Он готовил для сэра Оливера великое будущее; он надеялся на этого человека! Вне себя от возмущения, он бросился к этой комической парочке картежников, крича:

— Эй, Оливер! Кончайте валять дурака! Вас ждут великие дела!

Но сэр Оливер даже не повернул головы в его сторону.

И тут Аззи налетел на невидимую ограду, отбросившую его назад. Он попытался преодолеть невидимое препятствие — не тут-то было, даже сил демона оказалось недостаточно, чтобы проникнуть сквозь эту прозрачную, но тем не менее непроницаемую пустоту.

Да, это было серьезной помехой для планов Аззи. Невидимая ограда оказалась непроницаемой не только для макроскопических тел. Свет и звук, как выяснилось позднее, она тоже не пропускала, поскольку ни сова, ни сэр Оливер не обращали ни малейшего внимания на звучные вопли Аззи, которые эхо разносило далеко по лесу.

Аззи пошел вдоль границы круга, очерченного невидимой оградой, и встал прямо напротив сэра Оливера, низко склонившегося над картами и совершенно поглощенного партией в «двадцать одно». Ведь игра не может продолжаться до бесконечности, думал Аззи. Когда-нибудь она закончится, и сэр Оливер, подняв голову, не сможет не заметить демона, стоящего всего в десяти шагах, прямо напротив него...

Те несколько минут, что пролетели для сэра Оливера и совы незаметно, показались Аззи вечностью. Наконец партия кончилась, и все произошло точно так, как предугадал Аззи. Сэр Оливер поднял голову — и... посмотрел на Аззи, как на пустое место. А точнее — посмотрел *сквозь* Аззи, как сквозь оконное стекло. Так, по крайней мере, почудилось демону, находившемуся в тот миг на пороге отчаяния. А сэр Оливер снова взялся за миниатюрную колоду...

Итак, последние сомнения рассеялись. Теперь Аззи был абсолютно уверен, что в постановке его безнравственной пьесы участвуют и другие лица, чей замысел не совпадает с замыслом главного режиссера. Он и сам был мастер на подобного рода проделки; он обожал валять дурака, строить козни и ставить палки в колеса тем, кто втайне плел какую-нибудь хитрую интригу. И теперь, когда кто-то решил испортить ему игру, нужно было выяснить, чьих, собственно, рук это дело.

Аззи погрузился в размышления, перебирая всех своих знакомых. Кто мог быть его тайным недоброжелателем?

Сперва он заподозрил ангела Гавриила — просто потому, что это была первая мысль, пришедшая ему в голову. У ангела Гавриила могли, конечно, найтись причины личного свойства, чтобы навредить Аззи, но выдумать столь хитрый план ангел Гавриил был попросту не способен. Аззи со вздохом исключил ангела Гавриила из списка своих возможных противников в этой игре.

Итак, кто же остался в списке? Михаил? У него, конечно, ума хватило бы... Но странно: чем больше доводов находилось в пользу того, что именно Михаил помешал постановке безнравственной пьесы, заперев сэра Оливера внутри невидимой ограды, тем менее правдоподобной казалась Аззи эта версия. Плану, при всем его изяществе, не хватало законченности, зато слишком много в нем было от детского озорства. Нет, это явно не его почерк! Кроме того, архангел Михаил — слишком крупный политик и мыслит всегда масштабно. В его руках сосредоточена огромная сила. Вряд ли он будет размениваться на мелочи, связываясь с сэром Оливером. Он скорее предпримет более кардинальные меры, чтобы сорвать постановку пьесы.

Значит, это не архангел Михаил и уж никак не ангел Гавриил. Но кто же? И тут догадка, словно молния, промелькнула в мыслях у Аззи: Илит! Это могла быть только она! Как же он сразу не догадался! Но что же конкретно она сделала? Как вызволить сэра Оливера из этой ловушки?

В тот же миг перед ним появилась сама Илит с приветливой улыбкой на устах. По выражению ее милого личика никак нельзя было догадаться, что на уме у этой темноволосой красотки.

— Привет, Аззи, — сказала она. — Если чутье бывшей ведьмы не подводит меня, ты только что думал обо мне.

— Это твоих рук дело? Признавайся, что ты натворила? — сурово спросил Аззи.

— Ничего особенного, просто решила сделать тебе маленькую пакость, — ответила она, все так же улыбаясь. — Это самая обыкновенная невидимая ограда.

— Весьма забавно, — фыркнул Аззи. — А ну-ка, убери ее!

Илит обошла кругом всю невидимую ограду, ощупывая ее сантиметр за сантиметром, затем отошла на два шага в сторону и стала шарить в траве неподалеку от границы невидимой ограды.

— Странно, — пробормотала она себе под нос.

— Что странно? — спросил Аззи, внимательно следивший за всеми ее действиями.

— Никак не могу найти выключатель силового поля, которое питает невидимую ограду, — призналась Илит. — Он должен был быть где-то здесь...

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Аззи, потеряв терпение. — Я сию же минуту отправляюсь к Ананке!

Глава 12

В тот самый час Ананке принимала гостей. Она пригласила к себе весьма почтенных дам, с которыми была дружна с незапамятных времен, — трех Парок, или Вещих Сестер, которые в античную эпоху дни и ночи напролет пряли нити человеческих судеб. Однако с расцветом технической европейской цивилизации машины стали вытеснять ручной труд, и Вещие Сестры оставили свое занятие, удалившись на покой. Теперь, когда у них появилось достаточно свободного времени, они могли позволить себе ходить в гости чуть ли не каждый день и ужасно надоели всем своим знакомым, которых они навещали, пожалуй, немного чаще, чем того хотелось бы хозяевам.

Но с Ананке, своей старой подругой, три сестры виделись не так уж часто. Та, что олицетворяла собой Рок в античном мире, еще не сошла со сцены. У нее было множество дел, и ей нечасто удавалось приглашать для задушевной беседы даже самых ближайших подруг.

Собираясь к Ананке на чашку чая, три сестры приготовили подарки. Лахесис испекла шоколадный торт. Клото обошла все антикварные лавки Вавилона, прежде чем нашла подходящую вещицу, а Атропос решила преподнести подруге томик поэзии.

Ананке редко принимала человеческий облик. Обыкновенно она пребывала везде и нигде, существуя в виде незримой, неосязаемой субстанции. «Вы можете причислить меня к иконоборцам, — заявляла она, — но я всегда придерживалась мнения, что все подлинно великое не нуждается в зрительном образе». Но сегодня был особый случай. Ради трех сестер, приглашенных ею на чаепитие, Ананке выбрала для себя личину пожилой немки, дородной дамы в строгом костюме, с тугим пучком волос на затылке.

Стояла чудная погода, и четыре дамы решили устроить небольшой пикник на альпийском лугу. Шелковистая трава была мягка, как ковер; легкие белые облака, бегущие по небу, казалось, играли в догонялки.

Ананке как раз передавала Лахесис чашку с ароматным горя-

чим чаем, как вдруг заметила на горизонте маленькую черную точку.

— Смотрите! — воскликнула одна из сестер. — Кто-то летит сюда!

— Я же оставила дома записку, чтобы меня не беспокоили! — проворчала Ананке. Кто смел ее ослушаться? Олицетворяя могущественнейшую силу, управляющую законами бытия (по крайней мере так считала сама Ананке; и следует признать, что у нее были на то некоторые основания), она привыкла к тому, что смертные трепетали при одном упоминании ее имени. Она часто называла себя Той, Которая Властвует над Миром, не слишком задумываясь о том, что это звучит по меньшей мере нескромно.

Тем временем черная точка изрядно увеличилась в размерах, превратившись в маленькое темное пятнышко. Вскоре четыре дамы, все как одна повернувшие головы в ту сторону и следящие за таинственным незнакомцем, летевшим быстрее ветра, смогли различить фигуру демона, раскинувшего свои черные крылья, похожие на крылья летучей мыши.

Аззи изящно опустился на лужайку перед Ананке и ее гостями.

— Приветствую вас! — произнес он приятным звучным голосом, отвешивая преувеличенно чинный поклон. — Как поживаете? Прошу прощения за то, что пришлось вас потревожить.

— С чем пожаловал, нежданный, но предвиденный гость? — строго спросила его Ананке. — Рассказывай, но если ты принес плохие новости, то пеняй на себя!

— Дело в том, — начал Аззи, — что в настоящее время я совершаю некоторую, с позволения сказать, революцию в театральном искусстве. Я ставлю пьесу — совершенно новую пьесу, пьесу, в которой не будет скучной морали и нравоучений. Не скрою, это может не понравиться моим оппонентам, весьма широко использующим искусство для пропаганды своих идей. Они обожают пьесы с назидательным содержанием и поучительным концом...

— Ах ты, бездельник! — рассердилась Ананке. — Ты что же, потревожил меня и моих гостей только ради того, чтобы принести нам театральные сплетни? Я ведь, кажется, предупредила, чтобы меня не смели тревожить по пустякам! Если ты решил ставить пьесу, то и ставь себе на здоровье! Какое мне дело до твоих ребяческих забав?

— Но мои оппоненты во что бы то ни стало хотят сорвать постановку моей пьесы, — сказал Аззи. — А ты им помогаешь.

— Ну и что ж? Ведь добро прекрасно, — ответила Ананке.

Тон ее был хоть и весьма уверенным, но уже не столь безапелляционным.

— О, с этим никто не спорит, — не сдавался Аззи. — Добро есть добро. Но ведь зло существует для того, чтобы противостоять ему, не так ли? И до сих пор никто еще не отнимал у него этого бесспорного права. А в твои обязанности входит следить, чтобы никто не смел нарушать установленные правила! Закон есть закон, и все обязаны ему подчиняться!

— Ты прав, — согласилась Ананке.

— Значит, ты запретишь Михаилу и подчиненным ему ангелам вмешиваться в мои дела?

— Я подумаю, — сказала Ананке. — А теперь оставь нас, наконец, в покое.

Аззи пришлось довольствоваться этим неопределенным обещанием.

Часть VII

Глава 1

Михаил наслаждался покоем и тишиной, уединившись в своем кабинете и откинувшись на спинку платоновского идеального кресла — прообраза всех изготовленных человеческими руками кресел и, само собой разумеется, самого удобного и уютного. Для полного блаженства не хватало только хорошей сигары. Однако курить он бросил давно — еще когда только вступил на трудный путь нравственного самосовершенствования, который обязан пройти каждый желающий попасть на небеса. Первым шагом на этом пути обычно бывает борьба с собственными пороками. Михаил обладал достаточно сильной волей, чтобы избавиться от дурной привычки, рабами которой делаются многие. Так что архангела, уютно устроившегося в платоновском идеальном кресле, вполне можно было назвать счастливейшим из бессмертных.

Минуты полного блаженства, однако, столь же редки для архангела, как и для простого смертного. Отлично понимая это, Михаил старался не упустить ни единого мгновения из этих драгоценных минут. Он старался прогнать навязчивую мысль о том, что блаженство скоро кончится.

В дверь кабинета постучали.

Михаил слегка поморщился. Внутренний голос подсказывал ему, что от этого визита ничего хорошего ждать нельзя. Он раздумывал, стоит ли отвечать тому, кто постучал. Может быть, попросту сказать «уходите»? Однако после минутного колебания он все-таки решил впустить посетителя. В конце концов, архангелу не грозит опасность встречи с каким-нибудь наглецом или хулиганом. Такого подозрительного субъекта попросту не пропустят к дверям его кабинета!

— Войдите, — сказал он.

Дверь открылась. На пороге стоял курьер. Маленький мальчик с золотистыми кудрями, одетый в ночную сорочку. В одной руке он держал увесистую посылку, а другой прижимал к груди

горсть талисманов. Конечно же, это был Квентин, которому пришлось по душе его новое занятие.

— Посылка для архангела Михаила, — объявил он.

— Это мне, — ответил Михаил.

— Распишитесь вот здесь, — сказал Квентин.

Михаил черкнул свою подпись на бланке с золотым тиснением, поданном курьером, и мальчик вручил ему ящик с посылкой.

— Признайся, ты ведь не ангел? — спросил Михаил у курьера.

— Нет, сэр.

— Ты просто маленький мальчик, обыкновенный смертный, так?

— Ну... Наверное, так.

— Как же тебе удалось получить место почтальона в ином мире?

— Я и сам не знаю, — ответил Квентин, пожав плечами. — Однако это ужасно интересное занятие. Вам что-нибудь еще нужно?

— Кажется, нет, — сказал Михаил.

Квентин крепко сжал в кулаке один из талисманов и растаял в воздухе.

Михаил озадаченно почесал в затылке широкой пятерней. Затем вскрыл посылку. Внутри оказался какой-то тяжелый предмет, аккуратно завернутый в тонкую серую бумагу. Сорвав обертку, Михаил обнаружил тяжелый медный брусок, поверхность которого была так тщательно отполирована, что в нее можно было глядеться, как в зеркало. Повертев брусок в руках, Михаил увидел на обратной стороне надпись, выбитую четким красивым шрифтом:

Михаил!
Оставь в покое Аззи с его пьесой! Ставь
свою собственную, если хочешь, а другим
работать не мешай!
Всего хорошего,
Ананке.

Михаил положил медный брусок на стол. Брови его сдвинулись к переносице, а губы плотно сжались. В конце концов, что позволяет себе эта Ананке? Как смеет она указывать архангелу, что ему следует, а чего не следует делать? Михаил никак не мог смириться с мыслью, что Судьба, Ананке, стоит над добром и злом. В конце концов, кто решил, что должно быть так? Как это глупо и недальновидно... Все, конечно, могло быть совсем по-иному, если бы Бог не покинул этот мир. Уж Он-то, несомненно, смог бы навести здесь порядок! Но — увы! — Бог уже давно не занимался мирскими делами. Верховным судьей над миром

стала Ананке. И теперь эта заносчивая особа пытается навязать свою волю самому архангелу Михаилу!..

«Она мне не указ! — сказал Михаил. — Слишком много она себе позволяет! Может быть, она и Вершительница Судеб, но уж, во всяком случае, не сам Господь Бог!»

Михаил потянулся к отложенной на край стола папке с надписью «Дело Аззи. Совершенно секретно» и с удвоенной энергией принялся листать страницы. Нужно было как-то остановить этого рыжего беса, чье поведение возмущало Михаила до глубины души. Подумать только, этот нахал не постеснялся обратиться к самой Ананке! И ему удалось-таки втянуть в свои интриги древнюю старушку, не слишком разбирающуюся в тонкостях отношений между Добром и Злом. Но даже архангельскому терпению приходит конец, и теперь Аззи придется распрощаться с мыслью о постановке безнравственной пьесы.

Михаил включил Электронного Оракула — систему, применявшуюся на Небесах для принятия решения в условиях высокой степени неопределенности, — и начал вводить исходные данные. Вскоре Оракул выдал свой ответ. Взглянув на длинную бумажную ленту, ползущую из печатающего устройства, архангел Михаил улыбнулся. Оказывается, борьба с Аззи не потребует от него больших затрат. Стоит только организовать несколько небольших помех, задержать в пути кое-кого из актеров, нанятых рыжеволосым демоном, — и безнравственная пьеса с треском провалится.

Глава 2

— Попробуй еще раз! — сказал Гефест.

— Я стараюсь, как могу, — захныкал Ганимед. — Сколько можно! Говорят тебе — через эту штуковину невозможно пролезть!

Боги-олимпийцы столпились вокруг небольшого переходного устройства, придуманного Гефестом, богом огня и кузнечного ремесла. Если верить Гефесту, то при помощи его новейшего изобретения, которое он называл малопонятным словом «интерфейс», древние боги могли перенестись из виртуального пространства в реальный мир. Гефест клялся Стиксом, что этот интерфейс напрямую связан с ящиком Пандоры, а этот ящик в настоящий момент находится в доме Питера Вестфала, обыкновенного земного обывателя. Древние боги знали, что при помощи ящика Пандоры Зевсу удавалось перемещаться из виртуаль-

ного пространства в реальный мир и обратно, поэтому последнее изобретение Гефеста вызвало их живейший интерес. Проблема была лишь в том, что вход в реальный мир оказался слишком узким, и сколько ни старался Гефест его расширить, все попытки заканчивались неудачей. Впрочем, Гефеста нельзя было назвать большим специалистом в области электроники. Интерфейс, выкованный из цельного куска золота, был его первым опытом в создании подобных устройств.

Вдруг из интерфейса раздалось громкое «ап-чхи!». Боги, удивленно переглянувшись между собой, отступили на шаг, и тотчас же через узкое отверстие пролез Зевс. Он явился во всем величии царя богов и людей, во всем блеске своей славы. Яркие молнии сверкали в его руках, слышались оглушительные раскаты грома.

— Возвращение великого человека наделало много шума, — язвительно заметила Гера. Язычок у супруги громовержца был острый как бритва.

— Молчи, женщина! — ответил ей Зевс.

— Да, тебе легко говорить, — не сдавалась Гера. — Ты можешь перенестись в реальный мир, когда захочешь. Ты проворачиваешь там свои делишки, развлекаешься, флиртуешь с кем попало. А мы заперты здесь, словно в тюрьме. Мы никуда не ходим, никого у себя не принимаем! До нас все новости доходят в последнюю очередь, если только вообще доходят! А наши одежды... Ты только посмотри, во что мы одеты! Я уверена, что в современном мире уже давно никто не одевается так, как мы. Ты совершенно не заботишься о нас! И при этом еще называешься верховным божеством! Какой же ты после этого глава семьи, отец и покровитель?!

— Самый лучший, — нимало не смутившись, сказал Зевс. — Если ты думаешь, Гера, что я болтаюсь между двумя мирами без дела, гоняясь за юбками, ты сильно ошибаешься. У меня есть отличный план, как выбраться отсюда. Но только все вы должны меня слушаться. Если хотите снова оказаться на свободе, вам придется делать то, что велят, а не то, что взбредет вам в голову. Нам всем придется объединиться и действовать сообща, дети мои. Не знаю, правда, как это у вас получится — ведь когда доходит до дела, вы начинаете ссориться и в лучшем случае все кончается небольшой внутрисемейной разборкой. Так вот, дети, я хочу сообщить вам одну новость: скоро к нам пожалует архангел Михаил.

— Наш враг! — воскликнул Аполлон-стреловержец.

— Нет, — мягко возразил Зевс, — не враг он нам, а потенциальный союзник. Он нанесет нам короткий деловой визит. Ему

нужно, чтобы мы оказали ему кое-какие услуги — разумеется, не бесплатно. Мы все сообща обсудим с ним условия договора. Пожалуйста, проявите на этот раз больше здравого смысла, забудьте о существующих меж вами разногласиях и не начинайте склоки раньше времени. Мы должны сделать то, чего он хочет от нас.

— А потом? — спросил Аполлон.

— А потом, ребятки, у нас будет шанс снова взять власть над миром в свои руки. Только бы нам выбраться отсюда!

— А, вот и новый небожитель пожаловал! — воскликнул Зевс, когда Михаил появился перед богами-олимпийцами, собравшимися в тесный кружок.

Михаил возмутился. Зевс обращался с ним, словно с каким-нибудь выскочкой, а не с божеством, равным по мощи и силе ему самому и к тому же наделенным всей полнотой небесной власти.

— Выбирай выражения, — ответил он Зевсу. — Как бы тебе впоследствии не пришлось пожалеть о сказанном. У нас пока еще достаточно сил, чтобы низвергнуть тебя в адскую бездну, а заодно с тобой — и эту компанию полуголых сибаритов.

— В адскую бездну? — усмехнулся Зевс. — Мы только что оттуда. И твои угрозы нам не страшны. Тем, кто видел ад собственными глазами, бояться больше нечего. Так что давай лучше поговорим о деле. Чего ты хочешь от нас?

— Полагаю, тебе известно, что в космосе недавно появилась некая новая сила?

— От моего взора это не укрылось, — ответил Зевс с важностью. — И что же дальше?

— Ты знаешь о том, что некий демон по имени Аззи решил поставить безнравственную пьесу?

— До меня доходили некоторые слухи об этой пьесе. По-моему, весьма остроумная затея.

— Весьма опасная и коварная интрига! Я представляю себе, какое влияние она окажет на людские умы! Ее нужно отменить во что бы то ни стало! Ведь если безнравственная пьеса все-таки будет поставлена, для вас это обернется не меньшей бедой, чем для нас.

— Почему же? Мы, греческие боги, не вмешиваемся в вечную борьбу меж добром и злом.

— Эта проблема слишком сложна и не сводится к простой диалектике. Она стоит по ту сторону добра и зла[1].

[1] «По ту сторону Добра и Зла» — одна из работ Фридриха Ницше.

— Вот как?..

— Да-да. Ее содержание не просто аморально — оно подрывает основы мирового порядка! Подумать только, этот демон, это исчадие ада, решил доказать всем, что судьба не зависит от характера!

— Что?! Что ты сказал?

— А, я вижу, мне удалось тебя заинтересовать! — обрадовался Михаил. — Но это еще не все. В пьесе содержатся еще более крамольные идеи. Например, что бездари имеют право на существование.

— Ну, с этим уж никак нельзя мириться! — воскликнул Зевс. — Но как нам остановить этого опасного злодея? Как помешать его замыслу?

— Мы вынуждены прибегнуть к тактике выжидания и промедления, — сказал Михаил. — К сожалению, сам я могу сделать очень мало. Этот хитрец заручился поддержкой Ананке, и я уже получил от нее серьезное предупреждение, которое связывает меня по рукам и ногам. Но вы... вы — совсем иное дело! Если ты — а еще лучше, кто-нибудь из твоих детей — не откажешься оказать мне небольшую услугу...

Аполлон выступил из круга богов-олимпийцев, до сих пор молча слушавших разговор между Зевсом и архангелом Михаилом.

— Я буду рад помочь, — с улыбкой произнес он. — Скажи лишь, что нужно сделать.

— Нам могут понадобиться циклопы, — сказал Михаил. — Я хочу, чтобы Феб-Аполлон раздобыл хотя бы одного циклопа — приблизительно такого, как тот, встреча с которым чуть не стоила жизни Одиссею, попавшему на остров циклопов во время своих странствий. Только наш циклоп должен быть еще страшнее и свирепее. Кроме того, у меня найдется дело для того из вас, кто заведует погодой, — я слышал, что вы умели управлять погодой задолго до того, как римляне завоевали Грецию. Нужно устроить великую бурю. Ураганы, штормы, землетрясения — кто у вас этим занимается?

— Мы разделили эти функции между несколькими богами, — вмешалась в разговор Афина. — Посейдон носит титул Колебателя Земли, а сам Отец Зевс — титулы Тучегонителя и Громовержца.

— Да, ты права, дочь моя, — сказал Зевс. — Ну что ж, я думаю, на сей раз мы можем поручить эту возню с погодой кому-

нибудь одному. Арес, как ты смотришь на то, чтобы снова вернуться на поле брани и начать великую битву?

— Настоящую войну, на которой будут гибнуть люди? С удовольствием! — воскликнул Арес. — Я люблю звон оружия. Вид крови, хлещущей из ран, опьяняет меня. Стоны умирающих звучат для меня словно сладчайшая музыка.

— Ну, тогда слушайте внимательно, — сказал Михаил. — Я проинструктирую вас насчет погоды.

Глава 3

— Нашла! Наконец-то! — послышался женский голос; затем раздался негромкий щелчок. Следующее, что услышал сэр Оливер, был звук падающей ограды. Колдовской серый туман, скрывавший горизонт, рассеялся, и взору сэра Оливера открылись деревья, со всех сторон обступившие поляну, на которой они с совой играли в карты, и дальний овраг, и лесная тропинка, петляющая меж стволами вековых дубов...

Сэр Оливер поднялся на ноги и нерешительно двинулся вперед. Там, где еще недавно стояла невидимая ограда, теперь ее не было. Можно было двигаться дальше.

И сэр Оливер зашагал куда глаза глядят. Дорога была ему незнакома, но подобные пустяки не смущали нашего отважного героя. Он считал, что ему нечего бояться, пока у него есть талисман «Дурилка». Этот талисман и был его проводником, его картой и компасом. Он тащил своего владельца все дальше и дальше вперед, словно его притягивал какой-то сверхмощный магнит. Сэр Оливер едва успевал переставлять ноги, а уж времени глядеть по сторонам, замечая дорогу, и вовсе не оставалось. Он чувствовал только, что при помощи волшебного талисмана каким-то образом умудряется покрывать огромные расстояния за весьма короткое время, хотя идет пешком.

Послушно следуя за талисманом, сэр Оливер резко повернул налево — и очутился на пустынном морском берегу.

Пройдя немного по влажному песку, на котором темнели выброшенные волнами водоросли и мелкие ракушки, он заметил невдалеке одинокую скалу. Обойдя ее кругом, он обнаружил в скале просторный грот.

Сэр Оливер никогда не питал особой любви к пещерам и гротам, а этот грот, казалось, скрывал в себе какую-то мрачную тайну. Сэр Оливер уже собрался обойти его стороной, когда за-

метил небольшую деревянную табличку, прибитую у входа в грот. На табличке было написано:

Владельцы волшебных колец, добро пожаловать!

И, преодолев свой страх, сэр Оливер вошел в грот.

Прямо у входа он увидел великана — огромного, с косматой бородой и длинными волосами, никогда не знавшими гребня. Великан сидел на грубо сколоченном табурете и ковырял в носу, исподлобья поглядывая на рыцаря.

— Есть ли у тебя кольцо? — спросил он хриплым и грубым голосом, да так громко, что разбудил дремавшее в гроте эхо.

— Да, — ответил сэр Оливер и показал кольцо.

Великан долго рассматривал кольцо, затем сказал:

— Прекрасно. Значит, ты и есть Тот Самый.

— Тот самый — что? — удивился сэр Оливер.

— Тот самый, насчет которого я получил распоряжения.

И, встав с табурета, великан сделал один огромный шаг ко входу в грот, одной рукой поднял огромный обломок скалы и закрыл им вход. Сразу стало темно.

— Зачем ты это сделал? — спросил сэр Оливер.

— Таков приказ, — коротко ответил великан, снова опускаясь на свой табурет.

— Ну, и что дальше? — снова спросил сэр Оливер. У него начали возникать нехорошие предчувствия.

— Тебе лучше не знать об этом, — сказал великан.

— Но я желаю знать! Скажи мне!

— Ну, я тебя съем, — флегматично ответил великан.

— Ты шутишь!

— Я никогда не шучу. Ты вообще когда-нибудь слышал, чтобы великаны шутили? Мы абсолютно лишены чувства юмора.

Оливер задумался на минутку, затем сказал:

— Но я не сделал тебе ничего плохого!

— Ничего не поделаешь.

— Что значит «ничего не поделаешь»? Что ты имеешь в виду?

— Извини, приятель, но у меня есть приказ. В нем сказано: «Съесть того, у кого окажется волшебное кольцо». И все.

— *Какое* волшебное кольцо? И *кого именно* ты должен съесть?

— У меня на этот счет нет никаких дополнительных распоряжений. Сказано просто — «того, у кого окажется кольцо». И точка.

— Но мало ли у кого может оказаться кольцо! Так ведь любого можно съесть!

— И правда... Ну, значит, у них не было времени объяснить мне все это подробнее.

— Но если ты съешь *кого-нибудь не того вместо того, кого следует*?

— Что ж, значит, этому *кому-нибудь* сильно не повезет, — сказал великан. — Во всяком случае, я ни в чем не буду виноват. Я свою службу знаю!

— Но тебе все равно попадет от них, хоть ты и не будешь ни в чем виноват, — сказал сэр Оливер.

— И правда... Откуда ты знаешь?

— Разве тебя не ругают всякий раз, когда что-нибудь выходит не так, независимо от того, виноват ты в этом или нет?

— И правда... — сказал великан. Поднявшись со своего табурета, он повернулся к Оливеру спиной и пошел в глубь грота, где стояли еще один массивный стул, сделанный столь же грубо и примитивно, как и табурет, и огромная кровать из неоструганных досок. Тусклый свет лампы освещал убогое жилище.

Сэр Оливер оглянулся по сторонам в поисках какого-нибудь оружия, но — увы! — в гроте не оказалось даже простой палки.

И тут он заметил, что к рубашке великана приколот прямоугольный кусочек бумаги, на котором что-то написано!

— Ой, а что это такое у тебя на плече? — спросил сэр Оливер у великана.

— Это памятка, которую мне выдали.

— И что там написано?

— Там написано, что мне нужно съесть того, у кого окажется кольцо.

— И все?

— И все! — отрезал великан.

— Разреши-ка, я взгляну на твою памятку, — попросил сэр Оливер.

Но великан прикрыл листок своей огромной ладонью. Он так ревниво охранял памятку от посторонних взглядов, что сэр Оливер начал кое о чем догадываться.

— Раз в ней написано, только лишь что тебе нужно съесть того, у кого окажется кольцо, то почему ты не хочешь показать ее мне? — спросил он.

Однако великана было не так-то легко переупрямить. В конце концов, почему он должен показывать свою памятку какому-то подозрительному чужеземцу, которого он собирается съесть?

Оливер задумался. Подобное упорство со стороны этого не слишком сообразительного чудовища казалось ему весьма стран-

ным. Наверняка в памятке содержатся какие-то очень важные сведения!

Оставалось только одно — перехитрить великана.

— Послушай, — сказал сэр Оливер небрежным тоном, — я мог бы сделать тебе массаж...

Это, конечно, был не слишком ловкий ход, однако ничего лучшего сэр Оливер не смог придумать.

Великан кинул на рыцаря подозрительный взгляд.

— Зачем мне массаж? — спросил он.

— Ну... это очень полезно... полезно для здоровья. Улучшает самочувствие, взбадривает, повышает тонус.

— Я на здоровье не жалуюсь.

— Да-да, — согласился сэр Оливер, — конечно. Но что значит «не жалуюсь на здоровье»? Не жалуюсь — значит, жалоб нет. Но жалобы бывают только тогда, когда что-то болит. Например, спина. Сейчас твоя спина не болит, и ты не жалуешься. Однако через некоторое время она может заболеть? В этом гроте очень сыро и холодно, а повышенная влажность часто бывает причиной ревматизма и радикулита. И вот, представь себе, у тебя болит спина. Боль очень сильная, ты не можешь встать с постели, не можешь ходить... А ведь для того, чтобы спина у тебя не болела, существует одно очень эффективное средство — массаж! После массажа ты будешь чувствовать себя отлично!

— Ну-у-у... Я не знаю... — протянул великан.

— Послушай, ты когда-нибудь чувствовал себя отлично? Не нормально, даже не просто хорошо, а отлично?

— Ох, — вздохнул великан, — давненько это было. Ведь о нас, великанах, никто не заботится. Никому нет дела до того, как мы себя чувствуем. Если у нас болит горло, или, скажем, зуб, или просто нападает хандра, никто не утешает нас. Никто не сидит у нашей постели, не предлагает нам выпить теплого молока, не рассказывает смешных историй... Великанов считают тупыми и глупыми, однако у нас все-таки хватает ума понять, что люди попросту используют нас, когда и как им удобно, и забывают о нас, как только минет надобность в наших услугах.

— Ты прав, — сказал сэр Оливер. — Ты все отлично понимаешь. Ну как, сделать тебе массаж?

— А что, — великан ухмыльнулся, — почему бы и нет, в конце концов? Но мне, наверное, придется снять рубашку?

— Если не хочешь, можешь не снимать, — ответил сэр Оливер в восторге от того, что ему удалось так ловко провести людоеда.

Великан растянулся на своем ложе, и сэр Оливер, задрав его

рубашку, принялся мять его спину и шлепать по ней — сначала осторожно, затем все сильнее и сильнее. Ему пришлось изрядно потрудиться: когда великан признался, что ровно ничего не чувствует, сэр Оливер изо всех сил начал молотить по его спине кулаками. В то же время он поглядывал на кусочек плотной бумаги, приколотый бронзовой булавкой к левому плечу рубашки. Шрифт был довольно мелким, а строчки неровными, и поэтому памятка читалась с трудом.

Наконец ему удалось прочитать следующее:

Эта пуле-, кинжало- и сабленепробиваемая модель великана является первой в серии моделей, защищенных с головы до ног, и предназначена для использования в особо опасных условиях. Уязвимым местом является только левая подмышечная впадина, где находится вентиляционное отверстие и отсутствует защитное покрытие. Великану следует соблюдать особую осторожность при поднимании левой руки и не допускать, чтобы посторонние предметы, а в особенности колющие и режущие орудия, находились на расстоянии менее 50 см от его левой подмышечной впадины.

Под надписью стояло полустертое заводское клеймо. Разобрать, как называлось предприятие по изготовлению великанов-людоедов и в каких краях оно находилось, было невозможно.

Да, ради этого стоило поработать массажистом!

Однако добыть информацию — всего лишь полдела. Сэр Оливер не имел ни малейшего представления, каким образом он может ею воспользоваться. Ни до левой, ни до правой подмышки великана ему не добраться. Разве что пощекотать это чудовище во время массажа... Но даже если великан на секунду поднимет руки, сэр Оливер ничего не сможет с ним поделать: ведь у него нет никакого оружия. Ну ровным счетом ничего, чем он мог бы не то что убить — просто оцарапать своего врага!

И вдруг у входа в грот, закрытого огромным валуном, шевельнулась какая-то тень. Сэр Оливер повернул голову и увидел высокого мужчину средних лет, одетого по последней итальянской моде. На боку у незнакомца висела шпага. Он стоял на месте, очевидно решив подождать, пока его глаза не привыкнут ко мраку грота.

Наконец незнакомец заметил сэра Оливера.

— Эй! — позвал он. — Меня зовут Аретино. Меня прислал к вам Аззи. Послушайте, если вы уже закончили делать массаж, не отправиться ли вам дальше на поиски приключений? Если я не ошибаюсь, вам предстояло совершить ратные подвиги и стяжать на поле битвы великую славу...

— Кто это? — спросил великан, задремавший во время массажа.

— Не волнуйся, — ответил сэр Оливер, отвешивая людоеду очередной звонкий шлепок по спине. — Это ко мне.

— Пускай убирается ко всем чертям, — прорычал великан. — Когда ты закончишь делать мне массаж, я тебя съем.

Руки сэра Оливера были заняты, так что он не мог выразить своих чувств жестом. Однако взгляд, брошенный им на Аретино, был достаточно красноречивым.

Аретино понял наконец, что сэр Оливер попал в логово людоеда.

Аретино зорко огляделся вокруг: может быть, людоед в гроте был не один? Мускулы его напряглись, словно он готовился к схватке с сотней свирепых циклопов. На цыпочках, держась поближе к стенам, поминутно озираясь и избегая освещенных участков грота, он подошел к ложу великана, возле которого стоял несчастный сэр Оливер.

— Людоед практически неуязвим? — шепотом спросил он у сэра Оливера.

— Да, — ответил тот. — Единственное незащищенное место — левая подмышечная впадина.

— Ты должен заставить его поднять руки вверх!

— Каким образом?

— Сейчас узнаешь, — заговорщицки прошептал Аретино на ухо сэру Оливеру. — Здесь поблизости растет виноград?

— Виноград?.. Сейчас спрошу. — Сэр Оливер пихнул великана кулаком в бок. — Эй, скажи-ка, не растет ли здесь поблизости виноград?

— Виноград? Зачем тебе виноград? — прорычал великан.

— Мне хочется винограду. Это мое последнее желание, которое надлежит исполнить перед тем, как я умру. Таков обычай.

— Странный обычай. Никогда о нем не слышал... Ну ладно, постараемся найти для тебя винограду. Очень уж мне понравилось, как ты делаешь массаж.

Поднявшись со своего ложа, великан сделал всего три огромных шага и оказался у выхода из грота.

— Иди за мной, — приказал он Оливеру. Неподалеку от грота, в защищенном от ветра месте, росла дикая виноградная лоза. На самом верху ее красовались спелые грозди. Но они были так высоко, что даже великан с трудом смог бы до них дотянуться.

— Мне не дотянуться, — вздохнул сэр Оливер, глядя на великана.

— Ну ничего, я сейчас сорву тебе несколько гроздей, — сказал великан.

— Только выбирай те, что поспелее — вон, видишь, там, наверху... слева... еще левее...

Великан встал на цыпочки и потянулся за виноградными гроздьями. Его подмышка находилась прямо над головой сэра Оливера. Аретино мигом выхватил шпагу из ножен и бросил ее сэру Оливеру; тот подхватил ее на лету. Однако — вот невезение! — великан стоял правым боком к сэру Оливеру, а значит, его единственное уязвимое место — левая подмышечная впадина — находилось с другой стороны! Сэр Оливер заколебался.

— Да бей же, бей! Все равно! Коли! — крикнул ему Аретино, и сэр Оливер, стиснув зубы, вонзил шпагу в правую подмышечную впадину людоеда.

Памятка содержала правдивую информацию: правая подмышка была защищена...

Однако не до такой степени, чтобы оказаться совершенно неуязвимой. То ли сталь, из которой была сделана шпага Аретино, была очень твердой, то ли защитное покрытие, которым снабдили великана его создатели, потеряло свою прочность за столь долгий срок службы, но шпага глубоко вошла в тело гиганта.

— Ах! — воскликнул великан. — Зачем ты это сделал?

— Извини, у меня просто не было другого выхода, — ответил ему Оливер. — Ведь ты собирался меня съесть.

— Я уже почти передумал!

— Но ведь я об этом ничего не знал, — резонно заметил сэр Оливер.

Великан упал к ногам Оливера, скрежеща зубами от боли и обиды. Оливеру показалось, что земля вздрогнула от падения этого огромного тела.

— Я должен был знать, что этим дело кончится, — хрипло простонал он, корчась в предсмертной муке. — Слыханное ли дело, чтобы великану удалось одержать верх над людьми! Нет, нас всегда побеждали — если не силой, так хитростью. Ну что ж, зато теперь тебе нипочем не найти золотой подсвечник, который ты ищешь. Он ведь хранится в моем гроте. Один я знаю, что спрятан он под плоским камнем у изголовья моей постели, а теперь я умираю и уношу эту тайну с собой в могилу...

И с этими словами великан испустил дух.

Сэр Оливер стоял над безжизненным телом, не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. По счастью, Аретино не потерял присутствия духа.

— Скорее! — крикнул он сэру Оливеру. — В грот, за подсвечником!

Со всех ног бросился сэр Оливер обратно в грот. Поиски золотого подсвечника не заняли у него много времени. Теперь он был обладателем сразу трех магических предметов — кольца, талисмана и подсвечника.

Сжимая свой трофей в руке, он шагнул вперед — и тут же в испуге отшатнулся.

Темный грот, фигура Аретино, еле различимая во мраке, — все это в единый миг исчезло, словно никогда не существовало на свете. Сэр Оливер оказался в совершенно незнакомом месте, и перед ним стоял совершенно незнакомый ему человек.

Глава 4

— Кто вы? — спросил сэр Оливер у незнакомца.

— Ваш помощник, сэр, — почтительно ответил тот. — Глобус зовут меня. Служу я героям, и в этом вижу призванье свое.

Сэр Оливер огляделся по сторонам. Он стоял на лугу, поросшем густой высокой травой; впереди была маленькая деревушка, по правую руку темнели горы, по левую до самого горизонта раскинулась широкая равнина, разрезанная пополам густо-синей лентой реки. Возле реки был разбит военный лагерь; сэр Оливер машинально начал пересчитывать повозки и шатры, украшенные разноцветными вымпелами, но вскоре сбился со счета. Нигде не было видно ни морского берега, ни одинокой скалы, где находился грот — жилище великана, сраженного рукой нашего славного рыцаря. Места были совершенно незнакомые. Очевидно, здесь не обошлось без волшебства. Золотой подсвечник перенес сэра Оливера в начало его пути, того пути, на котором рыцарю суждено покрыть себя славой.

— Что это за войско там, у реки? — спросил сэр Оливер.

— Это Белый отряд, — ответил Глобус.

Белый отряд! Тот самый, которым командовал легендарный Джон Хоуквуд! Отряд, одержавший в Италии много блистательных побед! Армия, насчитывающая десять тысяч героев и храбрецов, собравшихся под знамена ее командующего со всей Европы! Отборное войско, цвет европейского воинства — латыши и французы, итальянцы и поляки, германцы и шотландцы, закаленные в боях, владеющие всеми видами оружия и готовые выполнить любой приказ своего военачальника.

— А где же сам Хоуквуд? — спросил Оливер.

— Сэра Джона отправили в Англию в отпуск, — сообщил Глобус. — Нужно сказать, ему хорошо заплатили. Конечно, поначалу он не хотел оставлять должность командующего, но мой господин предложил ему сумму, от которой он не смог отказаться.

— Кто же твой господин?

— Я не могу назвать его имени, — ответил Глобус уклончиво, — однако должен сказать, что он чертовски славный парень! Он просил меня вручить вам вот это.

И с этими словами Глобус достал из своего походного ранца какой-то длинный и тонкий предмет. Оливер сразу узнал его: это был фельдмаршальский жезл.

— Вот знак вашей власти над этим войском, — сказал Глобус. — Покажите его воинам, и они пойдут за вами в огонь и в воду.

— Куда же мне направить свое войско?

— Это решать вам. Однако считаю своим долгом сообщить, что мы находимся по южную сторону Альп. — Глобус указал рукой на юг. — Если двинуться прямо по реке, то мы скоро доберемся до Венеции. Это, пожалуй, кратчайший путь.

— Значит, мне нужно вести солдат в Венецию? Только и всего?

— Так точно.

— Отлично! Идемте же к войску! — радостно воскликнул сэр Оливер.

Глава 5

Оливер вошел в пурпурный шатер, приготовленный специально для него. В шатре, в низеньком походном кресле, сидел рыжий, похожий на хитрого лиса демон и подпиливал свои ногти серебряной пилочкой — вероятно, чтобы попросту убить время в ожидании сэра Оливера. Конечно же, это был не кто иной, как Аззи.

— Ах, вот и вы, мой начальник! — воскликнул сэр Оливер.

— Здравия желаю, господин фельдмаршал, — весело ответил Аззи. — Принимайте командование над войском. Ну-с, как вам нравится ваша новая роль?

— Все просто великолепно! — сказал Оливер. — Вы сумели раздобыть мне отличных солдат! Проходя по лагерю, я видел нескольких воинов. Это львы! Тигры! Ох и трудно же придется тому, кто вздумает помериться силой с моими храбрецами! Кстати, ожидают ли нас какие-нибудь сражения на пути в Венецию?

— Конечно, — ответил Аззи. — Как только мы закончим это маленькое совещание, вам надлежит свернуть лагерь и направиться на юг, вдоль реки. По пути вам придется сразиться с воинами из бригады «Мертвая голова»...

— С воинами из бригады «Мертвая голова»? Ну и название... Наверняка это сущие дьяволы, восставшие из ада. Послушайте, а мне действительно нужно... ну, в общем, нельзя ли как-нибудь обойтись без этой битвы?

— Что такое? Уж не испугались ли вы? Не бойтесь, они не представляют для вас серьезной опасности. Название у них громкое — кстати сказать, я сам его выдумал. Однако, кроме названия, в них нет ничего страшного. Это просто кучка крестьян, лишившихся своих земель из-за того, что они не смогли уплатить слишком высокие налоги, и промышляющих мелким воровством и попрошайничеством на большой дороге. Они вооружены только обломками кос и серпов, и нет у них ни мечей, ни копий, ни луков, ни стрел, а главное — у них нет лошадей. Ваша конница расправится с ними за полчаса. К тому же их только две сотни — и это против десяти тысяч вашего отборного войска! Если ж вам и этого мало, могу добавить еще, что они плохо обучены и крайне недисциплинированны и продадут своих вожаков за медный грош. Они разбегутся при первом бряцании оружия!

— Что ж, я готов с ними сразиться, — сказал сэр Оливер. — Но что мне делать дальше?

— Дальше? Вы двинетесь прямо в Венецию, где вас уже будут ждать. Мы заранее подготовим прессу...

— Ох! Меня будут пытать?!

— Пытать?..

— Ну да. При помощи пресса.

— Вы неправильно меня поняли. «Прессой» я называю всех тех, кто более всего причастен к созданию и распространению всяческих слухов, — писателей, поэтов, актеров и людей, вращающихся в подобных кругах. Они охочи до разных историй и будут слушать вас с жадностью, чтобы потом наврать с три короба, сочинив тысячу небылиц о вас и о ваших подвигах.

— Но я не имею ни малейшего представления, как мне себя с ними держать.

— Что ж, вам придется овладеть этим искусством, если вы хотите прославиться. Ведь славу создают именно они, эти писаки, бумагомаратели. Запомните: слава приходит не к тем, кто действительно совершает подвиги, а к тем, о ком громче всего говорят. А единственный способ заставить о себе говорить — это

нанять нескольких писателей, чтобы они сочинили о вас роман-другой.

— Как сложно, оказывается, стать знаменитым! Я всегда думал, что это получается как-то само собой...

— Ни в коем случае, любезнейший, ни в коем случае! В этом мире ничто не происходит само собой. В сущности, создание славы — такое же ремесло, как и все остальное. Здесь существуют свои законы и правила. Мы наняли лучших мастеров, чтобы они воспели ваши ратные подвиги. Сам великий Аретино возьмется за перо! Мы заказали Тициану — он как раз временно оказался без работы — несколько рекламных плакатов с вашим изображением. Разумеется, вы будете изображены в доспехах, верхом на боевом коне, впереди отряда храбрецов, бьющихся с вражескими полчищами. И еще нам понадобится композитор, который сочинит оперетту в память одержанных вами побед — выдуманных или действительных, не имеет значения.

Сунув в карман серебряную пилочку для ногтей, Аззи поднялся с низенького походного креслица и выглянул из шатра. Погода начинала портиться. Над вершинами Альп собрались темные тучи, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

— Похоже на то, что кто-то пытается наколдовать плохую погоду, — сказал Аззи. — Мой вам совет: поднимайте свое войско как можно скорее и выводите его к Венеции. Гроза может застать вас в пути. Да, кстати, не волнуйтесь насчет того, на каком языке отдавать приказы вашим людям. Если вам что-нибудь понадобится, просто скажите Глобусу. Он ловок, расторопен, понятлив. В мире не найдется такой услуги, которую он не смог бы оказать.

— Спасибо вам. По правде говоря, я уже начинал беспокоиться.

Сэр Оливер солгал: за все время разговора с Аззи в голову ему не пришло ни одной дельной мысли; он совсем не думал о том, как будет командовать огромным войском, во главе которого был поставлен. Но ему хотелось произвести на Аззи впечатление мудрого полководца, заботящегося обо всем, даже о таких мелочах.

— Ну что ж, желаю вам удачи. Надеюсь вскоре увидеться с вами в Венеции! — И Аззи растаял в воздухе.

Часть VIII

Глава 1

Тьма, наползавшая из-за гор, сгущалась над Европой. Вернувшись в маленький трактир, откуда начинал свое путешествие сэр Оливер, и в спешке уладив кое-какие неотложные дела, Аззи с удвоенной энергией принялся искать актеров для безнравственной пьесы.

— Ну, Аретино, есть ли какие-нибудь новости? — спросил Аззи.

— Новостей полно, сударь. Венеция гудит, словно растревоженный пчелиный улей. Люди порядком взволнованы. Похоже, что и впрямь всех нас ждет нечто неслыханное и небывалое. На улицах только и говорят, что о чудесах и знамениях, посланных Небесами. Конечно, мы, венецианцы, не посвящены во все секреты потустороннего мира — хотя, по правде говоря, это не совсем справедливо, ведь мы стоим неизмеримо выше всех остальных народов во всем, что касается общения с духами, — однако трудно не заметить, что грядут какие-то важные перемены. Но я полагаю, что вы вызывали меня не для того, чтобы обсуждать людские сплетни.

— Я вызвал вас сюда, дорогой мой Пьетро, чтобы вы смогли познакомиться с актерами, которые будут играть безнравственную пьесу. Кое-кому из них придется помогать по ходу действия, и я хочу назначить вас своим помощником — главным помощником режиссера, так сказать. Конечно, вы не сможете быть в нескольких местах одновременно, но я обязательно расскажу вам обо всех подвигах, совершенных нашими героями... то есть, я хотел сказать, актерами. Однако рассказы рассказами, а все-таки, полагаю, вам будет полезно поближе узнать тех людей, которых вам вскоре предстоит обессмертить в своем божественном творении. Жаль, что вы не застали здесь сэра Оливера. Вот образец рыцарской доблести! Он оказывает нам большую честь, соглашаясь работать на нас.

— Я успел познакомиться с ним по дороге сюда, — ответил Аретино довольно сухо. — Должен сказать, что ваша идея раздавать главные роли кому попало кажется мне не совсем правильной. Впрочем, мне не хотелось бы торопиться с выводами. Посмотрим, что из этого получится. Что же касается сэра Оливера, будем надеяться, он справится со своей ролью. Итак, сударь, кто следующим явится предложить вам свои услуги?

— Скоро узнаем, — улыбнулся Аззи. — Готов побиться об заклад, что нам не придется долго ждать. Кажется, я слышу шаги — кто-то поднимается по лестнице...

Аретино прислушался:

— Вы правы. Судя по всему, ваш новый посетитель — отнюдь не знатная персона.

— Откуда вы знаете? Уж не обладаете ли вы даром прорицателя, дорогой Аретино?

Аретино улыбнулся:

— Если вы внимательно прислушаетесь к звукам шагов, вы обратите внимание на шарканье и скрип подошв. Этот малый сейчас, должно быть, на другом конце коридора, а скрип его башмаков отчетливо слышен в комнате, несмотря на то что дверь прикрыта. Звук довольно высокий и резкий — такой обычно бывает у сапог, сшитых из самой грубой кожи и к тому же несмазанных. Поступь твердая — значит, это не старик. Но тогда почему он шаркает подошвами? Просто потому, что его обувь тяжела и неудобна. Солидный человек такую обувь носить не станет.

— Плачу пять золотых, если это так, — сказал Аззи.

Звуки шагов раздавались теперь совсем рядом и замерли у двери. В дверь негромко постучали...

— Войдите! — пригласил демон.

Дверь отворилась. На пороге стоял высокий молодой человек с копной рыжеватых волос, в старой домотканой рубахе. На ногах у него были ботинки из грубой воловьей кожи.

Молодой человек нерешительно оглядывал комнату, словно боялся, что его прогонят.

— Пять золотых ваши, — тихо сказал Аззи, наклонившись к Аретино. Затем улыбнулся новому посетителю, желая подбодрить его. — Кто вы, сударь? Должен признаться, я не помню вашего лица. Вы один из паломников, путешествующих в нашей компании, или явились издалека?

— Я, сударь, путешествую вместе с вашей компанией, но к самой компании не принадлежу. Фигурально выражаясь, я из званых, но не из избранных.

— О, — удивился Аззи, — да ты, оказывается, остряк. Как тебя зовут, приятель, откуда ты и чем занимаешься?

— Звать меня Мортон Корнглоу, — ответил тот. — По роду занятий я конюх; присматривал за лошадьми до тех пор, пока сэр Оливер не взял меня к себе в услужение. Ибо, сударь, да будет вам известно, что проживал я в деревне, которой владеет сэр Оливер по праву родового наследства. От сэра Оливера, сударь, не укрылось то мастерство, с коим я владею скребницей, и, собираясь в конный поход, его светлость взял меня с собой. Так что можно сказать, что я принимаю участие в этом паломничестве — если, конечно, рассматривать физическую сторону дела. Но с точки зрения духовной... Видите ли, в любом обществе люди прежде всего равны между собой и придерживаются одинаковых взглядов на жизнь. Вряд ли кому-нибудь придет в голову водить дружбу, скажем, с собаками и лошадьми, которые хоть и находятся рядом со своими хозяевами, а все же должны знать свое место. Точно так же дело обстоит и со слугами, каковые хоть и занимают чуть более высокое положение, чем животные, да и ценятся намного дороже, но, по сути, в глазах господ мало чем отличаются от рабочей скотины. И поэтому я хочу спросить у вас, сударь, есть ли у меня шанс занять одно из свободных мест в вашем предприятии? Не буду ли я отвергнут из-за моего низкого происхождения? Ведь счастье обычно выпадает на долю богатых и знатных, а простых людей вроде меня оно обходит стороной.

— В потустороннем мире, — важно сказал Аззи, — который вы, люди, называете «тем светом», в этом невидимом простому глазу мире, где обитают духи, не придают никакого значения тем условностям, которые так усложняют жизнь людей здесь, на Земле. С точки зрения духа — служителя как светлых, так и темных сил — любой из вас, людей, — лишь временный обладатель бессмертной души, того поистине бесценного сокровища, из-за которого тьма со светом вот уже несколько тысячелетий воюют друг с другом. Поэтому мы обращаем мало внимания на сословные различия, которые вы, люди, почему-то считаете столь важными. Однако хватит об этом. Я отнюдь не собираюсь читать вам лекцию по теологии. Вернемся к нашим земным делам. Если я правильно тебя понял, ты, Корнглоу, хочешь стать одним из тех, кто отправится на поиски золотых подсвечников?

— В точности так, господин демон, — подтвердил Корнглоу. — Ибо хоть я и не знатного происхождения, у меня тоже есть заветное желание. И я готов поработать на того, кто поможет мне его осуществить.

— Что ж, я слушаю, — сказал Аззи. — Расскажи, чего ты хочешь.

— Перед тем как присоединиться к паломникам, мы завернули в поместье знатного господина Родриго Сфорца. Благородные дамы и господа обедали в парадной зале, ну а слуги и простолюдины — словом, такие, как я, — сидели на кухне, довольствуясь господскими объедками. Через открытую дверь я мог видеть, как пируют господа. Но я глядел только на одну даму — на синьору Крессильду Сфорца, супругу Родриго Сфорца, хозяина замка. И пока я глядел на нее, мне казалось, что я вижу ангела, слетевшего с небес на землю. О, сударь, поверьте мне, это прелестнейшая из женщин. Ее золотистые локоны ниспадают на шею ослепительной белизны, а цвет щек напоминает спелый персик. Кожа ее нежна, как у младенца, а руки... О, какие у нее руки! А талия!.. А грудь!.. Ее грудь подобна двум холмам, возвышающимся над...

— Довольно, довольно, — прервал его Аззи. — Избавь нас от дальнейших подробностей и скажи, чего ты хочешь от этой госпожи.

— Я хочу на ней жениться, — сказал Корнглоу просто.

Аретино громко расхохотался, но, спохватившись, резко оборвал смех и закашлялся. Даже Аззи улыбнулся уголками губ — до того нелепым было это сочетание: деревенский парень в латаной-перелатаной одежде, в тяжелых грубых башмаках — и изящная благородная госпожа.

— Однако, сударь, вы метите довольно высоко! — заметил Аззи.

— Я просто подчиняюсь великой силе красоты, которая влечет к себе всех смертных, — ответил Корнглоу. — Даже самый последний бедняк может восхищаться Еленой Троянской, ибо Елена — это символ Вечной Женственности. И в мечтах она может отвечать ему взаимностью. В конце концов, Парис ведь тоже, прежде чем получить власть над Троей, был простым пастухом. В мечтах Елена может предпочесть его всем остальным. Ведь мечты позволяют человеку перенестись в мир иллюзий, в мир, где оживают сказки. А разве задуманное вами театральное действо не похоже на сказку?

— Пожалуй, так, — сказал Аззи. — Но, видишь ли, если уж тебе непременно хочется на ней жениться, то придется сделать из тебя благородного господина, чтобы неравное положение не помешало этому браку.

— Вот спасибо! — обрадовался Корнглоу.

— Да, но, кроме того, еще нужно будет получить согласие самой госпожи Крессильды, — вмешался Аретино.

— Положитесь на меня, я все улажу, когда придет время, — сказал Аззи и добавил, обращаясь к Корнглоу: — Что ж, дело это

весьма непростое, но я уверен, что мы сумеем исполнить твое заветное желание.

Аретино вздрогнул. Легкость, с которой рыжий демон распоряжался судьбами людей, пугала его.

— Позвольте напомнить вам, сударь, — сказал он негромко, — что госпожа уже замужем. По-моему, это весьма серьезное препятствие, которое может помешать вашим планам.

— Нисколько, — улыбнулся Аззи. — У нас есть свои люди в Риме — они умеют улаживать подобные проблемы. — Он опять повернулся к Корнглоу: — Ну-с, молодой человек, я выслушал вашу просьбу; теперь вы послушайте меня. За то, что я устрою ваш брак с прекрасной госпожой, вы должны будете немного потрудиться. Согласны ли вы на такое условие?

— Что ж, согласен, только если работа будет не слишком тяжелой. Видите ли, сударь, я придерживаюсь такого правила, что всякий человек должен следовать своей природе, а моя природа — это лень, лень, доходящая до такой степени, что ее без ложной скромности можно назвать выдающейся.

— О, не волнуйтесь, милейший, ваша работа не потребует от вас чрезмерного напряжения сил, — успокоил его Аззи. — Думаю, что вам даже ни разу не придется обнажить свою шпагу, поскольку вы не обучены биться на шпагах.

Порывшись в кармане, Аззи вынул уже знакомый нам маленький серебряный ключик и вручил его Корнглоу:

— Ваши приключения начнутся прямо сейчас. Вот этот волшебный ключик откроет дверь, для которой он предназначен. Сквозь эту дверь вы войдете в сказочный мир. Там вас будет ждать оседланный волшебный конь, а в седельной сумке вы найдете подсвечник из чистого золота. Это не простой подсвечник. Он помогает тому, кто им владеет, найти то, к чему он стремился всю жизнь. С этим чудесным подсвечником вы отправитесь в путь, а в конце пути вас будет ждать госпожа Крессильда с золотистыми волосами, ниспадающими на шею ослепительной белизны, и всеми остальными прелестями.

— Великолепно! — воскликнул Корнглоу, от радости подбросив ключик вверх и снова поймав его. — Как здорово, когда удача сама плывет к тебе в руки!

— Полностью с вами согласен, — сказал Аззи. — Улыбка фортуны — это великая вещь. И поэтому я хочу научить людей такой морали: если счастье достается человеку буквально даром, то стоит ли трудиться в поте лица своего?

— Вот это по мне! — Корнглоу сжал в руке ключик. — Ну, я пошел!

И он выбежал вон из комнаты. Аззи снисходительно улыбнулся:

— Еще один осчастливленный.

— У дверей ждет новый посетитель, — сказал Аретино.

Глава 2

Мать Иоанна сидела одна в своей комнате. Ее мучили сомнения. Она никак не могла решиться на отчаянный поступок — заключить сделку с демоном.

Несмотря на поздний час, в старом деревянном доме то и дело поскрипывала лестница; из коридора доносились какие-то странные звуки, напоминавшие приглушенные стоны. Быть может, то были привидения, но мать Иоанна почему-то была уверена, что это паломники поднимаются к синьору Антонио.

Мать Иоанна обладала достаточно практичным и трезвым умом, несмотря на то что она приняла монашеский сан. Монастырская жизнь и строгий устав не погасили в ее груди огонь земных страстей. Конечно, в строгой обстановке монашеской кельи это пламя пылало не столь сильно, однако теперь так долго сдерживаемые чувства вырвались на свободу, и на душе у матери Иоанны было тяжело. Она была натурой незаурядной и мечтала о чем-то таком, что выходило за рамки обывательского представления о счастье.

Будучи настоятельницей монастыря, она гораздо больше времени уделяла политике, чем заботе о душах вверенных ее заботам монахинь. Политика всегда была ее страстью. И нужно сказать, что это качество весьма ей пригодилось — ведь в монастыре постоянно жили семьдесят две монахини, не считая прислуги, смотревшей за лошадьми и охотничьими собаками и взвалившей на себя все бремя хозяйственных забот, чтобы благородные девицы и дамы могли посвящать себя лишь рукоделию и молитвам. Это был целый маленький городок, живший по своим законам, и управлять им было непросто. Однако матери Иоанне очень нравилось ее занятие, да и сама она как нельзя лучше подходила для этой роли. Еще в детстве она сильно отличалась от своих ровесниц, игравших в куклы и грезивших о Прекрасном принце. Иоанна редко принимала участие в общих играх, и куклы ее тоже не интересовали. Целыми днями дрессировала она своих комнатных собачек и канареек. Она усаживала собачек за кукольный столик, указывая каждой ее место — ты сядешь

тут, а ты там, — и, подражая строгой наставнице, бранила своих питомцев за дурные манеры.

Ее властный характер отнюдь не смягчился с годами. Возможно, ее судьба сложилась бы иначе, будь она хорошенькой. Однако Иоанна унаследовала от Мортимеров их фамильные черты — длинный нос, широкие скулы, редкие бесцветные волосы. Вдобавок природа наделила ее мощным телосложением: Иоанна никак не походила на то хрупкое, нежное создание, которое, по представлениям той эпохи, должна была представлять собою благородная дама. Ее коренастая и крепкая фигура скорее навевала мысли о тяжелом крестьянском труде, чем о нежной страсти. Мужчины не проявляли к ней интереса, и все ее помыслы были сосредоточены исключительно на карьере. Она мечтала о богатстве и власти, и церковная карьера открывала ей путь к желанной цели. Она была набожна, но не слишком, и всегда руководствовалась в своих поступках исключительно прагматическими соображениями. Здравый смысл подсказывал ей, что она сумеет достичь гораздо большего, если будет действовать самостоятельно, а не ждать милостей от судьбы и от папы римского.

Мать Иоанна мерила шагами комнату, размышляя о том, какой неожиданный взлет может ожидать ее впереди, если она примет предложение рыжего демона. Перебирая в уме все свои желания, она старалась понять, какое же из них самое заветное. Всякий раз, услышав какой-нибудь посторонний звук, она останавливалась на несколько секунд и начинала прислушиваться — ведь, возможно, это кто-то из паломников решился подняться наверх, к синьору Антонио, чтобы заключить с ним договор. А мать Иоанна отлично понимала, что число вакантных мест в этой игре только семь и на всех желающих их может не хватить. Наконец, собравшись с духом, она решительно направилась к двери. В конце концов, не будет ничего страшного, если она просто побеседует с синьором Антонио, чтобы узнать во всех подробностях, что же все-таки он предлагает.

Преодолевая боязнь темноты, она прошла по длинному узкому коридору и стала подниматься по старой лестнице, вздрагивая всякий раз, когда ступеньки издавали пронзительный скрип у нее под ногами. Тяжело дыша от волнения, она остановилась у двери того, кто называл себя синьором Антонио, и робко постучала.

— Входите, пожалуйста, я уже давно вас поджидаю, — долетел из-за двери голос Аззи.

Она засыпала Аззи градом вопросов. Через пятнадцать минут после начала разговора у демона начала кружиться голова от этой надоедливой особы с ее бесконечными «как», и «поче-

му», и «правда ли, что». Однако Аззи показал себя молодцом. Ему удалось-таки пробить крепкую броню недоверия, при помощи которой монахиня надеялась уберечь себя от соблазна. Однако, когда дело дошло до самого заветного желания, мать Иоанна наотрез отказалась поведать его. Куда только подевалась ее былая решимость! Она смущалась и робела, словно девочка.

— Мое желание таково, — запинаясь, проговорила она, — что я никак не осмелюсь высказать его вслух. Быть может, я хочу слишком многого, но... Ах, ей-богу, мне так стыдно...

— Смелее, дорогая, — подбадривал ее Аззи. — Кому же еще вы сможете об этом рассказать, как не своему демону?

Наконец, после долгих уговоров, Иоанна сдалась. Решительно встряхнув головой и набрав в грудь побольше воздуха, она открыла рот, но запнулась на полуслове и уставилась на Аретино так, словно только что заметила его.

— А он? — спросила Иоанна, показывая пальцем на Аретино, неподвижно сидящего в кресле и не принимающего ровно никакого участия в происходящем. — Если я вам скажу, он тоже услышит.

— Обязательно услышит, — кивнул Аззи. — Это наш поэт. Он непременно должен все видеть и слышать. Иначе как же он сможет написать пьесу о вас? Вас ждет великое и славное будущее, и поистине преступлением было бы не увековечить его в литературном памятнике. Ведь конечная цель каждого выдающегося человека — оставить после себя достойную память, не так ли? Сколько достойных людей остаются неизвестными лишь потому, что никому из писателей и поэтов просто не приходит в голову написать про них роман или даже поэму! Но вам подобная участь не грозит. Аретино обессмертит вас! Он аккуратно запишет в свою тетрадь все ваши подвиги, какими бы незначительными они ни казались на первый взгляд, и из этого материала создаст величайшую поэму!

— Ах, господин демон, вы меня убедили, — сказала мать Иоанна. — Я открою перед вами душу. Признаюсь, я всегда мечтала стать народной героиней, сражающейся за справедливость, — ну, словом, чем-то вроде Робин Гуда в юбке. И чтобы обо мне слагали баллады и песни. Но только чтобы в промежутках между свершением всяческих подвигов у меня оставалось достаточно времени для охоты.

— Будьте покойны, — заверил ее Аззи, — мы обязательно что-нибудь для вас придумаем. Вот вам ключик, держите его крепко и ни в коем случае не теряйте. Можете считать, что ваши приключения уже начались.

И, дав матери Иоанне краткую инструкцию насчет двери,

которую открывает серебряный ключик, волшебного коня и золотого подсвечника, Аззи без дальнейших церемоний выпроводил будущую народную героиню из комнаты навстречу ожидавшим ее чудесам.

— Ну, Аретино, денек выдался не из легких. Вы не находите, что бокал хорошего вина пришелся бы сейчас как нельзя более кстати? Давайте откупорим бутылку, пока не явился следующий посетитель. Кстати, я хотел бы услышать ваше мнение по поводу происходящего. Мне кажется, пока дела идут весьма неплохо.

— Не знаю, что вам сказать, сударь. Обычно новая пьеса создается по заранее подготовленному плану. А здесь, в вашей драме, все так неопределенно и расплывчато. Каково, например, амплуа того парня, который пришел перед монахиней, — кажется, его зовут Корнглоу? Что он будет олицетворять в нашей пьесе? Непомерную гордость? Простонародный юмор? Беспримерную храбрость? А мать Иоанна? Что мне делать с нею? Смеяться над ней или жалеть ее? Или и того, и другого понемногу?

— Все не так просто, когда работаешь не с актерами, играющими заранее разученные роли, а с живыми людьми, верно ведь? — усмехнулся Аззи. — Зато наша пьеса получается очень похожей на настоящую жизнь.

— Без сомнения, так. Но какую же мораль мы выведем в конце?

— Насчет морали не беспокойтесь, Аретино. Что бы ни делали персонажи нашей пьесы, мы найдем способ вывести такую мораль, какую нам захочется. Все будет так, как я уже говорил вам, и никак иначе. В конце концов, последнее слово всегда остается за драматургом. Он решает, кого прославить, а кого и ославить. Только он вправе судить о том, удалась пьеса или нет. А теперь, мой друг, передайте-ка мне вон ту бутылку.

Глава 3

Вернувшись на конюшню, где он обычно спал в углу на охапке соломы, Корнглоу увидел великолепного белого жеребца. Когда Корнглоу подошел ближе, уши коня встали торчком, и он переступил своими точеными копытами. Корнглоу изумленно смотрел на коня. Как это благородное животное попало сюда? Затем, оглядевшись по сторонам, Корнглоу понял, что находится совсем в другом месте — где именно, он толком не знает, но только не на конюшне постоялого двора, где остановились паломники. Очевидно, волшебный ключ открыл перед ним одну из

тех дверей, о которых рассказывал Аззи. Это означало, что его приключения уже начались!

Не веря своему счастью, Корнглоу полез в седельную сумку. Его дрожащие пальцы нащупали какой-то длинный и тонкий металлический предмет... Корнглоу осторожно вытащил его из сумки. Сердце его учащенно билось. Конечно, это был подсвечник! И насколько деревенский конюх мог судить, этот подсвечник был сделан из чистого золота.

Корнглоу спрятал золотой подсвечник обратно в седельную сумку. Жеребец повернул голову и тихонько заржал, словно приглашая нового хозяина вскочить в седло и умчаться в неведомую даль. Но Корнглоу помотал головой, словно желая прогнать навязчивое видение, и выбежал из конюшни, чтобы оглядеться вокруг. Всего в двадцати метрах от того места, которое Корнглоу вначале принял за конюшню постоялого двора, возвышались стены замка. Корнглоу тотчас же узнал его: то был замок синьора Родриго Сфорца. В этом замке бедный конюх Корнглоу увидел прекрасную госпожу Крессильду — первый и единственный раз в своей жизни.

Ее замок!.. Она там... совсем рядом!

Но и сам синьор Родриго Сфорца тоже находится в этом замке. И вместе с ним его вассалы, слуги, телохранители и палачи...

Выступать в одиночку против целой армии слуг было чистейшим безумием. Корнглоу задумался. В душу его начали закрадываться сомнения. Теперь приключение, вначале казавшееся ему волшебной сказкой, и счастье, которое ждало его впереди в облике госпожи Крессильды, уже не рисовалось ему в столь радужном свете. Ведь подвиги во имя Прекрасной Дамы обычно совершали благородные рыцари, равные синьору Родриго по рождению и положению в обществе. А он, Корнглоу, — всего лишь деревенский конюх, волею случая получивший волшебного коня и золотой подсвечник. Что он может сделать? Победить синьора Родриго Сфорца в открытом бою? Но ведь он не обучен ратному ремеслу. Было бы чистейшим безумием вызывать господина Родриго на поединок. Конечно, Корнглоу слышал много легенд и былей о том, как простые парни вроде него добивались успеха у прекрасных дам. Но то были богатыри, наделенные отвагой и мужеством. Мог ли он равняться с ними? Скорее всего нет. Корнглоу знал, что воображение у него достаточно богатое для того, чтобы мечтать о необыкновенных приключениях, но, когда дело доходило до решительных действий, он тут же шел на попятный. Сможет ли он завоевать госпожу Крессильду, оставшись при этом целым и невредимым? Да и стоит ли вообще эта госпожа таких хлопот?

И тут за его спиной раздался сладкий голосок:

— Что это вы, сударь мой, смотрите на замок, словно вас там ожидает что-то необычное?

Корнглоу обернулся. Перед ним стояла миниатюрная девушка-молочница в платье, открывавшем взору все ее прелести. Густые темные кудри рассыпались по плечам, подчеркивая белизну кожи. Судя по всему, это была отчаянная кокетка — отлично зная, какое магнетическое действие оказывают на мужчин ее большие темные глаза, она подарила Корнглоу несколько ослепительных улыбок и многообещающих взглядов, сохраняя при этом наивно-простодушный вид.

— Это ведь замок синьора Родриго Сфорца? — спросил Корнглоу.

— В точности так, — ответила девушка. — А ты, видать, задумал похитить госпожу Крессильду?

— Откуда ты знаешь? — удивился Корнглоу.

— Я многое знаю. — Молочница улыбнулась, показав свои ровные белые зубки. — Если только я не ошибаюсь, ты втянут в игру, которую затеял один мой давний знакомый — рыжий демон.

— Он обещал, что госпожа Крессильда будет моей, — сказал Корнглоу.

— Хм! Обещать всегда легко! — хмыкнула девушка. — Я с виду простая молочница, но ведь внешность иногда бывает обманчива. Так что скажу без ложной скромности — я не обычная девушка. Я знаю многое из того, что происходит в мире волшебства и сказочных приключений. И вот я явилась сюда как раз для того, чтобы предупредить тебя. Та госпожа, которой ты стремишься завладеть, — стерва, каких еще поискать! Не позавидовала бы я тому, кто вздумает связать с нею свою судьбу. Эта змея превратит жизнь бедняги в сущий ад.

Корнглоу изумленно глядел на стоявшую перед ним девушку. Кто же она такая, если знает все о нем и о госпоже Крессильде? И чем дольше Корнглоу смотрел на нее, тем меньше он думал о благородной госпоже Крессильде из замка.

— Госпожа, — почтительно обратился он к темноглазой незнакомке, — я не знаю, кто ты, но, судя по всему, ты желаешь мне добра. Я не знаю, что мне делать дальше. Может, ты посоветуешь мне что-нибудь?

— Я сделаю еще лучше, — улыбнулась девушка, — я тебе погадаю. Я умею гадать по руке. Пойдем под крышу — там будет удобнее.

Взяв Корнглоу за руку, она увела его обратно в конюшню, в дальний угол, где свет еле пробивался сквозь полуприкрытое ма-

ленькое оконце и охапками было навалено мягкое душистое сено. Усадив Корнглоу на сено рядом с собой, девушка заглянула ему в глаза — и наш герой окончательно потерял голову. Глаза у этой ведьмы были словно два глубоких омута, а руки такие нежные, каких не бывает у простых крестьянок. От их ласкающих прикосновений по телу молодого человека разливалась приятная истома.

Глава 4

Пьеса, которую задумал поставить Аззи, вызвала большой резонанс в потустороннем мире. Духи даже заключали между собой пари, удастся ли Аззи довести свою постановку до конца, и ставки в этих пари были довольно высокими. Интерес к пьесе Аззи возрос еще больше, когда на сцену вышли старые греческие божества во главе с тучегонителем Зевсом. Конечно, это значительно усложнило обстановку. Архангел Михаил, не упускавший из вида ни одной мелочи, дни и ночи проводил в рабочем кабинете, принимая донесения от своих многочисленных агентов. И сейчас он пригласил к себе ангела Гавриила, чтобы выслушать его устный отчет и дать ему дальнейшие указания.

Михаил принимал посетителей в своей штаб-квартире, в административном здании Райских врат, расположенном в самом центре Небесной Тверди. Райские врата были высоким современным зданием, и ангелам оно очень нравилось. Помимо удовольствия, которое испытывает сотрудник, работающий в хорошо оборудованном офисе, здесь их не покидало трепетное чувство приближения к Высшему.

Ранние сумерки спускались на Место Благих Эманаций, как иносказательно называли центр Небесной Тверди. Шел легкий летний дождь. Гавриил торопился с докладом к начальству. Он пролетал по крытым галереям, хлопая крыльями и не обращая ни малейшего внимания на таблички с надписями: «По галереям не летать!»

Наконец он добрался до правого крыла здания, которое занимали Михаил и ангелы, находившиеся в его прямом подчинении. Гавриил остановился у массивной дубовой двери, откашлялся, оправил белоснежное ангельское одеяние, постучался и вошел в кабинет Михаила.

Михаил сидел за рабочим столом; в дальнем углу стола тихонько жужжал компьютер. Мягкий золотистый свет горел в кабинете.

— Ты почти вовремя, — в голосе архангела послышалась лег-

кая нотка неудовольствия. — Я должен буду тотчас же отослать тебя обратно.

— А что случилось, сэр? — спросил Гавриил, присаживаясь на мягкий диванчик напротив архангельского стола.

— Дело с пьесой, которую ставит Аззи, принимает слишком серьезный оборот. Похоже, наш демон получил позволение вносить изменения в действительность у самой Ананке. Подумать только, ему дозволено даже творить чудеса во время постановки его пьесы! Но это еще не все. Ананке решила, что светлые силы не должны иметь никаких дополнительных преимуществ перед силами зла уже потому, что они олицетворяют добро. В настоящий момент мне доподлинно известно, что Аззи собирается вырезать кусок времени из реальной истории Венеции и перенести эту проекцию реального мира в другое измерение. Знаешь ли ты, чем это грозит?

— Не могу знать, сэр.

— Это грозит тем, что этот рыжий черт сможет переписывать историю, как ему заблагорассудится!

— Но, сэр, если я правильно понимаю, это никак не сможет повлиять на ход реальных земных событий. История человечества будет и дальше развиваться так, как ей положено развиваться, что бы там ни вытворял Аззи в ином измерении.

— Это так, однако ты не учитываешь всех политических последствий, которые может повлечь за собой подобное событие. Ведь примеру Аззи могут последовать другие. Мало ли на свете недовольных, жаждущих переписать историю по-своему! Они воображают себе, что история человечества должна быть чем-то иным, отличным от того, чем она являлась испокон веков, — длинной летописью человеческих бед и страданий. Возможность переписать историю подрывает основной принцип, на котором стоит наш мир, — принцип предопределения. Подобные теории опасны и могут увлечь человечество по ложному пути, по пути, где случай будет играть еще большую роль, чем он играет сейчас.

— Да, сэр, это очень серьезно.

Михаил кивнул.

— Более чем. Вся структура мироздания оказывается под угрозой. Мы можем потерять то высокое положение, которое занимаем сейчас. Возможно, нам придется отказаться от высоких идеалов добра во имя спасения мира.

Гавриил слушал начальника, приоткрыв от изумления рот.

— Но, к счастью, у нас остается еще одно верное средство в запасе, — задумчиво произнес Михаил.

— Какое же это средство, сэр?

— Раз уж дело зашло так далеко, мы можем поступиться

теми высокими принципами, которые удерживали нас до сих пор от совершения дурных поступков. Теперь это больше не джентльменская игра, и мы можем пустить в ход все средства для достижения желанной цели!

— Так точно, сэр! — воскликнул Гавриил, а про себя подумал, что его начальник и раньше не гнушался подобными средствами, если считал, что цель их оправдывает. Михаил называл это диалектикой. — Так что же конкретно я должен сделать? — осведомился Гавриил.

— Мне стало известно, что герои из пьесы Аззи получают волшебных коней, — сказал Михаил.

— Да, это очень похоже на Аззи, — ответил ангел Гавриил.

— Ничто не обязывает нас более держаться в стороне, лишь наблюдая за тем, как развиваются события. Мы во что бы то ни стало должны помешать его планам! Отправляйся на Землю, Гавриил. Там, у замка синьора Родриго Сфорца, в конюшне стоит белый жеребец, предназначенный для Мортона Корнглоу. Ты уведешь жеребца и куда-нибудь его спрячешь.

— Слушаюсь! — И Гавриил вскочил с места, готовый мчаться на Землю по приказу начальника. Он вылетел из комнаты и стрелой помчался по коридору, шумно хлопая крыльями, точно вспугнутый голубь. Дело было важным, не терпящим отлагательства, и ради него можно было пойти на нарушение всех правил.

Не прошло и десяти секунд, как Гавриил уже был на Земле. Он приземлился на какой-то лужайке неподалеку от замка синьора Родриго Сфорца, чтобы оглядеться, затем снова взмыл в небеса и полетел к замку. Приземлившись у самых ворот, он легкими, неслышными шагами вошел во внутренний дворик.

Был ранний предрассветный час, и слуги синьора Родриго спали глубоким сном. Гавриил прошел прямиком к конюшне, откуда доносились звуки любовной возни, — тихие стоны, приглушенный смех. Он услышал тихое ржание и, повернув голову, увидел оседланного белого жеребца, привязанного в углу. Стараясь не шуметь, Гавриил отвязал благородное животное и вывел его из конюшни.

— Пойдем со мной, мой красавчик, — сказал он жеребцу.

Глава 5

Когда Корнглоу открыл глаза, он сначала не понял, где находится. Он лежал на охапке сена, рядом с какой-то женщиной, полуодетой, с растрепанной копной темных волос. Сквозь полу-

открытое окошко ярко светило солнце, и сильно пахло сеном и лошадьми.

Разомкнув кольцо нежных ручек, обвивавших его шею, Корнглоу вскочил и принялся натягивать на себя одежду.

— К чему такая спешка? — промурлыкала проснувшаяся Леонора. — Погоди минутку!

— Мне некогда! — ответил Корнглоу, путаясь в рукавах рубашки. — Мое приключение уже давно должно было начаться!

— Разве тебе не хватило тех приключений, которые были у нас сегодня ночью? — спросила Леонора. — Не оставляй меня. Мы нашли друг друга — к чему желать большего и стремиться навстречу неизвестному?

— Нет-нет, не удерживай меня! Я должен испытать свою судьбу! — воскликнул Корнглоу. — Но где же мой волшебный конь?

Корнглоу заметался по конюшне, но конь как сквозь землю провалился. Единственным животным, которое он сумел обнаружить, был маленький серый ослик, стоявший в одном из стойл. Ослик громко заревел, показав желтые зубы. Несколько секунд Корнглоу недоуменно глядел на него, затем сказал:

— Ах, бедное благородное животное! Верно, какой-то злой волшебник заколдовал тебя, превратив в осла. Но если я не покину тебя в беде, ты, конечно, примешь свой прежний облик!

И, выведя осла из стойла, Корнглоу сел на него и ударил его пятками, понуждая войти во внутренний двор замка. Осел упрямился, но Корнглоу, решивший бросить вызов судьбе, оказался упрямее. Взревев еще раз, осел поскакал мимо кухни и птичника прямо к главным воротам замка.

— Эй, вы, там! Открывайте! — закричал Корнглоу, остановившись у ворот.

— Кто идет? — ответил ему низкий мужской голос.

— Я пришел просить руки прекрасной госпожи Крессильды!

На шум вышел пузатый лысеющий мужчина в белой рубашке и штанах до колен; на нем был поварской колпак. Оглядев Корнглоу с головы до ног, он сказал:

— Да ты, видать, сумасшедший! Госпожа Крессильда замужем! Ее благородный супруг вот-вот выйдет сюда!

Ворота открылись еще шире, и из замка вышел высокий и стройный мужчина, в котором с первого взгляда можно было признать благородного дона. Длинная шпага была пристегнута у его бедра. На лице его застыло выражение холодного высокомерия.

— Я Родриго Сфорца, — произнес он тоном, от которого у Корнглоу мурашки побежали по коже. — В чем дело?

Толстяк в поварском колпаке отвесил благородному дону раболепный поклон:

— Вот этот чудак говорит, что он явился просить руки вашей супруги, благородной госпожи Крессильды.

Синьор Родриго смерил Корнглоу презрительным взглядом:

— Это правда?

Только тут Корнглоу понял, что дела его идут весьма скверно. Видимо, пропажа волшебного коня расстроила все, что успел подготовить Аззи.

Корнглоу повернул своего ослика и, сильно ударив пятками, хотел было пустить его в галоп. Однако строптивый ослик взбрыкнул задними ногами, и Корнглоу слетел с его спины, больно ударившись о землю.

— Стража, ко мне! — крикнул синьор Родриго Сфорца.

Отовсюду к воротам стали сбегаться вооруженные люди, на ходу застегивавшие камзолы.

— В темницу его! В подземелье! — приказал синьор Родриго.

Так Корнглоу оказался в сыром и мрачном подземелье замка синьора Родриго. Голова его гудела от бесчисленных ударов, которыми в изобилии наградила его стража.

Глава 6

— Ну, Мортон, — послышался чей-то сердитый голос, — в хорошенькую же историю вы попали!

Корнглоу с трудом приподнялся и сел, удивленно оглядываясь по сторонам и часто моргая, словно пытаясь прогнать навязчивое видение. Всего миг тому назад он лежал на тощей охапке соломы в подземелье замка синьора Родриго Сфорца, и голова его, казалось, была готова расколоться от боли. Стражники, желая угодить своему господину, не церемонились со странным безумцем, появившимся на осле перед воротами замка, чтобы просить руки госпожи Крессильды. Изрядно намяв ему бока, они швырнули его в темницу. Ребра Корнглоу до сих пор ныли — ведь им пришлось пересчитать дюжины три высоченных каменных ступенек, ведущих в подземелье.

И вот теперь он снова был на свободе. Корнглоу ощутил свежее дыхание ветерка на своей щеке и глубоко вздохнул, однако вздох его прозвучал печально. Корнглоу уже успел изрядно устать от всех этих волшебных перелетов, от путешествий в пространстве и времени; вдобавок волшебство действовало на него довольно странно — от заклинаний у него приключилось расстройство желудка. Его мутило, и перед глазами у него мелькали зеленые и черные круги.

Еще раз тяжело вздохнув, Корнглоу поднял глаза. Перед ним, в длинном красном плаще и высоких сапогах мягкой кожи, стоял не кто иной, как Аззи.

— Ваша милость! — воскликнул Корнглоу. — Как я рад вас видеть!

— Правда? — В голосе Аззи прозвучали иронические нотки. — Боюсь, ваша радость поубавится, когда я скажу вам все, что собирался сказать. Не успев толком взяться за дело, вы его провалили! Ну, скажите мне, как вы могли упустить волшебного коня?!

Корнглоу начал оправдываться и, конечно, решил свалить всю вину на женщину, как это делало большинство мужчин во все времена.

— Я не виноват! — воскликнул он. — Меня околдовала ведьма! Околдовала, чтобы соблазнить! Я не виноват, клянусь вам! Я ничего не мог поделать против ее чар — ведь, в конце концов, я простой смертный...

И он рассказал Аззи о том, как он встретился с Леонорой и провел с ней ночь, и о том, что случилось на следующее утро. Аззи слушал внимательно, не перебивая. На первый взгляд пропажа волшебного коня и заточение Мортона Корнглоу могли показаться простой случайностью, неблагоприятным стечением обстоятельств. Но Аззи было не так-то легко провести. Во всем этом он различал чей-то хорошо знакомый почерк...

— Но ведь в самом начале вашего приключения, когда вы вошли в конюшню в первый раз, жеребец *был* там? — спросил он у Корнглоу.

— Конечно, ваше превосходительство! — с жаром воскликнул конюх. — Жеребец был привязан в стойле. А ночью он таинственным образом исчез. Утром, когда я вошел в стойло, я увидел только серого осла... Послушайте, ваша милость, может, еще не поздно начать все сначала? Вы дадите мне другого волшебного коня, и я...

— Легко сказать — другого коня! — проворчал Аззи. — Волшебного коня не так-то просто достать, милейший. Если б вы знали, каких трудов мне стоило добыть того, которого вы упустили, возможно, вы не были бы столь беспечны и бережнее относились бы к казенному имуществу.

— Ну ладно, если волшебного коня и правда так трудно достать, то нельзя ли заменить его чем-то другим или даже просто обойтись без него? — жалобно произнес Корнглоу. — Неужели мне пропадать из-за какого-то коня?

— Ну хорошо, я постараюсь что-нибудь для вас придумать, — сказал Аззи, смягчившись.

— О, ваша милость!.. Уж в этот раз я вас не подведу, вот увидите! Ах да, у меня к вам еще одна просьба...

— Какая?

— Мне бы хотелось кое-что изменить в условиях нашего с вами соглашения. А точнее — в своем заветном желании.

Аззи недоуменно поглядел на Корнглоу:

— Что вы сказали?

— Я говорю, мне бы хотелось изменить свое заветное желание.

— Как так?

— Ну, вы помните, в качестве награды за участие в вашем деле я просил у вас руки синьоры Крессильды. Так вот, я раздумал на ней жениться. У нас не получится крепкой семьи. Она — благородная госпожа, а я человек незнатный. Она затаит на меня обиду: мол, муж-то мне не ровня, он и воспитан не так, ни ступить, ни сказать по-ученому не может. Не станет госпожа Крессильда жить со мною. Но я встретил отличную девушку, которая мне очень нравится. Звать ее Леонора. Я хочу, чтобы она стала моей подругой.

— Не говорите глупостей, — сказал Аззи, — у нас уже записано, что синьора Крессильда назначена вам в супруги.

— Но ведь синьора Крессильда замужем!

— Однако, когда вы с таким пылом просили у меня ее руки, вас это обстоятельство ничуть не смущало, — заметил Аззи. — Да и, в конце концов, какое это имеет значение? Ведь я обещал вам, что берусь устроить ваш брак с госпожой Крессильдой.

— Ну да! — воскликнул Корнглоу. — Вам легко говорить! Но подумайте сами — мне ведь придется жить в одном мире с ее бывшим мужем, ведь так? Если я наставлю ему рога, это будет страшным оскорблением. Он отправится на край света, чтобы отомстить своему обидчику. А вы... вы ведь вряд ли сможете быть все время рядом со мной, чтобы оберегать меня от шпаги благородного господина.

— Да, конечно, — ответил Аззи, — я не смогу все время находиться при вас, оберегая вас от всевозможных бед и несчастий. Но, в конце концов, вы знали, на что идете, когда согласились участвовать в моей пьесе. Вы сделали свой выбор совершенно сознательно. Крессильда предназначена вам.

— Однако, насколько я помню, в нашем договоре ничего не сказано о том, что я не могу отказаться от нее в пользу другой женщины. А я вообще люблю женщин и легко влюбляюсь. Таким уж меня создала природа. Не кажется ли вам, сударь, что идти против природы — значит поступать весьма неразумно?

— Ну хорошо, — смягчился Аззи, — я посмотрю, могу ли что-нибудь для вас сделать, и вскоре сообщу вам свое решение.

С этими словами Аззи растаял в воздухе. Корнглоу, уже успевший освоиться с подобными чудесами, оглянулся по сторонам, зевнул и прилег отдохнуть прямо на земле. Ему очень хотелось спать: ведь ночь, проведенная с Леонорой, и заключение в темнице отняли у него много сил. К тому же делать пока все равно было нечего.

Но выспаться как следует ему не удалось: не прошло и часа, как Аззи вернулся, ведя в поводу белого скакуна. Даже человек, совершенно не разбирающийся в лошадях, сразу признал бы в этом благородном создании волшебного коня — настолько красив был этот конь. Корнглоу же был опытным конюхом и сразу оценил достоинства белого жеребца.

Разыскав Леонору, Аззи с первого взгляда распознал в ней сверхъестественное существо. Леонора была эльфом-переростком и довольно ловко выдавала себя за простую смертную.

— Эльфы такие злые, — пожаловалась Леонора Аззи. — Они дразнят меня, потому что я почти на целую голову выше самого высокого из их мужчин. Никто из них не хочет на мне жениться. Поэтому я решила покинуть эльфов и уйти к людям. Ведь если бы я осталась с эльфами, мне пришлось бы коротать весь свой долгий век в одиночестве. А смертным я нравлюсь. Мужчины называют меня очаровательной крошкой и сходят из-за меня с ума. Я даже думаю выйти замуж за кого-нибудь из смертных. Конечно, здесь есть одно неудобство: ведь эльфы живут гораздо дольше людей, и я обязательно переживу своего мужа. Зато, пока я буду жить с ним, я доставлю ему много приятных минут. И еще очень долго я останусь все такой же молодой и привлекательной, как сейчас.

Тут послышался стук лошадиных копыт. Это подъехал Корнглоу на волшебном коне.

Девица-эльф покраснела и смущенно умолкла. Она отошла в сторону, теребя руками свой передник, как это делают простые молочницы. Да и кто бы не почувствовал себя немного не в своей тарелке, когда могущественные силы зла вмешиваются в его судьбу?

— Мой господин, — сказала Леонора Аззи, когда Корнглоу спешился, подошел к ней и взял ее за руку, — я понимаю, что в ваши планы не входило заботиться о судьбе никому не известной девицы-эльфа, которую никто не берет замуж из-за ее высокого роста. И все же я очень признательна вам за то, что вы для меня сделали, — ведь благодаря вам я обрела счастье. Скажите, куда

теперь должен отправиться мой муж и что ему предстоит сделать?

— Он должен скакать прямо в Венецию, нигде не задерживаясь по дороге. Там для вас обоих найдется дело. Боюсь только, что вам придется немного поскучать в пути — вряд ли у меня будет достаточно времени, чтобы придумать для вас несколько приятных приключений, разнообразящих дорожные впечатления. А я знаю, что смертные весьма неравнодушны к подобным вещам.

— О, сударь, вы слишком добры, — улыбнулась Леонора. — Будьте покойны, мы в точности выполним ваше приказание и тотчас же отправимся в Венецию. А я уж прослежу, чтобы никто и ничто не отвлекал Мортона по дороге.

И волшебный конь унес влюбленную парочку по кратчайшей дороге, ведущей в Венецию.

Аззи долго глядел им вслед, качая головой. Похоже, все его актеры вели себя на сцене совсем не так, как он от них ожидал. Вот к чему приводит либеральный подход режиссера к постановке пьесы, подумал Аззи. Пожалуй, ему все-таки следовало бы предварительно написать для каждого его роль.

Глава 7

Синьора Крессильда сидела одна в своих покоях в замке. Устроившись у окна, она прилежно трудилась над вышиванием, делая мелкие аккуратные стежки. Гобелен, который она вышивала шелками нежнейших цветов, должен был изображать суд Париса. Ресницы синьора Крессильды были скромно опущены, а голова чуть наклонена над рукоделием, но мысли ее в это время витали далеко. Наконец она отложила работу, вздохнула и выглянула в открытое окно. Ее мягкие шелковистые волосы взметнулись в такт повороту головы, словно два голубиных крыла, и снова послушно легли по обеим сторонам бледного лица с правильными мелкими чертами, спокойного и чуть печального.

День еще только начинался, однако в воздухе уже чувствовалось дыхание летнего зноя. Куры, лениво разгуливавшие по двору, рылись в пыли, подбирая просыпанное зерно. Со стороны пруда — его не было видно за сараем — раздавалось нестройное пение: там прислуга стирала белье. Откуда-то издалека донеслось тонкое конское ржание. Синьора Крессильда подумала, что, быть может, ей сегодня удастся поохотиться. Однако охота в

последнее время прискучила ей: крупная дичь — олени и вепри — редко встречалась в окрестных лесах. Они были почти полностью истреблены многими поколениями Сфорца, владевших этими землями испокон веков. Каждый из владельцев замка был страстным охотником и все свое свободное время проводил в седле, несясь через овраги и буераки за сворой гончих. Сама Крессильда понимала толк в охоте; придворные поэты называли ее Артемидой, богиней охоты. Однако Крессильду мало интересовал тот вздор, который обычно говорят придворные поэты. Еще меньше, сказать по правде, ее интересовали натянутые любезности ее супруга и неумелые комплименты, которые он говорил ей, когда они изредка встречались за обеденным столом.

Крессильда поднялась с кресла розового дерева и встала у окна, опершись рукой о подоконник.

Что-то белое мелькнуло как раз под ее окном. Крессильда пренебрегла правилами благопристойности и высунулась из окна, чтобы разглядеть, что же это такое.

Через двор, осторожно переступая точеными копытами, шел белоснежный жеребец. Впервые в жизни Крессильда видела такого красавца! Во всем его облике — в гордой посадке головы, в плавной поступи, в изящном изгибе шеи — чувствовалась порода. Крессильде показалось, что рядом с конем она заметила еще высокого человека в длинных светлых одеждах, крепко держащего в руках уздечку. За спиной у этого человека были два белоснежных крыла. Но в тот же миг человеческая фигура исчезла, и Крессильда подумала, что, видно, приняла развевающуюся на ветру густую лошадиную гриву за белые крылья.

Крессильда не сводила изумленного взора с белого жеребца. Откуда он взялся? Она знала всех породистых лошадей в замковых конюшнях, от новорожденного жеребенка до заслуженных ветеранов — старых лошадей, в свое время славно послуживших своим хозяевам и теперь отпущенных на волю. Однако ни в конюшнях синьора Родриго Сфорца, ни у соседей никогда не было такого коня. Значит, он потерялся и случайно забрел к ним во двор...

Легче птички слетела синьора Крессильда вниз по ступенькам, ведущим в первый этаж замка, и, миновав ряд унылых и мрачных зал и каминных комнат, очутилась во внутреннем дворе. Белый жеребец стоял у крыльца. Увидев Крессильду, он наклонил гордую голову и тихонько заржал, приветствуя ее. Она погладила его по шелковистой шерсти.

— Ты, кажется, хочешь мне что-то сказать? — спросила она.

Расстегнув седельную сумку, Крессильда пошарила в ней, надеясь обнаружить какую-нибудь вещь, принадлежащую хозяи-

ну чудесного коня. Возможно, ей удастся выяснить, откуда прибежал этот конь во двор замка.

Пальцы ее наткнулись на какой-то длинный и тонкий металлический предмет. Это оказался золотой подсвечник. Внутрь подсвечника был вложен кусок пергамента, свернутый в тонкую трубку. Развернув его, Крессильда прочла:

«Загадай желание, сядь на меня и скачи, куда я тебя повезу. Твое желание непременно исполнится!»

У Крессильды перехватило дыхание. Заветное желание!.. Значит, недаром столько лет она провела в ожидании чуда. И вот судьба посылает ей прекрасного коня, который унесет ее навстречу мечте. Быть может, этот конь послан ей небом. Или же это ловушка адских сил?..

Впрочем, откуда бы ни взялся волшебный конь — какая ей, в сущности, разница? Вскочив в седло, она почувствовала, как конь вздрогнул всем телом. Она ласково погладила его, успокаивая.

— Неси меня к тому, кто тебя послал, — сказала Крессильда. — Я готова дойти до самого конца, чего бы это мне ни стоило.

И конь пустился рысью, унося ее все дальше и дальше от замка.

Глава 8

— На белом жеребце? Значит, вы говорите, синьора ускакала на белом жеребце?

Синьор Родриго Сфорца соображал довольно медленно, однако, как воин и охотник, он любил лошадей и знал в них толк. Придворному мудрецу, объяснявшему своему господину, как было дело, понадобилось не так уж много времени, чтобы донести наконец до благородного господина мысль о том, что его жена умчалась неведомо куда на жеребце, взявшемся неведомо откуда.

— Да, мой господин, — всего лишь в седьмой раз повторил звездочет. — Это был конь, подобного которому не видели в здешних краях. Белый как снег, как облако. Госпожа Крессильда, как увидала его, сразу вскочила в седло, и он унесся прочь со двора. Больше мы не видели ни госпожу, ни этого коня.

— И вы сами видели, как синьора ускакала на этом жеребце?

— Своими собственными глазами, мой господин.

— Послушайте, а конь случайно был не волшебный?

— Я не знаю, — ответил ученый, — но мы легко можем это выяснить.

Разговор происходил в одной из башен замка синьора Род-

риго, в алхимической лаборатории, где часто работал придворный мудрец. В маленьком горне день и ночь горело пламя, и маг, всего лишь два раза качнув меха горна, чтобы огонь разгорелся поярче, высыпал в него разные порошки. Пламя окрасилось сначала в зеленый, а затем в багровый цвет. Мудрец долго глядел в огонь, то разгоравшийся, то почти потухавший; наконец, повернувшись к своему господину, он сказал:

— Мои знакомые духи сообщили мне, что конь, умчавший синьору Крессильду, и вправду был волшебным. С огорчением должен сообщить вам, что мы, вероятно, больше никогда не увидим нашу госпожу, потому что дамы, которые уносятся прочь на волшебных лошадях, редко возвращаются назад, а если и возвращаются, то уже в ином обличье. В них не остается ничего человеческого.

— Проклятие! — выругался синьор Родриго Сфорца.

— Вы можете подать жалобу через моих знакомых духов, ваша светлость. Быть может, нам удастся вернуть госпожу Крессильду.

— Но я совсем не хочу, чтобы она возвращалась обратно. По правде говоря, госпожа мне уже порядком надоела, и я даже рад от нее отделаться. Другое дело — волшебный конь. Она завладела волшебным конем! Вот что раздражает меня больше всего! Ведь волшебные кони появляются в наших краях довольно редко, разве не так?

— Боюсь, что так.

— И тем не менее ей повезло и она завладела волшебным конем! Как она только посмела! Может быть, этот конь был предназначен для меня!

Мудрец пробормотал какие-то утешительные слова, но синьор Родриго Сфорца не слушал его. Он мерил шагами алхимическую лабораторию. Он считал себя человеком просвещенным, обладающим утонченным вкусом. И вот стоило в его замке появиться волшебному коню, как этим чудом природы завладела его супруга. А он сам даже не успел повидать этого коня. Но что раздражало синьора Родриго больше всего — это огромные возможности, которые открылись бы перед ним, не упусти он волшебного коня. Ведь он слышал, что тот, кому выпала удача завладеть волшебным конем, мог загадывать любое желание — и оно непременно исполнялось. Никогда в жизни не будет у него больше такого блестящего шанса!

Каково же было его изумление, когда часом позже, зайдя в конюшню, он обнаружил там жеребца — белого как снег, как облако! Судя по описанию, это был точно такой же конь, как тот, что раньше умчал синьору Крессильду. Синьор Родриго придир-

чиво оглядел коня. Честно говоря, он ожидал от него большего, однако выбирать не приходилось. Не долго думая, он вскочил в седло.

— Вези меня туда, куда ты обычно возишь людей, за которыми тебя посылают! — приказал синьор Родриго белому жеребцу.

Жеребец пошел легкой рысью, затем перешел на галоп. Ну вот, наконец-то приключения начинаются, подумал синьор Родриго Сфорца, которому стоило немалых усилий удержаться в седле.

Глава 9

Рано утром остальные путники, не принимавшие участия в затее Аззи, начали собираться в дорогу. Пока господа совершали утренний туалет и завтракали — на завтрак была подана овсянка и хлеб с маслом, — слуги запрягали лошадей и мулов.

Аззи все еще сидел в своей комнате на втором этаже, и Аретино был вместе с ним. Аззи был разочарован: ему удалось привлечь на свою сторону слишком мало людей. Он рассчитывал, что добровольцев будет гораздо больше.

— Ну почему остальные не хотят участвовать в пьесе? — подумал вслух Аззи.

— Может быть, они просто боятся, — ответил Аретино. — А что, обязательно нужно, чтобы актеров было семеро? Не могли бы мы обойтись меньшим числом?

— Что ж, попробуем, — вздохнул Аззи. — Кое-кого нам уже удалось завербовать. Может, и вправду стоит остановиться на том, что мы имеем.

В этот самый миг в дверь постучали.

— Ага! — воскликнул Аззи, сразу повеселев. — Я так и знал, что остальные не заставят себя долго ждать. Откройте дверь, любезный мой Аретино, и давайте посмотрим, кто к нам явился на этот раз.

Аретино весьма неохотно поднялся с кресла, подошел к двери и открыл ее. В комнату вошла красивая молодая женщина. Светлые волосы ее были зачесаны назад и перехвачены золотой лентой. Тонкие брови, матовая бледность кожи, необычная для столь молодой особы, и красиво очерченные губы говорили о том, что перед ними стоит благородная особа. На ней был голубой костюм для верховой езды.

— Сударыня, — проговорил Аретино, на которого, несомненно, произвела впечатление красота этой женщины, — чем мы можем вам служить?

— Полагаю, — сказала незнакомка, — что это вы прислали за мною волшебного коня?

— Насчет волшебного коня вам лучше поговорить с моим товарищем Антонио, — ответил Аретино.

Усадив гостью, Аззи начал разговор довольно осторожно. Да, он действительно связан со всей этой историей с волшебными конями. Да, тому, кто будет участвовать во всей этой истории, действительно гарантируется исполнение заветного желания. Но для этого нужно согласиться сыграть роль в пьесе, которую он ставит. Туманными полунамеками, чтобы не испугать прекрасную посетительницу, Аззи дал ей понять, что он — служитель адских сил, то есть, попросту говоря, демон. Какая прелесть, ответила та. Обрадованный тем, что его признание ничуть не смутило эту молодую особу, настроенную, очевидно, весьма решительно, Аззи спросил у нее, каким образом волшебный конь попал к ней.

— Очень просто, — ответила Крессильда. — Он вышел из моей конюшни и попал прямо во внутренний двор замка, где я живу. Я вскочила в седло и дала коню полную волю. И он привез меня прямо сюда.

— Но, видите ли... Дело в том, что за вами мы никакого коня не посылали. То есть я имею в виду, мы посылали коня, но не к вам, — сказал Аззи. — И посланный нами конь бесследно пропал. Мы уже думали, что его украли... Разрешите поинтересоваться, каким образом этот конь попал во двор вашего замка.

Брови Крессильды взлетели вверх:

— Вы хотите сказать, что это я украла коня?

— Нет-нет, что вы, дорогая! — Аззи понял, что совершил грубый промах, и теперь старался его загладить. — У нас и в мыслях ничего подобного не было! Уж кто-кто, а вы... вы совсем не похожи на конокрада. Я полагаю, это один из моих старых друзей, Михаил, решил таким образом подшутить над нами. Ну что ж, Крессильда, раз волшебный конь у вас, то вы волей или неволей уже стали участницей происходящих событий. Этот конь унес вас в сказочную страну — страну, где в конце концов исполнится ваше самое заветное желание. У нас как раз не хватает двух человек, которые согласились бы принять участие в пьесе. Надеюсь, вы не откажетесь — ведь вы действовали так решительно и смело, когда вскочили в седло и дали коню полную волю. Так что, если вы готовы взять на себя этот труд...

— Да! — воскликнула Крессильда. — Да, я согласна!

— Тогда позвольте узнать, каково ваше заветное желание, — спросил Аззи. Глядя на эту красивую молодую женщину, он ждал, что сейчас она расскажет ему целую историю, где непременно

будет упомянут Прекрасный принц, давно ожидающий ее в волшебном замке на берегу лазурного моря, — словом, одну из тех сказок, которые кончаются словами «они жили долго и счастливо и умерли в один день», — сказок, почему-то весьма популярных у женщин всех времен и народов.

Но Крессильда попросила совсем не об этом.

— Я хочу стать воительницей, — сказала она. — Я знаю, что подобное желание необычно для женщины, но ведь Жанна д'Арк или Боадицея сражались весьма успешно, и их имена дошли до потомков. Я хочу командовать отрядом воинов, хочу вести их в битву!

Аззи задумался. Он прикидывал в уме и так и этак, строя различные планы и отбрасывая совершенно неудачные варианты. Появление новой героини, мечтающей о славе Жанны д'Арк, никак не входило в его планы, да и Аретино, похоже, тоже не был в восторге от этого. Однако Аззи все же был склонен дать синьоре Крессильде роль в безнравственной пьесе — просто потому, что ему не хватало актеров, и к тому же он не хотел изменять своему принципу: давать роли всем, кто пожелает участвовать в пьесе, — ну, может быть, за исключением тех претендентов, которые окажутся совсем ни на что не годны.

— Что ж, — сказал наконец Аззи, — мы постараемся что-нибудь для вас придумать. Только имейте в виду — ваше желание может исполниться не так скоро, как вы, несомненно, ожидаете. Нам понадобится некоторое время, чтобы все для вас подготовить.

— Прекрасно, — ответила Крессильда. — Но у меня будет еще одна просьба. Если вы случайно встретите моего мужа Родриго Сфорца, пожалуйста, не говорите ему, что я здесь, и вообще не упоминайте моего имени.

— Я подумаю, — уклончиво ответил Аззи.

Когда синьора вышла из комнаты, Аззи вместе с Аретино сел к столу работать над планом пьесы. Однако не успели они начать, как послышалось легкое царапанье по стеклу, и за окном мелькнула неясная черная тень.

— Аретино, впусти, это свои, — сказал Аззи.

Аретино подошел к окну и поднял раму. В комнату впорхнул маленький длиннохвостый бесенок из тех, что часто служили посыльными темных сил.

— Вы Аззи Элбуб? — пропищал бесенок. — Мне нужно знать точно.

— Да, это я, — сказал Аззи. — Что за новости ты мне принес?

— Это касается матери Иоанны, — ответил тот. — Лучше мне начать с самого начала.

Глава 10

Мать Иоанна ехала по дороге, ведущей в Венсцию. Она решила проехать прямиком через лес, чтобы встретиться с сэром Оливером и продолжить путь в обществе этого славного рыцаря. Настроение у нее было прекрасное, день обещал быть хорошим, и гимном этому дню был многоголосый щебет птиц в кустах и журчание чистых ручьев. Молодая трава была такой мягкой, что усталого путника манило полежать на ней. Однако мать Иоанна не поддавалась соблазну. Твердой рукой направляла она волшебного коня по узкой лесной тропинке, через чащу, через густые заросли орешника, где было сыро и даже в полдень царил полумрак. Волшебный конь не сбавлял шага; ни разу не споткнулся он о мощные дубовые корни, переплетавшиеся, словно змеи, и мать Иоанна была преисполнена уверенности, что с таким конем она благополучно доберется до цели.

Но когда из густого ельника, темневшего впереди, донеслось уханье совы, мать Иоанна поняла, что опасность близка.

— Кто здесь? — крикнула она.

— Стой на месте, — ответил грубый мужской голос. — Иначе тебе несдобровать. У меня хороший арбалет, и стреляю я достаточно метко, чтобы снять такую птичку, как ты.

Иоанна затравленно оглянулась, но вокруг не было подходящего места, где она могла бы укрыться. А лес вокруг был столь густым, что пустить лошадь в галоп она не могла. Решив проявить осторожность, она крепче перехватила поводья и сказала:

— Я служу Богу, я настоятельница монастыря урсулинок. Тот, кто поднимет на меня руку, рискует обречь себя на вечное проклятие.

— О, какую встречу послали мне небеса! — произнес все тот же голос. — Я Хьюго Дэнси, и люди зовут меня Грозою Здешних Лесов или попросту лесным разбойником.

Густые ветви впереди раздвинулись, и на тропинку вышел мужчина средних лет — крепкого телосложения, с длинными черными волосами, перехваченными на лбу кожаным ремешком. На разбойнике был кожаный жилет, надетый на голое тело, так что были видны грудь и часть живота, густо поросшие курчавыми волосами. Высокие сапоги туго обтягивали мускулистые икры. Вслед за ним из-за деревьев показались другие разбойники — их было что-то около двенадцати.

— Слезай с лошади, — приказал Хьюго. — Ты пойдешь со мной в наш лесной лагерь.

— Ни за что! — Пальцы матери Иоанны крепко вцепились в уздечку. Волшебный конь сделал два робких, неуверенных шага вперед.

— Слезай, или мы силой тебя стащим, — прорычал Хьюго, хватая коня под уздцы.

— Чего вы хотите от меня? — воскликнула мать Иоанна.

— Мы хотим сделать из тебя, монашка, честную женщину, — сказал Хьюго. — Мы заставим тебя нарушить обет целомудрия. Еще до заката солнца ты станешь женой одного из нас.

Мать Иоанна выпрямилась в седле. Ее поза была исполнена королевского достоинства.

— Только через мой труп, — сказала она, глядя прямо в глаза разбойнику.

— Ну что ж, лично я не против такого способа, хотя не скрою, что предпочитаю спать с живыми женщинами, — захохотал Хьюго.

И тут в соседних кустах раздался громкий треск. Разбойники переглянулись, затем начали испуганно озираться по сторонам.

Внезапно один из них вскрикнул: «Ох! Мы пропали!»

— Вепрь! Огромный вепрь! — прокричал другой.

— Проклятие! — выругался третий.

Мать Иоанна легко соскочила на землю. Она знала толк не только в соколиной охоте, и теперь пришло время продемонстрировать свое искусство.

Выхватив пику у одного из разбойников, она повернулась в ту сторону, откуда раздавался треск.

Через несколько секунд из кустов высунулась голова огромного вепря. Мать Иоанна стояла прямо перед вепрем, уперев древко пики в землю.

— Ну, ты, глупая свинья! — закричала она на вепря. — Подойди-ка поближе! Сдается мне, на ужин у нас будут славно подрумяненные окорочка!

Вепрь бросился на нее, а она, держа пику наперевес, ждала, изготовившись к схватке.

Вепрь налетел на пику — и упал на землю, обагряя ее кровью, забился в агонии, всхрапывая и хрюкая. Вскоре он затих, напоследок тоненько и жалобно взвизгнув.

Упершись ногой в огромное тело, мать Иоанна одним рывком выдернула из него пику. Затем она повернулась к Хьюго и смерила его холодным взглядом.

Разбойник отступил на шаг. Остальные тоже попятились.

— Мы, кажется, толковали о трупах? — спросила у Хьюго мать Иоанна.

— О, что вы, мы просто шутили, — ответил тот. — Надеюсь, вы окажете нам честь и отобедаете в нашей компании.

Со всех концов слышались одобрительные возгласы — разбойники восхищались смелостью и силой этой удивительной женщины.

— Что ж, может быть, я и приму ваше приглашение, — сказала мать Иоанна.

— Ты настоящая Артемида, — сказал Хьюго, — и тебя будут почитать, как богиню.

Глава 11

Вполне понятно, что Аззи подобные новости отнюдь не обрадовали. Он вскочил, чтобы не мешкая отправиться на помощь матери Иоанне, но в дверях столкнулся со следующим посетителем. Это был сам синьор Родриго Сфорца.

— Это вы посылаете волшебных коней? — спросил Сфорца, высоко задрав подбородок и поглядывая на Аззи сверху вниз.

— Положим, что я, — ответил Аззи, которого ничуть не смутил высокомерный тон высокородного гостя. — Что дальше?

— Один из ваших коней у меня, и я хочу, чтобы вы исполнили мое заветное желание.

— Все не так просто, как вы думаете, — сказал Аззи, разглядывая синьора Родриго. — Прежде чем ваше желание исполнится, вам придется немного потрудиться.

— Я согласен и на это, — кивнул синьор Сфорца. — Но надеюсь, в конце концов вы исполните мое желание?

— Да, — улыбнулся Аззи, — конечно. А не могли бы вы мне поведать, в чем оно заключается?

— Я хочу стать знаменитым ученым. — Глаза у Сфорца заблестели. — Я хочу, чтобы слава обо мне как о великом мудреце и кудеснике разнеслась по всему свету. Я хочу затмить самого Эразма, и пускай профессора во всех академиях рассказывают своим ученикам обо мне как о величайшем из ученых мужей и ставят меня им в пример.

— Нет ничего проще, — сказал Аззи.

— Да, но я не силен в грамоте. Я не умею ни читать, ни писать.

— Это не беда.

— Вы так считаете? Но позвольте, я всегда думал, что для того, кто всерьез решил заниматься наукой, прежде всего необходимо хорошее образование.

— Это действительно так, — согласился Аззи. — Но пойми-

те, весь фокус заключается в том, что вам не придется заниматься наукой! Вы ведь мечтаете о славе великого ученого, не так ли? А слава редко приходит к тому, кто действительно ее заслуживает. Те же, кто добивается славы, в большинстве своем — лишь ловкие выскочки, не слишком обременявшие себя сидением над книжками. Итак, слушайте меня внимательно. Вам предстоит одно приключение.

— Надеюсь, не слишком опасное? — осторожно спросил синьор Сфорца.

— Я думаю, не слишком, — ответил Аззи. — Однако прошу меня извинить, сейчас меня ждет несколько важных дел. Я отлучусь ненадолго. Будьте добры, подождите меня здесь.

Аззи распахнул черный плащ, оказавшийся на самом деле парой крыльев, которые демоны обыкновенно прячут от взоров смертных, маскируя их кто под одеждой, кто под фальшивым горбом на спине (последние не слишком заботятся о своей внешности), и взмыл в небо. Маленький длиннохвостый бесенок полетел за ним следом, чтобы показать дорогу.

Аззи нашел мать Иоанну в лагере разбойников. Они с Хьюго сидели за столом, склонившись над картой, и вполголоса вели задушевную беседу. Аззи прислушался — похоже, речь у этой милой парочки шла об ограблении каравана, который вскоре должен был проехать по лесной дороге. Аззи довольно бесцеремонно отодвинул от монахини подвыпившего разбойника и встал перед нею, скрестив руки на груди. Но, к его удивлению, мать Иоанна решительно запротестовала:

— Полегче, Аззи! Эти славные ребята — моя ватага. Я здесь за главного.

— Что? — переспросил Аззи, не веря своим ушам.

— Мое желание исполнилось раньше, чем я того ожидала, — сказала она, — и за это я вас от всей души благодарю.

— Не стоит благодарности, — пробормотал Аззи. — Надеюсь, вы все же примете участие в торжественной церемонии в Венеции?

— Разумеется. Да, еще одна важная деталь: вы не потребуете взамен мою душу?

— О да, конечно. Ведь именно так мы и договаривались.

— Отлично! Ждите меня в Венеции.

Аззи не оставалось ничего другого, кроме как взмыть в небеса и отправиться обратно, где его ждал последний визитер.

Часть IX

Глава 1

Первое документальное свидетельство того, что греческие боги вырвались на свободу и вернулись в подлунный мир, было получено в 013.32 по единому мировому времени, когда заведующий кафедрой чертовщины Сернинского университета в Верхнем аду получил весьма неприятное сообщение: один из его подчиненных, весьма перспективный сотрудник, два месяца назад уехавший в археологическую экспедицию, пропал без вести. Стажер-практикант, которого кафедра отправила в экспедицию для того, чтобы было кому работать лопатой на раскопках, вернулся и, дрожа от страха как осиновый лист, рассказал, что ватага неизвестно откуда взявшихся божеств, полуголых, оборванных, лопотавших на каком-то непонятном языке, захватила беднягу ученого, с головой ушедшего в изучение окаменевших костей и других останков древней культуры, обнаруженных неподалеку от горы Олимп.

Заведующий кафедрой пустил в ход все свои связи, чтобы получить хоть какие-то сведения о судьбе ученого. Он связался с Подземной тюрьмой Лимба, чтобы узнать, не бежали ли из тюрьмы в последнее время опасные преступники.

— Алло, кто говорит?

— Цицерон, надзиратель Сектора свергнутых богов Лимбского исправительного дома для гуманоидов.

— Мне нужна информация об античных греческих божествах — Зевсе и всех остальных. Надеюсь, они все еще находятся под стражей?

— К сожалению, нет. Они совершили побег.

— Но их, конечно, скоро поймают?

— Боюсь, изловить их будет не так просто. Да будет вам известно, что эти античные божества весьма могущественны. Боюсь, что только с помощью самой Ананке нам удастся смирить их вновь.

— Благодарю за информацию. Я еще свяжусь с вами.

— Вот мы и снова в реальном мире! — воскликнул Феб.

— Ах, мне хочется припасть к земле и целовать ее! — вторил ему Гефест.

Очутившись на свободе, они первым делом устроили пир. Выпив изрядное количество вина, боги начали подшучивать над Зевсом. Даже самые тихие и лояльно настроенные божества позволяли себе довольно резкие шутки. Насмешкам над царем богов и людей не было конца. Боги передразнивали его напыщенные манеры, жесты, даже походку. Поскольку на пиру было положено совершать жертвоприношения, а жрецов и прочей прислуги, обыкновенно выполнявшей всю грязную работу, под рукой не оказалось, богам самим пришлось закладывать жертвы. Перемазавшись в крови, залив одежды жертвенным вином, боги продолжали свой пир до тех пор, пока окончательно не опьянели. Тогда наступило время грубых шуток, сквернословия и взрывов дикого хохота после очередной непристойной выходки кого-нибудь из участников этой грандиозной попойки.

Зевс постучал по столу, прося слова.

— Я хочу поблагодарить всех вас за то, что вы устроили в мою честь столь грандиозный пир.

— Поаплодируем Зевсу!

— Спасибо. Большое спасибо. Однако то, что я хочу вам сказать, весьма серьезно, и я прошу минуту внимания. Я тут размышлял о том, что мы будем делать теперь, когда мы наконец-то обрели желанную свободу. И, строя дальнейшие планы, я рассчитывал на то, что мы будем действовать сообща.

— Действовать сообща? — переспросила Афина. — Но ведь мы всегда держались порознь.

— А теперь нам волей-неволей придется объединиться, — сказал Зевс тоном, не терпящим возражений. — Именно нежелание или неумение работать в коллективе стало одной из главных причин нашего поражения. Нам не следует повторять ошибок прошлого. Необходимо выработать новую стратегию. Когда мы объединимся, каждый будет трудиться для общего, а следовательно и своего собственного, блага. Поэтому я настоятельно рекомендую вам выполнять мои указания. Я располагаю достоверной информацией о том, что происходит в подлунном мире. Весь здешний свет затаив дыхание следит за пьесой, которую ставит некий молодой демон — один из духов, воцарившихся в мире с началом новой эпохи. Так вот, друзья, этот демон по

имени Аззи Элбуб намеревается богато одарить семерых участников этой пьесы — причем совершенно незаслуженно! Слыхали ль вы когда-нибудь о чем-нибудь подобном?

Зевс выдержал долгую паузу, ожидая бурной реакции аудитории, но ее не последовало. Боги молча ждали продолжения.

И Зевс заговорил снова:

— Первое, что нам надлежит сделать, — это решительно пресечь действия таких смутьянов, как вышеупомянутый демон. Мы, древние боги, всегда придерживались того мнения, что характер определяет судьбу. Это так же верно в нынешние, как и в прошедшие времена.

— Но если мы будем мешать замыслам темных сил, — возразил Гермес, — им это может не понравиться.

— Это меня не волнует, — ответил Зевс. — Нравится им это или нет, им придется с этим мириться.

— Но к чему действовать так поспешно? Неужели нельзя повременить, взвесить все как следует, наконец, предать это дело третейскому суду? Быть может, нам сейчас не стоит привлекать к себе внимание. Нам нужно затаиться, а для этого нужно найти надежное убежище.

— Не думаю, чтобы это был лучший выход для нас, — сказал Зевс. — Силы света и тьмы будут стараться упрятать нас обратно в Лимб. Рано или поздно они все равно до нас доберутся. Так не лучше ли нам явиться в полной своей славе и проявить божественную мощь? Раз уж нам удалось сбежать, то следует воспользоваться своей свободой. Мы заварим такую кашу, что, расхлебывая ее, они поневоле оставят нас в покое на некоторое время. Да здравствуют божественные проделки!

— Да здравствуют божественные проделки! — подхватили боги. Плутовство и озорство были у них в большом почете.

Глянув на землю с высоты Олимпа, они увидели, как конное войско сэра Оливера скачет по пологим холмам.

— Что такое? — удивилась Афина. За время пути войско сэра Оливера изрядно увеличилось — к нему примыкали все новые и новые отряды, и теперь это была уже настоящая маленькая армия.

— А что будет, когда они доберутся до Венеции? — спросил Гермес.

— Тогда исполнится самое заветное желание их военачальника, — ответил Зевс. — Впрочем, может быть, их желания тоже исполнятся.

— Значит, нам нужно сделать так, чтобы они не добрались до Венеции? — спросила Афина.

Зевс засмеялся и поманил к себе богов, повелевавших ветра-

ми, — легкокрылого Зефира и могучего Борея[1]. И крылатые боги понеслись по Европе и Азии, собирая на своем пути все ветерки и ветры, дующие как им вздумается, и пряча их в огромный кожаный мешок. Вернувшись обратно на Олимп, они вручили мешок Тучегонителю Зевсу.

Зевс слегка растянул завязки мешка, и из отверстия высунулась головка Западного Ветерка — прелестной юной особы.

— В чем дело? — спросила она. — Кто посмел учинить такое насилие над нами, свободными ветрами?

— Мы греческие боги, — отвечал ей Зевс сурово, — и мы хватаем ветры, когда и где пожелаем.

— Ой, извините, — смутилось воздушное создание. — Чем мы можем служить вам?

— Нам нужно, чтобы вы все, дуя в одном направлении, организовали мощный циклон — с грозовыми ливнями, с ураганами и шквалами.

Услышав это, юная особа просияла.

— Ах, гроза! Ураган! Это совсем другое дело! Мы думали, вы закажете один из тех ласковых летних ветерков, которые так нравятся людям.

— Нам нет дела до того, что нравится, а что не нравится людям, — сказал Зевс. — Мы — боги, и нам нужна погода, подходящая для драмы.

— И где должен произойти сей катаклизм? — спросила миловидная девица, потирая тонкие руки.

— Арес, — обратился Зевс к свирепому богу войны, — почему бы тебе не отправиться вместе с ветрами? Ты укажешь им путь. Кстати, если по дороге тебе встретятся грозовые тучи, смело направляй их в ту же сторону.

— С удовольствием, — ответил Арес. — Управлять погодой — что может быть лучше? Только вести своих воинов в битву. Но повелевать громами — это почти то же самое, что командовать войсками.

Глава 3

Такой плохой погоды Европа не видала со времен Всемирного Потопа. Грозовые тучи — тяжелые, багровые, низко нависшие над землей — закрыли все небо. Огненные зигзаги молний взрезали сгустившийся мрак, заливая все вокруг трепетным,

[1] Зефир — легкий западный ветер; Борей — северный ветер.

призрачным сияньем. Казалось, эта страшная гроза и зловещий рокот грома — воплощение чьей-то злой воли, направленной против людей.

Порывы сильного ветра вырывали пики и щиты из рук, сбивали людей с ног. Под дождем, стегавшим по лицу и рукам, словно розги, насквозь промокала одежда, и жидкая грязь чавкала под ногами.

— Нам нужно поискать какое-нибудь укрытие! — Сэр Оливер наклонился к самому уху своего помощника, стараясь перекричать рев бури.

— Да, сударь, ничего другого нам не остается! Но как мы будем отдавать приказания своим людям? Нас никто не услышит!

— Вот напасть! — рассердился сэр Оливер. — Думаю, нам следует предупредить синьора Антонио! — Сэр Оливер продолжал называть Аззи этим именем.

— Но его нигде нет, мой господин.

— Так разыщите его! И как можно скорее!

— Слушаюсь! Но где прикажете мне его искать?

Сэр Оливер посмотрел на своего помощника, затем обвел взглядом унылую, насквозь промокшую равнину, словно надеясь разглядеть за серой пеленой дождя фигуру того, о ком он только что вспоминал.

Глава 4

Желая проявить свою божественную власть над миром, Зевс не ограничился тем, что обрушил на Европу сплошные ливни. Он и его божественные дети разрабатывали новый план, целью которого было показать людям, что старые боги вернулись в их мир.

Чтобы составить себе представление о современном человечестве, Зевс отправился в далекое путешествие, приняв вид простого смертного. В прошлом он весьма часто прибегал к этому простому приему, всегда дававшему хорошие результаты.

Первой страной, которую он посетил, была Греция. И он с грустью увидел, что самые худшие из его опасений полностью оправдались. Греки сильно изменились с тех пор, как забыли своих старых богов. Уже не было среди них мужей, подобных легендарным героям древности, тем, кто вместе с Агамемноном брал Трою. Уже невозможно было создать из греков непобедимое войско.

Зевс обратил свой взор на соседние народы в поисках нации, в чьих жилах текла бы свежая, горячая кровь, нации, способной

взрастить храбрых и умелых воинов. Но жители Восточной Европы были целиком поглощены своими делами — они вели мелкие междоусобные войны: сосед шел на соседа, брат на брата. Зевс знал, что ему нужно, — сильная, хорошо обученная армия. Он уже знал, куда направит ее, — через самое сердце Европы, в Италию, где он собирался создать новое царство — царство, которым будет править он. Его армия отвоюет для него новые земли, и, опираясь на ее силу, он заставит жителей покоренных земель почитать его как верховное божество. А после того как он снова воцарится в мире, его верные воины уйдут на покой. Павших в боях прославят, а оставшиеся в живых получат мизерное вознаграждение и будут просить подаяния на порогах храмов и в кабаках, показывая толпе зевак старые шрамы и в сотый раз пересказывая истории о сражениях, в которых они участвовали. Таков был давний, из тьмы веков дошедший до наших времен обычай, а Зевс всегда уважал традиции и обычаи.

Но сначала ему нужно было получить достоверную информацию о том, где найти сильную армию, оставшуюся не у дел. Наведя справки в Департаменте пророков, Зевс выяснил, что ближайшая прорицательница, которая могла бы помочь ему добыть необходимую информацию, жила в Салониках[1]. Эта бывшая пифия из Дельф теперь влачила жалкое существование, работая посудомойкой в одной из маленьких грязных пивных[2]. Окружив себя облаком мрака, скрывшим его от глаз смертных, Зевс явился в Салоники. Там он убрал это облако, бережно свернув его, уложив в бутыль и плотно заткнув пробкой, чтобы в случае надобности оно всегда было под руками. На агоре[3] он навел справки о том, где находится та пивная, в которой работала нужная ему особа. Торговец рыбой указал ему путь. Пройдя мимо развалин Колизея, мимо заросших густою травой дорожек, где раньше устраивали скачки и сотни зрителей затаив дыхание следили за бегом коней, Зевс наконец нашел ту пивную, которую искал. Дельфийская прорицательница была там. Время не пощадило ее, а нужда и тяжелый труд почти до неузнаваемости изменили ее облик; перед Зевсом стояла беззубая старуха с согнутой спиной, перебиравшая грязную посуду красными загрубевшими пальцами.

Впрочем, возможно, что та безобразная маска, которую на-

---

[1] Салоники — город в Греции.

[2] Возможно, авторы воспользовались приемом Вольтера, сделавшего благородную барышню Кунигунду в финале повести «Кандид» простой судомойкой. («Она судомойка, она безобразна». Бернард Шоу, «Кандид».)

[3] Агора — площадь, торговая площадь, место для собраний.

дело на нее время, спасла ей жизнь. Ведь благородное искусство предсказателя судеб было почти забыто в нынешние времена, когда церковь объявила гонение на все, что так или иначе было связано с волшебством и оккультными науками. Бывшие прорицатели находились под пристальным наблюдением служителей церкви. Им строжайше запрещалось заниматься своим ремеслом. Под страхом сурового наказания не смели они держать священных змей — своих верных помощников. Наша пифия, однако, не потеряла своего пророческого дара. Втайне от всех она продолжала предсказывать судьбы своим близким друзьям и разорившимся аристократам, недовольным нынешними властями.

Зевс вошел в пивную, плотно завернувшись в плащ и низко надвинув на лицо капюшон, однако пифия узнала его с первого взгляда.

— Мне нужна твоя помощь, — тихо сказал Зевс, остановившись перед посудомойкой.

— О, — запинаясь от волнения, ответила та, — этот день, когда я вижу перед собой одного из древних богов, — величайший день в моей жизни... Поведай же мне, о бессмертный бог, чем я могу тебе служить.

— Мне нужна помощь предсказателя. Я хочу, чтобы ты вошла в контакт с Высшим Разумом и добыла для меня информацию, где я могу найти достаточно мощную армию, чтобы покорить весь мир.

— Слушаюсь, — ответила та. — Но разреши мне спросить у тебя, о бессмертный, ведь сын твой, лучезарный Феб-Аполлон, покровительствует предсказателям, и прорицатели почитают его своим богом. Почему ты не обратился к нему?

— Потому что я не хочу связываться с Фебом, да и вообще предпочитаю не вести серьезных дел ни с кем из его компании, — ответил Зевс. — Я им не доверяю. Говоря о Высшем Разуме, я вовсе не имел в виду старый аппарат божественной власти. Ведь твой пророческий дар позволяет тебе входить в контакт не только с греческими богами, но и с другими высшими силами, не так ли? Как ты думаешь, твоих способностей хватит на то, чтобы вопросить того старого еврейского бога, который был весьма популярен еще в те времена, когда я правил миром?

— Ах, Иегову! Ты ведь его имел в виду? Что ж, Иегова за это время претерпел ряд любопытнейших метаморфоз. Но сейчас он не отвечает пророкам и предсказателям. Он строго-настрого приказал, чтобы его не беспокоили.

— Но ведь, кроме него, существуют другие божества?

— Конечно, существуют. Однако мне кажется, что к ним

лучше не приставать с вопросами. Они не такие, как ты, о Зевс. Ты — бог, с которым мог побеседовать каждый. Они же весьма недоброжелательно относятся к попыткам найти с ними общий язык. И поведение их зачастую непредсказуемо.

— Все равно, — сказал Зевс, — свяжись с ними. Если один бог не может попросить совета у другого бога, то я уж не знаю, куда катится наша Вселенная!

И прорицательница провела его в потайную комнату, где она занималась предсказаниями. Она обошла комнату кругом, совершая обычные приготовления к обряду прорицания. В жертвенной курильнице задымились лавровые листья, и пифия бросила на тлеющие уголья горсть конопляного семени. Она достала из тайника несколько священных предметов, помогавших ей в пророчествах, открыла корзину, спрятанную под грудой тряпок в углу, и вытащила из нее огромного удава, которого обернула несколько раз вокруг своей шеи. Затем пифия села на треножник и вошла в контакт с Высшим Разумом. Глаза ее закатились, и белки слепо и страшно глядели прямо на Зевса из-под полуопущенных век.

Наконец пифия произнесла чужим голосом, от которого у Зевса побежали мурашки по коже:

— О Зевс! Ступай к народам монгольским и ищи среди них!

— И это все? — спросил Зевс.

— Конец связи, — сказала пифия тем же голосом. Затем силы оставили ее, и, потеряв сознание, она упала с треножника к ногам Зевса.

Когда прорицательница наконец пришла в себя, Зевс спросил у нее:

— Я думал, пророчества всегда неясны и туманны и для того, чтобы верно понять их, требуется помощь мудрых толкователей. А твои слова были настолько ясны и недвусмысленны, что у меня возникло сомнение — действительно ли это было пророчество? Может быть, способ связи с Высшим Разумом несколько изменился за время моего вынужденного отсутствия в подлунном мире?

— Я думаю, что, поскольку старый протокол обмена данными, оставлявший место для всяких двусмысленностей и противоречивых толкований, зачастую приводил к роковым ошибкам, Высшие Силы ввели новый, улучшенный протокол.

И Зевс, снова окутав себя темным облаком, покинул Салоники.

Зевс отправился прямо к монголам, недавно покорившим южную часть Китайской империи и отдыхающим от ратных трудов. Гордясь своими недавними победами, монголы считали себя непобедимыми. Зевс явился к ним в подходящий момент, когда весь народ был настроен вполне благодушно.

Зевс разыскал монгольского вождя и обратился к нему с такими словами:

— Твое войско одержало много блестящих побед, и твой народ получил весьма обширные земли. Но теперь твои воины скучают без дела, ведь ты не зовешь их в новый поход. Вы, монголы, — народ, которому нужна ясная цель, а я — бог, которому нужен свой народ. Не объединиться ли нам к обоюдной пользе?

— Может быть, ты и в самом деле бог, — отвечал монгольский вождь, — но ты не монгольский бог. Зачем нам слушать тебя?

— Потому что я хочу стать вашим богом, — сказал Зевс. — Я ведь не просто один из каких-то мелких божков, державшихся на вторых ролях. В давние времена греки почитали меня своим верховным божеством, и я чуть было не стал единственным богом этого народа, когда... ну, словом, я просто не захотел быть богом греков. А греки, да будет тебе известно, весьма славный и всеми уважаемый народ. Они очень смышленые; среди них было немало выдающихся мыслителей и полководцев. Однако они неблагодарный народ: ведь я желал им только добра, а они не слушались меня...

— Что ты можешь нам предложить? — спросил у Зевса монгольский вождь.

И вскоре монгольское войско, высоко подняв свои знамена, двинулось прямиком через Карпаты на подступы к Венеции, где им предстояло совершить путешествие во времени — перенестись в XVI столетие. Для переброски такой большой массы Зевсу потребовалась вся его божественная мощь. Конечно, он мог бы перебросить конницу прямо из Китая в Венецию, в нужное время, но лошади с непривычки могли испугаться.

Паника начала распространяться среди мирного населения задолго до прибытия монголов. На устах у всех было только одно:

— Монголы! Монголы идут!

Жители мирных сел и городов снимались с насиженных

мест. Уезжали целыми семьями — на лошадях, на повозках, запряженных длинноухими осликами или ленивыми, неповоротливыми волами. Те, у кого не было ни лошади, ни осла, ни вола, несли свои нехитрые пожитки на себе. Уводили жен и детей от этой нежданной напасти — раскосых дьяволов с узенькими черными полосками усов на широких желтых лицах. Некоторые бежали в Милан, другие — в Равенну. Но большинство стекалось в Венецию, укрытую за топями и лагунами, казавшуюся такой неприступной.

Глава 6

Монголы наступали, и жители Венеции принимали чрезвычайные меры для спасения своего города. Дож созвал внеочередную сессию городского Совета, на которой было решено разрушить главные мосты, ведущие в город; кроме того, солдатам был отдан специальный приказ пройти вдоль морских берегов и конфисковать все суда и лодки, вмещающие более десяти человек. Конфискованные суда следовало доставить в венецианский порт, а слишком тяжелые или громоздкие — затопить на месте.

Еще одной серьезной проблемой была нехватка продовольствия, которую венецианцы вскоре начали ощущать. Обычно провизия доставлялась морем, и парусные суда каждый день заходили в гавань, привозя разнообразную снедь. Но в последнее время на Средиземном море были сильные штормы, и морская торговля замерла. Венеции угрожал голод.

Однако на этом беды, обрушившиеся на город, не кончились. Горожане, желая хоть немного согреться и просушить промокшую одежду, сутками напролет топили печи, зачастую весьма небрежно обращаясь с огнем. Один за другим заполыхали пожары. В городе поползли слухи о том, что вражеские агенты, задумавшие посеять панику, нарочно поджигают дома. Городские власти издали специальный указ, призывающий всех жителей города следить друг за дружкой и в особенности за чужеземцами, прибывающими в город.

А дождь все падал и падал на землю, и барабанил в окна, и лопотал что-то на непонятном языке. Водяные струйки бежали по стенам, стекали с острых краев карнизов. Порывы ветра подхватывали эти струйки, разбивали их на капли.

Непрекращающийся ливень грозил превратиться во второй Вселенский Потоп. В Венеции началось настоящее наводнение. Каналы вышли из берегов, затопив улицы и площади. На площа-

ди святого Марка вода уже доходила до колен и продолжала подниматься. Конечно, Венеция не раз страдала от наводнений, но такое сильное она видела впервые на своем веку.

Сильный ветер, прилетевший с севера, принес с собою холод. Ветер дул, не утихая ни на минуту, гоня перед собою новые мрачные тучи, и не было этому бедствию конца. Погода была настолько ужасной, что главный синоптик Венеции отказался от своей выгодной должности просто потому, что не мог больше нести это тяжкое бремя — предсказывать людям все новые и новые катаклизмы. Люди молились всем известным богам, святым и демонам, иконам и статуям — словом, искали спасения, где только могли. Однако все их молитвы были напрасны — буря не утихала, но с каждым днем ветер только крепчал, а дождь хлестал еще сильнее. Но пуще всего — пуще непогоды, наводнения и голода — пугали последние известия, объявленные городским глашатаем. В сырой, насквозь промерзший город, где жители боролись с наводнением и надвигающимся голодом, приползла чума. А монгольские всадники находились на расстоянии всего лишь одного дневного перехода от его стен и упорно продвигались вперед.

Жители Венеции изнемогали под бременем забот, свалившихся на них в одночасье. Они устали от постоянной тревоги и страхов; они не могли больше жить, подозревая врага в каждом чужеземце и даже, быть может, в своих ближайших соседях. Уставшие люди устремились в церкви. Толпы людей стояли на коленях перед распятиями и статуями мадонн; днем и ночью мольбы о спасении возносились к небесам, и звучали глухие проклятия монголам, надвигающимся с востока. Церковные колокола звонили, не умолкая ни на минуту. Но странно звучал этот мерный торжественный звон в залитом водой городе, у ворот которого стояла смерть.

Словно желая напоследок взять от жизни все, богатые венецианцы предались кутежу. Это был настоящий пир во время чумы. Балы и карнавалы устраивались каждый день. Окна дворцов по ночам были ярко освещены, и даже на улице были слышны звуки веселой музыки. Закутанные в плащи кавалеры разъезжали в легких гондолах, торопясь с одного бала на другой. Дамы, разодетые в шелка, флиртовали с каждым, кому было не лень волочиться за ними.

Понемногу жители Венеции начали понимать, что все происходящее выходит за рамки земной логики, что в их жизнь вмешались космические силы и что, очевидно, великий город должен погибнуть. Роясь в старинных манускриптах, астрологи рас-

копали пророчества, предвещавшие скорый конец света. Если верить тем рукописям — а им приходилось верить, слишком уж точно были описаны в них все беды, обрушившиеся на головы злосчастных венецианцев в последние дни, — скоро должны были пронестись по закатному небу четыре всадника, о которых говорит Апокалипсис; и затем весь мир погрузится в беспросветную тьму.

А странные события происходили одно за другим. Один рабочий, обходивший весь город по заданию городского Совета и оценивавший ущерб, нанесенный непогодой, обнаружил огромную брешь в дамбе неподалеку от Арсенала. Вода, однако, не текла сквозь это отверстие. С той стороны били лучи ярко-желтого света. Когда рабочий, привлеченный необычным зрелищем, подошел поближе, он сумел разглядеть неясный силуэт какого-то неземного существа, двигавшегося в лучах света. Это странное существо отбрасывало сразу две тени. Испуганный рабочий убежал от этого проклятого богами места, бросив свой инструмент, и доложил городским властям о том, что увидел.

Вскоре группа ученых отправилась исследовать странное явление. Прибыв на место, они обнаружили, что за это время брешь значительно увеличилась в размерах, однако пронзительного желтого света уже не наблюдалось. Теперь свет, проходящий сквозь отверстие, был ярко-голубым. Но самым странным было то, что сквозь этот голубой фон, как сквозь прозрачное стекло, был виден и далекий горизонт с низкими тяжелыми грозовыми тучами, и глубины вод, взбаламученных штормом. Очевидно, эта зияющая брешь была окном в иное измерение.

Ученые взирали на эту грандиозную аномалию со страхом. Не сразу они отважились приблизиться к дамбе и тщательно осмотреть ее. Наконец самый храбрый из них решил провести научный эксперимент: он бросал песок и комочки земли в это странное отверстие, ведущее в никуда. Затем, посовещавшись, ученые решили бросить туда какое-нибудь живое существо. С трудом изловив бродячую собаку, они бросили ее в зияющее отверстие. Собака исчезла тотчас же, как только пересекла невидимую грань между двумя мирами.

— С точки зрения науки, — глубокомысленно заметил один из ученых, — это отверстие является разрывом в ткани бытия.

— Но ведь разрыв в ткани бытия невозможен! — возразил другой. — Как вы объясните происхождение такого разрыва?

— Объяснить происхождение подобного разрыва я не берусь, — ответил первый, — однако ясно одно: в потустороннем мире происходит нечто из ряда вон выходящее. И вот результат,

который мы имеем: странные события, происходящие здесь, на Земле, являются лишь отражением огромного катаклизма в высших сферах. Реальность потеряла свою прочную материальную основу, и мир катится бог знает куда. В нем все вдруг смешалось, сдвинулось со своих мест.

Вслед за первым окном в другое измерение открылись новые окна. Люди стали замечать их то здесь то там и назвали анти-образами. Обычно эти явления возникали хаотично, и даже в полу собора святого Марка возникло отверстие, ведущее куда-то вниз и весьма похожее на брешь в дамбе, исследованную учеными. Однако охотников посмотреть, куда же все-таки в действительности ведет этот странный туннель между двумя мирами, не нашлось — никому не хотелось исчезнуть бесследно.

Люди, встревоженные этими странными явлениями, боялись выходить на улицу после захода солнца. А однажды церковный сторож рассказал и вовсе ужасную историю. Ночью в церковь вошло существо. Не человек и не зверь, не ангел и не демон, оно чем-то напоминало и человека, и зверя, и ангела, и демона сразу. Возможно, дело было в странном разрезе глаз или форме ушей и носа. Сторож, не сразу разглядев в темноте, кто это бродит среди колонн, подошел к нему и окликнул:

— Эй! Что ты здесь делаешь?

— Произвожу измерения, — ответило существо неземным голосом.

— Зачем?

— Чтобы сообщить остальным.

— Каким таким остальным?

— Таким же, как я.

— А зачем вам понадобилось проводить измерения?

— Мы — промежуточные жизненные формы, так сказать, мутанты, — объяснило существо. — Мы — я и мне подобные — были созданы совсем недавно, и у нас еще даже нет своего имени. Может случиться, что мы будем жить здесь после вас — я имею в виду вашу планету — и станем наследниками вашей культуры. Поэтому нам бы хотелось узнать о ней как можно больше.

Это странное происшествие посеяло настоящую панику среди жителей города. Слухи о нем расползлись с ужасающей быстротой, несмотря на строгие меры, принятые церковными властями. Тщетно пытались высшие сановники объяснить встревоженным горожанам, что церковный сторож, очевидно, был пьян или просто увидел все это во сне, — горожане уже давно не слушали разумных речей своих правителей.

Паломники собрались в зале с камином, ожидая дальнейших распоряжений. Единственным их развлечением было глядеть на пляшущие языки пламени, и то и дело кто-нибудь из них подбрасывал в огонь полено-другое. Они должны были радоваться — ведь все испытания уже позади. Однако погода испортила весь праздник, и на душе у каждого из них была смутная тоска.

Каких трудов им стоило добраться сюда! И вот теперь, похоже, их поистине героические усилия могут оказаться напрасными. Но хуже всех сейчас было, конечно, Аззи, оказавшемуся между двух огней. С одной стороны, ему было ужасно обидно, что благодаря вмешательству каких-то посторонних сил его планы рушились. С другой стороны, он испытывал чувство, весьма похожее на угрызения совести (что весьма необычно для демона). Он нанял актеров для участия в пьесе, обещал им достойное вознаграждение — и вот теперь он поневоле оказывается обманщиком, не сумевшим сдержать слово.

В тот вечер Аззи сидел у камина, пытаясь собраться с мыслями. Нужно было что-то делать дальше, но что именно нужно делать, Аззи не представлял. И как раз в тот момент, когда рыжий демон был близок к полному отчаянию, в дверь трактира кто-то постучал.

— Свободных мест нет! — ответил хозяин трактира, даже не потрудившись открыть дверь. — Вам придется поискать себе жилье где-нибудь по соседству.

— Откройте, пожалуйста, — долетел из-за двери мелодичный женский голос. — У вас в трактире остановился тот, с кем я хотела бы поговорить.

— Илит! — воскликнул Аззи. — Это ты?

И он сделал знак хозяину, чтобы тот немедленно открывал. Трактирщик, согнувшись в неуклюжем поклоне, распахнул дверь. Холодный ветер, словно обрадовавшись возможности ворваться туда, куда его не пускали, влетел в дом, неся с собой крупные дождевые капли. А вместе с ветром в трактир вошла стройная черноволосая женщина. С первого взгляда ее можно было принять за ангела, но внимательный наблюдатель мог заметить в ее облике черты, с головой выдававшие урожденную дочь тьмы. Это странное сочетание ангельской и демонической природы придавало ей особое, ни с чем не сравнимое обаяние.

— Аззи! — воскликнула она, бросаясь к нему. — С тобой все в порядке?

— Все в порядке, — ответил Аззи, немного удивленный столь бурным проявлением чувств. — Меня так трогает твоя забота. Может быть, ты изменила свое отношение к... ну, сама понимаешь к чему...

— Аззи, ты все тот же! — Илит не смогла сдержать смущенного смешка. — Но я пришла сюда отнюдь не затем, чтобы соблазнять тебя. Я верю в честность и благородство даже тогда, когда дело касается добра и зла и их вечной борьбы. Мне кажется, что с тобой сыграли скверную шутку.

Илит рассказала ему, как Гермес Трисмегист поймал ее в ловушку — в ящик Пандоры и доставил к смертному по имени Вестфал, как она томилась в неволе в этом ящике в доме Вестфала и как ей удалось освободиться благодаря помощи Зевса.

— Ты считаешь Гермеса своим союзником, — сказала Илит, — а он, похоже, только и смотрит, как бы вставить тебе палки в колеса. Да и остальные боги-олимпийцы, похоже, стоят на его стороне.

— Ну, что касается остальных греческих богов, то они не опасны. Находясь в Ностальгии, они много мне не навредят, — заметил Аззи.

— Но они уже не в Ностальгии! Они вырвались на свободу и вернулись в подлунный мир, из которого когда-то были изгнаны. И боюсь, что я сама, хотя и невольно, помогла их возвращению.

— Так, значит, это они мутят воду, — догадался Аззи. — Я-то, признаться, подозревал, что это дело рук архангела Михаила. Ты и сама знаешь, как ревниво он относится к моим успехам. Уж он никогда не упустит случая в чем-нибудь мне навредить. Но то, что происходит в мире, выходит за все разумные пределы! Ты знаешь, Илит, кто-то поднял монголов. Михаил на такое просто не способен.

— Но я не понимаю, зачем понадобилось олимпийцам вмешиваться во все эти дела и препятствовать постановке твоей безнравственной пьесы, — возразила Илит. — Разве она хоть в чем-то затрагивает их интересы?

— Богов не может не интересовать мораль, — рассудительно заметил Аззи, — на то они и боги. Правда, интерес к морали у них особый: наставляя других на путь истинный, сами они далеко не всегда соблюдают законы. Но в данном случае их цель для меня ясна: выступая против меня, они тем самым пытаются завоевать себе место в нашем мире, а может быть, даже захватить власть над этим миром.

А погода становилась все хуже и хуже, и Аззи решил выяснить, в чем тут дело. Только взглянув на карту ветров, он понял, что причиной непогоды является мощный, удивительно стойкий циклон, движущийся с севера. Где-то там, на севере, зарождались холодные ветры, несущие грозовые тучи. Но где именно они зарождались, Аззи сказать не мог. Поэтому он собрался лететь на север, чтобы самому все разузнать и, если получится, принять кое-какие меры, чтобы остановить циклон.

Аззи посвятил в свои планы Аретино. Подойдя к плотно закрытому окну, демон приоткрыл его — и тотчас же порыв ветра распахнул окно настежь, громко хлопнув рамой.

— Летать в такую погоду весьма опасно! — заметил Аретино. — Вы можете погибнуть.

— Могу, — согласился Аззи, — но иного выхода у меня нет.

И, широко распахнув свои черные крылья, он взмыл вверх, искусно лавируя во встречных воздушных потоках.

Оставив Венецию далеко позади, он помчался прямо на север, к колыбели всех ветров. Пролетев над Германией, он увидел, что погода там ничуть не лучше, чем в Венеции: небо было сплошь закрыто тучами, набегавшими с севера. Аззи пересек Северное море, пронесся над границами Швеции и увидел, что здесь ветры, прилетевшие издалека, лишь кружатся, расходясь в разные стороны, и формируют новые воздушные течения. Тогда Аззи поймал один из устойчивых встречных воздушных потоков и, следуя за направлением ветра, долетел до Финляндии — страны, где жили лапландцы, издавна славившиеся умением вызывать бури и ураганы. Его взору открылась бескрайняя равнина, где росли только сосны и почти круглый год лежал снег. Однако здешние жители говорили ему, что черные тучи, закрывшие небо, набегают «вон оттуда», и показывали пальцами в сторону севера.

С большим трудом Аззи продвигался все дальше и дальше на север. Встречный ветер крепчал, его порывы были как огромные морские волны, швыряющие пловца из стороны в сторону, и бороться с ним становилось все труднее.

Наконец он добрался до самого края земли. Прямо перед ним была огромная глыба льда, настоящая ледяная гора с глубокими гротами и пещерами. На вершине этой горы стоял старинный замок. Аззи подумал, что и сама ледяная гора, и замок на ней, должно быть, стояли здесь с самого сотворения мира.

А на верхушке одной из башен замка Аззи заметил великана,

качающего огромный кузнечный мех. Вид его был ужасен: длинные спутанные волосы, всклокоченная борода, дикий взгляд, не суливший ничего хорошего тому, кто осмелится подойти к нему поближе. На нем не было никакой одежды — лишь набедренная повязка. Аззи догадался, что это, должно быть, один из древних титанов, которые могли выносить и жестокую стужу, и палящий зной, — могучих сыновей Геи-Земли, осмелившихся выступить против Зевса и богов-олимпийцев, но побежденных и свергнутых Зевсом в мрачную бездну Тартара. Титан работал, словно автомат, и видно было, как огромные бугры мускулов перекатываются под его кожей. При каждом движении внутри кузнечного меха что-то свистело и шипело. Аззи чувствовал, что порывы ветра точно совпадают с движениями титана. Значит, это и была та самая кузница ветров, о которой говорилось во многих старинных легендах.

К кузнечному меху была приделана еще одна хитроумная машина со множеством блестящих серебряных труб различного диаметра, по которым ветер бежал, производя страшный шум и гул, прежде чем вырваться на свободу.

За пультом управления этой машины, напоминавшим клавиатуру органа, сидело странное существо, ловко нажимавшее на клавиши своими длинными гибкими пальцами, больше похожими на щупальца осьминога. Аззи узнал в этом сложном нагромождении разных механизмов одну из тех аллегорических машин, которые придумывают церковники, пытаясь объяснить механику природных явлений. Это замысловатое устройство на самом деле было обыкновенным центральным кондиционером, где ветры, нагнетаемые кузнечным мехом, совершали длинное путешествие по серебряным трубам и наконец вылетали в квадратное окошко. Отсюда они разлетались во все стороны света, но большинство из них направлялось на Венецию.

Решив познакомиться поближе со всей этой механикой, Аззи открыл свое демоническое всевидящее око — так на непрофессиональном языке назывался мини-генератор всепроникающего рентгеновского излучения, издавна входивший в «джентльменский набор» всякого уважающего себя демона, — и стал оглядываться кругом. Ему пришлось повозиться с настройкой всевидящего ока, ведь с целью экономии места конструкция этого миниатюрного прибора не предусматривала специального блока для обработки изображения, и прямой сигнал со сканера передавался прямо в ту область мозга демона, где находился зрительный центр. Мозг демона при этом работал как компьютер, и нужно сказать, что подобное испытание было ничуть не легче, чем решение сложнейшей математической головоломки.

Получив наконец достаточно четкое изображение, Аззи увидел, что под толщей снега и льда проложены трубы Лея, направлявшие и усиливавшие воздушные потоки.

Но откуда же берется дождь? Черных туч, закрывавших небо над Европой, здесь и в помине не было. Только редкие облака проплывали в небе, но, когда выглядывало солнце, снег и лед вокруг начинали блестеть так ярко, что глазам становилось больно.

Аззи осмотрелся кругом, но не увидел никого, кроме тех двоих на верхушке башни, что управляли ветрами. Подойдя поближе, Аззи обратился к ним с такими словами:

— Добрый день, уважаемые! Вы основательно испортили погоду в тех краях, где я живу, и с каждым днем она делается все хуже. Я, однако, не намерен и дальше это терпеть. Если вы сейчас же не оставите свое занятие, у вас возникнут серьезные неприятности.

Несмотря на столь бодрый тон, Аззи отнюдь не был уверен в том, что ему удастся так просто справиться с двумя противниками. Что, если они окажут сопротивление? Ведь ни для кого не секрет, что, хотя демоны даже самого высокого ранга и обладают сверхъестественной силой, все же возможности их отнюдь не беспредельны.

Однако опасения Аззи были напрасны. Двое операторов аллегорической машины и не думали вступать с ним в спор. Несмотря на свой грозный вид, они были настроены весьма миролюбиво и охотно отвечали на вопросы Аззи. Странное существо, сидевшее за пультом управления, оказалось одним из воплощений древнего ханаанского божества Ваала. Суровый и мрачный Ваал остался не у дел после того, как погибло великое царство, где процветал его культ. Он прожил в тишине и покое не одно тысячелетие, и характер его сильно изменился — во многом благодаря философским размышлениям, которым он предавался на досуге. Зевс разыскал бывшего грозного бога где-то в пустыне, куда Ваал удалился в поисках духовного просветления, и приставил к ветряной машине, дав ему в помощники одного из титанов. Зевсу был необходим квалифицированный персонал, который занимался бы циклонами и прочими атмосферными явлениями: ведь ветры, пойманные Бореем, разлетелись в разные стороны, как только их выпустили из мешка. Конечно, сам Зевс, прозванный Тучегонителем, мог устроить второй Всемирный Потоп и без посторонней помощи, однако сейчас у него хватало забот помимо этой скучной возни с погодой.

Аззи без труда нашел общий язык с Ваалом-философом: стоило только заявить, что ветряная машина явилась причиной

многих бед, как Ваал немедленно встал из-за своей клавиатуры и захлопнул крышку. Конец северному ветру, конец холодам!

Однако проблему с погодой оказалось не так-то просто решить.

— Мы можем заставить северный ветер утихнуть, — сказал Ваал демону, — но остановить дождь не в нашей власти. Мы дождями не занимаемся. Мы специализируемся только на ветрах.

— А кто же тогда занимается дождем? — спросил Аззи.

В ответ Ваал только пожал плечами.

— Ладно, — вздохнул Аззи, — и на том спасибо. С ветром дело уладили, а дождь как-нибудь подождет. Мне пора отправляться назад. Нужно готовиться к последнему акту пьесы — я задумал сделать из него грандиозное зрелище!

Глава 9

Закончив последние приготовления к последнему акту пьесы, Аретино постучался в дверь комнаты Аззи.

Демон, одетый в шелковый халат, расшитый золотыми драконами, сидел за столом, склонившись над листом пергамента, и что-то быстро писал острым гусиным пером. Он настолько был поглощен своим занятием, что даже не поднял головы, когда Аретино вошел к нему.

— Вы еще не одеты? — удивился поэт. — Однако, господин демон, вы, кажется, изволите задерживаться. Ведь торжественный финал пьесы вот-вот начнется...

— Успеется, — отвечал Аззи, все так же не отрываясь от пергамента. — Ветер слегка потрепал меня, но и освежил и взбодрил в то же время. Мой парадный костюм готов и лежит в гардеробной... Вы явились как раз вовремя, Аретино. Идите сюда. Мне никак не обойтись без вашей помощи. Нужно решить, кто из участников пьесы достоин награды. Но сначала ответьте мне на один вопрос: все ли актеры на месте?

— Да, они все здесь, — сказал Аретино, наливая себе бокал вина. Он был в отличном настроении: ведь приближалась величайшая минута в его жизни. Ему, и без того достаточно знаменитому поэту, предстоит прославиться в веках. Его имя войдет в историю, оно будет соседствовать с такими громкими именами, как Вергилий и Гомер! Улыбаясь своим мыслям, Аретино поднес бокал к губам... И тут раздался негромкий стук в дверь. Это был бесенок — посланец Ананке.

— Она призывает вас, — сказал бесенок Аззи. — Она очень разгневана.

Дворец правосудия, где ожидала демона Ананке, поражал воображение своими размерами. Даже египетские пирамиды казались бы рядом с ним маленькими холмиками. Он был сложен из огромных серых каменных блоков, каждый величиной с дом. Однако при этом дворец отнюдь не казался громоздким, тяжеловесным сооружением. Классический канон, соблюдаемый архитектором, придавал всему облику здания удивительно гармоничный вид.

Перед Дворцом правосудия раскинулась зеленая, тщательно ухоженная лужайка. Здесь, на свежем воздухе, и сидела Ананке. На низеньком раскладном столике перед нею стоял чайный прибор.

Как известно, Ананке может принимать любое обличье. На сей раз вершительница судеб выбрала образ Неописуемой, как всегда, когда она не хочет напрашиваться на комплименты. Этот образ буквально не поддается никакому описанию. Пожалуй, самое точное представление о нем читатель может получить, если посмотрит на экскаватор. Так вот, именно на экскаватор Ананке ничуть не была похожа.

Едва успел Аззи предстать пред очи Ананке, как она тотчас же напустилась на бедного демона:

— Волшебные кони! Ну, знаешь, это уже чересчур!

— Что вы имеете в виду? — спросил Аззи.

— Гадкий мальчишка! Сколько раз тебя предупреждали, что магия — это тебе не игрушка! Нельзя творить чудеса, где и как тебе в голову взбредет! Вмешиваясь в естественный ход событий, ты нарушаешь законы природы!

— Я впервые вижу вас в таком гневе, — сказал Аззи.

— Ты бы тоже сердился, если бы само Мироздание оказалось под угрозой!

— Но как такое могло случиться? — удивился Аззи.

— Во всем виноваты твои волшебные кони, — ответила Ананке. — Волшебные подсвечники — это еще куда ни шло, но, введя в свою пьесу волшебных коней, ты слишком сильно растянул ткань правдоподобия.

— Ткань правдоподобия? Я никогда раньше о таком не слышал.

— Объясни ему, Отто, — попросила Ананке. Отто, дух, по одному ему понятным причинам принявший облик пожилого немца с пышными седыми усами, вышел из-за колонны дворца.

— И вы думаете, молодой человек, что Вселенная выдержит, если на нее беспрерывно оказывать давление? — спросил он. — Вольно или невольно, вы вмешались в ход макромеханизма. Не

потрудившись разобраться в механике Вселенной, вы попросту сунули гаечный ключ в шестеренки!

— Он не понимает, — сказала Ананке.

— Что-нибудь не так? — спросил Аззи.

— *Ja*, что-нибудь совсем не так в самой природе вещей, — сказал Отто, протирая пенсне в золотой оправе, висящее на шнурке на лацкане его пиджака.

— В самой природе вещей? Неужели дело зашло так далеко?

— Можете мне поверить, молодой человек. Из-за ваших волшебных коней резко возросла энтропия Вселенной. Уж я-то знаю толк в подобных вещах. Я уже не одну тысячу лет вожусь с этим механизмом.

— До знакомства с вами я и не подозревал, что у Вселенной есть механик! — удивился Аззи.

— Напрасно, молодой человек, вы столь пренебрежительно относитесь к подобным вещам. Если вы хотите, чтобы во Вселенной был порядок — планеты вращались по своим орбитам, а время шло своим чередом, не быстрее и не медленнее, чем ему положено идти, — значит, кто-то должен этот порядок поддерживать. И, уж конечно, Та, Что Управляет Вселенной, слишком занята, чтобы заниматься ее ремонтом. Значит, у Вселенной должен быть свой механик, который будет смазывать машинным маслом шестеренки и заменять изношенные винтики... Так, значит, это вы перенесли в подлунный мир волшебных коней?

— Положим, что я. — Аззи пожал плечами. — Ну и что? Я не вижу в этом большой беды. Чем могли мои кони повредить механизму Вселенной?

— Вы перенесли слишком много коней за один раз, превысив максимально допустимое число присутствия чудесных объектов в реальном мире. Неужели вы и впрямь полагаете, что можно запрудить всю Вселенную волшебными конями лишь потому, что вам пришла фантазия использовать их в своей пьесе? Нет, мой дорогой, на этот раз вы просчитались. Вселенная трещит по швам. Ее механизм отказывается работать — после стольких лет кропотливого труда, затраченного мною на наладку и усовершенствование этого механизма! И мы с Ананке ничего не можем с этим поделать. Ты слишком грубо обошелся с реальностью.

— При чем здесь реальность?! — воскликнул Аззи.

— Выслушайте меня внимательно, молодой демон, и потрудитесь не перебивать. В современной модели Мироздания реальность представлена в виде шара из плотной, но весьма неоднородной субстанции. Различные слои этой субстанции залегают на разной глубине, и как раз на границе этих слоев возникает

критическая зона — совсем как в земной коре. Различные чудеса и аномалии, к которым, несомненно, относятся и твои волшебные кони, вызывают колебания, распространяющиеся в плотной среде реальности с огромной скоростью. И как раз в критических зонах возникают ударные волны. Твои волшебные кони вызвали сильнейшее потрясение реальности, однако это, к сожалению, была не единственная крупная аномалия на столь коротком промежутке времени. Недавний побег древних богов из Ностальгии — вещь настолько невероятная, что она перевернула мир вверх дном.

Большинство бед, в которых отчасти виноваты ты и твои волшебные кони, обрушилось на Венецию. Город оказался в эпицентре потрясения реальности. Наводнение, нашествие монголов и эпидемия чумы, которая вот-вот охватит весь город, не предусмотрены естественным ходом истории. Если бы не ты с твоими волшебными конями, такого в Венеции никогда бы не случилось. Это случайные, побочные ветви древа возможных событий; их вероятность ничтожно мала. Но твое вмешательство в естественный ход истории повернуло колесо фортуны, и одна из побочных ветвей заменила собою главную ветвь. Под угрозой оказалась вся будущая история!

— Будущая история?! Как может оказаться под угрозой то, что еще только должно произойти?!

— Такое возможно, если рассматривать будущее как то, что уже происходило однажды и грозит повториться вновь, стирая прошлое. Этого нельзя допустить ни в коем случае. Нам нужно избежать подобной катастрофы любой ценой.

— Многим придется пожертвовать, — сказала Ананке, ставя пустую чайную чашку на столик. — Похоже, из земной истории будет вырезан порядочный кусок. Но прежде, дружочек демон, ты должен вернуть своих актеров на свои места — в то время и в то место, где они находились до начала пьесы.

Аззи не оставалось ничего другого, как согласиться. Однако в эти роковые минуты у него созрел новый дерзкий план. Ананке укоряла его, что он действует вопреки реальности. Но что такое реальность? Всего лишь неустойчивое равновесие, всего лишь соглашение между добром и злом. Если бы только удалось уговорить Михаила изменить условия этого соглашения, к их обоюдной выгоде... Но прежде чем вести переговоры с Михаилом, нужно позаботиться об актерах.

Часть X

Глава 1

Аззи уходил из Дворца правосудия с низко опущенной головой. Его черные крылья бессильно повисли и волочились по земле. Демон пытался свыкнуться с мыслью, что пьесу, его безнравственную пьесу, над которой он столько трудился, не суждено доиграть до конца. В его театре занавес опустится в самом разгаре действия. Легенда о семи золотых подсвечниках будет забыта. К Пьетро Аретино никогда не придет великая слава, а с актерами, с этими славными людьми, к которым Аззи успел привязаться, придется расстаться навсегда. Навсегда... За всю свою жизнь Аззи пришлось пережить немало утрат, и он знал, каким холодом веет от этого слова. Но что он мог поделать? Ананке приказала ему отменить пьесу...

Впрочем, если хорошенько поискать, должен найтись какой-нибудь выход.

Аззи добрел до киоска, где торговали готовыми заклинаниями перемещения и другими волшебными средствами для путешествий в пространстве и времени, и пополнил свой дорожный запас магических снадобий. Настроение у него было мрачное. Оглядевшись кругом, он заметил неподалеку другой киоск, на котором большими красными буквами было написано: «Готовые завтраки, обеды и ужины на любой вкус. Для ангелов, демонов и других духов». Подойдя к окошечку, где краснощекий толстяк в белом колпаке принимал заказы от клиентов, Аззи спросил меню. В списке блюд оказались его любимые копченые кошачьи головы с острым соусом. Аззи воспрянул духом: когда в дорожной сумке демона лежит увесистый пакет с копчеными кошачьими головами, демон начинает видеть вещи не в таком мрачном свете. Аззи сотворил заклинание перемещения и вскоре уже мчался сквозь волнистые туманы, расстилающиеся между различными сферами потустороннего мира.

С хрустом жуя кошачью голову, Аззи обдумывал свои даль-

нейшие планы. Блестящие гипотезы возникали одна за другой, однако, поразмыслив, Аззи вынужден был их отвергнуть. Несмотря на свои блестящие знания трансцендентальной казуистики, он не видел обходного пути. Что бы он ни сделал, Ананке все равно рано или поздно найдет его, и тогда ему придется очень туго. Но если бы ему грозил только гнев Ананке! Были куда более серьезные неприятности. Волшебные кони, которых ввел в свою пьесу Аззи, нарушили причинно-следственные связи во Вселенной. Структура Мироздания трещала по швам и готова была развалиться при любом, даже самом незначительном вмешательстве в естественный ход событий. И тогда... Страшно подумать, что случится тогда. Законы логики перестанут действовать, и мир погрузится в состояние хаоса, из которого он когда-то возник.

Вскоре он уже был в Венеции. С высоты птичьего полета демону открылась безрадостная картина. Город доживал свои последние дни. Внешние острова уже полностью скрылись под водой. Ветер утих, но вода все продолжала подниматься, и над площадью святого Марка уже было целых десять футов глубины. Люди пытались спастись от наводнения в верхних этажах домов, но соленая морская вода размывала каменную кладку, и дома рушились, погребая под своими обломками несчастных жителей.

Аззи без труда нашел Аретино — поэт был дома. Засучив рукава, он перетаскивал мешки с песком и сбрасывал их возле стен своего дома, чтобы хоть как-то отгородиться от воды. Впрочем, он сам понимал бесполезность своего занятия и продолжал работать лишь из обычного упрямства.

Бросив на полдороге очередной мешок с песком, Аретино вместе с Аззи прошел в наполовину затопленный дом.

На третьем этаже им удалось найти сухое помещение. Не тратя лишних слов, Аззи сразу перешел к делу.

— Где наши актеры? — спросил он у Аретино.

— В трактире, где же еще, — пожал плечами тот.

Итак, Аззи оставалось только объявить о роспуске своей труппы, собрать волшебные золотые подсвечники и отправить их обратно в Лимб, к Фату, из чьих рук он их получил. Затем нужно будет увезти актеров из Венеции. Но сказать об этом Аретино сейчас у Аззи просто не хватало мужества. Пусть поэт узнает об отмене спектакля, когда об этом будет объявлено в присутствии всех актеров.

— Нужно спасать наших людей, — сказал Аззи, избегая глядеть поэту в глаза. — Во что бы то ни стало их надо увезти из Венеции. Не нужно быть пророком, чтобы понять простую истину: город обречен на гибель. Ему не выстоять против нашествия

монголов и этого ужасного потопа. Из достоверных источников мне стало известно, что грядет смена событийной ветви пространственно-временного континуума, на которой находится эта часть истории...

— Как вы сказали? Смена ветви какого-то континуума? Объясните, пожалуйста, что все это значит.

— Это значит вот что. Представьте себе единую нить истории целого города, которую прядет какая-нибудь дряхлая Парка или другое мифическое существо. Дальнейшие события — это тот материал, из которого после должна получиться нить. Парка скручивает их вместе и долго вертит в пальцах. Ход нынешних событий грозит Венеции неминуемой гибелью. Этого Ананке допустить не может. Значит, Парке придется расщепить единую нить истории на две как раз в том месте, где в естественный ход событий вплелась наша легенда о золотых подсвечниках. Та новая нить, где не будет никаких подсвечников, станет основной, а побочная, то есть та, где мы сейчас находимся, будет вырезана и отправлена в Лимб.

— Ваш рассказ понятен, но в нем слишком много абстракций, — сказал Аретино. — Что конкретно это будет означать для жителей города? Что с ними произойдет?

— Что ж, если вам непременно хочется это узнать, я удовлетворю ваше любопытство. Та Венеция, которая будет отправлена в Лимб, просуществует всего лишь неделю — с того момента, когда я попросил вас написать пьесу, и до сегодняшней полуночи, когда войска монголов войдут в город и морские воды наконец одолеют последнюю дамбу, еще сдерживающую их напор. Город погибнет. Но на этом все отнюдь не кончится. Время замкнется в кольцо, и эта трагическая неделя будет повторяться снова и снова. Жители Венеции раз за разом будут переживать свои последние дни — и умирать.

— А если мы спасем наших актеров?

— У них есть шанс остаться в живых. Если до сегодняшней полуночи нам удастся вывезти их из Венеции, то все будет продолжаться так, словно меня и не было. Их вернут в прошлое, как раз за несколько секунд до того момента, когда мы с ними встретились.

— Но они хотя бы будут помнить о том, что с ними здесь происходило?

— Нет, Аретино. Помнить об этом будете только вы. Я хочу, чтобы вы все-таки написали свою пьесу.

— Понятно, — кивнул Аретино. — Откровенно говоря, я не ожидал такого поворота событий. Не думаю, чтобы нашим актерам это понравилось.

— И, однако, им придется подчиниться, нравится им это или нет. Иначе пусть пеняют на себя.

— Что ж, придется мне им растолковать, что к чему.

— Уж вы постарайтесь, любезный Пьетро. Не теряйте времени, идите к ним. Мы с вами встретимся в церкви.

— Вы покидаете нас?

— Есть у меня одна идея, — ответил Аззи. — Если мой план удастся, пьесу о семи золотых подсвечниках еще можно будет спасти.

Глава 2

Совершив переход в систему Птолемея, Аззи увидел над своей головой хрустальный купол небесного свода и хрустальные сферы, на которых держались золотые звезды, каждая на своей орбите. Аззи попадал сюда уже не в первый раз, и его всегда удивлял образцовый порядок, царивший в этой системе, — порядок, которому неукоснительно подчинялось все живое и неживое.

Аззи мчался со скоростью демона до тех пор, пока вдалеке не показались Гостевые Врата рая. Для него это был единственный путь на небеса. Всякого, кто осмелился бы пройти через служебный вход, ждало суровое наказание.

Гостевые Врата, строгие решетчатые бронзовые ворота сорока локтей в высоту, висели на двух мраморных столбах. К ним вела дорожка из белых пушистых облаков, ступать по которым было мягче, чем по самому роскошному персидскому ковру. В чистом воздухе далеко были слышны ангельские голоса, распевающие «аллилуйя». У входа стоял массивный стол красного дерева, за которым сидел благообразный лысый старичок с длинной седой бородой. К его белой атласной хламиде была приколота современного вида карточка в пластиковой обложке: «Святой Захария. Господь да пребудет с Вами!» Этого старичка Аззи не знал, хотя был знаком почти со всеми обитателями рая. Впрочем, на вахту у Гостевых Врат обычно назначают кого-нибудь из малозначительных святых.

— Чем могу быть вам полезен? — осведомился Захария, увидев демона.

— Мне нужно поговорить с архангелом Михаилом.

— Он оставлял какие-нибудь письменные распоряжения насчет вас?

— Боюсь, что нет. Я ведь не договаривался с ним о встрече заранее.

— В таком случае, любезнейший, боюсь, что...

— Послушайте, — досадливо поморщился Аззи, — я пришел по очень важному делу, которое не терпит отлагательств. Доложите же Михаилу, что я прошу меня принять. Даю вам слово демона, он только похвалит вас за расторопность.

Что-то ворча себе под нос, Захария поднялся из-за стола и направился к мраморному столбу Врат, где висела златая переговорная труба. Произнеся в трубу несколько слов, он приставил к ней ухо и стал ждать ответа, весьма скептически поглядывая на демона. Наконец из трубы послышался чей-то начальственный голос, который произнес несколько коротких слов.

— Разрешите заметить, сэр... — забормотал святой. — Это нарушение правил... Да... Да... Слушаюсь!

И, повернувшись к демону, сказал:

— Вас велено пропустить.

Открыв маленькую служебную дверь, поставленную рядом с парадными Гостевыми Вратами, Захария пропустил Аззи на территорию рая.

Аззи зашагал по песчаным дорожкам мимо зеленых лужаек, на которых стояли опрятные беленькие домики. Вскоре он добрался до административного здания в западной части рая. Сам Михаил встречал его на ступеньках. Он провел демона внутрь и налил ему бокал превосходного вина — в раю знают толк в винах, хотя за стаканом доброго виски вам пришлось бы идти ко всем чертям.

Аззи сразу же перешел к делу.

— Я хочу заключить с тобой договор, — сказал он Михаилу.

— Договор? О чем? И на каких же условиях?

— Тебе, безусловно, известно, что Ананке запретила постановку моей безнравственной пьесы?

Михаил усмехнулся:

— Ах так, значит, она все-таки запретила твою пьесу! Что ж, отлично!

— Так, значит, тебя это радует? — Аззи говорил ровным, безжизненным голосом.

— Конечно! Хотя в *принципе Ананке положено быть выше* добра и зла, верша правосудие, я рад, что она понимает, с какой стороны ее хлеб намазан маслом.

— Я предлагаю договориться по-хорошему.

— Ты хочешь заключить со мною союз против Ананке?

— Да.

— Ты меня удивляешь. Ананке запрещает твою безнравст-

венную пьесу, чему я, признаться, очень рад. И ты предлагаешь мне выступить против нее?

— Сдается мне, что ты просто завидуешь успеху моей постановки, вот почему тебе так хочется, чтобы пьесу отменили.

Михаил снисходительно улыбнулся:

— Ну, может быть, я тебе и завидую. Чуть-чуть. Признаться, меня уже давно раздражают твои вечные поиски чего-то нового, твое стремление показать всему миру, на что ты способен. Однако, решив остановить тебя на этот раз, я исходил отнюдь не из личных соображений. Ведь твоя пьеса подрывает основы всяческой морали, которую я как служитель добра призван защищать. Разве не так?

— Нет, не так, — сказал Аззи. — Ты, конечно, не поверишь мне, но на этот раз речь идет о гораздо более серьезных вещах, чем мораль как таковая.

— О вещах более серьезных — для кого?

— Для тебя и для твоих союзников, разумеется.

— Для меня? Чем же это грозит мне? Ведь Ананке делает как раз то, чего мы добиваемся.

— Плохо уже то, что она вообще что-то делает.

Михаил резко выпрямился.

— Ты так думаешь?

— Да, я думаю так. С каких это пор Ананке стала вмешиваться в наши дела, в извечную борьбу сил света и сил тьмы?

Михаил в задумчивости потер подбородок.

— Действительно, я что-то не припомню другого подобного случая... Слушай, Аззи, куда ты клонишь?

— Ты признаешь право Ананке командовать собою? — спросил Аззи.

— Конечно, нет! Не ее дело вмешиваться в дела добра и зла. Она приводит космос в равновесие, но отнюдь не устанавливает законы.

— Но ведь, запрещая мою пьесу, она тем самым диктует нам свою волю — иными словами, устанавливает закон!

Михаил улыбнулся:

— Подумаешь, событие вселенского масштаба — запретили пьесу!

— Ты заговорил бы совсем по-иному, если бы она запретила твою пьесу! — воскликнул вышедший из себя Аззи.

Улыбка на лице архангела сменилась гримасой:

— Но ведь она запрещает *твою* пьесу...

— На этот раз — да. Но кто может поручиться, что в следующий раз не настанет твоя очередь? Если уж Ананке взялась рас-

поражаться Злом, то почему бы ей не указывать Добру? Что ты на это сможешь возразить?

Михаил ничего не ответил. Он поднялся из высокого кресла и начал расхаживать взад-вперед по комнате, заложив руки за спину. Внезапно он резко остановился и повернулся к Аззи.

— Ты прав. Запретив твою пьесу, Ананке тем самым нарушила принцип невмешательства. Как она только посмела? Конечно, как представитель Сил света я рад, что пьеса не пошла; однако последствия такого запрета со стороны Ананке могут оказаться серьезнее той смуты, которую могла бы посеять твоя безнравственная пьеса.

И в этот самый миг прозвенел колокольчик у дверей.

— Войдите! — нетерпеливо крикнул Михаил.

В кабинет вошел архангел Гавриил.

— Ах, это ты, Гавриил! А я уже собирался посылать за тобой гонца!

— Вам почта, сэр, — доложил Гавриил.

— Почта подождет. Я только что получил весьма тревожные сведения о том, что Ананке, фигурально выражаясь, вторглась на чужую территорию. Мне срочно нужно посоветоваться с архангелом Гавриилом и еще кое с кем.

— Да, сэр. *Они* также желают вас видеть.

— *Они* желают меня видеть?

— Да, и поэтому они прислали вам письмо.

— Письмо? Чего же они хотят?

— Мне об этом ничего не сказали.

Михаил бросился к двери из кабинета.

— Ждите меня здесь, — бросил он на ходу.

— Это относится ко мне, сэр? — спросил ангел Гавриил.

— К вам обоим, — ответил архангел.

Михаил отсутствовал недолго, но, когда он вернулся, Гавриил и Аззи сразу поняли, что дела идут неважно.

— Боюсь, что сопротивляться Ананке мне не под силу, — сообщил архангел, избегая глядеть Аззи в глаза.

— Как же так? — тихо спросил его Аззи. — Ведь силы добра понесут не меньшие потери, чем силы зла.

— Ах, если бы дело было только в этом! — сказал Михаил.

— А в чем же дело? — спросил Аззи.

— Речь идет о гибели самого Мироздания, — ответил Михаил. — Судьба всей Вселенной поставлена на карту. Так меня информировали в Совете светлых сил.

— Михаил, пойми, что речь идет прежде всего о свободе, — не сдавался Аззи. — О свободе воли, которая есть величайшая ценность в этом мире. О свободе каждого избирать стезю добра

или зла, следуя велению собственного рассудка и голосу совести, подчиняясь только законам природы, а не воле Ананке.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул архангел Михаил. — Не думай, что мне это нравится. Но, видно, правду говорят: от судьбы не уйдешь. Сдавайся, Аззи. Отменяй свою пьесу. Ты проиграл на этот раз. Даже Совет темных сил не поддержит тебя.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал Аззи и вылетел из кабинета, хлопнув дверью.

Глава 3

Вернувшись в Венецию, Аззи застал своих актеров все в том же трактире. Синьор Родриго и синьора Крессильда молча сидели рядом в углу. Хотя меньше всего на свете они нуждались в обществе друг друга, все же привычка соблюдать светские условности заставляла их держаться вместе: ведь остальная публика явно не принадлежала к высшей знати. Корнглоу и Леонора, как обычно, не замечали никого, кроме друг друга. Квентин и Киска играли в веревочку. Мать Иоанна устроилась у окна с рукоделием, а сэр Оливер до блеска начищал золотую рукоять своей шпаги: в последнем акте пьесы он хотел появиться во всем своем великолепии.

Аззи начал говорить; тон его был довольно бодрым.

— Дамы и господа, по не зависящим от нас обстоятельствам доиграть пьесу мы не сможем. И тем не менее разрешите мне поблагодарить вас за участие в пьесе. Все вы справились со своими ролями как нельзя лучше, и подсвечники пришлись как нельзя более кстати.

— В чем дело, синьор Антонио? — спросил сэр Оливер, внимательно слушавший речь демона. — В конце концов, исполнятся наши желания или нет? Я подготовил торжественную речь, и мне не терпится произнести ее в последнем акте. Не пора ли начинать?

Вслед за сэром Оливером и остальные актеры начали подавать голоса со своих мест. Аззи жестом остановил их:

— Я не знаю, как вам это объяснить, но на высочайшем уровне мне был дан категорический приказ немедленно прекратить постановку пьесы. Торжественное шествие с золотыми подсвечниками отменяется.

— Мы сделали что-нибудь не так? — встрепенулась мать Иоанна.

— Похоже, что в нашей пьесе был нарушен один из этих глупых древних законов...

Мать Иоанна удивленно подняла брови:

— Но ведь древние законы, похоже, для того и существуют, чтобы их нарушать. Люди каждый день нарушают тысячи разных законов — и Вселенная от этого не переворачивается.

— Обычно нет, — согласился Аззи. — Но на этот раз, кажется, она готова перевернуться. Мне сказали, что в этом виноваты мои волшебные кони. Я ввел в пьесу слишком много волшебных коней.

— Подумаешь, волшебные кони! — сказал сэр Оливер. — Волшебные кони — это пустяки, дело житейское. Стоило поднимать из-за них такой шум! Нам нужно только продолжать пьесу, и дело уладится само собой.

— Я бы рад ее продолжить, — вздохнул печально демон, — да не могу. Сейчас каждый из вас вручит Аретино свой золотой подсвечник.

Аретино молча обошел актеров; участники действа нехотя расставались со своими драгоценными талисманами.

— А теперь нам пора убираться отсюда, да поскорее. Венеция обречена. Оставаться здесь дольше нельзя — это опасно.

— Так скоро? — разочарованно протянула мать Иоанна. — Я даже не успела навестить могилы величайших святых, поклониться святым мощам.

— Если вы не хотите, чтобы среди могил величайших святых появилась еще одна — ваша, то советую вам прислушаться к моим советам, — сказал Аззи. — Все следуйте за Аретино. Он выведет вас из города. Вы слышите меня, Аретино? Этих людей во что бы то ни стало нужно вывезти с венецианских островов.

— Легко сказать! — проворчал Аретино. — Могу обещать вам только одно: сделаю все, что в моих силах.

Поэт сложил золотые подсвечники в углу у алтаря.

— Что прикажете с ними делать дальше? — спросил он у Аззи.

Аззи уже собирался ответить, но тут кто-то робко потянул его за рукав. Обернувшись, Аззи увидел Квентина. Рядом с ним стояла Киска.

— Пожалуйста, сударь, — произнес Квентин умоляющим тоном. — Я ведь очень хорошо выучил свою речь, с которой я должен выступить в последнем акте. Мы с Киской вместе ее придумали. Она очень красивая. В стихах...

— Молодцы, — рассеянно пробормотал Аззи.

— Неужели я напрасно ее разучивал? — не унимался Квентин.

— Ну, расскажешь мне по дороге. Нам нужно выбираться отсюда. Я доставлю вас в безопасное место...

— Но ведь это совсем не одно и то же! — возразил Квентин. — Ведь мы готовили речь для торжественного выхода...

Аззи поморщился:

— Не будет никакого торжественного выхода.

У Квентина на глазах показались слезы.

— Кто-то из нас плохо себя вел? — спросил он.

— Нет, вы все вели себя хорошо.

— Значит, пьеса плохая?

— Нет! — вскричал Аззи. — Пьеса отличная! И вы блестяще справились со своими ролями — вели себя совершенно естественно, как и положено настоящим актерам.

— Но если пьеса отличная, — сказал Квентин, — и мы играли ее хорошо, то почему же все-таки нам нельзя ее доиграть?

На этот вопрос Аззи было нелегко ответить. В самом деле, почему? Аззи понимал чувства мальчика — он вдруг вспомнил себя молоденьким демоном, гордым и честолюбивым, не признающим над собой никакой власти. С тех пор, конечно, многое изменилось. Он уж не тот, что прежде. Теперь Ананке вздумалось приказать ему отменить пьесу — и он безропотно повиновался. Конечно, Ананке имеет огромный вес, и в данном случае она выступала скорее не как персона, а как могучая, всеподчиняющая сила. Это ее железная воля смутно угадывалась за всеми событиями в мире. Она незримо, но самовластно управляла Вселенной. И вот теперь она впервые открыто вмешалась в происходящие события. И кто же в результате пострадал больше всех? Аззи Элбуб.

— Это не так просто, мой мальчик, — сказал Аззи Квентину. — Ведь, доигрывая пьесу, все мы можем погибнуть.

— Что ж, умирать когда-нибудь все равно придется, — философски заметил Квентин.

Аззи посмотрел на этого мальчика, готового пожертвовать жизнью ради его пьесы, и ему стало стыдно. Неужели же он, демон достаточно высокого ранга, струсит и отменит пьесу, если даже простой смертный, еще совсем ребенок, проявляет такую смелость и силу духа?

Аззи поднял голову и расправил крылья. В глазах его зажегся дьявольский огонек.

— Хорошо, мой мальчик, — сказал Аззи. — Ты меня переубедил. Эй, вы, все! Ну-ка, разбирайте свои подсвечники! По местам, мои актеры!

— Вы все-таки решились продолжать спектакль! — обрадовался Аретино. — Благодарю вас, сударь, от всей души! Как бы я смог закончить свою пьесу, не посмотрев на живую игру актеров?

— Да, теперь вы сможете закончить свою пьесу, Аретино, — тихо сказал Аззи. — Кстати, вы позаботились о музыке для спектакля?

Музыканты заиграли веселую мелодию. С самого начала они сидели на своих местах. Аретино заплатил им втрое больше обычного за все время, пока они вместе с актерами ждали Аззи. Однако даже обычной платы хватило бы с лихвой: кто еще будет приглашать музыкантов в затопленном водой городе, где гуляет смерть?

Под нежные звуки скрипок Аззи дал знак актерам. Представление началось.

Глава 4

Это было великолепное, яркое зрелище, как раз в духе эпохи Возрождения. Жаль только, что зрителей было маловато — кроме Аретино, занявшего кресло во втором ряду, в зале не было ни души. Конечно, обстановка в городе не располагала к посещению музыкальных вечеров, и тем не менее отсутствие публики, тусклый свет за окном, даже дождь, барабанивший в стекла, придавали спектаклю своеобразное очарование.

По знаку Аззи актеры, серьезные и сосредоточенные, одетые в свои лучшие наряды, прошли через пустой зал и поднялись на сцену. Аззи, игравший роль церемониймейстера, представлял каждого из актеров по очереди и говорил краткую хвалебную речь в его или ее честь.

Но тут начали твориться чудеса. Занавес вдруг зашевелился сам собой. Ветер за окном завыл, застонал печально и жалобно, словно погибшая душа, попавшая в адское пекло. Запахло склепом, могильной сыростью.

— Никогда не слышал, чтобы ветер так стонал, — негромко сказал Аретино.

— Это не ветер стонет, — ответил Аззи.

— Прошу прощения?

Аззи промолчал. Он знал, что зловещий вой ветра, и запах склепа, и внезапный холодок, пробегающий по коже, и звуки чьих-то тяжелых шагов на чердаке — это знаки незримого присутствия гостя из потустороннего мира.

Теперь демону оставалось только уповать на то, что эта могучая, явно враждебная ему сила не сразу сможет его одолеть. Похоже, она с трудом прокладывала себе дорогу в подлунный мир. Хуже всего было то, что Аззи понятия не имел, кто на сей раз явился по его душу. Прямо чертовщина какая-то: на демона охотится нечто, не имеющее образа, больше всего напоминающее привидение! Однако, хотя Аззи и не знал своего нового врага в

лицо, то, что ждет его потом, ему было хорошо известно: черный колодец пустоты, распад сознания, когда прочный храм логики и причинности вдруг рассыпается, словно замок из песка. Малейшее движение — и вот уже камня на камне не остается от той крепости, которую ты возводил всю свою жизнь...

После того как все торжественные речи были произнесены, наступило время для короткой интерлюдии. Хор мальчиков, который Аретино подобрал специально для торжественного случая, исполнял вокальные произведения на духовные темы. Под пение хора в дверях зала возникли неясные очертания высокой худой фигуры, и присутствующие решили, что на представление явился дух святого Георгия. Однако нежданный гость так и не смог окончательно материализоваться и растаял в воздухе.

Затем наступила кульминация торжественного действа. Актеры один за другим подходили к краю рампы, ставили свои подсвечники в ряд и зажигали свечи. Когда свечи во всех семи подсвечниках вспыхнули ярким пламенем, Аззи произнес краткую заключительную речь. Его пьеса, поставленная, чтобы доказать миру одну простую истину: следуя своим природным наклонностям, человек может достичь счастья, удалась. Удача пришла к его актерам отнюдь не как награда за подвиги и добродетели. Напротив, отныне каждый может рассчитывать на благосклонность судьбы.

— И в подтверждение тому, — закончил Аззи свою речь, — здесь стоят мои актеры, получившие златые награды за то лишь, что оставались собой во всем своем несовершенстве.

Аретино, за все время спектакля не покидавший своего кресла в зрительном зале, низко склонился над записной книжкой и что-то быстро писал. Теперь уже он зримо представлял себе контуры той пьесы, которую вскоре напишет по мотивам спектакля, поставленного Аззи! Пусть демон тешит себя иллюзией, что достаточно разыграть подобие «Божественной комедии» — и получится отличная пьеса. Аретино знал, что для создания подлинного шедевра нужно еще долго, долго работать над материалом, который дал ему Аззи. Многое предстоит переосмыслить, а кое-что придется сочинить заново. Ему, сочинителю гениальной пьесы, придется труднее всех: ведь он должен войти в жизнь каждого из своих героев, смеяться вместе с ними и вместе с ними плакать, а если нужно, то вместе с ними пойти на смерть. Потому-то подлинно великие творения и переживают своих творцов, что пишутся они собственной кровью.

Погруженный в свои мысли, Аретино не заметил, как актеры обступили его и наперебой начали спрашивать, как понравилось ему их выступление. Аретино, недовольный тем, что его отвлека-

ют, хотел было сердито ответить им, чтобы они оставили его в покое, но сдержал свой нрав и ответил, что каждый из них сыграл как нельзя лучше.

— А теперь, — сказал Аззи, гася свечи, — нам пора. Подсвечники вам больше не понадобятся. Я сотворю мелкое чудо и отправлю их в Лимб, где они пролежали много веков, пока я не принес их вам. Аретино! Вы готовы отвезти этих людей в безопасное место?

— Да, я готов, — отвечал Аретино. — Если только еще возможно хоть кого-нибудь увезти с этих островов, я берусь это сделать. А как же вы, сударь? Разве вы не покидаете Венецию вместе с нами?

— Я бы рад, — ответил Аззи, — но меня могут здесь задержать непредвиденные обстоятельства. Если меня... ну, словом, если со мной что-нибудь случится, вы знаете, что делать, Пьетро. Во что бы то ни стало спасайте людей, увозите их из Венеции!

— Да, но вы...

— Я постараюсь уцелеть, — улыбнулся Аззи. — В нас, демонах, удивительно развит инстинкт самосохранения.

Аззи и Аретино в сопровождении горстки актеров вышли на улицу, где бушевала гроза. Тьма сгущалась над обреченным городом; в ней пропадали затопленные водой кварталы и высокие шпили церквей. Это была роковая ночь, последняя ночь Венеции, и, быть может, всем им суждено было погибнуть вместе с нею.

Глава 5

Улицы Венеции весьма напоминали преддверие ада. Вода доходила уже почти до пояса. Жители города, обезумевшие от страха, покидали свои дома и бесцельно блуждали по городу в поисках какого-нибудь укрытия, где можно было бы спастись от наводнения. Аретино провел своих спутников кратчайшим путем к пристани, где обычно стояли легкие лодки, развозившие пассажиров, но причал был абсолютно пуст. Не помог даже увесистый кошель с золотом, который Аретино предусмотрительно взял с собой, зная, что там, где речь идет о спасении жизни, плата за место в лодке может быть довольно высока.

— Дьявольщина! — выругался Аретино. — Похоже, что все лодки в городе либо пошли ко дну, либо уже заняты теми, кто оказался проворнее нас.

— Я знаю, кто может помочь нам вывезти актеров в безопасное место, — сказал Аззи, — и я во что бы то ни стало разыщу

его, хоть это и вызовет новую аномалию, за которую мне придется потом отвечать. Нам нужен Харон. Его ладья обычно рыщет неподалеку от тех мест, где пахнет смертью. У него особое чутье на крупномасштабные трагедии.

— Как, разве Харон существует на самом деле? — удивился Аретино. — Я думал, это просто древний миф...

— Конечно, он существует, — сказал Аззи. — Он пережил древних богов и даже сумел весьма неплохо устроиться с наступлением эпохи христианства. Он по-прежнему переправляет души умерших в мир иной, и дела его, смею уверить, идут весьма неплохо.

— Да, но возьмет ли он в свою ладью живых?

— На этот счет не беспокойтесь. Мне уже приходилось несколько раз иметь с ним дело. Я берусь его уговорить.

— Но где нам его искать?

На этот вопрос Аззи не ответил; он просто повернул в одну из улочек и быстро, уверенно зашагал вперед.

Аретино и актерам безнравственной пьесы не оставалось ничего другого, как идти за ним следом.

— К чему такая спешка? — спросил Аретино, догнав демона. — Неужели наше положение настолько безнадежно?

— К сожалению, оно даже хуже, чем вы можете себе представить, Аретино. Падение Венеции — это только начало. Если мы не успеем спасти наших актеров, то вся Вселенная погибнет. Рухнут обе системы — и Коперника, и Птолемея. Уже сейчас повсюду заметны признаки надвигающейся мировой катастрофы. Среди бела дня на улицах творятся чудеса. Торговля в городе почти замерла. Даже любовью люди уже почти не занимаются! Налицо явный аномальный взрыв.

— Я не понимаю, какая связь существует между любовью и гибелью Вселенной. Что такое аномальный взрыв? Что конкретно нам угрожает? И что ждет нас всех, если эта катастрофа, как вы ее называете, и впрямь случится?

— О, в этом случае вы и сами сразу же обо всем догадаетесь. Когда гибнет Вселенная, первым делом распадается связь времен. Следствия перестают плавно вытекать из своих причин, выводы не увязываются с предпосылками. Как я уже рассказывал вам, реальность начинает раздваиваться, и начиная с какого-то момента будут существовать два параллельных мира, две совершенно самостоятельные реальности. В одном из этих новообразовавшихся миров история будет идти так, как будто бы вовсе не существовало золотых подсвечников и никто не ставил безнравственную пьесу. Но в другом мире золотые подсвечники будут существовать, наша с вами пьеса будет сыграна, и, как следствие

этого, погибнет Венеция, великий город. Этот мир, с погибающей Венецией, мы аккуратно вырежем из ткани бытия и отправим в Лимб. При этом время замкнется в непрерывное кольцо. История с золотыми подсвечниками будет повторяться снова и снова, и всякий раз это будет кончаться гибелью целого города. Нам нужно увезти отсюда актеров до того, как это случится.

Однако найти Харона оказалось не так просто. Они обошли полгорода в поисках его ладьи, и повсюду они видели толпы людей, пытающихся выбраться из гибнущего города. В ход шли любые средства; наиболее отчаянные хватались за доски или обломки бревен и бросались в волны, пытаясь уплыть с островов. Однако большинство не могло справиться с волнами и сильным течением и тонули, и тянули с собой на дно других неудачливых пловцов, оказавшихся поблизости.

Аззи и Аретино видели нескольких лодочников, еще не успевших отплыть от пристани. Их лодки были окружены плотным кольцом из человеческих тел. Пассажиры, занявшие места в лодке, отбивались от тех, кто прыгал в воду и цеплялся за ее борта. В ход шли шпаги и кинжалы; лилась кровь, и слышались пронзительные вопли раненых.

Наконец, вдоволь покружив по узким улочкам, Аззи в сопровождении своей уставшей, до нитки промокшей труппы вышел к одному из знаменитых венецианских каналов, по которому медленно проплывала утлая Харонова ладья. Харон ни разу не обновил свое судно за все время, пока работал перевозчиком душ умерших, и черная краска, которой была выкрашена его ладья, местами облупилась.

— Эй, на борту! — закричал Аззи, завидев эту старую посудину.

Высокий и худой старик со впалыми, землистого цвета щеками и ввалившимся ртом обернулся на зов. Глаза его недобро сверкали из-под нависших седых бровей.

— Аззи! — воскликнул он. — Вот нечаянная встреча! Впрочем, тебя можно встретить в самых неожиданных местах.

— А ты сам? Что делаешь в Венеции ты, Харон? Ведь если я не ошибаюсь, это довольно далеко от Стикса.

— Мы, перевозчики душ умерших, плаваем везде — ведь люди умирают во всем мире. Из компетентных источников я узнал, что вскоре здесь должна произойти катастрофа, да такая, какой мир еще не видал со дня гибели Атлантиды. Вот я и решил податься в эти края.

— Мне нужна твоя помощь. Дело очень важное и срочное.

— Моя помощь? А это дело не может подождать? Я как раз собирался вздремнуть до того, как начнутся эти бесконечные изматывающие рейсы в преисподнюю и обратно.

— Мои друзья попали в беду, — настойчиво продолжал Аззи. — Во что бы то ни стало нужно вывезти их из города.

— Не мое это дело — возить живых, — ответил Харон равнодушно. — У меня и без того хватает работы — в городе слишком много больных, которые вот-вот отдадут богу душу.

— Мне кажется, ты не вполне понимаешь, чем грозит нам гибель Венеции.

— Что до меня, то мне от этого ни жарко ни холодно, — усмехнулся Харон. — Смерть собирает свою жатву в Верхнем Мире, а в царство мертвых она не спускается. Там царит вечный покой.

— Да, так оно и было до сих пор. Но сейчас миропорядок может нарушиться, и тогда в царстве мертвых будет уже не так спокойно, как прежде. Слушай, неужели тебе в голову не приходило, что сама Смерть может умереть?

— Смерть может умереть? Какой абсурд!

— Ну да. Если даже Бог умер[1], то почему Смерть не может умереть? Когда пробьет роковой час, она умрет, причем весьма мучительно! Я говорю тебе чистую правду: судьба всей Вселенной висит на волоске. Если Мироздание рухнет, ты тоже погибнешь под его обломками!

Этот последний довод может убедить кого угодно, и даже такого скептика, как Харон.

— Так чего ты от меня хочешь? — спросил он у Аззи.

— Мне нужно вывезти своих людей из города и вернуть их в прошлое, за несколько секунд до нашей с ними встречи, на то самое место, где они впервые встретились со мной. Тогда все встанет на свои места, и мир будет спасен.

Многие думают, что утлая Харонова ладья тащится еле-еле и ничто в мире не может заставить ее двигаться быстрее, однако это далеко не так. Если Харон захочет, его судно развивает скорость хорошего парусника. Как только актеры сели в ладью, перевозчик душ умерших встал у руля и приказал своей команде матросов-мертвецов налечь на весла. Ладья вышла на середину канала и стрелой полетела к морю.

Харон стоял на корме, крепко сжимая руль, — худой и высокий, в длинной мешковатой одежде, весьма напоминающий огородное пугало. Вскоре его ладья уже бороздила воды залива. Гибнущий город был виден отсюда как на ладони. Повсюду пы-

[1] «Бог умер» — прямая цитата из «Так говорил Заратустра» Ницше («Gott ist tot»).

лали костры; багровое зарево полыхало над Венецией, и дым извивался, словно огромный змей, поднимаясь к закрытому грозовыми тучами небу. Выйдя из залива, Харон резко изменил курс и сбавил скорость; ладья начала скользить вдоль болотистых берегов, густо заросших камышом. Места были незнакомые и какие-то странные. Оказалось, что Харон выбрал кратчайший путь через реку, текущую между двумя мирами.

— Здесь все осталось так, как было в самом начале? — спросил Аретино.

— Ну, в те времена меня здесь еще не было, — усмехнулся Харон, — однако я здесь плаваю довольно давно. Здесь мало что изменилось с тех пор, когда мир еще не знал строгих законов физики и в нем царила магия. Да-да, на Земле были такие дивные времена. Явь тогда была похожа на сон. Люди и по сей день навещают этот затерянный мир — в мечтах и фантазиях, в волшебных снах или при помощи колдовских чар. Это древняя, заповедная страна. Она древнее, чем сам бог, древнее, чем все его творения. Так мир выглядел еще до того, как возникла Вселенная.

Перед отправлением Аретино пересчитал людей, взятых Хароном на борт. Оказалось, что двое или трое жителей Венеции, воспользовавшись всеобщей суматохой, сумели незаметно проскользнуть в трюм и прятались там до тех пор, пока их не обнаружили. Впрочем, места на ладье Харона было вполне достаточно, и поэтому лишних пассажиров было решено оставить. Но вот Корнглоу и Леоноры не было видно нигде — ни в трюме, ни на корме, ни на носу.

Аретино спросил, кто и когда видел влюбленную пару в последний раз, но пассажиры только вопросительно глядели друг на друга и пожимали плечами. Корнглоу и Леонора как в воду канули. Никто не видел их после окончания представления.

Актеры заняли места на пассажирских скамьях, но Аззи не торопился присоединиться к остальным. Он стоял у причала и отвязывал толстый канат, удерживавший ладью.

— Нет Корнглоу и Леоноры! — крикнул ему Аретино с кормы.

— Мы не можем их ждать! — проворчал Харон. — Смерть подгоняет нас. Она не любит опаздывать.

— Отправляйтесь без них! — отдал приказ Аззи.

— А как же вы? — спросил Аретино.

— Рад бы, да не могу, — ответил демон. Только сейчас Аретино разглядел за его спиной неясную тень, протянувшую свою длинную костлявую руку прямо к горлу Аззи.

Аззи отвязал канат и забросил его на борт ладьи. Хароновы гребцы оттолкнулись веслами от причала, и ладья отчалила. Между причалом и ее бортом показалась полоска темной воды.

— Неужели мы ничем не можем вам помочь? — прокричал Аретино.

— Нет, не можете! — крикнул в ответ Аззи. — Пожалуйста, отплывайте как можно скорее! Во что бы то ни стало вы должны выбраться отсюда!

И он еще долго провожал взглядом ладью, быстро удалявшуюся от берега и наконец превратившуюся в маленькое темное пятнышко среди морских волн.

Пассажиры пытались устроиться поудобнее на своих скамьях — ведь путь предстоял неблизкий. Конечно, мертвые — не самые приятные спутники для живых, но ради спасения собственной жизни можно перетерпеть маленькие дорожные неудобства.

Киска вежливо поздоровалась со своей соседкой, женщиной в темной накидке с низко надвинутым на глаза капюшоном.

— Здравствуйте, барышня, — ответила та глухим голосом. Киска удивилась тому, что мертвецы, оказывается, могут говорить.

— Куда вы направляетесь? — продолжала любопытная Киска.

— В ад, барышня, куда же еще, — ответила та.

— Ой, извините, — смутилась Киска.

— Ничего, рано или поздно все там будем.

— Даже я? — огорчилась Киска.

— Даже ты, — ответила ей женщина. — Но не расстраивайся, ты еще не скоро туда попадешь.

Квентин, сидевший на соседней скамье, жалобно попросил:

— Мне бы чего-нибудь покушать...

— Боюсь, наш хлеб придется тебе не по вкусу. Он очень горек.

— Я не люблю горькое, — захныкал Квентин.

— Тише! — прикрикнула на него Киска. — Разве ты забыл, что для живых не годится та пища, которую едят мертвецы? Стоит тебе проглотить хоть кусочек — и ты сам тоже станешь мертвецом! Потерпи еще немного, мне кажется, я вижу впереди берег.

— Хорошо, — сказал Квентин. Ему вспомнилось, как он служил курьером в потустороннем мире, доставлял почту ангелам и демонам. Как весело было путешествовать между мирами! Как жаль, что все хорошее так быстро кончается!

Часть XI

Глава 1

Казалось, ничто уже не могло спасти Венецию от неминуемой гибели. И все же Аззи решил испробовать самое последнее средство. Для этого нужно было попасть за кулисы Вселенной, где спрятан гигантский космический механизм, приводящий в движение всю Вселенную, и где нет места реальности, — там безраздельно властвует символика.

Аззи знал, как проникнуть туда. Он уже бывал там несколько раз и знал, что любой неосторожный жест в Мире Символов может стоить ему жизни. Тем не менее он отыскал укромный уголок под парадной мраморной лестницей одного из покинутых дворцов и начал готовиться к переходу в один из параллельных миров. Шепча таинственные заклинания, он сложил из пальцев замысловатую фигуру, подул на нее, и...

Голос из Ниоткуда, принадлежавший одному из Невидимых Стражей Пути, строго спросил его:

— Ты действительно хочешь туда попасть?

— Да, — ответил Аззи и растворился в воздухе.

Аззи материализовался в тесной приемной. У одной из стен стоял кожаный диван, у другой — два кресла. Лампа бросала мягкий свет на журналы в глянцевых обложках, лежавшие на низком столике. В углу стояла конторка, за которой возвышалась монументальная фигура секретарши — женщины с головой крокодила. Взглянув на это страшилище, Аззи окончательно успокоился: теперь он точно знал, что попал туда, куда ему было нужно. Здесь были бессильны законы логики, здесь начиналось царство Символов.

— Что вам угодно? — спросила его секретарша.

— Я должен проверить символический механизм, — ответил Аззи.

— Проходите, — секретарша указала на дверь. — Мы давно уже вас ждем.

И Аззи перешагнул порог.

Помещение, в которое он попал, невозможно было описать. Больше всего это напоминало фабрику или автоматизированный завод: ряды механизмов уходили в бесконечность. Бесчисленное количество шестеренок, колесиков, подшипников крутилось и вертелось, производя страшный шум. Приводные ремни вращали огромные валы. Однако опытный глаз мог сразу заметить, что вся эта сложная гигантская машина работает практически вхолостую: отдельные ее части никак не были связаны между собой.

Между рядами машин были сделаны узенькие проходы с железными перильцами. По одному из таких проходов неторопливо шел высокий сутулый техник в сером комбинезоне и серой кепке. В руке у него была масленка. Он часто останавливался и, запуская руку в недра механизма, смазывал какой-нибудь подшипник.

— Каково назначение этой машины? — спросил Аззи.

— Здесь земное время сжимается, скручивается в тонкую нить и протягивается между вальцами, — ответил техник. — А вон там оно выходит наружу: тонкое пестрое полотно.

Техник подвел Аззи к одному из сложных устройств, на поверку оказавшемуся обыкновенным ткацким станком. Действительно, из него медленно выползало тонкое полотно, затканное затейливым узором. Этот узор представлял собой символическую интерпретацию всей земной истории вплоть до настоящего времени. Аззи долго вглядывался в переплетение тонких линий и вдруг заметил, что в одном месте безупречная правильность узора нарушается — очевидно, здесь машина дала сбой.

— Что это? — спросил Аззи, указывая на бракованную ткань.

— Гибель Венеции, — ответил техник. — Этот город представлял собой одну из основных нитей в ткани земной истории, и его гибель привела к распаду связи времен. Старая культура рухнула, а новая еще не успела возникнуть, и потому историческое развитие затормозилось. Возник своеобразный вакуум, который будет существовать до тех пор, пока Венеция не возродится или какой-нибудь другой город не достигнет столь же высокого уровня развития. Если же этого не случится, то, боюсь, этот прекрасный узор будет безнадежно испорчен. Падение Венеции — одна из величайших трагедий цивилизации, и последствия ее могут быть столь велики и ужасны, что я не берусь их предсказывать.

— Жаль оставлять это в таком виде, — сказал Аззи. — Смотрите, если выдернуть всего одну ниточку вот здесь, то Венеция уцелеет.

И он отыскал сюжетную нить, которой сам же положил начало, — ту самую злополучную историю с золотыми подсвечниками, из-за которой погиб целый город. Чтобы восстановить порядок во Вселенной, нужно было удалить ее из переплетения причин и следствий.

— Молодой демон, — обратился к нему механик, — вам отлично известно, что нельзя вмешиваться в сложный процесс создания истории. Выдернуть эту нить очень легко. Но не советую тебе это делать.

— А если я все равно ее выдерну?

— Выдергивай. Увидишь, чем это кончится.

— Ты, конечно же, попытаешься мне помешать?

Техник покачал головой:

— Я приставлен сюда не для того, чтобы мешать кому бы то ни было. Моя обязанность — следить за работой механизмов и за качеством полотна.

Аззи протянул руку к узорчатой ткани и выдернул нить в том месте, где он впервые встретился с паломниками, направлявшимися в Венецию. Нить вдруг вспыхнула ярким пламенем и сгорела дотла, а узор на ткани мгновенно восстановился. Венеция была спасена. Это оказалось так просто...

Аззи уже собирался уходить, когда ледяная рука легла на его плечо. Он обернулся. Техник, обслуживавший ткацкий станок, исчез. Аззи всей кожей ощущал чье-то незримое враждебное присутствие.

Зловещий голос, раздавшийся из пустоты, спросил:

— Ты Аззи Элбуб?

— Я. Кто говорит со мной?

— Зови меня Безымянным. Похоже, ты снова нарушил все запреты.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты создал новую аномалию.

— Допустим. Но какое отношение ко всему имеешь ты?

— Я — Пожиратель Аномалий, — сказал Безымянный. — Я — Особое Обстоятельство, возникающее в недрах Космоса, когда превышен предел правдоподобия. Я — тот, о ком Ананке пыталась тебя предупредить. Своими действиями ты вызвал меня из небытия.

— Мне очень жаль, — заметил Аззи. — Я вовсе не собирался этого делать. Что, если я пообещаю тебе никогда больше не создавать новых аномалий?

— Боюсь, что так просто ты не отделаешься. На этот раз ты попался. Ты слишком долго забавлялся с механикой Вселенной.

И раз уж я здесь, почему бы мне не уничтожить Космос, не свергнуть Ананке и не воцариться в этом мире как верховное божество?

— По-моему, это уже чересчур, — сказал Аззи. — Разве для того, чтобы уничтожить одну аномалию, необходимо произвести еще бóльшую?

— Да, именно так и гибнут миры, — сказал Безымянный. — Боюсь, что тебя мне тоже придется уничтожить.

— Ну что ж, попробуй, — усмехнулся Аззи. — Но раз уж ты решил разрушить этот мир до самого основания, почему бы тебе сперва не уничтожить Ананке? Она здесь самая главная — по крайней мере, она сама думает, что это так.

— Ты, кажется, вздумал меня учить! — разозлился Безымянный. — Я уничтожаю кого хочу! И ни перед кем не обязан отчитываться в своих поступках! Я решил начать с тебя. Сожру твою душу, выпью твою кровь, а там посмотрим, за кого дальше приняться.

Глава 2

Безымянный взмахнул рукой — и Аззи в мгновение ока очутился за столиком летнего кафе. Аззи огляделся вокруг — сомнений быть не могло: они перенеслись в подлунный мир. Город, в который они попали, больше всего напоминал Рим. Аззи слегка приуныл: если Безымянный так легко творит подобные чудеса, то он, несомненно, будет серьезным противником. Однако через каких-нибудь пару секунд демон вполне овладел собой и улыбнулся, показав острые белые зубы. Нельзя было давать врагу ни малейшего преимущества. Нельзя проявлять ни малейшего признака страха или неуверенности в себе.

Безымянный сидел напротив Аззи. Он принял облик огромного толстяка в клетчатом костюме. На голове у него красовалась зеленая тирольская шапочка.

К их столику подошел официант, и Аззи заказал себе чинзано. Приняв самую небрежную позу, позу демона-на-отдыхе, он как бы невзначай спросил:

— Если поединок между нами неизбежен, то, полагаю, вполне разумно будет заранее обговорить все условия. Или это будет борьба без правил?

Аззи знал, что у него нет ни малейшего шанса уцелеть. Безымянный обладал могучей силой; Аззи подозревал, что перед ним

сидит новое сверхбожество. Тем не менее демон не сдавался; он прощупывал почву, стараясь выиграть время.

— А в каком виде борьбы ты искуснее всего? — спросил в ответ Безымянный.

— Я получил степень мастера в борьбе без правил, — отвечал Аззи.

— Ах вот как! Ну что ж, тогда установим правила.

Удалось! В этом первом состязании, состязании умов, победителем вышел Аззи. Ему удалось-таки обвести Безымянного вокруг пальца. Впрочем, демон не спешил торжествовать: ведь до полной победы было еще далеко. К тому же нужно соблюдать крайнюю осторожность. Как бы Безымянный не заподозрил какого-нибудь подвоха... Что же касается правил, то Аззи их не боялся: он с детства был обучен обходить всякие правила.

— По каким правилам ты желаешь вести поединок? — спросил Безымянный.

Аззи еще раз огляделся кругом.

— Мы в Риме? — спросил он.

— Да, в Риме.

— Тогда мы будем сражаться так, как сражались древние гладиаторы.

Не успел он произнести эти слова, как почувствовал приступ легкой дурноты. Аззи вцепился в край столика, чтобы не упасть, но сознания не потерял. Оправившись, он увидел, что стоит на арене цирка. Ни единой души не было в амфитеатре; пустые ряды каменных скамеек поднимались вокруг арены.

Аззи поежился: он стоял посреди арены совершенно голый; Безымянный оставил ему из одежды лишь короткую набедренную повязку. Очевидно, ханжество было свойственно новому сверхбожеству. Это следовало взять на заметку — подобная информация могла оказаться весьма полезной в будущем.

Внимательно осмотрев себя с головы до ног взглядом со стороны, которым демоны часто пользуются после различных перевоплощений вместо зеркала, желая убедиться, что все у них на месте, Аззи обнаружил на ремне у пояса короткий римский меч — точь-в-точь такой, какими гладиаторы в древности сражались друг с другом на аренах цирков. У ног Аззи лежал круглый щит — судя по количеству царапин и зарубок, оставленных на нем, далеко не новый.

— Что-то уж больно быстро мы перешли к действиям, — сказал Аззи.

— Я схватываю все на лету, — ответил Безымянный. Голос

его доносился из ниоткуда — было похоже, что воздух разговаривает с демоном языком сверхбожества.

— Ну, и что дальше? — спросил Аззи.

— Рукопашная! — отвечал Безымянный. — Будем сражаться один на один до тех пор, пока кто-нибудь из нас не погибнет. А вот и я!

И тут Аззи увидел, как одна из бронзовых дверей, ведущих на арену, открылась, и оттуда, лязгая гусеницами, выползла тяжелая стальная громадина. Аззи уже видал эти адские машины на полях сражений Первой мировой войны, куда его случайно занесло. Это был армейский танк, с полным комплектом вооружения, с короткой пушкой, грозно глядевшей прямо на Аззи из невысокой башни.

— Ты сидишь в этом танке? — спросил Аззи у Безымянного.

— Я сам — этот танк, — ответил тот.

— Не кажется ли тебе, что на твоей стороне явный перевес в военной технике? — сказал Аззи.

— Молчи! Учись проигрывать с достоинством, — прогрохотал Безымянный.

И танк медленно, не торопясь, начал наступать. Безымянный явно наслаждался своей властью над практически безоружным противником. Порой облако едкого дыма вырывалось из выхлопной трубы, заставляя Аззи чихать и кашлять. Танк кружил, маневрировал с удивительной легкостью, заставляя демона двигаться в одном направлении. Аззи шаг за шагом отступал назад, сжимая в руке короткий меч. Подъехав поближе, танк выпустил два гибких механических манипулятора, похожих на щупальца. На конце каждого из этих стальных щупальцев была циркулярная пила. Безымянный включил обе пилы, и те завыли на такой пронзительной ноте, что у Аззи мурашки забегали по коже.

И вот, сделав очередной шаг назад, Аззи уперся в каменную стену. Дальше отступать было некуда. Безымянный занес над головой демона циркулярную пилу...

— Стой! — закричал Аззи. — Это не по правилам! Где зрители? Почему пустуют зрительские ряды?

— Что?.. — растерялся Безымянный.

— Я требую, чтобы на нашем поединке присутствовали зрители! Только тогда у нас будет настоящий бой гладиаторов!

Двери в зрительный зал открылись, и в проходе между скамьями появились зрители. Аззи узнал их. Первыми шли боги-олимпийцы в белоснежных хитонах. За ними — Илит под руку с Гавриилом. А за этой парой, подняв голову и расправив плечи, шагал Михаил.

Безымянный, принявший облик танка, повернул свою башню в их сторону. Ствол его пушки покачался из стороны в сторону. Ему явно не нравилось то, что происходило в зрительном зале.

— Тайм-аут, — сказал Безымянный. — Сделаем небольшой перерыв. Ты не возражаешь?

Не успел Аззи ответить, как арена цирка исчезла и они с Безымянным оказались в просторной гостиной, обставленной в стиле девятнадцатого века.

Глава 3

— Теперь, надеюсь, ты убедился, что твои сверхъестественные способности демона — сущие пустяки по сравнению с моим всемогуществом. Признайся, ты ведь был практически беспомощен передо мной там, на арене цирка. Ничего постыдного в этом нет. Я — новая парадигма. Никто не может устоять передо мной. Никто и ничто. Я — предвестник наступающей эры.

— Так убей меня, и дело с концом! — воскликнул Аззи, теряя терпение.

— Нет, я придумал кое-что получше. Я сохраню тебе жизнь. Я возьму тебя в новый мир, который я намерен создать.

— Зачем я нужен тебе в твоем новом мире?

— Ты будешь развлекать меня. Я буду с тобой предельно откровенен. Видишь ли, мне только что пришла в голову одна мысль. Когда я разрушу эту Вселенную до самого основания и создам другую, я тем самым обреку себя на вечное одиночество. В новом мире мне не с кем будет даже просто поговорить по душам. Вокруг меня не будет никого, кто не являлся бы отражением моего собственного «я». Не останется ни одного живого существа, которое не было бы сотворено мною по моему собственному образу и подобию. Теперь я понимаю, почему ваш Бог покинул вас — Он попросту устал от одиночества. Ведь Он был страшно одинок. Рядом не было ни единой живой души из тех, что жили вместе с ним еще до сотворения мира. Оглядываясь вокруг себя, Он видел только свои собственные творения. Но я не намерен повторять Его ошибки. Я подарю тебе жизнь, и ты будешь жить со мной в новом мире, чтобы мне было с кем побеседовать.

Аззи заколебался на мгновение. Да, предложение Безымянного было заманчивым. Но...

— Чего же ты ждешь? — снова заговорил Безымянный. —

Мне достаточно пальцем шевельнуть, чтобы стереть тебя с лица земли, но вместо этого я предлагаю тебе перейти на мою сторону. Ты, один только ты уцелеешь после того, как от старого мира не останется даже тени. Мы не оставим никого и ничего — ни богов, ни демонов, ни смертных, ни Судьбы, ни даже самой Природы. Вместо них мы придумаем куда более яркие образы. Ты даже можешь помогать мне в разработке плана. Ты только подумай, какая это великая честь — участвовать в проекте сотворения мира. Ты станешь, так сказать, одним из его отцов-основателей. Ну, скажи честно, предлагал ли тебе кто-нибудь более заманчивую перспективу?

— Но остальные...

— Остальных я уничтожу. Они должны умереть! И не пытайся меня отговорить!

— Есть один мальчик, его зовут Квентин...

— Его образ останется в твоей памяти.

— И еще одна ведьма, ее зовут Илит...

— Ты все еще хранишь ее локон?

— Оставь в живых хотя бы этих двух! Остальных можешь забирать, но этих пощади!

— Конечно, я могу оставить ее в живых. Я могу все, чего захочу. Но я не сделаю этого. Она умрет, и мальчик с нею. И все остальные тоже умрут. Только ты, Аззи, останешься жить. Это своего рода проклятие, бремя которого тебе придется нести.

Аззи долго смотрел на Безымянного, прежде чем дать окончательный ответ. У него было такое ощущение, что новый мир, в который его так настойчиво звал с собой Безымянный, вряд ли будет сильно отличаться от старого. Впрочем, какое ему, Аззи, до этого дело — ему этот мир уже не увидеть. Пришло время последней, решающей битвы, в которой ему предстояло погибнуть.

— Нет, покорнейше благодарю, — негромко сказал он.

Глава 4

Аззи снова стоял на арене цирка. Танк, сверкающий хромом и анодированным алюминием, надвигался на него — тяжелая, добела раскаленная громада. Аззи отпрыгнул в сторону. Танк начал разворачиваться тяжелыми гусеницами, но его колеса забуксовали в песке. На этот раз Безымянный явно просчитался.

Тогда танк навел на Аззи пушку, и пушка выстрелила. Из жерла вылетел белый пластиковый шар, упал на песок и раскололся. Из него вылетели мушки и вылезли мышки. Мышки

дружно начали рыть ямку, похожую на яму для барбекю. Аззи оставалось только молча удивляться. Он не знал, что на этот раз задумал Безымянный — если, конечно, он вообще что-то задумал.

Пушка снова выстрелила — на этот раз черными значками, которые музыканты пишут на нотных линейках. Аззи слышал, как Безымянный пробормотал себе под нос:

— Я же сказал «канонада», а не «канон»!

Похоже, Безымянный попросту никак не мог обуздать свое разыгравшееся воображение. Пушка выстрелила в третий раз — на песок упали разноцветные крупные капли и превратились в шипящую, пузырящуюся пену.

Танк выехал на середину арены. Теперь уже он двигался не так уверенно, как раньше. Похоже, он начинал осознавать, что, хоть Аззи и слабый противник, одолеть его будет не так просто: ведь злейший враг Безымянного — он сам. Тем временем Аззи поднял с земли булыжник и приготовился швырнуть в Безымянного.

И тут из-за спины Безымянного — то есть, попросту говоря, из-за танка — выступила призрачная рать, сплошь состоявшая из знаменитостей прошлого, стяжавших печальную славу и окончивших свою жизнь на плахе, под топором палача. Среди них были пират Черная Борода, Анна Болейн, леди Джейн Грей, Всадник без головы, Иоанн Креститель, Людовик XVI, Мария-Антуанетта, Мария Стюарт, Медуза Горгона, сэр Томас Мор и Максимилиан де Робеспьер. Все они держали свои отрубленные головы на сгибе левой руки, у локтя, и выступали ровной шеренгой, четко чеканя шаг, как подобает исправным, хорошо вымуштрованным солдатам. В правой руке у каждого было копье с серебряным наконечником — очевидно, Безымянный где-то прочел, что слуги ада не любят серебра и убить адского духа можно только серебряным оружием.

Против этой шеренги Аззи выставил своих людей. Те явились, грозно бряцая оружием, но удержать их долго Аззи не мог, и вскоре призраки бесследно растаяли в воздухе: ведь основным условием поединка было то, что Аззи должен сражаться в одиночку.

Тогда Безымянный раскрыл огромную пасть, забитую булыжниками и грязью, и, угрожающе нависнув над Аззи, принялся кусать и щипать его.

— Ты с ума сошел! — завопил Аззи. — Перестань сейчас же, я боюсь щекотки!

— Не перестану, — ответил Безымянный. — Почему ты не умираешь?

— Ты жалкая тварь! — крикнул Аззи.

— Послушай, ну неужели нам непременно нужно продолжать этот бой? Может, ты просто умрешь — и дело с концом?

— Ну уж нет! — пробормотал Аззи сквозь зубы.

Глава 5

Аззи обвел взглядом зрительские ряды. Двенадцать богов-олимпийцев, предводительствуемые Зевсом, сидели на мраморных скамейках рядом с Гавриилом, Михаилом и Илит. Аззи заметил среди зрителей новые лица: Прекрасного принца и принцессу Скарлет, Иоганна Фауста и Маргариту. И вот все они поднялись со своих мест и вышли на арену.

— Это нечестно! — завопил Безымянный. — Тебе не разрешается звать на помощь друзей!

— Я никого не звал, — ответил Аззи. — Они явились по собственной воле.

— Но у меня не было времени создать себе друзей и союзников!

— Что ж, — заметила Илит, — в этом виноват ты сам. Ты предпочел одиночество.

— А теперь уже поздно их создавать, — сказал Михаил. Архангел выступил на арену во всем своем блеске, а за спиной его виднелись плотно сомкнутые ряды Небесной Рати. — Полагаю, все присутствующие здесь согласны с тем, что ты, Безымянный, не годишься на роль верховного божества. Теперь мы все объединились и намерены сообща выступить против тебя.

И тут зазвучала боевая песнь — сильный мужской голос выводил простой и строгий мотив. Это был Аретино. Вскоре напев подхватили остальные — Квентин и Киска, Корнглоу и Леонора, сэр Оливер и мать Иоанна, синьор Родриго и синьора Крессильда. Они обступили сражающихся плотным кольцом и подбадривали Аззи. Как это глупо, подумал демон, ведь единственное, что он может сделать, — это тянуть время, отдаляя неотвратимый момент своей гибели. Он, Аззи, бессилен перед этим кошмарным существом, вырвавшимся на свет из глубин мрака.

— Не умирай! — крикнула ему Илит. — Если ты уцелеешь, то и Ананке выстоит. У тебя хватило мужества доиграть свою пьесу. Так сражайся же до конца!

Глава 6

— Хорошо, тогда — борьба. Греко-римская, — прорычал Безымянный, принимая облик, сходный с человеческим. — До смерти.

Он схватил Аззи и начал его душить.

— Ты не убьешь его! — крикнул Квентин.

— Это почему же?

— Потому что он мой друг!

— Молодой человек, вы, кажется, не понимаете, насколько слаба ваша позиция. Я — Пожиратель Душ, мой дружочек. И вашей сладкой и весьма аппетитной душой я намерен закусить после того, как разделаюсь с этим глупым демоном.

— Нет! — И Квентин ударил Безымянного по голове раскрытой пятерней. Безымянный откатился назад на своих колесах, заменявших ему ноги, и оскалил зубы. Тут к нему подскочила Киска и нанесла Сверхбожеству удар в живот. Безымянный повалился на окровавленный песок. Сквозь кольцо зрителей, окруживших место сражения, пробился сэр Оливер с длинным копьем в руках. С помощью матери Иоанны он поразил Безымянного прямо в глаз.

— Ох, такого я не ожидал, — вздохнул Безымянный, когда копье прошло сквозь его голову. И с этими словами он умер.

Когда бой кончился, на арене цирка появилась Ананке. Она приветливо улыбалась.

— Молодцы, ребятушки! — сказала она. — Я знала наперед, что в трудную минуту вы объединитесь!

— Так вот зачем ты все это затеяла! — догадался Аззи.

— По многим причинам, друг мой. Но перечислять их все было бы слишком утомительно. Всегда найдется множество причин для объяснения чего угодно, и у этих причин, в свою очередь, тоже будут какие-то причины. Но стоит ли забивать себе голову этими пустяками? Ведь самое главное, что все вы живы.

И, взявшись за руки, все они начали кружиться в огромном хороводе, плавно поднимаясь в воздух. Кружась все быстрее и быстрее, они летели над Землей — все, кроме...

Глава 7

Аретино проснулся и сел на постели. Солнце ярко светило над городом; заглянуло оно и в комнату поэта. У изголовья кровати лежала рукопись: «Легенда о золотых подсвечниках».

Поэт вспомнил, что ночью ему приснился чудесный сон. Таково было одно из объяснений.

Другое объяснение — Аззи все-таки удалось сохранить Венецию в Лимбе.

Аретино выглянул в окно. По улице шли люди, и среди них — Корнглоу и Леонора.

— Что происходит? — крикнул Аретино.

Корнглоу поднял голову и, заметив поэта, прокричал в ответ:

— Спасайся, Аретино! Говорят, монголы с минуты на минуту войдут в город!

Значит, Венеция обречена. Что ж, тогда все в порядке. Теперь оставалось найти какой-нибудь тихий уголок и продолжить работу над пьесой.

Аретино проснулся и сел на постели. Утро было чудесное, в раскрытое окно заглядывало солнце. Глядя на пятно солнечного света, лежавшее на полу возле кровати, Аретино вспомнил, какой странный сон приснился ему нынче ночью. Будто к нему явился демон и заказал пьесу о семи золотых подсвечниках. И еще будто бы из-за этой пьесы целый город должен был погибнуть. Но Ананке, решив спасти Венецию, вырезала из истории всего человечества тот промежуток времени, где демон разыгрывал свою пьесу, и отослала гибнущий город в Лимб. И вот теперь Аретино проснулся в реальном мире, в мире, где все шло своим чередом, как будто никто и не играл безнравственную пьесу.

Аретино поднялся с постели и выглянул в окно. Там начинался самый обычный день — такой же, как вчера. Интересно, что стало с другой Венецией — той, которая осталась в Лимбе, подумал Аретино.

Глава 8

Фат встревожился, когда ему сказали, что в Лимб скоро будет перенесен новый город с Земли. Однако тревожился он отнюдь не потому, что в Лимбе было мало места; Лимб — огромное пространство, в котором сосуществуют многие временные параллели. Там собраны города и страны, погибшие много веков назад, и даже земли, которых никогда не было на карте. Здесь вы можете посетить и Сад Гесперид, и двор короля Артура в Камелоте, и затонувший город Ис. И вот теперь рядом с этими землями появится Венеция, Венеция гибнущая. Фат решил прогуляться по ее улицам. Он шел, любуясь трагической красотой сцен и живостью красок. Смерть уже вошла в город. Видя гибнущих

людей, Фат хотел хоть чем-то утешить их. Он знал, что завтра все начнется здесь заново, и будет еще одно такое же утро, утро дня накануне гибели великого города, а за ним — еще одно, и так будет повторяться снова и снова до конца времен. Фат хотел крикнуть людям: «Не бойтесь! Завтра будет новое утро! Вы все воскреснете!», но понял, что не может этого сделать. Люди попросту не стали бы его слушать. Охваченные страхом, они доживали свои последние часы в обреченном городе. И Фат знал, что страх этот не пройдет ни завтра, ни послезавтра, ни через много-много дней.

Фат увидел влюбленных Корнглоу и Леонору. Казалось, эти двое не замечают ничего в целом свете, кроме друг друга. Они наслаждались каждым мгновением бытия. Идите и научите остальных жить так, как вы живете, сказал им Фат, но те только рассмеялись в ответ. Жить и любить — это так просто, ответила Леонора, что этому невозможно научить.

Фат вернулся в свой замок и задумался над вечными проблемами.

Глава 9

В Венеции — той, что осталась в Лимбе, — Корнглоу и Леонора вспоминали об Аретино.

— Интересно, напишет ли он свою пьесу?

— Скорее всего напишет. Но не о той Венеции, которая осталась в реальном мире, а о Венеции гибнущей, о городе, который ожидает странная участь — погибать и вновь воскресать на следующее утро. Ты боишься смерти, дорогая?

— Ну, может быть, только чуть-чуть. Но завтра утром мы все будем живы, ведь правда?

— Да, конечно. Я верю в это. Но смерть есть смерть, когда бы она ни пришла.

— А мы непременно должны умереть сегодня?

— Сегодня вся Венеция погибнет.

И вот за окном раздается цокот копыт. Всадники на улицах! Монголы!

Корнглоу храбро сражается, но врагов слишком много. Они окружают его. и вот уже он падает на землю, пронзенный копьем. Монголы хотят схватить Леонору, но дочь эльфов очень проворна. Даже монгольским всадникам ее не догнать. Она бежит по улице и бросается в темную воду — и вот она уже плывет прочь от города. Волны вздымаются высоко, и ей трудно бороть-

ся с ними. Она оглядывается назад и видит город, охваченный огнем, видит, как рушатся каменные стены. Огромная волна накрывает ее с головой, и она погружается в морскую пучину. Да, умирать действительно нелегко, особенно в первый раз!

Глава 10

Аззи почувствовал, как огромная рука крепко схватила его. Дальше были только мрак и тишина.

Очнувшись, он почувствовал, как чья-то прохладная ладонь легла на его лоб. Он открыл глаза.

— Илит! Что ты здесь делаешь? Я не знал, что ведьмы и демоны могут воскреснуть, умерев однажды.

— Но ты не умер. Мы оба живы — ты и я.

Аззи огляделся вокруг. Комната, в которой он лежал, смутно напоминала ему одно место... Да, это был трактир «На полпути», так сказать, нейтральная территория, где силы света и тьмы встречаются иногда запросто, чтобы посидеть за кружкой пива и поговорить по душам.

— А что стало со Вселенной?

— Благодаря тебе Ананке удалось спасти мир. Мы все у тебя в долгу, Аззи, хотя, боюсь, ты еще выслушаешь немало упреков и со стороны света, и со стороны тьмы. Ходят слухи, что даже Совет Неправедных собирается объявить тебе строгий выговор за постановку безнравственной пьесы. Но я с тобой, Аззи, и боюсь, что теперь уже навсегда.

Он пожал ее тонкую руку:

— Мы с тобой похожи, дочь тьмы, — сказал он.

Наградой ему был долгий нежный взгляд и тихий шепот:

— Да, похожи...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИНЕСИ МНЕ ГОЛОВУ ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА
Перевод А. К. Андреева 5
КОЛЬ С ФАУСТОМ ТЕБЕ НЕ ПОВЕЗЛО
Перевод Н. Б. Шварцман 223
ТЕАТР ОДНОГО ДЕМОНА
Перевод Н. Б. Шварцман 541